

S. V. Maksimov

5113

ГОДЪ

НА

СЪВЕРЪ

С. МАКСИМОВА.

9577
76684
- 2072

Третье дополненное
издание.

1871

9647
2072

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Траншея, на углу Невскаго и Владимірской, д. № 45 — 1.

1871.

DK 501
. M3
1871

1871
M3
DK 501

DK 501
M3
1871

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I.

БЕРЕГА: ЗИМНИЙ И МЕЗЕНСКОЙ.

Общій физическій видъ этихъ береговъ.— Городъ Мезень и его исторія.— Первые впечатлѣнія города.— Бесѣды съ туземцами объ обычаяхъ домашней и общественной жизни.— Гаврило Васильичъ.— Моя поездка въ село Долгощелье и въ деревушку Сѣмжу.— Бѣдовые олени.— Подробности промысловъ за морскими звѣрями.— Крупная порода тюленей; способы ихъ ловли.— Промыселъ выволочной.— Примѣты.— Морская цыга.— Уродливость тюленьяго рода 1

II.

БЕРЕГЪ КАНИНСКОЙ.

Физическій видъ его.— Морской звѣрь этого берега: заяцъ, тевиакъ, нерпа.— Способы ихъ ловли: стрѣльня.— Подробности этого рода промысла, по разсказамъ туземцовъ.— Островъ Моржовецъ 25

III.

БЕРЕГА: ЛѢТНИЙ И ОНЕЖСКИЙ.

Прощанье съ Архангельскомъ и выѣздъ оттуда.— Первые впечатлѣнія моря.— Посадъ Ненокса; соляныя варницы; балморская соль и способы ея добыванія.— Уна и Унскіе-Рога съ Пертоминскимъ монастыремъ и преданіями о Петрѣ Великомъ.— Селенія по Лѣтнему и Онежскому берегамъ.— Ловъ мелкой морской рыбы.— Островъ Жожгинъ.— Бѣлуха и промыселъ этого звѣря, по наблюденіямъ и разсказамъ.— Салотопенные заводы и способы выварки звѣринаго сала.— Городъ Онега; его исторія и первые мои впечатлѣнія, по пріѣздѣ туда. Суда романовки.— Крестной монастырь и Кій-островъ. 35

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I.

ПОВЪДКА НА ПЕЧОРУ.

1. ТАЙБОЛА.

Первыя впечатлѣнія пути.—Кушни и кушники.— Волки.— Медвѣди. . . . . }
 Комары 285

2. УСТЬ-ЦЫЛМА.

Исторія заселенія этого мѣста.—Мой хозяинъ и раскольники. Разказы
 о ловлѣ семги.— Суда-каюки.— Быть усть-цылемовъ.— Свадьбы.—
 Раскольницы. 394

3. ПУСТОЗЕРСКЪ.

Первыя впечатлѣнія пути.— Преданія объ историческихъ сосланныхъ: Ав-
 вакумъ, А. С. Матвѣевъ, В. В. Голицынъ, князь Щербатовъ.—
 Отводная квартира.— Дома пустозеровъ.— Нѣпогоди.— Разказы о
 Новой-Землѣ.— Занятія жителей.— Самоѣды. 415

4. НОВОЗЕМЛЕЛЬСКІЕ МОРЖОВЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

(Разказы стариковъ).

Негостепримство Новой-Земли.— Промышленники, заимовавшіе тамъ.—
 Моя повѣдка къ океану.— Сѣверное сіяніе.— Историческій очеркъ
 посѣщеній Новой-Земли.— Подробности промысла моржей (рав-
 бойнаго) 436

5. СЕЛО ИЖМА.

Общій видъ селенія и характеръ зырянъ, по личнымъ наблюденіямъ.
 Разные способы ловли мелкой рыбы.— Быть зырянъ, домашній и
 общественный 468

6. ТУНДРА.

Физическій видъ ея и нравственное значеніе по отношенію къ про-
 мысламъ.— Горностаи.— Куница.— Песцы.— Зайцы.— Орудія ловли
 лѣснаго звѣря.— Дикіе олени и олени домашніе 480

7. Самоѣды. 493

8. Островъ Болгуевъ.

Слухи объ немъ.—Настоящее его значеніе и физическій видъ.—Промыслы птицъ: гусей, гадаръ, утокъ.—Исторія заселенія острова.—Самобдскія семьи на Колгуевъ.—Шницбергенъ.—Грумаландская пѣсня . . . 516

9 Брестыная Книга 534

II.

ПОВѢДКА ПО РѢКѢ МЕЗЕНЬ

Подробности пути. — Преданіе о разбойникахъ. — Преданія о Чуди. . . 551

III.

ПОВѢДКА ПО РѢКѢ ПИНЕГѢ.

Городъ Пинега.—Красногорской монастырь. — Преданія о князѣ В. В. Голыцинѣ. Веркольской монастырь Икота. Дѣло о порчѣ, сохранившееся въ уздномъ судѣ. — Пути для лѣсной птицы. . . . 582

IV.

ПОВѢДКА ПО РѢКѢ ДВИНѢ

1. Двинскія устья и окрестныя съ Архангельскомъ селенія.

Никольской Корельской монастырь. — Новодвинская крѣпость. — Соломбага. 599

2. Архангельскъ.

Его исторія и настоящій характеръ города, по личнымъ наблюденіямъ 618

3. Холмогоры съ окрестностями.

Исторія города. — Посвященіе Петра-Великаго. — Исторія заточенія браунштейнскаго семейства. — Преданія о Ломоносовѣ и мѣсто его родины. — Село Вавчуга. — Башенныя и преданія о Петрѣ I. — Путь на Холмогоры. — Развалины крѣпости Орлеца. — Упраздненные монастыри 638

4. Сійской монастырь.

Исторія основанія. — Преподобный Антоній. — Преданія и исторія заключенія Филарета Никитича. — Обратный путь изъ Архангельской губерніи въ С. Петербургъ 676

ГОДЪ НА СЪВЕРЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БЪЛОЕ МОРЕ И ЕГО ПРИБРЕЖЬЯ.

ВЪЛОЕ МОРЕ И ЕГО ПРИБРЕЖЬЯ.

I.

БЕРЕГА: ЗИМНИЙ И МЕЗЕНСКОЙ.

Общій физическій видъ этихъ береговъ. — Городъ Мезень и его исторія. — Первые впечатлѣнія города. — Бесѣды съ туземцами объ обычаяхъ домашней и общественной жизни. — Гаврило Васильичъ — Моя поѣздка въ село Долгощелье и въ деревушку Сѣмжу. — Ѳздовые олени. — Подробности промысловъ за морскими звѣрями. — Крупная порода тюленей; способы ихъ ловли. — Промыселъ выволочной. — Примѣты. — Морская цынга. — Уроdlивость тюленьяго рода.

Сѣверо-восточный берегъ Двинскаго залива и юго-восточный берегъ Горла до устья Мезенскаго залива Бѣлаго моря издавна носятъ названіе Зимняго берега и по картамъ, и на языкѣ туземцовъ. Не имѣи ни одной значительной величины губы, «берегъ этотъ (по словамъ автора «Гидрографическаго описанія сѣвернаго берега Россіи», г. Рейнеке, песчано-землистый съ небольшими глинистыми прикрутостями, сажень до десяти высотой, имѣющими низменную подошву: *залескъ* или *забережье*; отлогой берегъ около краевъ покрытъ песчаными холмами. Примѣчательнѣйшая изъ прикрутостей находится при сѣверномъ краѣ Двинскаго залива, на заворотѣ Зимняго берега, и называется *Зимними горами* *) Этотъ утесъ, до 40 или 50 сажень

*) Въ нихъ обыватели деревни Мудюги выламываютъ плиты (до 4 футовъ въ діаметрѣ и 1 ф. толщиною) точильнаго камня. Плиты эти продаются въ Архангельскѣ по 1½ руб. сер. за камень.

высоту, состоитъ изъ зеленоватой глины и мѣстами прорѣзанъ горизонтальными слоями песчаника. Надъ нимъ пологія горы, до 20 сажень высоту, разрѣзаны нѣсколькими оврагами. Въ прочихъ мѣстахъ отъ устья Двины до Мезенскаго залива хребетъ прибрежныхъ горъ не выше 30 сажень; онъ покрытъ разнаго рода лѣсомъ, который къ сѣверу постепенно рѣдѣетъ и около рѣки Майды переходитъ въ кустарникъ.

Несмотря на грозное прозваніе горъ растительность ихъ напоминаетъ о югѣ: природа какъ бы истощаетъ послѣднія силы для того, чтобы оживить страну и показать свое могущество. Если море здѣсь не такъ богато и даетъ напр. только двустворчатыя раковины, въ которыхъ продаются сухія краски, и только эти раковины,—за то на юго-западныхъ покатостяхъ горъ красуются роскошные піоны вышиною въ четыре фута, акониты (борцы) представляются на этихъ скатахъ въ густой зелени, съ листьями въ полтора фута въ діаметрѣ. Но это прощальный взглядъ природы, послѣдняя улыбка ея: передъ смертью она еще пестритъ голову свою на покатости горъ красивыми цвѣтами дикой розы и нѣжными голубыми гроздьями болдырьяна. Но еще шагъ на сѣверъ, — и все мертво и безцвѣтно. Къ берегу моря низкіе лѣса смѣняютъ эти полулюбныя растенія. Море выбросило на берегъ только то, что оно долго носило по волнамъ своимъ: истертое, измятое и видоизмѣненное совершенно. Даже можжевелникъ, который растетъ на сухой и неплодной почвѣ, имѣетъ здѣсь желто-зеленой, болѣзненный видъ. Ширина березки втрое превосходитъ высоту.

Жители этого берега—потомки первыхъ поселенцевъ сѣверныхъ мѣстъ Россіи, новгородцовъ — издавна пріобрѣтаютъ средства къ своему существованію преимущественно въ промыслѣ морскаго звѣря. Средоточіемъ этихъ промысловъ можно считать побережья Мезенскаго залива, и именно городъ Мезень и сосѣднія съ нимъ селенія, въ особенности село Долгощелье и деревню Сѣмжу. Такъ говорятъ факты; къ тому же приводятъ и результаты личныхъ внимательныхъ наблюденій. Обращаюсь къ послѣднимъ.

Бородокъ Мезень нашолъ я, въ срединѣ ноября мѣсяца 1856 года, уже закиданномъ глубокими снѣгами, давшими мнѣ возможность, при крѣпкихъ, постоянныхъ морозахъ, проѣхать по тундрѣ изъ Пинеги на Кулой прямо, не дѣлая огромнаго крюка

по такъ называемой Нижней Тайболѣ. Хуже плохого села нашихъ великорусскихъ губерній глядѣлъ этотъ дальный городокъ, случайно превратившійся изъ бѣдной слободы Окладниковой въ уѣздный городъ Архангельской губерніи. До сихъ еще поръ, правда, городъ этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Слободы Большой (въ отличіе отъ Малой Слободы — печорской Усть-Цыльмы); до сихъ еще поръ великъ тотъ пустырь, незастроенный домами, который отдѣляетъ ближайшую къ Окладниковой слободу Кузнецову, долженствующую входить въ черту города Мезени, названнаго такъ по рѣкѣ, протекающей возлѣ; до сихъ еще поръ свѣжо въ народѣ историческое преданіе о первоначальномъ заселеніи мѣста, занимаемаго теперь городомъ. Два новгородца—Окладниковъ и Филатовъ—явились первыми къ устью рѣки Мезени и первыми положили здѣсь начало заселеніямъ: одинъ тамъ, гдѣ теперь городъ Мезень, другой выселился ближе къ морю, туда, гдѣ теперь раскинулась деревушка Сѣмжа. Оба новгородца явились съ семьями и съ доброю волею противостоятъ негостепріимному климату и всевозможнымъ лишеніямъ и—оба устояли. И тотъ, и другой заручились грамотами Грознаго Царя и правами «вопити на великаго государя слободы и съ песковъ и рыбныхъ ловищъ и съ сокольныхъ и кречатыхъ садбищъ давати съ году на годъ великому князю оброки». Окладниковъ явился на новое мѣсто своего жителства съ пятью сыновьями и съ иконою Нерукотвореннаго Спаса. Икона эта долгое время переходила отъ одного лица къ другому, пока не сбереглась въ рукахъ какого-то безвѣстнаго отшельника, жившаго въ пустынькѣ на морскомъ берегу при устьѣ рѣки Хорговки, и пока не была перенесена отсюда (въ 1663 году) въ Спасскую церковь Кузнецовой слободки. Копились между тѣмъ годы и десятии лѣтъ на столѣтія, копились и объ слободки на государей, вблизи *Студенаго моря окіяна*. При царѣ Михаилѣ въ Окладникову слободу наѣзжалъ уже кеврольской воевода, для сбора подати съ туземцовъ и ясака съ самоѣдовъ. Самоѣды въ опредѣленное время приходили сюда и издавна уже имѣли по близости (въ 20 верстахъ, по дорогѣ въ Канинскую тундру, на мѣстѣ, носящемъ названіе Кузьмина переѣска) главное свое молебнище. Въ немъ, въ 1825 году, сожжено было миссіонерами болѣе ста идоловъ и разрушено обширное требище. Въ 1703 году строилась въ слободѣ церковь

Богоявленія; въ 1718—другая церковь, Рождества Богородицы; вскорѣ затѣмъ поставлены были въ разныхъ мѣстахъ девять крестовъ (свято хранимыхъ въ настоящее время) въ память объ жестокой зимѣ, стоявшей до 24 мая, когда едва не вымерзло все живущее въ городѣ. Въ 1736 году привезена была въ Окладникову слободу, отдѣльная отъ кеврольской, воеводская канцелярія капитаномъ Степаномъ Нѣмецкимъ; въ 1780 году объ слободы (Кузнецова и Окладникова) по рѣкѣ названы городомъ Мезенью и получили въ гербъ красную лисицу въ серебряномъ полѣ; а въ 1808 году жители вновь-нарѣчоннаго города потерпѣли новое бѣдствіе отъ сильнаго разлитія рѣки и разбрелись бы по сосѣднимъ селеніямъ, если бы правительство не выдало имъ пособія въ 10,000 руб. асс. Бѣглыми изъ Сибири и остроговъ, преступниками и московскими и другими раскольниками населились ближайшіе къ Мезени лѣса и селенія, и стоитъ теперь уѣздной городъ Мезень, обложившись множествомъ большихъ и малыхъ деревень и неудобною къ обитанію тундрю, со своимъ уѣздомъ, больше котораго по пространству и меньше по населенности нѣтъ уже на всемъ громадномъ протяженіи Великой Россіи.

Вотъ, такимъ образомъ, все бѣдное событіями прошедшее города Мезени, который мрачно глядитъ теперь своими полуразрушенными домами, своими полусгнившими, непочиненными церквями. Ряды домовъ, брошенныхъ безъ всякой симметріи и порядка, наводятъ тоску; всѣ почти дома пошатнулись на сторону и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже надломились по серединѣ и покосились въ противоположныя стороны; сѣзды, выходящія, по обыкновенію всѣхъ русскихъ деревень, на улицу, здѣсь обломились и погнили; ворота, которыя давно когда-то, можетъ быть, выпускали на эти сѣзды бойкую лошадку изъ (уничтожившейся уже въ настоящее время) породы мезенокъ, какъ-то глупо, безцѣльно торчатъ высоко подъ крышей и наглухо заколочены; навѣсы надъ длинными задворьями обломились, и самыя стѣны этихъ дворовъ рухнули, сгнили, а можетъ быть, и истреблены въ топливъ. Мостки подлѣ домовъ также погнули и, не поправленные, провалились; мосты по улицамъ тоже не менѣе тоскливаго вида и безцѣльнаго существованія. Банями глядятъ дома бѣдняковъ, остатками мамаева разгрома—юма болѣе достаточныхъ; но—три кабака новенькихъ; но каз-

начейство, на этотъ разъ, выстроенное за городомъ, непременно каменное, и два-три дома, вѣроятно, туземныхъ монополистовъ, съ расписанными ставнями, съ тесовой обшивкой, съ длиннымъ и крытымъ дворомъ позади. По улицамъ бродятъ съ саночками самоѣдки, съ дѣтьми въ рваныхъ малицахъ, вышедшія отъ крайней скудости *на пѣдому*; изъ туземцовъ не видать ни души: можетъ быть, холодъ, закрутившій 28 градусами, тому причиной; можетъ быть, нѣтъ никого дома и всѣ на промыслахъ...

Но говорунья старушка-хозяйка, явившаяся въ дырявомъ крашенинномъ сарафанѣ и доставшая мнѣ самоваръ у сосѣдей, говорить, что промысламъ теперь быть не время: еще-де Никола не пришло.

— Гдѣ же большаки ваши, мѣщане мезенскіе?

— Да вишь у насъ теперь ярмарка...

— Гдѣ же она? не видать ни народу, не слышать ни шуму, ни крику. Это что-ли, бабушка, торговцы-то?

Въ окно видны бѣгущіе по улицѣ цѣлые-аргиши: множество оленьихъ санокъ, одиѣ за другими, нагруженныя обледѣлыми бочками.

— Это пустозера, отвѣчаетъ хозяйка: — на Никольску на Волокъ (въ Пинегу) ладятся... съ рыбой и со всячиной. Эти у насъ и воровъ не развязываютъ.

— Гдѣ же ваша-то ярмарка?

— А нашей не видать: по домамъ торгуютъ; коѣ свои же, кто съ достаткомъ, коѣ съ Волова наѣзжаютъ. Человѣкъ съ пятокъ есть-ли полно всѣхъ-то торговыхъ?

— А народъ-отъ гдѣ, бабушка? никого не видать.

— Повремени: можетъ, кто и пройдетъ.

— Нѣтъ, бабушка, скученъ вашъ городъ, бѣденъ...

— Да ужъ и захотѣлъ ты отъ нашей слободы!

— Хуже, хозяйюшка, я и городовъ не видывалъ, а проѣхалъ на вѣку своемъ больше сотни.

— Задвѣнная сторона наша, задвѣнная, желанной! Къ морю сѣли близко, хлѣбушко не родится; что въ морѣ упромыслимъ, то и наше: времена-то вишь нонѣ крѣпко-тугія. Эдакихъ, кажись, никогда не бывало.

— Отчего же такъ, бабушка?

— Да вишь аглечькой въ лѣтошной годъ приходилъ—бало-валъ шибко; много онъ на насъ напустилъ напастей всякихъ...

— А вѣдь онъ къ Мезени вашей не подходилъ...

— Не подходитъ-то не подходилъ: это слово твое вѣрно. Въ губѣ вишь онъ стоялъ: рѣка знать его наша не подпустила. Мелководна вѣдь она у насъ, протди-то ему знать не подсилу было. А все же таки, родимой мой...

Старуха замолчала и подперлась локоткомъ.

— Чего, бабушка?—подстрекнулъ я.

— Не пускалъ онъ, родимой, въ море-то не пускалъ: про-мысла-то и затянулись, да года на два промысла-то наши за-тянулись! Стоитъ онъ—рогонъ ему вострой!—а прибыли намъ оттого никакой нѣту: ну и исхудали, измаялись временемъ тѣмъ.

— Чѣмъ же жили-то вы, бабушка, во все это время, пи-тались чѣмъ?

— Да сѣмущу въ рѣкѣ ловили, навагу опять, тѣмъ и пи-тались. Рыбинка-то аглечькова тоже не слушалась; ее-то ему не пропустить нельзя было. Противъ божьяго соизволенія не пойдешь. Рыбинку-то онъ и пропустилъ къ намъ, *стрѣльбе* бы ему въ бока его басурманскіе!—право, окаянному!..

— Не хочешь ли вотъ лучше чайку, бабушка? что бранить-ся-то: прошлаго вѣдь—сказано—не воротись.

— Правда твоя, батюшко, правда! А на чайку на твоємъ благодарствую.

— Что же такъ, хозяйюшка?

— Да я вѣдь изъ мірскихъ-то чашекъ не пью. Велишь, по свою сбѣгаю внизъ?

— Сдѣлай милость. Посидимъ—потолкуемъ!

И эта хозяйка, какъ и много другихъ на лѣтнемъ пути мо-емъ, оказалась чашницей.

— Не пью я съ мірскими-то, говорила она мнѣ, вернув-шись. Не пью по родительскому по завѣту, какъ вотъ себя ни помню. Такъ и малолѣткой учили. Я вѣдь и все остальное — правдой тебѣ говорить надо—по старинѣ правлю.

— Что же еще-то такое ты по старинѣ правишь?

— А вотъ старымъ крестомъ крещусь... экимъ.

И старуха сложила на перстахъ аввакумовскій, дониконов-скій крестъ.

— Ну, а еще-то что же, бабушка?

— А еще-то?—да что тебѣ еще-то? Ну, по старымъ книгамъ молитвы творю, по утрамъ и по вечерамъ стѣ по три началъ-гладу...

— Ну, а дальше?

— Чего тебѣ еще дальше-то? все тутъ! Дальше тебѣ и скзывать нечего — по старой вѣрѣ, на старомъ крестѣ живу — вотъ тебѣ и все тутъ! Только мы живемъ-то ужъ очень нужно: наготы да босоты изувѣшены шесты...

— Агличкой-то насъ ужъ очень обидѣлъ: старуха тебѣ правду сказываетъ! — перебила ее явившійся къ нашему чаю хозяинъ, съ поразительно болѣзненнымъ лицомъ, худой и словно убитый тяжелымъ горемъ.

— Отчего ты такой блѣдный, хозяинъ?

— А все не могу: икота долить.

— И у васъ она водится, какъ и въ Пинегѣ?

— Въ какомъ мѣстѣ злаго чловѣка нѣту? самъ разсуди! Наговить онъ тебѣ по злости скорбь какую, и вѣдайся съ ней, и долить она теби, мучаетъ. Вотъ подойдетъ и у меня къ сердечушку-то и начнетъ глотать его, что и свѣтъ-отъ въ очахъ помутится...

— Ругаешься на ту пору самыми такими неладными словами, что въ явѣ-то и на умъ не взойдетъ, перебила хозяйка. Начнешь ты: охъ-охъ! да ой-ой! и всякими такими звѣриными голосами заговорить въ тебѣ нечистой. Отъ него вѣдь это сердечушко-то больно-надрывно! За душу-то, одначе, не трогаетъ, не смѣетъ—стало...

— У меня такъ и за душу беретъ, беретъ окаянной!—перебила рѣчь старухи, въ свою очередь, хозяинъ.

— У тебя вѣдь съ вѣтру, сынокъ! это ты не сумлѣвайся: я ужъ тебѣ давно это сказывала.

— Да вотъ такъ и гляди по вѣтру! а по мнѣ, по слѣду, по слѣду оно и есть, отвѣтилъ хозяинъ на замѣчаніе матери.

Но эта не слушала его и продолжала свое:

— У иныхъ такъ, слышь, и на чловѣка-то на того по молитвѣ указываетъ, который порчу-то напустилъ по наукѣ, али по злобѣ. По имени и чловѣка того называетъ и деревню его сказываетъ. Рѣдко же, однако, эдакъ, больше все втай, потому какъ дѣло оно отъ лукаваго—нечисто и есть оно отнынѣ и до вѣка!

— Аминь! матушка, закончилъ хозяинъ. — Гостю вѣдь и отдохнуть надо послѣ дороги. Поизморился же чай, поизмялся: дороги-то вѣдь наши тотъ же нечистой прокладывалъ. Пойдемъ-ко!

Вотъ памятна, самыя первыя впечатлѣнія мои по прїѣздѣ въ Мезень, тоскливѣе которой дѣйствительно я не встрѣчалъ во всѣхъ своихъ шестилѣтнихъ долгихъ и дальнихъ странствіяхъ по Великороссіи. Жалка своимъ видомъ давно покинутая Онега, но Мезень несравненно жалче и печальнѣе, хотя и имѣетъ много сходнаго въ частностяхъ съ другими уѣздными городами: согласное, живущее дружно и угощающее другъ-друга сытно и много общество чиновниковъ. Среди ихъ, по обыкновенію, принадлежитъ первое мѣсто разбитнымъ, усатымъ господамъ, съ размашистыми, лошадиными манерами, съ волосами, стриженными въ кружокъ, по-русски, которые всегда называются винными управляющими или ревизорами, и послѣднее мѣсто—жалкимъ, загнаннымъ, робкимъ учителямъ уѣзднаго училища, находящимъ все свое развлеченіе и наслажденіе въ танцахъ, если гдѣ таковыя затѣваются. Въ Мезени танцовъ нѣтъ; карты, и еще карты поглотили тамъ все свободное отъ службы время. Женское населеніе изъ чиновнаго класса, по обыкновенію, также застѣнчиво, также дико смотритъ и боязливо и неохотно говоритъ со всякимъ новымъ лицомъ, и также имѣетъ (всѣ поголовно) полное и неотъемлемое право на названіе хорошихъ, добросовѣстно-знающихъ свое дѣло хозяекъ... Впрочемъ, не до нихъ наше дѣло.

А между тѣмъ, дальнѣйшее знакомство мое съ Мезенью приноситъ съ собою немного утѣшительныхъ фактовъ. Говорятъ, что давно уже начались изъ здѣшняго города частыя и довольно значительныя переселенія мѣщанъ на берега моря, особенно въ сторону Канина, что такимъ образомъ образовались уже тамъ многія селенія, какъ напр. Мгла, Несь и другія. Говорятъ, что городъ отсюда переводится въ Усть-Важку или въ Печорскую Ижму. Рассказываютъ, что недалече, какъ сегодняшнюю ночью, у пустозера, проѣзжавшаго за городомъ подъ хмѣлькомъ, въ аргишѣ, отвязали отъ санокъ трехъ оленей; что здѣсь, если хочешь жить домовито, запирайся покрѣпче и замки держи непорченные, не ржавые и не наружные, что на такое нечистое дѣло и здѣсь найдутся топоры и долота. Гово-

рять, что свадьбы здѣсь справлялись когда-то, въ давнія времена, широко и гуляиво, что прежде обдаривали всѣхъ гостей, а теперь и изъ родныхъ-то не всякаго.

— Да и свадебъ-то вонъ что-то не слышать совсѣмъ (разсказывала мнѣ хозяйка). Допрежь, въ досельные годы, все правили по отцовскимъ завѣтамъ: и зарученье правили съ подарками: кто платкомъ, а кто деньгами. И деньги-то эти женихъ невѣстѣ клалъ въ долитую рюмку вина — большія. За зарученьемъ, дня черезъ три, *почетной* столъ бывалъ у жениха въ дому: за почетнымъ столомъ невѣстина мать *хлббинами*—обѣдомъ своимъ—подчивала и хорошими подарками всякаго гостя одаривала. Нонѣ и сватанье-то не такое стало: нонѣ съ вечера *заручились* сами молодые промежь себя, а на утро и подъ вѣнецъ пошли. Съѣдятъ въ этотъ день обѣдъ—да и дѣло въ копецъ. Прже лучше было, не въ примѣръ лучше.

— А чѣмъ же, бабушка, лучше было?

— Да въ старые годы вотъ какъ было: идетъ сваха въ невѣстинъ домъ со своимъ сказомъ, придетъ—не садится и дальше матицы полатей не заходитъ; сгребется руками за матицу, изъ рукъ ее не выпускаетъ: сказывай ей либо да, либо нѣтъ. И отказы бывали. А нонѣ рады-рады, коли женишокъ на дѣвку наклевался: бери ее вовсе, да поскорѣе, намъ-де съ ней по своей скудости нечего дѣлать...

— Что же дальше-то хозяйюшка?

— Ну, вотъ сговорили. Дѣвку къ вѣнцу обряжать стануть: придутъ дѣвушки — отпѣвать начнутъ. Сидитъ невѣста платкомъ накрыта, и плачь она не плачь, а слезы на глазахъ оказывай. Попоютъ дѣвушки—кончатъ, невѣста встанетъ съ мѣста, низкимъ поклономъ свою благодарность отдастъ. А пѣсни поютъ такія печальныя, что и со стороны жалость беретъ, слеза пробивается, вчужѣ сплачешь — такія *жалости* попадаются. Вѣрь ты мнѣ!

— Нонѣ, батюшка, продолжала старуха съ преглубокимъ вздохомъ:—нонѣ, родитель ты мой, у насъ и посѣдокъ не сбирается, и на масляницѣ съ горокъ не катаются. Все кинули, все бросили. И-и-хи-хи тошнехонько!

— Все вѣдь это, кормилецъ ты мой, отъ нужды отъ великія. Вонъ, сказываютъ, внизъ-то туды по Мезенѣ по рѣкѣ, кое-гдѣ, слышь, правятъ же все это. А у насъ ты и пѣсни ни-

какой не услышишь, какая она такая есть... Тяжолыя времена пали на нашу сторонушку задвѣнную; это передъ твоей милостью, какъ передъ Богомъ!

И все-таки послѣднія слова старухи были справедливы въ одномъ, хотя и подлежали еще большому сомнѣнію приводимыя ею причины. Въ этомъ случаѣ выручилъ меня, какъ и во всѣхъ другихъ, толковый старожилъ, человекъ грамотный, бывалый, зажиточной, прочитавшій на своемъ вѣку много книгъ и недуховнаго содержанія. Такихъ посыладе мнѣ, впрочемъ, судьба почти въ каждомъ большомъ селеніи.

На этотъ разъ случай выпалъ такого рода. Былъ какой-то прѣздникъ; кажется, воскресенье. На углу церковной площадки, подлѣ кабака, стояла куча празднаго и праздничнаго народа. Лица у всѣхъ были такія плотныя, здоровыя; попадались рѣшительныя красавцы съ правильно-обрисованными профилями, съ крѣпкимъ румянцомъ, съ густыми, пушистыми бородами. Всѣ одѣтые чучелами въ свои некрасивыя, неуклюжіе совики и малицы; послѣднія покрыты были, по обыкновенію, прихотливо-пестрыми ситцевыми рубашками. Толпѣ этой было, видимо, очень весело: проѣдетъ ли самовѣдъ на оленяхъ — они смѣютъ его, обругаютъ; пробѣжитъ ли собака, по обыкновенію большая, желтая, хохлатая — они и на ея счетъ пустятъ свой смѣхъ и замѣчанія; никого и ничто не пропускали эти мезенцы безъ того, чтобы не поглумиться своими доморощенными остроуміемъ, не посмѣяться своимъ веселымъ, простосердечнымъ смѣхомъ.

— Весело же вамъ живется, Гаврило Васильичъ, замѣтилъ я моему гостю, явившемуся ко мнѣ по приглашенію.

— Это вы на счетъ чего же изволите говорить?

Гаврило Васильичъ долго жывалъ въ Архангельскѣ на купеческихъ конторахъ и самъ хвалился умѣньемъ говорить со всякимъ: кого хочешь присылай.

— Да вотъ, видишь, какъ распоясались земляки-то твои, что стоять у питейнаго дома. Выпили, что ли?

— На что имъ выпить-то? на выпивку въ нашемъ городу найдешь ли и пять человекъ имущихъ. Эти не выпили: они такъ смѣются.

— Такъ, стало быть, живется вамъ весело?

— И этимъ не похвастаемся; спросите хоть ихъ же самихъ:

многого хорошаго не скажутъ. Гляди, другой и ши-то лаптями хлебаеть. А смѣются они оттого, что глупой народъ, дураки.

Гаврило Васильичъ какъ будто сердится.

— Нашему народу (продолжалъ онъ)—плеть надо, да хорошую, чтобы горохомъ векакивалъ. Нашъ народъ (я буду говорить вамъ сущую правду) — лѣнтяй, такой лѣнтяй, что вотъ если заработалъ на годъ однимъ промысломъ, за другимъ не потянетъ руки и съ мѣста не подымется. А вотъ встанеть на перепутьи-то, да и начнетъ гоготать: вѣдь это дѣло легче, споркое это дѣло, особенно съ голодухи! И добро бы ребята малые, али молодые, а то вѣдь у инаго борода въ лопату и вся сѣдан — и онъ туда же. Вотъ и вспомнишь пословицу: «борода-то молъ выросла, а ума съ накопыльничъ не вынесла». Къ нашему народу пословица эта, какъ лучше нельзя, подходитъ, и вотъ почему: приходили къ намъ англійскіе корабли, пугали, на промысла не выпускали изъ дому; ушли — мы два года прожили, съ голоду не померли, на то время и къ печитю своей поприглядѣлись, полюбили ее, что мать родную. Стало замиренье, думаемъ: коли въ два года чортъ не съѣлъ—и этотъ третій какъ нибудъ проваландаемъ, не лыкомъ же шиты. Сдумали мы это дѣло великое, да и на Мурманъ не пошли, и совѣтомъ положили во вѣки не ходить туда: далеко будто бы, да ужъ очень много рыбы туда приходитъ, всю не выловишь; пушай тамъ кемскіе поморы свое дѣло правятъ, пушай ихъ. Когда-когда мы и на промысла-то ближніе за звѣремъ морскимъ соберемся—намъ вѣдь и это въ трудъ большой, хоть добрымъ уловомъ сутки въ трои заручаемся на цѣлый годъ. Объ этомъ мы не разсуждаемъ. Позови ты нашего мезенца въ покрутъ—ни за что не пойдетъ, оттого и крутимъ больше снизу, рѣчныхъ. А отчего нашъ нейдетъ? Оттого нейдетъ, что у него не столько наготы, сколько гордости всякой да чванства: я-де и самъ съ усамъ. А того не знаетъ словно, что держи, по пословицѣ, голову уклонну, а сердце покорно. Вотъ потому у другихъ нужда такая, что собаки ложки моютъ, спятъ на кулакѣ, а ихнія ты ши хоть вкнутомъ хлещи: пузыря не вкочить. Вотъ что! И не съ сердцовъ все это говорю вамъ, или злобою какою пылаю. Я вѣдь и самъ здѣшной, и самъ въ нуждѣ живалъ, и самъ достатовъ свой не съ неба получилъ! А жалъ народъ, жалъ брата своего, ближняго. Нашъ народъ—здоровый народъ,

работной, изъ него можно выдѣлать такое дѣло, что весь край нашъ ухнетъ да диву дастся.

— Какое же, Гаврило Васильичъ?

— Да всякое, какое хочешь: отъ насъ первое судно и на Новую Землю шло; мы и пол-Мурмана обчищали; у насъ и суда сами строили, въ кемское поморье не кланялись; у насъ и лошади хорошия выростали и на весь край славу пустили; у насъ все свое—и хорошее свое—было. А теперь ничѣмъ-ничего; все пропало, все погибло отъ лѣности да отъ гордости:— Матерь Божья!..

Гаврило Васильичъ перекрестился три раза.

— Вы вотъ о морскихъ промыслахъ слышать желаете, поѣзжайте отсюда въ Сѣмжу, да въ Долгую-Щель — здѣсь вамъ ничего не скажутъ. Поѣзжайте, поѣзжайте! Тамъ дѣло ведутъ по старому; тамъ народъ честной, народъ тамъ Богу работаетъ. За одного тамошнаго я вамъ всю нашу Мезень, со всѣми мозгами, отдамъ.

Я послушался Гаврила Васильича, нанялъ четверку оленей, завернулся въ теплые, хотя и тяжелые, совики и малицу и по пустыннымъ, снѣжнымъ полянамъ, черезъ пни и кочки прямикомъ, по рыхлому глубокому снѣгу, съѣздивъ на легонькихъ, но валкихъ саночкахъ сначала въ Сѣмжу, а потомъ за рѣку Мезень и за сосновые лѣса въ село Долгощелье. Въ два съ половиной часа промчали меня легонькіе на ходу олени черезъ первое сорокаверстное пространство до Сѣмжи, давши возможность увидѣть, что это—деревушка дворовъ въ пятнадцать, сбитыхъ въ кучу безъ особеннаго порядка, но ближе къ широкому устью рѣки Мезени, уже съ соленой водой и не замерзающему во всю зиму. На этотъ разъ морская вода сполнялась (начался приливъ) и вѣтеръ дулъ съ моря, NO, а потому все устье наполнено было льдомъ синимъ, весеннимъ; черезъ 6 часовъ убывающая вода унесла этотъ ледъ назадъ и снова оголила черную воду широкаго устья. Въ деревушкѣ деревянная церковь, но выкрытая тесомъ и покрашенная въ зеленую краску. Она, по обыкновенію всѣхъ поморскихъ церквей, освящена также во имя Святителя Николы, какъ бы въ большее подкрѣпленіе народной поговорки, которая давно уже и справедливо гласитъ, что «отъ Холмогоръ до Колы—тридцать-три Николы». Здѣсь же, между прочимъ, слышалъ я, что, при крѣпкихъ сѣ-

верныхъ вѣтрахъ, море нерѣдко выгоняетъ воду изъ рѣки на берега, топить и уносить стога, подступая къ деревушкѣмъ подь самыя избыныя стѣны. Это обстоятельство оправдывается тѣмъ, что теченіе прилива и отлива здѣсь продолжается дольше, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ Бѣлаго моря (исключая только Св. Носа), а потому и возвышеніе прилива здѣсь наибольшее (отъ 20—22 футовъ). Причину этого явленія легко объясняютъ сильнымъ напоромъ приливной волны отъ сѣвера и стѣсненіемъ ея въ Горлы моря.

Село Долгая-Щель, расположенное на берегу рѣки Кулоя, въ 51 верстѣ отъ Мезени (пряникомъ черезъ болота и трудно-проѣзжіе перелѣски на 4½ часа не слѣшкомъ быстрой ѣзды на оленяхъ), оказалось селеніемъ болѣе люднымъ (83 дома), чаще и красивѣе застроеннымъ двухъ-этажными избами, не разрушившимися, какъ въ г. Мезени, къ уѣзду котораго принадлежитъ село это. Въ старину оно приписано было къ Сійскому монастырю; теперь населено государственными крестьянами, которые, какъ видно на первыхъ же порахъ, живутъ достаточно: для нѣзжаго гостя нашлась у нихъ и рыба всякая, и чай, и сахаръ, и купленные въ Архангельскѣ лакомства, въ родѣ ведровыхъ орѣшковъ, пшеничныхъ баранокъ и окаменѣлыхъ пшеничныхъ же приниковъ. Щеляне сѣютъ имень (хотя и весьма незначительное число), ловятъ рыбу и въ Кулоѣ, и въ р. Соинѣ, которая издавна дарована здѣшнимъ *крестьянамъ и соенскимъ бобылямъ*. Последніе, выселившись изъ Долгощелья, образовали новое селеніе — Соену. Рыба, вылавливаемая въ этихъ рѣкахъ, и общая всему Мезенскому и дальнему Канинскому берегу *нельма* (*salmo nelma*) не попадается уже нигдѣ на другихъ бѣломорскихъ побережьяхъ. Въ Печорскомъ краю она тоже не рѣдкость и вездѣ составляетъ лакомую, вкусную и здоровую пищу; мясо ея нѣжное и, посоленное, также пріятно, какъ и свѣжее. Заходя съ моря въ рѣки, она вылавливается здѣсь въ семожи невода и вѣситъ иногда до пуда. Эта рыба лучшая изъ всѣхъ такъ называемыхъ бѣлорыбцъ и достоинствомъ своимъ далеко превосходитъ, напримѣръ, волжскую или уральскую бѣлорыбицу, хотя и у ней, какъ и у тѣхъ, такое же бѣлое мясо.

Какъ въ Сѣмжѣ, такъ и въ Долгощельѣ нашлось нѣсколько словоохотливыхъ, бывалыхъ и знающихъ дѣло хозяевъ, которые

радушно рассказали мнѣ о многихъ подробностяхъ ловли морскаго звѣря. Разказы ихъ пополнилъ мнѣ и во многомъ объяснилъ мой мезенскій собесѣдникъ Гаврила Васильичъ. Результатами этихъ разказовъ, въ общей ихъ сводкѣ, спѣшу подѣлиться съ читателями.

Вотъ что сообщили мнѣ:

Съ первыми крутыми осенними вѣтрами: по востоку (O), полуношнику (NO) и сѣверу (N), у береговъ Бѣлаго моря, покрытаго уже большими ледяными припаями, начинаютъ показываться стада, *юрова лисей*, морскаго звѣря изъ породы тюленей, каковы: *нерьма* или тюлень обыкновенный (*Phoca vitulina*), *мысунъ* или тюлень гренландскій (*Phoca groenlandica*), *морской заяць* (*Phoca leopina*) и, рѣже другихъ, *тевякъ* — тюлень съ конскою головою (*Phoca monachus*). Плотно сбившимися въ кучи, въ отдѣльныя семьи, состоящія иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ звѣрей, гребутъ эти *кожи*, эти *юроза* изъ странъ приполюсныхъ или къ Мурманскому берегу, или въ Чешскую и Обскую губы океана. Значительное количество семей этихъ угребаетъ, черезъ Горло, и въ Бѣлое море въ прямомъ направленіи къ островамъ Соловецкимъ. Частию исканіе пищи (рыба по осеннимъ вѣтрамъ также спѣшитъ выплыть изъ океана въ море и его рѣки), частию наступающій періодъ соитія и дѣторожденія (чему способствуютъ огромные тороса верстъ по десяти протяженія, отрываемые отъ береговыхъ припаявъ и носимые по морю), частию, наконецъ, жажда покоя на безлюдьи и вдали отъ океанскаго шума и трѣска — влекутъ сюда всѣ эти стада дальнаго, сальнаго, барышнаго звѣря. Изрѣдка только высывая свои черныя головы на поверхность моря, и то для одного дыханія легкими, звѣри эти большую часть времени проводятъ въ водѣ, гдѣ, какъ говорятъ, и совершаютъ они свой актъ соитія, *парятся* — говоря поморскимъ выраженіемъ втеченіе октября, ноября и первыхъ недѣль декабря. Тоцѣ съ виду, они въ это время на бѣломорской рыбѣ успѣваютъ откормиться и разжирѣть до того, что каждый звѣрь даетъ иногда до 10 пудовъ сала. Отъ Соловецкихъ острововъ, по окончаніи случки, всѣ звѣри, на сувоѣ, идущемъ по направленію Воронова мыса отъ Сосновца, и выждавши попутные, благоприятные вѣтры, гребутъ въ январѣ къ зимнему берегу на Кеды (имя деревни), гдѣ издавна мѣста тихія, мало населенныя, ста-

до быть, удобныя къ дѣторожденію. Звѣри выбираютъ здѣсь самую большую и самую дальнюю отъ берега льдину, или самый дальній конецъ припая; и, при помощи переднихъ ласть, выползаютъ на нихъ изъ воды. Тутъ самки, называемыя *утельгами*, мечутъ по одному, рѣдко по два дѣтеныша, называемыхъ *бѣлками*, по причинѣ бѣлой шерсти, которою они въ то время бываютъ покрыты *). «На Стрѣтеневъ день — говорятъ поморы — льды *опятнаетъ* и звѣря на нихъ — что *ня въ лсу*». Послѣ дѣторожденія все юрово ложится обыкновенно на продолжительный отдыхъ, на залежку, и употребляетъ при этомъ весь инстинктъ, всѣ помыслы свои на то, чтобы защитить новое поколѣніе своей породы отъ нападений врага. Для этого юрово обыкновенно размѣщается по льдинѣ такимъ образомъ, что въ серединѣ держатся бѣлки и утельги, а по сторонамъ, кругомъ ихъ, какъ бы стѣна или стража, ложатся самцы—лысуны. Съ другой стороны, звѣри, расположившись на залежкѣ и уткнувшись мордой въ льдину, начинаютъ оттаивать ее дыханіемъ своимъ и теплотой тѣла до того, что продувають ее четверти на полторы, вплоть до воды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдушины эти звѣри оттаиваютъ и снизу, и потомъ уже черезъ нихъ выползаютъ на льдины. Процессъ этого продуванья многіе промышленники слышали сами (какъ увѣряли). Такимъ образомъ звѣри имѣютъ готовую, и всегда подъ бокомъ, прорубь, чрезъ которую легко и удобно могутъ спасаться въ водѣ при первомъ приближеніи злаго и безошаднаго врага — человѣка. Въ это время бѣлки **) еще неспособны ходить въ воду: искусству этому учатъ матери, таская ихъ туда подъ своими лаптами, во всѣ тѣ шесть недѣль, когда бѣлекъ превращается въ хохлушу. Бѣлая шерсть ихъ начинаетъ въ эту пору вываливаться хохлами; бѣлки тогда окончательно неспособны плавать, и потому матери сами стараются таскать дѣтенышей своихъ по льду, или чешутъ шерсть ихъ своими когтями, чтобы такимъ

---

*) Черезъ мѣсяцъ бѣлая шерсть выпадаетъ, мѣстами показывается черными пятнами тѣло; бѣлекъ превращается въ *пльсанка*, и въ *келка*, когда шерсть его начнетъ дѣлаться сѣрою.

**) Они уснѣваютъ, въ эти два мѣсяца, *нажить* пуда два сала, и это сало чистое, лучшее, въ сравненіи съ саломъ стариковъ; у тѣхъ оно *бардовато*, т. е. мутно.

образомъ ускорить появленіе естественнаго цвѣта шкуры, слегка серебристаго, изъ желто-сѣраго. Это — *сѣрка*. Превращается она ко дню Благовѣщенья. Сѣрки уже могутъ плавать, природа уже наградила ихъ инстинктомъ постояннаго стремленія къ сѣверу, и потому небольшіе (въ нихъ отъ 1¹/₂ до 2 пудовъ сала) звѣрки эти, тотчасъ послѣ преобразования, спѣшатъ оставить родныя юрова и тоже стадами гребутъ въ Горло, и если ошибкою не попадутъ на гибель къ Терскому берегу, то угребаютъ въ океанъ. Оттуда, на будущій годъ, сѣрки эти приплываютъ уже *спрунами*, которые, еще черезъ годъ, дѣлаются уже *лысунами*, т. е. съ черными полосами — *крыльями* — вдоль всего тѣла (утельги отличаются отъ самцовъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ этихъ *пластинъ*, полосъ или крыльевъ). Оставшіеся на Кедахъ сѣруны и лысуны съ значительно исхудавшими утельгами угребаютъ на отдыхъ, по первому попутному вѣтру, на льдины и тороса Мезенскаго залива, ближе къ устью рѣки Мезени. Здѣсь они уже ложатся *на дохъ*, какъ говорятъ промышленники; рѣдко уходятъ въ воду, и въ апрѣлѣ спѣшатъ также выбираться въ полярныя страны на все лѣто, если только не погибнуть отъ руки промышленниковъ.

Соображаясь со всѣми обстоятельствами, мезенцы, т. е. койдяне, щеляне, сѣмецкіе (изъ Сѣмжи) и нѣкоторые слобожане (изъ города Мезени) три раза въ годъ выходятъ артелями на эти промыслы, которые у нихъ, смотря по времени и по способу ловли, носятъ слѣдующія названія: 1) *выволочной*, или *устинской*, или *загребной*, и 2) на *Кедахъ*.

Отправляясь на Кеды, въ мѣсто недалёкое (тамъ, гдѣ мысъ Вороновъ и гдѣ начинается заворотъ Мезенскаго залива), промышленники обыкновенно берутъ запасу на мѣсяць. Обязанность эта главнымъ образомъ лежитъ на хозяинѣ покрута или, по здѣшнему, *ужмы*, который и самъ всегда отправляется на мѣсто промысла вмѣстѣ съ работникамъ. Запасаются обыкновенно провизією на 7 человекъ *), котломъ, ружьями, печкой (железнымъ листомъ), баграми, лямбами и дровами. Все это

---

*) На каждаго человѣка полагается: по три пуда печенаго хлѣба, по пуду *хирчи*, т. е. масла, рыбы соленой, муки, крокъ *буйна* (полотна и рожь), которымъ закрываются отъ погоды. Всего на лодку-осинку приходится пудовъ до 50.

складывается въ лодку *), которую обыкновенно тащатъ на лямкахъ работники или уженники **). Уженники, идущіе на своемъ содержаніи, т. е. безъ бахилъ (высокихъ кожаныхъ сапоговъ), совика и ружья хозяйскаго, получаютъ полную часть, т. е. восьмую изъ всего промысла, и напротивъ, покрученники, называемые обыкновенно половинщиками — 16-ю; треть шестнадцатой достается на долю мальчишекъ — недоростковъ. Хозяинъ беретъ себѣ за снарядъ все остальное: меньше, если всѣ пошли съ нимъ уженниками, и — гораздо больше, если пошли всѣ половинщиками; но онъ, во всякомъ случаѣ, съ большимъ залишкомъ окупаетъ весь снарядъ свой, обыкновенно стоющій рублей 30 сер., если не считать лодки, ружей, одежды и котла ***).

— Вотъ сказывали наши флюгарки долго полуношникомъ (НО вѣтромъ) отъ Сосновца (островъ въ горлѣ Бѣлаго моря), подходило дѣло это къ Стрѣтьеву дню, прошолъ этотъ праздникъ, мы долго не думаемъ на ту пору, сейчасъ на Кеды съ ружьями! — рассказывали мнѣ промышленники мезенскіе. Тысячи до полуторы народу на это время собирается. Знаемъ ужъ мы это доточно, что наметали утельги бѣльковъ своихъ, бѣленькихъ, словно серебряныхъ, черноглазенькихъ такихъ, чистень-

*) Для этого промысла употребляются особаго рода небольшія лодки, называемыя *осинками*. Дѣлаютъ ихъ вчернѣ, т. е. выдалбливаютъ въ деревнѣ Березникѣ, вверхъ по рѣкѣ Мезени, но приспособляютъ къ дѣлу уже на мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ обыкновенно обшиваютъ ихъ словыми досками; дѣлаютъ два набора, внутрь кладутъ *опруи* (строганыя палки, пальца въ два толщиной) и прошиваютъ стяжками для того, чтобы не попортилась осина. Снизу пришиваютъ три крена (планки), для удобства перетаскиванія по льду. Креня эти бываютъ еловые и сосновые. На устинскомъ промыслѣ вдутъ въ дѣло осинки длиною до 3 $\frac{1}{2}$ сажень, и около 1 сажени ширины; на Кеды вдутъ осинки поменьше (2 $\frac{3}{4}$ саж. длиною и около 2 ар. шириною), потому что туда берутъ и самой провизіи поменьше. На устинскихъ промыслахъ, самыхъ богатыхъ, собирается такихъ осинковъ штукъ до полутораста.

**) Называются они такъ оттого, что вся провизія, взятая для нихъ, носятъ обыкновенно названіе *ужмы*.

***) Часто на промыслы выѣзжаютъ на оленяхъ; тогда хозяинъ, крутившій ужму, беретъ себѣ $\frac{1}{4}$ часть съ каждаго челоуѣка, $\frac{3}{4}$ кладетъ за оленей. На этихъ оленяхъ обыкновенно провѣдываютъ, т. е. узнаютъ мѣста залежки юрова.

16684.

вихъ, гладенькихъ. Съ берега мы прямо на льдины идемъ и все свое брантовское богатство тащимъ: и лодку, и ружья, и вателки, и пищу — все до послѣдней крохи, потому что ужъ намъ на то время нѣтъ нужды въ промысловыхъ избахъ. На льдинахъ мы и огонекъ раскладываемъ, и кашницу тутъ себѣ варимъ, и спать тутъ ложимся; развѣ который ужъ боярской кости, такъ тотъ подъ лодку прячется. И ничего, благодаря Богу! — живы бываемъ: въ морѣ-то вѣдь потеплѣй на ту пору живетъ; на горѣ (т. е. на берегу) забористѣй. Такъ вотъ ладно же: постой! Выйдемъ на льдину, смѣкаемъ: коли звѣрь этотъ на глазъ чутокъ и на носъ свой тоже, что коли—можь онъ духу человѣчьяго не терпитъ и видъ ему человѣка противень, мы его облукавимъ: на что и царь въ головѣ сидитъ; ладно!

— Надѣвай можь, ребята, бѣлые совики, а у кого нѣтъ, такъ на малицы бѣлыя рубахи напяливай. Съ тѣмъ можь подобиемъ снѣгу и дѣло дѣлать будемъ.

— Что же можь, лукавой хозяинъ, ползти къ нимъ на колѣнкахъ придется?

— Да ужъ это можь такъ, какъ и быть тому слѣдно.

— Ладно, сказываютъ, пополземъ. Дай-де только крестомъ освѣниться!

— Валяй можь!

— И пополземъ подъ звѣря, по душу его по морскую. Кто ледяную доску противъ рожи-то своей на ту пору держитъ, кто черную свою шапку за спиной прячетъ, кто за рѣпаками да ста-мухами (намерзшими стойкомъ льдинами) прячется. У всѣхъ въ рукахъ палки, у всѣхъ по ружью, у всѣхъ и колѣнки болятъ, и спину ломитъ. На это не гнѣваемся. Полземъ, значить, и ни единымъ словомъ не щолкнемъ, не перекинемся промежду себя, полземъ—знай все дальше, да ближе: и звѣря видимъ, на носу виситъ... подлѣ ногъ лежатъ и отдушники подъ собой продуваетъ... И духъ они отъ себя даютъ такой нехорошой: — подъ себя, значить... Тутъ его по шаболѣ-то рѣзнешь, да къ другому идешь; первой готовъ и этотъ тоже. Большая залежка—другихъ рѣшаешь; ребята твои тамъ тоже смертоубивства творятъ. Хорошо это и сердцу весело! Одно не ладно, что большаго тутъ звѣря мало живетъ; весь, почитай, онъ на то время въ воду уходитъ, а лежитъ больше мелкота, *блѣчки*. Этого звѣря мы

и не облукавливаемъ, и *хохлушъ* не обманываемъ, потому этотъ звѣрь отъ тебя никуда не уйдетъ. Плавать малой не умѣетъ; другая матка и спихнетъ котораго въ воду, а онъ все опять на льдину лѣзетъ; старики въ прорубь мечутся, а бѣлекъ отъ нее дальше; ему на ледъ бы да на матерое мѣсто! И лежитъ онъ передъ тобой въ полномъ ликѣ, не трогается, и словно бы что-то глупое, неподходящее думаетъ! То ли онъ матку выжидаетъ тутъ, чтобы пришла да покормила, то ли онъ человѣчей-то образъ любитъ, не спозналъ еще нашего брата за барышнаго человѣка. Господь его вѣдаетъ. Только мы этихъ бѣльковъ на Кедахъ много наколачиваемъ. А вотъ, какъ устанетъ рука, а звѣря много, мы изъ ружей ихъ бьемъ; а коли дошли до того, что звѣрь лежитъ весь полѣньями, а которой на утекъ пошолъ—мы и баста! Сейчасъ ножи изъ за поясовъ—свѣжуемъ. Строгаемъ сало въ лодку, шкурки почестъ и не беремъ съ собой. Этотъ вѣдь промыселъ сальной, сказывать надо, не харавинной *). Такой-то промыселъ у насъ на устьи бываетъ до Конюшина мыса, *устинскимъ* зовемъ. Этотъ промыселъ большой, трудной; на этомъ промыслѣ не одинъ человѣкъ и головушкой своей рѣшалъ; тутъ не зѣвай; тутъ ты будь на вѣки умной человѣкъ, коли вернулся домой живымъ, непомытымъ. На этомъ промыслу хорошо, когда сильные вѣтры сопрутъ льдины къ берегу. Звѣрю тутъ выходу не бываетъ: бѣжать ему некуда, воды кругомъ нѣту **). Тутъ ужъ мы за ружья и не беремъ, *хвостями* въ дѣло пускаемъ. А хвостяга—это палка черемховая, длинной сажень съ локтемъ, и одинъ конецъ у ней толстой съ шишкой, а на другомъ багоръ съ крючкомъ да шиломъ. Когда набѣжимъ мы на юрово, да увидимъ перваго звѣря на глазахъ—хвостягой этой въ морду усноравняемъ, а то, не попадешь—руки береги: зубы у нихъ превострые, да и

---

*) Т. е. не ради кожи: кожа не составляетъ цѣли промысла. Харавина—шкура убитыхъ звѣрей, идетъ въ продажу за границу и въ Россію для рапцевъ, для обивки дорожныхъ погребчиковъ. Здѣсь ее стелютъ нерѣдко на оленьихъ санкахъ.

***) Изъ болѣе замѣчательныхъ случаевъ этого рода памятенъ архангельскому народу особенно тотъ, который случился въ 1839 году, на Терскомъ берегу. Тогда убиты были варужанами (жителями селъ Варзуги и Бузоменя) цѣлыя тысячи звѣрей, принесшія имъ въ три дня барыша на 30,000 руб. асс.

щетинятся шибко, пугають, хоть и рѣдки случаи такіе, чтобы укусили кого. А попадешь ты палкой звѣрю въ морду, то ладно— смерти онъ подъ твоей же рукой не минуетъ; хлипокъ же звѣрь этотъ, до того, слышь, хлипокъ, что одинъ выстанеть и полѣзеть къ тебѣ, такъ только по щекѣ ладонью дай раза пошибче— приляжетъ и морду воткнетъ въ снѣгъ—приколи его только. Другой, пожалуй, и тутъ лукавить, притворяется мертвымъ, а потомъ и побѣжить, да не шибко; этого мы въ задъ прикалываемъ. Съ тѣмъ и конецъ.

— Дѣла, на этомъ устинскомъ промыслу, хитрыя дѣла бывають, такія хигрыя, что только вотъ слушай:

— Звѣря-то мы атакъ окружимъ со всѣхъ сторонъ, льды морскіе пособятъ намъ, сопретъ ихъ вѣтрами—юрово видить дѣло пропащее, сейчасъ на хитрость. Одинъ взреветъ чисто, тонко, звонко; другой пристанеть, третій, всѣ заголосятъ; этимъ ревомъ они словно вотъ что сказываютъ: «собирайся-де, други милые, въ одну кучу, съобща поведемъ защиту; полѣзай ты на меня, ты на меня; навалимъ большую кучу, да и понатужимся— можетъ, и проломимъ ледъ-отъ». Ну и лѣзуть другъ на дружку, большія груды дѣлають и пыхтятъ на ту пору, крѣпко пыхтятъ; слышимъ, силу-то свою останную собирають. Тутъ не зѣвай: коли, руби ихъ: въ кучѣ сподручнѣе! Не уснаровишься—проломятъ ледъ: бывало этакъ-то! И бей ты ихъ тутъ прямо въ голову, а сдѣлалъ которому *шауй* (шавуйный ударъ — въ шею значить), замечется звѣрь и всѣхъ прочь разгонить. И тутъ ты ихъ никони силами не остановишь: начнутъ забирать передомъ, да подхватывать задними ластами, что угорѣлые, и прямо къ морю, въ воду. А ластами они своими круто забирають: чловѣку, хоть скороходъ онъ будь, не догнать. На этихъ, на устинскихъ промыслахъ, когда много народу, совсѣмъ война идетъ: крчимъ, ругаемся, деремся и всѣ наровятъ какъ бы впередъ попасть поскорѣй да подальше. Большое тутъ дѣло бываетъ, самое спѣшное: однажды въ сутки ѣдимъ, да и полуфунта хлѣба не съѣдаемъ: не хочется; ѣдимъ слегка, значить, по немногу. Тяжелѣе этого загребнаго нѣтъ; недѣли по три, по четыре земли не видишь. какая такая есть она! Боевой промыселъ, смертельный, трудной промыселъ—вѣрь ты Богу!..

— Набьемъ мы этакъ-то ихъ, наколотимъ: на мѣстѣ же тутъ

и свѣжуемъ. Шкуры свертываемъ трубкой (края закидываемъ и прижимаемъ ремнемъ) къ одному концу юрки (длинные ремни сажень въ 20) привязываемъ, а другой конецъ юрки въ лодкѣ прищепляемъ, да такъ и спускаемъ въ воду. Конченное, значитъ, это дѣло. Счастливыя человѣкъ, коли живъ на берегъ вышелъ, и много денегъ тому архангельскіе купцы и за харавину и за сало дадутъ; только ты имъ сало на дому вытопи: безъ того не беруть.

— При промыслѣ при этомъ есть вѣдь у насъ и примѣты разныя: сказывать—что ли? .

— Какія же примѣты?

— Да вотъ: прибылая вода юрова эти къ берегу приносятъ, убылая отъ берегу несетъ въ голомя. Опять же западъ (W) и глубнякъ (NW) наноситъ ихъ; шалоникъ (SW), лѣтній (S) и обвѣдникъ (SO) относятъ въ океанъ.

— А еще-то что?

— А потянулъ вѣтеръ на Моржовецъ, не выходи въ море: отнесетъ и кожи пропадутъ на дальныхъ сувояхъ, да и ты самъ погибнешь: либо въ океанъ тебя вынесетъ, либо съ голоду на льдинѣ пропадешь.

Дѣйствительно опасенъ этотъ устинской или выволочной промыселъ (выволочной потому, что ледъ въ это время по большей части *выволакивается* вѣтрами изъ Бѣлаго моря въ океанъ); не проходитъ года, чтобы не погибало два—три человѣка изъ смѣлыхъ, дѣйствующихъ сломя-голову и на свое русское авось мезенскихъ промышленниковъ: то льдины рушатся отъ столкновенія съ другими, то окажется, что нѣтъ пищи ни на льдинѣ, ни за пазухой; ламбы (водяныя лыжи) на полоѣ (открытой ото льду) водъ не помогаютъ; присутствіе духа не сберешь втеченіе двухъ-трехъ дней безцѣльнаго плаванія; смерть, во всякомъ случаѣ, неизбѣжная, хотя и горькая посѣтительница. И счастливъ (какъ никогда въ жизни въ другой разъ!) тотъ охотникъ, котораго судьба примкнетъ съ роковой его льдиной на берегъ, особенно же вблизи жилъ, хотя даже и близъ лопарскихъ погостовъ. Этыхъ спасенныхъ отъ смерти ловцовъ (нѣкоторыхъ) можно видѣть, нѣсколько лѣтъ послѣ того (смотря по личному ихъ обѣту), въ Соловецкомъ монастырѣ исполняющими самыя трудныя, ломовыя монастырскія работы. У мезенцовъ есть обычай, и даже, можно сказать, страсть, ходить въ одиночку на

тотъ же опасный промыселъ выволочной; страсть эта тѣмъ опаснѣе, что тутъ уже помочь некому, и притомъ некому въ трудную минуту выплакать свое горе.

Ко всѣмъ этимъ рассказамъ промышленниковъ можно еще прибавить то, что первые звѣри, явившіеся въ море изъ океана, считаются нечистыми и бываютъ съ запахомъ. Промышленники, свѣжую этого *поганого* звѣря, обыкновенно остерегаются всѣми мѣрами порѣзать руку, потому что, какъ говорятъ они, *прикидывается* болѣзнь, называемая ими *морская цыта*, которая-де выламываетъ персты. Продежавшіе на льдинахъ дольше Николаина дня, т. е. первыхъ чиселъ мая, или опоздавшіе выплыть въ океанъ, дѣлаются до того тощими, что, застрѣленные промышленниками, тонуть на водѣ и уже не выплываютъ. Сала въ нихъ почти не остается, и потому стрѣляютъ ихъ исключительно затѣмъ только, чтобы уничтожить лишняго врага для рыбы, который съ будущей осенью можетъ поправиться и натворить много бѣдъ и напастей. Бывали нерѣдко такіе случаи въ Мезенской губѣ, что противные вѣтры, не выволочные, разбивали стада звѣрей, звѣрь *осыпался* (говоря туземнымъ словомъ), т. е. раздѣлялся на мелкія юрова и въ нихъ угребалъ въ дальнюю Кандалажскую губу. Губа эта, какъ извѣстно, до половины своей замерзаетъ плотно, имѣя припай поперечный, *поперечку* тамъ, гдѣ начинается широкое Горло моря и гдѣ ледъ уже бродячий. Тогда въ ущербъ Мезенской губы усыплется звѣремъ вся эта поперечьва, и добыча переходитъ въ руки счастливыхъ жителей Терскаго и Корельскаго береговъ. Эти случаи, впрочемъ, также рѣдки, какъ и случай, бывшій на Терскомъ берегу. Промышленники прибавляютъ при томъ, что, во время охоты ихъ на тюленей, звѣрь, застигнутый въ распахъ, жалобно воетъ, а у бѣльковъ проступаютъ слезы: они будто бы плачутъ, какъ люди.

Раненые, но ускользнувшіе отъ свѣженья звѣри недолго плаваютъ въ морѣ: въ концѣ мая или въ началѣ іюня ихъ непременно выброситъ гдѣ нибудь на кошкѣ (надводной мели) или на берегу, и тогда туша эта достается на долю счастливца. Законность приобрѣтенія этого *вымета* нашедшимъ его обусловлена старымъ обычаемъ. Сало вымета, неиспорченное, годно въ продажу, хотя хуже и мутнѣе послѣ выварки, чѣмъ нѣжное, чистое сало бѣльковъ.

Не лишнимъ считаю также упомянуть и то, что все промысленики не выходятъ на морскихъ звѣрей въ день Благовѣщенья, когда, по русской пословицѣ, и птица гнѣзда не вьетъ. Обычай этотъ охотники оправдываютъ тѣмъ наблюдениемъ своимъ, что если поработать въ этотъ день, то цѣлый годъ затѣмъ вплоть до этого дня придется терпѣть неудачи въ ловлѣ и разнаго рода домашнія несчастія, особенно въ тѣ дни, въ которые приходится праздникъ; на примѣръ, если онъ былъ въ пятницу, то все пятницы въ томъ году будутъ несчастными днями для промысловъ.

Въ заключеніе, спѣшимъ сдѣлать еще одну важную замѣтку (подкрѣпленную и бывалыми промыслениками), которую привелъ г. Озерецковскій въ дополнительномъ описаніи сѣверныхъ береговъ Россіи, начатомъ академикомъ Лепехинымъ въ 1772 году. Вотъ собственные слова академика Озерецковскаго: «Въ походахъ своихъ звѣри наблюдаютъ еще примѣчательное и странное правило, отнюдь не разрушаемое. Ни одинъ звѣрь не можетъ, ни для самоважнѣйшихъ причинъ, отстать отъ стада. Чреватые утельги, если приспѣетъ имъ въ семъ путешествіи время къ рожденію, забываютъ живѣйшую побудительность естества къ чадолюбію, которое въ другихъ обстоятельствахъ, несмотря даже на смертельные страхи, наблюдаютъ. Въ семъ случаѣ рождающая, выскоча на плавающую или къ берегу примерзшую льдину, выкидываетъ рождаемое и оставляетъ его тамъ немилосердо безъ всякаго о немъ попеченія, боясь лишиться общественнаго похода. Оставленное такимъ варварскимъ образомъ несчастное изчадіе, не имѣя согрѣянія, пищи, ежели до просушки чревныхъ мѣкротъ не захватитъ жестокой морозъ, жизни его лишаящій, получаетъ отличный, уродливый, больше-головый образъ, для коего называется *голованъ*. Сколько бы не казалось сіе обстоятельство невѣроятнымъ, но оно очевидно и вообще извѣстно. Голованъ, не имѣя пищи, лежитъ на льду или ползаетъ на берегъ и въ лѣсъ, пока природная бѣлошершавая шерсть, препятствующая пуститься въ водоплаваніе, вовсе не вычистится, что продолжается, безъ пособія отца и матери, болѣе двухъ мѣсяцевъ. Свободясь отъ сей шерсти и сдѣлавшись сѣркою, пушается въ море, гдѣ пребывая во всю жизнь, не получаетъ обыкновенной роду его величины, но всегда отличается видомъ и назва-

ніемъ малорослаго голована. Между тѣмъ по большей части остервененнымъ промышленникамъ жертвою бываетъ малоко-рыстной добычи. Чудно строеніе естества, сокрывающее отъ нашихъ понятій пружины, побуждающія толь напрягательно ежегодную сихъ звѣрей изъ Ледовитаго моря къ намъ стремительность».

II.

БЕРЕГЪ КАНИНСКІЙ.

Физическій видъ его.—Морской звѣрь этого берега: заяцъ, тевякъ, нерыпа. — Способы ихъ ловли: стрѣльня. — Подробности этого рода промысла по рассказамъ туземцовъ. — Островъ Моржовецъ.

Если по Зимнему берегу разбросано только шесть селеній и по Мезенскому пять, то Канинскій окончательно уже пустъ и безлюденъ. Составляя какъ бы продолженіе Мезенскаго берега (отъ Мезенскаго залива до мыса Канина на полуостровѣ того же имени), который весь покрытъ лѣсомъ, переходящимъ въ кустарникъ, Канинскій берегъ безлѣсенъ. На немъ рѣдка даже приземистая сланка, не доходящая высокою отъ земли свыше аршина. Онъ—по описанію г. Рейнеке—отъ мыса Канина къ югу на 30 миль до рѣки Бугреницы состоитъ изъ шиферныхъ горъ, покрытыхъ тундрою и около воды оканчивающихся голыми щельями, большою частію темносѣраго цвѣта. Хребетъ этихъ горъ (*Тіумскій камень*), высокою до 60 сажень, идетъ къ юго-востоку отъ мыса Канина, чрезъ Канинскую землю, до Чешскаго залива и, на другомъ берегу его, опять появляется въ томъ же направленіи по самоѣдской тундрѣ. Отъ Бугреницы къ югу теряется шиферъ подъ толстымъ слоемъ песку и тундры. Однако, мѣстами, въ обрывахъ горъ, видны каменные зубья; хребетъ этихъ горъ до рѣки Торны—высокою около 50 сажень. Прибрежье большою частію песчано-глинистое. Отъ Торны берегъ становится несравненно ниже и непрерывная цѣпь горъ исчезаетъ. Южнѣ этой рѣки стоятъ онѣ отдѣльно одна отъ другой

и кажутся стогами сѣна на ровной поверхности берега; цвѣтъ ихъ нѣсколько темнѣе цвѣта берега, состоящаго здѣсь изъ невысокихъ, песчаныхъ осыпей, покрытыхъ тундрою и прорѣзанныхъ руслами рѣкъ: Месны, Камбольницы, Шойны и Ки. Отъ рѣки Ки берегъ опять возвышается и до мыса Конушина составляетъ глинистой утесъ до 10 сажень высоту. Внутреннія горы сливаются въ общій хребетъ, съ отличительными вершинами, до 40 сажень высоту. Прежде (около ста лѣтъ назадъ тому) черезъ Канинскій полуостровъ существовало водяное сообщеніе посредствомъ рѣкъ: Чижи, впадающей въ Бѣлое море и Чешы, вливающейся въ Чешскую губу. Но теперь, то озеро, изъ котораго вытекали обѣ эти рѣки, поросло мохомъ и превратилось въ болото. Отъ этого болота къ сѣверу тянется Канинская земля на 150 верстъ сплошнымъ камнемъ, въ которомъ видны по нѣкоторымъ мѣстамъ шиеерные слои; въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ текутъ нестяныя копи, а по берегамъ попадается нрѣдко сѣрный колчеданъ, и даже когда-то производилась здѣсь разработка мѣдныхъ рудъ».

При мнѣ весь берегъ Канинскій, какъ и Мезенскій, засыпанный снѣгами, окончательно запустѣлъ и брошенъ былъ на всю зиму и самоѣдами, которые по лѣтамъ подходят къ нему со своими оленьими стадами (и то, впрочемъ, рѣдко), и самими предприимчивыми, самыми смѣлыми изъ мезенскихъ промышленниковъ, которые иногда бродятъ сюда на такъ называемую *стрѣльну* (стрѣлецкій промыселъ) за нерпой, морскими зайцами и тевянами. Звѣри эти, говоря словами туземцовъ, *не зазребные, не юровые, не кожные*, т. е. такіе, которые не ходятъ въ стадахъ или юровахъ семьями, не загребаютъ одновременно, но плаваютъ въ одиночку, безъ соблюденія условныхъ періодовъ времени, хотя также гребутъ изъ океана и съ тою же цѣлю — исканія пищи. Всѣ три породы звѣрей этихъ иногда проводятъ въ водахъ Бѣлаго моря цѣлые года, если не попадутся подъ пулю самоѣда или мезенца.

Морской заяцъ (*Phoca leuogina*), названный такъ по сходству съ сухопутнымъ зайцомъ, у котораго величина соразмѣрна толстотѣ, а у морскаго — голова круглая, шея короткая. Морской заяцъ имѣетъ въ длину тѣже $3\frac{1}{2}$ и $3\frac{3}{4}$ аршина, какъ и въ толщину, хотя въ тоже время цвѣтъ его шерсти не бѣлый или сѣрый, а темно-желтоватый; волосы его пушистѣе и длин-

нѣе, кожа значительно толще, чѣмъ у лысуновъ и у всѣхъ другихъ тюленьихъ породъ. Изъ кожи этой поморы выдѣлываютъ прочныя подошвы для своихъ охотничьихъ сапоговъ — бахилъ, а вымятую употребляютъ на санныя возжи. Звѣрь этотъ мечетъ обыкновенно по одному зайчонку, которые въ первой періодъ по рожденіи, имѣютъ на себѣ волосы мягкіе, почти сѣроголубаго цвѣта. Для жизни своей морскіе зайцы предпочитаютъ болѣе сѣверныя части морей и, заходя въ Бѣлое море, они дѣлаются замѣтно мельче, чѣмъ напр. на Мурманскомъ берегу, около Кѳлгуева и Вайгача. Впрочемъ, и изъ бѣломорскихъ зайцовъ успѣваютъ вытапливать сала отъ 6¹/₂ до 8 пудовъ (весной отъ 4 до 5), хотя мурманскіе и колгуевскіе вѣсятъ иногда свыше 15 пудовъ. Подстрѣленные охотниками, особенно въ глухую лѣтнюю пору, зайцы скоро тонутъ на водѣ. Любятъ нѣжиться на льдахъ и *гладухахъ* (подводныхъ, осыхающихъ при отливѣ, камняхъ среди моря); любятъ жить въ одиночку; любятъ, наконецъ, нерѣдко заходить въ прѣсныя воды рѣкъ и рѣчекъ; водятся даже въ нѣкоторыхъ большихъ озерахъ, каково напримѣръ Ладожское.

Тевякъ (*Phoca cristata*, s. *monachus*) — уродливое подобіе льва, съ длинной шейю, къ которой прикрѣплена голова формы лошадиной; около рта — густые щетинистые усы; величиною больше морскаго зайца (4 — 5 аршинъ); шкура пятноватаго, какъ у нерпы, цвѣта съ густыми, длинными торчащими щетиной волосами. Предпочитая для мѣстопробыванія своего также болѣе отдаленныя, сѣверныя страны, они любятъ (хотя и весьма не часто) селиться на Канинскомъ берегу Бѣлаго моря и на Тиманскомъ берегу океана, гдѣ, выползая только среди моря на луды, гладухи и поливные пески (и никогда на льды и берега), лежатъ, нѣжятся и засыпаютъ. Чаше встрѣчается звѣрь этого тюленьяго рода около Трехъ-Острововъ Мурманскаго берега и острова Моржовца (среди Горла). Сала даетъ пудовъ по девяти. Бьютъ его больше соннымъ, на лудахъ: спать онъ охотникъ.

Неръна (*Phoca vitulina*) значительно чаще изю всѣхъ тюленьихъ породъ попадается въ водахъ Бѣлаго моря. Длина ея равна длинѣ сѣрки (т. е. не достигаетъ двухъ аршинъ); но чѣмъ сѣвернѣе вылавливается, тѣмъ величина эта возрастаетъ. Голова у нихъ замѣчательно круглая и столько же круглы боль-

шіе, зоркіе глаза их^с. Шерсть, покрывающая нетолстую шкуру, отлиываетъ серебрястымъ блескомъ, хотя въ то же время цвѣтомъ свѣтло-желтая и значительно испещрена пятнами. Сала нерьпа даетъ до 2 пудовъ *). Въ іюлѣ видятъ ее на берегахъ и прибрежныхъ пескахъ, всегда попарно, когда звѣрь этотъ *на-рится*, и въ августѣ рождаетъ дѣтенышей по одному; двойни—замѣчательное исключеніе. На льды выходятъ онѣ полежать; прѣсную воду любятъ; заходятъ въ рѣки и живутъ постоянно въ сладкихъ озерахъ: Ладожскомъ, Онежскомъ и Байкалѣ. Въ Каспійскомъ морѣ эти нерьпы (тюлени обыкновенные)—аборигены. Въ Бѣломъ морѣ по зимамъ и веснамъ ихъ больше, лѣтомъ и осенью—значительно меньше; вѣроятно, онѣ также уходятъ въ океанъ. Попадаются въ бѣлужьи невода и сѣмежи сѣти **); въ послѣдніа заходятъ для отысканія пищи. Питаются также толокнянкой (*argutus uva ursi*). Во всякомъ случаѣ, нерьпа самый меньшой изъ всѣхъ звѣрей, населяющихъ моря.

Такъ какъ всѣ эти три породы морскихъ звѣрей ходятъ, какъ уже сказано, въ одиночку, а не стадами, то и самая охота за ними, во всякомъ случаѣ не можетъ быть артельною, какова напр. охота за лысунами и моржами. Такъ какъ эти звѣри, хотя и постоянные гости Бѣлаго моря, выходятъ на любимыя ими мѣста только по личному произволу (когда имъ захочется отдохнуть, полежать, погрѣться на солнышкѣ, или когда влечетъ ихъ къ этому лежанью инстинктивныя побужденія къ соитію), то и самый промыселъ принимаетъ иной характеръ, носящій названіе *стрѣльны*. На эту стрѣльну и самые промышленники отправляются въ одиночку: каждый самъ по себѣ. Это

---

*) За нерпичью кожу даютъ въ Архангельскѣ 25 и 30 коп. сер. Въ самой большой нерпѣ не больше трехъ пудовъ; самая обыкновенная даетъ 1¹/₂, 1³/₄ и даже пол-пуда. Нерпичью шкуру такъ часто приводится всѣмъ видѣть на солдатскихъ ранцахъ.

***) На Лѣтнемъ берегу и у Соловецкаго монастыря нерьпа попадаетъ въ нарочно для нея разставляемая сѣти. Сѣти эти плетутся изъ толстыхъ нитокъ (въ три прядки); ячеи величиною четверти двѣ; ихъ осмаливаютъ. Сѣти опускаются въ воду на деревянныхъ, ромбической формы поплавахъ, которые, для легкаго держанія на водѣ, коптятъ въ огнѣ. Попавшюся въ сѣть нерьпу обыкновенно, при посредствѣ деревянной, сунтовъ десяти въ-су, колотушки, *протыка*, т. е. бьютъ въ голову. Нерьпа, какъ извѣстно слаба головой.

или тундряные самоѣды, или самые ретивые, незнающіе устали русскіе промысленики изъ приморскихъ деревень Мезенскаго уѣзда.

Промыселъ этого рода безгранично утомителенъ: только освоившіеся со своею скудною родиною самоѣды способны и привычны переносить всё его невзгоды и сопряженныя съ ними житейскія лишенія. Самоѣды, прикочевывающіе со своими оленьими стадами въ лѣтнюю пору на Канинскій полуостровъ, иногда по цѣлымъ суткамъ флегматически-сосредоточенно лежатъ въ своихъ карбасахъ, спущенныхъ на якорь дальше отъ берега и терпѣливо выжидаютъ, когда-когда покажется на поверхности воды черная головка нерпы, тевякъ или морской заяцъ.

Покажется одинъ изъ этихъ звѣрей, самоѣдъ не замедлитъ выстрѣлить въ него изъ заряжнаго уже ружья, прямо въ морду, и не промахнется ни въ какомъ случаѣ, если только звѣрь не успѣетъ, высмотрѣвъ своего врага прежде его самого, нырнуть отъ всегда мѣткаго выстрѣла въ воду (Самоѣды, какъ и русскіе поморы, мѣткіе стрѣлки). Но такое терпѣніе—выжидать цѣлыми сутками звѣря на поверхности воды—можетъ доставаться только на долю полудиотовъ изъ самоѣдскаго племени. Русскіе къ тому положительно не привычны; да и въ такихъ случаяхъ они пріучились лучше предпочитать вѣрный отдыхъ въ семейномъ кругу, чѣмъ на угломъ, поталкиваемомъ съ боку на бокъ карбасъ, и притомъ въ такой дали, каковъ тотъ же Канинскій берегъ. Въ этомъ случаѣ они поступаютъ иначе.

Мезенцы, съ незапамятныхъ временъ пребыванія своего на берегахъ Бѣлаго моря, знаютъ (и никогда не ошибаются въ подобныхъ случаяхъ), что когда на Канинскомъ и Тиманскомъ берегу много *корму*, т. е. когда у береговъ этихъ появляется въ значительномъ количествѣ мелкая рыба *сайка*—родъ наваги съ синимъ и жидкимъ тѣломъ, и потому негодная къ употребленію въ пищу—навѣрно въ тѣхъ мѣстахъ должны быть всё три породы этого тюленьяго рода, которыя любятъ гоняться за рыбой сайкой и употреблять ее въ пищу. Только этими обстоятельствами и положительными видимостями соблазняются мезенцы на дальній стрѣлецкій канинскій промыселъ, и то самые бѣднѣйшіе изъ нихъ, въ которыхъ нужда породила и храбрость, и страсть дѣйствовать на авось, буквально—очертя голову.

Зная, что рыбка сайка преимущественно является въ тѣхъ

мѣстахъ въ концѣ ноября и живетъ тамъ весь декабрь, что особенно любятъ жрать эту рыбку барышныя нерпы и что, потому, онѣ являются туда въ огромномъ количествѣ (продувая льдину, назначенную себѣ для жележки, нерпы выползаютъ черезъ эту прорубь на поверхность льдины и лежатъ тутъ съ осторожностью, имѣя всегда эту прорубь какъ прибѣжище, какъ ближайшее и легчайшее средство къ спасенію въ случаѣ опасности). Зная все это бѣднякъ изъ мезенцовъ долго не задумывается. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, а умираютъ люди одинъ только разъ на вѣку—думаетъ какой нибудь бобыль-одиночка или крутой смѣльчакъ, и дѣла не владеть въ долгій ящикъ. Не обидѣла его судьба и самопроизвольная лѣнь возможностью запасть крутоиспеченнымъ съ солью хлѣбомъ, горстями десятью соли и крупы (въ малицѣ, бахлахъ, шапкѣ, камусахъ или рукавицахъ и подъ одѣяломъ онъ всю зиму бѣдуетъ: безъ этого только самые плохіе и пьющіе хозяева живутъ на свѣтѣ), смѣльчакъ не думаетъ долго и собирается. Ходячая, разнѣнная монета у него передъ глазами—живѣе, чѣмъ давно приглядѣвшійся Канинскій берегъ и нерьпа, и тевякъ, и заяць морской; а между-тѣмъ нужда бьетъ по боку назойливо и ежедневно. Освѣнитъ онъ аввакумовскимъ крестомъ (если старой вѣры держится) и никоновскимъ (если не соблазненъ въ расколъ), чмокнетъ въ уста того да другую (если найдутся у него въ семьѣ таковыя) и, вскинувъ котомку со съѣстными припасами за плечи, взявъ въ руки ружье да дубину (пѣшню или носокъ съ желѣзнымъ оконечникомъ), ламбы *) подъ мышку, лыжи на ноги, вскинетъ крестное знаменіе на лобъ, обовьется длиннымъ ремнемъ и по-

---

*) Все нехитрое устройство ламбъ основывается на томъ, что рѣдкіе изъ торосовъ не сопровождаются измельченнымъ льдомъ, называемымъ *шугою*. Если отъ давленія ноги мелкія льдинки, плавающія по водѣ, тонутъ, то достаточно — разнѣренная быстрота передвиженія ламбъ широкихъ и плоскихъ задерживаетъ скорость погруженія. Конечно, при этомъ необходимы крайняя опытность, главное — смѣлость, а еще болѣе огромное присутствіе духа. Часто слегка нарушенный балансъ, при самомъ первомъ свачкѣ на шугу, часто ламбы задѣваютъ за льдину, и тогда смерть неизбежна: несчастный смѣльчакъ прямо падаетъ въ воду и затирается ближайшимъ льдомъ на вѣка вѣчные.

бѣжить искать счастья и удачи вдали, версты за 300 отъ роднаго крова.

— Да тяжело вѣдь это для васъ, скучно, думаю, такъ, какъ нигдѣ и никогда, замѣчалъ я тѣмъ поморамъ, которые ежегодно бѣгали на Канинъ.

— Скучно, говорятъ, ваша милость, у чертей въ котлѣ сидѣть на томъ свѣтѣ, да вотъ твоему благородью въ сторону нашей задѣнной. А намъ ничего, ничѣмъ-ничего, хоть лопни глаза мои!—отвѣчали мнѣ почти всѣ они въ одно слово.

— Вѣдь чай все въ карбасѣ качаетесь, да на воду смотрите, звѣря выслѣживая?

— И въ карбасѣ покачаемъ, и въ сухомятку поѣдимъ, и вмѣсто ручья изъ снѣгу воды добудемъ—намъ это все, что табашнику трубку табакъ выкурить. Да нѣтъ: мы вѣдь въ карбасѣ на нашей на завѣтной стрѣльнѣ не качаемся. Тогда выстаетъ звѣря много—не зачѣмъ въ карбасѣ лежать: съ берега очень въ примѣту. Твою милость, важись, охота-то наша крѣпко, вижу забираетъ?

— Любопытна, должно-быть, если не прямо стрѣляете.

— Нѣтъ, не прямо стрѣляемъ, а лукавимъ; и вотъ слушай теперь:

— Надо тебѣ прежде сказать, что нерьпа лукавой звѣрь, особо та, которая около жила шатается. Съ этой по христіански-то, по православному не сладишь. Не чутка она на ность, за то далеко беретъ глазомъ; это не моржъ. Запримѣтитъ человѣчье тѣло версты за двѣ — сейчасъ въ воду; а тамъ ловитъ ее, когда семи пядей во лбу. Бродитъ эта нерьпа около припаевъ ледяныхъ, и мѣста-то мы эти знаемъ ужъ по своей по старой вѣрѣ, по старымъ примѣтамъ. И то мы знаемъ, что человѣка она къ себѣ близко не подпускаетъ. Вотъ тутъ и хитритъ человѣкъ—божье рожденье, и хитритъ то онъ вотъ какъ... Да постой!...

— Лежитъ звѣрь на гладухѣ (по зимамъ), на коргахъ, лудахъ (по лѣтамъ)... больше всего на гладухахъ — тороса такіе ледяные по зимамъ живутъ—лежатъ эти нерьпы. Тутъ мы ихъ больше и беремъ... Вотъ нерьпа лежитъ—вижу; окомъ своимъ вижу и себѣ вѣрю, что Богу—и лежитъ она не одна, а много, (а изъ одной и рукъ марать нечего!). Я сейчасъ на раздумье и сейчасъ къ дѣлу. На плечи напялю чорный совинокъ, на го-

лову — бѣлую шапку безпремѣнно, за спину вскину ружье противъ себя доску держу, и водой я эту доску оболю и заморозю, и по доскѣ по этой *петничекѣ* (деревянныхъ гвоздочковъ) насажаю пропасть, чтобы снѣгъ держался, и поползу на козбикахъ на льдину. Нерьпа видитъ доску мою, ропакомъ, льдиной — стамухой почитаетъ; лежитъ и глядитъ на доску на эту зорко, во всё глаза. Надулъ, думаю; стой теперь: я еще тебѣ штуку подпущу, знай ты меня! И сейчасъ кричать, сейчасъ стучать, какъ смогу и съумѣю, и опять однимъ глазкомъ своимъ накинусь на звѣря. Вижу мечется онъ, по сторонамъ бросается, въ прорубь сунется, опять выскочитъ, ухо прилаживаетъ, прислушивается къ проруби-то: не тамъ ли, молъ, шумитъ кто; опять у проруби мечется, долго, круто мечется. Думаю: забра-ло! пошла битка въ конь!... гуляй молодець — твоя недѣля. Онъ-то мечется! а я ему: «ого-го!» свое; онъ-то пляшетъ да скачетъ, а я свое дѣло правлю: ружье налаживаю, да пулей-то ему прямо въ морду! — такъ и уткнется, такъ и продернетъ его всего крѣпкой судоргой. Ей Богу! это дѣло — ладное дѣло. На берегъ выйдешь, не прохочешься. Эко, молъ, ты человекъ — дикой да глупой, хуже, молъ ты самоѣда нашего, право!... Эдакъ-то мы по веснамъ больше... Тогда же и зайчей ловимъ...

— А есть у насъ, твое благородье, и такіе смѣльчаки (про себя только боюсь тебѣ сказывать), что облукавливаютъ звѣря всякого: и нерьпу, и тевяка, и зайчѣй. И облукавливаютъ они его вотъ какъ, и это труднѣе того, что рассказано. Доски на этотъ разъ не берутъ; тутъ человекъ самъ за себя отвѣчай, за свой умъ, за все свое. Человекъ этотъ выходитъ на льдину весь бѣлой, ворочается: нерьпу раздражить, разшевелить. Она свое дѣлаетъ и онъ по ее: она въ одну сторону дернетъ и головушкой тряхнетъ — и онъ также: она ухомъ къ проруби своей приложится — и онъ свое ухо на ледъ. Такъ и надуется! Такъ и облукавитъ! Звѣрь помечется, побѣсится; видитъ — человекъ, что нерьпа, свой братъ; возьметъ, да и ляжетъ, успокоится и отворотится. Тутъ ей и пуля горячая!...

— Мы вѣдь, ваша милость, изъ своихъ изъ плохихъ винтовокъ на 50 сажень хватаемъ, и прямо въ морду. И до того глупа на тотъ часъ нерьпа бываетъ, что щолкаешь ты выстрѣлами однѣхъ — другія не шелохнутся! Выстрѣлы то эти, на-

до-быть, за трескъ торосевъ почитаютъ. Облукавленный звѣрь—пропащій звѣрь, какъ передъ Богомъ!...

— По берегу-то по Кавинскому теперъ избы настроили, хоть и не больно часто; у иной и часовня есть, и образъ есть— да вѣдь въ наледномъ-то промыслу, что въ этихъ избахъ? Тутъ вонъ со звѣремъ ломаешься, хитришь, бьешь его: умъ теряешь и сметку всякую, а на ту пору, глядишь, вѣтеръ оторвалъ твою льдину отъ припая, да и понесъ въ голомя. Съ горяча-то, это тебѣ не въ примѣту, а очнешься—руками махнешь, крестное знаменіе на лобъ положишь, родителей, коли есть, вспомнешь, знакомые какіе на умъ взбредутъ; сердцемъ опять надорвешься, глаза зажмуришь и поплывешь на удачу, куда вѣтеръ несетъ. На этотъ случай намъ островъ Моржовець*) подспорье хорошее: все больше на него попадаемъ. Такъ вотъ и со мной разъ было дѣло. А то уносить въ океанъ, такъ тамъ и погибаютъ.

— Вотъ оттого-то безразсуднѣе, безчеловѣчнѣе нашихъ тюленьихъ промысловъ другихъ больше и на свѣтъ нѣтъ...

— Это ты тамъ какъ хочешь... а и на дому-то потомъ не больно же много напастей послѣ смерти своей бываетъ.

— Да правда ли полно все то, что ты сказалъ теперъ?

— Истинная, сущая. Бобыль ты человекъ—по тебѣ за то и собака не взвоетъ; семья у тебя есть—ну, извѣстно, заревутъ

---

*) Скажемъ нѣсколько словъ о Моржовцѣ—самомъ ближнемъ къ Мезенскому берегу островѣ. Весь онъ гранитнаго строенія съ толстымъ пластомъ тундры, (покрытымъ ягелемъ (оленымъ мохомъ)). Островъ этотъ лежитъ къ сѣверу отъ Воронова носа, при выходѣ изъ Блага моря въ Ледовитой океанъ, въ 28 верстахъ отъ берега. Форма его овальная, окружность около 40 верстъ. На немъ текутъ двѣ рѣчки съ прѣсной водой. Золотуха и Рыбная, и стоятъ два озера также съ прѣсной водой: Лѣсъ не растеть здѣсь; жилья нѣтъ, кромѣ смотрителя и прислуги при маякѣ, построенномъ между 1838 и 1841 годами. Въ серединѣ прошлаго столѣтія, когда Мезень вела заграничный торгъ лѣсомъ, жили на южномъ краю острова лодчана по найму лѣсной компаніи. Лѣдъ покидается у береговъ Моржовца обыкновенно въ началѣ октября, бродячіе же торосы въ началѣ ноября, и тогда прекращается всякое сообщеніе острова съ материкомъ. Въ маѣ сообщеніе это опять начинается и производится обыкновенно чрезъ посредство казенныхъ судовъ, имѣющихся при маякѣ. Не принося никакой прямо-положительной пользы, за безплодемъ, и безлюдьемъ, островъ Моржовець весной служитъ спасительнымъ пристанищемъ для *основальщиковъ*, которыхъ ежегодно, и не одинъ разъ, приносятъ сюда на льдинахъ.

Годъ на Сѣверѣ.

бабы, шибко заревутъ. Опять-таки и онѣ: поревутъ, поревутъ—перестанутъ.—Это ужъ дѣло такое! Нѣтъ того на свѣтѣ горя, въ которомъ бы человѣкъ утѣшенія себѣ получить не могъ....

— Нѣтъ! какъ, братъ, ты хочешь, какъ ты тутъ ни вертись, а ужъ если народъ о человѣкѣ плачетъ, стало-быть человѣкъ дорогъ, стало-быть въ человѣкѣ этомъ мѣръ лишился товарища, а семья кормильца. Какъ ты себѣ ни ворочай дальше, а промыслы ваши глупо ведутся: попусту народъ теряется изъ лишняго пуда сала; у васъ семга есть, навага, звѣрь на Кедахъ, на припаяхъ лежитъ, добывать его въ это время безопасно....

— Да вѣдь звѣрь-отъ лежитъ мелкота больше. А что ты больно смерть-то охаялъ? Гдѣ она тебѣ, сказано въ писаніи, написана, то мѣсто ты и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь: вѣрно такъ!

Почти также разсуждаютъ и всѣ другіе поморы, которые, какъ и всѣ простые русскіе люди, соберутся міромъ на улицѣ, въ кабакѣ услышатъ нерадостную вѣсть о погибели товарища, покачаютъ головами, покрутятъ плечами, перекрестятся, потолкуютъ:

— Вишь-ты, братцы, грѣхъ какой, божеское наказаніе!

— Жаль парня-то, крѣпко жаль. Ну-ко поди! Хорошой парень-отъ былъ, хорошей!

— Хорошой былъ, хорошей—это что говорить. Жаль парня жаль!

— И что его, братцы, угодило такъ-то?

— Да вотъ поди ты—угодило!

— Пошли-жъ ему, Господи, царство небесное! И опять весь мѣръ деревенскій перекрестится, опять всѣ закачаютъ головами, опять начнутъ толковать о бездолю погибшаго парня, о тяжеломъ житѣ у моря и на морскихъ промыслахъ и обо всемъ другомъ многомъ, да тутъ же и опросятъ другъ друга:

— А кто изъ васъ, братцы, на стрѣльню-то нонѣ собирается?

— Да вотъ: я, да дядя Никифоръ, дядя Михѣй, Кузька, Селифантей!...

— А когда, братцы, налаживаться станете?

— Да завтра-чай, что волочить дѣло попустому!—отвѣтятъ въ одно слово и дядя Никифоръ, и дядя Михѣй, и Кузька, и Селифантей.

III.

БЕРЕГА ЛЬТНИЙ И ОНЕЖСКИЙ.

Прощанье съ Архангельскомъ и выѣздъ оттуда. — Первыя впечатлѣнія моря. — осадъ Нѣнокса: соляныя варницы, бѣломорская соль и способы ея добыванія. — Уна и Унскіе рога съ Пертоминскимъ монастыремъ. — Селенія по Лѣтнему и Онежскому берегамъ. — Ловъ мелкой морской рыбы. — Островъ Жожгинъ. — Бѣлуга и промыселъ этого звѣря, по наблюденіямъ и разсказамъ. — Салотопенные заводы и способы выварки звѣринаго сала. — Городъ Онега: его исторія и первыя мои впечатлѣнія, по приѣздѣ туда. — Суда-романовки. — Крестной монастырь и Кій-Островъ.

Архангельскій май 1856 года, противъ ожиданія, оказался совершенно весеннимъ мѣсяцомъ, хотя, конечно, въ своемъ родѣ: быстро зеленѣла трава, промытая вешной водой, быстро пробирались ручьи съ горъ въ овраги и низменности; скоро затѣмъ посинѣлъ рѣчной ледъ, образовались полыньи, желтыя окраины; расплылась всюду мягкая, глубокая грязь; вѣтеръ наносилъ весеннюю свѣжесть, чаще хмурилось небо дождевыми тучами; утренники приходили къ концу, постепенно утрачивая силу своего холода; все, однимъ словомъ, обѣщало скорой ледоплавъ и возможность пуститься въ море. И вотъ два дня непрерывно лилъ дождь мелкій и частой, столько же времени крѣпились сильныя, перывистыя вѣтра и широкая, глубокая Сѣверная Двина, надтреснувшись во многихъ мѣстахъ и густо почеркѣвшая на всемъ своемъ видимомъ Архангельску пространствѣ, наполнилась почти до краевъ — и начала вскрываться. Огромными кусками, иногда захватывающими больше половины рѣки,

понеслась масса льду по направленію къ морю; разъ остановилась она, спертая своимъ множествомъ въ узкомъ Березовскомъ рукавѣ рѣки, и залила водою Соломбальское портовое селеніе до нижнихъ этажей его лачужекъ. Сутки стояла вода въ селеніи, потѣшая добродушныхъ обитателей карнавальскими играми въ карбасахъ и лодкахъ; сутки же держался спершійся въ устьѣ ледъ, противясь напору новыхъ кусковъ, наносимыхъ горными вѣтрами. Наконецъ, ледъ прорвало и вся его масса прошла въ Бѣлое море, гдѣ придется ему или быть растертымъ въ мелкіе куски (шугу) морскими торосами, или растаять въ массѣ морской воды и не дойти такимъ образомъ даже до Горла моря. Для города наступило время *мутницы* — той грязной, желтой, густой воды, которая, по крайней негодности къ употребленію, запасливыми хозяевами замѣняется водою, заготовленною раньше ледоплава.

Кончилась и мутница; выжидалось появленіе грязно-чернаго льда изъ рѣки Пинеги; провалилъ и этотъ ледъ, сопровождаемый густою грязною пѣной, успѣвши, по несчастію, разломать нѣсколько барокъ съ зерновымъ хлѣбомъ (по туземному — *съ сымю*). Наступилъ іюнь: городскія деревья усыпались свѣжимъ, мягкимъ листомъ; повсюдная зелень была въ глаза; солнце свѣтило весело, грѣло своей благодѣтельной теплотою и замѣтно обсушало весеннюю грязь. Двина успѣла уже войти въ свои берега и кое-гдѣ просвѣчивала даже пескомъ у береговъ. Стали ходить положительные слухи, что и море очистилось. Мѣстное населеніе высыпало въ городской садъ, приучаясь отдыхать подъ обаяніемъ обновленной и просвѣтлившей природы... И городъ Архангельскъ красовался уже позади меня, весь сбившійся ближе къ рѣкѣ, по которой колыхался почтовый карбасъ, обязанный доставить меня на первую станцію по онежскому тракту, откуда, какъ говорили, повезутъ уже въ телегѣ и на лошадяхъ.

Вправо передо мною, изъ за зелени бережной ветлы, красиво серебрился шпигъ и отливалъ золотомъ крестъ, вѣнчавшій деревянную церковь Когъ-острова; прямо тянулась рѣка съ своей непроглядной далью, въ которой хранилось для меня, на тотъ разъ, все неизвѣстное, все — что такъ сильно волнуетъ и неудержимо влечетъ къ себѣ. Влѣво тянулся обрывистой черной берегъ тундры и за ней выглядывалъ лѣсъ, а изъ за него еще какое-то село, еще какая-то деревушка, и опять та же Двина,

ушедшая также въ непроглядную даль. Вѣтерокъ вѣялъ прохладой; гребцы мои наладили парусъ, убрали весла, заплѣли пѣсню и разводили ее беззаботно-весело, разносисто-громко. Я обернулся на Архангельскъ не съ тѣмъ, чтобы, глубоко вздохнувъ, пожалѣть о разлукѣ съ нимъ на четыре мѣсяца, но чтобы просто посмотреть, такъ ли же хорошъ и онъ на своей рѣкѣ, какъ, напримѣръ, всѣ города приволжскіе. При повѣрѣхъ и дальнѣйшихъ соображеніяхъ, оказалось тоже, что и ландшафтъ Архангельска можетъ увлечь художника своей оригинальнію и картиннымъ мѣстоположеніемъ. Правда, что и здѣсь нашлось много чертъ общихъ со всѣми другими городами: также церкви занимали переднюю и большую часть плана: также церкви эти разнообразны были по своей архитектурѣ; также бѣлый цвѣтъ, смѣняясь желтымъ, рѣзче оттѣнялъ зелень садовъ и полисадниковъ; также, наконецъ, низенькій, новенькій деревянный домикъ стоялъ рядомъ съ большимъ двухъ-этажнымъ каменнымъ. На этотъ разъ, разница состоитъ въ томъ, что вся эта группа городскихъ строеній тянется на трехверстномъ пространствѣ, замкнутомъ съ правой стороны монастыремъ Архангельскимъ, слѣва — соборомъ Соломболы; въ серединѣ красиво разнообразятъ весь ландшафтъ развалины такъ-называемаго нѣмецкаго двора, строеннаго будто бы еще во времена Марыи Посадницы и не разломаннаго до сихъ поръ за невозможностью пробить скипѣвшуюся известь, связующую кирпичіе, окаменѣлые до гранитнаго свойства кирпичи новгородскаго дѣла. Но все это уходитъ постепенно вдаль и заволакивается туманомъ; Архангельскъ скрылся за Кегъ-островскимъ мысомъ съ одной стороны и тундристымъ, печальнаго вида берегомъ съ другой; потянулись берега справа и слѣва, кое-гдѣ лѣсистые, кое-гдѣ пустынные; повсюдное безлюдье; ни человекъ, ни лошади не видать нигдѣ. Выглянетъ изъ-за противоположнаго мыса еще село, раскинется деревня, но и тамъ почти тоже безлюдье и та же тишина, которая для насъ нарушается только шумомъ воды на носу карбаса, да разъ только людскимъ говоромъ и крикомъ съ попутной соловейкой ладью, обронившей паруса. Вѣтеръ стихъ; плыли греблей: шумѣла вода подъ веслами... Вотъ и все. Немного и дальше: въ станціонной избѣ, называемой Рикосихой, слѣпили глаза и не давали покоя мириады комаровъ, которые обсыпаютъ въ теченіе всего дѣла всѣ побережья рѣкъ, озеръ и архангельскаго моря.

Тоже самое ожидало (и дѣйствительно встрѣтило) и на слѣдующей станціи въ Тѣборахъ. Невыносимо была въ грудь и спину избитая колеями и выломанная временемъ и употребленіемъ гать, служащая дорогой: постукивали по ней колеса, привскакивали на своихъ мѣстахъ и сѣдокъ, и ямщикъ, съ трудомъ собирая дыханіе; заматывались, по обыкновенію, лошади хохлатыя, разбитыя ногами, сытно ненакормленные, порядочно невыѣзжанныя. Тѣже удовольствія предстояли и на слѣдующей станціи и такъ далѣе—можетъ быть, вплоть до самаго города Онеги. Къ тому же ничто не развлекало вниманія; пустынность и непривѣтливость видовъ поразительно сильно развивали тоску и апатію; казалось, и конца нѣтъ этимъ мученіямъ; казалось, и не выдержать всѣхъ ихъ...

— Ну вотъ, твоя милость, все ты пыталъ спрашивать: гдѣ море, гдѣ море? на, вонъ тебѣ и море!

И ямщикъ показалъ впутовищемъ въ дальнюю сторону разстилавшагося впереди насъ небосклона. Первой разъ въ жизни приводилось мнѣ видѣть море, быть подлѣ него; я спѣшилъ посмотреть по направленію руки ямщика, но на первой разъ увидѣлъ немного: тускло и непривѣтливо глядѣло, по обыкновенію, сѣренское архангельское небо и хотя на немъ, на этотъ разъ, во всей своей яркости сіяло лѣтнее солнце, то солнце, которое въ описываемую пору скрывалось подъ горизонтомъ на какіе-нибудь два-три часа, тѣмъ не менѣе близость моря почти была несомнѣнна. Въ воздухѣ чувствовалась та свѣжая, замѣтно крѣпкая, но пріятная прохлада, которая нѣсколько (но довольно слабо) можетъ напоминать ощущенія человѣка, вдругъ вышедшаго изъ густаго смолистаго лѣса, въ жаркую лѣтнюю пору, на берегъ большаго болотистаго озера.

Рѣзкій, довольно свѣжій вѣтерокъ, *морянка*, время отъ времени (*духами*—какъ говорятъ здѣсь) начиналъ вѣять въ лицо и даже замѣтно разгонялъ мириады комаровъ, охотно кучившихся въ лѣсной духотѣ. Но моря я еще не видалъ. Блѣсоватая, широкая полоса, плотно слившаяся съ небосклономъ, могла, впрочемъ, казаться дальнимъ краемъ морской воды, и это не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію съ той поры, какъ на этой блѣсоватой полосѣ далеко впереди показался бѣленькій парусокъ, словно вонзенный въ небо. Но ближняя часть моря еще закрыта была отъ насъ сосѣднимъ передѣскомъ: видѣлся только

парусокъ, полоса на горизонтѣ и—только. Ближе къ намъ все-таки продолжали еще тянуться длинные, густые ряды невысокихъ, плотно стоявшихъ одна отъ другой сосенъ и елей, въ перемежку съ необъятно-густыми, приземистыми и широкими кустами можжевельника. Ниже, по землѣ, у самой окраины дороги начиналось и тянулось въ лѣсную даль, черезъ кочки и мшины, безчисленное множество красныхъ кустовъ желтой морошки, находившейся, на этотъ разъ, въ полномъ цвѣту, и зеленѣли кусты цѣпкой вороницы, всегда разбрасывающей свои длинныя вѣтви по голымъ и сухимъ мѣстамъ, каковы здѣшніе камни и надводныя луды. Влѣво отъ насъ, неоглядно вдаль, краснѣло топкое болото, вплотную почти усыпанное той же морошкой и той же вороницей, кое-гдѣ со сверкающими на солнцѣ лужами (радами—по здѣшнему) и—только...

Между тѣмъ мы спускались подъ гору; лѣсъ прекратился и море, во всей своей неоглядной ширинѣ, лежало передъ нами, сверкающее отъ солнца, пустынное, безбрежное, на этотъ разъ, гладкое, какъ стекло. Сливаясь вдали съ горизонтомъ, оно обозначилось въ этомъ мѣстѣ густо-черной, но узкой полосой, какъ бы свидѣтельствовавшей о томъ, что дальше ея глазъ человѣческой проникнуть уже не можетъ. Невозмутимая тишина по всей этой свѣтлой поверхности, не осмысленная ни единымъ знакомымъ признакомъ жизни, производила какое-то неисходное, тяжелое впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся крикомъ чаекъ. Овъ то подвигались, то опускались на огромной камень, краснѣвшій далеко отъ берега. Страшилъ на ту пору и этотъ лѣсъ, который мрачно потянулся впередъ и назадъ по берегу, и эта пустынность и одиночество вдали отъ селеній, вдали отъ людей, о-бокъ съ громадною массою воды и дикою, дѣвственною природою. Сосредоточенное молчаніе ямщика еще болѣе усиливало безвыходность положенія; визгъ чаекъ начиналъ становиться едва выносимымъ...

Спустившись подъ гору, мы подѣхали почти къ самой водѣ; направляясь по гладко-обмытому, какъ бы укатанному и еще мокрому песку, чуть не на колеса телеги начали плескаться волны, которыя съ шумомъ отпрядывали назадъ, подсѣкаясь на возвратномъ пути другими, новыми. Я заговорилъ съ ямщикомъ:

— Что же у васъ дорога-то тутъ и идетъ подлѣ самой воды?

— Дорога *горой* пошла; да вишь, теперь *куйнога*, а по ней ѣхать завсегда выгоднѣй: и кони не заматываются, и твоей милости не обидно; *горой*-то,мотри, всего бы обломало.

Своеобразная рѣчь ямщика не казалась мнѣ уже непонятною. Видимо, ѣхали мы подлѣ морской воды въ тотъ періодъ ея состоянія, когда отливъ унесъ ее вдаль отъ берега (въ голомя), и продолжалось еще то время, когда полая (прибылая) вода не неслась еще приливомъ къ берегу. Черезъ 6, можетъ быть, даже черезъ 5, 4 часа, то мѣсто, по которому мы ѣдемъ, на аршинъ покроется водой *). Давно также извѣстно мнѣ было, что для приморскаго жителя всѣ виды мѣстностей дѣлятся только на два рода: *море* и *гору*, и горой называется онъ высокій морской берегъ, и все, что дальше отъ моря, хотя бы тутъ не было не только горы, но даже и какого-либо признака холма, пригорка и проч.

Вѣроятно, поощренный моимъ вопросомъ, ямщикъ обратился ко мнѣ со своимъ замѣчаніемъ. Растопыривши свою пятерню противъ вѣтра, къ сторонѣ моря, онъ говорилъ:

— Вѣдь оно у насъ такъ-то никогда не живетъ, чтобы покойно стояло, какъ въ ведрѣ бы, примѣрно, али въ кадкѣ: все зыбится, все шевелится, все этотъ *колышень* въ немъ ходитъ, какъ вотъ и теперь бы взять. И нѣтъ ему такъ-то ни днемъ, ни ночью покою: изъ-вѣковъ ужъ звать такое, съ той самой поры, какъ Господь его Богъ въ нашей сторонущкѣ проліялъ...

— А вотъ по осени у насъ падутъ вѣтра, ай! — какъ оно разгуляется! взводнишко (волненіе) такой распуститъ, что безъ нужды-то большой и не суются.

— И вотъ гляди, твоя милость!—продолжалъ онъ, все тѣмъ же поучительнымъ тономъ, какимъ началъ, указывая своей пятерней на разстилавшееся подъ нашими ногами море: — никакую дрянъ эту наше море въ себѣ не держитъ, все выкидываетъ вонъ изъ себя: всѣ эти бревна, щепы тамъ что ли — все на берегъ мечетъ: чистоту блюдетъ!

И онъ показалъ при этомъ на ряды сухихъ сучьевъ, до-

---

*) По наблюденіямъ г. Рейнеке, песокъ во время отлива сосыхаетъ въ этихъ мѣстахъ на 30 сажень, а возвышеніе прилива доходитъ до 3¹/₂ футовъ.

сокъ и тому подобнаго, рядами сбитыхъ на прибрежной песочъ, по которому мы продолжали ѣхать все дальше влѣво.

Въ морѣ бѣлѣлъ новый парусъ; солнце освѣтило большое судно.

— Ладья идетъ, замѣтилъ я: — должно-быть, изъ Архангельска?

Ямщикъ быстро оглянулся, удивленнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня и спрашиваетъ:

— А ты почему это смѣкаешь?

— Да вѣтеръ дуетъ оттуда, а ладья бѣжить парусомъ...

— Такъ, воистину такъ: знаешь, стало-быть; а то возмимъ и такихъ, что и не смѣкаютъ. Не спуста же ты съ Волги-то сказывался (Архангельскіе поморы до того любопытны и подозрительны, что во всякой деревнѣ являются толпами и въ одиночку опрашивать всякаго: куда, зачѣмъ и откуда ѣдетъ, и всякою подробностью жизни новаго лица интересуются едва не больше собственной; въ этомъ поморскіе мужики похожи на великорусскихъ бабъ и нисколько на мужиковъ, почти всегда сосредоточенныхъ на личныхъ интересахъ и болѣе молчаливыхъ, чѣмъ любознательныхъ).

— А коли смѣкнулъ ты умомъ своимъ дѣло это, продолжалъ мой ямщикъ:—такъ я тебѣ и больше скажу. Лодья-то эта, надо-быть, первосолку, рыбу-тресочку съ Мурмана привозила; опять, знать, туды побѣжала за новой! Ыдаль-ли, твоя милость, свѣжую-то?

Получивши утвердительный отвѣтъ, ямщикъ продолжалъ:

— Больно вѣдь, хороша она, свѣжая-то; сахарина, братецъ ты мой, словомъ сказать! Намъ такъ и мяса твоего не надо, коли тресочка есть—вѣрно слово! У васъ тамъ, въ Расевъ-то, какая больше рыба живетъ, на Волгѣ-то на твоей?

— Стерлядь, осетрина, бѣлужина, судаки...

— Нѣтъ, мы про этихъ и слыхомъ не слышали, не ведутся у насъ. Стерлядь-то вонъ, сказываютъ, годовъ съ пять показалась на Двинѣ *), такъ ѣдятъ господа, да не хвалятъ же.

---

*) Появленіе въ Двинѣ стерляди весьма вѣроподобно объясняютъ тѣмъ, что она зашла сюда черезъ Екатерининской каналъ и осталась въ рѣкѣ по закрытіи его. Простой народъ (разсказываютъ при этомъ) считалъ ее

Треска, слышь, да сѣмга наша лучше! Нѣтъ, у насъ вашей рыбы, нѣтъ: у насъ своя, вонъ видишь колышки?

Ямщикъ при этомъ указалъ въ море. Тамъ торчали въ несмѣтномъ множествѣ надъ водою колья, подлѣ которыхъ качался карбасъ, стоящій на якорѣ; изъ-за бортовъ суденка торчала человѣческая голова, накрытая теплой шапкой. Ямщикъ продолжалъ:

— Къ колышкамъ къ этимъ мы сѣти такія привязываемъ: такъ камбала заходитъ туда, навага опять, кумжа; кое-кое въ рѣдкую и сельдь попадаетъ, сѣмушка—мать родная, барышная рыба! Да вонъ гляди: карбасовъ качается и голова торчитъ— это сторожь. И какъ вотъ онъ запримѣтитъ, что заплыла рыба, толкнула сѣть, закачала *кибасы* (верхнія берестяныя трубочки, поплавки сѣти), онъ и взвопитъ. Въ избушкѣ-то вонъ въ этой, что у горы, бабы спятъ; услышатъ крикъ, придутъ, пособятъ вытащить сѣть, какая тамъ рыба попадетъ — вынуть.

— А мѣста-то вотъ эти, гдѣ мы камбалу ловимъ, *калгой* зовутъ, продолжалъ мой ямщикъ, видимо разговорившійся и желавшій высказать все по этому дѣлу. У насъ вѣдь, надо тебѣ говорить, на всякое слово свой отвѣтъ есть. Вотъ какъ бы это по твоему?

Онъ показалъ на побережье.

— Грязь, по моему, иль...

— По нашему—*няша*; по нашему, коли няша эта ноги человѣчьею не подниметъ—*зыбунъ* будетъ. По чему давѣ ѣхали—*кечкаръ*: песокъ-отъ. Коли камней много наворочено по кечкару, что и не вдогадъ проѣхать по нему— это *костлихой* берегъ. Такъ вотъ и у насъ, а въ Онегѣ будешь— тамъ это увидишь вчастую. Тамъ больно море не ладно, костливо!

— Вотъ это, продолжалъ онъ опять:— что вода осталась отъ полой воды, лужи— *залёщины*. Такъ и знай! Ну да ладно же, стой!

попаню рыбою и потому за безцѣнокъ продавалъ любителямъ изъ чиновничьяго и купеческаго люда въ Архангельскѣ. Теперь, впрочемъ, и простонародье нашло въ ней вкусъ и цѣна на рыбу подвинулась до 2 рублей серебромъ, за самую, впрочемъ, крупную.

Онъ замолчалъ, пристально всматриваясь въ море. Долго смотрѣлъ онъ туда, потомъ обернулся ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— А вѣдь про лодью-то про эту я тебѣ давѣ совралъ: лодья-то вѣдь соловецкая! Не треску, а, знать, богомольцевъ повезла.

— Почему же ты такъ думаешь?

— Да гляди: на передней мачтѣ у ней словно звѣздочка горитъ. У нихъ навсегда на передней мачтѣ крестъ живетъ мѣдной; поближе бы стала, и надпись на кормѣ распозналъ. Онѣ, вѣдь, у нихъ..... лодьи-то росписныя такія бываютъ. Поэтому и вызнаемъ ихъ. И лодьѣ ихней всякой имя живетъ, какъ бы человѣку примѣрно. Зосима бы тебѣ, Саватей, Александръ Невской...

Между-тѣмъ волны начали плескаться на песокъ замѣтно чаще и шумливѣе; въ лицо понесъ значительно свѣжій вѣтеръ (NO), называемый здѣсь полуношникомъ. Ладья обронила паруса. Небо, впрочемъ, по прежнему оставалось чисто и ясно. Поверхность моря уже замѣтно рябило волнами. Ямщикъ мой не выдержалъ:

— Вотъ, вѣдь, правду я тебѣ давѣ сказалъ: нѣтъ въ нашемъ морѣ спокую: всегда падетъ какой-нибудь вѣтеръ, вонъ и теперь на голѣмянной (морской) смѣнился.

При этихъ словахъ онъ повернулъ лицо на сторону вѣтра и, не медля ни минуты, опять замѣтилъ:

— Межникъ отъ полуношника ко востоку (ONO); ко востоку-то ближе: вотъ какой теперь вѣтеръ заводится. Пойдетъ теперь взводень гулять отъ этого отъ вѣтра, всегда ужъ такой, изъ вѣковъ!

Едва понятная, по множеству провинціализмовъ, рѣчь моего собесѣдника была для меня еще не такъ темна и запутанна, какъ темна, напримѣръ, рѣчь дальныхъ поморовъ. На нарѣчіе ямщика видимо вліяли еще близость губернскаго города и нѣкоторое общеніе съ проѣзжающими; въ дальномъ же Поморьѣ, особенно въ мѣстахъ удаленныхъ отъ городовъ, мнѣ не разъ приходилось становиться въ тупикъ, слыша на родномъ языкѣ, отъ русскаго же человѣка, непонятныя рѣчи. Прислушиваясь впоследствии къ языку поморовъ, на ряду съ корельскими и древними славянскими я попадалъ и на такія слова, которыя изумительны были по своему мѣтво-вѣрному сочиненію; таково,

напримѣръ, слово *нежить*, заключающее собирательное понятие о всякомъ духѣ народнаго суевѣрія: водяномъ, домовомъ, лѣшемъ, русалкѣ, обо всемъ, какъ бы *неживущемъ* челоувѣческой жизнию. Много находилъ я словъ, которыя, кажется, удобно могли бы замѣнить вкоренившися у насъ иноземныя; напримѣръ: *магавка*—флюгеръ, *перѣшва*—бимсъ, брусь для палубной настилки, *возка*—транспортъ, *голомя*—морская даль, *дрогъ*—фалъ для подъема реи, *красная бетъ*—полный бейдевиндъ, *бѣтатъ*—лабировать, *приказенъе*—люкъ, *упруа*—шпангоутъ и проч., и проч. Правда, что въ тоже время попадаются и такія слова, каковы, напримѣръ: *лемѣха*—подводная отмель, *підера*—бурная погода съ дождемъ, *алѣжъ*—мѣсто на суднѣ, усыпанное пескомъ и замѣняющее печь, *уйна*—бутка на холмогорскомъ карбасѣ... но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

— Что это тебя охмарило, твоя милость?—снова заговорилъ мой ямщикъ.

— Что ты говоришь?—спросилъ я.

— Да, вишь, тебя словно схитилъ кто, осерчалъ, что-ли?

— Задумался.

— То-то. А я думалъ, не отъ меня ли молтъ?

— А что, землякъ?—началъ я, чтобы поддержать снова завязавшійся разговоръ между нами.

— Чего твоей милости надо: спрашивай!

— Неужели у васъ только на морѣ и промыселъ?

— У насъ-то?

— Да.

— Не всѣ у моря; въ городъ ходятъ; на конторахъ тамъ живутъ; суда опять чинять...

— Да, вѣдь, вы и хлѣбъ, кажется, свете?

— Какъ же! треть ржи высѣваемъ, двѣ трети жита (ячменю). Да что ты захотѣлъ отъ нашего хлѣба? Только, вѣдь, слава-то, что сѣемъ, себя надуваемъ, а гляди, все казенной ѣдимъ: своего не хватаетъ. Вонъ лѣта-то наши, видишь, какія у насъ: все холода стоятъ; гдѣ ему тутъ хлѣбушку уродиться? Не уродиться ему, коли и хорошее лѣто задастся. Вотъ и посѣемъ, и надежду на это большую положимъ, и ждемъ, и въ радость приходимъ: взойдетъ наше жито, и сѣмя нальется, а тамъ, гляди, изъ каждой мшины и пошолъ словно паръ туманомъ: все и прохватить и позябнетъ твой хлѣбъ — твоимъ

труды. Изъ чего тутъ биться, къ какому концу приведешь себя?—ни къ какому; вѣрь ты слову!

— Вонъ, коли хочешь, поле-то наше, все оно тутъ налицо! — продолжалъ ямщикъ, опять указывая на море. Это поле и пахать не надо: само, безъ тебя, рождаетъ. Вонъ откуда мы хлѣбушко-то свое добываемъ, и не обижаетъ, ей Богу! Поведешь съ нимъ дѣло, безъ лихвы не выйдешь изъ него, ей Богу!...

Мы повернули въ гору. Вода значительно прибывала, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Волны морскія становились круче и отдавали глухимъ шумомъ, который такъ увлекателенъ былъ во всемъ этомъ безлюдьи. Есть гдѣ было разгуляться и этому морю, и этому шуму, изъ за котораго не слышать уже было ни чаекъ, не видать уже было ладьи, ни сторожевыхъ карбасовъ. Мы ѣхали недолго и, стало быть, немного, когда подъ нашими ногами, подъ горой, раскинулась неширокая рѣка Сдлаза, а по другую сторону — небольшое селеніе того же имени, съ деревянною церковью. Надо было переѣзжать на карбасъ и тащить свои вещи пѣшкомъ съ полверсты, для того, чтобы взять новыхъ лошадей и повѣрить личными разспросами ту поговорку, которая ходитъ про сдлазанъ, и по смыслу которой, будто они, выходя на морской берегъ, къ устью рѣки своей, и видя идущую моремъ ладью, говорятъ на вѣтеръ: «Разбей Богъ лодью—накорми Богъ Сдлазу». Настоящій же смыслъ этой поговорки оказался таковъ, что Сдлаза, находясь въ довольно значительномъ удаленіи отъ моря, на рѣкѣ, въ которую только осенью (и то въ небольшомъ количествѣ) заходитъ сѣмга, живетъ бѣдно, живетъ почти исключительно, можно сказать, случайностями: или тою же починкою разбившейся о ближайшій, богатый частыми и значительными по величинѣ песчаными мелями, морской берегъ, или ловлею морскаго звѣря — *бллуи*, которая годами только заходитъ сюда. Хлѣбопашество въ Сдлазѣ также незначительно, по бесплодію почвы и суровости полярнаго климата, и вообще деревушка эта, и при наглядномъ осмотрѣ, бѣднѣе многихъ другихъ.

Также незначительно хлѣбопашество и въ слѣдующемъ по морскомъ селеніи Нѣноксѣ; но посадъ этотъ несравненно богаче и многолюднѣе Сдлазы. Не говоря уже о томъ, что Нѣнокской посадъ, вслѣдствіе какой-то случайности, разбитъ на правиль-

ные участки, съ широкими прямыми улицами, самые дома его глядятъ какъ-то весело своими двумя этажами. Въ немъ двѣ церкви, изъ-за которыхъ синѣетъ узкая полоса моря, удаленнаго отъ посада, прямымъ путемъ, на шесть верстъ. По улицамъ бродитъ пропасть коровъ, овецъ, лошадей; попадается, противъ ожиданія, много мужиковъ и не въ рваныхъ лохмотьяхъ, какъ въ Сдлзѣ; видимо, живутъ они зажиточно и живутъ большею частію дома, не имѣя нужды отходить отъ него. Множество какихъ-то длинныхъ, мрачныхъ съ виду избъ, попадавшихся мнѣ на дальнѣйшемъ пути по берегу изъ Неноксы въ Сюзыму и оказавшихся соляными варницами, принадлежатъ посадскимъ. Въ этомъ исключительномъ занятіи вываркою изъ морской воды соли *) Ненокшане находятъ средства къ замѣчательно безбѣдному существованію; а въ осенней ловлѣ сѣм-

---

*) Всѣхъ соловаренныхъ заводовъ по прибрежьямъ Бѣлаго моря насчитываютъ до 10-ти. Кромѣ того, 12 соляныхъ колодцовъ принадлежатъ къ варницамъ посада Неноксы. Соль, вывариваемая здѣсь, называется *ключевой*, тогда какъ соль, добываемая на дальнихъ варницахъ Лѣтняго берега, напримѣръ въ Красномъ селѣ, называется *моряжкой*. Дѣло выварки соли производится такимъ образомъ: къ *чрену*—огромному желѣзному ящику, утвержденному на желѣзныхъ же полосахъ снизу и на четырехъ столбахъ по сторонамъ—прокапываютъ отъ моря канаву или проводятъ трубы. Канавой этой или трубами протекаетъ морская вода (разсолъ) и наполняетъ чашъ до верху. Снизу подкладываютъ огонь и нагреваютъ разсолъ этотъ до состоянія кипѣнія и испаренія; затѣмъ накипѣвшую грязь снимаютъ сверху лопаткой, а оставшуюся на днѣ чрена массу (по прекращеніи водныхъ испареній) выгребаютъ и сушатъ уже на воздухѣ. При этомъ на каждой пудъ соли идетъ 1 сажень дровъ. Касательно крѣпости морскаго разсола замѣчаютъ туземцы слѣдующее: разсолъ у Красной горы на 3 процента сильнѣе разсола сосѣднихъ варницъ, въ срединѣ моря на 4 процента, у Св. Носа уже на 5 процентовъ. Но и во всѣхъ этихъ случаяхъ, крѣпость разсола зависитъ также отъ времени года. Такъ, напримѣръ, весною разсолъ у Красной горы движною водою такъ бываетъ разжиженъ, что выварку соли должны бывають приостанавливать на апрѣль и май мѣсяцы. При этомъ замѣчаютъ также то естественное явленіе, что въ тихую погоду вывариваемая соль чище, при вѣтрахъ выдѣляется окончательно грязная, а при продолжительно тихихъ погодѣхъ и солнечномъ сіяніи она кристаллизуется сама собою на прибрежныхъ камняхъ и лудахъ. Вода бѣло-морская содержитъ въ себѣ слѣдующія составныя части: сернокислую магнезію и известь, соленокислую соду и магнезію, и углекислую известь и магнезію.

ги и другой мелкой морской рыбы ищутъ только простаго средства прокормить самихъ себя и семьи своей, некупленной пищей. Правда, что дѣло выварки соли ведется—во имя русскаго авось, небось, да какъ нибудь — небрежно; разсолъ, проходя черезъ грязныя, никогда невычищаемыя трубы, даетъ соль какого-то грязнаго, чорнаго вида съ известковымъ отложеніемъ и другими негодными къ употребленію примѣсями. Правда, что эта соль даже и вкусомъ своимъ, отдающимъ какую-то горечью, не выполняетъ главнаго своего назначенія и не заключаетъ необходимаго характеристическаго свойства своего — солености, и, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо отшла достоинствомъ своимъ отъ норвежской и французской соли, вывозимой поморами изъ-за границы (черезъ Норвегію) безошлинно. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить себѣ то, что по берегу Бѣлаго моря много уже солосваренъ превратили свои работы и что поморы рѣшительно не пускаютъ въ дѣло, при соленіи рыбы свою соль, ограничивая ея употребленіе только за домашнею трапезою въ приваркѣ и въ другихъ прѣсныхъ блюдахъ. А между тѣмъ разсолъ морской воды по всему Лѣтнему берегу до того крѣпокъ, что даетъ возможность къ существованію, до настоящаго времени, въ слѣдующемъ за Неноксой небольшомъ селеніи — Сюзьмѣ, морскихъ купаленъ, которыя давно и положительно облегчаютъ страданія многимъ архангелогородцамъ, выезжающимъ сюда, по лѣтамъ, на дачи. Точно также мелькнули и мимо меня городскія шляпки, зонтики, пастушескія шляпы съ широкими полями и трости, въ мой провѣздъ черезъ это селеніе, какъ мелькали они и въ 1831 году, когда начались сюда изъ Архангельска первые выезды больныхъ для морскихъ купаній.

Тѣже задымленные, старые саловаренные сараи, пропитанные копотью, смрадомъ и сыростью, попадаютъ за Сюзьмой: въ Красной горѣ и въ Унскомъ посадѣ; тѣже слышатся рассказы о томъ, что и здѣсь ловятъ, по осенямъ, въ переметы сѣмгу; что въ невода охотно попадаетъ и навага и кумжа; что также у берега выстаютъ бѣлуги, но что не ловятъ ихъ за неимѣніемъ неводовъ, которые дорого стоятъ; невода эти архангельскіе барышники и готовы уступать на прокатъ, но только за невѣроятно дорогую процентную сумму, отъ которой-де легче въ петлю лѣзть, чѣмъ класть обузой на свои доморощенныя, не-

купленные плечи; что во всѣхъ этихъ мѣстахъ, по осенямъ, идетъ и сельдь, но въ весьма незначительномъ количествѣ, сравнительно съ кемскимъ поморьемъ. Тѣже двухъ-этажные дома, тѣже деревянныя церкви, или вмѣсто ихъ такія же часовни, мелькаютъ въ каждомъ селеніи; тѣмъ же безлюдьемъ поражаютъ побережья моря; тѣже, наконецъ, кѣлушки торчатъ въ водѣ у берега и качается на волнѣ карбасъ со сторожемъ. Разницы въ способахъ веденія промысловъ между всѣми этими селеніями нѣтъ никакой; кромѣ, можетъ быть, того только, что въ Унѣ (посадѣ) обыватели ходятъ также и въ лѣсъ за лѣсной птицей, по примѣру слѣдующихъ деревень, къ городу Онегѣ, на значительное уже разстояніе удаленныхъ отъ моря, каковы: Нижи-озеро, Кянда, Тамица, Покровское и другія. На 20, на 30 верстѣ удалены селенія одно отъ другаго, и только по двѣ, много по три, часто пустыхъ промысловыхъ избушекъ напоминаютъ, на всѣхъ этихъ перегонахъ между приморскими деревнями, о близости жизни, труда и разумныхъ существъ. Чѣмъ то необычайно-приятнымъ, какъ будто какую то наградою за долгія мученія, кажется, послѣ каждаго переѣзда, любое изъ селеній, въ которое везутъ наконецъ съ великимъ трудомъ передвигающія ноги почтовые лошаденки. Тоже точно испытывается и въ слѣдующихъ за Сюзьмой селеніяхъ: въ деревнѣ Красной горѣ и въ посадѣ Унскомъ.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстѣ до Уны, съ крайней и послѣдней къ морю горы, можно (съ трудомъ впрочемъ) усмотрѣть небольшой край дальней губы, носящей имя сосѣдняго посада. Губа эта памятна русской исторіи тѣмъ, что судьба указала ей завидную долю принять на свои тихія воды, защитонныя узкимъ проходомъ (*рогами*) отъ морскаго вѣтра, ту ладью, которая въ 1683 году едва не разбилась, въ страшную бурю 2-го іюня, о подводныя мели и едва не потопила вмѣстѣ съ собою надежду Россіи — Великаго Петра. Западный мысъ или рогъ, называемый *яренискимъ* (ниже сосѣдняго красногорскаго), покрытъ березнякомъ и держитъ передъ собою песчаную осыпь, которая въ ковшѣ губы, на низменномъ побережьи, покрыта лугами, а дальше по горѣ—лѣсомъ и пашнями. Красногорскій рогъ, покрытый соснякомъ и возвышающійся надъ водою на 11 слишкомъ сажень, закрывается со стороны моря небольшой, бѣдный иноками и сред-

ствами къ жизни заштатный монастырь *Пертоминскій* и двѣ деревушки съ саловарнями.

Въ Пертоминскомъ монастырѣ разскажутъ, что основаніе ему положено при царѣ Грозномъ (1599 года), сергіевскимъ старцемъ Мамантомъ, въ часовнѣ, выстроенной надъ тѣлами утонувшихъ въ морѣ соловецкихъ монаховъ Вассіана и Іоны и выкинутыхъ здѣсь на берегъ; что въ 1604 году іеромонахъ Ефремъ выстроилъ церковь Преображенія, ходилъ въ Вологду за антиминомъ, на пути былъ ограбленъ и убитъ литовскими людьми; и что, наконецъ, только въ 1637 году удалось кончить дѣло строенія монастыря понойскому іеромонаху Іакову, построившему вторую церковь Успейи и собравшему людное братство. Покажутъ также, что время основанія церкви каменной относится къ 1685 году, и прибавятъ ко всему этому то, что немногочисленность братіи въ настоящее время зависитъ отъ крайняго удаленія монастыря въ сторону отъ большой дороги; что питаются они промысломъ рыбы и подаваніемъ отъ богомольцовъ, изрѣдко заходящихъ сюда по пути въ монастырь Соловецкій; что имѣютъ нѣсколько головъ рогатаго скота — и только.

Слѣдующія по Лѣтнему берегу селенія — Яренга и Лапшенга — выстроены на песчаномъ берегу и оба имѣютъ по одной церкви, около 50 домовъ и по сту обывателей. Яренгская церковь выстроена надъ тѣлами св. Іоанна и Логина, также утонувшихъ въ морѣ, вблизи Яренги, во времена царствованія Іоанна Васильевича Грознаго, около 7102 (1594 года). Съ сѣвера отъ Лапшенги берегъ къ деревнѣ Дураковой значительно возвышается, выступаютъ изъ за прибрежьевъ лѣсистые холмы, извѣстные подъ названіемъ *Лѣтнихъ горъ* (поднявшіеся надъ моремъ отъ 30 до 50 сажень). Однако, общій видъ берега безотраденъ: тускло горятъ, во всегдашней мрачности воздуха Ѳломорскихъ прибрежьевъ, сельскіе кресты и главы, хотя солнце и благопріятствуетъ лучшему явленію; сѣренькими кучками кажутся изъ морской дали дома деревень ѳтихъ; за ними мрачно чернѣетъ лѣсъ, раскинутый по горамъ, и страшно глядятъ зубья и щели прибрежнаго гранита, за которой цѣпляется весь этотъ соснякъ и ельники. За маленькой, ѳвдой деревней Дураковой къ Ухтъ-Наволоку берегъ становится до того *костливъ*, или каменистъ, что кажется цѣлой стѣной, огромной полѣвницей набросанныхъ одинъ на другой кругляковъ. Къ тѣмъ изъ

нихъ, которые понимаются водой, прицѣпилося несмѣтное множество маленькихъ, бѣлаго цвѣта раковинокъ, въ которыхъ, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и приливовъ воды, развиваются морскія улитки, и видится тура, или морская капуста. Обхвативши листьями своими, блѣдно-зеленаго цвѣта, прибрежный камень, тура плаваетъ на поверхности воды, не отходя дальше отъ мѣста своего прикрѣпленія и, вѣроятно, поддерживается въ этомъ пловучемъ положеніи тѣми шариками, которые замѣняли здѣсь, вѣроятно, и цвѣтъ и плодъ, и которые сильно щелкали и подъ ногами и въ рукахъ, отъ нажиманья.

Ловъ мелкой рыбы по всему Лѣтнему берегу производится въ слѣдующихъ родахъ этихъ рыбъ и по слѣдующимъ способамъ. Первое мѣсто здѣсь, по болѣе значительному улову, принадлежитъ *навага*, величиною не превосходящей двухъ четвертей. Наружнымъ видомъ, по отсутствію чешуи или клѣска, навага похожа на налима и треску; съ послѣднею она имѣетъ еще то поразительное сходство, что также кровожадна, если не больше, и также питается рыбою, меньшею ея по величинѣ. Въ концѣ октября или въ началѣ ноября навага бываетъ самая крупная по той причинѣ, что она въ это время въ устьяхъ при морскихъ рѣкахъ мечетъ свою мелкозернистую икру, годную въ употребленіе только въ свѣже-просоленномъ видѣ. Привозимая въ Архангельскъ мороженою, она доставляетъ дешовую и вкусную пищу для тамошняго бѣднаго простаго народа. Способъ ловли рыбы прямо основывается на исключительномъ свойствѣ ея — кровожадности. Онъ состоитъ въ томъ, что къ лѣвскъ уди привязывается кусочекъ свинцу, длиною въ четверть, а къ нему, на ниточкахъ, уже и самая наживка. Это иногда куски той же наваги. Алчная рыба, не замѣчая того, хватается за наживку тотчасъ, какъ только замѣтитъ ее въ водѣ и такъ плотно присасывается своимъ круглымъ, огромнымъ ртомъ все дальше и больше, что потомъ приходится отбивать ее объ ледъ, или отдирать руками съ значительно сильнымъ напряженіемъ. Нерѣдко вытаскивали на наживкѣ нѣсколькихъ навагъ, ухватившихся зубами одна за хвостъ другой. Такъ ловятъ навагу по осеннимъ въ Мезени въ прорубяхъ, и замѣчаютъ притомъ, что рыба не хватается наживки въ то время, когда мечетъ икру, и потомъ съ весны присасывается также алчно, какъ и осенью. За достовѣрное также разназываютъ тамъ, что навага у одного

людетъ необыкновенно охотно, у другаго гнѣвно и даже совсѣмъ не беретъ наживки, хотя рыбакамъ приходится сидѣть рядомъ у одной и той же проруби, и хотя не разъ приводилось имъ мѣняться удами. Можетъ быть, во взаимномъ сродствѣ животнаго электричества заключается причина этому явленію. Известно также, что употребленная въ пищу рыба эта надолго оставляетъ во рту свой неприятный характеристическій запахъ, какого не замѣчается при употребленіи другихъ бѣломорскихъ рыбъ.

Корюха, также въ значительномъ количествѣ идущая къ Лѣтнему берегу Бѣлаго моря, доставляетъ туземцамъ значительный продуктъ для сбыта на архангельскомъ рынкѣ. Рыба эта одной и той же породы съ корюшкою, которая ловится въ Невѣ и Ладожскомъ озерѣ, съ тою только разницею, что изъ моря заходитъ въ рѣки не на значительныя пространства и что вкусомъ своимъ она мягче, хотя и меньше тѣломъ и не обладаетъ тѣмъ неприятнымъ запахомъ, который поразителенъ въ петербургской корюшкѣ. Продается она простому народу въ «Городѣ» по зимамъ мороженою, а по лѣтамъ или сушеною въ печахъ, или вяленою на солнцѣ.

Камбала— менѣе жирная, чѣмъ рижская, но той же палтусиной породы, только гораздо меньшая ростомъ (палтусъ бываетъ въсомъ отъ 7 фунт. до 10 пудовъ; камбала самая крупная $\frac{1}{2}$ аршина длины и самая мелкая 3 и 4 вершка). Крутое и бѣлое мясо ея бываетъ лучше вкусомъ весною и лѣтомъ, когда рыба эта любитъ зарываться въ тинистыя, иловатыя мѣста при устьяхъ приморскихъ рѣкъ. Отливъ несетъ ее всегда въ море, приливъ приноситъ ее за собою иногда въ несмѣтномъ количествѣ. Плаваетъ она необыкновенно быстро, причѣмъ единственный глазъ ея обращенъ къверху и самая рыба бѣжитъ обыкновенно такъ, что черная спина ея обращена къ поверхности воды плашмя. Особенно много этой рыбы въ рѣкѣ Онегѣ и въ болѣе значительныхъ рѣкахъ Лѣтняго берега и въ рр. Тамицѣ и Ухтѣ— Онежскаго. Идетъ она, болѣею частію, на мѣстное потребление, но въ незначительномъ числѣ и въ видѣномъ видѣ отпускается на продажу. Камбалъ ловятъ на такъ называемые *продольники*— тоненькія веревки (сажень 15—20 дл.), къ которымъ на каждомъ почти полуаршинѣ привязаны на ниткахъ крючочки. Нитки эти носятъ названіе *подлъски*; крючки ихъ желѣзные. Продольники укрѣпляются на днѣ двумя якорями

(камнями); крючки наживляются мелкими морскими червями, которыхъ выкапываютъ изъ морскаго песку.

Менѣе прочихъ распространенная въ бѣломорскихъ водахъ рыба *кумжа* (тоже, что *форель*—salmo trutta), болѣе всѣхъ предыдущихъ рыбныхъ породъ, любитъ ходить изъ моря далеко въ рѣки и даже озера (каковы, напримѣръ, дальнѣйшія отъ моря: лопарское Имандра и ворельское-Тюперо). Блѣскъ этой рыбы, какъ и у невской форели, украшенъ красными и черными пятнами, тѣло такого же нѣжно-розоваго цвѣта, а величина доходитъ у самой большой до 2½ футовъ. Въ продажу рыба эта не идетъ, по неудобству солить ея мягкое, нѣжное мясо, которое скоро горкнетъ и даже въ мороженомъ видѣ сохраняется недолго. Въ Архангельскѣ обыкновенно привозятъ ее сонною, хотя еще и достаточно свѣжею, годною для употребленія.

Всѣ эти три послѣднія породы рыбъ бѣломорскихъ (*кумжа*, *корюха* и *камбала*) попадаютъ часто уже въ готовые сѣти, хотя бы даже и сѣможи; но чаще всего ловятъ ихъ въ такъ называемыя *юнды* (сѣти), которыя употребляютъ безъ поплавокъ и, прикрѣпленными на кольяхъ, ставятъ поперекъ рѣки. Въ мелкихъ мѣстахъ моря, около устій, бабы-поморья бродятъ тѣже сорты рыбъ сѣтями, называемыми перемѣтами и которыя бываютъ уже съ верхними поплавками. Въ ячеяхъ этихъ перемѣтовъ (тѣхъ же волжскихъ неводовъ) вязнетъ рыба, и такимъ образомъ легко дѣлается достояніемъ промышленниковъ.

Въ Унской губѣ часто попадаетъ на уды такъ называемая *рявца* или *ревякъ*, испускающая изъ рта родъ слабого рева, послѣ того, какъ бываетъ вынута изъ воды. Рыба эта величиною съ окуня, чрезвычайно прожорлива и обладаетъ способностью плавать необыкновенно быстро; для того у ней широкія и длинныя перья. Шероховатая кожа испещрена черными и изъ-желта красноватыми пятнами. Почитая эту рыбу ядовитою, поморы не употребляютъ ее въ пищу; къ тому же она *чрезвычайно костлива*. На этой послѣдней особености рявца поморы предположили въ ней способность излечивать отъ колотья, и потому сушатъ ее и кладутъ подъ постель страждущаго.

Въ рѣкѣ Онегѣ, около каменистыхъ ея береговъ и верстахъ въ 25 отъ ея устья, вылавливаются *миноги*, принадлежащія къ породѣ амьибій и долгое время у тамошняго простаго народа

извѣстныя подѣ именемъ водяныхъ змѣекъ. Рыба эта (если только можно называть ее рыбой) заходитъ сюда также изъ моря. Выловленная, слегка поджаренная на большихъ сковородахъ, или просто на желѣзныхъ листахъ, и потомъ маринованная въ укусу съ горошчатымъ перцемъ и лавровымъ листомъ, пускается въ продажу. Мѣстное употребленіе ея, до сихъ еще поръ, весьма незначительно. Ловятъ ее въ деревянные мережи, сдѣланныя на подобіе лукошекъ.

Изъ остальныхъ породъ рыбъ вылавливаются по Лѣтнему берегу только уже рѣчные рыбы: щуки, окуни, лещи, и притомъ исключительно въ озерахъ, и такъ рѣдко, и въ такомъ, сравнительно, незначительномъ количествѣ, что не идутъ въ продажу, но даже рѣдко составляютъ предметъ мѣстнаго потребленія. Мурманскія треска и палтусина и собственныя морскія рыбы совершенно удовлетворяютъ неприхотливому вкусу трудолюбивыхъ, честныхъ, добродушныхъ поморовъ прибрежья въ Лѣтняго и Онежскаго.

Вотъ почти все, что удалось мнѣ вызнать изъ наглазнаго знакомства съ Лѣтнимъ берегомъ, который кончается въ Ухтъ-Наволокъ и заворачивается здѣсь, по прямому направленію къ SW, уже подѣ именемъ Онежскаго берега. Съ каменнстаго мыса Ухтъ-Наволока виднѣлся, вдали моря, по направленію къ сѣверо-востоку, островъ *Жожинъ* или *Жеижизня* *), какъ будто весь затянутый въ туманъ, островъ, обитаемый только служителями при маякѣ, освѣщаемомъ съ 1842 года. Когда-то жили на немъ вольные лодмана для провода судовъ въ городу Онегѣ и Соловецкому монастырю, переселившіеся потомъ на мысъ Лѣтній-Орловъ. Въ серединѣ Жожина, какъ говорили, возвышается гора, крутая къ дальнему морю, отлогая по направленію къ Лѣтнему берегу и въ этомъ мѣстѣ и по низменностямъ покрытая кустарникомъ. Въ низменностяхъ по озерамъ держится прѣсная вода; весь островъ почти неприступно осыпанъ крупными камнями; величина его въ длину около 5-ти верстъ и около 2-хъ въ ширину, и на немъ, также какъ и на всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ по величинѣ лудахъ, прицѣ-

---

*) О происхожденіи названія этого острова, по народнымъ преданіямъ, я имѣю случай говорить въ IV-й главѣ этого тома: «На шкуи».

пилась не одна промысловая избушка, временно посѣщаемая береговыми промышленниками.

На томъ же карбасѣ, замѣняющемъ здѣсь трясую телѣгу и пару обывательскихъ лошадей, объѣхалъ я и Онежскій берегъ, до села Нижозера, откуда, черезъ Кянду, Тамицу и Покровское, шла уже почтовая дорога и везли на той же парѣ почтовыхъ лошадей. Помнится на всемъ берегу гранитныя ущелья, кое-гдѣ высокія горы (до 30 и 40 саж. высоты), крупный соснякъ по нимъ; изрѣдка низенькій, тоненькій, какой-то убогій березнякъ; по низменностямъ — луга, по нѣкоторымъ горнымъ отлогамъ — пашни съ ячменемъ; помнится ласковость и привѣтливость всехъ жителей въ деревняхъ Лѣтней Золотицы и Пушлахты, еще не выстроившейся послѣ недавняго англійскаго разгрома, и въ селѣ Ляницѣ. Помнится, привезли меня въ слѣдующее село Пурьему, съ двумя церквями, болѣе другихъ людное и приглядное. И, какъ теперь, вижу передъ собой хозяина моей отводной квартиры, явившагося съ слѣдующимъ интереснымъ извѣстіемъ и запросомъ:

— Бѣлуга подошла—рыбку обижаетъ; неводъ наладили, къ утру вдемъ; не желаешь-ли?

— Боюсь, не покусалъ бы звѣрь?

Хозяинъ на эти слова чуть не расхохотался.

— Нашолъ ты звѣря злого! На-ко поди: да смириѣ звѣря этого и къ поднебесной нѣту; даромъ, что съ корову ростомъ, а разумомъ-то да смириотой своей и теленка не осилить. По-ѣдемъ — знай! Посмотри-ка, ково тебѣ смѣшно и любопытно будетъ! Я, вѣдь, къ тебѣ не вратъ пришолъ, а дѣло сказывать. Собирайся!

Черезъ часъ онъ опять явился ко мнѣ и принесъ орудія, съ такимъ оговоромъ:

— Я вотъ принесъ къ тебѣ, чѣмъ ты и заняться можешь, чтобы и тебѣ пай былъ. Вдемъ мы двумя деревнями: наши съ ляницкими одинъ неводъ держатъ, поровну и дѣлеть дѣлаютъ.

Орудія, принесенныя имъ, оказались *тишей* и *кутиломъ*. Пѣшня было не иное что, какъ ломъ, которымъ раскалываютъ по зимамъ ледъ на всемъ пространствѣ Россіи: тотъ же желѣзный, съ краю заостренный наконечникъ, деревянная рукоять, длиною около сажени, плотно прикрѣпленная гвоздями къ самой пѣшни (наконечнику). Кутило отличалось отъ пѣшни

только тѣмъ, что желѣзный наконечникъ (собственно *кутило*) на концѣ имѣлъ загибъ, на подобіе крюка, и палка не прикрѣплялась къ нему гвоздями, а свертывалась и въ дѣлѣ служила только рычагомъ для усиленія удара. Къ кутилу, въ зашнѣвъ рукоятки, прикрѣплена была длинная (сажень 8-ми) веревка.

— Теперь, вишь, у насъ время такое стоитъ, что трава не дошла: *страду* затѣвать еще рано, о живнѣ и думать немоги; только вотъ и можно бѣдугу ловить. Она, на тотъ разъ словно угорѣлая, только, кажись, на наши берега и лѣзетъ: удержи вѣтъ. Известно, тутъ только подавай Боже, а мы четыреста рублей на серебро за свой неводъ потратили, да вотъ рублей по пятидесяти (тоже на серебро) ежегодно на починку изводимъ. Потому этотъ неводъ нашъ собственной.

— На какихъ же условіяхъ берутъ на прокатъ отъ архангельскихъ?

Хозяинъ на слова эти рукой махнулъ и потомъ прикомовилъ:

— Тамъ вѣдь это—неволя, по Лѣтнему взять или по Зимнему берегу. Тамъ, слышь, возьмутъ этотъ неводъ-отъ, да и думаютъ: «Пошли-ко молъ, Господи, звѣря-то, что ни на есть больше; было бы что за неводъ заплатить, да изъ остатковъ и себя бы не обдѣлить, не обидѣть». И много ли, мало ли звѣри придетъ, а половину выручки отдай неводному хозяину, хоть лопни: а другой разъ закинешь неводъ — опять половину отдай; да хоть все лѣто мечи его—все половину отдавай. Такъ ужъ тотъ злодѣй-отъ и стоитъ надъ тобой, блюдетъ за каждымъ за твоимъ вывозомъ. Тамъ и выметываютъ, стало быть, чаще; тамъ ужъ и избушекъ сторожевыхъ по берегу-то насыпано больше нашего; тамъ и сторожей сидитъ много; оттуда и на Мурманъ мало хотятъ. Тамъ ужъ, коли начала выстывать бѣдуга, много не звѣяютъ; какъ запримѣтятъ, сейчасъ кричатъ на берегъ: «Богъ-де въ помощь!» и выѣзжаютъ.

— А какъ у насъ-вотъ неводокъ-отъ свой завелся, мы и благодаримъ Бога; разъ въ годъ починишь его, да ужъ и не горюешь: знаешь, что неводъ этотъ тебѣ лѣтъ восемь, а не то и всѣ десять прослужитъ; только имѣй ты за нимъ глазъ да блюденье. Мы ужъ и упроемыслимъ что на этихъ бѣдугахъ: на сорокъ человекъ своихъ раздѣлимъ, да другаго ужъ и не знаемъ никого. И части мы эти дѣлимъ поровну, потому какъ

всѣ равныя деньги на неводъ клали, всякой на промыселъ идеть на своихъ харчахъ, со своимъ достаткомъ. Вотъ этакъ-то мы и ловимъ бѣлугъ по лѣтамъ: три недѣли въ Петровомъ посту (съ Прокоевъ косить начинаемъ), за три недѣли передъ Ильинымъ днемъ. Дѣло то и идеть у насъ ровно, и плечъ-то нашихъ не давить, не тяготить.

— А видалъ-ли ты неводъ бѣлужій?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ еще не случалось...

— Сами плетемъ, а которые и соловецкимъ монахамъ заказываютъ (да берутъ они дорого). Сѣти мы эти плетемъ изъ бичовокъ голанскихъ, сколько можно толстыхъ; ячеи въ этой сѣти по шести *вершковъ* (вершковъ) въ поперечникѣ затѣмъ, что на рыбу тутъ не надвѣшься; рыба тутъ самая большая проскочить; а бѣлуга звѣрь такой, что хоть ты въ сажень ячею-то дѣлай, не проскочить. Неводъ этотъ на саду сидитъ сажень съ тысячу, да веревокъ однѣхъ у него цѣлую версту. Такъ — вотъ, смотри, какой большой неводъ этотъ. А затѣмъ и бѣлуга—сальной звѣрь, а не кожной, какъ бы лысунъ али нерьпа, заячь. И тѣхъ къ намъ много проходитъ; да ладно! съ тѣмъ и прощай!.. ложись отдыхать и я тоже, потому карбасъ-отъ ужъ налаженъ и про твою милость...

Рано утромъ разбудилъ онъ меня еще въ сумерки, или въ тотъ полусвѣтъ, который держался въ это время съ часъ между вечерней зарей и утренней, такъ что ночи, въ собственномъ смыслѣ, рѣшительно не было. На карбасъ свой онъ поставилъ кадушку съ просоденой треской, бросилъ мѣшочекъ со ржанымъ хлѣбомъ и житникомъ—небольшимъ караваемъ ячменнаго хлѣба, который можно употреблять въ пищу только въ тотъ день, когда онъ испечонъ, и который, за ночь, для слѣдующаго дня такъ черствѣетъ и портится, что положительно становится негоднымъ къ ѣдѣ, окаменѣлымъ. Три пѣшни и три кутила лежали тутъ же, подлѣ насъ, въ карбасѣ. Мы отправились.

Дорогой хозяинъ успѣлъ сообщить мнѣ, что бѣлуга любитъ чаще приходиться къ ихъ берегу, чѣмъ въ другія мѣста, и какъ главная цѣль ея появленія въ Бѣломъ морѣ—отыскивать пищи въ видѣ сѣмги, сельдей и другой рыбы, то поэтому и рыбы этой на Онежскомъ берегу меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Сказывалъ также и то, что и самый берегъ этотъ удобнѣе для ловли бѣлуги, по значительному количеству мелей, на которые

удобно загонять звѣря, и что по этому случаю на Онежскомъ берегу бѣлугъ вылавливается больше, чѣмъ гдѣ-либо.

— Главная причина, говорилъ онъ: — не стоялъ бы шалоникъ (NW) долго; шалоникъ отдираетъ звѣря. А на этого звѣря пуще, чѣмъ на другого какого, вѣтеръ свою силу имѣетъ. Вотъ, рассказывали, выставляла было налысь бѣлуга-то у Лѣтняго берега, да зазнала: къ устьямъ (двинскимъ) пошла; а тамъ пали вѣтра — угребла, зная, въ Кандалаху (Кандалажскую губу). Можетъ, которая половина и на нашу долю достанется.

— Ишь времячко-то теперь какое красивое стоитъ — люба да два! — говорилъ потомъ хозяинъ мой, не одинъ разъ любуюсь погодой. Дѣйствительно во всей своей необъятной красѣ, какъ огненной шаръ безъ лучей, выплывало изъ-за дальняго края моря лѣтнее солнце. Пронизавши воду своимъ пурпуровымъ отцвѣтомъ, солнце выглянуло изъ-за воды сначала краемъ, который постепенно и замѣтно увеличивался и золотилъ воду. Вотъ, наконецъ и все солнце, весь этотъ огненный шаръ на нашихъ глазахъ; кругомъ его заглубился словно паръ, отливавшій потомъ какъ будто дальними, свивавшимися клубомъ облаками. Близніе къ солнцу края облаковъ этихъ желтели, дальние еще отливали пепельнымъ цвѣтомъ; но солнечныхъ лучей не видать было часъ, не видать другой. Солнце замѣтно, почти на нашихъ глазахъ, отмиряло пространство и скоро взорадось по небу. Кажется, если бы не обманывающій ходъ лодки все впередъ и впередъ, можно было бы рѣшительно замѣтить этотъ скорый подъемъ, почти бѣгъ солнца къ зениту. Свѣтъ значительно усиливался; на морѣ было тихо; слегка поталкивала борты нашего карбаса легкая, сдержанная волна; тумана не видать было ни на дальнихъ лудахъ, ни на ближнемъ берегу; но лучи солнца еще часъ времени боролись съ эфиромъ; не могли пронизать его и освѣтить наше море, которое какъ будто только того и выжидало, какъ будто затѣмъ только и присмирѣло теперь, чтобы мгновенно освѣтиться яркимъ, животворнымъ солнечнымъ блескомъ.

Долго мы ѣхали греблей; долго впивалъ я дыханіемъ своимъ бесконечно чистый, нѣсколько свѣжій морской воздухъ; долго любовался и на безграничный, глубокій—глубокій сводъ неба, нависшій надъ нами съ его солнцемъ, съ его свѣтлой, вѣжной

лазурью. Наслажденіемъ подобнаго рода можно упиваться, но трудно передавать послѣ всего того, что уже давно было не одинъ разъ сказано и постами, и живописцами. Солнце успѣло уже озолотить берегъ и тотчасъ-же, скорѣе чѣмъ въ мгновение ока, освѣтитъ и насъ, и наше море на всю его бездѣльную даль отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу.

Мы были уже почти подлѣ цѣли.

Съ десятокъ карбасовъ плыли въ дальнихъ отъ насъ мѣстахъ Онежской губы; нѣкоторые изъ нихъ, передъ нашими же глазами, повернули отъ соседней къ нимъ луды и, какъ видно, гребли усиленно въ лѣвую сторону. Быстро отдѣлялись эти карбасы отъ туманной луды; быстро перебирали лодочники руками; въ сѣвѣжѣмъ воздухѣ моря доносились до насъ рѣзкіе, дальніе крики. На крики эти хозяинъ мой замѣтилъ только одно:

— Чуть не запоздали: обметываютъ ужъ!

И тотчасъ же повернулъ руль влѣво: и нашъ карбасъ направился прямо къ берегу, въ сторону отъ тѣхъ карбасовъ, съ которыхъ повидимому, раздавались крики. У берега чернѣло еще нѣсколько карбасовъ, и, какъ видно, безъ всякаго дѣла. Вѣроятно, и наше мѣсто было тамъ же. Впередѣ прямо противъ берега, къ сторонѣ, затуантой въ туманную хмару луды, бѣлѣлись, словно большія вѣточья морской цѣны, спины бѣлугъ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ мѣстъ повторялось это явленіе: лѣщились себѣ бѣлуги, выставляя изжолта-серебристыя спины на морской поверхности, и потомъ быстро опрокидывались головами въ морскую глубь, хватая въ ней сплутную рыбу. Одна зашипѣла почти подлѣ самаго нашего карбаса и успѣла обнаружить и горбатую спину, и какую-то дыру на ней, откуда вылетѣли фонтаномъ не высокія, но быстро вымеченными брызги воды, серебрившіяся на лучахъ солнца.

— Пошла оттыкать пробку, свинья морская! — постой: будетъ тебѣ уже на орѣхи; чуть не спѣхнула, проклятая! — быстро замѣтилъ хозяинъ.

— А развѣ бываетъ этакъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ не бываетъ, никогда не бываетъ! Развѣ сами спѣхнемъ ее, а ей, проклятой, насъ не опружить, отвѣчалъ онъ мнѣ неохотно и какимъ-то сердитымъ голосомъ. И сильно прикрикнулъ мой хозяинъ на работниковъ, чтобы тѣ гребли сильнѣе и круче бы налегали на весла.

Послышались съ его стороны ругательства и во всемъ составѣ его начались судорожныя, нетерпѣливыя движенія. Видно было, что теперь-то наступала для него самая горячая, самая важная пора; къ тому же (какъ я замѣтилъ) всѣ карбасы, ближніе къ берегу, отвалили и плыли по направленію къ тѣмъ карбасамъ, которые отъ луды ладилась къ берегу, и по прежнему продолжали выбрасывать сътъ, безпрестанно путаясь въ веревкахъ, и по прежнему неслись оттуда сильныя, громкія ругательства. Ихъ даже можно уже было слышать цѣлкою, когда мы вдругъ круто повернули къ тому же мѣсту, дальше отъ берега. Мгновенно схвачена была съ ближняго карбаса и на нашъ длинная веревка, которую мы спѣшили выбрать въ то время, когда другіе передали ее на слѣдующій карбасъ. Долго, до обильнаго пота, тащили мы конецъ толстой веревки и перебрасывали ее сосѣдямъ, до той поры, пока не выбросали всю, пока не почувствовали въ рукахъ нечеловѣческой тяжести своею ко дну, пока, наконецъ, и мы не очутились въ свою очередь, крайними. Видно, поспѣли во время! Быстро гребли мы веслами и бѣжали за веревкой; быстро закручивалась эта веревка уже прямо противъ насъ. Думаю, часъ цѣлый выжидали мы, когда, наконецъ, попадетъ эта веревка въ наши руки, послѣ того какъ обойдетъ сътъ меньшій кругъ. Бѣлуги между тѣмъ продолжали лещиться и кувыркатся, разгребая ластами воду на двѣ струи, но уже не въ разброску одна отъ другой, а почти все около одного мѣста, ближе къ серединѣ того круга, который описывалъ вымеченный неводъ. Звѣрь выстаетъ замѣтно чаще и какъ будто сердится, у него захватываетъ съ натуги и отъ гнѣва дыханіе и онъ спѣшитъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ и, если уже возможно это, такъ въ послѣдній разъ передъ смертію, которая виситъ на носу.

Между-тѣмъ крики со всѣхъ карбасовъ, схватившихся теперь на близкое другъ отъ друга разстояніе, превратились въ громкій, базарный гулъ: всѣ невѣроятно спѣшили, всѣ какъ будто обижены были тѣмъ, что не по ихъ желанію начали, не по ихъ волѣ продолжаютъ и, стало быть, неудачно окончатъ. Вдругъ раздался сильный плескъ по водѣ веревки, сопровождаемый сильнымъ, громовымъ эхомъ въ горахъ. Раздалась опять крутая, громкая брань и, въ мгновеніе она, нѣсколько

карбасовъ, въ томъ числѣ и нашъ, юрнули черезъ эту веревку въ середину того завѣтнаго круга, который описалъ неводъ и гдѣ, на этотъ разъ, уже рѣже выставляли бѣлуги, вѣроятно утомленные. Быстро хваталъ хозяинъ мой кутило и бросалъ его выстававшему звѣрю, и, сколько можно было замѣтить это при скорости удара, прямо въ дышло (въ диру, пускавшую фонтанъ); съ быстротой молніи выхватывалъ онъ изъ кутила палку, бросая ее прочь, въ лодку, и въ тоже время, съ поразительной ловкостью, выбрасывалъ въ воду и всю веревку, привязанную къ кутилу. Другой конецъ этой веревки онъ задѣживалъ за карбасъ, и опять-таки, ни минуты не медля, хватался за новое кутило; нѣкоторое время спѣшливо, внимательно высматривалъ онъ на водѣ выстававшаго звѣря, держа настороженнымъ орудіе смерти. Вережку, сколько я могъ замѣтить, крѣпко держалъ онъ у ратовища (палки), съ тою цѣлю, чтобы не спрыгнуло съ него кутило, и быстро выхватывалъ палку — ратовище, и ослаблялъ и видалъ всю веревку до дальняго конца въ то время, когда замѣчалъ сначала спину, а потомъ и дышало звѣря, какъ черное пятно, зіявшее мгновенно, тотчасъ же.

Такимъ-образомъ выметалъ онъ всѣ свои три кутила (въ карбасѣ лежали только пѣшши) въ то время, когда опомнившись, онъ — отъ тяжелыхъ трудовъ, я отъ внимательнаго выслѣживанья за его движеніями и движеніями людей сосѣднихъ карбасовъ — мы замѣтили себя у самаго берега, на который первые, выскочившіе изъ лодокъ съ уханьемъ и той же бранью, тащили свѣтъ. Тоже сдѣлали и мы. Впрочемъ, нѣсколько карбасовъ еще ѣздили кругомъ свѣти, болтавшейся въ водѣ, и съ нихъ, время отъ времени, еще выметывали кутила, но, вѣроятно, уже послѣднія. Нѣкоторое время слышалась эта буркотня, но и она вскорѣ смолкла. Чайки, все время кружившіяся надъ бѣлужьимъ юровомъ и спѣшно выхватывавшія изъ рта звѣря рыбу, въ несмѣтномъ количествѣ кружились теперь надъ нами и густой темной тучей надъ неводомъ. Визгливый, разноголосный крикъ ихъ возмущалъ душу; но всемъ было не до нихъ. Начиналась самая трудная, самая спѣшная пора работы, хотя и со всѣхъ насъ потъ лилъ градомъ, хотя весьма многіе съ трудомъ переводили дыханіе. Крики и брань прекратились. Стадо пойманныхъ, застигнутыхъ въ распахъ, бѣлугъ на при-

брежныхъ кошкахъ обмелѣло; нѣкоторые изъ нихъ выставили на показъ всю свою огромную тушу, богатую саломъ. Видны были гладкая, безъ шерсти кожа, изжолта бѣлая, у нѣкоторыхъ съ мертвою прѣсинью на одномъ концѣ туловища виднѣлась голова, въ зашейкѣ которой чернѣло дышло величиною около полувершка въ діаметрѣ, на другомъ концѣ хвостъ длиною съ пол-аршина, толщиною пальца въ три, обтянутый бѣлою кожицею, отливавшею по краямъ пепельнымъ цвѣтомъ. На плечахъ виднѣлись лапы — *крылья* (какъ называли промышленники), имѣющія нѣкоторое сходство съ небольшими свинными окоронами, четверо-угольной, продолговатой фигуры. Задніе лапы, лафтаки, не были больше сажени, и весь звѣрь, длиною аршинъ семь, растянувшійся по землѣ, со своею горбатою спиною, головой небольшою сравнительно съ остальнымъ туловищемъ, глядѣлъ рѣшительнымъ подобіемъ небольшого кита, къ породѣ которыхъ, вѣроятно, и принадлежитъ бѣлуга эта (*Phiseter Kotoden* *).

Пока я занимался разсматриваньемъ фигуры невиданнаго мною безобразнаго звѣря, промышленники *кромѣли*, т. е. пришибали пѣшней въ дышло тѣхъ звѣрей, которые шевелились еще и грозили, при малѣйшихъ невниманіи и оплошности, опрокинуться въ воду и уйти отъ насъ въ руки другихъ счастливыхъ, на берегъ къ которымъ ихъ можетъ выкинуть морская волна. Промышленники наши, перекротивши всѣхъ звѣрей по очередно и немного отдохнувши и заправившись пищею, начали свѣжить добычу. Для этого они сначала отрубали голову, хвостъ и четыре лапы; затѣмъ, сдирали шкуру вмѣстѣ съ саломъ и не буксировали его на карбасы затѣмъ только, что были на берегу, но мясо бросали тутъ же, предоставляя его на съѣденіе собакамъ, которые стадами бѣгутъ сюда не только изъ близкой, но и изъ дальнихъ деревень.

— Куда же пойдетъ кожа звѣриная, если сало въ продажу? спросилъ я хозяина, неотстававшего отъ другихъ и молчаливаго во все время работы.

Въ отвѣтъ на это онъ только приподнялъ ногу, показалъ подошву и пощолкалъ по ней пальцомъ.

---

*) Сомнительная звѣрю волжская рыба называется Нисо.

— На это идетъ, да на другую кою мелочь — отвѣчалъ мнѣ за него уже другой сосѣдній мужикъ. Кожа бѣлужья — не кой владъ, эта не верпичья кожа: та лучше, та барышнѣе.

Затѣмъ опять славовало молчаніе; видимо, всѣ сосредоточеннымъ вниманіемъ занялись работой своей. Съ трудомъ, послѣ долгаго ожиданія съ моей стороны, нашолся еще одинъ словоохотный. Онъ говорилъ мнѣ:

— Вотъ все, что ты теперь видѣлъ, баринъ, дѣло хорошее. Промыселъ нашъ на твой счастливый пріѣздъ задался ловкой.

— А какъ приблизительно?

— Да коли ста два звѣрей попало: рублевъ на большую тысячу будетъ; ста по два рублевъ на ассигнаціи придется на брата. На это и сѣти поправимъ; порвала же, чай, звѣрина, не безъ того: бьется и она — какъ вишь ни смирна теперь; мечется, животъ-отъ свой горемышной жалѣючи.

— Этакой промыселъ мы на рѣдкость дѣлаемъ! — подхватилъ раскащика уже третій, вѣроятно, желавшій тоже отдохнуть и тоже доказать мнѣ свою бывалость и знаніе. Больше всего мечемъ сѣти на меляхъ у Ягрѣвъ, у Кумбыша, у Омѣалы, у Гольца (острова это такіе живутъ). Тамъ то вотъ мы эти сѣти и спускаемъ на кибасахъ (поплавахъ деревянныхъ). Звѣрь-отъ въ нихъ самъ заходитъ и путается; мы его только на мель тащимъ да вротимъ пѣшней. А тамъ свѣжуемъ, спустимъ въ воду, привижемъ на веревку къ карбасу, да и ведемъ въ деревню. Звѣря по-три, по-четыре и здѣсь попадаетъ. Дѣлежъ на каждую ромшу послѣ бываетъ...

— Что же это такое ромша ваша?

— А ромша: вотъ всѣ мы, все общество наше — артель бы, къ примѣру. Вотъ насъ теперь 12 карбасовъ; на каждомъ карбасъ по четыре человека и малолѣтки ребята тутъ же: вхъ дѣло промысловую избу чистить, ложки мыть, звѣря караулить, когда мы спимъ. Это *ромша*. А жиръ-отъ, что съ кожи рѣжемъ, *шелемой* зовемъ; а согрвется онъ да закинетъ — *сыроткомъ* слыветъ. Вотъ тебѣ и все!

— Нѣтъ не все, коли сказывать началъ, перебилъ его третій голосъ. Ты ему расскажи про петровское-то дѣло; слушай-ко, твоя милость!

— Повѣхали наши ребята за бѣлугой на вздогадь, авось-

могъ встрѣнется. А звѣрь дуракъ извѣстной, про то не знаетъ, чего человекъ-отъ хочеть: не встрѣнулся. Искали они этакъ-то, долго искали — не нашли. Ухватили, слышь, рожу-то въ горсть, чтобы не больно стыдно было добрыхъ людей, поѣхали въ деревню ни съ чѣмъ. Тамъ-де (думаютъ) грязью заидають; года съ три и опосляхъ вспоминать да корить будутъ сосѣди. Ъдутъ они, ѡдутъ; извѣстно, надрываются сердцемъ, боятся мірскаго суда, а было ихъ человекъ съ десять на трехъ карбасахъ и неводъ былъ при нихъ, и неводъ-отъ они этотъ такъ и не замочили: какъ былъ засмоленной, такъ и остался—ничѣмъ-ничего. Ъдутъ они это въ деревню свою, ѡдутъ, «да и видимъ», говорятъ, впереди-то, могъ, насъ словно пѣна морская! Да какая, могъ, тутъ пѣна будетъ: коргъ нѣтъ, водъ мырить не изъ чего, не изъ чего и нѣщы пускать. Надо-де быть, братцы, бѣлуги!» Стали присматриваться: бѣлуги и есты! «Молись-де, ребята, да завжай, которой удалъ!» Такъ и сдѣлали. Выметали сѣть — завжали. Вытащили сѣть на мель: сто штукъ бѣлугъ предстали предъ ними какъ на блюдечкѣ. Ну, — опростили. Извѣстно, барышу много: плохая бѣлуга меньше 12 пудовъ сала носить въ себѣ...

— А то рассказывали сорочана (изъ деревни Сорочи на Кемскомъ берегу), что въ нпмъ въ сельдяную сѣть бѣлуга-то зашла. Стали, слышь, осматривать ее, потащили: да-что, могъ, туго подается, али, могъ, рыбы полъвницу навалило! Думаемъ-де, говорятъ, мы этакъ-то тащимъ — знай, вытащили, глядимъ: дураково поле — бѣлуга звѣрь. Разрѣзали: двадцать пудовъ сала выняли. Рыбу-то она въ сѣти всю, слышь, пожрала, а себя самое въ руки врага таки-выдала. Худо вотъ, баринъ, когда на замѣтѣвъ заматаетъ тебѣ звѣрь одинъ рядъ сѣти, особо при самомъ началѣ: тогда всѣхъ товарищевъ до единого выпустить. Оттого вотъ мы при поворотахъ-то давеча и орали крѣпко, себя не помня, потому знаемъ, что выпустилъ ты звѣрей въ море — въ догонку за ними ни на какомъ ты карбасѣ не поспѣешь, хоть будь тебѣ самая красивая беть (цолный бей-девиндъ). Это ужъ мы знаемъ доподлинно: лють звѣрь на водѣ, круто беретъ!..

— Такъ вотъ, твоя милость, какія дѣла бываютъ, говорилъ онъ какъ бы въ замѣчаніе, и снова принялся за работу.

Дальнѣйшій уходъ за звѣремъ состоитъ въ томъ, что сало

его вытапливается немедленно по уловѣ на салотопенныхъ заводахъ. Это не иное что, какъ простыя ямы, вырытыя за селеніями на берегу рѣки или того же моря. Яма салотопенная по обыкновенію обкладывается простыми камнями и кое-какъ наскоро обмазывается глиной; тутъ же подлѣ, по сторонамъ ямы, вкапываютъ два столба съ шестомъ или *стляомъ*, на который и вѣшаютъ котелъ съ саломъ; снизу разводятъ огонь. Перетопленное сало сливаютъ въ обрѣзы (вадки, сдѣланныя изъ бочекъ, перерубленныхъ пополамъ, на два обрѣза). Въ этихъ обрѣзахъ сало стоитъ и отстаивается двое сутокъ; верхній отстой переливаютъ въ бочки черезъ рѣшето и пускаютъ въ продажу подъ именемъ сала 1-го сорта. Нижний отстой или гущу, называемую *бардой*, перетапливаютъ еще разъ, и такимъ образомъ получаютъ 2-й сортъ сала цвѣтомъ нѣсколько темнѣе перваго. Слитое въ обрѣзы съ двумя днами сало этого сорта иногда даетъ новый отстой — третій сортъ, называемый просто *мазю* и идущій для домашняго употребленія, напримѣръ, для смазки сапоговъ — бахилъ и проч. Сало звѣриное обыкновенно (передъ тѣмъ какъ топить его на огнѣ) стружатъ, т. е. рѣжутъ на мелкіе куски особымъ орудіемъ, имѣющимъ форму серпа, для того, чтобы сало легче таяло. Сложенное въ обрѣзы и умятое тутъ деревяннымъ пестомъ для устою, сало бѣлужье, нерпичье, лысуновое и моржовое иногда таетъ отъ дѣйствія лѣтняго солнца и тогда получается лучшій сортъ, болѣе цѣнный въ продажѣ и извѣстный подъ именемъ *сыротка*. Харавины, т. е. шкуры, обыкновенно сушатъ на землѣ, распяливая на палочкахъ, въ которыхъ, для скорости дѣла, намѣчаютъ скважины. Чтобы очистить шкуры эти отъ шерсти, ихъ обыкновенно распяливаютъ на деревянныхъ рамкахъ и въ этомъ видѣ опускаютъ въ воду недѣли на двѣ и больше. Для этой цѣли предпочитаютъ опускать рамки на самое быстрое мѣсто рѣки или моря. Всѣ припасы и орудія складываются въ сарай, которые такимъ образомъ дополняютъ общій видъ всѣхъ салотопенныхъ поморскихъ заводовъ. Въ этихъ же сараяхъ хранится и звѣриное сало: и въ бочкахъ, и въ обрѣзахъ. Моржъ даетъ этого сала среднимъ числомъ отъ 10 до 15 пудовъ, заяцъ морской — отъ 5 до 9, лысуны и утельги отъ 5—10, бѣлки отъ 1½ до 2 пудовъ, нерьпа (самая боль-

шая) 3 пуда; бѣлуга, какъ выше сказано, даетъ отъ 15 до 20 пудовъ *).

Въ тотъ же день вечеромъ я оставилъ своихъ промышленниковъ за счастливой добычей, а самъ отправился дальше, по направленію къ городу Онегѣ. Помню, что цѣлые сутки вѣхалъ я до той поры, когда мнѣ опять удалось ступить на твердую землю и сѣсть, хоть и въ тряскую, но въ привычную, съ издѣтства знакомую телѣгу. Помню, что заснулъ я въ ней крѣпко и сладко; помню, что проснулся разбуженной ямщикомъ, который, слышу, рапортуетъ, что пріѣхали-де:

— Куда?

— Въ село Тамизу; 35 верстъ до Онеги осталось. А у меня, ваше благородье, дорогой-то лошадки было побѣсились. Ты не слышалъ—чай?

— Отчего же?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ: коровъ, можетъ, повидали; вишь, съ моря-то туману навалило: темно стало, ничего не видать. А и море-то верстъ, надо быть, двѣнадцать отсѣдова....

Ямщикъ замолчалъ; слышался взрывистый звонъ моего почтового колокольчика, который, вѣроятно, раскачала отряхнувшаяся лошадь, и шумъ пороговъ, несущійся прямо съ рѣки. Ямщикъ опять подошелъ къ телѣгѣ съ писаремъ, явившимся за подорожной.

— Чай, въ рѣку-то семга заходитъ; хорошо ей тутъ: она любить пороги?

— Гдѣ семгѣ!....

И ямщикъ расхохотался; даже писарь не могъ удержаться отъ улыбки.

— Думаешь ты, рѣка-то и нивѣсть какая? вопросительно объяснилъ ямщикъ:—мелкая вѣдь рѣка-то, курицѣ по холку, и все тутъ; кумжа вотъ развѣ зайдетъ.

Ямщикъ обратился къ писарю:

---

*) Сала ворвыннаго, со всѣхъ морскихъ промысловъ по Бѣлому морю и Новой Землѣ, привозилось въ послѣдніе годы до 60,000 пудовъ; отправлялось оно болѣе въ Германію и Голландію (отъ 30,000 до 40,000 пудовъ). Во время монополіи графа Шувалова отпускъ этотъ былъ несравненно значительнѣе. Во всякомъ случаѣ, это дѣло ждетъ толковой, честно и разумно организованной компаніи.

— Заходитъ! отвѣчалъ онъ грубо—заспаннымъ голосомъ и взялъ подорожную для прописки въ избу.

Ямщикъ не отвѣчалъ;

— Здѣшной народъ все больше въ Питеръ ходитъ, на лѣсные дворы. Такъ вотъ и пойдетъ тебѣ со всей Онега, знай это!

Слышу, опять раздается пріятный на этотъ разъ, звонъ новаго колокольчика; выѣзжаетъ новая телѣга, набитая доверху сѣномъ, съ новымъ ямщикомъ на козлахъ и въ шапкѣ съ мѣднымъ гербомъ на лбу; валюсь я и въ это сѣно и на немъ также пріятно и сладко засыпаю и просыпаюсь на другой день, въ виду Онеги, освѣщенной яркимъ солнцемъ, пробившимъ и испарившимъ весь ночной туманъ побережьевъ.

Но едва ли особенно лучшее было въ томъ, что солнце освѣтило Онегу: плачевно глядѣла она изъ за яроваго поля черными, гнилыми домами своими. Правда, что бѣлѣлась на горѣ каменная церковь, но церковь эта оказалась недостроенною; правда, что бѣлѣлось еще каменное зданіе, но и оно оказалось неизмѣннымъ казеннымъ казначействомъ, съ неизбѣжными, сильно захватанными дверями, съ грубыми, заспанными, полу-пьяными сторожами-солдатами. Единственная улица города, по которой можно еще ѣздить на лошадяхъ, (всѣ другія три или четыре, заросли травой и затянулись кочками, представляя видъ недавно высушеннаго болота) была когда-то выстлана досками, но теперь представляла ужасный видъ гнили, съ трудомъ преодолимый путь къ цѣли, которую, на этотъ разъ, служила отводная квартира. Но и къ ней можно, не обинюясь, отнести слова поговорки: «на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ома дворянинъ». Бѣдна Онега и печально глядитъ въ глаза всякому проезжему. Бѣдностью своей (какъ оказалось послѣ) она можетъ соперничать только съ одною Мезенью. Правда, что есть въ ней опрятныхъ домиковъ—два, три, но это дома богатей и лѣсной конторы, которая нашла себѣ пріютъ въ этомъ городѣ.

Сколько безпривѣтенъ видъ города, столько же печально смотреть и протекающая подлѣ, хотя и значительно широкая, богатая семгой и миногами, рѣка Онега. Всю ее, словно нарочно, какіе-то богатыри закидали безчисленнымъ множествомъ крупныхъ камней, переборъ которыхъ иногда сплошнымъ рядомъ чуть не доходить отъ одного берега до другаго противо-

положнаго. Четыре раза въ сутки всё эти уродливо-каменные переборы, производящіе на глазъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе, высоко покрываются прибылою съ моря водою и потомъ опять, почти тѣже двѣнадцать часовъ, мечутся на глаза обывателямъ обнаженные, сѣрые камни, въ иныхъ мѣстахъ сопровождаемые длинными, желтыми запесками. Видъ на городъ съ рѣки, и притомъ издали, недуренъ; но мрачно глядятъ изъ города берега рѣки, поросшіе густымъ чернымъ лѣсомъ, изъ котораго, въ одномъ только мѣстѣ прямо противъ города, бѣлѣютъ доски и строенія пѣньгамскаго лѣсопильнаго завода. На меня глядитъ оттуда дальняя дорога въ Поморье, со всѣми ужасами неизвѣстности, которой, кажется, на этотъ разъ, и конца нѣтъ, за всѣми болотами, рѣками, моремъ и океаномъ, озерами и гранитными берегами и лудами...

Вотъ вся нехитрая, несложная и небогатая замѣчательными происшествіями исторія этого города. Не дальше, какъ во семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, городъ этотъ былъ просто Усть-Янскою волостью, состоящею изъ нѣсколькихъ слободъ, до сихъ еще поръ сохранившихъ древнія свои имена: *Верхи* (верхній конецъ города), *Низы* (средній) и *Погостъ* (остальная часть ко взморью, самая лучшая, и самая главная часть города). Всѣ эти слободы, по указу императрицы Екатерины II, въ 1780 году, вошли въ черту новаго уѣзднаго города Архангельской губерніи. Первоначальное заселеніе его относится къ первымъ временамъ появленія новгородцовъ на берегахъ Бѣлаго моря для рыбныхъ и морскихъ промысловъ, еще во время княженія на Руси Василія Темнаго. При набѣгѣ литовскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ на сѣверныя страны Россіи, около 1613 года, Усть-Янская волость была почти совершенно выжжена и истреблена; однако, въ 1621 году, была уже въ ней церковь и до 20 домовъ. Съ 1657 до 1764 г., волость, по указу царя Алексѣя Михайловича, принадлежала, со всѣми рыбными тонами, сѣновосами, пажитями, вѣдѣнно соседняго съ нею монастыря Крестнаго, тогда еще новаго и неизмѣннаго никакихъ угодій. Принадлежа затѣмъ, къ Бѣломорской провинціи Новгородскаго намѣстничества, Усть-Янская волость въ 1774 г. отчислена къ архангельской воеводской канцеляріи и ввѣрена управленію экономическаго казначея и его помощниковъ. Съ 1761 года въ Онегѣ существовала лѣсная контора ан-

гличанина Гома, оживившая торговлю тамошняго края, значительно усилившая населеніе Усть-Янской волости, и вѣроятно, не мало способствовавшая къ тому, что волость эта, предпочтительно передъ другими сосѣдними, названа была городомъ. Девятнадцать лѣтъ производилъ здѣсь Гомъ свою лѣсную торговлю, по контракту, заключенному имъ съ графомъ Шуваловымъ—тогдашнимъ сѣвернымъ монополистомъ. Въ это время Гомъ успѣлъ отпустить за море болѣе 18 коммерческихъ судовъ, больше 9 гальясовъ и 20 рѣчныхъ судовъ, выстроенныхъ на двухъ тамошнихъ веряхъ и нагруженныхъ петрозаводскимъ желѣзомъ, волжскимъ хлѣбомъ и онежскими досками и канатами. Въ тоже время начали приходять сюда иностранные корабли (ежегодно отъ 20 до 70) за тѣми же досками и канатами. Но около того времени, когда Усть-Янская волость названа была городомъ, дѣла Гома начали упадать, закрылся канатный заводъ; а вскорѣ прекращено и судостроеніе. Съ 1769 года по случаю худаго состоянія и слабаго кредита купца Гома, за неплатежъ, по обязательству, казенныхъ денегъ, лѣсной торгъ вѣренъ былъ завѣдыванію Гаумана; въ 1781 году онъ переданъ былъ вологодской казенной палатѣ; въ 1783 году лѣсной торгъ окончательно взятъ былъ въ казну и отдается теперь торговымъ компаниямъ только на арендное содержаніе. Въ 1783 году за рѣкою Онегою выстроена была, вмѣсто обветшавшей, новая верь о 4 эллингахъ, на которой и былъ построенъ, въ томъ же году, корабль. Двумя годами раньше этого времени (1781 г.) при новомъ городѣ учрежденъ открытый портъ, по слѣдующему указу Екаторины II: «Учредивъ при самомъ устроеніи Вологодскаго намѣстничества городъ Онегъ для доставленія жителямъ его пропитанія и въ распространеніе торговли, всемилостивѣйше позволяемъ отъ пристани сего новаго города выпускать россійскіе продукты и товары, коихъ вывезъ не запрещонъ особыми указами, съ пошлиною, до будущаго нашего соизволенія, каковая собирается въ городѣ Архангельскомъ; равнымъ образомъ ввозить туда всѣ незаповѣдныя товары съ таковою же пошлиною, которая при архангельскомъ портѣ установлена для оныхъ; чего ради для досмотра и сбора настоящую опредѣлить таможню, съ потребнымъ числомъ служителей, подъ вѣдѣніемъ казенной палаты Вологодской губерніи.» Таможня въ настоящее время находится на

островъ Живъ, около котораго, за крайнимъ мелководіемъ рѣки Онеги, и останавливаются иностранные корабли, являющіеся сюда ежегодно (числомъ до 100) за досками и брусьями, распиливаемыми на двухъ заводахъ компаніи, пѣньгамскомъ (на другомъ берегу рѣки Онеги, прямо противъ города) и андскомъ (по направленію вверхъ по рѣкѣ Онегѣ, въ 8 верстахъ отъ города).

Всѣ обыватели города Онеги заняты работами на этихъ заводахъ, живя тамъ пять сутокъ въ недѣлю: на шестые приходятъ они въ контору, получаютъ расчетъ и въ воскресенье, почти съ самаго утра, на улицахъ слышатся пѣсни, бродятъ подгулявшіе горожане. Пѣсни эти не смолкаютъ на ночь, тянутся потомъ и во весь слѣдующій день—понедѣльникъ, которой извѣстенъ и тамъ подъ именемъ *маленькаго воскресенья*. По общимъ слухамъ и по нагляднымъ примѣтамъ, трудно найти въ другомъ какомъ-либо городѣ такого долгаго, безтолковаго загула, какъ въ Онегѣ, и вотъ почему дома его безобразно покривились на бокъ, деревянные мостки погнили и обвалились, улицы заросли травой, три городскихъ кабака новенькіе, каменная церковь недостроена, деревянная, кладбищенская, полуразрушилась. Весь заработокъ (и довольно значительный) онежане успѣваютъ пропить въ эти два загульныхъ дня (иные, болѣе ретивые, начинаютъ еще съ вечера субботы), если толковая, храбрая и сильная жена не успеетъ отобрать у расходившагося мужа небольшіе остатки, которые пойдутъ потомъ на недѣльное пропитаніе голодной, полунагой семьи. И можно положительно сказать, что только въ женскомъ населеніи, отличающемся крѣпкимъ, здоровымъ, красивымъ тѣлосложеніемъ, сохранился новгородскій типъ. Ему, даже до сихъ поръ, не измѣняетъ и внѣшній нарядъ женщинъ, особенно праздничный. До сихъ еще поръ одѣваются онѣ, если не нарядно, то пестро и пышно, хотя по большей части и въ платьѣ, переходящее изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству. Штофные сарафаны изъ алой, голубой или зеленой матеріи, а часто изъ золотной (или золотой парчи), топырятся и шуршатъ; на головахъ у дѣвушекъ надѣты шелковые платки, у женщинъ — низенькія шапочки съ золотымъ начельникомъ или широкимъ позументомъ. У богатыхъ дѣвушекъ, по праздникамъ, кокошники, называемые *мезяками* и имѣющіе форму усѣченного конуса, или

павловскаго кивера, украшены огромнымъ начальникомъ, широкимъ позументомъ, пронизаннымъ жемчугомъ ряда въ три—четыре. Сзади, по косъ, пущена алая лента, ниже пояса. У всѣхъ блюдется старыи обычай: при всякой встрѣчѣ кланяться и привѣтствовать другъ-друга добрымъ пожеланіемъ и привѣтомъ въ родѣ слѣдующаго:

— Почти праздникъ-отъ!

— Твои гости!

Каждую субботу и наканунѣ всѣхъ большихъ праздниковъ моютъ полы, подоконицы, лѣстницы и даже самыя стѣны избѣ. Изба, по старинному еще, дѣлится на три части: *шолмушъ*, или кухню, замѣняющую также спальню, собственно избу — столовую комнату, и *горенку*, которая ставится за *новтью* или сараемъ, пристраиваемымъ прямо къ избѣ, и которая, по обыкновенію, строится безъ печи и украшается картинками, зеркалами, чашками, самоваромъ, завозимыми сюда *торгованами*, временно пріѣзжающими изъ Каргополя и *офенями*—бродячими вязниковцами. Точно также, до-сихъ еще поръ, чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, слышится здѣсь старина, древнее сказаніе и новгородская пѣсня, которыя можно услышать и у тѣхъ же дѣвушекъ—по зимамъ на посѣдкахъ, которыя также изстари свято блюдутся здѣсь, хотя, въ тоже время, и значительно ослабли или совершенно прекратились во всѣхъ другихъ мѣстахъ архангельскаго края.

Если съ одной стороны, лѣсопильные заводы отвлекли все вниманіе горожанъ отъ роднаго крова, устремивъ дѣятельность ихъ на выгодныя, хотя и трудныя ломовыя работы, то, съ другой стороны, городъ Онега замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни кузнецовъ, ни столяровъ, ни слесарей; есть только плотники (да и то въ чужихъ рукахъ). По той же самой причинѣ, здѣсь и рыбная ловля незначительна и вся легко справляется женскимъ населеніемъ города. Дѣвушки и женщины осматриваютъ и обираютъ и миноговыя мерѣжи, и камбалыи уды, и заускаютъ сѣмोजи неводы и пѣплавни. Потому же, и собственно городской торговли рѣшительно не существуетъ: вся она находится въ рукахъ онежской лѣсной компаніи.

Доски и брусья съ заводовъ этой компаніи доставляются къ кораблямъ, стоящимъ на Кійскомъ рейдѣ, при помощи особаго рода плоскодонныхъ судовъ, называемыхъ *романовками*. Рома-

новки эти не иное что, как тѣ же лодьи, только съ нѣкоторыми, незначительными впрочемъ особенностями. Такъ, напримеръ, при противномъ вѣтрѣ, онѣ, по крайней плоскостности своей, ходить не могутъ, и потому, въ этомъ случаѣ, буксируются компанейскимъ пароходомъ. На нихъ ставятся двѣ мачты (по 9 сажень 5 вершковъ), къ нимъ привѣрпляются косые паруса; палубы не настилаются по той причинѣ, что суда эти грузятся трехдюймовыми досками (до 1,000—1,200 штукъ). Суда эти строятся вверхъ по Онегѣ, въ деревняхъ волости Подпорожья *).

Въ этихъ же деревняхъ построены огромный заборъ для семги, пользующейся во всей Россіи заслуженною славою одной изъ лучшихъ и извѣстной подъ именемъ *норона*. Описание этого дѣла откладываю до другаго мѣста.

2-го іюля поморская шкуна «Николай Старковъ», нагружившись досками и брусьями, ладилась пуститься въ море, черезъ Кемь, въ Норвегію, гдѣ хозяинъ этой шкуны предполагалъ продать лѣсной товаръ свой. Онъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ, общая доставить въ Кемь, прямо моремъ и не дальше какъ чрезъ двое, много черезъ трое сутокъ. Надъ предложеніемъ этимъ я долго не задумывался: близкая неизвѣстность, неизвѣданный еще мною морской путь, надежное судно, способное лавировать (по здѣшнему *бетаться*), ласковый хозяинъ, говорунъ и острякъ, прямо изъ корня всего поморскаго края—каково Кемское поморье и деревня Сорока—все это, взятое вмѣстѣ, соблазнило меня.

Я предпочелъ шкуну и дальное морское раздолье ѣздѣ вер-

---

*) У романовокъ дно плоское, какъ полъ; борты отвѣсны, какъ стѣны; ширина ихъ (сидящѣй стороны) 28 ф., длина—75, высота—8 ф. 3 дюйма; 6 ф. вышины въ каютѣ, 7 ф. по форштевню; корма, какъ стѣны; ахтерштевень уклоняется на 4 ф., форштевень на 5 ф., на ту и на другую сторону 9 ф. Обшиваются досками съ обѣихъ сторонъ такъ, что всего желѣза въ это судно идетъ, приблизительно, пудовъ до 100. Суда эти дальше Кійскаго рейда не ходятъ, хотя и былъ одинъ разъ такой случай, что одна изъ этихъ романовокъ сходила и, къ счастью, благополучно вернулась изъ Архангельска, на диво и крайнее удивленіе самихъ же строителей и хозяевъ. Прежде въ Подпорожьи строили лодьи, но теперь, какъ говорятъ, и не думаютъ. Рядкій изъ порожскихъ не умѣетъ строить романовокъ по аляповатымъ, безтолковымъ чертежамъ.

хомъ на девяносто слишкомъ верстѣ, и потомъ скучному прибрежному плаванію около всего Кемскаго берега слишкомъ на двѣсти верстѣ, еще и потому важному обстоятельству, что на возвратномъ пути съ Мурмана и Терскаго берега мнѣ не пришлось бы уже миновать этихъ интересныхъ мѣстъ.

На другой же день, со всѣми своими пожитками, я былъ уже на шкунѣ: и городъ Онега потянулся взадъ, выказывая крайнія ко взмору строенія свои, между которыми рисовались высокіе дома лѣсной компаніи. Изъ-за нихъ бѣлѣла соборная церковь; мрачно и непривѣтливо чернѣлъ темный лѣсъ, разсыпанный по крутой загородной горѣ. Тотъ же лѣсъ сопровождалъ и оба берега рѣки; вдали бѣлѣлъ уже маякъ, и все-таки не пропадалъ изъ глазъ, не закрывался ни берегомъ, ни лѣсомъ, бѣдный, хотя и длинный городокъ Онега. Ровно сутки лавировали мы между отмелями и подводными коргами и кошками каменной рѣки Онеги на полномъ, докучливомъ безвѣтріи. Два раза, на всемъ этомъ десяти-верстномъ пути, бросали мы якорь, выжидая вѣтра, и одинъ разъ такъ неудачно, что шкуну нашу убывшая вода едва совсѣмъ не положила на бокъ. Изловчившись кое-какъ, съ криками и ругательствами хозяина и его двухъ работниковъ, мы на прибылой водѣ, поднявшей наше судно, медленно выбрались впередъ на Онежскій рейдъ, пристали къ острову Кію и вышли на берегъ его, съ тѣмъ, чтобы записаться въ таможенъ и дожидаться потомъ на берегу новаго прилива, обѣщавшаго намъ надежду ѣхать дальше въ глубь моря, помимо несчетнаго множества шхеръ и лудъ Онежскаго залива, съ большимъ удобствомъ и легкостью. Ровно полторы сутки потомъ, на полномъ, всегда обидномъ и докучливомъ безвѣтріи, видѣлся намъ островъ Кій, со своимъ обгорѣлымъ Крестнымъ монастыремъ, со своею казенною таможеню, рѣденькою сосновою рощею и красновато-грязнымъ гранитнымъ берегомъ. Тотъ же гранитъ билъ въ глаза и на всѣхъ остальныхъ спопутныхъ лудахъ: Пурлудъ, Шаглонъ, Кюнд-островъ и другихъ мелкихъ, неизмѣющихся часто никакого названія лудахъ.

Островъ Кій—сплошная гранитная скала, возвышающаяся на 40 футовъ надъ уровнемъ малой воды, прикрутая къ юго-востоку и западу, нѣсколько отлогая во всѣ другія стороны. Гранитъ этотъ покрытъ тонкимъ, разрывнымъ слоемъ земли, на которой, особенно въ щеляхъ и ложбинахъ, прицѣпились

высокія сосновыя деревья, образующія рѣденькія, сильно просвѣчивающія рощи. Вотъ весь наружный видъ острова, дополняющійся на юго-восточной сторонѣ сараями лѣсной компаніи, домами таможи, выстроенной вновь послѣ недавняго англійскаго разгрома. Только они и составляютъ единственныя жилыя мѣста острова. На зиму эти зданія пустѣютъ, при нихъ остаются только сторожа; но лѣтомъ они населены значительное и гуще. Жизнь и дѣятельность кипятъ въ это время на всемъ островѣ и около него, на рейдѣ, въ значительныхъ размѣрахъ. Исключительная цѣль этой жизни и дѣятельности — доставка досокъ на романовкахъ изъ складныхъ сараевъ острова на иностранныя корабли, стоящія верстахъ нѣхъ полуторахъ, на рейдѣ. Остальное жилье острова — Крестный монастырь, возвышающійся на сѣверо-восточной сторонѣ, состоитъ менѣе, чѣмъ изъ десяти человекъ монаховъ. Въ мой провѣздъ монастырь представлялъ обгорѣлую, далеко еще не поправленную массу зданій. За нѣсколько дней до прихода англичанъ на Онежскій рейдъ, Крестный монастырь сгорѣлъ отъ неосторожности монаховъ.

Бѣдный въ настоящее время, по незначительности рыбныхъ ловлей, бесплодности островнаго гранита, существующій весьма незначительными и рѣдкими вкладами соловецкихъ богомольцовъ, Крестный монастырь, какъ извѣстно, основанъ въ 1657 году, патріархомъ Никономъ. Никонъ, бывший еще соловецкимъ іеромонахомъ и отправлявшійся съ церковными требами, потерпѣлъ крушеніе въ устьѣ рѣки Онеги, спасся на этомъ островѣ и, по исконному обычаю того края, поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вступилъ на берегъ, деревянный крестъ. Это было въ 1635 году. Въ 1652 году Никонъ, будучи уже новгородскимъ митрополитомъ, ѣздилъ въ Соловецкій монастырь, вмѣстѣ съ княземъ Хованскимъ, за мощами митрополита Филиппа, видѣлъ на Кій—островѣ крестъ свой, видѣлъ вѣру къ нему въ ближнихъ жителяхъ и тогда же положилъ основать здѣсь монастырь. Обѣтъ свой онъ привезъ въ исполненіе тогда уже, когда сдѣлался московскимъ патріархомъ. Въ 1656 г. онъ, по жалованной грамотѣ отъ царя Алексѣя Михайловича, началъ строить монастырь на счетъ своей келейной казны и на тѣ шесть тысячъ рублей, которые пожалованы были ему царемъ Алексѣемъ. Въ 1692 г. царь Петръ Алексѣевичъ указалъ производить монастырю государскаго жалованья на церковныя потребности и на

монашескія одежды каждагодно по 292 руб. 90 коп., что и производилось по 1707 годъ. Кромѣ ризъ и книгъ, жалованныхъ монастырю царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, царевною Татьяною Михайловною и самимъ патріархомъ, въ монастырѣ хранится животворящій крестъ съ 300 частицами мощей, сооруженный, по заказу Никона, въ Иерусалимѣ, въ настоящую мѣру креста Христова (длиною 4 аршина, поперечное дерево два аршина тринадцать вершковъ, титла — 15 вершковъ, подножіе въ аршинъ, ширина 5 вершковъ, толщина два вершка). Крестъ этотъ привезенъ былъ въ монастырь въ 1657 году, а въ 1661 году явился сюда изъ Москвы и самъ строитель для освященія готоваго уже соборнаго храма во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Въ 1657 г. монастырь былъ утвержденъ государевыми жалованными грамотами, съ дачею волостей съ 4,537-ю душами. Тогда же приписаны были къ нему и Усть-Янская волость (теперь городъ Онега), и Опоченскій кольскій монастырь, со всею округою, и Сырьинская и Благовѣщенская пустыни.

IV.

НА ШКУНѢ.

Переѣздъ изъ Рнеги въ Кемь.—Впечатлѣнія морскаго пути.— Преданіе о попутныхъ островахъ: Никодимскомъ, Полтамъ-Коргъ, Жъмецкой Варакъ, Рсинкъ (голодная смерть).—Преданіе объ островахъ Колгуевъ и Жогжинъ и богатыряхъ Колгъ и Жогжъ.—На берегу.

Съ востока потянуло крѣпкой, проникающей сыростью, показались густо-плотные клочки облаковъ, превратившихся вскорѣ въ сплошную массу, затянувшую ту часть горизонта, откуда появилось впервые густое дымчатое облачко — первый предвозвѣстникъ тумана. Солнце, до этой поры яркое и жгучее, со всеми характеристическими признаками лѣтняго іюльскаго солнца, стало какимъ-то матово-фольговымъ кругомъ, на который даже смотрѣть было можно безнаказанно, а тамъ и совсѣмъ его затянуло туманомъ: ни одинъ лучъ, ни одна искра свѣта не могли пронизать тумана для того, чтобы освѣтить и нашу сѣрую шкуну, и нахмурившееся море, начинавшее усиленно плескаться въ борты ея. *Заводился вѣтеръ, но противнякъ*; вся надежда полагалась на *полую воду*, которая, слѣдуя законамъ отлива пошла съ береговъ и понесла слѣдъ за нами клочья изжолта-зеленой *туры* (морскаго горошка), мелкія щепки, гдѣ-то выхваченное бревно, еловые вѣтки, лѣниво-колыхавшіяся въ густой пѣнѣ, смытой съ береговъ сосѣдняго гранитнаго острова, а отчасти пущенной и нашимъ утлымъ судномъ. Шли медленно, сколько это можно было понять изъ того, что у бортовъ не визжала, не шумѣла вода, разрѣзываемая носомъ, а мед-

ленно, монотонно плескалась на судно, и слѣдъ шкуны былъ такъ коротокъ, что конецъ его легко можно было услѣдить глазомъ. Но вотъ пробѣжалъ легонькой вѣтерокъ и прорыбилъ стихавшую поверхность хмураго моря: слѣдъ судна сталъ замѣтно удлиниться и совсѣмъ пропадать изъ глазъ, подхватываемый набѣгавшими волнами.

— Перекинь кливверъ!... тини шкоты! — раздались громкія, урывистыя слова, въ которыхъ было такъ много успокоительно-пріятнаго, тѣмъ болѣе, что преслѣдовавшее насъ безвѣтріе отъ самаго города Онеги и его мелкой и порожистой рѣвки бѣсило даже привычныхъ мореходовъ-работниковъ судна. Не одинъ уже разъ замѣчалъ хозяинъ:

— Надо-быть, старая баба помирала на ту пору, какъ заводилось намъ вечеръ повѣтерье ..

— А то что же? спрашивалъ я.

— Дѣло-то вотъ какое несхожее: у насъ вѣтра (примѣта) такая, что какимъ вѣтромъ попой ты изъ становища, такимъ и на мѣсто придешь. Обидитъ тебя вотъ этакъ-то противнякомъ на выходѣ, такъ на противнякахъ тебѣ и весь путь идти. Больно ужъ горько ладиться этакъ-то словно тебя кто за корму-то сгребъ и не пущаетъ.

И обиженный безвѣтріемъ хозяинъ уходилъ съ палубы и крѣпко засыпалъ, уложивши свое богатырски-развитое тѣло во всю длину узенькой, душной каюты. У руля оставлялъ онъ работника съ приказаньемъ ладиться на востокъ къ Онежскому берегу и на Орловъ-Наволокъ, откуда, по его мнѣнію, теченіе моря идетъ прямо на Кузовствѣ острова, отъ которыхъ уже рукой подать и до рождѣнной Кеми. Старикъ дремалъ у руля, не считая нужнымъ слишкомъ налегать на него или поворачивать по требованіямъ прихотливаго вѣтра; другой работникъ (на шкунѣ ихъ было всего трое), хотя и не ладно кроенный богатырь, пользуясь тѣмъ завиднымъ преимуществомъ, что онъ былъ братомъ хозяину, тоже болѣею частію спалъ, и только когда уже не было никакой возможности смѣжить очей, отъ излишняго пресыщенія въ этомъ чевинномъ удовольствіи расходовать скучное время, щипалъ паяку или выливалъ помпой воду прямо на палубу. Все глядѣло до той поры какъ-то мрачно: и крѣпко зашпанные паруса, валявшіеся на палубѣ безъ дѣла и безъ призрѣнія, и самая помпа, въ которой сейчасъ

только прошипѣлъ и опустился внизъ поршень отъ напора ворвавшася воздуха, и это сѣренькое небо съ яркимъ лѣтнимъ солнцемъ и безъ всякаго вѣтра, враждебнаго или благопріятнаго, — и это безбрежное море, слившееся съ дальнимъ горизонтомъ и обозначившееся въ мѣстѣ слиянія густо-синей полоской, и, наконецъ, эти голые гранитные острова (луды), которые цѣлой вереницей тянулись справа и слѣва во всю длину Онежской губы, дальше въ *голубя* — безконечную даль моря. Кое-гдѣ на докучныхъ островахъ пробился какъ-будто густой лѣсъ издали, на самомъ же дѣлѣ рѣденькій, скудный кустарникъ, кое-какъ уцѣпившійся на клочкѣ земли, приросшей къ холодному и голому граниту луды. *) На одномъ выглядывала черная, догнивающая своей вѣкѣ избенка промысловая, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая отъ англичанъ, только-что въ прошломъ году оставившихъ холодное и безпривѣтное Бѣлое море. Избенка эта пуста теперь и только будущей осенью населится артелью промышленниковъ, вышедшихъ въ море за морской свиной — бѣлухой. Вскрикнуть, бывало, пронзительно-больно и для ушей, и для пораженнаго безлюдьемъ и скукой сердца, пары двѣ-три чаекъ, и поднимутся онѣ надъ самой низенькой лудой, которая далеко за половину, заливается прибылой водой, и опустятся опять внизъ, и еще тяжеле, и еще безпривѣтнѣе послышатся ихъ дикіе, глухіе крики, и замѣтитъ, бывало, ктонибудь изъ товарищей-спутниковъ:

— Надъ гнѣздомъ воютъ: пѣтъ ребятишекъ своихъ учать, какъ лѣшіе по зарямъ; летать тоже учать: мы-де ужъ во-какъ умѣемъ, и вы потому же, молъ, смѣйте... Въ Соловецкомъ—вонъ отъ ихнаго крѣика дѣться некуда. Непутная птица, совсемъ дикая: разкудахталась вотъ это-то *порато*—ну и чуй непогодъ; знай — падеть вѣтеръ какой ни на есть, да, вишь, намъ-то все противнякъ... все противнякъ!...

— И разсвѣщикъ замашеть, бывало, рукой, покрутитъ головой и уйдетъ либо въ каюту спать, либо на корму плавать продиравленный парусъ: и смотришь, бывало, въ воду, какъ прорыбитъ ее легонькой вѣтеронъ и опять докучная тишь сгла-

---

*) *Луда* — голые, гранитные острова Бѣлаго моря; часто также слово это употребляется въ значеніи продолговатой прибрежной мели.

дить всё рябинки. По прежнему безотрадно и тихо море, по прежнему та чарующая чистота воздуха, отъ которой какъ-то и въ груди широко и привольно, и дышется такъ легко, и ничто, кажется, не увлечетъ съ палубы въ каюту, гдѣ уже окончательно сонное царство и ведутъ безсвязные, безтолковые разговоры въ бреду оба брата. Одинъ проснулся, вышелъ тоже на палубу и также замѣтно пораженъ увлекающей прелестью теплой погоды.

— Эка благодать! Эка благодать—матушка! Эко привольное раздолье, жисть благодатная!.. мирозданіе божеское!.. А все бы, гляди, лучше, кабы повѣтерье-то пало; ну, да ладно!.. Море—это горе! а безъ него—кажись, вдвое. Что у васъ тамъ... въ Расеѣ-то, есть экое-то? — прихвастнулъ хозяинъ и, получивши отрицательный отвѣтъ, еще больше приударилъ на свое:

— То-то, вѣдь нѣтъ!.. ину пору, правда, и тоска беретъ этакъ въ непогодъ али-бо на берегу сидя, а попалъ вотъ въ этакую благодать, такъ слезными рыданіями не прочь удовольствіе себѣ получить: не сошолъ бы съ палубы!..

— А что, паря, готовъ ли обѣдъ-отъ?—Наставляй скорѣйча!.. завершить, бывало, свою рѣчь хозяинъ и знаешь, что уйдетъ онъ съ братомъ въ каюту и станетъ ѣсть тамъ сначала жидкость, на треть съ морской водой, называемой ими рассоломъ, и на двѣ трети съ прѣсной, сильно потеплѣвшей и значительно выстоявшейся въ нечистомъ боченкѣ. Горячую жидкость эту зовутъ они ухой, хотя оттуда вынута и потребляется особо обожжаемая всѣмъ архангельскимъ краемъ треска, со своимъ вѣчнымъ одуряющимъ, амміакальнымъ запахомъ, который не пропадаетъ въ ней и по вываркѣ. Навѣрно знаешь, бывало, что съѣдятъ товарищи всю уху—одинъ непременно примолвитъ, постукивая ложкой въ пустую чашку: «дожда не будетъ!» Твердо знаешь и то, что за треской послѣдуетъ пшонная каша, причемъ непременно потужитъ хозяинъ, что забылъ прихватить съ собой съ берега масла, и замѣнитъ его той же соленой ухой. Твердо знаешь, что при первомъ появленіи въ каюту къ обѣду, обзоветъ онъ тебя приглашеніемъ:

— Поѣшь трещочки-то: хорошо, вѣдь!

— Не хочу; спасибо!

— Не привышное, вишь, дѣло-то тебѣ, не привышное! мы такъ вотъ и о пасхѣ ей разговляемся: на сковородкѣ яицами

обливаемъ, да со скоромнымъ масломъ и ѣдимъ въ сласть: знатно кушанье!.. Что же своей-то не поѣшь?

— Ветчины-то? не хочешь-ли попробовать?

— На оба конца не соблаговолила бы!.. а съ молитвою и все въ сласть: давай за твое здоровье! Вареную-то вотъ, чай, благонадежно можно ѣсть.

Попробовалъ — не нравится: наполю, что она въ пирогахъ лучше, а такъ-де боязно ѣсть.

— Женщины-то ѣдятъ ли ее?

— Ёдятъ.

— А любятъ ли?

— Да ужь ѣдятъ, такъ, стало быть, любятъ...

— То-то!

Надоѣли въ безвѣтріе и эти докучные, невяжущіеся разговоры. И рады, и истинный на улицѣ праздникъ для всѣхъ насъ, когда, бывало, повстрѣчаемся на морскомъ безлюдьи съ другимъ судномъ, которое везетъ также живыхъ существъ, и все въ этомъ суднѣ интересуется насъ: и какой оно краской покрашено, — и потому сумское ли оно, или кемское—и что везутъ: треску или мелкую рыбу морскую, и сколько рабочихъ. Спитъ кто—разбудятъ бывало: «ступай, лодья идетъ, полно 'дрыхать-то;» и привѣтствуемъ, бывало, встрѣчныхъ завѣтнымъ прадѣдовскимъ привѣтомъ, и намъ отвѣчаютъ тѣмъ же:

— Путемъ-дорогой здравствуйте, молодцы!

— Здорово ваше здоровье на всѣ четыре вѣтра!

— Откуда Богъ несетъ?

— Съ Мурмана—съ *Городъ*.

— Чьихъ вы?

— Кемскіе.

— Что это у васъ лодья-то безъ мачты?

— На голомяни сломало: несхожіе вѣтры пали.

— У насъ такъ вольненькая морянка все тянетъ, такъ... легонькая; третью вотъ сутки отъ Онеги шландаемъ...

— Тамъ, на Терскомъ—аи-какія бури стояли! со дна воротило и все межонные вѣтра были!..

Съ тѣмъ мы и разошлись. И не удивили и не озадачили, уже прислушавшееся къ мѣстному говору ухо, новыя слова, вставленныя въ короткія рѣчи привѣтствія. Зналъ я уже давно, что Мурманомъ зовется тотъ берегъ океана, который потянулся

отъ Бѣлаго моря на западъ мимо Колы къ норвежской границѣ и на который съѣзжаются все поморы для ловли трески — спасительнаго продукта для пищи, замѣняющаго легко и благотвительно всякаго рода хлѣбъ, который въ сѣверныхъ краяхъ не родится. Зналъ я, что городомъ зовется исключительно одинъ только Архангельскъ, куда свозится и гдѣ продается вся выловленная на океанѣ треска, что морянка — леговнѣй благодатный, по выраженію поморовъ, вѣтерокъ съ моря, голомянь — даль морская, все, что пошло отъ берега, который въ свою очередь, носить общее названіе горы, и что, наконецъ, съ понятіемъ о межонныхъ вѣтрахъ соединяется понятіе о непостоянствѣ вѣтровъ, дующихъ лѣтомъ, когда случается, что вѣтры обойдутъ кругомъ по всемъ румбамъ компаса, тогда какъ осенью морскіе вѣтры N, NO и O часто дуютъ безпрестанно не только по цѣлымъ днямъ, но даже и по цѣлымъ недѣлямъ.

На морѣ по прежнему тишь и гладь; но на дальномъ краю, тамъ, гдѣ начинается синева горизонта, промелькнуло что-то бѣлое, какъ будто волны; вотъ ближе и въ какой замѣчательной непослѣдовательности одна за другой, то въ одномъ мѣстѣ, то замѣтно далеко въ другомъ!

— Что это такое, старикъ?

— А бѣлухи лѣщатся: знать, вѣтеръ чуютъ! — спину показываютъ, цѣлымъ юровомъ (стадомъ) выплыли.

Юрово это такъ близко, что можно различать все ихъ продѣлки. Старикъ — работникъ не выдержалъ:

— Бѣлухъ-то какъ есть спѣхнемъ: на дорогѣ стали! любятъ духъ человѣчей — идутъ...

Бѣлухи, высовывая голову, замѣтно вдыхаютъ въ себя воздухъ, издавая при этомъ непріятные для уха звуки, наподобіе свиного хрюканья, и прячутъ голову въ воду, выгибая при этомъ свою горбатую, серебристую, какъ вѣшній снѣгъ, спину.

— Совсемъ свинья-бы, приказалъ снова старикъ: — только ногъ нѣту... и хрюкаетъ.

Надъ бѣлужимъ стадомъ мгновенно закружились — откуда взялись — огромныя стаи чаекъ, подхватывая изорту звѣря поймаанныхъ имъ маленькихъ рыбокъ. Старикъ и здѣсь не выдержалъ:

— Чайки эти всегда живутъ мирскимъ подаяніемъ, что богомолки соловецкія!.. ишь норовить!.. ишь сторожить, проклятая!

Дѣйствительно зоркая чайка, замѣтивъ звѣря у поверхности

воды, тотчас опускалась ниже и распускала свои крылья насторожѣ. Звѣрь, разгребая воду лапами на двѣ струи, высывалъ свою небольшую голову и терялъ часть добычи: чайки уже тутъ-кажъ-тутъ.

И старикъ раскачивалъ головой, и хлопалъ себя по бедрамъ, и какъ будто горевалъ бѣдующему горю:

— Эка, гляжу, нѣнасытъ; эки проклятыя; всего мало обжорамъ!..

Бѣлухи, по прежнему, продолжали шумѣть водой, и, по прежнему, судорожно вскрикивали и немедленно отлетали прочь тяжелыя чайки съ рыбой во рту...

Таковъ видъ на море; на палубѣ же видѣлись прежнія, давно знакомыя картины: хозяинъ для разнообразія сѣлъ къ рулю, отпустилъ горемычнаго старика-рабочника отдохнуть, соснуть и самъ замурлыкалъ себѣ подъ носъ ту заунывную пѣсню, отъ которой еще тяжелѣе, еще безъисходнѣе становится на душѣ. Старикъ, воспользовавшись свободой, бросилъ на веревочкѣ *плицу* (деревянное корытцо, которымъ на мелкихъ судахъ бѣломорскихъ вычерпываютъ воду), досталъ морской воды и вымылъ ею руки—занятіе, къ которому онъ ежедневно прибѣгалъ разъ по пяти—по шести на день—и завалился спать на палубѣ, сильно пропекаемой жгучимъ солнцемъ. Братъ хозяина гнѣвно щиплетъ, по прежнему, палю, какъ будто серьезное дѣло дѣлаетъ: ни пѣсенъ не поетъ, ни съ кѣмъ не заговариваетъ; разъ только подошелъ къ борту и бессознательно-тупо поглядѣлъ въ темно-зеленую черноту воды и засвисталъ тѣмъ дребезжащимъ свистомъ, какимъ прихочиваетъ ящикъ на питье свою уходящуюся, взмыленную тройку.

— Чего, чортъ, разсвистался-то?—обозвалъ его братъ, все еще навалившійся на руль и мурлыкавшій свою горемычную русскую пѣсню.

— Да вишь—нерьпа!..

— Выстааетъ, что ли?

— Знаю.

На гладкой поверхности моря, время отъ времени, показывалась между тѣмъ чорненькая, маленькая живая головка, съ плоскимъ утинымъ носомъ, судорожно вертѣвшаяся изъ стороны въ сторону, какъ бы прислушиваясь къ дикимъ звукамъ чело-вѣческаго свиста; вотъ показалась серебристая, лоснящаяся,

сизая шейка звѣрья, и вотъ часть бѣленькаго брюшка: и звѣрокъ бойко поматывалъ головкой, нырялъ въ воду и опять выставлялъ, чтобы снова подхватывать долетавшіе до него звуки свиста, и опять крутилъ головкой, подплывая почти къ самому судну, и опять прятался, и опять выставлялъ, но уже въ другомъ мѣстѣ, далеко въ голомѣ.

— Надо быть, осенній выводокъ, замѣтилъ хозяинъ; — да, вишь, заблудился, отсталъ отъ стада; лѣтомъ не слѣдно имъ жить здѣсь: есть нечего, уходятъ за сѣдями за Грумантъ (Шпицбергенъ). И любопытной звѣрокъ: охочь на свистъ-отъ; тѣмъ вотъ и донимаемъ, беремъ на стрѣльну; больше за ними и уходу нѣтъ: нѣтъ этихъ тамъ сѣтей, крючьевъ что-ли; а сало въ лакомъ, мягкое сало даетъ и кожу даетъ хорошую; вонъ соловецкіе монахи сапоги — бахилы дѣлаютъ, поясами чресла перепоясываютъ; сходной звѣрокъ, что говорить, одно — малъ!..

Моремъ опять понесло туру и щенки, и опять все это затянуло пѣной, оторванной отъ берега и голышей-камней, коегдѣ торчавшихъ безъ всякой системы и порядка на всемъ протяжении безтолковой, опасной для судовъ Онежской губы.

— Поляна пошла, теперь ходчѣ станетъ, все, гляди, хоть на куриной шагъ, да ближе къ Кеми.

— Скучно ужъ очень; не глядѣлъ бы ни на что!

— Кто говорить?! знамо, скучно; въ-первые на морѣ: какъ тебѣ не быть скучно, дѣло не свычное; мы вотъ и родились почестъ что на морѣ, да и тутъ все нутро воротить. Вишь, вѣдь совсѣмъ упалъ вѣтеръ! экая тишь, словно на смѣхъ и горе!..

— Посвищи на тюленя-то, веселѣй станетъ! — счолъ за нужное прибавить отъ себя забавлявшійся созерцаніемъ любопытнаго звѣрья парень.

— Побѣлъ бы нѣшто; вишь, вѣдь ты не спишь, не ѣшь, утѣшалъ въ свою очередь хозяинъ.

— Не хочется: призору нѣтъ.

— Знамо, какой тутъ призоръ? несвычное дѣло, знамо... На берегу-то тебѣ, поди, лучше?

— Разумѣется лучше.

— А насъ такъ вотъ тамъ и калачомъ не удержишь. Нечего намъ на берегу дѣлать. Давно идетъ у насъ пословка: — море наше поле дастъ Богъ рыбу — дастъ Богъ и хлѣбъ; моремъ

только и живешь, а сторона выходит самая украиня, у край моря сидимъ. На него вся надежда!

— Да, вѣдь, ужъ скучно очень!

— Какъ не скучно; знамо, скучно!

Нѣтъ, рѣшительно не клеится разговоръ; хозяинъ видимо и самъ утомленъ и озадаченъ безъисходностью положенія: вѣло какъ-то и по палубѣ онъ ходитъ, и спитъ ужъ черезъ-чуръ часто и долго, и пѣсни все поетъ заунывныя, да и ѣсть лѣниво и много; не таковъ былъ онъ въ первой день знакомства съ нимъ, когда пробирались мелководной и порожистой рѣвкой Онегой, ежеминутно почти мѣряясь шестомъ, чтобы, не ровенъ часъ, не съѣсть на мель и не положить судна совсѣмъ на бокъ... Разъ я поймалъ его на такой штукѣ: долго, долго смотрѣлъ онъ противъ вѣтра и крутилъ головой, какъ-будто сердился; вотъ снялъ шапку, похлопалъ себя по лбу и сталъ зачесывать вихоръ на правой високъ, и опять похлопалъ себя по лбу и засвисталъ.

— Что это ты дѣлаешь?

— Вѣтеръ хочу раздражить: вишь, вѣдь, чтобъ его!..

— Какъ-будто онъ тебя послушается?

Хозяинъ задумался было, но вскорѣ схватился:

— Бывало и слушивался; а коли и не такъ, такъ все какъ-то на сердцѣ легче, какъ-будто и сдѣлалъ свое дѣло-то... Ишь, вѣдь, совсѣмъ напротивѣлъ; свищи, старикъ!

И старикъ, также охотно и сохраняя ту же важность выраженія въ лицѣ, хлопалъ себя по лбу, присвистывалъ и дразнилъ вѣтеръ.

— Что старикъ, и тебѣ легче? спросилъ я его.

— Знамо, легче!..

Однимъ словомъ, всѣмъ надоѣло постоянное безвѣтріе втеченіи цѣлыхъ двухъ сутокъ. Даже и старикъ-работникъ, который хвастался тѣмъ, что «вотъ-де пятой десятокъ живу, а почестъ не сходилъ съ судна», не доволенъ своимъ положеніемъ и все время охаетъ и отрывисто поддакиваетъ сѣтованіямъ на безвѣтріе или постоянной противнякъ. По цѣлымъ часамъ приходилось, бывало, просиживать у борта, безсознательно созерцающая гладкую, безбрежную поверхность моря и синюю массу дальнаго берега, на которомъ нельзя уже различить ни черныхъ кучекъ — избенокъ селенія, ни яркой золотой точки, го-

рѣвшею въ крестъ надъ церковью, ни оврага со сверкающею змѣйкой-рѣчонкой: все ушло вдаль и отливало туманной синевой. Теперь и того не видно: все заволокло туманомъ, до того густымъ, что въ немъ нельзя уже различить съ кормы даже старика, рочившаго кливеръ, и брата хозяина, вскарабкавшагося на бизань по оборванной, грозящей ежеминутно смертью, веревочной лѣстницѣ (вантамъ), гдѣ и самые приступки (выбленки) чрезъ два въ третій, измочалены, висятъ ключьями.

Наступила минута всеобщаго, торжественнаго молчанія: всѣ стояли насторожѣ въ ожиданіи того, въ какую сторону приметъ направленіе вѣтеръ, до того времени игравшій кливеромъ то съ одной стороны его, то съ другой. И вотъ этотъ моментъ, сопровождаемой невыносимымъ скрипомъ бизани и всѣми рѣзкими, бранными словами, на какія только можетъ хватить умъ и привычка русскаго человѣка, въ сердцахъ и безмѣрно-обиженнаго; у брата хозяина сильнымъ порывомъ вѣтра вырвало изъ рукъ кливеръ, шкотъ; шкотъ поймали багромъ, но виноватой получилъ пять-шесть ударовъ въ спину — и отдохнуть бы, но хозяинъ, весь уже превратившійся въ суетливаго, почувствовавшаго и сознавшаго трудную минуту въ своемъ положеніи посреди враждебныхъ стихій, требовалъ его къ бизани, крѣпко бранилъ и за то, что спуталъ всѣ веревки на мачтѣ, хотя скорѣе спуталъ ихъ вѣтеръ, чѣмъ тотъ, и за то, что медленно рочилъ бичеву, и за то, что медленно отходилъ къ другому борту для закрѣпы шкота. Не ушелъ и смирной старикъ отъ зоркаго глаза и замѣтокъ хозяина: и ему послано съ бизани приказаніе, съ сильной закрѣпкой и памяткой, налечь на руль крѣпче и держать круче, на перерѣзъ волны. Любо было видѣть его въ эту минуту полнаго разгара хлопотливости: онъ то взберется на лѣстницу вверхъ, то опять, почти въ мгновеніе ока, очутится внизу у кливера, и вотъ, наконецъ, торжествующій, посреди прежняго всеобщаго молчанія, сѣлъ къ рулю самъ, прогнавши старика слѣдить за кливеромъ.

— Что, хозяинъ, теперь весело?

— Ну, да какъ не весело? благодать! и на сердцѣ складно. Этакъ-то вотъ иную пору тамъ, въ океанѣ, сутки у руля-то просидишь легко и передать жаль. Таково-то любо!..

Всѣ три паруса надуло вѣтромъ до состоянія полноты и насы-

щенія; накренившееся судно бойко разрывало въ мелкія брызги набѣгавшія густыя волны и бѣжало смѣло впередъ, оставляя позади себя бѣлую, гладкую полосу, окаймленную густой бѣлой пѣной. Пѣну эту подхватывали набѣгавшія волны, съ шумомъ отпрядывавшія отъ бортовъ въ мелкихъ брызгахъ. Туманъ замѣтно пропадалъ, позволяя видѣть мрачно клокотавшую бездну воды, взбитую густыми волнами, невысокими, но частыми и бойкими, во всемъ ихъ поэтическомъ обаяніи и прелести. Но вотъ волны, гонимыя боковымъ вѣтромъ, стали чаще и смѣлѣе набѣгать на накренившійся бортъ шкуны, прядали черезъ него, обсыпали своими противно-соленого вкуса каплями и лицо, и платье; одна волна цѣлую массу воды кинула черезъ судно и опечалила всѣхъ.

— Порато же много выпало вѣтра! — наконецъ-то выговорилъ хозяинъ, до того времени хранившій гробовое молчаніе.

— Отдай кливеръ, да держись крѣпче за бичеву: повернемъ!

На палубѣ сдѣлалось такъ холодно, какъ холодно бываетъ въ крещенской морозъ; холодъ леденить руки и бьетъ въ виски; только постояннымъ движеніемъ можно противодѣйствовать его вліянію; ходить по палубѣ непривычному человѣку уже невозможно и смѣшно видѣть, какъ прыгнувшій работникъ ухватился было за боченокъ, но, при новомъ поворотѣ судна на противоположной конецъ, брошенъ былъ къ печкѣ. Въ каютѣ свалило со стола бумаги, книги, чернильницу; въ шкапу хлопали дверцы и звенѣли двѣ—три чашки. Хозяинъ плавалъ съ нѣкоторымъ комфортомъ: у него имѣлся и мѣдной чайничекъ для чаю; чай прислащала онъ сладкими колобками, хотя и значительно высохшими и одеревенѣвшими; послѣ обѣда услаждалъ себя часто, сверхъ сыта, щолканьемъ кедровыхъ орѣшковъ — меледы, называя ихъ *индами*. Вина не держалъ вовсе, считая вино на суднѣ совершенно лишнимъ продуктомъ:

— Вино на суднѣ — гибель, и безъ него тошно! На берегу еще отчего не побаловаться въ доброй часъ? Тамъ съ виномъ весело: здѣсь маета; а отъ холодовъ и подъ полушубкомъ согрѣемя. Иные, пожалуй, и любятъ брать съ собой, да тоже въ морѣ, почитай, не пьютъ. Агличкіе, что въ городъ на корабляхъ ходятъ, тѣ, пожалуй, вонъ съ утра до вечера пьяны, за

цкъ, вѣдь, другіе дѣло-то правятъ, имъ съ пола-горя пить-то. А у насъ вся надежда въ тебѣ: работать за тебя некому, самъ все...

И вотъ еще нѣсколько ругательствъ и плюхъ со стороны хозяина, и еще нѣсколько сдавленныхъ криковъ изъ устъ его брата въ отвѣтъ за науку, и насъ погнало восторону отъ прямого, принятаго нами пути, и еще нѣсколько криковъ и бранныхъ словъ, да визгъ каната и всплескъ свалившагося якоря въ воду — и мы на безопасномъ мѣстѣ, подъ островомъ Шижмуемъ, на половину лѣсистымъ, на половину голымъ, какъ вообще голъ бѣломорской гранитъ.

— И экой взводнишшо разворотило: сюды-нали достигнулъ!

— Поди-ко тамъ теперъ какой адъ дѣвствуетъ! больно пылко...

— Пыль, имль, братецъ ты мой! прибавилъ отъ себя старикъ, стараясь поддержать разговоръ, завязавшійся тотчасъ послѣ того, какъ *обронени* были паруса и повернулось судно. Одинъ только хозяйской братъ видимо былъ недоволенъ, стоя насупившись и сохраняя прежнее упорное молчаніе. Но и онъ былъ замѣченъ хозяиномъ:

— Слышь чортъ, Петруха! сердисься что ли, аль нѣту?

Петруха молчитъ.

— Ишь вѣдь, словно Грумантъ, и разгнѣвался? Пошто старикъ—отъ не сердится?

Петруха все еще стоитъ на своемъ: лицо его мрачнѣе неба и воды окольной.

— Больно что ли, коли молчишь?

— Знамо, больно, противъ сердца бьешь: съ разу-то, вѣдь и духу тяжело!...

— Любя вѣдь, лѣшой!

Петруха на замѣчаніе это издалъ какой-то глухой грудной звукъ, который братомъ его былъ принятъ по своему.

— Съ горяча-то вѣдь, дуракъ, не разберешь; по шеѣ бы, вишь, надо.

— Ну какъ тѣ не по шеѣ?... себя бы билъ по шеѣ-то.

— Ладно, ну ладно, поцалуемся!..... Да вари-ко паужиня; дѣлать-то, видно, некого: спать ляжемъ.

— А недаромъ же, ваше благородье, бѣлухи-то играли.

— А то что же?

— Да ужъ какъ стали выставлять цѣлымъ стадомъ, знай—крутой будетъ вѣтеръ, такая свотинка необрядная! Надышаться, вишь, наровить: на волнахъ-то ей не повадно: не всякую вѣдъ волну и одолишь. Теперь вся на двѣ въ лежку лежитъ, да рыбку проходящую удить: тѣмъ живетъ, самъ знаешь.

Между тѣмъ набѣгавшія волны отъ огромнаго *взводня* (волненія), распушоннаго крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, продолжали сильно раскачивать наше судно и хотя не накренивали его по прежнему, но за то этой качкой сильно содѣйствовали тому, что всѣ мои спутники снова заснули богатырскимъ сномъ. Изъ голомени доносился до насъ глухой гулъ отголосками послѣднихъ раскатовъ грома; яснѣе и чище выдѣлились изъ этого густого гула всплески набѣгавшихъ волнъ на ближайшіе къ намъ голыши. Оттуда снова слышались громкіе, раздрающіе душу вскрики чаекъ. Изъ каюты вышелъ старикъ, поболтался по палубѣ, погрѣлъ руки надъ дотлѣвавшими угольками въ печи, вымылъ ихъ морской водой, покрывалъ и опять спустился въ каюту. Прямо противъ судна потянулся длинной Шижмуъ, слѣва лѣсистый и зеленый, справа каменистый и черный; далеко у края торчатъ что-то густо-черное: кажется, изба, а, можетъ быть, и просто огромной камень. Тамъ—и—самъ прорѣзаются въ ночномъ полумрагѣ деревянные кресты, которыми уставлены чуть не вплотную всѣ берега и острова Блага моря, всѣ перекрестки и выгоны городовъ и селеній Архангельской губерніи. Кресты эти ставятся по обѣту или мѣстными жителями, или богомольцами, идущими въ Соловецкой. Кресты на Шижмуъ могли имѣть иное начало: можетъ-быть тѣмъ же крутымъ вѣтромъ, какимъ загнало сюда и насъ, загнало въ это становище утлые суденки промышленниковъ и надолго затянулъ одинъ и тотъ же вѣтеръ, запирая всѣ пути къ выходу не на одинъ день мрачно скучнаго гореванья. Ловцы сошли на островъ и долго поджидали вождѣленной поры, когда уляжется вѣтеръ или переѣдутся въ попутной. Проходить не одинъ день скучнаго житья на голой лудѣ, а между тѣмъ флюгарка на мачтѣ попрежнему рѣветъ въ ту же враждебную имъ сторону, попрежнему несется страшной гулъ отъ дальнаго взводня со стороны моря и попрежнему черно и сумрачно это море, до половины покрытое густой, серебристо-бѣлой пѣной. Ту же тоску и безвыходность положенія испытываютъ промышленники, какія впо-

ру только тѣмъ несчастнымъ, которые брошены на голой, безлюдной камень, окруженной громадною массою воды и сверху накрытой широко-безпредѣльнымъ голубымъ небомъ. Тамъ съ крикомъ пролетитъ орелъ, тяжело размахивая своими сильными крыльями, и находитъ себѣ мѣсто, пріютъ и довольство на первой же сплутной лудѣ. Далекое не таково безызвѣстное положеніе покорившихся прихотливымъ капризамъ моря, когда, наконецъ, самый запасъ провизіи замѣтно приходитъ къ концу, а налѣпившіяся по лудѣ ягоды: сочная морошка и кислая, водянистая вороница набили оскомины; даже забившаяся въ оврагъ между камнями лужа дождевой воды, пощажонная палящими лѣтними лучами солнца, грозитъ скоро истощиться окончательно и обѣщаетъ рано или поздно возможность горькой смерти столько же отъ жажды, сколько и отъ голоду. Промышленникамъ остается одно: быть вѣрными завѣту своихъ праотцовъ и въ сооруженіи деревяннаго креста полагать всю надежду на лучшую долю, чѣмъ бездѣйственное положеніе на голомъ и безлюдномъ островѣ. За матеріалами ходить недалеко: лѣсъ подъ руками, и плохой тотъ мореходъ, который, не только въ дальное морское плаваніе, но даже и въ ближайшее на сосѣдную луду за грибами или ягодами, не прихватитъ съ собою топора и пилы. Цѣлой артелью, меньше, чѣмъ въ сутки, сооружается крестъ и вырѣзывается на немъ приличная надпись съ именемъ Страдавшаго и годомъ сооруженія.

— И всегда послѣ того, какъ вкапывали крестъ въ землю, всегда переставалъ вѣтеръ и если не становился попутнымъ, то зато до конца плаванія противнякъ не мѣшалъ плыть ровно и спорко, и бѣтаться (т. е. реить, лавировать) — говорили мнѣ въ одинъ голосъ и прежде и послѣ бѣлая часть ходокъ по бѣломорскимъ пучинамъ.

Между подобнаго рода крестами много, и едва ли, впрочемъ, не бѣлая часть, такихъ, которые сооружались спасшимися; изъ нихъ два креста сдѣлались историческими: одинъ Петра Великаго, сооруженный собственными его руками на берегу Унской губы въ 1684 г. и хранящійся теперь въ Архангельскомъ соборѣ, и другой Никона, послужившій началомъ основанія на Кій-островѣ Крестнаго монастыря, особенно передъ прочими чтимаго патріархомъ.

Если утомительны эти колыханья между голыми островами

при полномъ безвѣтрїи, то едва ли не втрое мучительнѣе гнететъ наболѣвшее сердце пяти — шестичасовая стоянка на якорѣ: приглядятся окольные однообразные виды, съ каждой мелочной подробностью которыхъ дѣлаешься какъ-будто знакомымъ съ-издѣтства; глазъ болитъ отъ безпредѣльной поверхности моря, взволнованной, возмущенной на всемъ своемъ пространствѣ непокойными, спорящими волнами: одна подсѣкаетъ другую, разбиваясь въ мелкія дребезги объ острые корги, голыши и луды; мельничнымъ воплемъ отдаетъ шумъ волнъ, набѣгающихъ на каменистой переборъ между сосѣдними голышами, оголенными убылой водой, и стихаетъ этотъ вопль по мѣрѣ того, какъ сползается вода, исполняя неизмѣнный природный законъ прилива, несмотря на противодѣйствующую силу крѣпко разгулявашагося взводня. На небѣ, замѣтно прочистившемся, съ сѣвера прошли облака и скрылись за хребтомъ всплывшихся волнъ голомѣни; съ сѣверо-востока показались другія, черныя; вѣтеръ опять пошелъ духами: то стихнетъ какъ-будто, то опять заглубитъ и заплѣнитъ дальнія волны, и опять завоютъ онѣ на переборѣ и острыхъ окраинахъ Шижмуя, и опять закачаетъ насъ словно въ люльки. Но крѣпкимъ, невозмутимымъ сномъ продолжаютъ спать мои спутники; опять ходишь по палубѣ, хватаясь на пути за устои, чтобы не упасть при этой постоянной качкѣ судна съ боку на бокъ; посмотришь въ даль моря: тамъ опять заиграли бѣлухи, вырисовывая въ чернѣти волнъ и на дальней окраинѣ горизонта свои серебристыя спины: — какой-то предвѣщаютъ вѣтеръ? Поглядишь на якорь, не повело ли канатъ прибылой водой нагѣво, не подтянетъ ли его совсемъ подъ судно, и такимъ-образомъ не повернетъ ли послѣднее коршой, чтобы бѣжать повѣстить своихъ спутниковъ, что вода запала и нечего терять дорогаго времени. Работники глѣниво просыпаются и почти навѣрно могу догадаться, что бранить нарушившаго покой ихъ и за его нетерпѣливость, и за его безсонныя ночи, и бранить даже за то, что полчасакомъ разбудилъ ихъ раньше, чѣмъ бы имъ самимъ хотѣлось.

Сначала выльзъ изъ каюты самъ хозяинъ въ слегка накинутаго на плечи полушубкѣ; но холодъ беретъ свое: хозяинъ крутитъ плечами и зѣваетъ.

— Что, братъ, холодно?

— Отвѣта не было; хозяинъ опять спустился внизъ и слышно

оттуда, какъ бранить онъ другихъ товарищей и, вѣрно, толкаетъ ихъ въ бокъ ногой; тѣ огрызаются на него, обзываютъ лѣшнимъ и охаютъ. И вотъ онъ снова на палубѣ, плотно укутанный въ шубу, моетъ руки и молится на востокъ. Удостоившись, что якорь дѣйствительно находится подъ днищемъ шкуны, съ помощью работниковъ выбираетъ его рычагомъ на палубу. Кое-какъ медленно и молча, налаживаются паруса и шкуну нашу легонько потащило на западъ полой водой, вырисовывая передъ глазами новые острова, но со старыми, давно-знакомыми видами.

— Вотъ сивкай, ваше благородье! — началъ, наконецъ, хозяинъ послѣ упорнаго, продолжительнаго молчанія, которое нарушалъ только требованіями «опустить немного шкотъ, зарочить покрѣпче кливеръ, держать вѣтръ въ парусахъ, не налегать на руль и держать его на вѣтрѣ, поддать бизани, подвести руль» и проч.

— Палъ голомянной, вѣтеръ морской бы тебѣ назвать: съверъ ли тамъ, полуношникъ (N0), вотъ какъ бы теперь, востокъ ли: завсегда взводень рыдать, по осенямъ недѣлями тянуть, ну да и лѣтомъ развѣ сутками удовольствуются; это не то, что вѣтра горные: вотъ хоть бы лѣтній (S) взять, западъ, обѣдникъ (S0: отъ тѣхъ только визгъ пойдетъ, пыль... мачты крѣпци, паруса убавляй, а нѣтъ тебѣ, чтобы эти волны: шивить вода, что уха въ котлѣ; одинъ только шалоникъ (SW) побойчѣе всѣхъ, да и тотъ развѣ ужъ крѣпко наляжетъ, такъ распустить взводень-отъ...

— Гдѣ же опаснѣе взводень: здѣсь ли въ морѣ, или тамъ на Мурманѣ — въ океанѣ?

— Взводень нигдѣ не страшнѣе: умѣй только паруса обладить, да не звай по времени — не опружить; опять же мѣста знай: гдѣ мель, гдѣ корга; и становища, якорныя мѣста, опять знай, умѣй во время спрятаться. А который взводень сильнѣе?

— Да.

— Океанской матерущой взводень живетъ; этотъ и званія передъ тѣмъ не стоитъ, такъ... дрябъ, зыбъ и ничего... тьфу!..

Разскащикъ присвистнулъ.

— На Мурманѣ во — какія волны!

Разскащикъ засучилъ рукава и приподнялся.

— Палъ тамъ вотъ этакой-то чортовикъ полуношникъ, да

сдуру и начнеть пылить по океану-то. Ну... большія волны живутъ...

И онъ снова сѣлъ на свое мѣсто.

— А какъ же велики?

— Да чуть тебѣ съ колокольню не посулилъ...

Прислушивавшіеся работники захохотали; самъ раскащикъ скрылъ улыбку и продолжалъ самоувѣреннымъ тономъ и еще вруче засучивая рукава. Онъ опять приподнялся.

— Идетъ тебѣ устрѣчу волна, что домъ городской; подойдетъ это тебѣ подъ низъ, заберетъ на себя все выше, да выше на самой хребетъ, вздынетъ, покачаетъ этапъ разъ-другой-третій, потѣшитъ это душеньку то, значитъ, свою: да и пуститъ легонько внизъ, что по маслу, любо!...

Раскащикъ покрутилъ головой.

— Спустила это она внизъ; ничего не видно и духу сразу не соберешь. Глянь, анъ друган тебѣ лѣзетъ, еще больше той, и та съ тобой поиграетъ, да этапъ-то вонъ съ-однова по цѣлымъ суткамъ и тѣшатся: и любо и имъ, и тебѣ. На попутной идетъ — шагаешь это, все впередъ, да впередъ и порато бойко; а на устрѣтной—знамо бѣги въ становище — осилить, не справишься...

Онъ помолчалъ.

— И сколь велики эти волны—такъ вотъ теперь съ лодьей бы идешь рядомъ, да поплывъ на волну къ хребту-то и сталъ на мель, верхушки мачты не видать, не то что лоды самой; во какъ!... А, вѣдь, это морскія волны! Это, такъ... тѣфу!

И раскащикъ опять презрительно свиснулъ.

— Волна эта мелкая, бойкая, съ ней опасно: того гляди, подсѣчотъ и опружить; волна эта немного отъ рѣчной отстала. Та такъ вотъ совсѣмъ обижаетъ, особѣ на сувояхъ: тамъ это, гдѣ вотъ палаа бы вода съ прибылой встрѣтится, тутъ ужъ рулевой не зѣвай.

— Ну, а какъ же это, дядя Егоръ, на Мурманъ-то лонисъ десятковъ семь ребятъ погибло; такія бури стояли, что отродасъ не запомнятъ?

— Что же? на то власть Божья; знамо, все отъ Его прозволенія; тутъ намъ съ тобой, дядя Степанъ, дѣлать нечего! вѣрно ли я говорю?

Дядя Степанъ глубокомысленно кивнулъ головой.

— Въ океанъ взводень укладывается не больно же скоро: и вѣтеръ перестанеть, и другой завяжется, а взводень все рыдаетъ, все гуляетъ... Въ морѣ не такъ, въ морѣ взводень въ полчаса угомонится, а и раньше, коли на морской вѣтеръ набѣжить какой ни есть горній.

Поощряемый этими разспросами и общимъ вниманіемъ, хозяинъ, привыкшій, приглядѣвшійся къ морю и капризамъ вѣтровъ, продолжалъ рассказывать слѣдующее:

— Про вѣтры нѣшто сказать тебѣ заразъ, чтобы зналъ ты и напередки, коли въ Колу и на Мурманъ ѣдешь, всё ихъ обыки, всякой норовъ, значить. Взять бы востокъ — морской, голомянной вѣтеръ — боекъ и разгуливается скоро, глазомъ почестъ мигнуть не успѣешь, и крутить иной разъ по морю за всегда цѣлой день: а пошло этакъ солнце на вѣтеръ...

— Что же это значить?

— Стало этакъ солнце, значить, на востокъ, въ сторонѣ этой на небѣ-то... отишетъ вѣтеръ и отстанеть, и взводня не пускаеть больше, и знай: пересталъ вѣтеръ, такъ либо ничего, либо другой падеть, а ужъ тотъ старой... никогда почестъ не ворочается, не играетъ ужъ... По ночамъ послѣ востока больше шалоникъ (SW) ходить...

— Ну, а этотъ каковъ?

— Совсѣмъ негодяй; пылить, словно угорѣлой, рветъ все у тебя, ровно благуеть и почестъ не даетъ никакого взводня. Совсѣмъ взбалмошной вѣтеръ: задулъ, закрутилъ, оборвалъ бичеву, пѣну пустилъ—думаешь, и несосвѣтимуую погоду завяжетъ, и невѣсть куда унесетъ тебя, коли попутной. Глядишь, поигралъ часъ-другой-третій, попылилъ и опѣшилъ—и приругаешь дурака и наплюешь въ глаза. Такой!... Вонъ полуношникъ (N0), сѣверъ, западъ—теплой вѣтеръ, тѣ молодцы, съ тѣми можно дѣло имѣть, потому благородно и необходимо... Сѣверъ однако некруто взводень пускаеть; разъ ужъ крѣпко расходится и тянеть долго...

— Лѣтній каковъ? спросилъ я, стараясь воспользоваться словоохотливостью Егора, не всегда разговаривающаго, по большей части замкнутаго и сосредоточеннаго въ себѣ.

-- То есть горніе?

— Да.

— Про какой спросилъ-то: про лѣтній?

— Про лѣтній.

— Это вѣдь бѣлоручка, дворянской сынъ. Подъ него спать на палубѣ ловко, щокотить это по рожѣ-то теплынью, умирать не надо. Таково любо!... Такъ ли я, старина, говорю?

Старикъ опять молча кивнулъ головой и опять усмѣхнулся; даже на всегда мрачномъ лицѣ хозяйскаго брата проскользнулъ родъ какой-то усмѣшки и онъ переступилъ съ ноги на ногу. Это замѣчено было Егоромъ.

— Вонъ Петрухъ - то какой не завязывайся вѣтеръ, все ладно; полуношникъ хоть всѣ трубы открой — не приметъ: моржовистъ...

Хозяинъ замолчалъ, но вскорѣ счолъ за нужное прибавить еще слѣдующее:

— Гагара кричитъ — на море безпремѣнно падетъ сильной вѣтеръ. По старымъ временамъ на пятницу вѣтеръ смѣняется, какъ бы ни игралъ круто...

— Да вѣрно ли это, хозяинъ?

— Съ тѣмъ возьми!..

Полая вода продолжаетъ подвигать насъ, хотя и медленно, впередъ; потаились Шижмуи, вмѣсто ихъ выплыли новыя луды, изъ которыхъ однѣмъ знатоки дали названіе Медвѣжьихъ Головъ, другія обозвали именемъ Сеннухи; далеко впереди выяснились высокіе Кузовъ, цѣль настоящихъ нашихъ помысловъ и желаній. Какимъ-то матовымъ отблескомъ покрыты эти острова отъ вершинъ до мѣсть прибоя волнъ и рисуются тускло: нельзя еще отдѣлать гранита отъ того мелкаго кустарника, которымъ, говорятъ, онъ вплотную усыпанъ.

— Гляди правѣ Сѣдловатой луды, видишь?

— Ничего не вижу; но Сѣдловатую луду узнаю и дивлюсь ея мѣткому прозвищу: лучше назвать ее едва ли можно...

— То-то! совсѣмъ, вѣдь, сѣдло... А направо-то видишь еще кое-что? продолжалъ добиваться своего хозяинъ, когда вопросъ возбудилъ всеобщее любопытство. Двое работниковъ смотрѣли туда же и тоже не понимали: отчего мнѣ не видно того, на что указываетъ хозяинъ. Одинъ изъ нихъ даже не выдержалъ и дополнилъ:

— Вишь, бѣлѣтъ-нали стало! совсѣмъ видно...

Но я, по прежнему, ничего не видалъ; за поморами, хотя бы даже и въ очкахъ, не угоняешься; они очень зорки и далекое

видятъ ясно, благодаря безграничному горизонту моря, на которомъ съ малыхъ лѣтъ развивается ихъ зрѣніе. Только тогда, какъ насъ значительно подвело еще дальше впередъ, на NO выплыло какъ бы облачко, сначала незначительной величины, потомъ постепенно округлявшееся, рѣзко обозначая свою подошву на мѣстѣ прибой волнъ, и на этомъ облакѣ дѣйствительно забѣгала небольшая, но круглая точка; надъ точкой прорѣзалась и загорѣлась золотая звѣздочка, одна, вотъ другая... третья... и еще... и еще...

И невольно дрогнуло сердце и не надо было сомнѣній и разспросовъ: само собою разумѣется, что золотыя звѣздочки эти принадлежали дальней изо всѣхъ русскихъ обитателей, монастырю Соловецкому, съ которымъ связано столько живыхъ впечатлѣній, обильной наплывъ которыхъ мѣшало найти въ нихъ единое цѣлое. Нѣкоторое время видѣлась только сѣрая масса съ серебристо-снѣжнымъ пробѣломъ, который начиналъ постепенно увеличиваться и выдѣлилъ изъ себя двѣ черви, еще что-то похожее на длинную стѣну и вдругъ все снова пропало...

— Темень подняло; дождя, знать, будетъ; а не надо бы нама-га!—послышался голосъ хозяина.

— Зорюкъ же, братъ, ты и догадливъ!

— Намъ нельзя безъ того, слѣпымъ-то у насъ и на печи мѣста много. Близорукъ въ морѣ будешь, такъ и носъ разшибешь; наше море не такое, чтобы коргъ этихъ, кошокъ, голышей не было, не такое!..

Предсказаніе хозяина сбылось; изъ теменцы — дальнаго облачка—сдѣлалась вскорѣ надъ нашими головами цѣлая и густая туча, обсыпавшая насъ бойкимъ, но скоро переставшимъ дождемъ, вызвавшимъ новое замѣчаніе Егора:

— Въ морѣ встанетъ темень — жди дождя; въ горахъ (въ береговой сторонѣ) завязалась она и кажетъ словно молочная, да зачернѣло оттуда море синей полосой, быть вѣтру, и крѣпкому вѣтру; такъ и завсегда вотъ, какъ и теперь!

И это предсказаніе сбылось какъ нельзя вѣрнѣе и лучше; дождь загналъ меня въ каюту, куда послышались вскорѣ съ палубы новые крики и опять начались возня и брань. Слышится задыхающійся голосъ Егора:

— Къ снастямъ, ребяташки, къ снастямъ, други милые, чelовѣки земнородные! постарайся, други, золотомъ озолочу и по

всему свѣту пушу славу—вотъ такъ, упрись, вотъ этакъ, серебряные, золотые!.. А чтобъ тебѣ, старому чорту, ежа противъ шерсти родить, что кливеръ-то опустилъ? анаема... не задорься, вѣрись на ругъ-то, лупоглазой! рочи живѣй, одеръ необычной!.. начну вотъ кроить шестомъ-то, скажешь, которое мѣсто чешется!.. окаанные!.. держи вѣтеръ-отъ такъ, желанные мои, такъ... вѣрно, такъ! спасибо на доброй подмогѣ! Ишь какъ знатно пошло прописывать; молодцы ребята, тысячи рублей за васъ не деньги!.. рочи-ко скоренько, рочи, бѣтайся, други, бѣтайся!.. вотъ лихо!.. вотъ лихо!.. знатно... шевелись, старикъ, шевелись, перекидывайся, шевелись покрѣпче — погуще поѣшь; ладно! Вотъ тебѣ разъ! вотъ тебѣ разъ!..

И за послѣдними словами въ каюту донеслись новые звуки хозяйскаго свиста; я вышолъ на палубу: стоитъ онъ, разставивъ ноги и разводя руками лицомъ къ вѣтру, и опять снялъ шапку, опять машеть ею противъ вѣтра.

— Что, Егоръ?

— Да, вишь, окаанной какой!..

— Что же, обидѣлъ?

— Попугалъ только, проклятой: на то и шалонникъ—разбойникъ, чтобъ ему пусто было!.. Рони, паруса, братцы, да крути якорь: надо опять *полой* *) дожидаться!.. Вотъ и горюй тутъ!..

---

*) Считаю нелишнимъ объяснить здѣсь значеніе поморскихъ словъ, употребленныхъ для выраженія извѣстнаго состоянія воды въ приливахъ и отливахъ. Вотъ весь порядокъ этихъ замѣчательныхъ проявленій жизни Бѣлаго моря на поморскомъ нарѣчій, всегда мѣткомъ и оригинальномъ. Начало прилива, и именно тотъ короткій моментъ, когда вода какъ будто задерживается и стоитъ неподвижно, не подаваясь ни впередъ, ни назадъ, поморы зовутъ *куйугой* (значеніе этого слова въ некоторыхъ случаяхъ переносится и на осмыхающій послѣ отлива берегъ морской); за куйугой вода *зажигаетъ*, т. е. начнетъ прибывать, *спомятятся*, и все остальное время прилива носить уже названіе *полой*, *прибылой воды*. Приливъ кончается: вода *хромаетъ*, теченіе ея дѣлается тише, она вскорѣ сползится и черезъ шесть часовъ отъ начала прилива будетъ *палмая вода*: затѣмъ она *дрометъ* и начнетъ *западать* (убывать) — и все слѣдующее послѣ того время отлива иветъ одно общее названіе *сухая*, *малая вода*. Такимъ-образомъ опять черезъ шесть часовъ будетъ куйугоа и немедленно слѣдующее за нею начало полой воды, и т. д. Неправильностями въ одновременномъ появленіи приливовъ и отливовъ объясняютъ несчастія, случающіяся съ бѣломорскими еудами во время ихъ плаваній.

— И тебѣ-то, гляжу, Егоръ обидно!

— Зареву, вотъ по-воровья зареву, и знай! совсѣмъ обидя: вино бы подѣ рукой было, кажись, облопался бы, чтобы не видать экаго посрамленія на головушкѣ. Сказано: какъ, знать, пошли, такъ и придемъ непутно! А Кузовá-то далеко ушли; къ Кильякамъ, знать, ладиться надо!...

— Что же такъ?

— Теченье-то, вишь, тяга-то тебѣ къ берегу: безъ вѣтра однимъ бѣтаньемъ не одолишь...

— А вѣдь это, братъ, совсѣмъ ужъ не по морскому; это ужъ, выходитъ, на авось идти.

— Егоръ ничего не отвѣтилъ; видимо совсѣмъ ошеломленный отъ постоянныхъ неудачъ, швырнулъ безъ видимой нужды шесть съ одного борта на другой, двѣ огромныя, тяжелыя щепки бросилъ въ море, легъ было на доскахъ, на палубѣ, и не улежалъ, пошолъ въ каюту; на пути сильно толкнулъ попавшагося брата, безъ видимой причины, и только въ каютѣ смогъ улечься окончательно и ровно восемь часовъ проспалъ непробуднымъ, богатырскимъ сномъ.

Кончались уже пятые сутки нашего морского плаванія и немного же принесло оно съ собою радостей; на все глядѣлось какъ-то смутно, во всемъ составѣ чуялась какая-то истома и на всѣхъ видѣлось тоже самое: хозяинъ пересталъ шутить и пѣть пѣсни; братъ его глядитъ еще сумрачнѣе и молчитъ еще упорнѣе; старикъ работникъ, словно развинченный, еще чаще сталъ доставать морской воды и умывать ею руки. Всѣ истомились и не охотно заговариваютъ другъ съ другомъ; а дальный поморской берегъ снѣжетъ по прежнему безтолково, неясно, какииъ-то длиннымъ, бесконечно-длиннымъ облакомъ, обрамленнымъ снизу яркой синевой неба, что водой морской дальней островъ. Таковы и Кильяки, замѣнившіе для насъ значеніе вождѣленныхъ Кузововъ, такова и Бѣлогузиха, таковы и Медвѣжьи-Головы, бьющія теперъ въ глаза своимъ красновато-грязнымъ гранитомъ и вѣчною зеленью сосенъ и елокъ. Разъ только потѣшилъ насъ бойкій вѣтеръ, но и тотъ выпалъ на столько боекъ, на сколько и бесполезно-опасенъ, да другой *попугалъ*, говоря мѣткимъ выраженіемъ Егора, сумрачно созерцающаго теперъ давно-знакомые и сильно напротивѣвшіе ему виды.

— Вотъ, рассказывалъ онъ: — выглядываетъ круглой шап-

вой, что повыше всѣхъ изъ Кузововъ, Никодимской островъ, и жилъ на немъ старецъ въ цестѣ и молитвѣ, и померъ, уложивши головушку на псалтырь старопечатную. Такъ и наши ягодницы — дѣвки кемскія — лѣтъ тому десять, а не то и пятнадцать. Съ тѣхъ поръ и зовутъ по Никодиму-то старцу и островъ Никодимскимъ. Стали было ходить съ молитвой туда, да исправникъ не велѣлъ...

Но трудно было отличить этотъ островъ въ цѣлой массѣ другихъ, болѣе или менѣе высокихъ острововъ, цѣлой стѣной заступившихъ весь горизонтъ впереди. Самое море чрезъ то потеряло всю свою прелесть безбрежнаго, почти безслѣдно-сливающагося съ дальнимъ горизонтомъ. Виднѣлись только острова и съ боковъ, и прямо, и свади шкуны.

Еще на одинъ изъ нихъ указываетъ хозяинъ и, называя его Полтавъ-Коргой, ведетъ новую повѣсть:

— Дѣвушка — этакъ въ поръ: полной дѣвкой заводилась, плыла по ягоды съ прялкой, да божественныя старины пѣла: Сонъ Богородицы, Мученіе Христово, Плачъ Іосифа-Прекраснаго, егда продаша братія его во Египеть, и прочее такое изъ стиховъ, что калики-перехожіе по ярмаркамъ поютъ. А какъ допѣла она до стиха въ плачѣ-то Іосифа, что

Внуши-де, мати, плачъ горѣи
И жалостныи гласъ тонкіи,
Виждь плачевный образъ мой
Пріими, мати, скоро во гробъ твой.
Не могу азъ больше плагати,
Хотять врази ми заплати,
Отверзи гробъ, моя мати!
Пріими къ себѣ свое чадо...

и палъ, слышь, шалоникъ бойкой и окружилъ дѣвушку-то: потонилъ, значить!.. А сирота была и ни одного мужика не знала, и всѣ горемъ горевали по ней... Погоревали, сказываютъ, немного-немало, да такъ и забыли, и забыли бы совѣтъ — да выходить: въ сонныхъ видѣніяхъ являться стала то къ одному, то къ другому, и все съ прялкой своей, и все, слышь, просила, чтобы часовню на ея косточкахъ ставили. Взялись мужики, отыскали тѣло, зарыли, и часовню сдѣлали на берегу, гдѣ тѣло-то ея волной выбросило. Исцѣленія и чудеса были, молебны пѣли, да пріѣхалъ разъ исправникъ съ понатыми и

Годъ на Сызря.

сжогъ часовню, и крѣпко-на-крѣпко наказалъ не ходить къ тому мѣсту; да народъ-отъ не будь глупъ: откопалъ дѣвушку и перенесъ ея тѣло на другое мѣсто. Утонула дѣвушка лѣтъ 15-тъ, а судили ее всего года четыре назадъ...

— Тамъ вонъ за Билыяками-то, въ Кузовахъ, есть луда такая, варака, а зовуть ту вараку *Нѣмецкой*: такъ тутъ, вишь, нѣмчи кашу варили и, стало-быть, шли они на Соловки, чтобы монастырь ограбить. Варять это, значить, нѣмчи кашу, да и похваляются: кто, выходитъ, больше ограбилъ, у кого денегъ больше; одинъ этакъ влѣзъ на вараку-то, увидалъ монастырь вдали, что картину писанную, да и пригрозилъ; завидно, вишь, стало, что хорошъ больно монастырь-отъ, да и казны его счесть нельзя; пригрозилъ нѣмецъ: «завтра, молъ, красоты твоей не видать станетъ, всю по камушку разнесемъ». Да видно вражьимъ было это попущеніемъ—Божьимъ то изволеніемъ: нѣмецъ, какъ сказалъ слова тѣ свои, такъ и сталъ камнемъ, и товарищи-то всѣ до одинаго такими же. И знать ихъ теперъ всѣхъ по той варагѣ: въ сумерекъ проѣдешь — такъ ровно бы люди, вся почестъ гора уставлена по низу. Такъ, выходитъ, всѣ нѣмчи и стали камнями!..

— А слыжалъ ли, твоя милость, про Анику? завершилъ свой рассказъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не слыжалъ.

— Разбойникъ, вишь, былъ: по пятницамъ молоко хлѣбалъ, сырое мясо ѣлъ въ Великъ-день; и жилъ онъ около промысловъ на Мурманѣ и позорилъ всякаго, такъ-что кто что выловилъ—и неси къ нему его часть; безъ того проходу не дасть: либо все отниметь, а не то и шею наостыляетъ, пожалуй и на тотъ свѣтъ отправить. Не было тому Аникѣ ни суда, ни расправы; и позорилъ онъ этакъ то православной людъ, почитай, что лѣтъ много. Да стряся же надъ нимъ такой грѣхъ, что увязался съ народомъ на промыселъ паренекъ молодой изъ Корелы пришлогъ и никто его до той поры не знавалъ. Пришлогъ, да и поканался коршику: «возьми да возьми!» и крестъ на себя наложилъ: православной — молъ я. Пріѣхали. Паренекъ то вачегъ—рукавицы, значить, суконныя — просилъ вымыть. Вымыли ему рукавицы, да выжали плохо; осердился: «Дай-ко, самъ!» говорить. Взялъ это онъ въ руки рукавицы-то, да какъ хлопнетъ, что аглечной изъ пушки: разорвалъ! Народъ-отъ

диву дался: паренекъ-то коли, молъ, не богатырь, такъ пол-богатыря навѣрняка будетъ. А тутъ и Аника пришолъ свое дѣло править; попроголодался знать по зимѣ-то. «Давайте, говоритъ, братцы, мое; за тѣмъ-де пришолъ и давно-де я васъ поджидаю». А парень-то, что прѣхалъ впервые, и идетъ къ нему на устрѣчу: «ну ужъ это, говоритъ, нонѣча оставь ты думать; не видать-де тебѣ промысловъ нашихъ, какъ своихъ ушей; не бывать плѣшивому кудрявымъ, курицѣ пѣтухомъ, а бабѣ мужикомъ». Да какъ свиснетъ, сказываютъ, онъ его, Анику-то, въ ухо: у народа и духъ захватило! смотрятъ, какъ опомнились: богатыри-то бороться снялись и пошли козырять по берегу: то на головы стануть, то опять угодять на ноги, и все колесомъ, и все колесомъ... У народа и въ глазахъ зарыбило. Ни крику, ни голосу, только отдуваются, да суставы хрустятъ, и кувыркаютъ они этакъ-то, все дальше да дальше, и изъ глазъ пропали, словно бы-де въ океанъ ушли. Стоитъ это народъ-отъ, да Богу молится, а паренекъ какъ тутъ и былъ: пришолъ, словно ни въ чемъ не бывалъ, да и вымогвилъ: «молись-де, молъ, братцы, крѣпче; врага-то вашего совсѣмъ не стало: убилъ», говоритъ. Да и пропалъ паренекъ-отъ. Съ тѣмъ только его и видѣли. И Аника-то тоже пропалъ...

— А ты этому вѣришь, Егоръ?

— Въ становашѣ Корабельна-Губа, подлѣ Колы, островокъ зной махонькой есть: зовутъ его аникинымъ и кучу камней на немъ показываютъ...

— Что же это такое?

— А, стало-быть, Аники-то, молъ, этого могила; такъ и въ народѣ слыветъ.

— Вотъ что, твоя мнѣсть! примолвилъ мой разскащикъ послѣ нѣкотораго раздумья. Въ стихахъ старинныхъ поется вотъ какое: «что, молъ, старина, то и дѣянье». Да коли ужъ не вѣришь этому, что разсказалъ тебѣ про старинное, такъ вонъ тебѣ островъ Осинна; на нашей памяти было и дѣло это.

Разскащикъ, при послѣднихъ словахъ, тяжело вздохнулъ и былъ справедливъ, какъ нельзя больше.

Островокъ этотъ, Осинна, не отличаясь ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ соседнихъ (такой же сѣренькій, гранитный, только нѣсколько пошире и пониже) замѣчательнъ по грустному, тяжелому воспоминанію, какое сопряжено съ его именемъ у помо-

ровъ. Здѣсь, не такъ давно, умерли съ голоду два мужика, Осипъ Кашіевъ и Яковъ Елисеевъ. Послѣдній торговалъ хлѣбомъ и, вернувшись домой къ осени на лодѣ, съ значительнымъ барышомъ, прихвастнулъ въ семьѣ, сказываютъ, разъ какъ-то: «что теперь-де, слава Богу, не умремъ съ голоду». Сталось иначе. Когда завязалась уже глухая осень, такъ схожая въ томъ краю съ зимой, когда на морѣ у береговъ образовались уже ледяные припая—торосья (огромныя льдины) бродили по голомани. Съ однимъ изъ этихъ торосовъ оторвало крутыми морскими вѣтрами рыболовныя сѣти, привязанныя къ этимъ припаямъ. Сѣти были мирскія; все мужское население этой деревни отправилось на карбасахъ для поимки сѣтей, составлявшихъ надежду не одной семьѣ и, можетъ-быть, даже не одного дня. Рыба, какъ извѣстно, подъ шумокъ осенью идетъ охотно и подъ часъ въ огромномъ количествѣ. Сѣти были, однако, пойманы, хотя и значительно потертыми; но искатели не досчитались двухъ товарищей, отправившихся вмѣстѣ на одномъ карбасѣ. Бѣда, при изъкоторомъ соображеніи, оказалась избывною: «мало ли—думали мужички — пропадало народу, не только около дому, но и на Грумантѣ, и на Новой Землѣ, и на Колгуевѣ, а миловалъ Богъ — ворочались, бывало, черезъ полгода; черезъ годъ: авось и эти... Пришолъ между-тѣмъ мартъ — весенній мѣсяцъ; море попрочистило, льды отнесло дальше въ голомани. Поѣхали искать пропавшихъ—не нашли; попытались другой разъ и вышли на Осинку. Здѣсь изба промысловая: черная, закоптѣлая, догнивающая свой вѣкъ подъ бойкими осенними дождями и раскачиваемая въ своемъ дрибломъ составѣ крѣпкими морскими вѣтрами. Все по старому. Вошли въ избу: лежать на полу два почернѣлыхъ уже человѣка, обхватившись руками и плотно прижавшись другъ къ другу. Сверху рогожка лежитъ: рогожкой накрылись; въ одномъ узнали Якова Елисеева, а въ другомъ Осипа Кашіева; у одного полонъ ротъ набитъ собственнымъ же каломъ, у другаго — мохомъ. Совсѣмъ голодной, не русской смертью умерли несчастные и всего только въ десяти верстахъ отъ родной деревни! Тутъ же въ избѣ нашли три дощечки и съ надписаніемъ (Яковъ Елисеевъ былъ грамотной). И вотъ какія горькія строки выстрадалъ онъ и написалъ женѣ своей Прасковьѣ Евдокимовой: (1 дощечка) «Пашенька! какъ унесло насъ—четвертое воскре-

сенье и понедѣльникъ; ты не пришла; тепло было. Ходили по Осинкѣ, дожидали васъ, вы не пріѣхали; Богъ съ вами! Панюшка! тѣщи стали! варбасъ отлучился (оторвало вѣтромъ) 15 верстъ ниже льды, по тонколеদিцѣ пришли. — (2 дощечка) «Панюшка! я воскресенье ходилъ по Осинкѣ; впередъ не знаемъ: долго ли живемъ, или коротко. У Канбалина якорь возьми и долгъ Рынину заплати. Ты, Пашенька, не забудь моей души грѣшной. Мы здѣсь другъ другу влялись и скажи отцу: всеми грѣхами грѣшны и согрѣшили, и ты поставь псалтырь (закажи читать). Панюшка! вели Андриѣвной, чтобъ Бога-ради принялась и пусть простить. Мы одинъ бѣлой мотъ ѣдимъ и силы не стало. Простите, други и недруги, меня грѣшнаго Якова Елисеева». (3 дощечка) «20 числа ходилъ по Осинкѣ и домой смотрѣлъ; ледъ тонкой: если бы можно, еще бы ушолъ домой. Пашенька, прости! и всемъ скажи и все меня простите. Братецъ Андрей, не обидь Парасковьи и другимъ не давай; если стануть братья, прокляты будьте. Прости, Пашенька, и меня, и меня грѣшника простите, Якова. И еще проходили осьматого числа, да не могли Яковъ Елисеевъ». Стало быть, страдальцы жили на острову болѣе пяти недѣль.

— Такъ вотъ, вишь ты жизнь-то наша приморская (перебилъ хозяинъ):—гдѣ потеряешь—не чаешь, а гдѣ и найдешь—не знаешь. Вонъ и теперь подъ нами-то, надо-быть, сажень 50 печатныхъ глуби есть; ладно еще, что волненьная-то морянка тянетъ, да Богъ милуетъ!... Ну, слушай же, твоя жилость, расскажу я тебѣ еще старину. Знаешь про Кдлгу да Ждлгу!

— Слыхалъ, что есть острова въ морѣ — Кдлгуевъ да Ждлгинъ...

— Супротивъ послѣдняго острова есть мысокъ экой небольшой—Кончаковомъ-Наволокомъ зовется—неподаль отъ деревни Дуракова. Вотъ на всѣхъ мѣстахъ этихъ жили три брата; меньшаго-то Кончакомъ звали, такъ по именамъ-то ихъ и острова теперь слывуть. Вотъ, стало быть, и живутъ эти три брата родные, одного, выходятъ, отца-матери дѣти; живутъ въ дружбѣ-согласіи; у всѣхъ топоръ одинъ: одному надо—швырнулъ черезъ море къ брату; тотъ подхватилъ, справилъ свое дѣло, топоръ ему передалъ. Такъ и швырялись они—это вѣрно! Съ котломъ опять, чтобъ уху варить—самое то же: и котелъ у всѣхъ одинъ

былъ. И живутъ-то они этакъ годъ-другой, третій, да живутъ недобрымъ дѣломъ: что сорвутъ съ кого, тѣмъ и сыты. Ни стиглому, ни сбѣглому проходу нѣтъ, ни удалому молодцу проѣзду нѣтъ (какъ въ старинахъ-то поется). Шалить ребята кажинной день, словно по сту головъ въ плечи-то каждому ввинчено. Стало проходящее христіанство поопасиваться. Въ Соловецкой которые богомольцы идутъ, такъ и тѣхъ ужъ стали грабить, чтобы, кажись, баловства пуще. А вотъ пришло разъ старичокъ съ клюкой: съденькой экой, дрябленькой, да и повхалъ въ Соловки съ богомольцами-то и пристали они къ Жогжину острову, гдѣ середній братанъ жилъ и вышолъ Жогжа, и подавай ему всѣ деньги, что было, и все, что везли съ собой. Старичокъ то клюкой и ударъ его, и убилъ, наповалъ убилъ. А по веснѣ приговорился на сальной промыселъ, да и Колгу убилъ, и въ землю его зарылъ. Да сказывали бабы — изъ земли-то выходить-де сталъ и мертвый бы—а лежить, молъ, что живой, только что навзничъ. И пугаетъ... Долго ли, много ли думали, да гадали и стали на томъ, что вбить—молъ колдуну, по заплечью-то, промежъ двухъ лопатокъ, осиновою коль...

— Ну! привздохнулъ откуда взявшійся старикъ работникъ, до той поры незамѣченный.

— Пересталъ вставать: ушолъ на самое дно, гдѣ три болшущихъ кита на своихъ матерыхъ плечахъ землю держать.

— Ну, а Кончакъ-отъ что, третей-отъ братъ? оиать спросилъ разскащика старикъ-работникъ. Но хозяинъ отвѣтилъ не прямо, а обратился ко мнѣ, примолвивъ:

— Старика, гляди, рѣзобрало! Не все тебѣ, старина, сказывать надо: по ночамъ вопить станешь. Слушай! Кончакъ-отъ такой силы былъ, что коли сухъ, да не бывалъ въ банѣ что ли, или не купывался — въ силѣ стоять, съ живаго вола сдереть однимъ ногтемъ кожу; а коли попарился этакъ или искупался, такъ знай—малой ребенокъ одолить. Вотъ и полюби онъ попову жену и укралъ ее у попа-то: та на первыхъ порахъ и смѣни, что богатырь-отъ послѣ бани что лыко моченое; она и погонисъ за нимъ вдоль берега по морю до Кончакова-Наволока, тутъ онъ изошолъ духомъ, умаялся — померъ. Тамъ тебѣ и могилку его укажутъ, коли хочешь.

— Будетъ же, браты, видно, разводы-то разводить: вотъ и Кильяки!—берись за шестъ да налегай, старина, на руль-то во-

крѣпче! — завершилъ Егоръ свои рассказы въ самую опасную для насъ пору плаванія: шли мы узенькой сѣмой (проливомъ); саженьхъ въ десяти-двѣнадцати справа и слѣва тянулся рядъ неширокихъ, невысокихъ людъ, извѣстныхъ въ группѣ своей подъ именемъ Кильяковъ. Въ широкихъ щельяхъ этихъ голыхъ людъ забилась земля и уцѣпились на этой землѣ изкрасна-желтые кусты морошки и вьющейся плющомъ, цѣпкой, черной вороницы. На одномъ островку занимались было березки, да, прохваченныя въ верхинкахъ своихъ постоянной, полярной стужей, изогнулись въ горбыль и пошли опять къ землѣ когѣнами, цѣпляясь одна за другую плотнымъ, нераспутываемымъ плетнемъ. И даль этого сорта березкамъ поморскій народъ прозваніе *ползущихъ* (сланки), а столары дальнихъ городовъ Россіи — корельской березы. На одномъ острову порадовали, уже отвыкавшій и притупившійся на морской глади глазъ, кусты можжевельника, такого же косматого, такого же цѣпкаго, какъ и на всѣхъ остальныхъ пространствахъ громаднаго отечества. Большаго отыскать уже ничего нельзя было: гранитъ и одинъ гранитъ кругомъ. До ушей доносятся какіе-то отрывистые, но покойно-высказываемые выкрики хозяина и отвѣты на нихъ:

— Ткни шестомъ справа-то!..

— Не хватаетъ.

— Ну-ко слѣва!

Раздается: «ухъ», какъ выраженіе испуга, и опять слышится: «не хватаетъ!» — Старикъ чуть не опрокинулся съ шестомъ черезъ бортъ.

— Впереди-то сувой *) стоять: эка-бы до насъ то его разблго. Ну да ладно: ткни-ко еще, старина!

— Не хватаетъ.

— Держи, старикъ, брасъ немножко; зарочи! потуже натяни, потуже!.. отвори брасъ!.. поддай бизани-то! — ладно! довольно. А ну-ко, теперъ ткни шестомъ-то!.. ошшо!.. ладно!..

— Теменца идетъ: дождя, знать, хочетъ быть!.. Ишь парусокъ показался на тою, знать, побѣхали!.. вонъ и другой, третій! куда это они?.. А дождя, знать, будетъ: сильна теменца-то!..

---

*) Сувоємъ называется то мѣсто въ водѣ, гдѣ она крутится и клубится отъ двухъ встречныхъ теченій, когда полая вода пойдетъ на малую.

— Пушай будетъ, нама-ко что?

— Знамо!..

И мы попрежнему продолжаемъ пробовать шестомъ, чтобы не наткнуться на подводную кошку въ этомъ опасномъ проходѣ, про который самъ хозяинъ выразился такимъ образомъ:

— Костливо же здѣсь мѣсто, куды не поглянешь—все вода мырить, все словно на коргѣ бьется она; здѣсь-чай изъ немскихъ-то и не вѣдять никто—право, не вѣдять. Вѣдь-вотъ не бывалъ, такъ-вѣдь и не знаешь и, того-гляди, голову свернешь. Костливо мѣсто, костливо!.. Ткни, старикъ, вотъ впереди-то, полѣвѣ! шестись, шестись-знай!..

Дѣйствительно, въ салмѣ этой можно было прослѣдить всѣ разнородные виды морскихъ голышей, такъ опасныхъ для судовъ, и прослушать всѣ мѣткія названія, которыми охарактеризовали ихъ поморы въ отличіе однихъ отъ другаго. Вотъ *баклышъ*—надвѣднѣй огромный камень, покрываемый прибывлою водой, и *бакланецъ* *) низенькая гуда, тотъ же баклышъ, но вода прибывлая не топить его: *коргѣ*—подводный камень, иногда въ цѣломъ переборѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ; *пакта*—цѣлый утесъ, одиноко выдавшійся въ море изъ груди соседнихъ острововъ; вотъ *полмуха*—камень, стоящій наравнѣ съ поверхностью воды, которая мырить на немъ все время бурномъ; вотъ и вѣчно-обманывающіе самый опытный глазъ *водо-обйманы*—камни и мели, поднимаемые водою во время прилива; *чуры*—хрящеватые отмели или косы: наконецъ *клинъ*—подводная каменная банка или рифъ, *забережье*—та часть морскаго берега, которая во время прилива покрывается водой и осушаетъ при отливѣ, и *лѣщады*—ровныя, гладкія, подводныя мели съ *аршинникомъ*—цѣлыми гудами мелкихъ, округленныхъ волнами камней, и проч., и проч.

Но вотъ снова крики: «оброни марсель! и кливеръ оброни!.. старикъ, ступай-ко къ бизани; и пойду якорь брошу!» и затѣмъ опять нѣсколько глухихъ криковъ, ширканье каната, глухой стукъ и всплескъ—шкунa, дрогнула и остановилась. Вѣтеръ ходитъ *духами*: то припадетъ, то опять взарыбитъ волны, напу-

---

*) Бакланецъ потому, что любить на ней садиться и вить гнѣзда морская птица *бакланъ*.

ционныя сюда дальнимъ голомянымъ взводнемъ; пѣну несетъ *дородно*, по замѣчанію работника, и вся салма наша представляла вообще тотъ видъ, который не дозволилъ бы сунуться въ Неву ни одному петербургскому ялину. Егоръ прелекойно спустилъ свой ботинокъ со шпунны, досталъ изъ каюты два избитыхъ, обгрызанныхъ весла, служившихъ, можетъ быть, весьма недавно въ деревенскомъ дому его для мѣсива пѣйла коровамъ и принялся обрывать парусъ. Матеріаломъ для послѣдней цѣли послужилъ старый мѣшокъ старика-работника, навязанный на томеньгую палку. Мѣшокъ, въ добавокъ ко всему, въ одномъ мѣстѣ украшался изрядной величины дырой.

— Мыши прогрызли, въ плети лежала! — объяснилъ старикъ: — думали, надо-быть, съѣстное найти!..

Но нашли немногое: пестрядиную рубаху, кусочекъ суконца снятаго, кусочекъ кожицы, нитки, мозырекъ отъ шапки — и только. Старикъ, вѣчно нанимающійся на суда работникомъ, жилъ налегкѣ; да едва ли и могъ имѣть что больше, если представить себѣ его постоянно въ рукахъ прожорливыхъ чужездннхъ поморскихъ монополистовъ.

Егоръ уже готовъ, одѣтый въ свой полотняный сюртукъ, пропитанный вохрой съ масломъ и представлявшій видъ самодѣльной клеенки — произведеніе личной смѣтки и досужества самого Егора; ни прежде, ни послѣ не случалось имъ видѣть таковаго наряда. Самъ Егоръ прихвастнулъ:

— Никакой дождь не беретъ: что съ гуся вода — отливное дѣло.

Парусокъ налаженъ и, къ крайнему удовольствію всѣхъ ихъ спутниковъ, надулся вѣтромъ.

— Садись, баринъ, карета готова.

— Егоръ, не опружило бы? видишь какой взводень, и вѣтеръ не тишетъ!

— Не изъ такихъ бѣдъ выхаживали сухи: Богъ милувае, а и эта волна, такъ... сонное видѣніе!

— Однако, въ рѣкѣ-то мелкія волны будутъ, поднимуть, пожалуй!

— Не къверху полетимъ и въ рѣкѣ, коли пронесетъ моремъ; а вѣтеръ-то въ той порѣ авось и потишетъ...

— Страшно, Егоръ, право страшно!

— Страшенъ чортъ, коли во снѣ прикинется, а на яву-то пристанетъ — тагъ и открестимся. Одно только сумѣніе наво-

дять: не осмѣяли бы встрѣчные, что вотъ, моль, палкой под-
поясались, мѣшкокомъ упираются...

Трудно было не согласиться на предложеніе Егора, видя все
его хладнокровіе и вная его опытность и приглядку ко всякому
шагу на морѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ, я уже, въ подобныхъ слу-
чаяхъ, не задумывался, видя даже въ поморскихъ бабахъ уди-
вительную смѣлость, умѣнье управляться и съ рулемъ, и съ ко-
сыми, и съ прямыми парусами.

Егоръ продолжалъ быть вѣрнымъ себѣ и во все время, ко-
гда наша скорлупа-ботинокъ болтался по далеко еще неуходив-
шемуся взводню. У старика — гребца выскочило изъ уключинъ
(называемыхъ здѣсь *кочетьями*) весло, почти вышибенное бойко
набѣжавшей волной; Егоръ усмѣхнулся съ такимъ же хладно-
кровіемъ, съ какииъ посмѣялся бы онъ и въ каютѣ, во время
отдыха на якорѣ, надъ стариковой дремотой или чѣмъ-нибудь
подобнымъ.

— Что старикъ, наши лодку потерялъ?

— Бури престаша, вѣтры улегоша, во своя устроися, при-
молвилъ онъ въ ту пору, когда скорлупа наша обогнула наво-
локъ и побѣжала въ небольшую, порожистую рѣчку Кемь. За
дальнимъ колѣномъ рѣки выглянулъ и самый городъ, сначала
своими двумя деревянными церквами, потомъ рядомъ домовъ,
изъ которыхъ одинъ коричневый, другой зеленый, остальные
всѣ цвѣта дикаго крашеннаго, и дикаго крѣпко подержаннаго,
вылинявшаго отъ дождей и снѣга. Городокъ глядитъ привѣт-
ливѣ Онеги и далеко успокоительнѣе: у пристани ребятишки
рыбу удать и ведутъ бойкіе, оживленные разговоры; подлѣ
лазетъ и прыгаетъ собака: инвалидный солдатъ прешолъ съ
ружьемъ и сильно просаленными масляной сажей усами, а по-
зади — гемская жонка вся въ красномъ. Издалека несется визгъ
пилы, ласкъ топора, понавшаго плашмя на сучокъ, всплески
весель и затѣмъ голосистая русская пѣсня, разводимая бойкими
голосами пяти-семи дѣвокъ. Пѣтухъ поетъ «кукареку»; ребе-
нокъ гдѣ-то плачетъ; пороги шумятъ и шумъ ихъ то относятъ
вѣтромахъ далеко и дѣлаетъ глуше, то опять шумятъ эти по-
роги, словно надъ самымъ ухомъ... Все кругомъ живетъ и ды-
шетъ тою ласкающею, тою чарующею жизнію, отъ которой
на душѣ такъ тепло и привольно!...

V.

ПОЕЗДКА ВЪ СОЛОВЕЦКОЙ МОНАСТЫРЬ.

Первыя впечатлѣнія пути по морю.—Воспоминанія туземцовъ о недавномъ посѣщеніи Бѣлаго моря англо-французскаго эскадрой.—Мои спутники.—Соловецкой монастырь.—Гостинницы.—Часовни.—Воспоминанія о посѣщеніи монастыря Петромъ Великимъ.—Возмущеніе соловецкихъ старцовъ и подробности осады монастыря отъ московскаго войска.—Настоящее состояніе монастыря и его значеніе.—Поездка на Анзеры и въ скитъ Голгофу.—Возвращеніе и обратный путь мой въ Кемь.

Шумливо бѣжитъ въ недалное море порожистая, неширокая рѣка Кемь, извиваясь прихотливыми колѣнами, обставленная высокими гранитными берегами; бойко бѣжитъ по ней и нашъ карбась, подгоняемый крутымъ, не на шутку-расходившимся югозападнымъ вѣтромъ. Недавно оставленный нами городъ Кемь то закроется отъ насъ ближней *саракой*, высокой крутизной каменнаго, бесплоднаго берега, то покажетъ, какъ бы для послѣдняго свиданія, часть деревянныхъ домовъ дальней набережной, то Лепь-островъ съ его деревянной церковью древней постройки и, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ изъ виду, когда уходятъ далеко вправо и влево берега рѣки, на этотъ разъ какіе-то низенькіе, какіе-то черные, мрачные съ виду. Кажется, что вотъ сейчасъ же разольется передъ нами громадная шириня Бѣлаго моря и начнутъ метаться, одна на другую, крупныя, соленыя, для непривычнаго страшныя съ виду волны. Какъ будто нарочно для этого и правая крутизна ближняго мыса, затянувшись туманомъ, отешла далеко назадъ; самый вѣтеръ надувалъ наши два паруса полизе, и крича;

чайки выкрикали чаще и тоскливѣе; море ширилось все больше и больше и бросало въ насъ уже крѣпко-солеными брызгами. Мы находились въ настоящемъ морѣ и почти открытомъ, если бы не выступали направо и налево высокіе, словно обточенные скалистые и щелистые острова изъ группы Кузововъ. Дальніе краснѣютъ тускло, какъ будто надрѣзанные, прохваченные снизу полосой воды, какъ дальное облако, неподвижно врѣзанное въ сѣрый горизонтъ; ближніе изъ нихъ ярко выясняются своимъ грязнымъ, сѣроватымъ гранитомъ съ прѣзеленю тщедушнаго сосняка, съ прѣжолтѣю выжженной солнцемъ, выпвѣтшей травы, ягеля (олеаеяго моха), листьевъ ягоды вороницы и морошки; нѣкоторые изъ этихъ острововъ не кажутъ ничего, кромѣ камня, темнаго цвѣта выбоинъ-щелей и потомъ опять камня сѣровато-краснаго и сѣровато-желтаго. На одномъ изъ нихъ прицѣпилась избушка — таможня.

— Это Поповъ-Островъ, объясняютъ кормщикъ. Въ избушкѣ солдаты живутъ; къ нимъ приставай всякій, кто съ моря ѣдетъ, и показывай имъ, не везешь ли чего изъ запретнаго: рому норвежскаго, чашекъ чайныхъ, суна, а либо чего изъ прочаго. Да наши молодцы такіе, что и за Кильяками (островами) встанутъ, не что возьмешь: далеко вѣдь... Туда досмотрщику не сподручно ѣхать, хоть и карбаса есть у нихъ, и багры, чтобы за чужей карбасъ ухватиться. Спасаемся же!...

— А вонъ, гляди, этотъ островъ, продолжалъ мой кормщикъ тогда, какъ выровнилась новая гранитная скала, нѣсколько бѣльшая противъ другихъ соседнихъ. Ыхали наши ребята на карбасѣ три человека: бегомощовъ везли къ угоднинамъ. Съ ними жонель штукъ до пяти было — и все тутъ. А на ту пору у насъ этотъ *алемской*-то бродилъ, да обиды всякія дѣлалъ. Ыдутъ вотъ наши ребята-то-ѣдутъ, ѣдутъ на удачъ, авось-де се врагомъ съ супостатомъ и не встрѣтятся, и проѣдемъ, и овъ угоднинамъ молитву воздадимъ. Ладно; съ тѣмъ, стало, и ѣдутъ; анъ глядь-поглядъ изъ за одной луды въ Кильякахъ словно бы дымомъ показался. Стали всматриваться — дымомъ и есть. Наши ребята-то стагъ взяли въ сторонуку рудель-то и стали заходить правѣе за луду: тамъ-де встанемъ, переждемъ на лютой часъ, пусть-де погуляютъ, проѣдутъ. Ружья у нихъ и были, пошалуи, тамъ-вишь женскаго-то полу набралось — дерн ихъ герой! Ну, вотъ — хорошо! Олушайте! Обогнули

наши молодцы луду ту: пристали. На гору подниматься стали, поднялись—посмотримъ-де, далеко ли суностаты. А они тутъ и есть подъ горкой: кто въ растяжку, кто стоя, трубочки покуриваютъ, кто какъ... Насчитали наши ихнова народу надо-быть, сказывали, человекъ до 30. Какъ, слышь, увидали нашихъ на горѣ, — взболобольнали по своему, да какъ кинутся подъ гору назадъ,—такъ слышь, только пятки засверкали. А нашимъ то и любо; стоятъ да глядятъ, что дальше будетъ; бѣгутъ агличкѣ къ шлюбѣ... отчаливать тормошата... весла хватаютъ... одинъ оступился, въ воду попалъ, что быкъ взревѣлъ! Такъ и удрали, такъ и удрали на свой пароходъ. Наши послѣ нихъ пистолетъ наши, цыгаровъ, спичекъ хорошихъ такихъ, ни одна не пропала, а горѣла, что тебѣ восковая свѣчка... таково-то хорошо, ей Богу!...

Намъ завязалось повѣтерье. Карбасъ, нѣсколько накренившись на бокъ, бѣжалъ довольно спѣшно, бойко разсѣвая не сильныя, но частыя волны. Мы продолжали ѣхать между островами, оканчивая то тридцати верстное пространство, которое занято ими, начиная отъ устья рѣки Кеми. Остальныя тридцать верстъ (изъ всѣхъ шестидесяти отъ города до монастыря) идутъ уже *по льду*, по здѣшнему, т. е. открытымъ, свободнымъ отъ всякихъ острововъ моремъ.

Хорошо было сидѣть мнѣ въ чистенькомъ, таможенномъ карбасѣ, предложенномъ мнѣ предупредительностью добраго кемскаго городничаго. Родъ каюты, навѣсъ надъ кормою, сдѣланный на подобіе кибитки, обить былъ зеленымъ сукномъ; тѣмъ же сукномъ обиты были и скамейки по сторонамъ. На полу подслана была шкура бѣлаго медвѣдя, мягкая, удобная для лежанья и сидѣнья; навѣсъ не угрожалъ ударами по головѣ, какъ во всѣхъ другихъ поморскихъ карбасахъ, лаженныхъ кое-какъ, только бы сошло дѣло съ ружья. Тамъ сквозной вѣтеръ дуетъ безнаказанно, тамъ отъ дождя навѣсы не спасаютъ и вѣчно и всегда одолеваетъ одуряющій запахъ трески, которою запасаются дѣвки—гребцы. Здѣсь на этотъ разъ ничего изъ подобнаго не было; даже и женщинъ гребцовъ замѣнили на этотъ разъ 6 мужиковъ, сильныхъ на рукахъ, бойкихъ и острыхъ на языкъ. Они подобрали весла и, по обычаю всѣхъ архангельскихъ поморовъ, тотчасъ же принялись за ѣду. Несутся въ мою будку отрывки ихъ разговоровъ.

Одинъ сообщаетъ прочимъ, что онъ вотъ уже пятый разъ въ нынѣшней годъ ѣздитъ въ монастырь, и съѣздитъ, можетъ-быть, и еще четыре раза.

— Чего жъ больно такъ разохотился? спрашиваетъ его другой гребецъ. Али весело очень, въ привычку вошложь?

— И въ привычку вошложь, и усердіе имъю: я и въ запрошедшій годъ два раза былъ тамъ, хоть и аглечкой бродилъ— небось, не побоялся. Я вѣдь болѣе по портному дѣлу, на монастырскихъ работниковъ жилетки шью: любить очень. Поживешь на острову три дни положенныхъ, жилетокъ до пяти и обрабатываешь; а деньги и за греблю, и за шитье получу: вдвое, стало быть, въ барышахъ и бываю...

— Стало, тебѣ тамъ и помолиться нѣкогда?

— Какая ужъ тутъ тебѣ молитва? извѣстно!

Слышатся новые толки. Тотъ же портной сообщаетъ товарищамъ, что монастырь выставляетъ бочку дегтю даровую для того, чтобы богомольцы могли смазывать имъ свои сапоги.

— А велить ли сапоги-то мазать? — опросила его кемская жонка, упросившая насъ взять ее съ собой.

Портной посмотрѣлъ ей на ноги: баба была въ сапогахъ.

— Да хоть голову мажьте, коли *усердіе* есть! — отвѣчалъ онъ ей и набилъ трубочку, коротенькую, прожжоную и окуренную до безобразія.

Послышался прогорклый, неприятный запахъ махорки; портной высосалъ трубку въ два приема и очумѣлъ, вытаращивъ глаза, которые, на этотъ разъ, сдѣлались какими-то оловянными, бессмысленными. Вѣроятно, въ это время онъ испытывалъ неземное наслажденіе, потому-что улыбка, до того времени несходившая съ его лица, на этотъ разъ сіяла полнѣйшею, двойною радостію.

— Нечистый васъ, братцы, вѣдаетъ, какъ это вы въ этой дрянн смать находите, будь вамъ пусто! — послышался голосъ кормища.

— Да-вѣдь это кому какъ, Гервасей Степанчъ. Иной, пожалуй, вонъ изъ одной-то чашки съ тобой и пить не станетъ, а все свою носитъ. Такъ-то!

— Да-вѣдь изъ головы блудницы зелье-то это поганое выррело, замѣтилъ было кормищекъ...

— Это, братъ Гервасей Степанчъ, по книгамъ вѣдь. А по

миѣ, коли водки въ кабаѣ выпить захочешь, въ артельной чаркѣ она навсегда слаще бываетъ. Я не брезгливъ: по миѣ, коли водку пить, такъ и изъ ошметка хорошее дѣло. Варь ты моему слову неслестному!...

Кормщикъ замолчалъ на убѣжденія соперника. Но не молчалъ этотъ:

— Ты это знай, Гервасей Стефенчъ, что табакъ бодрости придаетъ; въ немъ сила... Ты посмотри—вонъ, и его высокородіе сигарочку закурилъ. Стало, это хорошо; вотъ оно што!...

Кормщикъ хранилъ уже послѣ того уморное, сосредоточенное молчаніе.

Острякъ заглянулъ ко миѣ въ будку:

— Ваше высокородіе!

— Что хочешь сказать?

— Вотъ вы тепереча изволите въ обитель преподобныхъ въ первый разъ ѣхать?

— Да.

— А знаете ли, какія тамъ дивныя дѣла случаются?

— Нѣтъ, не знаю.

— На зиму, изволите видѣть, мѣсяцовъ на восемь острова Соловецкіе совсѣмъ запираетъ; на нихъ тогда ни входу, ни выѣзду не бываетъ во все это время. Сначала мутятъ море бури такія, что и смѣлый и умѣлый не суется. Попробовалъ архимандритъ за почтой въ Кемь послать—все потонули. Съ октябрю мѣсяца у береговъ припая ледяныя дѣлаются. Такъ ли, братцы?

— Припая версть на пять бываютъ отъ берега — подтвердилъ кто-то.

— Бываютъ и больше. Вотъ на ту пору вѣтры морекіе, самыя такіе крѣпкіе, зимніе отъ припаевъ этихъ ледяныхъ, льдины, торосья такіе, отрываютъ и носятъ, что шальныхъ, изъ стороны въ сторону. Промежъ льдинъ этихъ не протолкаешься: изотрутъ утлой корбасенко въ щепу.

— А Михай-то Назаровъ въ четвертомъ году пробрался! — замѣтилъ кто-то.

— Ну, братъ, ты миѣ про это не рассказывай! Про Михея Назарова законъ не писанъ: онъ, вѣдь, блажной. Големушку-то свою гдѣ-гдѣ онъ не совалъ; онъ, вѣдь, братъ, зачурованный.

Его и на томъ свѣтѣ черти-то голыми руками не уватятъ: такой ужъ!

И всѣ засмѣялись.

— Такъ вотъ я къ тому рѣчь свою веду, ваше высококордіе, что монастырь на всю осень, на всю зиму, на всю весну запертъ бываетъ; никакихъ такихъ сношеній съ нимъ нѣтъ. На ту пору они арестантовъ изъ казематовъ выпускаютъ: которые гуляютъ по монастырю, которые въ церковь заходятъ. Въ маѣ вотъ (разсказываютъ монахи) какъ начнетъ отходить земля, побѣгутъ съ горъ потоки; прилетаетъ чайка, одна сначала, передовая. Сядетъ она на соборную колокольню и кричитъ долго-предолго, шибко-прешибко, покричитъ часомъ другой-третій — улетаетъ. Дня черезъ два, черезъ три, налетаетъ этихъ чаекъ несосвѣтима сила, проходу отъ нихъ нѣту: сами увидите! Живутъ онѣ на острову все лѣто, дѣтей (чабарами зовутъ) тутъ же и выводятъ. Монахи и богомольцы ихъ хлѣбомъ кормятъ и чайки эти совсѣмъ ручными дѣлаются; а пугливая, дикая птица отъ рожденія. Вотъ вамъ и первое диво!

Всѣ гребцы при этихъ словахъ переглянулись. Портной продолжалъ:

— Осенью прилетаютъ вѣроны; съ чайками драку затѣваютъ и идетъ у нихъ тутъ кровопролитіе большое: чаекъ много бываетъ побито, чайки улетаютъ съ острова всѣ до одной: остаются хозяевами вороны во всю зиму, а по ранней веснѣ и они тоже улетаютъ, Тутъ драки не бываетъ. Такъ, вѣдь, вотъ диво-то какое!

Острова, между-тѣмъ, стали замѣтно рѣдѣть; быстро уходили они одинъ за другимъ назадъ; вѣтрѣ гналъ насъ все впередъ скоро и сильно. Сильно нагренувшееся на бокъ судно отбивало боковыя волны и разрывало переднія смѣле и прямо. Выплыветъ островъ и начнетъ мгновенно сокращаться, словно его кто тянетъ назадъ; вылезается и отходитъ вездѣ другой — рѣшительная груда огромныхъ валней, набросанныхъ въ замѣчательномъ безпорядкѣ одинъ на другой; и сказывается глазамъ вслѣдъ за нимъ третій островъ, покрытый мохомъ и ельникомъ. На острову этомъ бродятъ олени, завезенные сюда съ кемскаго берега изъ города на все лѣто. Олени эти терпятъ здѣсь свою шерсть, спасаются отъ оводовъ, которые мучатъ ихъ въ другихъ мѣстахъ до крайняго истощенія силъ. И здѣсь

они, по словамъ гребцовъ, успѣваютъ одичать за все лѣто до такой степени, что трудно даются въ руни. Ловятъ ихъ тогда, загоня въ загороди и набрасывая петли на рога, которые успѣваютъ уже тогда нарости вновь, сбитые животными лѣтомъ. Между оленями видны еще бараны, тоже кемскіе, и тоже сvezенные сюда съ берега на лѣто.

Ѣдемъ мы уже два часа слишкомъ. Прямо противъ нашего карбаса, на ясномъ, безоблачномъ небѣ, изъ моря выплываетъ свѣтлое маленькое облачко, не ясно очерченное и представляющее довольно странный, оригинальный видъ. Облачко это, по мѣрѣ дальнѣйшаго выхода нашего изъ острововъ, превращалось уже въ простое бѣлое пятно и все-таки попрежнему вонзенное, словно прибитое къ небу.

Гребцы перекрестились.

— Соловки видны! — былъ ихъ отвѣтъ на мой спрѣсъ.

— Верстъ еще тридцать будетъ до нихъ, замѣтилъ одинъ.

— Будетъ, безпремѣнно будетъ, отвѣчалъ другой.

— Часамъ къ десяти вечера, надо-быть, будемъ! (Мы выѣхали изъ Кеми въ три часа по полудни.)

— А пожалуй, что и будемъ!...

— Какъ не быть, коли все такая погодка потяпаетъ; берись-ко, братцы, за весла: скорѣй пойдетъ дѣло, скорѣе дождемъ.

Гребцы, видимо соскучившіеся бездѣльнымъ сидѣньемъ, охотно берутся за весла, хотя вѣтеръ, замѣтно стихая, все еще держится въ парусахъ. Вода стоитъ самая *кроткая*, т. е. находится въ томъ своемъ состояніи, когда она отливомъ своимъ умѣла подладиться подъ попутной вѣтеръ. Острова продолжаютъ сокращаться; судно продолжаетъ качать и замѣтно сильнѣе по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ двадцати-пяти-верстной салмѣ, отдѣляющей монастырь отъ послѣднихъ острововъ изъ группы Кузововъ. Наконецъ, мы въѣзаемъ и въ эту салму; вѣтеръ ходитъ сильнѣе; качка становится крѣпче и мѣшаетъ писать, продолжать замѣтки. Несетъ насъ впередъ необыкновенно быстро; монастырь выясняется сплошной бѣлой массой. Гребцы бросаютъ весла, чтобы не *дразнить* вѣтеръ; по прежнему крутятся и отлетаютъ прочь съ пѣной волны, уже не такіа частыя и мелкіа, какъ тѣ, которыя сопровождали насъ между Кузовами. Налѣво, далеко взадъ, остались въ туманѣ Горылые Острова; на голомяни, вдали моря на право, бѣлѣютъ

два паруса, принадлежащіе, говорятъ, мурманскимъ шнякамъ, везущимъ въ Архангельскъ треску и палтусину первосолгатами...

И абъжало облако и сыркнуло насъ бойкимъ, крупнымъ дождемъ, заставившимъ меня спрятаться подъ будку. Дождь тотчасъ же пересталъ и побъжалъ непрогляднымъ туманомъ направо, затянувъ отъ нашихъ глазъ острова Заяцкіе, принадлежащіе къ группѣ Соловецкихъ.

— Тамъ монастырскіе живутъ; церковь построена, при церкви монахъ живетъ, дряхлый, самый немощный: онъ и за скотомъ смотритъ, онъ и съ агличными споръ имѣлъ, не давалъ имъ скотины; тамъ-то и козелъ тотъ живетъ, что не давался супостатамъ въ руки...

Такъ объясняли мнѣ гребцы.

По морю продолжаетъ бродить взводень, который и раскачиваетъ наше судно гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Вѣтеръ стихъ; ѣдемъ на веслахъ; паруса болтаются то въ одну сторону, то въ другую: вѣтеръ какъ будто хочетъ установиться снова, но какой — неизвѣстно. Ждали его долго и не дождались никакого. Взводень мало-по-малу укладывается, начинаютъ меньше раскачивать карбасъ, рябитъ уже некрутыми и невысокими волнами. Волны эти, по временамъ, нѣтъ-нѣтъ, да и шибнуть въ бортъ нашего карбаса, перевалить его съ одного боку на другой, и вдругъ въ правой бортъ какъ-будто начало бросать камнями, крупными камнями; стукъ затѣялся сильный. Гребцы крѣпче налегая на весла; волны прыдали одна черезъ другую въ какомъ-то неопредѣленномъ, неестественномъ беспорядкѣ. Море, на значительное пространство впередъ, зарыбило широкой полосой, стало словно рыба чешуя, хотя впереди и кругомъ давно уже улеглась вода гладнимъ зеркаломъ.

— Сувоемъ ѣдемъ, на мѣсто такое угодили, гдѣ обѣ воды встрѣтились: полая (приливъ) съ убылой (отливомъ). Ингодъ такъ и осилить его не съумѣешь: особо на крутыхъ; а то и тонуть — объясняли мнѣ гребцы, когда, наконецъ, прекратились эти метанья волнъ въ килевыя части карбаса, и мы выѣхали на гладкое море, на которомъ уже успѣлъ на то время улечься недавній, сильный взводень.

Монастырь кажется все яснѣе и яснѣе: отдѣлилась колокольня отъ церкви, выдѣлились башни отъ стѣны; видно еще что-то многое. Заяцкіе-Острова, направо, яснѣются также замѣчательно

подробно. Мы продолжаемъ идти греблей. Монастырь всецѣло заблѣлъ между группой деревьевъ и представлялъ одинъ изъ тѣхъ видовъ, которыми можно любоваться и залюбоваться. Видъ его былъ хорошъ, на сколько можетъ быть хороша группа каменныхъ зданій, и особенно въ такомъ мѣстѣ, и послѣ того, когда прежде глазъ встрѣчалъ только голые, бесплодные гранитные острова и повсюдное безлюдье и тишь. Въ общемъ монастырь былъ очень похожъ на всѣ другіе монастыри русскіе; разница была только въ томъ, что стѣна его пестрѣла огромными камнями, неотесанными, беспорядочно вбитыми въ стѣну словно нечеловѣческими руками и силою. Пестрота эта картинностью и—если такъ можно выразиться—дикостью своею увлекла меня. Прихвалили монастырскую ограду и гребцы мои.

Въ половинѣ десятаго часа монастырь былъ верстахъ въ двухъ, на которыя обѣщали всего полчаса ходу. Ровно въ десять часовъ мы уже идемъ Соловецкой губой, между рядомъ гранитныхъ коргъ съ несмѣтнымъ множествомъ деревянныхъ крестовъ. Тѣми же крестами уставлены и всѣ три берега, развернушіеся по сторонамъ. Въ губѣ стоятъ лодки и мелкія суда; могутъ, говорятъ, подходить къ самой монастырской пристани самыя крупныя суда: до того глубока губа!

У пристани толпится кучка народу, изъ нея выдѣляется фигура монаха въ затрапезномъ платьѣ. Монахъ оказался гостинщикомъ. Онъ ввелъ насъ въ номеръ, который не могъ похвалиться ни особенною чистотою, ни особеннымъ просторомъ. Говорятъ, что привелось бы поселиться съ пятью-шестью сосѣдями въ этой узенькой, маленькой комнатѣ, и что теперь я одинъ здѣсь потому только, что *богомольцевъ поотвалило*, какъ объяснилъ мнѣ монахъ-гостинщикъ, побѣжавшій докладывать о новопріѣзжемъ отцу-архимандриту Александру.

Я остался одинъ и, Богъ вѣсть, сколько темныхъ, нерадостныхъ мыслей пришло мнѣ на ту пору въ голову. Вотъ куда, думалось мнѣ на тотъ разъ, забросила меня капризная, темная судьба, вопреки всѣхъ предположеній и мечтаній. Это, казалось мнѣ, грань крайняя: дальше идти было можно, но уже не далеко...

«Сію минуту (писалось мною въ дневникѣ) ушелъ отъ меня какой то допотопный варваръ, инвалидный офицеръ въ пьяномъ видѣ, смѣнившій своего предшественника, который, по его словамъ,

завтра долженъ былъ съѣсть на карбасъ и ѣхать въ Архангельскъ. Много говорилъ онъ мнѣ всякаго вздору: говорилъ, что если онъ архангельскій, а я костромской, то мы земляки; что солдатъ солдату братъ, офицеръ офицеру тоже. Чудакъ принялъ меня за ревизора и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что я присланъ отъ морскаго министерства, а не отъ министерства государственныхъ имуществъ, и что прѣвхалъ я не землю межевать... Хорошъ бы этакой-то гусь явился къ настоящему ревизору; и пришла же блажь для перваго знакомства съ монахами налижаться до сплетенія языка и немощи... И вотъ — темная, дальная, скучная, безталанная сторона и безвыходная уѣздная жизнь: вся изъ однообразія, грязи, плѣсени и неизлечимыхъ наростовъ, получившихъ каменистое свойство и характеръ гнилаго чирья, переставшаго уже ныть и болѣть. Сердце мучится сомнѣнiемъ, невѣденiемъ будущаго, и не смѣешь смѣяться, и больно и стыдно за виноватаго, пойманнаго съ поличнымъ, и не глядѣлъ бы ни на что!..»

— Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! слышался за дверью чей-то тихій припѣвъ, произнесенный тончайшимъ фальцетомъ, съ прибавленiемъ ударовъ въ дверь.

— Аминь! отвѣчалъ я.

Явился молодой, кудравый, сытый послушникъ. Онъ говорилъ:

— Отецъ-архимандритъ прислали вамъ свое благословенiе: сливокъ, булку, чухонскаго масла и просили извинить, что не могутъ васъ видѣть сегодня: они уже въ постели...

Крѣпко заснулъ и я на новомъ мѣстѣ; но рано проснулся: монастырскiе часы монотонно отбиваютъ минуты; чайки разнокалиберно, разноголосно кричатъ во всѣхъ углахъ ограды, на нашей гостинницѣ, на берегу, на водѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ летаютъ мимо оконъ: и длинноносыя, и съ утиными носамп, и сѣрыя, и бѣлыя—бездна! Крикомъ своимъ надѣвдаютъ невыносимо!.. Прямо передъ моими глазами хмуро глядитъ своими выломанными окнами, съ выбитыми стеклами, другая гостинница архангельская, такая же деревянная, обшитая тесомъ, покрашеннымъ желтою же краской. Разница въ томъ, что та гостинница уже не обитаема, тесъ ея по мѣстамъ ободранъ, углы поломаны, крыша разбита; говорятъ, ее замѣнить новою, потому что она рѣшительно негодна для обитанiя, и потому что на

нее-то преимущественно и устремлены были выстрѣлы англичанъ во время послѣдняго бомбардированія. Архимандритъ оставилъ ее въ томъ видѣ для того, чтобы богомольцы, приходившіе въ этотъ годъ въ огромномъ числѣ, могли видѣть слѣды недавняго непріятельскаго погрома.

По прибрежью бродятъ лошади съ колокольчиками на шеѣ; ходятъ инвалидные солдаты; на причалившей лодѣ шевелится людъ православный; изъ-за ограды бѣлѣются монастырскія церкви и несется звонкій благовѣсть, отдающійся долгимъ эхомъ. Правѣе архангельской гостинницы зеленѣетъ осиновый лѣсъ, лѣвѣе—березки, и видятся низенькіе, бѣлые столбики второй ограды; дальше сверкаетъ неоглядную, безконечную гладью море. Чайки продолжаютъ кричать по прежнему не выносно тоскливо; у пристани бѣлѣетъ парусокъ—монахи ловятъ сельдей на сегодняшнюю трапезу. Солнышко весело свѣтитъ и разливаетъ пріятную, увлекающую теплоту.

Я вышелъ изъ номера и пошелъ бродить подлѣ ограды.

Тутъ, на прибрежѣ губы, выстроены двѣ часовни: одна петровская, на память двукратнаго посѣщенія монастыря Петромъ Великимъ, другая Константиновская, на память посѣщенія монастыря великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Вблизи ихъ стоитъ гранитный обелискъ на память и съ подробнымъ описаніемъ бомбардированія монастыря англичанами.

Въ первый разъ былъ здѣсь Великій Петръ въ 1694 г. 7-го іюня. Прибылъ онъ сюда въ нарочно построенной для него въ Англии яхтѣ съ немногими приближенными особами, съ холмогорскимъ архіепископомъ Аванасіемъ, недавно только спасшійся въ Унскихъ рогахъ отъ кораблекрушенія. Выйдя на берегъ, государь тогда же приказалъ водрузить крестъ деревяннѣй, которой и находится теперь въ Петровской часовни. Три дня пробылъ онъ здѣсь: «въ семъ удаленномъ отъ міра пустынномъ мѣстѣ младый самодержецъ Россіи упражнялся въ молитвѣ и богомыслии, а потомъ, по отправленіи молебнаго пѣнія и по одареніи настоятеля со всѣмъ братствомъ денежною милостынею, того же іюня 10-го дня изволилъ отбыть обратно къ городу Архангельскому, съ милостивымъ обѣщаніемъ всегда покровительствовать святой обители»—говоритъ архимандритъ Досіеѣй въ своемъ описаніи Соловецкаго монастыря. Второе посѣщеніе монастыря Петромъ I, по свидѣтельству соловецкаго лѣтописца,

послѣдовало въ 1702 г. августа 20 дня. «Онъ прибылъ, говорить гѣтописецъ, на 13 корабляхъ и сталъ на якоряхъ близъ Заяцкаго-Острова, и была пальба изъ пушекъ, а прежде себя его царское величество изволилъ прислать напередъ, чтобы великаго государя пришествіе архимандритъ съ братіею ожидалъ въ монастырѣ, а въ судахъ встрѣчать не ѣздилъ. И великій государь съ корабля съ ближними своими людьми, не со многими изволилъ прибыть въ ботѣ въ монастырѣ за полчаса до вечера, и, вышедъ его царское величество на берегъ, помолился противъ монастыря и принялъ отъ архимандрита благословеніе; келарь же не со многою братіею подошли съ подносомъ съ образомъ, хлѣбомъ и рыбою, и великій государь благодарилъ и изволилъ сказать: *«будемъ у васъ»*, а прочая братія всѣ стояли по чину, вышедъ мало изъ святыхъ воротъ. Благочестивый же государь, не подошедъ ко вратамъ, изволилъ идти кругомъ ограда монастырскія на правую сторону и, обшедши, вшелъ святыми воротами въ монастырѣ и изволилъ идти въ соборную церковь—благовѣсту и звону не было—и въ соборной церкви помолился и изволилъ идти въ церковь къ преподобнымъ чудотворцамъ и тамъ у гробовъ преподобнымъ прикладывался, потомъ изволилъ идти въ ризницу, въ оружейную, въ трапезу и говорилъ архимандриту, что *«завтра кушать буду со всѣми своими пришедшими начальными людьми въ трапезѣ»*. «Литургію слушалъ у преподобныхъ чудотворцевъ, еже есть во вторникъ, потомъ пожаловалъ онъ, великій государь, къ архимандриту въ келію и благоволилъ въ тотъ вечеръ, еже есть августа въ десятый день, въ понедѣльникъ, у архимандрита кушать. И откушавши, великій государь изволилъ отѣхать, часу въ шестомъ ночи, на корабль, а вышписанные бояре и ближніе люди ночевали въ гостинной келіи. Августа 11-го дня благоволилъ великій государь придти слушать литургію безъ благовѣсту и звону. Послѣ соборныхъ службъ, братія отѣли въ трапезѣ, а онъ, великій государь, изволилъ войти въ монастырѣ безъ встрѣчи и съ благороднымъ царевичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Петровичемъ, и весь его царскій синклитъ; служилъ іеромонахъ съ іеродіакономъ; пѣли великаго государя пѣвчіе по скору, по литургіи слушалъ молебень, отпущалъ одинъ священникъ со діакономъ и благоволилъ на молебень ачу пожаловать, и отслушавъ молебень ради благороднаго ца-

ревнича, опять изволилъ ходить въ ризницу, и въ оружейную, и въ прочія службы, и благоволилъ великій государь въ трапезѣ кушать, и благородный царевичъ, и при немъ ближніе люди и начальныя, а кушанье приспѣвало все монастырское и питіе, а подчивалъ архимандритъ, келарь и казначей и отъ братіи первые. Онъ, великій государь, и благородный царевичъ сидѣли купно съ бояры и съ ближними людьми, и откушавъ, благоволилъ по монастырю ходить, по тюрьмамъ и благоволилъ быть у архимандрита въ кельи до отдачи часовъ и отбылъ его царское величество и съ благороднымъ царевичемъ на корабль ночевать.» 12-го августа Петръ Великій былъ въ монастырѣ уже безъ царевича, осматривалъ съ ближними Вараку (гору) и поздно уѣхалъ на корабль. 13-го съ корабля не съѣзжалъ. 14-го августа онъ опять пріѣхалъ въ монастырь, слушалъ всенощную и самъ стоялъ съ пѣвчими на правомъ клиросѣ и пѣлъ басомъ. Послѣ разсматривалъ онъ грамоты, жалованныя монастырю; архимандриту Фирсу повелѣлъ носить мантию со скрижалми, посохъ съ яблоками и совершать все по чину Чудова монастыря. За литургіей архимандритъ служилъ уже такъ, какъ указалъ государь. Тамъ же Петръ снова стоялъ и пѣлъ на клиросѣ; «и по святой литургіи (прибавляетъ летописецъ) изволилъ ити въ гостиную келью, тамъ кушалъ съ благовѣрнымъ царевичемъ. Приспѣшники были дворцовые. Откушавъ, изволилъ быть въ монастырѣ и посѣтить старца Лаврентія Александровца: понеже онъ изъ кельи не выходилъ никуда, ниже въ церковь, развѣ причащенія ради.» 15-го августа государь, на малыхъ судахъ, отбылъ на корабль, а 16-го наутрѣ отправился въ походъ. Вечеромъ онъ былъ уже въ селеніи Нюхчѣ кемскаго берега, откуда шла недавно сдѣланная по его повелѣнію деревянная дорога на Повѣнецъ. Архимандритъ съ келаремъ и нѣкоторыми монахами ѣздилъ на корабль благодарить государя за посѣщеніе. Петръ Великій «довольно ихъ подчивалъ» и велѣлъ отпустить въ монастырь изъ Архангельска двѣсти пудовъ пороку. «Архимандритъ, прибавляетъ летописецъ, возвратясь въ монастырь, прямо пошелъ въ церковь, пѣлъ молебень съ благовѣстомъ и звономъ за здравіе государя и его спутниковъ; отъ радости былъ архимандритъ на погребѣ со всею братією и довольно *трахтовались*, благодаря Господа Бога за таковое благополучіе.»

Прямо противъ монастырскихъ воротъ находился третья часовня, называемая *Просфоро-Чудовою*.

— На этомъ мѣстѣ (объясняли мнѣ монахи) новгородскіе купцы оброну просфору, которую далъ имъ праведный отецъ нашъ Зосима. Пробѣгала мимо собака, хотѣла ѣсть, но огонь, изшедши изъ просфоры, попалилъ ее.

Въ верстѣ отъ монастыря четвертая часовня, *Таборская*, построена на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены умершіе и убитые изъ московскаго войска, бсаждавшаго монастырь съ 1667 года по 1677 годъ.

Поводомъ къ возстанію соловецкихъ старцевъ, какъ извѣстно, послужило исправленіе патриархомъ Никономъ церковныхъ книгъ. Въ 1656 году вновь исправленныя книги присланы были въ монастырь Соловецкій. Старцы, зная уже о московскихъ бунтахъ и распряхъ, а равно и о томъ, что самъ исправитель (иногда монахъ соловецкій) находится подъ царскимъ гнѣвомъ, присланныхъ изъ Москвы книгъ не смотрѣли, а, запечатавъ ихъ, поставили въ оружейной палатѣ. Церковныя службы отправлялись по старымъ книгамъ. Въ 1661 г. изъ Москвы прислано было множество священниковъ для обращенія старцевъ къ раскаянію. Московское правительство думало дѣлать благо, но сдѣлало ошибку. Все грозило близкою опасностью и возстаніемъ: дѣла монастырскія принимали воинственный характеръ. Къ старцамъ присоединились бѣглецы донскіе казаки изъ шайки Стеньки Разина. Двое изъ нихъ, Кожевниковъ и Сарафановъ, назначены были, на случай опасности, начальниками. На Никона сочинялись разные навѣты; возрастала всеобщая ненависть. Рассказывали за вѣрное, что когда Никонъ, бывши еще инокомъ, однажды читалъ евангеліе во время литургіи въ Анзерскомъ монастырскомъ скитѣ, то змѣй пестрый обвилъ около шеи его и лежалъ по плечамъ. Видѣлъ это своими очами святой старецъ Елеазарій. Старцы перестали повиноваться архимандриту Варсоломею, и въ концѣ седьмаго года, по присылкѣ книгъ изъ Москвы, рассмотрѣли ихъ и написали, въ опроверженіе *новинъ*, большую челобитную къ царю Алексѣю Михайловичу. Келарь Савватій Абрютинъ (изъ московскихъ дворянъ) съ казначеемъ Геронтіемъ сочинили эту челобитную; старецъ Кириллъ, съ двумя послушниками, вручилъ ее царю на Москвѣ. Алексѣй Михайловичъ потребовалъ къ себѣ

архимандрита и еще другаго, жившаго тамъ на покой, архимандрита Никанора, бывшаго царскаго духовника. Изъ Москвы съ ними отпущенъ былъ новопоставленный архимандритъ соловецкій Іосифъ, затѣмъ, чтобы кротостію увѣщать непокорныхъ. Соловецкіе старцы не впустили архимандритовъ, кромѣ Никанора, который присоединился потомъ къ расколу. вмѣсто первыхъ двухъ; въ 1667 году, явились новые увѣщатели, но старцевъ и эти не убѣдили; въ слѣдующемъ году пришла царская грамота, повелѣвавшая старцамъ «отъ противности недоумѣнія и отъ непослушанія отстать» и быть у архимандрита въ послушаніи; но соловецкіе монахи и этой грамоты не приняли. Явился въ монастырь стольникъ Хитрово съ обращеннымъ къ православію келаремъ Савватіемъ Абрютинимъ: монастырскіе и тогда не послушались. Свѣдавъ о томъ, что изъ Москвы идетъ въ Суму съ ратными людьми стряпчій Волоховъ, къ которому должна была еще присоединиться на Двинѣ стрѣлочная сотня, старцы собрали соборъ. Совѣтомъ этимъ положено было отослать на поморскій берегъ всѣхъ немощныхъ и малодушныхъ, а всѣмъ остальнымъ (1670 человекъ) обороняться до послѣдней капли крови. Къ этому представлялась полная надежда, потому особенно, что монастырь издавна дѣлалъ огромные запасы съѣстной провизіи и была возможность имѣть сношенія съ ближними монастырскими вотчинами. Въ монастырѣ, сверхъ того, находилось, кромѣ мелкаго ружья, 24 мѣдныя пушки, 22 пушки желѣзныя, 12 пищалей и, сверхъ того, свыше 30,000 руб. серебромъ и мѣдью. Стѣна была неприступна, твердыня ея неодолима. Все предвѣщало успѣхъ и надежду до такой степени сильную, что и вторая царская грамота была отвергнута. Мирное предложеніе Волохова сдать безъ боя было осмѣяно; боевыя нападенія не имѣли успѣха, и не могли имѣть его потому особенно, что Волоховъ три лѣтнихъ мѣсяца стоялъ или, лучше, смотрѣлъ на монастырскія стѣны, а всю зиму жилъ подъ монастыремъ въ бездѣйствіи и только въ 1670 году удалось ему захватить главнаго начальника осажденныхъ, чернеца-будильника Аварія, съ 37 человекъ, выѣхавшихъ изъ гавани въ море ловить рыбу. Въ томъ же году, 30 человекъ вышли изъ монастыря добровольно, но дѣло нисколько не подвинулось впередъ.

Стряпчій Волоховъ вызванъ въ Москву. Его мѣсто занялъ

голова московскихъ стрѣльцовъ Елимъ Іевлевъ, явившійся сюда съ тысячею человекъ свѣжаго войска. Этотъ повелъ дѣла, если не успѣшишь, то умире Волохова: онъ перевелъ свои войска на самый островъ, отогналъ весь рабочій скотъ, захватилъ всѣ рыболовные снасти, сжегъ всѣ строения, находившіяся въ монастырскихъ стѣнъ, прекратилъ всяческія сношенія монастыря съ его вотчинами, особенно съ селомъ Керетью. Въ 1674 году царь отозвалъ и его въ Москву за притѣвленія и насилія, которыми онъ отягощалъ монастырскихъ крестьянъ; къ тому же, какъ пишутъ, его постигла цынга. Мѣсто Іевлева заступилъ стольникъ и воевода Иванъ Мещериновъ. Онъ, подступивъ подъ монастырь, окопался шанцами, построилъ 13 городковъ (батарей), началъ дѣлать подкопы. Осажденные принуждены были производить частыя вылазки и всегда успѣшно: подкопы уничтожались при самомъ началѣ. Мещериновъ дѣлалъ приступъ, но приступъ (23 декабря 1676 г.) не былъ счастливъ. Воевода рѣшился блокировать монастырь черезъ всю зиму, какъ вдругъ представился легкій, неожиданный случай сдѣлать дѣло скорѣе и легче. Къ воеводѣ представленъ былъ перебѣжчикъ монахъ Θεоктистъ, объявившій, что подъ одною изъ башенъ (Бѣлою) находится подземный проходъ, ведущій изъ монастыря къ владбищенской церкви, что этотъ проходъ закрытъ ветхою калиткою и что передъ утреннею зарею ночная стража смѣняется и идетъ по кельямъ, а въ башняхъ, для караула, остается только по одному человеку. Ненастная, бурная погода, случившаяся на 22 января, указала на время приступа. Майоръ Келенъ, съ отрядомъ и проводникомъ Θεоктистомъ, прошолъ въ отверстіе, указанное перебѣжчикомъ, отворилъ святыя ворота и впустилъ черезъ нихъ воеводу съ остальнымъ войскомъ. Осажденнымъ, достигнутымъ въ распахъ, уже не было никакого спасенія и не дано никакой пощады — по свидѣтельству Семена Денисова, который (въ своемъ Выгорѣцкомъ скитѣ) написалъ «Исторію о запорѣ и о взятіи Соловецкаго монастыря». Онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «мужи же мужественніи, изъ нихъ Стефанъ и Антоній, съ прочими тридесати, изшедши ко вратомъ на срѣтеніе и мужественно за отеческіе законы во вратѣхъ святыхъ бравшеся, вси смертную чашу испиша, отъ воиновъ посѣчени быша. Отцы Киновія и прочіи слуги и труд-

лицы, услышавше, паче же уэрѣвше нечаянную, новосодѣявшуюся плачевную вещь, разбѣгшася во своя келіи и затворилишася. Еже услыша воевода не смѣ долго во обитель внити и посылаша начальники воиновъ молити и увѣщавати иноки, да ничтоже боишеся, изыдутъ изъ келій, никоего же имъ озлобленія сотворити общаяся и клятвою крѣпкою свое завѣщаніе печатствова. Отцы же, вѣру емше, изыдоша на срѣтеніе съ честными кресты и со святыми иконами. Сей же, забывъ общаніе, преступи и клятву, повелѣ воинамъ иконы и кресты отъяти, иноки же и бѣльцы за караулъ по келіямъ развести.

Далѣ Семень Денисовъ пишетъ, что воевода, возвратившись въ станъ свой, приказалъ привести къ себѣ сотника Самуила и бити его передъ собственными глазами (Самуилъ ударовъ *платицами* не выдержалъ и тотчасъ же умеръ). Потомъ приказалъ позвать архимандрита Никанора. Этотъ привезенъ былъ на небольшихъ саночкахъ по той причинѣ, что былъ уже старъ и въ тоже время сильно болѣлъ ногами. Воевода говорилъ ему:

— Рцы ми, Никаноре: чесо ради противился еси государю?

— Самодержавному государю ниже противляхомся, ниже противлятися помышляхомъ когда, отвѣчалъ Никаноръ:—заче научихомся отъ отецъ къ царемъ чествованіе паче всего являти. Научихомся отъ самаго Христа воздавати кесареви кесарево, и Божіа Богови.

— Чесо ради, общався увѣщати прочія къ покоренію, не токмо преступилъ общаніе, но и самъ съ ними на сопротивленіе цареву совѣщался еси? — снова спрашивалъ Никанора воевода.

— Понеже, отвѣчалъ старецъ:—Божіихъ неизмѣнныхъ законовъ апостольскихъ и отеческихъ преданій, посредѣ вселенныя живущимъ соблюдать не попускають нововнесенныя уставы и новинства патріарха Никона: сихъ ради удалихомся міра, избѣгохомъ вселенныя и въ морской отокъ, въ стяжаніе преподобныхъ чудотворцевъ, вселихомся преподобными ихъ чины и уставы и обычай тѣмъ же благочестіемъ по стопамъ ихъ руководитися желающе.

— Чесо ради воинства во обитель не пускаете и хотящіе внити оружіемъ отбиваете?

— Васъ, иже расглити древлецерковныя уставы, обругати

священныхъ отецъ труды, сокрушити богоспасительные обычаи пришедшихъ—во обитель праведно не пушачомъ.

На всякій спросъ старецъ давалъ отвѣтъ рѣшительнымъ, твердымъ голосомъ. Разгнѣванный воевода началъ его бранить, но старецъ не потерялся и тутъ.

— Что величаешься? говорилъ онъ: — и что высишися? яко не боюся тебѣ, ибо и самодержца душу въ руцѣ своей имѣю..:

При этихъ словахъ воевода вскочилъ съ мѣста и билъ старца тростью по головѣ, плечамъ, и по спиѣ, выбилъ ему зубы, приказалъ связать по ногамъ и бросить за оградой въ ровъ. Въ одной рубашкѣ пролежалъ Никаноръ всю ночь, а на утро умеръ.

По словамъ Денисова казнены были потомъ: старецъ Макарій, рвачикъ Хрисанъ, живописецъ Ѳеодоръ съ ученикомъ его, Андреемъ.

«Тако, продолжаетъ онъ далѣе, повелѣ прочія изъ караула привести иноки и бѣльцы, числомъ яко до шестидесяти, и различно испытавъ и обрѣте ихъ тверды и непревратны, зѣльною яростію воскипѣвъ, смерти и казни различны уготовавъ, повѣсити сія завѣщавъ: овья за выи, овья за нозѣ, овья и множайшія междоресбрія острымъ, желѣзомъ прорѣзавше и, кровомъ продѣвше, на немъ обѣсити каждаго на своемъ кровѣ; иные же отъ отецъ звѣросердечный мучитель на нозѣ вервѣю оцѣпивши, къ коннымъ хвостамъ привязывати повелѣ и безмилостивно влачили по отоку, дондеже души испустятъ».

Выкинутыя тѣла лежали на морскомъ берегу до времени таенія льдовъ, когда они были погребены на сосѣдней людѣ, называемой *Женской*. Изъ оставшихся въ живыхъ, большая часть разослана была по дальнымъ мѣстамъ бѣломорскихъ прибрежьевъ; нѣкоторые, болѣе озлобленные, отправлены въ дальніе города государства на заточеніе. Вѣсть о покореніи монастыря уже не нашла царя Алексѣя въ живыхъ. Мещериновъ царемъ Ѳеодоромъ вытребованъ былъ въ Москву и здѣсь судимъ за расхищеніе монастырской казны и сокровищъ.

Монастырь вновь населялся приходившими и присланными монахами изъ дальнихъ монастырей; но порядку въ немъ еще долго не было. «Отсюду, говоритъ Семенъ Денисовъ далѣе, въ Киновіи умножишася мятежи и безчинія: умножишася по келіямъ особьяденія варенія и пироженія; умножишася винопи-

тія и п'янства и раждающія п'янство питій содержаніе: оставляють же на п'бнихъ молитвословія — исполняютъ кликовъ безчинія, же учащеніе празднословія, срамословія и гаяній неподобныхъ изношенія, же табаки держанія и табакопитія и прочіе неблагог'бные обычаи и д'янія».

Показанія эти подтверждаютъ и царскія грамоты: Феодоръ Юанновичъ (въ 1591 г.) воспретилъ медовый квасъ; Михаилъ Феодоровичъ запрещалъ (въ 1621 г.) употребленіе п'янственнаго питія и обыкновение жить по кельямъ особенно, *заговоромъ*, какъ сказано въ грамотѣ. Алексій Михайловичъ, въ 1637 г., давалъ указъ о томъ же, и уже всл'дствіе прошенія игумна Ильи, онъ же вновь подтвердилъ указъ Михаила Феодоровича о томъ, чтобы младые, безбрадые трудники, въ л'тнее время, жили отд'льно внѣ монастыря, а на зимнее время отправляемы были на берегъ въ Сумской острогъ или въ Кемь, «или гдѣ пригоже, а въ монастырѣ бѣ имъ зимовать не велѣли».

Осматривая настоящее состояніе монастыря и вникая во всѣ подробности его внутренняго и в'вшняго устройства, почти на каждомъ шагѣ встр'чаемъ имя св. митрополита Филиппа, бывшаго здѣсь съ 1548 года по 1566 годъ игуменомъ. Въ эти осемнадцать л'тъ онъ успѣлъ сдѣлать многое, что до-сихъ еще поръ имѣетъ всю силу матеріальнаго своего значенія. Поставленный въ исключительное положеніе, любимецъ грознаго царя, щедрого на подарки и милостыню, самъ сынъ богатаго отца изъ стариннаго боярскаго рода Колычевыхъ, св. Филиппъ не стѣснялъ себя въ матеріальныхъ средствахъ для того, чтобы удовлетворять веѣмъ своимъ стремленіямъ и помысламъ. Онъ исключительно посвятилъ д'ятельность на то, чтобы островъ Соловецкой, до того времени сильно запущенной, сдѣлать возможно удобнымъ для обитанія: прорылъ каналы, вычистилъ с'енокосные луга и увеличилъ ихъ въ числѣ; провелъ черезъ лѣса, горы и болота дороги; устроилъ для больной братіи больницу; учредилъ по возможности лучшую и здоровую пищу; внутри монастыря, подлѣ сушила, устроилъ каменную водяную мельницу и для нея провелъ воду изъ 52 дальнихъ озеръ главнаго Соловецкаго острова; въ братской и общей кухнѣ устроилъ колодезь, въ который проведена изъ Святаго озера вода, черезъ подземную трубу, подъ в'рвпостною стѣною. Помпа колодезя этого

зимомъ подогрѣвается нарочно устроенною печью. Другая печь готовится теперь въ одинъ разъ до 200 хлѣбовъ *).

Сверхъ-всего этого, онъ умножилъ домашній рогатый скотъ и, на островахъ Муксалмахъ, выстроилъ для него особый коровій дворъ, онъ же развелъ на островѣ лапландскихъ оленей, которые живутъ тамъ и до настоящаго времени; выстроилъ просторныя соборныя церкви и огромную трапезу, вмѣщающую сверхъ тысячи человѣкъ гостей и братій; близъ монастыря сдѣлалъ насыпи и разныя машины къ облегченію трудовъ работниковъ; построилъ кирпичные заводы, замѣнилъ старинныя чугуныя плиты—*кленала*, *била*—колоколами; правителямъ поморскихъ волостей, тунамъ, слугамъ и доводчикамъ назначилъ жалованье, и пр., и пр.

Монастырь и въ настоящее время находится въ такомъ состояніи, что не нуждается во многомъ: только пшеница, вино, рожь и нѣкоторое количество соли для монастыря покупное, а все почти остальное онъ имѣетъ свое. При легкомъ взглядѣ, монастырь поражаетъ необъятнымъ богатствомъ; не заглядывая въ сундуки его, которые, говорятъ, ломаются отъ избытка серебра, золота, жемчуговъ и другихъ драгоценностей, легко видишь, что, сверхъ годичнаго расхода на братію, у него остается еще огромной заливкѣ, который пускается въ ростъ на проценты. При мнѣ высыпали изъ кружекъ богомольческихъ подавій, скопившихся въ полтора почти мѣсяца, до 25,000 р. асс.; но что нынѣшней годъ, говорили, одинъ изъ *неурожайныхъ*, затѣмъ, что первый мирный; въ *урожайные* годы вынимаютъ до 95,000. Эту цифру монахи считаютъ среднею величиною. Сверхъ всего того, каждый богомолецъ покупаетъ просфору, платитъ за чернила, которыми пишутся имена родныхъ на исподѣ просфоры, платитъ за писанье, если только онъ не умѣетъ. Годовые богомольцы платятъ деньги. Лубочныя виды монастыря стоятъ 25 к. сер., вмѣсто 5 коп. назначенныхъ; маленькій кипарисный

---

*) При многолюдствѣ богомольцевъ, въ печь эту ставятъ двѣ квашни въ день; хлѣбъ день отлеживается, на другой день поѣдается весь. Остатки ѣдятъ рабочіе, остатки же этихъ остатковъ превращаются въ сухари. Прежде было обыкновеніе давать каждому богомольцу по широкому ломтю на дорогу; теперь это, говорятъ, вывелось изъ употребленія. Въ квасной запасается 50 бочекъ по 200 ведръ каждая.

образъ стоитъ 75 к.; за стихи, описывающіе бомбардированіе англичанъ убійственными виршами и переписанные довольно чотко на листъ, просили съ меня 1 р. 50 к. сер. Товары въ лавочкѣ для богомольцовъ, съ скуднымъ количествомъ предметовъ, дѣрога неприступно: палочка плохого сургуча стоитъ 20 к. (въ монастырѣ почтовое отдѣленіе). Спутникъ мой на Анзеры (въ скитѣ) желалъ записать въ сѹнодикѣ на поминовеніе своихъ родныхъ. Монахъ, сидѣвшій съ перомъ, объявилъ, что они берутъ 30 к. сер. за годовичное поминовеніе и 1 р. 50 к. на вѣчныя времена. Спутникъ мой рѣшился на первое; писалъ долго и много; при расчетѣ долженъ заплатитъ 6 р. сер.; оказалось, что 30 к. сер. берется съ каждаго вписаннаго имени.

— Хорошо еще, что я призабылъ многихъ, а те нахваталъ бы сотню: жутко бы тогда пришлось!—замѣтилъ мой спутникъ.

Торговля производится всюду, чуть ли не во всѣхъ монастырскихъ углахъ: на паперти Анзерскаго скита продаютъ лучочный видъ этого скита, на Анзерской горѣ Голгофѣ (въ скиту же) продаютъ видъ Голгофскаго скита, и вездѣ кое-какія книги, и вездѣ стихи монаха. Можно купить сапоги изъ нерпичьей кожи; можно купить и широкій монашескій поясъ изъ той же кожи, довольно хорошо выдѣланной въ самомъ монастырѣ. Въ самомъ же монастырѣ пишутся и иконы, шьется платье не только на монаховъ, но и на штатныхъ служителей, обязанныхъ черными и болѣе трудными работами *). Въ монастырѣ вылавливается морской звѣрь, вытапливается его сало, выдѣлывается его шкура; есть невода для бѣлугъ, есть сѣти для нерпы и бѣлковъ; въ монастырскую губу приходитъ въ несмѣтномъ числѣ лучшій сортъ бѣломорскихъ сельдей, небольшихъ, нѣжныхъ мясомъ, жирныхъ. Только крайне-плохой засолъ, какая-то запущенность

---

*) Большая половина рабочихъ живетъ по обѣту; обѣты даютъ они при случаѣ опасностей, которыми такъ богато негостепримное Бѣлое море. Тюлений промыселъ, называемый *сыволочнымъ*, соблазнительный по богатству добычи, опасный по отправленію, губитъ много людей. Звѣря бьютъ на дальнихъ льдинахъ; льдины эти часто отрываются вѣтрами и *сыволокаются* въ море вмѣстѣ съ промышленниками. Счастливые изъ нихъ прибываютъ къ острову Сосновцу или къ Терскому берегу, и они-то даютъ, въ благодарность за спасеніе, обѣтъ безплатно работать на монастырѣ три—пять лѣтъ. Большая часть уносится въ океанъ на неизбѣжную гибель.

этого дѣла мѣшаютъ пускать ихъ въ продажу; выловленные сельди лѣтомъ уходятъ на братскую уху, выловленные осенью частью потребляются, частью идутъ въ прокъ на зиму. Полотно для нижняго монашескаго бѣлья не покупное: оно сносится богомольными женщинами съ разныхъ концовъ огромной Россіи; онѣ же приносятъ и нитки. Коровы для молока, творогу и масла въ монастырѣ свои; бараны, живущіе на Заяцкомъ острову, даютъ шерсть для зимнихъ монашескихъ тулуповъ и мясо для трапезы штатныхъ монастырскихъ служителей въ скоромные дни. Лошадей монастырѣ имѣетъ также своихъ. Между монахами и штатными служителями есть представители всякаго рода мастерствъ: серебряники, слесари, мѣдники, оловянишники, портные, сапожники, рѣзчики. Всѣ другія мастерства, не требующія особенныхъ познаній, раздѣлены на послушанія; таковы: рыбаки, продавцы, пекари, мельники, маляры.

Въ этомъ отношеніи, монастырѣ представляетъ цѣлое отдѣльное общество, независимое, сильное средствами и, притомъ, значительно многолюдное. Ежегодные обильные вклады и правильное хозяйство общають монастырю впереди несчетные годы.

На третій день моего пріѣзда въ монастырѣ, я былъ разбухонъ по утру громкими криками, раздавшимися подъ окнами нашей гостинницы и по корридорамъ ея.

— Что тамъ такое? спрашиваю я гостинщика.

— Гонять жонковъ — богомолковъ сельдей чистить. Сейчас приплылъ карбасъ съ свѣжей рыбой; ужъ на уху она пойдетъ — объяснялъ онъ.

— А готовляли-ли вы себѣ цѣлбоносное купаніе во Святомъ озерѣ вчера? спросилъ онъ меня потомъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Всѣ богомольцы, немедля, по прибытіи, совершаютъ сей обрядъ во душевное спасеніе и тѣлесное здравіе. Отъ многихъ недуговъ полезна вода, и сколь она холодна и благотворна, то такой уже, говорятъ, и не обрѣтается въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ честныхъ обители сея.

— Что же это, батюшка, обязательно для всѣхъ?

— Неволи не полагается; но всякъ творить по мѣрѣ силъ. Немотствующие не купаются. У насъ по монастырскимъ обычаямъ, всѣ богомольцы, искупавшіеся во Святомъ озерѣ, идутъ ко гробу преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія и ходатай-

ствують у нихъ объ умилостивленіи Творца Всевышняго. Затѣмъ всякій полагаетъ отправиться воздать молитву при гробѣ преподобнаго Елеазара во скиту, сооруженномъ имъ на острову Анзерскомъ, и оттуда идутъ на гору Голгофу, гдѣ поминають молитвою прешедшихъ отцевъ и братію въ панихидѣ при гробѣ преподобнаго отца Іисуса Голгозскаго. За симъ, на третій день, посѣщаются всѣ часовни, мѣста коихъ освятили своими стопами угодники Божіи: одну въ 3-хъ верстахъ отъ обители, близъ Исакиевой горы, гдѣ первоначально поселились преподобные Зосима и Германъ, и всѣ семь пустынь...

При послѣднихъ словахъ его раздался звонъ въ малый колоколъ.

— Это что такое?

— Кончилась литургія: къ трапезѣ звонять; пожалуйста! Въ сей день полагаются скоромныя кушанья.

Я отправился. Огромная трапеза была полна народу; монахи пѣли. Между богомольцами не видать было женщинъ: всѣ онѣ, по монастырскому обычаю, угощаются въ особой залѣ, такъ-называемой келарской. Раздалось чтеніе житій святыхъ того дня, производимое съ особаго амвона череднымъ монахомъ. При перемѣнѣ кушаньевъ, при звонѣ колокольчика, читалась съ амвона и прислуживающими послушниками молитва: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ». Трапезующіе должны были отвѣчать «аминь»; всѣмъ возбранялись разговоры, всѣ обязаны были ѣсть изъ общей чашки; у всѣхъ были деревянные ложки съ вырѣзною благословящею рукою. Мнѣ попалась ложка съ надписаніемъ:

На трапезѣ благословенной
Кушать братія почтенной.

У сосѣда моего на ложкѣ было написано просто «во здравіе братія». Вся посуда была оловянная. Кушанье солить или обливать уксуомъ обязаны были послушники. На этотъ разъ вся трапеза состояла изъ четырехъ блюдовъ: холодное—соленныя сельди съ лукомъ, перцомъ и уксуомъ; треска со сметаной и квасомъ; уха, удивительно вкусная, изъ сегодня выловленныхъ сельдей; и каша гречневая съ коровимъ масломъ и кислымъ молокомъ. Въ концѣ трапезы разносились кусочки просфоры, освященной въ концѣ пѣніемъ и разрѣзанной при томъ же пѣніи и тогда же, Пѣвчіе пѣли потомъ молитвы и отпускъ и—затѣмъ всѣ расхо-

длись. Несмѣтное множество чаекъ усыпало весь дворъ монастырскій: кажется, на это время слетѣлись они со всего острова и его береговъ. Монахи и многіе богомольцы бросали имъ куски хлѣба. Чайки до того были безбоязненны, что хватали хлѣбъ этотъ изъ рукъ; многія клевали проходящихъ за ноги, за полы платья; крикъ былъ невыносимой, и все это, взятое вмѣстѣ, представляло странную, хотя и своеобразную картину. Нѣкоторые изъ монаховъ пошли удить рыбу на озерахъ, другіе—смотрѣть на море, гдѣ въ это время разыгрывались знакомыя, обыденныя сцены: вотъ чайка учитъ своего чабара летать; чабаръ старается дѣлать тоже, что и мать: машетъ крыльями, бѣжитъ скоро впередъ, но спотыкается, ударяется утинымъ своимъ носомъ въ землю, прискакиваетъ, но въ воздухѣ держится недолго: собственная тяжесть не пускаетъ его отъ земли дальше четверти аршина. За другимъ чабаромъ слѣдитъ мать, и смотритъ, какъ онъ влѣзъ въ воду и окунается, хлопая по водѣ крыльями и обмачивая голову; чабаръ на водѣ держится легко. Дальше все прежнее: мальчишки-работники, *безбрадые трудники*, по словамъ гостинщика, бродятъ безъ дѣла по берегу, одѣтые въ монастырскіе подрясники съ широкими кожаными поясами и въ плисовыхъ круглыхъ колпакахъ на головѣ. Мальчишки шалятъ; взрослые штатные служители важно толкуютъ съ богомольцами; часы выколачиваютъ половину; чайки кричатъ и гулъ ихъ отдается эхомъ въ стѣнахъ монастырскихъ; кто-то запѣлъ: «Воскресеніе Христово видѣвше...»

Вернувшись въ свой номеръ, я попросилъ лошадей, чтобы ѣхать на Анзерскій островъ. Потребовали три рубли сер.—и мы отправились. Дорога пошла по Соловецкому острову гладкимъ, исправленнымъ полотномъ, по сторонамъ ея потянулся лѣсъ со всею обычною обстановкою, невычищенный, со множествомъ валежника неприбраннаго. Во многіхъ мѣстахъ лѣсъ этотъ отдавалъ рѣшительно дичью; все въ немъ напоминало лѣса нашихъ приволжскихъ губерній: тѣже высокія деревья словно и не полярныя, не архангельскія, та же спутанность сортовъ и видовъ ихъ: тутъ и березовая полоса, перепутанная съ ивнякомъ, тутъ и соснякъ съ кустами густаго цѣпкаго волжскаго можжевельника, соснякъ перепутанъ съ ельникомъ; даже кое-гдѣ между ними проглянула лиственница. Между деревьями, по кочкамъ, иногда мшистымъ, иногда обтянутымъ травой, разсы-

пались кусты ягодъ ворошицы и можжевельника; кое-гдѣ красовался цвѣтами шиповникъ; во многихъ мѣстахъ зацвѣтала малина и даже краснѣла уже ягодами. Въ воздухѣ разлита была чарующая свѣжесть, которою дышешь — не надышешься; то вдругъ прольется струя цѣлебной смолки, то здоровой запахъ травы, то вдругъ опять пролетитъ нѣжная, эфирная струйка, пущенная залившими цвѣтами шиповника. Луга, выглянувшіе между деревьями, усыпаны были цвѣтами и рисовались такимъ же пестрымъ ковромъ, который такъ обыкновененъ вездѣ, кромѣ архангельскаго края. Мѣстность Соловецкаго острова рѣшительной контрастъ со всѣми соседними ей: природа словно огорчилась, истощенная въ береговыхъ тундрахъ и болотахъ, и, собравши послѣднія оставшіяся силы, произвела на острову новой, особенной міръ, въ которомъ такъ всѣмъ привольно и такъ все сродни и знакомо дальнему, заѣзжому человѣку! Вотъ пошла дорога подъ гору, на мостикъ, перекинутой черезъ бойкой ручеекъ; вотъ побѣжала она въ гору, взрытую по мѣстамъ колеями; вотъ канавы, прорытыя по сторонамъ полотна ея и опять таже лѣсная чаща и между нею болото такое же ржавое, такое же зыбкое, какъ вездѣ и всюду въ Россіи, богатой и горами, и болотами, и роскошными лугами. Вотъ прекратился лѣсъ, открылась поляна, на полянѣ посѣяна рожь. Рожь уже наливается, наливъ идетъ къ концу; васильки въ полной силѣ; вправо отъ дороги, между рѣдко разставленными деревьями, черезъ поляну, засыпанную хвоемъ, выглянуло озеро большое, рыбное, на этотъ разъ свѣтлое, зеркальное. Лѣсная чаща продолжаетъ по прежнему окружать насъ со всѣхъ сторонъ и дышетъ на насъ своимъ здоровымъ, цѣлебнымъ дыханіемъ; въ ней залѣла даже гдѣ-то птичка, другая... третья... и четвертая. Весело на душѣ, летятъ всѣ черныя мысли прочь, забываешь обо всемъ прежнемъ и живешь только настоящимъ. Пусть бы дальше и больше тянулась эта дорога съ вѣчно-увлекающими видами, съ своею свѣжестью; пусть никакое тревожное воспоминаніе не беспокоитъ теперь воображенія. А воспоминаній этихъ накопилось такъ много, ими такъ сильно утомлена и пресыщена душа, что прежній путь по побережьямъ кажется какъ-будто сномъ, какой-то сказкой, выслушанной еще въ дѣтствѣ и теперь съ трудомъ припоминаемой.

Ѣхали мы лѣсомъ часа два. За лѣсомъ началось поле, на

концѣ котораго стоитъ избушка, и въ ней живутъ два монаха-перевозчика. У избушки этой надо было оставить лошадей и садиться въ карбасъ, на которомъ предстоялъ путь чрезъ салму (проливъ) въ 4 версты 300 сажень. Вѣтру никакого не заводилось; привелось ѣхать на греблѣ, между тѣмъ, какъ быстрина теченія здѣсь поразительна. Къ тому же, на то время, вода на томъ берегу *распалась*, какъ выразился нашъ перевозчикъ, т.-е. пошла на прибыль, начался приливъ и общалъ намъ на встрѣчу сувой; но сувой былъ не силенъ, и мы хотя и медленно, но прошли его при помощи только двухъ весель. По пути намъ моремъ играла бѣлуга у самаго карбаса и такъ близко, что можно было рассмотреть, какъ опрокидывала она свое огромное сальное тѣло въ воду, выгибая надъ водой спину и выкидывая на шею фонтаномъ воду. Провожающіе насъ монахи говорятъ, что она удивительно быстро ходитъ, и если ужъ одной удалось прорвать неводъ, такъ всѣ другія уйдутъ за ней мгновенно.

— Молоко-то у ней тоже бѣлое! замѣтилъ монахъ.

— А гдѣ же его видѣли? спросилъ мой спутникъ.

— У *пропавшей* (окопавшей и выброшенной на берегъ) видѣли.

— А не пробовали?

— Сохрани Богъ, у пропавшей...

Черезъ полтора часа ѣзды мы были уже на берегу Анзерскаго острова, подлѣ часовни, на мѣстѣ которой, говорятъ основатель скита Елеазарій работалъ въ избушкѣ деревянную посуду и потомъ продавалъ ее приходившимъ на Мурманъ поморамъ. Приготовленную посуду онъ, по преданію, выставялъ на пристани, а самъ удалялся въ гѣса отъ людей. Приплывавшіе поморы брали ее, а въ оплату оставляли хлѣбъ и другіе съѣстные припасы.

Отъ часовни этой мы шли 2½ версты пѣшкомъ до Анзерскаго скита, раскинутаго въ ложбинѣ со своими каменными кельями (въ нихъ живетъ 14 монаховъ) и таковою же небольшою церковью. Вблизи скита этого ловятся лучшія соловенція сельди и семга и производятся по осенямъ промыслы тюленей и морскихъ зайцовъ.

На острову Анзерскомъ жилъ нѣсколько лѣтъ Никонъ.

Пустынничество въ этомъ скитѣ существуетъ на томъ же положеніи, какъ и въ монастырѣ Соловецкомъ.

Въ Анзерскомъ скиту насъ посадили опять въ линейку, чтобы вести на Голгофу, въ Иисусо-Голгофскій скитъ, до котораго считаютъ $6\frac{1}{2}$ верстъ; на второй верстѣ началась эта высокая, словно сахарная голова, гора Голгофа чрезвычайно крутая, вулканическаго вида. Дорога побѣжала винтомъ между высокими деревьями, въ виду озеръ, разлившихся у подошвы горы. Словно поставленная на облакахъ, бѣлѣлась надъ нашими головами скитская церковь далеко-далеко на верху. Здѣсь первоначально жилъ Елеазаръ, а послѣ него іеросхимонахъ Иисусъ, водрузившій здѣсь крестъ и положившій такимъ образомъ первое основаніе скита въ 1712 году. По завѣщанію его, въ скиту воспрещено употребленіе рыбы и молочной пищи, кромѣ субботы и воскресенья, и установлено неусыпное чтеніе псалтыря. Братія здѣсь жило въ то время 8 человекъ.

Видъ съ горы и со скитской колокольни поразителенъ: море протянулось во всей своей пустынности и ушло въ безграничную даль океана. Неоглядная даль эта сливается въ ближайшей сторонѣ съ бойкою, богатою лѣсною и луговою растительностію острова, съ другой, дальней, ограничивается группою острововъ Муксалмовскихъ. На нихъ пасется монастырскій скотъ. Между Большими и Малыми Муксалмами разливалась сама съ необыкновенною быстротою теченія, усиленною еще сверхъ того присутствіемъ пороговъ. Пороги эти носятъ названіе Желѣзныхъ Воротъ, трудно одолимыхъ гребнымъ карбасомъ въ сухую воду и едва доступныхъ, по быстротѣ теченія, при приливѣ, или полой водѣ, по туземному. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ этихъ воротъ, съ одного берега на другой, перекинуть мостъ для перехода скота и оленей. За Муксалмами высится группа острововъ Заяцкихъ съ бѣлою церковью, и вотъ правѣ ихъ и ближе весь зеленой и огромной Соловецкой, и опять громадная, неоглядная масса воды, сверкающей на полномъ свѣтѣ полуденнаго, лѣтняго солнца. Вотъ на морѣ этомъ чернѣетъ корга, едва не заливаемая прибылой водой, та корга, на которой ловятъ монахи морскихъ звѣрей по осенямъ и зимамъ. Съ колокольни, на которой вѣчно ходитъ круговой вѣтеръ, хотя бы подъ горою и на морѣ была полная тишь и гладь, глазъ бы не оторвалъ отъ всего, что рисуется и красуется внизу. Гора Голгофа до того высока, что видна съ моря верстъ за 50, по словамъ туземцовъ, и до того своеобразна, что чаекъ, одолавающихъ крикомъ внизу, въ Ан-

зерскомъ скиту—въ здѣшномъ Голгофскомъ не могли прикормить. Не водятся также здѣсь и голуби: и только вороны да орлы способны прилетать сюда вить гнѣзда и кормиться отъ сытной и обильной братской трапезы.

Въ Голгофскомъ скиту не служатъ молебновъ; служатъ однѣ панихиды.

На обратномъ пути, въ Анзерскомъ скитѣ, намъ предложила варенцу и сливовъ, которыхъ здѣсь, по словамъ монаховъ, въ изобиліи.

— Тяжелы были времена для обители въ запрошедшіе годы, рассказывалъ мнѣ Анзерской монахъ. Въ скиту нашемъ стекла дрожали отъ пальбы неприятельскихъ пушекъ. Страшной дымъ стоялъ все время надъ монастыремъ; думали уже мы, что случился пожаръ и загорѣлась какая-либо изъ башенъ. Дымъ, стоявшій надъ монастыремъ, минутъ чрезъ пятнадцать, разносило вѣтромъ и сердца наши испытывали велие веселіе, радовались надеждою. Пришедшіе монахи сказывали на другой день, что гроза миновала и молитвами преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы, Савватія и Германа Соловецкихъ, Елеазара Анзерскаго и Исуса Голгофскаго обитель спаслась и только испытала нѣкоторыя поврежденія.

Поврежденія эти, сохраненныя еще на мой проѣздъ, состояли, какъ сказано, въ неисправимыхъ поврежденіяхъ архангельской гостинницы. Одно ядро прошибло крышу и опалило образъ у дверей холоднаго собора, другое пробило въ одномъ мѣстѣ стѣну; многія разшибли церковныя и келейныя окна. Всѣ эти ядра, собранныя въ значительномъ числѣ, показывали богомольцамъ выставленными по прилавку на соборной паперти. Пушки, изъ которыхъ стрѣлялъ монастырь, отецъ-архимандритъ Александръ предполагалъ позолотить и выставить при входѣ въ св. ворота. Также позолочены были и тѣ ядра, изъ которыхъ одно упало въ соборной церкви и не разорвалось, и другое, застѣвшее въ соборной главѣ и чуть не брошенное внизъ, по неосторожности, кровельщикомъ, впоследствии, когда поправлялись главы и кровля.

Вотъ что можно услышать отъ соловецкихъ монаховъ, съ присоединеніемъ того, что осталось въ воспоминаніяхъ самаго отца-архимандрита Александра объ недавнемъ бомбардированіи монастыря англичанами.

Эскадра английская, какъ извѣстно, останавливалась около Заяцкихъ острововъ. Отсюда отправлены были въ монастырь парламентёры, съ просьбою снабдить ихъ пароходы баранами. Архимандритъ отказалъ. Англичане высадились на одинъ изъ Заяцкихъ острововъ, и именно на тотъ, гдѣ паслись въ то время бараны; часть ихъ была поймана, не давался долго одинъ козель, но когда былъ схваченъ, лизалъ руки у враговъ, своихъ владѣтелей. За такую ласковость англичане отпустили козла, не взявши его съ собою. Монастырю, во всякомъ случаѣ, угрожала опасность. Англичане, державшіеся той системы, чтобы не стрѣлять и не начинать ссоры съ беззащитными селеніями, сожгли въ то же время Пушлахту и Кандамакшу, только послѣ того, когда видѣли, что жители выбѣжали съ ружьями и стрѣляли по нимъ. Англичане знали, что монастырь — сильная крѣпость, что въ крѣпости этой есть нѣкоторое количество инвалидной команды, есть пушки и боевые снаряды и есть, сверхъ всего, огромной запасъ провизіи. Къ тому же изъ монастыря получонъ былъ отказъ въ снабженіи мясомъ. Архимандритъ зналъ, что бомбардированіе неизбежно. Не задолго до него, командиръ эскадры поручилъ заяцкому монаху, отправившемуся въ монастырь, передать настоятелю подарокъ. Подарокъ этотъ была штурцрная пуля со всѣмъ припасомъ.

— Попынялъ я имъ, что посылають пулю, рассказывалъ этотъ монахъ. «Послали бы вы, я говорю, отцу-архимандриту ружье английское, хорошее». А пусть (говорить) пріѣдетъ самъ — подаримъ! «А мнѣ подарите ружье?» спрашивалъ я. Тебѣ, говорятъ, не надо ружья. Подавая мнѣ пульку, командиръ, переглянувшись съ другимъ, стоявшимъ рядомъ, усмѣхнулся *).

Собралъ отецъ-архимандритъ совѣтъ изъ монашествующей братіи и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи ѣхать для личныхъ переговоровъ съ непріятелями. Одни отсовѣтывали, другіе утверждали въ этомъ намѣреніи. Отецъ Александръ рѣшился на послѣднее и, благословивши и распростившись со слезами съ

---

*) Пульку эту показывалъ мнѣ отецъ-архимандритъ: она была свинцовая, конусообразная, съ мѣдною крышечкою, въ которую былъ насыпанъ порохъ и закрытъ бумажкой; подъ крышечкой — огнестрѣльная бумага. Пулю эту архимандритъ предполагалъ завѣщать монастырю на память.

братію, сѣлъ въ монастырской баркасѣ, управленіе которымъ довѣрилъ онъ самому опытному кормщику, а въ помощь ему выбралъ самыхъ сильныхъ изъ всего количества штатныхъ монастырскихъ слугителей.

При холодномъ, противномъ вѣтрѣ, противъ котораго съ трудомъ держался баркасъ и едва спасала теплая двойная одежда, ѣхалъ отецъ Александръ до непріятельскихъ пароходовъ. И только на разсвѣтѣ (отправившись послѣ вечеренъ) онъ могъ достигнуть до нихъ. Выкинуть былъ парламентарскій флагъ; съ парохода непріятельскаго спущена была шлюпка для переговоровъ. Настоятель согласился сѣсть только въ такомъ случаѣ, когда увидѣлъ, что на шлюпку вскочило много.

— Отчего ты не давалъ намъ барановъ? спрашивалъ переговорщикъ *).

— Оттого, что вы враги наши! отвѣчалъ архимандритъ.

— Мы бы тебѣ заплатили деньги.

— Денегъ мнѣ вашихъ не надо, потому что я монахъ и не нуждаюсь въ деньгахъ. Я всѣмъ обезпеченъ отъ обители.

— Мы тебя возьмемъ въ плѣнъ и увеземъ съ собою.

— Въ плѣнъ вы меня взять не смѣете, потому что я подъ парламентарскимъ флагомъ пріѣхалъ къ вамъ, да и что вамъ во мнѣ, и зачѣмъ вы меня такъ далеко повезете?...

— Далъ бы ты намъ барановъ, мы бы васъ не трогали...

— Дать я вамъ всего этого не могу, да и не позволить братія.

— А если самъ захочешь?

— Самъ не хочу, и не дамъ, и братія не позволю, потому что мы, хотя и монахи, но принадлежимъ своему отечеству, любимъ его и молимся за своего государя.

— Ну, такъ мы будемъ стрѣлять...

— А мы будемъ молиться...

— Стрѣлять мы будемъ завтра.

— Стало-быть, такъ я и знать буду и также точно скажу и братія. Поѣду и приготовлюсь по обрядамъ церкви.

---

*) Переводчикъ этотъ чисто говорилъ по-русски; сказывалъ, что воспитывался и жилъ въ Архангельскѣ, гдѣ и привыкъ такъ бойко говорить по-русски; сказывался простымъ солдатомъ, хотя, по словамъ отца-архимандрита, и имѣлъ на оружіи кокарду.

Оставивъ англичанъ съ положительнымъ отказомъ, отецъ-архимандритъ собралъ всю братію и приказалъ ей, исповѣдью и причащеніемъ св. Таинъ, приготовиться къ завтрашнему дню. На другой день, въ самый день бомбардированія, причастился и самъ я, не дожидаясь начала пальбы, началъ литію съ тѣмъ, чтобы при пѣніи ея обойти вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Лишь только потянулось шествіе по стѣнамъ и не совершило еще половины крестнаго хода, раздался оглушительной громъ отъ пальбы, завизжали пули, нѣкоторыя изъ нихъ носились надъ головами богомольцовъ, незначительная часть которыхъ успѣла пробраться на то время въ монастырь. И вдругъ—въ одно мгновеніе (которое, по словамъ очевидцовъ, неизгладимо останется въ ихъ памяти) — раздался сзади шествія страшный крикъ и почти всѣ задніе ряды повалились ничкомъ на землю. Оказалось, что ядро прошибло стѣну и пролетѣло надъ головами богомольцовъ, не сдѣлавъ имъ особеннаго вреда. Въ то же время другое ядро ударило въ соборную главу и влетѣло въ церковь, другое пробило кровлю и попалило образъ. Гулъ и пальба не прекращались долго, даже и въ то время, когда крестной ходъ вернулся въ соборъ. Наконецъ все стихло: архимандритъ совершалъ благодарственное молебное пѣніе. Англійская эскадра отправилась въ Кемъ... При этомъ присовокупляютъ, что во время пальбы, на монастырскомъ дворѣ не видали убитою ни одной чайки.

Хотя теперь уже, можетъ-быть, уничтоженъ и послѣдній слѣдъ поврежденій, произведенныхъ въ монастырѣ непріателемъ, но, думаю, воспоминанія и рассказы о немъ слышатся богомольцами и до сихъ еще поръ также обильно, какъ слышалъ и я. Тогда для монаховъ было это свѣжо, но мнѣ измѣняетъ память; все, что осталось въ ней, я передаю какъ могу и помню. *Sapienti sat.*

15 іюля 1856 года былъ послѣдній день моего пребыванія въ монастырѣ. Въ послѣдній разъ видѣлъ я привѣтливаго, гостепріимнаго, словоохотливаго отца-архимандрита, и простился съ нимъ; въ послѣдній разъ видѣлъ я двухъ схимниковъ съ пожелтѣвшими, словно воскъ лицами, въ ризахъ, обшитыхъ спереди и сзади крестами, съ сѣдыми какъ серебро, волосами. Схимники выходили за трапезу.

Барбасъ мой былъ уже готовъ—и мы отправились. Понесло

насъ сначала легоньким повѣтерьемъ: лѣтній вѣтеръ надулъ паруса и вѣялъ пріятной, влонящей ко сну прохладою. Монастырь еще видѣлся долго намъ назади, сѣрѣя своими стѣнами изъ неотесанныхъ камней, плотно лежащихъ одинъ на другомъ, но вотъ и стѣну заткнуло туманомъ.

— На Сеннухъ мара! кричитъ кормщикъ.

— Что такое? спросилъ я.

— Сеннуха — острова, а мара — гляди вонъ!

Я видѣлъ впереди спустившійся туманъ, который казался дальнымъ, едва примѣтнымъ берегомъ. Вѣхать было невыносимо скучно, къ тому же вѣтеръ палъ, и гребцы сѣли въ весла. Затѣмъ пошли обычные, давно наскучившія подробности.

— Батюшко, припади! говорилъ одинъ гребецъ, обращаясь къ вѣтру.

— Припадетъ—побѣжимъ! подхватилъ его сосѣдъ и товарищъ.

— Товарищи, други! не поерамимся! просилъ третій, вѣрнко налегая на свое весло.

— Сдѣлайте милость, товарищи, понатужьтесь: тамъ станетъ легче!—упрашивалъ кормщикъ...

И гребцы послушно налегали на весла, хотя и хорошо знали, что тамъ не могло быть легче.

Портной нашъ сидѣлъ какимъ-то сумрачнымъ, какъ будто обидѣлъ кто.

— Что ты такой не веселый? замѣтилъ я ему.

— Изъ монастыря вѣдучи, всегда такъ надо.

— Развѣ работы не было?

— Ни одной жилетки не удалось сшить.

— Что же ты тамъ дѣлалъ?

— А у монаховъ про житіе все слушалъ... всѣ три дни житія слушалъ.

И опять по сторонамъ старые виды, и опять на карбасѣ пустые, на половину понятные и неинтересные разговоры. Вѣтеръ—то припадетъ, то опять стихнетъ. Дальный островъ сначала выплываетъ словно облако, потомъ меледится—чуть выясняется въ туманѣ и, наконецъ, по мѣрѣ приближенія къ нему, совсѣмъ обозначается ясно и живо съ грудями камней, по которымъ прошли жолобки, словно приступки. Въ тѣхъ жолобкахъ, гдѣ болѣе тѣни и тѣнь эта долговременна, сверкаютъ

лужи дождевой воды сомнительныхъ качествъ, черной какъ пиво, и все-таки дорогой, въ крайнихъ случаяхъ, при жарѣ лѣтней для заѣзжихъ. По лудамъ, и по самымъ счастливымъ изъ нихъ, цѣпляется кое-какая растительность и зеленѣетъ у самой воды какая-то скользкая, грязная слизь.

Влѣво отъ насъ выплывало изъ-за острововъ судно; на мачтѣ этого судна засверкала, отъ лучей солнца, золотая звѣздочка, вѣроятно, крестъ, безъ котораго не бываетъ ни одной монастырской лодки, назначенной перевозить богомольцовъ изъ Архангельска, изъ Сумы и иногда изъ Кеми. И всѣ мы рады этому судну, и всѣхъ занимаетъ оно, и рисуются въ моемъ утомленномъ воображеніи слѣдующія картины:

Видится мнѣ дряблая, разбитая ногами и голосомъ старушонка, въ крашенномъ сарафанѣ, съ остроносою сорокою на головѣ, баба плаксивая, богомольная: вывела она сыновей, дождалась и баловливыхъ внуковъ. И вотъ, въ товариществѣ попова Гаранюшки баженика-дурачка, да Матвѣюшки, что по за-прошлой годъ медвѣдь ломалъ да не изломалъ совсѣмъ, сама съ влюкой, Христовымъ именемъ пробирается въ невѣдомой ей край.

И дребезжить ея разбитой голосъ подъ волоковыми окнами спопутныхъ городовъ, селъ и деревушекъ. Въ деревушкахъ видятъ у старухи котомку за плечами, старенькіе лаптишки подъ котомкой—въ избу зовутъ:

— Богомолушка, кормилица?

— Нѣшто, родимые.

— Куда Богъ несетъ?

— А къ Соловецкимъ, родители, за грѣхи свои Богу помолиться.

— Далекю, кормилушка, далеко. Возьми-ко, сердобольная, гривенку: поставь и за насъ свѣчку тамъ—не погнушайся, богданная! А вотъ тебѣ пятакъ за проходъ, пирогъ на дорогу; да присядь-ко, косатушка, пообѣдай.

Бредетъ эта старушоночка и цокаетъ, рассказываетъ про свою родину за густыми сосновыми лѣсами ветлужскими и кедровыми лѣсами вологодскими: молить она милостинки и у ваганашенкурца и у холмогора-заугольника; приходитъ, наконецъ, и въ длинной Архангельскъ, но уже не съ пустыми руками, хотя и съ разбитыми, сильно-отяжелѣвшими ногами. Поскупится она

заплатить, изъ бережливости и скопидомства, лишній грошъ, ее заставляютъ щипать паклю или прять канатное прядево — и безъ денегъ свезуть...

И вотъ она на палубѣ огромнаго судна—монастырской лодки плоскодонной, безобразной, съ старой оснасткой и покроемъ — посреди густой толпы богомольнаго люда. Ёдетъ тутъ и бородатой раздобрѣвшій купецъ, которому удалось хватить горячую копѣйку на выгодномъ казенномъ подрядѣ; ёдетъ тутъ и оставленной за штатомъ недалній чиновникъ изъ духовнаго званія, распѣвающій въ досужее время церковныя стихиры и не пропустившій на своемъ вѣку ни одной заутрени и обѣдни въ воскресной день; ёдетъ тутъ и сухой монахъ дальняго монастыря изъ-подъ Кіева, отправленный со сборною памятью и игуменскимъ благословеніемъ... Ёдутъ тутъ: и свѣтская архангельская дама-вдова съ томными глазами, со вкрадчивымъ разговоромъ и въ костюмѣ, имѣющемъ претензію на замѣтное кокетство, и бойкая щebetунья-баба солдатка изъ Сѣлмбалы, и длинной семинаристъ богословскаго класса, и дальній сельскій пощъ, низкопоклонный, угодливый, принижонный.

Паруса уже налажены, снасти подобраны, остается только вытащить рычагомъ якорь. Всѣ богомольцы стоятъ безъ шаблкъ и чего-то ждуть съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и при сдержанномъ молчаніи. Вотъ раздается сладенькій голосокъ кормщика:

— Молись, господа! Молись, благословѣны—въ путь-дорогу пора. Читай, Кондратушко, молитву на путь шествующимъ!

Вслѣдъ затѣмъ раздается звонкій выровненный, развитой до поразительной чистоты голосъ монастырскаго служки. Богомольцы творятъ молитвы на городскія церкви и потомъ на всѣ четыре стороны, изъ которыхъ на каждой непременно блеститъ по одному—по два церковныхъ креста.

Судно трогается и бѣжитъ, если вѣтеръ крѣпко-попутный, и плыветъ лѣниво и вяло, плохо лавируя, если повѣтерье — говори поморскимъ выраженіемъ—кормщику въ зубы. Бѣжитъ монастырскае судно вблизи Лѣтнаго берега Бѣлаго моря къ Ухтѣ-Наволоку и далѣе открытымъ моремъ.

Трудными повѣнецкими дорогами съ Онежскаго озера идутъ другія партіи богомольцовъ изъ ближнихъ къ Петербургу губерній. То пробираются они по узкимъ тропинкамъ, черезъ

гранитныя скалы, выкрытыя тундрой съ оленьимъ мохомъ и гѣ-
сами съ дряблыми деревьями; то плывутъ они по зеркальнымъ,
глубокимъ озерамъ въ утлыхъ, неудобныхъ лодкахъ или на по-
садѣ Суму, или на деревню Сороку — людныя и богатыя селе-
нія поморскаго побережья Бѣлаго моря. Здѣсь ихъ также при-
нимаютъ на лоды или монастырскія, или обывательскія. Въ
нерѣдкихъ случаяхъ ѣдутъ богомольцы и въ мелкихъ судахъ,
карбасахъ.

•

VI.

КОРЕЛЬСКОЙ БЕРЕГЪ.

Первыя впечатлѣнія прибрежнаго плаванья и первыя деревни этого берега.—Село Кереть и воспоминанія объ англичанахъ.—Островъ Великій и раскольники.—Село Ковда.—Деревня Княжая.—Корелы, ихъ нравы, обычай и характеръ.

— Прости, крещеная душа, гостенекъ дорогой! Пошли тебѣ Никола Угодникъ да Варлаамій Керетской счастливое плаванье! Вдешь ты въ сторону дальнюю—всякаго горя напринимаешься. Въ живѣ бы тебѣ, завъжому человѣку, вернуться назадъ и насъ бы порадовать; а мы тебя въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ не забудемъ. Смотри — Неладное что выйдетъ тебѣ: повѣтерья что ли долго не будетъ, въ бурю ли страхъ обуяетъ тебя, въ великое ли сомнѣнїе впадешь и соскучишься крѣпко — молитву свою Варлаамію Керетскому посылай. Затѣмъ онъ Батюшко въ нашихъ странахъ и обитель себѣ земную воспрїялъ. Молись ты ему—пособлаеть.

Таковыми совѣтами и напутствїемъ провожалъ меня мой кемской хозяинъ, когда готовъ уже былъ карбасъ, чтобы вести меня въ глухую даль Архангельской губерніи, къ сѣверу отъ Кемѣ, вдоль Корельскаго берега Бѣлаго моря.

Чистыя, свѣтлыя комнаты отводной городской квартиры замѣнило на этотъ разъ угловое суденко—карбасъ—въ два аршина шириною, на восемь аршинъ въ длину, шитое деревянными гвоздями и вичью. Родъ кибитки — по здѣшнему бѣлокъ (изъ гнутыхъ деревянныхъ ободьевъ, обтянутыхъ заплатанной парусиной и накрытыхъ поверхъ всего рогожкой, которою затяги-

валась также задняя часть этого навѣса) — долженъ былъ защищать меня и отъ дождя, и отъ крѣпкихъ, порывистыхъ дугою вѣтра морскаго. Четыре плотныя, коренастыя дѣвки, сильныя на рукахъ и крѣпкія сердцемъ — какъ выразился мой кормщикъ — сѣли на весла напротивъ, ближе къ носовой части карбаса. Сзади меня, на руль, помѣстился мужикъ кормщикъ — дорогое, самое главное и самое важное лицо, отъ умѣнья и смѣлности котораго зависѣло все мое настоящее. Четверо гребцовъ прекраснаго пола, какъ объясняли мнѣ, служили на этотъ разъ замѣною пары лошадей (кормщикъ, стало-быть, правилъ должность ямщика) на томъ основаніи, что *ярою* по здѣшному, или берегомъ по просту, лѣтомъ ѣздить никакой нѣтъ возможности. Огромныя гранитныя скалы, наваленныя грудами безъ всякаго порядка, глубокія щелья, выстланныя болотными, неподнимающими даже легкую ногу оленя, зыбунами, залегли на всемъ пространствѣ бѣломорскихъ прибрежій, и обусловливаютъ, такимъ образомъ, возможность ѣздить только моремъ, вблизи береговъ, на карбасахъ почтовыхъ или на *обязанныхъ*, такъ называемыхъ *обывательскихъ*. Такимъ путемъ ѣздить почти отъ селенія Унежмы (на поморскомъ берегу) до Колы; также точно ѣздить и чиновники земской полиціи по Терскому берегу.

Естественно, что особенныхъ удобствъ въ этомъ способѣ перѣздовъ не предвидится. Низенькая, наскоро гнутая и неладно прилаженная кибитка не даетъ возможности принимать иное положеніе, кромѣ сидячаго (и то въ рѣдкихъ, счастливыхъ случаяхъ), или полулежачаго на подстилкѣ, замѣняемой въ нѣкоторыхъ случаяхъ шкурою бѣлаго медвѣдя или оленьей постелью; въ большей части другихъ — просто ворохомъ сѣна, накрытымъ рогожкой или старымъ, рванымъ и отслужившимъ свой вѣкъ парусомъ. Вылѣзти изъ этой берлоги на свѣжій воздухъ — помѣшать гребль: карбасъ коротокъ и узокъ; повѣтерье — не всегдашнее подспорье въ морскихъ плаваніяхъ; лежать подъ навѣсомъ — истощить весь послѣдній запасъ терпѣнья и имѣть непріятность слышать тяжелой запахъ одуряющей трески, которою (на два дни) запасаются гребцы на случай того несчастія, когда крѣпкій вѣтеръ и сильное волненіе посадитъ на голую, бесплодную луду. Однимъ словомъ, скучнѣе, безпривѣтнѣе прибрежнаго плаванія въ карбасѣ трудно вообразить себѣ что-либо другое. Однообразно покачиваются впередъ и назадъ, упи-

раясь на весла, гребцы — дѣвки и бабы, когда спокойно море и не заводится ни одинъ изъ вѣтровъ, или ходитъ одинъ и вѣчный, но настолько слабый, что не способенъ даже слегка надуть парусъ. Завязжать гребцы отъ скуки пѣсню и разведутъ ее на многія версты, на долгое время, чтобы спорилась работа и уходило впередъ докучно-навязчивое время. Подпоетъ имъ козелкомъ—всегда молчаливый, всегда сосредоточенный на своемъ рудѣ кормщикъ—и почти только. Слушаешь эту пѣсню, привыкаешь къ едва-выносимому визгу, но удовлетворяешься немногимъ; пѣсня поморская не богата содержаніемъ: или занесена она съ гульливой святочной посѣдки, или съ веселаго свадебнаго ликованья, и почти все тѣже, что и въ дальнихъ мѣстахъ Великой Россіи. Не услышишь этой пѣсни подъ воскресенье, не допросишься и ничѣмъ не умирволишь гребцовъ на праздничную пѣсню на среду и пятницу по вечерамъ, а тѣмъ болѣе ночью, на этотъ разъ коротенькою, свѣтлою, полярною. Пѣсня въ такихъ случаяхъ, и то только на настойчивый спросъ и просьбу, замѣняется плаксиво выпѣваемой стариной про Егорья—свѣта храбра, про Романа Митріевича млада, про царя Ивана Грознаго, про сонъ Богородицы и про другое прочее; на за то уже такихъ старинъ нигдѣ, кромѣ сѣвера не услышишь.

Начнется (*надеть, завяжется*, по туземному говору) вѣтеръ — гребцы выберутъ весла на карбасъ, наладятъ два косяхъ паруса, недавно только въ народномъ употребленіи замѣнившихъ прямые, тяжелые, несподручные, зарочатъ (закрѣпятъ) шкотъ и дадутъ свободу по волѣ и прихоти вѣтра бѣжать утлому карбасу по широкому, неоглядному приволью моря. Весело сидится тогда въ суденѣ, и ничто не увлечетъ подъ тотъ навѣсъ, который даже плохо защищаетъ отъ дождя; весело смотрится тогда и на море, по которому гуляютъ свѣжія, бойкія волны: одна плеснетъ на бортъ и брызнетъ крупными каплями, обольетъ грудь и заслѣпитъ глаза; другая, какъ будто обезсиливъ, распластается раньше, не достигши карбаса, и залъется вся новой волной, болѣе сильной и болѣе бойкой. Со стономъ и визгомъ плещутся эти волны на каменныхъ переборахъ, какъ-будто тяготея спопутьемъ ихъ, и какъ бы хотятъ и осилить эти груды камней, и стереть ихъ съ лица земли. Глухимъ гуломъ тѣхъ же плещущихся, неугомонныхъ волнъ отдастъ и дальній берегъ, какъ черная стѣна, навѣсившійся

надъ шумливымъ моремъ. По всей взрытой волнами поверхности его, по временамъ, но часто, вскипаетъ пѣна, бѣляющая какъ клочки пушистаго снѣга, «бѣлки» — по туземному, разгоняемые новыми волнами и вновь вскипающіе на гребняхъ волнъ, какъ будто опять-таки для того, чтобы сильнымъ прибоемъ послѣднихъ быть прибитыми въ отмельнымъ мѣстамъ ближайшей луды. Вѣтряной теменью съ разорванными облаками — черными *свинками-вѣтрынами*, по туземному — глядитъ черная даль небосклона, откуда тянетъ *попутникъ*, и все небо, по большей части, въ этихъ случаяхъ, хмурое и непривѣтливое, какъ будто опустилось внизъ и хочетъ надавить и тѣмъ усилить и волненіе, и порывы вѣтра (*духи, зѣри* — по морскому говору). Вѣтеръ то *подпадетъ* — прибудетъ, усилится, то *охлябнетъ, опристанетъ* — уменьшится, но въ тѣхъ и другихъ случаяхъ иногда и *подволяетъ* — держится въ парусахъ, крѣпко надутыхъ и значительно вытянутыхъ. Накренивъ на правой бокъ карбасъ, мимо мчитъ онъ все спопутное: гранитную луду — голый камень, гранитной островъ, нерѣдко съ углой промысловой избенкой, съ медвѣдемъ, сидящимъ на корточкахъ и сосущимъ лакомую ягоду, и всегда съ цѣлыми гнѣздами кривливыхъ, докучливыхъ чаекъ, робкихъ утокъ, ныряющихъ въ воду и долго невыстающихъ при людскомъ приближеніи. Нагнувшійся на бокъ карбасъ смѣло рѣжетъ набѣгающія волны своею грудью — носовой частью — всегда острою и значительно приподнятою надъ всеми остальными частями суденка. Хлопотливой кормщикъ сгонитъ гребцовъ на дно карбаса дальше отъ носа, и еще внимательнѣе слѣдитъ за рулемъ, и еще крѣпче налегаетъ мускулистыми руками своими на руль и его ручку — и бѣжитъ себѣ карбасъ бойко впередъ, все дальше и дальше и не на шутку сердиться, не на шутку негодуешь, когда вѣтеръ, мало по малу *спадая* (стихая, подпадая) начнетъ болтать парусами, выдываясь въ нихъ съ разныхъ сторонъ. Волей-неволей гребцы роняютъ паруса, свертывая ихъ на мачту, вынимаютъ и эту мачту и кладутъ къ боку на судно, и опять садятся въ весла, и опять завязать отъ скуки пѣсню или начнутъ обмѣниваться островами или замѣчаніями, въ родѣ такихъ, что вотъ-де:

— Дурилъ, дурилъ вѣтеръ, да и схлябалъ...

— Не грозно-же стало вѣтра-то!

Годъ на Сибирь.

10

— Ну, да гдѣ взять грозно-то?

— Не гребѣ съ подергой (неровно, урывочно) — весло сломаешь; а гребѣ въ рѣстягу — не часто, а покрѣпче, и не по мурмански — не далеко пускай весло въ воду, а гребѣ имъ по верху — и легче груди бываетъ, и суденко шибче бѣжить, круче беретъ.

— Спасибо стужа — подживила ноги, приговариваетъ отъ себя и молчаливой кормицѣ, когда гребцы, снявши съ рукъ ситцевые нарукавники и обронивъ паруса, охотно берутся за весла. Скоро подается карбасъ на сильныхъ и привычныхъ рукахъ поморокъ, хотя успѣваютъ надѣсть до крайности стонныя, скудные однообразіемъ виды: черныя тундристыя берега, всѣ лѣсистыя, всѣ словно вымерзшія, и безжизненныя каменные луды, по другой сторонѣ. Съ терпѣніемъ и кротостью примиряются гребцы съ своей скучной, утомительной обязанностью и не шутя негодуютъ на то горе, когда вѣтеръ вдругъ перебѣжить на противоположную сторону неба и подуетъ съ носа *повѣтерьемъ коршику въ зубы*, говоря словами шутливаго присловья. И обзываютъ дѣвки, и смѣются искренно тѣмъ встрѣчнымъ счастливымъ, которымъ пало повѣтерье:

— Оброни парусъ-отъ, опружить.

Опружить — никто и потужить, отвѣчаютъ тѣ также хладнокровно, какъ хладнокровно успокоиваютъ себя и несчастные труженики, у которыхъ теперь вся надежда на свои силы и руки. Они умѣютъ успокоивать себя простымъ приговоромъ, «въ морѣ по тиши вѣтеръ и по вѣтрѣ тишь», т. е. что въ лѣтнее, *межонное* время непостоянство вѣтровъ изумительно, что часто въ одинъ день вѣтеръ успѣваетъ обойти кругомъ всѣ румбы компаса и не остановиться ни на одномъ изъ нихъ на долго. Также скромно радуются они всякому горному (дующему съ берега) вѣтру, будь хоть это — *шалной* шалоникъ (SW), который, по ихъ присловью, безъ дождя мочить, т. е. не пуская волненія (взводня) пылить, бросаетъ на карбасъ брызги, особенно если придется ѣхать къ нему на встрѣчу. Также добродушно смѣются, въ свою очередь, осчастливленные повѣтерьемъ надъ тѣми, которымъ вѣтеръ не благопріятствуетъ:

— Эхъ бы тебѣ съ носу поносу — далеко бы ушолъ!

Также простодушно-весело выбираютъ гребцы въ карбасъ звой весла, когда падетъ опять повѣтерье, способное напол-

нить паруса, и также простодушно острять между собою, принявшись за ѣду отъ скуки и ради препровожденія докучнаго времени.

— Корщикъ! какое у тебя молоко-то?

— А бѣлое.

— Есть ли пареное-то (топленое)?

— Затѣмъ, вишь, нѣтъ, что солнце-то закатилось.

— Мы рыбу-то, товарищъ, съѣли: тарелочку въ воду бросимъ.

— Брось, отвѣчаетъ кормщикъ:—да и руки-то брось.

— Да не выкинешь, не угораздишься...

— Приложу стараніе, любезна, для тебя: возьму черезъ лѣтико замужь за себя!—отвѣчаетъ и на это замѣчаніе тотъ же кормщикъ словами пѣсни и, передавши руль которой нибудь изъ гребцовъ, самъ также принимается за ѣду, состоящую обыкновенно изъ пироговъ—згибней, вареной трески, а иногда и сырой (последняя считается у нихъ не менѣе лакомой и вкусной пищей), изъ молока, изъ лепешокъ, извѣстныхъ болѣе подъ именемъ шанешекъ и проч. Потрапезовавши и укутавшись въ полушубки, гребцы вслѣдъ затѣмъ лягутъ спать и съ болѣею притомъ охотою, если день пойдетъ на вечеръ или ночь застигнуть карбасъ на пути. Кормщикъ отвѣчаетъ тогда за всѣхъ и за все, и не нарадуется за себя, тогда опять стихнетъ вѣтеръ и придется ему будить своихъ товаровъ. Общая и безграничная радость для всѣхъ наступаетъ въ то время, когда, наконецъ, зачеркнетъ въ береговой темени устье рѣки и расширится оно съ своими недалекими берегами, общая за слѣдующими наволоками, за дальними колѣнами рѣки, верстахъ въ 5, 6, 10 отъ моря, возделенное селеніе, взятое рѣшительно съ бою и долгимъ, утомительнымъ трудомъ сколько для гребцовъ, столько, вѣдается, и для сѣдока, извѣстнаго обыкновенно подъ общимъ именемъ «начальника». Весело на тотъ разъ смотреть деревушка, раскинувшаяся по обоимъ берегамъ всегда порожистой, всегда, слѣдовательно, шумливой рѣки, съ опрокинутыми карбасами, съ доживающими послѣдніе дни негодными лѣдьями, шняками, рѣшниками и проч. Привѣтливо машутъ флагарки, во множествѣ укрѣпленные на высокихъ, длинныхъ шестахъ, прислоненныхъ къ амбарушкамъ, построеннымъ у самой воды; овесло глядятъ и двухъ-этажныя, всегда внутри чистыя избы

и старинная, всегда деревянная церковь. Лаюют собаки, кричать и плещутся въ рѣкѣ маленькіе ребятишки; все это, взятое вмѣстѣ, напоминаетъ иную жизнь, болѣе знакомую, родную, хоть на этотъ разъ и дальнюю, и потому еще болѣе пріятную, дорогую и неоцѣненную.

Тоже точно испытываешь и въ первой деревнѣ отъ Кеми—Лѣтней; тоже и во всѣхъ остальныхъ Корельскаго берега.

Лѣтняя деревня (на мой проѣздъ) значительно обезлюдѣла: всѣ обитатели ея ушли на Мурманъ за треской, по найму отъ богатыхъ поморовъ Кемикаго берега: кемлянъ и шуерѣчанъ. Въ сентябрѣ вернувшись домой, они до 1 марта живутъ въ деревнѣ; нѣкоторые, уходятъ впрочемъ, на Терской берегъ, на подрядъ за семгой, недѣль на 5, на 3—4. Тогда же, оставшіеся дома бьютъ на льдахъ нерпу; но промыселъ этотъ не составляетъ для нихъ особенной важности и производится почти исключительно отъ нечего дѣлать, ради страсти попытать счастья и приключеній. Семгу ловятъ по заморью (въ рѣку она не заходитъ), а въ рѣкѣ добываютъ сельдей и сига, но исключительно для домашняго потребленія. Рѣдкій сѣтъ жито (ячмень) и то по немногу. Дальше, сѣвернѣе Лѣтней, хлѣбъ уже не родится, и не дѣлается даже никакихъ попытокъ къ тому. Лѣтняя, какъ и всѣ остальные деревни и села бѣломорскаго поморья, выстроилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря, по той же причинѣ, чтобы и во время прилива морской воды имѣть подъ руками годную въ питье прѣсную воду, и опять-таки для того же, чтобы укрыться за прибрежными скалами отъ сильныхъ непогодъ, всегда гибельныхъ по зимамъ и осенямъ.

Также точно, версты за двѣ отъ моря, расположилось и слѣдующее за Лѣтнею селеніе *Поньгама*, раскинутое на трехъ рѣчонкахъ: Поньгѣ, Куземѣ и Воньгѣ, богатой семгой, для которой всегда строится заборъ. Отсюда на Мурманъ ходятъ рѣже; за звѣрями почти совсѣмъ не выходятъ. Деревня эта наполовину заселена корелами. Въ ней, между прочимъ, указываютъ на два деревянныхъ креста, которые будто бы поставлены еще св. митрополитомъ Филиппомъ, когда онъ былъ соловецкимъ игуменомъ.

Отъ Поньгамы до слѣдующаго селенія на Корельскомъ берегу моря—Калгалакши, считаютъ моремъ 50 верстъ, но такихъ, впрочемъ, про которыя сами же поморы говорятъ, что

«шѣрляла ихъ баба клюкой, да и махнула рувой: быть-де такъ». Намъ на зло, всю дорогу въ воздухѣ стояло такое затишье, которое лишало всякой возможности наладить паруса. Привелось идти греблей, привелось до утомительнаго притупленія зрѣнія созерцать дальній лѣсистый берегъ, который то поднимается горой и какъ будто сростется съ дальнимъ небосклономъ, то полого опустится внизъ, выясняя червящуюся ложбину: можетъ быть, устье рѣчки, можетъ быть, горло губы съ соленой водой, съ морской рыбой. Дальше, за лѣсомъ этимъ, навѣрно, тянется болото, корельское болото, которое захватило три—четыре дальнихъ губерніи, которое безпривѣтно подошло къ самой Невѣ, усыпанное зыбунами, огромными и маленькими озерами, большими рѣками, рѣчками и ручейками, то болото, на которомъ вся растительность—мохъ да водоросли, на которомъ всѣ проявленія жизни—крикъ перелетной болотной птицы, кваканье лягушекъ, шатанье безпріютнаго космополита—медвѣдя, рысканье голодныхъ волковъ и мелкаго звѣря, тѣхъ же лисицъ, горностаевъ, пожалуй, даже соболей и бобровъ. Рыщетъ по мертвеннымъ и все мертвящимъ мѣстамъ этимъ заблудившійся, не попавшій еще подъ пулю охотника дикій олень, живетъ кое-какъ пріютившійся на сухихъ мѣстахъ этого же болота, подлѣ рыбныхъ озеръ и рѣкъ, корель, привлеченный сюда богатствомъ рыбы и звѣря и обязанный къ тому неизмѣннѣмъ лучшаго мѣста и неизмѣннѣмъ понимать лучшую жизнь, чѣмъ та, на которую осудили его историческія судьбы.

Ровно четырнадцать часовъ нужно было намъ для того, чтобы осилить греблей это пятидесяти-верстное пространство между Поньгамой и Калгалавшой. Привелось испытать въ это время, Богъ вѣсть, какую тоску и какія страданія; привелось выходить на ближнія луды, чтобы дать возможность уставшимъ гребцамъ расправить руки и наболѣвшую спину; привелось наглядно видѣть всю справедливость поморской пословицы: «тихо—не лихо, да гребля лиха». Вдоволь навязались пѣсенъ дѣвки-гребцы; вдоволь успѣло наскучить и напротивъ все непривѣтное, какое-то мрачное, тоскливое однообразіе прибрежныхъ видовъ: спугнули мы и орла съ одной луды, видѣли и опять медвѣдя, сосущаго ягоды на другомъ острову, слышали и усиленные крики утки, на которые поспѣшили всѣ ея робкіе выводки, при приближеніи нашего карбаса, спрятаться въ воду и

не показывались во все время, когда мы вѣхали подгѣ. Привелось прислушаться ко всѣмъ переливамъ, ко всѣмъ тонамъ голоса кормщика, которымъ онъ ободрялъ гребцовъ: чѣмъ-то безконечно-ласковымъ звучалъ этотъ голосъ въ крайнихъ случаяхъ, когда сильно *мырила* вода на встрѣчномъ сувоѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ встрѣчалась убылая вода съ прибылой, или когда сильно *садила* она и, словно камнями, звучно и сильно бросалась всплесками въ борта карбаса.

— Приналягъ, други; очастливь, товарищи! беря, мои богоданные, посильнѣе да покруче. Золотомъ озолочу васъ и по всему свѣту славу пушу, что съ этими товарищами и умирать не надо?—вричалъ кормщикъ, и гребцы, даже прискакивая на скамейкахъ, дружно и сильно, хотя и медленно, выгребали карбасъ въ то мгновеніе, когда онъ почти готовъ былъ повернуться носомъ назадъ, а можетъ быть, и опрокинуться днищемъ вверхъ. Также сосредоточенно-молчаливо гребли они дальше на всемъ пути, также визгливо пѣли свои небогатые складомъ и ладомъ пѣсни, также принимались они за жду сырой трески и кислаго молока, пока, наконецъ, всѣмъ намъ не привелось увидѣть Калгалакшу, удаленную уже на значительное разстояніе отъ моря, разсыпанную кучками на какой-то морской, болотистой трясинѣ, по берегу мелкой, порожистой рѣчки того же имени. Калгане, толпой наполнившіе всю избу, въ которой мнѣ привелось остановиться, поразили меня своимъ многочисленствомъ, тѣмъ болѣе въ такое время, когда по всѣмъ деревнямъ Поморья остается почти исключительно одинъ только женскій полъ. Посвщеніе ихъ казалось мнѣ празднымъ и праздничнымъ. Словоохотливые посѣтители объясняли все это тѣмъ, что на Мурманъ, послѣ недавней войны, они не успѣли обрядиться, но что вотъ подождутъ осени — станутъ тюленей стрѣлять на льдинахъ или ловить ихъ сѣтями; что лѣтомъ въ озерахъ близости попадаютъ сиги, по губамъ морскимъ — сельди, но что они въ продажу ихъ не пускаютъ; что семга въ мелкую рѣчку ихъ не заходитъ; что держатъ они и скотъ, для котораго по морскимъ лудамъ и побережьямъ растетъ много и довольно сносной травы, лучшей, впрочемъ, только на одномъ Кочвѣмъ-Наволдѣ, при которомъ хорошее, безопасное становище и проч.

Предполагая еще разъ встрѣтиться съ калганями на обратъ

номъ пути, я спѣшилъ забраться въ дальнія мѣста интересныхъ кольскихъ и мурманскихъ предѣловъ. Пѣшкомъ, по болотнымъ кочкамъ и грязнымъ рытвинамъ, не просыхающимъ во все лѣто, провели меня версты двѣ до того мѣста, куда отведенъ былъ изъ рѣчки карбасъ. Путь на двѣнадцать верстъ шолъ по озерамъ; перешейки — *переволоки*—между ними были прорыты канавами (версты на 3) для того, чтобы совратить дальній, почти сорокаверстной объѣздъ моремъ. Гигантскихъ трудовъ, терпѣнія многихъ лѣтъ и силы многихъ сильныхъ рукъ стоило выворотить огромные камни, чтобы сдѣлать между ними проѣздъ, глубокой, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы можно было подняться *издому* карбасу, и узкой до того, что гребцы вылѣзли на берегъ и вели судно руками, ежеминутно спотыкаясь, ежеминутно торкая о каменья карбасъ, который, по словамъ ихъ, и году не живетъ на этихъ поѣздахъ. Радостно, охотно хватались гребцы за весла, когда, наконецъ, кончались эти каналы и выплывало на встрѣчу намъ широкое озеро, обставленное гранитными скалами, съ которыхъ подчасъ опускалось картинно, надъ самою водою, вѣтвистое, густое дерево. Озеро это, своей невозмутимой гладью, своей зеркальной поверхностью, чѣмъ-то давно знакомымъ, хотя въ тоже время и нѣсколько своеобразнымъ, успокаивало на время, какъ будто вознаграждало за понесенные труды и терзанія всѣхъ насъ. Привѣтливо, наконецъ, глянуло и море, даль котораго на всѣ 12 верстъ закрыта была отъ насъ цѣлымъ архипелагомъ каменистыхъ лудъ, о которыхъ съ громомъ разбивались волны, пуская дальше густую бѣлую пѣну. Спутный вѣтеръ довершилъ общее довольство и не больше, какъ на 8 часовъ, сократилъ намъ весь путь отъ Калгалаши до Гридина, весь этотъ 25-ти верстный переволокъ.

Также бѣдно глядитъ и эта деревушка, также полна изба набралась народу, жаловавшагося на свое бездолье, какъ и во всѣхъ прежнихъ селеньяхъ Поморья, и также всѣ единогласно причиною своего бездолья выставляли недавнее посѣщеніе неприятелей, непускаявшихъ ихъ въ море, воровавшихъ ихъ скоть, и проч. Жаловались также на медвѣдя, который давитъ скоть, который здѣсь также вѣренъ своей привычкѣ — зарывать остатки, глубоко въ землю, про запасъ, до другаго раза. Рассказывали также, что ловятъ они и лѣснаго звѣря, преимущественно ли-

сиць, продавая по три рубля шкуру. Сельдей (извѣстныхъ величиною своею) ловятъ неводами съ Успеньева дня до льду, «а живеть море—такъ и до Рождества тянутъ». Весной выходятъ на морскаго звѣря, съ тѣми же снарядами, съ тѣмъ же рискомъ, почти на вѣрную смерть какъ и на Зимнемъ, Мезенскомъ, Канинскомъ и другихъ берегахъ Бѣлаго моря. Также точно и гридяне, какъ и мезенцы плаваютъ за звѣремъ туда, куда вѣтеръ потянетъ, и для этого запасаются печоннымъ хлѣбомъ, калачами, крупой и рыбою на два и на три мѣсяца. Но появленіе звѣря въ Кандаджской губѣ обуславливается выволочными вѣтрами; не будетъ ихъ—юрова почти всѣ останутся въ рукахъ мезенскихъ поморовъ; падутъ эти вѣтры—поживятся и корельскіе, а съ ними, конечно, и терскіе поморы. Точно также отъ случайности зависитъ, и добыча бѣлухъ, которыхъ иногда равно заврутившіе холода *отеленуютъ* льдами на всю зиму и такимъ образомъ не дадутъ имъ выхода до поздней весны. Хаживали отсюда прежде и на Новую Землю; чаще, чѣмъ теперь, обряжали покруги и на Мурманъ; но теперь подошли тугія времена и тяжолыя невзгоды, и обѣднѣло Гридино, какъ бы въ подтвержденіе другой поморской пословицы, что «противъ руля вода не течетъ».

Семьдесятъ верстъ привелось мнѣ ѣхать за тѣмъ до слѣдующаго селенія Корельскаго берега Керети. Рѣже попадались на всемъ пути этомъ острова, которыхъ такъ много на пути, ближнемъ къ Кемь; но и эти острова, какъ и всѣ острова Кандаджской губы, *лубокіе*, т. е. такіе, около которыхъ, по общему сознанію, можно становиться о-берегъ на самыхъ большихъ судахъ.

Село Кереть едва ли не самое лучшее изъ всѣхъ селеній Корельскаго берега. Сбитое въ кучу и раскиданное на значительномъ пространствѣ по горѣ и подъ горою, селеніе это пестро глядитъ обшитыми тесомъ и выкрашенными двухъ-этажными избами; множество амбарушекъ, не развалившихся, запертыхъ неломанными замками, приютились къ рѣкѣ и пристани. Самая рѣка Кереть, по обыкновенію, также порожистая и также, стало-быть, шумливая и богатая семгой какъ и другія бѣломорскія рѣки, глядитъ какъ-то празднично: у побережьевъ ея, ближе къ устью, качается не одна, но пять ладей, и не гнѣющихъ за давностью лѣтъ и невозможностью быть употреб-

ленными въ дѣло, но съ налаженными снастями, съ живыми людьми на палубѣ. Между этими крупными и безобразными судами видятся двѣ шкуны, красиво срубленныя по вѣрному, толковому чертежу, а не доморощеннымъ путемъ, и видимо — умнымъ хозяиномъ, который измѣнилъ (на общій примѣръ и благое поученіе) закоренѣлой обычай прадѣдовъ держаться людей и шнякъ до потопной конструкціи и вида. Если прибавить ко всему этому казенные винные подвалы, соляной и хлѣбной амбары, то село Кéреть можно рѣшительно назвать посадомъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какъ понимается посадъ или безъуздный городъ дальной Россіи.

Случай привелъ меня въ двухъ-этажный, зеленый съ мезониномъ, домъ туземнаго богача и далъ мнѣ возможность видѣть, какую роскошью (относительно) обставляютъ себя эти богачи-монополисты. Нѣсколько чистыхъ, свѣтлыхъ комнатъ съ крашенными полами глядятъ празднично; шпалеры, оклеивающія стѣны, не дурнаго рисунка, хотя и поразительной пестроты и яркости. По вѣшному виду комнатъ, можно заключить, что хозяинъ — купецъ и придерживается старины, если принять во вниманіе, что всѣ иконы съ позолоченными ризами стариннаго письма, что подъ кіотою на тѣлѣ стоитъ ручная курильница, святая вода въ бутылкѣ, псалтырь стариннаго изданія (во Львовѣ) и ни одной просфоры ни тутъ, ни въ кіотѣ; не видать и прошлогодней вербы, не видать и первокрестнаго яйца пасхальнаго. Комнатныя двери — росписныя; на столахъ клеенки; по стѣнамъ лучшаго изданія портреты царской фамиліи; четверо часовъ, изъ которыхъ одни, съ кукушкой, старинные, и другіе густаго звона и послѣдняго рисунка, выпианные изъ Петербурга; много швафовъ со стеклами, завѣшанными ситцевыми занавѣсками, набитыхъ до верху фаянсовой и фарфоровой норвежской посудой; много зеркалъ, также вѣроятю, вывезенныхъ изъ Норвегіи; старинные диваны и стулья — жесткіе, съ высокими спинками. Между печью и ближней стѣной, за ситцевой занавѣской, чистый, свѣтлый, мѣдной рукомойникъ надъ тазомъ и бѣлое, какъ свѣгъ, полотенцо. Вотъ все, что бросилось мнѣ въ глаза и пріятно радовало всеми своими подробностями, всею чистотою и своеобразиемъ. Видно было, что живетъ здѣсь купецъ и купецъ богатый. Наконецъ явился ко мнѣ и самъ онъ, съ лукавой, умной усмѣшкой, съ

ласковымъ словомъ и привѣтомъ, въ синей сибиркѣ и смазанныхъ, ужасно скрипучихъ сапогахъ. На огромномъ, полновѣсномъ серебряномъ подносѣ принесла намъ изъ за притворенной хозяйской комнаты чай съ *лимономъ*, сливками, архангельскими баранками, при поясныхъ, низкихъ поклонахъ, сама хозяйка въ бѣломъ ситцевомъ съ цвѣточками платьѣ — безобразно-толстая баба, расплывшаяся какъ опара, какъ грибъ-дождевикъ. Началось питье чая до седьмого пота; тотчасъ же за чаемъ явилось угощеніе пирогами, всѣми сортами соленой бѣломорской рыбы; тутъ же—откуда ни взялись — явились и кедровые орѣшки, и вяземскіе пряники, и изюмъ, и еще что-то. Все это надо было ѣсть, чтобы не обидѣть отгазами хозяевъ и чтобы, наконецъ, себя самого избавить отъ поясныхъ поклоновъ и докучныхъ просьбъ: того отвѣдать, этого хотъ — пригубить, къ этому *призорецъ* оказать; все это—говоря короче—напоминало мнѣ здѣсь нашу матушку Волгу и ея хлѣбосольныхъ жителей. Наконецъ, также по обыкновенію, послѣ обѣда, хозяйинъ утопилъ меня въ высокихъ, мягкихъ пуховикахъ и вышелъ на дыпочкахъ внизъ, гдѣ на то время, какъ помнится, замолчалъ, вѣроятно, по его же приказу, и ткацкой станокъ, и какое-то строганье и пиленье. Утомленному долгимъ путемъ и мученіями морскихъ переѣздовъ, отдыхъ, естественно, кажется раемъ больше, чѣмъ когда либо въ другихъ случаяхъ жизни; тутъ едва ли какой, даже самый громкій стукъ и крикъ способенъ нарушить сонъ, всегда крѣпкій и пріятный. На карбасѣ успеешь подремать часъ или два, много три; но либо плескъ волны, либо настойчивая тяга свѣжаго надводнаго воздуха, либо порывистый духъ вѣтра обольютъ мурашками все тѣло и, разбудивши, приведутъ тотчасъ въ то же состояніе, въ какомъ находится крайне-бодрствующій человекъ.

По пробужденіи моемъ, явились кофе и чай, и опять хозяйинъ съ словоохотливыми, подробными рассказами о посѣщеніи недавняго непріятеля.

— Приходили, приходили и къ намъ! говорилъ онъ мнѣ. Высадились на берегъ: мужичковъ встрѣтили — ничего не съели имъ: мы, говорятъ, пришли не по васъ и вашего-де намъ ничего не надо, быть-де и стрѣлять васъ не станемъ. Заходили въ церковь — ничего тамъ не взяли; гуляли по горамъ — ромъ свой пили; другихъ совсѣмъ пьяныхъ такъ и тащили на

баркасъ. Спрашивали затѣмъ: что-де у васъ казеннаго? А вотъ — говорятъ — соленой, винной да хлѣбной амбары. Жги, говорятъ, винной! — и огня подложили. Мужички наши въ слезы: пощади-де! Нѣтъ, говорятъ, поздно: горить ужъ! Хотѣли жечь и другіе амбары. Наши просили соли: вотъ - де рыбушка къ осени пойдетъ — солить будетъ нечѣмъ, съ голоду померемъ. Дали четверть часа сроку — носи-де, что успѣешь; просили хлѣба: хватай - де и его сколько можешь, а мы - дескать остальное сожжемъ; да упросилъ переводчикъ толковой человѣкъ, на нашу рѣчь такой бойкой, понятливой и словно бы знакомой, архангельской. Разспрашивали про шкуну, да спрятана была верстахъ въ 20-ти, въ губѣ, и мужички — спасибо имъ? — не сказали гдѣ. Ну ладно! говорятъ, теперь мы искать твою хорошую шкуну не станемъ: нужно-де послѣшить получить на Сосновца (островъ) почту, а получимъ ее, да назадъ придемъ — смотрите! — худо будетъ. Съ тѣмъ и ушли, и опять-таки слово свое сдержали — вернулись; спустили баркасъ на наше селенье, да увидѣли, что наши керечана по горѣ съ ружьями побѣжали къ нимъ на устрѣту — драла дали и — не ворочались ужъ, а пошли на Кѡвду. Тамъ тоже высадили другаго переводчика съ матросами; бродили по деревнѣ много, подчивали кѡйдянь ромомъ, возили на пароходъ — показывали. Наши - то распоясались — попросили пропустить ихъ на Мурманъ за треской, мимо Сосновца. Пожалуй, говорятъ, мы и дадимъ знать своимъ-то аглечкимъ, такъ вишь-де тамъ французъ еще есть, а этотъ негодяй, того и гляди, всѣхъ васъ перерѣжетъ, не только-что все поотнимаетъ. Тѣмъ и рѣшили. Спрашивали опять казеннаго строенья — не сказали затѣмъ, что другой переводчикъ раньше надоумилъ, и доброй такой человѣкъ и на рускую рѣчь такой тоже легкой. Когда на берегъ вышолъ, сказывали, и шапочку снялъ, и кланялся, и дружкомъ — пріятелемъ назывался. Наши православные хотѣли было и переловить ихъ и перестрѣлять, коли Господь поможетъ, да надумались такимъ дѣломъ, что бѣлый - де царь никогда самъ не начинается, а и они не палили, и ничего не сожгли. Взяли только колонолъ и тамъ что и у насъ же, промѣръ въ рѣгѣ сдѣлали — съ тѣмъ и уѣхали. Послѣ приходили на трехъ барказахъ, да увидѣли, что и тамъ мужики съ пищальми побѣжали, перетрусилась, поныли назадъ. Одно суденко у нихъ съѣло въ сумоухъ-то этой на

мель, такъ, сказывали, всё они такъ и присѣли на днище, словно передъ страшнымъ судомъ грѣшники. Говорятъ, все были старой да малой, кто кривой, кто храмой — всякой сбродъ. А известно ужъ, убогаго человѣка какая храбрость? Приходили они, сказывали,, затѣмъ — къ Кандалахшѣ, да не успѣли слышь, и на берегъ выдти. Калгане приняли ихъ съ перваго слова на пицаль: переводчика того, что въ Ковдѣ выходилъ, убили. Разсердился аглечкой: сталъ изъ пушекъ палить и выжегъ всю деревню, что и Пушлахту же на Онежскомъ берегу, али бо и городъ Когу. Стало, съ ними не заводи ссоры: они не обидчики и съ тобой они, что съ другомъ своимъ. Вотъ хоть бы взять кемскихъ молодцовъ. Тѣхъ взяли въ плѣнъ да выпустить захотѣли — такъ «нѣтъ вишь! (наши - то) такъ не сойдемъ, а дайте намъ на дорогу хлѣба, ружей, карбасъ—намъ -де далеко, съ голоду помереть можемъ, да пушай-де насъ на жилой берегъ, а не на луду, а то-де мы и съ судна вашего не сойдемъ». Такъ и рѣшилъ аглечкой дать имъ хлѣба (ружей не дали, однако). Нашли гдѣ-то карбасъ — посадили (шибко же, знать, надѣли ребята). «Ступайте, говорятъ, дружки, ступайте ради Христа и Господа, вы-де у насъ только харчей много трагили, а пользы отъ васъ большой не видали; въ нашу-де землю мы другихъ вашихъ отправили, а васъ-де не надо намъ!» А трусливъ же супостатъ нашъ былъ, трусливъ шибко: спроси не меня, спроси ты объ этомъ у всѣхъ поморовъ, у котораго хочешь, всё тебѣ одно скажутъ. Народъ на вражьихъ корабляхъ—самой негодящій былъ, самой такой убогой, что и выгладаннаго яйца не стоитъ—вотъ тебѣ Господь Богъ въ томъ порука! а мнѣ на старости лѣтъ о спасеніи души, а не о лжи какой грѣховной думать. Слышь: кабы смѣти у нашихъ мужиковъ больше было—всего бы непріятеля живемъ половили—ей Богу!...

Обращаюсь опять къ селенію. Пустынное лѣтомъ, оно значительно посѣщается зимой, когда изъ дальнихъ погостовъ лопари и корелы являются сюда во множествѣ, чтобы почтить память св. Варлаамія, мощи котораго почиваютъ подъ спудомъ въ керетской церкви. Онъ былъ, какъ известно, кольскій священникъ; убилъ свою жену и съ трупомъ ея поплылъ изъ родины океаномъ. У Св. Носа закиалъ онъ какихъ-то вредныхъ морскихъ червей, которые протачивали суда, ходившія мимо,

и остановился выше Керети, въ лѣсу на озерѣ. Часто приходившія сюда ягодицы, съ мірскими пѣснями, заставили его уйти дальше въ глубь корельскихъ болотъ, вереть за 20: тамъ онъ и умеръ. Тѣло его принесено въ Кереть неизвѣстнымъ чело-вѣкомъ и то мѣсто, гдѣ оно было погребено, означено (и до нынѣ сохранившимся) деревяннымъ крестомъ, близъ алтаря. Св. Варлаамію молится здѣшной и дальней поморской народъ о попутной погодѣ и объ удаленіи всѣхъ опасностей морскаго пути.

Новыхъ и столько же мучительныхъ семьдесятъ верстъ легко между Керетью и Ковдою; первыя версты какъ будто и порадовали; мѣста начались довольно красивыя: ѣдешь словно озеромъ тихимъ и чистымъ, кругомъ всю губу обступили высокія горы, съ густымъ хвойнымъ лѣсомъ, съ зеленой травой; все это картинно опрокинулось въ водѣ и все это представляло тотъ превосходный видъ, который такъ любятъ всѣ богачи цѣлаго свѣта, имѣющіе загородные сады и замки. Одна скала, изъ цѣлаго десятка другихъ сосѣднихъ, отвѣсно, словно стѣна, смотритъ въ море со своимъ рѣденымъ, какъ бы нарочно вырубленнымъ лѣсомъ, осѣняющимъ ея малушку. Невозмутимая тишина дополняла обаяніе и уносила куда-то далеко, заставляя забыть всю скудость видѣнныхъ уже побережьевъ; и забылись бы они, можетъ-быть, также легко, какъ легко натомили душу при постоянномъ, продолжительномъ преслѣдованіи на всемъ пути, еслибы въ тоже время карбасъ нашъ опять не выплылъ въ открытое море. А здѣсь — тѣже отчаянные виды, которые, на этотъ разъ показали еще бѣднѣе и однообразнѣе: море по прежнему ширилось, по прежнему выглядывалъ, далеко вдавшійся въ него, дальней наволокъ, можетъ-быть, съ промышленной избушкой на ираю, можетъ-быть, безъ нея, по прежнему выплывали и уходили назадъ луды; на одной, можетъ быть, также поселился, ради морошки и вороницы, медвѣдь, который изъ лѣсной гущи также, вѣроятно, подчасъ выходитъ поглазѣть на воду и, при видѣ карбаса и людей, также лѣзетъ въ гору, въ лѣсины. Услышавши крикъ, поползетъ онъ въ гору шибче и, обшибая лапами спопутные, мѣшающіе бѣгству его сучья, пуститъ стонъ и трескъ, которые звонко отдадутся эхомъ по гладкой поверхности моря; также, можетъ быть, и этотъ медвѣдь переплываетъ черезъ салму на берегъ, гдѣ давитъ коровъ и

олений, какъ заклятой, исконной ихъ врагъ, какъ ненасытная отъ вѣка лакомка. На половинѣ пути попала на одной изъ лудъ, на южной сторонѣ, почтовая избенка—станціонный домъ, или, лучше, баня, гдѣ кое какъ, словно летучія мыши, гвѣздились бабы-ямщики и староста-кормщикъ. Къ избушкѣ идетъ пристанишка, дощатая, съ погнившими приступками. Говорятъ, и людей этихъ медвѣдь не прочь обидѣть; говорятъ, что попавшійся, медленно идущій и опереженный нами карбасъ была почта, шедшая въ Колу, что человекъ, растянувшійся на днѣ судна, былъ почтальонъ; говорятъ, что почта отъ Архангельска до Колы ходитъ лѣтомъ мѣсяцъ цѣлой въ одинъ конецъ и три-четыре мѣсяца весною и осенью во время распутицъ; говорятъ, что намъ осталось еще до Кювды тридцать верстъ, и что если завязывавшійся попутникъ съумѣетъ надуть паруса, то мы часа черезъ четыре поспѣемъ на мѣсто; въ противномъ-де случаѣ пройдемъ еще часовъ десять; говорили и еще многое въ этомъ родѣ... Но я уже не слыхалъ ничего больше: тихая погода, при полномъ солнечномъ свѣтѣ и тепломъ южномъ вѣтрѣ, склонила меня ко сну. Долго ли я спалъ — не помню; просыпаюсь въ то время, когда солнце уже закатилось; наступилъ мракъ столько же и ночной, сколько и происходившій оттого, что все небо задернуто было черной тучей. Паруса были обронены, шли греблей; по морю ходилъ взводень, бросавшій въ нашъ карбасъ крупныя, сильныя волны. Всегда неугомонный и сильный полуночникъ (NO) замѣтно усиливался, страшно было въ этомъ полумракѣ, среди открытаго моря, правой берегъ котораго совсѣмъ пропадалъ отъ нашихъ глазъ вдалекѣ; на встрѣчу выплывала и стояла, словно тѣнь въ туманной картинѣ, встрѣчная луда, вся затянута туманомъ. Многихъ трудовъ и усилій стоило гребцамъ, чтобы подтянуть къ ней карбасъ и увидѣть передъ собою высокой, лѣсистый островъ и за нимъ маленькую губу, по которой ходили мелкія волны, слегка рябившія поверхность воды. Губа эта оказалась удобнымъ становищемъ для насъ, тѣмъ болѣе, что и гребцы устали, и вѣтеръ крѣпчалъ ежеминутно съ новой силой, лишая насъ всякой возможности плыть дальше.

— Кажись, и о трехъ бы я головахъ былъ — не повезъ бы тебя, ваше благородье, дальше! — говорилъ мнѣ кормщикъ.

— Пылко стало въ морѣ, несовѣтимо пылко! Хорошо еще,

что благополучно вынесъ насъ Господи да Варлаамій Керетской — поддакивали ему гребцы-дѣвки.

— Здѣсь намъ переждать придется, пока уляжется погодушка эта: безъ того нельзя; за тебя, вѣдь, мнѣ передъ начальствомъ отвѣчать придется; на то я и кормщикъ, а ты — казенной человѣкъ!

На доводы эти я поневолѣ долженъ былъ согласиться, и полѣзъ вслѣдъ за гребцами по щельямъ и крупнымъ, подчасъ скользкимъ, подчасъ словно обточеннымъ, гранитнымъ камнямъ, представлявшимъ на цѣлые десятки саженъ рѣшительное подобіе петербургской дворцовой набережной. Надъ нашими головами висѣлъ сосновой лѣсъ густой и пустынной; передъ глазами нашими вздувалось и отшибало крутыми волнами, словно море, взбороненное поле.

— Гляди же, пыль какая, словно береста вода то; горить, да и все тутъ! — не упустилъ и на этотъ разъ замѣтить кормщикъ, не отстававшій отъ меня во все время, когда я поднимался на гору.

— Мы, ваше благородье, соснемъ-пойдемъ, а тѣмъ часомъ погодушка-то, можетъ, и сдать и пустить. Право-такъ!—продолжалъ онъ вкрадчиво-льстивымъ голосомъ.

— Ну, вотъ и благодарствуемъ; вотъ съ этакимъ-то начальствомъ мы не прочь хоть все лѣто ѣздить; это по христіански! — заключилъ онъ же, смѣнивъ просительный тонъ голоса на повелительный, когда получилъ мое согласіе и, махнувъ рукою и головой взбиравшимся на крутизну гребцамъ, весело полѣзъ влѣво. Я потащился за нимъ; шли долго; лѣсъ рѣдѣлъ, открылась площадка и опять море; на площадкѣ избушка разволочная, повидимому, недавно выстроенная, но уже недоступно грязная, какъ и всѣ другія. Въ ней тоже битыя стекла, блестяція радужными отливами, тоже одно заткнуто тряпкой и тоже грудка камней, съ углубленіемъ въ серединѣ, замѣняющая печь: тоже — вары, солоница съ солью, буракъ (по здѣшнему туезъ) съ соленой треской; рыболовная сѣть не рваная, ведро съ водой, ломаный топорикъ; однимъ словомъ, все то, что, по исконному обычаю, любятъ оставлять въ своихъ избахъ промышленники на случай посѣщенія ея спасшимися отъ бури и незапасливыми путниками. Отъ нечего дѣлать, и тѣмъ болѣе, что сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ, я пошелъ

бродить по острову, между деревьями котораго (противъ всякаго ожиданія) нашолъ кусты малины, чернику, бруснику, тоже несмѣтное множество морошки, но на этотъ разъ еще ни то, ни другое не поспѣло. Между деревьями, подчасъ высокими, подчасъ значительно толстыми, попадались ель, сосна, береза коренговатая, сучковатая, приземистая, однимъ словомъ — та, которая въ столярныхъ подъялкахъ извѣстна подъ именемъ корельской. Далеко въ серединѣ лѣсной чащи и, можетъ быть, самаго острова нашолъ я площадку, которая видимо нарочно была очищена для какой-либо цѣли: гнилыя бревна, полузарытыя ямы говорили, что здѣсь было когда-то жилье, но чье? Островъ оказался *Великимъ*, на которомъ, какъ сказывали мнѣ впоследствии, жили старушонки-раскольницы, скитомъ, еще недавно прогнанныя отсюда земскою полиціей. Точно такая же пустынь, *Ивановка*, лежитъ въ десяти верстахъ отъ Керети, на пути къ Гридину, и третья — Мягрига близъ Кеми. Но объ нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Семень Денисовъ (одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ раскола въ сѣверномъ краю, начитанный, обладавшій удивительною стойкостію характера и неутомимостію) въ своемъ сочиненіи «О запорѣ и о взятіи Соловецкаго монастыря», объ островѣ *Великомъ* говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Серапіонъ дьяконъ и Логинъ слуга многа лѣта безмолвнымъ житіемъ во отоцѣ моретѣмъ Господеви работавше. Сіа бяху житиліе Киновіи Соловетстѣй и, во время гонительнаго смятенія (при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, 1676 года), отлучившеся обители, пріѣхавши на островъ, глаголемой *Великой*, иже близъ Ковденскія волости, и ту пребыша блаженніи время не мало, ангельскимъ живуще житіемъ, яко тридесять лѣтъ Господеви работавше, ни единаго же человекъ видѣвше и еже узнавше чуднѣйши, яко звѣробійцомъ и звѣроловцѣмъ и прочимъ человекомъ на островъ той, потребъ ради, присно пріѣзжающимъ. Блаженніи же боготрудницы ниже вѣдоми, ниже познавшеся кимъ бываху. Въ толикая убо лѣта откуда пищу, откуда одежду тѣлеси, отъ кихъ житницъ, отъ кихъ сокровищъ пріобрѣтаху: отъ человекъ сіе утаися, яко выше естества и постиженія. Егда благоволи Богъ въ послѣдніа роды мужи совершенны явити, рыболовцы волости оныя, ловящіе во островѣ, изшедше въ пустыню, обрѣтоша келіи и въ келіи обрѣтоша живуща великаго

отца Павла, прочимъ же ко Господу отшедшимъ. Съ нимъ же бесѣдовавшие довольно вся о немъ и спостника его увѣдавшие и пищи у него вкусивше и благословеніе приѣмше — отъидоша и пріѣхавше въ волость возвѣстиша боголюбцѣмъ, иже еликимъ желаніемъ раченія толико тщаніемъ потрудишася. Потребнымъ ладіицу наполнивше, на островѣ пріѣхавше и много время искавше хождуху, но ничто же обрѣтоша, ниже келію, ниже самаго отца и не токмо тогда, но и послѣжде многожды ходяще, ищуще. По глѣтѣ же единомъ видѣша кѣпци отъ жителей на островѣ ономъ столпъ огнемъ отъ земли и до небеси сіяющъ и разумѣша, яко пустынный отецъ ко Господу отъиде, по видѣніи столпа онаго представленіе прознаменовашу».

Сквозь хитросплетенныя слова этого сказанія можно видѣть причину появленія на этомъ острову впослѣдствіи особеннаго скита отшельницъ, послѣ которыхъ на моихъ глазахъ видѣлись только скудные, ничтожные остатки, которые, можетъ быть, уже и смыло теперь дождемъ, также точно, какъ говорятъ, не осталось уже и слѣда огромнаго скита на огромномъ Тѣпозерѣ (въ глуши корельскихъ болотъ). Скитъ этотъ, по числу старобрядцовъ и по огромному количеству приношеній, присланныхъ изъ Москвы, съ Урала и изъ другихъ мѣстъ, грозилъ превратиться въ огромной и богатой монастырь, который, какъ говорили, могъ бы сдѣлаться даже соперникомъ Соловецкаго. Скитъ этотъ уничтоженъ въ концѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Между тѣмъ, далеко уже на утрѣ, когда провозатые мои выспались и я самъ досыта нагулялся по острову, вѣтеръ началъ спадать, взводень какъ будто осѣдался и не пугалъ уже своими прежними страшными волнами. Мы, не желая терять времени, успѣшили направиться въ Ковдѣ, до которой оставалось не больше десяти верстъ. Хотя волны качали насъ какъ въ люлькѣ и часто обсыпали брызгами, хотя самыя весла гребцовъ часто срывались съ волны и не успѣвали захватывать ее вруче и глубже, мы, однако, успѣли-таки наконецъ дождаться и той поры, когда смокнулъ вѣтеръ и взводень постепенно укладывался и улегся уже вѣроятно весь, когда мы повернули въ устье рѣки Ковды. Здѣсь до восьми маленькихъ карбасовъ качались на волнахъ, держась противъ теченія на греблѣ.

— Что это такое?

— Да, вишь, погода какая повадная стояла...

— Ну такъ что же изъ этого?

— Такъ тресочку мелкую ловятъ на уду...

— На носу-то сидитъ удельщица, бросаетъ уду, уда безъ поплавка... на крючкѣ наживка насажена изъ сельдей; къ лесѣ (веревочкѣ)—свинцовой, али бо желѣзной крюжикъ привязанъ. Схватить треска наживку: леса завершить о бортъ — рыба твоя, тащи въ карбасъ, снимай съ крючка. Этакъ-то только здѣсь: на Мурманѣ это дѣло большимъ обрядомъ идетъ.

Я обернулся назадъ; прямо вдали моря отгѣнялись синія, высокія горы въ сѣверную сторону отъ нашего карбаса.

— Это Киберинскія вѣраки, и все, что дальше черной полосой пойдетъ — Терской берегъ; до него считаемъ верстѣ 30 Кандалухой, да островами верстѣ восемь.

На одной изъ этихъ вѣракъ свѣтлѣетъ на солнцѣ что-то, какъ будто бѣлая церковь, монастырь.

— А это что такое, бѣлое?

— Снѣгъ. Тамъ онъ во все лѣто не таетъ. Горы эти—самыя высокія; выше ихъ есть слышь—только на Канинѣ. Снѣгъ у насъ вѣчной.

А между-тѣмъ, середина іюля, и такой день, когда тепла градусовъ 16, солнце свѣтитъ во всей его силѣ и небо необыкновенно чисто: свѣтлое такое, бирюзовое!...

Огибаемъ колѣно рѣки; село выглядываетъ однимъ краемъ изъбъ; рѣка, по обыкновенію всѣхъ поморскихъ рѣкъ, шумитъ порогами, которые распатала недавняя непогода и не угомонило еще наступившее затишье; но шумитъ она сильнѣе и едвали не порожиствѣ всѣхъ видѣнныхъ мною рѣкъ.

— Если бы была теперь куйпога (последній часъ отлива)—намъ бы и не выстать, быстрина чтѣ съ горы, чтѣ водопадъ въ Кандалакшѣ — объясняетъ кормицѣ.

И потомъ опять:

— Весной рѣка шумитъ такъ, что уши гложутъ; съ привычки даже—и то крѣпко надождно. Вѣрь Богу!

По берегамъ рѣки, болѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, видно карбасовъ и обмеленныхъ лодей и шнякъ, а еще того болѣе развѣшано по берегу рыболовныхъ снастей....

— Отчего?

— Въ эти губы много сельдей заходитъ. Вонъ теперь сѣно косятъ—страда идетъ, послѣ Покрова нерпу бьютъ.... сѣрки въ пудъ попадаютъ; а со Спасова дня до Покрова только и дѣла, что сельдь упромышляютъ: вонъ посмотри—ужѣ пойдешь по деревнѣ—что увидишь?

Увидѣлъ я почти у cadaго дома и чуть не цѣлыя полѣнницы небольшихъ бочонковъ, плохо сплоченныхъ изъ весьма тоненькихъ досокъ продолговатой формы. Это — сельдянки, которыя извѣстны едва ли не всей Россіи; здѣсь ихъ, говорятъ, почти исключительное мѣсто приготовленія и здѣшнія сельдянки все-таки плотнѣе и дольше живутъ, чѣмъ, напримѣръ сорѣцкія, гридинскія и другія. Всякій домохозяинъ приготовляетъ эти бочонки; приготовляетъ ихъ и мой хозяинъ, квартира котораго, какъ живая, теперь передъ моими глазами, съ ея шахматнымъ крашенымъ поломъ, съ голубкомъ, сдѣланнымъ изъ лучинокъ на Мурманѣ и привѣшеннымъ къ потолку, со множествомъ картинъ, содержаніе которыхъ бѣльшую частію составляютъ эпизоды недавней войны и бѣльшая часть которыхъ развѣшана даже въ сѣняхъ. Помнится между ними видъ города Ярославля, рисованный 1731 года и напечатанный иждивеніемъ тамошнихъ обитателей и изображеніе «птицы дивной, которой еще никто не видалъ». «Она—какъ гласитъ подпись внизу—влетѣла въ Парижъ къ градоначальнику и представлена къ королю; на головѣ корона, носъ корпусомъ индѣйскаго пѣтуха, голосъ павлиной, выговоръ турецкой, пѣніе ея весьма пріятно и всѣхъ плѣняетъ по примѣру инструмента; ѣсть мясо и всякую снѣдь, что человекъ употребляетъ. На спинѣ имѣла гробницу и въ оной три человѣческія кости: когда запѣваетъ, то всѣхъ къ страженію пріуготовляетъ. Думаютъ такъ, что послана по Божію повелѣнію». И эти картины завезены сюда, всюду шатающимися вязниковцами, осенями—ходебщиками. Также точно, какъ и въ Керети, и здѣсь встрѣчаютъ меня тѣ же угощенія густымъ какъ пиво, дешевымъ вантонскимъ чаемъ, съ тѣми же глубокими поклонами и тѣми же ласковымъ привѣтомъ. Помнится, подали къ чаю сливокъ; помнится, какими-то непріятно-соленымъ вкусомъ отдавали эти сливки, потомъ и молоко, и у моего хозяина, также какъ у священника и сельскаго головы—корела. Помнится, что на спросъ мой о причинѣ подобнаго явленія отвѣчали мнѣ всѣ положи-

тельно, въ одинъ голосъ, что, по незначительному количеству наскабливаемаго горбушами сѣна между гранитными камнями лудъ и побережьевъ, они принуждены были приучить скотъ къ рыбѣ. Для этой цѣли они обыкновенно берутъ рыбы головы, которыя лѣтомъ сушатъ на солнцѣ, разбрасывая ихъ по крышамъ домовъ своихъ. Вяленныя такимъ путемъ головки эти и кое-какъ разбитыя въ порошокъ, не только вѣдяне, но и всѣ поморы Корельскаго и Терскаго береговъ, зимою, передъ пойломъ скота, парятъ въ горшкахъ. Образовавшеюся оттого гущею они обливаютъ скудные клочки сѣна, нацарапаннаго лѣтомъ по сюзѣмкамъ и островамъ. Прирученный скотъ вѣтъ—говорятъ—эту дрянъ охотно, хотя по зимамъ и даетъ молоко; отдающее запахомъ сельдей, едва выносимымъ даже для привычныхъ людей. Лѣтомъ свѣжая трава даетъ еще нѣкоторую возможность пользоваться молокомъ лучшаго вида и вкуса, хотя въ тоже время и соленымъ. Обиліе приходящихъ сельдей даетъ для того легчайшій способъ.

Также много приходитъ этихъ сельдей и въ губу Княжую, на берегу которой раскинута послѣдняя деревушка Корельскаго берега—Княжая; также много попадаетъ ихъ въ селѣ Кандалакшѣ, расположенномъ при вершинѣ Кандалакскаго залива (Кандалухи—по туземному выговору). Кандалакша, какъ извѣстно, выжжена англичанами; къ сѣверу отъ нея, по направленію къ озеру Имандрѣ, идетъ цѣлешодный трактъ на Колу, мимо лопарскихъ вѣжъ и погостовъ. Къ Ю. В. потянулся отъ Кандалакши, къ селенію Пърьегубъ, высокой Терской берегъ, которой изъ деревни Княжой видѣнъ уже значительно яснѣе и со многими подробностями: высокими вараками, обсыпанными на южныхъ отклинахъ мелкимъ лѣсомъ, мрачно-чернѣющими щельями и опять-таки сверкающимъ на вершинахъ вѣчно-не тающимъ снѣгомъ.

Деревня Княжая или Княжегубская выстроилась также при устьѣ рѣчонки, берега которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты лугами и болотами, а по горнымъ склонамъ — сосновымъ, березовымъ и еловымъ лѣсомъ. Жители ея замѣтно бѣднѣе обитателей Керети и Ковды; рѣдко ходятъ за треской на Мурманъ, ограничиваясь ловлею сельдей въ своей губѣ и незначительнаго количества мелкой трески для домашняго потребленія, и даже не имѣютъ собственныхъ лодей. Впрочемъ, богат-

ство жителей могло бы быть и значительнѣе, какъ въ Княжой, такъ и во всѣхъ другихъ селеняхъ бѣломорскаго побережья, если бы всѣ промыслы не находились въ рукахъ богачей-монополистовъ, съ которыми судьба знакомила меня почему-то прежде всѣхъ остальныхъ жителей селеній. Работая изъ-за хлѣба на квасъ и не столько для себя, сколько на своего патрона-хозяина, поморскій работникъ ограничивается только насущнымъ, хотя и не печалится, не плачется вслухъ на свое бездолье. Онъ даже примирился съ своею участью до подобострастія, до глупочайшаго, безпрекословнаго повиновенія къ лицу покровительствующему, дающему ему тяжолыя, невыгодныя работы. Сколько можно замѣтить, при первомъ же легкомъ и даже поверхностномъ взглядѣ, и здѣсь, какъ и вездѣ на свѣтѣ, по непреложному закону людской природы, богачамъ-монополистамъ отъ бѣдняковъ—страдальцовъ почоть и первой низкой поклонъ. Мнѣ случалось, останавливаясь у мѣстнаго богача, призывать изъ властей сельскихъ кого нибудь для спросовъ о томъ напримѣръ, нѣтъ ли въ правленіи старинныхъ (по ихному—*досельнымъ*) бумагъ, или для порученія снарядить гребцовъ и обрядить карбасъ для дальнѣйшаго пути. Приходившая власть кланялась богачу и спрашивала не меня, а богача: «что угодно?»—хотя хорошо знала, что требованіе шло отъ меня, отъ прѣзжаго человѣка въ очкахъ.

Я предлагалъ вопросъ или высказывалъ свое желаніе.

Собираясь отвѣчать прямо, пришедшая сельская власть смотрѣла, послѣ вопроса моего, пристально на богача, смотрѣла тѣмъ рабочино-покорнымъ и робкимъ взглядомъ, который какъ будто спрашивалъ:

— Что повелишь отвѣчать? не прорваться бы, не прогнѣвить твою милость: съ тобой намъ вѣкъ жить, вѣкъ дѣло вести, вѣкъ отъ тебя заказы и работы получать; а налетовъ-то экихъ много вѣдять, на всякаго угодить не поспѣешь. Да и для чего?

Отвѣты на мои вопросы составлялись уже потомъ обоюдными силами, послѣ многихъ переминаній, заиканій. Богачъ приказывалъ дѣлать по моему, исполнить мое желаніе, вѣроятно, въ то же время заставляя себя, и непременно противъ собственной воли, уважать мою особу, по-крайней-мѣрѣ, на это время. Получившій приказъ богача бѣжалъ затѣмъ, обычно-

венно сломя голову, и немедленно приводилъ въ исполненіе, какъ умѣлъ, все, что мнѣ хотѣлось получить и безъ такихъ докучныхъ, досадныхъ приготовленій, оговорокъ, замедленій. Богачъ все-таки поступалъ въ этомъ случаѣ какъ начальникъ, хотя въ тоже время не былъ ни головой, ни старшиной, а на бездѣйствіи и подножномъ корму, приготовленномъ и взрошонномъ потомъ того же бѣдняка, отпаивалъ и отпускалъ ниже колѣнъ свое чуженное брюхо.

Крайнее селеніе Кандаляжской губы — самое сѣверное село на берегу Бѣлаго моря—Кандалякша, имѣло до прихода англо-французской эскадры двѣ деревянныхъ церкви, изъ которыхъ одна стояла на возвышенномъ западномъ плечѣ рѣки Нивы, другая, бывший Коковъ монастырь, на восточной ея сторонѣ, при устьѣ; до 60 домовъ и до 140 жителей. Англичане превратили село это въ груды пепла; но, можетъ быть, теперь уже оно выстроилось вновь и попрежнему, тѣмъ болѣе, что русскій человѣкъ плохой космополитъ и трудно разстается съ роднымъ пепелищемъ, и потому еще, что въ рѣку Ниву, богатую большими порогами, изъ которыхъ одинъ даже глядитъ рѣшительнымъ и притомъ чрезвычайно картиннымъ водопадомъ—въ рѣку Ниву любитъ заходить семга. Для нея прежде и существовалъ заборъ, одинъ изъ самыхъ большихъ въ Бѣломорьѣ, который, по всему вѣроятію, построенъ и на нынѣшнее лѣто. Но... спѣшимъ обратиться снова къ Корельскому берегу, или лучше, къ тому инородческому племени, которое дало свое имя этому безпривѣтному, скучному, длинному и бѣдному берегу Бѣлаго моря.

Еще въ деревнѣ Пѣньгамѣ можно встрѣтить въ говорѣ нѣкоторыхъ мужиковъ ломанья русскія слова, произносимыя съ оригинальными, неправильными удареніями, въ родѣ цыганскаго, и съ перестановкою буквъ: однако, у городи, Кростосъ, свой лошадь и проч. Моя болтливая хозяйка въ этой деревушкѣ, обзаведшаяся собственнымъ домомъ, созналась (почему-то, впрочемъ, не охотно), что она корелка, жила на Тѣповерѣ, въ скитахъ, гдѣ родила сына на мху (когда мохъ *вздимала*—щипала); что она этого сына учила грамотѣ; что учитель нанялся къ ней съ тѣмъ, чтобы она за науку кормила бы его втеченіи всѣхъ лѣтъ ученья, и что за это выучилъ онъ ея сы-

на старопечатной псалтыри и часовнику. Прицокывая уже по поморски, она въ тоже время въ слѣдующемъ разсказѣ также безтолково коверкала на свой корельскій ладъ всѣ русскія слова, но говорила бойко и рѣчисто о томъ, что она умѣетъ руду (кровь) заговаривать божественными и мірскими заговорами, но что не употребляетъ божественныхъ оттого, что это грѣхъ, и что эти заговоры пускаютъ только старовѣры аввакумовскаго, а не даниловскаго толка, и проч. Другой корелякъ, попавшійся мнѣ гдѣ-то между гребцами и поразившій меня сосредоточенною молчаливостію, бѣлыми волосами, поразительнымъ сходствомъ съ петербургскими чухонцами, и про котораго другой гребецъ, русской, выразился такъ, что-де «у него наша рѣчь круто же живетъ», съ трудомъ и отрывочными фразами могъ объяснить, что онъ родомъ съ Елеть-озера, что промышленяютъ они тамъ рыбу и тѣмъ питаются, но что про Тѣлозеро и Пяозеро онъ ничего не слышалъ. Въ Керети помнятся мнѣ еще пять кореловъ съ рыжими, почти красными, бородами. Эти корелы, обвязавши голову, шею и часть лица трипидой отъ комаровъ, несли грузные мѣшки (пудовъ до шести) съ хлѣбомъ, выданнымъ имъ изъ запасныхъ казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Сильно изогнувшись подъ тяжестью ноши, корелы эти, уполномоченные отъ цѣлаго своего селенія, сносили эти мѣшки изъ села Керети верстъ за 15 къ лодкѣ, которая ожидалась ихъ на дальномъ озерѣ. Сваливши мѣшки, они немедленно являлись за новыми и поразили меня своей безустанностью.

— Когда же вы отдыхаете? спросилъ я одного изъ нихъ; къ счастью, онъ зналъ по русски (семеро другихъ не говорили ни слова).

— А вотъ идемъ назадъ безъ груза: на ходьбѣ и отдыхаемъ! наивно отвѣчалъ мнѣ умѣвшій говорить по русски.

— Нужной народъ, самой бѣдной: одолѣла ихъ бѣдность пуще всѣхъ; подошли хуже нашего!—добавилъ за него проходившій мимо керечанинъ и слышавшій мой вопросъ.

— Вотъ — продолжалъ онъ: — хлѣбъ они этотъ не станутъ ѣсть по нашему, потому имъ не выгодно: не хватить, съ голоду помереть. На это у нихъ свой законъ, на это они свой хлѣбъ выдумали. На это у нихъ, вмѣсто нашихъ пироговъ да сгибней, *рѣшка* есть. Слушай, что они дѣлаютъ: весной съ молодой сосны обдираютъ они кожурину, подъ кожуринной обрѣ-

зываютъ заболонь—мягкая она такая, жирная на этотъ разъ. Заболонь эту они на солнышкѣ сушатъ, затѣмъ въ печи, затѣмъ въ иготи толкутъ, али бо между жерновами растирають, и выходитъ изъ нея словно бы мука—пыль такая. Этой пыли берутъ они три части, да одну часть муки оржаной, мѣшаютъ вмѣстѣ—тѣсто дѣлають, изъ тѣста лепешки крутятъ—вотъ и рѣшка, горькая—прегорькая, разсыпчатая, что песокъ; городской собакѣ дай—рыло отворотить; съ голоду, кажись, брюхо лопни: ѣсть не станешь ее. Мы и не ѣдимъ. Сѣютъ они тамъ у себя, въ землѣ своей, ячмень и рожь—слышь когда, да больно плохо родится (у насъ такъ вонъ и совсѣмъ, вишь, нѣтъ этого заведенія). Бѣднота народъ, а плутъ, потому отъ нихъ все колдовство идетъ, всякую они тяготу съ Корелы своей на наше Поморье пушаютъ: вотъ зачѣмъ они плохой народъ и зачѣмъ надъ нимъ трясутся всѣ эти напасти. Спроси не меня!

Дѣйствительно, повѣрье о напускѣ скорбей съ *Корелы* во всемъ Поморьѣ общезвѣстно и имѣетъ даже давнишнее историческое значеніе. Давно уже, и по русскимъ лѣтописямъ, чудское племя, къ которому безспорно принадлежатъ и корелы, славилось волхвами, колдунами и чародѣями, которые сжигаемы были и въ Новгородѣ, призываемы были и къ умиравшему Грозному царю, и живали при дворѣ царя Бориса. Даже и въ настоящее время корелы наивно, простосердечно, съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою въ истину передачи, завѣщаютъ при смерти вѣдомые имъ наговоры, заговоры и чарованья довѣреннымъ лицамъ, болѣею частью, конечно, роднымъ своимъ. Съ другой стороны, существованію въ настоящее время подобнаго страннаго повѣрья много способствуетъ вѣра и самихъ поморовъ, которые всѣ свои болѣзни морскія приписываютъ исключительно порчѣ не столько злаго духа, сколько злобѣ какого-нибудь лихаго человѣка изъ Корелы. Съ *вѣтру* (говоря выраженіемъ поморовъ) приключается имъ и кдлотье во всемъ тѣлѣ, особенно въ составахъ, извѣстное у нихъ подъ именемъ *стрѣлья* и *стрѣльз*; тому же напуску съ *вѣтру* приписываютъ они и всѣ разнородныя проявленія скорбута и другія болѣзни, и простосердечно увѣрены, что только корель, сдѣлавшій это или просто изъ личнаго удовольствія, отъ нечего дѣлать, или даже изъ мести, можетъ выгнать эту болѣзнь, при посредствѣ

заклинаній на вѣтра и на четыре стороны, въ видѣ ли сажи, песку, мелко изрѣзанныхъ волосъ, щетины морскаго звѣря и проч., смотря по произволу колдуна. Также точно охотно зоветъ поморъ колдуна — корела (или, лучше, самаго плутова-таго изъ этого вообще неразвитаго, добраго племени) на свадьбу для отпуски, на погребенье покойника, скоропостижно умершаго, или иногда и просто погибшаго на промыслѣ. Корелы, въ этомъ случаѣ, по грустному факту въ жизни русскаго человѣка, замѣняютъ для поморовъ ту роль, которую поддерживаютъ еще до сихъ поръ плуты—цыгане въ дальнихъ отъ Архангельской губерніяхъ Россіи.

Вотъ все недоброе корельскаго племени, или, лучше, небольшо-шаго числа ихъ (только однихъ *избранныхъ, умьляхъ*); остальные кореляки, особенно дальніе, живущіе въ глуши болотъ, дальше отъ морскаго берега, по общему мнѣнію поморовъ, отличаются замѣчательнымъ простосердечіемъ, гостепрѣимствомъ, хлѣбосољствомъ. Воображеніе поморовъ, напуганное далью и безвѣстностью корельскихъ болотъ, или, лучше всего, злые языки придумали повѣрье такого рода, что будто бы для кореляковъ ничего нѣтъ проще и обыкновеннѣе выраженія: «положить въ озеро», несмотря на то, что выраженіе это отзывается самымъ нечеловѣчнымъ, самымъ варварскимъ смысломъ. Вы-раженіе «положить въ озеро», по смыслу своему, равносильно для кореляка съ самымъ исполненіемъ, съ самымъ дѣйствіемъ, которое состоитъ въ томъ, что всякій корель долженъ зарѣзать и бросить въ озеро всякаго помора, довѣрившаго свою жизнь гостепрѣимству и знакомству этого своего ближняго сосѣда. Что было первою побудительною причиною къ сочиненію такой не-лѣпости — рѣшить не беремся, зная изъ положительныхъ фак-товъ и наблюденій, что торгующіе поморы живыми и необво-рванными возвращались изъ дальнихъ корельскихъ деревень, что кореляки, выселившіеся на берега моря въ русскія деревни и немедленно (года въ три) обрусѣвшіе, являются такими же честными, трудолюбивыми, предприимчивыми работниками, ка-кими являются на глаза всякаго наблюдателя тѣже поморы. Хозяева подкуровъ, у которыхъ почасту живутъ кореляки по найму, не нахвалятся ихъ трудолюбіемъ, безпрекословнымъ, почти безсловеснымъ повиновеніемъ, издавна заведеннымъ обы-чаямъ и порядкамъ въ морскомъ дѣлѣ.

Рѣдки, правда, переселенія кореловъ въ русскія приморскія деревни, не особенно часты также и наймы ихъ въ пѣруты на Мурманъ или за морскимъ звѣремъ; корелы болѣею частію любятъ жить въ своихъ деревняхъ и этою жизнію домашнею сѣумѣли обусловить для поморовъ необходимость въ ихъ работахъ, особенно въ приготовленіи ружей, пищалей, винтовокъ. Это — давнишнее, привилегированное, можно сказать, занятіе кореловъ: всѣ винтовки, которыми бьютъ поморы крупнаго морскаго звѣря, всѣ пищали, изъ которыхъ стрѣляютъ они мелкаго морскаго звѣря, всѣ ружья, которыми добываютъ они же лѣснаго звѣря и птицу, выходятъ изъ корельскихъ кузницъ и отсюда расходятся по всей Архангельской губерніи, въ самыя отдаленныя мѣста ея, каковы напримѣръ Мезенской и Печорской края. Столько же и прадѣдовской, вѣковой обычай, сколько и богатство корельскихъ болотъ желѣзными рудами и другими металлами *), указали корелямъ на это ремесло, какъ на выгодной способъ добыванія средствъ къ существованію. Не имѣя правильно организованныхъ заводовъ, кореляки на домашнихъ кузницахъ обрабатываютъ добытую руду и тутъ же готовятъ: и пищали, и винтовки, и ножи, и горбуши (родъ серпа, замѣняющаго въ здѣшнихъ мѣстахъ косы), и топоры; однимъ словомъ, всѣ желѣзныя вещи, необходимыя для домашняго обихода поморовъ. Естественно, что все это выходитъ изъ рукъ кореловъ грубой, доморощенной работы; винтовки, напримѣръ, непремѣнно требуютъ отъ покупателя домашней выправки, очистки; онѣ вывѣряются уже самими поморами дома и притомъ требуютъ приравки при прицѣлахъ: иное беретъ вѣзго, рѣдкое прямо и большая часть отдаетъ иногда шибко въ грудь, валить съ ногъ. Со всѣми этими неизбѣжными неудобствами, въ свою очередь, умѣли мастерски примириться поморы и, по свойству русской природы и по дав-

---

*) Около села Надвѣицы добывалось когда-то золото; на каждые сто пудовъ получалось пять золотниковъ чистаго металла. Рудники эти теперь оставлены, какъ говорятъ, за недостаткомъ рукъ, за отдаленностью края, сопряженною со многими житейскими лишеніями; а главнѣе, какъ думаютъ, за недостаткомъ капиталовъ. Во многихъ мѣстахъ Кореліи выламывалась также слюда, которая и была въ свое время употребляема для военныхъ судовъ, строившихся въ Архангельскѣ.

ному навыку въ дѣлѣ, все таки и изъ корельскихъ ружей бьютъ лисицу и бѣлку въ мордочку; отъ пули ихъ улетаетъ рѣдная птица. Поморскіе стрѣлки и съ корельскими ружьями—едва ли не лучшіе въ цѣлой Россіи. Испортится винтовка, дробовка, сдѣлаются онѣ окончателно негодными къ употребленію, начнутъ бить въ рѣзсыпь, поморы не задумаются поѣхать за новыми снарядами и опять-таки къ тѣмъ же корелямъ, въ деревни Масельгу и Юшкозеро, гдѣ живутъ, по крайнему убѣжденію покупщиковъ-охотниковъ, лучшіе ружейные мастера.

Большое и едва ли не главное подспорье для поморскаго народа доставляетъ корельское племя въ другомъ промыслѣ своемъ, тоже давнишномъ, унаслѣдованномъ отъ финновъ; именно, въ умѣннн прочно и красиво строить морскія суда: лодьи, ранышины, боты, и понимать чертежи быстро и безошибочно. Въ этомъ отношеніи замѣчательна деревня Подужемье, расположенная въ 15 верстахъ отъ города Кеми.

Но объ этомъ подробно предполагаю говорить въ другомъ мѣстѣ. Теперь же — для того, чтобы покончить съ корелями, которые, во всякомъ случаѣ, не такой народъ, который пользуется отъ моря и живетъ для моря—спѣшу прибавить еще то немаловажное обстоятельство, что между кореляками (также, какъ между другимъ инородческимъ племенемъ губерніи — зырянами) начала развиваться въ послѣднее время страсть къ коммерціи въ разныхъ ея видахъ, но пока еще въ незначительномъ объемѣ. Ижемцы ведутъ уже огромную торговлю пушными товарами и замшей, кореляки все еще ходятъ съ коробками, набитыми всякаго рода мелочью, по лопарскимъ вѣжамъ и гейматамъ Финляндіи, ограничиваясь незначительнымъ сбытомъ и незначительнымъ барышомъ, на который попрежнему они закупаютъ новый товаръ на шунгской ярмаркѣ (въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи) и опять носятъ съ нимъ, Богъ-вѣсть, какъ далеко отъ своей деревни, Богъ-вѣсть—въ какую погоду и при какихъ лишеніяхъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ нѣкоторый поводъ заключить, что корельское племя ждетъ лучшая судьба, чѣмъ та, которую несетъ уже самоѣдское племя и повнесло, напримѣръ, вогульское, оставшееся, послѣ населенія при Грозномъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, теперь только въ 15—20 семьяхъ, бродящихъ по разнымъ угламъ восточныхъ губерній Россіи. Къ

тому же корелы скоро и легко выучиваются по русски, удобно, не насилувано свыкаются съ русскими обычаями, любятъ даже русскую пѣсню; но, главное, любятъ жить осѣдло, не въ лопарскихъ вѣжахъ или самоѣдскихъ чумахъ, а въ просторныхъ, теплыхъ и, по возможности, чистыхъ избахъ. Къ тому же почти всѣ корелы давно уже христіане.

VII.

КОЛА.

Луть въ этотъ городъ отъ Кандалакши. — Исторія города. — Двукратное бомбардированіе его англичанами. — Подробности послѣдняго дѣла англичанъ въ прошлую компанію. — Кольскій Воскресенскій соборъ и преданіе объ его строителѣ. — Разказы колянъ объ ихъ жизни и занятіяхъ. — Разказы объ лопаряхъ съ точки зрѣнія на этотъ народъ сосѣднихъ русскихъ.

Кола, уѣздный городъ Архангельской губерніи, имѣетъ 811 душъ мужескаго пола, 1,053 ж. п.; домовъ каменныхъ 1, деревянныхъ 312; ярмарки не бываетъ; при училищѣ учащихся 2, учащихся 39 человекъ.

(Описаніе Архангельской губерніи Пушкирева).

Двѣ тысячи сто тридцать семь верстѣ отдѣлили Колу отъ Петербурга; тысяча сто верстѣ легли между Петербургомъ и Архангельскомъ. Такъ говорятъ почтовые карты и календари, и также добросовѣстно, честно 1,000 разѣ торчатъ до Архангельска на каждой верстѣ пестрые казенные верстовые столбы, также на каждыхъ двадцати пяти верстахъ предлагаются къ услугамъ каждаго странника (по казенной ли онъ, по частной ли надобности ѣдетъ) утѣле, наскоро-шитые станціонные домики съ жалобной книгой, съ смотрителемъ изъ почталъоновъ, съ ямщиками, оказавшимися въ крестьянскомъ быту ни къ чему неспособными. Тянутся по сторонамъ березовыя аллеи тамъ, гдѣ дорога бѣжитъ по пахатымъ полямъ, и пропадаютъ эти аллеи тамъ, гдѣ сама природа потрудилася обильно разставить

ихъ въ лѣсной кущѣ. Выбѣжить на усладу и утѣшеніе скучающаго путника и разбросается передъ его утомленными, наблѣвшими однообразіемъ видовъ глазами какая-нибудь сѣренькая, гнѣущая, выкрытая соломой и закоптѣвшая деревенька, или бѣдный уѣздный городокъ съ люднымъ, крикливымъ базаромъ, съ тихою, безмятежною, езерцательною семейною жизнію. Говорливой или безгранично-молчаливой ямщикъ споетъ длинную, тоскливую, *развалистую* пѣсню, расскажетъ веселую сказку и повезетъ пошибче обыкновеннаго, если обезпечится возможностью получить лишнюю семитку на водву. Однимъ словомъ, и на этомъ пути точно тоже, что и вездѣ, на всѣхъ другихъ путяхъ великой Россіи. Разница небольшая: меньше разнообразія видовъ, больше лѣсовъ и болотъ, меньше селеній, больше пустырей — да и только. Промелькнутъ безпривѣтно шесть уѣздныхъ городковъ: ближній Шлиссельбургъ, съ своими шляхами, съ своею крѣпостью, какая-то желтая и потому скучная Новая-Ладога, съ каналомъ петровскаго прорытія; тоскливое Лодейное-Поле; значительно-каменная, богатая купеческими капиталами Вытегра; заставленный множествомъ церквей большой Каргополь, пустившій по себѣ славу своими рыжиками, груздями и прочею соленою снѣдью; наконецъ дальше Холмогоры, со сгнившими, развалившимися домами, съ крупными, рослыми коровами — одинъ изъ древнихъ городовъ Россіи, одинъ изъ самыхъ скучныхъ и бѣдныхъ между ними, родина гениальнаго рыбака. И вотъ (въ награду за недѣльное мученіе) Архангельскъ, безконечно длинный, чистенькій, нѣмецкій, съ треской и шанежками, съ обрусѣвшими нѣмцами и онѣмечившимися русскими, со всѣмъ своимъ своеобразнымъ характеромъ, городъ портовой и торговый.

Почти тысяча же верстъ остается отсюда до Колы — говорить календарь — и вдесятеро больше нужно времени для того, чтобы настойчиво-храбро одолѣть это пространство; во сто разъ требуется большее терпѣнье, чтобы перенести всѣ трудности и сопряженныя съ ними невзгоды пути — говорить личный опытъ теперъ, когда такъ весело наслаждаться плодами одержанной побѣды.

Слишкомъ двѣсти верстъ бесплодной тундры, мѣстами открытой мохомъ и забитой кочками, мѣстами болотистой и прорѣзанной или чистой, бойкой рѣчонкой, или свѣтлымъ, какъ

хрусталь, озеромъ — залегли между послѣднимъ сѣвернымъ селеніемъ на берегу Бѣлаго моря — Кандалакшею и самымъ дальнимъ, которое лежитъ уже на берегу Сѣвернаго океана — Колой.

И счастливъ путникъ, перенесшій мученія скучнаго, безконечно однообразнаго прибрежнаго плаванія по морю, когда крѣпко расходившійся вѣтеръ нерѣдко на нѣсколько сутокъ можетъ заставить съѣсть на голой лудѣ, гдѣ нѣтъ не только жилья, но даже воды прѣсной, гдѣ кругомъ море, кипящее бурей, какъ вода въ котлѣ. Счастливъ путникъ, когда, наконецъ, увидитъ онъ обгорѣлые (послѣ недавняго англійскаго разгрома) пни и кочки люднаго, *строптиваго* селенія Кандалакши, и вдвое несчастливъ тѣмъ, что путь ему лежитъ не назадъ, а впередъ. Узенькой тропинкой съ погнившими мостовинами потянулся почтовой трактъ въ Колу, поперекъ такъ называемаго Лапландскаго полуострова — этой исключительно земли мховъ и лишаяевъ, этой холодной Сахары. Мхи и лишай ведутъ здѣсь борьбу съ древесною растительностію и, распространяясь все далѣе и далѣе, истребляютъ мало по малу рощи, кустарники и даже небольшіе лѣса. На горизонтѣ какъ будто лѣсъ: онъ кажется густымъ, но приближайтесь еще, — деревья рѣдѣютъ на сухой лишайной почвѣ. Передніе ряды деревьевъ давно уже вымерли, и ихъ бѣлые сучковатые стволы стоятъ какъ мертвецы. За этими рядами поднимаются деревья, болѣе выпрямленные съ нѣсколькими клочками зелени на вѣтвяхъ; а наконецъ являются и совершенно прямыя: тамъ уже почти нѣтъ лишаяевъ. Это чисто лѣсная полоса. Въ самой серединѣ Лапландіи говорятъ есть такіе лѣса сплошными насажденіями, откуда береговые жители берутъ матеріалъ для построекъ. Такъ это у Бѣлаго моря: въ началѣ пути, за тѣмъ уже вездѣ, за этимъ скуднымъ лѣсомъ почва снова стелется мягкой постелью мховъ и лишаяевъ. По нимъ вѣтся почтовая дорога — узенькая тропинка съ мостками. Ѣхать по тропинкѣ этой даже верхомъ нѣтъ никакой возможности; *образъ тѣшаго хожденія на своихъ-ли двоихъ* — единственное средство добраться до вожделѣнной цѣли. Подчасъ съ шестомъ для сохраненія равновѣсія между двумя крайностями: болотною топью съ одной стороны и ямой съ водою съ другой, подчасъ на плечахъ привѣсившихся, присмотрѣвшихъ къ дѣлу проводниковъ — плетется путникъ, обрек-

шій себя на путешествіе въ Колу лѣтней порой. И болятъ колѣни, и ломитъ грудь и спину, и давитъ плечи, и проступаетъ невольная, всегда стыдливая слеза, и вылетаетъ изъ устъ справедливой ропоть и на судьбу и на себя самого. Тоскливо глядитъ все кругомъ и все окрестное заявляетъ себя заклятымъ на вѣки врагомъ утомленному страннику и физически и даже нравственно. Бредешь безсознательно, машинально ступая съ кочки на кочку, съ сучка на сучокъ, тяжело прыгаешь съ камня на камень, скользишь и пластомъ, съ непритворными слезами, валишься на придорожную, прохваченную насквозь водой и сыростью мшину. И радъ, какъ лучшему благу въ жизни, какъ лучшей наградѣ за трудной подвигъ и страданія, когда судьба приведетъ къ длинному, десяти-тридцати-пятидесяти-сто-верстному озеру, на которомъ колышется спасительной, дорогой, neodъненной карбасъ. Какъ въ люлькѣ баюкаетъ онъ и становится силы, но опять-таки для того, чтобы истощить ихъ на слѣдующихъ пняхъ, кочкахъ, болотинахъ, погнившихъ, обсучившихся, выбитыхъ мостовинахъ. Въ станціонныхъ избушкахъ не насидишь долго: дымъ, наполняющій ихъ отъ потолка до пола, вѣстъ глаза и захватываетъ дыханіе, сквозной вѣтеръ, свободно входящій въ щели сильно прогнившей и разптанной буйными вѣтрами избенки, гонитъ вонъ на свѣжій, крѣпко свѣжій воздухъ полярныхъ странъ, гдѣ затишье—рѣдкой и всегда дорогой гость. Пройдетъ недѣля и слишкомъ въ этой борьбѣ съ препятствіями, когда, наконецъ, глянетъ въ наболѣвшіе глаза рядъ шести-семи удѣльвшихъ домовъ и черные пни пресловутой Колы, выжонной англичанами 11 и 12-го іюля 1854 года, и въ настоящее время; въ комплектъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, оставшейся за штатомъ.

Около шестисотъ лѣтъ (со времени перваго лѣтописнаго свидѣтельства о существованіи имени Колы) жило безмятежно это бѣдное и самое дальное изъ селеній Великой Россіи. Населенная вначалѣ новгородскими выходцами и бѣглецами, увлеченными привольемъ моря и богатствомъ промысловъ, Кола только съ 1533 года заявлена въ лѣтописяхъ, какъ большое селеніе, имѣющее уже двѣ церкви — Благовѣщенья и Николы. Нелюдное въ началѣ, селеніе это съ 1550 года начало заселяться тѣми несчастными, которыхъ посылалъ сюда царскій

гяввъ и навѣты крамольныхъ бояръ. Алексѣй Михайловичъ (въ 1664 году) прислалъ сюда сто человекъ стрѣльцовъ для защиты слабого населенія отъ частыхъ нападеній шведовъ, которые давно уже враждебно смотрѣли на Колу, и разъ (въ 1590 году) дѣлали, хотя и не удачно, нападеніе. Петръ Великій, въ 1704 году, выстроилъ въ Колѣ крѣпость, прислалъ 53 пушки и оѣцпера, и считалъ Колу уѣздомъ Архангельской губерніи, управляемымъ воеводами, комисарами и управителями. Екатерина II, въ 1780 году, назвала Колу городомъ, вывезла уцѣлѣвшія орудія, разрушила крѣпость и, въ 1792 году, прислала сюда коменданта, который черезъ пять лѣтъ переименованъ въ городничіе.

Вотъ вся исторія города, которому только два раза на вѣку его привелось испытать невзгоды и бѣдствія въ истинномъ смыслѣ словъ этихъ, и оба раза отъ англичанъ. Первой разъ въ 1809 году, когда Россія объявила Англїи разрывъ, запретивъ ей кораблямъ приходить въ наши гавани. Въ Колѣ гавань эта существовала уже издавна; при Елизаветѣ ежегодно приходило уже сюда до семи иностранныхъ судовъ, за ворванью или оленьими шкурами; сѣверная компанія графа Шувалова усилила населеніе Колы почти вдвое. Городъ былъ значительно люденъ (хотя столѣтняя деревянная крѣпость и пришла въ ветхость) когда, наканунѣ Николина дня, съ ужасомъ услышали мирные коляне, что въ морской губѣ показались непріятельскіе корабли. До сихъ поръ ходятъ рассказы о томъ страхѣ, который обуялъ горожанъ, изъ которыхъ большая и лучшая часть ушла на вѣшну (для морскихъ промысловъ на Мурманскомъ берегу). До сихъ еще поръ рассказываютъ объ несчастномъ случаѣ, какъ одна мать, спѣша убѣжать вмѣстѣ съ сосѣдями за утесы ближайшой къ городу горы Салавараки, вмѣстѣ съ пожитками своими сунула въ мѣшокъ груднаго ребенка и такимъ образомъ задушила его. 9-го мая подошли къ городу два баркаса съ 35 матросами (страхъ былъ напрасенъ); люди сошли на берегъ, городничій встрѣтилъ ихъ въ воротахъ деревянной крѣпостцы и торжественно, церемоніально отдалъ имъ шпагу. Побѣдители разбили дверь хлѣбнаго магазина и вытаскали оттуда весь запасъ хлѣба, потомъ выкатили изъ винныхъ подваловъ бочки вина, нѣкоторыя взяли съ собой на баркасы, другія выпили или разлили по землѣ; наконецъ, обшарили пустые

дома и, зарубивши саблями двухъ коровъ, съ торжествомъ и народными пѣснями на другое утро уплыли въ океанъ. Если считать извѣстный всей Россіи подвигъ сѣвлаго кольскаго мѣщанина Герасимова за подвигъ геройскій, то онъ отмстилъ англичанамъ въ послѣдствіи за нападеніе на свой родной городъ тѣмъ, что захваченный въ плѣнъ, онъ непріятельскаго кормщика столкнулъ въ воду, а остальныхъ враговъ своихъ, спящихъ, накрылъ люкомъ и представилъ плѣнниками и живыми къ коменданту норвежской крѣпости Вардегуза (по мѣстному выговору Варгаева) *).

Естественно, не меньшимъ ужасомъ поражена была Кола при недавномъ, памятномъ намъ по реляціямъ, нападеніи на этотъ городъ англійскаго винтоваго корвета *Миранды*, съ двумя бомбическими двухпудоваго калибра пушками и четырнадцатю орудіями тридцати-шести-фунтоваго калибра. Собраны были чиновники и граждане Колы на совѣщаніе; еще далеко до появленія непріятеля, составленъ былъ актъ въ томъ, «что въ случаѣ нападенія на городъ Колу непріятельскаго войска (говоря словами подлинника), по малому количеству у насъ боевыхъ снарядовъ (2 пуда пороху, 6 пудовъ свинца), при незначительномъ числѣ нижнихъ воинскихъ чиновъ, усердствуемъ съ радушіемъ въ помощь инвалидной команды собрать изъ всякаго сословія милицію подъ командою г. городничаго Шипелова, какъ уже бывшаго въ 1812 и 1814 годахъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ противъ непріятеля, на каковой предметъ необходимо нужно собрать оружіе, и дабы милиціонеры не отлучались изъ города Колы, то выдавать имъ въ родѣ провіанта съѣстные припасы, и на покупку оныхъ, по согласію и силѣ возможности каждаго изъ насъ, нынѣ же сдѣлать пожертвованіе и въ случаѣ нападенія непріятеля на городъ Колу, то защищать и твердо стоять за православную вѣру, церковь святую, за всемилостивѣйшаго государя и отечество до послѣдней капли крови, не щадя живота своего, боясь крайне нарушить данную присягу и не помышлять о смерти, какъ доброму и неустрашимому воину надлежитъ». Слѣдуютъ подписи: одинъ жерт-

---

*) Императоръ Александръ I наградилъ Герасимова георгіевскимъ крестомъ, установленнымъ для нижнихъ воинскихъ чиновъ за храбрость.

зовалъ 15 руб. сер., два охотничьихъ ружья, два пистолета и 20 фунтовъ просольной трески; другой — 10 руб. съ оговоркою: «на службу отечества я готовъ посвятить личные мои услуги, не щадя живота до послѣдней капли крови и если нужно на защиту города Колы денежной сборъ, то по мѣрѣ возможности приношу на сей предметъ 10 руб. сер. и почту себя счастливейшимъ, если жертва моя будетъ благосклонно принята начальствомъ; третій жертвуетъ 2 р.; четвертый столько же; пятый 25 коп.; шестой 1 руб. 50 коп.; седьмой пишетъ такъ: «жизни своей жалѣть не буду для защиты отечества, но жертвы денежной, по бѣдному состоянію, принести не могу». Далѣе слѣдуютъ такія слова: «какъ сей послѣдній должно именуется мѣщаниномъ, ибо онъ только причисленъ и не можетъ быть, по закону, даже допускаемъ на мірскія сходы, какъ человѣкъ лишенный добраго имени, то за симъ никто не осмѣлится продолжать подписи по сему акту въ добровольномъ своемъ пожертвованіи, и засимъ, возобновивъ таковой для подписи желающихъ, покорнѣйше прошу не предлагать онаго тѣмъ лицамъ, кои не имѣютъ на то права». — Мнѣ извѣстно, писалъ начальникъ губерніи: — кольскіе жители народъ отважной и смышленной, а потому я надѣюсь, что и въ случаѣ недоставки по какимъ либо причинамъ орудій въ г. Колу, они не допустятъ въ свой городъ непріятеля, котораго съ крутыхъ береговъ и изъ-за кустовъ легко могутъ уничтожить мѣткими выстрѣлами; пусть сами жители подумаютъ хорошенько, какія къ нимъ могутъ придти суда, и какъ можно, чтобы они не справились съ пришедшими! Одна только трусость жителей и нераспорядительность городничаго можетъ принудить сдать городъ, чего никакъ не ожидаю отъ кольскихъ удалцовъ и ихъ градоначальнига. Да поможетъ вамъ Богъ нанести стыдъ тому, кто покусится на васъ напасть! Предписываю вамъ объявить о семъ жителямъ г. Колы.

Но — сила соломѣ ломить, говоритъ пословица: непріятель съ 2½ часовъ утра 11-го до 7 часовъ утра 12-го громилъ городъ бомбами, гранатами, калеными ядрами и пулями съ зажигательнымъ составомъ. Городъ не былъ взятъ и пытавшійся выдти на берегъ десантъ, при одномъ только видѣ свѣшившихъ къ нему на встрѣчу нашихъ солдатъ, удалился отъ берега и возвратился на фрегатъ. «Ожесточенный непріятель, въ

яростной злобѣ своей, долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что сжогъ большую часть города, а именно: двѣ церкви, колокольню, часовню, 92 обывательскихъ дома, деревянной острогъ и казенные магазины: хлѣбный, соляной и винный». При этомъ неизлишне замѣтить, что г. Кола, построенный безъ всякаго порядка, съ тѣсными, вымощенными деревомъ улицами, всегда, въ случаѣ пожара, подвергался большой опасности; при настоящемъ же случаѣ пожаръ былъ неизбеженъ. Между погорѣвшими церквями былъ и Воскресенскій соборъ, видъ котораго предложенъ былъ нами въ «Иллюстраціи» 1858 г., № 12-й.

Соборъ этотъ построенъ при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, въ 1684 году. Увѣнчанный восемнадцатю главами съ восьмиконечными крестами, соборъ этотъ имѣлъ три храма: главный средній храмъ освященъ былъ во имя Воскресенія Христова, правой придѣлъ св. Николая чудотворца, лѣвой св. великомученика Георгія. На восточной сторонѣ церкви, подъ кровлею, прибита была доска, на которой славянскими буквами написана исторія основанія этого храма. Служба совершалась въ немъ со дня великой субботы по день Успенія Пресвятой Богородицы; онъ не былъ согрѣваемъ печами и сохранилъ необыкновенную прочность, изумлявшую всѣхъ, втеченіе ста-семидесяти лѣтъ. 11-го августа 1854 года загорѣлся онъ вечеромъ, въ половинѣ осьмага, и горѣлъ ярко и скоро, какъ построенный изъ сосноваго лѣса.

— Вотъ сіо жалъ, да еще стараго пепелища жалъ, а то, что городъ? городу этому только званіе было. Кому надо, тотъ выселится, за это мы не боимся. Пущай на то и губа-то наша — привольная губа! — толкуютъ старики коляне (временно разселившіеся по ближнимъ поморскимъ селеніямъ береговъ Корельскаго и Терскаго).

— А все же вы охотиѣ бы вернулись въ Колу, чѣмъ теперь свыкаетесь съ чужими мѣстами и чужими обычаями?

— Да вѣдь это опять таки привычка, не иное что. Привыкся ты къ своей печкѣ, посвыкся съ ней, извѣстно, на чужой-то печи тебѣ какъ будто и зябло. А обычай наши кольскіе — тѣже обычай, что и терскіе, не далеко ушли. У промысловаго и поморскаго народа одна забота, и конецъ одинъ. Гляди ты на море да полюби его, да не жалѣй своей души многогрѣшной — хорошо будетъ! Море наше, гдѣ ни возьми,

вездѣ съ рыбой, вездѣ, стало быть, съ добычей. Разноты тутъ большой не видать: у насъ вонъ перемѣтами рыбку-то ловятъ, а здѣсь вишь, харвами. А присмотришься ко всему этому, такъ тоже самое и выйдетъ. Нѣтъ, вѣдь, нашъ народъ кольской издавна за толкомъ-то къ сосѣду не ходитъ. Не спуста и пословка такая идетъ, что «городъ-де нашъ Кола — кровъ, народъ — уда, что слово, то и зазубра». И это такъ, и на это обижаться — грѣхъ! Нашего брата закинутого, поморскаго человѣка домъ-отъ не держитъ: такъ и не привыкаешь къ нему. Мы домой-то ходимъ только отогрѣться, да праздники большіе, по завѣту отцовскому, христіанскимъ образомъ, честно править. Попьешь, пображничаешь съ ромомъ норвежскимъ недѣлю — другую, да и опять потеплѣй одѣваешься, опять въ море лѣзешь. Лѣтомъ кого ты въ Колѣ увидѣлъ? грудныхъ ребятокъ, да нянекъ-старухъ, и коровы не увидѣлъ бы (на весь городъ двѣ); лошадей опять тоже не держимъ, свинью городничій привормилъ (такъ и та, вишь, не наша), собакъ увидѣлъ бы, потому собака у насъ замѣсто лошади, на нихъ мы все возимъ; собака наша по этому самому дѣлу — совѣтъ другъ. Лѣтомъ, стало-быть, мы все на Мурманѣ треску, семгу, пѣтасину ловимъ до поздней осени, когда и къ берегамъ ледяные припай пристынутъ, и губы все въ сплошной ледъ закуетъ и въ морѣ заплаваетъ сало-снѣгъ, такой мокрой, что масло горюе. А показалась шуга — сало-то это въ мелкой ледъ застывать стало, мы къ дому бѣжимъ на зимній отдыхъ, и сидимъ мы дома святки, сидимъ маляницю, сидимъ святую недѣлю. Вотъ и все дуть, все наше ликование, вся радость и земная и небесная! На тѣ поры у насъ и пѣсня, и сказка, и ребята со звѣздой ходятъ и стихъ поютъ, и хухольники (ряжонные) бродятъ, и все такое. Тутъ мы живемъ во мракѣ: солнышко на то время, не токма себя, и сумерекъ-то не показываетъ. И, кажись, колибъ на ту пору не мѣсяцъ да не сполѣхи (сѣверныя сіянія), да снѣгъ нашъ бѣлой пре-бѣлой не пускалъ отъ себя сіяніе, яко подобаетъ ему—тъма бы кромѣшная стояла и глаза бы полопались. Болятъ же оян, правда, шибко ноютъ отъ ночниковъ отъ нашихъ со звѣримымъ саломъ, да за одну вѣсну опять свѣтлѣютъ; морскіе, надо-быть, вѣтры продувають, очищаютъ ихъ. И живемъ мы въ этой кромѣшной ночи до Евдокей до самыхъ (до первыхъ чиселъ мѣсяца марта). Тогда до-

рогой гостенекъ-солнышко сначала крайкомъ выглянетъ, тамъ запаздывать станетъ все дольше и больше, а тамъ онъ, батюшко, и совсѣмъ перестанетъ прятаться: такъ и стоитъ недѣль двѣнадцать съ лихвой надъ нашими надъ украинскими палестинами и надъ Колой нашей сердечной. Выйдетъ оно на полдень красивое такое, какъ и быть лѣтнее солнышко, а поидетъ на полуночь, такъ и смотри на него смѣло: не жмоть глазъ, не гонить слезы. Стоитъ оно себѣ красное такое, что уголь печной, и большимъ такимъ кажетъ словно ихъ десять тутъ въ одно сошлись, и свѣтъ отъ себя бросаетъ оно на ту пору такой приглядной, что и сказать не можно. Словно бы Господь-то Богъ на ту пору всю землю красивою такою фольгою одѣвалъ. Иной разъ вотъ этакъ-то вспомнишь, догадаешься, да и задумаешься: таково-то, молъ, хорошо все это, и-и — Господи! Всякое-то тебѣ въ ту ночь древо видно, и всякой-то листь на немъ тебѣ въ красотѣ своей показуется, и вдали-то что, все видишь и понимаешь, словно, молъ, не ночь эта, а таже-де благодать, что по крещоному дню наривается. Право, сказывать надо, духъ-отъ твой воскреснется и сердцемъ твоимъ елей бы, что ли... проходить! Боже, братецъ ты мой, все дѣло это!...

— Рядко, правда же, зрѣлицемъ-то любиешься, потому заниматься этимъ времени не хватаетъ — мы въ ту пору всё на промыслахъ: кипитъ у насъ на ту пору дѣло съ пылу горячее. Рыбы лѣзетъ много, успѣвай только снасти обирать. А знаешь ли какъ мы это дѣло правимъ?

— Знаю.

— А постой-ко я вотъ тебѣ стишокъ покажу; у насъ одинъ молодецъ изъ учоныхъ такихъ писалъ, тоже вашъ столичной. Больно хорошо въ немъ все наше дѣло описано, кажись, самъ-отъ такъ и не расскажешь складно. Очень похоже написано. Почитай-ко!

Вотъ эти курьозные стихи:

ВЕШНЫЙ И ПЕРВЫЙ МОЙ ВЫЕЗДЪ ВЪ МОРЕ.

Пустившись въ море отъ нужды
За рыбнымъ промысломъ снискаться,
Съ пріятной грезой мечты

Въ шнякѣ ¹⁾ подь парусомъ качаться,
Или ударомъ дружнымъ веслъ
Бродить пѣнистую волну,
Или на ярусѣ ²⁾ изъ козля,
На мачту вскинувъ парусъ бѣлый, сдаться сну.
Но вышло что же наконецъ?
Мечта пріятная исчезла
И, Боже милостей, Творецъ!
Вся каторга трудовъ приспѣла.
Одинъ гласить: гребѣ сильнѣе!
Другой кричить: гребѣ непорко!
Иной трещать, что будь живѣ,
Другой, орл, бранить позорно!...
То то подай, то то возьми,
То поскорѣй тряску трясѣ,
То живо фартукъ привяжи,
То пить скорѣе принеси.
И не лишонному-то чести
Сносить все это каково! ³⁾
Тутъ нѣтъ приличья свѣтской лести,
Ослушался — такъ и въ скуд...
А въ становищѣ ⁴⁾, Боже мой!
Тюки носи, дрова коли,
Воды носи и рыбу рой ⁵⁾,
Потомъ, какъ конь, ее свези
За полверсты въ колыно снѣгу,
Потомъ развѣсь на палтухъ ⁶⁾ въ сушку
И, наконецъ, бросая нѣгу,
Вари обвѣдъ, уху голушку,
И чѣмъ немного бѣ отдохнуть,
Само-собой, по христіански,
Кричатъ: ступай еще трякнуть ⁷⁾
Хотя одну или двѣ тряски...
Опять въ шняку всѣ потащились,
Опять все тоже началось,

---

¹⁾ Поморское судно.

²⁾ Ярусъ—рыболовная снасть для ловли трески и палтасины.

³⁾ Авторъ былъ изъ ссыльныхъ.

⁴⁾ Удобная, закрытая отъ вѣтровъ океанскія губы, по берегамъ которыхъ промышленники становятся стѣнами въ избужкахъ.

⁵⁾ Ройть, свѣжить рыбу—чистить и приготавливать къ посуду.

⁶⁾ Жерди на бѣлухъ—козляхъ.

⁷⁾ Тряску трясѣ—осмотрѣть ярусъ и снять съ него зацѣпившуюся на крючьяхъ рыбу.

Опять приказы разразились
И эхо брани разнеслось.
Ну вот! — и кончилась развѣздка!
Другое дѣло принялось:
Пришла продѣжная разческа
И мѣна рыбы началась.
Вездѣ вокругъ раньшинь и людей
Шняки съ трескою прицѣпились;
Вездѣ множество людей
На бортахъ, палубахъ разсѣлись.
Иной беретъ для чая — чашку,
Другой холстины, сѣтку, чаю;
Иному нужно рыбку латку,
Другому что-нибудь къ случаю.
И сторговались наконецъ.
Пошли ребята чередомъ
Потомъ, о Боже, мой Творецъ!
Въ шнякахъ пошло все къ верху дномъ:
Упившись рому, всѣ кричать,
Тотъ пляшетъ, тотъ дерется,
Какъ пчелы въ ульяхъ жужжать,
Кто горько плачетъ, кто смѣется —
И каждый день все тожь и тоже,
И этакъ мѣсяца ужъ три,
А, можетъ, даже и побольше,
Текли страданія мои...
И изнуренный, изнемогшій,
Съ мозолями на всѣхъ перстахъ,
Брадой огромною обросшій,
И съ болью сильною въ плечахъ,
Опять прѣхалъ въ Колу я,
Опять въ бездѣйственной дремотѣ
Жизнь сирая пошла моя —
Или во снѣ, или въ тягостной зѣвотѣ.

Къ стихамъ этимъ, допотопнаго строенія, надо прибавить, въ объясненіе ихъ, то весьма важное обстоятельство, что дѣйствительно въ средніе лѣта являются изъ Норвегіи хозяева-поморы съ товарами, но главное — съ воньякомъ и ромомъ. Въ это время достаточно поломавшіеся въ началѣ лѣта промышленники творятъ беспросыпной, двухъ-трехъ-недѣльной загулъ, и тогда же запродаютъ себя въ пьяномъ видѣ смѣтливимъ богачамъ своимъ монополистамъ и на будущее лѣто.

— Въ Колѣ намъ по лѣтамъ дѣлать нечего (разсказывали

потомъ всегда словоохотливые коляве) — солнышко тамъ хотъ и глядитъ во всё глаза, да не грѣтъ. Ничего у насъ не растетъ, ничего и не съѣмъ. Капусту вонъ бабы и садятъ, да и капуста у насъ не православная: вытянетъ ее всю въ листъ да вдоль, а кочнемъ не вьетъ, не загибаетъ — рубимъ ее, солимъ, да съ молитвой во щахъ и хлебаемъ: ничего, въ пере-межку съ рыбушкой-то — живетъ! Вотъ вся тутъ и овощъ наша. И потому у насъ нѣтъ этихъ растений самыхъ, что вдругъ тебѣ ни съ того, ни съ сего падаетъ вѣтеръ сѣверной и надѣвай теплую шубу, хотъ по утру и въ рубахѣ по городу ходилъ. За то нарождается у насъ морошка знатная, ей и въ Питерѣ не брезгаютъ, крупная такая, что грецкой орѣхъ. Заливаемъ мы ее въ анкерахъ спиртомъ, али бо то ромомъ; она такъ и идетъ въ Шунгу на ярмарку, и не киснетъ и хвалятъ всё морошку кольскую. Ягодой этой, въ иной годъ, вся тундра усыпана, что снѣгомъ; другая такъ и погниваетъ. Да это опять таки что? — все это бабье дѣло! По допарскимъ-то вонъ угодымъ горностаи бѣгаетъ, выдра въ морѣ идетъ, росомаха роетъ норы, такъ опять-таки и то не наше угодые и не слѣдъ намъ допаря обижать. Допарь, извѣстно, неумной человекъ; ему Господь такого разума не далъ, хотъ бы вотъ нашему брату. Допаря обидѣтъ легко, потому онъ добръ; придешь къ нему въ вѣжу — всѣмъ подчуетъ: вчерашной рыбы не подаетъ, а живую тащить, сегодняшнюю. А и выпьетъ — драться не дѣзаетъ: не то, что нашъ поморъ; а ты его поцалуй, ты его самъ зазови въ гости, ты съ нимъ крестомъ помѣняйся, крестовымъ братомъ назови. Такъ онъ за тебя тогда душу свою заложитъ и выкупать не станетъ. Вотъ они каковы человекъ есть — добрый народъ. Теперь вонъ сказываютъ, что озорничать стали, убиваютъ-де котораго безсилнаго, да я не вѣрю же этому: безъ вѣсти, въ морѣ человекъ погибаетъ — на допаря ваятъ, кровью-то его человекъчю пятнаютъ, а онъ доброй, хлѣбосольной народъ. Это передъ тобой, какъ передъ Богомъ! Старики вонъ наши рассказываютъ, что за то, что они въ Бога нашего вѣрютъ, разъ (давно ужъ это, годовъ съ 80 назадъ) принесло морскимъ вѣтромъ въ губу нашу пять китовъ, да въ подосянокъ. Океанъ-отъ нахлесталъ къ губѣ торосевъ (льдинъ) бродячихъ, да и заморозилъ губу-то самую — такъ слышь, сердечные-то и остались. Лду-то и не смогли проломать. Сбѣжались

лопари, да и изрубилъ топорами сало то ихъ, чуть ли, сказывають, не на три тысячи рублей деньгами. Словно горы, слышь, ледяные-то бугры стояли надъ звѣрями: намъ-де страшно было, а храбрые лопари, небось, не испужались. На моей памяти зашолъ этакъ вить-отъ по прибылой водѣ (за рыбой, знать, за мелкой погнался) да и замѣшался. Вода-то его не подождала— пошла на убыль: онъ и съѣлъ на мели. Насъ, что было — всѣ высыпали, да на него съ топорами, съ ножами, со скребками, кто съ чѣмъ успѣлъ, и малые, и старые, и бабій полъ. Рубили мы его часовъ пять и много вырубили. И сколь силенъ звѣрь этотъ! такъ вонъ, сказываю тебѣ: какъ почувалъ прибылую-то воду—покачнулъ насъ, чуть не свалилъ, пошевелился значить; да не смогъ, знать, уйти, такъ и дорубили до смерти. Изъ одного языка 80 пудовъ чистаго сала вытопили, вынули нутро, такъ мужикъ самой большой вставалъ, топоромъ не достягалъ до ребръ; а ребра, что бревна, позвонки, что наковальни, али стулъ высокой. Вотъ какой лютой звѣрь этотъ! Рѣдко же, надо тебѣ сказывать, бываетъ это, потому и лѣземъ дальше отъ дому, хоть и мило тамъ, и очень больно пріятно съ хозяйками. И теперь родины-то нашей, Колы-то, жаль: надо говорить правду. Очень жаль! Пуще того жаль собора нашего; такой онъ былъ приглядной, хорошей, такимъ благодѣиємъ сіялъ, особенно вонъ съ горы Саловараки—все отдай да мало. Очень его жаль!

— Ну, да ладно, стану я сказывать теперь тебѣ про мастера, что строилъ соборъ-отъ нашъ: мастеръ этотъ былъ не изъ нашихъ, построилъ онъ много церквей по поморью; затѣмъ и нашу. И вотъ въ Нюхчѣ увидишь похожую, въ Кѣлешѣ; только разъ въ пять поменьше тѣ будутъ. Церкви онъ строилъ почесть-что задаромъ; говорилъ: меня-де только безъ денегъ домой не пущайте, а я-де Богу работаю, мзды большой не при- емлю. Такъ построилъ онъ въ Шунгѣ церковь; позвали къ намъ въ Колу; согласился, пришолъ и къ намъ, и у насъ работалъ, и у насъ соорудилъ церковь: вывелъ ее, значить, до главъ. Довелъ до главъ и идетъ къ старостѣ:

— Я, говорить,—главы буду выводить два мѣсяца, когда весь вашъ народъ, говорить, съ промысловъ домой придетъ, тогда-де и кресты поставимъ.

— Да не долго-ли, святой человекъ, говорить староста-то:— чай и скорый можно?

— Нѣтъ, говорить, — скорый нельзя.

— Ну-де, какъ знаешь!

— Я, говорить,—не съ тѣмъ сказалъ и пришолъ къ тебѣ. Ты, говорить, надо мной не лмайся, потому какъ я мастеръ и для Бога работаю, а не для вашихъ бородъ. У меня-де и своя таковая-то есть.

Подивился тутъ староста, подивился, ни съ чего-де человекъ въ сердце вошолъ, а онъ и сказываетъ:

— Ты, говорить, — на всю ту пору мнѣ по кубку вина утромъ, въ полдень и вечеромъ клади: безъ того-де и работать не стану.

Староста сталъ торговаться съ нимъ: на двухъ кубкахъ порѣшили, да чтобы поутру не пить. Такъ онъ тупалъ, да тупалъ и главы ступалъ, и народъ съ промысловъ сталъ собираться. Опять пришолъ мастеръ къ старостѣ, опять сказываетъ:

— Не надо, говорить:—мнѣ вина твоего, а черезъ недѣлю повѣсти народъ, чтобы собрался—средній крестъ ставить стану, такъ чтобы при всѣхъ это дѣло было. Я, говорить, такъ и батюшекъ-поповъ повѣстить.

— Ладно, сказываютъ,—будетъ по твоему.

Осталось три дня, церковь готова и крестъ у церкви приклоненъ стоитъ: бери, значить, поднимай, его да и ставь.

— Не пора ли-де? спрашиваютъ.

— Нѣтъ (говорить) — сказалъ въ воскресенье — такъ и будетъ.

Глядятъ: сидитъ мастеръ на горѣ противъ собора, плачетъ, утромъ сидитъ, въ полдень сидитъ, вечеромъ сидитъ: и все плачетъ... Обѣдать зовутъ—ругается, спать зовутъ—пинается, а самъ все на соборъ-отъ на свой смотритъ и все плачетъ. Сидитъ онъ этакъ-то и на другой день и другую ночь, и плачетъ ужъ—всхлипываетъ. Ребятинки собрались, смѣются надъ нимъ—не трогаютъ, не гоняетъ. Въ субботу только къ вечеру сходилъ и опять сѣлъ на гору и просидѣлъ всю ночь. Въ воскресенье послѣ обѣдни только вина попросилъ, да хлѣба съ солью на закуску. Народъ собрался весь, и старъ и малъ; допарислышь навхали изъ самыхъ дальнихъ погостовъ. Всѣ его ждутъ. Приходитъ хмурой такой, нерадостной и хотъ бы-тѣ, слышь,

капля слезинки. Ждутъ, что будетъ. Молебень отпѣли, староста съ шапкой мастера обошелъ народъ: накидали денегъ много въ его, мастерову значить, пользу, по обычаямъ. Полѣзъ онъ съ крестомъ на веревкѣ, уладилъ его, повозился тамъ, сталъ у подножя-то — кланяется. Народъ ухнулъ, закричалъ ему: «Богъ тебѣ въ помощь, Божья—моль надъ тобой милость святая!» Все, какъ быть надо. Сталъ слѣзать—народъ замолчалъ, слѣзъ—ждетъ народъ, что будетъ, не расходится.

— Къ вамъ, говоритъ, — православные! слово и дѣло. Пойдемъ говорить, вмѣстѣ на рѣку на Тулому вашу. Тамъ, говоритъ, я съ вами толковать буду.

Народъ испугался на первыхъ-то на поразъ, да видятъ лицо его кроткое такое, свѣтлое: повѣрили, пошли — смотрятъ. Подошелъ онъ къ крутому берегу, вытащилъ изъ-за пояса изъ за своего топоръ: размахнулся, бросилъ его въ воду и выкрикнулъ:

— Не было такого мастера на свѣтѣ, нѣтъ и не будетъ!..

Сказалъ слова эти, бросился въ толпу; побѣжали за нимъ, кто догадался; на квартиру пришелъ. Цѣлой день не ѣлъ, все ревелъ, благимъ матомъ ревелъ, да потомъ оправился и денежки взялъ и въ свое мѣсто ушелъ.

И съ той поры (сказываютъ старики) сколько ни было ему зазывовъ, поклоновъ низкихъ, просьбъ почестныхъ, нигуда не пошелъ, и топора не бралъ въ руки. Лѣтъ съ десятокъ жилъ послѣ того и пилъ, мертвую пилъ—тѣмъ, слышь, и померъ.

VIII.

МУРМАНЪ.

Время, вызывающее поморовъ на тресковой промыселъ; путь ихъ къ океану; подробности способовъ ловли трески и палтасины.—Мурманскіе судохозяева и ихъ покрутки во взаимномъ отношеніи другъ къ другу и къ артели — покруту.—Возвращеніе мурманскихъ промышленниковъ домой и обряды до и послѣ этого.

Въ концѣ февраля полярная архангельская зима начинаетъ замѣтно умѣрять свои холода, которые въ концѣ января и въ началѣ февраля едва выносимы. Въ февралѣ зима *сдаетъ, кротѣетъ*, говоря мѣткими поморскими выраженіями. Перестаютъ *ирать* въ сѣверномъ краю неба *столѣхи* (полярныя сіянія); С. В. вѣтеръ, смѣняющій горные, чаще нагоняетъ густыя туманы, покрывающіе сплошнымъ, непроницаемымъ пластомъ все прибрежье, и хотя оно все еще засыпано глубокими, въ ростъ человека, снѣгами, тѣмъ не менѣе привычному уху помора слышатся подчасъ учащенныя, вдвое зловѣщія крики вѣрововъ, чующахъ свой скорой отлетъ въ глубь окрестныхъ корельскихъ и дальныхъ финляндскихъ болотъ. Снѣгъ на берегахъ и на лудахъ еще сверкаетъ своимъ поразительно-яркимъ, едва выносимымъ для непривычнаго глаза блескомъ; пороги въ рѣкахъ, незамерзающіе во всю зиму, продолжаютъ шумѣть по прежнему, но глухо и далеко не такъ бойко, какъ въ началѣ весны. Краины моря подернуты еще широкимъ ледянымъ припаемъ и, при сильныхъ вѣтрахъ, все еще разгуливаютъ по немъ огромныя ледяныя поля съ потрясающимъ шумомъ и трескомъ. Подобно раскатамъ грома, ломаются тамъ самыя боль-

шія изъ льдинъ — *тѣросы*, отъ сильно набѣжавшей и бойко разрѣзавшей ихъ мѣншей льдины. Но за то чаще перепадающія оттепели стали держаться дольше, а за ними и неразлучные на снѣжныхъ поляхъ — тотъ промерзающій и обледѣняющійся верхній слой снѣга, по которому такъ легко бѣгать на лыжахъ. Ночи хотя и становятся замѣтно короче, превращаясь при блескѣ луны, освѣщающей не менѣе блестящіе снѣга, почти въ такой же свѣтлой и ясной день, какимъ въ пору быть зимнему дню и при солнцѣ. Но по избамъ идутъ еще своимъ чередомъ *вечерины*, хотя и безъ пѣсенъ и плясокъ, по причинѣ великаго поста. Между тѣмъ незамѣтно наступаютъ и первые мартовскіе дни — *Евдокеи* — завѣтное время для поморовъ; и соображаетъ каждый на нихъ, про себя, пока еще лежа дома въ теплой избѣ и въ домашней холѣ:

— Въ Брещенье, на водосвятѣе, и потомъ цѣлой день крѣпкой *стверз* тянулъ; надо-быть, по старымъ памятямъ, морскому промыслу хорошимъ; тоже опять и звѣзды — низко, у самаго моря шибко горять и играютъ. Чистый понедѣльникъ весну хорошую посулилъ: выпала на тотъ день такая свѣтлая, да благодатная погода, что и бояться, стало быть, нечего. Все таково хорошо показуеть, что вотъ и самого заставъ сдѣлать-то этакъ — не сдѣлаеть!...

И вотъ что бываетъ дальше на всемъ протяженіи поморья, начиная отъ городка Онеги и оканчивая послѣдними деревнями дальной Кандаляжской губы (по мѣстному Кандалухи) — Бняжой и Кандалакшей, во всякомъ почти селеніи найдется по одному, нерѣдко по три и даже болѣе богачей, у которыхъ ведется туго набитая киса съ деньгами, неразлучная съ ними страсть къ приобрѣтенію еще болѣшихъ суммъ и, наконецъ, исконной (у иныхъ еще пращѣдовской) обычай *обряжать покрутъ*, т. е. нанимать работниковъ для промысла трески и пѣтасины на дальномъ Мурманскомъ берегу океана. За работниками дѣло не стоитъ: всегда тутъ же, подлѣ, домъ-о-домъ въ той же деревнѣ, живутъ цѣлыя семьи недостаточныхъ мужиковъ, у которыхъ нужда отняла возможность дѣйствовать самостоятельно, по себѣ; а, съ другой стороны, природа наградила крѣпкимъ здоровьемъ и силами, не отказавши, въ тоже время, ни въ терпѣніи, ни въ смѣлости. Привычка приспособилась небогатыхъ поморовъ къ тому, чтобы цѣлые полгода не

видать семьи и часто даже не получать отъ нея никакихъ вѣстей, а короткое и близкое знакомство съ моремъ отучило ихъ и отъ жаркой печи и отъ теплыхъ палатей. Помору въ избѣ и тѣсно и душно, если только онъ въ силахъ и если еще не изломали его въ конецъ житейскія нужды и трудныя ломовыя работы. Богачъ припасай только: дельги и свою добрую волю, а бѣднякъ-наемщикъ не заставитъ просить и кланяться. Онъ только придетъ около Евдокей въ избу *богатыля*, встанетъ у дверей, помолится на табло, да самъ же и отдастъ поясной поклонъ хозяину:

— Что, батюшко, Естегнѣй Парамонычъ, ладишь нонѣча туды-то? и проситель махнетъ головой и рукой въ уголь.

— Знаемое дѣло. Ну, да какъ и не ладить? ни одной почести весны, какъ живъ, не запомню, чтобы не обряжалъ покрутовъ. Самъ вотъ подряжаю на двадцатую, да и батюшка-покойничокъ тѣмъ же пробавлялся...

— Знаемъ доподлинно и эту причину. Такъ и нонѣча, выходитъ, надумалъ?

— Отъ другихъ не отстану!

— Такъ, Естегнѣй Парамонычъ, такъ! какъ же, коли не такъ?

И проситель, оглядывая шапку свою съ разныхъ сторонъ, перекладываетъ ее изъ руки въ руку и, того и гляди, запускать правую руку за затылокъ.

— Беру ребятъ нонѣшнюю весну на два стана, — продолжаетъ хозяинъ.

— Такъ, Естегнѣй Парамонычъ, такъ: и это хорошее дѣло! Стало быть, тебѣ покручениковъ-то много же надо?

— По глаголу твоему. Вѣстимо больше, чѣмъ по запрошлой годъ.

— Я то — не лишной буду?

— Имѣлъ, имѣлъ, Степанушко, и тебя въ предметъ: милости просимъ! обряжайся съ Богомъ!

Степанушко опять кланяется въ поясъ и опять оглядываетъ свою хохлатую шапку со всѣхъ сторонъ:

— Ты это какъ, Естегнѣй Парамонычъ, меня-то... въ какіе?

— Да постарому, думаю, Степанушко, по сѣгодушному.

— Не обидно ли будетъ опять-то въ наживочники?

— Это ужь твое дѣло, святой человѣкъ: на твой владу разумъ, самъ смѣвай!

Проситель учащоннѣ завертѣлъ шапкой и весь зардѣлся: озадачили его послѣднія слова богатѣя.

— Ишь, вѣдь, ты прорва какая! не ладно вышло-то больно, на умъ-то не такъ сложилось: ребятамъ нахвасталъ, что въ коршики возьметъ меня Естегнѣй-то Парамоньчъ — разсуждалъ проситель, по временамъ искоса взглядывая на хозяина.

— Въ коршики-то кого берешь? говорилъ онъ уже вслухъ.

— Ахъ ты надумалъ?

— Больно бы ладно, отчего нѣтъ?

— Да не управишься, вѣдь тяжело, свыку надо много.

Въ отвѣтъ на это проситель только улыбнулся и насмѣшливо посмотрѣлъ на хозяина.

— Обряды-то всѣ мурманскіе знать надо: гдѣ тебѣ сѣтъ опустить, гдѣ стоять тебѣ корга, въ кое-время рыба шибче идетъ, все надо... продолжаетъ хозяинъ.

Но и этимъ словамъ проситель улыбнулся и только боязнь разсердить хозяина и такимъ путемъ испортить все дѣло помѣшала ему прихвастнуть о себѣ: «что и мы-де съ твое-то знаемъ, тоже не первой годъ идемъ на Мурманъ-отъ, а богатъ вонъ ты — такъ и ежовистъ, ни съ какой-де тебя стороны не ухватишь».

— Не обидь, говорилъ онъ уже вслухъ: — вѣчные за тебя Богу модельщики: возьми въ коршики-то!..

— Въ коршики — сказалъ не возьму: есть ужь. До коршиковъ-то тебѣ надо еще разъ пятокъ сѣвздить туда, да тогда ужь развѣ. А то какъ тебѣ довѣриться! и ребята, пожалуй, съ тобой не пойдутъ: имъ надо по-знати, а ты еще и весельщикомъ не ставалъ.

— Вели: состоимъ! намъ это дѣло въ примѣту; у тебя, вишь, на пятую вѣшну иду!

— Нѣтъ, Степанъ, отстань ты—отстань: и не обижай ты меня попустому.

— Да хоть парнишку мово вели взять съ собой?

— Парнишку бери, парнишко не тягость, пушай привыкаетъ, хорошо-вѣдь это.

— Хорошо-то хорошо, Естегнѣй Парамоньчъ, что говорить!

— Въдь въ *зуйки* берешь: чтобы кашу варилъ, да потроха прибиралъ?

— Да ужъ, извѣстно, не въ кормици. Ты... Естегнѣй... Парамоньчъ! не дашь ли тепереча мнѣ хоть маленечко?...

— Чего же это?

— Денегъ бы маленечко далъ—вѣчные бы Богу молебщики, а то, вишь, дома-то оставить нечего: измаются!

— Денегъ отчего не дать: мы за этимъ добромъ не стоимъ — много его у насъ. Для-ча не дать денегъ. Сколько же тебѣ надо?

— Да, вишь, бабамъ на лѣто, сколько положишь: твоя власъ во всемъ, а мы тутъ, выходить, ни въ чомъ непричинны...

— Бабамъ скажи, чтобъ зашли, когда имъ тамо надо будетъ; а тебѣ вотъ на первую пору полтинничекъ.

Полтинникъ этотъ—такъ называемый *записной*, заручной; онъ не пойдетъ въ общій счетъ при осеннемъ раскладѣ заработковъ промысловыхъ, и вотъ почему проситель не настаивалъ больше и тотчасъ же ушелъ, заручившись главнымъ, т. е. хозяиномъ. Просьба въ кормици оказалась такъ, проста, съ кончина языка соскочила безъ умыслу, какъ выражаются они же сами и какъ бываетъ часто со всякимъ поваженнымъ человекомъ, когда ему придетъ вдругъ ни съ того, ни съ сего просить и еще и еще, хотя и такъ уже сытъ и удовлетворенъ, что называется по горло. Въ кормици поступаютъ всегда испытанные, искусившіеся въ своемъ дѣлѣ ходоки: новичкамъ—тутъ не мѣсто; хорошіе кормици всѣ на перечотъ въ поморьѣ; ихъ знаютъ всѣ хозяева и не заставляютъ приходиться къ себѣ и кланяться; скорѣе хозяинъ ходитъ за ними, просить и поблажаетъ.

— Скоро, Еремущка, Евдокеи, говоритъ хозяинъ вкрадчиво-льстивымъ голосомъ.

— То-то, кажись, скоро, Естегнѣй Парамоньчъ; воробы ужъ больно шибко кричатъ. Вечоръ, слышь, выпить захотѣлъ, сунулся, анъ карманъ-отъ хоть вывороти, словно тутъ Мамай войной ходилъ: ничего не осталось...

Хозяинъ улыбается и милостиво и ласково, столько же и пріучившіеся слышать почти во всякомъ отвѣтѣ весельчака-кормицива шутку, столько же и поблажающій ему, какъ человеку дорогому и нужному:

— Собираешься-ли?

— Куда это?

— А на Мурманъ-отъ?

— Чего мнѣ собираться-то? на то хозяева, сказано, на свѣтъ живутъ, чтобы покруты собирать, а наше дѣло извѣстное; дѣло боярское! Чего собираться-то мнѣ? Брюхо вонъ только съ собой-то прихвачу, да зубы еще нѣшто, ну... языкъ тоже, и будеть съ меня на лѣто-то!...

— Къ кому же идти надумалъ, Еремушко?

— Да кто дастъ больше. Намъ, извѣстно, у того хорошо, гдѣ съ тебя работы меньше спрашиваютъ, да рому даютъ больше!

— А ко мнѣ пойдешь?

— И къ тебѣ пойду, коли воть *свершённ* *) больше 25 рублей положишь... на серебро выходить, да теперь дашь на выпивку полтора цѣлковыхъ — не въ счётъ.

Хозяинъ не стоитъ за этимъ, зная, что опытной кормщикъ не у него, такъ у другого найдеть себѣ мѣсто. Еремушка только спросить, получивши деньги:

— Когда объдомъ-то на разстанн кормить станешь, на Прокофья, что ли? такъ и знать будемъ: придемъ!...

---

*) При нарядѣ покрута соблюдаются обыкновенно слѣдующія правила, вездѣ общія для каждаго поморскаго селенія. Крутятся въ пай обыкновенно четверо: *кормщикъ, тьялецъ, всельщикъ и наживочникъ*. Последнiе трое называются *рядовыми* и отдаются въ полное распоряженiе кормщика. Отъ кормщика требуется вѣрное знанiе мѣстностей всего спопутнаго Бѣлаго моря, а тѣмъ болѣе океана и всѣхъ его становищъ, умѣнье метать снасти (яруса) и способы стряски, осола рыбы, знанiе *воды*, т. е. времени морскихъ приливовъ и отливовъ и, наконецъ, лучшiя мѣста для лова. Добытой промыселъ дѣлится на три части: двѣ поступаютъ въ пользу хозяина, крутившаго народъ, за его снасти и суда; осталная треть добычи дѣлится поровну между четырьмя работниками. Кормщикъ, сверхъ того, получаетъ на свой пай *половѣй* отъ хозяина, то есть еще ровно половину того, что ему досталось изъ третьей части по раздѣлу, и, сверхъ того, награду, такъ называемой *свершённокъ*, отъ 50 и до 5 рублей сер., смотря по способностямъ своимъ и потому, какъ богатъ былъ промыселъ. И это последнее обстоятельство зависитъ естественно отъ расторопности самого кормщика и добросовѣстности въ работѣ остальныхъ трюихъ его товарищей. Зуйки—мальчнн не получаютъ на свою долю ничего, кромѣ мелкихъ, незначительныхъ подарковъ и возможности съ малолѣтства приурочивать себя къ труднымъ и дальнымъ работамъ на тресковыхъ промыслахъ.

И придетъ исполнить обѣщаніе, вѣрный старому обычаю заручиться хозяиномъ. Заручка эта, по давнему, всегда завершается, передъ походомъ покрутчиковъ, объдомъ, на который съываютъ промышленниковъ мальчишки-зуйки, являющіеся въ назначенныя хозяиномъ покрута избы съ поклономъ и разговоромъ: «звали пообѣдать — пожалуй-ко!» Повторивши еще разъ послѣднее слово, зуйки стремглавъ убѣгаютъ въ другіе дома, къ другимъ званымъ-желаннымъ. Обѣдъ прощальный, по обыкновенію, бываетъ сытный и жирный, гдѣ первымъ блюдомъ—треска, облитая янцами и плавающая въ маслѣ, послѣднимъ—жареная семга или навага—все это подправляемое обильнымъ количествомъ національной водки, а у тароватаго хозяина и ромомъ и хересомъ, которые такъ дешево достаются въ Норвегіи. Естественно, къ концу обѣда, когда гости, что называется, распояшутся и войдутъ во вкусъ, начинаются крупные разговоры, затѣмъ споры; гости, пожалуй, побранятся и подѣлуются; потомъ наговорятъ про себя и для себя всякаго пьянаго, безтолковаго вздору, спокуютъ нѣсколько безалаберныхъ, бессмысленныхъ пѣсенъ безъ конца и начала и, разбрѣдясъ кое-какъ по своимъ угламъ, покончатъ такимъ-образомъ дѣло съ хозяиномъ до будущей осени, когда вернутся домой уже съ промысловъ.

На другой день послѣ хозяйскаго пира, если не похмѣлье, со всею неприглядною обстановкою вчерашняго пьянства, то уже непременно сборы въ дальній путь-дорогу и прощанья со всеми родными и сосѣдами. Наконецъ наступаетъ и самый день проводъ, съ вѣчнымъ бабьимъ воемъ на цѣлую деревню. Мужья, братья и сыновья, обрядившись по дорожному и помолившись на свою сельскую церковь, цѣлой ватагой идутъ на дальней Мурманъ за треской, а стало-быть, и за деньгами. Теперь пока они всё еще въ кучѣ и не разстались съ остающимися дома родными.

Вообще нещедры на слезы русскій человѣкъ, искушонный въ трудахъ и сопряженныхъ съ ними частыхъ разлукахъ, плачетъ рѣдко, и если уже подступитъ ему горе подъ сердце и нѣтъ ему исхода, слезы эти бываютъ и горьки и едва выносимы. Чѣмъ-то зловѣщимъ, раздражающимъ душу несутся съ сельскихъ погостовъ всякому свѣжому пробѣжному человѣку вопли и причитыванья надъ свѣжей могилой, вырытой для кормильца—

радильника и едва терпимы, едва выносятся еще неозлебленной, вѣрующей во все святое, душой тѣ простыя, повидимому, сцены, которыя разыгрываются подчасъ на площадкахъ и улицахъ какой либо дальней деревушки или бѣднаго уѣзднаго городка, въ которомъ производился рекрутскій наборъ. Огромная толпа народа, запрудившая всю главную улицу отъ одной стороны ея до другой, едва колеблясь, медленно, какъ только возможно медленно, подвигается впередъ. Разноцвѣтно-пестрая по бокамъ, однообразно-сѣрая въ серединѣ, толпа эта молчитъ, какъ бы выслушивая всю до конца длинную, печально-погребальную пѣсню, которую тянетъ середина народной массы. Изрѣдка прорываются между однообразными звуками напѣва болѣзненные вздохи и выкрики, готовые превратиться въ одинъ сплошной плачь и ревъ, когда выяснятся и примутъ плачевное и жалкое послѣднія слова длинной, безотрадной пѣсни:

Ужь и гдѣ жь, братцы, будемъ день дневать,
Ночь коротати?
Будемъ день дневать въ чистомъ полѣ,
Ночь коротати во сыромъ бору.
Во темномъ лѣсу все подъ сосною
Подъ худравую, подъ жараво .
Намъ постелюшка—мать сыра земля,
Изголовьице — зло кореньце,
Одѣялышко — вѣтры буйныя,
Покрывалышко — снѣги бѣлыя,
Обмываньице — частый дождичекъ,
Утираньице — шолковѣ трава,
Родной батюшко нашъ — свѣтѣль мѣсяць,
Красно солнышко — родна матушка,
Заря бѣлая — молода жена.

И пусть оттуда, изъ середины толпы этой, тотчасъ же раздается на смѣну иная, веселая, плясовая пѣсня, сопровождаемая и стукомъ въ бубень, и взвизгами задыхающейся гармонизи и трынканьемъ сподручной, но не гармоничной баладайки; пусть эта толпа пѣть крѣпко и много на всѣхъ дневкахъ и подымаетъ пыль трепакомъ и камаринскимъ вездѣ, гдѣ позволять ей перевести духъ и полежать свободно — день проводъ изъ родныхъ мѣсть на всю жизнь, до гробовой доски, ляжетъ тяжелымъ гнетомъ на сердцѣ и въ воспомина- нияхъ всѣхъ, кто хоть разъ увидитъ подобную картину и бу-

детъ въ ней не участникомъ, а даже простымъ, спокойнымъ, непричастнымъ дѣлу свидѣтелемъ.

Въ проводинныхъ слезахъ поморскихъ бабъ чуется иной смыслъ, далеко не такъ знаменательной и горькой. Русская баба вездѣ не прочь поплакать, было бы только къ чему привязаться, а тутъ вотъ какое горе: вчера былъ мужъ подлѣ, тутъ же подъ бокомъ, а теперь, гляди и нѣтъ его, да и завтра нѣтъ, и все лѣто не будетъ; а тамъ надо за дровами въ лѣсъ съѣздить, лошадь впречь, дерево свалить; смотришь изъ начальства кто прѣхалъ и пошолъ крутить все, да браниться направо и налево, надо ему подводу сбивать, гребцовъ собирать, *карбасъ* обрядить, да и такой, чтобы и съ боковъ не просачивалъ, да сверху бы навѣсъ былъ, чтобы не мочилось его благородье дождемъ; во всемъ правъ десятекаго должность; съ женскимъ-то умомъ-толкомъ не вездѣ тутъ угодишь. Парнишку гдѣ бы тутъ въ иную пору сунула вмѣсто себя — пуцай-де отвѣчаетъ передъ начальствомъ — такъ и тутъ несходное: и парнишекъ-то всѣхъ прихватили большаки съ собой на Мурманъ. И воютъ бабы цѣлымъ селеніемъ въ перегонку одна передъ другой, мужики, съ ногъ до головы укутанные въ оленя, потянутся изъ деревни на задворья и дальше въ снѣжную степь; повоюютъ потомъ и въ домахъ цѣлыми артелями и въ одиночку; на завтра поухають, повздыхають тяжело и глубоко, но уже не дальше, на томъ простомъ основаніи, что нудой поля не изъѣдишь, тугой моря не переплывешь; не на вѣкъ же и не первой же годъ такъ-то...

Съ тѣмъ же стоическимъ хладнокровіемъ переносятъ и мужья ихъ болѣе тягостную и болѣе безутѣшную разлуку съ родными семьями и деревней, тѣмъ болѣе, что безпріютная, голая дѣйствительность обступаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и не даетъ покою своимъ холодомъ, крѣпко на крѣпко заправляемымъ постоянными, упорными вѣтрами съ моря и своими глубокими въ маховую сажень снѣгами. Рады путники, какъ находкѣ, какъ особой наградѣ за свою рѣшимость и трудный дальний путь, когда морозъ прокуетъ рыхлый подвешенный снѣгъ крѣпкимъ настомъ, давая имъ возможность легче и удобнѣе бѣжать по немъ на лыжахъ. Картина странствія значительно оживляется, и хотя не слышно разговоровъ, уступившихъ мѣсто серьезной работѣ, для того, чтобы по возможности скорѣе сократить раз-

стояніе до мѣста привала, за то учащоннѣ слышатся и взвизги и лай большихъ желтыхъ собакъ, запряженныхъ въ салазки съ необходимой поклажей и управляемыхъ ребятенками, съ малолѣтства обрѣвочными привыкать къ будущимъ трудовымъ работамъ на океанѣ. Впереди несутся на лыжахъ въ перегонку и только отдуваются, быстро переменяя одну ногу другой и подкатывая себя все дальше и дальше, большаки артельные. Сзади прыгаетъ и замѣтно отстаетъ весь поѣздъ съ собаками и ребятами, а между тѣмъ вдали уже чернѣетъ одинокая промысловая изба, до половины зарытая снѣгомъ — мѣсто привала, если только бьетъ уже кровь въ ноги и подгибаются колѣни, и если далеко еще путникамъ до селенія, которыя не бывають ближе 40 — 50 верстъ одно отъ другаго на всемъ пути по побережьямъ. Въ промысловой избенкѣ промышленники находятъ немного: четыре закоптѣлыхъ стѣны, замшонныя кое-какъ, съ щелями; въ одной стѣнѣ какимъ то чудомъ уцѣлѣла еще рамка со стекломъ, играющимъ всеми цвѣтами радуги; другое отверстіе просто уже закнуто кускомъ армячины; сверху потолокъ изогнувшійся, покривившійся во многихъ мѣстахъ и глянцевиной отъ налетѣвшей сажи и выкипѣвшей сѣры. Въ углу печка кое-какъ смятая изъ глины съ пескомъ, потрескавшаяся и закоптѣлая; подлѣ нея полусгнившія нары; кругомъ — покривившійся лавви, обезноженная скамеечка, двѣ доски, изъ которыхъ сооружается столъ. Въ другомъ углу тѣло съ почернѣвшимъ и полопавшимся образомъ, и тутъ же двѣ самодѣлки ложки деревянные, берестяная коробочка съ отсырѣвшею грязнаго вида солью, ведро для воды... ножикъ... мѣшочекъ съ мукой и сухарями... сачокъ для рыбы. Все, по обыкновенію, издавна укоренившемуся въ безлюдномъ и безпріютномъ архангельскомъ краѣ, запасенное для всякаго прохожаго, имѣющаго ежечасную возможность спутаться съ дороги, просидѣть въ пустой избѣ и умереть съ голоду, если на долго завяжется бойкая, порывистая погода съ сильными вѣтрами и истощится весь запасъ взятой съ собою провизіи. Горькое горе, только привычнымъ человѣкомъ выносимое — это тѣ мятели, по мѣстному *хивусѣ*, когда снѣгъ носится пѣлыми тучами съ одного мѣста на другое, подрывая бѣгущихъ на лыжахъ и сбивая съ ногъ собачонокъ, ежеминутно грозя засыпать все это высокимъ снѣжнымъ курганомъ; тутъ одинъ исходъ, если нѣтъ подлѣ спа-

сительной избушки и високаго подвѣтреннаго бугра, обернувши сани вверхъ копыльями, ложиться подъ нихъ, предаваясь волѣ Божьей и переждать, пока вѣтеръ перестанетъ раскачивать чунку и нагребать на нее новые сугробы. Но и это не въ диво испытаннымъ въ путевыхъ лишенияхъ поморамъ: лежатъ они и толкуютъ:

— А тепло, братцы, что въ банѣ! хоть бы и вѣкъ такъ.

— Мокро ужъ больно, Ервасей Петровичъ; ишь, словно капель какая! всего такъ и обливаетъ тебя...

— Бери-ко шесты да порастолкайте—легше будетъ.

— А ты бы, Матвѣюшко, налегаль бокомъ-то, уминаль бы снѣгъ-отъ; все, гляди, и дышать-бы просторнѣе стало. А что, крутить, братцы, вѣтеръ-отъ? разгрябись-ко да выстань!...

— Крѣпче сердчаетъ, Ервасей Петровичъ, такъ и заслѣшило всю рожу, какъ выглянулъ.

— Ну, лежи, братцы, плотнѣй да дружнѣй; твори молитву: помилуй мя Боже!...

— А что, Ервасей Петровичъ, на умъ мнѣ пришло: котораго у тебя хозяйка-то парнишку родила—анъ пятаго?

— Ишь тебѣ, чорту, дѣла-то мало? лежи знай! да поплотнѣй ложись, другое думай что смѣшное, не засыпай, бодрись... тыкай шестомъ-то вверху; шапку бы кто просунулъ: поваднѣй бы дышать-то. Ну-кошь, ребята!...

— Водки бы теперъ выпить, Ервасей Петровичъ!...

— Рому бы аглечкаго!..

— Плетью бы васъ, дураковъ, поперегъ живота, чтобы знали, что къ чему и какую молитву творить надо передъ смертью... Лежи-ко дружнѣй, да разговаривай меньше; попусту только духъ-отъ глотаете!...

— Ну, братцы, знать еще неписана про насъ смерть эта! говорилъ тотъ же Ервасей Петровичъ уже въ лучшихъ обстоятельствахъ: въ теплой, знакомой избѣ ближайшаго селенія.— Знать еще въ книгѣ-то судебъ Божіихъ имена наши не похѣрены: быть намъ, стало-быть, и нонѣ на Мурманѣ.

— Наше дѣло еще что? полусутокъ-то, почитай не лежали; а вонъ лопари на тундрѣ—трое было—такъ заснули, надо быть, подъ чункой-то: по веснѣ ужъ нашли, что висель-де, сказываютъ, совсѣмъ погнили: такъ де черные, какъ уголь, молъ, черные!...

— А бываетъ, что и по суткамъ лежать—и ничего; надо-де въ носу щекотать, чтобы сонъ-отъ не бралъ.

— Не надо бы выходить въ такую погоду.

— Ну да какъ ты узнаешь-то, Елистратушко, какъ? Вонъ въ деревнѣ: такъ оно, по стариковски, не ходи въ море—бури падуть, коли ребятенки на улицѣ въ колокола звонять, играютъ значитъ; а тутъ-то какъ? Пушай, коли крѣпко на востокъ небесы чернѣтью затянетъ—вѣтеръ падетъ крутой и съ пылью; да какъ уснаровиться-то, какъ? По лѣтамъ, вишь, такъ чайки бы да гагары сказываютъ — и снаровился, подлаживался, а тутъ тебѣ снѣгу, что воды въ морѣ, а и ширь-то ширь по полю, что почестъ не въ двои сутки изъ жилья въ жилье угодишь...

— Нѣтъ, да ужъ что, Ервасей Петровичъ, толковать попустому; не ты смерти ищешь, сказано: она сторожитъ. Вонъ Луканько-то по три года на Мурманъ ходилъ и въ городъ по всѣ разы плавалъ: а дома по грибы, вѣдь, поѣхалъ-то, и опрокинуло; отъ смерти не посторонишься: на роду пишется, гдѣ тебѣ умереть надо, то мѣсто и на кривой оглоблѣ не объѣдешь...

Лѣпотъ (все что носится на себѣ, рухлядь) высохнетъ, ребятенки выспятся, хозяйева отдохнуть, собаки отлежатся и путники опять направляются дальше, крѣпко заправивши желудки, и съ прежнюю вѣрою въ лучшую долю и болѣе или менѣе отрадное будущее. Мельзнуть мимо ихъ сполутныя деревни и села, по обыкновенію пріютившіяся верстѣ на 5, на 6 отъ моря, при устьѣ болѣе или менѣе значительной рѣчки, всегда порожистой, нѣсколько широкой при устьѣ, но на второй же, третьей верстѣ значительно ссузившейся и переходящей въ плохую, лѣсную рѣчонку. Селенія эти двумя рядами двухъ-этажныхъ, чистенькихъ, веселенькихъ избъ, раскрашенныхъ по ставнямъ, по крышамъ и даже воротамъ, всегда расположены по обѣимъ сторонамъ рѣчонки. Чуть живой мостикъ, почти пригодной только для пѣшеходовъ и вовсе неудобной для конной ѣзды (которая, впрочемъ и не въ ходу), соединяетъ обѣ половины селенія. Въ рѣдкомъ изъ нихъ дома эти идутъ не сбиваясь въ кучу, даже въ нѣкоторой симметріи. Въ рѣдкомъ нѣтъ кабака; въ рѣдкомъ изъ нихъ клѣтки, старенькія и низенькія, не составляютъ вторую сторону улицы — собственно набережную; рѣдко изъ селеній не въ двѣ, три версты длиною, и всегда и

во всѣхъ нѣсколько десятковъ пестрыхъ крашенныхъ шестовъ съ флюгарками, замѣняемыми часто простымъ влчкомъ ситца, ленточкою и даже веревкой, голикомъ и проч. Въ богатыхъ селеніяхъ, преимущественно селахъ, разница та, что побольше домовъ новенькихъ, обшитыхъ тесомъ и раскрашенныхъ всѣми ярко-прихотливыми цвѣтами: коричневымъ, зеленымъ и синимъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ внутри и зеркаль много, и картины развѣшены, и полы штучные и крашенные, и всегда и во всѣхъ селахъ старинныя, обветшалыя церкви, только по угламъ обшиты тесомъ, съ рѣзкими, яркими заплатами кое-гдѣ по мѣстамъ на крышахъ, съ отдѣльно — стоящими колокольнями въ одинъ просвѣтъ, гдѣ три-четыре маленькихъ колокола, до половины разбитыхъ, съ глухимъ сильнымъ звономъ. Тутъ же, противъ церкви, общественный домъ для церковниковъ: верхній этажъ для попа, нижній для дьяча и пономаря—домъ съ вѣчными горшками герани на окнахъ, съ садикомъ или, лучше, влчкомъ огорода передъ окнами, гдѣ нерѣдко можно увидѣть и парничокъ, и пять-шесть грядокъ съ неизбѣжнымъ чучкомъ на одной изъ нихъ. Пропастъ мелкихъ судовъ въ перебивку съ кое-какими изъ крупныхъ, зазимовавшихъ въ рѣвѣ, желтыя большія собаки, бѣгающія по улицѣ, парочка бойкихъ и статныхъ оленей, да кучи сбитаго у дворовъ и по задворьямъ снѣга довершаютъ картину любого поморскаго селенія, всегда однообразнаго, всегда способнаго навести на всякаго свѣжаго человѣка безысходныя тоску и апатію.

Промышленники, отправляющіеся на Мурманъ *), идутъ изъ Кандагалши или почтовымъ путемъ на Колу, или черезъ Лапландію — прямо къ своимъ становищамъ, смотря потому, куда ближе лежатъ эти становища: къ Святому-ли Носу или къ городу Колѣ. Труднѣе и безпріютнѣе изъ обоихъ путей на Мурманъ тотъ, вторый идетъ черезъ Лапландію — эту огромную тундру, кое-гдѣ покрытую озерами и частыми порожистыми рѣками и прерываемую небольшими гранитнаго свойства горами. Горы эти, уже окончательно пустынные, съ незначительными

---

*) Вся дорога имъ отъ дому до цѣли похода стоитъ обыкновенно не больше 5 цѣлковыхъ, даже, пожалуй, и со всѣми непредвидѣнными расходами.

проблесками жизни, обступили океанъ, образовавши такимъ образомъ сплошную стѣну на 300 верстъ протяженія (отъ Св. Носа до Кольской губы), называемую издревле норманскимъ берегомъ, превратившимся на языкъ туземцовъ въ *Мурманскій, Мурманъ*. Тонкой слой тундры, этой сгустившейся болотной грязи, проросшей кореньями травъ въ смѣшеніи съ пескомъ и мелкими камешками, выстилаетъ всѣ вершины мурманскаго гранита, давая достаточно питательныхъ соковъ для ягеля — бѣлаго моха—любимой, единственной пищи оленей. Кое-гдѣ на покатосяхъ мохъ зелѣетъ и надъ нимъ прорѣзается колѣнчатой приземистой березнякъ—*слѣнка*; на южныхъ отклинахъ березнякъ этотъ вырастаетъ и больше аршина, а мохъ смѣняется зеленою травою; появляются кое-гдѣ цвѣты и даже порядочной соснякъ, особенно по рѣкамъ, бѣгущимъ изъ Лапландіи. За то собственно побережье—подошвы мурманскаго береговаго гранита — сплошной голой камень съ булыжникомъ по отлогостямъ, съ вѣчными снѣгами въ разсѣлинахъ, обращенныхъ къ сѣверу и песчанникомъ въ нѣкоторыхъ небольшихъ заливцахъ или, по туземному, *заводяхъ*. Берегъ на всемъ своемъ протяженіи, представляя всевозможнаго рода неровности, то переходя въ высокія, обрывистыя горы, то спускаясь въ синюю массу воды океана невысокими отлогостями и мысами, называемыми обыкновенно *носомъ*, изрѣзанъ множествомъ губъ и заливовъ. Неопасныя по подводнымъ коргамъ и мелямъ и защищенныя отъ морскихъ вѣтровъ губы, удобныя для якорныхъ стоянокъ, носятъ названіе становищъ, которыми особенно богатъ приглубой, почти всюду чистой Мурманскій берегъ, сравнительно съ обмелѣвшими бѣломорскими берегами. Болѣе удобныя и болѣе безопасныя изъ становищъ (и именно тѣ, въ которыя не заходитъ прибой океанскихъ волнъ, въ которыхъ тихо гуляетъ всякій вѣтеръ, будетъ ли онъ морской или горной) служатъ временнымъ пристанищемъ бѣломорскихъ судовъ, назначенныхъ для тресковаго промысла. По большимъ ущельямъ, снабженнымъ прѣсною водою отъ пробѣгающихъ въ нихъ рѣчонокъ, настроены рыбацкія *станы* — тѣ уродливыя избенки, догнивающія свой вѣкъ подъ морскими дождями и снѣгами и разшатываемые крѣпкими, порывистыми и продолжительными морскими вѣтрами — избенки, которыхъ такъ много по всѣмъ островамъ и пустыннымъ берегамъ сѣверныхъ морей Россіи.

Кое-какъ сплоченныя изъ тонкаго, дряблага, лапландскаго лѣса и обсыпанныя съ боковъ и сверху морскимъ пескомъ, съ щелями, затнутыми мохомъ и служащими вмѣсто оконъ, избенки эти, въ числѣ пяти—шести, составляютъ родъ небольшого временнаго селенія, оживленнаго только съ апрѣля до половины августа и пустыннаго во все остальное время года. Изрѣдка—раза два-три во всю осень и зиму—навѣщаютъ ихъ лопари ближайшихъ погостовъ, чтобы посмотреть все ли цѣло изъ сѣтей, веревокъ, суденковъ, кулей муки и соли, оставленныхъ поморскими промышленниками подъ ихъ личной надзоръ и смотрѣнiе. Посмотритъ лопарь, покопшится въ избенкахъ, перехватитъ на отощавшей желудокъ того, что догадался прихватить съ собой изъ дому, и выйдетъ посмотреть на океанъ, пока олени его, пробивая копытомъ снѣгъ, достаютъ себѣ бѣлой мохъ и комочки самаго бѣлаго, мягкаго снѣга. Но какимъ-то зловѣщимъ и далеко не покоющимъ воображеніе зрѣлищемъ глядитъ въ то время океанъ; съ октября еще и во всю зиму почти безпрестанно носятся по немъ огромныя глыбы льду — *тороса*, оторванныя бойкими, порывистыми волнами отъ береговыхъ *припаевъ* и успѣвшія въ долгомъ плаваніи намерзнуть и смерзнуться въ длину и ширину на нѣсколько сотенъ и часто тысячъ сажень. Съ поразительнымъ шумомъ носятся они по прихоти вѣтровъ, одинъ торосъ за другимъ, и съ визгомъ, раздражающимъ нервы, идутъ они бокъ-о-бокъ, пока новой штормъ не раздробитъ ихъ въ отдѣльныя груды—*стамухи*. Длинными *полосами* (полосами) и широкими *полями* (плотными ледными полями) ходятъ по всему океану отъ береговъ и къ полюсу всѣ эти тороса и стамухи. Кое-гдѣ и въ рѣдкую на сѣрѣющемъ пространствѣ до того вплотную темнаго моря просвѣчиваютъ *рыпчаги*, какъ острова, какъ водяные оазисы посреди *зажившаго, ропачистаго* океана. Но и эти рыпчаги недолго остаются свободными, недолго просвѣчиваютъ въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, почти ежеминутно замѣщаясь или *саломъ* (комками снѣга, смытаго съ торосовъ волной, но еще не успѣвшаго обледѣть и пристать къ ближайшей льдинѣ), или *шугой*—мелкимъ, рыхлымъ льдомъ, превратившимся въ кашу отъ тренія одной льдины о другую. Тамъ, гдѣ по пути попадаютъ полянамъ и *поясамъ стамухи*—каменистые подводные острова, грозозлятся одна на другую цѣлыя горы льду, которыя, при первомъ поры-

вистомъ вѣтрѣ, въ свою очередь, образуютъ новыя поляны и новыя пояса. Последніе тѣмъ чаще начинаютъ бродить по морю въ концѣ зимы, что вѣтры, вѣрные необъяснимымъ законамъ природы, начинаютъ переходить въ межонныя, т. е. дуть уже не съ прежнимъ постоянствомъ и настойчивостію, смѣняясь, какъ бы по очереди, одни другими, переходя часто отъ одного румба компаса на другой, противоположной. Такъ бываетъ обыкновенно въ началѣ апрѣля. Въ маѣ прибрежной ледъ начинаетъ отодвигаться отъ береговъ и только въ концѣ этого мѣсяца (рѣдко въ серединѣ) оставляетъ океанъ свободнымъ и чистымъ. Въ апрѣлѣ, когда появляются на Мурманѣ первыя артели промышленниковъ, глубокой снѣгъ лежитъ еще всюду, но замѣтно уже осѣдающій къ серединѣ этого мѣсяца, когда быстро сокращаются длинныя зимнія ночи и солнце начинаетъ запаздывать на горизонтѣ все дольше и дольше. Между тѣмъ, зачастую на разныхъ сторонахъ горизонта появляются рѣзкія, сѣровато-холмистыя полосы, какъ бы дальній берегъ, при значительномъ вѣтрѣ, сопровождаемыя туманами, до того густыми, что въ двадцати шагахъ трудно бываетъ различать ближайшую избенку, сосѣднее судно; съ мачтъ и снастей послѣднихъ падаютъ даже зачастую комки сгустившейся слизистой жидкости. Въ концѣ апрѣля и началѣ мая туманы эти разрѣшаются дождемъ, при сѣверныхъ вѣтрахъ—мелкимъ и настойчивымъ, при южныхъ—крупнымъ и перемежающимся. Но пока еще не зазеленѣютъ мохъ и трава по южнымъ отлогамъ горъ, пока еще не слышать по берегу ни чаекъ, ни гагаръ, и льды не все еще унесло къ полюсу, воды океана оживаютъ, въ нихъ являются двѣ прожорливѣйшія породы изъ всѣхъ морскихъ рыбъ—треска и палтусъ, вмѣстѣ съ невинными жертвами ихъ алчности — сельдями. Ловъ тѣхъ и другихъ составляетъ главную и единственную цѣль появленія на пустынномъ Мурманскомъ берегу океана почти всего мужскаго населенія Кемскаго, Онежскаго и отчасти Мезенскаго поморья. Возможность всегдашняго богатаго улова, способнаго вознаградить всѣ труды, издержки и лишения, поддерживаеетъ твердость духа и мужество полуторы-тысячи промышленниковъ, поставленныхъ во всегдашнюю, трудную борьбу со враждебными стихіями — океаномъ и климатомъ. До двадцати, болѣе значительныхъ, по количеству, становъ разбросано на всемъ протяженіи берега

отъ Семи-Острововъ до Териберяхи (губы) и отъ Иоканскихъ острововъ до Кильдина. Въ каждой становой избѣ помѣщается обыкновенно отъ 12 и до 16 человѣкъ, и только въ крайнихъ случаяхъ больше 20-ти. Весь людъ, населяющій мѣста эти лѣтомъ, съ малолѣтства подготовленный къ труднымъ и однообразно-утомительнымъ работамъ, начинаетъ настоящую дѣятельность свою тогда только, когда побережья океана очистятся отъ льда и дадутъ возможность опускать *ярусá*. Яруса эти обыкновенно обряжаются слѣдующимъ образомъ: къ веревкѣ, свитой изъ тонкаго прядева и называемой *оростягой*, на одномъ концѣ прикрѣпляется уда—крючокъ, обложенной варомъ въ мѣстѣ прикрѣпленія, чтобы рыба не могла сорваться. Оростяги эти (длинною въ аршинъ и полтора) привязываются другимъ концомъ своимъ, на разстояніи одна отъ другой около 4 аршинъ, къ толстымъ веревкамъ, концами своими связаннымъ между собою. Веревки эти, взятая въ совокупности съ удами и оростягами, и называются *ярусомъ*. Ярусъ этотъ обыкновенно спускается на самое дно океана и растягивается на немъ верстѣ на 5 и на 6. Для того, чтобы ярусъ удерживался на днѣ океана, употребляются особаго устройства якоря, состоящіе изъ тяжелаго булыжнаго камня, защемленнаго въ сучковатое полѣно и укрѣпленнаго въ немъ *вичью*, древесными кореньями. Отъ якоря на поверхность воды выпускается *кубасная сижка* или *стоянка*, такая же, какъ ярусъ, веревка, къ противоположному концу которой, надъ водою, прикрѣпляется деревянной поплавкомъ, называемой обыкновенно *кубасомъ* (длинной почти въ 2 аршина, а шириной вершковъ 8)—родъ чурбана: такихъ бываетъ два на всемъ ярусѣ. Къ кубасу, на верхней поверхности его, плотно прибавается шесть, длиною аршина въ 2 и 3, съ голикомъ или вѣшникомъ на концѣ, называемый *махавкой*. Махавка это означаетъ мѣсто, гдѣ брошенъ ярусъ и должна быть примѣтна изъ становища. Крючки наживляются по веснамъ маленькой рыбой *мойвой* и *пикшей*, лѣтомъ — червями, кусочками сельдей, семги и даже той же самой треской и кусочками того же самаго палтаса, для которыхъ и сооружается весь этотъ длинной подводной ярусъ. Ярусъ бросаютъ отъ берега верстѣ на 5 и на 10 и всегда четыре человѣка, отправляющіеся для этой цѣли на особаго рода суднѣ, называемомъ обыкновенно

шнякѣй *). Тѣже четверо *трясутъ тряску*, т. е. черезъ каждыя шесть часовъ, по убылой водѣ, осматриваютъ и обираютъ ярусъ: коршигъ (кормщикъ) правитъ судномъ, *тиллѣцъ* тянетъ ярусъ; *вѣсельщикъ* улаживаетъ судно на одномъ мѣстѣ, чтобы ловче было тяглицу вытаскивать якорь. По мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе сокращается стоянка, вода начинаетъ бѣлѣть и серебриться, а когда покажутся оростяги, зацѣпившаяся рыба болѣзненно бьется почти на каждомъ крючкѣ; рѣдко попадаетъ туда какой нибудь полипъ, еще рѣже сельдь. Обязанность наживочника—снять съ уды рыбу (треску и палтасовъ) и, отвертывая имъ головы, бросать въ шняку и опять наживлять крючки новой наживкой до тѣхъ поръ, пока не осмотрятъ весь ярусъ и пока шняка ихъ способна нести на себѣ всю, нацѣпившуюся на крючья, рыбу. Случается такъ, что въ благополучной уловъ съ одного яруса увозятъ по двѣ и по три полныхъ шняки; случается и такъ, что вынимаютъ ярусъ совершенно пустымъ: не только безъ рыбы, но даже и безъ наживокъ и удъ. И ударятъ промышленники себя съ гора по бедрамъ; примолвивъ:

— И такъ-то мы, братцы, на хозяйское — чужое дѣло — не падки: а тутъ вотъ тебѣ этакой еще срамъ, да поношенье!

— А все, вѣдь, это, Еврасей Петровичъ, акула, надо-быть, прорва эта ненасытная!

— Кому, какъ не этой лѣшачихѣ, бѣды творить; вотъ подавиться бы ей, проклятой, добромъ нашимъ, и, гляди, брюхото у ней — пучина морская; чай, облизнулась только. Опять, смотри, придетъ пообѣдать. Надо бы, ребята, на другое мѣсто яворь-то положить!...

---

*) Это—открытая лодка изъ широкихъ досокъ въ наборѣ, шитая, какъ все бѣломорскія мелкія суда, *вишюй*, отчего и служить на промыслахъ не дальше трехъ лѣтъ. Она—съ плоскимъ дномъ, острыми и вадернутыми кормомъ и носомъ, съ одной мачтой по срединѣ и прямымъ парусомъ; шестивесельная; длиною отъ 4 до 5 саж., шириною до 8 футовъ; способна поднимать грузу до 500 пудъ (тогда сидитъ въ водѣ около 3 футовъ). На шнякѣхъ этой часто перевозятъ и грузы, именно мурманскіе промысла въ Архангельскъ и — здѣсь смѣлымъ Богъ владеетъ!—судно чрезвычайно угловое, тяжелое подъ веслами, не выдерживаетъ сильнаго вѣтра и своей конструкціей и самымъ названіемъ напоминаетъ еще варяжскія Sneke.

— Надо, Ерсасей Петровичъ, надо! больно бы надо!

— Опять придетъ, надо на другомъ мѣстѣ выметать—лучше будетъ, Ерсасей Петровичъ!

— Али, братцы, и такъ ладно?—не придетъ, чай!

— А и то, Ерсасей Петровичъ, и такъ ладно, не придетъ!

— Не придетъ, Ерсасей Петровичъ, пошто ей придти? — не придетъ!

— Хозяйское, вѣдь, добро-то, братцы—намъ что? Известное дѣло, мы тутъ ни въ чемъ не причинны; не намордникъ же надѣтъ на звѣря-то!

— Поди же ты, ребятушки; пришла обжора рыба и поѣла все. Что вотъ ты тутъ съ ней станешь дѣлать?

— Ничего, Ерсасей Петровичъ, не подѣлаешь: ишь вѣдь она!...

— Чортъ, а не рыба—прости меня, Господи!

— Никакъ ты вразумить ее не угодишь; ушла вѣдь, проклятая, далеко ушла, чай въ самое, тоись, гѣломя ушла.

— Въ самое гѣломя ушла, далеко ушла, Ерсасей Петровичъ!—продолжаютъ выплакивать свое горе и неудачу промышленники, и опять хлопаютъ себя по бедрамъ, и опять утѣшаютъ себя тѣмъ, что ничего нельзя подѣлать съ прорвой-рыбой, и опять еще долго качаютъ головами, пока не догадается кормщикъ приверкнуть на весельщика, чтобы гребъ назадъ въ становище.

Здѣсь, за неизмѣнимъ положительнаго дѣла, приходится обыкновенно плести бростяги, сѣти для семги и сельдей, точить уды, а то и просто спать въ растяжку со всею настойчивостію опытныхъ знатоковъ этого дѣла. Приготовленіемъ ухи, припасомъ дровъ, промываніемъ бочонковъ и другими мелкими, утомительными работами заняты ребятенки—подростки, очень мѣтко прозванные зуйками, на томъ простомъ основаніи, что они, не имѣя доли въ общемъ участкѣ, пользуются только остатками отъ трапезы большаковъ, какъ маленькая птичка зуетъ (изъ породы чаекъ) хватаетъ всѣ выкидыши, ненужные потроха изъ распластанныхъ рыбъ. Изъ за зуйковъ—ребятишекъ крѣпко и сладко спится подчасъ помору, послѣ неудачнаго осмотра яруса; за то по два—по три дня не приходится и очей смыкать, когда шибко пойдетъ на яруса рыба и когда приходится въ одни сутки дѣлать по четыре, по пяти добросовѣстныхъ страсокъ. Не го-

вора уже о хлопотах на водѣ подлѣ ярусовъ, не менѣ хлопотливья работы ожидаютъ рыбаковъ и на берегу, въ станахъ, особенно если время близится къ лѣту и ожидается скорой прїѣздъ хозяевъ съ новыми запасами хлѣба-соли, копченого мяса и, главное, крѣпкаго, дешеваго заграничнаго рому, покупаемаго обыкновенно въ норвежскихъ ближайшихъ портахъ: Гаммереестъ, Вадзе и Вардегузъ *). Работа кипитъ на берегу, чему не мало способствуютъ свѣтлыя, съ незаходящимъ солнцемъ полярныя ночи. Не всегда крѣпкіе и продолжительные межонныя (лѣтніе) вѣтра способствуютъ легкому и удачному обиранию ярусовъ, а постоянное лѣтнее солнце — береговымъ работамъ. Эти послѣднія состоятъ въ томъ, что тяглецъ отвертываетъ головы, кормицкиѣ пластаютъ рыбу, надрѣзая ее по спинѣ впродоль, и вынимаетъ внутренности, выстѣ съ хребетною костью, которая зуйками выбрасываются вмѣстѣ съ головами рыбы въ море, какъ ненужныя; наживочникъ отбираетъ для сала максу. Рыба съ вынутою захребетною костью назначается въ продажу, подъ названіемъ — *штокфишъ*, и потому, полежавши нѣкоторое время въ кучахъ, раскладывается по жердинамъ, называемымъ *палтухами*, положеннымъ на *ѣмляхъ* — толстыхъ бревнахъ, укрѣпленныхъ въ козлахъ. Около двѣнадцати недѣль рыба такимъ образомъ сохнетъ на этихъ палтухахъ и то только въ такомъ случаѣ, когда не ожидается скорого прїѣзда хозяевъ. Обыкновенно же треску и палтусину солятъ вмѣстѣ съ хребетною костью въ амбарахъ или, лучше, въ подвалахъ, врытыхъ въ землю и обложонныхъ дерномъ. Рыба укладывается плотно отъ полу до самаго потолка, щабелями — пластами, рядами. Каждой рядъ солится особо и такъ скупно и небрежно (на 100 пудовъ рыбы приблизительно 16 пудовъ соли, лучшаго, впрочемъ, сорта, голландской), что рыба длетъ впослѣдствіи противной, амміакальной, одуряющей запахъ. Когда придутъ хозяйскія суда, односолка рыба опять укладывается щабелями въ судахъ и снова просаливается, и хотя дѣлается нѣсколько лучшею на вкусъ, но все таки не теряетъ своего противнаго запаха. Изъ максы или печонки вытапливается сало или тотъ благодѣтельной

---

*) Эти норвежскія мѣстечки на языкѣ поморовъ превратились въ *Омарфистъ*, *Васинъ* и *Вариавъ*.

жиръ, который извѣстанъ едва ли не каждому подъ именемъ трескового; языки солятся особо въ отдѣльныхъ бочонкахъ — но очень, впрочемъ, рѣдко—также какъ и головы, часто сушатся на солнцѣ и идутъ потомъ, превращонныя въ порошокъ, въ пойло домашнему скоту, особенно коровамъ. Палтусъ—также главный предметъ (послѣ трески) промысла на Мурманѣ—никогда не сушится, по причинѣ присутствія въ тѣлѣ значительнаго количества жиру (чего не достаетъ тѣлу трески), но солится тѣмъ же путемъ, какъ треска, и отдаетъ тѣмъ же, если еще не болѣе, непріятнымъ запахомъ. Рыба эта портится (горнеть) скорѣе трески потому особенно, что мѣста около костей снабжены маслянистымъ жиромъ; солится же всегда съ головой. На ярусахъ не часто, но попадаются еще небольшія акулы, дающія до 8 и 10 пудовъ максы (сала); въ некоторое время солили ее и продавали простому народу въ Архангельскѣ, а кожу, хорошо просушонную, употребляли въ своихъ станovýchъ избахъ вмѣсто стеколъ.

Въ началѣ весны и даже среди лѣта, когда вдругъ временно перестаетъ идти на яруса рыба, отнесенная ли сильными вѣтрами къ норвежскимъ и гренландскимъ берегамъ, или перехваченная въ окрестностяхъ Шницбергена (называемаго поморами Грумантомъ) стадами морскихъ звѣрей: китовъ, касатокъ, акулъ, бѣлухъ и проч., архангельскіе поморы, отъ бездѣлья и скуки, ловятъ рыбу особымъ путемъ—на *льску*. Это—веревка, на половину тоньше тѣхъ, которыя употребляются на яруса; къ ней привязывается желѣзной кусочекъ — *грузево*, который тинетъ ко дну и самую лѣску и *перевѣсло* — желѣзный пруть, привязанный поперекъ ея. Къ двумъ концамъ этого перевѣсла, къ особо придѣланнымъ ушкамъ, привязываются бростяги съ тѣми же крючками и наживкой, какъ и въ обыкновенномъ ярусѣ. Когда услышатъ, что грузево щолкнуло въ каменистое дно моря, лѣску нѣсколько приподнимаютъ и, какъ при обыкновенномъ уженѣ, дальше уже по приглядѣ замѣчаютъ хватила ли рыба наживку. Въ счастливую пору улововъ, грузево не успѣваетъ доходить до половины пути своего ко дну, какъ алчная, всегда прозорливая треска на лету хватаетъ приготовленную для нея наживку съ роковымъ крючкомъ. При сильныхъ вѣтрахъ, когда гуляетъ по океану громадной взводень, съ волнами, величиною въ порядочный петербургскій домъ, промы-

шленики сидятъ въ своихъ ставныхъ избахъ, предоставляя яруса волъ Божіей и грустно созерцая съ высокаго берега, какъ махавка надъ кубасовъ, вздрагивая, покачивается на хребтѣ высокой волны и какъ захлеснется набѣгомъ новой и совсѣмъ скроется изъ глазъ, вся ушедшая въ волну или сшибенная на бокъ и не успѣвающая какъ должно изловчиться. Кубасъ вмѣстѣ съ махавкой то мигнетъ на поверхности серебристой воды, то опять спрячется подъ водой.

— Эка, братцы, пыль какая пошла несосвѣтима!

— Этакъ ли еще бываетъ, Ервасей Петровичъ!

— Ну да сказывай ты малымъ ребятамъ это-то—не знаю, что ли?

— Въ избѣ-то теперъ ничего; на ярусѣ такъ вотъ поди *порато* бы страшно и тебѣ показалось; а въ избѣ — ничего: вонъ ребята въ карты козыряютъ, а къ ночи, слышь, кто кого обломаетъ—и за виномъ къ лопарямъ бѣги: попойку, ета-ло-быть, затѣваютъ.

— Вечдръ, Ервасей Петровичъ, Гришутка такихъ намъ наказывалъ бывальщину, что наши затылки-то всѣ въ кровь расчесали.

— Это что, парень?

— Да ужъ складно больно, Ервасей Петровичъ: не то тебѣ плакать надо, не то Гришуткину-то смѣху даваться. Такъ это тебѣ пѣлъ, да все по церковному, и ко всякому-то слову складъ прибиралъ, какъ это, вишь, князь Романъ Митріевичъ-младъ простился со своей княгиней — со сожительницей, выходитъ—и поѣхалъ, вишь, нѣмцовъ донимать: что-молъ вы теперича подать перестали платить? Миѣ, говорить, и то, и сѣ — деньги надо, нѣмчѣ некрещоная. Поганой-молъ вы народъ, и разговоръ терять не хочу съ вами! И какъ это нѣтъ его дома годъ, нѣтъ и другой. Схватили его, что ли? Гришутка-то, вишь, не знаетъ. Вотъ теперича сожительница его и выходитъ это на крылецъ и видитъ: «бѣжитъ изъ за моря изъ за синя три чорныхъ, три карабля». Она, вишь, и заплакала, да такъ складно и жалостливо. Гришутка-то, слышь, рожу этакъ на сторону, глаза-то, что котъ, зажмурилъ, и словно ему барыни-то, княгини-то, значить, больно стало — ужъ и взвылъ же онъ это, какъ бы вотъ она сама-то... этакъ... этакъ!... и рукой-то правой машетъ и грудь-то вздымаетъ... этакъ... этакъ! Да нѣтъ

ужь, Ервасей Петровичъ, заставь самого его: прослезить?—а я-ко не смогу такъ!

— Что и говорить, братецъ, всякому, сказано, зерну своя борозда! А по стариковски, кто гораздъ пѣсню пѣть, сказку сказывать, кто ѣсть спорко да много, скорѣе всѣхъ — тотъ и въ работѣ золотой человѣкъ. У стариковъ нашихъ, Михѣюшко, водился вотъ какой обычай; теперь, вишь, оставили вы его и не знаете. Пришли этакъ-то покрученники къ которому хозяину на Мурманъ-отъ наниматься; онъ съ ними и слова не молвить, а велитъ идти внизъ въ избу, да и выставитъ имъ всякой снѣди многое число. Ребята-то разѣдятся, вишь, а онъ, хозяинъ-отъ, на ту пору и сойдетъ къ нимъ, и сядетъ этакъ съ боку, чтобы видно ему было всѣхъ, и смотреть, кто ѣсть шибче, кто, свою-то сѣвши, съ чужой ложки рветъ—тѣхъ и опроситъ: какъ-де и звать тебя и годовъ тебѣ сколько? А ужь кого не опросилъ, которой на него ѣсвой-то этой, выходитъ, не угодилъ,—такъ лучше и не разговаривай: ступай прямо домой — не возьметъ: лѣнливо-де ѣшь, лѣнивъ и въ работѣ — мнѣ-ко-де не надо такихъ; мнѣ, говорить, коли человѣкъ ѣсть, да за ушами у него визжитъ — дорогой человѣкъ: у этого и въ работѣ руки зудятся. А, вѣдь, почестъ, парень, на то и выходитъ: ѣсть человѣкъ скоро и словно спѣшить, словно надо ему что-то сдѣлать; а пошолъ другой этакъ въ потяготку, да въ распояску, ротъ-то словно ворота съ просонковъ растворяетъ, чешется, ложку-то положить на столъ, да скоро ли еще достанетъ ее опять—ну, человѣкъ тотъ спать послѣ обѣда ляжетъ; ушатомъ холодной воды облей его послѣ—не разбудишь.

— Да, вѣдь, Гришутка-то, Ервасей Петровичъ, больно же боекъ и въ работѣ!

— Да то, вѣдь, я и говорю, дураково поле! Гораздъ Гришутка и на пѣсню, и на сказку гораздъ, а будущей весной ему и въ корзинки не зазорно проситься. Лихой, что говорить!...

И дѣйствительно, трудно найти хоть одинъ станъ на всемъ Мурманѣ, въ которомъ бы не нашолся свой потѣшникъ—душа и любимецъ общества, то необходимое лицо, безъ котораго едва ли стоитъ хоть одна артель въ Россіи. Всегда непринужденная веселость, бойкая рѣчь, знаніе присловій и пословицъ, и умѣнье видѣть ихъ въ разговоръ кстати и у мѣста, простая, но мѣткая и безобидная шутка надъ всякими понавшимся подъ

руку своимъ братомъ, а пожалуй и чужимъ, прохожимъ человѣкомъ, лишь только было бы весело самому шутнику и всѣмъ его окружающимъ — вотъ особенности, характеризующія всякаго шутника, балясника подобнаго рода, будетъ ли онъ изъ ямщичьяго круга, извозчикъ ли столичной, или тотъ же архангельскій покрученикъ на пустынномъ берегу пустыннаго океана. Это едва ли не одна изъ главныхъ характеристическихъ особенностей нашего народа, непринужденно и неудержимо веселаго на радостяхъ, не унывающаго въ горѣ и неспособнаго пасть глубоко передъ несчастіями, какого бы рода ни были они. Домало народъ нашъ всякое горе, ломаетъ оно и теперь подчасъ крѣпко-больно, а все же въ немъ еще много силъ, и хватитъ ихъ на столько, чтобы быть по истинѣ великимъ народомъ.

— Что это, Григорьюшко, погода-то шибко разъигралась, пылить ужъ оченно! — затрогивалъ шутника Ервасей Петровичъ, разлакомившись похвальными отзывами про него.

— А тебѣ-то что? твое это дѣло?

— Ну, да какъ же не мое-то?

— Да ты что это: дразнить меня что ли пришолъ?

— Пошто дразнить? — такъ пришолъ: посмотрѣть, вонъ, какъ ты въ карты играешь.

— Съ тѣмъ и ладно! Не серди въ другой разъ, а не то, всю родню расскажу. Вишь, проигралъ всѣ свои, на хозяйской карманъ — чтобы онъ лопнулъ! — счотъ пошолъ: до шутокъ ли тутъ? Ужо проиграюсь — расскажу тебѣ сказку про бѣлаго быка. — Шолъ бы дразнилъ лучше хозяевъ-то; встати моряну на нихъ несеть, авось и услышатъ. Встань, вотъ этакъ-то по вѣтру, да и шапку скинь: оголи лысину, тебѣ же ее не покупать стать, вишь, какая заправская выгорѣла, что Кандаманша по запрошлой годъ. А виски знай примазывай, присвистывай, да приговаривай: «дуй-молъ моряна, не на васъ, молъ, хозяевъ *на дѣля* (надежда); мать сыра земля народить — накормить, что по сѣялъ, то и выростеть» — да и накрой голову-то шапкой, чтобы знали хозяева, что у тебя и виски есть, и волосы не всѣ выдѣзли, да и брюхо наполовину противъ хозяйскаго будетъ. Имъ вѣдь что, хозяевамъ-то, было бы семги вдоволь да чаю много, да рому на досужой часъ, а ты хоть съ голоду лопни — и не почешутся: свое возьмутъ; вонъ что ни стряса -- то и

ихъ, а тебѣ только по усамъ течоть, да въ ротъ не капеть. Сколько забрался-то ты у хозяина-то?

— Я, Григорьюшко, только половину взялъ впередъ-отъ, да и то за нынѣшное лѣто.

— Вотъ, стой, привезуть они тебѣ рому — сдешевѣешь; придешь домой и гроша ломаного на будущую-то весну не дадутъ за тебя, коли не надломаешь спины отъ поклоновъ имъ да почестей. Я, вѣдь, тоже было такъ-то сначала, да вижу, всѣми очесами-то вижу, что какъ ни кинь — все клинъ, взялъ да и закабалилъ себя на четыре лѣта впередъ; хотъ патоку гони теперъ они изъ меня, хотъ полѣнья щипли, больше себя не сдѣлаю, хотъ лобъ ты взрѣжь. Вотъ Михайло-то, да и Степка, да и Елистратко косолапой, да и всѣ, гляди, напередъ за два лѣта забрались; а что еще будетъ, какъ сами-то прѣвдуть? Имъ что, хозяевамъ-то: купилъ онъ тебя—такъ и пляши и ломайся, а ужъ онъ обещать тебя не преминетъ. Вонъ и меня по за-прошлой годъ на десять рублей наказалъ, да и нынѣшней, гляди, также будетъ, коли не дрогнетъ рука, да не покачнется совѣсть въ груди!... Живодеры, вѣдь, всѣ хозяева-то наши, сатанино племя! богачи, такъ и... Хлюсть! хлюсть, братцы! хотъ вы-то не обидьте, пустите душу въ рай! — завершилъ свою рѣчь Григорьюшко—баловникъ и утѣшитель своей артели.

Въ началѣ іюня въ мурманскія становища прѣзжаютъ сами хозяева на собственныхъ лодьяхъ, привозя съ собой муку, соль и другіе припасы на остатокъ лѣта, съ нѣкоторымъ излишкомъ для начала будущей весны. Явился въ свой станъ и хозяинъ шутника Григорьюшки, плотно раздобрѣвшій мужикъ съ маслянымъ лицомъ и зажирѣвшими пальцами, круглой и гладкой, упрямой и своенравной, по обычаю всѣхъ тѣхъ мужиковъ, которые съ измалолѣтства помаленьку сколачивали рубли и въ сорокъ лѣтъ считаютъ уже не только сотни, но и тысячи. Въ неизмѣнной синей сибиркѣ, въ жилетѣ, личныхъ сапогахъ и въ суконной шапкѣ съ глянцовитымъ козырькомъ, хозяинъ савонито, важно выѣзжаетъ на берегъ, прѣвѣтствуемый собравшимися работниками:

— Добро пожаловать, Евстегнѣй Парамоничъ, на наши промысла съ молитвой, да со святымъ благословеніемъ!

— Благополучно ли пронесло твою милость?

— А бойкіе вѣтры были, бойкіе, Евстегнѣй Парамоничъ!

— Ну, какъ вы-то живете-можете? Все ли по Божьему благополучію?

— Твоими молитвами, Евстегній Парамонычъ; живеть!...

— Какъ ты, Григорьюшко, шутки шутишь?

— Какъ не шутить, Евстегній Парамонычъ? кабы на животъ-то плотнѣ лежало—спалъ бы!...

— Ну, а ты Ервасей Петровичъ?

— Да вотъ, видишь, трясочку встряхнули: почестъ не полная шняка вышла, да вечеръ три обрядили. Рыбинки далъ Богъ—благодать рыбинки нонѣшной годъ далъ Богъ: амбарушку полную пососили, да еще на пол-амбарушки станеть; сушить ужъ начали, и той пудовъ съ сотню наберется. Посмотри, Евстегній Парамонычъ!

— Ладно, други, ладно такъ-то! съ вами хоть бы вѣкъ промысла обрывать: вотъ ужъ, гляди, и съ залишкомъ снасть-то окунилась... поочистилась! Неси-ко, ребята, съ лодьи угощеніе: рому ямацкаго я изъ Норвеги прихватилъ, позабавьтесь!

— Благодаримъ на почестяхъ; много довольны!

— Продли Господь твою жизнь на кои вѣки!

— Съ внуками тебѣ радоваться да и съ правнуками! Не прикажешь ли — разведемъ веселенькую, Евстегній Парамонычъ? спрашивалъ шутникъ-Григорьюшко, почувствовавши всю прыть и задоръ отъ прохватившаго его насквозь нефабрикованнаго, заграничнаго рома.

— Станемъ, братцы, хозяина нонѣ чествовать, а завтра что Богъ дастъ: можетъ, и поведемъ къ ярусу, а можетъ—и нѣтъ! Ну-ко разливанную-то приударимъ!

И пьеть, и поеть, и пляшетъ весь промысловой людъ на Мурманѣ съ приѣздомъ тароватыхъ хозяевъ; но какъ во всѣхъ подобныхъ пиршествахъ рѣдко простой человекъ обходится безъ загулу на трои, на четверы сутки, то мурманскіе промышленники куражатъ не одинъ день, тѣмъ болѣе, что за хмѣльное наличными платить не изъ чего, да и не откуда: хозяева послѣ разчитываютъ и охотно выпиваютъ весь ромъ, прихваченный въ Норвеги. Болѣе догадливые и радѣющіе о себѣ хозяева, естественно, тутъ-то и руки грѣютъ и рыбу удать. Болѣе честные и предостерегутъ, пожалуй:

— Смотри, ребята, нонѣ по серебряному рублю платилъ за бутылку-то!

— Да хоть бы и по три четвертака пришлось тебѣ гуртомъ-то, давай, не бойсь—коли есть еще—не стоимъ! Ты намъ не указывай: сами хозяева! вотъ хотимъ на ярусъ ѣхать — ѣдемъ, а нѣтъ, тагъ хоть лыки дери ты съ насъ; а ты намъ не указывай... сами хозяева!...

— Что мнѣ указывать? Зачѣмъ я стану, дружки мои, вамъ указывать?

— Вотъ это дѣло; это по нашему! Слышь вонъ гармонию? ну и давай, рому давай, коньяку давай!.. а водки мы вашей поморской и знать не хотимъ; водка эта—вода, званія не стоитъ, пѣу!...

Лучшимъ спасеніемъ въ этихъ попойкахъ — загулахъ болѣе или менѣе скорой отъѣздъ хозяевъ съ свѣжей первосолдкой треской въ Архангельскъ. Еще дня два гуляетъ промысловой народъ и стоятъ яруса нетронутыми. Но время и обычай беретъ свое. Чаше стали выплывать шняки на голѣмъ, рѣже несутся изъ становищъ пѣсни и пьяные выкрики: или хозяева уѣхали, или, наконецъ, истощился запасъ привезеннаго ими вина. И снова обычной чередой идутъ стряски и посолъ выловленной рыбы, и снова смѣшки и подсмѣиванья надъ хозяевами, и снова тянется цѣлый рядъ волшебныхъ сказокъ про Бабу-Ягу костаную ногу, про царя Берендѣя, про Яшку красную рубашку и проч., и снова по субботамъ и передъ большими праздниками поются старины стародавнія про Романа Митріевича, про Егорья-свѣта-храбраго, про царя Ивана Грознаго, про Иосаф-царевича, про Іосифа прекраснаго и проч., и проч. Между дѣломъ, при затянувшейся неблагоприятной морянкѣ, досужіе мастера работаютъ разныя бездѣлушки. Отсюда тѣ модели карбликовъ, людей, рѣншинъ со всѣми снастями, которыми изукрашены полисадники, ворота и свѣтелочные балконы въ богатыхъ домахъ богатыхъ поморскихъ селеній; отсюда же и тѣ голубки, гнутые изъ лучинокъ и раскрашенные, которыми любятъ украшать потолки своихъ чистенькихъ залъ всѣ богачи побережьевъ Бѣлаго моря. Мѣшая дѣло съ бездѣлемъ, въ августу мѣсяцу мурманскіе промышленники успѣваютъ наловить и насодить рыбы достаточно для того, чтобы часть оставить для будущей весны, а другою нагрузить рѣншину*), если они

---

*) Рѣншины—обыкновенныя шняки, но только съ накладными *нашвами* (сальн-бортами), двумя неопускными мачтами, безъ палубы, съ выпуклою

поѣдутъ по хозяйскому наказу прямо домой, и лѣдью*), если велѣно имъ ѣхать въ Архангельскъ къ Оспожинской (8 сентября) ярмаркѣ.

И вотъ наступаетъ вождѣленный, давно ожидаемый августъ мѣсяцъ; рыба идетъ замѣтно не дружиѣе, чѣмъ въ межонное время; дни убываютъ и солнышко давно уже уходитъ въ море, и чѣмъ дальше за перваго Спаса идутъ лѣтніе дни, тѣмъ дольше ночуетъ солнышко въ морѣ; морскіе вѣтра отдаютъ крѣпкимъ осеннимъ холодомъ, а лѣтніе дуютъ и рѣже и далеко непостояннѣе; морошка, которой такое обильное количество на всей тундрѣ за гористымъ берегомъ, поблекла, заводянѣла: гнить ей скоро придется. Чаечьи выводки, чабры, стали большими птицами и покрикиваютъ сильнѣе и учащеннѣе, чужой скорой отлетъ въ теплыя дальнія страны; показались кое-гдѣ даже вѣроны со своимъ зловѣщимъ крикомъ, рѣдкіе лѣтніе гости Мурмана; листь на березкахъ и ивнякѣ начинаетъ крѣпко желтѣть и къ концу августа слетитъ и прогнѣетъ на сырой влажной тундрѣ къ срединѣ сентября, когда выпадаетъ первой снѣгъ, которой почти всегда бываетъ зимнимъ нетаящимъ снѣгомъ. Послѣ Успеньева дни завязываются частые холодные туманы и начинаютъ дуть сѣверные, попутные въ Архангельскъ, вѣтра.

— Попадешь на нихъ въ доброй часъ — сутки въ три угодишь къ ярмаркѣ! думаютъ промышленники, которымъ уже далеко теперь не до пѣсенъ и загула, и нагрузивши лѣдью до верху самой свѣжей, самой лакомой для архангельскаго люда треской, оставляютъ Мурманъ подъ присмотромъ сосѣднихъ лопарей, всегда вѣрныхъ и честныхъ въ исполненіи разъ даннаго имъ обѣщанія. Поморъ, въ этомъ отношеніи, покоенъ: у него ничего не пропадаетъ, ни даже фунта изъ оставленной имъ про весенній запасъ трески. Звѣря боятся нечего: медвѣдь не охотникъ до рыбы, да онъ сюда и не ходитъ; не ходятъ на Мурманъ и другіе звѣри, предпочитающіе для своихъ прогу-

---

на срединѣ крышю, по той причинѣ, что суда эти отвозятъ съ Мурмана въ Архангельскъ первыя, ранніе промыслы (отсюда и самое названіе судна).

*) *Лодья*—самое большое изъ всѣхъ бѣломорскихъ судовъ, палубное, съ двумя однодеревянными мачтами и короткимъ бушпритомъ, поднимающее грузъ отъ 5—12,000 пудовъ.

локъ и обсемьяненія огромную лопарскую тундру, гдѣ имъ предстоитъ меньше опасности вдалекѣ отъ жилья и людей. Только неискусившіеся, неопытные изъ нихъ близко подходятъ къ селеніямъ на свою бѣду и конечную погибель въ силкахъ и разнаго рода и вида капканахъ *).

Такимъ образомъ, въ концѣ августа и въ началѣ сентября, вообще во все гдѣто, пустынное Бѣлое море замѣтно оживаетъ: рѣдкій день не пробѣжитъ на его, волнуемой отъ частыхъ осеннихъ вѣтровъ, поверхности пять-шесть разнаго рода судовъ: и неуклюжія лодыи, и красивенькія, ходкія шкуны, и равъшины, и большіе и малые карбасы. Все это направляется въ Двинскую губу, къ двинскимъ устьямъ и дальше въ Архангельскъ. Въ началѣ сентября вся Двина передъ городскою пристанью вполтную заставлена уже бѣломорскими судами; пристань длинная, покатая къ рѣкѣ площадь гостинныхъ рядовъ оживлена такъ, какъ никогда въ другое время года. Торговки, являющіяся туда изъ городскихъ слободокъ Кузнечихи и Архіерейской только по вторникамъ, теперь торгуютъ на площади цѣлый день передъ столиками, закладенными шерстяными чулками, всякой рухлядью, подержаной, и подновленной и заставленными самодѣльными компасами, имѣющими на поморскомъ нарѣчьи названіе *матокъ*. На плотяхъ набережной цѣлыя артели поденщицъ-женщинъ, называемыхъ по архангельски *жонками*, обмываютъ треску отъ той грязи, которая напласталась на рыбѣ въ мурманскихъ грязныхъ амбарахъ. Отсюда-то, и

---

*) Впрочемъ, надо замѣтить кстати, что коляне, какъ ближайшіе сосѣди океана, являются на немъ за треской не одинъ разъ въ годъ. Въ мартѣ идутъ они на такъ называемую *сѣшну* и къ Петрову дню привозятъ назадъ съ сухой рыбой. Стараясь расчитаться съ хозяевами въ долгахъ, они идутъ въ началѣ іюля на *лѣтню* и обрываютъ ее всю отъ себя и на себя. Около Успенья возвращаются домой и съ Ивана-Постнаго отправляются третій разъ на *подосѣнокъ*, и тогда промышляютъ до Воздвиженія. Выловленную въ это время рыбу солить для себя на зиму; затѣмъ, починивши сѣти и напекши хлѣба, идутъ около Покрова на *осенню*, возвращаясь съ ней домой къ Дмитріеву дню или къ Филиппову заговѣнью, около 13 ноября, съ свѣжей мороженой рыбой, которая и идетъ въ Петербургъ. Передъ Веденьевымъ днемъ уходятъ на *зимню*, и рыба съ этого промысла идетъ также въ Петербургъ, черезъ посредство села Шунги, въ которомъ бываетъ двѣ зимнія ярмарки: Никольская и Благовѣщенская.

со всей пристани, и со всѣхъ бѣломорскихъ судовъ, и отъ всѣхъ рослыхъ богатырей-поморовъ, расхаживающихъ по рынку и по всему городу, несетя тотъ характеристически-непріятный запахъ трески, который не даетъ покоя нигдѣ на всемъ протяженіи безтолково-длиннаго Архангельска и даже въ адмиралтейскомъ Соломбальскомъ селеніи. По улицамъ то и дѣло снуеть мѣстной людъ, прихватившій два-три звена любимой лакомой рыбы и въ плетушку, по здѣшному — туезъ, и въ лукошко, и такъ подъ мышку. Дорвались до дешеваго, вкуснаго, сытнаго и здороваго добра, навезеннаго въ такомъ огромномъ количествѣ поморами съ Мурмана: и приземистой, коренастой матросни рабочаго экипажа, и дряблой инвалидной солдатикъ, и цвѣтущій здоровьемъ и силами гарнизонной молодець, и соломбальская щебетунья-торговка, солдатская вдова, торгующая всякимъ добромъ на потребу неприхотливаго мѣстнаго населенія самаго сѣвернаго и самаго холоднаго изъ нашихъ губернскихъ городовъ. Несутъ треску и на трапезу бѣднаго писца любой изъ палатъ, и для стола губернскихъ аристократовъ, будетъ ли онъ изъ чиновнаго люда или изъ нѣмцовъ, искони пустившихъ корни въ архангельской почвѣ и сроднившихся съ нею почти и нажившихъ тамъ большіе капиталы въ торговлѣ съ Европой. Всѣмъ въ Архангельскѣ угодили мурманскіе промышленники; угодятъ еще больше и дальнымъ городамъ, когда олонцевая шунгская ярмарка отправитъ сушеную треску цѣлыми вереницами возовъ по тремъ смежнымъ губерніямъ, пройдетъ эта треска и въ Петербургъ и на Сѣнной площади этого люднаго города накормитъ дешево и сердито цѣлыя сотни *толкуческихъ* бѣдняковъ изъ сѣраго, простаго, добраго народа русскаго.

Пока такимъ образомъ поморы, облегчившіе свои лѣдья отъ мурманской клади, разгуливаютъ покойно по городскому рынку, покупая для себя, кто сапоги смазвые, кто сибирки, кто новыя городскія шапки и перчатки, кто платки и ситцы на обнвы домашнимъ, или весело пропиваютъ залишковъ въ спутныхъ кабакахъ, которыхъ такъ много въ Архангельскѣ — дома, въ родныхъ семьяхъ ихъ, съ послѣдними числами сентября, начинаются всѣ припадки нетерпѣливыхъ ожиданій большаковъ. Всякое судно, издалека еще показавшее свой бѣлый парусъ, приводитъ въ волненіе цѣлое селеніе; по мачтѣ, по окраскѣ

судна, по мельчайшимъ, тончайшимъ, едва примѣтнымъ для непривычнаго глаза признакамъ узнають мѣстное ли судно, или ближней деревни и какого хозяина. Живы ли всѣ, благополучно ли было плаванье въ городъ: писемъ получить не съ кѣмъ; послѣднія вѣсти шли еще съ Мурмана отъ хозяевъ и случайно отъ проѣзжавшаго разсылнаго земснаго суда. А между тѣмъ море бурлитъ уже по осеннему, холода стоятъ сильныя и бури вздымають море съ самаго дна. Разъ начавшійся крутой морской вѣтеръ тянетъ трои, четверы сутки безъ перемѣжекъ, безъ усталости. Того и гляди, при упорномъ сѣверѣ и полуношникѣ (С.—В.), закуетъ рѣчонки и губы, а тамъ ужъ недалеко и береговые припаи въ самомъ морѣ; вѣтры все противниками смотрятъ, и вотъ почти не видать совсѣмъ никакого судна, не только своего вождѣннаго. И ноютъ бабы, и плачутся другъ-другу на крутыя, тяжолыя времена:

— Чтой-то, жонки, словно и не бывало такого горя: такая-то дурь не глядѣла бы!...

— И не говори, желанная, словно на зло намъ и погоды-то такія дались. Не наговорилъ ли кто?

— А и то, дѣвонька, не пустиль-ли кто съ Корелы на насъ такое несхожее попущеніе? Дѣлають, вѣдь...

— Дѣлають, богоданная, ангельская душа твоя, дѣлають! Есть тамъ такіе: вонъ стрѣлья пуцають же!

— Пуцають, кормилва, пуцають, желанная моя! Экой грѣхъ, экое горе!

— И не говори, дѣвонька; такой-то неизбывной грѣхъ, такое-то злоключеніе! Ой, Господи, ой, соловецкіе святыя угодники!...

— Да помолитесь нѣшто, жонки! Варлаамію-то Керетскому: даетъ, вѣдь, повѣтерье-то, посылаетъ!

— И тѣ, разумницы, помолитесь: легче станетъ, на душѣ рай разцвѣтетъ.

— Разцвѣтетъ, кормилицы, разцвѣтетъ и... полегшѣетъ.

И молятся бабы о спопутныхъ погодахъ, и цѣлымъ селеніемъ, и каждая порознь—въ одиночку, всякая о своемъ сердобольномъ, и цѣлымъ селеніемъ ходятъ къ морю дразнить вѣтеръ, чтобъ не серчалъ и давалъ бы льготу дорогимъ *мтлякамъ*. Для этого онѣ предварительно молятся всѣмъ спопутнымъ крестамъ, которыми такъ богаты всѣ бѣломорскія прибрежья,

гдѣ на рѣдкомъ десяткѣ верстѣ не встрѣтишь двухъ-трехъ деревянныхъ крестовъ. На слѣдующую ночь послѣ богомолья всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгарку, чтобы тинула повѣтерье, и тутъ же стараются припомнить и сосчитать ровно двадцать семь плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости, и даже въ деревнѣ, если только есть возможность къ тому. Вспоминая имя плѣшиваго земляка, дѣлають рубежокъ на лучинкѣ углемъ или ножомъ, произнеся имя послѣдняго, двадцать седьмаго, нарѣзываютъ уже крестъ. Съ этими лучинами все женское населеніе деревни выходитъ на задворки и выкрикиваетъ сколь возможно громко слѣдующій припѣвокъ:

Востокъ да обѣдникъ
Пора потянуть!
Западъ да шалоникъ
Пора покидать!
Тридевятъ плѣшей
Всѣ сосчитавны,
Пересчитавны;
Востокова плѣшь
Напередъ пошла.

Съ этими послѣдними словами бросаютъ лучинку черезъ голлову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ же припѣваютъ слѣдующее:

Востоку да обѣднику
Каша наварю
И блиновъ напеку;
А западу, шалонику,
Спину оголю.
У востока да обѣдника
Жена хороша,
А у запада, шалоника,
Жена померла!

Съ окончаніемъ послѣдняго припѣвка обыкновенно спѣшаютъ посмотреть на кинутую лучинку: въ которую сторону легла она крестомъ — съ той стороны и надо ожидать вѣтеръ. Но если опять провозвѣститъ она вѣтеръ неблагопріятной, прибѣгаютъ къ послѣднему, извѣстному отъ старины средству: сажаютъ на щепку таракана и спускають его въ воду, приговаривая: «поди тараканъ на воду, подними тараканъ съвера».

Но вотъ съ колокольни, откуда уже цѣлой день не сходятъ ребятишки, несутся ихъ радостные, веселые крики: «Чабъ, чабъ-чебаняты, матушки-лодейки, наши деревенски!» Вся деревня цѣлымъ своимъ населеніемъ бѣжитъ на пристань, къ которой легонько подвигается то безобразное судно, которое и на ходу тяжело и въ бурю опасно, но почему-то, до сихъ еще поръ, любимо поморскимъ народомъ и называется лодьёю. Сходятъ, наконецъ, на берегъ и мурманщички, цвѣтушіе еще большимъ здоровьемъ и крѣпостью, чѣмъ были передъ походомъ въ дальнюю сторону. Полнота и завидная свѣжесть лицъ не мало свидѣтельствуютъ о томъ, что свѣжій, чистый морской воздухъ, которымъ довелось имъ питаться въ самую лучшую часть года, постоянныя, ломовыя работы, такъ благотвѣтельно укрѣпляющія мышцы и весь составъ человѣка, чарка, употребленная во время и въ иѣру и, наконецъ, тресковое сало, топленое изъ максы (печонки) и служившее, вмѣсто чаю, по утрамъ и на ночь, возымѣли на тѣлосложеніе хотя и не ладно кроенаго, но крѣпко-шитаго русскаго человѣка все свое спасительное, благотвѣтельно-укрѣпляющее вліяніе.

— Красавцы вы наши, благотвѣтели, радости вы наши небесны! Разнесло-то васъ, разкрасавило? жилось безъ васъ-тужилось, а теперь вотъ и счастье наше прилучилось! Не ждали васъ, не гадали нонѣ, а сталося такъ, что по вашему, а не по нашему; свѣты вы наши красные, радѣльнички! — причитываютъ обрадованныя до послѣдняго нельзя бабы и будутъ еще нѣсколько дней вычитывать всѣ ласкательные приговоры и прозвища, какіе только есть въ ихъ нарѣчці, вообще богатомъ и, до сихъ еще поръ, сохранившемъ въ неприкосновенной цѣлости слѣды славянскаго (новгородскаго) элемента.

Между тѣмъ, на первыхъ же дняхъ пріѣзда, покрученики получаютъ отъ хозяевъ расчотъ: болѣе радѣющіе о себѣ успѣваютъ получить наличными; забравшіеся и неумѣющіе сводить концы съ концами, естественно, очищаютъ только нѣкоторое количество долгу и почти всегда тутъ же должаютъ и на будущія вѣсны. И если ни одна заработанная копѣйка, получонная гуртомъ и всегда въ часть доброй не обходится безъ *вспрыскава* вездѣ, во всѣхъ концахъ громадной отчизны нашей, то и здѣсь точно также кабакъ и его содержатели получаютъ огромной процентъ въ общей складчинѣ трудовыхъ, кровныхъ денегъ, отъ

которыхъ тяжело и весело, и легко и грустно, пожалуй; тому же самому помору. Въ глухую осень и холодную зиму успѣваетъ онъ отлежаться и отдышаться до того, что съ первыми признаками весны его опять тянетъ въ море, которое по морскому же присловью, хотя и горе, а безъ него ему вдвое. Море — говорятъ поморы, наше поле: дастъ Богъ рыбу — дастъ Богъ и хлѣбъ.

IX.

ТЕРСКОЙ БЕРЕГЪ БЛАГО МОРЯ.

Физическій видъ на всемъ дальномъ протяженіи его.—Лопари; ихъ бытъ и нравы съ исторической и этнографической стороны. — Лопари по сравненію съ самоѣдами. — Занятія лопарей.—Дѣвъ семги: село Кузомень, село Варгуза. — Заборы для рыбы и другія рыболовныя снасти, употребляемыя на Терскомъ берегу и въ другихъ мѣстахъ сѣвернаго края.—Нравы и обычаи семги. — Дальнѣйшій путь по Терскому берегу, мимо Умбы и орьегубы.—Серебряная руда. — Впечатлѣнія при переѣздѣ черезъ Кандалажскую губу въ бурю.

Тѣми же высокими гранитными скалами, до 25 и 30 сажень высоту, какъ Мурманской, какъ Корельской берега, начинается и Терской берегъ отъ Св. Носа; тѣми же гранитнымъ утесомъ кончается онъ въ вершинѣ Кандалажскаго залива. Выкрытыя тундрой, съ вѣчнымъ снѣгомъ въ оврагахъ, темно-красноватыя горы эти тянутся до рѣки Понѣй, за изгибами которой разбросано первое селеніе Терскаго берега — село Понѣй, съ деревянною церковью, съ 20 домами, съ такимъ же количествомъ обитателей (между которыми встрѣчаются уже осѣдлые лопари) и съ заборомъ для семги, выстроеннымъ поперекъ порожистой, глубокой рѣки. Тою же тундрой и бѣловатымъ яглемъ—оленнимъ мохомъ—выкрыты горы и прибрежныя скалы берега на дальнѣйшемъ протяженіи полуострова до рѣки Пулонги; рѣдко горы эти и прибрежныя скалы поднимаются выше 50 сажень, но большая часть изъ нихъ, уже около острова Сосновца, покрываются мохомъ зеленоватаго цвѣта и мелкимъ кустарникомъ, который, по мѣрѣ приближенія берега

къ рѣкѣ Пулонгѣ, переходитъ постепенно въ рѣденыій, невысокій сосновой и березовой лѣсъ. Бѣднѣе и безпривѣтнѣе вида этого побережья можно представить себѣ одинъ только голой Мурманской берегъ океана, продолженіемъ котораго можно считать безошибочно всю сѣверную, начальную часть Терскаго берега. Около Пулонги начинаются уже песчаныя осыпи и кое-гдѣ глинистыя прикрутости, которыя, при устьѣ самой большой изъ рѣкъ Терскаго берега — Варзуги, являются сплошнымъ песчанымъ полемъ, кое-гдѣ испещреннымъ невысокими песчаными холмами въ срединѣ этого поля и болѣе высокимъ, менѣе рѣдкимъ лѣсомъ по окраинамъ его. Пять только селеній приютились на всемъ этомъ безпривѣтномъ протяженіи Терскаго берега, до устья рѣки Варзуги, при устьяхъ маленькихъ рѣчекъ, на береговыхъ прикрутостяхъ; во всѣхъ этихъ селеніяхъ можно видѣть деревянныя часовни, въ рѣдкомъ церковь. Таковы Пялица (20 дворовъ), Чапома (22), Стрѣльна (4), Тетрина (30) и Чавонга (13). Изъ деревень этихъ только одна Тетрина, какъ бы въ исключеніе изъ общаго правила, не прячется за дальними холмами рѣки, дальше внутрь земли отъ устья, но видится съ моря всецѣло на мысѣ, у подошвы голой, гранитной крутизны; оттого и самой видъ деревни картинно-своеобразенъ. Также приглубъ Терской берегъ и на этомъ половинномъ протяженіи своемъ (отъ Поноя до Варзуги), какъ приглубъ онъ и вездѣ дальше до Кандалакши; также кое-гдѣ и около него есть песчаные отрядыши и глубокіе острова, между которыми по величинѣ замѣчательнъ *Сосновецъ*, служившій въ недавнюю войну станціею судовъ соединеннаго англо-французскаго флота. Островъ этотъ голымъ камнемъ, прорѣзаннымъ кварцомъ, на десять сажень возвышается надъ поверхностью моря, въ недалнемъ (2 мили) разстояніи отъ берега, и идетъ на 600 сажень въ длину и на 320 саж. въ ширину. Издали видится на немъ красная башня, а на западномъ берегу нѣсколько крестовъ. Тѣми же крестами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ установлено и все побережье. Кресты эти и становыя избы кое-гдѣ на южныхъ отклоняхъ горъ, успѣвають еще поддерживать вѣру въ то, что вѣдеш не окончательно пустыми, безлюдными мѣстами, что если не видно жизни теперь, то во всякомъ случаѣ, была она прежде, будетъ потомъ. Только около рѣдкихъ, бѣдныхъ селеній успѣвають встрѣчать живаго чело-

вѣка: это или рыбаки, выѣхавшіи съ товарищами осматривать сѣть, пущенную въ море, или иногда куча дѣвокъ съ пѣснями и смѣхомъ плывутъ въ такомъ же карбасѣ на ближней островъ докашивать траву, или добирать ягоду, успѣвшую уже созрѣть на то время (конецъ іюля). Забравшись въ селеніе, встрѣчаешь тѣ-же чистыя избы, тѣхъ же пріятливыхъ и словоохотливыхъ русскихъ мужичковъ съ ихъ своеобразнымъ, въ высшей степени типичнымъ говоромъ, съ ихъ бытомъ, сложившимся подъ иными условіями, при иной обстановкѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ великой Россіи, и потому способнымъ интересоваться до конца въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ и проявленіяхъ. Заселеніе Терскаго берега славянскимъ племенемъ одновременно съ заселеніемъ этимъ же племенемъ всего сѣвера Россіи; а умѣнье освоиться съ чужою мѣстностью, втеченіе этихъ шести-семи вѣковъ, какъ съ родною, даетъ почти прямое право считать русское племя за аборигеновъ побережья въ Бѣлаго моря, а настоящихъ аборигеновъ — финское племя, лопарей—какъ пришлецовъ, какъ гостей на чужомъ пиру и притомъ гостей почти лишніхъ и ненужныхъ. Такъ скоро умѣло болѣе сильное и развитое племя подчинить своему вліянію слабое племя инородцовъ! Лопарь теперь не болѣе, какъ работникъ, батракъ, рабъ-невольникъ у русскихъ обитателей Терскаго берега. Нѣкоторою самостоятельностью (хотя, въ тоже время, незначительною) пользуются изъ лопарей только тѣ, которые поселились своими вѣжами въ глуши Лапландскаго полуострова, вблизи озеръ, или на почтовомъ трактѣ между Кандавакшею и Колой, вблизи тѣхъ же большихъ и рыбныхъ озеръ. За то всѣ лопари Мурманскаго, а тѣмъ болѣе Терскаго берега, издавна уже существуютъ работами, задаваемыми имъ русскими промышленниками, и болѣею частію или уже обрусѣли, или находятся въ послѣднемъ, близкомъ къ этому великому дѣлу періодѣ.

Лопари, или собственно такъ называемая терская лопь, встрѣчаются по одиночкѣ не только на Мурманѣ, но и у рѣки Иоканки и на берегу Лумбовскаго залива (до 80 душъ), и въ каждомъ селеніи Терскаго берега работниками у богатыхъ хозяевъ. Семьями или цѣлыми погостами, встрѣчаются они только у рѣки Поноя (свыше 50 душъ), около острова Сосновца (свыше 20 душъ) и верстахъ въ 20 отъ селенія Кузрѣки. Въ пер-

вомъ случаѣ они живутъ у моря и ради-моря, и потому посильно гладутъ и свою долю вліянія на отправление звѣринныхъ промысловъ и рыбной ловли больше, чѣмъ корелы.

Рѣзко бросается въ глаза низенькой лопарь, всѣмъ обликомъ своимъ замѣтно отчужденный отъ сосѣдняго русскаго люда. Глянцовито-черные волосы щетинисто торчатъ на головѣ и, кажется, никогда не способны улечься, а висятъ какими-то неровными ключьями надъ лбомъ; изъ подъ котораго тупо и лѣнливо глядятъ маленькіе глаза, большею частію каріе. Нѣсколько выдавшіяся скулы, значительной величины разрѣзъ рта дѣлаютъ изъ лопаря нѣкоторое подобіе самоѣда, еслибы только всѣ черты лопаря были менѣе округлы, еслибы разрѣзъ глазной былъ уже и самая смуглость лица была бы сильнѣе. Лопарь, напротивъ, въ этомъ отношеніи, составляетъ какъ бы переходъ отъ инородческаго племени къ русскому, хотя бы, напримѣръ, отъ того же самоѣда къ печорцу. Правда, что въ тоже время лопарь, сравнительно, выше ростомъ самоѣда, менѣе плечистъ и коренастъ, хотя и далеко не дошолъ до русскихъ, между которыми попадаются истинные богатыри и красавцы. Но за то, въ свою очередь, несравненно легче и понятнѣе говорить лопарь по русски, чѣмъ картавой самоѣдъ, и хотя лопарь любитъ вставлять (*уснащивать*, по мѣстному выраженію) въ свою рѣчь лишніе, неимѣющіе никакого смысла слоги, въ родѣ *ба, ото* и проч., и свои родныя, коренныя слова—все же его понять можно и даже, при случаѣ, разговориться съ нимъ. Продолжая далѣе сравненіе лопарей съ самоѣдами, находимъ не лишнимъ сказать, что самоѣды уходятъ далеко отъ своей родной тундры, собираютъ милостыню въ Архангельскѣ; лопарь же, въ свою очередь, рѣдкой и случайной гость этого города и почти никогда не оставляетъ своей вѣжи на долго. Если самоѣдское племя многочисленнѣе, а лопарское малочисленнѣе, и если самоѣдовъ только въ послѣднія десятилѣтія настоящаго вѣка начали обращать въ христіанство, то лопари давно уже христіане.

Лопари, какъ говорятъ лѣтописи, въ княженіе Василія III явились въ Москву съ данью и произвольною просьбою дать имъ проповѣдниковъ Евангелія. Тогда же (въ 1527 г.) отправленъ былъ съ ними архимандритъ Феодоритъ, успѣвшій просвѣтить христовымъ ученіемъ лопарей, жившихъ около Колы, и даже будто бы перевести нѣкоторыя церковныя книги на ту-

земной языкъ. Но въ настоящее время не сохранилось ни книгъ, ни даже какихъ либо преданій и извѣстій о Θεодоритѣ. Богъе памятнымъ и высокочтимымъ всемъ лопарскимъ населеніемъ остается св. Триеонъ, апостольствовавшій въ дальнихъ сѣверо-западныхъ предѣлахъ Лапландіи одновременно съ Θεодоритомъ (около половины XVI вѣка). Мрамаи кротости, личнымъ примѣромъ безупречной, добродѣтельной жизни преподобной Триеонъ успѣлъ въ короткое время обратить полудикихъ сосѣдей своихъ въ христіанство и построилъ на рѣкѣ Печенгѣ монастырь, упраздненной въ настоящее время *). Мѣсто его замѣнила деревянная церковь. Еще далеко прежде появленія Θεодорита въ Лапландіи, лопари — по свидѣтельству соло-

---

*) Вотъ краткая исторія этого Кольскопеченскаго монастыря, нѣкогда самаго сѣвернаго и самаго дальнаго изъ всехъ существующихъ въ Россіи. Первой храмъ, построенной Триеономъ, посвященъ былъ имени св. Троицы и освященъ іеромонахомъ Илиєю, котораго нашолъ преподобной въ Колѣ. Этотъ же іеромонахъ постригъ Триеона въ монашество. Триеонъ отправился въ Москву просить грамоты у царя Грознаго, встрѣтилъ царя на пути въ церковь, подалъ челобитную и тогда же получилъ въ даръ отъ царевича Θεодора верхнюю одежду и отъ самого царя (22 ноября 1556 г.) жалованную грамоту. Монастырь получилъ «на пропитаніе въ вотчину морскія губы: Мотовскую, Лидскую, Урскую, Лазренскую и Навденскую», и съ тѣмъ, чтобы «въ морѣ всякими рыбными ловлями и морскимъ выметомъ, коли изъ моря выкинетъ кита или моржа или какого иного звѣря, и морскимъ берегомъ, землею, островами, рѣками и мылыми ручейками и съ верхотинами, и топями, и горювыми мѣстами, и пожьями, и лѣсами, и лѣсными озерами и звѣринными логовицами, и лопарями, которые лопари наши данные въ той Мотовской и Печенгской губѣ нынѣ есть и впредь будутъ, и со всеми луговыми угодами и своими царя и великаго князя денежными оброки и со всеми доходы и съ волостными кормы и тѣмъ имъ питаться, и монастырь строить». При царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ (въ 1590 году) шведскіе финляндцы, жившіе близъ Колы, сожгли церковь Успенія, стоявшую въ 26 верстахъ отъ монастыря. Стояли потомъ 7 дней подъ самымъ монастыремъ и въ день Рождества Христова, тотчасъ послѣ литургіи, умертвили всехъ бывшихъ въ оградѣ, ограбили церкви и сожгли и разрушили до основанія весь монастырь. Θεодоръ Іоанновичъ повелѣлъ перевести обитель въ Колу, но она здѣсь вскорѣ сгорѣла и вновь выстроена была (въ 1619 году), уже при царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ, за рѣкой Колой. Монастырь управлялся игумнани; въ 1701 г., по указу Петра Великаго, приписанъ былъ къ архіерейскому дому, а потомъ къ кольскому собору. Церковь упраздненнаго монастыря сожжена вмѣстѣ съ городомъ соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ въ 1854 году.

вещкаго лѣтописца — вскорѣ по основаніи Соловецкаго монастыря, уже имѣли вѣру во Христа: «мнози отъ тѣхъ лопарей прихождаху во обитель преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія и остризающе власы главъ своихъ бываху мниси». Въ другой соловецкой рукописной книгѣ, «Садъ Спасенія», говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Древле быша сіи вышерѣченіи родове, яко звѣрие дивіе живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, не имуще ни храма, ни инаго потребнаго къ жительству человѣческому; но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же — кожа еленей тѣмъ баше. Отнюдь Бога истиннаго единаго и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати, ни разумѣти хотяху; но имъ же кто когда чрево насытитъ, тогда оно и бога си поставляше, и аще иногда каменемъ звѣря убіетъ — камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое — палицу боготворитъ, еже и нынѣ въ самоядцѣхъ зловѣріе закаменѣлое обрѣтается, еще и въ лопарѣхъ, обаче *отчасти*». По крещеніи Триеономъ, лопари, оставшіеся еще въ язычествѣ, стали называться лопью некрещеною, но уже не надолго. Другое свидѣтельство о лопаряхъ находимъ у Павла Іовія, жившаго въ Россіи при Василиѣ III. Онъ говоритъ: «На самомъ дальномъ берегу океана живутъ лапландцы, народъ чрезвычайно дикой, подозрительной и до того трусливой, что одинъ слѣдъ чужестранца, или даже одинъ видъ корабля, обращаетъ ихъ въ бѣгство; москвитяне не знаютъ свойствъ этого народа; торговля мѣхами производится безъ разговоровъ, потому-что лапландцы избѣгаютъ чужихъ взоровъ. Сличивъ покупаемые ими товары съ мѣхами, они оставляютъ мѣха на мѣстѣ, а купленное уносятъ, и такая заочная торговля производится съ чрезвычайною честностію».

Другія историческія свидѣтельства приводятъ насъ къ тому заключенію, что лопари въ переселеніи своемъ шли съ юга, и именно отъ Онежскаго озера, гдѣ нѣкто муромскій монахъ Лазарь видѣлъ ихъ еще около половины XII столѣтія и звалъ *лопьянами, сыроядцами*, звѣрообразными людьми; но тогда же хвалилъ ихъ кроткіе нравы, рассказывая объ общей благодарности и желаніи стать христіанами послѣ того, какъ удалось ему исцѣлить слѣпнаго сына одного изъ лопарскихъ старшинъ. Въ началѣ XI столѣтія лопари дѣлаются извѣстными исторіи,

и уже какъ данники Великаго Новгорода. Новгородъ раздѣлил ихъ на два разряда: *двоеданными* и *треданными*, и къ послѣднимъ приписывалъ тѣхъ изъ нихъ, которые переходили за норвежскую границу добывать промысла. Дань эта состояла сначала изъ шкуроекъ пушнаго звѣря и рыбы, а потомъ уже изъ денегъ; только при Иоаннѣ III лопари начали сами возить эту дань въ Москву, но до того времени отдавали ее нарочно присылаемымъ приставамъ, которые и обязаны были ѣздить и ходить по ближнимъ и дальнымъ погостамъ. Посильно правя государственнымъ повинности, лопари, въ то же время, находились во враждебномъ отношеніи къ тѣмъ изъ своихъ единоплеменниковъ, которые подчинились норвежцамъ и въ страны которыхъ наши лопари ѣздили за промыслами. Происходили ссоры, драки, кровопролитія; требовалось положить между сосѣдями политическую, правительствами обусловленную, границу. Около пятисотъ лѣтъ тянулось это дѣло. Шведы неоднократно присылали уполномоченныхъ, являлись и московскіе (въ 1526, 1592, 1595, 1601); затѣвались споры, происходили разногласія, дѣло не подвигалось впередъ, требовалось рѣшенія спора оружіемъ. Шведы, въ 1591 г., овладѣли сумскимъ острогомъ, сожгли монастырь печенской; московскія войска, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ князей Волконскихъ, опустошили сѣверную Финляндію. Нѣкто Валитъ — «ратный человекъ и къ рати необычайный охотникъ, собою дородный», изъ знатныхъ новгородцовъ, ходилъ на Мурманъ, поставилъ огромной камень и, окруживъ его двѣнадцатью рядами каменныхъ стѣнъ, назвалъ Вавилономъ — говорить финское преданіе (не сохранившееся у лопарей). То же самое соорудилъ этотъ Валитъ и на мѣстѣ нынѣшней Колы; шведы отдали ему все Лопорье до рѣки Ивгея, такъ что лопари сдѣлались новгородскими данниками. Царь Борисъ начиналъ дѣло о границахъ, но не кончилъ; начавшаяся неурядица государственная затянула это дѣло на долго. Екатерина II, въ 1784 г., подняла вновь вопросъ этотъ, но также не кончила совершенно; въ 1809 году, когда Финляндія присоединена была къ Россіи, границы эти были приведены въ большую ясность. Такъ было до 1822 года, когда норвежскіе солдаты изъ крѣпости Вардегуза, пріѣхавши къ берегамъ, принадлежавшимъ къ Пазръѣцкому погосту, нарубили тамъ дровъ, во исполненіе уже давняго обычая похищать лопарскую соб-

ственность. Лопари принесли жалобу кольскому исправнику. Въ дѣло это вмѣшалось шведское правительство; присланы были уполномоченные и тогда же получена новая жалоба отъ *фильмановъ* *) (норвежскихъ лопарей, *финнмановъ*, *фирмановъ*) на русскихъ лапландцовъ. Все это, взятое вмѣстѣ, послужило къ тому, что въ 1825 году русской подполковникъ Галяминъ и шведскій полковникъ Сперкъ назначили окончательно границу эту по рѣкѣ Пазрѣкѣ (Паавигу). По конвенціи между русскимъ и шведскимъ правительствами, подписанной въ 1826 году, положено, чтобы норвежскія семейства, а равно и семейства русскихъ подданныхъ, живущія на земляхъ, которыя навсегда достаются въ удѣлъ Россіи или Норвегіи, оставались на мѣстѣ ихъ жительства или переселились на землю другой державы втеченіе трехлѣтняго срока. Втеченіе шести лѣтъ тѣ и другіе имѣли право ходить на землю другой державы для производства тамъ по прежнему рыбной и звѣриной ловли, соображаясь, однако, съ правилами внутренней полиціи и таможенными учрежденіями. Оленей позволялось пасти только на тѣхъ мѣстахъ, которыя названы общинами (Fellesdistricter).

Въ правительственномъ отношеніи, лопари въ настоящее время стоятъ наравнѣ съ прочими государственными крестьянами: платятъ подати, исправляютъ земскія повинности; но, въ то же время, освобождены отъ личнаго рекрутства, платя вмѣсто того, въ рекрутскій годъ, 150 р. сер. съ рекрута.

Закутанный въ оленьи мѣха, лопарь живетъ по зимамъ въ своихъ зимнихъ погостахъ внутри Лапландскаго полуострова и только на лѣто перекочовываетъ къ морю или океану. Тотъ же совнѣкъ, что и у самоѣда (но, на этотъ разъ, называемый *ичодкъ*, нераспашной, съ колпакомъ для головы), тѣ же оленьи высокіе сапоги—*яры*, съ длиннымъ и острымъ носкомъ, шапка съ

---

*) Финнманы—живутъ въ трехъ торговыхъ крѣпостцахъ: большомъ и маломъ Вадаэ, въ Несби и въ селеніяхъ при Варангскомъ заливѣ океана: Нявдемъ, Павъ и Ровдиной. Образъ жизни, одежда, языкъ и нравы ничѣмъ почти не отличаются отъ русскихъ лопарей; но за то финнманы несравненно богаче послѣднихъ количествомъ головъ рогатаго скота и оленьихъ стадъ. Рыбная ловля и морскіе промыслы значительно пополняютъ это количество. Финнманы раздѣляются на *юрныхъ* (Fieldfinner) и *морскихъ* (Seefinnger).

длинными ушами, опушенная разсомашечьимъ мѣхомъ, спасаютъ лопаря отъ суровостей полярнаго холода. *Юна* — тотъ же *печокъ*, но не мѣховой, а изъ сѣраго сукна, съ такимъ же куколемъ, или колпакомъ, въ родѣ шапки, служитъ лопарю на его лѣтнихъ морскихъ промыслахъ, спасая его и отъ крѣпкихъ вѣтровъ, и отъ мириадъ комаровъ, вьющихся надъ гнилою тундрой его отечества *). Тотъ же, наконецъ, конусообразной шатеръ, что чумъ у самоѣдовъ, называемой у лопарей *вѣжой*, составляетъ его жилище. Разница между чумомъ и вѣжой незначительна. Тѣ же обточенные шесты, сажени въ двѣ длиною, составляютъ ея основаніе, такое же отверстіе наверху для дыму, тотъ же, наконецъ, земляной полъ, устилаемой оленьими постелями, какъ и въ самоѣдскомъ чуму. Разница только въ томъ, что вѣжа устанавливается прочнѣе и не перевозится, какъ чумъ, съ мѣста на мѣсто (въ этомъ случаѣ, вѣжа составляетъ какъ бы нѣчто среднее, переходное отъ кочевой палатки къ избѣ или дому). Для этой цѣли внѣшняя сторона вѣжи не обшивается оленьими мѣхами, а обкладывается сначала хворостомъ и вѣтвями хвойныхъ деревьевъ, а потомъ сверхъ всего широкими пластами дерна. Въ одномъ боку вѣжи, въ противоположной сторонѣ отъ сѣвера, оставляется отверстіе, которое, на этотъ разъ, закрывается опять таки не оленьимъ мѣхомъ, а дверью, сколоченною изъ трехъ-четырехъ дощечекъ; дверь эта приподнимается кверху и тяжестью своей готова придавить и способна ушибить больно всякаго неловкаго, неопытнаго гостя, какъ западня, какъ защолка, хотя бы и той же звѣриной ловушки. Такихъ вѣжъ у такъ называемыхъ кочующихъ лопарей для каждаго семейства по двѣ: одна, зимняя, остается при озерахъ *незанертою*, когда лопарь перекочовываетъ въ весеннее время къ морю, гдѣ уже ждетъ его готовая лѣтняя вѣжа, точь въ точь такого же строенія и вида, какъ и прежняя. Многіе погосты имѣютъ уже лопарскія избы, выстроенныя по образцу русскихъ. Ту же скудную пищу и тотъ

---

*) Лопарки носятъ сарафаны; на головѣ—сороки изъ кумача, холста и карзеи; на затылкѣ кладутъ вынизанный бисеромъ, краснаго сукна наза- тыльникъ. Дѣвушки носятъ шелковыя карзейныя повязки; а на шеяхъ бу- сы изъ краснаго бисера и дешоваго жемчуга, добываемаго, какъ извѣстно, во многихъ рѣкахъ поморья, особенно въ рѣкѣ Кеми.

же крѣпкой сонъ внушаетъ и лопарь въ своихъ вѣжахъ, или избахъ, какими пользуются самоѣды въ своихъ чумахъ. Отъ тѣхъ же оленьихъ стадъ зависитъ участь и судьба большей части лопарскаго населенія, какъ и самоѣдскаго. Разница только въ томъ, что лопари давно уже перестали находить въ оленяхъ единственныхъ друзей и единственное, неизбѣжное подспорье въ жизни, а потому обращаютъ на нихъ меньшее вниманіе. Олени лопарскіе больше ростомъ, значительно крѣпче силой, не гоняются стадами при передвиженіи, а живутъ по большей части на назначенныхъ мѣстахъ, на издавна отведенныхъ пастбищахъ и часто оставляются безъ надзора на все лѣтнее время морскихъ промысловъ. Огромныя стада дикихъ оленей вознаграждаютъ утраты, въ случаѣ нападенія на стада домашнихъ оленей волковъ, росомахъ и медвѣдей, которыхъ, какъ говорятъ, на Лапландскомъ полуостровѣ несравненно больше, чѣмъ въ мезенской тундрѣ. Точно также, по большей части съ пятилѣтняго возраста, пускаютъ и лопари (какъ и самоѣды) оленей своихъ въ упряжь; разница здѣсь только въ томъ, что лопарскія сани имѣютъ форму корыта и называются *кѣресомъ*, *керезкою*, но у нихъ также веревочная упряжь, все то же, даже и особыя названія для всякаго возраста животнаго: *телемокъ*—олень на второмъ году жизни называется *уракомъ*, самка—*вонделкою*; на третьемъ: самецъ—*убарсомъ*, самка *вонделваженкою*; на четвертомъ: самецъ *кундусомъ*, самка, какъ и у самоѣдовъ—*важенкою* и, также какъ у самоѣдовъ же, самецъ послѣ пяти лѣтъ и до смерти носитъ названіе *быка* *). Точно также и на Лапландскомъ полуостровѣ, какъ и по мезенской тундрѣ, врагами оленей, помимо волковъ, можно считать докучливыхъ слѣпней (*coestrus tarandi*). Оригиналенъ здѣсь только тотъ обычай, что пригнаннымъ къ морю оленямъ лопари позволяютъ пить соленую воду. Олени пьютъ ее съ жадностью, но только одинъ разъ въ лѣто; другіе разы они въ этой водѣ только спасаются отъ слѣпней, но, какъ замѣчаютъ, никогда уже не пьютъ ея больше. Терскіе лопари (предпочтительно передъ другими одноплеменниками) изъ оленьихъ шкуръ

---

*) Звѣшной олень также не живетъ болѣе 20 или 30 лѣтъ, и умерщвляется раньше, на случай насущной потребности, для одежды или пищи.

приготавливаютъ хорошую лосину и замшу, называемыя въ поморской торговлѣ общимъ именемъ *рѣдьюи*.

Продолжая сравненіе лопарей съ самоѣдами, найдемъ, что точно также и лопари въ своей торговлѣ съ русскими промышленниками, забирающими у нихъ лѣтніе уловы рыбы въ становищахъ Мурманскаго и Терскаго береговъ, скорѣе остаются въ накладѣ, чѣмъ въ прибыли. Лишняя чарка водки рѣшаетъ иногда дѣло къ немалому ущербу лопаря, всегда добраго, всегда сговорчиваго и всегда вѣрующаго въ честность промышленниковъ русскихъ, но почти всегда ошибающагося. Наконецъ, несравненно лучшимъ здоровьемъ пользуется лопарь передъ самоѣдами, по той причинѣ, что, къ счастію, нѣтъ у нихъ наследственныхъ заразительныхъ болѣзней, нѣтъ и другихъ, исключая неизбѣжныхъ морскихъ. Можетъ быть, способствуютъ къ тому правильно обусловленные переходовки два раза въ годъ; а можетъ быть и не такъ грязная, не такъ животная жизнь, какъ жизнь самоѣдовъ. Если прибавить ко всему сказанному, что лопаря необыкновенно пугливы, и что громкій, неожиданный стукъ или крикъ способенъ произвести во всемъ ихъ организмѣ значительное нервное расстройство, подчасъ доводящее ихъ до состоянія бѣшенства: то, этимъ, кажется, придется сказать все о лопаряхъ.

Тою же кротостію, тѣмъ же миролюбивымъ характеромъ дышатъ всѣ сношенія лопарей съ русскими, какъ и сношенія самоѣдовъ съ зырянками *). Даже, какъ кажется, лопарь еще честнѣе, еще характернѣе самоѣда, а простодушіе его не ищетъ дальнихъ доказательствъ. Также патріархально-гостепріимный въ своей вѣжѣ лопарь, въ то же время, въ сношеніяхъ своихъ съ русскими любитъ заводить тѣсную дружбу, родъ братства, однимъ словомъ, любитъ блюсти вѣковой обычай *крестованья*. Угодить въ чемъ нибудь, понравится чѣмъ нибудь, угостить хорошо или дать выгодную плату за промыселъ давній лопарскій знакомецъ-поморъ — лопарь не замедлитъ предложить ему *покрестоваться*, т. е. обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями. Лопарь, по совершеніи обряда обмѣны крестовъ, даритъ «крестовому» все, что есть у него лучшаго:

---

*) См. т. II, статью: «Повѣдка на Печору»: *Самоѣды*.

лучшій олений мѣхъ, лучшую звѣриную шкуру, бобровую или чернобурой лисицы. Крестовой русской долженъ, въ свою очередь, отдарить, чѣмъ можетъ, своего крестоваго брата—лопаря. Г. Верещагинъ, авторъ «Очерковъ Архангельской губернии», рассказываетъ одинъ подобной случай крестованья слѣдующимъ образомъ:

«Одинъ изъ нашихъ русевихъ промышленниковъ въ одно гѣто былъ на Мурманскомъ берегу около норвежской границы. Тамъ нашъ промышленникъ случайно встрѣтился съ однимъ дотогѣ ему неизвѣстнымъ лопаремъ, котораго все богатство состояло въ оленьихъ стадахъ. Разсудивъ, что не худо имѣть знакомаго человѣка, съ которымъ, можетъ быть, приведется на будущее время имѣть какое нибудь дѣло, промышленникъ пригласилъ этого лопаря къ себѣ на лѣбдю. Лопарю понравился новой его знакомой, такъ что онъ предложилъ ему свою дружбу; друзья покрестовались. Лопарь, получивъ, по обычаю, подарокъ (весьма впрочемъ незначительный), пригласилъ своего крестоваго къ себѣ. Они съѣхали на берегъ и, пройдя нѣсколько верстъ, очутились на небольшой равнинѣ, окруженной скалами. Лопарь громко свистнулъ и на этотъ свистъ послышался лай собакъ. Въ ту же минуту лопарь повелъ своего знакомца на ближайшій холмъ. Лишь только они успѣли на него взобраться, какъ вдругъ откуда ни возмись, со всѣхъ сторонъ набѣжали на равнину стада оленей, ловко загоняемыя собаками. Нашъ промышленникъ, стоя на холмѣ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на это безчисленное стадо оленей, которые покрыли всю равнину.

— Вотъ всѣ мои олени, сказалъ наконецъ лопарь, обращаясь къ своему крестовому: — выбирай себѣ любаго, какаго хочешь.

Крестовой съ минуту оставался въ недоумѣніи: онъ зналъ, что, по обычаю, долженъ былъ въ замѣнъ своего подарка получить подарокъ и отъ лопаря; но, вспомнивъ о ничтожности своего подарка, въ сравненіи съ тѣмъ, который предлагалъ ему лопарь, онъ невольно смутился, тѣмъ болѣе, что лопарь нарочно для него раскинулъ передъ нимъ *все* свое богатство и великодушно предлагалъ выбрать самое лучшее.

— Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ, наконецъ, промышленникъ: —

куда ужъ мнѣ выбирать? Спасибо! Самъ ты дѣлай, какъ знаешь.

Лопарь тотчасъ сошелъ съ горы и, выбравъ самаго лучшаго изъ оленей, ловко набросилъ на рога его петлю. Тотчасъ же олень былъ убитъ, и нашъ промышленникъ разстался съ своимъ крестовымъ, неся съ собою прекрасную шкуру и мясо оленя — залого новаго знакомства и дружбы съ добродушнымъ лопаремъ».

«Эта черта (прибавляетъ дальше г. Верещагинъ) показываетъ высокое качество души людей, которыхъ мы привыкли считать грубыми; это качество сдѣлало бы честь всякому образованному человѣку».

По нашему мнѣнію, случай этотъ, какъ и нѣсколько другихъ, подобныхъ ему, служить не маловажною причиною къ опроверженію того мнѣнія, которое хранятъ еще нѣкоторые изъ поморовъ, что будто бы лопарь склоненъ къ убійству, что будто бы безъ товарищей и оружія нельзя довѣряться его гостепріимству, что такимъ образомъ недавно пропавшій безъ вѣсти кемской поморъ, имѣвшій при себѣ значительную сумму денегъ, убитъ лопарями, и будто бы за то только, что у него было много денегъ! Въ тоже время и тѣ же русскіе, уходя домой съ мурманскихъ промысловъ, оставляютъ лопаря сторожемъ всего запаса на будущую весну, всего, что было бы лишнимъ дома, но что можетъ пригодиться на будущій годъ. Семь мѣсяцовъ блюдетъ лопарь, за ничтожную сумму, становища промысловыя и все въ поразительной цѣлости передаетъ хозяевамъ, не утаивъ за собою малѣйшаго пустяка. А между тѣмъ надзору лопарей довѣряется весьма часто нѣсколько сотенъ пудовъ трески, палтасины, семги, на нѣсколько же сотенъ рублей снастей и проч. А между тѣмъ такъ рѣдки судебные случаи о смертоубійствѣ, въ которыхъ бы замѣшался лопарь (извѣстны только два); а между тѣмъ лопари охотно и часто выселяются ближе къ русскимъ селеніямъ и не строятъ уже своихъ погостовъ далеко, въ глубь Лапландіи; охотно, особенно въ послѣднее время, они женятся на русскихъ дѣвушкахъ. О простотѣ и даже нѣкоторой тупости лопарей поморы, между прочимъ, рассказываютъ слѣдующее. Одному лопину удалось утащить изъ часовни цѣлой ящикъ церковнаго сбора. Желая спрятать его подалѣе, онъ вышелъ на тундру, высмотрѣлъ дерево, зако-

паль подъ нимъ свою кражу и, отойдя, долго оглядывался потомъ назадъ, съ цѣлю хорошенько запомнить мѣсто. Къ несчастію лопаря, все это высмотрѣли ребята — зуйки, ходившіе изъ становища за морошкой. Зуйки рассказали обо всемъ этомъ кормицку; тотъ пришолъ, вырылъ деньги, ящикъ расколотилъ и бросилъ. Лопинъ всплакался, цѣлые дни ходилъ повѣся носъ и, наконецъ, не выдержалъ и рассказалъ русскимъ промышленникамъ свое горѣ.

— Отчего же ты по дурачки пряталъ? спрашивали тѣ.

— Лъзя видѣть, лъзя не видѣть, — оправдывался лопинъ и приписалъ все это злымъ духамъ.

Свадебные обряды лопарей, до сихъ еще поръ, сохранились въ первобытной цѣлости и оригинальности. Свадѣбъ обыкновенно предшествуетъ сватанье. Женихъ съ родными своими отправляется въ этотъ день къ избѣ или вѣжѣ невѣсты. Но жениха не пускаютъ туда; дверь заперта на задвижку; онъ со всеми родными своими долженъ стоять въ сѣнцахъ, гдѣ такъ холодно и, въ тоже время, такъ неприятно — стыдно. Женихъ съ пришедшими начинаетъ стучать въ дверь, съ приговоромъ молитвы: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» — до трехъ разъ. Послѣ послѣдняго удара и молитвы, изъ за дверей окликаютъ пришедшихъ сердито-заспаннымъ и хриплымъ голосомъ:

— Кто это тамъ по нѣчамъ бродить, беспокоить?—И, просунувши голову въ полуотворенную дверь, лопарь хмуритъ глаза и опять приговариваетъ:

— Не вижу, не вижу, что за люди пришли...

Ему даютъ полтинникъ; онъ третъ этой монетой одинъ глазъ и щуритъ другой. На этотъ глазъ тоже поступаетъ отъ жениха полтинникъ или другая монета, смотря по состоянію.

Получивши полтинникъ, сватъ не отстаётъ: говоритъ, что горло болитъ, лечить надо—даютъ платокъ. «Озябъ» — говоритъ сватъ—водки даютъ. Тоже самое повторяетъ и другой привратникъ, которыми бываютъ по большей части братья невѣсты. Этому послѣднему, обдаривши его, пришедшіе сказываютъ свой сказъ: что пришли-де отъ заморскаго купца, у котораго улетѣла золотая птица и будто бы спряталась въ этой вѣжѣ. Ихъ тотчасъ же пускаютъ посмотреть, поискать. Гости, ухватившись руками за плечи и наклонивши голову, входятъ

въ избу гуськомъ, одинъ за другимъ; женихъ топаетъ ногами; его осаживаютъ, останавливаютъ криками : «тпру»; но женихъ продолжаетъ топать до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ къ лавкамъ. На лавкахъ, въ это время, сидитъ вся невѣстная родня; невѣсты нѣтъ тутъ; отецъ ея сидитъ, опустивши голову, какъ будто спитъ. Гости подходятъ къ нему и будятъ, ударивши коготками пальцевъ въ голову. Очнувшійся отецъ протираетъ глаза, проситъ на очки, на починку головы. Тоже самое дѣлаетъ и вся остальная невѣстная родня, которую тоже женихъ обязанъ одаривать. Когда, наконецъ, кончится вся эта тоскливая, скучная церемонія, выводятъ невѣсту, сажаютъ на постель, накрывши предварительно лицо ея покрываломъ. Родные указываютъ на нее пришедшимъ и спрашиваютъ:

— Не та ли эта птица, что ищите?

Но сваха даромъ не показываетъ птицы, проситъ подарка. Получивши его, она поднимаетъ покрывало.

— Она, говорятъ пришедшіе.

Старшій свать жениха беретъ его руку подъ правую свою мышку, придерживая локоть своей ладонью; тоже дѣлаетъ сватья съ невѣстой. Жениха и невѣсту водятъ вмѣстѣ, сближаютъ ихъ руки, чуть дотрогиваясь одной до другой, но мгновенно отдергивая, до трехъ разъ, и потомъ разводять. Женихъ одинъ уѣзжаетъ домой, а родные его, вмѣстѣ съ невѣстными, начинаютъ пиръ и ведутъ его до поздней ночи. На другой день совершается и самая свадьба, сопровождаемая тѣмъ же пиромъ, но только уже въ домѣ новобрачныхъ.

Промышленники русскіе всё единогласно хвалятъ цѣломудренность лопарскихъ женщинъ, ихъ трудолюбіе и домовитость, которыя не мало способствуютъ къ тому, что и дѣти воспитываются въ нѣкоторой патріархальной чистотѣ нравовъ: мальчикъ — лопарь, до совершеннолѣтія, живетъ большею частію дома и не отпускается на трудные мурманскіе промыслы. Сама же лопарка всегда дома; на ея обязанности лежитъ приготовленіе пищи: тонкихъ лепешокъ—*рески*—приготавливаемыхъ изъ тѣста (муки съ водой) и поджариваемыхъ на раскаленномъ камнѣ, и *линды*—ухи изъ рыбы (иногда мяса оменяго)—родъ грязноватой невкусной похлебки, съ примѣсью незначительнаго количества муки. Черной хлѣбъ, покупаемый или вымѣниваемый у русскіхъ промышленниковъ на Мурманѣ, составляетъ

лакомство. Въ свободное время лопарка обшпваеъ дѣтей, мужа, самоё себя *); онѣ такія же мастерицы шить платья, какъ и самоѣдки, но также неопрятны, также неразборчивы въ пищу, подчасъ также упрямы, какъ и мужья ихъ, и всё до единой умѣютъ говорить по русски тѣмъ же говоромъ, въ которомъ слышится крѣпкое удареніе на букву о и непріятно-пронзительные звуки.

Такимъ образомъ лопарь все лѣто живетъ морскимъ промысломъ; живетъ онѣ имъ и осенью, и зимою, если только случайность судьбы поселила его на Терскомъ берегу, около Поноя; въ противномъ случаѣ, съ первыми признаками осеннихъ непогодъ, они удаляются къ своимъ зимнимъ погостамъ. Здѣсь, на ту пору, ближнія (всегда большія) озера богаты разнаго рода рыбой: идутъ сизи, гарьюсы (мелкая, но вкусная рыба съ мелкимъ клескомъ или чешуей), попадаютъ въ невода, сѣти и сѣтки щуки, окуни, ерши, палья съ краснымъ мясомъ, перьями и хвостомъ и чернымъ клескомъ, и идутъ на крючки съ сеговой наживкой жирные, вкусные налимы. Часть этой добычи служитъ для нихъ большимъ подспорьемъ на зимнее продовольствіе; часть скупается на мѣстѣ пріѣзжающими на оленяхъ терскими поморами или на деньги, или на соль и ржаную муку.

Зиму лопари въ своихъ дальнихъ вѣжахъ посвящаютъ ловлѣ птицъ и лѣснаго звѣря, и это едва ли не главные и не самые выгодные и прибыльные промыслы. Несмѣтное количество куропатокъ населяютъ весь Лапландскій полуостровъ, давая возможность лопарямъ не прибѣгать къ огнестрѣльному оружію, а пользоваться легчайшими и дешовѣйшими способами. Куропатки кучками и въ одиночку бѣгаютъ по чистому снѣгу, обыкновенно по направленію въ южную сторону. Зная это, лопари устраиваютъ ловушку, весь не хитрый составъ которой состоитъ въ томъ, что къ двумъ колушкамъ, наклонно воткнутымъ въ снѣгъ, привязываютъ небольшую петельку, плетеную изъ нитокъ и называемую *гамасомъ*. Около гангаса этого дѣлаютъ коротенькій заборякъ съ двухъ сторонъ изъ сосновыхъ и еловыхъ лапокъ. Куропатка, вбѣгая въ этотъ переулочекъ, узень-

---

*) Многіе лопари пріучились, въ послѣднее время, къ русскимъ кафтанамъ, при которыхъ носятъ нынѣ и картузы съ козырькомъ, по лѣтамъ.

кѣй и коротенькѣй, принуждена стремиться впередъ и, стало быть, прямо въ петлю, гдѣ ей уже нѣтъ спасенія. Но часто подобную добычу, и притомъ въ значительномъ числѣ, похищаютъ лисицы; но и противъ ихъ лопари придумали много средствъ, большею частію общихъ съ мезенскими краями, каковы: отравы, капканы и другія ловушки, всегда вѣрный и мѣткій выстрѣлъ. Лопари такіе же замѣчательно-искусные стрѣлки, какъ вообще всѣ живущіе морскими и лѣсными промыслами и для которыхъ ружье, естественно, предметъ необходимой важности. Тѣми же снарядами и при тѣхъ же средствахъ добываютъ лопари горностаевъ, песцовъ, волковъ и зайцовъ, какъ производится это дѣло и въ мезенской тундрѣ. Медвѣдей лопари не боятся, по тому ли давному, суевѣрному понятію, что у медвѣдя 12 силъ человѣческихъ и 10 умовъ мужичьихъ, или по тому убѣжденію, что медвѣдь не приноситъ особаго вреда. Къ тому же лапландскій медвѣдь смиренъ и почти никогда не нападаетъ первымъ; при видѣ нѣсколькихъ, бѣжитъ даже прочь и больше лопарокъ боится неожиданнаго и сильнаго крика. Если иногда лопарь и надумаетъ стрѣлять въ звѣря, то прежде выстрѣла — тоже по давному обычаю — говоритъ ему краткую рѣчь, или родъ увѣщанія, чтобы медвѣдь не нападалъ первымъ, затѣмъ же, что ружье можетъ осѣчься, рука можетъ дрогнуть и проч. — чего благородный (по убѣжденію лопарей) звѣрь никогда не рѣшится сдѣлать, и тому подобное.

Изъ другихъ, болѣе прибыльныхъ для лопарей, лѣсныхъ или тундряныхъ промысловъ замѣчательны два: промыслы выдры (бобры совсѣмъ перевелись) и дикихъ оленей. Выдры, какъ извѣстно, живутъ въ водѣ и преимущественно въ тѣхъ рѣкахъ и озерахъ, которыя имѣютъ прямое сообщеніе съ моремъ. Уходятъ выдры и въ море, но и тамъ попадаются на всегда мѣткій выстрѣлъ охотниковъ. Звѣря этого считаютъ три вида, изъ которыхъ самый распространенный тотъ, который характеризуется бѣлою грудью и черною, блестящею шерстью на другихъ частяхъ тѣла; величина его доходитъ иногда до величины большой свиньи или дворовой собаки. Эта порода выдръ очень легко дѣлается ручною, и бывали даже случаи, что звѣрь этотъ помогалъ даже хозяину ловить рыбу, до которой самъ звѣрь, въ тоже время, страстной охотникъ.

Дикихъ оленей, которыхъ множество бѣгаетъ и по лапланд-

ской тундрѣ (не стадами, но въ одиночку), ловятъ лопари на хитрость: или подползая къ нимъ *за вѣтромъ*, съ петлей или ружьемъ, или подпуская къ нимъ домашнюю самку осенью, во время течки, когда обыкновенно нѣсколько сбѣжавшихся дикихъ самцовъ затѣваютъ изъ за самки драку. Въ дракѣ той они путаются рогами и такимъ образомъ становятся легкою добычею. Во время голеледицы бѣгаютъ за оленями на лыжахъ и, утомляя ихъ долгимъ и труднымъ бѣгствомъ, берутъ на ружье, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ подобной охоты. Иногда, впрочемъ, лопари прибѣгаютъ и къ болѣе мирному средству добычи дикихъ оленей. Для этого выбираютъ они въ лѣсу такое мѣсто, по которому, по всѣмъ примѣтамъ, долженъ пробѣжать дикій олень. Въ этомъ мѣстѣ, къ сучьямъ деревьевъ привязывается гангасъ—такая петля, какъ и для куропатокъ (только, естественно, значительно болѣе и изъ довольно толстыхъ веревокъ или ремня). Бѣгающій всегда быстро и, въ большей части случаевъ, безъ оглядки, олень легко попадаетъ въ ловко-настороженную петлю и, при усиліяхъ выбраться, еще больше путается и затягивается на вѣчную смерть въ мучительнѣйшихъ предсмертныхъ судорогахъ. Мясо убитаго такимъ образомъ оленя не идетъ въ пищу. Въ дѣло идетъ одна только шкура: изъ снятой съ ногъ и выбѣленной на солнцѣ дѣлаютъ обувь, изъ остальной замшу, а нерѣдко и педдѣтъ, точно также, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ мезенцы и самоѣды.

На огромное множество полевыхъ мышей, безчисленными вереницами бѣгающихъ по тундрѣ, лопари не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, предоставляя ихъ въ пищу птицамъ и звѣрямъ, и въ тоже время простоудшно убѣждены, что мыши эти падаютъ съ облаковъ, не зная того, что вообще животныя сѣвера многоплоднѣе животныхъ южныхъ странъ (овцы носятъ ягнятъ два раза въ годъ и часто двойни, козы даютъ по три козленка, и проч.), и что именно этимъ обстоятельствомъ можно объяснить всѣ эти мириады рыбъ (особенно сельдей и семги), мириады куропатокъ, комаровъ и тѣхъ же полевыхъ мышей. Число послѣднихъ такъ велико, что невольно рождается вопросъ, чѣмъ они питаются на этой скудной лишайной почвѣ. Ихъ двѣ породы: одни очень миролюбивы, никогда между собою не дерутся и скоро дѣлаются ручными. Другія желтобурыя

довольно злы и не скоро привыкають къ человеку. На Новой Землѣ ихъ говорятъ несравненно больше, чѣмъ въ Лапландской тундрѣ.

Боснувшись суевѣрій, не лишнее упомянуть и объ томъ понятіи (изъ множества предразсудковъ полудикихъ лопарей), которое имѣють они объ сѣверномъ сіяніи. По ихъ мнѣнію, это души умершихъ родныхъ, идущія на небо; нѣкоторые лопарки узнають даже въ столбахъ сполоховъ своихъ мужей, отцовъ, братьевъ и друг. Болѣе суевѣрные и обладающіе крайнею степенью воспламененнаго воображенія видятъ въ тѣхъ же столбахъ сіяній—злыхъ духовъ; но грамотные русскіе, хватившіе нижней премудрости, привыкли приписывать игру сполоховъ отраженію въ небѣ безчисленнаго множества сельдей, совершающихъ свои полярныя переселенія.

Вообще лопарь, за крайною ли удаленностію церквей, или по другимъ какимъ, болѣе важнымъ, причинамъ, при православіи — крайне суевѣренъ и мало религіозенъ. Терскіе, напримеръ, не соблюдая постовъ, употребляютъ круглой годъ куропатокъ и наивно оправдываются тѣмъ, что куропатки — летучая рыба. Новорожденный ребенокъ иногда цѣлые годы остается у нихъ безъ крещенія; рѣдкій изъ взрослыхъ знаетъ какую-либо молитву; большая часть ограничивается крестными осѣненіями и частыми поклонами передъ иконами въ часовняхъ, при свдихъ погостахъ, при свѣтѣ свѣчей, которыя держатъ обыкновенно въ рукахъ; лопари носятъ крестъ, какъ украшеніе, поверхъ одежды, и проч. Но, въ тоже время, лопари вѣрны и честны въ данномъ словѣ, любятъ искренно своихъ земляковъ и стоятъ за нихъ горой. И, между-тѣмъ, нѣтъ между ними ни одного грамотнаго, хотя всѣ охотно учатся говорить по русски, всѣ безъ исключенія привержены къ крѣпкимъ напиткамъ, которые сдѣлали имъ уже много положительнаго вреда, сдѣлають еще больше, если не найдетъ ихъ рука спасающая, благодѣтельная, если не найдетъ ихъ грамотность, и честный привѣтъ, и доброе вниманіе. На сосѣднихъ русскихъ, въ этомъ случаѣ, надежда сомнительная и плохая, тѣмъ болѣе, что между русскимъ населеніемъ поморья развилась и пустила глубокие корни страсть къ торговымъ предпріятіямъ, со всѣми дурными ихъ сторонами, неосмысленная человѣческимъ, христіанскимъ смысломъ...

Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ привести слова нѣмецкаго этнографа Франца Легера, дѣлавшаго общій выводъ обо всѣхъ дикаряхъ земнаго шара. «Сегодня, говоритъ онъ, дикарь откровененъ, завтра вскипитъ въ немъ буйная страсть, какъ у юнаго сына природы, страсть, возбужденная или гордостью, или корыстолюбіемъ; надъ нею онъ уже не имѣетъ власти и, однажды проливши кровь, онъ становится жестокъ и страшенъ: онъ тогда уже бессильный рабъ этой ярости. Нѣжнаго, стыдливаго чувства нѣтъ у дикаря: страсть нравиться и легкомысліе—вотъ дары природы; дѣвственности жены мужъ-дикарь не требуетъ, но за нарушение вѣрности мститъ, какъ за покружу собственности. Материнское чувство бываетъ живо, но существованіе дурныхъ, а часто и постыдныхъ привычекъ объясняетъ частую бесплодность браковъ и раннюю смерть дѣтей». Только этого послѣдняго положенія нельзя примѣнить къ нашимъ сѣвернымъ дикарямъ. «Въ дикарѣ — говоритъ г. Легеръ — дальше — духовный человѣкъ находится въ постоянномъ плѣну и помраченіи. Игранице страстей и минутныхъ увлеченій, дикарь однообразно проживаетъ дни жизни и не имѣетъ предчувствія о возможности болѣе благороднаго существованія... «Онъ можетъ благоденствовать лишь среди дикой и бѣдной природы. Гдѣ цивилизація приближается къ нему, тамъ онъ отступаетъ и изводится, какъ изводится дикая птица вблизи образованнаго человѣка».

ЛОВЪ СЕМГИ.

Село Кузомень, расположенное на рѣкѣ Вѣрзугѣ, въ шести верстахъ отъ устья и въ двухъ верстахъ отъ моря, выстроилось на песчаномъ грунтѣ и, въ этомъ отношеніи, составляетъ разительное исключеніе изъ всѣхъ другихъ бѣломорскихъ селеній, которыя всѣ стоятъ на гранитѣ. Съ колокольни, недавно выстроенной вновь, можно видѣть всю эту огромную массу песку, обложившаго селеніе со всѣхъ сторонъ, кромѣ той, которая прилегаетъ къ широкой рѣкѣ Вѣрзугѣ—большей изъ всѣхъ рѣкъ Терскаго берега. Окрестное песчаное поле безпривѣтно тянется до моря; въ рѣдкихъ мѣстахъ на этой степи выступаютъ песчаные холмы, красящи' издали своимъ глинистымъ основаніемъ. На рѣдкомъ изъ этихъ холмовъ съ трудомъ дер-

жится еще дряблѣе деревцо, и какъ будто что-то подлѣ него зеленѣетъ; мелькаетъ еще такая же зелень (но не ясно) вдали на дальномъ горизонтѣ, гдѣ можетъ быть, уже начинаются лѣса. Тѣ-же лѣса идутъ за селеніемъ по берегу рѣки, на которой качаются на якорѣ суда; нѣсколько другихъ бѣлѣютъ парусами; море, на этотъ разъ, отдаетъ взводнемъ и валитъ на берегъ одну за другой пѣнистыя, неугомонныя волны. Самое селеніе кажется довольно большимъ и выстроеннымъ какъ-будто недавно; дома его глядятъ чисто, привѣтливо; всё почти они выкрыты тесомъ; рѣдкіе, словно бани, врыты до половины въ землю. Также печально, какъ и дома эти, смотрятъ и тѣ амбарушки, которыя прицѣпились на крутомъ берегу Вѣрзуги и которымъ судьба судила хранить промысловыя снасти и во всѣхъ бѣломорскихъ селеніяхъ стоять впереди домовъ на берегу и привѣтствовать всякаго пріѣзжаго прежде всего другаго. Въ Кузоmeni глубокой, летучій песокъ кругомъ, и тотъ же песокъ между домами; кончаясь на этомъ берегу рѣки, онъ опять начинается на другомъ и идетъ бесплодною степью все дальше и больше въ ближнюю лапландскую тундру. Какъ черныя, непроглядныя точки видатся на этомъ пескѣ ближнія къ морю промысловыя избушки, салотопенныя амбары, и проч., какъ и вообще во всѣхъ другихъ приморскихъ деревняхъ Терскаго берега. Кузомень отличается отъ нихъ только тою замѣтною особенностью, что въ ней не встрѣтишь ни единой собачки, тогда-какъ огромныя, желтыя животныя эти стадами наполняютъ всё другія поморскія селенія.

— Отчего же?—спрашивалъ я у туземцовъ.

— Не ведутся—мѣста-то у насъ, видишь. не такія, не покладныя; да и звѣрь-отъ этотъ для нашего края почитай-что лишній!—отвѣчали одни.

— Мѣсто у насъ такое стало (прибавляли другіе) — что вовъ и овецъ-то какъ еще Богъ держатъ, чѣмъ питаетъ; травы у насъ нѣтъ, листвы тоже. Скажемъ тебѣ—пожалуй не повѣришь — овца наша песокъ ѣстъ, пыль глотаетъ; сѣти ты на виду и не вѣшай—всѣ обгрызетъ, всѣ изсосетъ; рада — рада, коли тряпочка какая попадется. Даемъ имъ тоже мѣсиво изъ сельдяныхъ головокъ въ пойла: да, вѣдь, ужъ скоть, извѣстно, не человекъ—съ однова сытъ не бываетъ, цѣлый день ѣстъ — не наѣтся. Поѣдешь въ Вѣрзугу—тоже увидишь.

Людное, богатое село Варзуга—одно изъ первыхъ, по времени, заселеній новгородцовъ по Терскому берегу—ушло на 18 верстъ внутрь земли отъ Кузомени. Везуть туда обмыновенно рѣкою Варзугою въ карбасѣ до того мѣста, которое зовется *ямой* и выше котораго начинаются уже пороги, до того высокіе и бойкіе, что по нимъ нельзя безъ опасности подниматься на лодкѣ. Отъ ямы дорога идетъ узенькой тропинкой по песчанымъ холмамъ, иногда довольно высокімъ, между дряблыми стволами деревьевъ и плотно-сцѣпившимися кустами можжевельника. Между деревьями тянутся огромныя пространства, покрытыя бѣлымъ мохомъ. Слѣва надъ горами разлеглось неоглядное, ржавое болото; въ ложбинахъ бѣгутъ много ручейковъ, которые надо переходить въ бродъ или перепрыгивать. Къ тому же, на этотъ разъ, все это пятиверстное пространство надо было проходить съ оглядкой: тутъ, какъ рассказывали, показывалась медвѣдица съ пѣстуномъ и медвѣжатами и успѣла даже задавить нѣсколько коровъ и овецъ. По счастью, на встрѣчу попадалось много мужиковъ, одѣтыхъ въ полотняные колпаки (по туземному, въ куколи) отъ комаровъ, шедшихъ со страды, со всею беззаботностію и полною безбоязнію, какъ бы по улицамъ своей деревни. За полторы версты, съ послѣдней песчаной горы, показалось, наконецъ и самое село, разбросанное двумя порядками по обѣимъ сторонамъ р. Варзуги. Видѣлись двѣ высокія, почернѣвшія отъ времени церкви, одна на правомъ, другая на лѣвомъ берегу: одна посвящена имени св. Іліи, другая имени св. апостоловъ Петра и Павла.

Село это можно почитать, въ относительномъ смыслѣ, центромъ дѣятельности, главнымъ мѣстомъ, столицею всего Терскаго берега. Сюда бредутъ и лопари, плывутъ и торговцы кемскіе и архангельскіе (особенно въ августѣ мѣсяцѣ): первые (лопари) для продажи, всѣ послѣдніе для закупки семги—почти единственнаго продукта, отъ котораго живетъ все населеніе Терскаго берега.

Еще въ Поной можно видѣть заборъ для семги *). Выстро-

---

*) Поной и Варзуга двѣ самыя длинныя рѣчки Лапландскаго полуострова—вытекаютъ изъ высокаго болота, лежащаго во внутренней части Лапландіи. Внутренность эта мало обитаема.

ены такіе же заборы и въ Варвугѣ, и въ Умбѣ, и въ Канда-лакшѣ; еще около Сосновца и далѣе по берегу видны десятки промысловыхъ избушекъ и вымеченныя на воду сѣти для той же рыбы. Семга для жителей Терскаго берега единственное и богатое средство для существованія и занятій. Отсюда, какъ говорится, во всѣхъ бѣломорскихъ мѣстахъ на мурманскіе промыслы *подъёмовъ* нѣтъ, т. е. хозяева не обряжаютъ покрутовъ за треской и палтасиной; нѣкоторые изъ нихъ давно когда-то пробовали—не понравилось и они предпочли тамошніе, хотя и далеко небогатые промыслы домашнимъ, болѣе легкимъ и выгоднымъ. Семга идетъ на Терской берегъ въ громадномъ числѣ.

Слѣдуя изъ вѣговъ своимъ врожденнымъ инстинктивнымъ побужденіямъ, семга ежегодно совершаетъ свои переселенія изъ странъ приполюсныхъ къ берегамъ морей. Совершая эти путешествія въ несмѣтномъ множествѣ и становясь на пути богатою добычею для морскаго звѣря, рыба эта (все-таки въ несмѣтномъ еще числѣ) входитъ, между прочимъ, изъ океана и въ Бѣлое море. Здѣсь она выбираетъ рѣки самыя порожистыя и, по возможности, самыя покойныя, вѣроятно, вслѣдствіе того же инстинктивнаго побужденія. Обладая крѣпко развитыми мускулами, дающими ей возможность плавать быстрѣе всѣхъ извѣстныхъ породъ рыбъ, семга, пробираясь рѣками и встрѣчая на пути преграду въ порогахъ, прыгаетъ черезъ нихъ иногда $1\frac{1}{2}$ сажени высокою. Нѣкоторые поморы замѣчали при этомъ слѣдующее интересное обстоятельство: если рыба не успѣвала осилить высоты пороговъ, то дождала обыкновенно росы, и по этой росѣ — сухопутьемъ — *переползала* выше пороговъ; къ этому, во всякомъ случаѣ, способствуютъ ей сильно развитыя, крѣпкія мышцы. Тогда же за этими порогами, вдали отъ селеній и въ самыхъ спокойныхъ заводяхъ, она совершаетъ тѣ природныя отправленія, для которыхъ, можетъ быть, и ведетъ ее инстинктъ изъ океана въ рѣки. Семга-самка выбираетъ тогда въ рѣкѣ такое мѣсто, гдѣ слабѣе теченіе и притомъ такое, которое закрыто съ южной стороны скалою, камнемъ и проч. Цѣлые сутки—какъ говорятъ наблюдатели—самка трется всѣмъ своимъ тѣломъ о песокъ подлѣ камня, плавая на этомъ мѣстѣ необыкновенно медленно взадъ и впередъ. Въ этихъ передвиженіяхъ она мечетъ икру свою и, кончивши дѣло, остается подлѣ (но въ сторонѣ) еще нѣкоторое время, уступая свое мѣ-

сто самцу, который тоже, въ свою очередь, плыветъ надъ наметанною икрою и оплодотворяетъ ее молчками. И самецъ, и самка, сдѣлавши свое дѣло, утомленные, ослабѣвшіе до послѣдней степени, спѣшать подниматься выше, вполне увѣренные въ томъ, что придорожный камень не пуститъ икры по теченію и дастъ легкую возможность произойти изъ нея новому населенію въ значительномъ числѣ субъектовъ. Выбравши глубокую, тинистую яму, и самецъ, и самка, иногда, какъ говорятъ, по цѣлымъ недѣлямъ стоятъ въ ней неподвижно, уткнувшись рыломъ въ берегъ ямы, и опять-таки попрежнему въ прямомъ направленіи къ верхней сторонѣ рѣки. Во время этого стоянія и совершается съ рыбой та перемѣна, которая на поморскомъ языкѣ извѣстна подъ именемъ *облоховленія*, т. е. семга успѣваетъ тогда *облоховиться*, или, проще, превратиться въ *лоха*: красное мясо ея блѣднѣетъ и становится совершенно бѣлымъ; изъ головы подо ртомъ вырастаетъ костяной крюкъ; внѣшняя сторона клѣска серебрится, а уже не чернѣетъ; хвостъ становится тоненькимъ; сама рыба дѣлается тощею (отъ 7 фунтовъ первоначальнаго вѣсу спадаетъ до 3 и 2¹/₂), съ дряблымъ мясомъ. Семга уже мало тогда бываетъ похожа на свой первообразъ: она дѣлается лохомъ и въ этомъ видѣ идетъ обратно въ море. Попадаясь на пути въ промысловыя сѣти, она превращается уже и на языкѣ поморовъ въ *вальчака*, *съ пана*, *съ лоховину*, смотря по мѣстному говору. Но та изъ этой новой породы рыбъ, которая успѣетъ спастись отъ преслѣдованій чelовѣка и пройти въ море, *пролоншагъ* (пробывши) въ рѣкѣ всю зиму, — къ осени приходитъ опять въ ту же рѣку уже безъ крюка и съ краснымъ мясомъ, настоящею семгою, и опять-таки для той же прямой и положительной цѣли: метанья икры. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ всѣ естествоиспытатели и промышленники, изъ которыхъ иные дѣлали будто бы нѣкоторыя примѣты на лохѣ (намѣчая зарубки, отрывая какое либо перо и проч.) и пуская этого лоха въ море. Замѣченный лохъ приходилъ въ ту же рѣку и на слѣдующій годъ, и все-таки уже семгой, а не вальчакомъ. Этими же превращеніямъ подвергается, какъ извѣстно, и балтійская семга-лосось, прозимовавшая въ Невѣ, или оверахъ Ладожскомъ и Онежскомъ, или въ рѣкѣ Свири.

Бѣломорская семга, рассыпаясь послѣ полярнаго переселенія

и путешествій по побережьямъ Мурманскаго берега, Новой Земли, по берегамъ Норвегіи до крайнихъ южныхъ предѣловъ послѣдней, по всемъ порожистымъ, самымъ дальнымъ рѣкамъ Бѣлаго моря: Двинѣ, Мезени, Онегѣ, Кеми, преимущественно и несравненно въ большемъ числѣ расплывается по рѣкамъ ближайшаго къ океану Терскаго берега. Здѣсь ея самый главный и самый богатый уловъ. Лучшимъ способомъ для этой цѣли туземцы издавна, изъ темныхъ и дальнихъ историческихъ временъ, почитаютъ заборы.

Ранней весной, по возможности тотчасъ же послѣ половодья, когда уйдутъ всѣ льды и рѣчная вода пойдетъ въ свои берега, строятъ эти заборы въ рѣкѣ Онегѣ (около волости Подногорья); на Корельскомъ берегу: въ Поньгамѣ, въ Керети; на Терскомъ берегу: въ Кандалакшѣ, въ Уибѣ, въ Варругѣ, въ Пѣноѣ. Въ Поньгамѣ встрѣчается простой первообразъ этихъ заборовъ: тамъ неширокая рѣчка перерѣзана поперекъ заставой изъ хвороста и хвойныхъ лапокъ, плотно прикрѣпленныхъ къ двумъ слягамъ — длиннымъ бревнамъ, которыя сходятся между собою подъ угломъ. Вершина этого угла обращена въ верхнюю сторону рѣки и только въ одной вершинѣ этой остается отверстіе (обѣ другія стороны плотно законопачены хвойными лапками и хворостомъ). Въ отверстіе это, въ проходъ, въ воротца (что все равно), вставляется обыкновенно *верша* широкимъ основаніемъ своимъ. Верша эта не иное что, какъ неправильной формы конусъ, составленный изъ плавковъ, оплетенныхъ веровочными сѣтками. Внутри этой верши привязывается въ висячемъ положеніи такъ-называемый языкъ — вѣтка же (родъ колокола), обращенная основаніемъ своимъ къ основанію верши, а узкимъ отверстіемъ вершины своей, конечно, прямо противъ вершины верши. Здѣсь языкъ укрѣпляется въ висячемъ положеніи посредствомъ веревокъ и употребляется въ этомъ случаѣ для того, чтобы воспрепятствовать обратному выходу рыбы, успѣвшей зайти въ вершу чрезъ широкое основаніе ея, обращенное въ сторону прихода рыбы (внизъ рѣки). Для того, чтобы заборъ не могли снести и размыть вода рѣчная и дожди, на верхнія бревна его кладутся обыкновенно тяжелые камни. Заборъ подобнаго устройства — самый несложный и самый маленькій изъ всѣхъ существующихъ въ поморьяхъ. Такой же точно заборъ съ одной вершпой выстроенъ и въ рѣкѣ Кузѣ около

селенія Торокаго берега—Кузрѣи. Въ Умбѣ (на Торокомъ берегу) ставится заборъ въ огромныхъ размѣрахъ; здѣсь и рѣка гораздо шире, и самой рыбы идетъ несравненно больше. Умбовскій заборъ, при взглядѣ съ горы, кажется рѣшительнымъ мостомъ, съ верхнею стороною на столько широкую, что по ней можно свободно ходить въ рядъ четырехъ человѣкамъ. Верхняя сторона этого забора бревенчатая и называется *мостомъ*; по мостамъ этимъ къ сторонѣ моря накладывается для тяжести значительное число огромныхъ камней, и чѣмъ, говорятъ, больше этого груза, тѣмъ плотнѣе сидятъ мостовыя бревна на *перекладахъ* (бревнахъ же), укрѣпленныхъ на *козлахъ* (*переборахъ*). Эти переборъ вбиты во дно рѣки на умбовскомъ заборѣ въ шести мѣстахъ. Свободныя пространства, имѣющія форму треугольниковъ, заслоняются такъ-называемою *тальюю* — прутьями, сплетенными *сичемъ* (древесными корнями). Талья эта, имѣющая видъ самаго плотнаго частокола, опускается на дно рѣки въ нѣсколько-наклонномъ положеніи къ сторонѣ моря и отвѣсно къ верхнимъ мостовинамъ. Все значеніе ея состоитъ въ томъ, чтобы рыба не могла перейти въ нее и чтобы, въ то-же время, не унесла ея вода. Для этой послѣдней цѣли по серединѣ тальи, параллельно съ поверхностью воды, пришиваются тонкія хворостины, называемыя *смылами*. Такихъ тальевыхъ треугольниковъ въ Умбовскомъ заборѣ четыре, для четырехъ вѣршей (въ понойскомъ столько же, подпорожскомъ или онежскомъ десять), и въ этихъ треугольникахъ, какъ и въ поньгамскомъ, вершина оставляется свободною, съ отверстіемъ, къ которому приставляются основаніемъ своимъ тѣже верши. Разница только въ томъ, что умбовскія вѣрши плетутся изъ самыхъ толстыхъ бичовокъ и при томъ такъ велики, что человѣкъ можетъ входить въ нихъ и свободно стоять на деревянной сторонѣ козуса (лежащей при запускѣ на дно), не касаясь даже головой до верху. Вѣрша и здѣсь вкладется также на бокъ и, чтобы держалась тяжестью своею на водѣ, упирается вершиною или *юловою* своею въ колѣ — шипцѣ воткнутомъ въ рѣчное дно. По кольямъ этимъ идутъ кольца; по кольцамъ свободно поднимаются верши вверхъ при посредствѣ ворота. Верша сидитъ на водѣ четверти на три, а чтобы и этимъ свободнымъ пространствомъ не могла пробраться рыба вверхъ, опускаютъ туда родъ лѣсенки, называемой *наилеской*. Рыба; ища прохода, ступаетъ

ся головою объ талью и, не видя отверстія, идетъ въ первое попавшееся, которое приводитъ ее такимъ образомъ въ вершу. Здѣсь она продолжаетъ тоже стремленіе свое все впередъ и впередъ и, не находя пути, упирается головою въ сѣтку и стоитъ такимъ образомъ неподвижно, какъ будто отдыхаетъ. Инстинктъ не научилъ ее къ обратному повороту въ море, въ которомъ рыба и не можетъ находить особой нужды, привывши метать икру въ вершинахъ рѣкъ, а не въ соленой водѣ. Когда осматриваютъ заборъ и готовятся вынимать воротомъ вершу, отверстіе ея, обращенное къ морю, обыкновенно стараются заставить тою же дѣсенкою—*замлескою*, чтобы, во время выниманья верши, рыба не выскользнула и не пустилась вонъ. Вершина—голова верши—идетъ на воротъ къ кольцу, основаніе верши поднимается въ тоже время и на тотъ же рычагъ на канатъ. Рыба, почувствовавши себя безъ воды, бьется необыкновенно сильно, прыгая одна черезъ другую. Въ это время рыбаки обыкновенно распутываютъ на верху входное отверстіе (попонку) и въ тоже время даютъ рыбѣ возможность нѣсколько уходить и успокоиться. На моихъ глазахъ, въ Умбѣ, рыба такимъ образомъ такъ сильно взмахнула хвостомъ, что сшибла съ ногъ того рыбака, который влѣзъ въ вершу кротить добычу. Кротить семгу обыкновенно въ голову деревянную колотушкою и, если покажется изъ головы кровь, рыба уже не шлохнется больше. Тоже дѣлаютъ обыкновенно и съ остальными, и, во всякомъ случаѣ, при этомъ требуется большое проворство и нѣкоторая приглядка къ дѣлу. Иная рыба до того бойка, что по нѣсколько десятковъ разъ способна вырваться изъ рукъ и спасти свою голову отъ кротилки. Попадетъ рыбагъ этой деревяшкой въ бокъ—рыба мечется еще сильнѣе и только припертая въ переднемъ углу верши способна поддаться удару. Иногда, впрочемъ, быстрѣна воды успѣваетъ прижать нѣкоторыхъ изъ рыбъ къ нуту языка верши такъ плотно, что *обмемаливаетъ* семгу, т.-е. заморить ее. Тогда уже не нужно бываетъ пускаться въ дѣло колотушкѣ: рыба на тотъ разъ едва жива. Иногда (и это, конечно, самая бойкая рыба) вынимается семга совершенно синяя или покрытая множествомъ синихъ пятенъ, которыя успѣваетъ она надѣлать себѣ, въ порывахъ къ свободѣ, объ деревянные сѣрѣшлы той же верши или тѣхъ же тайниковъ.

Верши умбовскаго забора не одинаковой величины: тѣ, которыя запусаются въ серединѣ забора, замѣтно больше тѣхъ, которыя становятся ближе къ берегу. У самаго берега, тальи или чашельнаго кольца уже нѣтъ; здѣсь, по мелководью рѣки, натыканы просто хвойныя лапки и набросаны мелкія камни. Однако, при всѣхъ этихъ предосторожностяхъ, рыба все-таки успѣваетъ подниматься выше и, вѣроятно, въ то время, когда осматривается верша, приподнятая на мостовины забора и оставляемая обыкновенно при этомъ случаѣ въ всяческомъ положеніи. Заборы эти такимъ образомъ служатъ обыкновенно на все лѣто, когда идетъ особой сортъ семги-*межень* (отъ *меженное* — лѣтнее время) или *межонка*, доходящая вѣсомъ отъ 1 до 3¹/₂ фунтовъ, не такъ жирная и вкусная, какъ *осень*, которая начинаетъ идти (въ тотъ же заборъ) осенью съ первыхъ чиселъ августа мѣсяца. Семга *осень* имѣетъ уже значительно нѣжное и ярко-красное мясо, а вѣсомъ доходить отъ 6 до 10 и даже гораздо болѣе фунтовъ. Весной, когда *росналятся* рѣки, попадаетъ особой видъ семги, называемый *залѣткой*, но въ чрезвычайно маломъ, незначительномъ числѣ, и при томъ эта рыба далеко отстаетъ вкусомъ, вѣсомъ и даже видомъ не только отъ осени, но даже и отъ *межонки* *). Рыба эта идетъ тогда всегда съ икрой, вкусъ которой (особенно въ осолонномъ видѣ) хвалятъ поморы. Икры этой добываютъ они изъ одной рыбы иногда до пяти фунтовъ. Вотъ почему ловъ залетки долженъ быть положительно запрошонъ закономъ, да и самыя заборы, стоящіе въ рѣкѣ все лѣто, доставляя богатое средство къ существованію однимъ, отнимаютъ отъ другихъ, верховыхъ жителей, средства къ тому же (много уже тяжбъ заведено по этому предмету у *сосѣдей*). Но и та рыба, которая успѣетъ пройти вверхъ и при томъ въ незначительномъ числѣ, запасается на пути икрой и, стало быть, не можетъ идти на уловъ во имя будущихъ поколѣній, которыя съ годами замѣтно уменьшаются. Меньше рыбы, противъ прежнихъ годовъ, стало ходить теперь въ рѣки *бѣломорскихъ* береговъ — говорятъ въ одно слово сами поморы, и меньше ея, вѣроятно, вслѣдствіе того же неправильнаго производства про-

---

*) Молодая семга называется *тиндой*; она нарождается и вырастаетъ выше пороговъ, мелка и безвкусна.

мысла, совершаемаго безъ всякихъ правилъ во всякое время года. Новая рыба, идущая обратно изъ рѣкъ, попадаетъ въ тѣ же сѣти, на которыя не положено никакого разумнаго правила, кромѣ личнаго произвола рыбаковъ, всегда ошибочнаго, всегда повтому вреднаго для цѣлаго поколѣнія вкусной, здоровой для человеческого организма рыбы. Богатый уловъ осенью самъ-по-себѣ указываетъ на законное время для лова, когда у рыбы нѣтъ еще икры, которую обыкновенно мечетъ межонка. Но эта межонка, какъ сказано, преимущественно и задерживается въ заборахъ, обязанность которыхъ въ осеннее время исполняютъ сѣти, тайники, гарвы и проч., но и опять-таки какъ подспорье для большаго улова, а не какъ конечная замѣна забора. Заборы стоятъ всю зиму; ихъ ломаетъ только весенняя вода или руди догадливыхъ мужиковъ тамъ, гдѣ лѣсъ дорогъ и его мало. Промышленники, въ этихъ случаяхъ, оправдываются тѣмъ, что не попадетъ рыба въ заборъ — попадетъ въ пасть морскаго звѣря: акулы, китовъ, бѣлугъ; что послѣдній сортъ звѣря за тѣмъ только и является въ Бѣломъ морѣ, чтобы поживиться семгой; но, въ тоже время, сами охотно вылавливаютъ этого звѣря въ огромномъ количествѣ, во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ и во всякое время. Они не замѣчаютъ въ дѣлѣ личной прибыли того, что уничтожая злѣйшаго врага рыбы для сала, въ тоже время незамѣтно усиливаютъ количество добываемой семги. Вотъ, кажется, почему скорѣе надо усилить звѣринные промыслы, всегда выгодные, прибыльные и безопасные, чѣмъ строить заборы, и особенно на лѣтнее время, или ловить семгу—залетку съ икрой въ весеннее время. Ббльшаго застоя, ббльшаго невниманія къ дѣлу трудно найти въ иномъ мѣстѣ и въ иныхъ дѣлахъ русскаго человѣка, какъ въ этомъ и вообще во всѣхъ другихъ бѣломорскихъ промыслахъ. Поморы, въ этомъ отношеніи, живутъ еще тою жизнію и по тѣмъ правиламъ, которыя случайно установились еще во времена до Марсы Посадницы, во времена перваго заселенія этого богатаго края. Соловецкій монастырь, который могъ бы служить поучительнымъ, вѣрнымъ и рѣшительнымъ примѣромъ, идетъ тѣмъ же путемъ, ни на юту не отставая отъ остальныхъ побережьевъ. Доказательствъ тому мы будемъ имѣть нѣсколько случаевъ привести впереди еще много..... Теперь же спѣшимъ опять обратиться къ производству операціи лова семги въ поморьѣ.

Вредные, положительно сами отрицающіе свое существованіе, поморскіе заборы немногимъ отличаются одинъ отъ другаго во вѣншномъ строеніи, и въ дальнѣйшихъ отправленіяхъ дѣла. Построенный въ Кандалакшѣ, говорятъ, былъ (до прихода англичанъ) на столько широкъ, что служилъ даже мостомъ для прохода и провада путешественниковъ. Осмотрѣнный мною заборъ въ Варзугѣ не на столько уже широкъ, чтобы по немъ можно даже ходить, не только ѣздить, и осматриваютъ его не на мостовинахъ, а съ лодки, на которой подѣвзаютъ къ самымъ тайникамъ. Здѣсь уже нѣтъ вѣрши, которую замѣняетъ самый тайникъ — такой же многоугольникъ изъ тальи, родъ садна со входными воротцами и съ пятью углами, изъ которыхъ три острыхъ и два тупыхъ. На углахъ этихъ прикрѣплены вичью каменные явора, которые держатъ тайникъ въ укрѣпленно-стоячемъ положеніи, и для того, чтобы вода и теченіе ея не распирало частокольныхъ стѣнокъ этого пятиугольника, кладется въ самомъ широкомъ мѣстѣ ея толстое бревно, называемое *мостинной*. Тайникъ этотъ, сверхъ-того, на двухъ углахъ подлѣ самаго мѣста забора, укрѣпляется еще на кольяхъ, имѣющихъ названіе—*хѣля стоячаю*. Семга, входя въ этотъ тайникъ, также нащупываетъ выходъ, бываетъ обманута угломъ и если не остановится въ первомъ, то пройдетъ во 2, 3, 4 или 5, и все-таки не выйдетъ обратно въ отверстіе, которое опять-таки остается свободнымъ, открытымъ. Передъ тѣмъ, какъ осматривать тайникъ, это свободное отверстіе заставляется обыкновенно рѣшоткой (въ мѣру самаго входа), плетеной изъ тростника и веревочекъ; рыба вынимается изъ тайника прямо большимъ сакомъ (въ пудъ вѣсомъ) и при томъ нащупывается такъ, что сакъ этотъ начинаютъ везти отъ головы тайника, для того, чтобы и рыба попала въ него головою же и, стало-быть, могла менѣе биться и не разорвала бы сака. Запасныхъ обыкновенно не держатъ и заборъ осматриваютъ только два чело-вѣка: одинъ считаетъ, другой, вынимая рыбу, кротитъ ее тою же колотушкою и бросаетъ въ лодку. Заборы эти осматриваютъ-ся глѣтомъ одинъ разъ въ сутки, рано по утру (часа въ три), а по осенямъ — еще другой разъ, поздно вечеромъ.

Устройство самаго большаго изъ бѣломорскихъ заборовъ, построеннаго на рѣкѣ Онегѣ въ 17 верстахъ выше города, у деревни Подпорожской волости Каменихи, почти точно такое

же, какъ и всѣхъ другихъ. Здѣсь вылавливается тотъ сортъ бѣломорской семги, который извѣстенъ въ Петербургѣ подъ именемъ *порогъ* и считается лучшимъ, хотя и ошибочно. Правда, что при опытныхъ рукахъ хозяина его, засолъ этой семги дѣлается добросовѣтно и съ нѣкоторымъ знаніемъ дѣла; но сама рыба въ долгомъ пути по Бѣлому морю замѣтно топчется, хотя, въ тоже время, и любитъ эту рѣку, въ высшей степени порожистую, въ сухую воду кажущуюся съ берегу какъ бы вплотную забросанною огромными камнями, сплошнымъ каменнымъ мостомъ. Здѣсь меньшій приходъ рыбы (особенно замѣтный въ послѣднее время) объясняютъ тѣмъ, что пугаетъ ее шумомъ пароходъ компаніи, буксирующій романовки, нагруженные лѣсомъ и досками *). Все же рыбы достаточно для десяти вершей, которыя здѣсь уже замѣняются особыми сѣтями — *мерѣжками* **). Заборъ и здѣсь, въ Подпорожѣ,

---

*) Вотъ вся разница сортовъ бѣломорской семги, пускаемой въ продажу и извѣстной подъ именемъ тѣхъ рѣкъ, гдѣ она вылавливается. Семга — *порогъ* съ лучшимъ засоломъ и тѣмъ же плотнымъ, твердымъ мясомъ, какъ *умба*; *варзуга* — мясомъ замѣтно нѣжнѣе, а осенняя почитается лучшею изъ всѣхъ сортовъ бѣломорскихъ; *кола* — вылавливаемая по Мурианскому берегу, могла бы быть лучшею, но солится такъ скупо и небрежно, что расходится только между простымъ народомъ, а въ Петербургъ доставляется почти окончательно негодною, въ рогожахъ, мороженою, потерявшею свой цвѣтъ, сокъ и нѣжный вкусъ. Поньгама и гандалаиша — худшіе изъ сортовъ этой рыбы. Поной — сухая, безъ жиру. Мезень — также, и притомъ послѣдняя мало вывозится изъ губерніи. Нѣжную, мягкую, съ бѣлымъ жиромъ между каждымъ слоемъ мяса, печорскую семгу можно почитать самымъ лучшимъ сортомъ этой рыбьей породы. Столько же неумѣнье солить, сколько и необыкновенная нѣжность печорской семги лишаетъ объ столицы возможности употреблять въ пищу эту рыбу. Она, отливающая нѣжнымъ розовымъ цвѣтомъ, попадаетъ иногда на архангельскомъ рынкѣ, но и здѣсь стоитъ въ низкой цѣнѣ, затѣмъ-что скоро покрывается ржавчиной и горкнетъ, тогда какъ *умба*, *варзуга* и *порогъ* способны долго хранить свой засолъ, не теряя вкуса, вида и даже краснаго цвѣта.

***) Вотъ все устройство этой меретки: она не иное что, какъ сѣтка, сплетенная изъ довольно толстыхъ нитокъ и натянутая полотномъ на 8 и болѣе обручьевъ, въ которыхъ и бываетъ прирѣплена, представляя видъ (въ растянutoй фигурѣ) конуса. Часть сѣти между обручьями называется *жиро* (стало-быть, всѣхъ жиръ въ мереткѣ 7). Въ первомъ жирѣ, самомъ широкомъ, 20 ячей; отъ втораго идутъ жиры по 18 ячей; въ послѣднемъ или въ верхнемъ конусѣ, называемомъ *кутковымъ жиромъ*, уже 60 ячей и ячей

точно также тянется через всю рѣку слишкомъ на трехсотъ-саженномъ пространствѣ. Въ заборѣ этомъ также отверстія, называемыя *ямеюй*, которыя точно такимъ же образомъ заставляются широкимъ основаніемъ мережки — конусообразной сѣткой, распяленной на шести обручахъ, величина которыхъ постепенно уменьшается къ вершинѣ. Внутри мережки укрѣпляется на веревкахъ тотъ же языкъ, какъ и въ пднгамской вершѣ, какъ и во всѣхъ другихъ мережкахъ, употребляемыхъ и на Ладожскомъ, и на Онежскомъ озерахъ, и на Волгѣ, и, кажется, во всѣхъ другихъ рѣкахъ Россіи. Для того, чтобы распялить мережку и держать ее въ наклонно-висячемъ положеніи въ водѣ, къ вершинѣ ея прикрѣпляется кольцо, свободно вращающееся на колу, называемомъ *кутовымъ*. Коль этотъ вбивается въ дно рѣки въ томъ разстояніи отъ забора, на сколько вытягиваются сѣтки мережки (саженяхъ въ трехъ обыкновенно). Мережка обыкновенно вытаскивается вся вмѣстѣ съ рыбой на такъ-называемое смотровое судно, похожее на архангельскую завбзю или на волжскій дощаникъ: носъ его острый, корма усѣлочная отвѣсно, съ широкимъ бортомъ. Въ то время, когда вытасчена мережка, отверстіе забора или ямега заставляется рамой съ сѣткой, или такъ называемымъ *зѣпускомъ*. Вытасченную мережку обыкновенно обиваютъ сначала палками отъ пѣны и наносныхъ травъ и щепокъ, и потомъ уже рукою вытаскиваютъ рыбу, кротятъ и убираютъ ее на томъ же смотровомъ суднѣ. Для этой операціи необходимы четыре человѣка, изъ которыхъ трое въ лодкѣ вынимаютъ пяло мережки (т. е. ближнія къ забору части его), четвертый зацѣпляетъ багромъ и тянетъ голову, *кутъ* сѣти; бабы очищаютъ ее отъ наплывной

эти плетутся чаще. При основаніи мережки, у первого жира привязывается другая сѣтка, называемая *наюжю*—родъ иѣшка, гдѣ и оставляется отверстіе для входа рыбы. Вершина конуса, или послѣдняго кутковаго жира, привязывается веревками къ кольямъ; отверстіе обращается стороною къ морю; вся мережка плавааетъ въ водѣ бокомъ. Для того, чтобы вошедшая рыба не могла выйти назадъ, внутри конуса привязывается меньшій конусъ, здѣсь называемый *лзкомъ* или *юрломъ* (*киссами* по Свири). Въ мережки эти на Соловецкихъ островахъ, вмѣстѣ съ рыбой, заходитъ также и верьпа, увлекаемая легкой добычей любимой птицы. Мережки бывають большія (съ 12 жирами) и маленькія (отъ 3—6 жиръ); въ послѣднихъ бываетъ по два горла, вмѣсто одного, какъ у большихъ мережекъ.

дрина. Въ мережки попадаютъ, вмѣстѣ съ сѣмгою, сига, камболы, даже щуки и налимы. Заборъ утвержденъ на тѣхъ же слягахъ съ камнями, которые также, въ свою очередь, лежатъ на козлахъ, запущенныхъ уже въ воду. Лѣтъ тому 20 назадъ по Онегѣ настроено было до пяти заборовъ; теперь всѣ они замѣнены однимъ.

Для починки забора, который успѣваетъ — таки не одинъ десятокъ разъ втеченіе лѣта промыть вода, употребляются тѣ же работники, которые по этому случаю и называются *бродчиками*. Они получаютъ особую плату и, кромѣ того, должны быть искусными. На подпорожскомъ заборѣ такихъ бродчиковъ (бродчиковъ оттого, что рѣка Онега въ томъ мѣстѣ довольно мелка) четыре и одинъ *заборщикъ*, на отвѣтственности котораго лежитъ постройка самаго забора; въ Умбѣ тѣ же бродчики носятъ уже простое названіе водолазовъ. Заборъ строятъ въ Умбѣ человекъ 18, которые иногда бьются около него недѣли три и болѣе. При строеніи забора обыкновенно сплавиваются вмѣстѣ два карбаса для удобства производства работъ. Между карбасами, аршина на полтора, оставляется промежутокъ, на который накладываютъ лѣсину, сплачивающую карбасы; бревна и доски кладутъ въ самый карбасъ. Но такъ какъ верхніе сляги остаются на всю зиму не тронутыми, то все дѣло, стало-бытъ, состоитъ въ томъ, чтобы загородить все свободное подъ ними пространство тальей; а чтобы вбивать эти колья въ дно—употребляютъ кіюру—тяжолой камень (въ полпуда вѣсомъ), оплетенный вичьемъ. Талья эта, простоявшая весну, лѣто и осень, на зиму (послѣ Покрова черезъ недѣлю) опять убирается вмѣстѣ съ вершами. Такихъ мастеровъ во всей деревнѣ Умбѣ нашлось только трое. На моихъ глазахъ, для примѣра, опускались они въ воду въ шерстяныхъ фуфайкахъ (изъ которыхъ они вбираютъ въ себя свѣжій воздухъ) и съ быстротою той же сѣмки плыли по направленію забора, около тальи, хватаясь одной рукой за эту талью, а другой, правой, нащупывая дно рѣки. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ замѣчалось просоченное водою отверстіе, водолазы выставляли изъ воды и, принявши съ мостинъ хворостъ и камень, снова бросались въ воду, починали прорѣху и опять бѣжали впередъ искать новой. Одинъ изъ этихъ водолазовъ пробылъ въ водѣ 10 минутъ и, вѣроятно, не столько при помощи шерстяной фуфайки, сколько по давнишней при-

вычекъ; этотъ, напримѣръ, уже двадцать пять лѣтъ правилъ должность починщика забора.

Осенью, когда начнутся сильныя бури въ морѣ, которые такъ любятъ семга, какъ будто находя въ борьбѣ съ волнами все свое удовольствіе, всю жизнь и легкую возможность животнаго проявленія, семгу ловятъ поѣздамъ, одинаково днемъ и ночью и одинаковымъ путемъ, какъ и вездѣ: ѣдутъ противъ воды двѣ лодки и за длинныя веревки тянутъ сѣть (въ родѣ мѣшка, сажень до 2 печатныхъ длиною и въ околѣ (кругомъ) сажень до трехъ съ половиной). Въ концѣ сѣти, на двухъ углахъ привязаны камни, называемые *пундами*, зашитые въ кожу для того, чтобы не шершили обо дно и не пугали бы такимъ образомъ рыбу. *Коришкѣ* (всегда мужчина) держитъ поѣздъ, *нососчикѣ* (всегда женщина) гребетъ веслами. Рыба, попадая въ сѣть, дергается ее и веревки *) въ рукахъ коришниковъ, или часто поднимается съ сѣтью вверхъ и серебрится у поверхности воды. Для этихъ поѣздовъ, напримѣръ, рѣка Варзуга уже раздѣлена на участки для каждаго семейства особенно, и поѣздовъ такихъ въ одинъ часъ осенняго рыбнаго времени ѣдитъ больше десятка, и притомъ на каждой изъ нихъ рыбы попадаетъ, какъ говорятъ, такъ много, что едва успѣваютъ кропить (въ одинъ запускъ иногда пудовъ до десяти).

Но, точно также, какъ и заборы — во все лѣто и осень стоятъ запущенными у побережьевъ Терскаго берега разные роды снастей, имѣющихъ различныя названія, смотря по расположенію сѣти на водѣ. Такъ, напримѣръ, около Кузомени (и только исключительно въ этихъ мѣстахъ) употребляются такъ называемыя *тайники*, т. е. сѣть точно съ такимъ же расположеніемъ въ водѣ, и въ такой же фигурѣ, какую имѣетъ тайникъ варзужскаго забора. Для того, чтобы сѣть не могло унести теченіе или волненіе моря, она прикрѣпляется ко дну моря на веревкахъ, къ концамъ которыхъ привязываются опять-таки каменные якоря, оплетенные берестой, а для того, чтобы сѣть держалась въ отвѣсно-стоячемъ положеніи на водѣ, къ тѣмъ же якорнымъ веревкамъ (*симкамъ*) привязываются *кубаса*—

---

*) Веревка двѣ, верхняя, называется *млома*—потоньше, нижняя — гораздо толще и зовется *пудетница*.

деревянные дощечки овальной формы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ берестяные поплавки и такъ называемые *ловдусы* — четыре дощечки, сплюснутыя въ перпендикулярномъ положеніи другъ къ другу. Такихъ якорей и такихъ кубасовъ или ловдусовъ на всемъ *заводѣ* (на цѣломъ тайникѣ) бываетъ до десяти. Весь тайникъ держится вблизи берега на дрекѣ. Тайникъ дѣлится на двѣ части, отдѣленные одна отъ другой стѣной сѣтки, которая идетъ къ берегу съ одной стороны и соединяется съ заднею морскою стороною самаго тайника. По обѣимъ сторонамъ этой стѣны оставляется небольшое отверстіе, свободное пространство для прохода рыбы, которая идетъ, послѣ захода въ сѣть, огибомъ вдоль стѣны завода и затѣмъ входитъ въ самый тайникъ, т. е. въ тѣ двѣ части завода, которыя выгорожены новыми двумя стѣнами сѣтки. Отсюда рыба не можетъ выйти назадъ, имѣя только одну возможность перейти изъ одного угла тайника въ другой (угловыя этихъ и здѣсь, также какъ и въ заборѣ, пять). Если такимъ образомъ много наберется въ тайникѣ рыбы, она не замедлитъ торговать сѣткою, качать веревки, кибаса и, наконецъ, сторожевую веревку, которая протянута отъ береговой стѣны на берегъ, на глаза очереднаго сторожеваго рыбака (большую частью бабы или мальчика). Сторожъ кричитъ въ ближнюю избушку общимъ привѣтомъ: «Богъ въ помощь», или «Богъ послалъ». Рыбаки садятся въ карбасъ, вытягиваютъ на него весь заводъ до той поры, пока не покажется первый куть (дальней мѣшокъ сѣти), въ которой заберется вся зашедшая въ тайникъ рыба; затѣмъ приступаютъ къ высматриванью втораго тайника завода, въ которомъ находятъ тотъ же куть и также полный рыбы. Въ хорошіе, уловныя годы вынимаютъ такимъ образомъ семги изъ одного тайника отъ 40 пудовъ до 50-ти. Тѣмъ же путемъ опускаютъ опять тайникъ въ море и на слѣдующіе полусутки, бросая сначала куть, затѣмъ стѣны праваго тайника (которыя сидятъ въ водѣ въ вышину на двѣ сажени), наконецъ лѣваго, и также тянутъ и укрѣпляютъ веревку на берегу по окончательномъ запускѣ завода, и также, оставляя чередоваго сторожа, идутъ въ избу. Здѣсь или спятъ, если хватаетъ еще силы на то, или на тюрикѣ плетутъ сѣти и потомъ контятъ ихъ на самомъ легкомъ огнѣ въ красной

цвѣтъ для того, чтобы не разтѣдала потомъ соленая вода прядева и держалось бы оно на водѣ, а не тонуло.

По отмельнымъ берегамъ Терскаго берега для подъема изъ воды семожныхъ сѣтей употребляются особаго устройства полати, называемыя *юрिकाми*; они же замѣняютъ на этотъ разъ и сторожевыя избы. На этихъ полатяхъ, подъ рогоженнымъ навѣсомъ (отъ дождя и вѣтра), обращеннымъ открытою стороною къ морю, также сидятъ и сторожатъ рыбу трое рыбаковъ, способныхъ общими силами вытаскивать и обчищать семожною сѣть. Полати эти ни что иное, какъ дощатой помость, утвержденной надъ водою (иногда въ полуторахъ и двухъ верстахъ отъ берега) на четырехъ бревнахъ *ногами*. Надъ полатами этими дѣлаются перилыцы, называемыя ведилками, и на нихъ вѣшается рогожка, предохраняющая сторожей отъ непогоды. Отъ этихъ же полатей идетъ наклонно въ море родъ лѣсенки съ частыми перекладинами, утвержденными также на двухъ бревнахъ (*юричинахъ*); по этой наклонной лѣсенкѣ, или собственно юрикамъ, и вытягиваютъ сѣть послѣ того, какъ въ ней сдѣлается примѣтная рыба (лѣтомъ) или когда выиграетъ она надъ поверхностью (выскочитъ и всплеснется въ ненастную, осеннюю погоду). Сѣть тянуть по юрикамъ на полатяхъ двумя веревками, изъ которыхъ одна называется *кличью* (въ Кашкаранцахъ) и *ужищемъ* (въ сторонѣ къ Поноку); другая веревка называется *бережникъ* и бываетъ всегда тоньше первой. Рыбу изъ матицы (послѣ того уже, когда всю остальную часть завода вытянуть на полати) выбираютъ въ карбасъ уже у воды (при основаніи юриковъ или юричной лѣстницы). Сѣть, при такомъ устройствѣ, укрѣпляется обыкновенно въ глуби моря на деревянномъ крюкѣ, который и вытягиваютъ потомъ вмѣстѣ съ нею.

Дальнѣйшее расположеніе въ водѣ семожныхъ сѣтей во всѣхъ другихъ мѣстахъ блѣморскаго побережья многимъ уже не отличается отъ рассказанныхъ выше. Вся хитрость расположенія *заводовъ* состоитъ въ томъ, чтобъ сѣтны сѣти приходились гдѣ-нибудь подъ угломъ и чтобы въ этомъ углу непременно былъ кутовой мѣшокъ, въ который могла бы войти рыба для окончательной гибели. Здѣсь она не можетъ повернуться и ни въ какомъ случаѣ не сумѣетъ выйти назадъ. По разнымъ мѣстностямъ и расположеніе сѣтей носитъ разное названіе, помимо тайниковъ, заборовъ. Такъ, напримѣръ, по всему Корельскому и Поморскому

берегу ловят семгу гарвами, именемъ которыхъ называютъ тоже расположеніе въ водѣ сѣти, какое употребляется и на Терскомъ берегу, съ ничтожными видоизмѣненіями, цѣль которыхъ та, чтобы семга, попавши въ заводъ, могла *объячеиться*, т. е. запутаться въ ячеяхъ сѣти. Хоботь или высота запушонной въ море сѣтны завода, на этотъ разъ называемаго *переметомъ*, бываетъ до трехъ сажень. Въ Мезени этотъ же снарядъ употребляется на мѣстахъ, покрывающихся водою при приливѣ и осыхающихъ при отливѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, объячевшаяся, запутавшаяся головою и передними крыльями рыба виситъ на воздухѣ, давая такимъ образомъ легкій способъ для уборки. Переметь, находящійся въ висячемъ положеніи, обыкновенно осматривается возможно чаще, на случай посѣщенія сѣти этой чайками, которыя въ такомъ случаѣ успѣваютъ очистить всю, еще далеко до прибытія рыбаковъ. Тоже самое можно встрѣтить и на Печорѣ, особенно при устьѣ ея. Вся разница при употребленіи этихъ сѣтей для ловли состоитъ въ немногѣ; такъ, на примѣръ, въ крайнихъ деревняхъ Терскаго берега — Башкаранцахъ, Порьегубѣ (на тонѣ Югокондѣ), Сальницѣ, около Умбы и въ Оленницѣ сѣть, вмѣсто поплавокъ, укрѣпляется надъ водою на такъ-называемыхъ *себьяхъ* — деревянныхъ крюкахъ и даже на дрегахъ, и въ такомъ случаѣ на верхней тетивѣ ея привязано болѣе значительное число поплавокъ, деревянныхъ для того, чтобы сѣть опять-таки отвѣсно держалась на водѣ. Замѣчаютъ одни, что сѣть при себьяхъ часто заливадается водою, чего, какъ увѣряютъ, никогда не бываетъ въ то время и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сѣть держится на водѣ кибасами, какъ, на примѣръ, въ Кузомени и Пялицѣ, или *голованомъ*, какъ по Корельскому берегу. Голованъ этотъ ни иное что, какъ деревянный чурбанъ, который держитъ сѣть надъ водою въ прямомъ положеніи и самъ, въ то же время, держится на одномъ мѣстѣ каменнымъ якоремъ.

Зимю весь Терской берегъ, и въ то же время, Мезенской занимаются такъ-называемою *подлѣдною* ловлею семги, хотя ловъ этотъ бываетъ не всегда удаченъ. Для этой цѣли прорубаютъ обыкновенно двѣ проруби въ дальномъ другъ отъ друга разстояніи (на 10 сажень); черезъ эти проруби, при помощи длинныхъ, десятисажонныхъ же шестовъ и деревяннаго крюка (норила), пропускаютъ сѣть, *промариваютъ* ее подо льдомъ, во

всю длину ея, вмѣстѣ съ веревкой. Проноривши сѣть, ее утверждають на толстой палкѣ—*пайнтъ*, связанной съ шестомъ сѣти *овальной* въ трехъ круглыхъ прорубяхъ; четвертую — по ббльшей части большую и четыреугольную, въ томъ мѣстѣ, гдѣ придется куть запушонной сѣти. Эта послѣдняя прорубь называется *привождка*; черезъ нее нащупываютъ рыбу въ кутовомъ горлѣ сѣти палкой и черезъ нее же вынимають ее на ледъ. На водѣ подо льдомъ сѣть держится опять-таки на тѣхъ же берестяныхъ поплавахъ—*кебрикахъ*—имѣющихъ форму трубочекъ. Запушонная такимъ образомъ сѣть оставляется въ водѣ на нѣсколько сутокъ и иногда въ пять-шесть дней не даетъ ни одной рыбы, особенно если долго тянется морозная, все леденящая зимняя погода.

По Печорѣ ловятъ семгу тѣми же переметами, тѣми же неводами (не черезъ всю рѣку) и, наконецъ, тѣми же *поплавами*, распускаемыми черезъ всю рѣку, во всю ея ширину, какъ уже и было говорено въ своемъ мѣстѣ. Предпочитають ловить въ бурную погоду также и на Печорѣ, какъ и вездѣ. Замѣчено около Пустозерска, что въ лѣтнюю пору семга предпочитаетъ плавать по мелкимъ затѣмъ, чтобы тереться о песокъ. Въ это время, замѣчено, раздѣдаетъ ея кожу особое насѣкомое, называемое *семожымъ клопомъ*; если много попадаетъ такой семги съ клопами, то примѣчаютъ, что осенній уловъ рыбы будетъ обильный. Семга съ клопомъ называется *походною*; она идетъ первую изъ моря еще въ первый разъ и вывелась изъ икры, которая была вымечена въ Печорѣ.

На рѣкѣ Мезени для семги въ большомъ ходу тѣже *подплавни*, которыя и здѣсь ббльшею частію принадлежать цѣлому селенію, какъ напримѣръ терскіе заборы. Каждая поплавь состоитъ изъ девяти сѣтей, каждая сѣть въ 20 сажень длины; сѣти эти *свирываются*, т. е. сплетаются вмѣстѣ и образуютъ такимъ образомъ поплавь въ 180 сажень длиною (стоитъ она обыкновенно отъ 50 до 100 руб. серебромъ). Такихъ поплавней по всей рѣкѣ Мезени ходитъ штукъ 50 и иногда 70; каждая изъ нихъ сидитъ въ водѣ на три сажени и держится въ отвѣсномъ положеніи при помощи кибасовъ, пришитыхъ внизу, и плавковъ, придѣланныхъ вверху къ надводной тетивѣ или веревкѣ. Съ каждою поплавней ѣздитъ одинъ карбасъ съ тремя работниками, изъ которыхъ одинъ мечетъ сѣть, привязавши ее къ трехъ-

ведерному бочонку—буйку (на Мезени) и къ палкамъ, имѣющихъ форму креста (по Печорѣ), двое другихъ работниковъ правятъ лодкою, одинъ въ веслахъ, другой на рулѣ. Выметавши всю сѣть, съ другимъ концомъ ея, противоположномъ буйку, ѣдутъ всѣ три работника въ томъ же карбасѣ противъ теченія и всегда въ сильную погоду и преимущественно при мутной водѣ. Семга, идущая въ эту пору въ рѣки изъ моря (въ которомъ въ солнечную погоду она любитъ *играть*), попадаетъ въ ячей поплавни, путается въ нихъ и иногда вспрыгиваетъ надъ водою. Рыбаки, не обращая на это никакого вниманія, продолжаютъ ѣхать дальше до тѣхъ поръ, пока не притянутъ сѣти къ оставленному другому концу ихъ съ бумъ. Ъхали бы они и дальше, если-бы не могли приплыть въ чужой участокъ (какъ это дѣлается на Печорѣ), или если не боялись того, что быстрина воды можетъ спутать сѣть, сильно перекосивши ее (какъ это и бываетъ при сильныхъ морскихъ приливахъ въ рѣкѣ Мезени). Съ поплавнями этими выѣзжаютъ въ осеннее время нѣсколько разъ въ день и такъ втеченіе 8 и 9 недѣль сряду.

Въ рѣкѣ Двинѣ рѣдко употребляются поплавни, за то въ большомъ ходу переметы, которые ставятся также и по Мезени, и по Печорѣ въ довольно значительномъ числѣ. Переметы эти утверждаются на кольяхъ, которые находятся на разстояніи двухъ саженъ отъ другаго, и преимущественно тамъ, гдѣ круты берега. Въ переметахъ нѣтъ уже ни кибасовъ, ни поплавокъ, однѣ тетивы; длина всего этого снаряда достигаеъ до 15 саженъ. Одинъ переметь отъ другаго ставится на 50 саженъ разстоянія и преимущественно на камняхъ, около которыхъ, какъ извѣстно, семга любитъ тереться. При приливахъ, когда чаще идетъ въ рѣки рыба, переметы эти покрываются водою; семга, подходя къ нимъ, путается въ ячеяхъ, а при отливѣ остается въ нихъ и снимается сторожемъ, который обязанъ при этомъ обивать палкою всѣ наплывныя изъ моря нечистоты. Случается, что при большихъ и сильныхъ приливахъ вода ломаетъ колья и рветъ самые переметы, и точно также во множествѣ прилетаютъ чайки похищать рыбу.

Также точно переметами, поплавнями и неводами (последними по извѣстнымъ всей Россіи приемамъ) вылавливается семга и на всѣхъ другихъ берегахъ Бѣлаго моря: Зимнемъ, Лѣтнемъ, Онежскомъ, Поморскомъ, Корельскомъ, иногда на Терскомъ и

рѣдко, впрочемъ, на Мурманскомъ. На Канинскомъ берегѣ, на островахъ Кдлгуевѣ и Новой Землѣ, попадаетъ особый родъ семги, меньше ростомъ съ болѣе нѣжнымъ мясомъ и со всѣми тѣми же привычками и свойствами, какими обладаетъ сама семга. Это — *юльцы*. Они также любятъ подниматься вверхъ по рѣкамъ для метанья икры, также любятъ борьбу съ порогами и крутымъ, сильнымъ теченіемъ, также *лоншаютъ*, т. е. возвращаются изъ рѣки въ море съ носовымъ наростомъ. На этомъ основаніи и ловятъ ихъ тѣми же способами, т. е. строятъ небольшие заборы съ деревянными вѣршами, и точно также гольцовъ этихъ набивается въ каждую вѣршу такъ много, что всѣ остальные, задніе, стоятъ неподвижно большими табунами, уткнувшись головами въ тали забора. Отсюда ихъ большею частію и добываютъ просто сакомъ. Кромѣ заборовъ, гольцовъ ловятъ еще въ невода при устьяхъ рѣкъ. Лучшіе вкусомъ гольцы — новоземельскіе, вылавливаемые въ незначительномъ числѣ и исключительно, притомъ, для домашняго употребленія. Вообще голецъ мелокъ; шкурка его синеватая съ мелкой чешуей; рыба эта очень вкусна, даже осоленная скупо и дурною солью. *)

Также скупо и, въ то же время, также дурно осаливается на всѣхъ пунктахъ улова и семга, вопреки огромнаго требованія на эту рыбу во всѣхъ столичныхъ и другихъ рынкахъ Россіи. Несмотря на то, что поморамъ дозволено приобрѣтеніе лучшей французской соли въ Норвегіи и провозъ ея оттуда безпошлинно, соленіе до сихъ поръ производится небрежно: рыба солится, плохо вычищенная, плохо промытая, не тотчасъ по уловѣ, а значительно уже вылежавшаяся, стало быть, потерявшая половину изъ всего ея лучшаго. Купорится она въ нечистыхъ, промозглыхъ, прогорклыхъ бочонкахъ, нечистыми руками, количествомъ соли, брошеннымъ на-угадъ, безъ системы, безъ положительнаго знанія, по какимъ-то вѣковымъ убѣжденіямъ и примѣтамъ. Поразительное исключеніе составляетъ, можетъ быть, одна только семга-порогъ, приготовляемая умнымъ, опытнымъ, знающимъ дѣло теоретически и начитаннымъ хозяиномъ; но и та солится вмѣстѣ съ костями, нерѣдко въ старомъ рассолѣ и

---

*) Нѣкоторое сходство съ гольцами имѣетъ рыба *палля*, вылавливаемая въ Онежскомъ озерѣ.

безъ помощи селитры, которая принята за благо во всѣхъ другихъ мѣстахъ Европы. Несмотря однакожь на то, порогская семга солится не заграничною солью, а русскою, тою же бѣломорскою (съ варницъ Красной горы) солью. Приготавливаемая въ Петербургѣ семга обыкновенно выбирается изъ множества другихъ; для этого употребляютъ ту, у которой бѣлое брюхо и фиолетовая спина *); красная и саня избившаяся объ мережку, остается въ губерніи. На заборѣ этомъ принято еще обыкновеніе прорѣзывать рыбѣ ножомъ крайнее мѣсто у хвоста, и это, говорятъ, особенно важно при солениіи, хотя все дѣло состоитъ въ томъ, что черезъ этотъ разрѣзъ рыба скорѣе осаливается, но и то, можетъ, однимъ днемъ раньше, чѣмъ та, у которой хвостъ забудутъ или подѣнятся прорѣзывать. Во всякомъ случаѣ и въ этомъ дѣлѣ приводится пожелать того же, что приведется говорить и при описаніи другихъ осоловъ, чтобы честная, толковая, руководимая научными данными и неувлекаемая скорыми, спѣшными приобрѣтеніемъ барышей компанія взяла это важное, прибыльное дѣло въ свои руки, отняла бы его у неспѣдующихъ торговцовъ, у которыхъ это дѣло гниетъ, хотя и не такъ скоро, какъ ихъ продажная семга **).

Быстро несъ меня карбасъ на легкомъ благопріятномъ повѣтрѣи отъ деревни Кузомени по направленію къ Кашкаранцамъ, скоро пронесъ онъ это сорокаверстное пространство и къ вечеру позволилъ увидѣть эту деревню прямо съ моря, на далеко-выдавшемся изъ земли песчано-каменистомъ мысу, со

---

*) Семга бываетъ величиною отъ 2 до 6 четвертей, въсомъ отъ 4 до 80 фунтовъ; ротъ у ней небольшой; языкъ бѣлый, костеватый; перьевъ плечныхъ и подбрюшныхъ по два и на спинѣ и близъ прохода по одному. На спинѣ къ хвосту замѣчается маленькое перышко, обросшее жиромъ и находящееся какъ бы въ зачаточномъ состояніи. Хвостъ рыбы широкій съ выемкой; члвтъ чешуи темно-синеватый, съ серебряными отливамъ на спинѣ; по бокамъ свѣтлѣе, и потому серебристѣе, съ черными пятнами въ некоторыхъ мѣстахъ; на брюхѣ члвтъ по большей части совершенно бѣлый, серебряной. Обыкновенная цѣна за пудъ 3 и 4 рубля; зимой доходить до 5 и свыше руб. сер. Порогъ — самая дорогая, кола и поной — самая дешовая.

***) Впрочемъ, какъ извѣстно, уже образовались компанія именно для этой цѣли: Богъ въ помощь! — отъ души скажемъ и мы ей словами поморовъ и за поморовъ.

множествомъ обычныхъ крестовъ на наволокахъ. Назадѣ поминился камень-корабль, скала, имѣющая издали поразительное сходство съ этимъ великаномъ судовъ, впереди видѣлась деревушка Кашкаранцы съ относительно недурными строениями; попались въ карбасѣ кашкараны, обиравшие рыбу съ тоней, которыхъ такая пропасть по всему спопутному берегу. Тоже множество промысловыхъ избушекъ, не пустыхъ на то время (былъ конецъ іюля), стояло на берегу и на дальнѣйшемъ пути, на слѣдующихъ 15-ти верстахъ до Сальницы и 20-ти до Оленницы. Огромная мель, на которой торчали голые камни чуть не надъ поверхностью воды, не позволила мнѣ побывать въ первой изъ этихъ деревушекъ, недавно заселенной четырьмя семьями, выѣхавшими изъ села Варзуги *). Не былъ я также и въ слѣдующей деревушкѣ — Оленницѣ (съ 30 домами и 50 мужиками); бѣдѣлась только верстахъ въ 6 отъ насъ вновь строившаяся деревянная церковь. Благоприятное — рѣдкой гость — повѣтерье пронесло насъ мимо; даже сами гребцы не хотѣли смѣняться до Кузрѣнки, которая отстоитъ отъ Оленницы, какъ думаютъ, на 35 верстѣ (зимніе пути, конечно, короче верстѣ на 5, на 7, на 10 и даже больше). Кузрѣнка — маленькая (10 дворовъ), грязненькая, старенькая деревушка, заброшенная далеко за устьемъ рѣки Кузи, мелкой до того, что по стрелу ея разставлены вѣхи, обстоятельство, помѣшавшее англичанамъ посѣтить и эту деревушку, несмотря на то, что она, въ то время, почти совершенно обезлюдѣла: все мужское населеніе ея уходило на помощь въ Умбу, до которой отъ Кузрѣнки 30 верстѣ моремъ. Немногимъ пополнило мои свѣдѣнія посѣщеніе этой деревушки, помимо семожей ловли, которая и здѣсь составляетъ насущное, главное занятіе. И изъ этой деревушки, точно также, какъ и изъ всѣхъ прежнихъ до Поноя, народъ не поднимается на Мурманъ, но по зимамъ, съ Федора Тирона до Благовѣщенья, ходитъ для промысла морскаго звѣря недѣли на три, на четыре на Бабій носъ, на мысы: Погорѣльской, Никодимской, въ Девятое (становище у Поноя) и на Святой Носъ.

На промыселъ этотъ идутъ обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди бѣжитъ на лыжахъ хозяинъ, обязанный вы-

---

*) Тоже село, какъ извѣстно, дало существованіе и Кюзоменн.

смазывать удобное для прохода мѣсто и кричать гдѣ камень, гдѣ ропачистый (негладкій) ледъ, между которымъ вода обыкновенно садитъ (ходить съ необыкновенной быстротой), гдѣ она мелчитъ торосной ледъ въ шугу, по которой бѣгутъ уже на длинныхъ и широкихъ ламбахъ. Позади хозяина покрута, на этотъ разъ правящаго обязанность кормщика, бѣгутъ тоже на лыжахъ двое его работниковъ, которые тянутъ на лямкахъ лодку съ поддѣланными внизу креньями. Въ лодкѣ — провизія, теплая лопать (носильное платье), орудія ловли: пѣшши, ножи, кутило и другая снасть. У всѣхъ на спину перекинута винтовка, у всѣхъ въ карманахъ и за пазухой кусочки свинцу для пуль и порохъ, если вѣтеръ, дующій съ горъ, не отнесетъ льду въ голомя и не заставитъ промышленниковъ въ ближайшей избушкѣ выжидать у моря погоды и возвращенія льда, на которомъ уже навѣрно образовали залежки бѣлки, отдѣлившіеся отъ матерей и отцовъ, уплывшихъ въ Мезенскій заливъ. Замѣтивши юрово, креновой карбасъ немедленно спускается на воду, звѣрь берется на тѣ же хитрости и тѣми же орудіями (мелкій на кѣкотъ — деревянную колотушку, крупной на винтовку). Убитого звѣря выносятъ на берегъ, тамъ его и пластаютъ, мясо бросая, а харавины (шкуры) съ саломъ везутъ домой, гдѣ обыкновенно строгаютъ сало и вымачиваютъ харавины для замши въ водѣ (лѣтомъ) повыше заборовъ, для того, чтобы вымокла и вылѣзла вся негустая и короткая шерсть. Точно также и здѣсь, на Терскомъ, какъ и на Зимнемъ, Мезенскомъ и Канинскомъ, сильные вѣтра раздергиваютъ ледъ, на которомъ промышленники заняты своей работой, и уносятъ его въ добрый часъ на Соловецкій островъ или къ мезенскимъ берегамъ; въ несчастный часъ, при переменѣ вѣтра—въ океанъ, на вѣрную гибель!.. На Св. Носѣ тѣже промыслы производятъ исключительно одни почти лопари. Удача этого промысла на Терскомъ берегу зависитъ, какъ уже сказано, отъ вѣтровъ, которые въ тоже время могутъ вынести льды съ юровами въ океанъ или просто прибить ихъ къ Корельскому берегу, предоставивши такимъ образомъ промыселъ въ другія руки, или примкнуть тѣже неблагоприятные вѣтра и тѣже льдины къ необитаемой пустынной части Терскаго берега (между Кандалакшей и Поръегубой), гдѣ звѣрь спокойно живетъ зиму и спокойно выплываетъ по веснѣ въ океанъ...

И вотъ — Умба, лучшее (послѣ Варзуги) селеніе Терскаго берега, съ своимъ огромнымъ заборомъ, съ своею глубокою, картинно-обставленною высокими скалами рѣкою. Съ одной изъ варакъ глядитъ высоко поднявшаяся къ небу деревянная часовня, словно орлиное гнѣздо, чуть держащаяся на обрывистой, сѣрвовой, гранитной крутизнѣ. Съ параллели этой скалы и часовни, изъ-за чащи высокихъ сосновыхъ деревьевъ, уже сѣрветъ своими избами и сама Умба, та Умба, которую, какъ носились слухи, хотѣли замѣнить Колу, переведа сюда узднѣй городъ съ его присутствіями и уздомъ; та, наконецъ, Умба, которая пользуется лучшею рѣкою во всѣхъ прибрежьяхъ моря, рѣкою, порожиною только на двѣ версты выше села, гдѣ и устроенъ заборъ для семги, охотно посѣщающей эту рѣку черезъ два рукава. Рѣка эта, противъ обыкновенія, не надѣдаетъ уже своимъ шумомъ, а тихо катится въ море по глубокому своему стрежу. Также тихо и скромно расходится народъ по домамъ (на мой прѣздъ туда, только что отошла обѣдня), небольшая часть того добраго и привѣтливаго народа Терскаго берега, между которымъ, какъ положительно извѣстно, нѣтъ ни одного раскольника и про который, вѣроятно, еще и до сихъ поръ разсказываютъ всѣ поморы ближнихъ и дальнихъ береговъ, что стоитъ только обокраденному мужичку заявить о своей пропажѣ въ церкви послѣ обѣдни—воръ, или вынужденный обстоятельствами похититель, непременно скажется или уважаетъ на него другой. Дѣйствительно, на всемъ Терскомъ берегу въ рѣдкихъ случаяхъ употребляются замки, и то по большей части противъ коровы, блудливой овцы. Довѣрчиво смотрятъ всѣ терскіе, откровенно высказываютъ все свое сокровенное, хотя и высказываютъ это нѣсколько книжнымъ, нѣсколько фигурнымъ языкомъ, не отличаясь, въ тоже время, въ говорѣ отъ другихъ поморовъ. Гостепріимство и угощенія доведены здѣсь до крайней степени добродушія; хозяинъ и хозяйка суетятся все время, принося все лучшее и безпрестанно подчуя, оправдываясь при этомъ тѣмъ, что, по пословицѣ, «хозяева-де и съ перстовъ наѣдятся». Добродушіе это и по своему понимаемое ими гостепріимство доходило нѣсколько разъ до того, что кормщики (по большей части хозяева обывательскаго карбаса) не хотѣли даже получать прогонныхъ денегъ, такъ что съ трудомъ можно было убѣдить ихъ въ противномъ.

— Съ тебя деньги грѣхъ брать, *странной* (странникъ, за-
вѣзжій), а мы за Богомъ—дома!—былъ отвѣтъ однихъ.

— Странникову-то златницу чортъ подхватываетъ, да и
несетъ къ сатанѣ, а тотъ надъ ней прыгаетъ, пляшетъ, къ
дьявольскому сердцу своему прижимаетъ, такъ и въ писаніи
сказано!—объясняли другіе.

Тоже гостепріимство, таже готовность на услуги, слово-
охотливость и радушный, родственнѣйшій приемъ ожидали меня и
въ слѣдующемъ селеніи—Порьегубѣ, за 30 верстѣ отъ Умбы.
Высокія Умбовскія горы долго еще тянулись по берегу, вы-
крытыя уже значительно густымъ соснякомъ и ельникомъ; остро-
ва попадались рѣдко; селеніе оказалось забившимся за дальней
губой, приглубокой, обставленной низменными берегами съ
тѣмъ же густымъ, непрогляднымъ боромъ; въ селеніи церковь
и только 15 дворовъ. Бѣдность селенія, какъ сказывали, зави-
ситъ отъ безрыбыя губы, отъ нѣкоторой удаленности отъ моря.
Лѣсные и тундряные промыслы пушнаго звѣря и перекупка
рыбы у лопарей даютъ возможность жителямъ Порьегубы вы-
мѣнивать достаточное количество муки, для годоваго пропита-
нія, съ судовъ, приходящихъ сюда изъ Кемскаго поморья.

Съ Порьегубы путь мнѣ лежалъ назадъ, черезъ Канда-
лажскую губу, въ селеніе Корельскаго берега—Ковду, покинутую
мною только въ прошломъ мѣсяцѣ. Плыть приводилось сначала
десять верстѣ между островами и лудами (Крестовой, Озер-
чанкой, Столбовыми, Сядловатымъ, Хед-островомъ, Медвѣ-
жьимъ); затѣмъ 20 верстѣ полымъ (открытымъ) моремъ и по-
томъ опять десять верстѣ между лудами противоположнаго,
Корельскаго берега, до устья рѣки Ковды. На самомъ высо-
комъ и крутомъ изъ острововъ Порьегубскихъ — Медвѣжьемъ,
покрытымъ кустарникомъ, мы останавливались и съ трудомъ
могли различить четыре рудокопныя ямы: Орелъ, Надежду,
Куртъ и Боярскую. Эти ямы, зарываемыя временемъ и непо-
годами, служатъ послѣднимъ, отживающимъ, нагляднымъ при-
знакомъ существованія на острову Медвѣдѣ, съ 1740 по 1790
годъ, разработки серебряной руды и строеній при этомъ при-
искѣ. Разработка производилась частными людьми, но «бергъ-
коллегія, усмотрѣвъ приискъ сей въ дѣлопроизводствѣ неспо-
собнымъ, оставила оный». Около ямъ этихъ промышленники
до сихъ еще поръ находятъ куски свинцоваго блеска.

Начинало темнѣть. Острова то уходили назадъ и скрывались въ туманѣ, то продолжали снова выплывать впереди. Мы вѣхали греблей, хотя и перебѣгали каковой-то вѣтеръ съ разныхъ сторонъ, желавшій, по всѣмъ примѣтамъ, уходить, улечься въ одной сторонѣ чистаго, ясно-бирюзоваго неба.

— Которой-то часъ, ваша милость? спросилъ меня кормщикъ. По нашему, надо-быть, девятой на исходѣ, коли бы не десятой въ началѣ.

Я свѣрился съ часами; кормщикъ ошибся немногимъ: мои часы показывали половину девятаго.

— Отчего-жь ты угадалъ?

— А вишь облице-то въ побережникѣ (NW), немного подалось къ межнику на сѣверъ.

— По нашему счету, дѣло это во-какое! — объяснялъ онъ потомъ. Солнышко пошло отъ *полуношника* (NO) на *востокъ* и пришло туда—знай: шесть часовъ ночи; вставай нашъ братъ—поморъ, Богу молись, за работу примайся, пора! Солнышко на ту пору къ обѣднику (SO) три часа цѣлыхъ пройдетъ, въ 9 часовъ въ обѣдникѣ будетъ; береговые наши терскіе обѣдать садятся: первая выть; въ 12 часовъ солнышко на дѣтѣ (S) будетъ, на вѣтрѣ томъ въ ту сторону неба уходитъ; въ 3 часа за полдень оно на *шалоникѣ* (SW): вторая выть, береговые пауживаютъ; въ шесть часовъ солнце на западъ придетъ, да не прячется, а только стоитъ въ той сторонѣ неба — и все тутъ; въ 9 оно въ побережникѣ (NW): для береговыхъ третья выть, ужинать садятся. Въ 12 часовъ солнышко на сѣверъ придетъ: мужики всѣ уже давно *повалились* и *заспали*, у мужика на брюхѣ туго и сонъ крѣпокъ, не дотычешься; спать онъ и еще три часа, когда солнышко править свое дѣло, въ три часа ночи въ *полуношникѣ* (NO) придетъ. Опять ты его, мужика, на ту пору не дотолкаешься: все еще крѣпокъ сонъ, все еще мужикъ огрызается. Дай ты ему еще три часа доху; когда солнышко на востокъ придетъ—опять мужикъ самъ горошкомъ вскочитъ: выпался, вздынулся, умылся, Богу помолился, всѣхъ за работу усадилъ и самъ за работу принялся. Идетъ красный денекъ впередъ да впередъ, идетъ красное солнышко своимъ чередомъ по вѣтрамъ, и опять мужику четыре выти, четыре разъ ѣсть, двѣнадцать часовъ работать... На Мурманѣ вонъ, сказываютъ, всего только три выти, а то, слышь, и двѣ, а

те-де и одна, да и та въ сухоматку, особо когда работа-де герячая идетъ. Это, вѣдь, намъ, береговымъ, хорошо на четыре-то выти распоясываться отъ нечего дѣлать. Мы, пожалуй, въ межникахъ еще сверхъ сыта пообѣдаемъ, когда межникъ отъ лѣта ближе въ шалонику (2 часа), или когда межникъ отъ запада ближе въ шалонику (4 часа за полдень). Право такъ, не сибѣхмъ!..

— А вонъ, гляди, и матушка Турья-гора, госпожа Кандалуха-губа, батюшка Олений-Рогъ! — вдругъ прервалъ свою рѣчь кормщикъ, указывая на послѣдній ясившій островъ, за которымъ чуть-чуть вдали синѣла безбрежная, непроглядная полоса воды въ Кандалажской губѣ.

Послѣднее присловье его, общее всѣмъ поморамъ, посѣщающимъ Кандалажскую губу, имѣетъ тотъ смыслъ, что Кандалажская губа, «куда не ѣдешь—все впереди, все она, все прямо, все въ нее угодишь» — объясняли мнѣ кормщики. Турья гора, гранитный утѣсъ съ уступами, въ 200 футовъ высоту надъ моремъ, у мыса Турья, на Терскомъ берегу, примѣтна издали, «гдѣ-гдѣ покажется» (по словамъ поморовъ), а Олений-Рогъ (на Оленевскомъ острову, у Корельскаго берега) съ мелкими мѣстами далеко оттянулъ въ голомя Кандалажской губы, отпридышами саженъ на 50 отъ берега, между селеніями Керетью и Ковдой.

Между тѣмъ мы плыли все-таки еще между островами, хотя и послѣдними, и все-таки по прежнему на греблѣ; вѣтеръ установился сначала въ южный, потомъ перебѣжалъ, перемѣнился на западъ. Но оба, легкимъ дуновеніемъ, незамѣтно располагали ко сну, на этотъ разъ и монотонно затянута кормщикомъ пѣсня послужила для послѣдняго занятія хорошимъ, благопріятнымъ подспорьемъ. Я, убаюканный всѣмъ этимъ и легкимъ покачиваньемъ карбаса на легкихъ волнахъ, заснулъ.

Просыпаюсь: чувствую ознобъ и холодъ, который, вѣроятно, и разбудилъ меня; вижу обручья будки, слышу ужасный шумъ и свистъ, въ которыхъ ничего нельзя разобрать; смотрю впередъ — гребцы положили весла, подняли свои косые паруса, и вмѣсто того, чтобы спать по обыкновенію, молча сидятъ на своихъ мѣстахъ, закутавшись въ полушубки. Дѣйствительно, холодная, проникающая сырость наполняла и мою будку; холодно было и мнѣ одѣтому, однако, совсѣмъ по осеннему. Не

опредѣленность молчанія сосѣдей, на первыхъ минутахъ пробужденія, подѣйствовала какъ-то смутно, тяжело. Мнѣ сдѣлалось безсознательно страшно.

— Въ чемъ, братцы, дѣло? спросилъ я.

Отвѣта не было. Я обратился къ кормщику, но и тотъ молчалъ. Неопредѣленной страхъ мой усилился. Я настаивалъ-таки на своемъ и опросилъ кормщика.

— Пылко больно! отвѣчалъ онъ мнѣ сердито и неохотно.

— Какой вѣтеръ?

— Полуношникъ (NO).

Въ словахъ этихъ представилось мнѣ столько ужаса и двусмысленности, что, помнится, сердце облилось кровью и какъ-будто начало еще сильнѣе биться. Съ такою же безсознательностію я позволилъ себѣ, нѣсколько оправившись, другое движеніе—вонъ изъ будки. Страхъ мой былъ не напрасенъ: море буквально кипѣло котломъ; высокія волны бороздили его справа, вѣтеръ свистѣлъ невыносимо, можетъ быть въ снастяхъ нашего карбаса; можетъ быть, несся этотъ свистъ продолженнымъ эхомъ изъ дальнихъ скалъ Терскаго берега, который, на этотъ разъ, ушелъ далеко и весь затянулся непрогляднымъ туманомъ. Въ этомъ же туманѣ, еще болѣе непроглядномъ, еще болѣе смутномъ, видѣлся за головою кормщика противоположной Корельской берегъ—вожделенная цѣль нашего плаванія. Дальное море въ туманномъ мракѣ слилось уже съ хмурымъ небомъ, затянутымъ, въ свою очередь, черными тучами безъ просвѣта, какъ въ глухую осеннюю—*волчью* ночь. Мы были на половинѣ пути, въ самой серединѣ Кандалажской губы. Вѣтеръ ходилъ здѣсь свободно, безъ препятствій, безъ остановокъ; здѣсь онъ былъ полный и неограниченный властелинъ и хозяинъ; надо было крайнее умѣнье, чтобы бороться своимъ умомъ и толкомъ съ его враждебными порывами. Мнѣ дѣлалось уже окончательно страшно и привелось даже пожалѣть о томъ, что холодъ разбудилъ меня прежде времени. Лучше было-бы проснуться въ то время, когда карбасъ миновалъ всѣ опасности, а не теперь, когда она на носу, когда отъ нея никуда не спрячешься, когда на десять верстъ впередъ, на десять верстъ назадъ нѣтъ ни одной хоронушки, ни одного становища, хоть бы одинъ островокъ, хоть бы одна скала даже и на пол-аршина надъ водою. Кипѣвшее море, постепенно крѣпчавшій вѣтеръ ужа-

сомъ обдавали по прежнему сердце и нагонили мрачныя и страшныя мысли. Я спрятался опять подъ будку, хотѣлъ заснуть—не могъ; масса разныхъ воспоминаній путалась въ головѣ безъ связи, безъ порядка, но такъ, въ то же время, быстро и своеобразно, что трудно было услѣдить за мыслями. Припомнился дальній уѣздный городокъ, куда бы ѣхалъ теперь съ несказанною охотою, гдѣ бы желалъ быть въ настоящую пору и пол-жизни бы отдалъ за то; гдѣ будутъ долго и искренно плавать надъ горькою участью, предложенной него-степриимною, далеко неродною и неродственною морскою губою Бѣлаго моря. И вдругъ, вслѣдъ затѣмъ, промелькнулъ большой городъ: вспомнились золотыя главы, узкія улицы, площади съ фонтанами, бульвары съ густо-поросшими аллеями, маленькой садикъ во дворѣ между четырьмя большими домами, theatrum anatomicum съ крылечкомъ, нѣсколько лицъ, хорошо знакомыхъ издавна, съ которыми бы не разстался во-вѣки. И опять новые виды: желѣзная дорога, толпа мужиковъ кругомъ; незнакомый красивый городъ, высокіе дома, чудно обставленные гранитные берега рѣки, еще что-то... длинный Архангельскъ и семой заборъ въ Умбѣ, и опять что-то еще болѣе неясное и неопредѣленное... сѣдой старикъ въ Порьегубѣ, угощающій густымъ, какъ пиво, чаемъ и окаменѣлыми баранками; овца въ Варзугѣ, бѣгающая въ круги, безконечно-долго, безконечно-много, словно сумасшедшая, подъ окнами моей квартиры. «Крючокъ отъ сѣти въ бокъ попалъ—не ослобонится» вспоминается объясненіе хозяина, какъ-будто сейчасъ выговоренное и какъ-будто звуки словъ этихъ еще не застыли въ воздухѣ... Также бессознательно смѣшными показались на этотъ разъ и эти слова, какъ смѣшны были и другіе случаи, пришедшіе вслѣдъ затѣмъ на память, но зачѣмъ и съ какой статьи? — объяснить я себя этого уже окончательно не могъ; чувствовалось только, что какъ будто на душѣ съ этой минуты сдѣлалось и свѣтлѣе, и пріятнѣе. Я уже смѣлъ закурить сигару, смѣлъ опять вылѣзть вонъ и сѣсть на будку; смѣлъ опять смотрѣть на волны даже, какъ казалось, безобязненно, хотя и не безнаказанно; бойкая волна круто разорвалась о навренившійся бокъ нашего карбаса, вырвала сигару изъ рукъ и унесла ее въ море. Обливши меня щедро брызгами, волна плеснула въ грудь

и лица гребцовъ и заставила одного изъ нихъ нарушить его упорно сдерживаемое, сосредоточенное молчаніе.

— Ишь, лѣшая, плескается! — успѣлъ онъ однозвучно говорить и опять замолчалъ.

Молчаніе это продолжало меня томить и возмущать душевной покой по-прежнему. По-прежнему проходили въ головѣ новыя воспоминанія, быстро погоняя одно другое; по-прежнему припоминалось многое иное, уже новое. Но одна мысль о томъ, что мы, во всякомъ случаѣ, ѣдемъ по морю, которое имѣетъ здѣсь сто саженъ глубины, опережала всѣ прочія и сдѣлала свое дѣло: опять пробовалъ и не могъ я заснуть, видя, что, передній берегъ все еще залитъ туманомъ, все еще тускло отдаетъ надеждой на скорое плаваніе между островами, гдѣ и вѣтеръ будетъ ходить тише, гдѣ самыя волны значительно мельче, гдѣ, можетъ быть, выровняется даже и такая поверхность, которую чуть-чуть только рябитъ и которую тѣмъ легче можетъ осилить своей острой грудью наша скорлупа—карбасъ. Захотѣлось чаю, теплой комнаты, захотѣлось быть на берегу такъ сильно и неодолимо, какъ не хотѣлось ничего и никогда въ жизни. Не желалъ бы выходить изъ будки въ другой разъ, чтобы не видя въ-очію опасности, спокойное выждать благополучный и, пожалуй ужъ, и неблагополучный исходъ ея, если того требуетъ судьба и житейская случайность. Набѣжитъ волна, подхватитъ нашъ карбасъ, явится ей немедленно другая волна на подмогу: разобьютъ они съ-обща неплотно-шитое суденко наше, разломаютъ его на двѣ, на три, на четыре части, увлечотъ насъ собственная наша тяжесть на этихъ осколкахъ судна, между тѣми же осколками, на самое дно, гдѣ и холодно, гдѣ и темно, и гдѣ, наконецъ, вѣрная смерть — всегда мрачный, хладногровный, безнадежный, неумолимый врагъ! Плыть отъ врага этого—не уплывешь: самый ближній берегъ чуть видѣнъ и волны ходятъ такія крутыя и высокія, съ которыми и могутъ бороться одни только суда, за тѣмъ выстроенныя, на то приспособленныя цѣлыми вѣками, не однимъ десяткомъ умовъ. Нѣтъ, тяжело умирать такой смертью, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни привѣту, ни отвѣту вдали отъ родной семьи, вдали отъ искренныхъ!.. Лучше, если бы стихалъ вѣтеръ, лучше, если бы несъ онъ скорѣе между островами, въ рѣку, къ твердому берегу, гдѣ и изба теплая и чай горячій, можно приготовить недурно,

удобо-свѣдомой обѣдъ, можно говорить спокойнѣе и словоохотливѣе, можно дѣлать все, что захочешь: писать, ходить, лежать, не боясь смерти, не думая о ней. И, кажется, не выѣхать бы изъ деревни до той поры, пока совершенно не уходилъ бы въ-теръ, не улеглось бы море, и, кажется, весь остальной путь предпочлъ бы проѣхать лучше греблей, чѣмъ на парусахъ, лучше между островами и гораздо медленнѣе, чѣмъ теперь по страшному взводню, на самомъ крѣпкомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, которой былъ для насъ полнѣйшій фордевиндъ.

— Слушай, Васыка! на берегъ прїедемъ, носъ и уши обрублю тебя непремѣнно: вѣрь ты моему слову не лютному. Что зѣваешь-то, океанной, неумытая душа? Рочи шкоть-отъ, лѣшой!—кричалъ кормщикъ гребцу лопарю и какъ-будто уже замѣтно болѣе спокойнымъ голосомъ. Онъ былъ такъ щедръ на слова, что, казалось, въ душѣ его затихла буря: да и была ли она?! онъ какъ-будто не сердится уже на свое ремесло, а съ любовію, крѣпко налегши на руль и внимательно устремивши взглядъ свой впередъ на дальней берегъ, что-то высматриваетъ, честно и безропотно, и, хотя молча, справляетъ свою обязанность. Съ нимъ, казалось мнѣ, уже можно было заговорить и не рассердить его.

— Что ужъ, не страшно теперь: доѣдемъ?

— Чего страшно? чего доѣдемъ? известно доѣдемъ... Сидѣлъ бы, твоя милость, подъ будкой; а то на будкѣ то сиди мѣшаешь, заслоняешь, не видно! — отвѣчалъ онъ рѣзко, но опять-таки спокойнѣе и не съ сердцовъ.

Онъ опять замолчалъ, опять крѣпко налегъ на руль: и то повернетъ его вправо, то отдастъ немного назадъ, и опять двигаетъ головой по сторонамъ, что-то сосредоточенно-внимательно высматриваетъ. Вотъ опять кричитъ на помощниковъ:

— Отдай, Гришка, кливера, рулю тяжело, скорѣй, проклятой! ишь вѣдь вы, съ Васькой-то одного гнѣзда воры. Ужъ вотъ я васъ!.. шевелись! Набѣжитъ бойчѣе волна, опружить... рулю тяжело; руки-то у меня не каменные, жильные чай, саднѣютъ ужъ!.. Ну живѣй, стрѣля бы вамъ въ спину обомъ!..

Кажется мнѣ, невольню ухватившемуся за его мысль, что слова эти были справедливы и брань сыпалась по заслугамъ. Какъ будто нарочно медленно, не живо брались гребцы за свое дѣло, какъ будто бы мертвымъ узломъ крѣпили они швотъ и

другія веревки, и вотъ, того и гляди, вырвется бичева изъ рукъ, начнетъ хлестаться на водѣ. Набѣжить въ это время волна, неумѣющая медлить и переждать лѣниваго; но кормщикъ молчалъ: стало-быть, все хорошо. Мысль объ опасности пропала окончательно; даже весело было смотрѣть, какъ одна волна, набѣгая слѣва страшной горой на самый карбасъ, готовая залить его, ломалась подлѣ борта, словно нагибалась тутъ и проходила подъ судномъ на правую сторону уже неопасною, уже побѣжденною, а потому и покорною. Новая, такая же высокая, такая же страшная, точно также, съ тѣмъ же шумомъ вздымалась налѣво отъ насъ, также опускалась и проходила подъ карбасъ, легонько покачнувши его и отдавая свою пѣну назадъ, на новыя волны, которыхъ постигала та же участь. Весело было смотрѣть въ это время на всю эту игру расходящагося взводня, весело было встрѣчать всѣ другія, новыя волны и слѣдить за ними на другой сторонѣ за карбасомъ, который продолжалъ тянуть за собою свѣтящійся, свободный отъ пѣны слѣдъ все больше и дальше. Вдали, въ крайней дали, едва досягаемой взглядомъ, неугомонныя волны замѣтали этотъ слѣдъ, уничтожали его на всегда, какъ лишней, бесполезный, обидный признакъ побѣды утлаго суденка—щепки, но выстроеннаго для борьбы этой и побѣды человѣкомъ и для человѣка...

Между тѣмъ вѣтеръ, надувши наши паруса, продолжалъ крѣпчать; судно разсѣвало, рѣзало волны и быстро бѣжало впередъ, скоро успѣло подтянуть къ намъ острова, скоро бросило нѣкоторые изъ нихъ назадъ. Взводень оказался между островами этими дѣйствительно слабѣе и рыдалъ только тамъ, гдѣ оставался между островами свободный проходъ для вѣтра, свободный выходъ въ море. Наконецъ, и послѣдніе острова остались назадъ, мы ѣхали рѣкой Ковдой между избами; слышался давно знакомой шумъ пороговъ, который какъ будто, на этотъ разъ, разносился еще сильнѣе, еще рѣзче. Но вотъ уже карбасъ нашъ привязанъ; мы на берегу и въ теплой комнатѣ; передо мною кормщикъ держитъ руки, всѣ окровавленныя, всѣ имѣвшія поразительно-непріятный, отталкивающій видъ, и проситъ на водку гривенникъ для косушки, простосердечно давая этому гривеннику огромное значеніе десяти рублей серебромъ. Не жаль было тогда и этихъ денегъ, хотя для меня на тотъ разъ они имѣли огромное значеніе.

— А, вѣдь, страшно было ѣхать?—замѣтилъ я ему.

— Чего страшнаго; такъ ли еще бываетъ? отвѣчалъ онъ прежнимъ своимъ равнодушнымъ голосомъ и съ прежнимъ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Ну да, однако, и съ нами хорошо было?

— Хорошо-то, хорошо!.. Страшно было! два раза чуть не опружило; а все вотъ эти черти!

И онъ указалъ на гребцовъ.

— Что же ты съ ними сдѣлаешь?

— А что съ ними сдѣлать? далъ ты намъ большія деньги—пойдемъ, выпьемъ вмѣстѣ за твое здоровье. Да надо же будетъ и намъ переждать здѣсь: вѣтеръ-отъ теперь противнякъ на Терской берегъ...

— А я могу ѣхать дальше?

— Отчего не ѣхать? можешь; а лучше бы, кабы и ты переждалъ; неровень, вѣдь, часъ!..

Двое сутокъ тянулъ потомъ вѣтрикъ сѣверо-востокъ и держалъ меня въ селѣ Ковдѣ, не пуская съ мѣста. Каждый разъ, какъ ни пошлешь посмотрѣть на море, приносился одинъ отвѣтъ:

— Пыль, пыль, страшная пыль въ морѣ; вода, что бересто, словно мыломъ налита.

— Спасъ тебя Богъ на этотъ разъ, нечего въ другой разъ смерти пытаться. Коршикъ-отъ у тебя былъ золотой человѣкъ, таквихъ-то по всему поморью только три и есть и всѣхъ по именамъ знаютъ: малаго робѣнка спроси объ Иванѣ Архиповѣ. Съ этимъ человѣкомъ можно горе горевать; другой на такомъ взводнишѣ, да на такомъ крутомъ вѣтрѣ, пожалуй, безотмѣнно бы пустилъ тебя рыбу ловить. Пей-ко вотъ чай-то, прошу покорно!

И прежней знакомой хозяйнѣ квартиры съ шахматнымъ поломъ, съ мурманскимъ голубкомъ подъ потолкомъ и съ птицей дивной, говорящей человѣческими голосами, усердно кланаясь, поилъ меня чаемъ со сливками. Общолгивая, въ тоже время, маленькими кусочками крупно наколотой сахаръ и хитро поставивъ блюдечко съ чаемъ на распяленныхъ рогулькой пальцахъ правой руки, растабарывалъ:

— Нѣтъ ничего обиднѣе смерти этой выжидать среди моря, когда вотъ баба какая на ту пору прилучится. Самъ ты о се-

бѣ на ту пору думаешь мало, все попеченіе о житіи своемъ откладываешь, только молитвы набираешь, чтобы больше ихъ было. А бабы, нѣтъ: бабы сомущаютъ. Сердце у тебя окаменеетъ; передъ собой только и видишь воду, да карбась: а онѣ вой поднимаютъ, подъ сердечушки свои хватаются, словно оно выпрыгнуть хочетъ! Опять же бабы эти — дери ихъ горой! — причитанья свои надрывныя, что на могилахъ сказываютъ, начнутъ разводять: въ дѣсь бы бѣжалъ! Въ чувство приводятъ, памятью твоей руководствуютъ. Иногда, слышь, до смѣховъ доходить дѣло, развеселяютъ... Одна, какъ теперь вижу и помню, до того добралась: «Батюшко-де, слышь, Никола Угодникъ, помоги, если сможешь!»

На другой день послѣ этого разговора я уже ѣхалъ въ обратную путь вдоль Корельскаго берега и на пятые сутки скучнаго прибрежнаго плаванія былъ опять въ Кеми, на поморскомъ берегу Бѣлаго моря.

Х.

ПОМОРСКОЙ БЕРЕГЪ ИЛИ СОБСТВЕННО ПОМОРЬЕ *).

Городъ Кемь; его исторія. — Занятія кемлянъ и жемчужная ловля. — Бѣломорскія суда. — Внѣшней видъ города Кемь. — Туземные богачи, судохозяева. — Строители судовъ и обряды, соблюдаемые при судостроеніи. — Бѣломорскія суда: лодья, раньшина, шняка, кочмарь, разные виды карбасовъ. — Мелкія рѣчныя суда: барки, полубарки, каюки, обласы, завозни, разные виды плотовъ. — Бѣломорская торговля: исторія ея и настоящее состояніе по сношенію поморевъ съ Норвегіей. — Путь изъ Кемь въ Онегу. — Село Шуя. — Село Сорока. Сельдяной промыселъ. Полярныя переселенія этой рыбы; подробности ловли сельдей по всѣмъ побережьямъ, но преимущественно въ деревнѣ Сорокъ. — Деревни Сухая и Вирьма. — Сумской посадъ: его исторія; занятія жителей. — Соловецкіе богомольцы; путь ихъ изъ Петербурга по переволокамъ между Онежскимъ озеромъ и посадомъ Сумою. — Ргъ Сумы до Онеги. — Желѣзные ворота. — Село Колежма. — Трудный путь до села Нюхи. — Преданіе о посѣщеніи этого села Петромъ Великимъ и исторія пребыванія Петра въ сѣверномъ краю Россіи, предшествовавшаго посѣщенію Нюхи. — Дальнѣйшій мой путь изъ Нюхи: Унежма. — Верховая ѣзда. — Села Кушерѣка, Малошуйка, Ворзгоры. — Дорога въ Онегу. — Последнее свиданіе съ этимъ городомъ и конечный путь и возвращеніе мое въ Архангельскъ.

1. КЕМЬ.

Кемь, по всей справедливости, почитается центромъ промышленной дѣятельности всего Поморскаго края. Капиталисты этого города строятъ лучшія и въ бдльшемъ, противъ другихъ, количествѣ морскія суда, отправляя ихъ и на дальніе промыш-

---

*) Поморскимъ берегомъ, или собственно *Поморьемъ*, на языкѣ туземцовъ, называется западная часть Онежскаго залива между двумя узкими городами губерніи: Онегою и Кемью. Дальніе поморы мезенскіе и терскіе обыкновенно зовутъ зтотъ берегъ *Кемскимъ*. Мы слѣдуемъ первоначальному названію этого берега по той причинѣ, что поморцами, поморами ирзываются исключительно обитатели Кемскаго берега.

слы за треской на Мурманской берегъ, за морскимъ звѣремъ на Новую Землю и Колгуевъ; они же первыми ѣздили и на дальний Шпицбергенъ; они-же ведутъ дѣятельную, съ годами усиливающуюся торговлю съ Норвегіей. Оставляя, до приличнаго случая, объясненіе значенія этого города въ ряду всѣхъ другихъ поморскихъ селеній и всю силу нравственнаго вліянія его на домашній и общественный бытъ всѣхъ сосѣднихъ ему обитателей, считаемъ главнымъ прослѣдить теперь за историческими судьбами города, чтобы потомъ перейти къ главнымъ проявленіямъ дѣятельности жителей его: судостроенію и заграничной торговлѣ.

Въ архивѣ кемской ратуши сохранилась рукопись, начатая по приказу олонецкаго намѣстническаго правленія, въ 1787 году, и продолженная до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Она называется такъ: «Исторія о новоучрежденномъ городѣ Кемь, состоящемъ Олонецкой губерніи, въ Петрозаводскомъ вѣдѣніи, при предѣлахъ Бѣлаго моря, Сѣвернаго окіяна, на рѣкѣ Кемь». *Исторія* эта начинается такъ: «Отъ сотворенія міра въ лѣто 7084 (1579) и 7098 (1590) оная Кемская волость отъ шведовъ дважды была воюема. Храмы Божіи и обывательскіе дома выжжены, жители побиты, иные въ полонъ взяты, а другіе разбѣжались. По населеніи, лѣта 7099, іюня, по грамотѣ царя и великаго князя Феодора Іоанновича, Кемская волость отдана Соловецкаго монастыря игумену Іакову съ братією. Того жъ лѣта, августа 2 дня, по таковой же царя и великаго князя грамотѣ, велѣно ему, игумену, съ братією хрестьянъ судомъ и расправою вѣдать Соловецкаго монастыря властямъ, или кому онѣ прикажутъ». Этимъ и ограничиваются всѣ свѣдѣнія о первоначальномъ заселеніи города; тоже самое подтверждаетъ и соловецкой лѣтописецъ. Въ XV вѣкѣ, по свидѣтельству его, Кемь называлась уже волостью и принадлежала именитой посадницѣ Марѣ Борецкой. Марѣа, въ 1450 году, подарила эту волость, вмѣстѣ съ другими, Соловецкому монастырю. Послѣ паденія новгородскаго вѣча, Кемь сдѣлалась государевою собственностію и была ею до царя Феодора. Больше соловецкой лѣтописецъ уже не говоритъ ничего, хотя, по всему вѣроятію, можно предположить, что и Кемь, какъ и посадъ Сума, первоначально населена была кореляками, и Кемь была такая бѣдная корельская деревушка, какъ и финская Suoma—Сума. Въ Ке-

ми, до сихъ еще поръ, хранятся на языкѣ туземцовъ старинныя корельскія названія частей города, хотя корелы русскимъ новгородскимъ населеніемъ и отодвинуты вверхъ по р. Кемь на 18 верстѣ (до деревни Подужемья). Слобода, расположенная на сѣверномъ берегу рѣки, до настоящаго времени зовется *мандера* (по корельски твердая, матерая земля); городской погостъ называется *гайжа*; часть города на южномъ берегу—*корга*. Гайжу можно назвать главною частію города, потому-что здѣсь находится соборная церковь, казенныя и общественныя зданія. Это большой островъ, образованный двумя рукавами рѣки. Противъ этого острова (къ востоку) находится другой меньшей величины, называемой Леп-островъ, отдѣленный небольшимъ проливцемъ Пудасъ. Здѣсь находится деревянная церковь и полуразрушенная, догнивающая свой долгій вѣкъ, деревянная башня—одинъ изъ остатковъ нѣкогда бывшаго здѣсь острога. Острогъ этотъ, какъ пишетъ соловецкой лѣтописецъ, построенъ въ 7165 г. (1657) по грамотѣ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича (для караула воинскихъ людей) на счетъ монастырскихъ суммъ. Острогъ этотъ былъ двухъ-этажный, назывался городкомъ, имѣлъ по угламъ башни и два ряда бойницы, 12 желѣзныхъ пушекъ, 14 пищалей затинныхъ, 63 мушкета, 30 бердышевъ, 118 копій, 9 роговъ, 2 знамени, 3 барабана, 1 алебарду, 3 значка, 9 ядеръ, свинцу 9 пудовъ 27 фунт. и двѣ бочки пороху. Построенный исключительно для защиты отъ набѣговъ «нѣмецкихъ людей», острогъ, однако, не успѣлъ исполнить своего назначенія: нѣмцы не приходили. Городокъ спокойно догнивалъ свой вѣкъ до указа Екатерины II, когда Кемь отведена была отъ монастыря. Боевые снаряды остались, однако, за нимъ. До того времени, въ Кемь, на особомъ подворьѣ, до сихъ поръ еще сохранившемъ всю оригинальность своей архитектуры, жили соловецкіе старцы, собирая на монастырь волостныя доходы съ *рыбныхъ ловищъ и кречатыхъ садбищъ*. Дворъ этотъ, по примѣру другихъ и по царскимъ указамъ, былъ *обтленъ*, т. е. освобожденъ отъ всѣхъ тѣхъ поборовъ, какими обложены были всѣ другіе обывательскіе дома. Когда состоялись духовныя штаты, подворье продолжало оставаться въ вѣдѣніи монастыря до 1808 г.; тогда оно продано было тамошному купцу Дружинину.

«Въ 1714 и 1715 годахъ, по указамъ его царскаго величества Петра Алексѣевича—продолжаетъ вышеупомянутая исто-

рія—для укомплектованія морскаго флота, набираю въ матросы поголовно людей годныхъ, крѣпкихъ и здоровыхъ, господиномъ лубенахтомъ и кавалеромъ Синявинимъ, да лейбъ-гвардіи капитанъ-лейтенантомъ Румянцовимъ (отцомъ задунайскаго героя). Изъ Кемскаго города взято съ полнымъ мундиромъ 44 человекъ, которыхъ указомъ его величества велѣно въ будущіе наборы съ прочими губерніями уравнивать зачотами; оставшихся же отъ взятыхъ въ матросы сиротъ, престарѣлыхъ родителей, жонъ и малолѣтнихъ дѣтей воспитывать того городскаго обществомъ». Наборъ этотъ — *Синявина* — до сихъ еще поръ памятенъ народу, до сихъ еще поръ живетъ въ памяти ихъ, какъ дальняя мука и разбой каянскихъ нѣмцовъ и литовскихъ людей; выбраны были лучшіе люди; волости замѣтно упали, не имѣя уже крѣпкихъ, здоровыхъ рукъ для промысла; Синявинъ до сихъ еще поръ для помора — второй Мамай, второй Биронъ. Еще далеко до него, въ 1702 г., Кемь отпускала работныхъ людей для проложенія дороги отъ села Нюхи на Повѣнецъ, по которой Петръ велъ сухимъ путемъ свои яхты.

«Въ 1749 и 1763 г. бывшими великими вѣшными наводненіями въ проходѣ Кеми рѣки вѣшнаго льда у городка, съ лѣвней и съ западной стороны, стѣны льдомъ и водою сломало и унесло въ море, также и обывательскихъ домовъ и анбаровъ, по низкимъ мѣстамъ состоящимъ, много сломало и унесло. Въ 1764 году, по указу его величества государыни императрицы Екатерины Алексіевны, оной Кемской городъ изъ вотчины Соловецкаго монастыря подъ вѣдомство государственной коллегіи экономіи присланнымъ отъ архангелогородской губернской канцеляріи поручикомъ Матвѣемъ Какушкинымъ отведенъ и управляемъ былъ, какъ прочія духовныя вотчины, архангелогородскими экономическими казначеями. 1785 года, мая въ 16 день, по имянному государыни императрицы Екатерины II указу, данному правящему должности олонецкаго и архангельскаго генераль-губернатора, господину генераль-поручику Тутолмину, велѣно предѣлы Олонецкаго намѣстничества распространить до Бѣлаго моря и Кемской городокъ переименовать городомъ; а того же 1785 г., августа 22 дня, прибывшимъ нарочно его превосходительствомъ, господиномъ статскимъ совѣтникомъ, олонецкимъ губернаторомъ, Гаврилою Романовичемъ Державинимъ, съ церковною надлежащею церемонією, открыть».

Дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя «Исторіею», состоятъ въ томъ, что въ 1787 г. въ городѣ открыты были присутственныя мѣста; въ 1796 г. освящена церковь во имя Живоначальныя Троицы (кладбищенская); 1802 г. городъ присоединенъ въ Архангельской губерніи; въ 1811 позволено жителямъ вывезти 2,000 четвертей хлѣба въ Норвегію для вымѣна на рыбу и привозить послѣднюю въ Россію беспошлинно; 1820 г. разрѣшено взимать за употребляемой на суда лѣсъ (для рыбныхъ промысловъ) попенныя деньги (а не футовыя) и дозволено снова увезти въ Норвегію 6,000 четвертей муки и вымѣнять ее на рыбу. Въ 1822 г. открыты уѣздное училище и больница; въ 1825 г. закрыты городской магистратъ и градская дума; оставлена одна ратуша. Того же года пожаръ испепелилъ 72 обывательскихъ дома, гостиный дворъ и часовню, изъ которой крестъ вынесенъ въ соборную церковь за правый клиросъ. Въ пособіе обывателямъ правительство выдало 20,000 деревъ безъ платежа попенныхъ денегъ и 10,000 руб. асс. заимообразно безъ процентовъ на 10 лѣтъ. Въ 1826 году, отъ сильныхъ жаровъ и сухихъ погодъ, распространились на городскомъ выгонѣ пожары, такъ что пламя было близко города, особенно къ кладбищенской церкви; дождь, начавшійся съ 15 августа, потушилъ пожары; потеря оказалась только въ травѣ и сѣнѣ, хотя, въ то же время, и значительная.

Соборная церковь города, съ главнымъ храмомъ во имя Успенія и придѣлами: Зосимы и Савватія (лѣвымъ) и Николая Чудотворца (правымъ), построена въ 1714 году. Поразительная по своей ветхости, церковь эта имѣетъ расположеніе въ формѣ креста, края котораго образуются главнымъ храмомъ, придѣлами и папертью. Въ окнахъ ея до сихъ еще поръ видится слюда. Въ самой церкви замѣчательны два креста съ вырѣзными изображеніями молитвъ, а на одномъ изъ нихъ — съ рѣзнымъ изображеніемъ Спасителя и вида св. града Іерусалима внизу. Нѣкоторые относятъ работу этихъ крестовъ ко временамъ Марѣы посадницы, при которой будто бы поставлены и другіе три креста бывшаго соловецкаго подворья, недалеко отъ соборнаго храма. Сходная архитектурой церковь на Лѣп-островѣ, во имя Іоанна Предтечи, построена въ 1782 году. Кладбищенская, въ мой проѣздъ, обводилась заборомъ; но всѣ три церкви находятся въ запущенномъ, полуразрушенномъ со-

стояніи, съ ветхими ставнями у оконъ, обращенныхъ къ сѣверной сторонѣ, съ плесенью по крышамъ, съ желтизной по всѣмъ стѣнамъ. Причина тому, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что большая часть жителей города держится раскола.

Въ Кеми существовало когда-то шхиперское училище, къ несчастію, въ настоящее время закрытое. До сихъ еще поръ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаютъ толковые и грамотные отцы семействъ объ этомъ благодѣтельномъ учрежденіи. До сихъ еще поръ лучшими мореходами считаются тѣ изъ поморовъ, которые слушали курсы; до сихъ еще поръ кемляне и сумляне не теряютъ надежды имѣть снова у себя это училище, и до сихъ еще поръ готовы обнадеживать возможность существованія его, даже и при существованіи такихъ курсовъ въ Архангельскѣ. Кажется, только этими прямыми мѣрами можно искоренить упорное невѣжество, неразуміе и завоснѣлость поморскихъ мореплавателей; кажется, только прямо и положительно этимъ можно достигъ вождеденнаго результата—уничтоженія безобразныхъ, неудобныхъ, вредныхъ судовъ, строющихся большею частію на собственную и чужую гибель на волнахъ не всегда гостепріимнаго Бѣлаго моря. Но, и объ этомъ въ своемъ мѣстѣ...

«Это (шхиперское) училище—говоритъ г. Рейнке въ одномъ мѣстѣ своего «Гидрографическаго описанія сѣвернаго берега Россіи — учрежденіемъ своимъ (въ 1842 г.) обязано министру финансовъ, графу Канкрину. Оно доступно всѣмъ поморцамъ отъ 15 и до 20 лѣтъ, знающимъ грамоту; преимущественно же принимаются тѣ, которые обучались въ уздномъ или приходскомъ училищахъ и, слѣдовательно, знаютъ начала ариметики. Первые два года ученики содержались собственнымъ иждивеніемъ и ходили въ классъ только для слушанія уроковъ; впоследствии, для облегченія бѣдныхъ крестьянъ сосѣдственныхъ деревень, правительство приняло на себя и полное содержаніе учениковъ, въ числѣ до 20 человекъ». Они жили въ особенномъ домѣ, получали отъ казны пищу и одежду. Предметами курса были: законъ Божій, ариметика, геометрія, навигація и астрономія (безъ теоретическихъ подробностей), практическія правила кораблестроенія и кораблевожденія, гражданскіе законы по отношенію ихъ къ торговому мореплаванію. Приморская географія и съемка береговъ преподавались практически въ

формѣ бесѣдъ. Курсъ наукъ продолжался два года; ученье начиналось 1 октября, кончалось 1 мая; на него употреблялось ежедневно по четыре часа. Лѣтомъ ученики ходили въ море на собственной шкунѣ; другіе отпускались для домашнихъ работъ. Кончившіе курсъ получали аттестаты (но безъ всякихъ условныхъ преимуществъ) и возвращались въ свое первобытное состояніе, чтобы *улучшить мореходство, промыслы и торговлю своихъ семействъ*. Нѣкоторые изъ учениковъ въ С.-Петербургскомъ училищѣ торговаго мореплаванія умѣли выдержать экзаменъ на званіе коммерческаго шхипера; нѣкоторые ходили на русскихъ коммерческихъ судахъ матросами; *нѣкоторые поступили на службу на иностранныя корабли...*

Гербъ города изображаетъ щитъ, въ верхней части котораго находится губернской гербъ, а въ нижней, въ голубомъ полѣ, *вѣнокъ изъ жемчуга*. Это послѣднее обстоятельство не маловажно и не потеряло своего значенія и до сихъ поръ. И до сихъ еще поръ въ порожистой, быстрой и мѣстами чрезвычайно мелкой рѣкѣ Кеми попадаются жемчужныя раковины, хотя ловъ ихъ и не составляетъ исключительнаго занятія всѣхъ жителей, но даже и одного какого нибудь семейства. Жемчугъ этотъ ловятъ отъ бездѣлья досужіе люди и не всегда для продажи, потому что здѣшной жемчугъ невысокой доброты и падается въ рѣкѣ въ незначительномъ количествѣ. Иногда цѣлой день терпѣливые люди роются въ водѣ и достаютъ много горсть, чаще три-четыре зернышка. Ловля эта обыкновенно производится слѣдующимъ простымъ способомъ. Искатели садятся на бревенчатой плотъ небольшой, съ отверстіемъ въ серединѣ, заставленнымъ трубой. Большая часть трубы этой находится въ водѣ; одинъ, по берегу, тянетъ плотикъ; другой смотритъ черезъ трубу въ воду. Замѣтивъ подлѣ камня раковину, имѣющую сходство съ жемчужною (обыкновенно, при ясной солнечной погодѣ, когда животное открываетъ раковину), наблюдатель опускаетъ черезъ трубу длинный шестъ съ щипчиками или крючкомъ на одномъ концѣ его. Раковина смыкается и тогда ее удобно бываетъ принять на щипчики. Разломивши раковину, счастливецъ, нашедшій зернышко, обязанъ немедленно положить его за щеку для той цѣли, чтобы это зернышко—отложеніе болѣзненнаго процесса улитки (какъ объясняютъ обыкновенно зарожденіе жемчуга) — черезъ прикосновеніе со

слуюно, дѣлалось изъ мягкаго постепенно твердымъ, до состоянія настоящаго жемчуга (обыкновенно черезъ 6 часовъ, какъ замѣчаютъ). Точно также (замѣчаютъ поморы) жемчугъ ведется во всѣхъ тѣхъ рѣкахъ, куда любить въ избыткѣ заходить семга, и что между этой породкою рыбъ и слизняковъ существуетъ какая-то темная, загадочная, трудно-объяснимая симпатія. Также точно ловится жемчугъ и въ другихъ поморскихъ рѣкахъ и вромѣ Кеми, какъ, напримѣръ, въ Жемчужной губѣ, около Княжьей губы, около Колы. Но и кемляне, какъ и всѣ остальные поморы, не даютъ для этой отрасли промысловъ особенной доли своего участія и вниманія, кладя всю свою жизнь, находя всю цѣль своего существованія исключительно въ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ, въ судостроеніи и торговлѣ.

2. БЪЛОМОРСКІЯ СУДА.

Городъ Кемь въшномъ видомъ своимъ столько же похожъ на всякое другое блѣморское селеніе, обусловленное простымъ значеніемъ деревни или села, сколько, въ то же время, не похожъ ни на одинъ изъ другихъ уѣздныхъ городовъ Россіи. Начиная съ того, что въ городѣ этомъ встрѣчаетъ всякаго пріѣзжаго невыносимый, докучливый шумъ рѣчныхъ пороговъ, какъ и всюду по берегамъ Бѣлаго моря. Кемь, въ свою очередь, поставлена въ такое же исключительное и незавидное положеніе, чтобы разбросаться въ поразительномъ безпорядкѣ по гранитнымъ скаламъ, которыя въ пяти-шести мѣстахъ слились въ сплошныя груды, какъ будто горы. Цѣпляясь на уступахъ этихъ гранитныхъ горъ неправильною линіею безъ симметріи и увлекающаго вида, идутъ одни за другими, одни надъ другими зеленые, желтые, сѣрые домики и дома этого города. Незначительная часть ихъ, полукругомъ, какъ-будто въ нѣкоторомъ порядкѣ, какъ бы подобіемъ набережной красиваго приморскаго города (особенно при видѣ издали, при въѣздѣ въ городъ съ моря), обогнули широкой, круглой ковшь рѣки, гдѣ она слилась двумя своими рукавами. Съ одного изъ этихъ рукавовъ съ шумомъ и брызгами несется по крупнымъ камнямъ огромная масса воды, трудно побѣдимая силою весель, силою человѣка и силою паруса, крѣпко надутаго сильнымъ и кру-

тымъ вѣтромъ. Тамъ, гдѣ масса воды этой не кипитъ уже котломъ, а зияетъ огромной пучиной, выбитой временемъ и силою воды, какъ бы въ упоръ стремленію водопада, выплываетъ невысокая гранитная скала со старинною церковью, съ болѣе древнею башнею уже разрушеннаго или рухнушаго отъ времени *острога, городка*. Продолжая замѣчательно спокойное теченіе свое дальше, рѣка обрамляется тѣми же безпривѣтными гранитными скалами, по которымъ тянется изгородь, вѣшала съ сѣтями направо и рассыпался такой же беспорядочный рядъ строеній налѣво, восторону города. Въ дальномъ концѣ своемъ, до котораго видно такое множество угловъ, трубъ и кровель, рядъ домовъ этихъ, названный корельскимъ именемъ *мандеры*, замыкается деревянною кладбищенскою церковью съ крестами и тѣми же гранитными камнями и плитами кругомъ. И точно на такихъ же неправильно-очерченныхъ, неправильно-разметанныхъ кругомъ камняхъ и плитахъ выстроилась соборная церковь, встала отдѣльно отъ нея соборная колокольня, неизбѣжно каменное казначейство, еще нѣсколько домовъ, пожалуй, относительно, и красивыхъ, не похожихъ на дома деревенскіе или сельскіе, но ни огорода подлѣ, ни кусточка зелени, кромѣ зелени ивняка, да дальнаго сосноваго бора, ни лошади подлѣ или даже гдѣ-нибудь и вдали. Если въ Онегѣ есть еще хоть одна улица, по которой можно ѣздить, то по Кеми окончательно по лѣтамъ ѣздить невозможно. Два утлыхъ, наскоро плетенныхъ моста, перекинутыхъ черезъ узкіе рукава рѣки, служатъ только для прохода пѣшеходовъ; заблудившейся или, по обыкновенію, оставленной безъ призора бодливой коровы, всегда огромной, всегда желтой собаки, которая по зимамъ возитъ воду и воеводу, дрова и его челядинцевъ. Взойдешь на гору, взберешься на колокольню — моря не увидишь, море затанули спопутные взору мысы извилистой, колѣнчатой рѣки, закрыли избы, сосновый перелѣсокъ, недавно построенныя противъ непріятеля батареи, бараки подлѣ. Видишь неровныя, прогнившія крыши домовъ съ кадушками и швабрами въ нихъ на случай пожара; видишь опять прихотливые изгибы рѣки; видишь кемскую жонку всю въ красномъ съ весломъ на плечѣ, идущую къ карбасу; видишь карбасъ, который качается на водѣ подлѣ берега; видишь парусокъ вдали; слышишь опять вой пороговъ или еще болѣе несносный вой своры собакъ, бѣга-

ющихъ по загороднымъ горамъ. Тамъ дальше тускнѣеть что-то въ туманѣ: можетъ быть, тотъ же боръ, можетъ быть, тѣ же сѣровато-красныя массы гранита; а тамъ опять-таки слышишь человѣческіе голоса, какъ-то не гармонирующіе со всею наглазною обстановкою, какъ-будто чужіе здѣсь, хотя подъ ногами и раскинулся широко и много одинъ изъ лучшихъ, самый богатый капиталами городъ Архангельской губерніи. Спустишься внизъ по уступамъ скалъ, имѣющихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видъ и форму рѣшительной лѣстницы, словно рубила ее рука человѣческая, но и тутъ все-таки ничего не встрѣчаешь новаго: слышатся тѣже пороги, видится тотъ же широкій и глубокій ковшъ среди города, среди самой рѣки. По берегу этого ковша навалены груды, полѣнницами, доски и бревна; изъ-за нихъ, по временамъ, вырываются болѣзненный завизгъ пилы, голоса людей, звонъ топора, плашмя попавшаго на сучокъ. Здѣсь городская, доморошенная верфь и, говорятъ, хотя и маленькая, но чрезвычайно удобная. На этомъ мѣстѣ, съ этого берега, въ этотъ ковшъ рѣки Кеми ежегодно спускаютъ по одному, по два, нерѣдко по три и по четыре крупныхъ морскихъ судна, назначаемыхъ для дальнихъ морскихъ плаваній. Подрядчиками работъ этихъ бывають, конечно, богатые капиталисты города, которыхъ такъ въ немъ много; производителями, работниками—корелы изъ деревни Подужемья, расположенной въ 17-ти верстахъ выше города, на той же рѣкѣ Кеми. Вся нехитрая и несложная исторія этого дѣла обыкновенно обрягается и ведется простымъ путемъ. Вотъ какъ про все это рассказываютъ.

Давно уже кемскіе богачи нажили свои капиталы и пустили объ этомъ славу на всю ближнюю и дальнюю околность. Правда, что слава эта на устахъ правдивыхъ людей не всегда добрая и кемскіе капиталы, какъ говорятъ, нажиты не весьма честнымъ путемъ, а потому и наше дѣло сказывать всю сущую правду, какъ она рассказывается. Давно, еще до временъ Петра Великаго, въ глухихъ, непроходимыхъ корельскихъ болотахъ, вблизи большихъ рыбныхъ озеръ, особенно же около самаго большаго изъ нихъ—Тбпозера, расселились первые раскольники своими скитами. Тбпозерскій скитъ былъ всѣхъ больше и люднѣе, съ громкими звонами, съ печатными книгами, съ попами, а въ послѣднее время существованія, какъ гово-

рить, даже и своимъ архіереемъ. Въ этотъ скитъ бѣжалъ — говорятъ—изъ Сибири и влейменный негодяй, и не одинъ десятокъ разъ прогнанный сквозь строй и сосланный на поселенье солдаты; бѣжала изъ Сибири всякая сволочь, кто могъ понадѣяться на личную смѣлость и не побояться втораго, всегда болѣе горшаго наказанія. Пробираясь христовымъ именемъ, обнадеженные сердобольемъ добраго русскаго народа, который давно уже приучилъ себя видѣть во всякомъ бѣгломъ, если не мученика, то непремѣнно уже страдальца, достойнаго и куска хлѣба, и теплаго приюта — бѣглецы, болшею частію, спокойно достигали до корельскихъ болотъ. Здѣсь первый спопутный скитъ приглашалъ ихъ къ себѣ и благословлялъ на вѣчную, спокойную жизнь, обезпеченную дальностью мѣста, непроходною глушью за забучими болотами, за высмотрѣнными и зачурованными тропинками. Сюда цѣлое столѣтіе не достигалъ полицейскій надзоръ и корельскіе и выгорецкіе скиты ежегодно населялись цѣлыми десятками бѣглецовъ, *ревнующихъ о древлецерковномъ благочестіи*. Опять-таки цѣлое столѣтіе эти бѣглецы-скитники были предметомъ бдительнаго надзора тѣхъ изъ богатыхъ раскольниковъ, которые заручались умѣньемъ и смѣлостью въ столицахъ. Богачи эти не скупились на милостыню и не десятками, а сотнями и тысячами рублей посылали ее сюда на помощь *гонимой, унетенной о Христѣ братіи*. Хорошо зная о крайней удаленности архангельскихъ поморскихъ скитовъ, о трудно проходимыхъ путяхъ туда, наконецъ, о крайней скудости средствъ къ жизни, столичные раскольники обыкновенно адресовали свою милостыню на имя тѣхъ изъ своихъ единомышленниковъ, которые жили въ Кеми, ближе къ почтѣ и ближе къ скитамъ. Коммисіонеры эти, сначала обладавшіе только однимъ секретомъ скоро и вѣрно находить скиты, впоследствии научились другому: не обходить и себя въ дѣлежъ, конечно, съ болшею выгодною и съ болшимъ барышомъ. Легко и въ короткое время они успѣли убѣдить скитниковъ, что скорѣе хлѣбъ, мясо и другіе съѣстные припасы, скорѣе одежда и предметы домашняго хозяйства, чѣмъ деньги—неприложимой въ глухихъ и безлюдныхъ мѣстахъ матеріаль — нужны для ревнующихъ о древлецерковномъ благочестіи и спасеніи души; что, наконецъ, деньги эти, какъ игрушка, какъ забава, важны для нихъ въ небольшомъ числѣ, и то почти для того только, чтобы не си-

дѣтъ безъ нихъ, не разучиться распознавать одну монету отъ другой. Дѣло это было улажено при помощи тѣхъ же денегъ, которыми покупались хитрые изъ скитниковъ и скитницъ, имѣвшихъ право голоса и силу нравственного вліянія на всѣхъ остальныхъ. Кемскіе раскольники-коммисіонеры продолжали по-прежнему получать изъ обѣихъ столицъ, изъ богатыхъ и торговыхъ городовъ значительныя суммы, закупали все нужное для скитовъ, часть денегъ приберегали для себя, а самую меньшую, самую ничтожную, отсылали въ скиты. Скрытные и хитрые, но вѣрные въ словѣ, по патриархальнымъ, еще неиспорченнымъ понятіямъ о честности, корелы носили, за ничтожную плату, на своихъ крѣпкихъ плечахъ громоздкія тяжести и подъ рубахой на груди довѣренныя имъ скитскія деньги. Съ каждымъ мѣсяцомъ, между тѣмъ, богатѣли кемскіе коммисіонеры и разъ (рѣдко два раза) въ году сами приходили въ скиты, чтобы свести счоты, въ три-дорога поставить цѣну на доставленные предметы, приносили съ собою много водки и вина, чтобы этимъ умирволить начальниковъ и настоятельница-матушекъ. Съ недѣлю пировали они здѣсь, бражничали и, такимъ образомъ, успѣвали располагать скитянъ снова въ свою пользу на весь будущій и на всѣ другіе слѣдующіе за нимъ годы. Такъ велось дѣло до уничтоженія скитовъ. Значительные капиталы перешли, такимъ образомъ, въ пять-шесть кемскихъ домовъ и способствовали къ тому, что всѣ эти дома повели на основные, нечестные капиталы новыя дѣла, хотя уже и другаго рода. Свыше ста морскихъ судовъ большаго и меньшаго размѣра находятся теперь въ собственности кемскихъ раскольниковъ. Рѣдко изъ нихъ не строятъ еще по одному ежегодно на мѣсто обветшавшаго, изжившаго свой недолгой вѣкъ. Дѣло это идетъ такимъ побытомъ.

Богачь-хозяинъ, задумавшій выстроить судно, заручается лѣсомъ, нарубленнымъ по берегамъ и протокамъ рѣки Кеми. Для рангоутъ и досками на большія суда запасается онъ или на онежскихъ лѣсопильныхъ заводахъ, или привозитъ ихъ на своемъ же суднѣ изъ Архангельска, затѣмъ, что ближней лѣсъ, дряблой и мелкой, негоденъ для судостроенія. Освобожденный указомъ 1820 года отъ платежа *футовыхъ денегъ* и обязанный только при постройкѣ платить одновременно *попенныя деньги*, хозяинъ спѣшитъ заручиться мастеромъ. Для этого, какъ сказано

уже, ходить не далеко въ семнадцати верстахъ выше города, въ деревнѣ Подужемѣ, живутъ корелы, которые всему архангельскому краю извѣстны какъ лучшіе мастера крупныхъ морскихъ судовъ, неимѣющихъ никакого изьяну. Мастеровъ этихъ возятъ въ самыя отдаленныя мѣста побережьевъ; дорожатъ ими и керечане, и варужане, и мезенцы, и лѣтне-сторонніе, и соловецкіе, и герожане (архангельцы); работа ихъ въ чести и славѣ и у архангельскихъ англичанъ и нѣмцовъ, иногда работающихъ тамъ корабли. Кемскій судохозяинъ никогда уже не обойдетъ ближнаго сосѣда, съ которымъ ежегодно, въ день Спаса Преображенія (6 августа), въ томъ же Подужемѣ ведетъ онъ хлѣбъ-соль и бесѣду, и разводитъ веселый, длинный праздникъ и столованье. Напротивъ, богатый кемлянинъ вь беретъ и заговорить себѣ мастера лучшаго: къ празднику Спаса мастера бывають всё дома; завазчикъ, пожалуй, и переждетъ одинъ годъ, а пожалуй и два, если у этого лучшаго мастера есть уже на рукахъ заговоренная работа. Вотъ отчего кемскія суда лучше постройкой, красивѣе глядятъ своею внѣшностію, чѣмъ всё другія суда, принадлежащія другимъ деревнямъ и нерѣдко выстроенныя доморощенными, деревенскими мастерами, не подъ-ужемскими корелами. Кемское судно узнается въ морѣ издали, угадывается поморами безошибочно; иной скazujeетъ даже при этомъ имя хозяина, а нерѣдко и имя мастера.

— Лодейку задумалъ построить, скazujeетъ кемлянинъ въ избѣ мастера, являясь туда съ поклономъ, привѣтомъ и приносомъ заграничнаго крѣпкаго рому или коньяку.

— Скazujeали—слышалъ.

— Возмешься ли?

— Для-ча не взяться—могимъ!—отвѣчаетъ мастеръ.

— Да свободенъ ли ты?

— Скazujeаемъ — слово, такъ стало — не времъ. Самъ знаешь!

— Какъ тебя не знать, весь свѣтъ тебя знаетъ; весь свѣтъ съ тобой радъ дѣло вести: это передъ тобой, что передъ Спасомъ! Откушай-ко!

Откупоривается бутылка, расходуетъ вино, идутъ разные сторонніе разговоры, которымъ какъ ни завязываться, какъ ни метаться въ бокъ, да по сторонамъ: съ Мурмана въ городъ, изъ города въ Москву и Питеръ, а съѣсть на одно, опять на той

же задумавной лодейкѣ: въ ней и заказчику барышъ, и мастеру польза и выгода; для того и другаго вождѣнныя, вѣрныя деньги: одному раньше, другому нѣсколько позже. Начавши другую бутылку, и заказчикъ и мастеръ, подъ веселый шумокъ, говорятъ о цѣнѣ; спорять и шумять, не обинуясь, не избѣгая другъ-друга; ладятъ, какъ умѣютъ и смѣютъ; стягиваютъ, какъ могутъ, наводки и свидки; опять пьютъ и шумять, и опять-таки добираются до искомой, исходной середины, на которой и заказчику, и мастеру становится безобидно и неубыточно. Но сойдутся они на этой средней цѣнѣ непременно: не въ первый разъ вершатъ они дѣло; ни заказчикъ не отпустить безъ конечнаго отвѣта хорошаго мастера, ни мастеръ не бросить богатаго, честнаго хозяина. Спорить — вольно, браниться — грѣхъ, говоритъ поговорка. Какъ ни шумѣть, какъ ни выговаривать своего я и своихъ барышей—заказчику не пойти изъ избы, мастеру не пустить его изъ дверей на городъ. Такъ во всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ сдѣлкахъ между своими и ближними. Темень человекъ дальный; свой ближней извѣстенъ со всею придурью, со всѣми изгибами простаго, нахитраго сердца.

— Ну, такъ, что ли дѣло наше, по тому идетъ?—спросить еще разъ заказчикъ.

— Такъ и не иначе, потому по самому — отвѣтитъ въ послѣдній разъ мастеръ.

— Ну, ударимъ по рукамъ, поцѣлуемся и станемъ Богу молиться.

— Ладно, по рукамъ и за Бога—по обычаю.

Сговорившіеся хватаются за полы, обнимаются, молятся на тѣло, и кемской и подужемець старымъ до-никоновскимъ крестомъ.

— Когда приходитъ-то? спросить послѣдній уже у дверей избы своей.

— Да когда удосужишься, когда зима станетъ; доски пленеными привезъ, кокоры обтесали инвалидные солдаты на задѣльные дни—все готово. Скорѣе придешь, лучше будетъ.

Подужемець не замедлитъ. Сборы его не велики; подмастерье его свой человекъ, правая рука, отъ него не отходить и часто живетъ съ нимъ въ той же избѣ, если не рядомъ. Съ родной семьей корелу не привыкать разставаться, да и дѣло не дальное; слезныхъ прощаній, стало-быть, не бываетъ, какъ

не бываетъ ихъ у космополита-подужемца тогда, когда брать деть онъ съ котомкой за плечами и на дальныя судовыя работы.

Сидитъ кемскій хозяинъ рано по утру въ своей свѣтлой, поразительно-чистой избѣ, за крашенымъ столомъ, накрытымъ чистымъ рядномъ—скатерѣткой. Передъ нимъ на столѣ лежитъ толстая книга, въ кожаномъ переплетѣ, времянь Михаила Федоровича, раскрытою. Онъ только-что *перекрестилъ* очи и, *положивъ начала, съѣлъ попитаться отъ словеснаго млека и умственнаго кладезя*, чтобы потомъ напиться кантонскаго, контрабанднаго чаю изъ *немирнои чашки* своей, купленной имъ за моремъ, въ Норвегii. Чѣмъ-то мудрымъ, внушающимъ уваженiе, если не страхъ, глядитъ его чистое лицо, опушонное большою сѣдой бородой и такими же волосами на лбу, подстриженными, по старому обычаю, въ скобку; смѣло и сурово глядятъ его умныя, бойкіе глаза изъ-подъ мѣдныхъ очковъ — *клевшей*, захватывающихъ его носъ до страдательнаго вида и состоянiя. Онъ вслухъ, для себя, гнусливо читаетъ житiе святаго настоящаго дня и, можетъ быть, прочтетъ это житiе до конечнаго аминя; но въ двери стучатся съ молитвой: «Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» Слышится въ молитвѣ этой женскій голосъ одного изъ домочадцовъ; старикъ *отдаетъ аминь*; входитъ жена, а за нею мастеръ-подужемецъ, на другой же день по совершенiи сдѣлки и подряда.

— Ну, вотъ и свѣтъ въ очи, а только-что объ тебѣ думалъ, да и попризабылся было! Ладно же — прошу покорно со мною чаю кушать. Неси, дѣвка, рому завѣтнаго, стряпай, дѣвка, обѣдь праздничной. На этотъ день распоясаться хочу — запои сдѣлать, коли со старости лѣтъ выдержу это, да не крикну! Гости пока, почетной гость; на завтра ужъ и думу будемъ думать и объ дѣлѣ смѣнать; а сегодня въ молитвословѣ показано разрѣшенiе вина и елѣя. Такъ и станется!

На другой день, рано утромъ, и хозяинъ, и мастеръ уже на мѣстѣ работы и именно тамъ, гдѣ рѣка Кемь, сливалась двумя своими рукавами, образовала широкій ковшъ. На берегу этого ковша строятъ земляне суда свои, но преимущественно большаго размѣра лодьи, шкуны, ранышины, боты. Для мелкихъ судовъ отводятся другія мѣста, какъ для варбасовъ, такъ и для лодокъ; но постоянныхъ элингговъ нѣтъ нигдѣ по всему

Поморью. При постройкѣ крупныхъ, какъ и при постройкѣ мелкихъ, приемы одни и тѣже.

Давно и положительно извѣстно, что лодейные мастера не знаютъ ни чертежей, ни плановъ, и руководствуются при строеніи судовъ только навыкомъ и какимъ-то архитектурнымъ чутьемъ, которое, какъ кажется, надо считать прирожденною особенностію корельскаго народа. Въ то же время, остальные приемы при дѣлѣ установлены дѣдовскими и прадѣдовскими обычаями, преданіемъ и нагляднымъ наставленіемъ. Точно-также положительно извѣстно и то, что архитектура бѣломорскихъ судовъ однообразна и точно такая же и теперь, кака была—говори поморскимъ же выраженіемъ — при царѣ Капылѣ, когда грибы воевали съ опѣнками, или, лучше, когда еще правила Поморьемъ Марса Посадница. Таковы лоды, таковы кочмáры, таковы шняки и раньшины. Для всѣхъ этихъ судовъ чертежей и плановъ не существуетъ. Только шкуны, въ послѣднее время введенныя въ употребленіе, начали строить по чертежамъ, аляповато, безтолково, доморощеннымъ способомъ начерченнымъ *). Правда, что теперь лоды, имѣвшія прежде всю форму негѣпаго ящика, поморы стали дѣлать острѣе, но все еще по-прежнему оправдываютъ плоскодонность своихъ судовъ тѣмъ, что на нихъ удобнѣе входить въ мелкія приморскія рѣки и затоплять эти суда на зиму у самой деревни, прямо подъ глазами, или становить ихъ на городки прямо передъ окнами. Но въ то же время (и отчасти справедливо), и даже тѣ поморы, которые уже начали, вмѣсто лодей, строить шкуны, объясняютъ существованіе на водахъ моря еще довольно значительнаго числа лодей тѣмъ, что построеніе ихъ стоитъ дешевле (рублей на 100 серебромъ), хотя въ то же время на лодью и требуется, для ея тяжелыхъ, неудобныхъ парусовъ и снастей, рабочихъ больше (по-крайней-мѣрѣ, пять человекъ), чѣмъ на шкуну (три и даже два рабочихъ). Только дѣятельная компанія, обезпеченная капиталами и доточнымъ изученіемъ дѣла, мо-

---

*) Одинъ мастеръ въ Сумѣ начертилъ, на всеобщій смѣхъ и удивленіе, планъ судна сучкомъ на первомъ свѣгу. По этому чертежу собилъ онъ потомъ лекалы и десять лѣтъ ѣздилъ на своемъ суднѣ и въ Архангельскъ, и въ Норвегію, какъ рассказывали мнѣ тамошніе, неживые старожилы.

жетъ помочь и въ этомъ важномъ дѣлѣ; немалымъ бы и не безслѣднымъ примѣромъ могъ служить и монастырь Соловецкой. Онъ все-таки продолжаетъ дѣлать лодьи, и не имѣетъ, не говоря уже парохода, но даже и ни одной шкуны, при всѣхъ своихъ богатыхъ, неисчерпаемыхъ средствахъ. Исключительно, какъ кажется, только при этихъ условіяхъ можно будетъ выждать то благодатное время, когда сотрутся съ лица Бѣлаго моря всѣ эти лодьи и шняки, которыя такъ тяжелы для лавирования, которыя иногда, при противномъ крутомъ вѣтрѣ, бѣгутъ на всѣхъ парусахъ назадъ, иногда отъ самой цѣли, до какой по-часту приводится, что называется, рукой подать. Мы не говоримъ уже о томъ, что неспособная лавировать лодья часто разбивается о корги и подводныя мели, какими такъ богато Бѣлое море, и губитъ ежегодно людей, живущихъ, до-сихъ еще поръ, по старинѣ и по свойству природы, на авось, небось, да какъ нибудь. До-сихъ еще поръ, отъ голословнаго приказанія и личнаго каприза заказчика зависитъ величина и ширина судна, большая или меньшая его плоскодонность. Объ требованіяхъ и условіяхъ науки тутъ нѣтъ и помину.

Точно также и теперь, какъ бывало прежде, мастеръ намѣчаетъ на полу мѣломъ, на пескѣ палкой чертежъ судна и вымѣриваетъ тутъ же его размѣры. Ширину кладетъ вершками пятью или шестью шире трети длины; половина ширины будетъ высота трюма; на жерди намѣчаетъ рубежки (замѣтки) и по этимъ рубежкамъ этою же жердью все время намѣчаетъ шпангоуты, называя ихъ по своему *боранами* (носовымъ и кормовымъ). Отвѣсы или перпендикуляры и на чертежъ кладетъ по глазу, безъ циркуля, и точно также своимъ именемъ *скуль* называетъ боковыя части перпендикуляра, его прямые углы. Кончивши чертежъ, мастеръ обыкновенно сбиваетъ лекалы, если строится лодья, и считаетъ это дѣло лишнимъ, дорогимъ и для хозяина, если строится шняка или раньшина. Сбивши лекалы, мастеръ приступаетъ прямо и не обинуясь къ работѣ, дѣлаетъ *поддонъ*—основаніе судна, его скелетъ; обшиваетъ его снаружи и внутри досками; ставитъ три мачты, если лодья назначается для дальныхъ морскихъ плаваній, и двѣ, если она назначается для богомольцовъ, идущихъ въ Соловецкой монастырь.

Въ одну зиму, при не слишкомъ усиленной и ускоренной работѣ, лодья бываетъ готова со всѣми своими мелочными по-

дробностями: съ неизбежной помпой, съ казённой—баутой, съ приказёньемъ—люкомъ, мѣстомъ спуска въ каюту, съ палубой, съ козовами, прикрѣпленными на бушпритѣ, съ двумя печами, если лодья Мурманская, и съ одной, если ей суждено ходить только въ Архангельскъ. Судно это имѣетъ длины 40—80 футовъ, ширины 12—25 ф., въ грузу способно сидѣть отъ 6 до 9 футовъ и грузу этого способно поднять, смотря по величинѣ и размѣрамъ, отъ 5 до 12,000 пудовъ. Правда, что большая часть настоящихъ лодей не беретъ уже свыше 3,000 пудовъ, но все-таки строятся еще лодьи и болѣешихъ размѣровъ. Судно это все изъ сосноваго лѣса, крѣплено желѣзомъ (единственный суда съ такимъ крѣпленіемъ); обшивныя доски его крѣплены въ малыхъ лодьяхъ въ наборѣ, въ большихъ—въ гладь деревянными гвоздями и сшиты мягкими древесными корнями—*вичью*. Перекладныя или брусья (бимсъ), на которые настигается палуба, называются *перѣшва*; подкладки изъ тонкихъ досокъ, кажими выстилаютъ внутри низъ судна, чтобы не подмокъ грузъ, зовутся *подтоварьемъ*. Лодейныя мачты одностеренныя, бушпритъ короткий; на фокъ и гротъ-мачтахъ по прямому парусу съ реею; на бизань-мачтѣ—косой парусъ съ гикомъ и гафелемъ; прямые паруса держатся на вѣтрѣ во всю свою ширину для одинаковыхъ размѣровъ паруса вверху и внизу распоркою, называемою обыкновенно *чеплинной*. Сверхъ того, при лодѣ также употребляется ботъ, называемый *павозкомъ*, и, наконецъ, повсюдная и неизмѣнная бочка для прѣсной воды, называемая *подбозокъ*. Шпангоутъ лодьи и всѣхъ другихъ судовъ зовется общимъ именемъ—*упругъ*.

Таково въ устройствѣ и подробностяхъ своихъ самое крупное изъ всѣхъ бѣломорскихъ судовъ—*лодья*, которое непременно должно быть готово въ новомъ своемъ видѣ къ спуску до половодья. Сильная разливомъ и нерѣдко заливающая городскія строенія рѣка Кемь въ половодье способна для этого спуска. Самый спускъ ея на воду требуетъ отъ строителей, по исконному прагѣдовскому обычаю, нѣкоторой торжественности, нѣкотораго рода гласности для цѣлаго селенія.

Ледъ вынесло изъ рѣки въ океанъ, рѣка въ полной заливной водѣ, на крайномъ дохѣ, на крайномъ рубежѣ, съ котораго она пойдетъ убывать. Къ тому же, полная вода эта стоитъ на приливѣ—стало-быть, обѣщаетъ благополучный моментъ для

спуска. Моментъ этотъ предусмотрѣнъ и часъ для спуска назначенъ.

Еще съ вечера, наканунѣ дня, назначеннаго для спуска лодьи, мальчишки-подростки обѣгали всѣ дома и деревни и повѣстили хозяевъ приговоромъ:

— Дядя Еремей! дядюшка Пантелей на первую выть (послѣ завтрака) звалъ тебя на лодейкѣ спускаться—пожалуй-ко!

И мальчишка, скороговоркой произнесши эти слова, убѣгалъ изъ избы, и званый охотно приходилъ на другой день раньше часа спуска и видѣлъ широкое, чреватое днище лодьи, во всемъ его неприглядномъ безобразіи, еще на городкахъ, на берегу, но безъ снастей, по обыкновенію, безъ мачтъ. Видѣлась только крыша, казенка, видѣлся только толстый, тяжелый руль и свѣжая, щедро-просмоленная конопатка. Всѣ деревенскіе или городскіе гости, знакомые и благопріятели хозяина, влѣзаютъ на палубу и ждутъ молитвы. Придетъ священникъ съ крестомъ и чтеніемъ молебна—раскольникъ ли хозяинъ или нѣтъ. Прочтется послѣдняя молитва, дрогнетъ сердце хозяина, дрогнетъ и сердце мастера, покойны только сердца привычныхъ гостей—зрителей. Мастеръ съ помощникомъ спускаются внизъ и, съ крестнымъ знаменіемъ, подрубаютъ разомъ съ уханьемъ и вздохами два бревна, поддерживающія корму лодьи. Судно качнется разъ и два и, наклонившись нѣсколько на бокъ, ползетъ по двумъ другимъ бревнамъ, положеннымъ параллельно килю, прямо въ воду. Рывнетъ свое завѣтное ура весь народъ на палубѣ разъ, другой, третій... и лодья уже на водѣ осталась благополучно: не умерѣтъ въ тотъ годъ хозяину, не потерпѣтъ большаго несчастія ни ему, ни всѣмъ сосѣдямъ его, спустившимся на новомъ суднѣ на вѣшную воду. Хозяина цѣлуютъ, поздравляютъ, кланяются въ поясъ и честятъ лестными приговорами мастера, и во все это время ни хозяева, ни гости не надѣваютъ шапокъ до той поры, пока судостроитель-богачъ не пригласитъ ихъ всѣхъ въ свою избу на почотный пиръ, на пьяное и весело-шумливое угощенье. Несется потомъ неладная пѣсня, безтолковый говоръ; долго затѣмъ во всю ночь бродятъ по улицамъ шатающіеся изъ стороны въ сторону тѣни, которыя или скрываются въ воротахъ собственнаго дома или подъ угломъ первой сплутной кѣтки, подлѣ перваго попавшагося

бревна, какъ это бываетъ вездѣ, во всѣхъ углахъ широкаго русскаго царства.

«Зимомъ суда обыкновенно замерзаютъ въ рѣкѣ — говорить г. Верещагинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «Очерковъ Архангельской губерніи» — но чтобъ весною, при выходѣ льда, ихъ не унесло и не изломало, то ихъ поднимаютъ на городки или костры короткихъ бревенъ, опирающихся на дно рѣки, такъ-что лодьи стоятъ на этихъ городкахъ выше поверхности льда. Для лучшаго равновѣсія ея, протягиваютъ канатъ, котораго одинъ конецъ привязанъ къ вершинѣ гротъ-мачты, а другой закрѣпленъ къ берегу. Для спуска лодьи подкладываютъ подъ киль ея, перпендикулярно, бревна и тянутъ судно, заставляя его сдѣлать прыжокъ съ городковъ въ воду. Совершивъ такой скачокъ, лодья, какъ-будто въ ужасѣ, долго качается съ боку на бокъ и размахиваетъ своими мачтами. Разумѣется, такіе спуски не бываютъ торжественны и на лодьѣ, такимъ-образомъ спускаемой, нѣтъ никого, кромѣ ребятъ — народа въ высшей степени неустрашимаго, которые громкимъ смѣхомъ изъясляютъ свое удовольствіе, когда лодья, совершая свой прыжокъ, зачерпываетъ воду своимъ бортомъ *)».

На этихъ лодьяхъ поморы или возятъ купленный въ Архангельскѣ хлѣбъ въ Норвегію, или къ промышленникамъ на Мурманской берегъ, или совершаютъ прибрежныя плаванія на Терской берегъ за семгой, на Корельской за сельдями, на Новую Землю за моржами, на Кѳлгуевъ за птичьимъ пухомъ, въ Онегу за досками, въ тотъ же Архангельскъ съ треской и палтусиной и въ Соловецкой монастырь съ богомольцами. Соловецкія лодьи отличаются отъ другихъ поморскихъ только крестомъ на передней мачтѣ, наименованіемъ, прописаннымъ на кормѣ, и болѣе пестрымъ видомъ, размалеваннымъ разными колерами—но и только!..

Во всѣхъ этихъ плаваніяхъ, поморы ходятъ *по стару*, по старымъ примѣтамъ, замѣченнымъ или самими, или переданнымъ отъ отцовъ или бывалыхъ сосѣдей. Большею частью лодьи держатся *бережте*, вблизи береговъ, и въ крайномъ случаѣ,

---

*) Годы судовъ у поморовъ выражаются *водами*. Лодья, прожившая три года, называется *лодью на четвертой водѣ*.

при необходимости пускаться въ голомя—въ глубь моря—руководствуются компасными — по ихъ *матками* — покупаемыми обыкновенно за четвертакъ, полтинникъ на архангельскомъ рынкѣ. У нѣкоторыхъ хозяевъ, болѣе толковыхъ и смѣтливыхъ, встрѣчаются, на случай порчи одного, два и три запасныхъ; у нѣкоторыхъ ведутся также записныя книжки о времени *переваловъ* (поворотахъ курса), о коргахъ и опасныхъ меляхъ, о болѣе удобныхъ и безопасныхъ становищахъ и проч. Но и въ этомъ случаѣ всѣ поморы руководствуются памятью, поразительно-замѣчательною смѣткою и толкомъ, и почти всегда вѣрными примѣтами.

Второе (по величинѣ судна) мѣсто, послѣ лодьи, должно принадлежать *раньшинь*. Первообразъ этого судна—*шнякѣ*, по величинѣ нѣсколько меньшая предыдущей. Шняка обыкновенно шьется тѣми же древесными корнями—вицью (по мѣстному названію) изъ широкихъ досокъ, въ наборѣ, длиною отъ 4 до 5 сажень, шириною немного больше сажени, съ плоскимъ, какъ и лодья, дномъ, съ острыми носомъ и кормомъ. Шняка оставляется открытою; на нее ставятъ одну мачту по серединѣ; на мачтѣ употребляется еще до сихъ поръ одинъ *прямой* парусъ. Обыкновенно же шняка ходитъ на веслахъ (шести). Судномъ этимъ управляютъ четыре человѣка: кормщикъ, тяглецъ, наживочникъ и вѣсельщикъ, т. е. всѣ тѣ рабочіе, которые необходимы для осмотра мурманскаго яруса съ треской и палтусиной. Шняка способна подвять 500 пуд. груза и, въ это время, сидитъ въ водѣ около 2½ футовъ. Внутри ея есть особое мѣсто, получаютъ, полубакъ, называемое *шакши*. Тяжелое, плохо лавирующее судно это, самымъ названіемъ своимъ (Sneke-вельга норвежская) напоминающее времена до-историческія, можетъ быть, даже времена нормановъ, употребляется исключительно почти для мурманскихъ промысловъ. Потому-то шняки и строятся обыкновенно въ Колѣ, гдѣ онѣ и покупаются промышленниками. На зиму шняки оставляются въ становищахъ подъ надворомъ лопарей*); но рѣдко пускаютъ ихъ въ дальнія плаванія, хотя бы напримѣръ, въ тотъ же Архангельскъ

---

*) Лопари, вмѣсто шнякъ, на мурманскихъ промыслахъ употребляютъ такъ называемые *жрдѣйки*, управляемые *жрел* лопарями на шести одно-

съ мурманскими промыслами. Для этой цѣли нерѣдко (съ крайнему сожалѣнію), и притомъ менѣе запасливые, менѣе достаточные хозяева на ту же шнягу набиваютъ *нашивы* (числомъ 3—4—5)—фалшборты, ставятъ еще другую (неопускную же) мачту, не накладываютъ палубы, но надъ серединою судна дѣлаютъ выпуклую крышу. Шняги эти, большія только бортами и, стало быть, способныя поднимать болѣе значительный грузъ, называются *раньшинами* по той причинѣ, что они привозятъ первые—*ранніе* промыслы въ Архангельскъ (слѣдующіе привозятъ на лодьяхъ). Раньшины эти по большей части строятся въ тѣхъ же деревняхъ и противъ тѣхъ же оконъ, а не на элингахъ, какъ лодьи, какъ шняги и какъ всѣ другія бѣломорскія суда. Нѣкоторое сходство въ оснасткѣ и въ назначеніи съ тою же раньшиною составляетъ *кочмаръ*—палубное же судно, нѣсколько, впрочемъ, большее, съ двумя же неопускными мачтами и употребляемое также для перевозки рыбы, назначенной въ продажу. Однако, судно это сдѣлалось теперь замѣчательною рѣдкостью, вытѣсненное изъ употребленія, вѣроятно, шкунами. Прежде строились они въ Кдлежнѣ, Шуѣ, Шижнѣ, и Сорогѣ—деревняхъ поморскаго берега.

Тамъ же, откуда выходятъ въ Поморье лучшіе лодейные мастера, т. е. въ кемской деревушкѣ Подужемѣ, строятся и самыя употребительныя, самыя важныя для ближнихъ прибрежныхъ плаваній, мелкія бѣломорскія суда—*карбасы*. Шьются они точно такимъ же образомъ, какъ шняги, но меньше послѣднихъ (длиною 18—25 футовъ и шириною менѣе $\frac{1}{4}$ длины); въ водѣ сидятъ на футѣ. На карбасахъ этихъ обыкновенно отъ 4 до 10 одноручныхъ веселъ и два шпринтовныя паруса; шпангоутъ карбасный зовется *отругой*. На веслахъ карбасы легки на ходу и, лавируя весьма не дурно, въ то же время, замѣтно валки; пустозерскіе карбасы, съ прямою кормою, пускаются въ морѣ съ грузомъ, котораго поднимаютъ они до 200 пудовъ. Тотъ же карбасъ, только нѣсколько пошире и покорооче описанныхъ, употребляется для промысла тюлемей на льду и, въ та-

---

ручныхъ веслахъ. Тройники бывають длиною отъ 3 до 4 сажень и строятся хозяевами обыкновенно около ихъ лѣтнихъ вѣжъ. Шняги стоятъ въ Кола отъ 20 до 30 руб. серебр:

вомъ случаѣ, принимаетъ новое названіе *весновальнаго* *). Этотъ родъ карбасовъ, какъ уже сказано, приспособляется къ тому, чтобы быть удобно влачимымъ по льду, а для этого вдоль киля придѣлываются два полоза, называемые *креньями*. Такъ дѣлается на Терскомъ берегу; на Мезени же пришивается одинъ крень и по обѣимъ сторонамъ его, на четверть одинъ отъ другаго, по четыре бруска. Впрочемъ, мезенцы Зимняго и Мезенскаго берега весновальные карбасы замѣняютъ особаго устройства лодками-*осинками*. Лодки эти выдалбливаются въ Березинѣ (вверхъ по р. Мезени), но обшиваются еловыми досками (въ два набоя) уже на мѣстѣ, самими хозяевами промысла. Для того, чтобы не попортилась осина, внутрь лодки кладутъ такъ называемыя *опруи*, обстроганныя палки (пальца въ два толщины), которыя и прошиваютъ потомъ стяжками. Къ килю придѣлавъ одинъ крень и по обѣимъ сторонамъ его по одному бруску; длина осинки $3\frac{1}{2}$ саж. и чуть не одна сажень ширины. Такія осинки идутъ на Устинскіе промыслы; на Мезы пускаютъ осинки поменьше: до $2\frac{1}{2}$ сажень длиною и около 2 аршинъ шириною. Такого рода осинки или челноки съ болѣе плоскимъ дномъ и сколоченные изъ досокъ или просто выдолбленные изъ дѣльнаго бревна безъ нащвовъ (фалшбортовъ) называются уже *стружкѣ*. Суда эти годятся только на побочныхъ рѣкахъ и небольшихъ озерахъ; они способны держать только двухъ человекъ.

Вотъ такимъ образомъ всѣ, самыя мелкія, видоизмѣненія карбаса. Самые крупныя изъ карбасовъ съ каютою на кормѣ и двумя же шпринтовными парусами носятъ названіе *двинскихъ*, но чаще *холмогорскихъ*, хотя, въ то же время, строятся почти исключительно близъ села Емецкаго (вверхъ по Двинѣ, въ 114 верстахъ отъ Холмогоръ); въ селеніяхъ Хаврогорскомъ (за 8 верстъ) и Прилуцкомъ (за 5) дѣлаются по большей части, по

---

*) Соловецкой монастырь строятъ такъ называемые *торосные* карбасы—небольшія лодки, на которыхъ возятъ почту изъ Кемь къ Соловкамъ. Суда эти названы торосными потому, что они при легкости своей приспособлены къ вытаскиванію на ледяные тороса. Теперь они становятся замѣтною рѣдкостью, по причинѣ той опасности, которая сопровождаетъ всякую перевозку почты зимою по бродячимъ льдамъ между монастыремъ и Кемью.

загазу (рѣдко на волю), и потому называются на мѣстѣ отдѣлки *городскими*. Они, какъ и всѣ крупныя бѣломорскія суда, строятся изъ сосны казенныхъ лѣсовъ, вырубленныхъ по билетамъ, и имѣютъ внутреннюю обшивку, называемую телгасъ, но безъ палубы. Онѣ поднимаютъ отъ 600 до 1,000 пудовъ груза, состоящаго изъ камня, извести и лѣсу, адресованныхъ въ Архангельскъ. Для отливанія воды на судахъ этихъ становится помпа; таже помпа идетъ и на лодью, и на раньшину. На шнякѣ и на карбасахъ подужемскихъ для той же цѣли употребляютъ ковшъ водоотливной, называемый плица. На шникахъ, какъ сказано, употребляютъ прямой парусъ; тѣже прямые паруса держатся еще и при карбасахъ, но только уже исключительно на Терскомъ берегу, гдѣ существованіе ихъ объясняютъ большею легкостью обращенія, чѣмъ съ косыми парусами. Зато на всѣхъ остальныхъ берегахъ Бѣлаго моря косые паруса замѣнили безобразныя, опасныя и тяжелыя прямые паруса. Прямой парусъ шняки всегда съ подзоромъ: двумя веревочками внизу и въ серединѣ паруса. Эти веревочки привязываются къ мачтѣ и тогда вѣтеръ держится въ парусѣ и легче и больше. Рифы карбасныхъ парусовъ на языкѣ промышленниковъ превратились въ рефы (подрони парусъ—возьми въ рефы—общее выраженіе). На шникахъ деревянные упоры для веселъ, сдѣланные изъ большихъ березовыхъ сучьевъ, называются *ключи* (веревки для веселъ—*оключина*); на шникахъ эти же ключи называются *кочетъе*; точно также, какъ скамейка для сидѣнья гребцовъ (на шнякѣ) зовется *бабка*, и *нашестью*—также скамейка на карбасѣ; но въ обояхъ судахъ для того, чтобы упираться гребцамъ ногами и облегчать процессъ гребли, придѣлываютъ поперекъ карбаса шесть, называемый *билка*. Верхній уголъ паруса называется *тайка*; шесть, упирающійся въ парусъ для расширенія его, называется *буглиннымъ шестомъ*; буглинями (буглинами) называются веревочки паруса, которыя служатъ къ тому, чтобы при помощи ихъ парусъ не рябилъ и само судно лучше бы шло при крутомъ вѣтрѣ. На карбасахъ, назначаемыхъ для почты и проѣзжающихъ, устраивается родъ кибитки, временнаго навѣса противъ дождя и непогодей и это мѣсто зовется *туйной*. На раньшинахъ и кочмарахъ существуетъ особое мѣсто, гдѣ кладутся особыя толстыя доски, густо по-

крытыя землею или пескомъ и называемыя *алажъ*. Тутъ разводять огонь и варять пищу.

Въ этомъ всё особенности самыхъ мелкихъ подробностей бѣломорскихъ судовъ. Чтобы прослѣдить всё измѣненіе названій и однимъ разомъ кончить описаніе судовъ, встрѣчаемыхъ въ сѣверномъ краю Россіи, начнемъ съ болѣе крупныхъ, хотя они по большей части строятся внѣ губерніи. Таковы: *барки*, *полубарки*, *каюки*, *обласы*, *завѣзны* и другія. Барки и полубарки встрѣчаются лишь на Двинѣ, по которой идутъ онѣ изъ Вологодской губерніи (изъ рѣкъ Юга, Сухоны и Вычегды) съ паклей, льнянымъ сѣменемъ, овсомъ и другою сыпью къ архангельскому порту. Полубарка имѣетъ 8—12 саж. длины, $3\frac{1}{2}$ — $5\frac{1}{2}$ саж. ширины и до $1\frac{1}{2}$ саж. глубины по борту. Судно это, безъ палубы, какъ всякое другое грузовое, но съ отлогою крышею на два ската, поднимаетъ до 1,000 пудовъ (печорскія полубарки, или собственно пермскія, несутъ отъ 2 до 3 тысячъ пудовъ). Тамъ же на Печорѣ можно встрѣтить и *каюки* чердынскихъ (пермскихъ) купцовъ*). На той же Двинѣ у того же Архангельска ежегодно и въ значительномъ числѣ можно встрѣчать въ высшей степени оригинальныя плоскодонныя, широкія лодки съ низкими бортами на срединѣ. Суда эти называются завѣзными и на верху обоихъ штевней имѣютъ развалистыя коворки, которыя образуютъ выемки для завознаго каната; употребляются, стало-быть, для завозовъ при баркахъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ становятся каюты и въ такомъ случаѣ эти *завѣзны*, ходящія на веслахъ медленно, черепашинымъ ходомъ, привозятъ обыкновенно хозяевъ барокъ къ Архангельску и не отводятся обратно, а продаются на мѣстѣ или для малыхъ пристаней, или идутъ на поромы для перевозки, черезъ неширокія рѣки, большихъ и громоздкихъ тяжестей (телѣгъ съ лошадьми и проч.). На той же Двинѣ изрѣдка можно видѣть и *обласы*, поднимающіе грузы отъ 100 до 150 пудовъ (длиною 4 саж., шириною $\frac{1}{2}$ арш.); приходятъ они или изъ р. Вычегды, или изъ р. Пинеги, гдѣ они и строятся, какъ грузовыя суда. Наконецъ, на той же Двинѣ являються *паузки* (длиною около 8 сажень, шириною 3 саж., глубиною на саду болѣе сажени; гру-

---

*) См. т. II, «Поѣздка на Печору».

зу несутъ болѣе 1000 пудовъ), *шитки* (небольшія лодки, поднимающія тоже до тысячи пудовъ груза) и *поязмики* (собственно *поязные карбасы*), длинныя, низкія и узкія лодки, но не грузовыя, а промысловыя суда, употребляемыя на ловлѣ рѣчной рыбы.

Кромѣ этихъ судовъ *), по Двинѣ ходятъ разнаго вида и наименованія плоты. Таковы: *ведило* или *видило* — плоты изъ тонкихъ бревенъ съ перилами по краямъ, на которыхъ привозятъ къ архангельскому порту смолу; *плитки* — плоты въ одинъ или два ряда бревенъ; на нихъ привозятъ къ Архангельску ту же смолу, песокъ, нерѣдко даже хлѣбъ; *зонки* — нѣсколько плотовъ строеваго лѣса, связанныхъ между собою по два или по одному въ рядъ. Для этой цѣли два плота соединяются между собою счалками — еловыми шестами длиною около сажени, толщиною вершка въ два. *Сшивины* — еловыя жерди (около 3 сажень длиною, около вершка толщиною) кладутся поверхъ и поперекъ ряда бревенъ и затѣмъ привѣриваются вичью къ каждому бревну отдѣльно. Такимъ образомъ эти счалки и сшивины, образуя плотъ, составляютъ гонку.

На всѣхъ этихъ разнаго рода плотахъ и баркахъ употребляется большое весло въ видѣ лопаты, называемое *ребокъ*. вмѣсто руля на подставкѣ — *дискъ* — утверждается верхній конецъ *пюнсмы*, весьма большаго весла — правила, накладываемаго на каждой оконечности барки и паузка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *пюнсмо* называется *пютесью*: — это огромное еловое весло около 10 саж. длиною, съ весьма широкою лопастью. Также точно и *пютеси* кладутся на обоихъ концахъ барокъ съ перевѣсомъ въ воду.

Изъ судовъ съ правильною оснасткою, выстроенныхъ по вѣрнымъ чертежамъ, безопасныхъ въ морѣ и употребленіе которыхъ обусловлено законами науки и примѣромъ Европы, въ Бѣломъ морѣ, кромѣ иностранныхъ кораблей, теперь довольно уже часто видятся *шкуны* и *шлюпы*. Шкуны строятся поморями Кемскаго и Корельскаго береговъ и употребляются исклю-

---

*) На Двинѣ есть еще *двойки*; но это не иное что, какъ двухвесельныя лодки; и *плотницы*, т. е. деревянныя пловучія пристани для гребныхъ судовъ.

чительно для торговли съ Норвегіей; въкоторыя и рѣдкія возятъ изъ Архангельска богомольцовъ въ Соловецкой монастырь. Шлюпы попадаются въ рѣдкомъ числѣ и выходятъ опять-таки изъ Кеми и опять-таки употребляются для торговыхъ плаваній въ Архангельскъ и Норвегію. Для тѣхъ же торговыхъ цѣлей на взморьѣ Двины ходятъ *лихтеры* — палубныя, плоскодонныя (по причинѣ замѣчательнаго мелководья бара) суда съ тремя мачтами. Они подвозятъ достальной грузъ изъ Архангельска на купеческіе корабли, но рѣдко пускаются въ самое море. Кромѣ того, существовали въ Двинѣ *галлясы*, но теперь объ нихъ и самый слухъ пропалъ.

Обращаясь снова къ собственно-бѣломорскимъ судамъ, которыя и строятся въ Поморьѣ, и принадлежатъ поморамъ, мы все-таки должны повторить то, что крайняя, выходящая изъ размѣровъ (обусловленныхъ наукою корабельной архитектуры) плоскодонность судовъ поморскихъ зависитъ не столько отъ мелководья поморскихъ рѣкъ, сколько отъ какой-то упорно-закоренѣлой привязанности къ старинѣ, привязанности, которая только и можетъ уничтожиться разумнымъ примѣромъ, если не частной компаніи, то даже и примѣромъ Соловецкаго монастыря. Архангельскіе поморы смѣтливы и, видя лучшее противъ того, что есть у нихъ, принимаютъ новизну легко и скоро. Доказательство тому — болѣе десятка шкунъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и, въ тоже время, закоренѣлымъ раскольникамъ, и наконецъ, общее желаніе всего Поморья завести собственные пароходы, о которыхъ они еще до сихъ поръ имѣютъ только смутныя, безтолковыя понятія, вслѣдствіе кое какихъ случайныхъ обстоятельствъ *).

---

*) Въ мое время (да и прежде) во всемъ архангельскомъ краю существовали только три парохода, изъ которыхъ два небольшихъ: одинъ — онежской лѣсной компаніи, буксируетъ суда—романовки, нагруженныя бревнами и досками, и не ходитъ въ море; другой—купца Бранта, также ограничиваетъ небогатую свою дѣятельность на водахъ рѣки Двины и пересталъ ходить въ море разъ испытавъ несчастье, по малой величинѣ своей, на плаваніяхъ съ богомольцами въ Соловецкой монастырь. Его заливало морское волненіе; онъ съ трудомъ ладилъ съ крѣпкими морскими вѣтрами. Третій пароходъ принадлежитъ казнѣ—какъ говорятъ тяжелый, неудобный, давней постройки—съ трудомъ правитъ работы при архангельскомъ портѣ и употребляется почти исключительно для буксировки.

Между тѣмъ значеніе этихъ судовъ чрезвычайно важно для всего туземнаго края, и особенно по тому собственно, что заграничная торговля съ годами усиливается, дальнія морскія плаванія становятся насущною потребностью. Мыслию о большемъ развитіи торговыхъ операцій заняты всѣ поморы всѣхъ, безъ исключенія, береговъ въ сильной степени. Самые недостаточные не разъ тянулись изъ всѣхъ силъ, чтобы выстроить шкуну и тотчасъ же пустить ее съ товаромъ и за товаромъ въ Норвегію. Торговля предпріятія, какъ кажется, въ скорое время займутъ первое мѣсто, помимо промысловыхъ предпріятій, вездѣ въ Поморьѣ и не на одномъ только Кемскомъ берегу. Считаю не лишнимъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ, на сколько позволили намъ сдѣлать это рассказы туземцовъ и собственная приглядка къ дѣлу. Предпосылаемъ тому краткій очеркъ.

3. БѢЛОМОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ.

Выселившись на берегъ Бѣлаго моря исключительно для морскихъ промысловъ, поморы-новгородцы на первыхъ порахъ поставлены были во враждебное положеніе съ сосѣдними норвежцами, записанными въ лѣтописяхъ подъ именемъ *каинскихъ нѣмцевъ*. Но кромѣ взаимныхъ, враждебныхъ столкновеній, иныхъ отношеній между сосѣдами не было: новгородскія дружины плавали на норвежскія берега Сѣвернаго океана и доходили даже до крѣпости Вардэгуза, но съ вооруженною рукою, и, въ свою очередь, получали возмездіе. О мирныхъ торговыхъ отношеніяхъ не могло быть и помину: всякій отстаивалъ свой участокъ земли; всякій старался обусловить свое политическое существованіе, еще довольно шаткое, еще значительно неопредѣленное. Поморы, отданные подъ защиту, покровительство и вѣдѣніе Соловецкаго монастыря, строили остроги, содержали на общественный счетъ, въ острогахъ этихъ, присылаемыхъ изъ Москвы стрѣльцовъ съ пушками, пищалами и пороховымъ зельемъ, мирно занимались рыбными и звѣринными промыслами, сбывая ихъ, и то изрѣдка, въ одинъ Архангельскъ, извѣстный еще тогда подъ именемъ *Порта св. Николая*. Сюда, еще во времена Ивана Грознаго (въ 1553 г.) по ошибкѣ и случайности, зашелъ на корабляхъ Ричардъ Чэнслеръ, названный двин-

скимъ дѣтописцомъ Рыцертомъ, посломъ англійскаго короля Эдварта. Ченслеръ искалъ прохода въ Индію, но нашолъ ласковый пріемъ при дворѣ Іоанна Грознаго и получилъ позволеніе на торговлю. Въ 1557 году въ Лондонѣ учредилось общество съ цѣію основанія этой торговли, а въ 1569 году королева Елизавета заключила уже формальный торговый трактатъ. Французскіе и голландскіе корабли не замедлили явиться съ товарами, хотя англичане вскорѣ успѣли овладѣть монополіею двинской торговли и довели дѣло до того, что царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, въ 1584 году, приказалъ заложить близъ устья Двины новый городъ—Архангельскъ, за удаленностью отъ моря города Холмогоръ. Торговля Архангельска усиливалась, городъ увеличивался народонаселеніемъ, число приходящихъ кораблей возрастало, а съ тѣмъ вмѣстѣ неизбежно усилилась и промышленная дѣятельность всего поморскаго края, который уже не беспокоили нѣмцы. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и потомъ Борисъ Годуновъ ослабили монополію англичанъ, дозволивъ приходъ всѣмъ иноземцамъ (съ 1604 г. стали ходить гамбургскіе корабли), а царь Алексѣй Михайловичъ даже вовсе запретилъ англичанамъ торговлю. Монополистами сдѣлались голландцы съ одной стороны и русскіе *юсти* московскіе, костромскіе, галицкіе, вологодскіе, ярославскіе и казанскіе—съ другой; поморцы пользовались ничтожными выгодами. Такимъ образомъ шло дѣло до временъ Великаго Петра *). Петръ I, послѣ пер-

---

*) Изъ Москвы — говоритъ г. Пушкиревъ, авторъ «Описанія Архангельской губерніи»—везли въ Архангельскъ товары зимою до Вологды, откуда, по Сухонѣ и Двинѣ, сплавляли ихъ на судахъ. Въ іюлѣ приходили въ Архангельскъ иностранные корабли и торговля продолжалась до сентября. Это время называли *ярмаркою*. Въ октябрѣ иностранные корабли отходили отъ архангельскаго порта. Главными отвозными товарами были: пашенная нѣра (доставляемая изъ Астрахани), мѣха и звѣриныя шкуры (отпускалось до 600 сороковъ соболей, до 350,000 бѣлокъ, до 16,000 лисицъ, до 20,000 кошекъ), юеть, пенъка, лень, холстъ, поташъ, смола, деготь, сало, мыло, щетина, рогожи (до 400,000 штукъ), слюда, рыбій клей, лѣсъ и проч. Стало быть, собственно поморскихъ не было. Иностранные привозные товары были разнообразны, состоя изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней, посуды, мебели, галантерейныхъ вещей, суконъ, бархатовъ, парчей, шелковыхъ тканей, колоніальныхъ произведеній, аптекарскихъ матеріаловъ, экипажей, сахару, лимоновъ, испанскихъ и французскихъ винъ и

вой поѣздки своей въ Архангельскъ, дарованіемъ многихъ льготъ, уменьшеніемъ пошлинъ, повелѣніемъ возить товары на казенныхъ корабляхъ, успѣлъ усилить бѣломорскую торговлю до того, что число ежегодно приходившихъ кораблей возрасло до 150, а сумма пошлинъ до 150,000 р. Но основаніе Петербурга и желаніе усилить значеніе новаго города заставили Петра сначала ограничить ($\frac{2}{3}$ товаровъ должны идти въ новую столицу и только $\frac{1}{3}$ въ Архангельскъ), а потомъ и совершенно ослабить архангельскую торговлю. Указомъ 1722 года запрещено отпускать русскіе товары за море и позволено привозить въ Архангельскъ только то количество товаровъ, какое необходимо для мѣстнаго потребленія. Уничтожая одною рукою, Петръ Великій, въ то же время, созидалъ другой. Въ 1703 г. онъ дозволилъ Шафирову и Меншикову учредить компанію для усиленія рыбныхъ, звѣриныхъ и китовыхъ промысловъ по Мурманскому берегу океана и по всѣмъ бѣломорскимъ побережьямъ, и для этой цѣли выписывалъ изъ Голландіи мастеровъ. Однако, компанія не оправдала надеждъ великаго царя: дѣла велись неправильно мастерами, недобросовѣстно руководили имъ и ближніе царскіе дозвѣренные. Петръ, уничтоживъ въ 1721 году компанію, дозволилъ заводить подобныя частнымъ лицамъ. Дѣло нисколько не поправилось. Первымъ основалъ компанію купецъ Евреиновъ, въ 1722 году, но не имѣлъ успѣха, какъ и иностранецъ Гарцинъ (въ 1723 г.). Царь дозволилъ свободу промысловъ безъ исключительныхъ компаній и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ дѣлѣ кораблестроенія, нашолъ исполнителя въ томъ же умномъ холмогорцѣ Баженинѣ. Баженинъ, въ годъ смерти любимшаго его монарха, посылалъ для промысловъ три судна съ голландскими мастерами, но тоже безъ значительнаго успѣха. Точно также шло дѣло и въ послѣдующія царствованія. При Елисаветѣ промысла подчинились монополіи графа Шувалова до 1768 г. Въ

проч. Провозъ отъ Москвы до Вологды стоилъ 4 коп. съ пуда, а съ Вологды водою 15 коп. съ пуда. За всѣ привозные товары платилось съ цѣны по 6 процентовъ пошлины. Если иностранецъ везъ ихъ самъ въ Москву, взымались еще 10 процентовъ и въ московской таможенѣ особо 6 процентовъ. Съ вывозимыхъ товаровъ, если они мѣнялись на привозные, ничего не взымали, но если отпускались безъ вымѣна — брали также 6 процентовъ.

этотъ годъ всё монополіи уничтожились. Съ 1803 по 1813 г.—десять лѣтъ — существовала Балморская компанія, которая также не принесла особенной пользы. Естественно, что при такой обстановкѣ и при такихъ условіяхъ и сама торговля поморовъ, помимо архангельской монополіи, не могла существовать самостоятельно, не могла идти впередъ, не могла имѣть что-либо характеристическое, самобытно-русское. И теперь, когда вся торговля архангельскаго порта находится исключительно въ рукахъ монополистовъ-нѣмцовъ и англичанъ, поморы довольствуются незначительнымъ паемъ въ заграничной торговлѣ — паемъ, добытымъ съ бою, на авось, но добытымъ путемъ честнымъ и безупречнымъ. Вся поморская заграничная торговля производится только съ *четырьмя* маленькими норвежскими крѣпостцами: Гаммерфестомъ, Вардагузомъ, Вадаэ и Тромсеномъ; но и торговля эта большею частію мѣновая; но и та почти вся находится въ рукахъ мѣстныхъ деревенскихъ монополистовъ. Дѣла общины, дѣла артели и обоюдныхъ соглашеній здѣсь нѣтъ; торговлю эту начинаетъ тотъ, у кого есть значительный капиталъ (пожалуй, даже хоть и нажитый отъ столичныхъ раскольниковъ) и есть крупное морское судно, особенно шкуна или гальотъ. Значеніе этой торговли много усиливаетъ Мурманскій берегъ и спопутные берега, на которыхъ производится салыные промыслы. Кемское судно, обрядившись съ весны, обираетъ на мѣстѣ улова рыбу, сало за полѣны на томъ же Корельскомъ, на томъ же Терскомъ и Мурманскомъ берегахъ и съ этимъ грузомъ идетъ въ первую попавшуюся на встрѣчу норвежскую крѣпостцу и, конечно, преимущественно въ ту изъ нихъ, въ которой оно уже успѣло завести знаѣмство и начать дѣла. Здѣсь оно сбываетъ товаръ свой и вымѣниваетъ соль (безпошлинно), шкуры, треску (если попадается сходнѣе мурманской), запасается винами, преимущественно крѣпкими, коньякомъ, ромомъ и ликеромъ (по поморски *литтрою*), накупаетъ фаянсовыхъ чашекъ и всего, что находитъ дешевле домашняго, и благополучно, умѣючи, проскользаетъ со всею этою контрабандою и неконтрабандою мимо океанскихъ и морскихъ буръ, мимо норвежскихъ и русскихъ таможенныхъ досмотрщиковъ. Такъ ведется дѣло теперь, такъ, говорятъ, велось оно и прежде, со времени основанія этой торговли.

Начало ея должно относить къ 1811 году, когда кемлянамъ,

императорскимъ указомъ, для поправленія бѣдственнаго состоянія города, дозволено вывезть 2,000 четвертей хлѣба въ Норвегію, для вымѣна на рыбу, беспошлинно. Въ 1820 году указъ этотъ повторился; земляне промѣняли на ту же рыбу 6,000 четвертей также беспошлинно. Вѣроятно, эти сношенія, всегда мирныя и направленные къ обоюдной пользѣ, послужили къ болѣе частому и близкому сношенію нашихъ поморцовъ съ поморами норвежскими. Окончательно скрѣпились они съ той поры, когда дозволенъ привозъ заграничной соли беспошлинно, въ видѣ поощренія рыбной промышленности. Только, кажется, пока въ этомъ отношеніи и имѣетъ еще нѣкоторое значеніе для поморскаго края Норвегія, не говори о сильномъ, замѣтномъ при первомъ взглядѣ нравственномъ вліяніи, о которомъ мы должны говорить послѣ.

Точно также *по стару* и старымъ примѣтамъ и при тѣхъ же плохихъ компасахъ ходятъ наши поморы и океаномъ въ Норвегію, какъ ходятъ они по своему родному Бѣлому морю. Немного получаютъ тамъ выгоду, немного привозятъ и свѣдений. Всѣ свѣденія ихъ ограничиваются, при разказахъ, тѣмъ, что Омарфистъ (Гаммерфестъ) какъ бы и городъ, но хуже Кеми; что въ губѣ его есть мѣдный заводъ, на которомъ работаютъ бѣглые русскіе солдаты; что губа эта до того велика, что въ ней могутъ установиться всѣ бѣломорскія суда, и большія и малыя; что когда океанъ гудѣтъ—вода въ гавани рябитъ только; что Варгаевъ (Вардэгусъ) — крѣпость: комендантъ живетъ, пушки стоятъ, солдаты видны, что тамъ и сямъ по нашему лавка, по ихнему крамъ; что, наконецъ, города больно плохи, дома деревянные, но на каменномъ фундаментѣ.

— Живутъ норвеги весело—прибавляютъ другіе. Только и дѣла у нихъ, что гостьбу гостить, да пуншты съ хорошимъ своимъ ромомъ пить. До страсти любятъ! Всякой ходитъ со своей трубочкой; всякой, почитай, табакъ курить; разговоровъ большихъ не ведутъ, а больше въ молчанку играютъ. Зато ужъ и спать люты, особо купечество: во вторую выть къ иному придешь, по-нашему бы обѣдать пора, а онъ еще въ постелькѣ своей прохлаждается, да кофеекъ въ этихъ же постелькахъ, не вставячи, попиваетъ. Хозяюшка ему и кофеекъ-отъ этотъ припасааетъ, она ему и обѣдъ стряпаетъ, а онъ, знай, лежитъ чуть

не по три выти ($\frac{3}{4}$ суток); для того и перины на мягкомъ, да теплою гагачьемъ пуху дѣлаютъ и гагачьимъ же одѣяльцомъ накрываются. Счастливой народъ! На пути съ землякомъ своимъ, али и съ нашимъ братомъ встрѣчается—шапочки не сниметь, а привѣтъ свой сказываетъ: «тузи такъ!» (tusend takk). Опять же по праздникамъ гопку (hopska) свою охочи плясать, да не хорошо больно, не весело: словно въ ступу толкутъ, отъ одного мѣста далеко не отходятъ, ровно боятся, чтобъ не занялъ ихъ кто. Не весело, не по нашему! По мнѣ, лучше бы, кабы больше еще спали!..

— Финмана въ городахъ ихнихъ попадаются — дрянъ народъ, одни по бочкѣ водки въ день выпиваютъ—зелное пьянство! На ногахъ носятъ упаковки съ сѣномъ; народъ мелкой, гнилой; листовой табакъ жуютъ, за пазухой всегда водку держать; говорятъ по норвежски, богаты оленями, промыслами никакими не занимаются. Спятъ на березовыхъ вѣникахъ. Любятъ дарить и отдариваться—вотъ только и есть въ нихъ хорошаго!..

— А народъ эти норвеги, рассказывали третьи: — народъ обстоятельной, любятъ на акурать, да на честность всякое дѣло. Вотъ пришло ты къ нему и сказываешь ему по ихнему:

— Буеманъ! кюеть-могъ планка! купи доски, али-бо: кюеть «ишка — рыбу тоисъ. Надо ему — онъ тебѣ сейчасъ отвѣтъ даетъ:

— О есть кюеть—надо-могъ. А то: кайниге кюеть; али-бо: ики-кюеть — ступай-де къ другому — не надо. Ну, да ладно, постой! Надо норвегу товаръ твой, покупать хочеть, «о есть кюеть» сказалъ, то сейчасъ замолчить немного и опять спросить:

— Ватъ преисъ?—цѣна-де кака? Тутъ хочешь деньги, на деньги сказывай; больше же, правда, на мѣну идетъ: «ватъ вара «оръ-юръ» — товаръ на товаръ по нашему: «ишку беремъ — треску значить, сальтъ—солъ, торѣишь—сухую треску, роѣишь — сырую, сальтѣишь — соленую, искинвари — мѣха беремъ, решиннвари—лисицъ покупаемъ. Сторгуемся — норвегъ сейчасъ русси принципалъ—хозяйинъ значить, и рупшиановъ — работниковъ по нашему, сейчасъ въ свой крамъ ведеть — въ лавку. Въ лавкѣ онъ этой всякое угощеніе хорошее даетъ ромомъ, винами, литѣрой. Тутъ ужъ не стоитъ за добро свое; худо, коли ты стрекача дашь. Норвегъ на святое слово твое

вѣрнѣе, ему и задатку не надо. А коли уговорился ты съ нимъ, да сталъ около другаго кумана ладиться взять барыша побольше — держись: сейчасъ засудятъ. Прежде головы рубили, теперь перестали, и не вѣшаютъ. Прежде ты съ нимъ на иномъ какомъ языкѣ не говори, опричь ихняго: изловчайся, какъ сможешь. Нонче и они стали простираться на нашъ языкъ; иные такъ и больно же бойко сыплютъ—выучились. Прежде, слышь, изъ дому къ нимъ ѣдешь и окликаютъ они тебя по-своему: «куры фра?» — куда-де идешь? — Гамерфештъ-моль, Тромсенъ, Васенъ да съ тѣмъ и мимо. А нонѣ и шельму пошлютъ и другое какое ни есть слово совсѣмъ наше и совсѣмъ по нашему. Вѣрно такъ!..

Къ этимъ свѣдѣніямъ о норвежской торговлѣ можно присоединить еще то, что самымъ выгоднымъ продуктомъ для этой торговли въ безлѣсной Норвегіи служатъ доски. За брусочки, стоящіе въ казнь въ Онегѣ по $1\frac{1}{2}$ коп. штука, т. е. $1\frac{1}{2}$ руб. сер. сотня, норвежскіе купцы даютъ рублей 20 сер. (конечно, товаромъ больше); за футъ доски даютъ 3 *шкилина*, такъ-что за доску, стоящую въ Онегѣ 10 коп. сер., получаютъ около 2 руб. асс. и всего 1 руб. 60 коп. асс. чистаго барыша, за очисткой переправочныхъ расходовъ. Также хорошо идетъ въ продажѣ щипаная пакля (пудъ ея по 3 руб. асс.), на приготовленіе которой поморы употребляютъ досужее, свободное время самихъ переѣздовъ въ Норвегію *).

---

*) Поморъ, сообщившій мнѣ все эти свѣдѣнія, зналъ больше сотни норвежскихъ словъ и, между прочимъ, счотъ, который онъ понималъ такъ: 1—инъ, 2—ту, 3—фяри, 4—эире, 5—эвмъ, 6—сексе, 7—сю, 8—ота, 9—не, 10—те, 11—ельве, 12—толье, 13—фретинъ, 14—фюртинъ, 15—фмтинъ, 16—сестинъ, 17—сьюстинъ, 18—аттинъ, 19—веттинъ, 20—твовъ, 21—твов-о-инъ, 30—тридеветъ, 40—фюртинъ, 50—емотя, 60—сексати, 70—сьюати, 80—атати, 90—нѣти, 100—гундеръ, 1000—тисинъ. Монеты есть де у нихъ больше бумажныя, золота не встрѣчалъ, серебра (спвсинъ) довольно, хотя-де и своего счота: урта—30 коп. сер., полурта 15 коп. сер., половина спвсина — вальковы. Бумажныя деньги моему давнему ходуку и торговцу въ Норвегіи—честному и толковому немскому промышленнику, попадались въ глаза въ $2\frac{1}{2}$ руб., въ 5, въ 25 руб., по сравнительной цѣнности съ нашими деньгами, считая эту цѣнность на серебро. Хотя, въ то же время, и опять-таки торговля производится на мѣну -- *сара форъ сара*, говоря выраженіемъ искусившихся въ познаніи норвежскаго языка нашихъ толковыхъ поморъ.

Все закупленное или вымѣненное, такимъ образомъ, въ Норвегіи торговцы-поморы обыкновенно продаютъ по пути въ становищахъ Мурманскаго берега, преимущественно же вина и соль. Этими обстоятельствами особенно пользуются хозяева покруптовъ. Они обирая по пути первую рыбу, везутъ и продаютъ ее въ Норвегіи, здѣсь закупаютъ соль и вино; соль пускаютъ въ оборотъ на собственное дѣло осола поздней рыбы; виномъ забираютъ въ кабалу своихъ покрупчиковъ на слѣдующіе годы; фарфоровую посуду везутъ для похвальбы и чванства въ деревню.

Между злоупотребленіями, зависящими прямо отъ тѣхъ же поморовъ, торгующихъ съ Норвегіей, сами промышленники ставятъ шалости, не всегда честныя, тѣхъ изъ своей братіи, для которыхъ честность не всегда дорогая, первая и главная доблесть торговца. Рассказываютъ три нерекондательныхъ случая. Одни поморы, продавая доски англичанину въ Гаммереестъ (который-де кстати умѣлъ еще не дурно говорить по русски), къ своимъ доскамъ для пущаго счета, приложили украденныя у того же хозяина его доски, да еще попросили денегъ и угощенія! Двое другихъ поморовъ у этого же англичанина украли пустой анкерокъ и продали ему за свой собственный; украли въ другой разъ и во второй разъ сбыли съ рукъ благополучно; на третій попались: хозяинъ узналъ свой анкерокъ, отдалъ имъ деньги и въ третій разъ и съ простосердечнымъ привѣтомъ: «спасибо-де; хоть мою же штуку, да мнѣ же и продаютъ!» Зато другой поморъ заплатилъ 400 руб. асс. за то, что пьяный велѣлъ рабочимъ своимъ валить баластъ прямо съ судна въ портъ. Въ добавокъ къ денежному штрафу, виновнаго продержали еще цѣлые сутки подъ арестомъ. Одному норвежцу захотѣлось попробовать хваленаго русскаго квасу, для этой цѣли онъ обратился къ первымъ попавшимся русскимъ промышленникамъ. Тѣ выговорили себѣ два пуда муки, потомъ припресли еще одинъ пудъ послѣ. Изъ этихъ трехъ пудовъ, истративши всего, можетъ-быть, не больше десяти фунтовъ, они сварили два анкера квасу, который еще вдобавокъ, по всему вѣроятію, и не понравился норвежцу. Поморы, какъ извѣстно, въ домашнемъ хозяйствѣ живутъ за жонами и все-таки пьютъ отвратительный квасъ, да и тотъ весьма рѣдко.

Торговлей съ Норвегіей, помимо дальнихъ мурманскихъ и

новоземельскихъ промысловъ, занимаются кромѣ землянъ, и всѣ другіе поморы поморскаго берега Бѣлаго моря; каковы жители селеній Шуи, Сорбы, Сумы и нѣкоторыхъ другихъ.

На томъ же карбасѣ, тѣмъ же путемъ прибрежнаго плаванія (7 верстъ рѣкою Кемью и 30 открытымъ моремъ) достигъ я до перваго за Кемью селенія поморскаго берега — Шуи. Немного интереснаго, немного своеобразнаго представляетъ и это село, правда, значительно людное, съ лучшими, болѣе красивыми строеніями, чѣмъ всѣ тѣ, которыя видѣлись на берегахъ Корельскомъ и Терскомъ. Въ Шуѣ встрѣчается уже не одинъ на все селеніе, но нѣсколько богачей-монополистовъ, имѣющихъ, какъ сказывали, можетъ-быть, только на половину меньшіе капиталы противъ богачей кемскихъ. Легче ли отъ этого трудовымъ, рабочимъ и недостаточнымъ шуянамъ—рѣшить не трудно, тѣмъ болѣе, что и богачи села Шуи, по всѣмъ наглазнымъ примѣтамъ, положительно ни въ чемъ не разнятся отъ всѣхъ другихъ достаточныхъ мужиковъ Поморья. Тоже стремленіе къ роскоши, проявляющееся въ фарфоровыхъ чашкахъ, чайникахъ, несмѣтномъ множествѣ картинъ по стѣнамъ, въ нѣсколькихъ стѣнныхъ часахъ разнаго рода и вида, съ кукушками и безъ кукушекъ; таже какая-то крѣпкая самоувѣренность въ личныхъ достоинствахъ и развязность въ движеніяхъ, хотя въ то же время и своеобразная; та развязность, которая высказывается въ протягиваньи руки первымъ, въ смѣломъ движеніи сѣсть на стулъ безъ приглашенія; однимъ словомъ, та развязность, къ которой приучены всѣ винные повѣренные и управляющіе или богатые купцы дальнѣйшей Россіи самими начальниками городовъ и губерній. Богатые поморы, какъ и шуяне, въ этомъ отношеніи, находятся въ переходномъ состояніи, отдаляющемъ ихъ отъ простаго рабочаго крестьянина и приближающемъ нѣсколько къ значенію богатѣющаго купца. Не такъ бѣдно и не такъ угнетѣніемъ смотритъ быть и тѣхъ шуянь, которые, не наживши еще собственныхъ капиталовъ, пока всецѣло находятся въ рукахъ богатыхъ сосѣдей. Даже и у бѣдныхъ на первыхъ порахъ можно замѣтить нѣкоторое стремленіе къ роскоши и комфорту; на женахъ и дочеряхъ ихъ — ситцевые сара-

шаны ярихъ цвѣтовъ; ежедневные; гребцы мои, дѣвки, сверхъ платья надѣвали *нарукавники* (родъ курточки или теплые рукава, ошптые между собою тесемками). Нарукавники эти предохраняли руки отъ простуды въ то время, когда дѣвки-гребцы положили весла, наладили парусъ и отъ бездѣлья принимались или за ѣду, или за сплетни. Стремленіе къ роскоши и какому-то, какъ кажется, даже тщеславію доходить здѣсь до того, что туза (бураки) и лукошки по всему Поморью выкрашены масляными красками съ изображеніемъ различныхъ цвѣтовъ и предметовъ.

Шуйская церковь великомученицы Параскевы существуетъ около 300 лѣтъ и, неподновляемая лѣтъ 50, приходитъ къ конечному разрушенію. Выстроенная въ формѣ осмиконечнаго креста въ довольно значительныхъ размѣрахъ, она можетъ, до извѣстной степени, указывать на давнюю достаточность жителей Шуерѣцкой волости. Внутри этой церкви находится рѣзное изображеніе мученицы съ вѣнцомъ на головѣ, украшеннымъ жемчугомъ, и крестомъ въ рукѣ съ частицами мощей; изображеніе это, какъ говорятъ, относится къ первому заселенію этого мѣста деревнею. Другая церковь, во имя св. Николая Чудотворца, успѣвшая также значительно обветшать, построена при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, 1753 года. Во всѣхъ церквяхъ этихъ бдльшая часть оконъ до сихъ еще поръ слюдяная; на обклейку внутреннихъ стѣнъ ихъ шуйское невѣжество истребило всѣ старинныя бумаги, между которыми, какъ говорили, попадались и свитки, и была одна *смѣшная* (какъ выразился мой рассказчикъ) росписка одного шуянина другому, въ которой заимодавецъ пишетъ должнику, что если онъ не отдастъ ему денегъ къ сроку, то ему будетъ стыдно.

На другой день, рано утромъ, бойкій западный вѣтеръ успѣлъ въ часъ времени разогнать всѣ сбиравшіяся на небѣ тѣмени — облака и, начавши бойко, вскорѣ смокнулъ, давая, такимъ образомъ, возможность пуститься далѣе. Къ тому же на тотъ часъ начиналась полная вода (последнее время прилива). Я отправился. Полная вода дала намъ возможность обратиться въ море черезъ мель, засыпавшую устье рѣки Шум, по обыкновенію, шумливой и порожистой, и загороженной въ двухъ мѣстахъ семажыми заборами. Бойкій западъ пронесъ насъ между спопутными островами чрезвычайно скоро и еще

болѣе оттого, что вѣтеръ этотъ не распускаетъ въ Бѣломъ морѣ волненія. Только за послѣднимъ наволокомъ и уже въ открытомъ морѣ мы нашли довольно значительной силы взводень, распущонный побережникомъ (NW), смѣнившимся западъ. Вѣтеръ этотъ былъ намъ попутнымъ; начиналась ночь, которая могла бы отдавать даже теменью въ это время года (были первыя числа августа), но по небу гулялъ мѣсяцъ. Онъ то серебрилъ воду, то, скрываясь за вѣтрѣчнымъ облакомъ, обливалъ бродившія волны мракомъ, густымъ мракомъ, который на этотъ разъ дѣлалъ морской взводень страшнымъ на видъ, способнымъ не на шутку напугать воображеніе.

Ровно двѣнадцать часовъ плыли мы эти 35 верстъ разстоянія, отъ Шуи до слѣдующаго поморскаго селенія, то подъ мрачнымъ обаяніемъ темноты и высокихъ волнъ морскаго взводня, то подъ чарующимъ обаяніемъ луннаго свѣта, серебриваго хребты волны, бѣливаго хребты дальнаго береговаго гранита. Надъ нимъ растіялася въ непроглядномъ мракѣ темный лѣсъ.

И вотъ, передо мною селеніе Сорюка, густо-населенное, разбросанное на значительномъ пространствѣ, съ церковью, съ красивыми, выкрытыми тесомъ и покрашенными краской домами, которые могли бы сдѣлать честь даже городу Кеми; селеніе, извѣстное по всему сѣверу красавицами, какихъ дѣйствительно трудно сыскать въ другихъ мѣстахъ русскихъ губерній. Сорюкскія дѣвушки и женщины—красавицы почти все безъ исключенія. Еще громче, еще настойчивѣе, еще докучливѣе визжать пороги (ихъ здѣсь, вмѣсто одного, уже два); прямо передъ деревнею растіяется широкая губа, изъ-за дальнаго берега которой чуть-чуть чернѣютъ дома ближняго (въ 4 или 5 вер.) селенія Шизни и серебрится на лунномъ свѣтѣ крестъ ея деревянной церкви. Въ губу эту, мелкую (при отливѣ пройти нельзя)—Сорюкскую—заходитъ такое несмѣтное количество сельдей, что, по словамъ туземцовъ, вода густѣетъ, какъ песокъ или каша: шапку кинь на воду -- не потонетъ, палку воткни туда—не упадетъ, а только вертится...

4. СЕЛЬДЯНОЙ ПРОМЫСЕЛЪ.

Арктическіе льды и приполюсныя страны почитаются кореннымъ мѣсторожденіемъ сельдей; здѣсь мечется ими игра, здѣсь

икра эта оплодотворяется и здѣсь же рождаются несчетныя мириады существъ сельдянаго рода (*Clupea harengus*). Подъ вѣчными, стоячими ледяными полями, можетъ-быть также древниши, какъ самая вѣчность, вырастаетъ на самомъ днѣ, неизмѣримо-глубокомъ и отъ вѣковъ зачурованномъ, все поколѣніе сельдянаго рода, каждый паюсъ икры котораго, по словамъ естественспытателей, содержитъ до 10,000 яичекъ и, стало-быть, тоже число отдѣльныхъ существъ. Все это несчетное множество существъ этихъ, въ первые дни по рожденіи, спокойно въ тиши морской пучины, въ сторонѣ отъ лютыхъ враговъ своихъ, вырастаетъ въ нѣжную, крупную, бѣлую рыбу и велѣдъ затѣмъ, слѣдуя неизмѣнному закону природы, весною вся эта масса народившихся сельдей подымается съ океанскаго дна на поверхность и начинаетъ отдѣльными отрядами, семьями, *рунами* совершать свои полярныя переселенія. Переселенія эти совершаются одинъ разъ въ годъ, какъ одинъ разъ въ годъ производится и самое нарожденіе всей сельдяной массы океана; сельди идутъ всегда въ югу, идутъ всегда тѣсными, плотными рунами подъ руководствомъ и предводительствомъ королика. Инстинктъ этого вожатаго ведетъ все стадо въ тѣ мѣста, гдѣ уже, можетъ быть, разъ былъ этотъ королекъ и нашолъ безопасныя и тихія мѣста, которыя такъ дороги и любезны рыбацъ съ перваго момента ихъ рожденія.

«Походъ сей — говоритъ одинъ изъ первыхъ писавшихъ о сельдяхъ (А. И. Фоминъ)—представляетъ человѣческому взору огромное, величественное и преузорочное зрѣлище лицами тьмочисленныхъ разнородныхъ животныхъ дѣйствующаго естества. Зрители съ высочайшихъ корабельныхъ мачтъ не могутъ, вооруженнымъ оптическими пособіями окомъ, достигнуть предѣловъ пространства, сребровиднымъ сельдянымъ блескомъ покрытой поверхности моря. Они описываютъ сіе пространство не иначе, какъ пространство десятковъ миль, густотою сельдей наполненное. Сіе стадо во первыхъ окружается и со сторонъ перемѣшивается макрелями, сайдою, пикшиями, тресками, семгами, палтасами и многими другихъ родовъ плотоядными, одна другую тѣснящими и сверхъ поверхности моря обнаруживающимися рыбами. Она окружена черта рыбъ знатной широты полосею составляетъ. Но къ умноженію пространства смѣшиваются съ нею по окружности звѣри водноземные: нерпы, сѣр-

ка, тюлени, теяки и прочіе; а сихъ стѣсняють звѣри рыбо-видные: дельфины, бѣлуги, акулы, финь-рыба, косатки, кошелоты и другіе изъ родовъ китовыхъ. Ония огромныя чудовища въ смятеніе приводятся отъ собственныхъ ихъ мучителей, толпами ихъ преслѣдующихъ пильщиковъ, палашиниковъ, еднороговъ и тому подобныхъ. При таковомъ смятеніи водной стихіи, увеличиваютъ представленіе сего зрѣлища, со стороны атмосферы, тучи морскихъ птицъ, весь сельдяной походъ покрывающихъ. Онъ, плавая по воздуху и на волѣ или ходя по густотѣ сихъ рыбъ, безпрестанно ихъ пожирають и, между тѣмъ разногласнымъ своимъ крикомъ провозглашаютъ торжественность сего похода. Сверхъ сего множества видимыхъ въ воздухѣ птицъ, сгущается оный водаными столпами, кои киты изъ отдушнъ своихъ безпрестанно выпрыскиваютъ до знатной высоты, дѣлають сей воздухъ, по причинѣ раздробленія сихъ огромныхъ водометовъ и преломленія въ нихъ солнечныхъ лучей, радужно блестящимъ и дымящимся, а совокупно, отъ углянаго шипѣнія и обратнаго сихъ водозверженій на поверхность моря паденія, буйно шумящимъ. Стенаніе китовъ, нестерпимымъ терзаніемъ отъ ихъ мучителей имъ причиняемое, подобное подземному, томному, но весьма слышимому реву, таковыя звуки ударенія хвостовъ о поверхность моря, сими животными отъ остервѣненія производимыя, представляютъ сіи шумы странными и воздухъ въ колебаніе приводящими. Сей величественный сельдяной походъ, каковымъ его вообразить возможно, представляетъ, напротивъ того, странный театръ поглощенія, пожрениа *) и мученія, на которомъ несмѣтнымъ множествомъ и болѣе всѣхъ сельди истребляются».

Но количество истребляемыхъ въ походѣ сельдей пополняется новыми рунами: сельди продолжаютъ метать икру и во время похода такъ, что все-таки еще несмѣтное количество сельдей укрывается отъ преслѣдованій морскаго звѣря въ тихихъ, мелкихъ губахъ нашего Мурманскаго берега, Канинской и Новой Земли, въ Обской губѣ, по прибрежьямъ сѣверной и запад-

---

*) По свидѣтельству одного норвежскаго писателя, въ желудкѣ выкинутой на берегъ косатки найдено болѣе 600 тресокъ, съ многими птицами и громадою невзгнанныхъ еще сельдей. Такой же точно случай недавно повторился и въ нашей Колѣ.

ной части Норвегіи, острововъ Гренландіи, Исландіи, по сѣвернымъ конечностямъ сѣверной Америки, у острововъ Оркадскихъ и около береговъ Великобританіи. Отсюда, направляясь дальше, сельдяныя руны испытываютъ превращенія: проходятъ Атлантическимъ океаномъ и Гибралтарскимъ проливомъ, онѣ, истомляясь долгимъ и дальнимъ путемъ, израстаются, уменьшаются въ тѣлѣ, измѣняются во вкусѣ. Въ сѣверныхъ заливахъ Средиземнаго моря сельдь уже является въ видѣ *сардинки*, въ Балтійскомъ морѣ въ видѣ *пильчары*. Такой же точно родъ измелчившейся сельди проходитъ въ Печору (подъ именемъ *зельди*, *сельи* *) и въ рѣкѣ Усѣ дѣлается рѣшительно похожимъ на итальянскую сардинку. Точно тѣмъ же превращеніемъ подвергается и та сельдь, которая проходитъ изъ океана, черезъ Горло, въ наше Бѣлое море; величина рыбы уменьшается до $\frac{1}{2}$ относительно полярной гренландской и даже мурманской: бѣлое месо становится замѣтно красноватымъ. Одинъ родъ бѣломорской сельди крупнѣе, другой нѣсколько мелче и называется *галадья*, третій—значительно уже мелче послѣдней (*Cl. sprattus*). Тысяча штукъ перваго рода, пойманныхъ вблизи океана, вѣситъ сначала 7 и потомъ постепенно ближе къ зимѣ доходить до 5; второй сортъ — галадья (сороцкая) идетъ отъ 2 $\frac{1}{2}$ пудовъ до 1 $\frac{1}{2}$ въ послѣдніе мѣсяцы улова.

Мурманскіе промышленники начинаютъ ловить сельдь въ концѣ іюля и только черезъ мѣсяць (въ концѣ августа), а чаще и въ сентябрѣ появляется сельдь въ Бѣломъ морѣ на зимовкѣ и опять-таки подѣ предводительствомъ тѣхъ же корольковъ. Несчастный случай гибели королька дѣлается гибелью всего руна: сельди тогда разсыпаются на мелкіе отряды; рѣдко, счастливымъ случаемъ, попадаютъ въ заливы и губы, чаще попадаютъ на открытые морскимъ вѣтрамъ бере-

---

*) Печорская сельдь—не настоящая, впрочемъ, сельдь, и хотя посоленная подобится вкусомъ сельди, но далеко уступаетъ въ достоинствѣ. Сельдь эту солятъ въ Пустозерскѣ очищенною отъ внутренностей. Вообще печорскій народъ потрохами рыбьими дорожитъ, потому-что эти внутренности, вываренныя въ кипяткѣ, сверху даютъ отстой жира, замѣняющаго здѣсь масло, которое вообще тамъ рѣдкость. Между-тѣмъ *соикса* эта у печорскихъ жителей, отъ привычки сдѣлалась лакомой и вкусной приправой ко всевозможнымъ родамъ кушаньевъ. Кашу, какъ извѣстно, печорцы по милости чердынскихъ купцовъ ѣдятъ.

га; здѣсь разбиваются они напоромъ волнъ о гранитные камни и выметываются гудамм на побережья. Осенью 1777 года былъ такой случай на отмеляхъ Абрамовой-Пахты, въ семи верстахъ отъ города Колы, когда стадо сельдей обсохло въ кольно вышнюю и выкинуто было потомъ на берегъ, такъ-что весною принуждены были, для предотвращенія заразы, сносить ихъ дальше, въ тундру.

Изъ лучшей породы сельдей, собственно полярной, названной нашими *заурей*, ловится незначительное количество, и притомъ ловъ этотъ не составляетъ особенной, одной изъ главныхъ отраслей промысла. Когда въ Кольскую губу навалило несмѣтное руно, кояне черпали сельдей ведрами; на Мурманскомъ берегу рыбу эту ловятъ для тресковой наживки и частію на уху для дневнаго пропитанія, и то только для того, чтобы сѣмоя и тресковая съ палтасиной уха (щерба—по туземному) не набила, что называется, оскомины. Тоже самое можно сказать и про Новую Землю, и про печорское устье; а у Канинскаго полуострова ее даже и ловить некому. Сельдь легко здѣсь дѣлается добычею морскаго звѣря, который за то и приходитъ сюда въ замѣтно большомъ количествѣ.

Такимъ образомъ, исключительный уловъ сельдей производится только въ Бѣломъ морѣ. Дѣломъ этимъ заняты всѣ приморскія селенія, помѣтившіяся вблизи мелкихъ, защищенныхъ отъ морскихъ вѣтровъ губъ. Ловятъ сельдей: Соловецкой монастырь, деревни Кандалакша (крупныя сельди), Ковда (средней величины), Княжая, Кереть, Гридино (самыя крупныя), село Покровское, Онежской губы Сорока и сосѣднія съ нею деревни. Жители Корельскаго берега, или вообще побережья въ Кандалакшской губы, для ловли сельди выбираютъ преимущественно лѣтнее время, когда рыба еще способна метать икру, и когда потому бываетъ суха и тоща. Къ осени выловленная рыба засаливается и по первому зимнему пути сбывается въ продажу. Мерзлую рыба идетъ только съ Корельскаго берега, и все по той причинѣ, что у жителей его есть большая возможность сбывать въ селеніи Шунгъ (Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губ.). До 100,000 пудовъ этой рыбы сбываютъ они въ этомъ селеніи и на архангельскомъ рынкѣ. На Терскомъ берегу, за значительнымъ уловомъ семги, къ ловлѣ сельдей не кладутъ ни малѣйшаго старанія, ни малѣйшаго вниманія. Жители онежска-

го села Покровскаго, вылавливая до 15,000 пудовъ, продаютъ ихъ мерзлыми по сосѣднимъ уѣздамъ и деревнямъ, но никогда почти не засаливаютъ ихъ; здѣшнія сельди не уступаютъ въ добротѣ сороцкимъ. Таковы же точно и сельди двинскихъ устій Зимняго и Лѣтняго береговъ; но здѣсь онѣ составляютъ самый меньшій и притомъ самый ничтожный предметъ вниманія, хотя на архангельскій рынокъ зимою нѣсколько сотъ возовъ являются съ мерзлыми сельдями почти исключительно изъ этихъ мѣстъ.

Во всякомъ случаѣ, главными мѣстами улова этой рыбы надо почитать Поньгаму (селеніе Корельскаго берега), Соловецкой монастырь и деревню Сорбу (главнѣе всѣхъ).

Вылавливаемая въ Поньгамѣ сельдь самая крупная изъ бѣломорскихъ родовъ этой рыбы и составляетъ одинъ изъ лучшихъ сортовъ ея. На семь пудовъ вѣсу поньгамской сельди идетъ только тысяча штукъ; въ осень вылавливается ея до 6,000 пудовъ. Отсюда возятъ сельдей мерзлыми на Шунгскую ярмарку (6 декабря, и рѣдко на Благовѣщенскую, 25 марта, по той причинѣ, что часто оттепели захватываютъ возы на дорогѣ, а иногда и на рынкѣ). Коптить ихъ не умѣютъ, солить начали въ послѣднее время, но неудачно, и на архангельскомъ рынкѣ, какъ поньгамскія, такъ и гридинскія сельди считаются однимъ изъ худшихъ сортовъ. Въ губахъ острововъ Соловецкаго монастыря попадаетъ галядья и вылавливается въ такомъ огромномъ количествѣ, что по лѣтамъ даетъ монастырю возможность кормить ухю и жареными рыбами людное населеніе обители и огромное количество посѣщающихъ ее богомольцовъ. Для этой цѣли каждое утро выметываются невода. Монастырь, въ то же время, сельдей этихъ засаливаетъ до 5,000 пудовъ, которые и сбываетъ въ Архангельскѣ; другая часть засола остается на монастырское потребленіе. И такъ какъ засолъ этотъ совершается съ большею опрятностію и вниманіемъ, то и соловецкія сельди почитаются самыми лучшими изъ всѣхъ бѣломорскихъ (особенно выловленные въ Троицкомъ заливѣ Анзерскаго острова). Правда, что рыба эта, при изобиліи корма *) у береговъ острововъ Соловецкихъ, дѣлается жирною и

---

*) Кемскія сельди, напримѣръ, сухи и, вѣроятно, потому, что тамъ надѣ моря въ изобиліи наметано такъ называемой *мяши* (т. е. илу).

даже свѣтлѣетъ тѣломъ; но въ такомъ случаѣ сороцкія должны быть предпочитаемы имъ, хотя, въ то же время, засоль ея отвратительно-дуренъ. Каждая тысяча этихъ сельдей вѣситъ только два пуда, потому сороцкая сельдь—самая мелкая, но зато и самая вкусная; уха изъ нея легко можетъ спорить съ прославленной стерляжьей. Не отличаясь особенною бѣлизною тѣла, рыба здѣшная имѣетъ сладкое и твердое мясо, способное, по примѣтамъ знатоковъ дѣла, держать въ себѣ засоль долгое время и, стало-быть, не скоро портиться. Но, по несчастію, и отсюда также идетъ рыба болѣе въ мороженомъ и таломъ состояніи и, сравнительно, въ ничтожномъ числѣ осоленною, коптятъ ее здѣсь также не умѣютъ и здѣшная сельдь (какъ и всего Бѣломорья) коптится не на мѣстахъ добычи, а въ другихъ городахъ, и нерѣдко другихъ губерній.

Преимущественный сбытъ сороцкихъ сельдей — какъ уже и сказано—производится въ мороженомъ ихъ видѣ, и притомъ не на вѣсъ или на счетъ, а возами (двухмѣсячный уловъ, какъ говорятъ, доходитъ отъ 30 до 40 тысячъ воевъ; въ каждомъ возѣ полагаютъ до 15,000 штукъ рыбы). Съ возами этими привѣзжаютъ сюда въ осеннее время торгаша изъ губерній Олонецкой и даже Вологодской, а нерѣдко и ближайшіе корелы. Часть сбывается на Шунгской ярмаркѣ и все количество сороцкой сельди идетъ большею половиною въ Петербургъ. Сами сорочане въ торговлѣ сельдями участвуютъ рѣдко. Коптятъ сороцкихъ сельдей обыкновенно жители села Кубенскаго (Вологодской губерніи).

Вотъ въ какомъ небреженіи находится этотъ родъ промысла, и вотъ какъ рассказывался мнѣ одинъ случай самовидцемъ событія, сорочаниномъ же:—Къ нашему мужичку корель на возу за сельдами привѣхалъ. Спросилъ: есть ли? Есть-де карбасъ полонъ, съ верхомъ. Стали спорить, торговаться. Поладили. Купилъ корель весь карбасъ за одинъ рубль мѣдью.

— Бери же, смотри, все! приговорилъ хозяинъ.

— Ладно, все возьму: тебѣ не оставлю, небось...

Сталъ корель складывать рыбу бережненько, ховнигъ стоять—пожидается; нѣтъ, нѣтъ да и припугнетъ, кореляка, чтобы поскорѣе дѣло дѣлалъ, не медлил: нѣвогда-де. Навалилъ корелякъ рыбы полонъ возъ, такъ-что ужъ и власть стало

нѣкуда. А въ карбасѣ лежитъ еще много; стоитъ хозяинъ, сторожитъ, покрываетъ:

— Всю бери, мнѣ ненадо!

— Да вишь мнѣ нѣкуда: тебѣ дарю!

— Съ подареньемъ-то твоимъ тебѣ же и подавиться. Куда мнѣ твоя рыба? бери знай. Мнѣ съ ней дѣваться нѣкуда; экой дряни у насъ много; ты бы-де еще, слышь, песку вонъ морскаго подарилъ!...

Сталъ корель опять куда ни попало прятать, и попрыгалъ кое-что, да мало.

— Нѣтъ, говоритъ: — не могу: лучше-де, слышь, тебѣ оставлю!

Взялся нашъ хозяинъ за палку, да за строгость.

— Ты, говоритъ: — купилъ всю — всю и бери, хоть подавися!

Пригрозилъ эдакъ, поругался, самъ сталъ пихать, да уминаетъ боками: смѣялся, стало на смѣхъ кореляку дѣлалъ! Поладили такъ-то: всей рыбы не убралось, однако, отпустилъ кореляка и домой пришолъ, и спать на ночь легъ. На первомъ забытѣ слышитъ стучить кто-то въ оконцо, заывается. Высунулъ бороду въ оконцо, смотритъ—корелякъ стоитъ.

— Что братъ, корелушко?

— Лошадка не смогла, пала. Емандую (не знаю), отчего пала.

— Тяжело стало—возъ нагружилъ; много рыбы купилъ; не алчбилъ бы больно-то! Ну да ладно, побросай съ воза-то побольше — бери мою лошадедку. Пошутилъ, вѣдь, я съ тобой. Будетъ время, приведешъ лошадедку...

Съ тѣмъ и разстались. А корелякъ не привелъ лошадки, да и въ деревню нашу съ той поры и глазу не кажетъ, мошенникъ!

Въ Сорочную губу изъ-вѣковъ уже является одинъ родъ сельдей—галадья, и при этомъ замѣчаютъ, что ея нѣтъ уже ни въ Троицкой губѣ Соловецкаго монастыря, ни въ Гридинѣ; точно также, какъ анзерскія и гридинскія никогда не мѣшаются съ породами кандалажскими и покровскою. Всякая сельдь, по выходѣ изъ океана, отыскиваетъ и всегда находитъ свое мѣсто, если только не признавать возможности и необходимости превращенія породы отъ болѣе или менѣе дальнаго путешествія и свойства пищи. Сельдяныя руны приходятъ къ Сорочѣ въ бо-

дѣе значительномъ числѣ обыкновенно въ осенніе мѣсяцы, начиная съ сентября и оканчивая средною ноября, или лучше, тѣмъ временемъ, когда губа покрывается льдомъ. Ловъ этотъ истинный праздникъ: старый и малый въ это время на водѣ (особенно въ первыя недѣли); кипитъ тамъ изумительная дѣятельность: простые саки и сачки пускаютъ въ дѣло, невода едва не рвутся отъ множества рыбы. Крикъ и шумъ, смѣхъ и брань дѣлаютъ изъ этого зрѣлища, какъ говорятъ, рѣшительную ярмарку, съ тѣмъ же гуломъ, съ тою же неудовимою безтолковщиной, затѣяною, повидимому, безъ особенной цѣли видимой, но какъ будто, въ тоже время, и для какого-то важнаго, великаго дѣла. Въ большей части случаевъ и въ другія времена, какъ здѣсь, въ Сорокѣ, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ удова этой рыбы, употребляются въ дѣло самые простые снаряды. Ловятъ неводами, ловятъ и мережками, тѣми же самыми мережками, о которыхъ я уже имѣлъ случай говорить прежде при описаніи ловли семги. Въ обыкновенномъ сороцкомъ неводѣ для сельди длина обоихъ крыльевъ (боковъ) отъ 10 до 20 сажень, ширина $2\frac{1}{2}$ сажени, глубина матицы, или нижняго мѣшка, отъ $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ сажень.

Съ неводомъ этимъ обыкновенно ѣздятъ слѣдующимъ образомъ, какъ въ Сорокѣ, такъ точно и въ Шяжнѣ, и въ Сухоми-Наволоктѣ, и на Выгъ-островѣ, и повыше деревни Сорони, по р. Выгъ, впадающей около Сорони въ море, извѣстной и богатой раскольничьими скитами. Ёдутъ два карбаса, нерѣдко лодки съ шестью человѣками (по три на каждой); для обоихъ карбасовъ одинъ большой неводъ. Къ неводу съ обоихъ концовъ привязывается, сажень въ 50 длиною, довольно гибкая веревка изъ вицы въ мизинецъ толщиною и называемая *ужище*; къ нему привязываются верхняя и нижняя тети-вы (веревки, сѣти. Неводъ держится на днѣ нижнимъ концомъ своимъ при помощи камней, зашитыхъ въ бересту и называемыхъ кибасами, на поверхности воды неводъ держится *плутивами*—деревянными тоненькими дощечками съ дырочкой. Глубина невода — хоботъ — высотой бываетъ отъ 3 до 5 сажень, длиною отъ 90 до 100 сажень *). Если же глубина моря бу-

---

*) Неводъ плетется изъ толстыхъ нитокъ, потому что онъ часто служить и для семги. На Соловецкихъ островахъ для сельдей плетутся особыя

детъ значительнѣе и между сѣтью и поверхностью воды останется пространство, то обыкновенно *торбають* въ этихъ мѣстахъ веслами, пугаютъ рыбу. Стоящій на носу шестомъ нащупываетъ скопившееся въ одномъ мѣстѣ руно сельдей, а иногда обходится и безъ этого, догадываясь о присутствіи руна по особенному рѣзкому шуму, производимому рыбами въ водѣ. Наплывши такимъ образомъ на стадо, распускаютъ неводъ и оба карбаса, развѣхавшись въ разные стороны, растягиваютъ такимъ образомъ сѣть. Одинъ карбасъ беретъ за ужище или *шораницъ* невода. Когда неводъ распустится окончательно, остальные свободныя руки бьютъ по водѣ палкой, чтобы загнать рыбу въ неводъ, иначе она все время будетъ *стоять*, т. е. тянуться по направленію, принятому передними рядами. Процессъ этотъ совершается возможно скорѣе, потому что рыба, заслышавши шумъ, начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, взадъ и впередъ, *бѣсится*. Затѣмъ оба карбаса опять сѣзжаются вмѣстѣ, вынимаютъ неводъ и черпаютъ рыбу саками прямо въ судно. Рѣдко попадается неводъ полнымъ (особенно на Сухомъ - Наволокъ и Выгъ - островѣ), но полный не рѣдко даетъ грузу на 12 карбасовъ, а въ каждый помѣщается до 16,000 сельдей. Выловленная такимъ образомъ обществомъ цѣлаго селенія рыба дѣлится обыкновенно на *десять* (хотя въ работѣ только *шесть* человекъ); владѣльцамъ карбасовъ идетъ по три пая, работникамъ только по одному.

Мережи и другія сѣти для рыбы, преимущественно по зимамъ, когда ихъ пронариваютъ обычнымъ путемъ (смотри: «Ловъ семги»), обыкновенно опускаютъ въ салмахъ, верстъ за 30 отъ селенія, въ открытомъ морѣ. Снасти бросаютъ въ *стрезъ* (глубину). При этомъ соблюдаютъ нѣкоторыя примѣты, добытыя опытомъ долгихъ и многихъ лѣтъ; такъ сѣти запускаются въ полнолуніе (рыба особенно любитъ идти въ это время) и при морскомъ отливѣ (когда зимній ледъ, опускающаяся отъ убыли воды, гонитъ рыбу изъ мелководныхъ мѣстъ въ

сѣти изъ тоненькихъ нитокъ, приносимыхъ обыкновенно въ монастырь богомолками. Неводъ изъ такихъ нитокъ ставится у берега на прикрѣпкахъ а иногда выбрасывается и наѣдомъ съ карбасовъ, какъ и вездѣ по По, морью.

болѣе глубокія). Замѣчаютъ также (и, говорятъ, весьма справедливо), что при послѣдней четверти луны рыба почти вовсе не идетъ въ сѣти, и полагаютъ при этомъ, что она на то время уходитъ въ *заятьеръ*, т. е. въ ту сторону, откуда скоро долженъ подуть свѣжій морской вѣтеръ. Благоприятными вѣтрами для зимняго хода сельди, какъ и вообще для прихода всѣхъ другихъ породъ бѣломорскихъ рыбъ, считаютъ поморы: западъ (W), лѣтній (S) и шалоникъ (SW); враждебными, производящими бури и прогоняющими рыбу въ голомя считаютъ: востокъ (O), полуношникъ (NO) и побережникъ (NW).

Если прибавить ко всему уже сказанному то, что небрежность соленія *) въ невымытыхъ сельдянкахъ **), протухшихъ, плохо склоченныхъ, легко выпускающихъ рассоль вонь, скуднымъ количествомъ соли (рѣдко ливерпульской и испанской, большею частію собственной, грязной, несоленой поморской, то придется повторять тоже самое, что говорено много разъ веѣми, слѣдившими за этимъ дѣломъ; но въ тоже время придется сказать все о сельдяномъ промыслѣ ***). Говорятъ, уже и для него настало лучшее время; говорятъ, и онъ испытаетъ преобразованія, какъ и все, что творится въ архангельскомъ краю по старымъ, уродливымъ, закоренѣлымъ и закоснѣлымъ понятіямъ и обычаямъ. Голландскія сельди все-таки остаются пока лучшими, но лучшими единственно отъ правильнаго, чистаго засолу; тогда-какъ бѣломорскія сельди въ сыромъ видѣ ничѣмъ не уступаютъ имъ, но даже, какъ говорятъ, и далеко превосходятъ; каковы, напримѣръ, соловецкія, сороцкія и гридинскія.

— Ты, батюшко, коли тебѣ наши сороцкія сельди вкусомъ своимъ хуже архимандричьихъ, соловецкихъ показали, знай: тамъ перво-на-перво съ молитвой засоль творять, а у насъ

---

*) Солить разрѣзанными въ предварительно-приготовленномъ соленомъ рассолѣ. Рѣзать стараются живыми. Въ Ковдѣ, за недостаткомъ соли, вся сельдь протухла.

**) Каждая сельдянка заключаетъ въ себѣ съ небольшимъ пудъ (1 пудъ 10—12 и 15 фунтовъ) соленыхъ сельдей.

***) Нѣсколько разъ прежде я уже имѣлъ случай говорить, что вываленными на солнцѣ и истолченными въ иготи въ порошокъ сельдяными головками кормятъ коровъ.

со всякой непотребной бранью; опять же тамъ бочоночки-то особенные, къ нимъ и старанія больше кладуть, потому ихъ мало, потому имъ и въ Питеръ путь лежитъ; рыбу лавровымъ листомъ обладываютъ; а нашихъ вѣдь много, за всѣми не поспѣешь, за всѣми не угладишь: нѣкогда. Да и глядѣть-то нечего, чего глядѣть? — съѣдятъ, ей-Богу, съѣдятъ, да еще прихвалять. Такъ, вѣдь, дѣло-то не одну ужъ сотню лѣтъ живетъ. Ты спроси-ко, гдѣ хочешь, про Сороку нашу. А!—скажутъ—у нихъ сельдей много, у нихъ сельди самыя наилучшія. И смотри!—безпремѣнно: самыя наилучшія—слово-то это упомянуть. Нѣтъ, видно, дѣло это не намъ съ тобой править; такъ пушай оно и будетъ, какъ было при покойничкахъ нашихъ. Съ тѣмъ и прощай, ваше благородье, счастливаго тебѣ пути!

Этими словами провожалъ меня старикъ-хозяинъ по пути въ карбасъ, который долженъ былъ везти меня до Сухаго-Наволока или Сухо-наволоцкой станціи. Передъ этой деревушкой морская губа до того мелка, что весла доставали до дна и карбасъ нашъ, садясь разъ до десяти на мель, едва-едва дотащился до селенія. Вотъ простая, видимая причина, почему селенію этому далъ народъ не хитрое прозвание *Сухова*. Сухое оказалось маленькой деревушкой въ 50 дворовъ, со ста жителями, которые всѣ почти ушли на то время на Мурманской берегъ. Видѣлись огромныя желтыя собаки, попались таможенные солдаты, ихъ будка и сарай, и что пріятно порадовало послѣ всего, что привелось встрѣтить на недавно-покинутыхъ побережьяхъ моря — это огороды съ капустой и даже картофелемъ. Кромѣ того, здѣсь можно было достать морошку, уже поспѣвшую и потому *рыхлицу*, и молоко, не отдававшее противнымъ сельдянымъ запахомъ.

Не завѣжая въ селеніе Вирьму (съ 80-ю домами и 180-ю жителями), мы на новомъ карбасѣ кое-какъ по прибылой водѣ пробрались обратно Сухой губой и подъ бойкимъ шалоникомъ (съ пылью, какъ говорятъ здѣсь) обогнули ближней наволокъ на право, на полныхъ парусахъ пронеслись 17 верстъ открытымъ моремъ, забрались въ рѣку Суму. 3¹/₂ версты привелось потомъ плыть намъ рѣкою отъ того мѣста, гдѣ стояла тогда одинокая, еще не срытая батарея, подлѣ нея старая часовня и еще два-три казихъ-то старыхъ сарая. Рѣка гнулась на всѣхъ этихъ трехъ верстахъ прихотливыми извилинами: скрывался

(таился по туземному) одинъ наволокъ, выползалъ другой, третій, четвертый и т. д. Берега вытягивались по обѣимъ сторонамъ круто-непривѣтливо; кое-гдѣ по нимъ торчали разныя стоги сѣна; попадался на глаза дряблый еловый и сосновый лѣсъ, какъ-будто заблудившаяся, попавшая не на свое мѣсто березка и вотъ сверкнулъ впереди крестъ сумской церкви сквозъ полумракъ, застилавшій уже передъ нами дневной свѣтъ на ночь. Въ 9 часовъ вечера я былъ уже въ Сумѣ — посадѣ одною изъ древнихъ по всему поморскому берегу, нѣкогда игравшему болѣе значительную роль и имѣвшему большее значеніе, чѣмъ Кемской острогъ, хотя и это селеніе называлось въ старину Сумскимъ острогомъ. Сума и теперь не потеряла своего значенія, даже нравственнаго вліянія на сосѣднее Поморье, хотя значеніе это и стало слабѣе значенія города Кеми.

5. СУМСКОЙ ПОСАДѢ.

Таже неясность и недостаточность историческихъ данныхъ о времени перваго заселенія мѣста, занимаемаго теперь посадомъ, встрѣчается и здѣсь, какъ неизвѣстно тоже самое и объ первоначальномъ заселеніи города Кеми. На этотъ разъ, еще до нѣкоторой степени съ болѣею вѣроятностію можно положить, что здѣсь также жило сначала финское племя (Suomalaiset), давшее свое имя селенію. Народное преданіе говоритъ, что новгородцы, селившіеся по побережьямъ Бѣлаго моря, заняли мѣсто нѣсколько выше по рѣкѣ отъ нынѣшняго селенія, и именно въ такъ-называемомъ Загорѣ, въ числѣ десятка домовъ. Здѣсь теперь стоитъ деревянный крестъ. Въ 1450 году селеніе это, на ряду со всѣми другими сосѣдними съ нимъ, принадлежало уже посадницѣ Великаго Новгорода Марѣ Борецкой, которая, именно въ этомъ году, подарила его Соловецкому монастырю *). Царская грамота 1555 года утвердила Суму за

---

*) Изъ лѣтописца соловецкаго видно, что въ приходѣ преподобнаго Зосимы въ Новгородъ къ архіепископу Феодому съ жалобою на насельниковъ боярскихъ и слугъ вельможъ и помѣщиковъ земли Корельской, преподобному Зосимѣ посадница Марѣ Борецкая пожаловала, для созидавшейся въ то время обители св. Спаса, деревню Суму съ четырьмя обжами (каждая обжа имѣла 125 саж. длиннику и 32 саж. поперечнику).

монастыремъ навсегда. Монастырь посылалъ сюда своихъ старцовъ творить судъ и расправу и взимать повинности. На помощь старцамъ сумской мѣрѣ давалъ выборныхъ, которые отпращивали собственно полицейскія обязанности.

Дальнѣйшая судьба посада во всемъ сходна съ судьбою города Кеми. Точно также шведы, литовцы и русскіе измѣнники нападали на Суму. Шведы по зимамъ дѣлали частые набѣги, значительно усилившіеся въ исходѣ XVI столѣтія. Въ предупрежденіе этого зла, Соловецкой монастырь вынужденнымъ нашою и здѣсь, какъ и въ Кеми, построить острогъ (послѣ чего Сума стала называться *Сумскимъ острогомъ*). О строеніи этого острога, одновременнаго съ сооруженіемъ соловецкой стѣны, въ монастырскихъ дозорныхъ книгахъ 1586 года сохранилось слѣдующее извѣстіе: «Въ волости Сумѣ на погостѣ поставленъ острогъ косою, чрезъ заметъ въ борозды, и въ острогѣ стоятъ 6 башенъ рубленыхъ; подъ четырьмя башнями подкѣтвы теплыя, а подъ пятою башнею поварня. А въ острогѣ храмъ Никола Чудотворецъ, да дворъ монастырской, а на дворѣ пять житницъ, да за ворота двѣ житницы, да у башенныхъ воротъ изба съ кѣтвю и съ сѣнми; а живутъ въ ней острожные сторожи. Да въ томъ же острогѣ поставлено для осаднаго времени крестьянскихъ теплыхъ подкѣтвовъ, а вверху кѣтви, комнаты въ два этажа построенныя, да 13 житницъ». Тогда же, какъ былъ построенъ острогъ, монастырь обезпеченъ былъ 100 и 130 человеками стрѣльцовъ, набранныхъ изъ монастырскихъ крестьянъ; дѣти этихъ стрѣльцовъ считались уже присяжными въ своихъ обязанностяхъ. Половинная часть этихъ стрѣльцовъ находилась на береговыхъ укрѣпленіяхъ, а въ томъ числѣ и въ Сумскомъ острогѣ. Въ осадное время они обязаны были «на караулѣхъ ближнихъ и отъѣзжихъ стоять, и въ осадное время рвы копати, и тарасы рубити, и туры плести, и чеснокъ (частвоколь) ставити, и всякія градскія крѣпости ладити, и запасы изъ за города всякіе въ городъ носить, и на нѣмецкой рубежъ для вѣстей ходить, и съ вѣстями къ государю, къ Москвѣ, и по городамъ къ государевымъ воеводамъ ѣздити и ходить, и города государевымъ измѣнниками не сдати, и ни въ чемъ государю не измѣнити». Въ 1590 году въ Суму, для предотвращенія нападеній шведовъ, опустошившихъ всѣ почти селенія корельскаго берега,

прибыль воевода Ст. Бор. Колтовской, который, разоривши, въ свою очередь, три селенія шведскія, цѣлый годъ простоялъ потомъ здѣсь и открытаго нападенія не дождался. Нападеніе это уже послѣдовало въ 1592 году. Финляндцы, подъ начальствомъ шведскихъ королевскихъ воеводъ *Мавруса Лаврина* да *Гавнуса Цверстина*, опустошили все Поморье, истребили хлѣбные магазины, соляныя варницы, весь скотъ, опустошили рыбныя тони, многихъ крестьянъ взяли въ плѣнъ, ограбили и сожгли церкви, сожгли вмѣстѣ съ церквами и самыя селенія, ближнія къ Сумѣ, наконецъ подступили и къ этому острогу. Но сумскіе стрѣльцы, при помощи крестьянъ, успѣли упорно удержаться въ засадѣ и даже сдѣлали вылазку. Произошелъ жестокой бой, по словамъ соловецкаго лѣтописца, нѣмцы были обращены въ бѣгство, воевода ихъ былъ убитъ и много было взято въ плѣнъ. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ, на случай осаднаго времени, приказалъ игумену Іакову заготовить въ Сумскомъ острогѣ 500 четвертей ржаной муки. Въ 1611 году Сума еще разъ видѣла въ стѣнахъ своихъ московскія войска, явившіяся для отпора нападеній тѣхъ же шведовъ; но этотъ разъ былъ уже послѣдній. Шведы съ той поры успокоились. Въ 1613, 14 и 15 годахъ Поморье опустошали черкасы и русскіе измѣнники подъ именемъ литовскихъ людей; послѣ неудачнаго нападенія на Холмогоры, подступили они и къ Сумскому острогу. Однако, острогъ снова выдержалъ и эту осаду и притомъ съ малымъ числомъ ратныхъ людей, почти единственно при одной помощи своихъ обывателей. Въ 1619 году острогъ снова укрѣплялся противъ шведовъ, но напрасно. Мирно повела свой вѣкъ эта волость до тѣхъ дальнихъ временъ, когда (въ 1764 году) она съ прочими поморскими селеніями отдана была въденію коллегіи экономіи. За монастыремъ оставлено было только подворье его, деревянное, со скотнымъ дворомъ и съ четырьмя сѣнокосными лугами. Подворье это числится за монастыремъ и тамъ, до сихъ-поръ еще, живутъ два монаха. Дворъ этотъ прежде, противъ нынѣшняго, былъ обширнѣе, по той причинѣ, что архимандриты соловецкіе имѣли обыкновеніе выѣзжать сюда на зиму. Въ 1792 г. для этой цѣли архимандритъ Іеронимъ построилъ новыя службы; но въ 1793 г. на подворьѣ жительство уничтожено и все движимое имущество архимандритовъ вывезено въ монастырь, ненужное продано. Скотный

дворъ вывезенъ на островъ Заяцкой, на которомъ онъ находится и въ настоящее время. При подворьѣ остался только огородъ, воздѣлываемый монахами, которые, кромѣ-того, обязаны наблюдать за сборомъ добротныхъ подаяній. Каменная церковь Успенія, принадлежавшая нѣкогда къ подворью, теперь стала теплымъ соборомъ и стоитъ недалеко отъ холоднаго Никольскаго съ двумя этажами. Въ нижномъ этажѣ послѣдней часовня, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи схимонаха Елисея, постриженника соловецкаго.

Сумской острогъ, до сихъ еще поръ, сохранился въ замѣчательно-цѣломъ видѣ; рухнули только крыши нѣкоторыхъ башенъ, обвалились крыши стѣнъ; но замѣтны еще и бойницы и окна, цѣлыя стѣны, даже нѣкоторые рвы, обходившіе крѣпость нѣкогда съ трехъ сторонъ, но теперь поросшіе травой и едва примѣтные. Съ четырехъ сторонъ этого острога или города (по туземному), на крутомъ и высокомъ косогорѣ, до сихъ еще поръ, видны изъ подъ стѣны деревянныя крѣпкія ворота, ведущія къ рѣкѣ на пристань.

Изъ другихъ преданій старины сохранились въ памяти сумлянъ только два: о томъ, что Меншиковъ приписалъ было Сумской острогъ, вмѣстѣ съ Кемью и Керетью, къ олонецкимъ Алексѣевскимъ желѣзнымъ заводамъ*); но что государь, по жалобѣ архимандрита Ойрса, возвратилъ все это въ прежнее монастырское владѣніе. Вторымъ памятнымъ для сумлянъ событіемъ остались такъ называемые сенявинскіе наборы (въ 1714 и 1715 г.). По этому преданію, жители сзывались въ церковь указы читать и слушать, и потомъ выбирать миромъ народъ въ солдаты, что такимъ образомъ схвачено было народу много (кемскіе прознали это и успѣли разбѣжаться) Этому событію, вмѣстѣ съ несчастнымъ случаемъ въ двинскихъ устьяхъ, гдѣ потонуло 20 сумскихъ мальчиковъ, старожилы сумскіе приписываютъ уменьшеніе народонаселенія своего посада отъ 600 душъ прежнихъ до 250 душъ настоящаго времени.

---

*) Въ 1703 г., при основаніи Петрозаводска подъ именемъ Петровскаго завода, на крестьянахъ Сумскаго острога лежала повинность, обязывавшая отправлять тамъ разныя работы. Съ 1706 г. по сентябрь 1714, когда эта повинность замѣнена была взиманіемъ въ казну 2000 руб., невнесшіе отбывали работу на заводахъ.

Точно также, какъ въ Кеми, и здѣсь, въ 1826 году, отъ сильныхъ жаровъ и сухихъ погодъ, распространились на посадскихъ выгонахъ сильные пожары, испепелившіе церкви, которыя впоследствии перенесены были на нынѣшнее свое мѣсто—на гору правой стороны рѣки Сумы, внутрь стариннаго острога. Точно также пожары эти потушены были сильными дождями, начавшимися съ 15 августа того же года.

Въ 1806 году, согласно желанію и просьбѣ сумскихъ крестьянъ, они переписаны въ мѣщане, съ дарованіемъ имъ соотвѣтствующихъ правъ и присвоеніемъ Сумской волости названія *посада*.

Въ 1830 году посадъ Сума избавился отъ холеры, которая брала свои жертвы по одну сторону его за 70 верстъ въ деревнѣ Нюхчѣ и по другую за 30 верстъ въ деревнѣ Сухомѣ*).

Въ памяти жителей, до сихъ еще поръ, сохранились старинныя названія частей селенія. Весь посадъ поэтому дѣлится на *низовье*, ту часть его, которая начинается отъ взморья; отъ низовья слѣдовалъ *жемчужной рядъ* до середины селенія, т. е. до того мѣста, гдѣ теперь выстроена мостъ, ведущій въ зарѣчную половину селенія — середина селенія называлась собственно *посадою*—и *труновой рядъ* или *верховье*, та часть посада, въ которой выстроились бѣднѣйшіе обыватели и которая идетъ дальше по восточному берегу за городъ, гдѣ начинается уже тундра, на которой растетъ мелкій сосновой и березовой лѣсъ и течетъ рѣка Сума съ прикрутыми каменистыми берегами, неширокая, мѣстами довольно глубокая, кроткая теченіемъ, съ иловатымъ дномъ и мрачнымъ, блѣднымъ видомъ. Другая половина посада Сумы по ту сторону (лѣвую) рѣки, та,

---

*) Во время холеры 1848 г., с.-петербургскій купецъ М. Г. Башмаковъ, уроженецъ Сумскаго посада, располагалъ на свой капиталъ устроить въ Сумскомъ посадѣ богадѣльню и кладбищенскую церковь. Но холера, къ счастью, была здѣсь не сильная. Башмаковъ, однако, не переставалъ благотворствовать мѣсту своей родины. Онъ выдавалъ на бѣднѣйшихъ жителей ежегодно по 200 руб. сер., чрезъ сестру свою, жившую въ посадѣ. Онъ же пожертвовалъ навсегда 10,000 руб. асс. для содержанія, процентами съ капитала, приходскаго училища, съ учителемъ и законоучителемъ. Сумское общество къ этому капиталу прибавило отъ себя ежегодныхъ 42 руб. 86 к. сер. и, сверхъ того, нанимаетъ сторожа.

гдѣ существуетъ острогъ и возвышаются церкви, называется *нагорье*; набережная нагорья—*зарѣцка сторона*, дальше *кислая губа* и, наконецъ, опять дальше на выздѣ—*слобода*.

Въ такомъ, густо застроенномъ до тѣсноты и безобразія, видѣ является Сума и со стороны рѣки, и съ окрестныхъ лѣсистыхъ горъ; отчасти только видоизмѣняютъ это: деревянный, разрушающійся острогъ съ каменной и деревянной же церквами, мостъ черезъ рѣку, множество судовъ, наполняющихъ ее на всемъ верстовомъ теченіи внутри посада. Съ небольшимъ на полверсту идутъ строенія посадскія отъ рѣки въ гору и къ темнымъ лѣсамъ, недалеко сливающимся съ лѣсами морскаго побережья. Обезлюдѣвшимъ на половину населеніемъ своимъ представляется село это лѣтомъ, когда оставляютъ его жители для дальнихъ мурманскихъ сношеній съ Норвегіей. Прежде сумляне занимались хлѣбопашествомъ (къ которому вновь обратили ихъ англичане, не пускавшіе въ море за промыслами *), прежде ловили рыбу въ значительномъ числѣ (теперь промысломъ этимъ занимаются только женщины, и то для себя); теперь же все это оставлено для дальнихъ, выгоднѣйшихъ промысловъ. По сказкѣ Соловецкаго монастыря іеромонаха Иліи, въ 1715 г., въ Сумскомъ острогѣ, Кемскомъ городкѣ и въ принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ было монастырскихъ и крестьянскихъ 36, да пустыхъ 19 варницъ; въ вываркѣ соли было по 100 тысячъ пудовъ. Сбытъ этой соли производился въ Повѣнецъ и Олонецъ, цѣною отъ 3 до 5 алтынъ пудъ. Отъ промысловъ десятая часть поступала въ монастырь, а пошлина отъ продажи въ таможеню **). Деньги эти шли на жалованье стрѣльцамъ, на ихъ аммуницію и на пушки. Въ 1713 году, по той же сказкѣ, въ Сумскомъ острогѣ было 343 двора съ принадлежащими къ нимъ заведеніями для соляныхъ, рыбныхъ и салныхъ промысловъ; теперь домовъ считается здѣсь

---

*) Прежде въ Сумѣ было только одно поле, а въ мою бытность насчитывалось уже за десятокъ, и тѣ были вспаханы именно только во время плаванія англо-французской эскадры по Бѣлому морю. Ячмень родится хорошо, рожь принимается не дурно; растутъ также капуста, морковь, репа и картофель на многихъ огородахъ.

***) Нынешняя таможенная застава учреждена въ 1834 году для очистки пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Суму прямо изъ Норвегіи.

только 214. Нѣкоторые изъ этого числа жителей умѣютъ плотничать, шить сапоги; есть портные и кузнецы, хотя и плохіе; нѣкоторая, и притомъ довольно значительная, часть живетъ даже исключительно мірскимъ подаяніемъ.

Сумскіе дома точно также, какъ и всѣ поморскіе, двухъ-этажные; у бѣдныхъ въ одинъ этажъ и, въ такомъ случаѣ, съ неизмѣнными волоковыми окнами; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ у каждаго дома крытой дворъ, на который ведутъ ворота, и надъ каждымъ воротами непременно или крестъ, или икона. Внутреннее расположеніе избы также одинаковое со всѣми поморскими избами и также старинное: ненабѣжная печь, рядомъ полати и *грядки* или *воронцы*. Подлѣ печи съ боку посудной шкафъ — *блюдникъ*; въ правомъ отъ входа, переднемъ углу — *божница*; противъ средняго окна столъ; подпечки красятся синею и красною краскою; двери и рамы также; простѣнки снаружи обмазываютъ обыкновенно охрой. Надъ дверями и окнами въ избѣ и горницахъ, назначенныхъ для гостей, написана мѣломъ, а иногда масляными красками или чернилами на бумажкахъ молитва: «Христось съ нами уставися вчера и днесъ, той же и во вѣки».

Со второй половины іюня мѣсяца до послѣднихъ чиселъ августа жизнь въ Сумскомъ посадѣ идетъ скромнымъ, тихимъ, размѣреннымъ чередомъ: женщины ткутъ холстъ, бучать и бѣлять его; затѣмъ поспѣваетъ морошка, обираемая всѣмъ женскимъ населеніемъ посада; съ морошкой приходитъ и страдная пора сѣнокоса, для котораго являются сюда изъ дальнихъ деревень своихъ корелы; женщины занимаются только уборкою уже готоваго накошеннаго сѣна. При этомъ замѣчаютъ, что корелы первымъ условіемъ, при наймѣ на страду, требуютъ каши, и по возможности, пшонной, а безъ того, какъ говорятъ, прийдя на страду, приговариваютъ: «ѣла коса кашу — ходи коса ниже; не ѣла коса каша — выше бери». Изрѣдка, и только отчасти, видоизмѣняютъ скромную, тихую жизнь посада лѣтомъ отправленія богомольцовъ въ Соловецкой монастырь.

Богомольцы идутъ на Сумской посадѣ цѣлыми сотнями съ повѣнецкой дороги. Путь этотъ (на 179 верстѣ) идетъ для нихъ, послѣ Онежскаго озера и за городомъ Повѣнцомъ, вверхъ по берегу рѣки Повѣнчанки, десять верстѣ по хорошей конной дорогѣ. Богомольцы обыкновенно идутъ пѣшкомъ, хотя въ

каждой деревнѣ можно достать лошадей и за умѣренную плату. За десять верстѣ отъ Повѣнца богомольцы садятся на карбаса и ѣдутъ 4 версты рѣкою (по причинѣ непроходимыхъ стороннихъ болотъ); изъ рѣки вѣзжаютъ въ Волозеро (15 верстѣ) и отъ сѣвернаго края послѣдняго, опять берегомъ, черезъ гору, на пять верстѣ по порядочной дорогѣ до селенія Масельги. Отсюда по озеру и рѣкѣ, одноименнымъ съ селеніемъ, совершается на 10 верстѣ снова карбасная переправа до деревни Телейкиной, и затѣмъ 40 верстѣ внизъ по рѣкѣ Телейкиной до Выгъ-острова и 20 верстѣ этимъ озеромъ до деревни Койкенцы. Отъ этой деревни до дер. Вореньжи, на 30 верстѣ, идетъ къ Сумозеру волокомъ хорошая конная дорога. Сумозеромъ до Сумозерской деревни (15 верстѣ) вновь ѣдутъ богомольцы на карбасахъ до входа въ рѣку Суму (текущую на 35 верстномъ пространствѣ изъ этого озера въ море). Дальше, на 10 верстѣ до деревни Лапиной, идутъ вдоль рѣки ея берегомъ и въ Лапиной садятся на 10 верстѣ, въ предпослѣдній разъ до Соловковъ, въ карбасы и, наконецъ, въ послѣдній разъ идутъ еще 10 верстѣ до посада *) по едва проходимой,

---

*) Зимній путь для товаровъ, отправляемыхъ на шунгскія ярмарки (за 202 версты, два раза въ годъ — въ началѣ января, или концѣ декабря, и въ началѣ марта), нѣсколько сокращеніе (впрочемъ, не больше 10 верстѣ) и идетъ нѣсколько иначе, хотя и предпочитаютъ ѣхать по льду, чѣмъ по тайболамъ и гранитнымъ, оголеннымъ вѣтрами, горамъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ледъ на порогахъ худъ, дѣлаютъ объѣзды берегомъ. Отъ Повѣнца до Шунги (на 47 верстѣ) ѣдутъ сначала 17 верстѣ по р. Повѣнчанкѣ и потомъ на слѣдующіе 30, до села, черезъ губу Онежскаго озера. Въ лѣтнее время и въ крайнихъ случаяхъ необходимости сумляне отправляютъ товары свои изъ деревни Сороки по р. этого имени на малыхъ карбасахъ до деревни Выгъ-острова. Отсюда по р. Выгъ (70 верстѣ), на которой, по причинѣ пороговъ (два большихъ Золотецъ и Маточные), перетаскиваютъ кладъ съ великимъ трудомъ чрезъ низменные мыски сажень до 50 шириною. Тоже встрѣчается и дальше у Войцкаго падуна (гдѣ р. Войца падаетъ въ Выгъ почти отвѣсно съ высоты 3 сажень). Здѣсь изъ мелкихъ карбасовъ сороцкихъ, поднимающихъ грузу не болѣе 15 пудовъ, перекадываютъ его на большіе, поднимающіе до 150 пудовъ. Около устья р. Телейкиной этотъ путь сходится съ богомольческимъ, хотя и не слишкомъ выгодно для провожающихъ кладъ. Они у этой деревни, по причинѣ мельницы, должны переносить товаръ свой въ другіе карбаса, выставленные выше плотины. Не доѣзжая 10 верстѣ до города Повѣнца кладъ везутъ ъуже

вязкой, болотистой дорогѣ, которую могутъ преодолѣвать только крѣпко-привычныя и искусившіяся въ частой ходбѣ ноги. Но и весь путь этотъ пролегаетъ мѣстами дикими, мало населенными, по голому, безпривѣтному граниту, выстилающему берега рѣкъ и берега озеръ, густо покрытыхъ, въ тоже время, жалкимъ сосновымъ лѣсомъ. Большая часть сухопутныхъ дорогъ пролегла болотами, а сухими мѣстами только по ярмамъ горъ, но и сухими только при продолжительныхъ солнечныхъ погодахъ. Для ѣзды на лошадяхъ, въ телѣгахъ тряскихъ и неудобныхъ, дороги эти едва сносны. Въ рѣкахъ встрѣчаются большіе, безпокойные, съ трудомъ одолѣваемые пороги. Прежде, говорятъ, этимъ путемъ возили изъ Петрозаводска въ Архангельскій портъ баластъ, пушки, ядра; но вѣроятно, зимою.

Въ Сумѣ всѣ богомольцы нуждаются непременно въ банѣ, въ двухъ-суточномъ отдыхѣ, чтобы потомъ сѣсть или на соловецкую монастырскую лодью, или на суда Сумскаго посада. Но богомольцы, прежде отправления, служатъ обыкновенно молебны у мощей св. Елисея и дѣлаютъ вклады въ церковь и въ кружку соловецкаго двора. Это послѣдніе обычаи предъ отъѣздомъ въ монастырь, который находится отъ сумскаго посада въ 100 верстахъ. Особенно много является богомольцовъ въ маѣ и юнѣ, и незначительное количество послѣ 20 числа этого мѣсяца и во весь іюль; въ августѣ ихъ уже положительно не показывается. Прибывшіе въ посадъ повѣнецкими соймами, богомольцы обыкновенно вывозятся въ карбасахъ на взморье, по причинѣ небольшихъ, такъ-называемыхъ *верхнихъ порожковъ* рѣки Сумы. На взморьѣ этомъ имѣютъ обыкновеніе

на телѣгахъ. Путь этотъ первымъ совершилъ, въ 1822 г., кемской купецъ Дружининъ, говорятъ, въ двѣ недѣли, хотя теперь и тратятъ на него не болѣе 5 дней, и въ крайномъ случаѣ при непогодахъ — 8. При этомъ надо замѣтить, что цѣна за провозъ въ Повѣнецъ дороже, чѣмъ на обратной путь, который по большей части совершается внизъ по течению, стало быть, скорѣе (въ 4 дня) и сподручнѣе, легче. Не лишнее также упомянуть, что архангельской купецъ Пашинъ сдѣлалъ, въ 1835 году, первую попытку отправить бѣломорскіе промыслы прямо моремъ (кругомъ Норвегіи) въ Петербургъ. Судно его со всеми рабочими погибло у Бергена. Только нѣсколькимъ кемскимъ шкунамъ и лодьямъ удалось поспать въ столицу послѣ. Теперь эти подвиги — замѣчательная рѣдкость.

останавливаться лодки и монастырскія соловецкія, и посадскія; ѣдущіе на ранынахъ, карбасахъ и нерѣдко шнякахъ садятся въ самоѣ посаде, потому что рѣчная вода подпускаетъ суда эти даже къ мосту посада. Монастырь беретъ за провозъ въ одну сторону съ каждаго пассажира по 30 коп. сер., и въ оба конца на обратную — 50 коп. серебромъ. Сумляне берутъ обыкновенно нѣсколько дороже.

Большими кучками идутъ эти богомольцы къ своему судну, загорѣлые отъ жгучаго и, въ здѣшнихъ мѣстахъ, лѣтнаго солнца, съ неизбѣжными котомками за плечами; подъ котомками привязаны сапоги или новые лыковые лапти, въ котомкахъ праздничное, лучшее платье: нерваные и незаплатанные армяки, можетъ быть, даже и синія сибирки, лапти на ногахъ уже непремѣнно измочаленные долгимъ путемъ, каковой для иныхъ идетъ изъ самыхъ благословенныхъ странъ благословеннаго малороссійскаго края. Правда, большая часть этихъ богомольцовъ бредетъ изъ сосѣднихъ Петербургской губерній; большею частію убитые съ виду, неразговорчивые и вообще какіе-то неладные псковичи; бойкіе съ размашистыми манерами подстоличныя торговцы; нерѣдко купцы цѣлыми семьями, съ неизбѣжными самоварами и съ неизбѣжною тучностію, больше созерцательные и молчаливые, чѣмъ разговорчивые. Правда, что эти рѣдко ходятъ, чаще ѣздить на лошадахъ, хотя и немного выгадываютъ на тряскихъ и уродливыхъ повѣнецкихъ дорогахъ. Большая же часть странниковъ приходитъ въ Суму пѣшкомъ и почти на $\frac{3}{4}$ состоитъ изъ женщинъ, всегда пугливыхъ, всегда охающихъ, почти всегда творящихъ изустную молитву, большею частію старухъ. Въ тодѣхъ этихъ не рѣдкость тѣ полунагіе, молчаливые, вытянувшіеся въ высокой, болѣзненный ростъ дурачки-баженники, къ которымъ питаетъ особенное сочувствіе весь православный людъ русской земли и особенное вниманіе и сердоболіе овазываютъ старухи-странницы.

Вся толпа богомольцовъ на пути по посаду Сумѣ творить крестныя поклоны передъ всякимъ сплутнымъ крестомъ, которыхъ такъ много стоитъ на перекресткахъ и перепутьяхъ селенія (больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ поморскихъ селеніяхъ) и, наконецъ, садится на лодки. Паруса еще валяются по па-

лубъ; пассажиры собрались уже все; судно готово къ отправленію, ждутъ только исправленія стариннаго обычая.

Одинъ изъ работниковъ обращается къ хозяину лоды.

— Хозяинъ, благослови путь!

— Святые отцы благословляютъ, отвѣчаетъ хозяинъ.

— Праведные Бога молятъ—прибавляетъ къ этому другой работникъ, обыкновенно кормщикъ.

Все вслѣдъ за этимъ молятся въ сторону, обращенную къ Соловецкому монастырю; потомъ вытаскиваются якорь и судно, сдѣлавши поворотъ по солнцу, отправляются въ путь, полусуточной даже при посредственномъ, умѣренномъ повѣтерьи.

Жители посада Сумы твердо стоятъ въ православіи, не смотря на то, что ближняя Сорока и все деревни по направленію къ Кемь, самая Кемь и деревни по Корельскому берегу почти все и давно уже держатся раскола. Правда, что и въ Суму прокралось старообрядство, но крѣпится преимущественно между женскимъ населеніемъ посада; между мужчинами мало раскольниковъ и, по мѣрѣ приближенія къ городу Онегъ, число старообрядцовъ постепенно уменьшается и нѣтъ уже ихъ въ послѣднемъ городѣ и по всемъ берегамъ Онежскому и Лѣтному, а также и по Двинѣ.

Расколъ въ Сумскомъ посадѣ получилъ начало въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, отъ родственной связи одного изъ сумскихъ семействъ съ раскольнымъ семействомъ деревни Сороки. Сильное вліяніе богатаго сумскаго семейства на бѣдный классъ жителей посада послужило первымъ основаніемъ для распространенія старообрядскихъ понятій и убѣжденій. Вскорѣ послѣ того, въ деревушку Пертозеро (за 15 верстъ отъ посада) пріѣхала на жительство вдова прапорщика Анна Карташева, съ сыномъ и дочерью, изъ С.-Петербурга. Карташева была закоренѣлая раскольница, и мало по малу, тотчасъ же по прибытіи на новое мѣсто, она, подъ строгимъ видомъ благочестія и въ духѣ подвижничества, стала собирать около себя раскольничью пустыню и скорѣ успѣла образовать такимъ образомъ до десяти келій. Подъ именемъ *матушки-наставницы* о душевномъ спасеніи, Карташева въ зимнее время выѣзжала для проповѣданія *гонимой* вѣры въ деревни Шижню, Сороку, чаще всего въ ближайшей Сумской посадѣ. Успѣвши возбудить къ себѣ общее довѣріе старческимъ видомъ, степеннымъ и вну-

шающимъ уваженіе, необыкновенно правильными чертами лица, осмысленными добрыми, довѣрчивыми голубыми глазами, Карташева дѣйствовала на женщинъ и даже мужчинъ необыкновенною начитанностію. Знавшіе ее увѣряютъ, что старица въ догматахъ вѣры была до того убѣдительно, что возражать ей было трудно, а спорить невозможно. Такими убѣжденіями и личнымъ примѣромъ строгой, безукоризненной жизни, Карташева успѣла подѣйствовать на многихъ изъ сумлянковъ, каковыхъ, немедленно же по изъявленіи ими согласія, перекрещивала (она была филипповскаго толка, не признающаго другихъ расколовъ и называющаго своихъ адептовъ *христіанами* и *староверами*, а всѣхъ православныхъ—*никоновцами*, *никовщиной*, *щепотниками*). Карташева умерла на шестидесятомъ году въ Пертозерѣ, завѣщавши дѣло свое родной дочери Анѣисѣ. Эта сѣумѣла также твердо и при той же всеобщей любви народа идти по стопамъ матери. Доказательствомъ тому, на сколько Анѣиса возобладала народнымъ довѣріемъ, можетъ служить отвѣтъ одного изъ раскольниковъ сумскому священнику.

— Що тобѣ, бацько, со мной толковать; я целовѣкъ темной, ницего не знаю. Спрашивай матушку Анѣису, она про еѣто знатъ и тобѣ скажетъ. Куды хошь со мной, хошь въ турму сади, а ужъ отъ вѣры безъ матушки Анѣисы я не отопрусь.

Въ томъ же крѣпкомъ убѣжденіи, что *«котора вѣра юнима, та и права»*, стоятъ до сихъ поръ и сумскіе раскольники, какъ и всѣ другіе на всемъ пространствѣ русскаго царства.

Въ 1849 году раскольничій Петрозерской скитъ былъ уничтоженъ, обитатели его выселены на мѣста прежняго ихъ жительства, скиты срыты и сравнены съ землей; но дѣло Анѣисы и ея матери до сихъ еще поръ продолжается (женщины придерживаются старой вѣры, почти всѣ безъ исключенія, а мужчины почти на $\frac{1}{3}$ всего посадскаго населенія). Зимю, при проѣздѣ крестьянъ Олонецкой губерніи и другихъ мѣстъ мимо Сумскаго острога въ деревню Шижню и Сорочу за сѣльдами и сухой треской, старообрядцы стараются внушать имъ въ вечернихъ бесѣдахъ, на ночлегѣ, истины исповѣдуемыхъ ими догматовъ. Домохозяинъ, если грамотенъ и особенно *по вѣрѣ* (т. е. старообрядецъ), старается заводить разговоръ о вѣрѣ, а во время ужина или обѣда прочесть имъ что-либо изъ старинныхъ книгъ. Книги эти они тщательно прячутъ отъ опаснаго глаза

и въ такомъ количествѣ, какъ бы и въ какомъ либо раскольничьемъ селѣ.

Всѣ остальные свѣденія, сообщенныя мнѣ въ посадѣ Сумѣ: что и здѣсь точно также строятъ крупныя морскія суда; что отсюда, наравнѣ съ немскими, ходили когда-то на Шпицбергенъ; ходятъ, изрѣдка на Новую Землю; что гдѣ-то 40 залегаютъ туда путь и что первымъ возобновилъ его здѣшной мѣщанинъ Ереминъ, гдѣ-то тому 30 назадъ. Большою частію, и почти поголовно, сумляне ходятъ для тресковыхъ промысловъ на Мурманъ; но здѣсь блюдетсѣ обычай давать деньги впередъ за весь покрутъ только сильно-нуждающемуся работнику, а залишекъ вслѣдствіе удачныхъ промысловъ уже послѣ, зимою. Тотъ годъ (1856) былъ гибеленъ для мурманскихъ промышленниковъ по сильному развитію тамъ цынги; многіе изъ нихъ, заболѣвши, до конца промысловъ возвращались домой, и здѣсь обыкновенно поправлялись при помощи мочной морошки и дѣятельной жизни, при постоянномъ движеніи. Рассказываютъ, что во время посѣщенія англо-французскимъ флотомъ Бѣлаго моря, промыслы были кинуты на берегу, а сами хозяева съ деньгами пробирались уже горою, т. е. берегомъ, черезъ лапландскую тундру, пѣшкомъ и на оленяхъ. Нѣкоторые хозяева пускали на рискъ свои шкуны въ Норвегію мимо Сосновца (станцію нашихъ недавнихъ враговъ), но старались пробираться ночью, держась поговорки: «путь-дорога честна не сномъ, а заботой» и «Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ». Въ старину, рассказывали старожилы, на берега моря за морскими звѣрями выходили жители дальней Новгородской губерніи; но это уже гдѣ-то 100 оставлено ими; также оставленъ промыселъ морскаго звѣря и сумлянами.

На Мурманъ сумляне выходятъ гдѣ-то также 100 назадъ и больше (съ Норвегіей ведутъ торгъ не дальше 50 гдѣ-то). Промышляютъ сумляне, по тѣмъ же правиламъ и при тѣхъ пріемахъ и условіяхъ, какъ и всѣ другіе поморы, обыкновенно въ трехъ становищахъ: Гавриловѣ, Тириберихѣ и въ Вайдогубѣ. Отправляются они туда также въ началѣ марта, прямо на Колу. Изъ Сумы до Кандалакши ѣдутъ на лошадяхъ, а отъ Кандалакши до Колы на оленяхъ. Весь путь совершаютъ въ двѣ или три недѣли (стоитъ онъ имъ отъ 4 до 5 руб. сер.). По приходѣ въ Колу, при первой возможности, отправляются на

шнякахъ въ становища, въ готовые станы (избушки); въ каждой помѣщается отъ 12 до 16 человекъ, а въ крайномъ случаѣ и до 30. Въ рѣкѣ Воронѣй, въ 3 верстахъ отъ Гаврилова становища, гдѣ въ огромномъ числѣ ведется тресковая наживка (рыбы песчанка и мойва), сумляне сходятся со всеми поморами и своими землянами другихъ становищъ. Съ мурманскихъ промысловъ сумляне возвращаются домой, послѣ 20-хъ чиселъ августа; замѣтно напитанные чванствомъ, замѣтно окрѣпшіе въ силахъ и пополнѣвшіе, «были быками: шея, что полѣно, лицо разнесетъ словно мѣсяць» — по выраженію самихъ же поморовъ. Днемъ производится выгрузка судовъ, а поздно вечеромъ бываетъ прогулка по посадѣ молодыхъ парней съ дѣвками при веселыхъ хороводныхъ и посидѣлковыхъ пѣсняхъ. Зимнія занятія сумлянъ немногосложны: они или ходятъ на губы для ловли навагъ (самыя лучшія и крупныя ловятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ посады къ Кунуручью), или возятъ на лошадахъ дрова, ѣздятъ подводами отъ торговцовъ рыбою и возятъ проѣзжающихъ по дѣламъ службы или по дѣламъ торговли. Въ праздничные дни по зимамъ сумляне спятъ послѣ обѣда, *уднуютъ* по старому прадѣдовскому обычаю, и послѣ уднованья бродятъ толпами по улицамъ и толкуютъ обо всемъ, что взбредетъ на умъ. При этомъ случаѣ — сумляне имѣютъ привычку, не выслушавъ разсказа или словъ одного, перекричатъ другъ друга и кто больше кричитъ, тотъ почитается самымъ толковымъ. У женскаго пола — есть общая привычка, войдя въ избу, перекреститься и, поматавъ потомъ головою и кивнувъ хозяйкамъ, тотчасъ же, не выждавъ приглашенія, съ поспѣшностію сѣсть на лавку. И этотъ обычай, какъ говорятъ, блюдетя изъ давной старины.

Изъ остальныхъ моихъ бесѣдъ съ посадскими можно было узнать только то, что между сумскими бабами бывали такія, которыя кормщиками хаживали на Терской берегъ; что они желали бы имѣть маяки на зимнихъ горахъ къ Мезени, гдѣ мѣста опасныя, теченіе необыкновенно быстро; что точно также желали бы лучшаго устройства пути на Повѣнецъ, находя въ этомъ обстоятельстве справедливую возможность усиленія торговыхъ предпріятій и легкаго обогащенія края и вида трудность только въ устройствѣ горнаго пути, потому что сплутныя озера все глубокія и способны къ переправамъ. По этому пути,

какъ уже сказано, торгующіе сумляне и ближніе поморы справляютъ свою рыбу и отчасти сало и мѣхъ на шунгеніа ярмарки (съ 7 по 15 января и съ 25 марта по 2 апрѣля). За товарами сумляне предварительно ходятъ на малыхъ лодьяхъ къ Терскому берегу, въ рѣки Умбу и Варзугу и даже до Поноя. На всемъ этомъ пути они скупаютъ осенній промыселъ семги, и почти только одинъ этотъ продуктъ (изъ покупныхъ) везутъ на Шунгу, если не считать сухой трески мурманскаго улова (до 12,000 пудовъ). Тѣже сумляне и тѣже промыслы отправляютъ также и въ Архангельскъ и чрезъ Онегу въ Каргополь (по р. Онегѣ на карбасахъ, поднимающихъ до 200 пудовъ), въ 6 или 8 дней; но большею частію это отправляется зимою. Сумскія лодьи, на пути въ Норвегію, инья заходятъ въ Архангельскъ, чтобы нагрузиться мукою, досками, веревками, смолою и другими товарами, пригодными для Норвегіи. Замѣчаютъ, что сумляне въ торговыхъ оборотахъ дѣятельнѣе и опытнѣе прочихъ поморовъ.

Посадъ управляется ратушою: одинъ изъ засѣдателей земскаго суда (становой приставъ) живетъ здѣсь постоянно, равно какъ винной приставъ и надзиратель пограничной стражи.

6. ОТЪ СУМЫ ДО ОНЕГИ.

Моремъ, съуженнымъ множествомъ людъ, между которыми самыя большія и мѣтко названныя Медвѣжья-Головы, плыли мы отъ Сумы по направленію къ слѣдующему поморскому селенію Кблежиѣ. Видѣлись намъ на протяженіи пути этого на берегу и наволокахъ двѣ избы на трехверстномъ разстояніи одна отъ другой, соленыя варницы мучительно-долго и съ крайною опасностью перетаскивали мы свой карбасъ между грудями огромныхъ камней, словно нарочно наваленныхъ поперекъ спутнаго намъ морскаго залива. Мѣсто это, прозванное *железными воротами*, ежеминутно грозило опасностію изъ каждаго острія своихъ огромныхъ камней, замѣчательно обточенныхъ морскимъ волненіемъ, и намъ и нашему карбасу, который теперь показался мнѣ окончательно утлымъ, ненадежнымъ, ничтожнымъ суденкомъ. Кое-какъ, послѣ многихъ криковъ, ругательства и почти нечеловѣческихъ усилій, пробрались мы чрезъ узенькой проходъ, или собственно ворота, сдѣланныя болѣе ус-

ліцямъ ругъ человѣческихъ, чѣмъ теченіемъ моря. Но, и выравнявшись на вольную воду, мы выиграли не во многомъ; вѣтеръ тинуть какъ-то вяло, вода стояла малая въ часы отлива; недолгая трехъ верстѣ до селенія, мы съѣли на мель и дожидались, пока сполнялась вода, которой поверхность мало-по-малу, изъ желтоватой до того времени, становилась все чернѣе и чернѣе. Прибылая вода успѣла нѣсколько поднять карбасъ, но позволила ему идти опять-таки не дальше версты разстоянія: мы опять съѣли на мель. Три часа стояли мы на прежней мели (хорошо еще что сумскія дѣвки нашлись въ это время насказать мнѣ много пѣсенъ), немногимъ меньше привелось бы намъ стоять и на этой, дожидаясь полой воды. И вотъ, наконецъ, послѣ мучительнаго ширканья карбасомъ о корги узкой рѣчонки Кѳлежмы, и особенно послѣ утомительнѣйшаго, непріятнѣйшаго *тѣмъ* *кожденія* (подъ сильнымъ дождемъ въ добавокъ) черезъ двѣ версты отъ карбаса, гдѣ по голымъ щельямъ, гдѣ по избытымъ, старымъ мостнамъ изъ бревешекъ и палокъ, я попалъ, наконецъ, въ вожденное селеніе Кѳлежму.

Село это разбросано въ поразительномъ безпорядкѣ и, вѣроятно оттого, что первоначальные жители предпочитали близость моря удобству мѣстоположенія, вплотную изрытаго огромными скалами, неправильно раскиданными, отдѣляющими одинъ домъ отъ другаго на замѣтно большія разстоянія. Оба ряда домовъ идутъ по обѣимъ сторонамъ рѣчонки, на противоположной сторонѣ которой видится церковь, видятся еще изъ оконъ моихъ флюгарки, вытнутыя въ прямое, колебательное положеніе, слышится ужасный свистъ вѣтра; кормщикъ приноситъ немного радостей:

— Дождь пересталъ, а въ морѣ пыль стоять, обождать надо!

А между тѣмъ въ Кѳлежмѣ положительно дѣлать нечего; промыслы колезомовъ сходны съ сумскими: таже перекупка у сорочанъ сельдей, за которыми пріѣзжаютъ сюда зимой изъ Вологодской губерніи; таже осенняя ловля навагъ на уды (рублей на 50—60 на каждое семейство), и таже и за этими навагами пріѣзжаютъ сюда вологжане; судовъ здѣсь не строятъ, на гѣто уходятъ на Мурманъ; все, по обыкновенію, точно таже ведется и здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ селеніи поморскаго берега.

Отъ скуки смотришь въ окно и видишь немного: пересталъ дождь, лившій много и долго, выглянуло солнце, но и это увидѣло немного хорошаго: ту же порожистую рѣчку, тѣ же сѣрые дома и бабу, которая, ухвативши неловко ребенка, выскочила, словно угорѣлая, изъ избы на улицу, обѣжала кругомъ клѣтушки, стоящей, по обыкновенію, подлѣ рѣки, разъ, другой и третій. Баба задѣвала за каждой уголъ, за каждымъ угломъ что-то выпѣвала болѣзненно-слабымъ голосомъ, словно совершала какое-то таинство, словно творила какой-то тайный, невѣдомой обрядъ. Изъ лепетанья ея удается поймать только нѣсколько безсвязныхъ словъ: «ушли дѣтки въ богатые клѣтки». Ребенокъ все время молчитъ, словно спитъ, словно перепуганъ нечаянностью и крутостью порывовъ матери такъ, что не можетъ придти въ сознаніе и заплакать. Мать продолжаетъ бѣгать съ нимъ кругомъ другой клѣтки, стоящей рядомъ съ первою. Вся сцена эта производитъ какое-то бессознательно-тяжелое впечатлѣніе, она становится едва выносимою. На зрѣлище это собираются мальчишки, подходят колежкомъ, отнимаютъ у бабы ребенка съ словами:

— Дай-во сюда мнѣ ребенка-то?

— Ребенокъ не котенокъ! отвѣчаетъ баба, но отдаетъ его и сама бѣжитъ на другой конецъ селенья; ребятишки и нѣсколько праздныхъ бабъ слѣдуютъ за ней. Въ мою комнату входитъ кормилицъ съ поразительно-спокойнымъ видомъ и также хладнокровно отвѣчаетъ на вопросъ мой: «что это такое дѣлалось передъ окнами?»

— А, вишь, полоумная; на ребенкѣ бѣсъ-отъ зло свое вымѣщаетъ... порчена... Этакъ-то вотъ дня по два дурить, а за тѣмъ и ничего... опять *живетъ*... Карбасъ-отъ готовъ, ваше благородіе. Вѣтру выпало много, да онъ намъ *уносъ* до Нюхчи.

Недолго собирался я въ дорогу и черезъ часъ былъ уже внѣ порожистой рѣки Кдлежмы, въ открытомъ морѣ, берега котораго и здѣсь бросаютъ отъ себя далеко въ море песчаные, бугристые отпрыдыши. До селенія несло насъ отлично, благодаря прямому попутному западу, который, однако, успѣлъ развести огромной взводень съ пѣной, валившей прочь отъ нашего большаго карбаса. Въ 5½ часовъ мы успѣли пробѣжать все 50 верстное пространство. На двухъ наволокахъ показались лошади ровно черезъ шесть недѣль послѣ того, какъ мнѣ

привелось видѣть ихъ въ послѣдній разъ. При входѣ въ р. Нюхчу торчатъ бездна кольевъ, изъ которыхъ нѣмныя съ перекладинами; это тѣ же семожьи заколы съ неводами; на нѣкоторыхъ висѣла оставшаяся отъ прилива осока, другіе шесты уродливо и безцѣльно поднимались кверху. На одномъ наволоку торчали набенки; въ нихъ также живутъ таможенные солдаты...

Дальнѣйшія впечатлѣнія пути до того тягостны, что и теперь отзываются чѣмъ-то болѣзненно-непріятнымъ, чѣмъ-то такимъ, что рѣдко случается въ жизни и потому уже никогда не забывается во всю жизнь, до гробовой доски, даже и при лучшей жизни. Карбасъ нашъ, по причинѣ множества пороговъ и крайняго мелководья рѣчки (село Нюхча завалилось на 8 верстѣ внутрь земли отъ моря), долженъ былъ остановиться за 4 версты до селенія. Версты эти привелось одолѣвать пѣшкомъ и съ такими трудностями, о которыхъ даже нельзя было составить и гадательное представленіе. Все воспоминанія сходятся въ одномъ, память способна удержать только немногое: кочки по всему пути; между ними калужины — глубокія ямы съ грязной водой, которыя надо было обходить стороною и съ крайнимъ умѣньемъ и опасностью. Ямы эти глубоки, грязь ѣдкая и крѣпкая, тундряная грязь; грязь эта всюду и грязь по колѣна; если бы не высокіе туземные бахилы изъ нерпичьей кожи, достигающіе далеко выше колѣнъ, одолѣть бы ее было нельзя и привелось бы просто лечь тутъ въ изнеможеніи, лишоннымъ послѣднихъ силъ, потерявши послѣднюю каплю терпѣнія. Едва-едва не случилось этого и со мной. Помнится темной лѣсъ, изгорода: чрезъ нихъ надо было перелѣзать, чтобы опять попасть въ грязь по колѣна: помнятся камни — объ нихъ я разбилъ себѣ носъ; ручей безъ мосточковъ... черная рыхло-сырая послѣ дождей тундра... иней по полямъ, засѣянными ячменемъ... темная, хотя и звѣздная ночь... узенькая тропинка во ржи... серебрястый крестъ, чуть видный вдали изъ-за ржи и лѣсу, и, наконецъ, плаванье къ деревнѣ въ огромномъ карбасѣ, который занималъ собою чуть не половину рѣки, наполненной камнями и мелями, и вотъ, наконецъ, и самая деревня въ то время, когда я успѣлъ промочить себѣ ноги, почувствовать лихорадочное состояніе во всемъ организмѣ, утомиться, выбиться изъ всѣхъ силъ; ихъ хватило на то только, чтобы завалиться спать и спать долго и добросовѣстно-крѣпко до слѣдующаго утра. Но

послѣдствіа вчерашнаго странствія по адской дорогѣ сказывались еще три дня потомъ...

Слѣдующее утро освѣтило передо мною толпы народа, шедшія въ церковь (былъ праздникъ Успенія), освѣтило и самую церковь поразительно оригинальной архитектуры, выстроенную на высокой скалѣ и тѣмъ же мастеромъ, который строилъ и кольской соборъ. Въ здѣшней церкви четыре придѣла: Никольской, Богоявленной, Климента папы римскаго (особенно чтимаго поморами) и св. Троицы. Построена она въ 1771 году, освящена въ 1774. Двѣ, бывшія прежде ея и на другомъ мѣстѣ, сгорѣли. Внутренность существующей церкви довольно богата; старовѣровъ здѣсь замѣтно меньше, но все-таки существуютъ. Въ рѣкѣ выстроенъ заборъ для семги съ двумя маленькими вершинами, которыя называются здѣсь *рюшками*; вершина ихъ зовется *чуной*; въ нихъ попадаетъ рыбы мало и ее больше ловятъ поѣздами осенью; по веснамъ заходитъ сюда мелкая сельдь, которую также ловятъ и продаютъ въ Онегѣ и за Онегу; берутъ ее и корелы и потомъ вялятъ, сушатъ и солятъ для себя. Сельдей въ волости Владыченской мѣняють на хлѣбъ и рѣдко продаютъ на деньги. Вологжане скупаютъ и навагу мерзлую, называя ее *меньками*; наваги приходитъ много, а равно и *корюхи*, которая весной носитъ названіе наросной (выросшей). Ее ловятъ въ тѣже рюшки. Кромѣ этихъ промысловъ нюхотскіе бьютъ въ лѣсахъ рябковъ (рябчиковъ) и прочую дичь, хотя и въ маломъ количествѣ. Въ 1590 г. царь Феодоръ Иоанновичъ подарилъ Нюхчу соловецкому монастырю; въ 1764 она, вмѣстѣ съ другими монастырскими волостями, отошла въ вѣдѣніе коллегіи экономіи.

Вотъ всѣ тѣ свѣденія, которыми можно было воспользоваться въ селѣ Нюхчѣ. Здѣсь два раза въ годъ (въ Троицынъ день и въ Покровѣ) бываютъ крестные ходы изъ селенія къ часовнѣ, построенной у Св. Озера и Св. Горы, совершаемые, какъ говоритъ преданіе, въ воспоминаніе избавленія селенія отъ *Панька*. Преданія объ этомъ Панькѣ и вообще о паньщинѣ—времени набѣговъ на поморскія селенія литовскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ—въ памяти народа сливаются съ преданіями о главной исторической достопамятности села Нюхчи—посѣщеніи Петромъ Великимъ, который велъ отсюда двѣ лхты по нарочно устроенной для этой цѣли дорогѣ. Отъ дороги этой,

известной въ народѣ подѣ именемъ *царской* и *юсударевой*, до сихъ еще порѣ сохранились остатки. Та часть ея, которая ведетъ отъ села къ Св. Горѣ и Св. Озеру, ежегодно поправляется и поддерживается по той причинѣ, что здѣсь совершаются церковные крестные ходы въ день Троицы и Покрова. Дальше, на всемъ своемъ протяженіи, дорога эта значительно погнила и потерялась въ болотинахъ и грудахъ гнѣющаго валежника; только, говорятъ, около Пудозера (въ 45 верстахъ отъ Нюхчи) сохранился курганъ и подлѣ него до сихъ порѣ валяется огромной дубовой вряжище-столбъ, стоявшій вѣроятно на курганѣ, гдѣ сохранилась еще огромная яма. Столбъ не сгнилъ до настоящаго времени.

Вотъ что записано въ «Церковномъ памятникѣ села Нюхчи» объ этомъ путешествіи Петра Великаго: «Въ 1702 году проходилъ Петръ съ сыномъ своимъ Алексіемъ и синклитомъ въ Нюхчу съ моря. Свиты его, кромѣ начальниковъ, ближайшихъ бояръ, духовныхъ особъ и чиновныхъ людей, было 4,000 человекъ. Царь присталъ изъ Архангельска чрезъ проливъ океана на 13 корабляхъ подѣ горю Ряслуды, а на малыхъ судахъ присталъ къ Вардегорѣ; корабли изволилъ отпустить въ Архангельскъ. Отъ пристани царь шелъ въ Нюхчу и изволилъ посѣтить село; отсюда пошелъ въ Повѣнецъ мхами, дѣсами и болотами 160 верстѣ, по которымъ были дѣланы мосты Соловецкаго монастыря крестьянами. По этой дорогѣ людьми протащены двѣ яхты до Повѣнца, отъ котораго его величество озеромъ Онегою на судахъ поплылъ въ предѣлы Великаго Новгорода и пришелъ къ городу Орѣшку, что нынѣ именуется Шлиссельбургъ».

И вотъ что рассказываетъ о тѣхъ же событіяхъ народное преданіе:

— Были на нашу сторонку многія и божескія пощущенія и разныя бѣды: приходили къ намъ грабить скотъ, воровать дѣвокъ и маленькихъ ребятенковъ *мамъ*. Всякой панокъ, у котораго были рабы свои, крестьяне бы—по нашему, воленъ былъ творить всякой разбой и грабительство. Эдакой-то одинъ пришелъ и къ нашему селенію въ старыя времена. Тоже богатой былъ панокъ и силу большую имѣлъ: много народу водилъ за собой (а сказывалъ мнѣ все это старикъ-дѣдушко, а дѣдушкѣ-то другой сказывалъ, а этому-то другому было восемь десят-

новъ дѣтъ: тотъ дѣло это самъ видѣлъ). Грабилъ этотъ панонъ всѣ деревушки по близости: надумалъ сотворить тоже и съ нашими селомъ и силу распредѣлить, и спать легъ. По утру проснулся, диво видѣть: бьютъ его войны всякъ своего брата; бьютъ они и рубятся и на смерть другъ друга владуть; потемнились люди невѣдомой силой и пометались воѣ въ озеро, которое и прозвали съ той поры святымъ, и гору подлѣ святой прозвали, затѣмъ, что спасеніе свое тутъ село наше получило. Увидѣвъ панонъ народу побитіе и, не вѣдаючи причины тому, взмолился Богу со слезами и крѣпкимъ поканіемъ, и такимъ обѣщаніемъ: «Помилуешь меня, Господи — вѣру православную приму и разбойничать и убивать крещенныя души во вѣки не буду!» Господь устроилъ по его по желанію: простилъ споконявшагося, далъ ему жизнь и силу. Пришолъ панонъ этотъ въ село наше, отъ священника православнаго благословеніе и крещеніе принялъ и сталъ простымъ крестьяниномъ: сталъ землю пахать, на промысла въ море ѣздить, скоро научился съ волной правиться и сталъ разпрехорошимъ кормщикомъ, всѣмъ — слышь на зависть. Вотъ и идетъ, слушай, царской указъ въ Архангельской городъ: будетъ-де царь скоро — приготовьтесь. Ѣдетъ-де моремъ, такъ шестнадцать человекъ ему *лочисез* (лоцмановъ) надо. Ждутъ царя день, ждутъ и другой, хотять его ливъ государственной видѣть, отъ дворца его не отходить ни днемъ, ни ночью. Смотрять, на балконъ вошолъ кто-то; лоцмана и пали на землю, поклоненіе ему совершили и лежатъ, и слышатъ: «Встаньте-де, православные — не царь я, а генералъ Щепотевъ; Петръ Алексѣевичъ сзади ѣдетъ и скоро будетъ. Велѣлъ онъ вамъ свою милость сказывать: выбрать-де вамъ изъ всѣхъ изъ шестнадцати самыхъ наилучшихъ, какъ самі присудите». Выбрали четырехъ, пришли въ Щепотеву. Выберите-де изъ этихъ самаго лучшаго! Онъ будетъ у царя корщикомъ, а всѣ другіе ему будутъ помогать и повиноваться». Выбрали всѣ въ одинъ голосъ Антипа Панова, того самаго, что подъ наше селеніе съ войной приходилъ и святую вѣру пріялъ. Царь на это время пріѣхалъ и самъ и сейчасъ на корабль пришолъ, Антипа Панова за руку взялъ и вымолилъ: «На тебя полагаюсь—не потопи». Пановъ палъ въ ноги, побожился, прослезился; поѣхали. И пала имъ на дорогѣ зельная буря. Царь велѣлъ всѣмъ прибодриться, а Панову ладиться къ бе-

регу; а берегъ былъ подлѣ Унесихъ-Роговъ, самаго страшнаго мѣста на всемъ нашемъ морѣ. Ладился Пановъ умѣючи, да отшибала волна: не скоро и дѣло спорилось. Царю показалось это въ обиду; не вытерпѣлъ онъ, хотѣлъ самъ править, да не пустилъ Пановъ: «Садись, царь, на свое мѣсто: *не твое это дѣло*: самъ справлюсь!» Повернулъ самъ руль какъ-то ладно, да и врѣзался, въ самую губу врѣзался, ни за единъ камешекъ не задѣлъ и царя спасъ. Тутъ царь деньги на церковь оставилъ, и церковь построили послѣ (ветха она теперь стала, не служить). Сталъ царь спрашивать Панова, чѣмъ наградить его; пальъ Пановъ въ ноги, отъ всего отказался: «ничего-де надо!» Дарилъ царь кафтанъ свой, и отъ того Пановъ отказывался. «Ну, говоритъ: теперь *не твое дѣло*: бери!» Снялъ съ себя кафтанъ и всю одежду такую, что вся золотомъ горѣла, и надѣлъ на Панова, и шляпу свою надѣлъ на него; только съ кафтана пуговицы срѣзалъ, затѣмъ, слышь, золотыя это пуговицы срѣзалъ, что херувимы, вишь, на нихъ были *). И взялъ онъ Панова съ собой и въ дорогу; въ Соловецкой монастырь и въ Нюхчу привезъ, и на Повѣнецъ повелъ за собой. А въ Нюхчѣ нашей царь остановился подлѣ лудой Крестовой (такая невысокая, въ верстѣ отъ Пономаревой). У Върдегоры сдѣлана была царская пристань для кораблей; дѣсь теперь разнесло, остался одинъ колодезь, да по двумъ каменнымъ гудамъ еще можно признать это мѣсто. Они-де и песочкомъ были прежде обсыпаны. Теперь вода все это замыла и унесла **). Въ Нюхчу нашу

---

*) По болѣе достовернымъ письменнымъ свидѣтельствамъ видно, что царь подарилъ корячку свое мокрое платье, даже до рубашки, выдалъ 5 руб. на одежду, 25 руб. въ награду и навсегда освободилъ отъ монастырскихъ работъ. О послѣдующей судьбѣ Антипы Панова народное преданіе повѣствуетъ слѣдующее: царь Петръ, подаривши Антипѣ свою шляпу, даровалъ ему вмѣстѣ съ нею право бесплатно пить водку вездѣ, во всѣхъ царевыхъ кабакахъ, во всѣхъ избахъ, гдѣ бы и кому бы ни показалъ онъ эту шляпу. Пановъ этииъ лакомымъ правомъ не замедлилъ воспользоваться и неустанно злоупотреблялъ имъ до такой степени, что наконецъ опился и умеръ отъ запоевъ.

***) Я былъ на этихъ мѣстахъ, и только по указаніямъ рассказчика можно съ трудомъ различить удѣлѣвшіе признаки царской пристани; гуды камней действительно могли быть навалены руками человѣческими. Все рассказываемое здѣсь происходило въ 1702 г.

пришолъ царь со своимъ любимцемъ Щепотевымъ, погулялъ по ней, показавъ народу свои царскія очи. Деревню похвалилъ: «какъ-де не быть деревнѣ богатой — государево село». Жилъ онъ у насъ сутки цѣлые въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ наша церковь, а прежде стояли двѣ соловецкія кельи; для царевича былъ припасенъ другой домъ, крестьянской, на другой сторонѣ, супротивъ царскаго дома. На другіе сутки царь отправился по рѣкѣ нашей прямой къ дорогѣ, а строили эту дорогу цѣлой годъ всѣми волостями соловецкими; изъ разныхъ сторонъ народъ притнанъ былъ, нѣсколько тысячъ. Дорога эта такъ и покатить вдоль по рѣкѣ, подлѣ берега, верстъ на 14; тутъ *поворотъ* называется, и курганъ былъ наложенъ съ печь ростомъ, на самомъ крижу да на берегу (и теперь его знать, хотъ и сталъ онъ поменьше). Тутъ царь опросилъ: «Нѣтъ ли-де, да не знаютъ-ли, гдѣ бы можно водою проѣхать?» Сказали что нѣту. На ту пору подъ яхтами царскими стали подгибаться, а индѣ и совсѣмъ обваливаться мосты. Доложились царю, что не ловко-де ѣхать, никакъ не мочно, нудно-де очень (а ѣхалъ онъ на своихъ лошадяхъ, на корабляхъ привелъ ихъ изъ Архангельска). Велѣлъ царь на *берлинн* поставить — дѣсины такія сдѣлали въ родѣ лыжъ бы, али нашихъ кренъевъ. Такъ и потащили царскія телѣжки и яхты эти дальше къ Полузеру, гдѣ курганъ высокой знать теперь и кряжище дубовое. Пулозеро (40 верстъ отъ Нюхчи) оставилъ царь въ сторонѣ, вправѣ, и въ деревню не заходилъ, а пріѣхалъ въ деревню Колосъозеро; тутъ перешолъ мостомъ черезъ рѣчку, а затѣмъ волокомъ верстъ тридцать шолъ дикимъ такимъ и опять же по мосту. Въ дѣсу-то этомъ и доселева еще полосу, просѣку такую, сажени въ три въ ширину, запримѣтишь, хотъ мосты и заросли травой шибко. Изъ Колосъозера шолъ царь въ деревню Вожмосова *), оттуда ужъ плылъ по Выгъ-озеру и по Выгу-рѣкѣ на деревню Телейкину, черезъ рѣчки Мурому да Мягкозерскую. Оттуда опять по мосту, по болотамъ, да по дѣсамъ, на сорокъ верстъ до Повѣнца города. Гати по дорогѣ и до сей поры въ

---

*) Деревушка эта — собственно *Важмо-саама* — лежитъ у пролива на юго-восточномъ углу Выгъ-озера, въ 27 верстахъ отъ Пулозера. Здѣсь царь подарилъ хозяину дома, въ которомъ останавливался, кафтанъ.

примѣту. Прошелъ онъ, сказываютъ, всю эту дорогу (160 верстѣ) въ десять дней. А затѣмъ, сказываютъ, Онежскимъ озеромъ пошелъ, да рѣкою Свирию въ Ладожское. На озерѣ этомъ онъ городъ *) взялъ и положилъ подъ нимъ, сказываютъ, много народу. Шереметевъ попрекалъ его за это: «Зачѣмъ-де ты, царь, много народу положилъ? Лучше бы, слышь, пушку навелъ: и городъ бы взялъ скорѣе, да и народу бы-де потратилъ меньше!» У насъ тутъ, по дорогѣ-то по этой, одно мѣсто за примѣту, верстахъ въ 16 отсюда, зовется *гора Щепотина* — и вотъ почему. Щепотинъ этотъ избивалъ чѣмъ-то царскаго корщика Антипа Панова: щипалъ его, слышь, все сзади; подсмѣивался; въ обиду, знать, показалось, что тотъ обиду съ царемъ идетъ на Щепотиномъ мѣстѣ. Пановъ избивался; царь успокаивалъ-было его, мирилъ обоихъ. Пановъ на своемъ стоялъ: требовалъ закону и челобитную подалъ; царь принялъ и рѣшилъ Щепотина высѣчь, и высѣли его подлѣ этой горы, что зовется *Щепотиной*. Сказываютъ еще, что когда царь былъ въ Соловкахъ — оставилъ ящикъ денегъ съ наказомъ открыть его и тратить деньги тогда только, когда монастырь обѣднѣтъ».

Передавая рассказъ этотъ, я старался возможно вѣрно и посылно добросовѣстно держаться подлинныхъ словъ рассказчика, нюхоцкаго крестьянина Ф. Г. Поташева, происходящаго по прямой линіи (женской) отъ Панова. Подробности рассказа этого казались мнѣ тѣмъ болѣе интересными, что о переправѣ яхтъ и путешествіи Петра Великаго извѣстно немного, по короткимъ, отрывочнымъ свѣденіямъ, которыя можно найти у Рейнеке столько же, сколько у Пушкирева, и у послѣдняго столько же, сколько у лучшаго и добросовѣстнѣйшаго монографа Архангельской губерніи, Молчанова. Если изъ рассказа этого откинуть всѣ тѣ мѣста, которыя подлежатъ еще нѣкоторому сомнѣнію, какъ напр. о наказаніи Щепотина за такую ничтожную, темную вину (не имѣя подъ руками какихъ-либо вѣрныхъ источниковъ, я не могъ выслѣдить это событіе въ настоящемъ его видѣ), то все остальное кажется достойнымъ вѣроятія,

---

*) Орѣшекъ, названный имъ потомъ Шлиссельбургомъ — Ключомъ-городомъ, и крѣпость Нотебургъ при устьѣ Невы.

сколько по простотѣ разсказа и несложности событій, столько же и по тому обстоятельству, что времена Петра Великаго не далеки и не могли еще быть затемнены народнымъ вымысломъ и баснословіемъ. Въ разсказѣ нюхотскаго старика можетъ показаться баснословнымъ только преданіе о панькѣ, и то въ подробностяхъ. Голиковъ же, назвавшій кормщикомъ Петра именно этого Панова, а не соловецкаго лодейнаго перевозчика Антипа Тимофеева (уроженца Сумскаго острова *)), какъ-бы и слѣдовало, былъ отчасти справедливъ тѣмъ болѣе, что онъ могъ записывать самое свѣжее, самое живое преданіе и притомъ отъ самовидцовъ событія (сохранилось же это преданіе въ томъ видѣ и до настоящаго времени, до 1856 года!). Устряловъ, въ своей «Исторіи Петра Великаго», голословно отвергъ это преданіе и не могъ догадаться о томъ, откуда взялась у Голикова такая ошибка (см. «Исторію Петра Великаго», Спб., 1858, т. II, примѣч. 44). Архангельской народъ могъ увлечься особенною любовію къ своему собрату и земляку, одаренному царскими милостями, и на столько, чтобы по созвучію именъ, произвести его путемъ баснословія отъ заморскаго князя. Это въ духѣ народныхъ преданій всѣхъ вѣковъ и народовъ. Потому-то всѣ эти преданія достойны внимательной, строгой критической провѣрки, а не бездоказательныхъ опроверженій. Пановъ ли, другой ли кто ѣздилъ съ Петромъ въ Бѣлое море, но этотъ же кормщикъ могъ провожать царя на Повѣнецъ, и все-таки есть вѣроятіе предположить, что могъ объ немъ царь вспомнить и разыскать своею милостію еще одинъ разъ. Правда, что народъ перепуталъ и соединилъ оба событія въ одинъ годъ, тогда-какъ несчастной случай подлѣ Унскихъ-Роговъ произошелъ въ 1693 году, а яхты переправлялись уже въ 1703 году, какъ сказано. Но и перепуталъ народъ событія эти опять-таки, какъ намъ кажется, для того кормщика, въ лицѣ котораго онъ хочетъ видѣть одного изъ идеаловъ своихъ мореходцовъ, который сумѣлъ приложить добытыя дома мореходныя способности къ спасенію великаго царя отъ вѣрной гибели и въ самую критическую минуту жизни.

---

*) Крестьяниномъ Сумской веси названъ онъ въ Двинскихъ запискахъ и Антипомъ Тимофеевичъ въ грамотѣ архіепіскопа Алавердіа къ соловецкому архимандриту Фирсу отъ 18 Іюля 7202 (1694).

Спасенный Петръ цѣлыхъ три дня послѣ того жилъ въ ближайшемъ къ Унскимъ-Рогамъ Пертоминскомъ монастырѣ, пѣлъ и читалъ въ церкви, обѣдалъ съ монахами, своими руками соорудилъ огромной деревянной крестъ (хранящійся теперь въ Архангельскомъ соборѣ), собственными руками вырѣзалъ на немъ голландскими и русскими буквами слова: *Dat cruys taken kaptein Piter van A Ch. 1694. Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ, въ лѣто Христова 1694.*

Но обращаемся къ событіямъ третьяго посѣщенія Архангельскаго края Петромъ Великимъ, въ 1702 г., за которымъ слѣдовало взятіе Нотебурга (древняго Орѣшка, теперь Шлиссельбурга) и крѣпости Ніеншанца, стоявшей при впаденіи Невы въ Балтійское море.

Въ началѣ лѣта 1702 года (30 мая) Петръ I пріѣхалъ въ Холмогоры; здѣсь слушалъ литургію, пробылъ 1½ часа у архіепископа и отплылъ, вмѣстѣ съ царевнечемъ Алексіемъ, Меншиковымъ, многочисленной свитой и 4,000 войска, на дощаникахъ въ Архангельскъ. Пониже р. Уймы встрѣтилъ его воевода Ржевскій съ пушечною и ружейною пальбою. Прибывши въ Архангельскъ, Петръ приказалъ строить Новодвинскую крѣпость; 30 мая, въ праздникъ св. Троицы, слушалъ литургію, совершаемую архіепископомъ, и самъ пѣлъ съ пѣвчими. На другой день плавалъ на взятомъ (24 іюня 1697 г.) шведскомъ фрегатѣ въ Вавчугу и спустилъ тамъ съ Баженинской верфи два фрегата: «Курьеръ» и «Св. Духъ». Вернувшись въ Архангельскъ, царь присутствовалъ при освященіи церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ новопостроенной городской крѣпости, 29 іюня. Церковь украшена была знаменами и флагами и одарена отъ царя ризами, книгами, сосудами и проч. По выходѣ изъ церкви, царю салютовали изъ пушекъ. Онъ, долго стоя на балконѣ, наслаждался звуками пальбы и радовался ей. Отправившись въ собственной дворецъ, на Моисеевомъ острову, царь угощалъ здѣсь сановниковъ обѣдомъ. Для народа выставлены были бочки съ ренскимъ и простымъ винами и пивомъ. 6 августа царь выѣхалъ въ Соловки и 10 августа со всею свитою и войскомъ былъ уже тамъ. Царь прибылъ сюда на 13 судахъ. Царская флотилія, за противнымъ вѣтромъ, должна была остановиться, не доходя до монастыря, между островами Анзерскимъ и Муксалмами. Здѣсь до-сихъ-поръ еще примѣтны остатки тѣхъ трехъ

городковъ, или лучше большихъ кучъ дикихъ камней, которыми царь приказалъ навалить, на память посѣщенія этого мѣста. 10 августа флотъ остановился у Заяцкаго острова, возвѣстивъ монастырской братіи пушечной пальбою о прибытіи государя. Вскорѣ на небольшомъ ботѣ прибылъ въ монастырь и самъ Петръ Великій, вечеромъ, и былъ встрѣченъ въ воротахъ архимандритомъ Фирсомъ, еще прежде отъѣзда царя извѣщеннымъ черезъ стольника князя Ю. Ф. Шаховскаго. Архимандрита царь жаловалъ къ рукѣ и принялъ икону соловецкихъ чудотворцовъ, хлѣбъ и рыбу. Осмотрѣвши затѣмъ монастырскія стѣны, церкви, раку преподобныхъ, ризницу и оружейную палату и, послѣ всего, отужинавъ въ кельѣ архимандрита, отправился къ ночи на корабль. На другой день, царь снова пріѣхалъ въ монастырь съ царевичемъ Алексіемъ, слушалъ литургію, трапезовалъ съ приближенными своими вмѣстѣ съ братією *), вторично посѣтилъ ризницу, оружейную и тюремныя мѣста, былъ также у архимандрита, но провелъ ночь опять на кораблѣ. 12 и 14 августа Петръ Великій снова пріѣзжалъ на островъ и, въ это время, верхомъ на лошади, успѣлъ съ подробностію осмотрѣть монастырскія стѣны, окрестности, кирпичной заводъ; возвратясь, разсматривалъ монастырскія грамоты и тогда же приказалъ архимандриту Фирсу носить мантию со скрижалями (поматами), а жезлъ имѣть съ шишками и яблоками, на что въ тотъ же день и послѣдовалъ царской указъ. 15 августа архимандритъ, въ присутствіи царя, служилъ уже со всѣми вновь дарованными преимуществами. Царь стоялъ на клиросѣ и пѣлъ съ пѣвчими. Повелѣвши на островѣ Заяцкомъ построить церковь во имя Андрея Первозваннаго, царь и здѣсь также, около того мѣста, гдѣ стоялъ его флотъ, приказалъ навалить въ два ряда булыжникъ, едва примѣтной теперь.

«16 августа — говоритъ архимандритъ Досиѣей — государь, отправивъ молебствіе, со всѣми кораблями отплылъ къ пристани нюхощаго соловецкаго усолія, куда, по долгу благодар-

---

*) За трапезою царь замѣтилъ, что никогда такъ пріятно и сытно не ѣлъ, какъ здѣсь. «Это оттого, отвѣчалъ архимандритъ Фирсъ, что наша пища и питье приготовляются съ благословеніемъ и окропленіемъ святою водою» — какъ свидѣтельствуется объ этомъ случаѣ авторъ описанія Соловецкаго монастыря, архимандритъ Досиѣей.

ности за оказанныя милости *), послѣдовать и соловецкой архимандритъ Опрсъ съ нѣкоторыми іеромонахами изъ братіи. Они поднесли великому путешественнику икону угодниковъ соловецкихъ, а во флотъ доставили довольно провизіи, что и принято отъ нихъ съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности. На послѣдокъ, бывъ угощены на адмиральскомъ кораблѣ, получили милостивой отпускъ. Вскорѣ за симъ великій государь, сошедъ съ кораблей и отправивъ флотъ обратно къ Архангельскому порту, благоизволилъ путешествовать со всѣмъ войскомъ чрезъ Нюхецкую волость по новопроложенной монастырскими крестьянами мостовой дорогѣ къ озеру Онегѣ, на Повѣнецкой погостъ, лѣсами, мхами и болотами, на разстояніе 160 верстъ. Экипажъ государевъ со свитою и двѣ яхты съ пушками проведены сею же дорогою монастырскими крестьянами за довольноую плату. Въ послѣдующее время, по сему новопроложенному тракту, на содержаніе Соловецкаго монастыря крестьянъ, учреждены были почтовые станціи отъ Нюхи къ Повѣнцу на 120, а зимнимъ временемъ на 80 верстъ.

16 августа оставилъ я Нюхчу, но началъ дальнѣйшой свой путь подъ тѣми же неблагоприятными впечатлѣніями, съ какими въѣзжалъ въ это селеніе два дня тому назадъ. Карбасъ нашъ сѣлъ на мель у морскихъ пороговъ, до которыхъ мы въ первой путь не могли даже доѣхать. Нужно было дожидать прибылую воду, но переждать привелось ее на мошкахъ и нечотномъ множествѣ комаровъ, усыпавшихъ берега. Солнце свѣтило во всей своей силѣ; въ воздухъ было тепло. Оставалось припомнить всѣ обстоятельства, весь трудъ, съ какимъ пробирался нашъ карбасъ отъ самаго селенія между порогами и грудями наваленныхъ камней, при помощи сильныхъ рукъ гребцовъ-дѣвокъ, выходившихъ на берегъ или входившихъ по

*) Между этими милостями, архимандритъ Доскеевъ упоминаетъ о 200 пудахъ пороха, выданныхъ монастырю изъ казеннаго заготовленія въ городѣ Архангельскѣ. Монастырь тогда же препроводилъ къ царскому двору девять живыхъ нерпъ. (См. «Географическое, историческое и статистическое описаніе ставропигіальнаго первокласснаго Соловецкаго монастыря» архимандрита Доскеева. Москва, 1836).

когда въ воду. Оставалось, въ то же время, созерцать пастуха и коровъ, пасшихся на противоположномъ берегу рѣчки, и опять-таки сѣрую избушку, которая, на этотъ разъ, была уже не промысловая, не разволочная, а пастушья, что такъ замѣчательно-рѣдко попадаетъ во всея поморья. Все это могло бы унести воображеніе далеко-далеко, въ несравненно-лучшія, въ настоящія благодатныя мѣста и нарисовать болѣе родныя и свѣтлыя картины, если бы всѣ эти образы, на тотъ разъ, не разгоняло новое чувство съ иными проявленіями: этотъ путь отъ Нюхчи до Унежмы былъ послѣднимъ карбаснымъ путемъ, такъ сильно утомившимъ и опротивѣвшимъ втеченіе слишкомъ двухъ долгихъ мѣсяцовъ. Съ Унежмы начинался иной путь и новой способъ переправы, мною еще ни разу въ жизни неизвѣданный.

Помню, когда, къ неописанному моему счастью, проширкалъ нашъ карбасъ своей матицей—килемъ, для меня въ послѣдній разъ, по коргамъ и сталъ на мель, помню, что я нетерпѣливо бросился впередъ по мелководью оставшагося до берега моря въ бродъ; помню, что съ трудомъ я осилилъ гранитную, крутую вараку, выставившуюся мнѣ на встрѣчу и до того времени закрывавшую отъ насъ селеніе; помню, наконецъ, что осилилъ щелья, переползъ чрезъ всѣ другія спопутныя, перепрыгнулъ всѣ каменья, всѣ скалы и, освободившись отъ этихъ препонъ, бѣжалъ, бѣгомъ бѣжалъ въ селеніе. Я не замѣчалъ, не хотѣлъ замѣчать, что небо задернулось тучами и сыпало крупнымъ, хотя и рѣдкимъ дождемъ: я видѣлъ только одно—вожде ленное селеніе Унежму — маленькое съ небольшою церковью, которая скорѣе часовня, чѣмъ церковь; я ничего въ этотъ разъ не зналъ, что со мною будетъ дальше: такъ ли будетъ дурно, или еще хуже; я хотѣлъ знать и зналъ только одно, что меня не посадятъ въ мучительной карбасъ и не стѣснятъ меня будкой и капризами моря. Я хорошо зналъ и, признаюсь, какъ дитя, радовался тому, что привезшій меня карбасъ пойдетъ отсюда назадъ въ безпривѣтную Нюхчу, и что, если я захочу самъ, меня не повезутъ до Вѣрогоръ прямымъ, ближнимъ путемъ, но путь этотъ опять таки идетъ моремъ, опять-таки въ карбасѣ. Нѣтъ, лучше возьму дальнѣйшой, болѣе поучительной путь и, въ первой разъ въ жизни, попробую ѣхать верхомъ

во-что бы то ни стало, чѣмъ сяду опять въ докучливой карбасъ.

— Давай, братъ, мнѣ лошадей!

— Готовы, отвѣчалъ староста: — вещи на тѣлѣжку-одноколочку положу и самъ сяду, а то тебѣ марко будетъ и неловко сидѣть, грязью завидаетъ, да и коротка таратаечка: еле чемоданъ-отъ твой уложился. А вотъ и тебѣ конекъ. Не обезсудь, коли праховой такой, да не ладной: съна-то вѣдь у насъ не больно же много живетъ, а овсеца-то они у насъ съ роду не видятъ.

И мы ѣхали дальше, и я мчалъ во всю прыть, на сколько позволяли дѣлать то скудные силы моей клячи и чудная, гладкая дорога куйпогой, т. е. по песку, гладко обмытому и укатанному, до подобія паркета, недавно отбывшей водой. Видѣлись лишь калужины съ водой, еще не просохшей и застоившейся въ ямахъ; видѣлся мнѣ песокъ, несмѣтное множество бѣлыхъ червей, выползавшихъ изъ подъ этого песку на его поверхность; кое-гдѣ кучки плавнику—щепокъ, наметанныхъ грудями моремъ; видѣлся лѣсъ, чернѣвшій по берегу, рѣчонка, вылившаяся изъ этого лѣса, дальнія селенія впереди, изъ которыхъ одно было самое дальное — Вѣрзогоры; видѣлась назади едва успѣвавшая за мною одноколка съ моимъ чемоданомъ и ящикомъ; видѣлось, наконецъ, крайнее неудобство моего сѣдла, кажется, и дѣланнаго съ тою преимущественно цѣлю, чтобы терзать все, что до него касается: стремяна рванья, высоко поднятыя и неспособныя опускаться ниже. Я мчалъ себѣ, мчалъ во всю немногую силу своей лошаденки, пугливой и, въ то же время, къ полному моему счастью, послушной. Откуда взялись у меня силы; откуда взялось у меня умѣнье, удивившее даже привычнаго, приглядѣвавшагося къ дѣлу ящика? И неужели до такой поразительной степени справедлива поговорка, что нужда рождаетъ таланты? Какъ бы то ни было, но только въ четыре часа съ небольшимъ я успѣлъ сдѣлать на конѣ своемъ тридцать верстъ перегону до села *Кушеръки*. Вспоминались мнѣ уже здѣсь таможенные солдаты, бродившіе по улицѣ Унежмы, бабы, ребятишки, мужики, рассказы моего ящика о томъ, что здѣшней народъ весь уходитъ на Мурманъ; что дома иногда строятъ они суда и даже лодьи, промышленяютъ мелкихъ сельдей и навагъ на продольники; что попадаютъ также сѣги, что хлѣ-

божь пользуются они отчасти изъ слѣдующаго мнѣ по пути селенія Нименги. Вспоминаются при этомъ кресты, также, но обыкновенію поморскихъ береговъ, разставленные и по улицамъ покинутой мною Унежмы; видится, какъ живой, одинъ изъ такихъ крестовъ подъ навѣсомъ, утвержденнымъ на двухъ столбахъ; вспоминаются бабы на поляхъ, подсѣившія траву, перевертывая коротенькую косу — *юрбушу* съ одной стороны на другую; вспоминаются почему-то и зачѣмъ-то картины, развѣшенные по стѣнамъ станціонной квартиры «Диогенъ съ бочкой и Александръ Македонской предъ нимъ въ шлемъ»; «Крестьянинъ и Разбойникъ» (басня); «Къ атаману алжирскихъ разбойниковъ представляютъ бѣжавшую плѣнницу»; «Жена навилонская, апокалипсисъ глава седьмая-на-десять»; «Дмитрій Донской»; «О богачъ, дающемъ пиръ, и почему онъ не пришелъ», и проч. Но ожидаютъ новыя впечатлѣнія, требуютъ вниманія новыя серьезныя данныя, передъ глазами разстилается новое селеніе — Кушерѣва, людное, изъ большихъ и красивыхъ селъ Поморскаго берега. Село это строить малыя суда (лодки весьма рѣдко); за три версты до селенія по унежемской дорогѣ, въ трехъ сараяхъ варятъ соль: село имѣетъ церковь, не такъ древнюю и, вѣстѣ съ тѣмъ, неоригинальной архитектуры, имѣетъ рѣку—Кушу, мелкую, но бочажистую (янистую) и порожистую. Народъ ходитъ на Мурманъ; обрадовавшись уходу англичанъ, на этотъ разъ ушолъ туда почти весь. Ловится семга въ заборы, въ тѣже мережки, называемыя здѣсь уже нѣршами; попадають корюха, камбала; кумжу (форель) ловятъ сѣтями; ловятъ также по озерамъ мелкую рыбу для домашняго потребленія и по зимамъ удятъ навагъ для продажи. Сказываютъ также, что отъ того мѣста, откуда съ унежемской дороги видѣлась церковь Ворзогорскаго села, до этого послѣдняго, къ Онегъ прямымъ путемъ, можно считать версть 20, между тѣмъ какъ мнѣ придется совершать теперь до него 53 версты, не считая 9 верствъ крюку, который придется сдѣлать въ сторону отъ почтовой дороги, до села Нименги. Дугой вытянулся весь этотъ берегъ до Ворзогоръ и видѣнъ почти ясно и съ лѣсомъ, и съ чернѣющими домами двухъ-трехъ сплутныхъ деревушекъ. Видятся впереди этого лѣса и этихъ деревушекъ морскіе пески, гладко укатанные и далеко уходящіе въ море; на нихъ свободно и безбоязненно сидятъ крикливыя чайки, внимательно, хотѣ

и безцѣльно, устремившія свои зоркіе взгляды вдаль шумлива-го, вѣчно-плещущагося моря. Искалъ я и здѣсь старинныхъ бумагъ, и не нашолъ, какъ не нашолъ ихъ въ Унежѣ, какъ не нашолъ и въ слѣдующемъ за Кушерѣвкой селеніи Малошуйкѣ.

Отъ Кушерѣвки до Малошуйки считаютъ, почтовымъ трактомъ, 15 верстѣ. Дорога идетъ сначала горой, спускается въ ложбину, какъ будто въ оврагъ какой-то; подкова лошади не звенитъ о придорожной гранитъ и не врѣзывается въ рыхлую тундру или въ летучій песокъ. Влѣвъ видится узкая полоса моря, какъ говорятъ, на 8 верстѣ отошедшаго въ сторону; еще нѣкоторое время черѣветъ Кушерѣвка своими строеніями, отливаетъ крестъ ея церкви—и все это пропадаетъ по мѣрѣ того, какъ мы спускались въ ложбину. Тутъ шумитъ бойкая, по обыкновенію, говорливая рѣчка; черезъ рѣчку перекинутъ мостъ, на половину расшатавшійся, на половину погнившій. Вспоминались мнѣ на эту пору предостереженія кушерѣвскаго ямщика, подведшаго ко мнѣ лошадь съ такимъ оговоромъ:

— Конекъ маленькой, а не обидитъ тебя: нарочно такого про твою милость выбралъ.

Оставалось, конечно, поблагодарить; я и сдѣлалъ это.

— Только ты подъ устцы его не дергай — на дыбы становишься, сбрасываетъ. Не щекоти опять же — задомъ брыкаетъ; не хлещи — замотаетъ головой, замотаетъ, не усидишь, хоть какой будь привышной. По веснѣ-то его гадъ (змѣя) укусилъ *).

— Такъ ты бы попользовалъ его.

— Пользовалъ: травы парили.

— Какія же?

— Голубенькіе такіе бываютъ цвѣточки...

— Словно бы колокольчики! добавилъ другой мужикъ.

— А ты бы, Нижнеорушко, кансарой примочилъ, вступился третій.

— А ладно, отвѣчалъ Нижнеорушко:— есть кансара-то; разнощики, вишь, у насъ въ деревнѣ-то живутъ: есть, чай, у нихъ. Ладно-ну!

---

*) Змѣй на всемъ западномъ берегу Балаго моря очень много, но за то лагушекъ видѣ не видно, въ особенности сѣвернѣе Кеми.

Лошадка, вопреки предостереженіямъ, оказалась бойкою, не брыкливою и не тряскою, такъ-что я успѣлъ даже придаться ѣхать на ней вскачь, особенно послѣ того, какъ дорога изъ ложбины потянулась въ гору. Тянулась дорога эта по косягорюю, вается, двѣ-три версты; скакалъ мой конекъ, для котораго достаточно было одного только взвизга, легкаго удара поводешъ, и вынесъ меня на гребень горы, на которомъ только-что могла умѣститься одна дорога: такъ узокъ и обрывистъ былъ этотъ гребень. Узенькимъ, хотя и замѣчательно гладкимъ рубежкомъ шла по этому гребню почтовая тропа, достаточная, впрочемъ, для того, чтобы пропускать верховаго и потомъ одноколку также съ верховымъ. И одноколка, съ трудомъ поспѣвая за мной, плелась себѣ впередъ, не задѣвая ни за придорожные пни, ни за сучья. Мы продолжали, между тѣмъ, подниматься все выше и выше; казалось, и конца не будетъ этой горѣ и этому гребню; казалось, уведутъ они насъ высоко-высоко и покажутъ дальнее море, ржавое болото, но и только. Но вотъ впереди насъ на спутномъ холмикѣ показался крестъ подъ навѣсомъ; рядомъ съ нимъ другой; гора здѣсь какъ-будто надломилась и пошла впередъ отлого, внизъ, замѣтно не круто, какими-то тересами, пристуцями. Но ѣхать дальше было невозможно. Я, какъ прикованный, остановился на одномъ мѣстѣ и, какъ видно, самою высокою мѣстѣ горы и дороги на половинѣ станціи, какъ предупреждалъ ямщикъ раньше; ямщикъ говорилъ еще что-то и долго и много, но и уже не слушалъ его: я былъ всецѣло обхваченъ чарующею прелестію всего, что лежало теперь передъ моими глазами.

Высокія березы и сосны, не дряблыя, но вѣтвистыя, съ бойкою крупною зеленію, проважавшія насъ на гору, здѣсь раздвинулись, нѣсколько порѣдѣли и какъ-будто именно для того, чтобы во всей прелести и цѣльности открыть чудныя окрестныя картины. Пусть отвѣчаютъ онѣ сами за себя; пусть очаровываютъ онѣ отвыкшее отъ подобныхъ картинъ око, забывшее объ нихъ на однообразіи прежнихъ поморскихъ видовъ. Влѣво отъ дороги, по всему откелону горы, рассыпалась густая березовая роща, темнившая, уничтожавшая тяжелый, густой цвѣтъ хвойныхъ деревьевъ, примѣтныхъ только при внимательномъ осмотрѣ. Роща эта сплошною, непроглядною стѣною обступила зеркальное озеро, темное отъ густой тѣни, наброшен-

ной на него, темное оттого, что ушло оно далеко внизъ, разлилося подъ самой горой, полное рыбы, полное картинной прелести, гладкое, невозмущаемое, кажется, никогда ни одной волной. Солнце, разливавшее всюду кругомъ богатой свѣтъ, не проникало туда ни однимъ лучомъ, не посмѣло нарушить царствовавшаго тамъ мрака, картиннаго, своеобразнаго мрака. Мракъ этотъ сливался съ тѣнью берега, сливался съ мракомъ густой прибрежной рощи и тотъ же мракъ растилялся по всему протяженію этой рощи, поднимавшейся на берегъ озера, также въ-гору. Видно было, какъ постепенно склонялась эта роща на дальнѣйшомъ своемъ протяженіи, рѣдѣла замѣтно, переходила въ кустарникъ, пропадала въ этомъ кустарникѣ, пропадалъ и этотъ кустарникъ въ сполупутномъ пескѣ. Песокъ тянулся немного; на него уже плескалось, набѣгало волнами своимъ море, у самаго почти горизонта, далеко—далеко. Узкой полосой, черной, также зеркальною, видѣлось это море; словно озеро, тянулось дальше вправо и влѣво на неоглядную даль, которую уже не могъ пронизать самой зоркой глазъ, проникнуть самое быстрое воображеніе. Ничего не видать было на этой дали, кромѣ песку и моря, ничего не слышать было оттуда: далеко отошла вся эта картина въ сторону, такъ чудно завершаемая у подножія горы нашей тѣнистой рощей и зеркальнымъ, темнымъ озеромъ. Направо, по горѣ, тянулся тотъ же густой, безпросвѣтной лѣсъ и уже недолго: на нашихъ же глазахъ быстро обрывался этотъ лѣсъ и не переходилъ уже въ кустарникъ, а прямо въ топкое, ржавое болото. Безпріютная, мертвенная краснота этого болота, богатаго морошкой, кочками, гадами, больно била въ глаза, какъ нѣчто бессильно противорѣчащее со всѣмъ видѣннымъ прежде. Какъ разбитыя стекла, какъ свѣтлыя пятна, отсвѣчивали и искрились на солнцѣ и играли бойкими отблесками эти ямы болота, которыя по мѣстамъ разбросались по немъ безцѣльно и безпривѣтно, и опять мертвенная ржавчина, убивающая всякую жизнь, всякое случайное поползновеніе къ этой жизни. Я оторвалъ глаза отъ этой смерти направо; я не хотѣлъ сравнивать ее съ жизнью, изобиліемъ, царствовавшимъ въ той же рощѣ, въ томъ же озерѣ, наконецъ, въ томъ же дальномъ морѣ. Я уже боялся встрѣтиться съ безжизненностью болота въ другой разъ, переносилъ взоръ свой на дорогу и здѣсь встрѣчалъ смѣлую, нетѣснимую ничѣмъ, свободную жизнь: кру-

жились мириады пестрыхъ, разноцвѣтныхъ бабочекъ, словно не боялись онѣ, что попали какъ-будто не въ свое мѣсто, что не дальше, какъ за версту, разстигалось безконечное, тысячеверстное корельское болото; словно и дѣла имъ не было до того! Здѣсь также, какъ и вездѣ по всему бѣломорскому побережью: берега обнажены и сѣверные вѣтры истребляютъ всякую растительность. Но стоитъ отойти немного верстъ—попадаются деревья, За то лишь только высокій берегъ защищаетъ почву съ сѣвера—является растительность, какой вовсе нельзя ожидать, судя по географической широтѣ. Въ началѣ весны, когда начинается цвѣсти черемуха — первое дерево, привѣтствующее своими бѣлыми частями, наступленіе лѣта въ нашомъ климатѣ,—аконитъ въ полномъ развитіи цвѣтовъ. Природа истощаетъ послѣднія силы свои, рѣшительно раззоряется, чтобы нѣсколько оживить и украсить эти мертвыя страны. Въ Петербургѣ аконитъ цвѣтетъ почти въ осени, на Бѣломъ морѣ онъ въ лѣту въ ростѣ человѣка. Между деревьями глядѣли голубенькіе цвѣточки, между ними какъ будто запутался заблудившійся василекъ, отдавали своимъ свѣжимъ, нѣжнымъ запахомъ анютины глазки, еще какіе то не архангельскіе цвѣты; тутъ же видѣлась отарѣвавшая, съ пожелтѣлыми листьями морошка; выползалъ изъ подъ гнувшейся хвой и листвы здоровый, сочный масляникъ, весь облитой словно масломъ можетъ-быть, на нашихъ же глазахъ проточившій свою головку на свѣтъ Божій; видѣлись, наконецъ, бѣлые грибы, красноголовые боровики, видѣлось много... видѣлась, однимъ словомъ, иная жизнь, царствующая только вдали, тамъ, гдѣ у народа одна забота — поле, одно попеченіе — лѣсъ и покосы, и жнива, и которой здѣсь какъ-будто лишнее, не свое, не должное мѣсто. Здѣшній народъ отвыкъ, даже незнакомъ съ такими мѣстами и могъ бы обойтись безъ нихъ: только значеніе праздничнаго зрѣлища для отдыха и нѣкотораго успокоенія можетъ имѣть для нихъ вся эта мѣстность, отъ которой глазъ бы не отрывалъ, къ которой бы вернулся еще разъ, и третій, и десятой разъ. Столько въ ней было прелести, столько въ ней было чего-то, что унесло меня въ дальнія, знакомыя мѣста, обхватило самыми свѣжими воспоминаніями о давно покинутыхъ мѣстахъ для иной жизни, для иныхъ обязанностей: въ нихъ уже немного поэзіи и нѣтъ очарованій!

— Что заглядѣлся долго: али ужъ хорошо больно?

И ямщикъ, стоявшій все время, поѣхалъ впередъ; я бессознательно повиновался ему.

— Гора, вишь, здѣсь, самое высокое мѣсто, такъ и брать глазъ-отъ далеко — оттого это. Малошуйскія бабы за грибами сюда ходять; много грибовъ по горѣ-то этой живетъ; попадаютъ и бѣлые: сушатъ, во щахъ ѣдятъ по постамъ... Морошку-то мочать больше, а то и такъ ѣдятъ — говорилъ мой ямщикъ во все то время, когда исчезала отъ насъ часовня; ступовывались всѣ эти чудные виды; но я еще долго не отрывался отъ нихъ, нѣсколько разъ поднимался снова наверхъ къ часовнѣ и всякой разъ встрѣчалъ отъ ямщика наставленія:

— Пора, ваше благородье, на мѣсто: стемнѣетъ, хуже будетъ: дорога за Малошуйкой самая такая неладная, что и нѣтъ ея хуже нигдѣ. Полно, будетъ!

Ровная, какъ доска, дорога сбѣжала съ горы, повернула въ кустарникъ, бѣжала между дряблыми болотными деревьями, выбѣжала на берегъ рѣки, вела этимъ берегомъ; но впечатлѣнїя, навѣянные мнѣ чудными нагорными видами, преслѣдовали меня всецѣло, возставали какъ живыя, какъ наглазныя. И опять вспоминался приволжской край, и опять воспоминанія эти въ моемъ воображеніи не теряли своего мѣста, но приходили съ новой силой, съ новыми подробностями. Разстлавшіяся поля, ржаныя и яровыя, и теперь передъ глазами; попадались бабы съ серпами на плечахъ и съ серпами, подбиравшими на жнивѣ пучки захваченныхъ въ руку колосьевъ. Но вотъ опять болото раскинулось по дорогѣ; по болоту пошла гать, размытая дождями, съ грязными выбоинами, съ погнившими и оголившими свои сучья бревнами. И все-таки я былъ счастливъ, несказанно счастливъ, какъ ни разу во всѣхъ лѣтнихъ переѣздахъ своихъ по побережьямъ своеобразнаго, но утомительнаго Бѣлаго моря. Оно покажется мнѣ еще раза два-три, но издали, на послѣднее прощанье и уже около самаго Архангельска. Теперь...

Село Малошуйка большое, раскиданное по двумъ берегамъ довольно широкой рѣчонки. Встрѣчаетъ оно меня своими большими домами, деревянной, еще не старой церковью; а оставшіеся дома жители его рассказали о томъ, что село это нѣкогда, до штатовъ, приписано было къ Кожеозерскому монастырю (существующему еще до-сихъ-поръ вверхъ по р. Онегѣ); что они стрѣляютъ птицъ и деньгами отъ продажи ихъ опла-

чиваютъ государственныя повинности; бьютъ и морскихъ звѣрей, ловятъ и рыбу, но въ незначительномъ количествѣ; что большею частію они, по гѣтамъ, также выбираются на Мурманъ и строятъ суда, но немного; что, наконецъ, *отлучаются* и въ Питеръ для черновыхъ работъ, на которыя укажетъ случайность и личной произволъ хозяевъ. Прежде занимались въ селѣ Малошуйскомъ хлѣбопашествомъ, но теперь производится это въ меньшихъ размѣрахъ, оттого-де, что земля неблагоприятна, а вѣроятнѣе оттого, что сманили богатые сосѣди — океанъ и море. По церковному «Памятнику» видно, что церковь (рѣченія освящена, въ 1600 году, по благословенію новгородскаго митрополита Евѣмнія, а другая церковь (холодная), Николая Чудотворца, сооружена въ 1700 году. Обѣ церкви эти существуютъ и въ настоящее время, и обѣ заново обиты тесомъ. Жители здѣшніе еще держатся православія и только незадолго до моего пріѣзда вывезены отсюда въ Онегу два раскольника, явившіеся было сюда проповѣдывать старый законъ и исповѣданіе. Рассказываютъ еще, какъ-бы въ дополненіе ко всѣмъ этимъ свѣденіямъ, что у самаго почти селенія есть небольшой, сажень въ 50 высокою, обсыпавшійся курганъ, который сохраняетъ еще новое преданіе о набѣгахъ паньковъ (литовскихъ людей) и тяжелою времени *паньщины*. Сюда будто-бы малошуйской народъ, провѣдавъ о скоромъ набѣгѣ непріятелей, спрятали свои богатства въ трехъ цѣрнахъ (котлахъ): въ одномъ положено было золото, въ другомъ серебро, въ третьемъ мѣдь. Цѣрны эти покрыты были сырыми кожами, засыпаны землей, образовавшей этотъ холмъ, или челпанъ—по-здѣшнему говору, и зачурованы крѣпкимъ заговоромъ. Никто не можетъ взять этого клада (пробовали нѣсколько разъ, разрывали гору); откроется и скажется: выйдетъ наружу кладъ этотъ тогда, когда явятся сюда семь Ивановъ, всѣ семь Иванычей, всѣ одного отца дѣти. Узнаютъ объ этомъ московскіе купцы — придутъ и раскопаютъ...

Преданіе объ этихъ панькахъ не пропадаетъ и дальше, и еще разъ встрѣчается при имени слѣдующаго за Малошуйкой селенія Вѣрзогоръ, которое будто бы называлось прежде *Вѣрзюры* и по той причинѣ, что первое заселеніе этого мѣста начато *ворами*, тѣми же паньками, основавшими здѣсь свой главной притонъ. Поселившись на высокой горѣ, паньки эти—во-

ры—прямо изъ селенія могли видѣть всѣ идущія по р. Онегѣ и по Бѣлому морю суда, всякаго ѣдущаго по нименгской и малошуйской дорогамъ. Преданіе это присовокупляетъ далѣе еще то, что ворзогорскіе воры грабили окрестности и потомъ, когда приписаны были къ Нименгѣ, селенію, брошенному въ сторону отъ почтовой дороги, на рѣкѣ того же имени, занятому вываркой соли въ одномъ чренѣ и заселенному, какъ говоритъ тоже преданіе, еще во времена Іоанна Грознаго. Рассказываютъ также, что въ Малошуйкѣ жила въ нѣкогда богатырь Ауровъ, который-де, что сѣно косилъ, побивалъ дубиной нападавшихъ на селеніе паньковъ съ бердышами, которые были-де какъ грабли, по формѣ своей и внѣшнему виду. За Нименгой въ бологахъ (рассказывали другіе), лѣтъ тому восемьдесятъ назадъ, семь бѣглыхъ образовали было селеніе, относительно людное и большое; но одинъ случай, причиною котораго было поповленіе къ свальному грѣху одного изъ поселенцовъ—и именно убійство за то виновнаго пѣшней, въ потьмахъ въ сѣняхъ — уничтожило дѣло поселенцовъ въ самомъ началѣ. По случаю убійства этого, навѣхалъ судъ и разогналъ всѣхъ поселенцовъ; теперь уже нѣтъ селенія, а обитатели его спокойно перебрались въ сосѣднія, оженлись тамъ и незамѣтно пропали въ массѣ защитонныхъ правами законовъ обитателей.

Въ Малошуйкѣ свадьба: крестный отецъ — по старинному новгородскому обычаю, которому слѣдовала, можетъ быть, и Марфа Посадница, выходя замужъ за Исака Борецкаго—крестный отецъ (или брудга крестная мать) сходилъ сватомъ, вызвалъ невестина отца въ сѣни (непремѣнно въ сѣни), говорилъ съ нимъ, улавъ вѣсть о намѣреніи въ невестину избу; разнесли ее бабы по деревнѣ.

— Находить на дѣло!—защebetала и невестина и женихова бабья родня. Надо ладить жениховой роднѣ подарки: будущему свекру: ситцевую рубаху, холщовые порты, будущей свекрови—штофъ на сороку, которую сладить она въ видѣ копыта и положить въ сундукъ, если заразилась отъ молодыхъ дѣвокъ городской модой. Ей же припасаетъ невеста красной холстины на сорочку (которую по Бѣлому морю рубахой не называютъ). Золовкамъ пойдетъ штофное очелье къ дѣвичей повязкѣ; деверьямъ по ситцовой рубахѣ, да вмѣсто стариковыхъ портовъ по ивановскому платку съ цвѣточками, либо съ городочками. Же-

никовъ отецъ или самъ женихъ дають невѣстину отцу деньги «на подъемъ», т. е. на вино.

Если злые люди свадьбы не расхиятъ (не разстроятъ), если не увѣрятъ въ томъ, что невѣста «кросень разставить не толкуеть» (т. е. не умѣетъ ничего дѣлать) быть представленію сложному, многотрудному.

Зажогши свѣчу и помолвившись иконамъ, начинаютъ пить малое рукобитье: дѣло кончено, по рукамъ ударено и малое рукобитье выпито. Теперь за «большимъ» стоять дѣло. Ходить невѣстинъ отецъ по знакомымъ, всякаго просить. молитветуется: «Господи Иисусе Христе Сыне Божій! Иванъ Михайлычъ загошти ко мнѣ хлѣба-соли кушать, на винну чарку». Невѣста съ дѣвушками идутъ въ свою бесѣду, которая называется «заплачковой». Она прощается поочередно съ каждой подругой. Женихъ посылаетъ двухъ парней съ угощеніями. Съ ними приходитъ и невѣстина крестная мать, съ «почолкомъ» или повязкой съ двумя рогами, вышитой на серебрѣ кемскимъ жемчугомъ, которую и надѣваютъ на невѣсту. Теперь, само собою разумѣется, плакать. Невѣста плачетъ и вычитываетъ:—стиховодничаетъ, подруги подголосничаютъ, помогаютъ стихи водить такіе:

Не во саду-то я бѣдная обидѣлсе,
Не на садѣ-то я, бѣдна, оглядѣлсе,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазоревы.
Не вода надо мной разливается
Не огонь надо мной разгорается:
Разгорается мое зяблое сердце ретивое
Разливаются мои горькія слезы горячія
По бледному лицу—не румяному.
Что за чудо — за диво великое
Прежде зтыя поры—прежде времени
Сидѣла я глупа косата голубушка
Въ собранной своей тихой бесѣды смиренныя
Не бывала крестовая ласкова матушка
Со хорошей-то моей дорогой воли вольныя.

Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя
Не расплетайте моей русой косы красовитыя
Два востраго ножа, два булатнаго
Обрѣжьте свои бѣлыя опальныя рученьки—

поетъ невѣста такъ потому, что въ это время расплетаютъ ей

косу торопливо и скоро, — скоро по той причинѣ, что та дѣвушка, которая выплететъ изъ косъ ленту раньше, беретъ себя эту ленту *). Окончаніе пѣсни обязываетъ невѣсту на новой обрядъ. Она «даваетъ добровъ», т. е. при каждомъ стихѣ ударяетъ правымъ кулакомъ въ лѣвую ладонь и кланяется въ поясъ; послѣ нѣсколькихъ такихъ поклоновъ падаетъ въ ноги тому, кому даетъ добровъ и, поднявшись съ полу, обнимаетъ. Давая добровъ крестной матери, спрашиваетъ (съ подголосницами): «по чьему входишь повелѣнью ды (sic) благословленью, — со слова ли, съ досаду ли ласкотниковъ — желанныхъ родителей, не отъ своего ль ума да отъ разума?» Отвѣтъ заключается въ самой пѣснѣ. Невѣсту накрываютъ платкомъ и уводятъ изъ избы съ пѣсней:

Послушайте, мои милыя подруженьки любовныя!
Пойдемте вонъ со тихія бесѣды смиренныя:
Пришли скорые послы да незастѣнчивые.

Идя по улицѣ, поютъ о надеждѣ заступы милыхъ, ласковыхъ братьевцовъ: «сполна-де пекетъ красное солнышко угрѣвное, — во родительскомъ домѣ — тепломъ витомъ гнѣздышкѣ сидятъ они вкупѣ во собраніи, весь-то родъ плема ближонное. Теперь слава тебѣ Боже—Господи! не бѣдная ды (sic) не обидная».

Если у невѣсты умерли братья либо на чужой сторонѣ на петербургскихъ лѣсныхъ дворахъ, либо погибли на морѣ, — невѣста споетъ на улицѣ добавокъ:

Собрались бы сошались
Изъ славныхъ-то питембургскихъ городовъ
Со печальнаго снѣга селова моря.

Если братья умерли дома, надо прибавить такъ:

Со окать со горы со Никольскія **).

---

*) Въ селѣ Шуѣ сохранился еще обрядъ разлученія съ дѣвчечьей повязкой. Невѣста прикладываетъ ее къ обѣимъ щекамъ и кладетъ на окошко, когда плачетъ-подголосница дѣвушка (которую обыкновенно сажаютъ на стул) поетъ заплачку: «брошу я за свѣтло окошко косящето, — пусть по-выростетъ садъ—винограды зеленые, обидится чужа дорога круглоскатна жемчужинна на садъ—винограды зеленое. Позабудемъ младу касатку голубушку». Впрочемъ у заплачекъ этихъ конца нѣтъ; такъ напр. въ селѣ же Шуѣ плачется невѣста и о томъ, что матушка дернички сошила (вязаные шерстяные нарукавники): тепло въ нихъ было рыбу ловить.

**) На Никольской горѣ находится кладбище.

Между тѣмъ кончилась улица, пришли къ лѣтницѣ. На лѣтницу эту вызываютъ родную мать для встрѣчи, безъ матери «не несуть ножки рѣзвыя во часту во студенчату лисвѣнку, какъ севодня до посегоднешнему». Когда выйдетъ мать со тонкимъ-то звучнымъ со голосомъ, со умильной-то со гораздой со причетью,—стихи поютъ ей спасибо.

Приходятъ въ сѣни,—опять заплачка:

Становись моя поневольная млада головушка
Середь новыхъ-то сѣней перѣныхъ.

Въ сѣняхъ снимаютъ съ головы платъ съ новой заплачкой:

Теперь скину свои очи ясныя
Оведу кругомъ новы сѣни перенныя.
На которой стѣны ограды бѣлокаменные
Стоять чудныя Спасы многоименныя.

И молитва:

Помолитесь было сизой косатой голубушкѣ
Богу Спасу, Пресвятой Богородицы, —
Придучись со пути—со дорожки широкія.

Затѣмъ невѣста здоровается съ сѣнями (конечно стихами же):

Вы здорово новы сѣни перенныя
Кругомъ свѣтлыя окошка косесчатыя
Кругомъ бѣлыя брусовыя лавочки.

Потомъ зоветъ подругъ въ домъ, приговариваетъ къ дому и себѣ, садясь на лавку въ пещенѣмъ (печномѣ) углу; потомъ опять стиховная молитва ко Господу и Пресвятой Богородицѣ и Николѣ Угоднику.

Свѣтъ Сударь Никола многоименной!
Попусти тонкой молодой невзвучонъ голосъ.
Случилось слышать сизой косатой голубушкѣ
Отъ чужихъ то отъ младыхъ отъ ясныхъ отъ соколовъ
Черезъ три губы сина солона моря
Есть мощи-ты среди сина солона моря.
На зеленомъ-то высокомъ на островѣ
Стоитъ божья церковь пресвященная.
Благословите же Соловецкіе преподобныя чудотворцы многоименныя
Попустить тонкой молодой невзвучонъ голосъ
По родительскому теплому вѣтому гвѣздушку.

Попускаетъ невѣста звучонъ голосъ къ родителямъ, какъ

бы опомнившись, что забыла спросить и благословиться у нихъ: «чей домъ, того воля довольная». Затѣмъ плачь о своей воли: «прости вольная волюшка! Оставайтесь все шуточки-глумочки у родителей въ дому. Прошла теперь волюшка у красныхъ солнушковъ. Пошла я повыступила во женско печально, житье подначально. Не своя теперь воля-волюшка: День пройдетъ, даваячи, другой слова дожидаячись; третій похоячись (т. е. наражаючись): вотъ и вся недѣлька семиденная прошла—прокатилася. Приношу благодареньицо, что дровичи да нѣжили, крутили (наряжали) да ладили». Вставши съ лавки изъ печнаго угла она идетъ давать отцу «здоровъ». «Здоровъ» этотъ подлиннѣе всехъ и покладнѣе:

Распаянтесь-ко народъ. люди добрые,
 Чужи бѣлые хороши лебедочья
 Дайте несомношечко пути дорожки широкія
 Со одну дубовую моставничку:
 Пройти—проплыть сизой косатой голубушкѣ
 На родительской домъ тепло витое гнѣздушко
 Передъ бѣлые столы передъ дубовые.
 Могу ли усмотрѣть дитя бѣдное
 Сявозъ туманъ горьки слезы горячія
 На которой бѣлой брусовой на лавочки
 Пекеть красное сонцо угрѣвное, —
 Сидятъ мои желанные сердечны родители

. . . . .
 Пропиваютъ меня сизу косату голубушку
 Во злодѣйку—неволю великую.
 Послушайко, желанный родитель-батюшко
 За наку вину—опалу великую
 Отдалъ да обневолилъ во злодѣйку—неволюшку?
 Развѣ не трудница была не работница,
 Не вѣрвая слуга все измѣнная,—
 Измѣнила ль тебѣ, красное солнце угрѣвное
 У всякаго зелья—работы тяжолыя?
 Не берва была краснымъ наливнымъ яголкамъ?
 Не ловѣя была свѣжія рыбы трепущія?
 Развѣ укорять тебя стала упрекать
 При толпахъ тебя—при артедяхъ великинхъ
 При славныхъ царевыхъ при кабакахъ?
 Лучше найми меня въ казачихи-нахлѣбницы
 Возми собину счотную—золоту казну
 Заплати-ко чужимъ яснымъ-то соколамъ
 За проторы убытки великіе
 За довольное хмѣльно зелено вино.

Старикъ въ началѣ пѣсни сидитъ задумчивой и такъ какъ стихи водятся самымъ заунывнымъ голосомъ, то и нѣтъ того отца, у котораго не растопила бы эта заплачка сердце и который бы не рыдалъ за всю избу. Плачь становится общимъ. Невѣста, которой уже надорвали нервы до того времени, плачетъ изподтишка; кланаясь въ ноги—съ трудомъ поднимается, обойметъ отцову шею да и скатится головой на плечо. Рядкая изъ невѣсть допѣваетъ стихи благодарственные сначала отцу, потомъ матери, братьямъ и всѣмъ семейнымъ по тому же порядку, въ какомъ пишутъ письма роднымъ съ чужой стороны. Благодарятъ за невѣсту подруги ея и за то, что давали много вольной воли, дозволяли ходить—гулять по гульбамъ—прохладамъ, по тихимъ полуночнымъ вечеринкамъ; надѣяли покрутой—покрасой великой, что дивовался народъ—люди добрые, завидовали милымъ подружки-лебедушкамъ.

Когда выберутся изъ избы гости, невѣста одѣваетъ дѣвушекъ одну баринномъ, другую барыней. Барина въ синій кастанъ; барыню въ хорошую шубейку и платокъ. Эти двое идутъ къ жениху съ пѣснями и отдають ему честь поклономъ отъ невѣсты. Посланныхъ сажаютъ за столъ и подчуютъ виномъ или водкой. Рядкая изъ нихъ не выпьетъ при этомъ двухъ-трехъ рюмокъ, стараясь вернуться къ невѣстѣ пошатываясь, какъ бы пьяными. По дорогѣ проказать: у холостыхъ ребятъ опрокидываютъ на дворахъ костры дровъ, загоразиваютъ дорогу въ ворота дровнями, санями и проч., что попадетъ подъ руку. Выбираютъ разумѣется тѣ двory, гдѣ понужнѣе и поприятнѣе. Чаше же всего затаскиваютъ дровни на рѣку и запикиваютъ въ прорубь.

Возвратившись къ невѣстѣ,—начинають гулять; заунывные пѣсни смѣняють на веселыя. Захватившись въ кругъ руками, вертятся, притоптываютъ и поють такую пѣсню:

Бражка тв, бражка моя
Да и — и — ихъ — и!
Дорога бражка поссучена была
На ручью-то бражка ссученая,
На полятахъ рассоложена
Да на эту бражку нѣту питуховъ
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ.
Я послалъ мужа въ честномъ пиру была
Со боярами состоляничала.

Супротиву холостова сидѣла
Супротиву на скамѣчки
Ужъ я пьяна я непьяная была
Я кокошничокъ въ рукахъ несла
Подзатыльничокъ подъ поясомъ.

И пошла крутить гульба до упаду. Нѣкоторыя дѣвушки остаются ночевать у невѣсты.

Утромъ приходитъ отъ жениха дружки—два холостые парня будить невѣсту, которую подруги стараются спрятать какъ можно дальше *). Прячутся и сами подъ одѣяла, шубы, солому, кастаны, укрывая лицо для того, чтобы дружки дольше не могли прознать гдѣ спитъ невѣста. Къ этой путаницѣ дружкамъ не одинъ разъ доведется понапрасну прочесть молитву и поднять съ постели не ту, которую слѣдуетъ. Того, кто показалъ невѣсту, дружки благодарятъ калачами **). Будятъ невѣсту такой молитвой: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, княгиня первобрачна (иия ревъ) стань убудись, отъ крѣпкаго сна прохватись: бѣлой свѣтъ спорыдаитсе, заря размыкаетсе; на улицѣ собаки лають, ребята играютъ, по боярскимъ домамъ соловьи свищуть, по крестьянскимъ домамъ пѣтухи поють, печи топятся. Свинувъ одѣяло, невѣста начинаетъ стиховодничать; въ стихахъ выражаетъ сѣтованіе, что вотъ будила родная матушка, сегодня убужаютъ чужи младые ясны соколы. У всѣхъ были перины пуховыя, тепло одѣяло соболиное,—у ней, у невѣсты, вмѣсто перины три ряда сѣрыхъ валючихъ камешковъ, одѣяломъ была бѣлая льдина холодная. Во снѣ она видѣла, что подъ свѣтлымъ окошкомъ косесчатымъ стоитъ тихое приглубое озеро; въ немъ плаваютъ сѣрыя водоплавныя утушки; у нихъ подобрано легкое крылье утинное; у одной это крылушко распущено. Эти утушки—подружки любовныя; у нихъ зачесаны младые буйны головы. Только у ней одной распущены тонкіе вольные волосы.

А потому зовутъ мать чесать голову; просятъ найти ее хо-

---

*) Архангельскіе дружки замѣчательны тѣмъ, что въ числѣ своихъ атрибутовъ они снабжаются колокольчиками. Ихъ они не выпускаютъ изъ рукъ и, куда бы ни пошли, равномерно побрякиваютъ.

***) Бѣломорскіе калачи, глухіе кулебячки въ родѣ московскихъ стѣбней съ солеными сельдями, изъ ржаного и пшеничнаго тѣста.

рошій частозубчатой гребешокъ, вплести семишолоковыя ленточки. Когда мать вычешетъ голову, получаетъ пѣсенную благодарность съ сожалѣніемъ, что не заплела косы и не вплела въ нее ленточекъ.

Посылаетъ невѣста сестру за водою на рѣку обмытъ горьки слезы горячія, намытъ радости—веселья великаго, но съ наказомъ: первую струю пропустить внизъ по славной Дунай-рѣкѣ и другую туда же, а изъ третьей струи зачерпнуть водицы ключовыя. Первой струей умывается разлучница злодѣйка-неволя; другой чужи дальни несердечныя, а богоданныя (жениховыя) родители. Съ третьей струи у частой ступенчатой лѣсенки надо поплеснуть воды студеныя: пусть выростетъ чашароща непроходимая, чтобы нельзя было ни пройти, ни проѣхать разлучникамъ злодѣямъ великіимъ.

Послѣ этого стиха невѣста умывается водою, а подруги пекутъ блины, которыми угощаютъ дружекъ и подшучиваютъ: всей аравой стянуть съ ногъ сапоги, нальютъ въ нихъ воды или наладутъ снѣгу и куда нибудь запрячутъ. За сапоги берутъ выкупъ калачами. Сама невѣста пришьетъ дружкамъ на плечи по лентѣ: большому на правое, малому на лѣвое; даетъ каждому по бѣлой опояскѣ, затѣмъ молится Богу, предварительно попросивъ стиховнымъ плачемъ зажечь свѣчу у иконы:

Помолитесь было Богу Спасу, Пресвятой Богородицы за Царя Восударя, Великаго за Матушку Царипу Восударыню. Имъ дай Господи здравія здоровья, долгаго вѣку протяжнаго; жить послѣ меня, а маленькими середечными дѣтушками, со всей силой—Арміей. Теперь помолитесь за ласкотнова родителя батюшку, за мать, за братьевъ, сестеръ и всѣхъ домашнихъ; за всѣхъ подругъ и за себя-самою, чтобы жить во злодѣйкѣ-неволя великой.

По окончаніи молитвы отцу «добровъ» тотъ самый, что отданъ былъ и на рукобиты. За тѣмъ готовится въ баненку парную мыльную, но просить отца жаловать идти впереди себя; за нимъ мать, подругъ и всѣхъ сосѣдей, величая по имени. По выходѣ изъ бани невѣсту накрываютъ платкомъ: спасибо тебѣ парная мыльная баенка на храненіи да на береженіи. Ужъ раскатить бы тебя съ верхняго бревешка до нижняго, да пусть моются въ тебѣ ласкотники желанныя родители:

глупая моя младая буйна головушка (не надо мнѣ, желать этого).

Затѣмъ невеста проситъ у отца лошадей погулять по Дунай-рѣкѣ быстрой, пограсоваться во честномъ похвальномъ дѣлѣ, вочесви, во ангельскомъ чину—во архангельскомъ; проститься со славной гладкой горочкой, со хорошей новшатровой колодезкой.

Катаются на трехъ лошадяхъ въ саняхъ до полудня, пока невеста не объѣдетъ всей той родни своей, гдѣ прежде гашивала. Вездѣ «дѣлаетъ добровъ» кто былъ добръ—тѣмъ стиховодничаетъ, кто не ласковъ былъ, тѣ вправѣ на этотъ разъ выкорить при всемъ честномъ народѣ. Не успѣетъ объѣздить всѣ избы, останавливается и даетъ добровъ на улицѣ. У женихова дома дружки выносятъ водку и подчуютъ ея подругъ и самую невесту. Къ возвратившейся домой невестѣ пріѣзжаютъ гости чѣсные: крестная мать женихова, сестры его и тетки. Невѣста встрѣчаетъ ихъ привѣтствіемъ на улицѣ, сажаетъ за столъ и проситъ мать свою разставлять столы бѣлодобовы, развертывать скатерки бѣльчатныя, сажать гостей милыхъ — небывалыхъ.

По отъѣздѣ чесныхъ невеста надѣваетъ на себя хорошее платье и повязки. Повязками ударяетъ по воздуху, хлопаетъ (это называется «невеста красуется») и принаряжается во покруты покрасы великія. Затѣмъ благодаритъ за нихъ отца и братьевъ. По окончаніи красованья она садится подъ образомъ, обвѣшаннымъ полотенцомъ, шитымъ по концамъ красной бумагой. У образа горитъ восковая свѣча. Садится невеста «за байничъ», т. е. за столъ, накрытый скатертью съ хлѣбомъ-солю. Приглашаетъ отца и мать ко бѣлу-пшеничному байничку. Подходитъ отецъ и, помолвившись Богу, даритъ ситцу на сарафанъ или на рукава (на станъ), судя по состоянію. Подходятъ и дарятъ всѣ, кто пилъ вино на рукобитѣ. Получивши подарокъ, невеста обнимаетъ каждого по нѣскольку разъ.

Съ невестой конецъ,—теперь за женихомъ дѣло.

Благословившись у родителей, онъ ѣдетъ съ большимъ дружкой звать свою родню «въ поясъ» (на свадьбу), т. е. идти съ повязанами за невестою. По улицѣ ѣдетъ безъ шапки и за большое удовольствіе считаетъ пригласить «къ себѣ въ законный бравъ» встрѣчнаго, когда родня его, т. е. повязане себе-

рутся, они пойдутъ впереди, за ними «тысячкою» (который сватакъ невѣсту) съ иконой въ рукахъ; наконецъ женихъ и сваты (крестная мать и тетки). Для встрѣчи ихъ въ сѣняхъ у невѣсты зажжены у св. иконъ восковыя свѣчи, почему поѣздъ и останавливается здѣсь для богомоления. Стихи въ избѣ прекращаются и дѣвки захватываются кругомъ невѣсты такъ, чтобы ей не видно было, когда зайдутъ гости въ избу. Дружки съ великимъ трудомъ заталкиваютъ кучу дѣвушекъ въ задній уголъ, и выхватываютъ у нихъ невѣсту. Ее уводятъ въ горницу или въ подъизбицу снаряжать къ вѣнцу. Въ это время женихъ уже сидитъ съ поѣзжаными за столомъ противъ невѣстнаго образа. Изба полна народа: пришли смотрѣть жениха. Это — *смотрѣнье*, когда едва можно повернуться въ избѣ, къ тому же наносятъ еще досокъ, наставляютъ скамеекъ, чтобы всѣмъ и все было видно. Сидятъ смотрѣны на воронцахъ, на печи, на полатахъ, наваливаются на столъ, который то и дѣло поскрипываетъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ въ предупрежденіе порчи обиваютъ печи досками, чтобы не проломали. Дружки какъ ни стараются, ничего въ такихъ дѣлахъ не успѣваютъ: гости требовательны и настойчивы, требуя посмотреть невѣсту, которую для этой цѣли сажаютъ иногда за столъ на показъ.

Дѣвки поютъ уже свадебныя пѣсни. Особенно злится на свата, какъ и вездѣ на всей Руси святой и стародавней.

Да тебѣ, свату большому
Да измѣнщику дѣвочьему
(такому-то)
На ступень ступить нога сломить,
На другой ступить друга сломить.
На третьей голова свернуть.
Того мало свату большому
Да измѣнщику дѣвочьему:
На печи спать подъ шубою,
Подъ тремя полошубками,
Подъ четырьмя тулупами.
Да трясло бѣ тебе повытрясло
Да сквозь печь провалитисе
Въ мясныхъ щахъ оваритисе.
Того мало свату большому
Да измѣнщику дѣвочьему:
Съ хоромъ бы ты о борону
Да съ горы бы ты о камень

Безъ пона безъ покаснѣя
Безъ духовнаго батюшка, —
Не ходилъ бы, не сватался,
Стариковъ не обманывалъ
Да старухъ не подговаривалъ,
Не хвалилъ, не нахвалявалъ
Чужи дальныя стороны
Да подгорскія слободы.
Она горемъ насыана
Да слезами поливана.

Каждый стихъ въдобавокъ поется по два раза. Пѣсни стихаютъ. Передъ столомъ появляется невѣста въ лучшемъ нарядѣ, закрытая платкомъ, съ двумя своими сватьями. Поклонившись три раза поѣзжанамъ, она начинаетъ обносить виномъ каждого, за что кладутъ ей въ чарку какую нибудь монету, либо орѣхи, либо пряники. Когда дойдетъ очередь до жениха, то онъ самъ уже подноситъ невѣстѣ красной водки до трехъ разъ (она не соглашается). Послѣ этой церемоніи онъ подаетъ ей на подносѣ покрывало (большой платокъ), мыло, въ которое натывано на ребро грошей, за мыломъ—гребень, зеркало, потомъ большой пряникъ. Встаетъ дружка *большой* и говоритъ невѣстѣ:

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій. Княгиня первобрачная у столовъ была, молодого князя видѣла, подарочки приняла: мыльцо, гребешокъ, зеркальцо, пряничекъ: мыльцомъ умойся, гребешкомъ зачешись, въ зеркальцо посмотришь, пряничкомъ закуси. У нашего князя (имя рекъ) горка низенька, водка близенько, ходи хорошенько. Сажу грезъ подъ матицу весь, худые порядки оставляй дома у матери, а хорошіе съ собой забирай.

Молодой дружка выступаетъ; подаетъ дѣвушкамъ на подносѣ калачи за пѣсни. Женихъ даетъ прихожимъ мужикамъ денегъ на водку: эти подарокъ принимаютъ за совѣтъ уходить вонъ изъ избы. Въ избѣ стало просторно.

Невѣсту снова накрываютъ платкомъ и заводятъ за столъ къ жениху. Здѣсь невѣстинъ отецъ благословляетъ обоихъ три раза той самой иконой, которая была на стѣнѣ, и передаетъ ее тысяцкому. Всѣ встаютъ съ лавокъ, молятся Богу и идутъ къ вѣнцу въ церковь. Женихъ ведетъ невѣсту за платокъ, а «рожники» (братья) подъ руки. Впереди идутъ дружки, побрякивая

колокольчиками; поѣзжане поютъ пѣсни. Подруги за невѣстой въ церковь не ходятъ.

Во время вѣнчанія въ трапезѣ раздаютъ народу свадебные пироги *). Послѣ вѣнца одѣваютъ (крутятъ) невѣсту въ бабій повойникъ (вѣнчалась она въ повязкѣ дѣвичьей) и она съ молодымъ, благословившись у священника, идетъ въ домъ жениха. Въ сѣняхъ встрѣчаетъ новобрачныхъ свекоръ хлѣбомъ и солью, т. е. рѣшетомъ, въ которое насыпано жито (ячмень) и на него положены хлѣбъ и соль. Рѣшетомъ свекоръ три раза обводитъ вокругъ наклоненныхъ головъ молодыхъ и передаетъ своей женѣ для того же. Отъ матери беретъ молодой и передаетъ молодухѣ, которая несетъ хлѣбъ-соль въ домъ и кладетъ на столъ. Въ избѣ, послѣ обыкновеннаго моленія, молодые съ тысяцкимъ садятся за столы. Свекоръ раскрываетъ лицо молодой и здоровается съ нею **), за нимъ всѣ семейные и поѣзжане съ плеча на плечо, приговаривая: «здорово ли подъ вѣнцомъ стояли?» Дружки подносятъ по рюмкѣ водки поѣзжанамъ и эти уходятъ. Молодые ужинаютъ одни безъ поѣзжанъ. Имъ обѣденной столъ послѣ, когда отдохнуть до «ружниковъ» т. е. тѣхъ, которые привезутъ отъ отца и матери приданое: сундуки и перины.

Послѣ ужина молодые идутъ спать въ кѣлтъ, гдѣ невѣста растегиваетъ у жениха кастанъ и снимаетъ сапоги, въ которыхъ положено нѣсколько серебряныхъ монетъ. При этомъ молодой пользуется случаемъ выманить поцѣлуй, не спуская съ ногъ сапоговъ. Въ силѣ ноги у жениха возможность сорвать такихъ поцѣлуевъ десятки. Затѣмъ молодой валится на кровать лицомъ къ стѣнѣ и не поворачивается до тѣхъ поръ, пока мо-

---

*) Передъ назначеннымъ днемъ свадьбы строго ведется въ церквахъ обычай «выклички», что такой-то беретъ себя въ жену такую-то. Въ самый день свадьбы невѣста ходитъ съ дѣвушками къ утрени служить молебень.

**) На рѣкѣ Пинегѣ, далеко отъ Бѣлаго моря, при этомъ вводится еще такой обычай: когда молодую закрытую приведутъ отъ вѣнца и отецъ жениховъ ставетъ поднимать покрывало, — она не дается. Ее хлопаютъ по лбу ковригой и сулятъ денегъ, жита, нарядовъ. Она все упирается. «Вотъ — говорятъ отецъ — дамъ тебѣ сына своего». Тогда уже невѣста опускаетъ елату.

лодая не поклонится и не проговоритъ въ слухъ такой молитвы: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Такой-то (имя ревь) пусти почевать».

На другой день дружки зовутъ родню молодого на обѣдъ, а родню молодой созываютъ «рожники» опять съ молитвой и просьбой «загостить пожаловать хлѣба-соли кушать, молодой смотрѣть». За обѣдомъ, когда дружки обносятъ водкой, молодая каждаго гостя чувствуетъ поклономъ въ поясъ. Послѣ этой церемоніи раздаетъ дары, выраженные при сватовствѣ—и опять по рюмкѣ водки. Опорожнившій рюмку возвращаетъ ее съ деньгами по тому же порядку и закону, какъ и на смотрѣннѣ. Затѣмъ подаютъ кушанья и за каждымъ изъ нихъ чувствуютъ гостей сперва дружки, потомъ женихъ и прочіе домашные, называя каждаго по имени и отчеству: «поѣшь-покушай, гостей почѣствуй».

Кончаютъ всю свадебную церемонію «блинами». Они бываютъ у родителей молодой чрезъ нѣсколько дней послѣ краснаго стола (сейчасъ описаннаго нами обѣда). На эти блины зоветъ свою родню самъ молодой. На «блинахъ» порядокъ все тотъ же, лишь не бываетъ даровъ и молодая не носитъ чароebъ. Послѣ блиновъ молодой выдаютъ приданое, каковое и несутъ къ ней на домъ бывшія на свадьбѣ подружки.

За тѣмъ и всему дѣлу конецъ.

Такимъ бытоомъ справляются свадьбы по всему бѣломорскому берегу отъ г. Онеги до самаго города Кеми. Въ Кеми дѣлаютъ не во многомъ по другому, да и въ посадѣ Сумахъ такъ же. Въ Сумахъ тоже никогда не бываетъ свадебъ лѣтомъ, потому что, какъ указано въ своемъ мѣстѣ, всѣ мужчины уходятъ на море или на дальней мурманской берегъ океана. На богатую свадьбу собираютъ дѣвушекъ до 30-ти, иногда всѣхъ, что есть въ селеніи, исключая можетъ быть тѣхъ, которыя сами не любятъ ходить на свадьбы. Въ Сумахъ эти дѣвушки, въ то время когда молодой ходитъ съ молодухой съ визитами по гостямъ, остаются у кого-нибудь у родителей и прощаются тамъ. Тамъ же вмѣсто лентъ дружки получаютъ отъ невесты полотенца, которыя и повязываютъ черезъ плечо, какъ кавалерскія ленты. Тамъ же баениковъ (хлѣба-соли) бываетъ два: одинъ жениховъ, другой невестинъ. Ихъ зашиваютъ въ салетку, изъ верхней корочки въ серединѣ вырѣ-

заютъ кружокъ и въ ямку вкладу́тъ голову чеснока и щепоть жита, и потомъ все это прикрываютъ вырѣзанной круглой корочкой, какъ примѣту симпатическую и стародавнюю. Въ Сушахъ сохранилась сверхъ прочихъ заплачекъ еще одна передъ воротами родительскаго дома, когда невѣста возвратится изъ церкви отъ молебна. Прощается невѣста съ рѣвкой, съ полями и лугами, со всѣми сосѣдями: «не поминайте окольны порядны сосѣдушки, не помните ни зломъ, да и не лихомъ меня младу голубушку». У нѣкоторыхъ суевѣрныхъ невѣсть ведется обычай противъ лихаго духа, обтывать подолъ сарафана булавками (въ посадахъ и городахъ) или обматываться подъ платьемъ рыболовною сѣткою (въ деревняхъ). Косу у невѣсты къ смотринамъ расплетаетъ сестра, либо, когда ея нѣтъ, любя подруга. Съ распущонной косой ходитъ невѣста до повойника, когда послѣдній надѣнутъ послѣ вѣнца, то расчесываютъ волосы вновь и заплетаютъ ихъ на двѣ косы непременно либо мать крестная, либо та женщина, у которой нѣтъ дѣтей. Въ Шуѣ сохранился еще обычай у невѣсть до вѣнца ходить гостить по честнымъ гостьбищамъ для подарковъ: крестные отцы даютъ платки и ситецъ на сорочки; отъ богатыхъ идутъ деньги, отъ бѣдныхъ просто кудея (вычесаной лень), и проч. Впрочемъ тѣже голосованья слышатся, тѣже обряды водятся и въ удаленныхъ отъ Лѣтнаго и Терскаго берега странахъ двинскихъ, мезенскихъ и печорскихъ: все одна стародавняя новгородчина (см. дальше во 2-й части).

Въ Малошуйкѣ я сѣлъ опять верхомъ на лошадь и на этотъ разъ рѣшительно на клячу, для которой собственное право и личный капризъ были выше всего остальнаго. Тяжело ступала она своими уродливыми ногами въ липкую болотную грязь, размытую крѣпкимъ осеннимъ дождемъ, лившимъ цѣлые сутки. Лѣпила эта грязь всего меня съ головы до ногъ; къ тому же дорога шла безутѣшными, безпривѣтными мѣстностями. По сторонамъ тянулось какъ-будто поле, стояло много стоговъ, какъ-будто сѣна; торчали миллионы колышковъ, къ которымъ, вѣроятно, также приставлены будутъ копенки сѣна, или лучше болотной осоки. Шумѣлъ кое-гдѣ народъ, подбиравшій траву коротенькими своими косами — горбушами; лаяли собаки; валялись передъ теплинами ребятенки; заползали нѣкоторые изъ нихъ въ наскоро плетеные шалаши; все какъ-будто казалось также,

какъ и въ благодатныхъ мѣстахъ Приволжья, но только при вѣшномъ взглядѣ: частности измѣняли этому случайному впечатлѣнію и не оправдывали его. Выглась прихотливыми изгибами рѣчка въ сторонѣ отъ дороги, но съ совершенно голыми берегами, безъ ивняка, безъ другаго лѣса, хотя и съ тѣми же мертвенными водорослями; беспредѣльно тянулось вдаль опять ржавое, безжизненное болото. Только нѣкоторою жизнію отдаетъ передняя гора, по которой разостлался ячмень и выяснилось на вершинѣ ея село Вѣрзогоры; но поле не безбрежно уходило вдаль, а также, въ свою очередь, охвачено было мертвеннымъ болотомъ, да едва ли и самъ, въ то же время, не было болотомъ, хотя и со скудною, жесткою травою. Дорога все время тянулась гатью; гать пересѣвилась рушившимся мостомъ, перекинутымъ черезъ рѣчонку. Лошадь не слушалась, боялась моста, не умѣла ладить съ выбоинами гати; хотѣлось ей идти по болоту стороною—зачѣмъ, для чего? Она *морочилась*, брыкала задними ногами, свалила меня въ грязь разъ и другой, и третій. Я взялъ другую изъ телеги, но выгадалъ не многое: раскормленная болотнымъ сѣномъ, которое скорѣе раздуваетъ, чѣмъ питаетъ желудокъ, лошадь эта представляла рѣшительное подобіе бочки, неловкой, почти невозможной для сидѣнья; какого-нибудь сѣдла взять было негдѣ. Кое-какъ добрались мы до перевоза черезъ р. Нименгу съ грязными, расплывшимися берегами, по которымъ ходить человѣку въ дождливую погоду едва ли возможно. На перевозѣ стоитъ таможенный солдатъ, не здѣшній уроженецъ.

— Поломало же ваше благородье напорядкахъ. Изволите видѣть, проклятыя мѣста здѣсь; такихъ я нигдѣ не видалъ, всю Хохляндію съ полкомъ произошолъ. Вотъ въ Сибирь посылають, а зачѣмъ? пошли сюда—намается хуже ада кромѣшнаго. Здѣсь, я доложу вамъ, только и жить бы надо морскому звѣрю: смотрите, какой народъ мелкота: въ гарнизу не годится. А оттого гнѣтъ народъ: яшной хлѣбъ ѣсть, приварокъ какой въ честь почитаетъ. У нихъ, вотъ изволите видѣть, и лѣто, и зиму на саняхъ ѣздить. Запоютъ они теперь пѣсню, такую длинную, что цѣлый день тянутъ и на другой день еще допѣвать оставятъ, ей-богу! Совѣмъ, выходитъ по нашему, кромѣшныя мѣста здѣшнія—вотъ что; извините меня, ваше благородье, на такомъ крутомъ словѣ!

Но, какъ извѣстно, лѣтомъ на саняхъ здѣшніе жители возятъ только сѣно къ стогамъ въ поляхъ; а такой длинной пѣсни, чтобы тянулась цѣлой день и на другой день оставалась, мнѣ не могъ сообщить никто изъ здѣшнихъ. Видимо, солдатъ былъ озлобленъ и скучалъ здѣсь по дальней и всегда дорогой родинѣ, которая отошла отъ него далеко — далеко (солдатъ былъ изъ Нижняго). Случайность и житейскія обстоятельства завели его сюда въ крайнюю даль Россіи; случайность, можетъ быть, и возвратитъ его на родную сторону, въ родную семью...

Черезъ часъ я уже былъ въ Ворзоторахъ, жители котораго считаются лучшими судостроителями; они строятъ и романовки для лѣсной компаніи, строятъ и лоды для своихъ промысловъ. Довять также варужане сельдей и мелкую морскую рыбу переметами и бреднями, при тѣхъ же приемахъ, и при тѣхъ же обычаяхъ, какъ и всюду въ Поморьѣ. Село дѣлится на два; въ обоихъ свои церкви; въ одномъ даже двѣ, изъ которыхъ одна новенькая, красивая съ виду, богатая внутри.

Каменно-песчаными и высокими горами шолъ отсюда путь въ Онегу; по сторонамъ разстилался ячмень, на половину въ то время (23 августа) уже выжатой. Спустившись съ горы, дорога пошла въ лѣсъ—настоящій лѣсъ, съ высокими, не всегда дряблыми деревьями, съ просинью по сторонамъ, съ сплошной лѣсной стѣной, прямо сивозъ которую, кажется, нѣтъ и проѣзду. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ этотъ идетъ сплошнымъ боромъ и усыпанъ грибами и ягодами; но за то въ другихъ мѣстахъ, и очень часто, стоятъ рѣдко-разставленные деревья, и изъ-за нихъ уже выглядываетъ ржавое болото. Такое же болото широко идетъ направо, но безъ всякихъ деревьевъ, словно недавно высохшее и затянутае уже зыбунномъ дно озера. Изъ лѣсу дорога вышла на берегъ моря и тянулась по той прибрежной няши, которая уже, не заливаемая морскимъ приливомъ, успѣла покрыться какой-то красной травой, безъ цвѣтовъ, безъ деревьевъ, и все-таки была грязь, на половину смѣшанная съ пескомъ и всякою гнилью. Едва держала грязь эта ноги лошади, едва замѣтно выдѣлялось на ней полотно дороги какою-то расплывшеюся чернѣтью. Чернѣть эта опять ушла въ лѣсъ и сопровождала дорогу этимъ лѣсомъ, также густымъ и

высокимъ, вереть на пять, на шесть впередъ. Послѣ лѣсу, дорога шла дощатыми широкими мостками Пѣньгамскаго завода онежской лѣсной компаніи. Но я не могъ понять ея удобствъ, не могъ оцѣнить всей ея прелести, сравнительно съ празной дорогой, размытой дождями, изуродованной до послѣдняго нелѣзя выбоинами и ухабами. Едва дотащился я до варбаса. Онъ долженъ былъ перевезти меня на другую сторону рѣки, въ городъ. Едва поднялся я на отлогой городской берегъ и съ трудомъ дотащился до отводной квартиры, той же самой, которая принадлежала мнѣ до отправленія въ Поморье. Путешествіе верхомъ возымѣло всю силу своихъ послѣдствій.

— Изломало же тебя, моего батюшку, цуше всякой-то напасти да болѣсти — говорила мнѣ старушка хозяйка отводной квартиры. Непривышное, гляжу, дѣло-то тебѣ это, непривышное! Ишь, даже ходить не можешь; тяжело, чай, что беремъ тащишь, а ноги-то, поди, что свинцомъ налиты. Ну да вотъ, ладно, постой: въ баню сходишь, какъ рукой сниметь, отойдешь...

— Словно тебя вѣтромъ шатало, словно я на диво на какое глядѣлъ на тебя какъ ты давѣ съ рѣки пробирался; на силу выдержалъ на старости лѣтъ! — говорилъ мнѣ опять старый-знакомый семидесятилѣтній старикъ, ежедневно навѣщавшій меня прежде и пришедшій теперь поздравить меня съ приѣдомъ.

— Тебѣ смѣшно, старикъ, а мнѣ не до шутокъ!

— Ну да какъ не смѣшно? суди ты самъ! — Этакъ-то вѣдь рѣдко которому выпадаетъ. Пушай вонъ наши чиновники, тѣмъ это дѣло привышное: смотри-ко, иной какъ на конѣ-то отдираетъ; а ты-поди и сѣдлушкомъ-то своимъ не запасся. Ну да ладно — дѣло теперь все это прошлое, останное, съ тѣмъ оно такое и будетъ во вѣки. А сломалъ же ты-таки путину большую, какъ еще животь-отъ это твой выдержалъ, вѣдь, вы всея породы-то такой жидкой, словно мочальные. Жилъ у насъ чиновникъ — измотался совсѣмъ по нашимъ дорогамъ, въ переводъ попросился: такъ перевели, славу Богу! Тѣмъ только, слышь, и поправили. А ты, на-ко поди: путину такую отляпалъ, что и наши привышные-то поморы такой не дѣлають, ей-богу! На-ко: три тысяча вереть обработалъ! — Поди вотъ ты тутъ съ

тобой и разговаривай!... Чай, опять завтра въ обратную потянешься?

— Нѣтъ, старикъ, поживу у васъ съ недѣлю, отдохну.

— Отдохни, кормилецъ, отдохни, переведи духъ! Телеги-то почтовые тоже не большая находка: обламываютъ же вашего брата и онѣ...

Недѣлю потомъ оправлялся я въ Онегѣ, въ старой-знакомой Онегѣ, все такой же: съ той же одной проѣзжей улицей, съ тѣми же недостроеннымъ соборомъ, съ тою же закиданною камнями рѣкой, съ тою же, наконецъ, говоруньей, до безконечности доброй, простодушной хозяйкой-старухой. Все старое, давно знакомое, забытое только на время, возставало передо мною и на всемъ остальномъ пути до города Архангельска. Въ Красной-Горѣ разбитная хозяйка почтовой станціи встрѣчаетъ привѣтомъ, повидимому, добродушнымъ и искреннимъ, и поражаетъ вопросомъ:

— Не ты ли, баринушко, остатоцку оставилъ?

— Какую, бабушка?

— А ложечку серебряную.

Ложечка эта оказалась дѣйствительно моею, но объ ней я забылъ и думать, и вспомнилъ и узналъ ее только теперь, черезъ три мѣсяца.

Въ Сюзьмѣ не было уже видно ни архангельскихъ шляпъ, ни архангельскихъ шляпокъ и зонтиковъ, принадлежавшихъ, въ первой мой проѣздъ, морскимъ купальщикамъ и купальщицамъ.

— Всѣ уѣхали, давно уѣхали, говорили мнѣ здѣсь. Послѣ другіе пріѣзжали и тѣ уѣхали; видишь, вѣдь, ты больно-долго ѣдидъ, далеко забирался.

Отъ Тоборъ до Рикосихи была хуже дорога, вся размытая дождями, вся грязная по ступицу колесъ почтовой телеги. Въ Рикосихѣ пропали уже тѣ мириады комаровъ, которые, на первой проѣздъ мой, слѣпили глаза и буквально не давали покоя и отдыха. Съ Двины несло уже сыростью, осенней сыростью; не слышать было пѣнья пташекъ, свободно и громко разгѣвавшихъ прежде; съ деревьевъ все-гдѣ валился листъ; въ заливѣ рѣки Двины вели соловецкую лодью—на вимовку, какъ сказывали гребцы. Двина у города засыпана была разнаго вида и наименованій судами; самый Архангельскъ представлялъ болѣе

оживленную картину, чѣмъ тогда, какъ оставлялъ я этотъ городъ для Поморья. У городской пристани, на судахъ и на городскомъ базарѣ толпилась едва ли не половина всего Бѣломорья; по крайней мѣрѣ, мурманскіе промышленники были все тутъ. Начинаясь сентябрь мѣсяць; были первыя числа его; приближалось 14 число—время Воздвиженской ярмарки; стало быть, я пріѣхалъ въ Архангельскъ въ самую лучшую пору его промышленной и торговой дѣятельности.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

1. The first part of the text discusses the importance of maintaining accurate records in a business. It states that records are essential for tracking expenses, managing cash flow, and ensuring compliance with tax laws. Without proper record-keeping, a business owner may face difficulties in determining their true financial position and may be at risk of penalties from tax authorities.

2. The second part of the text provides practical advice on how to organize and maintain records. It suggests using separate bank accounts for business transactions, keeping receipts for all purchases, and using a dedicated accounting software or spreadsheet to track income and expenses. The text also emphasizes the importance of regular backups and secure storage of digital records.

3. The final part of the text discusses the long-term benefits of good record-keeping. It notes that well-maintained records can help a business owner identify trends, make informed decisions, and negotiate with suppliers or lenders. Additionally, having organized records can make the process of selling the business or seeking financing much smoother.

ГОДЪ НА СЪВЕРЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОЪЗДКА ПО СЪВЕРНЫМЪ РЪКАМЪ.

ПОѢЗДКА ПО СѢВЕРНЫМЪ РѢКАМЪ.

I.

ПОѢЗДКА НА ПЕЧОРУ.

1. ТАЙБОЛА.

Первыя впечатлѣнія пути. — Кушни и кушники. — Волки. — Медвѣди. — Сомаы.

Декабрь мѣсяцъ 1856 года нашолъ меня уже на рѣкѣ Мезени и притомъ въ самомъ дальномъ южномъ краю ея, тамъ, гдѣ она готова перейти въ другую губернію—Вологодскую. Семисотъ-верстная Тайбола, закиданная глубокими снѣгами, лежала еще передо мною, рисуясь подчасъ въ воображеніи, какъ темная ночь безъ просвѣта, со всею своею мрачною и непривлекательною обстановкою. Всѣ совѣтовали зачистись мѣднымъ и жестянымъ чайниками, копченой и жареной провизіей, хлѣбомъ и—терпѣніемъ. За первыми не стояло дѣло; надо было вооружиться послѣднимъ.

Зима этого года начиналась какъ-то вяло: по цѣлымъ суткамъ валили крупные хлопья снѣга, но все это, не скрѣпяемое достаточно крѣпкими морозами, ложилось на плохо-промерзшую землю рыхлою, глубокою, въ ростъ человѣка, массою; дороги не устанавливались долго. Не было бы, кажется, и пути на Печору, если бы не прошли оттуда обозы съ мерзлою рыбою на ярмарку въ Пинегу. Обозы эти оставили за собою узень-

кую дорогу съ глубокими выбоинами, ухабами и широкими раскатами. Прихотливо извиваясь, прошла эта дорога по Тайболѣ между высокими вѣковыми соснами, елями и лиственницей. Этой-то дорогой приходилось ѣхать и мнѣ въ длинной, узенькой, только одному сидѣть, кибиткѣ, предложенной мнѣ любезною предупредительностію добраго человѣка въ Архангельскѣ, испытавшаго на себѣ всѣ невгоды дальнихъ дорогъ въ губерніи. И какъ теперь слышу роковое извѣстіе, сказанное мнѣ какъ-то вскользь и равнодушнымъ тономъ въ селеніи Вѣжгорахъ, что дальше уже нѣтъ деревень вплоть до перваго села на Печорѣ—Усть-Цыльмы.

— Тайбола пойдетъ тебѣ теперь ста на четыре верста, вплоть до самой *отдалѣни* — добавляли ямщики.

— Пугаетъ меня эта ваша Тайбола!

— А вотъ поѣзжай: увидишь — намъ скажешь! — отвѣчалъ бойкій староста съ насмѣшливымъ видомъ и тономъ.

— Кибиточку-то ты ладную обрядилъ! добавилъ онъ потомъ.

— А то что же?

— То-то молъ... хороша: легкая такая! — и онъ, въ доказательство своихъ словъ, откинулъ ее въ сторону, какъ самыя легонькія, маленькія ребячьи саночки.

— Ходка ужъ порато, дядя Кузьма, сама бѣжить! прибавилъ отъ себя привезшій меня ямщикъ.

— У насъ, вѣдь, мѣста здѣсь, надо бы тебѣ сказать, пролятыя: коли сани съ отводами, такъ и не проѣдешь — продолжалъ свое ямской староста.

— Ты гляди-ко, дядя Кузьма, въ нутро-то: ишь онъ какъ его олешнами знатно уколотилъ, — тепло ему будетъ!

— И это ты, твоя милость, ладно надумалъ; а то... ишь, холода, кажись, вовсе надумали встать. Не хватили бы только тебя пара, хивусá на дорогъ-то?

— Это что же еще такое: хивусá?

— Хивусá эти вишь... по иному бы тебѣ молвить: падь экая, рянда, чидега — все вмѣстѣ.

— Курево — сказывай, дядя Кузьма!

— Замятель, тоись, говорилъ третій.

— Все вмѣстѣ, все вмѣстѣ: снѣгъ тебѣ сверху идетъ — одно это; опять другое: вѣтеръ мететь тебѣ снизу и съ боковъ, свѣтъ завидаютъ; ничего тебѣ не видно и ѣхать нельзя: лошади столб-

никакъ такъ и встануть, бревномъ ты ихъ не спикнешь съ мѣста, не токма плетью: самое такое поганое дѣло! — Староста урывисто махнулъ рукой.

— По трудѣ (тундрѣ) вонъ совсѣмъ засыпаеть... эдакъ-то, слышь, ономясь пустозеровъ двое ѣхали — порѣшило, замело на смерть! — прибавилъ старый ямщикъ.

— Что же вы меня пугаете? вѣдь ѣздить же другіе!

— Да это точно, что ѣздить: вишь, недавно вѣдь этихъ лошадей выставлятъ стали здѣсь, а то вѣдь смѣнныхъ у насъ допрешь не было: больно же чиновники жаловались въ ту-пору, скучали... Садись, ваше благородье, ничего: страшень громъ, да милостивъ Богъ, ничего — проѣдешь, чай!

Поѣхали. Тройка хохлатыхъ, измученныхъ лошаденокъ, сбитыхъ десятскимъ съ разныхъ дворовъ и потому невыѣзанныхъ, метнулась въ разные стороны, сбилась съ дороги въ сугробъ, опрокинула кибитку на бокъ. Кибитка была, правда, теплая, но неудобная для того, чтобы въ такомъ крайномъ случаѣ обратиться изъ нее; наконецъ и это неудобство было устранено: трое мужиковъ поставили ее на копылья, ухватившись за одинъ бокъ. Я выѣзъ, но ушелъ въ снѣгъ по плечи; наконецъ, и оттуда выѣзъ и опять сѣдѣлъ въ кибиткѣ по прежнему, созерцающая впереди себя длиннаго, какъ шесть, ямщика, взгромоздившагося на переднюю лошадь. Онъ ежеминутно дергалъ руками и прискакивалъ на крестцѣ ея. Все пошло своимъ чередомъ: лошади не метались въ сторону и не могли этого дѣлать, потому что мы въѣхали въ лѣсъ, на лѣсную тропианку. Огромныя лапчатая ели и сосны, засыпанные снѣгомъ, вѣтвями своими метались въ лицо: ямщикъ задѣвалъ головой за сукъ, раскачивалъ вѣтви и подчозилъ меня съ кибиткой подъ этотъ сукъ какъ-разъ въ то время, когда валилась оттуда огромная охапка густаго, пушистаго снѣга. Одинъ только, стало-быть, ямщикъ съ передней лошадейо былъ въ барышахъ. Пробовали снѣгъ вытряхивать изъ саней—нашли бесполезнымъ: ямщикъ валилъ на первой же верстѣ новыя охапки; совѣтовалъ ему смотрѣть впередъ и быть осторожнымъ — не помогло: онъ всегда забывалъ совѣтъ этотъ, но если и сторонился, то по какой-то случайности, не во время. Опрокинутыя мы не могли: обступившія насъ со всѣхъ сторонъ дрябля, выросшія на болотѣ деревья, подхватывая съ одного бока, бросали на противополож-

ный пень, тамъ, гдѣ лѣсная дорога изломана была рытвинами и ухабами. Не меньше радостей приносили и новые виды, когда мы выбирались изъ лѣсу на широкую снѣжную поляну; здѣсь не было деревьевъ и, стало быть, приводилось чаще опрокидываться: повалится кибитка на бокъ, зарывшись до половины въ снѣгъ, и протѣщется такимъ-образомъ впередъ до той поры, пока не услышатъ фореиторъ-ямщикъ задыхающагося голоса изъ кибитки, вопіющаго о пощадѣ и помощи. Соскочить онъ съ лошади, кое-какъ поставитъ опять сани на копылья и въ сотый разъ удивится причинѣ такого злоключенія, примолвивъ:

— Со всѣми, почестъ, начальниками вотъ эдакъ-то!

— Да вы по-дурачки ѣздите: вмѣсто облучка, садитесь на переднюю лошада; нигдѣ, вѣдь, такъ-то не ѣздить!

— Всѣ такъ баютъ, да вотъ поди ты...

— Садись на облучокъ!

— Несвычайно: лошади опять заматаются. Ну, инъ ладно!

И чтобы угодить сѣдоку, онъ и примостится, пожалуй, на облучокъ, но не надолго; лишь только успеешь немного вздремнуть и раскроешь глаза, смотришь, онъ снова сидитъ на передней лошади и по-прежнему дергаетъ руками и прискакиваетъ.

— Ты, ямщикъ, хоть бы пѣсню запѣлъ.

Махнетъ онъ рукой, обратившись назадъ—и отвѣтъ его на запросъ весь тутъ.

Примешься отъ скуки версты считать и, по крайнимъ соображеніямъ, по количеству потребленнаго на ѣзду времени и по пространству, должно быть далеко за половину и скоро должна появиться станція, на которую обѣщали 25 верстъ. Спросишь ямщика объ этомъ.

— Да вотъ озерко пройдемъ, въ лѣсъ втянемся, такъ тутъ дубы стоятъ; отъ нихъ считаемъ половину-то.

— Такъ какіе же вы 25 верстъ кладете на станцію?

— Это точно, что не ладно кладемъ. Да, вишь, вѣдь наши версты-то какія: мѣряла ихъ баба клюкой, да и махнула рукой: быть-де такъ...

Но и станція здѣшная не находна: эта низенькая избенка-кушна, полуразвалившаяся, черная снаружи, съ двумя маленькими дырами вмѣсто оконъ, изъ которыхъ лѣзетъ не паръ, а горькій дымъ. Я попробовавъ пролѣзть въ одну кушню черезъ низенькую дверку и закаялся: больно рѣзали глаза вплотную

напопившіе ее дымъ и смрадъ и захватывали дыханіе; въ четверть часа времени съ трудомъ можно было разглядѣть все вопіющее убожество ея, всю голую, горькую бѣдность ея обитателя — кушника, оборваннаго, съ загноившимися глазами, сугорбаго старика, съ чернымъ, неумытымъ лицомъ, какъ у кузнеца или угольщика, съ крайню-недовольнымъ и какимъ-то плаксивымъ видомъ. Кушникъ и здѣсь не преминулъ попросить подаянья въ одинаковомъ тонѣ и одними и тѣми же словами, какъ и всѣ другіе на дальномъ протяженіи Тайболы.

— Не сойдется ли что отъ твоей милости на бѣдность?

— Скучно тебѣ жить здѣсь, старикъ, одному, безъ товарищей?

— Поштѣ скучно, не скучно! немощной вѣдь я: въ міру не гожусь, нѣштѣ дѣлать-то мнѣ!..

— И давно ты ушелъ изъ міра?

— Давно; почитай, порато же очень давно. Дальныя-то кушни на лѣто снимають: уходятъ кушники-то по домамъ, а я круглой годъ живу здѣсь.

— И не боишься?

— Чего бояться-то? Нѣту, не боюсь.

— А лѣсовиковъ, водяныхъ?

— Кричатъ же по лѣсу-то, а ко мнѣ не ходятъ: оборонялъ Богъ. Молитвой вѣдь я ихъ!.. Медвѣди, вонъ, по лѣтамъ живутъ, тѣ балуютъ, шибко балуютъ.

— Что же они съ тобой дѣлають?

— Да всяко. Объ уголь чешутся: разшатываютъ углы-то; то же опять дверь припирають...

— Какъ же это?

— А хворосту, да бревенъ натаскаетъ къ двери-то, тѣмъ и запираетъ, что и не выйдешь.

— Ты бы оборонялся.

— Чѣмъ обороняться-то стану? Ружья у меня нѣтъ; причусь вонъ на подволоку — вся моя тутъ и оборона. Подурить дуракъ, знаю: пошалить у тебя въ избѣ-то, поломаешь все, да съ тѣмъ и уйдетъ: мигуетъ Богъ!

— Звѣрковъ, чай, ловишь тоже?

— Это бываетъ: горюсталева ловлю: тоже псецы (песцы) приходятъ, лисицы...

— Чѣмъ же ты кормишься, старикъ, вшь что?

— А то и ѡмъ, что съ проѡзжихъ сойдеть: дають тоже. Дѣтомъ въ нашихъ мѣстахъ больно хорошо!

— Чѣмъ же, старичокъ?

— Да ягодъ ужъ очень много всякихъ растетъ, ну и ѡшь... Промышленники, что за лѣснымъ звѣремъ ходять, хлѣбушка дають: ѡмъ по праздникамъ.

— А не ошибаешься, въ какой день праздникъ, въ которой будень?

— Бываетъ же и эдакъ, ошибаюсь!

— Кто ямщики у васъ, старикъ?

— А земскіе выставляють на зиму съ Мезени; дѣтомъ-то, вишь, здѣсь лошадьми нѣту ѡвды: рѣками плаваются, въ карбасахъ; есть, бають, пѣшіе перевозоки, да небольшіе.

— Чья же у тебя кушня, своя?

— Нѣту, мірская; я, коли поломается что, отъ себя поправлять должнъ; опять же уходъ за ней мой.

— Какой же уходъ и какая поправка?

— Правда, что нѣту, да и не спрашиваютъ. Пошутилъ опомнясь земской начальникъ одинъ, что стѣны-де не скоблишь; да самъ же и отшутился, не пугалъ же больно-то: «эдакъ-то-де лучше, коли стѣна копится; изба-де меньше гнѣеть, а ты-де, старикъ, не пугайся». Такой доброй!..

Готовы, между-тѣмъ, лошади и за тѣмъ новыя испытанія отъ кушни до кушни, которыя такъ похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды: съ такими же бѣдными, убитыми одиночествомъ кушниками, между которыми только ближе къ Печорѣ стали попадаться зыряне, умѣющіе по русски только выпросить подаваніе и затѣмъ молчаливые на всѣ распросы. Говорили ямщики, что они и по-зырянски-то толковать научились.

— Туги-же на разговоръ-отъ стали! Приѣдешь это къ нимъ на зиму, мнутъ они тебѣ, мнутъ языкъ-отъ свой, чешутся — чешутся, а не приберутъ тебѣ ладнаго слова: самъ ужъ смѣваешь. Шибко же дичають за дѣто, что и наши русскіе, отвыкають...

— А все-таки добрые, ласковые по-прежнему?

— Добрые, больно добрые, что дѣти: ни они тебя обругають когда, ни на твою брань огрызнутся: порато добрые—это что гнѣвить Бога!

Ночью какъ-то вой волковъ разбудилъ меня и обдалъ всего холоднымъ потомъ.

— Гони, ящигъ, скорѣе: погибаемъ!

Отвѣта не было; казалось, ящигъ дремалъ себѣ беззаботно и такъ крѣпко, что не слышалъ зловѣщаго, леденящаго душу воя. Лошади бѣжали трускомъ.

— Гони лошадей: волки воютъ!

— А пушай ихъ!

— Стѣдятъ, чудакъ, въ клочья разорвутъ; гони скорѣй, если дорогá тебѣ жизнь! Опомнись—не спи!

— Не къ намъ бѣгутъ, къ лѣсу!..

Вой усиливался, но становился замѣтно глуше; слова ящика оказались правдоподобными; боязнь не позволяла мнѣ высунуться изъ кибитки и посмотреть по направленію къ лѣсу и волчьему вою, чтобы убѣдиться въ его показаніи. Я напоялся: ударилъ втутомъ коренную; та брыкнула задними ногами и опять пошла прежней ровной побѣжкой, какъ бы согласная съ мнѣніемъ и убѣжденіями ящика. Этотъ равнодушно обернулся назадъ и, еще при большемъ хладнокровіи (поразительномъ и досадномъ), отнесся ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— Нѣшто у васъ они страшны, тамъ... въ Расеѣ-то?

— Въ клочья рвутъ, до смерти рвутъ: голодные вѣдь они!

— Наши сытые, наши не рвутъ!..

Онъ опять замолчалъ.

— Гони же, братецъ, не спи: мнѣ еще жизнь не надоѣла.

— Да ты не бойся! что больно испужался? Наши волки человѣка опасаются, стрѣляемъ вѣдь: они отъ тебя бѣгутъ, а не ты... Оленей вотъ они рѣжутъ? это есть у нихъ, у проклятыхъ,—и много оленя рѣжутъ!..

Онъ опять помолчалъ, но не дремалъ.

— Оленя они потому рѣжутъ, что онъ смиренъ, нѣтъ у него противу волка защиты никакой, развѣ-что въ ногахъ. Такъ, слышь, подкарауливаетъ, сѣрой чортъ, — на цыпочкахъ подкрадывается и рѣжетъ. А то бы человѣка?! Сорокъ годовъ живу, не слыхивалъ чтобы этого, никогда... Дѣвоньку вонъ съ братишкой на тундрѣ (тундрѣ) комары заѣли—это было. Комаровъ у насъ по лѣтамъ живетъ несовѣтимо много: дѣться некуда.

— Знаю, самъ испыталъ!

— Ну вотъ, дѣвонька-то, вишь, за ягодами, за морошкой ходила; тѣ и напали на нее, комары-то; она братишку на колѣни взяла; его то и отмахивала бы, такъ самое-то кусали: выбились изъ силъ, такъ и изошлись. Нашла дня черезъ два: парнишечко-то у ней на колѣночкахъ, сама она на кочкѣ сидитъ—оба мертвые—Господи!

Ямщикъ глубоко вздохнулъ, но въ прежнемъ показаніи своемъ былъ справедливъ: вой волковъ стихъ мало-по-малу и затихъ совсѣмъ, когда мы съѣхали съ сѣвѣнной поляны—оказавшейся, по словамъ ямщика, замерзшимъ и закиданнымъ сѣгомъ озеромъ—въ лѣсъ, по обыкновенію, поразительной своею тишиною и мрачнымъ видомъ. Выглянувшая изъ облаковъ луна позволила разглядѣть, по указанію ямщика, дремавшую на придорожномъ сучкѣ птицу, которая оказалась глухаремъ, по здѣшному—*чухаремъ*.

— У насъ вишь и птица не пуглива, не токма...

— Тебѣ бояться нечего—ты привыкъ; теперь и я похрабрѣ буду.

— Медвѣдей ты бойсь: эти ломаютъ, такъ и тѣ теперь въ берлогахъ спятъ. Лѣтомъ они хрустятъ же по Тайболѣ, такъ мы сюда и глазъ не кажемъ на ту пору. Бить ихъ въ нашихъ мѣстахъ—не бьютъ...

— Отчего же не бьютъ?

— А какъ ты его досягнешь! Тайбола-то ишь какая долгая, да широкая; на низъ-то она къ тундрѣ подошла, а вверхъ такъ ей, сказываютъ, и конца тамъ нѣтъ.

— Хорошій, кажется, лѣсъ по ней выросъ?

— Какой хорошій! съ виду — такъ пожалуй, а то нѣтъ — дряблой лѣсъ: на болотинахъ растеть, гдѣ ему хорошимъ быть; пущай вонъ по суходольямъ которой поднимается—ничего, живеть, матерой есть. А много-ли тебѣ суходольевъ? Все, гляди, мшина да болотина, да зыбь, что человека въ иныхъ мѣстахъ не доржитъ; озеръ опять насыпано по тундрѣ-то по этой и нивѣсть кое число: и живутъ крѣпко же большія, верстъ по тридцати бываютъ.

— И рыбы въ нихъ, чай, много?

— Гдѣ же безъ рыбы? извѣстно, много рыбы: щугъ, окуней, лещей; да не ловятъ, развѣ которое озерко къ кушиѣ по-

дошло, такъ кушники берутъ же про свое про удовольствіе, а то нѣтъ, чтобы...

— И птицы, вѣдь, много?

— Много, и—несвѣтимаѣ сила!—много?

— И ее не бьютъ?

— Гдѣ же всю-то перебьешь? да и кому бить-то? вотъ тамъ, по Мезени, кладутъ путики *) и много же этихъ путиковъ и у Печоры живетъ, да гдѣ ее всю перебьешь? Вотъ, видѣлъ давнѣ чухаря? сидитъ и глазомъ не двинетъ, словно человѣка-то онъ и не видалъ, словно человѣкъ-отъ ему и не страшень...

Послышался лай собаки, тотъ радостный привѣтъ, который безконечно отраденъ и дорогъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда утомляешься долгимъ и свучнымъ путемъ и ждешь не дождешься теплаго угла, хотя бы, пожалуй, курнаго и грязнаго. На лай этотъ отозвался и ящичекъ, обратясь ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— Вонъ, собаки наши чуткія какія: за версту слышатъ. Съ виду ты имъ ломанаго гроша не дашь: хохлатенькая такая да маленькая: дрянъ, да и все тутъ... анъ-нѣтъ!... На охотѣ за птицей ли, за звѣремъ ли—золотой человѣкъ!

— Привыкли, братецъ! Живутъ на лѣсу, около звѣрей, да съ толковыми охотниками, вотъ и выучились!

— Оно, пожалуй, что и отъ этого!

Лай собаки и на этотъ разъ не обманулъ насъ: впереди уже чернѣла, какъ большая сѣрая куча, кушняя, до половины въ снѣгу, вся цѣликомъ закоптѣвшая, съ кушникомъ у дверей, который опять-таки, по обыкновенію, подошелъ попросить на бѣдность и, взявши свое, ушелъ въ избу. Изба на этотъ разъ оказалась хорошею: въ ней можно было напиться чаю и не задохнуться отъ дыма.

— Отчего, старикъ, у тебя въ кушнѣ-то не чадно?

— Чадно же живетъ, какъ топить начнешь; теперь, вишь, свуталъ (закрылъ), такъ, надо-быть, оттого.

Коротенькій декабрьскій день, съ двумя часами свѣта и ча-

---

*) *Путики* — это одно изъ тѣхъ золь, которое когда либо должно же получить свой конецъ. Путикъ—лѣсная тропка, иногда больше 50—100 верстъ длиною, по которой разставлены силки, сѣтки, кулеми и другія смертоносныя орудія для птицы и лѣснаго звѣря (см. дальше).

сомъ блѣднаго просвѣта, на утрѣ и въ сумерки, приходилъ къ концу; вскорѣ выплыла луна... Вспоминаются еще двѣ кушны, слышались брань и крики ямщиковъ и робкой голосъ кушника, просившаго на хлѣбъ. Я просыпался и опять засыпалъ до новыхъ криковъ на сбившуюся съ дороги переднюю лошадь и требованій прогоновъ, на водку и проч. Это была послѣдняя, третья, ночь моего путешествія по Тайболѣ. Проснувшись на разсвѣтѣ, я уже видѣлъ передъ собой, верстахъ въ трехъ отъ насъ, огромное, раскиданное селеніе съ двумя церквами и передъ нимъ большую снѣжную поляну. Мы спустились подъ-гору.

— Ямщикъ, рѣкой, кажется, ѣдемъ?

— Печорой.

— А впереди Усть-Цыльма?

— Она самая и есть.

Много зародилось въ эту минуту мыслей въ головѣ моей; трудно было собрать ихъ во-едино въ то время. Правда, немного было между ними ласкающихъ и живительныхъ. Холодомъ какимъ-то захолоуло сердце и немного отраднаго видѣлось въ этомъ настоящемъ; все же будущее казалось смутнымъ и неизвѣстнымъ. Вотъ, думалось мнѣ, тотъ отдаленный, благословенный, сильно расхваленный всѣми Печорской край, богатый, по общему мнѣнію, всѣми дарами природы, но еще непочатой и неразработанной. Чѣмъ-то порадуешь онъ меня, одного изъ тѣхъ многихъ, кому предлагается онъ, какъ предметъ изысканій, и кому знакомство съ нимъ достается такъ дорого и такъ трудно и зимою, и лѣтомъ? Будутъ ли и здѣсь также словоохотны печорцы, какъ были предупредительно-искренни ко мнѣ дальніе жители дальнаго Терскаго берега Бѣлаго моря, или также подозрительно, недружелюбно будутъ смотрѣть на всякой спросъ мой и дѣло, какъ досталось мнѣ испытать это въ другомъ поморьѣ — Кемскомъ и Онежскомъ?...

2. УСТЬ-ЦЫЛЬМА:

Исторія заселенія этого мѣста.—Мой хозяинъ и раскольникъ.—Разказы о ловлѣ семги.—Суда-каюки.—Быть устьцылемовъ.—Свадьбы.—Раскольники.

Существованіе Усть-Цыльмы, какъ селенія, не восходитъ дальше времени Грознаго. По двумъ сохранившимся грамотамъ

его видно, что основателемъ слободки Цылемской, при впадении р. Цыльмы въ Печору, былъ новгородецъ Ивашко Дмитриевъ Ластка, которому и данъ «на оброкъ на Печорѣ на Устьцыльмѣ лѣсъ черной», съ правомъ «на томъ мѣстѣ людей называть, жити и копити на государя слободу, а оброку ему платити въ государеву казну на годъ по кречету или по соколу, а не будетъ кречета или сокола, ино за кречета или сокола оброку рубль»; на томъ основаніи, «что по тѣмъ рѣчкамъ лѣсъ дичь и пашень и покосовъ и рыбныхъ ловищъ изстари нѣтъ ничьихъ и отъ людей далече, верстъ за пятьсотъ и больше». «А кто у того Ивашка — говоритъ грамота дальше — въ слободѣ пріѣзжихъ людей учнетъ жить сильно, а ему не явился, и онъ съ того емлетъ про мыты на великаго князя рубль московской» и проч. Богатство края: рыбныя ловища и кречатыи и сокольи садбища (по словамъ грамоты) и лѣсъ дичь (не початой), породило Ласткѣ противниковъ: кеврольцовъ, чакольцовъ и мезенцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые знакомы уже были съ Печорою и ея богатствомъ прежде — «ловили рыбныя ловли наѣздомъ», какъ говоритъ вторая грамота въ другомъ мѣстѣ. Эти придумали хитрость, хотя и весьма неловкую: они задержали Ластку, на пути въ Москву, у себя на Пинегѣ, отправивъ впередъ своихъ приспѣшниковъ ходатайствовать у царя объ новой грамотѣ для себя исключительно. Въ мартѣ посланные явились въ Москвѣ съ челобитьемъ и сказомъ «про Ивана про Ластку, что его безъ вѣсти нѣтъ» и что они готовы дать оброкъ за два года впередъ по три рубли на годъ. Въ апрѣлѣ пріѣхалъ и Ластка, и къ прежнему оброку надбавилъ еще рубль противъ противниковъ своихъ; рѣшено было тѣмъ, что Печора осталась за Ласткою, «потому-что (какъ сказано въ грамотѣ) насъ тѣ кеврольцы и чакольцы и мезенцы Вахрамѣйко Яковлевъ съ товарищи оболгали, что Ивашки Ластки безъ вѣсти нѣтъ, а давати ему оброку царю и великому князю на годъ въ нашу казну по четыре рубли московскихъ». На оборотѣ подписъ Грознаго и слѣдуетъ приписка, изъ которой видно, что пинезжане на новой оброкъ Ластки наложили еще свой рубль, но Ластка и тутъ не уступилъ: Печора осталась-таки за нимъ за шесть рублей оброку въ годъ. Ластка затѣмъ лѣсъ дичь расчищалъ и въ слободку людей призывалъ и церковь Николаи Чудотворца въ той слободѣ поставилъ и пона устроилъ какъ ему

у той церкви можно прожити!» Все это происходило въ 1555 году; черезъ девять лѣтъ, въ 1564 году, въ Усть-Цыльмѣ считалось уже 14 дворовъ и «въ нихъ людей 19 человекъ, по Якимову письму Романова.» Въ 1575 году «по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева въ ново прибыло (передъ прежнимъ) два двора, а людей въ нихъ прибыло 4 человекъ», а при нихъ «церковь съ трапезою Никола Чудотворецъ на погостѣ и при ней черной попъ Андреянъ.» «А се угодья Усть-Цылемскія волости жильцовъ, по рѣкѣ Печорѣ рыбныя ловли и тони и рѣчки и стороннія, которыя устья падутъ въ рѣку Печору... и всего 14 тонь да 6 рѣчекъ, а ловятъ на всѣхъ на тѣхъ тоняхъ красную рыбу семгу, а въ рѣчкахъ ловятъ бѣлую да бобры бьютъ *) всею Усть-Цылемскою волостью жильцы, а владѣютъ они волостные люди во всякихъ угодьяхъ двѣма долями, а третью долю во всѣхъ угодьяхъ владѣютъ тутошныя слабодчики Иванко Ласта... Да въ той же Цылемской слободки хлѣбныя пашенки позади дворовъ ихъ въ капустныхъ огородишкахъ ихъ же новыя розчисти всей волости пашенки пять четей и они тѣ пашенки въ иной годъ пашутъ, а въ иной и не пашутъ, потому что морозомъ убиваетъ; да ихъ новыя розчисти, а на тѣхъ розчистяхъ косятъ они сѣно; а давали они прежь сего царю и великому князю въ казну съ тое пашенки и сѣнныхъ покосовъ по тому, какъ было прежь сего, по рублю московскому на годъ, а разводити имъ тотъ оброкъ промежь себя самимъ по своей пашнѣ и по сѣннымъ покосамъ, кто сколько пашетъ.» Въ началѣ нынѣшняго столѣтія домовъ считалось въ Усть-Цыльмѣ уже 120, а жителей 417 душъ; церквей 2, обѣ деревянныя, изъ которыхъ одна, построенная въ 1752 году, обветшала, другая, новая, построена въ 1853 году; нынѣ дворовъ 160, жителей 490.

Вотъ все, что можно было узнать про прошедшее и отчасти настоящее Усть-Цыльмы, по древнимъ памятникамъ, актамъ и книгамъ — а въ настоящемъ.... Такъ-называемая отводная квартира — комната, обитая, къ удивленію, шпалерами, хотя и дешовенькими и старенькими, въ родѣ тѣхъ, какими обиваются станціонныя комнаты въ дальней Россіи, на большихъ

---

*) Бобры теперь тамъ замѣчательная рѣдкость.

трактахъ; крашенный столъ съ побѣлѣвшей доской, выскобленной хлопотуньей хозяйкой по излишней чистоплотности, кровать двуспальная съ ситцевыми занавѣсками: во всемъ признаки квартиры, передо мною только опростанной хозяевами. Въ углу печь огромная и, на этотъ разъ, до того натопленная, что въ комнатѣ было невыносимо - душно. Передо мною самъ хозяинъ, успѣвшій уже распросить меня: кто я, зачѣмъ и откуда.

— Очень ужъ ты печь-то натопилъ—невыносимо!

— Для-ради твоего же прѣзда...

— Топилъ бы столько же, сколько и для себя топишь.

— Поопасился, обидится-можъ, приругаетъ; велѣлъ бабамъ три охапки бросить.

— Чѣмъ же тутъ обижаться?

— Да ты вотъ такъ, а другой, поди, и не эдакъ... Намъ вѣдь за дрова-то деньги платять, взыскивають, такъ и стараешься угодить.

Въ дѣйствительности всѣ дома усть-цыемскіе плохо срублены, неискусно слажены и потому большею частію холодны. Къ тому же они переполнены черными тараканами прусаками.

— Да теперь на нихъ лекарство придумано — объясняетъ хозяинъ: растворимъ окно, остудимъ печи, двери распахнемъ, сами къ сусѣдамъ переберемся—вымораживаемъ. Въ досельные годы, при грозномъ царѣ, когда этотъ черный тараканъ на Руси появился, не знали что съ нимъ дѣлать, боялись. Въ одномъ мѣстѣ поддервни—сказываютъ—сожгли отъ нихъ; въ другомъ цѣлую деревню спалили, чтобы звѣря этого истребить.

Пригласилъ я хозяина чаю напитокся — не отказался; но, взявши чашку и перекрестившись, оговорился:

— У насъ эдакіе вотъ есть, что съ тобой изъ одной чашки не стануть пить и ѣсть...

— Отчего же?

— Вѣра, значить, такая. И въ кабакъ идетъ со своей чашкой, на тотъ конецъ ее и носить ужъ съ собой въ карманѣ. А выпилъ эдакъ крѣпко на крѣпко — и забудетъ: за артельную хватается. Не люблю я этого!...

— Самъ-то ты старовѣръ?

— Старой вѣры, что таитья, старой вѣры! Да я только старымъ крестомъ крещусь—истиннымъ, значить, да въ цер-

ковъ не хожу, по батюшину по завѣту: — а то ничего. У насъ, почестъ, всё такъ, все селеніе.

— Какого же вы толка?

— Да ты нѣшто по этому дѣлу пріѣхалъ? Такъ я къ тебѣ такого человѣка приведу: онъ тебѣ все скажетъ, а я говорить не умѣю. Пойдемъ теперь, я тѣ селеніе наше покажу, да и отъ собакъ обороню. Много же ихъ у насъ въ селенѣ: по осенямъ-то насъ волки обижаютъ, забѣгаютъ съ Печоры, такъ противу нихъ!..

Пошли. Передъ глазами рядъ домовъ безъ порядка и симметріи: одинъ нахально выступилъ впередъ и сѣзилъ улицу, другой робко спрятался за него, закрывшись какимъ-то сараемъ и обернувшись главнымъ фасомъ своимъ совсѣмъ въ сторону. Дома эти всё двухъ-этажные; у верхняго придѣланы балконы, у оконъ ставни расписанные, размалеванные по всей прихоти доморощенныхъ вкуса и воображенія; у каждаго на крышѣ по шесту съ флюгаркой, которую часто замѣняетъ простая крашенная тряпка, голикъ, цалка... Всё дома, при общемъ взглядѣ на нихъ, какъ-будто сейчасъ сползли съ соседней горы и наперерывъ другъ передъ другомъ стараются быть поближе въ рѣкѣ Печорѣ. Печора привольно раскинулась передъ селеніемъ версты на полторы въ ширину. Шли мы долго и селенію, кажется, конца нѣтъ.

— Длинна-же ваша Усть-Цыльма!—обратился я къ проводнику-хозяину.

— Живетъ-таки. Семь верстъ изъ конца-то въ конецъ считаемъ. Пустырей ужъ очень много: при болотахъ вишь выстроились, проталинки такія по сю-пору видны. Вонъ, гляди, какой пустырь!

Передъ нами площадка, въ одномъ концѣ которой, на пригоркѣ, новая церковь; справа недурное (сравнительно) зданіе съ надписью «сельская расправа»; подлѣ кабака. У кабака куча народу, обратившагося въ нашу сторону съ изумленными и недоумѣвающими лицами; одинъ отошелъ въ нашу сторону; хозяинъ попріотсталъ. До слуха моего донеслось слѣдующее:

— Начальникъ?

— Начальникъ.

— Какой?

— Большой, изъ самаго изъ Петенбруха.

— По насъ?

— Кажись...

И еще нѣсколько словъ, которыхъ уже нельзя было слышать.

На обратномъ пути къ дому, весь народъ, стоявшій у кабака, значительно увеличившійся въ количествѣ (сколько могъ я это замѣтить), снялъ шапки. Хозяинъ опять отсталъ, пославши въ догонку за мной парнишку, вѣроятно, съ прежнею цѣлю отгонять отъ меня собакъ, и пришолъ въ мою комнату, уже часъ спустя, съ поклономъ, умоляющимъ видомъ и вопросомъ:

— Не вытолкаешь ты меня въ шею?

— Что ты это, Богъ съ тобой? милости прошу, садись, толкуемъ!

— Я не за тѣмъ...

— Что-жъ тебѣ угодно?

— Да угодно, твою милость, значить... утрудить просьбой...

— Какой же? садись и рассказывай!

Хозяинъ продолжаетъ есть и кланяться.

— Я не за себя, выходитъ...

— За кого же?

— Миръ тебя видѣть желаетъ: выборныхъ прислалъ — не прогонишь ты ихъ? въ избѣ ждуть...

— Проси ихъ, что имъ надо?

Хозяинъ опроретью бросился за дверь и явился съ цѣлой толпой мужиковъ, изъ которыхъ только одна половина могла умѣститься въ комнатѣ; другіе установились въ избѣ. Изъ толпы вышелъ одинъ, видимо, самый бойкой, кланяется низко въ поясъ и, встряхнувши съдой головой, спрашиваетъ:

— Изъ Петенбруха ваша милость?

— Да.—Что-жъ тебѣ угодно?

— По какимъ по такимъ по дѣламъ изволишь?

— Посмотрѣть какъ вы рыбку ловите, судѣнки строите...

— А не по духовнымъ?—послышался вопросъ отъ другаго.

— Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ.

— А мы думали—по духовнымъ: у насъ, вишь, тутъ дѣло есть такое немудрое... продолжалъ опять первый.

— Церковь, вишь, благословенную построить хотѣли—поддержалъ его второй голосъ.

— Такъ, вишь, ни то, ни сѣ—ужь и не знаемъ, какъ дѣл-
то это понимать? Яви божескую милость, прими прошенъце!

Весь народъ — и передніе, и задніе — повалился въ ноги. Исторія принимала крутой оборотъ, неожиданной, неприможимой во всему тому, чего я отъ нихъ хотѣлъ и чего могъ ожидать.

— Я, братцы, не за тѣмъ посланъ. Просите тѣхъ, отъ ко-
го это прямо зависитъ: мое тутъ дѣло сторона!

Просители опять поклонились; на лицахъ ихъ можно было прочесть какое-то недовѣріе къ моему отвѣту. Первымъ вывелъ меня изъ этого неловкаго положенія тотъ, который началъ говорить со мной и котораго они, повидимому, выбрали своимъ адвокатомъ:

— Ну, прости нашу глупость мужицкую, что безпокойство тебѣ причинили. Не гнѣвайся!...

Задніе уже полѣзли изъ дверей, но выборной оставался.

— Мы, вѣдь, темной народъ, извѣстно. Думали, что ты въ правду такой!...

Онъ, наконецъ, поклонился и вышелъ; въ избѣ уже начался базарный шумъ, который становился все громче и громче. Немного спустя, дверь опять отворилась; явился сѣдой старикъ опять съ поклономъ.

— Говорить съ тобой послали...

— Объ чемъ же?

— О томъ говорить послали, что тебѣ самому-то надо. Ска-
зывай! Зачѣмъ, давѣ сказывалъ, послали-то тебя? я не вслу-
шался...

— Посмотрѣть, какъ вы суда строите, какъ вы рыбку ловите...

— Суда строимъ? да судовъ-то мы вѣдь не строимъ ника-
кихъ, нѣтъ у насъ заводу экаго съ — искони бѣ. Карбасишки
вонъ шьемъ маленькіе, про домашнюю потребу. Большія-то су-
да изъ Мезени приводимъ; нониге-то, вонъ въ Городкѣ (Пу-
стозерскѣ), въ-рѣдкую когда строятъ же и большія да мало...
Каюки*) чердынцы приводятъ: такъ и тѣ тамъ вверху дѣла-

---

*) *Каюки*—грузовое судно, крытое двускатною крышею, снаружи высмо-
ленное, длиною отъ 8 до 12, шириною отъ 3 до 5 сажень; въ кормѣ каюта;
вершина носа загибается внутрь судна. Суда эти ходятъ и противъ тече-
нія на парусахъ и бичевой (рѣдко впрочемъ); въ море не пускаются. Грузы
поднимаютъ они отъ 6 до 9 тысячъ пудовъ.

ють, у нихъ же... пуцаемъ ихъ съ рыбкой, кому надо. А рыбку-то мы больше сѣмушку (семгу) да сиожковъ (сиговъ) промышляемъ. Велишь, что-ли, сказать, какъ рыбку-то промышляемъ, али не надо?...

— Сдѣлай милость, будь такъ добръ!

— Осенью вѣдь это больше; потому сѣмушка рыбка такая прихотливая, забавная — сказать бы тебѣ надо; любить она, матушка, вѣтры, бури, чтобъ вода-то какъ въ котлѣ кипѣла. Знаетъ-ли она, что человѣку-то эта погода не любя и сидитъ-де всякой вресноной въ ту пору дома, али бо другое что; по мнѣ, кажись, вѣрнѣе тѣ: Господь ее Богъ сотворилъ ужъ такой, что ей бы все съ волной, да съ порогами бороться, силой своей дѣйствовать... Христось ее вѣдаетъ въ томъ; только она все противъ воды идетъ на устрѣту, а вѣдь Печорушка-то наша больно же бойка, быстро бѣжитъ. Навага, сигъ, пѣледь опять — эти идутъ больше въ ясную погоду, когда солнышко свѣтитъ, а сѣмушка—нѣтъ! Какъ, выходитъ, поднялись бури, такъ мы за ней и выѣзжаемъ—прости, Богъ, грѣхамъ нашимъ! *поплавию* *) — сѣтъ такая большая, какъ есть рѣка шириной. Этой больше ловимъ всѣмъ селеньемъ; а то и неводами:—тѣми, почитай, меньше одначе. Что выловимъ, то на мѣръ и разложимъ и продадимъ чѣрдынцамъ, которые на ваючкахъ-то приходятъ къ намъ; этимъ вотъ и подати оплачиваемъ государевы. Ты такъ и записывай, гдѣ у тебя тамъ...

---

*) Поплавня—крестообразно сдѣланный изъ палокъ поплавокъ, къ которому привязывается длинная, во всю ширину рѣки, сѣтъ и который оставляется на одномъ берегу рѣки. Сѣтъ эта, у которой наверху полавки изъ бересты, а внизу кибаса — каменные якорьки — постепенно выметывается изъ лодки къ другому берегу и принимаетъ видъ вогнутой линіи. Когда вся сѣтъ будетъ выброшена, тогда ѣдутъ съ нею съ версту по теченію и потомъ медленно заворачиваются, выбирая сѣтъ въ лодку. Рыба обыкновенно, проходя, вязнетъ въ ячехъ, величина которыхъ нѣсколько меньше середины тѣла рыбы, бьется и тѣмъ даетъ знать о мѣстѣ нахождения. Замѣтивши ее въ водѣ, и обыкновенно для того, чтобы она не выбилась и не ушла, достаютъ ее оттуда желѣзнымъ крючкомъ, вонзая его въ бокъ. Съ неводомъ таме исторія, съ тою разницею, что неводомъ ловятъ въ меньшемъ участіи рѣки, а не во всю ея ширину. При неводѣ успѣхъ ловли зависитъ отъ того, чтобы возможно быстрѣе загребать, перегибая неводъ къ береговой сторонѣ. Береговой конецъ—безъ полавки, его держатъ на берегу работники.

— Что же дальше съ рыбой?

— Солимъ; правда, лежитъ же она у насъ сутки двои, и пожалуй, и трои въ водѣ, мокнетъ—значить...

— Зачѣмъ же такъ? вѣдь этакъ вся истощаетъ: она дрябнетъ тѣломъ, дѣлается хуже, вонъ какъ и по Бѣлому морю.

— Это правда, что дрябнетъ, тоже вонъ и чердынцы скываютъ:

— И солите-то, вѣроятно, скупю?

— Не больно же щедро: и на это указываютъ всѣ.

— Зачѣмъ же дѣло? отчего не дѣлаете лучше?

— Да ужъ дѣлать видно такъ, какъ заведено изстари. Вотъ поди ты, отчего бы и не дѣлать-то лучше, право! Ишь, вѣдь, мы народъ какой глупой, право? Захотѣлъ ты отъ насъ отъ дураковъ: какъ, знать рождены такъ и заморожены, право!..

— Чѣмъ же еще-то живете вы?

— Да какъ чѣмъ — вонъ скотинку доржимъ и много скотинки-то этой доржимъ; бьемъ ее — мясо продаемъ самоѣди. Любятъ, вѣдь, они мясо-то и сырое жрутъ, такъ... царь тебѣ идетъ отъ нее, кровь течотъ съ нее, а ему-то тутъ, нехристю, и кусь, и глазенки то его махонькіе всѣ радостью этой наливаются. Это, вѣдь, не русское племя. Вонъ посмотри ты ихъ: живутъ они по тундрѣ-то и по деревнѣ у насъ ходятъ, кто за милостыней, кто въ работникахъ живетъ; бабы... тѣ больше шьютъ и таково ловко шьютъ — поискать тебѣ на бѣломъ свѣтѣ!

— Олени-то есть у васъ?

— Самая малость. Только про свой обиходъ. Во всемъ селеніи не найдешь половины противу того, что вонъ у ижемца у другаго, и не больно у богатаго. Олени-то всѣ у нихъ, вся тундра у нихъ, всѣхъ самоѣдовъ ограбили эти ижемцы. Зыряне вѣдь они, не наши!... Бѣдное, вѣдь, наше селеніе, больно бѣдное: босоты да наготы изувѣшены шесты. Смотри: дома всѣ погнили да рушатся, а поправить нечѣмъ. Вонъ и теперь дѣло съ пустозѣрами не можемъ порѣшнить: загребли Печорушку всю, почестъ; выселки свои понадѣлали чуть не подъ самымъ у насъ носомъ. Тако дѣло!.. Не похлопочешъ ли ты, ваше сіятельство, яви милость божескую! Плательщики бы были до гробовой доски!..

Старикъ поднялся со скамьи и повалился въ ноги.

— Не нравится мнѣ, старикъ низкопоклонство ваше, зачѣмъ оно?

— И, батюшко, съ поклону голова не сломится! Будь ты только милостивъ, а мы за этимъ не стоимъ!...

— Вы, старикъ, все-таки меня не за того принимаете, за кого надобно, ошибаетесь...

— Ну, прости, прости, разумнигъ! не буду просить, ни о чомъ не буду просить, развѣ... не кури вотъ, кормилецъ, при мнѣ... больно ужъ очень перхота долить!

— Изволь, для тебя и за твою словоохотливость...

— Ну да ладно, постой: о чемъ-бишь ты давѣ спрашивалъ? Еще-то тебя зачѣмъ послали?*

— Да вотъ зачѣмъ еще, чтобъ посмотрѣть какъ живете?

— Живемъ-то? да больно-же нужно живемъ; сторона, вишь, самая украиная; чай, тебѣ и доѣхать до насъ много же времени хватило?

Я сказалъ.

— Больно бѣдно живемъ—это что и толковать! Прежде лучше жили, а вотъ теперь какую тебѣ чердынцы цѣну за семгу дадутъ, то и ладно, ту и берешь съ крестомъ да съ молитвою. На все, вѣдь, намъ надо деньги, все вѣдь мы покупаемъ: вонъ и постели—шкурны оленьи, надо бы сказать тебѣ — и тѣ покупаемъ, чего бы хуже! У ижемцовъ экаго добра столь, что хоть волость-то всю укутывай — хватить. Они и одѣнутся, они и денежки въ кованной сундукъ положить — богаты! Бѣднѣй-то насъ ты на всей Печорѣ не сыщешь, не многимъ, чѣмъ самоѣди-то, богаче живемъ...

— Зачѣмъ же народу такъ много у кабака стоитъ?

— Пьютъ у насъ — это правда, что пьютъ, да не больно же шибко. А у кабака стоитъ кто: не всякой же и за питьемъ пришолъ; гляди на половину—такъ постоять собрались да покалякать. Гдѣ больше-то дѣлать этакъ въ другомъ мѣстѣ? А тутъ тебѣ весь мѣръ, весь деревенской толгъ; мѣлицы наши теплы и къ морозу мы свычны, а и озябъ кто, въ кабакъ зайдетъ погрѣться: подъ руками, благо! По праздникамъ пьютъ и шибко гуляютъ—что хитрить? Наши пьяницы, хоть и не очень отягощаютъ себя пьянствомъ, однако, не дадутъ своей долѣ испортиться въ подвальной бочкѣ, да и чужое-то, пожалуй, не вьсаютъ. Я

вѣдь тебѣ всю правду... Что же еще-то ты смотришь у насъ станешь?

— Пѣсни буду слушать да записывать, не попадется ли хорошая?

— На посѣдки, стало, пойдешь къ дѣвкамъ?—это ты дѣло! у насъ это всѣ любятъ, никто не обойдетъ селенія нашего; затѣмъ и славу такую пустили; чай, ты и на Мезени про то слышалъ? У насъ это одно не ладно: въ старину, сказываютъ, благочестіе было, да и на моей памяти, смириѣе. Теперь измотался народъ, изсвободился. А, можетъ, такъ и надо. Не сказалъ ли я тебѣ, ваша милость, обиднаго чего этимъ словомъ самимъ?—прости! Я вѣдь опять... сглуца. Пошто же эти тебѣ пѣсни-то?

— Необходимы также, очень пригодятся мнѣ!

— Да пошто-жъ и ѣхать тебѣ этакую даль? По мнѣ, кажись, ѣхать ты напрасно: у васъ тамъ, въ Расеѣ, лучше, красивѣе баютъ нашихъ пѣсни эти. Не надо бы...

— Это не главное.

— То-то. Еще что тебѣ надо?

— Посмотришь, какъ свадьбы справляютъ

— Это можно. Почему же опять и не посмотретьъ тебѣ, какъ свадьбы справляютъ?—У насъ, вѣдь, это все по старинѣ, по самой стародавней.

— Вотъ это-то и хорошо; это для меня еще болѣе любопытно.

— Ну, врешь, ваше благородіе! ты это не по себѣ... ты это меня старика приголубить хочешь: видишь, что старъ я, да старымъ крестомъ помолился, да разговоры тебѣ разговариваю, ты это меня поласкать, поласкать... Я тебѣ не вѣрю! сказывай дальше!...

— Другіе у васъ обычаи, какихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ, пріѣхалъ посмотреть...

— Да, вѣдь, этихъ-то нѣтъ у насъ, совсѣмъ нѣтъ, хоть и не ходи и не выштывай! Мы живемъ, надо тебѣ сказать всю правду, такъ какъ намъ начальство велитъ, отъ себя мы ничего... ни-ни, ничего...

Старикъ при этомъ моталъ головой, топалъ ногами, руками махалъ, приподнялся со скамьи и, наклонивши голову къ плечу, съ умоляющимъ лъстивымъ выраженіемъ лица, примолвилъ :

— Батюшка! ваша сіятельная особа, христовъ человѣкъ! позволь я къ тебѣ давѣшнихъ-то мужиковъ приведу, хоть не всѣхъ... Сдѣлай милость... за благодарностью тебѣ не стоимъ!...

Словамъ этимъ скорѣе можно было, пожалуй, смѣяться, чѣмъ сердиться на нихъ; во всякомъ случаѣ отъ старика не было никакой уже возможности добиться чего-нибудь болѣе толковаго, идущаго къ дѣлу. Онъ началъ отвѣчать какъ-то урывчиво, не впадѣвъ, отъ бѣльшей части вопросовъ отказываясь крайнимъ невѣдѣніемъ, несмысленностью, тупостью и неразуміемъ. Старикъ, видимо, хитрилъ и окончателно не довѣрялъ мнѣ, что особенно ясно высказалъ при прощаньи со мною:

— Прости, говорилъ онъ:—пошли тебѣ Господи вечеръ сей безъ грѣха сотворити!

— А ты, кормилецъ, ангельская твоя душа! — прибавилъ онъ потомъ, немного помолчавъ и подумавши: — меня не тронешь? Не тронешь за то, что тебѣ наговорилъ: можетъ, какую глупость, не вѣдаючи, вывалилъ. Памятью-то ужъ больно слабъ сталъ; иное и не хотѣлъ бы сказать—сказывается! прости ты меня старика-дурака досельняго. Въ гробъ бы мнѣ ужъ надо, вотъ что! Прости, твое благополучіе!

Суровость климата, а вслѣдствіе того скудость почвы, которая способна произращать только одинъ ячмень, всегда не дозрѣвающій, плохаго качества и въ маломъ количествѣ, наконецъ (и это главнѣе всего)—близость моря, отвлекають устьцылема отъ домашнихъ работъ и пріурочивають его къ странствіямъ въ дальнюю сторону. Бѣльшую часть весны и лѣта они какъ и всѣ приморскіе жители, проводятъ на морѣ: или около устья Печоры, или даже на Новой Землѣ; осень, самое рыбное время для Печорскаго края, призываетъ усть-цылемовъ къ дому, или лучше къ родной рѣкѣ. Только зима—и это особенное счастье, исключительное право для нихъ, сравнительно съ другими приморскими жителями Архангельской губерніи—находить ихъ дома. Но въ это время усть-цылему уже положительно дѣлать нечего, если не накопилось (и то только у самыхъ богатыхъ изъ нихъ) излишняго количества рыбы для продажи. Дальныя поѣздки на мѣста сбыта: на Пинежскую и Усть-Важскую ярмарки отнимають, правда, у нихъ бѣльшую часть глухой зимней поры, не принося существенныхъ выгодъ. Рыбы,

сравнительно съ Пустозерскою волостью, добывается въ усть-цылемскихъ участкахъ по Печорѣ въ значительно-меньшемъ количествѣ. Ловъ и сбытъ добытаго лѣснаго звѣря (лисицъ, выдръ, песцовъ-песцовъ по мѣстному выговору, горностаевъ, бѣлокъ) также, сравнительно, ничтоженъ. Оленеводство, по словамъ старожиловъ, обогатившее наружно слободу, теперь въ рѣшительномъ упадкѣ, по причинѣ сильнаго соперничества Ижемской волости.

И вотъ почему — сильно развившаяся въ послѣднее время въ этой волости страсть выселяться на другія мѣста, даже за Уральской хребетъ, на Обь (за Сибирской камень, по ихъ выраженію)—значительное количество усть-цылемовъ въ наймахъ у богатыхъ ижемцовъ и пустозеровъ. Значительная часть промысловъ идетъ на вымѣнъ хлѣба и другихъ необходимыхъ для домашняго обихода предметовъ, привозимыхъ издавна усть-цылемскими торговцами, а въ послѣднее время сильно набившими руку въ коммерческихъ операціяхъ ижемскими крестьянами. Мелкій рогатый скотъ, по большей части комѣлой, давнишній предметъ вниманія усть-цылемовъ, даетъ, правда, сравнительно-значительное количество сала и масла, но и эти продукты находятъ болѣе выгодный сбытъ только въ рукахъ наѣзжающихъ купцовъ и торгашей. Выставляютъ, правда, усть-цылемы всякому пробѣжому и захожему гостю не туземныя лакомства: кедровые орѣхи, пшеничныя баранки, извѣстныя у нихъ подъ названіемъ калачиковъ, вяземскіе пряники (во имя исконнаго обычая гостепрѣимства); пьютъ даже чай не съ медомъ, а съ сахаромъ, но и за этой щепетильной роскошью можно усмотрѣть внимательнымъ взглядомъ самую неприглядную, самую вопіющую бѣдность, всю въ лохмотьяхъ и заплахахъ. Домá, всѣ до единаго, распатало бурными вѣтрами со стороны моря и огромной Большеземельской тундры, всѣми пургами, хивусами, зѣмятелями, куревомъ и размыло проливными весевиними и осенними дождями. Нѣтъ (по словамъ достовѣрныхъ свидѣтелей и умныхъ старожиловъ не изъ деревенскаго сословія) ни одного слобожанина, на котораго можно было бы указать какъ на достаточнаго, не говоря богатаго. Повсюдная бѣдность, вопіющая бѣдность! И, между-тѣмъ, нѣтъ ни одного селенія (исключая толковой Ижмы), въ которомъ была бы сильнѣе развита грамотность, какъ въ Усть-Цыльи. Здѣсь, естественно, какъ и во

всѣхъ другихъ мѣстахъ Россіи, надо искать причину въ расколѣ, сильно развитомъ по всей волости *). Какъ непреклонный фактъ, за истинность котораго можно ручаться, извѣстно, что всѣ архангельскіе раскольники грамотны. Такова и Усть-Цылемская волость. И вотъ почему извѣстное всѣмъ ученымъ изслѣдователямъ отечественной старины богатство здѣсь старинныхъ памятниковъ письменности въ актахъ, отдѣльныхъ монографіяхъ, старопечатныхъ книгахъ, грамотахъ и другихъ бумагахъ. Они свято хранятся здѣсь на таблахъ, въ чуланахъ и крѣпкихъ сундукахъ за замкомъ не какъ вещи, имѣющія цѣнность, какъ нѣчто старое, пережившее много столѣтій, но какъ матеріалъ для поученія и чтенія назидательнаго, усладительнаго, душеполезнаго. Пишущему эти строки удалось видѣть свѣжія, недавнія копія, цѣлыми томами большаго формата, со старопечатныхъ книгъ и цѣлые сборники-книги, которые поразительны по той разносторонней пытливости и любознательности, съ какими старались записывать печорскіе грамоты все, что могло интересовать ихъ и на сколько позволяли то дѣлать небогатые, относительно, средства. Достоверно, однако-же, и то, что здѣсь заводилось училище, но усть-цылемы не приняли его по той причинѣ, что въ немъ обѣщали учить по новымъ, а не по старымъ книгамъ, и опять обратились къ своимъ доморощеннымъ грамотницамъ — бабамъ, по обыкновенію, престарѣлымъ сиротамъ, вдовамъ или засидѣвшимся до поздней поры дѣвкамъ.

Вотъ вся жизнь усть-цылема, не сложная по обыкновенію, какъ и вообще жизнь всякаго простаго русскаго человѣка, по тѣмъ свѣденіямъ, которыя посильно удалось мнѣ собрать въ недолгое пребываніе мое въ Усть-Цылемѣ:

---

*) Усть-цылемовъ, между прочимъ, проявился мѣстно чтимый святой. Зовутъ они его Иваномъ Постяникомъ и на могилу его, верстахъ въ трехъ отъ селенія, ходятъ въ іюлѣ совершать панихиды. Здѣсь подъ лиственницами стоитъ деревянный гробъ отшельника, который выходилъ изъ своего уединенія въ Слободу, ходилъ по домамъ, когда вздумаетъ и всегда нечаянно, толковалъ подолгу и помногу. Ни отъ кого не принималъ за то никакого угощенія, никакихъ подарковъ и не сказывалъ, гдѣ живетъ. Однажды выслѣдили его, но въ то же время видѣли, какъ онъ всталъ на колѣнки и остался недвижимъ. Отъ возвращенія грѣшниковъ скончался, и уже надъ мертвымъ соорудили гробъ, который существовалъ въ томъ же видѣ, и въ наше время.

Родится онъ въ банѣ, подъ присмотромъ и на глазахъ до-
сужей приспѣшницы родильнаго дѣла бабки-повитушки; пять
сутокъ выдерживаютъ его въ банной духотѣ и теплотѣ, часто
обмывая. Роженица тоже моется и тоже, до истеченія пяти су-
токъ, выдти изъ бани не смѣетъ. Въ избѣ, на шестыя сутки,
новорожденному дается имя ставленой дѣвкой или старикомъ,
по старопечатному требнику и при благословеніи дониконов-
скимъ крестомъ. Дальше стараются всеми мѣрами уберечь дитя
отъ недобраго взгляда и неладнаго оговора чужимъ человекѣмъ;
въ противномъ случаѣ вспрыскиваютъ его черезъ уголь холод-
ной водой до судорожнаго состоянія во всемъ молодомъ, нѣж-
номъ тѣлѣ. Потомъ цѣлыхъ полгода пеленаютъ его усердно и
крѣпко, чтобы не выросло дитя уродомъ, и не кажутъ ему силь-
наго печнаго свѣта, чтобы не косило оно потомъ во всю жизнь
глазами. Годовалыхъ кладутъ на закорки подростковъ, сестренку
или братишка и даютъ право выходить на улицу дышать свѣ-
жимъ воздухомъ и развивать на неоглядныхъ полянахъ, обсту-
пившихъ кругомъ селеніе, молодое зрѣніе малютки, которое въ
взросломъ состояніи пригодится ему при стрѣляннѣ дичи и гѣс-
ныхъ звѣрковъ прямо въ мордочку, чтобы не испортить шкур-
ки. На вольномъ просторѣ и при неудерживаемой ничѣмъ сво-
бодѣ ребенокъ развивается въ кучѣ сосѣднихъ ребятишекъ-свер-
стниковъ дальше, во все время, до-тѣхъ-поръ, когда онъ дѣ-
лается полнымъ парнемъ-женихомъ. Смирентъ онъ отъ рожде-
нія — его бьютъ и дѣлаютъ подневольнымъ мученикомъ всѣхъ
дѣтскихъ напризовъ; боекъ онъ — ему первой скокъ въ чехарду,
ему переднее мѣсто и во всѣхъ играхъ. Вездѣ онъ — изъ глав-
ныхъ зачинщиковъ, а потому чаще битъ и отцомъ своимъ, и
чужими, и сельскимъ начальствомъ. Съ ранняго возраста, дѣтъ
съ 3 или 4, онъ уже въ лодкѣ, на водѣ, съ весломъ въ рукѣ
на дѣтскихъ шалостяхъ, а вскорѣ и въ серьезныхъ работахъ,
гдѣ требуется отъ него отвѣта нешуточнаго; его посылаютъ
по ягоды за Печору, и туда же стеречь и считать пасущуюся
скотину. Онъ уже сидитъ на лошади, какъ большой, онъ уже
умѣетъ при вѣтрѣ справиться съ парусомъ и не опружиться,
онъ уже, за отсутствіемъ отца на промысла, помогаетъ бабамъ
дрова колотъ, печь затоплять и во всѣхъ домашнихъ работахъ
умной человекъ и большое, толковое подпорье. Вотъ онъ уже
и на рыбныхъ промыслахъ побывалъ, и въ тундрѣ ходилъ за

оленими, и ими умѣть править, и знаетъ весь обиходъ при этомъ (хотя бы то было и не слишкомъ трудное дѣло, повидимому), онъ уже большой подростокъ и въ поспѣдахъ на святкахъ, и въ супрядкахъ въ филипповомъ посту видитъ не простую ребячью забаву, а что-то побольше и по серьезнѣе, и потому не пропуститъ приглянувшуюся ему дѣвку безъ щипковъ и щекотовъ. «Вотъ, толкують бабы, еще *полной женихъ заводится;*» дѣвки и его въ *счетъ кладутъ* во всѣхъ затѣяхъ: будетъ ли то артельная прогулка за ягодами въ дальнюю лѣсъ или посидѣлка съ *хухольниками* (ряжеными), когда любятъ въ избахъ гасить лучину и выгонять лишній народъ вонъ, на улицу. Парень замѣченъ невѣстами и одною особенно преслѣдуется на всѣхъ встрѣчахъ и перекресткахъ; онъ и самъ не прочь на отвѣтъ и привѣтъ и суетъ выбранной суженой горсть медовыхъ пряниковъ, кедровыхъ орѣховъ, перемигивается часто и многозначительно; разъ платокъ подарилъ: узнали бабы объ этомъ и рѣшили, что парень скоро засвататься долженъ, и не обманулись. Женихъ дождался только, когда святки прошли и когда минуло ему семнадцать лѣтъ—срокъ, установленный мѣстнымъ обычаемъ, и послалъ сваху, накануне перемолвившись съ суженой за банями. За согласіемъ не стоитъ дѣло: родители невѣсты знаютъ, что дочь не надежный товаръ, залежится: съ цѣны спадеть, а парни по деревнѣ всѣ равны, ни одинъ не лучше другаго, всѣ на одну колодку дѣланы. Знаютъ они это, и велятъ жениху нести *запросъ* (отъ 10 до 15 р. сер. деньгами). Пьютъ запой на жениховъ же *счетъ* и съ женихомъ вмѣстѣ, который знакомъ съ кабакомъ еще съ юныхъ лѣтъ (13-ти и много съ 14). Таковы и усть-цылемскіе обычаи! На смотринахъ этихъ творять и рукобитье, и назначаютъ день свадьбы, но не откладываютъ его на долгой срокъ. Промысловый народъ, весь безъ исключенія, не любитъ разводить пиры, по обычаю приволжскихъ губерній, особенно усть-цылемы, у которыхъ всякой грошъ на *счету* и рѣшительно нѣтъ ни одного лишняго. На другой же день, рано утромъ, выбираются дружки изъ тѣхъ ребятъ, у которыхъ есть синіе кафтаны: у женихова на правомъ плечѣ нашиваютъ ленты, у невѣстина дружки — на лѣвомъ: оба въ тотъ же день ходятъ сзывать по домамъ родныхъ и знакомыхъ на завтрашнюю свадьбу.

Въ день свадьбы, по-утру, собираются у жениха всѣ род-

ственники, садятся за столъ и ставятъ свадебный каравай и пирогъ; затѣмъ выпьютъ по два стакана пива и по два стакана вина, молятся иконамъ и ѣдутъ за невѣстой, женихъ рядомъ съ крестнымъ (онъ же и тысяцкой, обязанный платить половину свадебныхъ издержекъ), дальше сватья, а тамъ остальные жениховы поѣзжане. Женихова пара, а подчасъ тройка, гремитъ тремя-четырьмя колокольцами. По прѣздѣ къ невѣстину дому, всѣ идутъ съ крестомъ и образомъ на крыльцо въ такомъ порядкѣ: впереди дружки, за ними женихъ и тысяцкой, дальше сватья и, наконецъ, поѣзжане. Дверь заперта; жениховъ дружка колотится съ молитвой: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій!» до трехъ разъ; за дверью отдають «аминь». Слѣдуютъ вопросы изъ избы, дѣлаемые кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ невѣсты, болѣею частію братомъ, и отвѣты брата жениха, въ такомъ порядкѣ:

«Что вы за люди?»

— Мы люди божьи, да государевы.

«Зачѣмъ пришли?»

— По ваше сулено, по свое богосужено.

«Какой земли?»

— Россійской.

«Какого царя?»

— Бѣлаго.

«Какъ Его зовутъ и прозываютъ?»

— Александръ Николаевичъ Романовъ.

«Дѣточки?»

— Николай, Александръ, Владиміръ и Алексій.

«Гдѣ столица?»

— Въ Питинбруги.

«Которой вы вѣры?»

— Самой истинной, православной.

«Не по новой?»

— По старой.

«Какой вы губерніи?»

— Архангельской.

«Какого уѣзда?»

— Мезенскаго.

«Волости и селенія?»

— Усть-Цылемскаго.

Дальше слѣдуютъ вопросы: какъ зовутъ жениха, отца его, мать, братьевъ, сватьевъ, друзей, поѣзжанъ. Разговоры идутъ добрыхъ полчаса; наконецъ, ихъ выпускаютъ въ избу, сажаютъ за столъ по порядку и обносятъ виномъ и пивомъ, а за неимѣніемъ послѣдняго — квасомъ. Затѣмъ невесту, окончательно*) наряженную къ вѣнцу, съ накинутымъ черезъ голову платкомъ на лицо, выводятъ къ жениху и передаютъ ему изъ полы въ полу конецъ накинутого ей на голову платка. Женихъ сажаетъ ее рядомъ съ собой за столъ; немного посидѣвши, встаютъ; отецъ невестинъ спрашиваетъ жениха: «Будешь ли кормить-пить, одѣвать-обувать и женой почитать?» По отвѣтѣ «буду», начинается совершеніе обряда бракосочетанія по старымъ книгамъ и старымъ обычаямъ; затѣмъ пиръ и угощеніе. Первыми рюмками обносятъ молодые и, подслащая, по обычаю, горечь вина поцалуями, получаютъ отъ гостей деньги: 10, 15, 20, 25, 30 и иногда 50 коп. сер. Мужчины при этомъ цалуютъ молодую, а женщины молодого. Угостивши гостей, молодыхъ уводятъ въ дальнюю комнату: и пиръ, въ собственномъ смыслѣ, затѣваютъ уже на другой день въ домъ молодого и продолжаютъ на третій въ домъ молодой.

Живутъ ли молодые согласно и честно? Хотя это дѣло домашнее и потому, какъ говорится, темное, но отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать смыслъ бѣльшей части пѣсень, правда, неутѣшительный по отношенію къ нравственности усть-цылемскихъ слобожанъ и слобожанокъ, тѣмъ болѣе, что въ иныхъ

---

*) *Нѣсколько словъ о нарядѣ усть-цылемокъ.* Дѣвушки выпускаютъ изъ подъ платка, вышитаго золотомъ, косу съ гайтаномъ по спинѣ; по праздникамъ, вмѣсто гайтана, влетаютъ, яркія ленты. Сарафаны праздничные отъ подбородка до подола спереди обшиты пуговицами; колодки у башмаковъ на подошвѣ проколочены гвоздями. При повойникахъ (кокошникахъ-сорокахъ остроугольныхъ) употребляютъ золоченные подзатыльники. Вмѣсто гайтана на крестѣ, богатыя дѣвушки и жонки, по праздникамъ, употребляютъ широкія серебряныя цѣпи, переходящія по наследству изъ рода въ родъ и тщательно хранимыя. Лентъ въ косы наплетаютъ иногда ар ливъ до десяти. Серебряные перстни и жѣловые шубейки съ куньей, лисьей и бѣлячьей опушкой еще въ модѣ. Но всегда и у всѣхъ, если не по сарафану, то по рубашкѣ, надѣтъ поясъ и потерять, подарить или забыть его, по старовѣрскому повѣрью и обычаямъ, значитъ накликать на себя всякаго рода несчастія.

мѣстахъ пишущему эти строки такихъ пѣсень находить не удавалось. Изъ 12 пѣсень съ подобнымъ содержаніемъ, выбираемъ три съ менѣе рѣзкими выходками противъ супружества.

Въ одной изъ нихъ заключительныя слова, обращенныя къ отцу, такого содержанія:

Не давай меня, батюшка, замужъ:
Со тѣмъ своимъ мужемъ гулять нейдю,
Про тово свою мужа постелю постелю:—
Въ три ряда каменя накладу,
Во четвертой рядъ крапивы настелю;
Со каменяца бока его болятъ,
Со крапивы бока *спрыщивали*.

Во второй: молодецъ обращается къ женѣ своей съ такими словами:

Ты пустила сухоту
По моему по животу,
Разсѣяла печаль
По моимъ яснымъ очамъ,
Заставила ходить по ночамъ —
Приневолила любить
Чужу-мужную жену.
Что чужа-мужна жена:
То разлапушка моя.
Чтой *своя*-мужна жена:
Осока да мурава —
Въ поли горькая трава,
Вѣла рѣпица росла,
Безъ цвѣточиковъ цвѣла.

И вотъ, наконецъ, третья, вся цѣликомъ:

Понграйте вы, дѣвушки,
Повеселитесь, голубушки,
Во свою волю у батюшки,
Что во нѣгѣ у матушки,
Во прокладѣ у братьцевъ!
Неравно замужъ выйдется,
Неровень чортъ навернется,
Неровень накачается:
Либо старое уродливое,
Либо молодое спѣсивое,
Либо въ ровню упрячливое.
У меня молодой старой мужъ
Поперекъ постели лежить,

Во суноръ со мной рѣчь говорить,
Раздѣвать, разувати велить,
Балахонъ съ плечъ стягивати
И оборы разматывати.
Что не та въ поли ягода цѣла,
Не того отца дочерь была,
Не тою была у матушки,
Чтобы мнѣ старика разувать:
У меня руки бѣлыя, —
У него ноги грязныя;
На рукахъ злаченые перстни:
Что мои ручки загрязнятся,
Перстенецки поломаются.
Я пойду млада во торгъ торговать,
По обычаю товару купить:
Я за камушекъ три денежки дала,
За цѣпочку цѣлой алтынъ —
Навяжу стару на воротъ,
Я спущу стару на воду,
Я сама войду на гору,
Посмотрю на стару старика
Каково старой плаваецъ:
Се рука, се нога вверху,
Се буйна голова ко дну.
Да какъ взмолятся старой мужъ:
Ужъ ты душа, жонушка моя!
Перейми старика изъ воды,
Ужъ я радъ на тебя работать:
По три утра сырой ржи молоть,
По три утра не завтракати,
По четыре не обдывати,
Ужъ я радъ годовалые житники ѣсть,
Троёденную кашу хлѣбать.

Въ четвертой пѣснѣ, между прочимъ, дѣвушка, заявившая молодцу о томъ, что она его любитъ, на вопросъ его: «искренно ли?» отвѣчаетъ:

Я по совѣсти скажу—одного тебя люблю,
Я по правдѣ-то скажу — семерыхъ съ тобой люблю.

Всѣ остальные пѣсни, собранныя въ Усть-Цылымъ и распѣваемые обыкновенно дѣвушками на вечеринкахъ, свидѣлствуютъ о крайней развращенности нравовъ: шесть изъ нихъ, болѣе типичныхъ, рѣшительно не годятся для печати.

Отъ болѣзней усть-цылемы умираютъ мало; большею частію

постигаетъ ихъ смерть на промыслахъ; въ селеніи попадаетъ очень много стариковъ, изъ которыхъ большая часть сказывали, что имъ уже за седьмой, а многіе, что и за восьмой десятокъ лѣтъ перевалило *). Заплативши извѣстную, постановленную взаимными договорами дань кому слѣдуетъ, усть-цылемы хоронятъ своихъ покойниковъ ночью. Воютъ по ихъ душенькамъ также невыносимо-раздражительнымъ напѣвомъ и также поминаютъ его вутѣй въ 3-й, въ 20-й, въ сороковой день, черезъ годъ и такъ дальше, ежегодно въ день смерти и въ родительскую—Дмитріеву—субботу, чтобы успокоилась его душенька, если только не кривилъ онъ ею, при жизни, въ торгахъ съ самоѣдами. Эти, по страсти къ вину, пьяными готовы продать за кубокъ (полштофъ) водки цѣлаго оленя, пожалуй чернобурю лисицу и даже весь свой годовой промыселъ, если у покупщика не дрожить рука и если кулакъ его здоровѣе кулака продавца—самоѣда.

Въ послѣднее время сильно распространилась между усть-цылемцами болѣзнь сифилитическая, перешедшая отъ самоѣдовъ, гдѣ почти всѣ поголовно отъ колыбели заражены ею. Средствъ къ леченію нѣтъ никакихъ и потому она въ тѣхъ мѣстахъ всегда почти смертельна. О такомъ грустномъ фактѣ я попечалился старикъ, навѣщавшему меня ежедневно и пившему со мною чай, но изъ своей чашки.

— Что жъ дѣлать? отвѣчалъ онъ: — Божье, знать, на то поущеніе за грѣхи *восьмой тысячи* *).

— А по мнѣ, ты тамъ какъ хочешь и что ни толкуй, старикъ, а тутъ виною расколъ вашъ...

— Ты что же это: можешь думаешь, что мы *свалъному грѣху* причастны?

---

*) Изъ особенно распространенныхъ болѣзней—никота у мужчинъ и у женщинъ въ одинаковой мѣрѣ, причину которой приписываютъ обыкновенно порчѣ или отравѣ злыхъ людей, дѣлающихъ это по ненависти. Противъ оспы и горячки нѣтъ никакихъ средствъ. Одинъ знахарь попробовалъ лечить больного напававшемъ до пьяна простой неочищенной водкой: одну женщину, говорила, вылечилъ; другую опомля до смерти.

*) По мнѣнію старообрядцовъ, въ нынѣшнюю — восьмую тысячу лѣтъ (отъ сотворенія міра) непремѣнно должно ожидать прішествія антихриста, который-де уже и родился.

— Да ужъ это безъ всякаго сомнѣнія: къ вамъ вонъ изъ Ижмы, что въ свой домъ, навъзжаютъ тамошніе богачи...

— Ты мнѣ объ этомъ не сказывай, про ижемцовъ ты мнѣ не сказывай! Это наши супостаты, супротивники: мы съ ними изъ-старинны во враждѣ, и дирались, крѣпко-на-крѣпко дирались прежде, до смертнаго побитія дирались. Теперь вотъ только нѣшто поулаживаемся промежь себя-то, миримся кое-какъ. Да и то нѣтъ: ижемцы на зло это на наше, славу пускаютъ такую и соблазняютъ...

— Да, вѣдь, противъ этого, старикъ, есть пословицы хорошія, чай, самъ знаешь?

— Ты это дѣло говоришь! правда же твоя, какъ передъ Богомъ. Ты постой-ко, постой ты! Я вотъ тебѣ...

Старикъ, сдѣлавши многозначительное и важное выраженіе на лицѣ, наклонился къ самому моему уху и прошепталъ слѣдующее:

— Повъзжай, слышь-ты, въ Пустозерской-Городокъ; тамъ лучше, по Богъ... народъ цѣломудренній, тамъ нѣтъ этого, что вонъ и въ Ижмѣ. Одна только волоства-то наша и задалась такой праховой, будь намъ пусто!...

Пустозерскъ давно манилъ меня въ свою глушь и даль близкимъ положеніемъ своимъ къ океану и какъ городокъ, сохраняющій въ обычаяхъ своихъ много старинны честной и не испорченной, населенной добрымъ народомъ, сколько могъ я судить по общимъ слухамъ, и наконецъ, какъ самое первое заселеніе новгородцовъ въ Двинской землѣ, сколько можно вѣрить въ этомъ народнымъ преданіямъ и нѣкоторымъ намекамъ, разбросаннымъ въ историческихъ документахъ.

27 декабря 1856 года я былъ уже тамъ.

3. ПУСТОЗЕРСКЪ.

Первыя впечатлѣнія пути. — Преданія объ историческихъ ссыльныхъ: Аввакумъ, А. С. Матвѣевъ, В. В. Голицынъ, князь Щербатовъ. — Отводная квартира. — Дома пустозерцовъ. — Непогоди. — Разказы о Новой Землѣ. — Занятіе жителей. — Самоѣды.

Къ Городку (такъ онъ до-сихъ еще поръ извѣстенъ между ближними и дальними сосѣдами) *) подвѣзжалъ я ровно въ

*) Слово «Пустозерскъ» на языкъ печорцовъ не существуетъ; всѣ называютъ его просто «Городкомъ».

полдень. Солнце, не выходявшее еще въ тотъ мѣсяцъ (декабрь) на горизонтъ, давало, впрочемъ, отъ дальней зари своей на столько свѣту, при обильномъ подспорьи необыкновенно-поразительной бѣлизны снѣговъ, что Пустозерскъ видѣнъ былъ верстъ за десять. Обстоятельству этому способствовало еще и то главное, что Городокъ лежитъ на открытомъ, ровномъ мѣстѣ, и дѣсь, казавшійся только издали гѣсомъ, на самомъ дѣлѣ былъ приземистый кустарникъ — *слакка* (ивнякъ, почти на половину съ можжевельникомъ), не свѣше полутора аршина въ вышину. Видѣлись церковь, крыши домовъ, послѣ двухъ суточного созерцанія снѣгу да снѣгу, да того же убогаго кустарника, между которымъ залегла узенькая, почти тропа, полоса дороги; мы то и дѣло цѣплялись санями своими за сучья, то и дѣло отряхались, помахивая мордами, хохлатые лошаденки наши отъ валившагося на нихъ снѣга. Мы выѣхали на озеро Пустое, давшее свое имя селенію — *Пустое* потому, что нѣтъ на немъ ничего, кромѣ бугровъ да моху, да кое-гдѣ несчастнаго мелкаго кустарника; кругомъ лежитъ мертвая тундряная степь. Выѣхали мы на это озеро, закованное толстымъ льдомъ — и Городокъ открылся весь цѣликомъ: маленькой, уединенный, пустынный. И, какъ теперь, вижу его съ сѣренькими избами, изъ-за которыхъ глядѣла одинокая деревянная церковь съ колокольней. Весь онъ уютно сбился въ кучу и словно только-что вчера сломанъ острогъ — неправильный четверугольникъ съ заостренными наверху толстыми и высокими бревнами — какъ будто для того, чтобы селеніе все осталось теперь на виду и на потѣху вѣтровъ и вьюгъ, набѣгающихъ сюда съ океана, и неоглядныхъ снѣжныхъ полей, величина которыхъ еще болѣе усиливаетъ пустынность и однообразіе видовъ. И безъисходно-тяжело становилось на душѣ при одномъ уже воспоминаніи, что это крайной и самой дальней предѣлъ моихъ странствій, что это одно изъ послѣднихъ русскихъ селеній на сѣверѣ, и еще сильнѣе ждало сердце та мысль непрощенная, что недаромъ здѣсь такая пустынность и безпривѣтная даль, когда Городокъ этотъ, со временъ самой отдаленной старины русской, служилъ мѣстомъ ссылки многимъ боярскимъ семействамъ, подпавшимъ опалѣ царской. И, словно какъ сейчасъ выговоренное, вспоминается мнѣ зловѣщее замѣчаніе моего ямщика, указывающаго инутовичемъ на правой берегъ озера (называемаго Городецкимъ):

— Вонъ наволокъ-отъ этотъ (мысль) *сисличимъ* зовемъ!

— За что-же такъ? — выговорилось мною какъ-то невольно и бессознательно.

— Карачеевъ, сказываютъ, вѣшали въ старину; висѣлицы-де тутъ такія стояли; приведутъ, слышь, карачей-то, котораго поймаютъ, да и повѣсятъ тутъ... Нападали, вишь, они!... А перевѣшали ихъ гораздо больше тысячи!...

И это народное преданіе имѣетъ смѣль исторической истины. Карачейскіе—жившіе у Карскаго моря (Лукоморья, по Нестору) и рѣки Кары—самоѣды, въ началѣ прошлаго столѣтія, нападали на городъ большими партіями (въ 1719, 1730, 1731 и 1746 годахъ). Они недовольны были наложеннымъ на нихъ тяжелымъ ясакомъ и за то угоняли оленей, убивали противившихся и только-что не производили пожаровъ. Архангелогородской оберъ-комендантъ, генераль-маіоръ Ганзеръ, послалъ туда роту команды съ поручикомъ Фрязинымъ, къ которой присоединены были туземные крестьяне и самоѣды. Выстроенъ былъ острогъ. Учреждена постоянная команда *). Карачей мало-помалу успокоились и перестали производить нападенія, когда уже, впрочемъ, перевѣшано ихъ было свыше тысячи, на сколько въ этомъ можно вѣрить народному преданію.

— А вонъ туда, въ лѣвъ-то! — перебилъ мои мысли ящикъ:—за лѣсомъ площадочка есть такая, крестъ стоитъ, народъ ходитъ молится: Аввакумовъ-де. А самого его сожгли въ городкѣ, на площади. Сдѣлали срубъ такой изъ дровъ, протопопа поставили въ срубъ и троихъ еще съ нимъ товарищей**).

---

*) Команда такъ уже и не выводилась оттуда, и солдаты постепенно вымерли одинъ за другимъ до послѣдняго.

**) Это были, какъ извѣстно, кромѣ муромскаго протопопа Аввакума, симбирскій Никѳоръ, роснопа Лазарь и старецъ Епифаній. Аввакумъ до Пустозерска сосланъ былъ—какъ извѣстно — въ Мезень съ семействомъ; ему оставили санъ протопопа, но запретили служить. Здѣсь онъ распространялъ свои мнѣнія и отсюда писалъ грамотки къ друзьямъ своимъ въ Москву, Боровскъ и другіе города; наконецъ началъ писать окружныя посланія и называть себя рабомъ и посланникомъ Иисуса Христа, протосиномъ россійской церкви. Въ 1665 году его вывели на Москву и послѣ новаго суда и различныхъ мытарствъ, прислали въ Пустозерскъ. Семейство его, состоявшее изъ жены Настасьи Марковой и двухъ сыновей сосланы были въ Мезень и жили лѣтъ съ тридцать. Старшій сынъ Иванъ де-

А протопопъ-то предсказалъ это раньше, что быть-де мнѣ во огни, и распорядокъ такой сдѣлалъ: свои книги роздалъ. Передъ смертью къ нему прилеталъ голубь. Изъ Москвы гонецъ прибѣгалъ и царскую милость привозилъ; народъ пустозерской и стрѣльцы, которые приставлены были совѣтовали бѣжать,— да Аввакумъ не согласился, милости не принялъ, совѣтовъ не послушалъ: велѣлъ себя жечь. Всталъ онъ въ срубъ: народъ собрался, началъ молитвы творить, шапки снялъ... дрова подожгли—замолчали все: протопопъ говорить зачалъ, и крестъ сложилъ старинный—истинный значить: «Вотъ-де будете этимъ крестомъ молиться—во вѣки не погибнете, сначала худо будетъ, а въ послѣднихъ родахъ обратите спасеніе, а оставите крестъ—городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ, а погибнетъ городокъ—настанетъ и свѣту кончина». Двое тутъ — какъ огонь хватилъ ужъ ихъ — крикнули, такъ Аввакумъ-отъ наклонился, да и сказалъ имъ что-то такое, хорошее же надо быть; старики вишь, наши не помнятъ. Такъ и сгорѣли. Когда срубъ рухнулъ, увидѣли на озерѣ лошадь скачетъ — прѣехалъ гонецъ, прощеніе привезъ да опоздалъ. Стали пепель собирать, чтобъ въ рѣку бросить, такъ только и нашли отъ этихъ двухъ кости, и, надо-быть, тѣхъ которые струсили и крикнули; старухи видѣли, что какъ-де срубъ-отъ рухнулъ, два голубя, не то лебеди свѣга бѣгле, взвились оттуда и улетѣли въ небо... душеньки-то это, стало-быть, ихнія. И на томъ теперь мѣстѣ по лѣтамъ, песочекъ такой знатъ, какъ стоялъ срубъ, бѣлой-прѣбѣлой песочекъ знатъ и все годъ-отъ году больше да больше. Запрещъ

олять лѣтъ жилъ дьячкомъ у Богоявленской церкви въ Окладниковой слободѣ; тѣмъ и семью кормилъ. Когда князь Василій Вас. Голицынъ ѣхалъ въ ссылку въ Пустозерской острогъ и жилъ въ Мезени четыре года (лодка разбилась), онъ узналъ семью Аввакума и ходатайствовалъ для нея о свободѣ въ Москвѣ у брата своего Бориса Алексѣевича Голицына. Ходатайство было уважено: аввакумово семейство было освобождено и возвратилось въ Москву около 1680 года. Въ Москвѣ они купили собственный домикъ, благодаря пособію сочувствовавшихъ заслугамъ отца ихъ и собственнымъ ихъ страданіямъ. Здѣсь сынъ аввакумова Иванъ былъ заподозрѣнъ въ расколъ, судимъ и осужденъ. Его приговорили сослать въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь на Вѣлозеро, но Иванъ будучи въ С.-Петербургской (Петропавловской) крѣпости за наравомъ, умеръ 7 декабря 1720 года.

на этомъ мѣстѣ крестъ стоялъ, въ мезенскихъ скитахъ дѣлать, и рѣшоточкой, сказываютъ, былъ огороженъ; къ этому кресту у него зубы болятъ прикладывали щоки—проходило; такъ начальство сожгло рѣшотку, а крестъ велѣли за городъ вынести, вонъ туда, влѣво-то!...

И онъ опять указалъ въ противоположную, лѣвую, сторону отъ Пустозерска *).

— А еще какихъ преданій не сохранилось ли?

— Да вонъ у старичка у одного въ Городеѣ-то крестъ деревянный — эдакъ въ четверть — хранится: самъ-де, сказываютъ, Аввакумъ его сдѣлалъ и Богу ему молился... а то другаго чего нѣтъ, да и не слышно. Содержали — то его больно же, сказываютъ, строго; на то, слышь, народъ къ нимъ такой ужъ приставленъ былъ. Изморили-де совсѣмъ.

— «А хлѣба намъ даютъ по полутора фунту на сутки (писалъ царю Алексѣю товарищъ Аввакума, по заточенію, распона Лазарь) да квасу нужное даютъ: ей-ей! — и псомъ больши сего помѣтають, а соли не даютъ, а одежишки нѣтъ же: ходимъ срамно и наго?»

«Нынѣшняго 167 году (1659) въ великій постъ на первой недѣли — пишетъ Аввакумъ (этотъ первый и самый энергичный распространитель раскола) въ посланіи своемъ къ царю Алексѣю Михайловичу изъ пустозерской темницы — въ понедѣльникъ хлѣба не ядохъ, такожде и во вторникъ и въ среду не ядохъ, еще же въ четвергъ не ядоша пребыхъ; въ пятюкъ же — преже часовъ начахъ келейное правило, псалмы давидовы, пѣти и прииде на мя озноба зѣло люта и на печи зубы мои разбило съ дрожи, мнѣ же и лежашу на печи умомъ моимъ глаголюще псалмы, понеже отъ Бога дана псалтырь изъ устъ глаголати мнѣ. Прости, государь, за невѣжество мое: отъ дрожи твоя нападе на меня мыть и толико изнемогъ, яко отчаявшумися и жизни сея. Уже всѣхъ дней издесять не ядшу ми и больши, и лежашу ми на одрѣ моемъ и зазирающе себѣ яковыя и великія дни правила не имѣю, но токмо по четкамъ мо-

---

*) Впоследствии я былъ на томъ мѣстѣ, въ 5 верстахъ отъ Городеа, и видѣлъ цѣлую группу крестовъ, но креста Аввакумова проводникъ мой выдѣлать и указать не могъ: «знають-де его немногіе старики, да указывать имъ начальство строго воспретило».

литвы считаю... Тогда нападе на мя печаль и зѣло отяготихоя отъ кручины и размышляхъ въ себѣ: что се бысть? Яко древле еретиковъ такъ не ругали, яко же меня нынѣ: волосы и бороду остригли, и проклиали, и въ темницѣ затворили. И въ полнощи всенощное чтушу ми наизустъ св. Евангеліе утренне надъ ледникомъ, на соломиѣ стоя, въ одной рубашкѣ и безъ пояса въ день Вознесенія Господня, и проч...» «А меня, пишетъ онъ въ другомъ посланіи къ пустозерамъ, въ Даурскую землю сослали отъ Москвы, чаю, тысящей будетъ съ двадцать за Сибирь, и волоча впредь и взадъ двѣнадцать лѣтъ и паки къ Москвы вытасили, яко непотребнаго мертвеца зѣло употчивали палками по бокамъ и кнутомъ по спинѣ шестьдесятъ-два удара, а о прочихъ мукахъ по тонку нѣколи писать. Всяко на хребтѣ моемъ дѣлаша грѣшницы. Егда же выѣхалъ на Русь: на старыя цѣпи и бѣды попалъ. Видите, яко азъ есмь нагъ, Аввакумъ протопопъ, и въ земли посаженъ. Жена же моя протопопица Анастасія съ дѣтьми въ земли же сидитъ...»

Отъ воспоминаній объ Аввакумѣ *) прямой переходъ къ другому историческому ссыльному, слѣдовавшему за нимъ въ Пустозерскъ—боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву. Здѣсь томился онъ, какъ извѣстно, около 7 лѣтъ (съ 1676 по 1682 г.) и, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «Жители въ Пустозерскомъ голодомъ тають и умирають, а купятъ здѣсь четверикъ московской мѣры по 13 алтынъ по 2 деньги, а ихъ будетъ пудъ; и пустозерскихъ жителей всегдашняя пища борщъ да и того въ Пустозерскомъ нѣтъ, а привозятъ съ Ижмы; и такая нужда въ сей странѣ повсюду, на Турьѣ, Усть-Цыльмѣ и въ Пустозерскомъ острогѣ. Ей-ей! службу Божию отправляютъ на ржаныхъ просфорахъ, и та мука мало лучше невѣянной муки, и ей-ей! не постыдился бы я — свидѣтель мнѣ Господь Богъ! — именемъ Его ходить и просить милостыню, да никто не подастъ, и не можетъ подать, ради нужды... Избенка дана мнѣ, а другая червю моему сынишку, ей-ей! объ безъ печи, и во всю зѣ-

---

*) Для него, какъ и для его товарищей по заключенію, поставлены были особые 4 острога, съ избой внутри и съ тыномъ кругомъ въ 10 сажень квадратныхъ величиною, какъ видно изъ царскаго указа, присланнаго въ Ижевскую слободку въ 166 году (1658). Приставомъ у заключенныхъ былъ стрѣлецкій сотникъ Федоръ Акишевъ.

му рукъ и ногъ не отогрѣли, а иные дни мало-что не замерзаемъ, а отъ угару безпрестанно умирали; а въ подклѣтничкѣ запасенко мой и рухлядишка, а въ другомъ сироты мои*) да караульщики стерегутъ меня, чтобы не убѣжалъ (!). А дрова намъ даютъ, пишутъ, сажень, а даютъ сажень малую сѣчныхъ дровъ, въ аршинъ отрубни, избу трижды вытопить, а не такую сажень, что въ Москвѣ плахами кладутъ и мѣряютъ саженью... Прежде, сказываютъ, рыбы здѣсь былъ достатокъ и на продажу было, а нынѣ не токмо на продажу, но съ самой весны по июль до сытости сами никто не ѣлъ, таемъ голодомъ; а хлѣбъ привезли, мука-что отрубни, и той не продаютъ, оставляютъ въ зиму, въ самой голодъ продать, взять хотятъ дороже**).

За безмѣрнымъ удаленіемъ того Пустозерскаго острога и за безвѣстіемъ земледѣльства, — писалъ впоследствии сынъ А. С. Матвѣева—коего никакого нѣтъ и объ немъ не знаютъ, и всякаго чина люди числомъ всего со сто дворовъ, питаются съ Вычегды рѣки, изъ Яренска и изъ Перми, на малыхъ каючкахъ однажды въ годъ, весною, привознымъ хлѣбомъ, и пудъ муки меньше рубля не купятъ, а питаются житами, въ мясоѣды птицами, а въ посты изъ Печоры рыбой». Положеніе заключенныхъ доходило иногда до такого плачевнаго состоянія, что у нихъ у всѣхъ было только три сухаря: приставъ Тухачевскій удѣлялъ имъ изъ своего запаса половину, не смотря на то, что и самъ онъ получалъ только шесть пудовъ ржаной му-

---

*) Съ Матвѣевымъ были въ связи: сынъ его Андрей (впоследствии графъ и двинскій воевода); при сынѣ учитель Поборскій — польскій шляхтичъ, добровольно согласившійся на заточеніе съ воспитанникомъ, 30 человѣкъ слугъ, священникъ Василій Черниковъ. Приставомъ былъ человѣкъ благородныхъ правилъ, назначенный Пустозерскимъ воеводою, стольникъ Гаврило Яковлевичъ Тухачевскій. Недавно существовала на краю Городка и въ сторону къ устью Печоры избенка, на которую указывали старожилы какъ на жилище Матвѣева, а потомъ Голицына.

***) Нынѣшнее состояніе Пустозерска значительно лучше, конечно, вследствие сильно развившихся коммерческихъ предпріятій на Печорѣ: ижемцы и усть-цылемы везутъ сюда дрова, усть-сысолицы хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ на столько, что даже дальные нерѣдко пользуются избыткомъ его. Пустозерцы ѣдятъ даже шанежки — праздничное лакомство только достаточныхъ архангельцовъ.

ки. Въ 1682 году Матвѣевъ былъ переведенъ въ Мезень и, наконецъ, возвратионъ въ Москву, а въ Пустозерскъ присланъ былъ его врагъ—любимецъ Софін, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, съ семействомъ, ровно черезъ девять лѣтъ, въ 1691 году. На содержаніе Голицыныхъ отпускалось по 13 алтынъ и по 2 деньги на день. Двадцать лѣтъ пробылъ здѣсь Голицынъ, имѣя несчастіе видѣть старшаго сына своего помѣшавшимся отъ тоски и крайнаго горя; а въ 1710 г. онъ переведенъ былъ въ Пинегу, гдѣ, въ 1714 году, умеръ и похороненъ въ Красногорскомъ монастырѣ *). Отсюда писалъ онъ: «мучаемъ животь свой и сентаемъ христовымъ именемъ; всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. И померѣть будетъ намъ томною и голодною смертію».

Мы въѣхали, между тѣмъ, въ Городохъ. Передъ нами длинное, развалившееся зданіе съ выбитыми стеклами, высокой, старинной двускатной крышей — видно, очень старинное. Я опросилъ знатока-ямщика.

— Что это такое?

— Теперь ничего: никто, вишь, не живетъ, давно ужъ...

— А не слышать про него ничего?

— Да сказываютъ старики, что тутъ, вишь, солдаты жили, что противъ Карачеевъ-то были присланы, когда острогъ-отъ здѣсь былъ построенъ. Солдатъ, вишь, этихъ вовсе не вывели отсюда, такъ всё и вымерли здѣсь, до послѣдняго...

— Внизу-то тутъ тюрьма, слышь, была!—продолжалъ толковать мой ямщикъ, когда мы выѣхали изъ ряда домовъ на площадку, или лучше пустырь, рѣдко и безтолково обставлен-

---

*) Воспоминаній о Голицынѣ въ народѣ не сохранилось никакихъ (хотя и осталась объ немъ память въ церкви св. Николая, именно домовой его образъ), равно какъ и о князѣ Симеонѣ Щербатовѣ и его женѣ Пелагіи, которые положили въ церковь Евангеліе печати 1675 года, подписанное рукою князя въ 1727 году. Голицынъ въ Красногорскомъ монастырѣ оставилъ Прологъ съ собственноручною надписью, створчатое зеркало, украшенное кругомъ золотомъ и позолоченными орлами, двѣ шитыя иконы на плащаницы, сдѣланныя весьма изящно. Всѣ народныя преданія ограничиваются тѣмъ, что князь любилъ ходить изъ Пинеги для прогулокъ по направленію къ монастырю, что гулялъ въ сосѣдней рощѣ, что въ Пинегѣ держалъ своихъ лошадей и раздавалъ крестьянамъ для приплоду, и училъ дѣвущекъ пѣть московскія пѣсни. (См. ниже: «Повѣдка по р. Пинегѣ»).

ный домами. Въ тюрьмѣ этой, говорилъ ямщикъ: — старики сказываютъ, цѣпь была съ ошейникомъ желѣзнымъ, такъ разъ, на стариковой памяти, попъ съ попадѣй повздорили, попъ-отъ ее и посадилъ, слышь, туда: померла съ голоду, о томъ-де и дѣло въ церкви хранится.

Весело глядѣла въ глаза отведенная мнѣ здѣсь квартира: комната чистенькая, хотя и уютная, столъ накрытъ скатертью; образа въ стеклянной рамѣ и между ними много въ серебряной оправѣ. Поданный самоваръ былъ вычищенъ, чашки съ блюдечками и безъ отшибенныхъ краевъ, хозяинъ явился въ синей, довольно чистенькой сибиркѣ; вообще, дѣйствительно и на первой взглядъ, все несравненно лучше, чѣмъ въ недавно-оставленной мною Усть-Цылымѣ. Самые дома, видные изъ окна, глядятъ веселѣе и красивѣе, ставни нѣкоторыхъ прихотливо расписаны разноцвѣтными арабесками; балюсины у неизбежныхъ балконовъ поражаютъ вычурностью и всѣ на мѣстѣ, а не распатались и не повывалились, какъ въ Усть-Цылымѣ. Но и здѣсь, какъ и вездѣ по Печорѣ, въ домахъ понадѣлано много оконъ, вѣроятно, для большаго свѣта въ тусклые и долгіе осенніе дни; и здѣсь на избахъ, также какъ и вездѣ, трубы деревянные, также испещренныя прихотливыми вырѣзками и коньками. У богатыхъ домовъ на верхнихъ маленькихъ балконцахъ пригвѣлены модели судовъ, грубо, топорно, но чрезвычайно вѣрно сдѣланныя. Деревянная церковь подновлена и поправлена; недалеко отъ нея рубится срубъ для новой.

Вотъ все, что представилось мнѣ при первомъ взглядѣ на Городокъ, привѣтливѣе глянувшій на меня въ настоящемъ своемъ видѣ, какъ-бы въ контрастъ всему прочувствованному мною при воспоминаніяхъ объ его прошломъ. Набѣжавшія-было грустныя мысли при началѣ знакомства съ Пустозерскомъ подкуплены современнымъ видомъ его и еще больше радушіемъ и привѣтливостью хозяина, который принесъ мнѣ двѣ тарелки: одну съ баранками, называемыми здѣсь калачиками, и другую съ кедровыми орѣхами, называемыми меледой.

— Отвѣдай, богоданной гость, покушай нашего баловства на доброе на твое на здоровье—не погнушайся! — приговаривалъ онъ мнѣ.

Слѣдовали неизбежные вопросы: кто я, зачѣмъ, откуда — вопросы, отъ которыхъ не привелось мнѣ ни разу отдѣлаться

ни въ одномъ изъ нѣсколькихъ сотенъ видѣнныхъ мною селеній втеченіе долгаго годичнаго срока. Отъ хозяина привелось мнѣ узнать, что Пустозерскъ, на его памяти, былъ гораздо больше, чѣмъ онъ есть теперь; что вообще нынче стали времена тугія и потому и отъ нихъ начали также часто выселяться ближе къ океану и, стало-быть, къ промыслу, образуя тамъ деревушки дворовъ въ 5, 6 и больше; что они всѣ православные и что во всей волости нѣтъ ни одного раскольника, хотя они по большей части и держатся стараго креста, но, исповѣдавшись, всегда и ежегодно приобщаются св. Таинъ у православнаго священника. Сказывали мнѣ, что въ Городѣ не растеть ничего изъ овощей, и потому они, жители его, рѣшительно ничего не садятъ и не сѣютъ; что здѣсь и по лѣтамъ иногда, особенно при сѣверныхъ вѣтрахъ, бываютъ такіе холода, что приходится по зимнему кутаться въ мѣхъ, надѣвать малицу; что живутъ больше торгомъ рыбы на Пинежской ярмаркѣ; все необходимое для жизни закупаютъ на каюкахъ у чердынцовъ; что скота они держатъ гораздо меньше, чѣмъ усть-цылѣмы, но рыбы у нихъ вылавливается несравненно больше, и что у нихъ также нѣтъ ни одного мастера, ни кузнеца, ни плотника, и всѣ эти работы правятъ имъ *верховики*—захожіе люди сверху Печоры.

И здѣсь тоже любопытство — отъ бездѣлья, и тоже неудержимое желаніе просить о чемъ нибудь завѣжаго *начальника* — по страсти, что приводилось встрѣчать много разъ и прежде вездѣ: и около Колы, и около Кеми и Онеги, и на Мезени, и въ Пинегѣ, и въ Холмогорахъ. Такъ точно и въ Пустозерскѣ: въ тотъ же день я уже былъ лично знакомъ съ большою половиною его населенія; всѣ они перебывали у меня.

Страшно-холоденъ былъ въ Пустозерскѣ первый день новаго года; термометръ священника—несомнѣнно фальшивилъ—показывалъ 34°; вѣтру, правда, не было, но весь воздухъ какъ-будто распалился морозомъ и застылъ вселедяннѣшимъ слоемъ; съ трудомъ можно было собирать дыханіе и, казалось того и гляди, брызнетъ кровь изъ носу и глазъ. По крайней мѣрѣ, всѣ части тѣла, которымъ суждено было находиться подъ вліяніемъ внѣшняго воздуха незакрытыми теплымъ мѣхомъ, мгновенно зябли до вѣдо-щиплющей боли и какъ будто всѣ внѣшніе покровы готовы были распухнуть и разорваться. На улицѣ не

видать ни одной души; видимо и привычные пустозеры предпочитали запереться въ дому послѣ того, какъ сбѣгали въ церковь, слышались со двора рѣшительныя выстрѣлы изъ ружья, урывистыя и громкія, хотя, правда, и не частыя: трещали углы въ моей комнатѣ и даже въ одной оконницѣ, выходящей на улицу, лопнуло стекло — обстоятельство, заставившее моихъ собесѣдниковъ—четырёхъ мужичковъ-пустозеровъ—сдѣлать такого рода замѣчаніе:

— Крѣпко теперь на крѣпко расшалился морозъ, а отчего? Оттого онъ, морозъ этотъ, расшалился, что Городокъ нашъ на яру стоитъ: нѣтъ намъ противу морозу этого никакой защиты. У насъ и лѣтомъ вѣтерокъ подулъ, то и надѣвай малицу, а зимой такъ хватаетъ и рветъ, что дыхнуть не можно. Опять-отчего? — Лѣсу кругомъ насъ нѣту. Старики-то, вишь, выстроились для моря, потому оно близко, и для Печоры—потому хорошо—рыбная рѣка, а объ лѣсу у нихъ и заботы не было. Видѣлъ, вѣдь, твоя милость, пробѣжаючи-то, какой у насъ такой лѣсъ растеть?—ѣра, мелкая ѣра самая такая мелкая, что выше аршина и дерева не видимъ. Издали-то, пожалуй, ѣрникъ-то нашъ и большимъ лѣсомъ кажется, а на самомъ дѣлѣ онъ у насъ и топливо-то худое. Мы, вѣдь, батюшко, избѣнки рубимъ изъ чужаго лѣсу, изъ дальнаго; лѣсъ-отъ строевой къ намъ, какъ диковинку заморскую, словно бы чай, али осетрину-рыбу, изъ чужи, сверху возять. Вотъ почему, по нашему по глупому разуму, и морозъ пуще бываетъ, чѣмъ въ другомъ моемъ мѣстѣ, хотя бы взять ту же Усть-Цыльму. У насъ и замѣтели, коли нашетъ Господь, не какъ въ другомъ мѣстѣ. Ты вотъ видишь наши дома?

— Вижу: всѣ двух-этажныя, красивыя такіе, высокіе и теплыя, видно, что богато вы живете...

— Нѣтъ, ты постой, зачѣмъ богато? не больно же мы богато живемъ—это опосля я тебѣ. Ты вотъ молвилъ: двухэтажныя—это, тоись, въ два жила. Отчего?—оттого въ два жила и оттого у насъ ставни, что ину пору крѣпкіе хивусы живутъ: нагребаютъ они тебѣ снѣгу сажени на двѣ, и больше, пожалуй, до самыхъ-то вонъ до балконцовъ, что кругомъ дома обходятъ. Ты, пожалуй, съ незнати со своей, и скажешь такое глупое: у нихъ-де балконы эти для красы настроены, да такъ, чай, и въ книжечку свою запишешь. Анъ подожди! Послушай и меня

дурака, что я тебя молвлю: прибѣжить, видишь, вѣтеръ съ окіяна на снѣжныя наши палестины, начнетъ дурить, смѣтать снѣгъ охапками, да погонять его все дальше да дальше, да поддывать все вѣрше да больше, ну... и наше селеніе на пути встрѣнетъ, а въ нашемъ селеніи запрету ему нѣтъ—извѣстно: вали съ какой стороны хочешь, запоровъ не сдѣлали, да и нельзя. Онъ и валитъ до самыхъ балконовъ, и оконницы начнетъ распатывать, и стекла всѣ, пожалуй, поломаетъ; а мы запремся кругомъ ставнями, и засовы закрѣпимъ, и огонь разведемъ. Гулай-де, знай, по улицѣ, а насъ-де не трогай: мы молъ, тебя баловника давно знаемъ; ты хоть три дня тутъ себѣ благуй, а мы посидимъ, побесѣдуемъ промежь себя, переждемъ тебя—изволь, молъ, потѣшаться до-сыта! Моя, молъ, изба съ краю, ничего не знаю: вотъ, вѣдь, мы какъ!...

Разскащикъ приподнялся съ мѣста, видимо довольный своимъ повѣствованіемъ, которое на устахъ остальныхъ собесѣдниковъ-слушателей также развело улыбку.

— Ты такъ хорошо, старикъ, разсказываешь, что даже хвалиться этимъ можешь: съ тобой все бы сидѣлъ и все бы тебя слушалъ!

— Да это пушай и сосѣди толкуютъ: ты-де все со своими толкованьями къ начальникамъ ходишь, словно ты-де у насъ на должности на такой состоишь. А, вѣдь, мнѣ что? Пушай толкуютъ! Я развѣ худо сказываю-то? недоброе, молъ, что-ли я начальникамъ сказываю, хоть бы и твоей милости?

— Спасибо; я очень тебѣ благодаренъ; ты для меня золотой человекъ, неоцѣненный, умной и толковой такой...

— Ну, да пушай и не больно же я умной человекъ — это, вѣдь, ты такъ! а я самой неумной человекъ. Вотъ я какой дуракъ есть, и міръ это знаетъ, слушай: по пяти лѣтъ къ ряду обряжалъ я покруты на Матку (Новую-Землю) за моржами: за саломъ—значить; по десяти работниковъ имѣлъ, раза три по два судна пускалъ, а что добылъ, что выручилъ, съ чѣмъ сижу? Избенка у меня, почитай, хуже всѣхъ; самъ я не то, чтобы человекъ путной, а такъ—неладной какой-то, а все отчего?—Оттого это все, что по всѣмъ разамъ, что не вѣдиль, промысла всѣ въ морѣ оставлялъ.

— Отчего же?

— Да такъ, стало-быть, Господу угодно: разбивало до еди-

наго всё разбивало: самъ-отъ насилу ноги уносишь, ну и будетъ бы, съ первымъ же бы разомъ будетъ, а я—на пятой поѣхалъ. Опять растрепало, все до послѣдней щепы растрепало: Гордымъ, стало-быть, Богъ противится. Деньжонки-то какія отъ батюшки отъ покойничка оставались—всѣ уложилъ въ этотъ промыселъ; опосля тоже, по старой вѣрѣ, сосѣди ссужали кое-мѣсто, а тутъ и вѣрить перестали: тебѣ-де все не рука, твой-де покрутъ, что рѣшето, хоть моль жизнь свою туда клади, все толку не будетъ никакого; ну и съѣлъ и сижу вотъ...

— Вѣдь, это, старикъ, пожалуй, и ладно; пожалуй, и такъ?

— Нѣтъ, не надо бы такъ-то, охъ, больно бы не надо такъ-то!

Онъ мотнулъ головой, глубоко вздохнулъ и опустилъ голову.

— Какъ же по-твоему, старикъ?

— Опять бы надо на Матку ѣхать.

— Да, вѣдь, несчастія тебя преслѣдуютъ?

— Пушай ихъ преслѣдуютъ, а на Матку больно хочется: привыкъ ужъ очень.

— Ну такъ что же? повзжай покрутчикомъ.

— Это мнѣ-то?

Старикъ приподнялся и продолжалъ запальчиво:

— Это, чтобы работать-то на другихъ, спать на себя. Нѣтъ, ты, ваше благородіе, человекъ въ этомъ дѣлѣ, какъ я вижу, темной, больно несвѣдущой. Ты это оставь про себя! Знаешь-ли, что мнѣ помѣха, и вѣршная помѣха?

— Думаю, денегъ не достаетъ.

— Есть, да мало, надо еще два года ждать, покуда накопится—вотъ оно что! Ты считай: надо ѣхать туда недѣль на двѣнадцать, коли не больше, и сколько ни бери народу, а на каждаго человека клади-знай: 7 пудовъ муки оржаной и яшной, пуда полтора житной крупы да толовна, да столько же трески соленой. Безъ нее нашъ братъ, пожалуй, и на оленину пойдетъ—мы не мурманскіе—ее клади; да пуда полтора солонины, да по десяти фунтовъ—опять-таки на рыло—масла коровьяго, столько же постнаго: безъ него, самъ знаешь, какая же каша живеть; опять по праздникамъ колобокъ надо съѣсть, али бо тамъ шаньгу—вѣдь не ваторжные же! Клади—опять-таки, значитъ—на человека: одинъ ушатъ кислаго молока, али творогу—это все едино; полтора фунта гороху на постные дни: ну!

кладн ужъ еунтъ меду краснаго:—безъ киселя въ постной день не проживешь, какъ ни мудри. Опять же на всю артель кладн безпремѣнно—какъ Богъ святъ—безъ того у насъ и толкъ не стоитъ и жить недѣзя просто-на-просто: бочку мочовой морошки надо взять какъ крестъ на груди: безъ морошки пынга одолить на смерть, а смерть на Новой-Землѣ не человѣчья, вѣдь: безъ покаянья мрутъ, потому тамъ нѣтъ поца и никакого другаго человѣка не найдешь.

— Это я давно знаю.

— Такъ знай, пожалуй, и еще, что всякому покрутчику надо оленину дать на постель, да овчинное одѣяло. Божьи, вѣдь, люди, душеньки-то въ нихъ тоже Христовы, отъ ребра Адамова! Пущай одежду—лопаты, по нашему—они свою приносятъ: безъ того, извѣстно, нельзя. Ну, а вотъ дальше-то тутъ тебѣ и пойдеть: снасти, ружья, порохъ, сѣти—самое-то все дорогое, неподходящее. А на одномъ-то суднѣ надо посылать, по-крайности, человѣкъ 8, али-бо 10, да еще и судно-то промысли, обряди его по морскому: путь отъ насъ дальшой, хоть, пожалуй, и ближе другихъ; а и при непопутныхъ вѣтрахъ почестъ, въ недѣлю только угодишь успѣть. Такъ вотъ ты размысли, да и подумай: дѣло-то оно и выдетъ куда большое, самое купецкое, да и купца-то богатаго! Оттого у насъ большія дѣла и ведутъ все ижемскіе зыряне—богатой народъ; а у нашихъ богачей и остается кроха малая, ѣ ходятъ все въ складчину, норовятъ какъ-бы на одну артель тремъ хозяевамъ угодить. Тутъ ужъ, по мнѣ, дѣло не большое, а такъ... прогулка. Дома-то, мошь, надоѣло съ бабами-то; поѣду-ко, мошь, покатаюсь, посмотрю-де, много-ли на Матѣв звѣря какого, да что, мошь, тамъ ижемцы подѣлываютъ. Посмотрю-де и вернусь домой пальцы сосать, въ потолокъ плевать, да рассказывать ребятишкамъ сказку про бѣлаго быка. Да еще и вернуться-то сподобить-ли Богъ? — а то часто головой-то своей да прямо въ омутъ на вѣна-вѣчныя. Вотъ оно что? И... провались это дѣло совсѣмъ непутное!...

Старикъ расходился такъ, что на всѣ остальные распросы мои отвѣчалъ одно:

— Спрашивай вонъ этихъ, больше знаютъ; а мнѣ таково неладно: не глядѣлъ бы на свѣтъ-отъ Божій! Спрашивай вонъ самыхъ-то умныхъ...

— Да ты что это больно на насъ нападаешь? — счолъ за

нужное спросить другой старикъ, мой собесѣдникъ. Но отвѣта не дождался.— Не ты садилъ, не тебѣ и обирать: вотъ какъ по нашему. Сказываетъ онъ тебѣ, твоя милость, что малыми дѣлами заниматься не можетъ, а спроси ты его: съ большаго-ли онъ и тогда начиналъ? У него, вишь, моржъ второе дѣло: мнѣ бы, говоритъ, денегъ да китовъ ловить, изъ кита-де я 30, а и, на худой де конецъ, 25 бочекъ сала-то выгоню; а моржъ и большой-отъ даетъ-де много пудъ десять, а то гляди, и всего восемь. Вотъ, вѣдь, онъ у насъ блажной какой! Стану говорить, китовъ ловить: вѣдь, ловили-де старики и богатство послѣ себя оставляли; онъ и мастеровъ указываетъ. Спроси ты его: какихъ, молъ, ты такихъ — что китовъ-то, ловили — сказываешь?

— Мало-ли было! ловили же Балдинъ Харитонъ, Шухобовъ Иванъ, онежская лодья была *)...

— Да ладно-ли, полно, ловили-то? Самъ, вѣдь, сказывалъ, что за моржами же послѣ пускались. Нѣтъ, ты и охотниковъ-то на это дѣло не заманишь, никто съ тобой и не пойдетъ на экаго звѣря. Ошутилъ ты, крещеной человѣкъ, китомъ этимъ, когда, слышь, никакая снасть его не удержитъ: все де, слышь, какъ ниточку, рветъ! Ты его только, почтенный, послушай! (воззваніе относилось ко мнѣ). Расскажи-ко лучше гостеньку-то

---

*) Китоловные промыслы, какъ уже давно извѣстно, производились преимущественно въ западной части Сѣвернаго океана, въ 1786 и слѣдующихъ годахъ, около Шницбергена. Петръ Великій, указомъ 1723 г., повелѣлъ устроить кольское китоловство на счетъ казны; при Екатеринѣ I указъ этотъ приведенъ былъ въ исполненіе: въ 1727—1751 три китоловныхъ корабля, подъ управленіемъ голландцовъ, ежегодно выходили въ море, но поймали только 4-хъ; обвиняли иностранцовъ въ подкупъ и, кажется, справедливо. Графъ А. Р. Воронцовъ пробовалъ деньгами своими оживить этотъ промыселъ, но неудачно: 11 китовъ легко ранено, но ни одного не убито. Въ 1805 гр. Румяновъ, министръ коммерціи, отправилъ корабль для той же цѣли; но корабль этотъ былъ сожженъ, и взять какихъ-то крейсеровъ подъ французскимъ флагомъ, при первомъ выходѣ своемъ въ океанъ изъ Кольской бухты. Киты эти изъ породы кошалотовъ. На Новой-Землѣ также производилось китоловство голландцами (доказательства — салотопенныя ямы, видныя до сихъ поръ). Неудачи въ подобномъ предпріятіи обыкновенно приписываютъ неловкости промышленниковъ, не получившихъ никакого навыка, и дурно выкованнымъ гарпунамъ, которые или ломались, или скользили и выскакивали изъ добычи.

нашему, какъ ты тинни — елки это моржовые, по-нашему — скупать хотѣлъ, да въ Норвегу возить; какъ ты пухомъ-то гагачьимъ хотѣлъ торговать: ты вотъ что расскажи!

Но старикъ отъ всѣхъ вопросовъ продолжалъ отдѣлываться молчаніемъ, давая волю сопернику.

— Онъ, вѣдь, у насъ, до поры, до времени, и хорошъ былъ, разсудительной такой, а теперь все въ книжкѣ читаетъ: такъ оттого-ли, али отъ другаго—блажить началъ; мы-было и на глумъ его приняли, что полоумнаго, такъ инъ скажетъ и такое умное слово, въ иную пору, что всѣмъ на диво. Дурить, вѣдь, осерчалъ ужъ очень съ промысловъ-то неладныхъ: по мнѣ, это вотъ отчего! Такъ-ли я говорю?

Но тотъ продолжалъ молчать по-прежнему; соперникъ его не отставалъ:

— У насъ, почтенный, вотъ какъ уже изстари заведено: коли ты пошолъ на *лѣсную*—такъ и лови песцовъ, горностаевъ, лисицъ, зайцовъ, выдру, бобра — этотъ тоже заходить изъ-за Камня (Уральскаго хребта), хоть и нечастой гость. Сомутился на *рѣчную*, такъ наша Печора и на этотъ конецъ рѣка толковая: семги много—говорить про то нечего; сига въ не оберешься; опять же омули *), пеледи по озерамъ—много же

---

*) *Омули* (*Salmo autumnalis*) очень похожи на сига: голова острая, нижняя челюсть длиннѣе, спина желобоватая; впрочемъ, вкуснѣе сига и различается отъ послѣдняго только по наружному виду: влѣскъ—чешуя—омулей мельче сиговой, на бокахъ черныя точки; продаются солеными, но большею частію известны всѣмъ мерзлыми. Сейчасъ-выловленные даютъ превосходную икру. Омули не рѣчная рыба: они приходятъ въ Печору также изъ моря, большею частію въ первыхъ числахъ августа. Довяты ихъ сѣтями и поплавнями, какія употребляются въ Усть-Цыльмѣ для семги, съ тою только разницею, что семожья поплавни плетутся изъ конопляныхъ нитокъ, а омулевья изъ льняныхъ и потому эти нитки потоньше. Въ омулевой полавнѣ ячеи шириною въ 3 и 4 пальца, сложенныхъ вмѣстѣ. Для лова сига въ употребляютъ такъ называемыя *пуцальницы* въ 30 саженъ *просази* (длины) и 15 на *саду* (глубины); внизу хобота (мѣшка) приделываютъ камешницы (камни) на разстояніи, одинъ отъ другаго, сажени на $1\frac{1}{2}$; наверху къ тетивѣ (веревкѣ) привязываютъ полавки—берестяныя трубки. Пуцальницы употребляютъ чаще по зимамъ, опуская ихъ въ проруби, и только около Пустозерска. Въ другихъ мѣстахъ пуцальницъ я не встрѣтилъ, да, говорить, и нѣтъ ихъ.

озеръ-то этихъ по тундрѣ живетъ — чирь*) роятся, отми-
ная рыба такая, что вкуснѣе, слаще ее и на свѣтѣ нѣту такой.
Сказываю на то тебѣ, что ужъ принялся ты за одинъ промы-
селъ—другимъ не займуйся: такъ старики вели, такъ и мы ве-
демъ, что вотъ не пришли сюда на Печору въ гѣта незапа-
мятные, по стариковымъ толкамъ, изъ Новагорода. Опять же
если и на Матку тебѣ пошла полоса, то и тамъ смейся на двое,
или на трое. Матка богата, недаромъ ее Маткой зовутъ, за
всѣмъ тамъ не утонишься. Сала хочешь, на то тебѣ тамъ мор-
жи залежки раскидываютъ, бѣшуй (бѣлой медвѣдь) выстаецъ,
заяцъ морской попадается — это тебѣ побержной промыселъ.
За горнымъ пойдешь—дикаго оленя много прыгаетъ, гуся да
гагары, да утки линять прилетаютъ, что и счесть нельзя —
палками колотимъ. Пухъ собирай, пожалуй, побитую птицу со-
ли, изъ *разбойнаго зотря* сало топи; работы тамъ всякой до-
вольно: пушай вотъ чванливой сосѣдь-отъ нашъ, бахвалъ-отъ,
рыло воротить-ему, вѣдь, боярской работы надо. Мы, вѣдь, твоя
милость, дураки, скоты—надо бы тебѣ молвить. Вотъ что! У
насъ угодили кто разъ-пятокъ на Матку сбѣгать въ покручи-
кахъ, на шестой ты такъ-то къ нему не ходи, а поприслуши-
вайся, да съ голыми-то руками и не подступай къ нему: смо-
три — безпремѣнно въ хозяева надумалъ. Ты около него съ
помономъ да приговоромъ, а онъ тебѣ спину кажетъ, и но-
гами, и руками машетъ, что бодливой быкъ, али-бо пьющая
баба; ты ему колъ на головѣ теши, а онъ тебѣ два ставить.
Да этакъ-то онъ всю весну и ломается, что курица рѣстится—
смѣхъ-нали возметь, на его дурость гляди. — Съ тѣмъ и ухо-
дишь. И Николинъ день подойдетъ на ту пору — бѣжать пора
на Матку: и, полно, можь, дуралей ты экой, дура, можь, съ
печи, какой, можь, то есть человекъ безъ денегъ да безъ вѣры:
трипица, можь, ты равная! послушай-де ты... умной, милой
ты человекъ, дай-ко, можь, я обойму тебя да поцалую, не са-
тана, можь, я, не бѣсъ какой! И — обоймешь его пожалуй—

---

*) *Чирь* (*Salmo nasus*) съ чешуею мелче сиговой, съ своѣй спинной и
бѣлыми, какъ серебро, брюхомъ; носъ горбомъ простирается до глазъ;
вкусомъ лучше всѣхъ печорскихъ рыбъ и, въ этомъ отношеніи, соперни-
чаетъ только съ *пеледью* (*Salmo coregonus*), отличающеюся толстою и гор-
батою спиною, тупымъ рыломъ и конической головой.

домой уйдешь опять, да ужъ съ толкомъ: либо въ кормишки пошолъ, либо въ полууженники *). Такъ-то толковые дѣлаютъ, а и этому давали денегъ (за этимъ мы не стоимъ про своихъ: помогаемъ тоже) и покрученикамъ за него сказывали, что человекъ, молъ, надежной, поручиться можемъ; да нѣтъ—знать, несчастіе съ роду ему. А ужъ тутъ, по старой по вѣрѣ нашей, дома сидѣть надо: либо море потопить, либо ѡшкуй сломаеть: седьмой годъ — нехорошой годъ — обходи его и на печи пролежать не грѣхъ. Это вѣрно!

— А, вѣдь, Городокъ-отъ нашъ больно древній! — заговорилъ вдругъ ни съ того, ни съ сего прежній старикъ — говорунъ, хранившій до того времени глубокое, какъ бы объѣтное молчаніе.

— Знаю, старикъ; построенъ онъ былъ новгородцами для того, чтобы дань собирать съ самоѣдовъ, и обнесенъ былъ острогомъ. А самоѣды эти назывались ясашными...

— Это такъ, твоя милость, и по книгамъ значитъ. Читалъ тоже и я грѣшной!

— Былъ здѣсь въ-старину воевода, и ему дана была канцелярія.

— Такъ и въ народѣ молва идетъ, такъ! Бумаги изъ этой канцелярія хранились у насъ въ управѣ, да, вишь, сгорѣла управа-то и бумаги эти всѣ погорѣли. А знаешь ли, твое благородіе, какая-такая святая вещь у насъ есть?

---

*) Каждое судно, отправляющееся за промыслами на Новую-Землю, имѣетъ свою артель, называемую котляною. Ботлина имѣетъ названіе *плотной*, когда плавщики идутъ отъ себя, а не по найму отъ хозяевъ. Въ каждой котлинѣ, снаряженной хозяйномъ, бываетъ отъ 8 до 20 человекъ; главный изъ нихъ называется *кормищикъ*, второй за нимъ *полукормищикъ*, третій *полууженщикъ*, всѣ остальные простые работники — *покрутки*, *покрученики*. Каждый изъ нихъ имѣетъ, при раздѣлѣ промысла, свою часть, пай, называемой *ужною*. На хозяина по ужнамъ идетъ обыкновенно двѣ трети всего промысла; кормищикъ изъ остальной трети добытаго получаетъ, противъ простаго покрутника, въ 4, 5, 6 и даже 7 разъ больше; полукормищикъ противъ всего этого половину; полууженщикъ половину противъ послѣдняго; покрученикъ, по взаимному договору съ хозяйномъ, получаетъ, противъ прежнихъ, меньше иногда на половину, а иногда и того меньше. Взаимныя и полюбовныя условія на честное слово здѣсь занимаютъ первое и главное мѣсто, такъ-что высказанныя нами условія не всегда должно принимать за постоянное, безъисключительное правило и законъ.

— Можетъ-быть, крестъ Аввакума?—знаю.

— Это-что! А то есть у насъ тутъ... у одного у мужичка по сосѣдству, образъ чудотворной, небольшой, вершка въ два, на доскѣ, и писаніе хорошо сохранилось. Сказываютъ, образъ тотъ принесенъ изъ Новагорода, при Грозномъ - царѣ, когда вотъ селенію-то нашему начало, сказываютъ. Это первой-де Христовъ ликъ въ нашемъ краю! Мы ему молебны служимъ *).

Разсказчикъ, при послѣднихъ словахъ, перекрестился.

На улицѣ слышались въ это время громкія, но какія-то нескладно-безтолковыя пѣсни; по улицѣ пронеслось много оленей съ саночками, на которыхъ валялось по-два, по-три самоѣда. Разсказчикъ разрѣшилъ недоумѣніе:

— Самоѣдъ гуляетъ. Имъ, вѣдь, нехристіямъ, все равно, не разбираютъ: постъ ли, праздникъ ли, вонъ и теперь подъ воскресенье пришло, налопались.

— А любятъ они и у васъ также пить, какъ въ Усть-Цыльмѣ?

— Да нѣшто имъ дѣлать-то? извѣстно, пьющій народъ съ роду: у нихъ и ребятишки вмѣсто молока вино пьютъ, и явни (жонки) пьютъ, всё пьютъ...

— Зачѣмъ же они въ Городецъ вашъ попали?

— Ясакъ привезли, такъ ужъ, кстати, въ кабакъ-отъ... У насъ ихній старшина живетъ. Теперь они въ чумы свои поѣхали; чумами-то, вишь, они не далеко разложились, сказываютъ: версть и десятка не будетъ.

Подъ нашими окнами остановились двое саней, послышался вскорѣ громкій, ожесточенный споръ на томъ неприятномъ гортанно-шипящемъ языкѣ, который только и можно услышать отъ самоѣдовъ. Смотрю, одинъ самоѣдикъ наскочилъ на другаго, ударилъ его въ лицо и окровавилъ, третій разнималъ ихъ и тоже получилъ на свой пай отъ забіяки плюху. Это обстоятельство вызвало замѣчаніе одного изъ гостей моихъ:

---

*) Впоследствии лично удалось мнѣ повѣрить сообщеніямъ старикомъ свидѣнія: образъ значительно потускнѣлъ отъ времени и хотя хорошо видны были лики, но надлежало разобрать не было никакой возможности. Первое показаніе его о томъ, что старинныя бумаги всё сгорѣли, также, къ несчастію, оказалось справедливымъ. Впрочемъ, Озерцовскій, еще въ 1773 году, не нашолъ уже ихъ.

— Подвломъ, не суйся. Гляди, ваше благородье, цаловаться теперь ставуть и опять олешковъ повернуть къ кабаку. Гляди!

Дѣйствительно, самоѣды обнялись всѣ трое вмѣстѣ и по очередно цаловались, крѣпко стукаясь, въ тоже время, лбами.

— А, вѣдь, смирный же они народъ, какъ видно.

— Смирной, доброй такой!... смирной: только вотъ во хмѣлю-то бурливы, привязываются, замирають. А и крикнешь на нихъ, пригрозилъ кулакомъ, не испужаются, еще пуще лѣзуть. А трезвые, что и олешии же, смиры.

Шумъ на улицѣ затихъ; самоѣдъ съ подбитымъ глазомъ лежалъ уже на чунѣхъ (санкахъ); двое другихъ куда то пропали; но несомѣнь: отворилась дверь въ мою комнату и оба они явились на порогъ и повалились въ ноги разъ, другой и третій. Одинъ такъ и не вставалъ, какъ легъ; другой выступилъ — настоящий самоѣдъ: приземистый, коренастый, съ рѣденькой, крайню-рѣденькой борождой, съ необыкновенно-смуглыми, хохлатыми волосами. Узенькіе глаза его неприятно выглядывали изъ подъ жиденькихъ рѣсницъ; широкій, неправильный носъ какъ-то удивительно не шолъ къ его скуластому, смуглому лицу; къ тому же, пьяный самоѣдъ глядѣлъ настоящимъ разбойникомъ.

— Что тебѣ, братъ, надо?

— Прости! — могъ я понять.

— Въ чомъ дѣло?

— Дѣло.

— Какое же?

— Ясакъ тяжело!

— Проси не меня объ этомъ!

— Старшину проси! — добавилъ кто-то изъ гостей моихъ: — ступай-ко, ступай!

— Ну-ну, ладно, ладно! Прости!

— Прощай!

— Ступай-ко, ступай, не студи! — продолжалъ мой хозяинъ. — Ко всѣмъ вотъ этакъ лѣзуть, отогнать не можно: къ начальнику-де надо. Просьбы подають и завсегда пьяными. Сердятся же начальники-то. А тоже, вѣдь, вотъ война-то была, спрашивали мы ихъ: пойдете-моль? А пошто-де насъ не обрядятъ: стрѣльнули бы дородно!...

— Говорятъ же они и по-русски?

— Стали же нонче и на это простираться; мало которой не говоритъ, равнѣ ужъ самые дальные... У насъ, вѣдь, тоже ихній переводчикъ живетъ, дьячокъ. Въ Городъ *) обучали его, такъ мать-де слышь прѣвхала, выкрада; опять отвезли — она опять выкрада, да померла теперь. Этого ты отъ насъ и не rozpoзнаешь: говорить спорко и изъ-себя бѣлъ, скудовать развѣ, да глаза узенькіе; только пьеть, больно же пьеть... а въ службѣ церковной сокровище: все знаетъ и голосистой такой; пьеть тоже зря, ничего не разбирая, что и другіе! Самой пустой челоуѣкъ!..

— На ясакъ-то они жалуются: стало-быть, тяжолъ?

Всѣ мои гости насмѣшливо улыбулись; одинъ, наконецъ, вывелъ меня изъ недоумѣнія:

— Всего рубликъ-отъ серебромъ наберется ли, гляди; да и то смегай: въ годъ, изъ того числа 2¹/₂ коп. на оспу идетъ, на священника сколько-то копѣекъ, на дьячка на этого опять — съ души. Вотъ ихъ и весь ясакъ! Въ-старину они его песцами платили, теперь отмѣнено это: на деньги выкладено. Тяжолъ бы ясакъ-отъ былъ, не стали бы такъ-то пить.

— Что же они крещонные?

— Есть тоже церковь походная, шатровая; вонъ въ Тельвисочной деревнѣ деревянную для нихъ, всегдашнюю—значить, строить теперь.

— А любить они Богу молиться?

— Мало же. Да и придуть когда, всю службу не выстаиваютъ, не могутъ: либо вонъ выходятъ, либо возьмутъ да и лягутъ на полъ. Въ чумахъ-то что ли они привыкли все лежать-да лежать, али бо что... кто ихъ знаетъ! А то не горазды они стоятъ, не свычны: въ избу къ намъ заходятъ, такъ и сажай скорѣй, а то ляжетъ, безпремѣнно ляжетъ. Тепла опять они не любятъ, нашихъ избъ не любятъ: такъ и наровить скорѣй бы выдти. Вонъ старшина ихній живетъ у насъ на селѣ, такъ и въ избѣ не спитъ, а все въ сѣняхъ, и все больше по улицѣ ходить и избу дня по-три не топить. Такъ ужъ привыкли! Совсѣмъ, вѣдь, они глупой народъ!

---

*) Нѣкоторые города Архангельской губерніи имѣютъ туземныя старинныя названія: самъ Архангельскъ повсюду называется просто *Городъ*, Пинега—*Волок*; Мезень—*Большая Слобода*, Усть-Цыльма—*Малая Слобода*.

— Чѣмъ же особенно?

— Спроси ты, сколько ему лѣтъ, любого спроси: не знаетъ...

— Вонъ, гляди, твое благородье, олешковъ никакъ привели тебѣ, съ Богомъ!—перебилъ рѣчь рассказчика хозяинъ мой.

Въ этотъ день я рѣшился ѣхать въ одно изъ самыхъ дальнихъ печорскихъ селеній—село Кую. Тамъ предстояла мнѣ интересная бесѣда съ однимъ изъ старыхъ и опытныхъ ходочковъ на Новую-Землю.

— Онъ тебѣ все по порядку расскажетъ—говорили собесѣдники мои, провожая меня къ чункѣ, — бывалой, вѣдь! Разведеть онъ тебѣ рѣчь, только слушай! Съ тобой-то ему не съ первымъ толковать ужъ!

— Попотчуй его водочкой — распояшется. Говорунъ, вѣдь, онъ у насъ, краснобай, что въ цѣлой волости нашей другого такого не сыщешь.

— Съ Богомъ, счастливой тебѣ путь-дорога!

4. НОВОЗЕМЕЛЬСКІЕ МОРЖОВЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

(Разказы стариковъ).

Негостепрѣимство Новой-Земли. — Промышленники, зазимовавшіе тамъ. — Сѣверное сіяніе. — Историческій очеркъ посѣщеній Новой-Земли. — Подробности промысла моржей (разбойнаго).

— Въ неладное ты время-то пожаловалъ, честной господинъ, въ наши украинныя палестины — говорилъ мнѣ куйской мой собесѣдникъ на другой день по прѣздѣ моемъ въ это изъ самыхъ ближнихъ къ печорскому устью—селеніе Кую. Прѣхать бы тебѣ по веснѣ!...

— Отчего же, Антипа Прокофѣичъ?

— Удрали бы мы съ тобой знатную штуку. Взяли бы мы, ужъ куда бы ни шло, лодку большую, людей бы подговорили, снасти бы опять взяли... Да съ Божиимъ бы со святымъ благословеніемъ, худаго слова не молвя, протолкались бы туда, на Новую-Землю, сами посмотрѣть, какая она такая есть: та ли несхожая дрянъ, какъ тебѣ про нее натолковали.

— Зачѣмъ же теперь стоять дѣло, Антипа Прокофѣичъ?

— Да теперь ты меня хоть золотомъ озолоти, не поѣду.

Первая голова у меня на плечахъ и шкура невороченная, надо тебѣ такъ говорить.

— Льдовъ-то ужъ что-ли около нее бродячихъ много?...

— А такъ тебѣ много, что въ пылъ изотрутъ суденко твое, будь оно хоть самое крупное: лодья бы тебѣ, али шкуна. И никими ты человѣческими силами отъ льдинъ отъ этихъ не оборонишься. Ходятъ онѣ такія большія, что и глазомъ не окинешь: иная кажетъ вереть на десять длиннику, а бываютъ-де и больше того. Трѣску да визгу, да всякаго шуму отъ нихъ! словно свѣтъ-то Божій представляется и антихристъ грядеть ужъ во облацѣхъ со звукомъ трубнымъ.

— Этакъ-то вотъ мнѣ надумалось лѣтъ тому тридцать назадъ! продолжалъ мой старикъ, подвигаясь со стуломъ. Упрямшляли мы звѣря на Матѣ всю весну, все лѣто и осени прихватили; а звѣря въ тотъ годъ выстало несосвѣтимаая сила, такъ и лежалъ по берегу-то плашмя, что полѣнья. Отстать, кинуть бы — моченьки не хватаетъ, что ни утро, то и подымаетъ тебя: «и сегодня ступай, коли-де его, руби его!» Пороху было вдосталь, въ залишгѣ. Сосѣди домой побѣжали, наказали мы имъ, чтобъ прислали другое судно побольше, подождемъ-моль, здѣсь. Авось, моль, зима-то позамедлитъ, недаромъ-де звѣря идетъ къ намъ все пуще да пуще. Не надо бы зимѣ ранней быть, мерееаемъ себѣ, да такъ вотъ и ждемъ недѣлю, другую и третью. Надо бы судну придти, потому вѣтра все съ берегу, горные падаютъ, а по вѣтру съ Печоры до Матки на парусахъ всего три дня ходу: такъ завсегда! А тутъ, глядимъ, ужъ и на четвертую недѣлю четвертый день пошолъ: потосковали опять, попечалились другъ-другѣ; защемили наши сердечушки-то ту же да ту же. Въ сумнѣніе впали: не бывать, моль, намъ эту зиму дома, не нашли, знать, судна. Дѣло худое! Помолился я Богу и на пятые сутки, и пошолъ, по своему по обычаю, на море глядѣть: покажется парусокъ—наше судно бѣжитъ. Иду это я къ морю и думаю, многое разное думаю, о чемъ бы и не слѣдъ на ту пору вспоминать: домой, моль, приѣду, жена встрѣнитъ, ребячѣнки заластятся, сосѣди съ разговорами придутъ, вина выставлю, пить станемъ, пѣсни запоемъ... Думаю все это, идучи къ морю, а самому и не въ-домѣкъ, что вѣтеръ не вечерошной тянетъ. Подставилъ я ему щоку, востокомъ свазался, вѣтромъ тѣмъ непутнымъ, что изъ

само́й-то голомяни (изъ полярной дали моря) .отъ вѣковъ ти-
нетъ. Такъ у меня на ту пору ноженки и подкосились, словно
подъ жилки кто меня полѣномъ урѣзалъ. Присѣлъ-нали; одначе,
оправился, дальше пошолъ и море увидалъ, да бѣлое такое,
вонь-что оленья постель бѣлая, кругомъ бѣлое море, а воды на
немъ ни слезинки, ни капельки: все ледъ, кругомъ торѣсья. И
визжать это они, и стонуть, не слыхивалъ такъ! Антихристъ,
молъ, идетъ съ сонмищемъ со своимъ, а кой, молъ, тутъ тебѣ
чортъ—лодя деревенская на выручку!... Пришолъ къ своимъ
въ избу да и взвылъ, рассказалъ имъ все; только по бедрамъ
ударили да головушки понурили. Теперь-де жди до весны гор-
нихъ-то вѣтровъ, а какъ ни-какъ—виновать видно, надо. По-
молились мы Богу крѣпко-на-крѣпко—да и завиновали!...

Старикъ, опустивъ голову, смоленуль.

— Наступило, стало-быть, для васъ самое трудное время!—
подсказалъ я, чтобы подзадорить старика на продолженіе раз-
сказа его, и не ошибея: старикъ продолжалъ прежнимъ тономъ:

— Самая трудная была та пора! Такая, сказать тебѣ надо,
пора наступала, что еле до весны дожили; одначе, троихъ го-
ремычныхъ товарищей похоронили тамъ.

— Ты, старикъ, расскажи, пожалуйста, по порядку.

— Порядки тебѣ эти вотъ какіе будутъ... не соскучился
бы ты?

— Сдѣлай милость, рассказывай! весьма обяжешь.

Но рассказикъ началъ не прямо: предварительно оглядѣлся
кругомъ избы, наполненной въ то время слушателями и столько
же зрителями, являвшимися, по обыкновенію, на всякой при-
ѣзд мой въ любое изъ печорскихъ селеній, и примолвилъ:

— Изъ лишнихъ-то кто есть, ушли бы. Вы бабы!...
ступайте-ко вонъ, не мѣшайте мнѣ! Вели, ваше высокородіе!

— По-мнѣ, зачѣмъ же ихъ гнать? Пускай слушаютъ: не по-
мѣшаютъ.

— Воютъ, вѣдь, онѣ; что вотъ не рассказываю, голосятъ
все...

Сталось по желанію старика, заинтересовавшаго насъ еще
болѣе такую торжественностью вступленія.

— Затерло вотъ такъ насъ льдами, затянуло кругомъ, что
ни входу, ни выходу. Справа и слѣва — Божіе произволеніе;
сверху и снизу — Его святая милость. Хочешь ты — въ снѣгъ

зарывайся, хочешь—въ избѣ сиди да надѣйся. А, вѣдь, избы наши известно: сверху мочить, съ боковъ дуетъ, снизу всего тебя насквозь до послѣдняго суставчика сыростью пробираетъ, потому избы эти строены и нивѣсть въ кою пору и нивѣсть изъ чего: всю вонь эту дрянь-то, что и море не держитъ въ себѣ и что *плавни* кожъ зовемъ по-нашему, мы въ строенье пускали: всѣ эти бревна, вряжи, щепу разную, что ухватить волна на одномъ берегу, а выкинетъ на другой, да промочить ее всю до сердцевины, да прогнойтъ до слезъ. Теперь, вѣдь, только изъ привознаго-то лѣсу строить начали, а въ тѣ времена, что выброситъ море, то и наше. Въ такой-то вотъ избѣ и мы сказки сказывали, въ вузави дули, съ ноги-на-ногу переступаючи, да думали: вотъ кабы Господи снѣгу закидалъ къ намъ побольше, хорошо бы было. И за этимъ не стояло дѣло: на Кузьминки (къ 1 ноября) наметало его такую пропасть за-ночь, что потомъ цѣлый день отгребались. Въ избѣ теплѣе стало и подъ промерзъ: не въ тумавѣ сидѣли, по крайности и ношникъ не трещалъ, не брызгалъ. Такъ, гляди, иная бѣда навязалась, а запрещъ того, поглядишь-бывало какъ это оно тебѣ постоитъ на небѣ-то краснымъ таинмъ, да большимъ-пребольшимъ, такъ, къ примѣру, на полчаса по времени, да и спрячется. А тутъ тебѣ и выглядывать перестало — свуна взяла? Чайки улетѣли, утки потомъ, моржи пропали, ни реву, ни овисту—еще того хуже пришло, хоть самъ себѣ въ ногти свищи! Одинъ ошкуй пугать приходилъ да воровать, что увромыслили мы: стали стрѣлять по немъ, убили троихъ; мясо собакамъ пригодилось. Четвертаго поранили—думаемъ, скажетъ другимъ, что деремса-де — не ходили-бы; такъ инъ, еще пришли: одинъ совсѣмъ въ избу дѣвъ и собаку одну изломалъ — угодили подъ сердце, намъ же достался. На Веденевъ день и дня знать не стало, все едино, что ночь, не темнѣй ее; ошкуй пересталъ ходить, въ снѣгъ зарылся *молодомъ жить* до весны. «Ладно, молъ, своегъ, надумалъ ты этакъ-то: теперь горемъ меньше стало!» А до того начнутъ эти ошкуй въ ногти свистать одинъ за другимъ: таково надрывно и боязко. Перестали свистать—легче стало и въ ухахъ и на сердце не тягостно. Такъ ужъ опять больно темень-то одогѣла: ничего не распознаешь. Рѣшили на то, что коли-де въ одной площѣи ношникъ сгоритъ—день прошолъ, въ другомъ ношникѣ порѣшилось сало — ночь прошла; и досчитались

мы, вотъ адѣкъ-то, по нашему счету, и до Рождества Христова. Да не на радость, знать, досчитались; не было у насъ изъ ѣды ни снѣжи—пороха: рыбы какой по осени-то наловили—всю поѣли; птицы было до Филиповоу-то прозапасли, такъ и той нѣту, да опять же и грѣхъ мясо въ постъ ѣсть: на томъ свѣтъ и водицы не дадутъ напиться. Наступило Рождество, а намъ и разговѣться нечѣмъ; день-то сидѣли—горевали; пѣсни-было, на утѣху свою, къ вечеру-то заѣли, такъ на голодное-то брюхо голосъ не потѣкъ. Бросили! Былъ съ нами молодецъ одинъ — Тимохой звали (померъ ужъ)—ушолъ, не сказавши слова, день пропадакъ, вернулся радостной такой, шутить: «Хотите, говорить, помирать, такъ сказывайте: могилы-де вырылъ». Да какъ же, моля, Тимофеюшко, ты могилы-то вырылъ, когда землю теперь и огонь не проберешь? «А и, говорить, въ снѣгу вырылъ, могилы-то». Да мы, моля, не медвѣди: смѣемся ему. Ты, моля, дѣло-то сказывай. «А какое-де вамъ дѣло сказывать: ѣсть, моля, хотите?» Ну да какъ моля, Тимофеюшко, не хотѣть; посмотри ты на насъ: осунулись; опять же цѣлой день тошнить, знобить, не согрѣемся; во рту горечь такая, словно смола ѣли; опять же десны припухать стали, а морошку самъ-де знаешь, еще къ николину дню всю поѣли. И, какъ теперь, вижу все это, хоть и тридцать годовъ прошло: ухмыляется намъ шутникъ, опять зашутилъ, изъ избы вышелъ да принесъ намъ... Принесъ-то онъ намъ оленя дикаго, теплый еще. Стали мы кровь пить, мясо такъ и не жарили — сырымъ ѣли. И ничего сладко таково! и наѣлись скоро. Пить захотѣлось — натаяли снѣгу, напились. Къ вечеру голова разболѣлась, тошнота долить начинала, не выдержали... А Тимоша нашъ все шутить, ему все смѣшки да забавы; допрежь этого съ нимъ не бывало, что ни знали его: думчивой былъ такой, непривѣтной. Согрѣшилъ я на ту-пору, подумалъ: передъ горемъ, моля, ты Тимофеюшко, раскудахтался. Ему-то я о томъ не сказалъ, а ребята-таки попечаловался. «Такъ! говорили, со большой со тоски дурить, да опять же и вѣра наша, что коли-де цыгги ты боишься, больше смѣйся, больше бѣгай, шевелies: не приста-нетъ она. Вотъ и Тимофеюшко нашъ дурилъ еще день, да и смолкнулъ. День молчать, другой молчать, на третій къ вечеру слегъ. Слегъ, что бревно слегъ, святая душа, богоданной товарищъ... жилой человѣкъ! У насъ и сердечушки защемило:

такъ-то вотъ, молю, всё мы подъ Господомъ! Упаси, молю, ты его, Святая Богородица! И стало намъ таково тошно!...

Старикъ, смолкнувъ, прослезился и теперь такъ же точно, какъ, можетъ быть, плакалъ онъ и при прежнихъ своихъ разсказахъ объ этомъ событiи, вызывая на томе сердобольныхъ бабъ-слушательницъ. Съ трудомъ онъ оправился потомъ и продолжалъ разсказъ свой:

— Лежитъ нашъ Тимофеюшко на нарахъ, лежитъ—охааетъ. Кто изъ насъ ни подойдетъ, опросимъ: что, молю, ты, друже? «Ослабъ!» сказываетъ. Ослабъ да ослабъ, охать стала пуще, по ночамъ вопить блаженнымъ-матомъ. Мы опять къ нему: не надо ли, молю, тебѣ чего? «Ничего, говорить, не надо!» Да и дать было нечего. А вотъ говорить, во рту горечь, и плюнулъ, чернетью такой плюнулъ, словно изъ трубы изъ нечной, и десны показалъ—пальца въ два раздуло, дотронулись мы до нихъ пальцемъ—кровь пошла. Стали оглядывать, блѣдной такой лежить, снiя щоки и осунулись, подъ глазами синяки въ пятнахъ мѣдной; ноги загноились, и смердитъ, больно смердитъ; головы даже болѣть у насъ почали. Глядимъ, этапъ послѣ Крещенья у него руда пошла изъ носу и изо-рту, стало его такъ спшибать, что вотъ закроетъ глаза и лежитъ безъ памяти, словно мертвой. Опомнитса, опять обликнемъ: не надо ли, молю, чего? (Все себя-то да и его надували). Такъ вотъ, говорить, что надо: коли живы будете, безъ меня... да домой сбѣжите, родительское свое благословенiе на вѣки нерушимое посылаю всѣмъ и ругать, молю, себя не велѣлъ... И сталъ онъ тутъ наказывать про родныхъ такъ слезно, голосомъ дрожить, самого такъ и ведеть... судорга!... головушкой-то своей побѣдной покачиваетъ. Мы тоже за нимъ: не въ-терпѣжь ужъ стало! режемъ! И не было тутъ ни одинаго человѣка, чтобы у котораго слезъ не текло! Больно ужъ печально было смотрѣть, какъ душа-то человѣчья тяготится. Глядимъ опять: закатилъ нашъ Тимоша глаза свои, да съ тѣмъ мы его и видѣли! Померъ несчастнымъ дѣломъ. Григорiй молитву читалъ, я обмылъ его; собча могли выкопани въ снѣгу на другой ужъ день. Весна, смѣаемъ, придетъ, да отойдетъ мать-сыра-земля — туда спрячемъ. Такъ и сдѣлали. И все нашъ Тимофеюшко опосля комчины своей намъ мерещился, душеньки наши томилъ, словно камень тяжелой на все накладывалъ. И теперь вотъ... ужъ очень-обидно вспоми-

нать про его про кончину! Отъ слезъ не удержишься, хоть и стыдно бы стареку!...

— Ты позволи, ваше высочордіе, отдохну я маленько: духъ переведу! перебилъ свою рѣчь разскащикъ этимъ запросомъ.

Старикъ послѣ того молчалъ долго, до тора долго, что заставилъ даже вѣншаться въ нашу бесѣду стороннему слушателю. Тотъ говорилъ:

— Ты бы разсказалъ, дядя Антипа, ега милости, что дальше съ вами было, хорошо тоже было! Послушай-ко честной господинъ.

Запрощикъ привадохнулъ; старикъ не упрявился.

— Хорошаго, надо бы говорить тебѣ, мало же было! говорилъ онъ. Хорошаго тутъ все, что еще троихъ товарищевъ потеряли: двое отъ той же отъ цыгги истаяли, хоть и олешковъ ловили, теплую кровь пили; опять же и въ пѣсняхъ, и въ пляскахъ недостачи не было—бѣгали, сугробы раскапывали; зря, ради дѣла, гору обледѣнили водой — катались съ нее, и саночки такіа еколотоли. Всего было! Третій товарищъ, по очереди, за пищей ходилъ: съ ружьемъ, томеръ, за оленями, да и не возвратился. Надо бы медвѣдю съѣсть, такъ на ту пору хивусъ палъ такой, что всю нашу избушку завадилъ: сажени на-три глуби. Заблудился, стало, да и замерзъ; нашли послѣ, далеко, версть за десять, что кисель: совсѣмъ заргилъ. Тоже слезы были, моголку копали большую, да всѣхъ въ одну и положили, и крестомъ оскѣнили деревяннымъ. И теперъ крестъ-отъ этотъ знать. Вотъ-что ни бываю на Маткѣ, у креста у этого завсегда по праздникамъ молитвы пою, какія знаю. Очень, вѣдь, ужъ печальна, твоя милость, жисть-то наша промысловая: бабамъ, кажись бы, въ этомъ дѣлѣ и толку не было: съ однихъ бы, съ гореваньевъ повымерли!

— Позволь, ваше сіятельство, водочки выпить, съ твоего позволенія. Грѣшу съ юныхъ лѣтъ, да и разсказывать вольнѣе станеть! — опять также неожиданно перебилъ свою рѣчь разскащикъ.

Желаніе его было немедленно исполнено. Но старикъ все еще молчалъ, какъ-будто припоминая что-то, и опять на столько же долго, что заставилъ прежняго запрощика подзадержать себя новымъ спросомъ:

— Ты расскажи, дядя Антипа, что вы на Благовѣщеневъ-то день дѣлали: любопытно!

Последнее слово относилось ко мнѣ.

— Я тебѣ по порядку лучше, какъ было! началъ старикъ. На Афонася (8 января) такъ, надо-быть, по нашему счету, первой мы свѣтъ увидѣли: заря занялась, мы и ношники погасили, такъ эдакъ на часокъ мѣста; а на Оксинью-Полузимицу (24 января), глядимъ, и солнышко на горахъ заиграло; хоть и не видать еще было его, а поиграло таки съ часъ мѣста; смотримъ, на Стрѣтвевъ день (2 февраля), оно батюшко-красное-солнышко во всей-то во своей красотѣ изъ-за горъ-то и выглянуло. И такъ мы ему всё обрадовались, заплясали, цаловаться начали, ей-Богу!... Отецъ, молю, ты нашъ родной, при тебѣ теперь не скучно будетъ, радость ты, молю, наша! Такъ это все ему, что человекъ, мы и сказывали въ очи, ей-Богу!... Словно одурѣли всё, зиму-то что медвѣди вылежавши. Прошли на ту пору Евдочен (1 марта), прошли, по нашему счету, и Сорокъ Мучениковъ (9 марта); показались по свѣгу проталинки, мягки мѣста по тундрѣ-то отходить стали. Около Благовѣщенья запримѣтили, что мохъ закрудился, отошолъ—значить. Ну, думаемъ, Божья благодать освѣняетъ. Ошкуй проснулся, прошолъ вдалекѣ мимо насъ въ море, гдѣ ужъ на то время полыньи стали запримѣтны. Наступилъ, значить, и великъ-день—Благовѣщенье, большой у Господа праздникъ; сказано: на этотъ день и птица гнѣзда не вьетъ, а по нашему на тотъ день и работать нельзя. Вышли мы потому изъ избы, стали къ востоку, да и запѣли церковные стихиры, какіе знали; и пѣли мы, пока солнышко на виду было: часа, надо-быть, три пѣли, всю всюнощну и изъ обѣдни, что знали-все перепѣли, и таково согласно, что мнѣ, поди, и не сдѣлать теперь такъ-то. Какъ теперь, помню: голосами закручиваемъ, выводимъ... ну, одно-слово: дьячки—да и все тутъ!

Нѣкоторые изъ слушателей засмѣялись; разсказчикъ мой объяснилъ это:

— Вотъ какъ про Благовѣщеневъ-день ни припомню, всегда имъ любо, какъ-де я дьячкомъ пѣлъ—смѣшно, вишь!

— Смѣшно и есть!... безголосному-то!—послышался голосъ изъ толпы посѣтителей. И другой:

— Досказывай, знай, дальше!

— Рассказывать-то теперь легко, говорилъ старикъ: — а тогда больно же *мѣстно* было. День-за-день, все въ одиночествѣ: очень-тяжело было, не до смѣшковъ приходилось!...

— Надо тебѣ рассказывать теперь вотъ что!—продолжалъ старикъ мой, немного подумавъ. — Съ Марьи (первыхъ чиселъ апрѣля мѣсяца) во весь тотъ мѣсяцъ земли оттаяло много; морозъ, почитай, гулялъ въ кою-пору, да, вѣдь, ужъ въ нашихъ мѣстахъ безъ того не могли думать, нельзя... Такъ ужъ отъ вѣковъ! Къ Егорьеву дню (23 апрѣля) озерки отошли и ручьи съ горъ побѣжали; на Вѣшняго Николу много ужъ было ихъ. А снѣгъ тамъ во все вѣдь лѣто видѣнъ; какъ онъ тамъ отъ сотворенья міра легъ, тамъ и лежитъ, надо-быть. Объ этомъ и разговаривать больше не будемъ. На Федосью (29 мая) два гуся прилетѣли и гагара. Покричали они, погоготали часъ, другой, третій, и улетѣли. Дня два потомъ не видать ихъ было: никого не видать. Передовые, молъ, знать, были эти, повѣстить насъ прилетали да осмотрѣться: хитра, вѣдь, птица-то! На третій день слышимъ: крикъ да крикъ, стадо за стадомъ: и гуси, и гагары эти, утки опять, лебеди, чайки разныя: и глуши, и моевна, и сизые тулупаны, и пяташки — всѣ прилетѣли. Ну... со той поры въ пищѣ намъ недостачи не было. На этоть счетъ было ужъ очень хорошо. Опять же крѣпкіе вѣтры ледъ понесли въ голомя; губы прибережныя прочищаются начали около Петра Аeonскаго (въ первыхъ числахъ іюня), щавель показался, на горахъ цвѣты какіе есть: звѣробой (чернобыльникъ), травка мелконькая такая зазеленѣла. Лѣто пришло и сердце отошло. Слава-молъ, Богу! Хоть другаго чего и мало растеть на Маткѣ, ничего больше не будетъ — на иной ѳркъ, эдакъ въ $\frac{1}{2}$ аршина вышиной, пожалуй, почки распусятъ, да въ листь не перейдутъ до скончанія вѣка—а все же, молъ, лѣто пришло: тундры, каменной берегъ, озера, рѣченки всѣ оголились. Стало море, замѣсто льду, плавикъ выкидывать: гдѣ щеночку, гдѣ бревешко... моржи, зайцы морскіе, нерьпа, бѣлуги выставать стали... Петровъ-день на дворѣ... скоро быть нашимъ промышленникамъ. А какъ сталъ день за мѣсто ночи, да крѣпче пришлось тосковать намъ, со дня на день ожидаючись... смотримъ: парусокъ-отъ осенній по лѣту ужъ по этому и забвѣлся, да и не одинъ, а пять... шесть... семь... да и больше. Ну, радостей тутъ—извѣстное ужъ дѣло!—много было

всякихъ; тутъ опять слезы, да ужъ не такія, не прежнія: эти, вѣдь, лучше, слаще!...

— Вотъ тебѣ и все!—завершилъ свою рѣчь старикъ, приподнявшись съ мѣста съ сіяющимъ, веселымъ лицомъ, на которомъ легко можно было читать всю исторію дальнѣйшей встрѣчи съ родными, дорогими людьми.

— Мы, вѣдь, ужъ нонче не зимуемъ, а какъ вотъ Успенъ-евъ-день на дворѣ, такъ и норовимъ съ лѣтней-то бѣжать къ домамъ. Дома лучше!—добавилъ расказчикъ.

— Гдѣ же вы наступившее лѣто взяли?—спросилъ я его, чтобы вывести на новую откровенность.

— Да соблазнились харчами-то: на Маткѣ лѣтовали, отвѣчалъ онъ какъ-то неохотно.

— Что же дѣлали?

— Упромышляли.

— А какъ?—это ты не рассказывалъ.

— Ты, ваше благородье, вотъ-что: дай мнѣ отдохнуть и рюмку водочки! завтра я забѣгу къ тебѣ на-утрѣ и всю правду истинную, какъ умѣю, расскажу; а теперь ты побѣжай на устье, посмотри: скоро поляя пойдетъ (отливъ начнется) — заживетъ вода. Любопытно!

Въ этотъ день я дѣйствительно рѣшился ѣхать посмотрѣть на широкую Печору въ зимнее время. Олени были готовы. Мы вышли на улицу.

Стоять олени, по обыкновенію, понуривъ головки и положивъ вѣтвистые рога свои на спину, и, по обыкновенію, стоять подлѣ нихъ легонькія санки на высокихъ копыльяхъ, по туземному—*чумки*. И здѣсь также, какъ и на Мезени, упряжь оленья веревочная, привязанная къ чуркамъ и потомъ къ самымъ санямъ; и здѣсь также кожаная ляжка, обходящая вокругъ шеи животного и замѣняющая въ этомъ случаѣ хомутъ, называется *подергъ*; и также между ногами, отъ шеи къ чуркамъ, пропущена кожаная же ляжка, называемая *сса*. У лѣваго крайняго оленя *сса* эта подлиннѣе другихъ, и потому олень этотъ *передовой* и *главной*, по той причинѣ, что къ головѣ его привязана *метина*—единственная, длинная возжа для всей четверки. И знаю: дернетъ, соберетъ возжу эту до половины въ руку проводникъ мой на всеиъ бѣгу оленей, всѣ они повернутъ въ сторону и останутся. Знаю: будетъ проводникъ мой, но

время ъзды, подергивать и похлопывать этой метыне по боку передоваго съ одной стороны и съ другой, будетъ пинать олень въ задъ длиннымъ березовымъ шестомъ своимъ, *харсенъ*, кончающимся на одномъ концѣ костяной, изъ мамонтоваго рога, шишечкой. Разница передъ мезенскими обычаями здѣсь состояла только въ томъ, что досчатая настилка сверху чунки покрыта была не оленьей шкурой (по туземному *постелей*), а шкурою бѣлаго медвѣдя, и вмѣсто мезенскаго гогоканья и оледельканья, здѣсь понудительные крики на олень слышались: «кыса-кыса!» Во всемъ же остальномъ поразительное сходство: тѣже пугающія, опрокидывающіяся назадъ чунки и несомнѣнно сваливающія внизъ потому только, что спереди едерживаетъ санки въ колебательномъ (дрожательномъ) состояніи оленья упряжь, а сзади острые концы дугообразныхъ нижнихъ полозьевъ чунки, легкой на ходу и удивительно приспособленной къ несильнымъ, хотя и бойкимъ на бѣгу малевымъ оленямъ. Наконецъ, и здѣсь тѣже предостереженія: провожавшаго меня добраго, гостеприимнаго и словоохотливаго люда въ родъ слѣдующихъ:

— Тутъ въ чункѣ-то, подъ мѣхомъ, ременные петелки такія есть, такъ держаться надо: тогда и на кочкахъ не опружить тебя.

— А кочекъ-то этихъ по пути тебѣ теперь много будетъ: держись только! Дорѣгъ-то, вѣдь, у насъ изъ-вѣковъ не продолжено: челкомъ (цѣпкомъ) ъздимъ, какъ олешки надумаютъ.

— Ногъ-то ты не клади на чунку: спшибетъ пожалуй; да опять же и малица-то сверху колѣнь полѣзетъ—озябнешь. Спусти ихъ лучше, да поглядывай, а то, вишь, ноги то у тебя длинныя—задѣвать за кочки стануть, да и опять же не спшибло бы.

— Озябать станешь, рукава-то у малицы спусти, да и рожу-то всю подъ мѣхъ спрячь, коли дыханье захватывать станеть. Ишь, вѣдь, какой холодище завязался, а тамъ у окіана еще лютей!..

Но едва ли противъ какого холоду не устоитъ тяжелая, неловкая, безобразная, но страшно-теплая самодская одежда, получившая право гражданства и у русскихъ туземцовъ. Безъ этой одежды нѣтъ возможности ъздить по нашему холодному Сѣверу и волей-неволей всякій долженъ надѣвать на ноги сна-

чала мѣховые чулки (шерстью къ тѣлу и длиною выше коленъ) изъ оленьей шкуры, называемые *миллы*, потому *ими* — родъ сапоговъ, красиво сшитыхъ изъ разношерстныхъ (шерстью наружу) лентъ мѣховыхъ (кабусовъ), снятыхъ съ оленьихъ ногъ и разукрашенныхъ по мѣстамъ разноцвѣтными лоскутками суконъ, и, наконецъ, при вѣтрикахъ морозахъ, сверхъ всего этого, валопы — *тоборы*, *топакы*, по туземному названію. Разпашины шинели, шубы здѣсь также не имѣютъ никакого смысла и необходимо замѣняются *малицей*, — мѣховымъ, шерстью къ тѣлу (изъ оленя же) мѣшкомъ, у котораго снизу широкое отверстіе — полы, отороченныя мѣховой разношерстной же лентой *пандой*, а сверху узенькое отверстіе, въ которое съ трудомъ продвѣзаетъ голова и которое имѣетъ мѣховой воротникъ. Теплая, похожая на стихарь, малица, во время сильныхъ выюгъ и морозовъ, неудовлетворительна и потому покрывается *совикомъ* — такой же малицей, но съ тѣмъ главнымъ отличіемъ, что у совика къ воротнику пришить мѣховой же колпакъ (куколь, по туземному) и притомъ совикъ надѣвается шерстью наружу. Куколь его не исключаетъ, впрочемъ, употребленія теплой шапки, которая шьется колпакомъ съ длинными ушами (также пестро-изукрашенными) изъ шкуры молодыхъ оленей — *пыжиковъ*. Въ такомъ безконечно-тепломъ нарядѣ можно было ѣхать не только къ океану, но, пожалуй, даже и на Новую-Землю, и притомъ въ какой угодно холодъ.

До того мѣста, которое мы назначили цѣлью поѣздки, на этотъ разъ было верстъ сорокъ, т. е. ровно на три доха для бойко, въ приспосовку бѣжавшихъ оленей. Дохъ, или духъ этотъ состоялъ въ томъ, что проводникъ мой, сидѣвшій на облучкѣ сѣва, собиралъ въ руку возжу — метыне — до половины длины ея: передовой олень дергалъ вправо и увлекалъ за собой всѣхъ остальныхъ четырехъ, которые мгновенно и останавливались, какъ вкопанные. Они тяжело и порывисто дышали, пусная паръ глубоко, жадно схватывали мягкій пухъ съ лежавшаго подъ ногами ихъ снѣга, опять усиленно собирали духъ втеченіи какихъ нибудь десяти минутъ. Провожатой мой выводилъ ихъ впередъ, выравнивалъ шестомъ своимъ, бѣжалъ нѣсколько впередъ въ припрыжку, мгновенно вскакивалъ затѣмъ на облучокъ, и оленя, положивъ свои вѣтвистые рога картинно на спину, снова пускались своей легоньвой, рысистой побѣжкой дальше, до по-

ваго доха, черезъ 15—20 верстъ. Эти 20 верстъ ѣхали мы меньше часу времени, тѣмъ-болѣе, что (какъ говорилъ проводникъ) запряжены были важенки (самки), болѣе легкія на ходу и рѣже пускаемы въ ѣзду, чѣмъ работающіе быки (взрослые самцы-олени).

Но вотъ уже мы близки къ цѣли: дали послѣдній дохъ оленямъ и ѣдемъ послѣ него довольно долго. Вонъ вдаль шевелится весь тотъ снѣгъ, который казался до того неподвижно-растянутымъ полотномъ, и шевелится онъ на всемъ неоглядномъ пространствѣ, раскинутомъ впередъ до безконечности. До ушей долетаетъ сначала глухой гулъ и потомъ, по мѣрѣ приближенія къ *замышшему* морю, выдѣляются изъ этого шума отдѣльные звуки: то какъ-будто неистово щолкаетъ что-то, то раздается невыносимый визгъ и трескъ, то какъ-будто раскатыстый всплескъ какого-то громаднаго морскаго чудовища. Далеко разносистой, попеременно смѣняющіе одинъ другой, рѣзкіе звуки продолжаютъ увлекать вниманіе. Бѣлая, сплошная даль засѣрѣла; видятся отдѣльныя льдины, неподвижная окраина берега, темныя полосы воды и кругомъ безлюдье и дичь, которая какъ-будто тоже приготовилась смотрѣть и слушать. Страшна казалась эта мрачная даль, хотя и была она полна жизни дикой, своеобразной. Мы остановились; проводникъ мой оговаривается при этомъ:

— Ну, ужъ дальше ѣхать нельзя: дальше небо досками заколочено и колокольчики не звонятъ...

Но дальше, какъ извѣстно, цѣлые ледяные острова, увѣчаннныя до облаговъ поднимающимися ледяными же скалами въ 400 и больше футовъ высоту и въ 100 и болѣе миль въ окружности. Цѣлую вѣчность бродятъ они съ одного конца Ледовитаго моря до другаго — американскаго, перенося на своихъ хребтахъ моржей, тюленей и ужившагося съ полярнымъ холодомъ и тепло-одѣтаго бѣскаю. Съ ужаснымъ громомъ разламываются эти ледяные исполины, рассыпаются мелкой пылью, которая пѣнитъ и бурлитъ воду иногда на пяти-верстномъ разстояніи. Чудныя картины являютъ они въ иную пору — картины, напоминающія изумрудные дворцы волшебныхъ сказокъ, когда зажгутся и заиграютъ отъ лучей солнца всѣ эти ледяныя арки, столбы, конусы и въ каждой капелькѣ которыхъ играетъ оно всѣми семью роскошными цвѣтами радуги. Но те-

перь... теперь страшно непривычному уху, глазу и воображенію, не приурочившимъ себя къ подобнымъ картинамъ и неосвоившимся съ ними съ-издѣтства. Шумъ и безтолковой гулъ, несущійся со стороны моря, начинаютъ замѣтно стихать; но по прежнему, обгоняя одинъ другой, носятся въ моемъ воображеніи дальніе родные виды и картины, Богъ вѣсть, чѣмъ и зачѣмъ вызванные на эту пору, какъ-будто въ контрастъ настоящему зрѣлищу: и любящая родная семья, и искренной, дружеской, дорогой кружокъ семьи пріятельской, отдѣленные теперь отъ меня двухъ-тысячнымъ непривѣтнымъ пространствомъ. И еще дороже и цѣннѣе кажется все дорогое наболѣвшему сердцу, и еще благотворнѣе, и еще живѣе и нагляднѣе рисуется мирная, сосредоточенная въ кружкѣ и обусловленная обычной колеей жизнь, знакомая и родная съ-издѣтства. А тутъ, о-богъ, живетъ расходившееся море, но живетъ какою-то безцѣльною, повидимому, непонятною жизнію, заключенное въ тѣсныхъ рамкахъ замерзшей и уже окончательно безслѣдно-вымершей природы. Живутъ еще олени и живетъ проводникъ—подневольные мученики вапризовъ чужаго произвола; но олени, выпряженные, пробиваютъ копытами намерзшій снѣгъ, инстинктивно отыскивая подъ нимъ лакомую и единственную пищу свою—сочный и сытный бѣлый мохъ; но проводникъ, сосредоточенно-молчаливой, обрубаешь топоромъ вѣтвистый рогъ у одного оленя и невольно вызываетъ этимъ меня на вопросъ:

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Да, вишь, мѣшаютъ, заплетаются!—отвѣчаетъ онъ рѣзко и сердито.

— А лучше бы, по-моему, такъ оставилъ: красивѣй.

— И что красивѣй!—знаю, красивѣй, да вишь мѣшаютъ: съ другими сплетаются, опять же ёрку задѣваютъ по дорогѣ. Сами, вѣдь, они на зиму-то сбиваютъ ихъ!—продолжалъ разсуждать проводникъ, какъ-будто награждая себя за долгое, часовое молчаніе во все то время, когда кормились привезшіе насъ на это безлюдье олени.

И отрубленные рога брошены подлѣ дороги. Окружающая насъ, непривѣтная среда продолжаетъ тяготить своимъ безлюдьемъ попрежнему. Пещора замѣтно успокаивается: отливъ кончился, разломанный ледъ далеко отнесло вдаль, побережье мрачно чернѣетъ отъ наступающихъ сумерокъ, которыя казались бы глу-

бокою, черною, волчьей ночью, если бы поразительная близина снѣга не бросала отъ себя просвѣта на все пространство. Чуть-чуть мерещился вдали огонекъ ближняго къ намъ выселка въ двѣ избы; олени наши отдохнули, проводникъ удовлетворилъ своему желанію оставить одного изъ нихъ безъ праваго рога. Мы поѣхали назадъ.

Морозъ вѣпчалъ и становился едва выносимымъ: то шипитъ онъ лицо и заставляетъ спрятать его подъ куколь совики, то пропуститъ холодную струю подъ теплый мѣхъ малицы и пробѣжитъ мелкими струйками по всему тѣлу. Но ни малѣйшаго вѣтра; къ тому же и самый воздухъ какъ-будто застылъ сплошной ледяной массой, и страшно и холодно, и по-прежнему сосредоточенно-молчаливо, поталкивая другъ-друга въ бокъ, бѣгутъ олени въ неоглядную даль, растилающуюся передъ ними, и по-прежнему безпрестанно толкаетъ проводникъ хареемъ то того въ бокъ, задъ, или ногу, то другаго, третьяго и четвертаго. На подорожной кочкѣ трахнеть насъ сильно и свалить въ рыхлый, мягкій снѣгъ; проводникъ при этомъ посовѣтуетъ спустить ноги внизъ и вѣпче держаться за ременную петельку, и ничего не скажетъ, когда вывалитъ насъ обоихъ, когда ляжетъ чунка наша на бокъ и спутается веревочная упряжь его.

Справа и слѣва, спереди и сзади, опять залегаетъ неоглядная снѣжная степь, на этотъ разъ оттѣненная довольно сильнымъ мракомъ, который въ одно мгновеніе покрылъ все пространство, доступное зрѣнію, и, словно густой, темный элеръ, опустился на окольность. Но вдругъ мракъ этотъ исчезъ, началось какое-то новое, сначала смутно-понимаемое впечатлѣніе, потомъ какъ-будто когда-то извѣданное: весь снѣгъ со стороны мгновенно покрылся сильно багровымъ, кровавымъ свѣтомъ; но не прошло какихъ-нибудь пяти мгновеній — все это слетѣло, снѣгъ продолжалъ свѣтиться своимъ матово-бѣлымъ свѣтомъ. Недолго, думалось мнѣ, будетъ онъ бѣлѣться: вотъ обольетъ всю окольность лазуревымъ, зеленымъ, фіолетовымъ, всеми цвѣтами красивой радуги, вотъ заиграютъ топазы, яхонты, изумруды... И рисуются уже дворцы въ настроенномъ подъ общій ладъ воображеніи, какъ въ волшебныхъ сказкахъ, пожалуй даже, какъ театральныхъ Армидахъ, Фаустахъ...

— Сподѣхъ играетъ! — давно уже и нѣсколько разъ повторялъ между тѣмъ проводникъ мой. Я инстинктивно обернулся

назадъ, къ сѣверной сторонѣ неба; но тамъ уже прежній мракъ, кромѣшный мракъ, словно мрачное дождевое, ненастливое облако залегло и ширилось на всю четверть круга видимаго горизонта, какъ-бы нарочно заслоняя отъ насъ такъ сильно нахваленное и такъ давно выжидаемое мною сѣверное сіяніе. Какъ-бы нарочно, для него цѣлыхъ двѣ недѣли не было ни пургъ, ни хивусовъ, ни замѣтелей и стоялъ ледянящій холодъ по всѣмъ окрестностямъ Пустозерска—обстоятельство, какъ извѣстно, необходимое для того, чтобы игралъ сполохъ т. е. былъ бы видѣнъ во всѣхъ полярныхъ прибрежьяхъ. И гдѣ же лучше (думалось мнѣ) видѣть его, какъ не здѣсь, у океана, въ безбрежной степи, въ какихъ нибудь 400—450 верстахъ отъ страшной Новой-Земли? И вотъ, какъ-будто на зло, темное облако заслонило его теперь. Становилось, не шутя, и обидно и досадно. Я покручинился ямщику, но тотъ отвѣчалъ успокоительно:

— Теперь непременно разыграетъ, благо началъ; вотъ олешкамъ стану дохъ давать—гляди, сколько хочешь! Вонъ тебѣ—любуйся! прибавилъ онъ потомъ, и еще что-то, и много чего-то... Но я уже всего этого ничего не слышалъ: я былъ прикованъ глазами къ чудному, невиданному зрѣлищу, открывшемуся теперь изъ темнаго облака: оно мгновенно разорвалось и мгновенно же засіяло ослѣпительными цвѣтами, цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, которые переливались изъ одного въ другой и, какъ-будто искры, сыпались безконечно сверху, искры снизу, искры съ боковъ... Ничего не разберешь, ничего не сообразишь для одного, цѣльнаго впечатлѣнія, все мѣшается и путается... въ глазахъ рябитъ и становится больно. Дашь глазамъ отдыхать на сторонѣ, но тамъ встрѣчаютъ они прежній мракъ, обрамляющій чудное, невиданное зрѣлище; обращаешься опять къ нему, но уже тамъ явились новые виды. Какъ-будто огромная, всемірная кузница пущена теперь въ ходъ; и только не видишь рабочихъ, не слышишь молотовъ за дальностью, близорукостью, видишь одинъ громадный горнякъ, бѣгающій въ немъ искры—и все это горитъ такимъ ярнимъ свѣтомъ, какой едва ли придется видѣть въ другомъ изъ чудныхъ зрѣлищъ чудной природы, кромѣ сѣвернаго сіянія, проживи хоть и болѣе тридцати, пятидесяти лѣтъ. Такъ думалось мнѣ на ту пору и невольно шли на память бессознательно выученные въ дѣтствѣ, теперь, при наглядномъ сравненіи, поразительно-вѣрные стихи

Ломоносова, который знакомъ былъ съ красотою явленій полярнаго неба въ ранней юности:

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Вошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря:
Не солнце-ль ставить тамъ свой тронъ!
Не льдисты-ль мещуть огнь моря?
Се холодный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаеть въ книгу вѣчныхъ правъ,
Скажите, что васъ такъ мятеть?
Что выблеть ясный вѣщь лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разять?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ,
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлой паръ
Среди зямы рождать пожаръ?
Тамъ спорить жирна мла съ водой;
Иль солнечны лучи блестять,
Склонясь сѣвозъ воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горять,
Иль въ морѣ дуть престааъ зефиръ
И гладки волны быють съ эфиръ *).

— На Маткѣ, сказываютъ старики наши, больно-страшно сполѣхи играютъ; да и по деревнямъ порато же сильнѣе. Въ иную зиму все небо горитъ, столбы ходятъ да стальнойются промежъ себя, словно солдаты дерутся, а упадутъ—таково красиво станеть! Эдакъ чаще! А что видишь теперь—такъ рѣдко же, все болше зарей дальней кажутъ. Самые страшные въ большой холодъ живутъ, и тогда словно свѣта представленье, и привычнымъ мы нашимъ дѣломъ, а крѣико пугаемся. На Маткѣ то, слышь, старики сказываютъ, трещитъ даже сполѣхоть, словно изъ ружей щелкаетъ. Страшно, очень ужъ страш-

---

*) 11-я Ода Ломоносова: «Вечернее размышленіе о Великомъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія». Изд. Смирдина, томъ I, стр. 30.

но! — рассуждалъ мой проводникъ на пути нашемъ въ село Кюю

— Не такъ долать насъ сполѣхи по зимамъ—это любопытно, съ этимъ весело — какъ вотъ по лѣтамъ на Матѣ, когда эти проклятыя *горлые чады* *) завяжутся. Просто, сказать тебѣ, въ сырую землю ложись и гробовой доской накрывайся!— говорилъ мнѣ тоже въ вуйской избѣ, на другой день по возвращеніи туда, мой вчерашній словоохотливой собесѣдникъ, старикъ Антипа Прокофѣичъ.

Явился онъ, по обыкновенію, веселымъ такимъ, по обыкновенію, подавъ мнѣ руку, охотно съѣлъ, похвалилъ меня за поѣздку, находя впрочемъ, въ ней больше храбрости и рвительности съ моей стороны, чѣмъ чего либо другаго. Выпилъ чашку-другую чаю, закурилъ сигару (бывалый, начитанный, но не расколникъ поморъ, для забавы, не прочь потѣшить себя этимъ зельемъ, выросшимъ, по ихъ мнѣнію изъ головы евангельской блудницы) и продолжалъ обещанные рассказы о моржовомъ промыслѣ на Новой-Землѣ, въ такомъ порядкѣ**):

---

*) *Горлые чады* (по туземному названію) одно изъ физическихъ явленій, случающихся на Новой-Землѣ при ужасныхъ раскатахъ грома, сопровождаемыхъ при этомъ горькимъ, удручивымъ, густымъ дымомъ, *чадами*, покрывающимъ все побережья. Бываютъ они обыкновенно при продолительно-покойной лѣтней погодѣ.

***) Считаю не лишнимъ предварительно и коротко прослѣдить историческія судьбы искони негостепріимной Новой-Земли. Послѣ трехъ неудачныхъ экспедицій Виллоуби (въ 1533 г.). Барроу (въ 1554) и Пета съ Джаманомъ (въ 1580 г.), видѣвшихъ Новую Землю только издали, первымъ вступилъ на ея берега, въ 1609 г., англичанинъ же Гудзонъ, за годъ до того нашедшій островъ Шницбергенъ. Гудзонъ видѣлъ только западный берегъ ея, но Вудъ, отправившійся въ 1676 году и едва не погибшій тамъ, успѣлъ изслѣдовать горы и дѣль объ этомъ полярномъ Эльдorado кое-какія болѣе положительныя и достовѣрныя свѣденія, чѣмъ все црѣжніе предшественники его. Голландцы были немногимъ счастливѣе англичанъ, лучше воспользовались только матеріальными средствами, предложенными имъ богатствомъ морскаго звѣря на Новой-Землѣ (однако только Баренцъ въ 1594 г. сдѣлалъ нѣчто для географіи, осмотрѣвши тотъ же западный берегъ и пробравшись до сѣверной оконечности острова); таковы экспедиціи Нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ въ 1595, 1596 (того же Баренца), въ 1609 и др. годахъ: все ловили звѣря, птицу, собирали пухъ—и только. Съ тою же цѣлію ѣздили туда русскіе поморы, но, естественно, гораздо прежде голландцовъ и англичанъ, особенно если принять въ соображеніе то,

— Побѣжишь по веснѣ на Матку, извѣстно, сейчасъ думаешь: пронесетъ-де тебя туда и обратно благополучно — безъ большого барыша не вернешься. Такое ужъ сокровище земля эта! Прибѣжишь, ну, ужъ извѣстно, сейчасъ Богу помолишься и сейчасъ озираться, все-ли тутъ ладно: становище на полуденную ли сторону смотреть, изба есть ли, а есть изба — извѣстно, всю ее оглядишь: гдѣ промыло ее, разшатало за зиму — планочку придѣлаешь, бревно вкатишь, окно мохомъ заткнешь — и пойдетъ она тебѣ въ услугу на все лѣто. Тамъ уже, извѣстно, купеческихъ обрядовъ своихъ не соблюдаешь: все благо! И не умоешься въ которой день, Богу забудешь помолиться, выспишься, гдѣ приткнетъ тебя усталость — все съ рукъ сходить, все во душевное удовольствіе. Надо-быть, человѣкъ ужъ такимъ сотворенъ, что, куды ты его не сунь — всегда найдется свое дѣло править. Такъ, по мнѣ! Не знаю, что твоя милость на это скажетъ?

что въ XVI вѣкѣ Россія отправляла за-границу *рыбы зубы* (моржовые клыки) и бѣлыхъ медвѣдей. Въ 1768 и слѣдующемъ году явился на Новой-Землѣ съ учоною цѣлю первый изъ русскихъ штурмановъ — Розмысловъ, описавшій часть восточнаго берега и Маточкинъ Шаръ. Въ 1807 штурманъ Поспѣловъ, а въ 1819 лейтенантъ Лазаревъ описали югозападную часть острова; капитанъ Литке (съ 1821 — 1824 г.) подробно описалъ весь западный берегъ, а подпоручикъ Пахтусовъ (съ августа 1832 по ноябрь 1833 г.) описалъ и восточный берегъ, до того времени считавшійся почти недоступнымъ. Въ 1834 г. онъ продолжалъ опись сѣверной части восточнаго берега вмѣстѣ съ прапорщикомъ Циволькою. Въ 1837 г. Циволька опять былъ на Новой-Землѣ, командуя судномъ экспедиціи, отправленной академіею наукъ подъ начальствомъ академика Бѣра; но безвременно погибъ въ слѣдующемъ году, провожая новую экспедицію, снаряженную правительствомъ для описи сѣверовосточнаго и особенно западнаго береговъ. Это была послѣдняя учоная экспедиція, хотя ежегодно, съ той поры, предпринимаются богатыми поморами новыя экспедиціи, но съ прямою коммерческою цѣлю, безъ всякой другой. Большая часть судовъ, являющихся на Новой-Землѣ, принадлежитъ предприимчивымъ землянамъ — прибрежнымъ жителямъ дальнаго Бѣлаго моря. Затѣмъ охотиве являлись здѣсь мезенцы, въ последнее время уступившіе свое мѣсто болѣе предприимчивымъ и ближайшимъ къ Новой-Землѣ жителямъ — ижемцамъ и пустозерамъ. Жители Усть-Цылемской волости являются тамъ только въ качествѣ наемныхъ работниковъ — покрученниковъ; хозяева, кромѣ ижемцовъ, бываютъ изъ Пустозерской волости, и изъ селеній: Оксина, Тельвиски, Никитцъ, самаго Городка и Куи.

— Ну, такъ вотъ и ладно!—продолжалъ онъ потомъ, послѣ моего отвѣта, все тѣмъ же полушутливымъ, полувеселымъ тономъ. Вотъ какъ тамъ это мы все около себя-то обставимъ, какъ быть надо богатому хозяину—сейчасъ сѣти смотришь: которая для нерпы, для рыбы—гольцовъ, опять же носки точить начинаемъ: это для моржей. Я тебѣ такъ и связывать стану про нихъ, какъ велѣлъ *). Видалъ ты моржа живаго?

— Гдѣ же мнѣ его видѣть, старикъ?

— И то, парень, негдѣ. На картинкѣ-то вонъ онъ у тебя похожъ же. Большой же вѣдь онъ у насъ живетъ; косатки только поменьше-то, а то всѣ эти бѣлуги, нерпы тамъ, зайцы, лисуны—всѣ помельче его. Одно тебѣ сказать: жиру изъ него пудовъ по 15, по 20 вытапливаемъ, изъ большаго-то. Въ продажѣ его, со всѣмъ и съ тинками (кляками) и съ харавиной (шкурой), рублей въ 50 на серебро считай. Вотъ онъ какой! Даромъ, что некрасивой да неукалой: рыжій весь **) и сверху перепонка такая, сѣткой, съ волосами же — алаперой зовемъ (съ битаго снимаемъ ее, и легко таково!), головища большая, на мордѣ щетины насажены, что усы у кота; шея толстая, словно бревно проглотилъ, въ плечахъ широкой да грудастой такой—богатырь, что вонъ въ сказкахъ рассказываютъ—да и все тутъ. Вотъ эдакое-то чортово чудище еще страшнѣе кажется, какъ ты ему въ морду взглянешь: глаза (маленькіе пушай), такъ всѣ и налились кровью, словно бы вонъ отъ пьянства у котораго лихаго человѣка; а не видитъ, ничего-таки не видитъ глазами этими: слѣпой, значить! Носъ-то у него не большой, и къверху вздернуть, и воду въ ноздряхъ держать, и высоко выбрасываетъ, а погляди-ко, какой онъ на носъ-то лютой, коли по вѣтру пойдешь! Такъ ужъ и норовимъ подходить, когда вѣтеръ отъ него тянетъ. Да, пушай объ этомъ послѣ! на груди у него *катары* ***), словно двѣ ноги, коротенькія

*) Ловля гольцовъ и лѣнной птицы: гусей, утокъ, гагаръ въ большомъ количествѣ производится на островѣ Колгуевѣ (см. ниже: «Островъ Колгуевъ»).

**) Въ черномъ моржѣ, водящемся въ Карской губѣ, сала — не болѣе 10 пудъ; въ сивомъ, живущемъ въ Студеномъ морѣ, нѣсколько больше чорнаго. Но объ эти породы моржей на Новой-Землѣ—рѣдкіе гости.

***) *Катары* — ласты, коротенькія и толстыя ноги съ перепончатыми лапами, вооруженными острыми когтями; свади они образуютъ горизонтальный рыбій хвостъ.

да толстыя, а изо рта-то къ нимъ идутъ тинки -- ими онъ и страшень намъ. Вотъ онъ какой! недаромъ морскимъ чудичесемъ прозываютъ.

— Ходятъ они отъ-вѣковъ стадами — *юрвами* такими, *кожами* зовемъ, и все чаще тамъ, гдѣ духу человѣчьего меньше. На Болгуевъ, въ примѣру, самоѣдскія семьи на житье въ недавнюю пору выѣхали—и звѣря туда нынче меньше ходитъ; у насъ на устьѣ, на Тиманскомъ берегу, гдѣ жилья наставилось много, не слышать моржа, развѣ ужъ который блудящій, когда все его юрово перебито, — да и то рѣдко. Ходятъ они больше на Матку, и ходятъ по веснѣ, на полой водѣ (тогда и добывать его трудно); по лѣтамъ бьютъ его въ водѣ; продаютъ на ту пору кожу ему ковшаки — червяки такіе въ конецъ перста: столь толсты! Тогда лзаетъ онъ на берегъ *костливой* — чесаться. Лежатъ до грозы: грянулъ громъ — не любить, сейчасъ побрасаются въ воду. По осенямъ моржъ на льди ны идетъ и ложится *казака* съ *казачихой* *кучиться*, *париться*—дѣтенышей выводить, значить **). Душину онъ въ ту пору пускаетъ такую, что носъ зажимай да и бѣги на край свѣта; больно смердятъ, потому и лежатъ они другъ на другѣ — сказываютъ всѣ въ одно слово—больше четырехъ недѣль: видали же наши! На ту пору, мы вотъ по духу то и узнаемъ гдѣ они тамъ по берегу-то залѣжку свою сдѣлали—это къ осени. А лѣтомъ извѣстно: высталъ онъ изъ воды, ухватился за берегъ, али-бо за край льдины тинками, приподнялся, выползъ на берегъ — и ляжетъ тутъ, у самой воды, и спитъ. Другой выстанетъ рядомъ, — тоже ляжетъ, третій опять, четвертый... а высталъ которой, да видимъ, что другой залегъ ужъ тутъ: онъ не поглядитъ, въ другое мѣсто не пойдетъ, а возьметъ тинками, да и отодвинетъ, и самъ ляжетъ на его мѣсто. Эдакъ-то накладываютъ они такую залѣжку, что которой первой отъ высталъ — версты за двѣ ужъ отъ берега очутится. Это въ хорошіе годы! Спитъ моржъ крѣпко, шибко крѣпко, потому знаетъ, что сторожъ (у нихъ тоже, что у гусей, всегда сторожъ) сво-

---

*) Каменистый, усѣянный мелкими камнями.

***) Маленькаго моржа зовутъ абрамко; годоваго — кырчига; хвалить въ нихъ ласковость и также сближеніе въ семьи—юрва.

ихъ не выдастъ: услышитъ духъ человѣчей—сейчасъ своимъ голосомъ скажетъ: «близко-де, ребята, спасайся!» Тутъ только бульканья считай; почнуть опрокидываться ко дну: затѣмъ ближе къ краю спать ложатся. А не спать когда, отъ бездѣлья потѣхи затѣваютъ: возятся колютъ другъ-другу тинками и нѣтъ того тинка, на которомъ бы зарубокъ не было понадѣлано: всегда этого много. И спать-ли, не спать-ли моржъ—реветъ бычачьимъ голосомъ—у него это первое дѣло, безъ того не бываетъ. Все воетъ, реветъ вотъ, и потому опять узнаемъ, по реву-то по этому, гдѣ они налѣдицу сдѣлали, гдѣ ихъ много—значить. А слышали духъ ихній, али-бо ревь, да особливо когда вѣтеръ отъ нихъ, тутъ ужъ мы—извѣстно не даемъ маху: тутъ-то намъ и праздникъ великой, и веселье. Успѣешь лопатницу на себя—какая подъ-руку попадетса—надѣтъ, да и на обнарядъ, не думая, не гадая долго. Спихнемъ лодочку *стрѣльную* *) на воду, прихватимъ съ собой *кутило* **), моржовку безотмѣнно ***), и поплывемъ ко льдинѣ ли, къ берегу, гдѣ только учуемъ звѣря: все то равно. Ъздимъ больше двое: одинъ гребетъ взадъ отъ себя, чтобы меньше шумѣла вода, не будила бы звѣря. Я завсегда стою съ кутиломъ наготовѣ, потому,

---

*) *Стрѣльная*—легонькая лодка, которую удобно могутъ нести на плечахъ два человѣка; это едва не челнокъ по величинѣ своей. Иногда при этомъ промыслѣ употребляютъ и карбасы съ нашивами или набойки (сальшъ-бортами).

**) Носокъ, кутило, спица, родъ копья, рогатины съ довольно-значительной зазубриной. При этомъ оружіи необходимы также окованныя желѣзомъ березовыя дубины. Къ носку привязывается обыкновенно хвостикъ или тросъ—длинный ремень сажень въ 50 изъ моржовой же кожи. На другомъ концѣ этого троса привязывается бочонокъ, гедеръ въ десять, называемый *баклажкой*, набитый влооть обручами, для того, чтобы звѣрь не могъ разбить его своими клыками.

**) Большаго калибра винтовки, необыкновенно тяжелыя, сдѣланныя аляповато домороженными способами въ деревенскихъ кузницахъ и потомъ уже вывѣренныя самими владѣльцами. Это безобразное оружіе въ рукахъ опытныхъ поморскихъ стрѣлковъ имѣетъ поразительно-дѣльное примѣненіе. Рѣдкій зарядъ, какъ извѣстно—промышленникъ пускаетъ мимо. Въ моржовку идутъ большія пули, которыхъ готовятъ изъ одного фунта только десять. Моржовки сильно огдеютъ, но съ горяча-де не слышимъ этого—говорятъ поморы—пока не засаднить цюку. Да на это на все мы не смотримъ!...

люблю забаву эту. Тутъ наглядна первое: весельщикъ умѣй тебя такъ къ звѣрю подвести, чтобы весь онъ лежалъ передъ тобой, какъ на блюдѣ, всего бы его тебѣ было видно. Подъѣхали, наприкладъ: обманули сторожа (этотъ известно, все караулить: опустилъ эдакъ голову — думаешь, дремлетъ; смотришь — опять поднялъ и опять слушаетъ); къ самому звѣрю подъѣхали, вижу я его: спать, скорчившись, по своему обычаю; знаю: кутиломъ такъ-то его не возьмешь: проскользнетъ какой хошь острой носокъ между морщинами: кожа его известная кожа: толще ея и на свѣтъ-то есть ли? Промahnутся — стыдъ, по-моему: пусть промахивается малой ребенокъ, а не нашъ братъ; я вонъ на вѣку-то своемъ на руку за вторую сотню *разбойныхъ-то моржей* считаю. Вотъ по тому, какъ ты подъѣхалъ, буди моржа, крикни шибче, сколько мочи хватить, какъ на лошадь: тпру! молъ, тпру! Крику этого онъ не любитъ, сейчасъ испужается, вздрогнетъ, проснется, спрямитъ, значить, складки на тѣлѣ — тутъ ты только, что глазомъ мигаешь, принимай моржа: бросай ему въ зашеекъ *) спицу! Звѣрь сейчасъ тросу праздновать: на утѣкѣ! Тутъ метальщикъ успѣвай тросъ выкидывать съ баклажкой весь въ ту сторону, куда моржъ упалъ; а весельщикъ умѣй во время отскочить, отгрести лодку, а то упадетъ звѣрь въ суденку — добра мало; моржъ и смиренъ на берегу-то, пожалуй, и спать охочій, и человѣческаго духу боится, а встрѣтится съ тобой глазъ на глазъ, уваженія не даетъ большаго: сейчасъ въ драку. Онъ тебя подъ лапу сгребетъ да въ воду утащитъ, либо тинками пришибетъ лодку — всѣхъ въ море пустить. Съ нимъ умѣючи надо, потому раненой онъ гнѣвенъ, раненой онъ, что бѣшеной, буянъ; сунется въ воду и опять кверху лѣзетъ, затѣмъ, что рассоль ему развѣдаетъ рану, а баклажка свое творить: далеко въ глубь не пускаетъ. Онъ смекнетъ это, и сейчасъ начнетъ баклажку тинками бить, да какъ обручей-то вплотную насаживаемъ на ней, такъ ничего онъ тутъ и не дѣлаетъ, только до-сыта тѣ-

---

*) Въ зашейкѣ у моржа отверстіе, величиною, говорятъ промышленники, въ трехъ-копѣечную мѣдную монету. Сюда преимущественно и стараются угодить для того, чтобы успѣхъ былъ вѣрнѣе. Никогда не случилось, чтобы убивали моржа при этомъ до смерти; прямая дѣль здѣсь — сильнѣе поранить его, а главная нить на кутилѣ, т. е. почти въ рукахъ.

шится. Вотъ—и все! А выстанеть онъ изъ воды, *дать духу*, тутъ ты опять не зѣвай, бери его на *затинь*. А на *затинь* взять, надо тебѣ говорить, дѣло большое, это дѣло не всякой сможетъ, сноровка великая требуется: первое тебѣ — умѣй во время изъ лодки на берегъ, али на льдину выскочить; второе опять — умѣй пѣшню крѣпко упирать, и угоди поскорѣй обмотать на нее тросъ; третье—отъ тебя большой силы въ этомъ обрядѣ требуется; ну ужъ и о другомъ ни о чомъ не думай и на тотъ часъ не робѣй! Съумѣешь пѣшню упереть во время—звѣрь не уйдетъ отъ тебя; кинуться — не кинется, рѣдко же это бываетъ *), а выставать станетъ чаще, чего и надо! По-

---

*) Моржъ рѣдко дѣлаетъ нападенія, по словамъ поморовъ, и если бывали подобныя случаи, то они исключительно производились молодыми, непопытными звѣрями. «Съ нами—толковали поморы—тоже не находка моржу вести дѣло — моржовка не промахивается», и все-таки рассказываютъ при этомъ одинъ особенно поразительной случай. Моржъ (изъ молодыхъ), равный, но, по несчастію, непринятой на *затинь*, бросился на промышленника и, ухвативши его подъ правую лапу, увлекъ съ собой въ воду. Долго они не показывались, и именно до тѣхъ поръ, пока звѣрь не заблагоразсудилъ, выставши въ другой разъ, бросить промышленника изъ подъ лапсты; по счастью, тотъ попалъ на берегъ, хотя съ вывихнутыми рукой и ногой. На другой годъ онъ опять явился на Новую-Землю за моржами, но, говорятъ, состоялъ уже въ весельщикахъ. Другой случай съ канинскимъ самоѣдомъ поразительнѣе болѣе плачевнымъ исходомъ: ранивши моржа, самоѣдъ бралъ его въ *затинь* не на пѣшню, а обмоталъ тросъ. по личному капризу, около себя и не имѣя силы упереться ногами въ прибрежные камни, былъ увлеченъ звѣремъ въ глубину. Вытащили его уже, естественно, мертвымъ. Когда звѣрь тащилъ его въ воду, случившійся тутъ же другой самоѣдъ хотѣлъ ухватиться за товарища, помочь ему; но несчастный, увлекшись работой и видимо рассчитывавшій на безраздѣльную будущую прибыль, закричалъ на другаго, чтобы тотъ «не трогалъ его, не мѣшалъ ему»—прибавляли ко всему этому печорскіе рассказчики. Третій характеристическій случай нападеній моржа на промышленника, рассказанный мнѣ самимъ участникомъ, кончился, по счастью, удачно. Онъ состоялъ въ томъ, что раненый моржъ вскочилъ въ карбасъ и, не сообразивши дѣла и, повидимому, самъ испугавшись рѣдкому порыву личной храбрости, сидѣлъ, поводя своими кровавыми глазами то на одного промышленника, то на другаго; сидѣлъ долго, давши такимъ образомъ, возможность одному изъ своихъ противниковъ осторожно вытащить изъ подъ боку ружье—моржовку, которою и убилъ смѣльчака-звѣря ниспавалъ тутъ же въ лодкѣ, безъ всякихъ *затиновъ* и прочаго. Четвертый моржъ, мгновенно вскочивши въ карбасъ, до того перепугалъ промышленниковъ, что всѣ они повыскакали въ воду и

ходить-походить въ водѣ колесомъ, да все въ круги; и выста-
нетъ, потому тросъ задержитъ его на глубинѣ, а ужъ тамъ,
завѣстно, упереться ему не во что, а силой тутъ ничего не
сдѣлаешь. Высталъ звѣрь, ты опять держи ухо востро: нама-
тывай-знай тросъ на пѣшню больше, лучше, ближе къ концу
и къ звѣрю. Онъ въ воду ушолъ, а ты на пѣшню налегъ да
и придержалъ ее крѣпче; онъ опять высталъ, а ты еще кроче
навернулъ троса. А доберешься до баклажки; звѣрю идти не-
куда—въ воду не пускаетъ его затинъ, да опять же онъ и на-
томился, крѣпко изусталъ; тутъ ему стрѣляй въ зашеекъ, тамъ
у него кость тоньше (на вискахъ ее не пробьешь: разплющится
пуля, а толку не будетъ). Не угодишь пулей—звѣря люте не
бываетъ: онъ и реветъ на ту пору обычно, что уши ломить,
на льдину лѣзетъ, пугаетъ тебя всякимъ дѣломъ, пова ты его
не уложишь вовсе. Тогда его бери на катокъ (воротъ) и кати
на льдину, что сальную бочку: тутъ твоя сила нужна и ничего
уже больше! Свѣжумъ (пластаемъ) мы ихъ всегда на льдинахъ
тутъ же...

— Не страшень тотъ моржъ, у котораго тинки вмѣстѣ
идутъ, — страшнѣе тотъ, у котораго тинки врозь пошли (про-
должалъ потомъ мой рассказчикъ, какъ бы отвѣчая на мою
мысль). Этого и зовемъ мы разбойникомъ. Страшно съ нимъ
глазъ на-глазъ сходиться, когда онъ лежитъ передъ тобой и
пѣшню свою держишь ты еще въ рукахъ наготовѣ, а всадишь
ее, на берегъ выскочилъ, тогда съ сердца что гора свалится,
словно изъ бани вышолъ. Такъ—на затинѣ. А то беремъ мы
ихъ еще на *заколкахъ* *). Это ужъ очень любопытно бываетъ:

ухватились руками за борта; погибли бы они, еслибъ хозяинъ судна не на-
шолся прежде всѣхъ другихъ. Онъ ударилъ звѣря пѣшней и этимъ заста-
вилъ его выскочить обратно изъ карбаса въ воду.

*) Заколки эти дѣлаются всѣми артелями съѣхавшихся на Новую-Землю
промышленниковъ, и большею частію лѣтомъ и осенью, когда звѣря на *м-
стахъ*, т. е. когда они для совокупленія выползаютъ на берегъ. Удача за-
колки и успѣшные результаты ея зависятъ непременно отъ того, чтобы
звѣри возможно дальше заползали на берегъ. Иначе успѣхъ довольно сом-
нительнъ и заколка не можетъ имѣть мѣста. Точно также не могутъ быть
удачны нападенія на звѣря позднѣе осенью, когда промышленники риско-
уютъ встрѣтить на возвратномъ пути къ берегу съ промысла замерзшій
тонкій ледъ, по здѣшному *млаксъ*, между которымъ протолкаться съ карба-

туть, словно подъ пьяную руку, въ плясѣ ходишь. Помнишь только одно, что тебѣ весело, сердце твое отъ радости надрывается — ничего другаго не видишь и знать не хочешь: одного звѣря дубиной пришибешь, другаго... третьему звѣрю въ зашеекъ спицей угодишь... четвертаго уходишь! Одинъ потомъ съ перепугу заторопился, черезъ голову перекувырнулся; другой то же поползъ на катарахъ своихъ, да не смогъ, толкаетъ неуклюжей тушой своей бововыхъ и переднихъ... и ты реवेशъ блаженнымъ матомъ — сколько силы хватить — пугаешь ихъ, и они со страху воютъ и оборониться отъ тебя не смогутъ, не догадаются. И смѣшно, и пріятно! Эдакъ-то вотъ, въ доброй часъ, ползаковы и наколешь цѣлой-то своей артелью; станешь послѣ счотъ имъ подводить — оно и благовидно. Водки-то ужъ послѣ того на радостяхъ то великихъ и не жалѣешь: пьешь ее въ великомъ числѣ. Съ эдакой работой хоть бы вѣкъ вѣковать! Это вѣдь совсѣмъ не то, что вонъ когда не успѣешь выскочить на затыкъ, да потящитъ тебя звѣрь-отъ и съ карбасомъ, да почнетъ вертѣть, да мотать изъ угла въ уголъ, изъ стороны въ сторону. Ладно, коли коршакъ съумѣетъ подладиться къ звѣрю, или ты успѣешь догадаться, да буюкъ къ оборѣ-то привязать (буюкъ этотъ послѣ покажетъ, гдѣ звѣрь возится), да въ добрый часъ скинуть его въ воду. А то бывало и такъ (да и за частую!), что и заматывалъ звѣрь, таскивалъ карбасъ-отъ ко дну. Такъ и складывали промышленники наши свои буйныя головушки, безчастныя сердечушки. Бабы послѣ, сколько ни реви на погостахъ, тутъ ни въ чомъ не помогутъ. Такъ-то!... *)

— Вотъ тебѣ все, почѣсь, и про Матку! Не сказалъ, однако, что живетъ тамъ еще дшкуй, да тому всѣхъ лучше. Полежитъ на солнышкѣ, въ воду сходить за рыбкой, моржовыя залежи запримѣтитъ — сейчасъ на обманъ сзади ползетъ къ

сомъ — нелегкое дѣло. Когда же моржи не спятъ на лёднице, или на мѣстахъ, тогда принимаютъ ихъ на хитрость: выбираютъ льдину ропачистую, т. е. высокую и негладкую, и за ея ропачами прячутся въ лодкѣ. Лодку эту подводятъ къ моржовой залѣжкѣ такъ близко, чтобы можно было черезъ эту льдину стрѣлять изъ моржовокъ, нерѣдко въ упоръ.

*) Къ сожалѣнію, положительныя факты доказываютъ, что рѣдкой годъ на Новой-Землѣ обходится безъ подобныхъ злоключеній!...

нимъ и норовить всадить свои когти въ загривокъ. Бѣсятся моржъ, а везетъ, да стонетъ: везетъ и въ воду, везетъ и опять на берегъ, коли не усноровить ошкуй переломить его до воды поперекъ. Силенъ ошкуй, крѣпко силенъ, на то и ноги коротки, и вся сила его въ ногахъ этихъ; а нападать на человѣка не охотникъ. Развѣ ужъ глазъ на-глазъ по-нечаянности сойдемся; бьемъ мы ихъ мало, хотъ и хорошее сало они даютъ... Послѣ Успеньева дни къ Рождеству Богородицы домой бѣжимъ, а тамъ ужъ — известно: и сказывать не стану!...

Такъ заключилъ свои рассказы куйскій мой собесѣдникъ про *разбойные* промыслы—разбойные потому, что и самъ промышленникъ, отправляющійся на Новую-Землю, изъ глубокой старины зовется *разбойнымъ* *человѣкомъ*. Разбойну свою, состоящую, кромѣ главнаго продукта—сала, изъ клыковъ и шкуры, продаютъ поморы по обыкновенію въ то время года, которое издавна русскій народъ богато обставилъ еженедѣльными торгами, ярмарками, базарами. Зимю свозятъ они промысла свои на близкіе торги: кемскіе промышленники въ Шунгу (Олонец. губ. Повѣнец. уѣзда), мезенцы и печорцы въ Пинегу на Никольскую ярмарку, на Вагу, въ селеніе Кривое (Яренск. уѣзда Вологодской губ.); но большая часть идетъ въ руки чердынцевъ, прѣзжающихъ сюда обыкновенно по лѣтамъ.

Жители пермскаго городка Чердыни и его уѣзда являются на Печору въ каюкахъ и полубаркахъ *), и привозятъ въ нихъ хлѣбъ въ видѣ муки ржаной, крупчатки, крупъ, гороху, солоду, и товары: простые бѣлые холсты, крашенину, синія пестряди, довольно значительную часть чаю (печорцы до него страстные охотники, какъ самоѣды до вина), русскій сахаръ, ситцы, сук-

---

*) *Полубарка* — грузовое судно съ отлогою крышею на два ската, длиною 8—12 сажень, шириною 3¹/₂—5¹/₂; глубиною по борту до 1¹/₂ сажень. Грузу поднимаютъ они отъ 2 до 3 тысячъ пудовъ. *Каюки* длины одинаковой съ полубарками, шириною отъ 3—4¹/₂ саж., съ каютой въ кормѣ; вершина носа загибается внутрь судна. Грузу поднимаютъ отъ 7 до 9 тысячъ пудовъ. Чердынцы, на возвратномъ пути своемъ домой, по Малой Печорѣ встрѣчаютъ пороги (числомъ до 3-хъ), а при соединеніи ея съ Большою — *заструи* (песчанья отмели), и потому разгружаютъ суда свои до половины на *позовки*, находящіяся наготовѣ у присяганей Подчерья (въ 700 верст. отъ Пустозерска) и близъ Усть-Шугоры (въ 850 верст. оттуда же). Пристаютъ Уякинской пристани уже въ Чердынскомъ уѣздѣ.

на, бумажные и шелковые платки, косы, ножи, желѣзные гвозди и часть свинцу. Являясь около 15 іюня въ селѣ Ижмѣ, они въ серединѣ лѣта выплываютъ въ устьѣ Печоры и заходятъ отъ него моремъ верстѣ за 15—20 въ губу, гдѣ пустозеры ловятъ семгу. Рыба эта, какъ и звѣриное сало, покупаются такимъ-образомъ на мѣстѣ на наличныя деньги; но чердынцы предпочитаютъ свои товары отдавать въ долгъ, за которымъ и являються въ другой разъ уже зимою.

Черезъ руки кемскихъ и мезенскихъ промышленниковъ моржовые продукты идутъ на иностранныхъ корабляхъ за границу: ворванное сало въ большемъ числѣ, кожа въ меньшемъ, но какъ отличный матеріалъ для подкаретныхъ ремней, на гужи въ хомутамъ (туземцы употребляютъ ремни эти въ оленьей упряжи, для тросовъ при ловлѣ того же моржа). Мелкое зубьѣ идетъ на костяныя подѣлки въ родѣ запоновъ, пуговицъ и тому подобнаго; клыки, или тинки, не многимъ уступая слоновой или мамонтовой кости, расходятся по окрестнымъ холмогорскимъ деревнямъ, издавна извѣстнымъ въ Россіи своими костяными издѣліями. Тинки эти, отличаясь отъ мамонтовыхъ сужелтью въ сердцевинѣ, вѣсятъ обыкновенно (въ парѣ) до 20 фунтовъ, и только уже отъ самыхъ огромныхъ моржей получаютъ тинки вѣсомъ на одинъ пудъ въ парѣ клыковъ.

Въ-заключеніе, нелишнимъ считаемъ прибавить, что Новая-Земля представляя богатые матеріалы для пользованія ея со-кровищами, до-сихъ-поръ еще находится во враждебномъ отно-шеніи къ своимъ сосѣдямъ. Причиною тому одни полагаютъ не-гостепрѣимство ея береговъ, на которыхъ гниющія морскія тра-вы (особенно тура, морской горошекъ) производятъ вредныя испаренія, разрывающія цынгю. Въ тотъ самый годъ (1857), когда я собиралъ эти свѣденія и выслушивалъ рассказы ту-земцовъ,—лѣтомъ послѣ моего отъѣзда на Новую-Землю иже-мцы отрядили промысловую партію въ 28 человекъ на трехъ лодкахъ. Ушли весной,—осенью вернулись только шестеро: всѣ остальные въ серединѣ лѣта, одинъ за другимъ пухли и поми-рали черною смертію (отъ цынги). Уцѣлѣли шестеро оттого, что умудрились поймать дикихъ оленей и пили теплую кровь. Спасшіеся отъ смерти привезли домой всякаго звѣри и птицы на 1,500 руб. по 250 руб. на брата да страшный процентъ двадцати двухъ неповинныхъ смертей, — когда и безъ того на

Печорѣ не тѣсно. Вотъ почему Новую-Землю стараются избѣгать. Другіе видятъ въ значительно ослабѣвшемъ желаніи поморовъ извлекать выгоды изъ Новой-Земли ту причину, что предпріимчивые хозяева упали духомъ при частыхъ неудачахъ сосѣдей (особенно въ послѣднее время). Третьи, наконецъ, оправдываютъ этотъ грустный фактъ тѣмъ, что между всегдашними и толковыми поморскими кормщиками нѣтъ людей, хорошо, безусловно-хорошо знакомыхъ съ наукою кораблевожденія. Какъ бы ни были правдоподобны эти частности, все-таки, въ общемъ, должно согласиться съ тѣмъ, что промысловыя артели обриваются изъ-рукъ вонъ безтолково: хозяинъ, какъ монополистъ, видитъ въ своихъ покрученикахъ простое орудіе для своей личной прибыли, не принимая (и, къ-несчастью, не столько не умѣя, сколько не желая понимать) ни его высоко-человѣческаго достоинства, ни его требованій, какъ разумнаго существа. Сырой избой, утлымъ судномъ, на половину порченной провизіей, рваной одеждой, скуднымъ вознагражденіемъ за трудъ обставляется безжалостнымъ монополистомъ всякой покрутъ, снаряженный имъ на Новую Землю за моржами. Вотъ, кажется, почему обратилась теперь бѣлая часть печорцовъ и мезенцовъ къ роднымъ рѣкамъ, богатымъ семгой и другой цѣнной рыбой, и почему почти только одни самовѣды *крутятся* на новоземельскіе промысла—самовѣды, несознающіе еще своего нравственнаго человѣческаго достоинства и злоумышленно хитрыми своими сосѣдями поддерживаемые въ животномъ, невѣжественномъ коснѣніи. Изъ дальнаго кемскаго поморья плетъ сюда крайняя, рваная, беззащитная бѣдность, у которой нѣтъ иной вѣры, какъ вѣры въ случай, и надежды, *всегда кроткой посланницы небесъ*, хотя, въ этомъ случаѣ, не всегда оправдывающейся. Вотъ что рассказываетъ объ этой землѣ очевидецъ (академикъ Беръ): «неизъяснимая грусть овладѣваетъ душою всякаго человѣка, даже грубаго матроса, при взглядѣ на эти обнаженные, безмолвныя, безжизненныя области, гдѣ нѣтъ ни дерева, ни кустарника, ни даже высокой травы. Сердце сжимается, но въ этомъ грустномъ чувствѣ есть что-то великое, торжественное. Ступайте въ средину Новой-Земли: передъ вами съ одной стороны разливается вдалекѣ безграничное море, а съ другой стелется на необъятное пространство, пустыня, которая ожидаетъ еще жизни и жителей. Минѣ

казалось, что настало первое утро сотворенія міра, и юная земля, только-что отдѣлившаяся отъ водъ, не успѣла еще одѣться въ свои пестрыя и зеленыя ткани и ожидала прибытія жизни. Но всмотритесь ближе. Здѣсь уже есть что-то похожее на жизнь, на движеніе. Вотъ вдали шевелится одинокой звѣрекъ, по воздуху вярѣдка пронесется чайка, или пробѣжитъ по землѣ пеструшка. Да этого мало, чтобы оживить картину. Нѣтъ шума, нѣтъ настоящаго движенія жизни,—въ особенности если посѣтите Новую-Землю въ то время, когда стада гусей, уронивъ у озера свои нерья, улетятъ отсюда. Повсюду глубокое безмолвіе. Птицъ въ этой землѣ очень мало, и онѣ безгласны; даже насѣкомое жужжаніемъ своимъ не напомнитъ вамъ о себѣ. Только по ночамъ слышенъ иногда крикъ полярной лисицы. Даже въ долгіе ясные дни напрасно вы станете прислушиваться: ни одного звука,—повсюду могильная тишина. Вся природа какъ бы въ онемѣніи. Смотря на кустарники, мы привыкли видѣть ихъ колеблющіеся листья и слышать ихъ шелестъ. Въ Новой-Землѣ растеніе прильнуло къ почвѣ такъ, что и дуновеніе вѣтра не достигаетъ его. Оно совершенно неподвижно, какъ театральныя декорации. Вы не отыщите на немъ даже насѣкомаго. Намъ попался только одинъ жукъ *chrysomela*, кажется новаго вида. Но кто бы подумалъ, въ лѣтніе дни, въ мѣстахъ, согрѣтыхъ солнцемъ, вы иногда увидите трудолюбивую пчелу! Она едва жужжитъ, какъ у насъ въ сырое время. Мухъ и комаровъ здѣсь побольше, но и ихъ съ трудомъ должно отыскивать. Они едва летаютъ, едва живутъ. Не опасайтесь ихъ докучливости: здѣшній комаръ потерялъ даже инстинктъ, увлекающій его къ человѣческой крови, которой нѣтъ и въ заводѣ на его полярной родинѣ».

Западный берегъ Новой-Земли, который одинъ только и извѣстенъ, къ которому исключительно пристають живые люди, посѣщающіе ее именно съ запада, западный берегъ окруженъ множествомъ утесовъ или торчащихъ надъ поверхностію моря или скрытыхъ подъ водой. Южный берегъ низменный: на берегахъ Нехватовой рѣки, текущей въ Костиномъ шарѣ — длинная равнина, но и она обставлена грядами скалъ, въ двѣ тысячи футовъ вышины. Далѣе къ сѣверу горы становятся и еще выше, тянутся семейно рядами и рѣдко имѣютъ острые вершины; къ сѣверу они постепенно понижаются; въ долинахъ

примыкающихъ къ берегу, уже вѣчные ледники. Вдоль покатостей тянутся щели, наполненные также вѣчными снѣгами, которые таютъ и бѣгутъ ручьями во время короткаго лѣта. Почти утвердительно можно сказать, что новоземельскія горы — продолженіе горъ уральскихъ; есть и каменной уголь, и слесится такъ-же сѣрый безъ примѣси камня известнякъ. Но разница состоитъ лишь въ томъ, что на громадахъ скалъ не видно ни тундръ, — ни сухихъ, ни влажныхъ. Горы эти на столько же голы, какъ и тѣ, которыя идутъ подъ водою между Вайгачемъ и Новою-Землею и какъ стѣна задерживаютъ ледъ, плывущій къ западу отъ Карскаго моря. Это мѣсто промышленники называютъ непроходимымъ.

Новоземельскія низменности представляютъ такія мѣста, гдѣ вязнетъ нога: сюда отъ недавняго разложенія скалъ налилась вязкая черноватая глина, да къ тому же снѣжная и дождевая вода, безпрестанно стекая съ покатостей, издавна образовала напльвы, покрытые рѣдкимъ мохомъ. Самовидцы, ходившіе по этой землѣ говорятъ, что хотя ноги путника на этой грязи и могутъ промокнуть, но идти можно смѣло: твердый грунтъ лежитъ тотчасъ. За то глазъ не встрѣчаетъ мѣстъ, покрытыхъ сплошною зеленью или даже густымъ мохомъ. Какъ исключеніе выдалось одно мѣсто, покрытое травою погуще другихъ и прозванное промышленниками Гусиной землей (тутъ линяютъ полевые гуси), но и здѣсь обманомъ зрѣнія обширное поле: за зеленѣющія поля глазъ сплошь и рядомъ спѣшитъ принять бѣдную осоку, иногда просто камни, даже и не зеленого цвѣта. Шерсть и извѣсть, скоро раскисаясь, даже и не умѣютъ удержатъ на себѣ никакихъ наростовъ, да и порфиръ, менѣе уступчивый вывѣтриванью, обложенъ лишаями, похожими на струщя и потому кажется какъ бы обрызганнымъ разноцвѣтными пятнами. Отсутствіе всякой растительности составляетъ главную черту Новой-Земли. Хотя и встрѣчаются изрѣдка нѣжные цвѣты облитые живою краскою, но они очень низки и едва показываются изъ земли. Имъ отъ вѣковъ не удалось еще утучнить родимую почву такъ, чтобы дать мѣсто новымъ и свѣжимъ потомкамъ. Незабудки растлаются кое-гдѣ пестрымъ ковромъ, но за то на большинствѣ другихъ растений — сухіе листья, прозябшіе за нѣсколько лѣтъ. Новоземельскія растенія — прозябенія съ весьма короткой и быстрой жизнью, которая уско-

риется чрезвычайно длинными днями и въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль не скрывающимся солнцемъ; и все-таки не смотря на это, здѣшнія растенія и позже всходятъ и медленно развиваются. Во всякомъ же случаѣ растительное царство Новой-Земли поддерживается приносными дарами сосѣдней земли. Гостепримство имѣ не завидное: счастливъ тотъ гость, который укрѣпился корнемъ въ щеляхъ почвы, высохшей лѣтомъ и натреснувшей на тысячи многоугольниковъ. Эти части успѣваютъ выразиться пестрою смѣсью: подлѣ одного цвѣтка садится другой, совершенно разнородный. Даже мохъ не обильно разсыпаетъ здѣсь сѣмена свои. Вѣчный снѣгъ и отъ него чрезвычайный холодъ по окрестностямъ одинаково повсемѣстенъ, будетъ ли онъ въ извилинахъ, обращенныхъ въ сѣверу или къ югу. Только возвышенности отдѣльныя освобождаются отъ снѣгу, когда обогрѣваются солнцемъ со всѣхъ сторонъ. На три фута въ землю слонится уже чистый ледъ, который по всему вѣроятію помнитъ время мірозданія, лежитъ многія тысячи лѣтъ. Вся растительная жизнь на Новой-Землѣ сдвлена между верхнимъ слоемъ почвы и нижнимъ слоемъ воздуха: оттого растенія мало поднимаются надъ земною поверхностію и не глубоко уходятъ внутрь.

Самымъ убійственнымъ впечатлѣніемъ полагается здѣсь то, что, идя, сколько ни удваивайте шаговъ, предметы остаются на томъ же разстояніи. Нѣтъ ни жилища, ни деревца, почему можно бы судить объ отдаленіи. Здѣсь все кажется близкимъ, но въ то же время все въ одномъ и томъ же отдаленіи; въ ясные дни воздухъ почти безцвѣтенъ: на ослѣпительно-бѣлыхъ горныхъ вершинахъ мѣстами прорѣзаются черныя скалы, но въ воздухъ ни малѣйшаго цвѣтнаго отлива. Экспедиція, отправленная королемъ датскимъ Фридрихомъ II въ Гренландію въ виду ея береговъ воротилась назадъ, не исполнивъ назначенія, увлеченная оптическимъ обманомъ этимъ: вѣтеръ надулъ паруса, судно летѣло какъ птица, но берегъ стоялъ все въ томъ же отдаленіи.

Изъ звѣрей на Новой-Землѣ на берегу только бѣлый медвѣдь, олени, много пеструшки (полевой мыши), мало волковъ и лисицъ. Все животное богатство въ морскихъ волнахъ. Изъ птицъ на берегу: сѣверная сова (которая здѣсь и зимуетъ), полярникъ, водяная курочка, соколъ, лѣтніе гости — полевые

гуси, ледяная утка, музыкальный лебедь, но и тѣхъ неизмѣримо больше на островѣ Колгуевѣ: на Новой-Землѣ имъ нечѣмъ питаться. Ужасная страна!—страшная уже тѣмъ, что здѣсь предѣлъ всепобѣждающей человѣческой силѣ: здѣсь побѣдителю природы уже не укрѣпить ноги.

5. СЕЛО ИЖМА.

- * Общій видъ селенія и характеръ зырянъ, по личнымъ наблюденіямъ. — Разные способы ловли мелкой рыбы. — Бытъ зырянъ, домашній и общественный.

— Поѣдешь ты въ Ижму—увидишь тамъ храмы Божіи каменными и во всемъ благолѣпіи; угощать тебя будутъ по-купечки; станутъ тебѣ сказывать, что въ Бога вѣрують, не слушай: врутъ! Тундра у нихъ грѣхомъ на совѣсти давно лежитъ. Смотри, не поддавайся же этимъ зырянамъ! плуть-народъ!...

Подобное предостереженіе и, пожалуй, наставленіе, сказанное мнѣ за недѣлю назадъ добрымъ разскащикомъ моимъ въ Пустозерскѣ, пришло мнѣ на память именно въ то время, когда передо мною открылась вся Ижемская волость *), крайняя (по Печорѣ) въ Архангельской губерніи, во всей своей наготѣ, со всѣми своими наглазными мелочными подробностями. Не хотѣлось вѣрить предостереженіямъ этимъ на первыхъ шагахъ, при первомъ взглядѣ, тѣмъ еще болѣе, что дѣйствительность увѣряла въ противномъ. Правда, впрочемъ, то, что поразительно казались огромныя каменные церкви съ громкимъ звономъ, съ громкимъ, согласнымъ пѣніемъ на два клироса, съ звонкими голосами дьяконовъ, съ иконостасами, изукрашенными сверху до низу образами въ серебряныхъ, позолоченныхъ ризахъ, щедро облитыхъ богатымъ свѣтомъ, и съ духовенствомъ въ газетовыхъ облаченіяхъ. Тамъ вездѣ, во всѣхъ селахъ Ижемской

---

*) На рѣкѣ Ижѣ въ 100 верстахъ къ югу отъ Усть-Цыльмы, въ 40 отъ Печоры и въ 62 отъ устья р. Ижмы.

волости: въ Сизябѣ, въ Мохчѣ, въ самой Ижмѣ, и какъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Архангельской губерніи, исключая только самаго губернскаго города, древнихъ Холмогоръ и трехъ-четыре-хъ еще неупраздненныхъ монастырей (не считая здѣсь необыкновенно богатаго Соловецкаго). Ижемскія церкви, всѣ до одной, вилотную были набиты народомъ, молившимся нестарымъ вѣстомъ. Слышались въ толпахъ этихъ и удушливой старческой кашель, и неугомонной плачь и визгъ грудныхъ малютокъ, и подчасъ звоніе, нескромныя вскрики подростковъ; видѣлись и тѣ, и другія и третья: мужчины на правой сторонѣ, женщины на лѣвой, безъ исключеній, по старому русскому обычаю. Между-тѣмъ, въ большей половинѣ архангельскихъ селъ и даже городовъ духовенство исправляетъ службы въ пустыхъ, холодныхъ, со савознымъ вѣтромъ церквахъ, едва не на ржаныхъ просфорахъ, въ полуистлѣвшихъ ризахъ, при свѣтѣ четырехъ-пяти желтыхъ восковыхъ свѣчъ на всю церковь, при разбитомъ голосѣ дьячка, звучащемъ еще печальнѣе при этой печальной обетановкѣ. Не такъ, далеко не такъ въ богатыхъ церквахъ Ижемской волости, гдѣ домъ духовенства — лучшіе домъ въ цѣломъ селеніи, гдѣ церкви рѣшительно-таки несравненно-богаче, чѣмъ въ самомъ Архангельскѣ. Гдѣ же справедливость въ словахъ честно изжившаго вѣкъ, воспитаннаго въ безыскусной, патриархальной простотѣ и уважаемаго всѣми сосѣдями моего дальняго пріятеля:

— Станутъ они тебѣ сказывать, что въ Бога вѣруютъ, не слушай: врутъ!

Первые моменты знакомства съ Ижмой рѣшительно не говорятъ этого; напротивъ, наглазною обстановкою доказываютъ совершенно противное.... А между-тѣмъ второе показаніе старика оназывается справедливымъ. Радужно встрѣчаетъ меня хозяинъ отводной квартиры, не позволяетъ пить моего чаю и, не шутя, ворчитъ на это предложеніе мое, и чуть не ругается. Тащитъ, суетяся, какъ угорѣлой, снизу нѣсколько тарелокъ: съ баранками, съ изюмомъ, съ пряниками, съ кедровыми орѣхами-меледой, откуда ни беретъ бутылку хереосу, графинъ водки, и все это проситъ потреблять вмѣстѣ, валить въ кучу. Наливаетъ густаго, какъ пиво, дешеваго чаю, проситъ сахаръ класть въ стаканъ и какъ только возможно больше — не жалѣть; обѣщаетъ принести сливокъ, и приноситъ такіа густыя, о кото-

рых рѣдко гдѣ имѣютъ понятіе въ другомъ мѣстѣ губерніи, кромѣ Холмогоръ; божится, что обшарить завтра всю волость, чтобы достать лимону; общаетъ того, другаго, всего.... Неужели и послѣ этого должно давать вѣру словамъ моего пустоверскаго пріятеля? Нѣтъ, что нибудь далеко не такъ!

Слѣдующій день исключительно попускается разбить все оставшіяся сомнѣнія, если не разбиваетъ ихъ окончательно: съ утра являются одинъ за другимъ сѣдые, почтенные старики просить отвѣдать ихъ хлѣба-соли и потомъ встрѣчаютъ на крыльцѣ, и опять суетятся привѣтливо и, видимо, чистосердечно. Не зная, чѣмъ завять гостя, подчуютъ меледой, горсть которой, безъ сноровки и привычки, въ полчаса не обшлупаешь; не зная, чѣмъ угостить, ставятъ на столъ осетрину—диловинку своего края, вывозимую изъ дальней Сибири, съ Оби, вареные олени языки, олени губы, удивительно вкусныя, рѣдкія свои блюда, и квась, какъ лакомство, замѣняющее здѣсь невѣдомое пиво.

— Нарочно по твоего высокоблагородья на вечеръ олень колотлы, отвѣдуй: очень намъ отлично буде! — приговариваютъ зыряне при этомъ бойкимъ русскимъ говоркомъ, хотя и съ невѣрнымъ выговоромъ словъ и съ невѣрными удареніями на нихъ, дѣлающими рѣчь ижемповъ похожую на цыганской гвворъ дальней Россіи. Пусть и самой языкъ зырянскій, болѣе, впрочемъ, пріятный въ устахъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ, бьетъ ухо богатствомъ неприятно-гортанныхъ и щипящихъ звуковъ; пусть не видать за столомъ съ нами женщинъ, которыя приносятъ только съ низкими повлонами блюда и сейчасъ удаляются, не примолвивъ ни единого слова; пусть собесѣдники мои не пускаютъ роднаго моего языка въ исключительное употребленіе, при задаваемыхъ мною вопросахъ, обращаясь къ еотрапезникамъ на зырянскомъ языкѣ. Пусть они, наконецъ, какъ-то подозрительно переглядываются и выпрашиваютъ другъ у друга отвѣтовъ на эти запросы мои, обращенные исключительно къ ихъ житью-бытью, къ оленеводству. Я готовъ, на этотъ разъ, объяснить все это довольно просто: и гортанность ихъ языка тѣмъ, что онъ отрасль чудскаго; и отсутствіе женщинъ—старымъ вѣковымъ обычаемъ (доселѣ блюдымиъ ими) видѣть въ женщинѣ исключительно рабыню, а не человѣка; и страсть къ родному языку — прирожденною страстью всехъ народовъ.

Можно бы объяснить и перегляды, и косые взгляды, и ихъ недобѣрчивость къ моимъ вопросамъ, и ихъ нежеланіе прямо и словоохотливѣ отвѣчать на нихъ тѣмъ—что зыряне большую часть года проводятъ въ средѣ соплеменныхъ семей и не привыкли къ новымъ, свѣжимъ людямъ; и, пожалуй даже, наконецъ, объясню это себѣ просто привычкою, родовою, народною особенностію. Но.... не смотря на все это, отвѣты оказались многозначительнѣе и важнѣе, чѣмъ казались они на первыхъ порахъ. И въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ, помогъ мнѣ случай; оставалось потомъ выслѣдить его по горячимъ слѣдамъ.

Дѣло происходило вотъ-какъ:

Бесѣдовали мы о разныхъ мелочахъ въ-шестеромъ и результатомъ бесѣды нашей было: для нихъ—то, что выпили два самовара большихъ-пребольшихъ и общолкали большую, глубокую тарелку, насыпанную верхомъ кедровыми орѣхами: для меня—нѣсколько скудныхъ, впрочемъ, свѣденій, которыя почти всѣ заключались въ слѣдующемъ: рѣка Ижма обложила высокими берегами, обрамленными людными зырянскими селеніями, рощами листовичныхъ деревьевъ, и богатыми сочною травкою пастбищами и сѣнокосами, что все это, взятое вмѣстѣ поражаетъ картинностью видовъ не только заѣзжихъ, но и привычныхъ туземцовъ, въ лѣтнюю и весеннюю пору. Немногое теряли эти приглядные виды и зимой, на мой взглядъ, давно уже отвыкшій ото всѣхъ поразительныхъ картинъ на архангельскихъ равнинахъ. Рыба, попадающаяся въ Ижмѣ, довольно-мелкая, и насчитываютъ ее до 12 сортовъ; семга заходитъ рѣдко, и самая вода рѣчная отличается тяжелымъ вкусомъ, по причинѣ значительнаго раствора нефти—обстоятельство, заставляющее предпочитать рѣчной водѣ колодезную. При ловлѣ рыбы (исключительно въ печорскихъ участкахъ и на озерахъ по тундрѣ), до сихъ поръ соблюдается старинный обычай на всѣхъ тонахъ: для всякаго человѣка-путника варить щербу изъ свѣжей, сейчасъ-пойманной рыбы, и не спуститься отпустить и съ нимъ рыбы, въ надеждѣ на будущій обильной уловъ. Рыбу ловятъ обыкновеннымъ установившимся способомъ, общимъ всѣмъ приморскимъ мѣстностямъ *). Судовъ здѣсь строить мало,

*) Рѣчные способы мелкой рыбной ловли известны въ трехъ видахъ: 1-й *поздоль поздоломъ*; два рыбака плавутъ въ особыхъ лодкахъ не въ даль-

довольствуясь рубкою мелкихъ, въ родѣ карбасовъ, лодокъ и челноковъ, закупая крупныя или въ Мезени, или заказывая ихъ въ дальней Кемѣ. Наконецъ, если ко всему этому прибавить то, что здѣсь на домахъ (кстати сказать, хотя и двухъ-этажныхъ, но содержимыхъ довольно грязно, сравнительно съ Пустозерскомъ) по потолкамъ и подъ полами не насыпаютъ земли на томъ основаніи, что будто бы строенія скорѣе гниютъ, и что здѣсь балконы и ставни не составляютъ особенной необходимости противъ вьюговъ и метелей, какъ по Печорѣ — то опять-таки, наконецъ, во всемъ этомъ едва ли былъ не весь результатъ начатой нами бесѣды...

Ижемцы мои замѣтно скрытничаютъ, какъ-будто чего-то опасаются, чего-то побаиваются, частенько переглядываются, вдругъ круто оборачиваютъ разговоръ въ другую сторону со-всѣмъ неожиданно, и преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ принимаетъ для меня болѣе оживленный характеръ.

— Нѣтъ, чтонибудь да не такъ!—думалось при этомъ мнѣ, избалованному, можетъ-быть, словоохотливостію и откровенностію недавно покинутыхъ мною добрыхъ пустозеровъ. Слова одного изъ тамошнихъ: «Хитрой зыряне народъ, ты смотри: не поддавайся имъ»—возставали какъ живыя, по прежнему.

Попробовалъ я обратиться съ вопросомъ о томъ, существуютъ ли между ними какіянибудь преданія объ ихъ далекомъ прошломъ; но получилъ въ отвѣтъ немногое: что въ чудскихъ

номъ другъ отъ друга разстояніи, на сколько позволить то сдѣлать длина сѣти. Сѣть эту безъ матицы (мѣшка) держать за тетиву, погружая подводную часть ея, при пособіи шестовъ, которые и держать въ рукахъ (иногда употребляютъ грузева—каменные якоря (либаса)). Плынуть обыкновенно внизъ по теченію: первая попавшаяся рыба толкаетъ въ сѣть и потрясаетъ палки. Осторожно рыбаки съѣзжаются вмѣстѣ, и вынимаютъ сѣть. 2-й способъ: *лучомъ лучить*. Лучать темною осеннею ночью и для этого на носу лодки укрѣпляютъ колъ (наковье) аршина въ полтора, на немъ козу—рѣшотку желѣзную съ торчащими къверху зубцами, между которыми кладутъ куски просушенныхъ и просмоленныхъ комлей и пней, и зажигаютъ ихъ. На носу же, у огня, становится рыбакъ съ острогой (въ 2½ саж. длиною). Онъ высматриваетъ спящую рыбу и даетъ звукъ осторожно гребущему товарищу остановиться, самъ въ тоже время пронзаетъ щукъ, налимовъ и другую рѣчную рыбу. 3-й *неводомъ*, какъ и въ Усть-Цыльмѣ, какъ и въ Кемскомъ поморьѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ огромной Россіи, гдѣ только водится какая-либо рыба одинъ и тотъ же.

могилахъ, при устьѣ Ижмы съ Печорою, въ горѣ находили, гдѣтъ тому 20 назадъ, монеты; что попадаются тамъ же мамонтовые рога (кости), хоть и рѣдко; что есть-де крестъ по пути въ Сизябу, на могилѣ Кипріяна, одного изъ друзей Аввакума, сосланнаго сюда за расколъ и которому отрубили здѣсь голову за то же самое; что селенія Усть-Ижмы есть *поганой курганъ*, на мѣстѣ котораго въ *досельную* страну былъ чудской городъ; что раскапывая курганъ, нашли тамъ копье — но и только!

Спросилъ я объ исторіи и причинахъ выселенія ихъ, по преданіямъ, въ дальнюю страну, изъ странъ пермскихъ — центра заселеній зырянъ, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда застали ихъ на этомъ мѣстѣ исторія и Евангеліе; но собесѣдники мои какъ-то ужъ особенно дико переглянулись и замолчали, всѣ до единаго, еще сосредоточеннѣе и упорнѣе. Пришлось остаться на этотъ разъ при тѣхъ же немногихъ свѣденіяхъ: что грабежи и обиды казаковъ, ходившихъ черезъ мѣста ихъ прежнихъ заселеній у истоковъ Ижмы, въ Яренскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, съ верхотурскою казною въ Москву, заставили ихъ всѣмъ населеніемъ выбраться на благодарную, хотя и дальнюю мѣстность устья той же рѣки; что населеніе Ижмы увеличилось вполнѣдствіи выходцами изъ ближней Усть-Цыльмы, значительно населенной и сильной уже въ то время своими матеріальными средствами; что селились здѣсь и самоѣды, теперь утратившіе свою народность и свой родовой типъ подъ вліяніемъ зырянскаго, который только нѣкоторою смуглостью лица (и ничѣмъ другимъ, внѣшнимъ) отличается отъ славянскаго; и что, наконецъ, здѣсь пролегла сибирская дорога при царяхъ и Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцахъ... *)

---

*) Старинныя бумаги, уцѣлѣвшія въ церквахъ и правленіи отъ пожара и крайнаго невѣжества хранителей и попавшія въ мои руки, говорятъ тоже немного: одна повелѣвала давать только сотнику стрѣлцкому гребца и не давать того же простымъ стрѣльцамъ города Архангельскаго, идущимъ въ Пустозерской островъ, на томъ простомъ основаніи, что «они сами подъ собою грести могутъ». Вторую — указомъ (7196 г.) царя и великаго князя Федора Алексѣевича повелѣвалось уничтоженіе тарханскихъ грамотъ на сальные промыслы въ пользу Троицкаго Сергіева монастыря, доходы съ которыхъ отъ этого года должны были обращаться уже въ государеву казну. Третью — указомъ (7205 г.) царя Петра Алексѣевича дѣлалась память

Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ, наконецъ, обратился я къ своимъ собесѣдникамъ съ вопросомъ о тундрѣ и, не допытываясь правъ ихъ на владѣніе ею, произвелъ, однакоже, замѣтное волненіе. Они заговорили скоро, поминутно искося взгляды на меня тѣми недовѣрчивыми, подозрительными глазами, какими встрѣчаютъ всякаго нежданнаго и незнакомаго человека, явившагося въ распахъ посреди закулисныхъ, семейныхъ занятій, принявшихъ форму давнишней законности и обыкновенно скрывааемыхъ отъ чужаго глаза. Смущается и попавшій не во-время. Такъ было и съ нами. Ижемцы долго еще толковали на своемъ нарѣчій, которое для меня уже не могло быть непонятнымъ. Смыслъ его казался уже достаточно подозрительнымъ для того, чтобы, сообразивъ дѣло, припомнить преслѣдовавшее меня до тѣхъ поръ предостереженіе пустозерскаго старика, что «тундра у ижемцовъ давно тяжолымъ грѣхомъ лежитъ на совѣсти».

Крайно-сомнительными показались, на ту пору, и заискивающія ласки, и угощенія, и уклончивость въ отвѣтахъ: ижем-

головъ и цаловальникамъ таможеннаго и кружечнаго двора, чтобы они, при недостаткѣ въ холмогорскомъ винѣ, прикупили бы «гдѣ пристойно самую малую цѣною безъ передачи». Въ четвертомъ свиткѣ (длиною 4¹/₂ сажени) подробно означаются правила таможеннаго сбора съ проѣзжающихъ въ Сибирь и обратно изъ Сибири русскихъ и тамошнихъ купцовъ (въ Ижмѣ была таможенная застава), указывается на нѣкоторыя злоупотребленія, бывшія при этомъ дѣлѣ, и приказывается вести книги. Въ пятомъ свиткѣ, самомъ древнемъ изъ имѣющихся у меня, по времени, содержится указъ царя Алексѣя Михайловича (1786), которымъ велѣно было ижемцамъ вести лѣсъ и строить четыре острога для смѣльныхъ въ Пустозерскѣ историческихъ раскольниковъ: протопопа муромскаго Аввакума, симбирскаго Никитѣя, распопы Лазаря и старца Епифанія. Изъ старинныхъ же бумагъ, сохранившихся въ церковномъ архивѣ, болѣе замѣчательною, сравнительно съ другими, можно считать указъ (1760 г.) архіепископа холмогорскаго и важскаго Варсоноія, которымъ приказывалось розыскать пона, провинившагося въ томъ, что онъ, за пудъ трески, покрывъ одного раскольника, допустивши его до исповѣди и св. Причастія. Архіерей приказалъ обречь ему за то полголовы и послать въ архангельской монастырь на вѣчную работу, а съ тѣмъ, опять-таки, чтобы, по прибытіи его на мѣсто, обречь ему тѣмъ остальные полголовы и полбороды. Какъ видно по розыску, священникъ, испугавшійся подобнаго рѣшенія, бѣжалъ и, какъ думаютъ, въ сибирскіе раскольничьи скиты. Вотъ все сохранившіяся въ Ижмѣ старинныя бумаги!...

цы объявились мнѣ не столько хитрыми, по понятіямъ и предостереженіямъ хорошо знавшихъ ихъ, сколько простодушными и неуиѣлыми до конца устоять въ этомъ, все-таки замѣчательномъ проявленіи развитаго человѣка, а не полудикаря, полусѣдлаго зыряннина, каковыя проявленія хитрости. Собесѣдники мои говорили немного и вдругъ смолкли все, какъ бы громомъ пришибенные, какъ бы выжидая рѣшительнаго удара съ моей стороны. разъ уже на вѣку своею испытавши злоключеніе подобнаго рода и, съ той поры, привыкли видѣть во всякомъ новомъ лицѣ своего врага непримиримаго и закятаго. Нѣкоторые оправдываютъ этимъ ихъ скрытность, сильное пополозновеніе къ обману (не говорю уже хитрости); что же до меня, то сцена эта имѣла наталивающие, побудительныя значеніе и смыслъ. Всѣмъ, что мнѣ довелось узнать объ этомъ дѣлѣ въ послѣдствіи, поспѣшу подѣлиться съ читателями въ слѣдующей статьѣ.

Теперь же считаю обязанностію своею досказать объ ижемцахъ все, что привелось мнѣ узнать въ весьма-недолговременное пребываніе мое между ними.

Волость Ижемская, значительно разбогатѣвшая въ недавнее время, имѣвшая еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія деревянную церковь (и только въ одномъ селѣ Ижмѣ), теперь имѣетъ тамъ три богатыхъ, каменныхъ и еще четыре села. Во всякомъ случаѣ, эти обстоятельства, свидѣтельствуя о достаткѣ крестьянъ, несомнѣнно указываютъ такимъ богатствомъ на присутствіе въ характерѣ жителей волости предприимчивости, толковости, находчивости, изворотливости—однимъ словомъ, всего, что характеризуетъ коммерческаго человѣка, будь онъ даже и дальней печорецъ, удаленный отъ главныхъ центровъ русской торговой дѣятельности. Въ послѣднія десятилѣтія видали малицу ижемца и въ Москвѣ, и на нижегородской ярмаркѣ, и въ костромскомъ Галичѣ: является онъ здѣсь, какъ представитель оптовой продажи скупленныхъ на родинѣ мѣховъ и тамъ же выдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ и лосинъ. Не гнушается ижемецъ и мелочной торговлей въ меньшихъ размѣрахъ по соединеніямъ печорскимъ селеніямъ, доставляя туда все необходимое въ деревенскомъ быту и сбывая все это съ поразительною честностью и добросовѣтностью, нанесшими въ послѣдніе годы значительный ущербъ давнишней торговлѣ пермскихъ чѣрдынцовъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ и по всѣмъ наглазнымъ приѣмамъ, с какими повели дѣло ижемскіе зыряне, можно навѣрное предсказать, что въ недалгомъ времени Печора болѣе не увидитъ чердынскихъ каюковъ. Они уже и въ послѣдніе два года значительно уменьшились въ числѣ своемъ и въ количествѣ привозимыхъ ими товаровъ. Вотъ что говорятъ голые факты.

Слѣдивши далѣе за присущими особенностями въ характерѣ ижемца, помимо его скрытности и подозрительности, причины которыхъ, особенно послѣдней, рано еще объяснять печатно, невольно приходишь къ неменѣе замѣчательной особенности его. Это — безусловная вѣра старымъ преданіямъ въ быту домашномъ и общественномъ, и въ слѣпомъ повиновеніи ихъ подробностямъ безъ оглядки, безъ дальнихъ размышленій и строгаго анализа по требованіямъ вѣка и по неизбѣжной встрѣчѣ и знакомству съ жизнью столичной и большихъ торговыхъ городовъ. До сихъ еще поръ ижемцы, свято соблюдая, въ большей или меньшей степени, затворничество женскаго пола, не пуская жонъ и дочерей своихъ на глаза всякаго гостя (кромя крайнепочотныхъ), сохранили всю цѣломудренную чистоту нравовъ. Сравнительно съ сосѣднею Усть-Цыльмою (которая въ этомъ случаѣ значительное подспорье), Ижма, въ этомъ отношеніи, поразительна во всемъ Архангельскомъ краю, составляя удивительное, замѣчательное исключеніе. Сохраняя отъ старины нѣкоторыя игры и забавы: лѣтомъ на лугахъ бѣганья въ запуски, зимою катанья съ горъ, ижемцы установили и свято хранятъ обычай, позволяющій эти удовольствія дѣвушкамъ отдѣльно отъ молодцовъ. Только оглашонныя женихи имѣютъ еще нѣкоторое право (и то весьма рѣдко) играть публично съ невѣстами. И здѣсь, сговорившись съ дѣвушкой, женихъ не видитъ ея до самаго дня свадьбы; та оплакиваетъ свою волю и въ роковой день является, закрытая фатою или платомъ. Въ этотъ платъ завертывается ломоть, отрѣзанный отъ свадебнаго благословеннаго каравая. Ломоть этотъ сѣвается потомъ молодыми до брачнаго стола, въ которомъ они не имѣютъ права участвовать, ограничиваясь только подчиваньемъ гостей, между которыми всегда дорогой и счастливой тотъ, который явился въ Ижму съ чужбины. Потому всегда стараются высматривать въ толпѣ свадебныхъ зрителей кого нибудь изъ усть-цыльмовъ и пустозѣровъ. Зырянка, сдѣлавшись женой, становится съ той

поры и рабыней: если помощницей ея въ трудныхъ черновыхъ работахъ бывають по большей части самоѣдки и бѣдныя усть-цыльмики, то все-таки уходъ за ребятами поглощаетъ у ней большую часть жизни. Зыряне, какъ извѣстно, плодятся изумительно, отъ достаточной ли жизни, или отъ постоянного почти пребыванія отцовъ въ средѣ семействъ — рѣшить это положительнымъ образомъ не трудно. Но, чтобы нагляднѣе убѣдиться въ томъ, стоитъ только обратить вниманіе на деревенскія улицы въ солнечной день и на церкви въ большіе праздники: всѣ они до половины наполнены ребяташками.

Между другими остатками старины слѣдуетъ обратить вниманіе на обычай зырянъ въ день Богоявленія, послѣ освященія воды, кататься съ крикомъ и возможно быстрее на лошадахъ и оленяхъ кругомъ селенія Ижмы и по улицамъ его. Этимъ, какъ говорятъ, прогоняють они злаго духа, побѣжденнаго святымъ церковнымъ обрядомъ. Обычай этотъ многознаменательнѣе въ селеніи Усть-Цыльмѣ, гдѣ онъ, впрочемъ, совершается въ крещенской сочельникъ, во время самаго освященія воды. Тамъ обрядъ отправляется холостыми ребятами. Они съ гикомъ, свистомъ и метлами въ рукахъ носятся изъ переулка въ переулокъ, изъ двора во дворъ съ тѣмъ, чтобы окончательно прогнать бѣса, обезсилѣвшаго отъ появившейся въ церквахъ святой воды.

Замѣчательно также то обстоятельство, что въ языкѣ зырянъ недавно явилось слово «грабить» всецѣло съ русскаго языка, до-тѣхъ поръ не вызывавшее необходимости. Какъ извѣстно, иженцы десять лѣтъ тому назадъ не употребляли замковъ, замѣняя ихъ удобно деревянными задвижками, и то исключительно для блудливой рогатой скотины. Теперь и между ними стали появляться воры, по своему хитрые: такъ разъ являют-ся къ богатому мужику двое изъ сосѣдей просить чего-то въ продажу: разговорились. Какъ-будто на зло имъ является другой (не участникъ дѣла) просить пимовъ. Хозяинъ посылаетъ жену свою поискать на чердакѣ залишнихъ, и та, вмѣсто пимовъ ухватила за ноги въ пимахъ. Мошенникъ зарылся тамъ въ малицы, надѣясь обобратъ все въ то время, когда его со-участникъ будетъ растабарывать съ хозяиномъ. Впрочемъ, въ послѣднее время нѣкоторыя попытки злыхъ людей неоднократно вѣнчались успѣхами. Вообще старожилы жалуются уже на

порчу нравовъ и начавшееся пренебреженіе къ кореннымъ обычаямъ: на повсемѣстно распространявшееся, особенно между молодымъ поколѣніемъ, куренье табаку; на излэшное употребленіе вина и водки до буйнаго, опьянѣлаго состоянія; на частое посѣщеніе ими усть-цылѣмскихъ раскольницъ; указываютъ даже на нѣкоторыхъ изъ своего женскаго населенія съ крайнимъ недовольствомъ и презрѣніемъ. И все-таки, попрежному, въ большіе праздники ходятъ по роднымъ угощаться чаемъ и обѣдомъ; и все-таки, тещи подчуютъ зитьевъ своихъ сметаной, намѣчая въ чашкѣ предварительно по три раза крестъ ложкой; и все-таки, по старинному, богачи, снабжая деньгами въ займы своихъ бѣдныхъ единоплеменниковъ, заговариваютъ у нихъ честное слово не сказывать о томъ никому, на томъ основаніи, что бѣднякъ знаетъ богатаго и, безъ повѣстки, съ нуждой своей придетъ къ нему. Обвѣсившись зеркалами и картинами, украсивши полы своей краской и обивши стѣны московскими обоями, зыряне все-таки бросаютъ куды ни попало скорлупу орѣховъ и сигарные окурки, и все-таки предпочитаютъ снать съ блюда приглянувшійся жирной кусокъ прямо пальцами, хотя и давно уже высмотрѣно ими и приложено къ дѣлу употребленіе ножей и вилокъ. Попрежному же, они около Николина дня (6-го декабря) сгоняютъ къ селенію своему оленей; и попрежному же бьютъ ихъ изъ ружей, полагая въ томъ потѣху и истинное свое наслажденіе; и попрежному они привязываютъ къ церковной оградѣ тѣхъ оленей, которыхъ жертвуютъ на увеличеніе церковнаго благолѣпія. Пожертвованные олени, лошади, бараны и телята, при окончаніи службы, продаются церковнымъ старостою желающимъ, а вырученные деньги поступаютъ въ церковную кружку, или на украшеніе храма, или на пособіе церковникамъ. Богомольной зырянинъ всегда готовъ приставить свѣчу къ домашней иконѣ, хотя бы и не было особеннаго побудительнаго къ тому случая, приговаривая: «авось, Богъ мнѣ и проститъ какой грѣхъ!» и всегда готовъ *напиться* виномъ до омертвѣнія силъ во всякой праздникъ, и даже далеко до обѣдни. Если нѣкоторые въ украшеніи храмовъ зырянами видятъ простое тщеславіе, оправдываемое только слишкомъ дальнюю, заискивающую цѣлью, все же въ ижемцахъ, разъ навсегда, должно признать положительную честность, патриархально блюдомую во всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ. Дав-

ши слово, зырянинъ вѣренъ ему до гробовой доски. Этотъ общій слухъ основанъ на множествѣ повсемѣстныхъ фактовъ.

Слѣпая приверженность къ старинѣ, съ другой стороны, породила (какъ и естественно) между зырянами ту простодушную простоту, которая, по народному присловью, хуже воровства и, по общимъ законамъ природы, служитъ на горе и подчасъ на несчастіе самаго простодушнаго простака. Такъ зыряне, любя принять и угостить гостя, сами, въ свою очередь, сильно любятъ угощенія, полагая въ томъ свое благополучіе, и видятъ уваженіе къ своей личности во всякомъ поклонѣ сторонняго человѣка, хотя бы человѣкъ этотъ и дѣлалъ то преднамѣренно, съ заискивающею цѣлію. Тутъ зырянинъ забываетъ все стороннее, всѣ свои выгоды и сдѣлки, и чтитъ гостепрѣимство какъ гостепрѣимство, и забываетъ (если только не прощаетъ) долгъ въ 6,000 р. асс., какъ и сдѣлалъ одинъ изъ ижемцовъ, за то только, что, при первомъ пробужденіи его въ домѣ должника, были ему готовы лошади, чтобы ѣхать на завтракъ, потомъ на обѣдъ и на вечернее угощеніе, всегда обильное, сытное и жирное, и готовъ даже, въ простотѣ сердца, прихвастнуть (вернувшись домой безъ денегъ, но съ подарками) тѣмъ почотомъ, который получилъ онъ отъ толковыхъ и истинно уже хитрыхъ должниковъ своихъ. За-то скупъ онъ до крайности и кременемъ смотритъ на все то, что зарыто и заперто въ его большихъ, кованныхъ сундукахъ. Таковы, по-крайней мѣрѣ, ижемскіе зыряне стараго закалу! Они умѣютъ бражничать, умѣютъ и копѣйку зашибать. Однихъ замшевыхъ заводовъ у нихъ насчитывается до 30-ти. Никакою статью произведеній печорскаго края они не брезгаютъ. Птица, рыба, оленье шкуры, рога, языки, сало оленье и говяжье, масло коровье, пещы, лисицы, куницы, выдры, моржовая и мамонтовая кость (рога), пухъ и перья, гагарыи шейки и проч.,—все въ рукахъ ижемскихъ зырянъ, этой смѣси коренныхъ зырянъ съ людьми русской крови новгородскаго происхожденія. Съ товаромъ своимъ они вездѣ поспѣваютъ и на Никольскую ярмарку въ Пинегѣ, и на Евдокіевскую въ Архангельскѣ, въ Кострому и Галичъ, въ Москву и Нижній. Неизвѣстно, что выработаетъ себѣ и чѣмъ займется новое поколѣніе; но пусть оно будетъ также стойко въ данномъ на честь словъ; пусть будетъ также изворотливо въ коммерческихъ предпріятіяхъ и не гнушается мелочными изъ нихъ

сначала, пусть будетъ также патріархально, единодушно и взаимно помогать другъ-другу; пусть также меньше пьетъ вина, которое положительно губительно для всякаго неразвитаго чловѣка, тѣмъ болѣе полудикаго инородца (самоѣды спились и спились окончательно!); и пусть, наконецъ, меньше обижаютъ они этихъ самоѣдовъ, т.-е. совсѣмъ перестанутъ выѣзжать съ бочками хлѣбнаго вина въ тундру. Въ этомъ, кажется, все благо, все богатое будущее толковой Ижмы!..

6. Т У Н Д Р А.

Физическій видъ ея и нравственное значеніе по отношенію къ промысламъ.— Горностая.— Куницы.— Песцы.— Зайцы.— Орудія ловли лѣснаго звѣря.— Дикіе олени и олени домашніе.

Начинаясь у прибрежныхъ песковъ рѣки Мезени и въ дряблыхъ, но еще высокихъ и густыхъ кустарникахъ, обрамляющихъ лѣсистые берега этой рѣки, повыше города Мезени, тундра *) названная по имени этихъ рѣки и города, безпривѣтной пустыней тянется до береговъ дальней Печоры. Слишкомъ тысяча верстъ легла на этомъ безлюдьи и пять-сотъ верстъ прошли отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ начинается безграничная равнина Ледовитаго моря, закованнаго въ гранитные берега до тѣхъ дремучихъ лѣсовъ, которыми обросли южныя половины уѣздовъ Мезенскаго и Пинежскаго, и которые извѣстны подъ именемъ *тайболъ*—нижней и верхней. Начинаясь на сѣверѣ голымъ морскимъ гранитомъ, тундра потянулась къ югу огромнымъ болотомъ со всѣми его характеристическими особенностями: почти сплошнымъ зыбуномъ, мѣстами ржавымъ изъ избытка желѣзныхъ рудъ, мѣстами бѣлымъ отъ огромнаго количества расту-

---

*) Мезенская тундра называется *Канинскою* на Каниномъ полуостровѣ, *Тиманскою* между Чешской губой и Печорой и *Большеземельскою* между Печорою и Уральскимъ камнемъ. Тамъ гдѣ болотъ нѣтъ и являются моховыя пастбища, тундра называется уже *лаптою* или *гладью*. Таковы въ Тиманской тундрѣ: *Малая-Земля* и *Морская Лапта*, въ Большеземельской: *Воронна Гладь* и *Колвинская Лапта*.

щого на немъ яглия (блага оленьяго моху). Кое-гдѣ мелькаютъ по зыбуну этому тѣ черныи — по туземному тѣ водные источники — попросту, которые всегда любятъ обставлять себя (по общимъ законамъ природы) цѣлыми рощами деревьевъ, хотя бы даже и скудными и приземистыми, какъ на этотъ разъ. Рѣки эти, рѣчонки, ручьи, огромныя озера и протыя *калтусы* (болота, покрытыя сверху водою) образовались преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тундра — эта черная грязь, на половину съ пескомъ и сгнившими корнями водорослей, насквозь прохваченная обильною влагою — не могла держать въ себѣ воду, а тѣмъ болѣе произращать на поверхности своей что-нибудь живое и прозябающее. Тамъ, гдѣ влажная тундра какъ бы истощается въ своихъ силахъ и перестаетъ обильно выдѣлять изъ себя воду, являются кочки, какъ бы остатки старыхъ древесныхъ пней на значительномъ пространствѣ, по лѣтамъ влптную почти усыпанномъ кустами сочной и крупной морошки, водянистой вороницы и только въ южныхъ частяхъ тундры — малиной. Кочки эти — *веретни* — единственные почти сухія мѣста по всей тундрѣ, еще способны держать ногу человѣка и волка, хотя тоже не имѣютъ въ себѣ на столько питательныхъ соковъ, чтобы произращать что-нибудь красивѣе и выше *сламки* — этого уродливаго, колѣнчатаго, вьющагося плющомъ можжевельника, въ $\frac{1}{4}$ аршина вышиною. И на всемъ этомъ пустынномъ пространствѣ право исключительнаго господства принадлежитъ только волку, да оленю, да малкимъ лѣснымъ звѣрямъ; человѣкъ здѣсь временной гость, и то по зимамъ. Лѣтомъ, когда отъ жарныхъ солнечныхъ лучей отойдетъ тундра, разстаявъ на $\frac{3}{4}$ аршина въ глубину, и покроется даже кое-гдѣ зеленью, являются цѣлыя облака комаровъ и оводовъ, преимущественно тамъ, гдѣ сверкаетъ на солнцѣ зелень эта и гдѣ нѣтъ вблизи прохлады, выдѣляемой глубокими озерами и прозрачными рѣками тундры. Съ приближеніемъ мрачной, богатой густыми туманами осени, все это исчезаетъ безъ слѣда; верхній слой тундрныхъ болотъ, оттаявшій въ лѣтніе мѣсяцы, начинаетъ застывать и въ концѣ января становится сплошною ледяною массою, способною держать на поверхности своей глубокіе, ослѣпительной бѣлизны снѣга. Одни только самыя жидкія и самыя зыбкія болота не замерзаютъ во всю зиму, продолжая выдѣлять изъ себя обильныя пары сѣроводород-

наго газа. И такихъ много по тундрѣ, и вся она съ января уже скована въ одну плотную ледяную массу, представляя такую же огромную равнину, какъ лѣтомъ, но на этотъ разъ снѣжную и, стало быть, еще болѣе безпривѣтную, еще болѣе мертвенную, хотя и значительно чаще-посѣщаемую человѣкомъ. Правда, что (почти черезъ всю зиму) въ рѣдную недѣлю не беспокоятъ снѣга тундры сильныя погоды разнаго рода: *падъ*— пушной, крупной, хлопьями снѣгъ, застилающій свѣтъ Божій; *поносухи* — когда одинъ только вѣтеръ распоряжается уже наметанной падью, готовымъ снѣгомъ, перенося его огромными охапками съ одного мѣста на другое и съ этого на третье, четвертое и т. д.; *хивусъ*—исключительная особенность полярныхъ и приморскихъ странъ — та же обильная падь, но при сильныхъ вѣтрахъ и *заметеляхъ*, когда валить снѣгъ сверху и несетъ его съ боковъ и снизу; *ряды*— тотъ же густой снѣгъ, но падающій при теплой погодѣ въ мокромъ состояніи; *чидеи*— весьма мелкіе, но частые дожди при густомъ туманѣ и преимущественно при горныхъ вѣтрахъ, и т. д. Но за-то въ другое время, когда не поднимается этихъ погодъ и страшные, полярные холода затягиваются надолго, стоятъ недѣлю, другую и больше, невозмущаемые вѣтрами—въ сѣверной сторонѣ неба играютъ красивые, свѣтлые *сполбхи* (сѣверныя сіянія). При свѣтѣ ихъ и луны, почти полмѣсяца гуляющей по звѣздному небу, творится иная жизнь, своеобразная, но полная интереса и практическаго значенія для временныхъ посѣтителей тундры. Это время особенно дорого и для самоѣда, изъ вѣковъ хозяина тундры, и для русскихъ, недавнихъ высленцовъ на тѣ мѣста ея, гдѣ прошла рыбная рѣка своимъ устьемъ и гдѣ встрѣчается гранитъ, къ которому прицѣпляетъ мезенецъ свою утлую избенку.

Въ это время, и особенно въ началѣ зимы, начинается периодическое переселеніе лѣснаго звѣря, какъ говорятъ, изъ странъ зауральскихъ, и значительное передвиженіе тѣхъ лѣсныхъ звѣрей (горныхъ, по туземному названію), которые выбрали себѣ тундру мѣстомъ постояннаго пребыванія. Огромными вереницами въ тѣсныхъ рядахъ, бѣгутъ, подъ предводительствомъ своего королька, горностан — эти крысы, выродившіяся въ поразительно бѣлаго, въ уродливо-длиннаго звѣрка съ чернымъ мягко-пушистымъ хвостикомъ. Въ различныхъ,

безконечно прихотливыхъ изгибахъ и полосахъ по снѣжной тундрѣ намѣчаютъ они слѣды своими круглыми лапками, заостренными крошечными пятью ноготками. Бѣгутъ они, серебрясь на солнышнѣ шкурками, въ прямомъ направленіи на сѣверъ, гдѣ предполагаютъ найти себѣ любимую свою мясную и рыбную пищу въ остаткахъ отъ трапезы блудливаго волка, жадной лисицы и зловѣщаго ворона. Обезнадеженные скудостью пищи въ придорожныхъ мѣстахъ Большеземельской тундры, горностаи разбиваютъ огромную массу свою: по Мезенской тундрѣ они уже разсыпаются отдѣльными, небольшими отрядами и все-таки бѣгутъ подѣ предводительствомъ одного вожака, опытнаго и надѣленнаго отъ природы бѣльшимъ инстинктомъ. Посчастливить имъ судьба—они, съ первыми признаками весны, поспѣшать возвратиться опять на старыя мѣста; измѣнять вожаку его инстинктъ и опытность—они дѣлаются добычею *настей*. Всегда голодные, всегда бѣгающіе по тундрѣ для пріисканія пищи, горностаи охотно хватаютъ всякой кусочекъ рыбы и мяса, хоть бы кусочки эти и были приманкой, положонной на *насторожку* (дощечку) *кулемки* (особаго снаряда съ такимъ механизмомъ, что насторожка соединяется съ другой дощечкой—гнетомъ). Наступить вожакъ на насторожку, чтобы достать кусочекъ, верхній гнетъ опускается и тяжестью своей придавливаетъ головку звѣрка. Въ другіе изъ ватаги горностаевъ, оставаясь безъ предводителя, нѣкоторое время бѣгутъ кучей и потомъ разсыпаются въ одиночку, когда уже легче гибнуть они или отъ тѣхъ же кулемокъ, которыхъ такое несмѣтное количество привязано къ лѣсинкамъ по всеѣмъ тундрамъ (и собственно Мезенской и Тиманской, и Канинской) или дѣлаются добычею кровожадной лисицы. Одновременно съ горностаями является въ тундрѣ и рѣдная гостя—куница. Вырывая себѣ нору, звѣрекъ лежитъ тамъ, *уркаетъ* (говоря мѣстнымъ выраженіемъ) и какъ-будто выжидаетъ чуткой собаки, которая указала бы хозяину это мѣсто. Приходитъ звѣропромышленникъ, сгребаетъ снѣгъ съ указаннаго собакой мѣста, прислушивается къ урканью и затѣмъ начинаетъ стучать, выпугивать звѣря изъ норы. Куница выскакиваетъ, но немедленно же попадаетъ въ сѣти, заранѣе разставленныя вкругомъ роковой норы ея. Не то съ песцами — этими аборигенами тундры, въ огромномъ коли-

чествъ населяющими ее и составляющими главный предметъ звѣриныхъ промысловъ.

Песецъ (*псецъ*, по-туземному выговору), какъ бы выродившаяся собака, съ сиповатымъ, густымъ голосомъ, похожъ на лисицу: съ такимъ же пушистымъ хвостомъ, но съ болѣе тупымъ рыломъ и съ меньшими и кругловатыми ушами, чѣмъ у послѣдней. Вырывая себѣ норы со множествомъ выходовъ, песцы, называемые вешняками, въ апрѣлѣ уходятъ туда щениться и теряютъ въ это время всю свою бѣлую шерсть. Щенки ихъ, называемые въ это время норниками, въ юнѣ подростаютъ, хотя еще отецъ и мать ихъ остаются попрежнему безобразно голыми; въ августѣ являются и отецъ, и мать, и сами щенки-норники уже крестоватиками, съ сѣрой спиной, пересѣчонной крестообразно сѣрыми же полосами, идущими надъ лопатками. Въ октябрѣ, на короткое время, крестоватики превращаются въ *голубцовъ*—*чалковъ* одноцвѣтно-сѣрыхъ съ незапушившеюся еще шерстью (и потому недопесцовъ) и только около Николаина дня (въ декабрѣ мѣсяцѣ) являются они настоящими песцами (*рбслонесцами*) съ совершенно уже бѣлою шерстью *). Сверкая ею на солнышкѣ и рѣзко отливая ее отъ окрестнаго снѣга, бойко бѣжитъ песецъ за добычей одинъ, рѣдко вдвоемъ; пушистой хвостъ его замечаетъ слѣдъ; на всемъ пути не попалось ему ни одной кумелки, ни одной западни: видно, добывать ему до озера и вытащить оттуда рыбу на лапкѣ; видно, и опять ему придется бѣжать тѣмъ же путемъ не одинъ разъ впередъ и обратно. Поднявши голову, песецъ продолжаетъ бѣжать все впередъ; повертывая по-временамъ головой и обнюхивая окрестной воздухъ, звѣрокъ настораживаетъ круглыя свои уши, дрожить весь и вдругъ припадаетъ къ снѣгу. Видно, донесла струя воздуха до чуткаго носа его незнакомый, враждебный

---

*) Голубые песцы вообще рѣдкость въ природѣ и потому особенно дороги; въ Мезенской гундрѣ они не попадаются, а живутъ почти исключительно на Новой-Землѣ, равно какъ и на Колгуевѣ; относятся и бѣлые песцы на льдахъ, на которые они набѣгаютъ. Голубые песцы подвержены тѣмъ же измѣненіямъ въ шерсти, съ тою только разницею, что они голубѣютъ по всѣмъ частямъ тѣла, когда спина еще остается сѣрою. Академикъ Лепезинъ, разбирая сходство песца съ лисицей, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «я держалъ песца съ лисицами въ одномъ амбарѣ; лисицы между собою вязались; напротивъ того, съ песцомъ никакого союза примѣтить не могъ».

запахъ человѣка; наконецъ, и зоркіе глаза его уже не обманываютъ: изъ лѣсу показался мезенецъ верхомъ на лошади и съ ружьемъ. Звѣрокъ не вѣритъ близости несчастія, не возвращается назадъ, а, приподнявшись, продолжаетъ бѣжать прежнимъ путемъ все впередъ да впередъ, попрежнему сверкая на солнышкѣ своей серебристой, соблазнительной шкуркой. Человѣкъ, между-тѣмъ, зная обычай звѣрка, старается его *облукать*: всякой разъ, когда бѣгущій звѣрокъ оглянется, онъ повертываетъ лошадь въ сторону и какъ-будто ѣдетъ мимо. Звѣрокъ простодушно вѣритъ человѣку, начинаетъ бѣжать замѣтно тише, какъ бы старается отдохнуть и, наконецъ, совсемъ припадаетъ на снѣгъ и не встаетъ во все время, пока врагъ его дѣлаетъ на лошади круги все больше и больше, все ближе и ближе, на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Песецъ продолжаетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, зорко выслѣживая за кругами лошади, не сводя своихъ черненькихъ глазъ съ роковаго мѣста, и, наконецъ, окончательно прикурнетъ головкой въ снѣгъ, закроетъ мордочку своими лапками, когда заприкѣтитъ ружейное дуло: какъ будто потерявшись окончательно въ надеждахъ, онъ не находитъ инаго спасенія и другаго исходу. Пуля, пускаемая всегда вѣрною и опытною рукою, попадаетъ прямо въ голову и подвигиваетъ звѣрка въ предсмертныхъ судорогахъ на мѣстѣ и потомъ разъ перебрасываетъ съ одной стороны на другую. Неподвижно распускается тогда его пушистый хвостъ по снѣгу, обогрѣнному теплой, красной кровью. Здѣсь песецъ въ явной и почти ровной борьбѣ съ человѣкомъ, который, въ тоже время, живится на его счетъ и другими путями, по большей части въ тѣхъ случаяхъ, когда звѣрь еще не вытравленъ изъ норы. Обыкновенно, услышавши то же урканье, приставляютъ къ норкѣ капканы—желѣзные западни, въ которыхъ звѣрь ломаетъ лапу, но уже не вытаскиваетъ ее назадъ; также ставятся *черканы* *), въ которыхъ песцамъ жи-

---

*) *Черканъ* — доска съ дырой, въ которую могъ бы пролѣзть песецъ; по бокамъ дыры — *захабы* (планки), сдѣланныя для того, чтобы въ нихъ входила лопатка. Къ лопаткѣ этой придѣлывается тетива отъ *кривсаю* (деревяннаго) лука, помѣщаемого обыкновенно внизу доски или собственно черкана. Звѣрь, выходя изъ норы, обыкновенно долженъ просунуть голову въ отверстіе черкана и въ тоже время наступать на лукъ, который сус-

мается голова; или схватывается середина туловища; и, наконецъ, тѣже *кулемки*, но съ тою только разницею, что песцовыя дѣлаются ящичкомъ, чтобы сохранить попавшагося звѣря отъ его же собрата—песца, который можетъ придти сюда и съѣсть несчастнаго безъ дальнихъ размышленій.

Зайцовъ, которыхъ такъ много по тундрѣ, ловятъ обыкновенно на петлю, сдѣланную изъ бѣлыхъ, тонкихъ, но грубыхъ нитокъ. Петлю эту вѣшаютъ на приподнятой бчашѣ и наставляютъ его на тропѣ, которую прокладываютъ зайцы. Днемъ звѣрь убѣгаетъ назадъ, при видѣ петли; за-то ночью всегда попадаетъ въ нее; при этомъ очашъ поднимается вмѣстѣ съ зайцомъ и такимъ образомъ давитъ его до смерти. Случается, впрочемъ, нерѣдко, что иные зайцы срываются и убѣгаютъ вмѣстѣ съ петлей.

Тѣмъ же снарядами, какъ песцовъ, ловятъ и лисицъ, которыя тоже выкапываютъ себѣ норы и съ тою же цѣлю, чтобы выдѣть тамъ щенятъ. Лисица мечетъ ихъ обыкновенно слѣпыми и уходитъ изъ норы за пищей, оставляя щенятъ своихъ на произволъ судьбы. Большею частію удѣлъ ихъ таковъ: поздною весною отыскиваютъ эти норы промышленники, по чутью собагъ или по личнымъ примѣтамъ; нору разламываютъ шестами, или, затыкая палками всѣ отверстія ея, выкуриваютъ потомъ дымомъ сначала самокъ-матерей, и крючьями уже вытаскиваютъ потомъ самыхъ щенятъ, лисьихъ или песцовыхъ *). Вытасканнымъ щенятамъ (иногда штукъ по 12 изъ одной норы) надламываютъ одну ногу и воспитываютъ ихъ потомъ въ избахъ, сначала на молокѣ, потомъ на кускахъ оленьяго мяса или рыбы. Нерѣдко они околѣваютъ отъ чаду и духоты; не-

---

каетъ тетиву, а съ нимъ и прирѣдленную къ нему лопатку на отверстіе: такимъ образомъ лопатка эта придавливаетъ шею, середина туловища, задъ звѣря. Черканы теперь оставляютъ, замѣняя ихъ по большей части капканами, на томъ основаніи, какъ говорятъ поморы, «что вѣне-де черканы по недѣлѣ живутъ, а звѣрь лугавитъ, не глѣзеть; хитерь сталъ, хотъ и смѣлъ отъ природы». Разъ облугавленный и удѣлвшій, звѣрь охочъ поддаться ловушкамъ.

*) Способъ выкуриванья особенно вреденъ потому, какъ извѣстно, что ни песецъ, ни лисица въ оурунную нору раньше десяти лѣтъ не вернутся — обстоятельство, заставляющее ихъ уходить дальше изъ Мезенской тундры

рѣдко перегрызають другъ другу горло, чтобы освободиться изъ плѣва: нѣрѣдко убѣгаютъ, и съ переломленной ногой, въ лѣсъ, улучивъ первый благопріятствующій случай; но большею частію доживаютъ и они до той поры, когда хозяину придетъ пора пустить ихъ въ дѣло (обыкновенно въ октябрѣ). Тогда, строго наблюдавшій за ними до той поры хозяинъ, обыкновенно наступаетъ ногой на сердце каждой лисицы поочередно и имѣетъ затѣмъ непопорченную, мягкую *пушинину*, которую легко можетъ сбить за хорошую цѣну*), на пинежской ярмаркѣ, галицинѣ купцамъ. Любя въ полдень лежать въ норѣ, лисица охотница бѣгать по снѣгу въ лунную ночь и тогда обыкновенно выслѣживается охотниками, на лыжахъ. Мягко еще оставленный звѣремъ слѣдъ — онъ недалеко: пробираясь отъ лѣсянки къ лѣсянкѣ, осторожно ступая, лисица не любитъ бѣгать скоро, особенно если и охотникъ *у ней подъ вѣтромъ*, т. е. не доносится до ея чутья его вражій запахъ. Лисица тогда подпускаетъ охотника къ себѣ на ружейный выстрѣлъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ охотники прибѣгаютъ къ хитрости: они щипать по мышинному, легко ворочаютъ звѣря назадъ, и такимъ образомъ заманиваютъ его на вѣрную погибель.

Неизбѣгающая отъ ружейнаго выстрѣла, нѣрѣдка попадающая въ капканъ, лисица трудно дается и на отраву и на *ставки **)*, такъ что всѣ эти способы исключительно при-

---

*) Вотъ послѣднія цѣны этой *пушинины*: крестоватикъ — песець 25—50 коп. сер.; бѣлый песець 1 руб. 10 коп.—1 руб. 40 коп.; горностаѣ 25—40 коп. пара; бѣлка 10—15 коп.; куница 2—4 руб. штука; черной медвѣдь 8—20 руб. сер. шкура. Чернобурая лисица по тундрамъ — замѣчательная рѣдкость.

**) *Ставка* — огромное полѣно, въ которое вртѣваются два ствола ружейныхъ (дулами врозь) такимъ образомъ, что имѣютъ одинъ крепивый курокъ. Курокъ этотъ при насторожѣ приподнимается и слегка удерживается на пружинкѣ, къ которой привязана веревочка. Малѣйшее подергиванье веревочки спускаетъ курокъ. Къ веревочкѣ этой, проведенной на сторону, противъ дула, иногда сажень на 5 длиною, привязываютъ наживку: кусочекъ сала, мяса, и проч. обыкновенно на оленьей косточкѣ. Ставка эта зарывается въ снѣгъ; дула отъ сырости накрываются тряпкой. Звѣрь хватаетъ наживку, дергаетъ веревочку и, спустивши курокъ, такимъ образомъ самъ вонзаетъ въ себя пулю изъ котораго нибудь дула (въ медвѣдя и волка попадаютъ обѣ). Не всякій звѣрь пропадаетъ отъ ставки, какъ увѣрили меня многіе, особенно хитрить въ этомъ плутоватая лисица: она

годны для однихъ волковъ (мелвѣдъ гнушается и не признаетъ ни одной изъ ловушекъ; съ легкостью щепы ломая всѣ кулеки, капканы, ставки, черканы, онъ идетъ только на ружье—на очную, благородную ставку и на не всегда вѣрную погибель). Волкъ—изъ вѣковъ хищный, вѣчно голодный, вѣчно бродящій попарно и въ стаяхъ, всегда хитрый и предусмотрительный, съ неизбежнымъ своимъ раздражающимъ душу воемъ, всегдашней непріятель смиренныхъ и беззащитныхъ—и здѣсь, въ тундрѣ, является врагомъ и ненавистнымъ страшилищемъ для оленей. Стада волковъ этихъ вырѣваютъ иногда довольно значительные косяки въ оленьихъ стадахъ, иногда истребляя за одну ночь все достояніе какого-нибудь бѣдняка-самоѣда. Носясь по тундрѣ широкими прыжками (большую частію въ небольшихъ стаяхъ), волки нападаютъ на оленя сзади, прогрызаютъ ему горло и потомъ съѣдаютъ его всего, оставляя одни только кости. Не находя оленей по пути, или напуганный выстрѣлами бдительнаго сторожа ихъ самоѣда, волкъ охотно хватается отраву. Отрава эта или по туземному — *привада*, состоитъ обыкновенно изъ сулемы или цилибухи, растертой на терпугъ. Цилибуха смѣшивается съ тѣмъ же оленьимъ мясомъ, нарубленнымъ кусками, или съ кусками ворваннаго сала, съ цѣлю

часто оберечь всѣ разбросанные кусочки, которыми замаскировываютъ главной кусокъ наживки, и ни въ какомъ случаѣ до нее не дотронется. Часто находятъ курокъ спущеннымъ, оба дула безъ зарядовъ, но не видятъ убитаго звѣря. И тутъ плутни лисицы: она выгребетъ осторожно глубокую яму подлѣ наживки, ложится въ яму возможно уютнѣе, срываетъ лапкой роковой кусокъ и стрѣляетъ изъ ставки поверхъ себя, на вѣтеръ. Но охотникъ и это предусмотрѣлъ, и въ этомъ случаѣ является побѣдителемъ: онъ кругомъ наживки разматываетъ и привязываетъ къ ней подлѣ снѣгомъ сѣтки, какія плетутъ для птицъ-куроптелей. Лисица пугается въ нихъ и дѣлается уже добычей съ цѣльной шкурой. Известна также хитрость лисицы въ этомъ случаѣ, когда она причесъ замаскировываетъ свои слѣды слѣдами, заранѣе проложенными зайцемъ, какъ уже окончательно безопасными; но и здѣсь звѣроловъ не дается въ обманъ: онъ осторожно и терпѣливо поднимаетъ снѣгъ, подкладываетъ туда капканъ и немилосердно сердится и бранится потомъ, если въ капканъ этотъ попадаетъ не лисица, а другой заяцъ. На ставку также охотно идетъ и безтолковая росомаха, но ее, какъ и бѣлокъ, стрѣляютъ больше изъ пищалей и дробовокъ.

отшибить характеристическій запахъ растенія *). Все это въ формѣ колоквъ (счотомъ штукъ до сорока) складывается въ оленью брюшину и, завязанное оленьими же жилами и замороженное, зарывается въ снѣгъ, гдѣ нибудь у кустарника, къ которому отраву эту и привязываютъ веревкой. При этомъ замѣчаютъ, что за отраву хватаются болѣею частію молодые волки и околѣваютъ потомъ не дальше ста сажень отъ роковаго мѣста; но что старые волки не только не ѣдятъ ее, но даже предостерегаютъ и молодыхъ, почасту ложась на то мѣсто (хитрая лисица объѣдаетъ отраву эту только съ веру и тотчасъ же отбѣгаетъ, помахивая головой и фыркая). За то старые волки дѣлаются добычей другой приманки (сулемы, обернутой обыкновенно въ воскъ, которому даютъ, по старому обыкновенію, форму бочончка и которой намазываютъ по поверхности кровью, ворваннымъ саломъ, опять-таки для того же, чтобы удалить недавнее присутствіе человѣческой руки на этомъ мѣстѣ). Иногда—и то самые смѣлые изъ охотниковъ—прибѣгаютъ къ болѣе простому средству истребленія волковъ. Выбравши то время, когда вѣтеръ несетъ къ лѣсу, промышленники бросаютъ эти привады (обыкновенно въ этомъ случаѣ падалъ) около своихъ избенокъ-нараулокъ и съ заряжонными ружьями ждутъ появленія звѣрей. Сначала являются лисицы: эти ѣдятъ и дерутся, перехватывая другъ у друга куски изъ лапъ и даже прямо изъ зубовъ; немедленно приходятъ волки: эти ѣдятъ жадно, но ѣдятъ дружелюбнѣе лисицъ. Иногда на подобнаго рода приманку приходитъ столько звѣрей, что количество убитыхъ въ одинъ вечеръ награждаетъ охотниковъ за половину зимняго промысла, требующаго, во всякомъ случаѣ, огромнаго терпѣнія, не безъ крайнаго, конечно, умѣнья и ловкой предусмотрительности. Любой изъ тундрныхъ звѣрей не легко дается въ руки: тотъ же волкъ, который любитъ *жировать* (жить) въ норѣ, какъ песцы, лисицы и куницы,

---

*) При намазываніи приманки соблюдаютъ непремѣннымъ условіемъ то, чтобы она была покрыта именно тѣмъ веществомъ, которое любятъ звѣри въ тотъ годъ. По понятію и примѣтамъ звѣролововъ, тундрные звѣри въ одинъ годъ предпочитаютъ ворвань, въ другой любятъ рыбу, въ третій мясо, падалъ и т. д. Замѣчаютъ также, что отравы изъ дилибухи исключительно дѣйствуетъ только на тѣхъ животныхъ, котормя родятся слѣпыми.

строго блюдетъ за своей норой и ни за что не заявитъ этого мѣста врагу-человѣку. Если оленье стадо случайно подойдетъ къ его берлогѣ, волкъ не спрячется въ нее, а спокойно отойдетъ въ сторону и уйдетъ, пожалуй далеко оттуда къ другому стаду и тамъ начнетъ промышлять все-таки для того же, чтобы не узнали норы его.

Въ нѣкоторые годы всѣ эти звѣри: горностаи, песцы, лисицы и даже волки *текутъ за пестрою и бѣлою мышью-пеструшкой*, и тундра на время пустѣетъ. Переселенія эти, случающіяся обыкновенно разъ въ четыре года и всегда всѣмъ почти количествомъ наличнаго звѣря опустошаютъ, однако, тундру на время. Черезъ два-три мѣсяца она снова наполняется вновь прибѣгающими звѣрями, а не рѣдко и старыми, вернувшимися, и снова манитъ звѣролововъ на промыселъ и на вѣрной и богатой барышѣ.

Когда-то по тундрѣ водились огромныя стада дикихъ оленей, надѣленныхъ отъ природы способностью никогда не дѣлаться ручными и домашними, и отличающихся отъ послѣднихъ только болѣе быстрымъ бѣгомъ и прирожденною ненавистью къ нимъ. Теперь болѣе большая часть стадъ этихъ оленей ушла въ самыя глухія, въ самыя безлюдныя мѣста, каковы окрестности сѣверной оконечности Уральскаго Камня, даль Канинскаго полуострова, наконецъ острова Вайгачъ, Колгуевъ и Новая-Земля. Тамъ они уже безопасно могутъ прыгать по дѣйствинымъ гранитнымъ скаламъ, не боясь, что самоѣдъ пришлетъ къ ихъ дикому стаду домашнаго оленя, съ напутанными на рога петлями и веревками, съ которыми бы имъ пришло дратся, запутаться рогами въ веревкахъ и, стало быть, поддавшись хитрости, погибнуть. Теперь, такимъ образомъ, тундра сдѣлалась почти исключительнымъ, необходимымъ и единственнымъ въ то же время мѣстомъ жительства для домашнихъ оленей, болѣе большая часть стадъ которыхъ принадлежитъ ижемскимъ зырянамъ, потомъ жителямъ Пустозерской волости, мезенцамъ, меньшая усть-цылемамъ, и самая малая, сравнительно ничтожная, самимъ самоѣдамъ (имѣющимъ, впрочемъ, всѣ права на исключительное обладаніе тундрой).

Безполезная по виду и ничтожная сама по себѣ, растительность тундряныхъ болотъ—ягель, или проще—бѣлый олений мохъ одинъ и исключительно обуславливаетъ всю важность

значенія тундры для этихъ небольшихъ животныхъ, съ тонкими, короткими ногами, съ хвостомъ, находящимся въ зачаточномъ состоянїи, съ вѣтвистыми рогами—именно этихъ красивыхъ оленей, которыхъ причисляютъ обыкновенно къ породѣ лапландскихъ. Ни одно животное, какъ давно и положительно извѣстно, не приноситъ столько существенной пользы и не служитъ бѣльшимъ подспорьемъ въ жизни сѣверныхъ людей, какъ это, и ни одно, въ тоже время, не нуждается на столько мало въ личныхъ услугахъ и уходѣ за нимъ человѣка, какъ тотъ же олень мезенской тундры. Чоловѣку онъ не обязанъ положительно ничѣмъ: такъ же свободно и на вольномъ просторѣ родится онъ, черезъ 40 недѣль по зачатїи, теленкомъ, гдѣ нибудь на лѣсной окраинѣ и когда весеннїй снѣгъ начнетъ таять, и также съ первыхъ же недѣль по рожденїи (обыкновенно на четвертой), вмѣстѣ съ молокомъ матери, становится необходимымъ для него лакомый мохъ-ягель. Три, впрочемъ, первыхъ дня новорожденный не поворотливъ; но черезъ недѣлю уже такъ быстръ на бѣгу, что поймать его невозможно. Мать всегда при немъ и крикомъ, топаньемъ передними ногами предупреждаетъ его о близости врага; пыжикъ тотчасъ припадаетъ къ травѣ или заваливается за высокія тундряныя кочки. Родись теленокъ раньше весны, ему не прошибить молодымъ и еще не сильнымъ копытомъ того толстаго слоя льда, который хранитъ подъ собой этотъ мохъ; но природа идетъ за него: тающїй снѣгъ оголяетъ мхи, и олень-теленкъ легко, черезъ лѣто, дѣлается пыжикомъ; потомъ, черезъ годъ — хврой, если онъ самецъ, и сырицей, если самка. Отелившаяся, въ свою очередь, сырица начинаетъ быть важенкой, а самецъ—хора—лоншакомъ. Такъ же точно: какъ кладеной, лоншакъ зовется послѣ того быкомъ и употребляется для ѣзды, важенка, лишонная отъ природы способности телиться, зовется ханторка и яловая, если она и рожала, да годъ послѣ того не обходится *). Лѣтомъ (въ іюнѣ и іюлѣ) взрослые олени обыкновенно линяютъ и дѣлаются къ осени или сѣрыми, или бѣлыми, или коричневыми; въ августѣ они скоблятъ свои рога, въ октябрѣ ихъ сшибаютъ и олени

---

*) Уродливость рожденія теленка отъ теленка называется *неудой*. Теленокъ, или лучше пыжикъ, прожившїй долѣе мѣсяца, называется *неблтой*.

остаются комолыми во всю зиму до весны, когда опять наростают рога, въ видѣ сосудистаго нароста, покрытаго множествомъ бородавковъ, который потомъ припухаетъ и вздувается, вследствие отложенія внутри костянаго начала, выходящаго въ видѣ роговъ, покрытыхъ кожицей, вѣжной, очень раздражительной и наполненной кровью *). Олень скучаетъ во все это время: укрывается въ тѣни и влагѣ, поникаетъ головою, боязь ежеминутно разбередить свои новые рога. Черезъ девять недѣль по рожденіи, рога молодаго оленя окончательно готовы, кожица остается еще на нихъ, но обтирается потомъ животными о деревья. Рога эти у молодыхъ бывають бѣлые, у оленей средняго возраста—бурые, а у стариковъ—совершенно черные; на третій годъ у оленя на рогахъ шесть концовъ, на четвертый — восемь (по четыре на каждомъ), на пятый — десять и т. д.

Робкіе по виду, терпѣливые до послѣдней степени, олени, сильно свыкшіеся съ холодами полярной страны, въ короткое лѣто, на три только мѣсяца посѣщающіе тундру, терпятъ муки, равняющіяся тремъ годамъ возможныхъ для нихъ страданій: будь эта повѣдка аргишомъ съ владыю, съ сѣдоками, долгія ожиданія хозяевъ гдѣ нибудь у дверей сельскаго кабака, безъ пищи иногда по цѣлымъ суткамъ; будь это, наконецъ, даже зимнія пурги, силою своею сшибающія оленей съ ногъ и слѣпящія имъ глаза—все это ничего передъ тѣми страданіями, которыя испытываютъ олени по лѣтамъ. Мириады комаровъ, покрывающихъ въ то время тундру, оводы, проѣдающіе кожу животнаго и оставляющіе подъ нею свои яички, которыя превращаются потомъ и тамъ же въ насѣкомое, заставляють оленей съ храпомъ бѣгать кругами, до истощенія силъ, или спасаться въ ближнихъ рѣвахъ или озерахъ. Олень заходитъ туда по самую шею и стоитъ тутъ иногда по цѣлымъ суткамъ и—это единственное спасеніе ихъ. Человѣку-хозяину опять-таки рѣшительно вѣтъ никакого дѣла до того: пусть ноютъ и гноятся у оленей копыта послѣ гололедицы: пусть бьютъ въ голову, когда, послѣ вымочившихъ ее дождей, замерзаетъ она

---

*) Сосудистый наростъ этотъ нѣкоторые считаютъ тонкимъ гастрономическимъ кушаньемъ.

отъ мгновенно-закрутившихся холодовъ; пусть прибѣгаютъ и рѣжутъ олени стада волки—человѣкъ-сторожъ покрутитъ головой, опять пересчитаетъ стадо, опять не досчитается, но помочь ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ, по закоренѣлому неумѣнью и по природной лѣни. Это обстоятельство оправдываетъ ту повсемѣстную распространенность поваральныхъ болѣзней всякаго рода и особенно сибирской язвы, которая, проходя изъ конца въ конецъ тундры, словно вихремъ, валитъ съ ногъ всѣ стада олени, и уже не поднимаетъ ихъ во-вѣки! Цѣлыми десятками лѣтъ готовится потомъ новое населеніе для тундры, чрезъ пятнадцать лѣтъ достигающее только половиннаго количества противъ прежняго, несмотря на то, что олени замѣчательно плодовиты. Когда то, богачомъ между хозяевами оленьихъ стадъ считался тотъ, у котораго было 6-5-4 тысячи оленей; теперь, послѣ послѣдняго сильнаго падежа, самый богатый ижемецъ имѣетъ ихъ только 2,000 и самый бѣдный самоѣдъ-оленоводъ только 10 штукъ, имѣвъ прежде до 80 штукъ *).

Съ судьбами этихъ животныхъ, какъ извѣстно, издавна уже тѣсными и неразрывными связями соединена судьба цѣлаго племени, теперь значительно уменьшившагося въ численности своей, но все еще младенчествующаго въ патріархальной грусти нравовъ—это

7. САМОѢДЫ.

При этомъ имени, какъ живая, передъ глазами возстаетъ теперь въ моемъ воображеніи жалкая фигура приземистаго, низенькаго самоѣдина, съ лицомъ, обезображеннымъ оспою и украшеннымъ снизу рѣденькой бородашкой, плохо выросшей, сверху

---

*) Каждый битый олень, со шкурою и мясомъ, въ продажѣ круглымъ счетомъ стоитъ до 6 руб. сер. Промышленные ижемцы продаютъ отдѣльно: вкусные жирные языки (по 20 коп. сер. пара), рога (по 30 коп. пудъ), сало въ нетопленномъ видѣ (по 2 руб. 50 коп. пудъ), постели — шкуры животнаго, замшею, въ выдѣланномъ видѣ (отъ 1 р. 50 коп. до 2 р. 20 коп. за штуку) и въ сыромъ видѣ (по 25—40 коп. за шкуру), *камусину*—шкуру

черными волосами, торчащими кошной. При входѣ въ дверь моей комнаты онъ, обѣими руками быстро схватилъ съ головы своей шапку—пыжицу съ длинными ушами, разукрашенными по мѣстамъ разноцвѣтными сукнами, и повалился въ ноги. Тяжело приподнявшись, онъ промычалъ, искоса взглядывая на меня:

— Чумъ ѣхать, ну!...

И онъ махнулъ при этомъ правой рукой съ шапкой въ сторону окна, уставившись потомъ глазами въ землю.

Это былъ мой проводникъ, присланный самоѣдскимъ старшиной — истинный типъ, годный для фотографіи, какъ лучший образчикъ самоѣдскаго облика.

— Водки хочешь? спросилъ я его.

— Ладно!

И самоѣдъ, при этомъ словѣ, покрутивши плечами и засучивъ рукава, сдѣлалъ три шага впередъ.

Онъ выпилъ. Я предложилъ ему закусить тарелку съ семгой, но самоѣдинъ презрительно махнулъ рукой, отвернулся и обтерся потомъ подошомъ своей малицы. Чтобы не заставить его дожидаться меня на морозѣ, крѣпко закутившемъ въ то утро, я предложилъ ему первую попавшуюся подъ руку сигару. Самоѣдинъ, откусивши порядочный кусокъ, спряталъ его за щоку, а остальную половину сигары утащилъ въ рукавъ. Я остановилъ его совѣтомъ:

— Курить это надо. Не ѣшь—скверно!

— Сожру, хорошъ... порато.

— Ъдятъ вѣдь, ѣдятъ, ваше благородье! Ты его не замай!—объяснялъ откуда ни взявшійся хозяинъ, который покровительственно погладилъ самоѣда, при этихъ словахъ, по головѣ и потомъ продолжалъ:

— Имъ этотъ табакъ пуще водки. Привозимъ же мы имъ въ чумы-то дергачу этого; за ручную горсть песца отдають.

съ ногъ, идущую на рукавицы, продають также особо, равно какъ шерсть оленью, выстриженную въ пушномъ состояніи и мясо въ мерзломъ видѣ (отъ 75—80 коп. за пудъ). Мягкія шкурки пыжиковъ идутъ на шапки, шестимѣсячныхъ неблюевъ на малицы (и это самыя прочныя и потому дорогія—до 15 руб. сер. штука). Малицы же изъ постелей взрослыхъ оленей отъ 3 руб. сер. не восходятъ свыше 10 руб. за штуку (таже цѣна и совикамъ).

— Ты смотри, Васька, надьвай шапку-то: сегодня шибко холодно: за языкъ хватаетъ!...

Замѣчаніе это относилось къ самоѣду, и ко мнѣ другое:

— Завсегда безъ шапки: какой ни жги ихъ морозъ; развѣ ужъ когда вѣтромъ крѣпко шибать станеть, надьвають ее.

— Крестивой ты? спросилъ я самоѣда.

Вмѣсто отвѣта, самоѣдъ запустилъ руку подъ малицу и съ большимъ трудомъ просунулъ изъ подъ бороденки своей и воротника малицы мѣдный надомленный крестъ. Словесный отвѣтъ за него держалъ опять-таки хозяинъ, все съ тѣмъ же покровительственнымъ тономъ:

— Крестивые они, всѣ крестивые: любаго спроси — крестъ покажетъ, а чтобы эта вѣра...

Хозяинъ, не кончивъ рѣчи и покрутивъ головой, обратился къ самоѣдину:

— Ты, Васька, ступай-ко къ оленямъ: не запутались бы; баринъ сейчасъ выйдетъ!

— Вѣры этой нѣтъ у нихъ, продолжалъ онъ вполголоса, послѣ того, какъ самоѣдъ захопнулъ за собою дверь: — вонъ ихній бачко, пожалуй, сказываетъ, что на Колгуевѣ-де двадцать семей окрестилъ, а что проку? Окрестить самоѣда легко, извѣстно. Въ церкву они не заглядываютъ, а и пригонять котораго: на полъ ляжетъ; дѣтей крестятъ молочниковъ: а гляди, лѣтъ въ десять, а то и позднѣе; жену берутъ зря что полюбовницу, и никакихъ такихъ обрядовъ при этомъ не дѣлають. Заплатить женихъ за нее, что спросить отецъ, оленями ли, песцами ли, али-бо деньгами да и живетъ, Бога не вѣдая. И возьметъ онъ одну жену, тѣмъ не довольствуется: гляди другую присмотрѣлъ и ту къ себѣ тянетъ. Иньки-то, извѣстно, дерутся же промежду собой: одна, значить надъ другой старшій хочетъ быть, а ему ничего!... не его дѣло. Вѣра ихъ—извѣстная вѣра: обшарь-ко его хорошенько, запусти ему руки за пазуху, такъ-вотъ—не стоять мнѣ на этомъ мѣстѣ!—божка, чурочку такую деревяненькую, безотмѣнно вытащишь. Онъ и сѣчотъ его, коли что не по желанію его сдѣлается: онъ ему и кусочекъ оленьяго мяса въ рыло тычетъ, коли что благополучно сойдетъ; а нѣтъ, такъ и бросить, другаго сдѣлаетъ; съ другимъ ужъ водится. Спросишь: крестивой-моль ты? — «Крестивой!» скажетъ, а бо-

жокъ въ карманѣ. Какую ты вѣру отъ нихъ захотѣлъ, когда вонъ они песцовъ ѣдятъ? Поѣзжай—самъ увидишь!

Мы отправились. Опять снѣжныя поля раскинулись со всѣхъ сторонъ; опять скакали впереди саночекъ нашихъ олешки, понутивъ головки; опять ослѣлякалъ на нихъ проводникъ, и опять приходилось мнѣ прятать свое лицо подъ совикъ, поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда тянуло невыносимымъ морозомъ, къ тому же при полномъ безвѣтрїи. Опять совикъ скользилъ по малицѣ и малица по пимамъ, оставляя когти неизбѣжному вліянію мороза; опять дали мы одинъдохъ оленямъ и въ концѣ втораго выѣхали изъ кустарника на поляну. Вся она, на этотъ разъ, уже была подернута густыми сумерками, въ трехъ разныхъ мѣстахъ ея мелькали огоньки: одинъ, словно теплина, которая раскладываетъ волжскіе пастухи на *ночминь*, два другихъ пускали пламя и дымъ, густой, стоявшій неподвижнымъ столбомъ. Увлекли меня эти привѣтливые огоньки въ дальнее прошлое; на этотъ разъ хотѣлось видѣть стреноженныхъ лошадей, глухо побрякивающихъ въ ночной тишинѣ колокольцами; хотѣлось слышать хлопанье плети, свистъ живаго человѣка, крикъ коростели, засѣвшаго глубоко въ травѣ; уже едва не чудился свѣжій, живительный, здоровый запахъ только-что скошенной травы. Въ свѣтлыхъ образахъ возставало все это въ воображеніи, какъ родное, никогда и никѣмъ незабываемое, какъ контрастъ, наконецъ, всему тому, что развернулось теперь передъ глазами въ дѣйствительныхъ образахъ, далеко не такихъ. Кругомъ — олени; по всей полянѣ разбрелись они, и бѣлая поляна превратилась почти въ сплошную, черную: одинъ постукиваетъ то правой, то лѣвой передними ногами въ снѣгъ, перестаетъ на время, навлоняется, какъ будто обнюхиваетъ то мѣсто, и опять начинается стучать копытами, снѣжня одно другимъ, и стучать долго, настойчиво. Другой олень стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ-будто вросъ въ него, уткнувшись мордой въ черную тундру; нѣсколько другихъ оленей бѣгаютъ въ круги; двое дерутся рогами. И надъ всѣмъ этимъ глубокое, невозмутимое ничѣмъ молчаніе. Какъ копны, какъ стога сѣна, уединенно стоятъ поодаль конусообразныя чумы — цѣлы поѣздки. Входимъ въ ближайшей, или лучше, пролѣзаемъ въ него черезъ узенькое и низенькое отверстіе и дальше лѣзть уже не можемъ: прямо передъ нами, по срединѣ чума, разло-

жены горящія дрова, надъ ними кипить котелокъ и влоочетъ вода, дымъ свободно лѣзетъ въ отверстіе на верху и все-таки много этого дыму остается въ чуму; дымъ ѣсть глаза, не позволяя подняться на ноги. Садись на корточки и, при свѣтѣ довольно-сильно разгорѣвшихся дровъ, видишь изумленные, недоумѣвающія лица: одно, сколько можно судить по ребенку на груди, принадлежит *инькѣ*, можетъ быть, женѣ хозяина чума, другое—ему самому, потому-что всѣ остальные молодежавы, хотя уже съ поразительными задатками на то, чтобы черезъ пять-шесть лѣтъ рѣшительно, капля въ каплю, походить на отца или, все равно, на мать. Въ чумѣ тепло, сколько можно судить объ этомъ по тому, что у мальчишекъ на рубашкахъ растегнуты вороты и видны голыя, смуглыя груди. Самоѣдъ-хозяинъ стружетъ ножомъ мерзлую рыбу и, видимо, съ наслажденіемъ ѣсть эти стружки; инька, покормивши ребенка, садится съ иглой и шиваетъ оленьими жилами одну оленью постель съ другою: видимо, приготовляетъ совикъ или малицу; ребятишки, тоже какъ-будто освоившись съ новымъ лицомъ, продолжаютъ дѣлать свое: одинъ скоблитъ оленью постель, другой мастеритъ какую-то игрушку. И все это творится въ глубокомъ, сосредоточенномъ молчаніи. Осмотришься кругомъ: закоптѣлыя и значительно подержанныя *юки*, тѣже оленьи постели, лежатъ на шестахъ (по-самоѣдски *умахъ*), сближающихся къ верхнему отверстию. Оттуда, повременамъ, какъ-будто дунетъ кто-то и чумъ вслѣдъ затѣмъ вплотную наполнится дымомъ, который слѣпнеть глаза и мѣшаетъ производить дальнѣйшій обзоръ чума. Вырвется этотъ дымъ на волю, и опять всѣ старые виды: *инька* шьетъ, мужъ ея стругаетъ рыбу; надъ котломъ въ дому и на деревянной рѣшоткѣ коптится или вялится мясо, можетъ-быть, *песцевина* (мясо песка), можетъ-быть *лисицовина*, или наконецъ, даже оленина. Повременамъ мясо это пускаетъ отъ себя непріятный, одуряющій запахъ, и, того гляди, не усидишь дольше въ чумѣ на этомъ коврѣ, плетенномъ изъ тростнику ерки, подлѣ этихъ *латъ* — деревянныхъ досокъ, которыми огороженъ со всѣхъ сторонъ огонь.

— Давно ли вы стоите здѣсь? спросилъ я самоѣда, чтобы о чомъ нибудь заговорить съ нимъ.

— Вчера, отвѣчалъ онъ урывисто, по обыкновенію, и по обыкновенію потупилъ глаза.

— А когда снимаетесь?

— А вонъ!

Самоѣдъ тряхнулъ головой и, не отвѣтивъ ничего больше, медленно приподнялся съ мѣста, отбросилъ рыбу въ сторону и, накинувши на себя малицу, вышелъ вонъ. Я сталъ прислушиваться: глухо раздавался вдали лай собачонокъ по разнымъ мѣстамъ на полянѣ. Мать самоѣдка и ребятенки стали спѣшно подбирать подручное, укладывая потомъ все это въ коробки, плетушки, мѣшки. Я поспѣшилъ вылѣзть на воздухъ. На встрѣчу попадаетъ самоѣдъ, останавливается и всматривается въ меня, тоже какъ-будто недоумѣвая и удивляясь.

— Что такъ рано снимаетесь? спрашиваю я его, желая хоть этимъ вопросомъ вывести его изъ недоумѣнія. Самоѣдъ улыбается, однако находится на отвѣтъ:

— Олешка мохъ вѣвлъ. . . . велить дальше! . . .

И, съ этими словами, ловко бросаетъ онъ петлю на рога набѣжавшаго на насъ оленя; тотъ останавливается, испуганный, дрожа всѣмъ тѣломъ. Самоѣдъ привязываетъ его къ чуму; ловить другаго, третьяго. . . . Между-тѣмъ три хохлатыхъ собачонокъ продолжаютъ обѣгать, съ удушливымъ лаемъ, вокругъ стада, останавливаясь передъ тѣми оленями, которые, не слушаясь лая, еще щиплютъ мохъ; собаки лаютъ на нихъ долго и много; наконецъ и этихъ спугиваютъ съ мѣста и ихъ обращаютъ въ бѣгство на настроженный арканъ хозяевъ. Вскорѣ много уже оленей стояли привязанными къ чумамъ; остальные сбиты собачонками въ неподвижную, послушную кучу. Откинутые отъ чумовъ санки стоятъ уже наготовѣ, нагруженные кое-какимъ мелкимъ скарбомъ, снесеннымъ нивками; на остальные изъ нихъ складываются затѣмъ нюки, поднючья (тѣ же олени шкуры, которыя въ чумѣ замѣняютъ нижнюю настилку); на третьи санки кладутъ шесты, на четвертые садятся ребятенки, по одному и по два, на шестые мать съ груднымъ ребенкомъ, на седьмые бросаютъ хохлатыхъ собачонокъ, сдѣлавшихъ свое дѣло и прикурнувшихъ, на восьмые, передніе, садится самъ хозяинъ чума и—аргишъ готовъ. И ѣдетъ онъ на другое мѣсто, гдѣ больше моху, еще невытравленнаго, и гдѣ также оставить онъ послѣ себя тундру взбитую и такую же почернѣлою, какъ и эту, которая лежитъ теперь передъ глазами моими во всемъ пустынномъ однообразіи. Скрипите

вдалекѣ аргишъ и чериветъ онъ еще нѣкоторое время передъ глазами моими; но наступившій мракъ, усиленный длинною тѣнью придорожнаго дѣса, закрываетъ все это, а быстрота бѣгущихъ оленей уноситъ отъ слуха и скрипъ санокъ, и урывистые вскрики путниковъ. На новомъ мѣстѣ, верстъ за 50 отсюда, разобьютъ въ полчаса эти же чумы *) самоѣды и опять постоятъ на немъ два, много три дня, какъ бы исключительно для того, чтобы перебраться на иныя мѣста.

Вотъ почему самоѣды всегда зависятъ отъ прихоти своихъ оленей, которымъ нужна свѣжая пища, новыя мѣста, и *становятся чумами* тамъ, гдѣ указываетъ инстинктъ этихъ животныхъ. И вотъ почему и самая жизнь самоѣда тѣсно сливается съ проявленіемъ животнаго существованія тѣхъ же самыхъ оленей. Поставлены они въ необходимость отыскивать себѣ пищу тамъ, гдѣ она есть—и самоѣды плетутся за ними туда же, какъ вѣрные слуги. Этимъ оправдывается и кочевая жизнь этого инородческаго племени сѣверной Россіи, и вся немногосложность въ обычаяхъ и внѣшнихъ обрядныхъ проявленіяхъ домашней жизни. Самоѣдъ, какъ извѣстно, плохой семьянинъ. Взявши себѣ жену непременно изъ чужаго рода**), хотя бы и сестру жены своего брата, самоѣдъ живетъ съ ней какъ бы только для того, чтобы не остаться холостымъ, и невыносимо бьетъ ее, если замѣтитъ невѣрность, и преспокойно отвязываетъ и уводитъ оленя отъ саней своего соперника. Жену покупаетъ онъ за нѣсколько песцовъ, лилицъ или оленей, при посредствѣ эву (свата), который является въ чумъ отца

---

*) Въ чумахъ богатыхъ самоѣдовъ есть еще одно отдѣленіе, называемое *синикуй*, противоположное входу; здѣсь некрещеные помѣщаютъ своихъ божковъ, крещеные вѣшаютъ св. иконы. Синикуй завѣшивается оленьей шкурой, которая и поднимается въ то время, когда въ чумѣ сдѣлается уже невыносимо чадно. Входъ въ чумъ оставляется, при постановкѣ всегда подъ вѣтромъ. Разбиваютъ чумы, естественно, тамъ, гдѣ по близости нѣтъ другихъ чумовъ, и для того, чтобы олени съ оленями не сходились и не путались между собою.

**) Родовъ самоѣдскихъ, какъ извѣстно, шесть: 1) *тыссми* (около Пустозерска, самый многочисленный); за нимъ 2) *логей* (къ с. в. отъ Печоры); 3) *эмучей* (къ в. отъ логей, ближе къ Уральскому хребту); 4) *хатанзей*; 5) *валей*; 6) *уаноита*. Эти три послѣднихъ рода живутъ по большей части въ работникахъ у ижемцевъ.

невѣсты съ деревяннымъ крюкомъ отъ котла и не выпускаетъ орудіе это изъ рукъ до-тѣхъ-поръ, пока будущій тесть не изъявитъ своего согласія. Оба соблюдаютъ при этомъ возможно-глубокое молчаніе, стараясь объясняться одними знаками. Отецъ невѣсты киваетъ головой на предложеніе свата; тотъ тотчасъ же передаетъ ему бирку для того, чтобы тотъ нарѣзалъ на ней то число зарубокъ, сколько хочетъ онъ взять за дочь свою животныхъ. Сватъ срѣзываетъ изъ нихъ сколько покажется ему лишнихъ. Условливаются о днѣ раздѣла выкупа и являются въ невѣстинъ чумъ артелью; тамъ угощаются сырымъ оленьимъ мясомъ и уходятъ, оставляя въ чумѣ только жениха и невѣсту. Въ полночь женихъ уѣзжаетъ домой и является опять къ чуму невѣсты уже въ день свадьбы. Но чумъ запертъ, свадебный поѣздъ даромъ не пускаютъ: — требуютъ подарковъ, а потому и обвиняются ими для того, чтобы потомъ обвести невѣсту съ ея приданымъ и жениха съ его выкупнымъ три раза кругомъ невѣстина чума и потомъ, три же раза, кругомъ женихова. Въ этомъ весь свадебный церемоніаль у некрещеныхъ самоѣдовъ! Не оборвется ничего въ оленьей упряжи во время этихъ объѣздовъ — супружеская жизнь молодыхъ должна идти во взаимномъ согласіи и вѣрности.

Сдѣлавшись женой и приготовляясь быть матерью, самоѣдка считается всѣмъ соплеменнымъ ей населеніемъ тундры нечистою и сквернитъ своимъ прикосновеніемъ все, до чего ни дотронется. Переступить она черезъ веревку, черезъ оленью упряжь — мужъ поколотитъ ее, приругаетъ и тотчасъ же поспѣшитъ окурить верескомъ ту вещь, чтобы сдѣлать ее опять годною для употребленія. Въ послѣднія недѣли передъ родами, самый чумъ сквернитъ роженица своимъ присутствіемъ: бѣдный самоѣдинъ старается не быть въ немъ, особенно въ послѣдніе дни передъ разрѣшеніемъ иньки; богатый спѣшитъ выстроить для нея особый чумъ и называетъ его *сямай-мядыко* (поганный чумъ). Здѣсь, при помощи другой опытной иньки — повитушки, самоѣдка дѣлается матерью, при соблюденіи нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ. Если роды трудны, бабка заключаетъ, что причиною тому измѣна супружеской вѣрности кого-либо изъ супруговъ и потому настойчиво требуетъ признанія съ обѣихъ сторонъ. Новорожденный обмывается теплой водой и кладется, закутанный оленьимъ мѣхомъ въ лубковую

колыбель, на дно которой засыпаются мелкоистертыя древесныя гнилушки и опилки. Послѣ того бабка очищаетъ чумъ и людей, отъ предполагаемой скверны, водой, въ которой сварена березовая губка. Черезъ восемь недѣль роженица, окуренная оленьимъ саломъ, имѣетъ уже право раздѣлять съ мужемъ скудную трапезу и почитается чистою до начала новой беременности. Ребенокъ родится *), почти всегда и безъ исключенія, съ наследственными болѣзнями и черезъ нѣсколько недѣль послѣ появленія на свѣтъ уже покрывается злокачественными сыпями и язвами, между которыми опытный глазъ можетъ различить и сифилитическія, чесоточныя и, наконецъ, оспенныя, болѣею частію всѣ вмѣстѣ, потому-то собственно и называются всѣ эти болѣзни *мыркомъ*, *мирскими*, какъ-будто безъ нихъ уже и нельзя появляться самоѣду на свѣтъ Божій!

Не особенно крѣпкимъ здоровьемъ пользуется самоѣдское племя и во всю остальную жизнь, посреди медныхъ тундряныхъ промысловъ: горныхъ за лѣснымъ звѣремъ, рыбою и птицами, и морскихъ — въ пѣлуратахъ, по найму отъ богатыхъ сосѣдей: зырянъ и русскихъ. Страдая, почти поголовно, глазами болѣзнями, отъ сильныхъ вѣтровъ, разгуливающихъ по тундрѣ, отъ ѣдваго дыма чумовъ и отъ грязной жизни, самоѣды, въ тоже время, не избѣгаютъ и цынги (для нихъ всегда смертельной), и болотныхъ злокачественныхъ лихора-

---

*) Невсегда при рожденіи, болѣею частію черезъ годъ, и больше, даютъ новорожденному имя, по первому попавшемуся на глаза предмету. Назовутъ его *Лайна*, если въ этотъ день выловится много рыбы пеледи; *Мюсъ*, если онъ родится во время ѣзды аргишемъ; назовутъ *Тенко*, если много попадаетъ въ капканы, по тундрѣ, лисицъ; *Сармикомъ*, если попадутся волки; *Татана*, если ребенокъ окажется слишкомъ хворымъ. Недавно умеръ *Немза*, названный такъ потому, что онъ родился какъ разъ въ то время, когда явился въ томъ чуму академикъ Кастрень — *нмецъ*, изучавшій, по порученію гельсингфорскаго университета, нарѣчія чудскаго племени. Замѣчательно, что и у крещеныхъ по два имени: одно старое, а другое новое. Такъ точно случалось мнѣ спрашивать многихъ: одинъ сказывался Николаемъ Ханалисовымъ, а у самоѣдъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *Диро*; другой былъ записанъ Василемъ Судковымъ, а обывался соплеменниками Майдна, и т. д. Самоѣдскій старшина, снабжавшій меня въ Пустозерскѣ оленями, былъ некрещеный и потому носилъ одно только имя самоѣдское, не имѣя русскаго. Онъ былъ записанъ при клеймѣ своемъ такъ: Хыла Маленбаевъ Явулевичъ.

докъ. Лишонные всякой помощи, исключительно полагающіеся во всѣхъ житейскихъ невзгодахъ на кудесниковъ своихъ, *тадибеесъ*, прибѣгая въ суевѣрномъ страхѣ и при болѣзняхъ къ ихъ шарлатанству, самоѣды мрутъ, не достигая 50 лѣтъ жизни. Ревизскія сказки, составленныя посылно вѣрно, указываютъ на грустные результаты: въ послѣдніе 83 года вымерла половина почти всего самоѣдскаго населенія тундры. Обстоятельство это почти прямо указываетъ на то, что осѣдлыя племена, слѣдуя еще неизвѣданнымъ историческимъ законамъ, въ недалекие десятки лѣтъ уничтожатъ это кочующее племя, поработивъ его своему влиянію. Уже въ настоящее время можно указать на нѣсколько селеній, въ которыхъ въ-очію совершаются эти поучительныя преобразованія. На р. Колвѣ, при впаденіи ея въ Усу (притокъ Печоры), выстроилось уже порядочное селеніе (избъ въ 20) при тамошней церкви, и самоѣды, живя въ нихъ осѣдло, охотно женятся на зырянкахъ: и въ обликѣ, и въ характерѣ значительно теряютъ свой врожденный, самоѣдскій оттѣнокъ. На р. Пѣшѣ, въ пустозерской деревнѣ Тельвисочной, совершается почти тоже, хотя нѣсколько и въ меньшихъ размѣрахъ. Въ ижемской волости, гдѣ самоѣды крещены всѣ поголовно, они сдѣлались рѣшительными зырянами: забыли родной языкъ свой, брѣютъ усы и стригутся въ кружокъ. Большая часть пустозерскихъ самоѣдовъ бойко говорятъ по-русски и нерѣдко заходятъ въ церкви.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятая (особенно принимая при этомъ въ разсчетъ и значительную смертность), общаются, во всякомъ случаѣ, уже недолгое историческое будущее самоѣдскому племени. Также, можетъ-быть, переломаютъ шесты, прорвутъ въ цѣломъ мѣстѣ чума нюки и вынесутъ въ это отверстіе и послѣдняго некрещенаго мертвеца-самоѣда, и также положатъ съ нимъ въ гробъ ложки, чашки, харей, санки надломленными, и также, можетъ-быть, убьютъ на его могилѣ оленя и съѣдятъ его тутъ же, въ сырыхъ, еще дымящихся теплою кровью кускахъ,—и въ тотъ разъ, когда останется только маленькая горсть самоѣдовъ-язычниковъ (какъ дѣлаетъ это въ настоящее время еще большая половина мезенскихъ самоѣдовъ). Окончательному обращенію ихъ въ христіанство много препятствуютъ, по общимъ слухамъ, зыряне, которые увѣряютъ ихъ, что коль-скоро они окрестятся, то не-

избѣжно подвергнутся рекрутской повинности. Тогда-де не посмотрятъ ни на ихъ дряблѣе тѣлосложеніе, ни на привычку и неумѣнье жить въ неводѣ: въ теплой избѣ, пожалуй, даже въ казармѣ, а не на оглядныхъ тундряныхъ степяхъ. Вообще, зыряне имѣютъ сильное вліяніе на самоѣдовъ и, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, много способствуютъ къ тому, чтобы поддерживать въ своихъ вѣчныхъ и неоплатныхъ работникахъ по тундрѣ ихъ старыя вѣрованія и суевѣрные обычаи.

Не зная пѣсни, не приучившись находить въ ней какое-либо иное значеніе, кромѣ безсвязнаго, безсмысленнаго мурлыканья себѣ подъ носъ отъ скуки и съ примѣра сосѣднихъ русскихъ, самоѣды не хранятъ (почти вовсе) и преданій о прошедшихъ временахъ. Ведутся между ними еще кое-гдѣ два преданія о недавней борьбѣ ихъ съ своими соплеменниками Карачеями. По одному изъ этихъ преданій, большеземельскіе самоѣды стрѣляли во враговъ своихъ *черезъ каменное окно* (или лучше, проходъ въ Уральскихъ горахъ до того узкій, что, при провѣдѣ черезъ него, посылается передовой повѣстить впереди, чтобы вѣдушіе съ той стороны переждали: двумъ рядомъ проѣхать уже нельзя). Другое преданіе говоритъ, что самоѣды, въ сообществѣ сибирскихъ Остяговъ, отправились на войну съ Карачеями, оставивъ жонъ своихъ у какого-то озера, которое зовется теперь *Неводъ-озеро* (въ переводѣ съ самоѣдскаго). Долго не возвращались самоѣды назадъ; жоны съѣли всѣ запасы хлѣба, ѣли птицъ, стали ѣсть мышей. Мужья все не являются: приходится умирать съ голоду и тѣмъ болѣе постыдною смертію, что есть горшокъ, да нѣтъ ложки: есть неводъ, да нѣтъ лодки. Одна самоѣдка ухитрилась, привязавъ къ одному концу невода ковшъ, который и былъ отнесенъ вѣтромъ къ дальнему берегу. Стали вытаскивать — неводъ оказался полонъ рыбы.

Во всемъ другомъ самоѣдъ — рабъ старины, какъ и всякое другое неразвитое племя. До-сихъ еще поръ боится онъ злыхъ навѣтовъ тадебціевъ — духовъ, которые ничего не способны дѣлать, кромѣ зла; до-сихъ еще поръ, безусловно вѣрятъ тадибеямъ, тѣмъ избраннымъ, святымъ людямъ, которые одни только способны умилюстивлять всю злую воздушную силу. Во всѣхъ неожиданныхъ и тяжелыхъ житейскихъ испытаніяхъ и невзгодахъ самоѣды, до-сихъ еще поръ, прибѣгаютъ

къ помощи тадибея, всегда самаго плутоватаго и самаго толковаго изо всего племени, ббльшею частію старика и даже, во многихъ случаяхъ, старухи. Захочется тадибею выпить водки и напиться пьянымъ, онъ придумываетъ для самоѣда какую-нибудь смертельную болѣзнь. Самоѣдъ простодушно вѣрить, позволяетъ дѣлать надъ собою всевозможныя истязанія и не стоитъ за послѣднимъ песцомъ, чтобъ добыть кудеснику вина. Также точно и самъ отъ себя самоѣдъ зоветъ тадибея и на роды иньки, и заклинать вѣтры, и лечить отъ дѣйствительно гнетущихъ его болѣзней. Во всѣхъ случаяхъ является тадибей обманщикомъ, ловко пользующимся простодушіемъ земляковъ и во всякомъ случаѣ готовъ *бить кудесъ* свой и не передъ своими, лишь бы только напоили его за то пьянымъ, или дали ему столько же денегъ на выпивку.

Я былъ личнымъ свидѣтелемъ его продѣлокъ и потому спѣшу передать обрядъ *битья кудесъ* (самбадавы—по-самоѣдски) такъ, какъ онъ представился моему вниманію.

Тадибей нашъ явился приглашеннымъ именно съ тою цѣлію, чтобы показать внѣшній обрядъ битья кудесъ, и потому, смекнувши, вѣроятно, о томъ, что будетъ имѣть дѣло съ невѣрующими, пришолъ немного на веселѣ, заручившись, естественно, не одной чаркой водки для вящаго вдохновенія. Какъ теперь, вижу его въ хохлатой шапкѣ изъ мѣха росомахи, съ наличникомъ, изъ подъ котораго выглядывала его красное, лоснящееся, скуластое лицо, съ плутовато-бѣгающими, кровавыми глазами. Встрѣтивъ его, нечаянно и въ сумерки гдѣ-нибудь въ лѣсу, не на шутку можно бы было перепугаться и спрятать лицо свое подальше отъ его непривѣтливаго, дѣйствительно-страшнаго взгляда. Неудивительно, что онъ заставляетъ дрожать самоѣдовъ, прибѣгающихъ къ его помощи и, сверхъ-того, увѣренныхъ въ томъ, что тадибей живетъ за панибрата съ злыми духами и къ служенію имъ готовится долгимъ обычаемъ, живя лѣтъ по десяти за Уральскимъ камнемъ въ наукѣ у остяцкихъ шамановъ.

Тадибей и въ нашъ чумъ пришолъ также увѣшанный бубенчиками по швамъ малицы, съ оловянными бляхами по спинѣ и по плечамъ. Бляхи эти ширкали и шумѣли при каждомъ движеніи кудесника. Кромѣ бубенчиковъ, одежда его опутана была суконными лентами разнообразныхъ цвѣтовъ, какъ рѣд-

но, пожалуй, украшаетъ свою пеструю паницу иная щеголиха-самоѣдка. И здѣсь тадибей не измѣнилъ заучонной важности своихъ приѣмовъ, сухо и величаво раскланявшись на всѣ четыре угла чума, по которому размѣстилась вся наща невѣрующая компанія. Истиннымъ, опытнымъ артистомъ и знаткомъ своего дѣла, словно не разъ уже дававшій концерты при огромномъ собраніи столичнаго люда, казался мнѣ и на ту пору этотъ полуднярь, полуизувѣрь, полуплутъ, стоявшій въ которое время неподвижно. Не шелохнулась ни одна изъ его бляхъ, не ширкнулъ нескромно ни одинъ изъ бубенчиковъ; но въ лицѣ его можно было прочитать плутоватую улыбку, предательское подергиванье лѣваго глаза. Еще мгновение — и чудесникъ дергалъ уже надъ головою своимъ пензеромъ *) разъ, два и три... и присѣлъ, закрывши свое лицо. Поднявшись въ другой разъ, онъ выхватилъ изъ-за пазухи деревянную колотушку, обвитую оленьей шкурой. и началъ колотить ею въ бубень сначала тихо, потомъ все учащеннѣе, такъ что рука его уже ловко прыгала по инструменту, какъ рука опытнаго барабанщика по барабану. Онъ то присядеть, дико взвизгнувъ; то опять начнетъ сильно колотить, при чомъ пензеръ его издастъ глухіе, непріятно-тупые звуки. Вдругъ онъ закричалъ лихорадочнымъ голосомъ, пуская дѣлій потокъ разныхъ непонятныхъ словъ на томъ гортанномъ и подчасъ носовомъ языкѣ, который одинаково непріятенъ и въ устахъ мужчины, и въ устахъ женщины изъ самоѣдовъ. Двое изъ проводниковъ нашихъ, самоѣдовъ, при первыхъ звукахъ его крика, выползли изъ чума; намъ самимъ становились непріят-

---

*) *Пензеръ*, родъ рѣшета, одна сторона котораго, вмѣстѣ съ богами, обтянута шкурою убитаго самимъ тадибеомъ оленьяго теленка. Другая сторона пензера открытая, и внутри имѣетъ по срединѣ перекладину, отъ которой идетъ къ боку другая, служащая вмѣсто рукоятки. На обѣихъ перекладинахъ вырѣзываются по семи идольскихъ лицъ. Шкуру для пензера тадибей собственноручно очищаетъ отъ жилъ и потомъ сушитъ ее на медленномъ, неслильномъ огнѣ. При этомъ дѣлѣ не должна находиться илька, какъ существо нечистое. Палка, которою колотить чудесникъ въ пензеръ, называется *ладуранецъ*. Шапка, сшитая бѣлью (нитками), а не оленьими жилами, по обыкновенію, и украшенная по мѣстамъ пуговицами, медвѣжьими костями, иногда тѣми же оловянными бляхами, называется *севопичъ*. Колотушку-ладуранецъ тадибей замѣняютъ иногда заячьей лапкой.

ны и эти звуки, и эти кривлянья, которыми сопровождалъ кудесникъ обильный потокъ своихъ словъ. Вѣрныхъ четверть часа кричалъ онъ и бѣсновался такимъ-образомъ, вертясь на одной ногѣ съ пензеромъ надъ головою и уже рѣже постукивая въ него колотушкой. Наконецъ, упалъ въ изнеможеніи на полъ. Судороги подергивали его нѣсколько мгновений, онъ какъ-будто усиленно всхлипывалъ, и не успѣли мы броситься къ нему, чтобы поднять его, тадибей былъ уже на ногахъ и шарилъ что-то за пазухой. Не успѣлъ я выслѣдить и за этими движеніями его, какъ одинъ изъ нашихъ вырвалъ изъ рукъ кудесника ножъ, примолвивъ:

— Ногами ты дрягай, сколько хочешь, а ужъ рукавъ баловать не дамъ води! Это ты опять-таки затѣялъ недѣло. Ну, тебя. . . Знаемъ мы вашего брата, видали ужъ не единой разъ. Теперь, братъ, ты насъ не надуешь — шалишь! продолжалъ ворчать проводникъ во все время, пока отдыхалъ кудесникъ, видимо пораженный неожиданностью перерыва въ обдуманыхъ и заученныхъ имъ издавна обрядахъ. Лежа на полу, онъ подниметъ то одну ногу, то другую, повернется на лѣвой бокъ и потомъ медленно передвинется и ляжетъ на спину. По лицу его струится обильный потъ; узенькіе глаза подернулись какой-то влагой; онъ тяжело дышалъ. Немного погодя, кудесникъ сѣлъ, мутно обводя кругомъ всего чума глазами, и какъ-будто ждалъ чего-то таинственнаго. Но разсылный, выхватившій изъ рукъ тадибея ножъ, и здѣсь его не оставилъ:

— Вставай-ко, братъ, ей-богу, вставай! Не пужай ты меня. Боюсь я ихъ, ваше благородье! — обратился онъ ко мнѣ, какъ бы съ оправданіемъ. Знаете: пугаютъ; ножомъ-то своимъ, вотъ такъ и тычутъ около сердца; въ одинъ бокъ его въ брюхо всунетъ, изъ другаго вытащить. Вставай, братъ — самоѣдушко, вставай!

Кудесникъ послушался-таки его, но не былъ твердъ на ногахъ и стоялъ передъ нами, понуривъ голову.

— Умаялся, объяснялъ разсылный. Не легкое, вишь, дѣло-то, не легкое! Воды не хочешь ли?—обратился онъ къ нему и, получивъ согласіе, наполнилъ его водой.

Тадибей, оправившись, обратился къ намъ съ вопросомъ, высказаннымъ слабымъ, удушливымъ голосомъ, но довольно

понятною русскою рѣчью, изъ которой видно было, что онъ хотѣлъ намъ показать еще одинъ кудесъ, употребляемый имъ при заклинаніи вѣтровъ. Но и здѣсь суетливый разсылный предупредилъ насъ:

— Не надо, Тадибеушко, не надо, Христось съ тобой, знаемъ: сядешь, вѣдь къ жаровнѣ, начнешь по уголькамъ стучать палочкой, мычать да хукукать, да раскачиваться во всѣ стороны, да носомъ-то въ уголья наровить—на надо! Не глядите, ваше высокородіе! Отдохни, Тадибеушко!... на—вотъ: прими кубокъ вина, да денегъ три цалковыхъ... это тебѣ за потъ...

Мы уже не слышали послѣднихъ словъ, поспѣшивши выдти на свѣжій воздухъ. Разсылный догналъ уже насъ на дорогѣ и встрѣтилъ замѣчаніемъ:

— Смерть боюсь кудесъ этихъ, а глядѣтъ люблю! Жилы всѣ тебѣ тянеть, кровь носомъ просится, а не ушолъ бы изъ чума-то до утра, все бы глядѣлъ да пугался...

— Зачѣмъ ты ножъ-то у него вырвалъ?

— А зарѣжется, гляди. Этакъ-то ужъ было на Индегъ въ тундрѣ; одинъ экой-то пырнулъ тебѣ въ брюхо, да и не всталъ. Знаемъ ужъ мы это! въ свидѣтели потомъ придется идти: ты же въ отвѣтъ пуше другихъ будешь. Скажутъ, зачѣмъ не оставили. Такъ вотъ поглядѣтъ, безъ всего, безъ этого, любопытно!...

— Съ нечистой вѣдь они силой знаются, пуше колдуновъ нашихъ: оттого вѣдь у нихъ это. Самоѣды вонъ и нечистую-то силу эту видятъ: бѣлые-де такіе, что снѣгъ бѣлые, и всѣ-то, слышь, въ палець, а пугаютъ: языками дразнятся. Да вотъ какъ бы дѣло-то теперешное не ночью было, рассказалъ бы я тебѣ больше противу этого...

Тѣмъ и заключилъ свои толки разсылный; но и на другой день, вопреки обѣщанію, рассказалъ немногое: что самоѣды-де божковъ своихъ называютъ *хегами* и ставятъ ихъ у неводовъ и звѣриныхъ норокъ; что есть-де еще *сяден*, которыхъ они на горахъ оставляютъ; что этихъ они сбьютъ, когда провинятся въ чомъ, но что хегъ боятся, потому-де, что хеговъ тадибей освящаетъ; что съ самоѣдомъ можно пить водку, сколько хочешь, но что только надо спѣшить самому напиться скорѣй да и уходить изъ чума, а то опьянѣетъ самоѣдъ прежде — драться полѣзетъ, лицо печонкой сдѣлаетъ; что самоѣдъ въ

дракахъ этихъ силенъ на рукахъ, а на ногахъ некрѣпокъ. Вотъ и всѣ тѣ свѣденія, какими могъ я поживиться отъ бойкаго разсыльнаго, который все-таки любитъ больше глазѣть, чѣмъ замѣчать и понимать высмотрѣнное, по обычаю всѣхъ неграмотныхъ мужичковъ русскихъ. Отъ другихъ уже (и многихъ) привелось мнѣ узнать впоследствии о томъ главномъ значеніи, какое имѣютъ зыряне по отношенію къ тундрѣ и къ самоѣдамъ. Вотъ какъ сложилось все это немногосложное дѣло:

Толковые, смѣтливые зыряне, давно имѣя множество случаевъ вглядываться въ характеръ своихъ туповатыхъ сосѣдей, пришли къ весьма положительнымъ и вѣрнымъ заключеніямъ, что самоѣды, изъ-вѣковъ обреченные на борьбу съ природой и множествомъ препятствій, поставляемыхъ ею для достиженія ими прямой цѣли, трудолюбивы. Особенно видятъ они это потому, что рѣдкій изъ нихъ когда-либо сидитъ безъ работы; знаютъ зыряне, что трудолюбивые и терпѣливые самоѣды въ тоже время вѣрны, по простотѣ сердца, данному слову: умиралъ обѣщавшій, за него явился братъ, другой какой-либо родственникъ, взявшійся при смертномъ одрѣ, исполнить его обѣщаніе (это факты и даже недавніе); что самоѣдъ, если и захочетъ схитрить въ чомъ, то легко ловится и въ этомъ; такъ онъ ни за что не возьмется поклясться на головѣ ошкун, въ простотѣ сердца увѣренный, что медвѣдь этотъ съѣстъ его, за обманъ, на первомъ же дальномъ морскомъ промыслѣ. Но, главное, и что особенно зыряне приняли къ свѣденію, и на чомъ преимущественно основали они дальнѣйшіе свои планы къ исключительному обладанію тундрою — это непомѣрная страсть всего самоѣдскаго племени къ спиртнымъ напиткамъ.

Зыряне много не задумывались и, сговорившись разъ между собою, привели дѣло въ исполненіе. Сколотивши кое-какъ достаточную сумму денегъ (помогать другъ другу, изъ числа своихъ единоплеменниковъ, у нихъ до сихъ поръ—святое, коренное правило), они покупали обыкновенно бочку спирта и везли ее въ тундру, преимущественно въ тѣ мѣста, гдѣ разбивалось больше чумовъ и, стало-быть, гдѣ больше предполагалось добытаго промысла.

Со льстивой рѣчью, почотнымъ поклономъ, съ добрыми пожеланіями всякаго благополучія, *на всѣ четыре вѣтра*, входилъ зырянинъ въ чумъ самоѣда, преимущественно богатаго. Само-

ѣдъ располагался въ его пользу, сажалъ его поближе къ огоньку, спрашивалъ согласія заколоть оленя, чтобъ угостить потомъ дорогаго гостя парной печонкой, еще дымящимся сердцемъ животнаго; зырянинъ благодаритъ и предупреждаетъ его своимъ угощеніемъ: безъ дальнихъ разговоровъ тащитъ изъ рукава кубокъ (полуштофъ) спирта, щедро разбавленнаго водой. Самоѣдъ давно уже знакомъ съ этимъ напиткомъ, любитъ его, считаетъ необходимою и ежедневно бы пилъ его по многу, если бы только взять было гдѣ: кабаки всѣ по селеніямъ, которыя далеко ушли отъ чумовъ; ѣхать туда далеко, да и нѣкогда: лѣсной звѣрь ежедневно лѣзетъ въ пасти, кулѣмки, сѣти, капканы и черканы. Самоѣдъ готовъ уже самъ купить; но зырянинъ желаетъ сначала поподчивать даромъ, а потомъ уже потолковать и о цѣнѣ. Пьютъ. У самоѣда глаза искрятся, сердце обливаешь масломъ: любо ему, что зырянинъ и иньку подчуешь, и подростку сыну подноситъ вина — и тѣ пьютъ охотно, по давней привычѣ. Самоѣдъ, пожалуй, радъ и тому, что зырянинъ пьетъ всѣхъ меньше: имъ же больше достанется, и глазъ не спускаетъ съ рукава гостя: не выльзетъ ли оттуда еще кубокъ водки на пушюю его радость и веселье. Но кубка не видать; зырянинъ улыбається и выжидаетъ своей поры; самоѣдъ не замедлитъ сказаться.

— Изволь!—принесу и еще кубокъ, да только этотъ будетъ денегъ стоить!—отвѣчаетъ зырянинъ на запросъ собесѣдника по самоѣдски конечно, иначе у нихъ бы не состоялось бесѣды (тогда самоѣды не умѣли еще говорить по зырянски, да и зыряне, знающіе только одинъ свой языкъ, не ѣздили еще въ тундру). Приносилось вино; у самоѣда нѣтъ денегъ, а есть лисица, только вчера задавленная. Зырянинъ и этимъ не гнушается; осматриваетъ лисицу: нога была переломлена, кормилась дома и вся въ остъ ушла, пушистая такая десяти штофовъ стоитъ; за полуштофъ взять, пожалуй, можно. Самоѣдъ не стоитъ за этимъ: звѣрь не сегодня — завтра другой набѣжить, много его таскается по тундрѣ, а вино можетъ уѣхать въ другіе чумы и тогда его не догонишь, пожалуй. Распивается и этотъ кубокъ, самоѣдъ уже потчуешь зырянина, свою иньку и сына. На третьемъ полуштофѣ самоѣдъ раскутился: наполнилъ даже маленькихъ, разбранилъ зырянина за то, что тотъ мало пьетъ; требуетъ еще водки; зырянинъ объявляетъ, что вся:

самоѣдъ не вѣрить, говорить, что не стоитъ за пушшиной, была бы водка. Зырянинъ выговариваетъ чернобурую лисицу, трехъ песцовъ, пару оленей живыхъ и—если не дрогнетъ рука, не треснетъ языкъ! — шкуру медвѣдя, да ужъ (кстати) и сани, на которыхъ бы можно было свести вымѣненное. Онъ получаетъ все это охотно, тѣмъ-болѣе, что не упираются ни отецъ, ни мать, ни дѣти: они же артелью помогаютъ все это положить на новыя сани и привязать по плотнѣе, чтобы чтонибудь не свалилось. Зырянинъ далеко увзжаетъ къ другимъ чумамъ; самоѣдинъ просыпается по утру, вспоминаетъ вчерашнее и жалѣетъ только объ одномъ, что не купилъ еще кубокъ вина про запасъ, на похмѣлье. Въ другихъ чумахъ съ зырянинномъ ни хуже, ни туже: самоѣдское племя—что одинъ человекъ, съ однимъ обыкомъ (давно уже это все знаютъ и не спорятъ); и въ дальнихъ чумахъ также готовы все до единого мѣнять шкуры добытаго звѣря и живыхъ оленей на кубки сомнительнаго достоинства вина, хотя, впрочемъ, и не потерявшаго способность туманить глаза и совсѣмъ отнимать скудные остатки соображенія. Черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, ижемецъ такимъ образомъ возвращается въ свою волость съ пустой бочкой, но не съ одними санками и не порожними; вмѣсто восьми оленей, привезшихъ бочку, приводитъ онъ домой десять, двадцать, тридцать и болѣе.

Успѣхъ одного соблазняетъ и многихъ другихъ; изъ рѣдкой деревни по волости не повѣхали такимъ образомъ три—четыре дома, даже съ ребятишками на подмогу, и рѣдкому зырянину случится быть битымъ отъ догадливаго самоѣда. Многие стали возить туда и другіе товары, кромѣ вина; но все привѣзжали обыкновенно домой съ большими барышами; все незамѣтно богатыли*): въ какіе нибудь два десятка лѣтъ тѣже зыряне, которые занимались въ работу къ богатымъ пустозерамъ, сами

---

*) Г. В. Иславинъ, авторъ весьма замѣчательнаго сочиненія о самоѣдахъ, между-прочимъ, вычисляетъ барыши ижемцовъ при мѣнѣ съ самоѣдами слѣдующимъ образомъ: за пол-пуда соли самоѣды даютъ или бѣлаго песка, или оленью постель, т. е. за 35 коп. сер. платятъ 1 руб.; или за пудъ муки—3 песка, т. е. за 85 коп. сер.—3 руб. сер.; или за три пуда масла по 7 коп. сер. фунтъ, берется 14 песцовъ, т. е. за 8 руб. 40 коп. сер.—14 руб. сер. Эти цѣны какъ бы уже установлены по таксъ.

теперь сдѣлались хозяевами. Случился, наконецъ, и болѣе крутой поворотъ: богатые самоѣды, державшіе стада штукъ до тысячи, пошли въ пастухи къ этимъ же стадамъ по найму отъ новыхъ хозяевъ — ижемцовъ и благодарили еще, хвалили хозяевъ своихъ за то, что они не погнушались ихъ скудостью и не пустили ихъ *на ѣдѣму* *), а взяли въ кабалу.

Мало-по-малу богатѣли такимъ образомъ ижемцы въ ущербъ самоѣдамъ, увлекая въ такой же промыселъ и дальнихъ пустозеровъ. Нѣкоторые изъ соблазвившихся легкостью барыша и простодушіемъ самоѣдовъ, прибѣгли къ постыдному, болѣе крутому средству: они просто стали воровски, въ темныя ночи, уводить оленей изъ стадъ и, выучившись ловко вытравить старыя клейма, навлаживали новыя, свои. Правда, что въ настоящее время строго запрещено зырянамъ и русскимъ возить въ тундру вино, ловить въ озерахъ рыбы, строго слѣдять за кабалою и на базарахъ за фальшивою монетою, которой самоѣды привыкли бояться, не выучившись распознавать. Правда, что молодое поколѣніе зырянъ негодуетъ искренно на прежніе нечестивые порядки отцовъ и дѣдовъ, но все-таки самоѣды ловятся и на фальшивыя деньги, и на фальшивое вино, хотя и значительно рѣже противъ прежняго.

Нечистыя дѣла сосѣдей до нѣкоторой степени пробудили въ самоѣдахъ чувство самосознанія и даже ищенія, какъ это доказано недавними примѣрами. Одинъ самоѣдъ уже запротестовалъ и лисицъ за условное количество хлѣба одному изъ пустозеровъ и шилъ заручную; но пустозеръ, напившись раньше, заснулъ. Самоѣдъ не потерялъ ни сознанія, ни при-

---

*) Установившійся между печорами терминъ «жить или сидѣть на ѣдѣмѣ», относительно самоѣдовъ, означаетъ тоже, что въ остальной Россіи *побираться Христовымъ именемъ*, т. е. жить мірскими подаяніемъ, милостынею. Самоѣды, или на чункахъ, забравши всѣхъ ребятишекъ, идутъ на зиму къ городамъ, преимущественно къ Архангельску, къ Мезени, къ Пинегѣ и даже къ Холмогорамъ или нанимаются къ пустозерамъ въ дома. Самоѣды, давнишнія испытанныя мастерицы шить, работаютъ, изъ-за одного прокормленія, всякую одежду по готовымъ выкройкамъ; ребятишки тоже помогаютъ въ этомъ матери, или бродятъ по избамъ и собираютъ остатки отъ стода достаточныхъ крестьянъ Усть-Цыльмы, Пустозерска и деревень той же богатой Ижемской волости. Говорятъ, такимъ образомъ сидятъ на ѣдѣмѣ до ста семействъ пришедшихъ въ крайность самоѣдовъ.

сутствія духа на столько, что съ деньгами и запрода-
ными крестоватиками ушолъ и сбылъ добытыхъ имъ пес-
цовъ другому хозяину на другой же день, а на третій *«про-
валился въ тундру, гдѣ его и съ собаками теперь уже не сы-
щешь»*, какъ выразился мнѣ самъ обманутый. Другой случай
удивившій весь туземной край, совершился за нѣсколько мѣ-
сяцовъ до моего пріѣзда. Одинъ ижемецъ *жилъ въ оленяхъ* на
тундрѣ и преспокойно ковырялъ ложки или чашки въ то вре-
мя, когда двое самоѣдовъ поочередно отгоняли отъ него стада
олений. Когда уже такимъ образомъ отогнали они половину,
зырянинъ замѣтилъ это, замѣтилъ и обоихъ грабителей-само-
ѣдовъ. Воры, не думая долго, бросились на пастуха и, чтобы
онъ не кричалъ, набили ему въ ротъ нѣсколько горстей моху.
По счастью, все это замѣтилъ, находившійся вблизи, другой
пастухъ-ижемецъ: онъ побѣжалъ на помощь; одинъ самоѣдъ
выстрѣлилъ въ него, но не попалъ. При мнѣ же (въ Мезени)
самоѣдъ отвязалъ оленей отъ санокъ пустозера, ѣхавшаго,
подъ хмѣлькомъ, съ мерзлой рыбой на пинежскую ярмарку.

Если теперь не поддаются самоѣды обману русскихъ поли-
цейскихъ чиновниковъ (какъ бывало прежде), которые, вмѣсто
того, чтобы собирать ясакъ съ головы оленя, брали ту же,
назначенную правительствомъ сумму, съ копыта, — за-то они,
до сихъ еще поръ, не знаютъ настоящей суммы подати, осо-
бенно дальные. Русскіе и здѣсь придумали средство пожнвиться:
они, за извѣстную плату самоѣдскому старшинѣ, берутся сби-
рать ясакъ съ самыхъ дальнихъ и, пріѣзжая въ отдаленные
чумы, получаютъ не рубль узаконенный, а два, два съ полти-
ной, смотря по тому, сколько захочется взять съ этой суммы
процентовъ за прѣздъ туда и хлопоты при этомъ.

И все-таки во всѣхъ самоѣдскихъ племенахъ, еще до сихъ
поръ, при полномъ безвѣрїи, пропасть суевѣрїи и притомъ
самыхъ фанатическихъ; правда, что они уже не вѣрятъ свя-
тости тадибеевъ, въ томъ случаѣ, чтобы отъ нихъ, по преж-
нимъ преданїямъ, могла отскакивать пуля, особенно послѣ
того, какъ попыталъ это одинъ мезенецъ и положилъ кудесни-
ка на смерть, одной пулей; но за-то все-таки считаютъ злымъ
знакомъ, если во время жертвоприношенїи попадетъ на платъ
капля крови. Не вѣрять самоѣдъ также счастью на седьмой
недѣлѣ и считаетъ седьмую зорю, при болѣзняхъ, роковою;

онъ непременно сожжотъ тѣ санки, на которыхъ когда-либо случайно родила инка, и заколетъ тѣхъ оленей, отдавши мясо ихъ собакамъ; у тѣхъ санокъ, на которыхъ возитъ идоловъ своихъ и которые пускаетъ впередъ аргиша, самоѣдъ непременно сдѣлаетъ семь копылевъ и нарубитъ семь рубежковъ на полозьяхъ; островъ Вайгачъ *) и на немъ гору Уэсако считаетъ жилищемъ самого невидимаго Нумы, ни за что не ляжетъ спать въ одномъ чуму съ крещонимъ, и проч., и проч. Можно еще многое сказать о суевѣрїяхъ самоѣдовъ, если бы, въ то же время, сосѣдніе русскіе, при всей своей набожности, были бы менѣе ихъ суевѣрны **).

До сихъ еще поръ самоѣды, въ простотѣ сердца, щоголяютъ ременными поясами (ни), пестрыми ситцевыми маличными рубашками, разноцвѣтными суконными лоскутками, песвою опушкою на женскихъ паницахъ, не подозрѣвая, что давно уже виситъ надъ ними громовое облако, и тундра, укрѣпленная за ними, можетъ быть, цѣлымъ тысячелѣтіемъ, перейдетъ въ руки

---

*) Дикій островъ этотъ, до сихъ поръ посѣщаемый промышленниками, имѣетъ на мысу Болванскомъ глубокую, скалистую пещеру съ двумя отверстїями: широкимъ къ морю, узкимъ къ вершинѣ утеса. Здѣсь стоятъ идолъ Весакъ съ семью лицами, которому приписывали гулъ вѣтра въ пещерѣ и котораго обставляли самоѣды множествомъ другихъ болвановъ. Всѣ эти идолы были сожжены миссіей, снаряженной для крещенїя самоѣдовъ, подъ предсѣдательствомъ архимандрита Сїйскаго монастыря Веніамина, въ 1827 году. Отецъ Веніаминъ, между прочимъ, сообщаетъ любопытныя свѣденїя о томъ, что крещонные имъ самоѣды Большеземельской тундры «наперерывъ обѣгали другъ друга, чтобы прежде другихъ позвонить въ колокола, что имъ доставляло величайшее удовольствїе». Веніаминъ обратилъ къ православію 3303 челоуѣка, перевода на самоѣдскій языкъ Новый За-вѣтъ и составивъ грамматику и лексиконъ.

**) Замѣчательно, впрочемъ, то обстоятельство, что жители Городка (Пустозерска) дали обѣтъ не дѣлать вечеринокъ по зимамъ и посидѣлокъ на святкахъ въ одну изъ самыхъ морозныхъ зимъ, какія когда-либо стояли въ томъ краю. Съ той поры нѣтъ у нихъ ни хороводовъ по лѣтамъ, ни ряженныхъ на тѣхъ же святкахъ. Съ той зимы и самые праздники, называвшіеся *сборными*, приняли иной характеръ. Въ условленный день сходятся всѣ молиться Богу (какъ, напримѣръ, въ Пустозерскѣ въ день Параскевы Пятницы, такъ въ Вискѣ и Оксинѣ въ Николаинъ день). Тѣ, у кого есть знакомые, входятъ въ домъ: пощодаютъ тамъ орѣшковъ, напьются чаю, выпьютъ водочки, пообѣдаютъ и, къ вечеру, гости уже во своихъ.

самыхъ злыхъ враговъ, которыхъ они, по простотѣ своей, считаютъ теперь лучшими друзьями.

3-го февраля (1857 года) я былъ уже въ Холмогорахъ. Передо мною мелькали старенькіе домишки этого самого древняго города въ Архангельской губерніи: подъ окнами моими бродили рослыя коровы; *зауольники* прятались по домамъ; не видать было на улицѣ ни одного человѣка. Все глядѣло какъ-то смутно и непривѣтливо, невыносимо отягочая душу. Раза два являлись ко мнѣ до того костяники, приносившіе свои бездѣлушки, сдѣланные изъ моржовой и мамонтовой кости, но и это развлеченіе не помогло нисколько. Хмурилось небо, заволакиваемое снѣжными темными облаками; хмурился, казалось, и самый городъ, бѣдный, старый, какъ-будто обезлюдѣвшій. И еще больше становилось на душѣ, и еще тоскливѣе глядѣлось на все окружающее, какъ-то бессознательно и безотчетно: на этотъ разъ, можетъ-быть, потому собственно, что въ тотъ день я намѣревался оставить Холмогоры, а съ ними и весь архангельскій край, съ которымъ успѣлъ свыкнуться втеченіе года, сдѣлавши по немъ болѣе четырехъ тысячъ верстъ. Передо мною лежала дальняя дорога въ неменѣе интересныя страны побережьевъ озеръ: Ладожскаго и Онежскаго: но, не вдаваясь и не загадывая о будущемъ, я, противъ воли, увлекся воспоминаніями о недавно покинутыхъ краяхъ. Припоминалась богатая жизнь поморовъ, обставившихся зеркалами, картинами и, рядомъ съ ними, дырявая бѣдность кореловъ и лопарей, почасту безъ куска хлѣба, съ однимъ сухояденіемъ. Возставала, какъ живая, и жизнь ижемскихъ зырянъ, тоже съ зеркалами, чаемъ и картинами; и опять-таки, о-бокъ съ нею, кочеванье полудикихъ самоѣдовъ, въ лохмотьяхъ, по чужой прихоти, по чужому произволу, на безпривѣтныхъ полянахъ тундры. Къ какой, думалось мнѣ, прямой, положительной цѣли ведетъ ихъ судьба въ этихъ кочевьяхъ? Чѣмъ кончится эта, затѣянная не на шутку борьба, это интересное столкновеніе болѣе развитаго народа съ полудикимъ, патріархально-недалновиднымъ, безпечнымъ племенемъ? Кончится-ли это горячей стычкой, ожесточенной съ обѣихъ сторонъ, или

кротко и мирно (какъ и надо ожидать) войдутъ самоѣдкия племена, для слиянія, въ другія сосѣднія имъ и исчезнутъ посреди ихъ навсегда и безъ слѣда, какъ и сдѣлалось уже съ персидскими вогулами? Или...

— Дай денегъ куска для хлѣба куска!—шепелявилъ въ дверяхъ моей холмогорской квартиры маленькой самоѣденкогъ и бойно глядѣлъ мнѣ въ глаза; двое другихъ прятались за мать. Мать выступала впередъ, низко кланялась и говорила тоже. Вся семья въ лохмотьяхъ, между которыми даже трудно высмотрѣть характеристическія особенности костюма; у одного мальчика плечо голое, у другаго прорывается малица на груди. Крайняя, вопіющая бѣдность!

— Гдѣ-жъ вашъ отецъ?

— На кабакъ пошла.

— Откуда же онъ денегъ взялъ на вино?

— Мы давалъ.

— А сама-то ты, пьешь?

— Пью.

— И эти деньги пропьешь?

— На мужъ отдамъ, хлѣба купимъ, олень кормимъ... эти деньги не пьемъ.

— А мужъ-то ихъ въ кабакъ унесетъ?

— Унесетъ!

И всѣ эти отвѣты самоѣдка даетъ такимъ спокойнымъ тономъ голоса, какъ будто отвѣчаетъ на вопросы ѣсть ли она, спать ли, просить ли милостыню.

Также въ четверомъ, съ тѣми же оборванными ребятишками, изъ которыхъ одного, закутаннаго въ мѣхъ, везли на маленькихъ саночкахъ другіе два мальчика, промелькнула передо мною самоѣдка подъ окнами крайней избы, на другомъ концѣ города, когда я выѣзжалъ изъ него на петербургскую дорогу. Мелькнули еще потомъ три-четыре такихъ же пестрыхъ группы, съ такими же ребятишками, при тѣхъ же саночкахъ и вымазывающими подъ окнами милостыню, шепелявыми, звонкими головами, и вдругъ все это смѣнилось бѣлымъ, снѣжнымъ, безлюднымъ полемъ, лѣсомъ вдали, ямщикомъ прямо передъ глазами, почтовыми лошадьми съ разбитыми ногами, съ неизбежнымъ колокольчикомъ подъ дугою... Но долго еще потомъ преслѣдовали меня подробности послѣдняго моего свиданія съ предста-

вителями самоѣдскаго племени: нѣрка, вымаливающая куски хлѣба и молоко для ребятшекъ и оленей, и отдающая деньги мужу; мужъ, пропивающій эти деньги въ кабакъ, изъ котораго выталкиваютъ его потомъ на морозъ... Крѣпко выспитая — привычнымъ дѣломъ — самоѣдъ на снѣгу, придетъ въ чумъ, больно прибьетъ нѣрку, прибьетъ ребятшекъ, оберетъ деньги (если онѣ есть) и опять погѣветъ пропивать ихъ на пользу откупу, ни на малѣйшую для себя: и опять нѣрка начнетъ стучаться по подоконьямъ... И такъ во всю зиму, до той поры, когда начнетъ таять снѣгъ и придетъ самоѣдамъ пора убираться въ дальнюю тундру и опять не показываться въ городъ до перваго снѣгу и морозовъ.

8. ОСТРОВЪ КОЛГУЕВЪ.

Слухи объ немъ.— Настоящее его значеніе и физическій видъ.— Промыслы птицъ: гусей, гагаръ, утокъ.— Исторія заселенія острова.— Самоѣдскія семьи на Колгуевѣ.— Шницбергень.— Грумаландокая пѣсня.

— По три дня молебная совершалъ, накануне отъѣзда св. тайнъ Господнихъ приобщился, а когда съ семействомъ прощался и благословлялъ его своимъ грѣховнымъ благословеніемъ, въ душѣ такое стѣсненіе и сомнѣніе возродилось, что даже готовъ былъ отказаться на вѣки отъ исполненія долга. Но, сочтя все сіе поущеніемъ духа тьмы грѣховныя и помолясь въ сиротѣющей семьѣ своей молитвою на путь—шествующимъ и съ когѣнопреклоненіемъ въ послѣдній разъ, заплакалъ я, горько заплакалъ, какъ юнецъ молодой, и отправился. Пять дней боролись мы съ морскою стихіею, преодолевая ея напоръ и волненія, и на шестые сутки—Богу поспѣшествующу! — узрѣли, наконецъ, возжеланный берегъ острова Колгуева. За всѣ страданія, о коихъ считаю за благо промолчать, вознаградила себя тѣмъ святымъ дѣломъ, на которое уготованъ и освященъ: съѣзжая съ пустыннаго Колгуева, не оставилъ я на немъ ни единого изъ живущихъ тамъ самоѣдскихъ семействъ неокрещеннымъ, во Христа Спасителя невѣрующимъ.

Вотъ что слышалъ я про Кѳлгуевъ съ одной стороны, и съ другой отъ промышленниковъ:

Что островъ этотъ не страшнѣй Матки (Новой-Земли); что страшно только для непривычнаго челоуѣка пробѣхать полтора верста *полюмъ* (открытымъ) моремъ; но что, если промышленнику брезговать Кѳлгуевымъ, такъ незначѣмъ было ему и на свѣтъ Божій родиться.

— На печи лежа, кромѣ прѣлжней, мало чего другаго нажить можно, а съ моремъ игру затѣешь — умѣючи да опасливо — въ накладѣ не будешь. Намъ, поморамъ, въ морскихъ плаваньяхъ не учиться стать; мало того, что малый ребенокъ умѣетъ весломъ владать: баба, самая баба — ужъ чего-бы, кажись; челоуѣка хуже?! — а и та, что бѣлуга, что нерыпа, — лихая въ морѣ. Смѣло давай ей руль въ лапу и спать ложись, не выдасть: не опружить и слезинки тебѣ единыя не покажетъ...

Вотъ что рассказывали потомъ другіе и третьи:

— Объ одномъ тебѣ, твоя милость, тосковать надо, что ходятъ теперь тамъ льды да тордся — не проступишься; а прѣхалъ бы по лѣту, мы бы съ тобой и разговоръ долгихъ не имѣли: взяли бы тебя въ охапку, по рукамъ, по ногамъ вязкой (веревкой) связали, положили бы въ карбасъ, и крупнаго бы суденка не брали. Кѳлгуевъ этотъ что? Кѳлгуевъ этотъ все равно, что домъ нашъ родной; полтора ста этихъ верстъ мы бы на попутничѣхъ и въ сутки обработали. Ты бы лежалъ да во снѣ хваленую свою родину видѣлъ; мы бы паруса ладил да пѣсенки бы свои задвенныя попѣвали. Никому бы это въ обиду! Вѣрь ты Богу, слушай-ко!

— Видалъ ты, какъ журавли да гуси летятъ по поднебесью? Ноги вытянуть взадъ, крылья распустятъ, носы вытянуть, загогочуть; артель свою на многія пары разобьютъ, впередъ толковаго вожака пустятъ и — помни! — безотмѣнно одного вожака впередъ пустятъ, и полетятъ. И знай ты это: весной эти гуси летятъ къ сѣверу, они летятъ на наше море, на острова наши, а пуще на Кѳлгуевъ, по осени гогочуть въ небѣ — стало, отъ нашей ловитвы остаточные; въ теплыя страны уходить хотятъ. А тамъ къ веснѣ опять прилетятъ къ намъ съ новой силой своей, съ первачками — выводками. Нашему брату тѣ и на руку. Вотъ почему мы очень-больно любимъ

Колгуевъ: намъ онъ лучше Моржовца, Вайгача, да и Матя самой, потому ближе, да и повадливѣе.

Къ показаніямъ мезенцовъ можно прибавить еще то въ особенности существенное и едва ли не главное, что островъ Колгуевъ можно считать болѣе гостепріимнымъ и удобнымъ къ заселенію; чѣмъ два другихъ, принадлежащихъ Россіи океанскихъ острова: Новая-Земля и Вайгачъ. Тоже самое говорятъ и факты: Новая Земля, доступная только лѣтомъ, весной и осенью пагубна для промышленниковъ своимъ скорбутомъ, отъ котораго таетъ не одна жертва, и при томъ ежегодно; ни теплая оленья кровь, ни мочовая морошка, ни постоянная дѣятельность и движеніе не спасаютъ *лѣтняковъ* *) отъ смерти. Таковъ и (Вайгачъ, отдѣленной отъ матерой земли пятиверстнымъ проливомъ (Югорскимъ Шаромъ), островъ болѣе длинный, чѣмъ широкій, утесистый, низменный, окруженный безчисленнымъ множествомъ рифовъ коргъ), но богатый пушнымъ звѣремъ и перелетной птицей — древнее святое мѣсто язычниковъ самоѣдовъ. Правда, что и Колгуевъ долгое время носилъ незаслуженное имя негостепріимнаго и также пагубнаго для заселенія острова; но позднѣйшіе факты рѣшительно говорятъ противное. Правда, что 85 лѣтъ тому назадъ Барминъ, архангельскій купецъ — раскольникъ, выселилъ на собственное издвигеніе на островъ Колгуевъ сорокъ человекъ мужчинъ и женщинъ, желавшихъ основать тамъ скитъ; но всѣ переселенцы эти вымерли въ одинъ годъ (спаслось только четверо); но правда также и то, что раскольники эти болѣею частію были люди престарѣлые и принадлежали къ строгой аскетической сектѣ, допускавшей, изъ набожности, въ нѣкоторые установленные ими мѣсяцы пріемъ пищи только одинъ разъ въ недѣлю. Академикъ Озерецковскій, спутникъ Лепехина въ его ученомъ путешествіи по сѣвернымъ берегамъ Россіи, въ 1772 году встрѣтилъ на рѣкѣ Снопѣ (впадающей въ океанъ на

---

*) Всѣ отъѣзжающіе изъ домовъ въ дальніе промыслы носятъ названіе *лѣтняковъ*, потому что они дальше лѣта не промышляютъ, и *разбойными людьми* иногда), потому что промыселъ крупнаго морскаго звѣря издавна слыветъ *разбойнымъ*. Подъ этимъ именемъ попадаетъ онъ и въ старинныхъ актахъ, даже время Маремъ Посадницы Великаго Новгорода.

Канинскомъ берегу) двухъ изъ барминскихъ прозелитовъ, до того зараженныхъ уже (до переселенія еще на Кюлгуевъ) скорбутомъ, что «вонь изъ ихъ рта въ оттолкнула меня къ дверямъ избы (какъ пишетъ авторъ); лица ихъ были преблѣдныя, крѣпости въ тѣлѣ никакой не находилось, и я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, что бѣдные люди пылаютъ суетвріемъ и на Ледовитомъ морѣ». И потомъ далѣе: «Я представлялъ голоднымъ раскольникамъ нюхальный табакъ, увѣряя ихъ, что онъ очищаетъ грудь отъ мокроты, производя частое откашливаніе, но убѣжденія мои были тщетны и отвергнуты тѣмъ, что табакъ родился отъ блудной женщины, что доказывали книгою, писанною въ листъ полу-уставомъ, гдѣ прегрубо была изображена женщина и представленъ табакъ, изъ нее выходящій».

Между-тѣмъ, въ настоящее время на Кюлгуевѣ живутъ болѣе ста самоѣдовъ, лѣтъ двадцать назадъ тому выселившихся сюда, или на правахъ оленныхъ пастуховъ по найму отъ мезенскихъ богачей, или, наконецъ, по доброй волѣ (хотя это, впрочемъ, и меньшая часть). Переселенцы эти прекратили всякое сношеніе съ материкомъ и уже успѣли значительно обшмениться. Посѣщавшіе островъ береговые жители видали тамъ и грудныхъ дѣтей и подростковъ, не замѣчая въ нихъ никакихъ проявленій особенныхъ болѣзней (кромѣ свойственныхъ всему самоѣдскому племени оспы и сифилиса); на себѣ самихъ они не испытывали ни малѣйшаго признака всегда ненавистной и всегда погибельной цынги, но даже, вернувшись домой къ осени, неизбѣжно встрѣчали такого рода привѣтствіе:

— Разнесло тебя, свать, раздробило; ужъ и впрямь сказать тебѣ одно надобно: либо съ Мурмана тебя принесло, либо съ Кюлгуева. Хорошъ островокъ — дай ему, Господи, многіе годы!...

Высокое, скалистое положеніе острова, пять значительныхъ по величинѣ рѣкъ съ прѣсной водой (Великая, Пушная, Кривая, Васыина и Гусиная), также нѣсколько прѣсныхъ озеръ близъ середины острова и самая середина эта, значительно поднятая надъ крайними берегами, стало-быть, обуславливающая постоянно передвиженіе воздуха морскими вѣтрами, отсутствіе значительныхъ по высотѣ скалъ, громоздящихся на

другихъ островахъ плотными стѣнами, допускающими частый застой воздуха, который заражается тамъ лѣтнею порою зло- вредными испареніями гниющей морской туры (морскаго горо- ха); наконецъ, сильное теченіе океана, прямо направляющееся мимо этого острова на Новую-Землю — вотъ тѣ видимыя при- чины, которыя обусловливаютъ возможность существованія на островѣ Кѳлгуевѣ жителей. Правда, впрочемъ, и то, что не удивять, не обезсилить привычнаго самоѣда никакія физическія невзгоды и лишенія, если же онъ изъ вѣковъ сѣумѣлъ прина- ровиться къ своему дымному чуму. Въ немъ, лежа передъ раз- ложеннымъ въ серединѣ костромъ, нагрѣваетъ онъ одинъ богъ и въ тоже время студитъ другой.

Мезенскіе промышленники, одинаково привычныя и къ чи- стой, теплой деревянной избѣ, и къ тому же самоѣдскому чу- му, живутъ на Кѳлгуевѣ только по лѣтамъ. Правда, что и для нихъ, какъ и для самоѣдовъ, по кѳлгуевской тундрѣ, растетъ несмѣтное множество морошки и настаетъ тяжелый трудъ, тре- бующій напряженія физическихъ силъ и усидчивой работы. Но, во всякомъ случаѣ, Кѳлгуевъ — весьма гостепріимный, далеко непогибельный изъ всѣхъ острововъ нашего Сѣвернаго Ледо- витаго океана.

Если самоѣдскія семьи удерживаютъ на Кѳлгуевѣ богатство оленьяго моха, выстилающаго всѣ покатоки острова, и, стало быть, легкую возможность прокармливать оленья стада, вы- везенныя сюда изъ мезенской тундры, то мезенскихъ про- мышленниковъ влечотъ Кѳлгуевъ богатствомъ перелетной пти- цы, въ несмѣтномъ количествѣ наполняющей этотъ островъ.

— Если-бы вся-то округа наша пріѣхала сюда и всѣ бы суда свои, и крупныя и мелкія, привела съ собой, то и того бы на всѣхъ хватило. Таково обиліе птицы всякой на остро- ву этомъ!—говорили мнѣ всѣ мезенскіе поморы въ одинъ го- лось, какъ-будто предварительно сговорившись.

— Ъздимъ на Кѳлгуевъ артелью, ѡздимъ и въ одиночку, какъ кого Богъ надоумитъ. На то у всякаго свой царь въ головѣ: это извѣстно—разсказывали мнѣ мезенцы.

— Лодку обряжаемъ мы на ту пору не съ большимъ запа- сомъ, меньше новоземельскаго, потому на Кѳлгуевѣ самоѣдъ живетъ, и плохой у нихъ тотъ человѣкъ, который оленя по- скупится для гостя зарѣзать — завдять всѣ другіе. Къ тому

же у насъ съ ними таковъ уговоръ и обычай, чтобы каждая артель по бочкѣ соленыхъ гусей на харчи самоѣда, при отъѣздѣ домой, безпремѣнно отдавала. Такъ ужъ и ведемъ съ конхъ поръ. Ну, вотъ ѣдемъ мы, значить на Колгуевъ греблей, либо бѣжимъ парускомъ — какъ кого Господь взыщетъ. Слушай: море тебѣ либо тишью да гладью отдастъ, либо вольненькой, легонькой морянской въ бока поталиваетъ, а не то и всѣмъ взоднишшомъ мотаеъ, словно со зла да на смѣхъ. Слушай опять: нашему брату это горе: лихая потѣха, безъ нея нельзя, мы уже съ ней свычны отъ той поры, какъ на дыбкахъ стояли, а безъ матери и пищи насущной промыслять могли. Ѣдемъ мы на Колгуевъ, день, ѣдемъ другой, — а чего Боже сохрани!—и третій, особо если въ греблѣ идешь отъ самага матераго берега: небо тебѣ сверху, небо съ боковъ, да море—наше поле; ничего не видать кругомъ, словно и свѣтъ-то тутъ весь къ исходу подошолъ, словно и конецъ его тамъ и нѣтъ тебѣ дальше никакого спасенья. Отъ скуки хлѣбца потрепlesh, сѣмушки повъшь, коли есть она у тебя, да не забылъ ты ее прихватить съ собой. Ладно! повъшь, значить, насытишь свою утробушку богоданную, перекрестись разъ-другой-третій, ребятъ чередныхъ въ веслахъ оставишь, самъ на бовоушку ляжешь соснешь, сколько силъ твоихъ хватить—хорошо же въдъ это, благодатно на ту пору бываетъ. Вѣрь ты въ этомъ слову моему неживому! Скуки мы тутъ никакой не замѣчаемъ и вспомнить-то объ ней и въ умъ не приходитъ. Право, такъ. Ладно, ну! слушай-же дальше: ѣдемъ опять, позѣываемъ, разговоръ—какой наклюется—ведемъ, въ лихой часъ и пѣсню рявкнемъ всей-то артелью, ведемъ и ее сколько опять-таки нашей силы хватаетъ. Бываетъ же и эдакъ: что предъ тобой грѣхъ-отъ этотъ таитъ! Ѣдемъ, ѣдемъ; Колгуевъ запримѣчаемъ, словно камень какой вдалекѣ — радуемся. А камень этотъ въ недѣлю только и обѣгаемъ вокругъ на лыжахъ; веретъ же ста три съ половиной легло тутъ; большой островъ, изъ самыхъ большихъ — въ этомъ и спору быть не можно. Ѣдемъ мы опять-таки, стало быть, все ближе да ближе; рѣчонки его, что въ море выбѣжали, камни по одиночкѣ, чумъ какой—все видимъ, все богатство его великое видимъ, все до пустяка послѣдняго: тальничокъ его — лѣсъ дремучій, что отъ земли поднялся на поларшина, да и зачахъ на вѣка-вѣчные,

не пошолъ выше; морошку видимъ, что во все лѣто соарѣтъ
инымъ годомъ не успѣваетъ; самоѣдскую рожу видимъ. Стой,
значить, братцы, прѣхали: молись Богу, да и ступай къ зна-
комому самоѣду оленя свѣжить, водкой поить крестиваго.
И тутъ опять-таки хорошо, вальяжно бываетъ! Не наскучилъ-ли?

Круто-оборванная рѣчь требовала поощренія:

— Весело началъ, скуки не жду; продолжай, пожалуйста!

— Не опять-ли съ начала, какъ въ сказкѣ про бѣлаго
быка, что наши старухи на печи рассказываютъ. Ну инъ
быть по твоему: поведу съ конца. Слушай и не мѣшай ты
мнѣ, коли я распоясался. Таковъ ужъ человѣкъ отъ бытія
своего, съ самаго съ рожденія. Намъ вѣдь у моря горевать
нечего. «Не унывай!» и въ писаніи сказано.

— Вотъ и прѣхали, и выпили крѣпко-на-крѣпко, и по-
плясали, пожалуй: вѣдь безъ того и дѣла не начнешь. Выпей
опять-таки, сказано выпей морской человѣкъ, только не пьян-
ствуй: въ пьянствѣ зло, а не въ выпивкѣ. Такъ и мы: вы-
пить выпьемъ, а дѣло смекаемъ:

— На ту пору... (стану я говорить, ужъ откашлявшись)
на Кблгуевъ птица прилетѣла вся и ведетъ безустанной крикъ,
что и въ Соловецкомъ отъ чаекъ такова не бываетъ! Разго-
вору да крику даетъ она на ту пору много, только привыч-
ному человѣку и выносить: тутъ и гусь гогочетъ крѣпче всѣхъ;
тутъ и гагга своимъ горлышкомъ звонить, словно въ стел-
лушки; тутъ и утка сычить, словно пьяный мужикъ съ пере-
пою, и чайку слышишь, и всѣхъ слышишь и безотмѣнно все-
му этому крику порато-шибво радуешься. Такъ вѣдь и надо.
Дай же я опять откашляюсь...

— Слушай опять, коли нравится: извѣстно ужъ, на всемъ
намъ на этомъ весельи одно остается: кому ружье продувать,
кому въ продутое зарядъ всыпать, а кому и правое око къ
прицѣлу да и въ лютаго врага—супостата. Май мѣсяцъ, іюнь
опять, беремъ мы эту птицу такимъ побытомъ на стрѣльну.
на гнѣздахъ. Кто гораздъ стрѣлять—много беретъ, кто посла-
бѣе—ликуй Исаія... а впрочемъ, всѣмъ благополучно, въ на-
глядѣ никто не остается. Убитую мы птицу въ кучи склады-
ваемъ, лежитъ она матушка, тухнетъ, коли дожди льютъ, а
не то и сама подпрѣваетъ. Намъ это ничего, потому на боль-
но-то хорошее не поважены; ѣдимъ и такихъ въ сласть да

прихваливаемъ! Намъ къ душинѣ-то этой, послѣ мурманской трески, да гридинскихъ сельдей, не привыкать же стать. Ну вотъ: полежать у насъ набитые гуси, подождутъ своего череду, когда мы стрѣлять поустанемъ, или порохъ подъ исходъ пойдетъ — мы ихъ носолимъ, въ бочки сложимъ; новинку станемъ отвѣдывать — за уши тоже деремъ другъ друга, съ приговоромъ; все какъ быть по христіанскому по обычаю....

— Вѣдай же дальше вотъ что: передъ Прокофьевымъ днемъ (въ началѣ іюля) гуси — яловики (бездѣтные) линять начинаютъ, на самый Прокофьевъ день (8 іюля) у нихъ глухая лёнь бываетъ. Лѣнный гусь летать уже не можетъ: пера на немъ мало, пухъ словно выщипалъ кто. Сидитъ тотъ гусь словно обиженный: и молвы лишается, и сидитъ прикурнувши, прячется и отъ человѣка таятся, словно стыдно ему наготы-то своей, какъ бы и нашъ братъ православный человѣкъ безъ малицы: рѣшительное подобіе! Вотъ какъ съѣлъ этотъ лѣнный гусь на малыхъ озерахъ, да пустилъ большое въ запасъ, чтобы ходить туда за пищей денной — мы порохъ прячемъ далеко, о ружьяхъ и не вспоминаемъ, а беремъ, вмѣсто ихъ, за сѣти. Тутъ ужъ не работа, а масляница, и дѣло вотъ какого толку и принаровки: на всѣхъ тѣхъ переходахъ изъ малыхъ озеръ въ большое, гдѣ гусь ходить любитъ, мы распутываемъ сѣти свои, крыльями далеко по сторонамъ, въ серединѣ — у малыхъ озеръ — воротца оставляемъ для входу птицы. У воротецъ изъ тундры дѣлаемъ вѣвадецъ такой: къ озеру покатою, въ серединѣ круга крутой, прекрутой, чтобы не могъ гусь драла дать назадъ, коли попалъ онъ, по нашему велѣнію, въ матицу сѣти. Сдѣлаемъ мы все это (а дѣло и часа времени не займетъ) — спускаемъ собакъ, сами шумимъ да гаемъ, чтобы зналъ гусь, что ему изъ малаго озера въ большое выходить надо. Тутъ нашъ братъ снаровку знай: не потянулъ бы передовикъ-гусь въ гору, помимо сѣти твоей. Потянулъ одинъ — за нимъ и всѣ побѣгутъ (таковъ ужъ у нихъ досельный обычай!). А побѣжали гуси въ гору, ты за ними и на оленяхъ не угонимся: круто (шибко) бѣгаютъ. Отъ собакъ бѣгутъ они въ воду, отъ человѣка въ воду — это тоже примѣта: такъ и знаемъ, а потому и творимъ дѣло съ опасомъ, не бораяся и малымъ ребятамъ не подобаясь. А попалъ одинъ гусь въ воротца, за нимъ и другой и сотой побѣжитъ; тутъ только прыгай за нимъ да лови въ охапку да

да отвертывай головки. А это ужь малаго ребенка рукодѣліе— легкая забава, безобидная!...

— А не побѣгутъ въ воротца?

— Да на это челоуѣку и хитрость дана, для этого челоуѣкъ и бородой опушается — по мнѣ, это такъ, да и эдакъ, пожалуй, что вотъ есть и такіе хитрые сѣрые гуси — гуменниками мы ихъ зовемъ — что хитрѣй звѣря трудно найти, не токма какую глупую, слабую птицу. Любить гусь этотъ таяться — не скоро ты его отыщешь, да и отыщешь: дѣло вести съ нимъ не мутовку лизать.

— Мы хитрую эту птицу, на лодкахъ выѣзжаячи, на середину озера съ опасомъ съ великимъ сгоняемъ, да и тутъ онъ тебѣ козлы ставитъ: челоуѣка онъ видитъ, челоуѣка онъ за врага знаетъ и творитъ съ нимъ всякую кознь. Въ середине озера онъ нейдетъ, на этотъ разъ кучевой артели до смерти боится. Мы и собакъ держимъ на этотъ часъ на привязи, чтобы не лаiali, не пугали, и веслами легонько гребемъ, а не токма разговоръ, и духъ-отъ, пожалуй, въ себя вбираемъ. А гусь все свою жизнь бережетъ, все опасается, все оглядывается, все не тянетъ въ кругъ. Одинъ и на берегъ выйдетъ, пожалуй: и все оглядывается, все челоуѣчью-то нашу хитрость ни въ грошъ не ставитъ, надсмѣхается. А побѣги онъ, побѣги, Христа ради! — всѣ за нимъ, всѣ за нимъ!... ей-Богу!

Разскащикъ привскочилъ съ мѣста, махалъ руками, учащонно крестился и, не говори уже ничего дальше, крутилъ только пальцами и кистью правой руки, показывая, вѣроятно, движеніемъ этимъ тотъ счастливый моментъ гусиной ловли, когда они, стянувъ сѣти, чтобы не пускать своихъ живыхъ плѣнниковъ обратно въ воду, начнутъ вертѣть имъ злополучныя головки. Долго разскащикъ мой не могъ собраться съ силами, продолжая крутить уже подъ-конецъ обѣими руками, головой и плечами, возбуждая этими движеніями неудержимый общій смѣхъ.

— Гусь—*клокотъ* дуракъ, у того и голова-то, коли не коровья съ другости съ его, такъ я ужь и не знаю чья! выговорилъ наконецъ разскащикъ забавно-прерваннаго имъ разсказа.

— Гусь—*клокотъ*, говорилъ онъ потомъ:—*башковатостью*—

то своей развѣ только съ одной казарой спорить можетъ. Эта сударыня такая несосвѣтима неумытная дура, что сама въ наши промысловыя избы заходитъ; да на смѣхъ мы и сами ее туда загоняемъ когда, отъ большаго бездѣлья. Отъ слѣпоты ли это она дуритъ, съ большаго ли перепуга, человѣка-то ли она больно любитъ, или ужъ отъ рожденья у ней на это такая слабость—сказать не могу!...

Разскащикъ мой опять перевелъ духъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія слова свои говорилъ онъ такъ бойко и скоро, что съ трудомъ можно было услѣдить за нимъ и съ стенографомъ даже.

— И вотъ! продолжалъ онъ, охорашиваясь и нѣсколько съ торжественнымъ видомъ, высоко поднявши голову. И вотъ, ваше высокое благородіе, не торговый ты человѣкъ, мой гостенецъ дорогой!—вывозимъ мы съ Кѳлгуева — острова гусей этихъ самыхъ, по общей смѣткѣ, сказываютъ, сто-тысячъ штукъ. А могли бы и больше—ну, да это ладно! объ этомъ я тебѣ и вспоминать больше не стану, а поведу тебѣ рѣчь свою къ концу и на пушную доуку о томъ, что на нашъ Кѳлгуевъ еще груманскія гаги прилетаютъ и зовемъ мы ихъ *турпанами*. Это—не то тебѣ утка морская, не то настоящая гагга, а прилетаетъ ее на Кѳлгуевъ несмѣтное тоже число. Садятся онѣ больше на лѣтней (южной) сторонѣ, на меляхъ Кривачьихъ или Тонкихъ Кошкахъ (корги-то эти и море, почестъ, никогда не топить, не заливаешь водой). Сидятъ онѣ тутъ, не кричатъ, въ кругахъ, а выгонишь ихъ въ гору къ сѣтямъ, бѣгутъ не долго, сейчасъ отдохнуть садутъ, потому больно жирны и пахнутъ. Тутъ ихъ не стрѣлай, а то всѣ въ растѣку ударятся, а гони опять — безотмѣнно въ сѣти попадутъ, иногда тысячь пять, а не то и всѣ пятнадцать за одинъ разъ. Щипать ихъ только трудно бываетъ послѣ: твердо, туго, докучливо, опять-таки оттого, что крѣпко жирны *). Чѣмъ больше лодокъ пуцаемъ въ ходъ, тѣмъ и удачи больше имѣемъ. Тутъ вся хитрость—подогнать ихъ къ берегу, не пускать въ голомя. А затѣмъ

---

*) Известно также, что знаменитый гагачій пухъ собирается нашими поморами въ гнѣздахъ, которыя и выстилаетъ птица этой пушиной. Гагачій пухъ имѣетъ впрочемъ то неудобство, что, худо вычищенный, въ излещкѣ пропитанный жиромъ, скоро скатывается въ плотной войлокъ.

угодишь собрать ихъ въ табунъ и—погонишь. Бѣгутъ онѣ, съ боку на бокъ переваливаясь, боковыми покружатся около средних да и устанутъ, и этѣ сядутъ, а тамъ только отдѣлай въ кучи шестами по участкамъ, да и гони потомъ въ какую сѣть пожелаешь. Идутъ охотно безъ разговоровъ, словно человѣкъ изъ бани вышолъ, да крѣпко запарился, да на печь погѣвъ спать послѣ того и разговору держать никакого не можетъ. Вѣрь ты и въ этомъ моей совѣсти, какъ своей: врать мнѣ не изъ чего! Беремъ мы съ гагаръ и гапки опять этой подать и яицами; а яица эти кладутъ онѣ на воду, на мелкое мѣсто, на холмушки, на травничокъ. Тутъ и собираемъ и ѣдимъ въ отиѣнное свое удовольствіе. Гагаръ мы пушай и не бьемъ, потому гагара крѣпко рыбой пахнетъ.

— Съ гагарами ужъ самоѣдъ расправляется *). Это ужъ ихное дѣло; съ тѣмъ и будетъ! — кончилъ рѣчь свою рассказикъ, закругливъ ее, по обыкновенію всѣхъ своихъ земляковъ, долгимъ и низкимъ поклономъ.

— Что же затѣмъ еще есть у тебя?

— А затѣмъ и ихъ щиплемъ и ихъ солимъ, что и гусей же. Штукъ по сту, по полутора ста въ одну бочку прачемъ. Съ тѣмъ и въ торговлю пускаемъ, а дальше тебѣ и сказывать нечего!...

Но дальше сказать можно еще то, что дурной, скудный посолъ, хотя и хорошей заграничной солью, а главное при этомъ—неопрятность и крайняя небрежность и неумѣнье, дѣлаютъ изъ этихъ жирныхъ и вкусныхъ гусей такой скверный продуктъ, который и разитъ неприятнымъ запахомъ псины, и на вкусъ отвратителенъ для всякаго непривычнаго человѣка. Не въ особенномъ почотѣ колгуевскіе гуси и у туземцовъ, хотя и считаются праздничнымъ блюдомъ. Богатые ижемцы, напримѣръ, даже не ѣдятъ ихъ; а въ Архангельскѣ тѣ же гуси, свежие

---

*) Крикливая гагара замѣчательна еще тѣмъ, что даетъ со спины и съ брюха легкія, мягкія, теплыя бѣлыя шкурки, изъ которыхъ туземцы дѣлаютъ мѣха для шубокъ, душегрѣевъ и салоновъ. Изъ шеекъ гагаръ (сизыхъ съ бѣлыми крапинками, расположенныхъ четырехугольникомъ въ серединѣ) дѣлаютъ также родъ птичьяго мѣха, употребляемаго на шапки, муеты и т. п. Мѣхъ этотъ красивъ и оригиналенъ, а, сверхъ того, на дождь и снѣгу непромокаемый, дѣлается еще красивѣе, еще чище и сизѣе.

на мезенскихъ лодьяхъ для продажи, раскупаются только бѣдными, непрехотливымъ саломбальскимъ и кузнечевскимъ населеніемъ города, по самой дешовой, почти баснословной цѣнѣ (по 6 и по 7 коп. сер. за шт.). Правда, что причину всего этого надо искать въ томъ давно-установившемся и, по несчастію, еще справедливымъ до сихъ норъ мѣнѣи, что и поморъ архангельской также, какъ и всякой другой русской человѣкъ, на трехъ сваяхъ стоитъ: авось, небось, да какъ нибудь; хотя тотъ и другіе давно и хорошо знаютъ, что знайка бѣжить, незнайка лежитъ, что во всякомъ дѣлѣ почишь дорогъ; хотя въ то же время известно имъ, что съ заклятымъ, законнымъ и упорнымъ немного сдѣлаешь, что это — горбатый, котораго править не дубинка, а могилка. Остается, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и во всякомъ другомъ на святой Руси, пожелать всей душой и помыслами, чтобы и здѣсь также былъ поскорѣе и толковый и скорый начинъ, а за толкомъ и смѣткой русскому человѣку не далеко ходить: русскій человѣкъ не скоро пошевеливается, принимаясь за новый толкъ, но, разъ взявшись за дѣло, дружно держится своего ремесла. Архангельцы стали же въ послѣднее время высылать въ столицы и хорошую семгу, и хорошо-просоленныхъ сельдей; дадутъ, можетъ быть, при новомъ толкѣ, много и другаго хорошаго.

А, между тѣмъ, Кѡлгуевъ, и вромѣ птицы, богатъ многимъ, и даже очень многимъ. Мезенцы, ограничиваясь почти исключительно добычею гусей, морскихъ утокъ и гаги, пухъ которой по осенямъ убѣляетъ всѣ южные отлоны островскихъ холмовъ. Печорцы промышляютъ тутъ песцовъ и волковъ, имѣютъ здѣсь часть оленей, остальные промысла отдаютъ на умѣнѣе и толкѣ самоѣдовъ. Эти стрѣляютъ по берегамъ и нерпу, которая любитъ понѣжиться одинаково и на льдинѣ, какъ и на шероховатомъ, оголенномъ въ морской отливъ камнѣ, и морскихъ зайцовъ и моржей, которые, хотя и рѣдко, но выстаютъ и здѣсь также, какъ и на Новой-Землѣ. Неводятъ самоѣды и жирныхъ, всегда прибыльныхъ бѣлугъ, хотя большая часть этого корыстнаго, сальнаго звѣря ускользаетъ отъ рукъ и угребаетъ потомъ и къ полюсу на свободу, и въ Бѣлое море, въ болѣе опытныхъ и навывнувшихъ въ дѣлѣ руки. Рыба, изобильно населяющая островскія рѣки и озера, какъ, на примѣръ, гольцы, сига, омули и кумжа (форели), вылавливается исключи-

тельно для мѣстнаго употребленія и, во всякомъ случаѣ, во всякое время способна обусловливать въ известной степени и существованіе переселенцовъ, и возможность дальнѣйшаго посѣщенія этого острова береговыми сосѣдями его. Дикій лукъ и шавель, клюква и морошка, топливо, въ избыткѣ выбрасываемое моремъ на островскіе берега, служатъ немалымъ и не ничтожнымъ подспорьемъ ко всему вышесказанному, чтобы окончательно увѣриться въ возможности дальнѣйшаго заселенія Колгуева. Ошкуй (бѣлый медвѣдь) часто, правда, бродитъ по острову и творитъ свои неладныя медвѣжьи штуки; но противъ него найдется и горячая пуля, и мѣткій выстрѣлъ, и вѣрный взглядъ; дикіе олени, въ свѣжемъ ихъ видѣ, дѣютъ вкусную и здоровую пищу; множество песцовъ и лисицъ, издавна сдѣлавшихся уже аборигенами здѣшнихъ, хотя и пустынныхъ, но здоровыхъ климатомъ, мѣсть, могутъ служить цѣлью небезвыгодной и нетрудной ловли. Впрочемъ все-таки на Колгуевѣ прѣзжаетъ немного: не болѣе 50—60 промышленниковъ, но и тѣмъ однихъ гусей удается вывозить штукъ до 100 тысячъ, да отъ 70 до 100 пудовъ гусянаго и утинаго пуху, пудовъ 50 мелкаго перья, штукъ до 400 лебязьихъ шкурокъ.

Кривая рѣка и Гусиная давно уже извѣстны мезенцамъ, какъ довольно удобныя становища для судовъ; а губа Промбй, далеко врѣзавшаяся узкимъ рукавомъ своимъ въ островъ, также давно уже служитъ безопаснымъ рейдомъ для самыхъ крупныхъ бѣломорскихъ судовъ, каковы лоды и шкуны.

Ждетъ ли островъ Колгуевъ (для того, чтобы приносить собою большія выгоды туземному краю) честно задуманной, умно поведенной компаніи, или его также постигнетъ такая же плачевная участь, какую несетъ отъ русскихъ промышленниковъ богатый, хотя и дальній Шпицбергенъ — рѣшить не беремся. Но, во всякомъ случаѣ, по всѣмъ слухамъ, по общему мнѣнію и по личнымъ соображеніямъ, Колгуевъ далеко не того стоитъ, во что сѣмъбли оцѣнить его до настоящаго времени всѣ знающіе и посѣщавшіе его. Но жаль, если какая-нибудь предприимчивая и понимающая дѣло компанія не удержитъ мезенцовъ отъ береговыхъ промысловъ, которые успѣли уже пріучить ихъ къ гѣни и къ какой-то апатіи, особенно если принять въ соображеніе слобожанъ (жителей города Мезени) и сосѣдей ихъ къ югу по рѣкѣ Мезени. Примѣръ на глазахъ: богатый Шпицбер-

генъ (Грумантъ, по архангельскому нарѣчію) брошенъ русскими въ добычу голландцовъ, которые выбираютъ тащъ и китовъ, и огромныя юрова (стада) моржей, и бѣлугъ, и другихъ крупныхъ и мелкихъ звѣрей. Крайняя ли отдаленность этого острова (болѣе 600 верстъ отъ берега), нездоровой ли климатъ его, несчастныя ли попытки туземцовъ, изъ которыхъ самая послѣдняя огласилась на всю Россію неслыханнымъ въ тѣхъ мѣстахъ кровавымъ преступленіемъ *) — причиною этому, но во всякомъ случаѣ, Шпицбергенъ уже не посѣщается русскими промышленниками, словно путь къ нему зачурованъ и заказанъ впередъ на неисчотные годы.

И только пѣсня одна, нехитро сложенная, хотя все-таки оригинальная сама по себѣ, можетъ быть, будетъ ходить въ народѣ, а, можетъ быть, и забудется также скоро, какъ забыли поморы путь на давно-знакомой имъ Грумантъ. Случайно попалась пѣсня эта въ мои руки отъ одного изъ мезенскихъ стариковъ; спѣшу привести ее здѣсь в сецѣло, со всею ея нехитрымъ, доморощеннымъ складомъ и смысломъ.

Вотъ она:

Ужъ ты хмѣль, ты хмѣль кабацкой,
Простота наша бурлацка;
Я съ тобою хмѣль спознался,
Отъ родителей отсталъ,
Отъ родителей отсталъ —
Чужу сторону спозналъ.
Мы другъ съ другомъ сговорились
И на Грумантъ покрутились **).
Контракты заключили
И задатки получили.
Прощай, лѣтнія гулянки:
Подъ горою стоять барки!
Мы гуляли день и два,
Прогулялись до-нага.

---

*) Происшествіе это, со всею своими ужасающими подробностями, своевременно объявлено было черезъ «Морской Сборникъ» (1853 г., т. IX, № 6) и потому повторять его теперь было бы совершенно излишнимъ. — Трое промышленниковъ прожили въ Шпицбергенѣ 6 лѣтъ и 3 мѣсяца (см. «Арх. Губ. Вѣд. 1846 г.» и «Матросскіе досуги» Дала, изд. морскимъ ученымъ комитетомъ въ 1853 г., стр. 416).

***) Нанялись въ работники, въ покрутъ, въ покрутчики.

Деньги всё мы прогуляли,
Наши головы болятъ,
Поправиться хотятъ.
Мы оправиться хотѣли,
Но у коршика *) спросились;
Коршикъ воли не даётъ,
Насъ всёхъ на лодью ведётъ.
Якоря на бортъ сдвигали,
Паруса мы подымали,
Во походъ мы направлялись,
Со Архангельскимъ прощались:
Прощай, городъ Архангельскъ!
Прощай, матушка-Двина!
Прощай, бражницы—ивасницы
И пирожны мастерицы!
Прощай, рынокъ и базаръ!
Никого намъ здѣсь не жаль.
Ужъ мы крѣпость **) проходили,
До брѣввахты доходили,
На брѣввахтѣ прописались,
Въ Бѣло-море выступали.
Бѣло море проходили,
Въ океанъ—море вступили;
Океанъ-море прошли
До Варгаева ***) дошли;
Мы на гору выѣзжали,
Крѣпка рому закупали;
Мы до пьяна напились,
Другъ со дружкой подрались.
Ужъ мы на лодью пришли,
Со Варгаева пошли. *
Прощай, городъ Варгаусъ,
Намъ попало рому въ усть!
Прощай, бирка съ крутиками,
Село красно со песками!
До Нортъ-Капа мы дошли
Оттуда въ голомя †) пошли;
До Медвѣдя ††) доходили,

*) Коршикъ, лодманъ.

**) Новодвинскую, расположенную въ 17 верстахъ отъ города Архангельска, на восточной сторонѣ, близъ березовскаго устья р. Двины.

***) Вардегувъ—небольшая норвежская крѣпостца.

†) Въ глубь, въ морскую или океанскую даль. Голомя употребляется въ противоположеніе—юрь, т. е. берегу.

††) Медвѣдь-островъ.

И Медвѣды мы проходили:
Больши льды вдали бѣлѣютъ
И моржи на льдахъ красѣютъ.
Зяцы *) на льдахъ лежатъ,
Нерпы **) на лодью глядятъ.
Во льды мы заходили
И между льдами мы пошли.
Еще Груманта не видно,
А временятся Соколы ***).
Мы ко Груманту пришли
Становища не нашли —
Призадумались немного
Тутъ сказалъ намъ коршикъ строго:
«Ну, ребята, не робѣй,
Вылѣвай на марса-рей:
И смотрите хорошенько!
Что мнѣ помнится маленъко:
Э-тамъ будто становье,
Старопрежно зимовье!»
«Ты правду намъ сказалъ!»
Марсовой тутъ закричалъ,
И рукою указалъ:
«Мандолина противъ насъ,
И въ заворотъ зайдемъ сейчасъ †)
Въ заворотъ мы заходили,
Въ становье лодью вводили,
Чтобъ зимой тутъ ей стоять,
Намъ объ ней не горевать.
Тутъ на гору ††) собиравльсь,
Мы съ приваломъ поздравлялись;
Въ становой избѣ сходились,
Крестомъ Богу помолились;
Другъ на друга мы взглянули

---

*) Конечно, морскіе (phoca leuogina).

**) Обыкновенный тюлень (phoca vitulina).

***) Грумантскія (шпицбергскія) горы. Временятся—по временамъ показываются еще тускло, какъ-бы въ туманѣ.

†) Эти послѣднія строки, несмотря на всю навязность формы, имѣютъ тотъ многозначительный смыслъ, что поморы, имѣющіе плохія карты и матки (компасы), ѣздятъ большею частію *по своей старѣ* (говоря ихъ выраженіемъ), т. е. по примѣтамъ, на память, а, стало-быть, и всегда на угадъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствуютъ они съ перваго дня своего политическаго существованія. Но долго ли еще будетъ такъ?

††) На берегъ.

Тяжелелько воздохнули:
«Ну, ребята, не тужить!
Надо здѣсь зиму прожить;
Поживемъ, попромышляемъ,
Звѣрей разныхъ пострѣляемъ!
Скоро темная зима
Проминутся сама;
Тамъ наступить весна красна.
Намъ тужить теперь напрасно».
И, бросивши заботу,
Принялись мы за работу:
Станову избу исправить,
Полки, печку приналадить,
Отъ погодъ обороваться
И теплѣ согрѣваться.
А разволочныя *) избушки
Строить, будто какъ игрушки,
Научились мы тотчасъ.
Поздравляю теперь васъ!
По избушкамъ потянулись,
Другъ со другомъ распростились,
И давай здѣсь зимовать,
Промышлять, звѣрей смекать **).
По избушкамъ жить опасно,
Не пришла бы смерть напрасно.
Мы кулемки ***) становили:
Псечей черныхъ наловили;
А оленей дикихъ славно
Мы стрѣляли преисправно.
Бѣлой ошкуй господинъ —
Онъ къ намъ часто подходилъ,
Дикарино мясо кушать
И у насъ въ избахъ послушать,
Что мы говоримъ.
А мы пулю въ бокъ дадимъ,
Да и спицами †) въ конецъ
Заколдемъ наконецъ.

---

*) Промысловыя.

***) Искать и ловить.

***) Логушки для мелкаго звѣря, какъ-то: лисицъ, песцовъ, куницъ, горностаевъ, выдръ и проч.

†) Рогатина—копье, даже въ иныхъ случаяхъ—родъ багра съ остріемъ и зазубриной, или крюкомъ ниже острія. Впрочемъ, багоръ этотъ чаще носить названіе *юска*.

Медвѣдь бѣлой тамъ сердить,
Своей лапой намъ грозить
И шататься не велить.
Тамъ безъ спицы мы не ходимъ:
Часто ошкуя находимъ.
Темну пору проживали,
Николи не горевали;
Какъ свѣтлѣе стали дни,
Съ разволочныхъ потянулись,
Въ станову избу пришли —
Всѣхъ товарищей нашли.
Какъ великой постъ пришолъ —
Слухъ до всѣхъ до насъ дошолъ,
Какъ моржи кричать, гремать,
Собираться намъ велеть.
Карбаса мы направляли
И моржовъ мы промыслили
По расплавамъ и по льдамъ,
По заливамъ, по губамъ
И по крутымъ берегамъ.
А моржовъ мы не боимся
И стрѣлять ихъ не стыдимся.
Мы ихъ ружьями стрѣляли.
И носками принимали,
И ихъ спицами кололи.
И вязали за тинки *).
Промыслили мы довольно,
И поѣхали на лодью;
Лодью мы нагрузили
И отправились мы въ ходъ;
Съ Грумантомъ прощались:
Прощай, батюшка ты Грумантъ!
Кабы больше не бывать
Ты Грумантъ—батюшко страшонъ:
Весь горами овывшонъ,
Кругомъ льдами окружонъ.
На тебѣ намъ жить опасно —
Не пришла бы смерть напрасно.

Приводя эту длинную, наивную, по своей формѣ, пѣсню, намъ все-таки кажется, что и сквозь простыя, нехитрыя слова ея и подражательный размѣръ (веселаго и скорого напѣва)

---

*) Блѣнки, употребляемые для разныхъ костяныхъ подѣлокъ, на которыя давнишніе мастера холмогорцы.

можно видѣть горькія слезы скучнаго одиночества—Богъ-вѣсть, въ какомъ мѣстѣ, рѣшительно на краю свѣта, тѣ горькія слезы, которыя доводится испытывать только на морѣ, когда на волоску висишь отъ смерти, когда, забывая все остальное, видишь только себя, бережешь только одного же себя. И грезятся по временамъ лучшія минуты жизни, выплывающія въ воспоминаніяхъ, какъ бы въ утѣшеніе, и то только на минуту, чтобы опять уступить мѣсто безысходной тоскѣ. И успѣваешь полюбить себя болѣе разумною любовью, и даешь своему существованію лучшую цѣну. А такія минуты рѣдки въ иномъ мѣстѣ, кромѣ моря: только здѣсь они и имѣютъ свою обаятельную прелесть, безъ чего бы, кажется, и самая жизнь была бы не въ радость и не въ утѣху. Нѣтъ, видно, для береговаго человѣка лучшихъ поговорокъ, какъ: «хвали море, а сиди на берегу—съ моря жди горя, а отъ воды бѣды», и все-таки, кажется, оттого же, что «дальше моря, меньше горя...»

8. БЕРЕСТЯНАЯ КНИГА.

Береста, собственно покровъ, наружная оболочка березовой коры, имѣетъ, какъ извѣстно, огромное приложеніе въ практической жизни простаго русскаго человѣка. Столько же легкой, подручный и удивительно-пригодный матеріалъ для растопки печей, топливъ на пастбищахъ, овиновъ по осенямъ, и проч.—береста, съ другой стороны, служитъ дешовымъ и удобнымъ матеріаломъ для разныхъ другихъ подѣлокъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту. Если слѣдовать строго-систематическому порядку постепенности въ описаніи всѣхъ практическихъ примѣненій этого продукта, имя котораго стоитъ въ заголовкѣ этой статьи, то, какъ на первообразъ этого примѣненія, можно указать на тѣ самодѣлки-ковшички, которыхъ такъ много плавааетъ во всѣхъ придорожныхъ ключахъ для услуги утомленнаго лѣтнимъ зноемъ путника, не всегда запасливаго, хотя подчасъ и сметливаго. Второй видъ примѣненія бересты, естественно, тотъ сосудъ, который такъ пригоденъ и въ дальнихъ странствіяхъ на богомолья, и въ ближнихъ на

страды и годовые праздники, и въ которомъ пригодно держится въ деревняхъ и сотвѣй медъ, и густая, вкусная брага, въ которомъ, наконецъ, привозятся въ столицу національныя лакомства, будетъ-ли это уральская игра, или лучший вятскій (сарapulскій) медъ, или даже каргопольскіе соленые рыжики и ярославскіе грузди; сосудъ этотъ зовется буракомъ въ средней и южной части Россіи, и туезомъ—по всему сѣверу и по всему сибирскому краю. Ступанцы—тѣ же лапти, только не липовые (не лыковые) и не веревочные шептуны, служащіе простому народу вмѣсто туфель—всегда цѣлыми рядами видны въ любой крестьянской избѣ подъ печными приступками подлѣ голбца, плетены всегда изъ лентъ бересты. Ступанцы эти какъ туфли надѣваетъ и баба, идущая изъ избы загонять въ загороды коровушекъ и овецекъ, и мужикъ, которому надо провѣдать коней, наколотъ дровъ, накачать воды изъ визгливаго колодца. Берестинныя же плетушки—саватѣйки, содержащія внутри себя всю необходимую подручную лопать (одежду и бѣлье), торчатъ сзади, на спинахъ всѣхъ тѣхъ странниковъ-калекъ переходящихъ, которыхъ можно видѣть значительными толпами и по Троицкой дорогѣ за Москвою, и въ уродливыхъ лодьяхъ на Бѣломъ морѣ между Архангельскомъ и Соловками. Онѣ же торчатъ и за плечами бродягъ, толпами идущихъ изъ Сибири въ Россію, съ каторжной неволи на лѣсное и степное приволье. Изъ той же бересты шиваютъ тунгузы конскими волосами свои лѣтнія юрты—*уруси*. По Ветлугѣ (въ Костромской губерніи) береста породила новую и довольно-значительную отрасль промышленности: тамъ изъ бересты гнутъ круглыя табакерки-тавлинки, которыя, съ фольгою по бокамъ и ремешкомъ на крышкѣ, обошли всю Россію, удовлетворяя неприхотливому вкусу небогатыхъ нюхальщиковъ. Одинъ изъ умершихъ уже въ настоящее время мастеровъ своего дѣла, въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ одномъ изъ дальнихъ и глухихъ мѣстъ нашей Россіи, дѣлалъ для себя и по просьбѣ короткихъ знакомыхъ цѣлыя картины и портреты, вырѣзая и оттискивая ихъ рельефомъ на той же берестѣ *). На этомъ, повидимому, и должна

---

*) Авторъ этой статьи видѣлъ два портрета его работы, замѣчательные по чистотѣ, оригинальности отдѣлки и по разительному сходству: портреты есаулмаршаловъ Кутузова-Голенничева-Смоленскаго и Барлаая-де-Толля, вырѣзанные художникомъ въ 1820 году.

остановиться всякая иная попытка къ усовершенствованію и дальнѣйшему приложенію такого грубаго и неособенно-прочнаго матеріала, какова береста. Но мнѣ удалось въ мезенскихъ тундрахъ найти новую рѣдкость, указывающую на то, что береста можетъ служить матеріаломъ для составленія цѣлыхъ книгъ, и если не вовсе можетъ замѣнить бумагу, то, во всякомъ случаѣ, и легко, и удобно служить замѣною ея въ крайнихъ случаяхъ при ощутительномъ недостаткѣ. Живущіе въ тундрѣ (*из оленякъ*—говоря мѣстнымъ выраженіемъ) по цѣлымъ годамъ удалены бываютъ отъ людей и всякаго съ ними сообщенія за непроходимыми болотами лѣтомъ, глубокими и непроѣзжими снѣгами—зимою. Скитаясь, по волѣ и напризамъ оленей, съ одного мѣста на другое, живущіе въ тундрахъ (даже и русскіе) привыкаютъ къ однообразной жизни и разнообразятъ ее только охотой съ ружьемъ, съ неводами, съ капканами и проч. Но бываетъ и такъ, что судьба и обстоятельства загоняютъ въ тундру и тѣхъ изъ русскихъ, которые привозятъ съ собою грамотность, такъ значительно развившуюся въ тамошнемъ краю, забывая часто бумагу. Изрѣдка (въ годъ — въ два разъ) наѣзжающіе изъ *Городка* (Пустозерска), по пути на пинежскую никольскую ярмарку, привозятъ съ собою только чай, кофе и сахаръ; предметамъ письменности тутъ не даютъ мѣста. А, между-тѣмъ, темныя осеннія и зимнія ночи съ коротенькимъ просвѣтомъ способны нагонять и на привычнаго человѣка тоску и скуку, которыя были бы безвыходны, если бы и здѣсь не явились на помощь грамотность и умѣнье писать. Изъ пережонной береговой корки дѣлается клейкая сажа, которая, будучи разведена на водѣ, даетъ довольно-сносныя чернила, по крайней мѣрѣ, такія, которыя способны оставить довольно-примѣтный слѣдъ по себѣ, если и обтираются по верхнему слою. Орлы и дикіе гуси, которыхъ такъ много по тундрѣ и которымъ такъ трудно улетѣть отъ мѣткаго, всегда вѣрнаго выстрѣла привычныхъ охотниковъ, даютъ хорошія перья; а вотъ и подручная, всегда удобно-обдирающаяся по слоямъ береста, которую можно и перегнуть въ страницы, и на которой можно писать и скоро, и, пожалуй, чотко *).

---

*) Считаю нелишнимъ коротко прослѣдить исторически и постепенно за совершенствованіемъ матеріаловъ для письма. Камень—первый изъ нихъ;

Беру отрывокъ изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ, и именно то мѣсто, гдѣ вписались подробности пріобрѣтенія этой рѣдкости:

...Едва только аргишъ *) нашъ услѣлъ остановиться, олени повернулись въ лѣвую сторону и стали, какъ вкопанные. На крыльцѣ высокаго, по обыкновенію, двух-этажнаго дома показался человекъ, оладистая сѣдая борода котораго, рѣзко отличаясь отъ сѣраго воротника оленьей малицы, бросилась въ глаза прежде всего и necessarily свидѣтельствовала о томъ,

---

таковы скрижали закона Моисея (за 2995 лѣтъ до Р. Х.), памятники египетскіе, индійскіе, мексиканскіе, тмугараканскіе, оршинскіе и двинскіе; затѣмъ дерево — таковы русскіе образа и кресты, законы Солона, римскіе *tabulae* (впоследствии воцонны *segetae, segae*); исторія Гезіода писана на свинцѣ. Сивиллы писали свои пророчества о судьбахъ народа на *пальмовыхъ листахъ* (у индійскихъ браминновъ французскій туристъ Лавелле видѣлъ цѣлую книгу изъ пальмовыхъ листьевъ). Сиракузскіе судьи имена изгванниковъ писали на *оликовыхъ листахъ*. При Александрѣ Македонскомъ дѣлается извѣстень *папирусъ* — нильское растеніе *biblos*. Птоломей-Филадельфъ, основывая александрійскую бібліотеку, приказывалъ уже всѣ книги писать на папирусѣ и запретилъ вывозъ его изъ Египта, когда Евмевъ, царь пергамскій, началъ основывать въ своей столицѣ новую бібліотеку — соперницу александрійской. Евмевъ придумалъ новый матеріалъ изъ звѣриныхъ кожъ, выдѣланныхъ по особому способу и получившихъ названіе, по столицѣ царства — *пергаментъ*. Этотъ матеріалъ сдѣлался болѣе употребительнымъ и распространеннымъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалась извѣстна бумага, образцы которой впервые были привезены въ 1470 г. двумя испанцами съ Востока (вѣроятно, изъ Китая). Мексиканцы, извѣщая Монтезуму о прибытіи испанцовъ, послали ему *полотно*, на которомъ въ лицахъ, рисунками, было изображено это происшествіе. У грековъ существовалъ, хотя и незначительно распространенный, родъ бумаги изъ листовъ внутренней древесной коры и значительно сходенъ съ *charta bombycina* — родъ бумаги, приготовленной изъ хлопчатой бумаги. Шелковыя и бумажныя ткани, слоновая и другая кость, рассматриваемыя какъ матеріалы для письма, относятся уже къ позднѣйшимъ временамъ, когда значительно развилась письменность, когда уже человекъ не могъ затрундиться въ выборѣ матеріаловъ для этой цѣли, и когда въ подобныхъ попыткахъ стали видѣть только простыя изобрѣтенія, которыя, дѣлая честь сметливости и находчивости ихъ изобрѣтателей, въ дѣлѣ письменности не произвели значительныхъ улучшеній и переворотовъ. Сюда же мы относимъ и значеніе *бересты*. Бумага получила полное и неотъемлемое, вполне заслуженное ею право гражданства и повсемѣстнаго употребленія.

*) *Аргишъ* — поязь въ 5—10 санокъ оленьихъ. *Чунка* — санки съ высокимъ копылами и оленьей веревочной упряжью.

что борода эта принадлежала самому хозяину. По обыкновенію, высокой и широкоплечій, старикъ этотъ не представлялъ, по-видимому, ничего особеннаго: та же привѣтливая, полунасмѣшливая улыбка, свидѣтельствующая о томъ, что старикъ радъ неожиданному гостю, та же суетливость и предупредительность въ услугахъ, съ какими поспѣшилъ онъ отряхнуть прежде всего снѣгъ съ совика и съ какою онъ, наконецъ, отворилъ дверь въ свою чистую гостиную комнату, приговаривая:

— Просимъ покорно, просимъ покорно! не ждалъ, не чаялъ — не обидься на нашей скудости; милости просимъ, богоданной гость! милости просимъ!

Все, однимъ словомъ, по обыкновенію, предвѣщало и впереди тотъ же неподкупно-радушный приемъ, съ какимъ встрѣчаетъ русскій человѣкъ всякое новое лицо—нежданнаго, потому, стало-быть, еще болѣе дорогаго гостя.

Старикъ и въ комнатѣ продолжалъ суетиться: помогая стаскивать совики, совѣтовалъ поскорѣе сбросить съ ногъ пимы и липты *), тащилъ за рукава малицу, вытребовалъ снизу старшаго сына, такого же рослаго и плечистаго богатыря, и велѣлъ ему весь этотъ тяжелый, неудобный, но за-то страшно-теплый самоѣдскій нарядъ снести на печь и высушить.

— Чай не свычно же твоей милости экую лопать-то на себѣ носить, тяжело—поди!

— Ничего, старичокъ, попривыкы!

— Тепла вѣдь, больно тепла, что баня! Озябли эдакъ руки-то — спустилъ рукава, да и прячь ихъ куда хочешь: подъ мѣхомъ-то имъ и не зябко. Затѣмъ и рукава подъ мышками мѣшкомъ, пошире дѣлають. Мы вонъ малицу эту и по лѣтамъ, почестъ, не скидаемъ—все въ ней.

— Надѣвать-то ужъ очень трудно, видишь, съ полы надо, какъ стихарь; распашныя лучше по-мнѣ, а то чуть не задыхаешься!

— Да ужъ надѣвать, знамо, привычку надо: мы такъ, вонъ, просунемъ голову — и былъ таковъ! У васъ вѣдь тамъ, въ Расей-то, все, слышишь, распашныя.

---

*) Пимы—сапоги, а липты—чулки изъ оленьяго мѣха, преимущественно изъ камусины или шкуры, снятой съ оленьихъ ногъ.

— Все распашные: тулупы, полушубки, шубы, шинели!

— Въ нашихъ мѣстахъ они не годятся: не устоятъ! У насъ тянутъ ину-пору такіе холода, что нали-руду носомъ гонить, а дышимъ, такъ все подъ ту же малицу, весь въ нее прячешься, и съ носомъ, и съ глазами: такіе страшные холода стоятъ! А, вотъ вѣдь, безъ оленьяго-то мѣху, что ты подѣлаешь?

— Теплый мѣхъ, старичокъ, очень теплый и мягкій такой; а, пожалуй, и неслишкомъ тяжелый.

— Одно, вишь, въ немъ нехорошо: мокра не терпитъ: промочилъ ты его въ коемъ мѣстѣ, такъ и нарови скорѣе высушить, а то подопрѣетъ мездра, и всю шерсть выпустить: не влентъ, стало, не держитъ! ну, и духъ даетъ тоже...

— Шевелись-же, ребатки, шевелись! — давай самоваръ поскорѣе! прикривнулъ онъ на своихъ сыновей, изъ которыхъ трое были налицо и тоже пришли посмотреть и поклониться новому, незнакомому человѣку.

Явился самоваръ, противъ обыкновенія, довольно чистый и, по обыкновенію, большой — ведра въ полтора. Старикъ, предоставивъ старшему сыну распоряжаться чаемъ, самъ скрылся и пришолъ уже въ синей суконной сибиркѣ, по праздничному, и съ бутылкою вина въ рукахъ.

— Съ холодку-то, ваше благородье, ромцу не хочешь-ли? — способить. Изъ Норвеги возятъ наши поморы; хорошее вино, не хваставшись молвить: изъ Слободы въ рѣдкую чиновники наѣзжаютъ — хвалить.

Два сына явились, между тѣмъ, съ тарелками, на которыхъ насыпаны были общія поморскому краю угощенія: на одной медовые пряники, на другой кедровые орѣхи-медеда, называемые здѣсь гнидами, на третьей баранки, называемые галачиками. Начались подчиванья, раза по два, по три, почти черезъ каждыя пять минутъ.

— Спасибо, будетъ! — взялъ ужъ: будетъ съ меня!

— Бери, ваше благородье, не скупись: добра эаго у насъ много; у чердынцовъ, почестъ, возами покупаемъ на цѣлой годъ. Орѣшки-то, вонъ, эти на бездѣльи очень забавны. Дѣла-то ину пору нѣтъ, скламши-то руки сидѣтъ несвычайно: возьмешь, вонъ, этихъ орѣшковъ — шолкаешь ихъ по-маленьку, ань словно и дѣло дѣлаешь, а время и идетъ тебѣ не въ при-мѣту. Прекрасная забава!

Началось угощеніе чаемъ, густымъ какъ пиво; но старикъ не съ того началъ:

— Садись, ваше благородье, вонъ, подъ образа-то; сдѣлай милость!

— Спасибо, старикъ, все, вѣдь, равно: мнѣ ловко и здѣсь!

— Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, садись въ передній уголъ, не обидь!

— Не хлопочи, старикъ, и здѣсь также хорошо: стаканъ есть куда поставить...

— Нѣтъ, да ужъ ты не обезсудь нашу глупость: садись въ большое мѣсто — гость вѣдь... У насъ, твоя милость, таковъ ужъ извѣковъ обычай, коли и попъ туда засѣлъ, да неожиданной гость пришолъ на ту пору—мы и попа выдвинемъ. Нежданной гость—почтень гость! Да что это я твою милость не спрошу, какъ тебя величать - то? благородной ты, или высокоблагородной?

— Все равно, старикъ, какъ хочешь.

— Нѣтъ ужъ, коли есть разнота эта, пошто не по нашему?

— Имя, вѣдь, есть у меня, а то зачѣмъ намъ съ тобой чиниться: въ гостяхъ, вѣдь, я у тебя, не слѣдственные допросы отбираю?

— Да, вѣдь, какъ кому? иной вонъ, и обижается, коли не чиномъ его взвеличаешь — оговариваютъ. Такъ ужъ и зовемъ всѣхъ высокоблагородными—и не обижаются. Какъ же имячко-то твое святое?

— Сергѣй, старичокъ!

— Слышь, Мишутка, поищи-ко тамъ у меня, въ акаѣстахъ, акаѣстъ Сергію Радонежскому, да положи тамъ въ божницѣ... обратился онъ къ одному изъ сыновей, и потомъ ко мнѣ: уже на молитву къ ночи встану: прочитаю. Его, стало, святыми молитвами мнѣ Богъ нонѣ гостя послалъ; онъ вымолил...

— Когда имянникъ-то бываешь: по лѣту, али по осени? родился-то на этотъ день, али пораньше? Тропарь... постой тропарь-то ему какъ? Да: «Иже добродѣтелей подвижникъ, яко истинный воинъ Христа-Бога» — знаю. Да, великой былъ постникъ, великій подвижникъ и воинъ по Божѣ; еще былъ въ чревъ матернѣ три раза проглаголалъ въ церкви, по рожденіи въ пятки и среды не вкушалъ матерняго молока въ знакъ вели-

наго своего постничества, отъ міра бѣгалъ и въ пустынь водворихся, чаяхъ Бога спасающаго отъ малодушія и бури житейскія — продолжалъ, какъ-бы про себя, рассуждать старикъ, подтверждая то мнѣніе, которое составилось объ немъ и въ ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ печорскаго края. Говорили, что старикъ читаетъ много и знаетъ много, что такого книжника не найти нигдѣ во всемъ архангельскомъ краю, что онъ самый свѣдущій изъ той семьи стариковъ, почти вымершей въ настоящее время, которая, состоя при Соловецкомъ монастырѣ, въ обязанности штатныхъ служителей, знала церковный уставъ лучше монаховъ, образовывала клиросный хоръ, и что къ опытности этого старика обращался первый архимандритъ, составившій пѣвческій хоръ изъ монашествующей братіи, до того не участвовавшей на клиросѣ. Но главное, что особенно могло влечь къ бесѣдѣ со старикомъ, это именно то, что онъ зналъ много о старинѣ архангельскаго края, тщательно собиралъ и берегъ, какъ зѣницу ока, старину эту и въ памятникахъ письменности: въ старинныхъ грамотахъ, сказаніяхъ, книгахъ, и былъ обладателемъ единственной библиографической диковинки, о которой ходили какіе-то смутные и неположительные слухи. Старикъ показывалъ ее только короткимъ и близкимъ землякамъ, но пряталъ отъ всякаго незнакомаго, чужаго глаза. Всѣ предвозвѣстія были, вообще, неблагопріятны; личной опытъ былъ то же не на сторонѣ успѣха въ настоящемъ дѣлѣ: архангельской людѣ уже обсмотрѣнной западной части губерніи доказалъ на дѣлѣ какую-то замкнутость и поразительную скрытность въ сообщеніи пустѣйшихъ даже свѣденій о своемъ житействѣ. На всѣ вопросы у всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: «страна наша самая украинная, у край-моря сидимъ; люди мы темные, дураки, грамотѣ и маракуеть кто, такъ и то черезъ пень въ колоду; рыбку вонъ сѣтями разными промышляемъ; то же опять суденушки строимъ, а то мы люди темные, какіе ужъ мы люди — самые заброшенные; никакого начальства большаго не видимъ, рыбку вотъ ловимъ, суденышки строимъ... «И опять одно и то же по нѣскольку разъ и—ничего больше и дальше. Со стариками-кремнями еще труднѣе водить дѣло: спросить о старинѣ и прямо начать говорить о дѣлѣ—испортить дѣло навсегда и окончательно — запрется и станетъ на одномъ, что онъ «человѣкъ темный и вести дѣло съ большимъ начальст-

вомъ несвычайной; старины придерживается по привычкѣ только, а не со злаго какого умысла». Повсемѣстной-ли расколъ, частыя-ли розысканія бѣглыхъ изъ Сибири въ мѣстахъ бѣломорскихъ со всеми неблагопріятными, запугивающими острасками со стороны неопытныхъ слѣдователей, причиною всей этой скрытности—рѣшить трудно. Можно положительно и навѣрное сказать одно только, что и будущему собирателю всяческихъ свѣденій предстоитъ такая же неутѣшительная и обидная трудность, съ какою боролся и пишущій эти строки. Одна надежда, единственная возможность услышать кое-что, найти что-нибудь — случайность и крайнее умѣнье, принаровка въ дѣлу. Легче объѣхать всю почти непроходимую Архангельскую губернію въ полгода и въ лѣтнюю пору, чѣмъ собирать всѣ народныя рѣдкости, которыми давно и справедливо славится этотъ дальній, сплошь почти и безъ исключенія грамотной и толковой край.

Съ этими же неблагопріятными, неутѣшительными мыслями и предположеніями сидѣлъ и я въ избѣ мезенскаго старика, удивленный и его начитанностью и рѣдкимъ патріархальнымъ порядкомъ, который ввелъ онъ въ семьѣ своей, и который могъ напоминать всецѣло добрую, но уже отжившую свои вѣка старинную допетровскую жизнь нашего обновляющагося отечества. Особенно поражало непривычною глазъ отсутствіе женскаго пола, чего нигдѣ нельзя встрѣтить, хоть бы привелось объѣхать всю Россію изъ конца въ конецъ, заглядывая даже въ дальные, глухіе закоулки ея.

— Развѣ вы, старикъ, живете безъ женщинъ?

Старикъ спохватился, какъ-будто испугался чего-то:

— Нѣтъ, мы не такіе, какъ намъ можно безъ женщинъ? Живемъ мы по христіанскому закону. Ты такъ и пиши: а то пошто безъ женщинъ? какъ можно безъ женщинъ?

— Да куда-же я буду писать-то, старикъ?

— Ну, да кто тебя знаетъ, куда? Извѣстно, ужъ туда, куда тебѣ надо. Затѣмъ вѣдь ты, чай, и ко мнѣ?..

— Ты меня, кажется, старикъ, не за того принялъ?

— Нѣшто ты не изъ земскихъ? Можетъ, изъ молодыхъ. А каковъ-таковъ ты есть — мы и не видавали, да и не чутко, чтобы тамъ на Слободѣ-то новыя были какіе, дали-бы знать, коли-бы были: есть такіе благодѣтели... Ты не обезсудь нашъ

глупой мужичей разумъ: сказываемъ то, что на умъ идетъ, по простотѣ вѣдь... Каковъ же таковъ ты-то, ваше сіятельство, не въ обиду тебѣ вопросъ этотъ?

Я сказалъ; старикъ придакнулъ, ребята, сыновья его, насторожили уши.

— Такъ пошто-же это тебя послали-то сюда, сказываешь?

— Смотрѣть вотъ какъ вы живете здѣсь, чѣмъ промышляете...

— Какъ живемъ? да вотъ по Богѣ живемъ-то; христіанскихъ душъ не губимъ: ты въ нашихъ мѣстахъ и не услышишь этого, хоть всѣ объѣзжай; каковъ вотъ свѣтъ-отъ Божій стоитъ, не токма убивства, воровства-то, ваше сіятельство, не слышать, да и не услышишь. Въ Бога вѣруемъ, Троицу святую почитаемъ и въ Сынѣ и въ Духѣ, въ тріехъ упоставахъ—все по христіанскому закону, какъ глаголали св. отцы и пророки. А промышляемъ-то? Да все рыбу промышляемъ-то, потому — море близко. Хлѣбушка у насъ не даетъ Богъ; ямень—вотъ туда пониже сѣютъ, да и тотъ больно плохъ — одно, выходитъ, званіе. Лѣсъ тоже у насъ опять жидокъ, ни на какую подѣлку не способенъ; карбасишки шьемъ, пожалуй...

— Вотъ за тѣмъ-то я и пріѣхалъ, чтобы посмотрѣть, какъ вы и рыбу ловите, и карбаса шьете.

— Такъ! Рыбу-то, вишь, мы ловимъ сѣтями такими, неводами зовутся... Семгу, навагу, сельдь въ рѣдкую попадаетъ тоже. Въ озерахъ — по тундрѣ-то нашей много-же озеръ этихъ живетъ—щукъ ловимъ, окуней, лещей опять... А карбаса *вичью* шьемъ... это такое коренье бываетъ... вичье...

Старикъ видимо уклонялся отъ разговоровъ и дальше во весь день твердилъ только одно, что сторона ихъ у крайняя, мѣста бѣдныя, еле концы съ концами сводятъ, что все зависитъ отъ моря, дастъ Богъ рыбу, дастъ Богъ и хлѣбъ—истины, давно уже мнѣ извѣстныя въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ. Ими, и почти слово въ слово, начинались всѣ мои прежнія бесѣды съ поморами: со старикомъ не ушли мы и на пядень дальше. Даже извѣстіе, что снаряжаютъ также артели за морскимъ звѣремъ на Новую-Землю, было для меня далеко не новость. Отъ главнаго, необходимаго предмета разговора мы ушли далеко; старикъ какъ-будто смекнулъ уже о цѣли настоящаго моего посѣщенія и какъ-будто старался забыть разговоръ,

вводя подчасъ совѣмъ постороннее и неидущее къ дѣлу. Разъ я попробовалъ:

— Слыхалъ я, старикъ, что ты человѣкъ толковой, грамотной, разныя старинныя бумаги собираешь?

Но старикъ отвѣчалъ на это рѣшительно:

— Пошто-же это ты взвеличалъ-то меня, не вѣдаючи?

— Многіе сказывали и всѣ въ одно слово.

— Ну, пуцай ихъ сказываютъ: зла я отродясь никому не дѣлывалъ, все по Божьему закону, не избивалъ никого. Я не лучше-же другихъ, коли не всѣхъ еще хуже. Что я? Переть емь, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и униженіе людей...

— Вотъ вѣдь ты и самолюбивъ-же еще, старикъ, хвастаешься.

— Пошто хвастаюсь? не хвастаюсь. Ты вотъ прихвалилъ на первыхъ порахъ, а теперь и обзывать. А что этихъ бумагъ старинныхъ—такъ ихъ у меня и въ заводѣ не было. Нѣту такихъ, совѣмъ нѣту!...

— А про акафисты-то сказывалъ.

— Ну, да вотъ еще псалтырь новопечатная есть; принесите-тко, ребятки, показать его сіятельству. Начальникъ наѣзжалъ по запрошлой годъ—видѣлъ и ничего не молвилъ. Держи, говорить!—эту, можно. А то какія-такія старинныя бумаги... нѣту такихъ...

— Ты, старикъ, не думай худа какого!

— Пошто думать? Христіанская, чай, въ тебѣ душа-то; да вонъ и сказываешь еще, что не земской; а какихъ-такихъ тебѣ старинныхъ, досельныхъ бумагъ надо—не знаю; да и нѣту ихъ у меня. Нѣту, вѣдь, ребятки, чего его милость спрашиваетъ?

Сыновья подтвердили, молча кивнувъ головами.

— Вѣдь я, старикъ, не отнимать пріѣхалъ: есть да покажешь—спасибо, а нѣтъ—такъ вѣдь не драться-же стану.

— Да это точно, что не драться же станешь; да вѣдь чего нѣтъ такъ не покажешь. Такъ-ли?

— Худа, вѣдь, по мнѣ въ томъ нѣтъ, старикъ, что ты держишь, старинныя грамоты въ свиткахъ, сказанія, лечебники... По мнѣ это тебѣ еще дѣлаетъ честь, какъ человѣку толковому и любознательному.

— Вотъ, ты опять началъ! Знаю, худа тутъ нѣту, да и добра большаго не вижу.

— Добро уже въ томъ, что ты знаешь больше другаго.

— Да, это точно, что я, молъ, какъ будто-бы де и книжникъ какой! Это точно; а все же ума-поди не прибудеть, коли не далъ Богъ при рожденіи...

— Вѣдь, править-же ты семьей, сыновей выростилъ...

— Дѣтей-то народить не хитрая штука: и набитые дураки слышь, умѣютъ!

— А въ почтеніи ихъ къ себѣ держишь?

— Да это, вѣдь, батюшки еще покойничка наука: не самъ-же вѣдь я придумывалъ—по готовому, вѣдь! И какъ же сыну теперича кровному почтеніе отцу не оказывать? На то я ихъ поилъ, кормилъ. Жисти своей, можетъ, половину въ нихъ положилъ, заботился объ нихъ. Да отецъ родной сына убить за непослушаніе можетъ; и судъ не тронетъ...

— Они, вѣдь тебя и слушаютъ, повинуются, чай!

— Этимъ что гнѣвить Бога: всѣ—въ послушаніи и любви: мирно живемъ, во всей, выходитъ, правдѣ Божіей.

Старикъ видимо попалъ на живую струну свою, говорилъ долго и много; рассказалъ всю біографію и отцовскую, и свою собственную, и каждого сына порознь.

— Ну, да ладно, постой-ко ужо! Слышь-ко, ребятки, тащико сундукъ-отъ, что съ книгами, правой-отъ.

Такое выгодное для меня, хотя и далеко непредвидѣнное заключеніе произошло, по всему вѣроятію, отъ внутренняго довольства старика, успокоившагося въ своей семьѣ, ступающей каждый шагъ по его приказу и указанію.

Въ сундукъ оказалось много старыхъ печатныхъ книгъ: бросовъ календарь, нѣсколько другихъ позднѣйшихъ, до десятка печатныхъ монографій — житій святыхъ московскаго изданія, письмовникъ Курганова и т. п., занесенныя и сюда, вѣроятно, владимірскими ходебщиками—офенями. Но все это было не то, чего мнѣ хотѣлось. Благодарность и осторожность требовали съ моей стороны еще большей и едва-ли не самой нужной въ настоящую минуту скромности. Сундукъ былъ отнесенъ не тронутымъ—обстоятельство, видимо расположившее старика окончательно въ мою пользу; онъ велѣлъ принести другой сундукъ съ старопечатными; но и отсюда выбрать было положительно нечего: то были старопечатные требники, псалтыри, минеи—вообще книги, болѣе или менѣе, извѣстныя. И этотъ сундукъ

унесенъ такимъ, какъ былъ. Старикъ окончательно повеселѣлъ и ожилъ.

— Ну, постой-же, говорилъ онъ:—Если ты такой до старинны падкой, покажу я тебѣ книжку, какой ты, чай, и не видывалъ. Принесите-ко, ребятки, берестяночку-то голубушку. Пусть полюбуется: эдакія, вѣдь, всё сказываютъ, на рѣдкость и въ нашихъ мѣстахъ.

Ее-то мнѣ и было надо—книгу, писанную полууставомъ на берестѣ, такъ тонко и удачно содранной и собранной, сшитой по четверкамъ, что принесенная рѣдкость смотрѣла рѣшительной книгой. Разница только та, что листы берестяные склеивались между собою, но отдирались одинъ отъ другаго и легко, и безъ всякаго ущерба; писанное разбиралось также удобно, какъ и писанное на бумагѣ; буквы не растеклись, а стояли ровно одна подлѣ другой: иная бумага хуже выдѣляетъ буквы, и только одинъ недостатокъ — береста разодралась, отъ частаго употребленія въ мозолистыхъ рукахъ поморскихъ чтецовъ, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находились въ берестѣ прожилки. Книжка была кое-какъ, доморощеннымъ способомъ, переплетена въ простыя, берестяныя-же доски и даже болталась подлѣ веревочная петелька, вмѣсто закрѣпки, а на одной доскѣ торчалъ деревянный гвоздичекъ для той-же цѣли. Старикъ весело улыбнулся на мой восторгъ и впился въ меня взоромъ.

— Батюшко еще покойничекъ выдумалъ, говорилъ онъ: — житія разныя вписывалъ и другое-прочее, что полюбится да придетъ ему по нраву, и я отъ себя писалъ; таково-то легко, почестъ, что не хуже бумаги. Перо только помягче надо...

— Сколько-же, по твоему счету, времени этой книгѣ?

— Да вотъ мнѣ восьмой десятокъ на выходѣ, а я, что ни живу, помню ее, да все такую-же. Батюшко-то, надо-быть, до рожденья моего писать ее началъ. Ужъ такой былъ старикъ книжной да любопытной!... Царство ему небесное! Такой грамотѣй, что тебѣ архіерей иной! Псалтырь всю да евангелія, такъ глаза зажмуривъ, на память валилъ! А тамъ эти великопостныя службы — ни почомъ. Смѣялись даже бывало: тебѣ, говорятъ, что царю Василью, хоть самъ Шемяка глаза то выколи — любаго попа загоняешь, и глазъ-де не надо. Во какой былъ!

— Хороша твоя книжка, старикъ, очень-хороша.

— Любопытна?

— Да такъ любопытна, что я у тебя и купилъ бы ее охотно, денегъ-бы не пожалѣлъ.

— Книга-то, вишь, не продажная: отцово наслѣдіе. А деньги пошто не жалѣть? деньги нужное дѣло, безъ нихъ нельзя. Тебѣ, вѣдь поди, много еще ѣздить надо...

— Да ужъ не пожалѣлъ-бы!

— По-нашему: береги денежки съ молодую — на старости слюбятся, какъ во вкусъ войдешь. А, вѣдь, тратить ихъ, тоже не учиться намъ стать... съ крылышками, вѣдь, онѣ. Я вонъ и ребятамъ своимъ тоже кажиной день твержу.

— Уступи, старикъ, по гробъ обяжешь.

— Нѣтъ ужъ я тебѣ лучше рыбки какой ни на есть на дорогу дамъ, поважнѣе будетъ; вишь у насъ мѣста какія; кромѣ снѣгу, ста на три верстъ ничего не найдешь — снѣжныя палестины!

— Я тебѣ за рыбу-то деньги заплачу и за книжку тоже...

— Опять-таки, зачѣмъ мнѣ твои деньги? Береги ихъ, а у меня свои есть, своихъ много денегъ; чай, и на Слободѣ объ этомъ говоруны-то тамошніе сказывали: что у старика денегъ много, да скупъ мошь, старикъ: задатковъ не даетъ, да и промысла-де старикъ пересталъ обряжать, все по одной скупости — на чужой вѣдь ротокъ не накинешь платокъ. По мнѣ, мели Емеля — твоя недѣля, а меня не убудетъ, мое при мнѣ и останется. А твоихъ мнѣ денегъ и даромъ не надо: твои деньги не даровыя, чай, тоже...

— Я не стою объ нихъ, не пожалѣю.

— Мнѣ съ тебя, съ завъжаго человѣка, брать деньги — грѣхъ: на томъ свѣтѣ покоя за это не дадутъ, скажутъ: стяжатель, мытарь и фарисей, кощей семижилной — вотъ что скажутъ. Рыбу Богъ даетъ даромъ, бери сколько сможешь — даромъ я и дѣлиться ей должонъ съ тѣмъ, у кого нѣтъ; а пошто я съ гостя-то стану брать. Гость — посланецъ Божій, милость его за какое твое доброе дѣло...

— Да, вѣдь, рыбу-то ловишь же, хлопчешь, трудишься!

— Чего трудишься-то? рыбка сама идетъ.... Рыбка для гостей непродажная; ты вѣдь съѣшь ее — продавать въ чужія руки не станешь; на здоровье она тебѣ пойдетъ, и меня добрымъ сло-

вомъ помянешь. Нѣтъ, рыба моя тебѣ непродажная и книжка тоже непродажная—наслѣдіе!... И на-что она тебѣ?

— Покажу такимъ, которые въ этомъ толкѣ знаютъ, пользу найдутъ; у тебя такъ же заглохнетъ и никто ничего не увидитъ и не узнаетъ. Тебѣ-то тутъ пользы ужъ положительно нѣтъ никакой.

— Мнѣ какая польза?—это точно. Да что въ ней и смотрѣть-то будутъ. Ничего такого въ ней запретнаго нѣтъ.

— Да и не надо.

— Такъ пошто просишь ты ее?

— Показать, какъ доказательство, что захочетъ русскій человѣкъ писать—и безъ бумаги найдетъ средство, если уже вѣрнѣе шевелится въ немъ это желаніе.

— Такъ вотъ вишь, книга-то непродажная. Еще, чего доброго, ты за мной же пришлешь послѣ, да въ тюрьму, либо въ кое другое недоброе мѣсто и посадишь....

— За твое-то одолженіе, за твое доброе дѣло?

— Оно, правда твоя, что нѣ за что; да, вишь, вѣдь вы, чиновники, народъ такой—не въ обиду тебѣ молвить; это—начнешь-то сперва, какъ-бы и ладно и мягко расписываешь, а какъ выжилишь все, такъ и начнешь гнуть, и жестоко покажется.... Ты меня извини на глупомъ моемъ словѣ. Люди мы простые, пряники ѣдимъ неписанные, да и свѣту-то, почитай, только въ свое окошко и видимъ. Книжка опять-таки стало-быть, выходитъ, непродажная. Ты и не проси попустому, не замая меня—лучше мы съ тобой познати, такъ... миромъ да согласіемъ... возьми сколько желаешь отступнаго, а меня ты не засуди, ребята тоже, жена, дѣтки.... есть кому старика пожалѣть... взвоютъ вѣдь, больно взвоютъ.... ухъ, какъ взвоютъ!...

Старикъ крутилъ головой, сыновья вышли изъ горницы; мнѣ становилось тяжело и безъисходно, слезы подступали къ сердцу и.... прекращаю. впрочемъ, описаніе дальнѣйшаго и скажу въ короткихъ словахъ, что старикъ согласился, наконецъ, уступить мнѣ книгу уже на третій день по моемъ прѣздѣ. Старикъ уносилъ книгу съ собой, никакъ не рѣшаясь оставить при мнѣ; видимо бывалъ недоволенъ когда я принимался ее разсматривать, бралъ ее изъ рукъ и самъ ее оглядывалъ. Всякой разъ надо было усиленно просить его, чтобы онъ опять ее принесъ съ низу. Согласился же онъ ее отдать послѣ долгихъ и многихъ

хлопотъ, и то уже достаточно подстрекнутый сыновьями, изъ которыхъ одному почему-то особенно хотѣлось угодить мнѣ.

— Отдай, батюшко, вишь, вѣдь, ему больно хочется, что мучишь-то?

— Отдай.... отдай! разсуждалъ старикъ. Ну, отдай ты самъ, что меня учить? Не знаю, что-ли?

— Да я бы, братъ, давно отдалъ, кабы моя была! Вишь, онъ затѣмъ и пріѣхалъ!...

— Пошто затѣмъ пріѣхалъ? въ гости ко мнѣ пріѣхалъ—не надо говорить такъ, обижать не надо.... отдай?... ну, отдай самъ, такъ инъ вишь, у тебя-то нѣтъ, нѣтъ у тебя-то, а я отдай!... отдай! Что мнѣ отдавать-то?...

— Деньги возьми, старикъ!—не даромъ же, вѣдь; я даромъ ни за что не возьму!

— Деньги возьми! ворчалъ старикъ. Сколько же ты дашь?

— Я не оцѣнищикъ; спроси, сколько тебѣ самому лучшимъ покажется; я торговаться не стану, если только не превыситъ моихъ наличныхъ.

— Сколько же у тебя наличныхъ?

— А это мое дѣло!

— Знаю что твое дѣло. Книжкѣ-то, вишь цѣны нѣтъ, дорога книжка!... Что съ тебя взять?....

Старикъ долго еще продолжалъ толковать все въ томъ же родѣ и высказывался почти тѣми же словами; часто навидывался и ворчалъ на сына, какъ-будто досадуя на его вмѣшательство и, наконецъ, мы съ нимъ порѣшили.

Четверня оленей, запряженныхъ въ тѣ же высокія чунки, давно уже ожидала меня у крыльца. Скуластый, истый монголъ, самоѣдъ-работникъ стоялъ уже наготовѣ съ длиннымъ шестомъ-хореемъ; еще нѣсколько другихъ чунокъ съ шестами и оленьими шкурами, для походной палатки—чума на безлюдной и неоглядной снѣжной степи, также были готовы. Оставалось садиться и ѣхать съ прежнимъ гикомъ, похожимъ, впрочемъ, болѣе на откашливанья и замѣняющимъ бойкіе ящицкіе выкрики дальней Россіи. Ыхали прямо, безъ дороги, черезъ пни и кочки, по звѣздамъ и подчасъ по вѣтру, заматающему свой слѣдъ на снѣжныхъ сугробахъ. Съ моей стороны требовалось того только, чтобъ крѣпче держаться за ременные петельки, прикрѣпленные къ чункѣ, смотрѣть, чтобы опять не потянуло совикъ и малицу

къ колѣнямъ и выше: тогда до чума пришлось-бы не согрѣться и безъ причины сердиться и на самоѣдскій нарядъ, безъ котораго нельзя обойтись въ тѣхъ мѣстахъ, и на неудобную чунгу, на которую нельзя положить ногъ и расположиться такъ, какъ въ благодатной кибиткѣ, и, наконецъ, на полярный холодъ, и даже, пожалуй, на себя самого.

II.

ПОЪЗДНА ПО РЪКЪ МЕЗЕНИ.

Подробности пути. — Жликуша. — Икота. — Преданія о разбойникахъ. — Преданія о Чуди.

Въ декабрь мѣсяцъ 1856 года я былъ на рѣкѣ Мезени. 12 числа этого мѣсяца я оставилъ бѣдный, съ великою нуждою влачащій свое обыденное существованіе городъ Мезень, чтобы направиться вверхъ по рѣкѣ, удѣлившей свое негромкое имя этому городу. Путь мнѣ лежалъ въ дальнія печорскія страны; дорога тянулась по берегу рѣки мимо множества деревушекъ, которыя разсадились такъ часто, какъ бы и на матушкѣ-Волгѣ, людной, счастливой рѣкѣ-кормилицѣ. Близость моря, богатаго барышнымъ, салынымъ морскимъ звѣремъ, подъ рукою широкая, многоводная, обильная семгой-рѣка, вся обросшая по берегамъ густыми, первозданными лѣсами, гдѣ такъ много и дичи и краснаго звѣря, а дальше безпредѣльная тундра съ роскошной пастъбой для оленей, неисчислимыми стадами горностаевъ, песцовъ и зайцовъ—обусловили по берегамъ рѣки Мезени это многолюдство населенія, сгруппировавшагося по преимуществу въ низовыхъ частяхъ рѣки. Здѣсь деревни и сѣла такъ часты, что не успѣешь проѣхать пяти-шести верстъ, какъ, глядишь, уже и разсыпалась передъ тобою черная группа избъ, всегда приглядныхъ по внѣшности, всегда двухъ-этажныхъ—по неизмѣнному обычаю цѣлой губерніи. Въ любую изъ нихъ взойти любо: чисто прибрана большая изба съ полатями и огромною печью, хотя эта изба и про-себя держится, хотя тутъ и ребятишки водятся, хотя тутъ возится и хозяинъ со своими рыболовными и другими снастями, и хозяйка со своими домашними приборами. Правда, что и здѣсь полати устроены такъ низко, что объ нихъ неосторожный и недогадливый гость можетъ ступ-

нуться лбомъ; правда, что и здѣсь духота и спершіея воздухъ бывають едва выносимы; правда, что и здѣсь двери, ведущія въ сѣни, не отопрешь, если не имѣешь долгой привычки къ тому; правда, что и здѣсь визгъ грудныхъ ребятъ и крики телятъ, запертыхъ въ подвизбицѣ, въ соединеніи съ крикомъ куръ, которымъ легко разшумѣться, да трудно уняться, легко могутъ выгнать проѣзжаго вонъ изъ избы. Но для этого у мезенцовъ есть особый покой—гостиная горница, всегда старательно вытопленная, съ кроватью за ситцевымъ подогомъ, со столомъ, лавками и стѣнами, тщательно вымытыми и выскобленными. У рѣдкаго нѣтъ самовара, фаянсовой посуды, ножей, вилокъ, и у каждаго—полный уголъ божьяго милосердія.

Хорошо везуть проѣзжаго человекъ сытыя, легкія на бѣгу мезенки (хотя нѣкогда извѣстная порода лошадей этихъ теперь уже измельчала и замѣтно пропадаетъ); разговорчивъ и словоохотливъ и самъ мезенецъ — хозяинъ этихъ лошадокъ, подрядившійся за казенную цѣну свезти сѣдова вереть за тридцать къ своему побратиму и благопріятелю, у котораго ведутся тѣ же, сытыя, бойкія лошади.

Особенно помнится мнѣ одинъ изъ этихъ ямщиковъ, подрядившійся со мною на вторую станцію отъ города. Быстрѣ другихъ снарядилъ онъ свою тройку и съ бойкими приговорами (противъ общаго обыкновенія) усѣлся на козлы, я—въ теплую, обитую оленьимъ мѣхомъ вибитку.

Въ вибиткѣ тепло и покойно; по сторонамъ необыкновенно тихо; занимались сумерки: снѣжныя поляны по сторонамъ отливали менѣе рѣзкимъ свѣтомъ, выплывавшій мѣсяцъ собиралъ свои силы, чтобы освѣтить намъ дальнюю дорогу, хотя и мертвеннымъ, но уже привычнымъ и теперь легко выносимымъ блескомъ. При такой обстановкѣ легко какъ-то сосредоточиваются мысли на одномъ предметѣ, хорошо, много и долго думается и рѣдко хочется спать. Богъ-вѣсть объ чомъ думалось мнѣ на ту пору; но, повидимому, думалось долго потому, что съ козелъ послышался запросъ:

— Чудакъ ты, прямой чудакъ, ваше благородіе! Ъдешь ты съ ямщикомъ пятую версту, а его и ни объ чомъ не опросишь....

— Отучился; всѣ вы какіе-то неразговорчивые. Пробовалъ я не одинъ разъ—и заваялся, отвѣту не получалъ.

— Отъ инаго ты точно не получишь, особо отъ казенныхъ ямщиковъ, которые вонъ съ почтой ѣздятъ. Это точно по тому по самому, что казенный ящикъ всю свою жизнь въ тоскѣ проводитъ. Ему всякой спросъ отъ проезжающаго колодезь въ горла становится; всякій проезжій казенному ящику надобѣдъ. А иной до разговоровъ охотливъ, рѣчистъ!

— А ты изъ какихъ?

— Да за кого почтешь, потому какъ мы всякому отвѣтъ умѣемъ отыскать. Отыщемъ, можетъ, и тебѣ. Спроси-ко меня, о чемъ хочешь!

— Ну, да вотъ теперъ ночь-то свѣтлая....

— Свѣтлая оттого, что мѣсяцъ свѣтитъ и небесевъ (облаковъ) нѣту. А вонъ, видишь, въ мѣсяцъ-то маленькое облачко придвигается.

— Вижу: сиротливое оно такое, словно оторванное, и негустое....

— Вѣдаешь ли ты то, какую облачко это силу въ себѣ имѣеть?

— Кто его знаетъ....

— А я знаю; сила въ немъ велия; облачко это пургу несетъ, мятель зачнется. Потому какъ оно ключьями, оттого въ немъ и вѣтеръ засѣдъ. Вона гляди-ко, сколько ихъ прицѣвилось!

Дѣйствительно, цѣпляясь одно за другое, тянулись уже цѣлая длинная вереница жидкихъ, млечнаго вида облаковъ изъ дальней мглы горизонта по направленію къ намъ—чего мы до той поры не замѣчали. Откуда взялись мгновенно облака эти—понять было невозможно: небо до того времени отливало поразительно-чистой бирюзой.

— Берутся они Богъ-вѣсть откуда, и собираются и нивѣсть какъ скоро—объяснялъ ямщикъ. Вотъ теперича мы съ тобой и столько верстъ впередъ не заберемъ, что отѣхали, гляди, какая страшная зѣмятель поднимется. А потому эта зѣмятель поднимется, что облаковъ-то ужъ этихъ оченно-много притянулось! Знай это!

— Оправдались слова ямщика. За послѣдней деревушкой, глянувшей на насъ множествомъ огней по сторонамъ, направо, налево и прямо, и обдавшей насъ дымомъ и той замѣтной теплотой, въ которой слышится присутствіе домовитаго русскаго люда, теплотой, растворенной и запахомъ ржанаго хлѣба, и за-

пахомъ горѣлаго масла, сала, дымомъ лучины и прочаго—за этой деревушкой, въ лиственничномъ, глухомъ лѣсу, при самомъ вѣздѣ въ него, намъ слышались первые признаки приближавшейся бури. Небо попрежнему отливало своею свѣтлой, веселой бирюзой и только кое-гдѣ прорѣзывались на немъ вытянутыя кучки млечныхъ вѣтряныхъ облаковъ; но лѣсъ вдали начиналъ гудѣть; надъ нами уже визжали раскочавшіяся верхушки высокихъ столѣтнихъ сосенъ и лиственницъ; по мѣстамъ изъ лѣсу вырывалась бойкая и сильная струя вѣтра, бросавшая въ насъ клочья рыхлаго снѣгу. И чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ сильнѣе визжали верхушки впереди и точно также позади нашей кибитки и лошадей. Немного погодя, по лѣсу разносился уже сплошной гулъ, въ которомъ по временамъ можно было различать уже скрипъ и трескъ. Вѣтеръ поразительно-быстро крѣпчалъ въ своихъ порывахъ и силѣ, какъ нигдѣ и никогда. Но лишь только мы выѣхали и спустились съ довольно крутаго, высокаго берега въ рѣку, тамъ на всемъ ея пространствѣ зги не видать было и лошади начинали уходить въ снѣгъ по-копѣна; съ трудомъ нащупывали онѣ наѣзженную дорогу, по-счастію, обставленную догадливыми мезенцами вѣшнами. Съ горы несся гулъ, который на вольномъ просторѣ рѣки превращался въ пронзительный, назойливый свистъ. Лошади съ трудомъ ступали впередъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на берегу выгибалась лощина, рѣка ли то, или простой оврагъ. Тамъ вѣтеръ метался по рыхлому снѣгу съ какииъ то шипѣньемъ, словно въ водопадѣ. Огни сосѣдней деревни сиротливо прятались отъ насъ: то мелькнуть всѣ разомъ, то всѣ разомъ исчезнуть въ безпредѣльной, незримой неизвѣстности. Изъ лѣсу, который потянулся берегомъ, за деревней слышался уже оглушительный трескъ: валялись старыя, одряхлѣвшія деревья, случайно пощажонныя прежнею бурей. Въ часъ времени пурга расходилась такъ, какъ-будто бы она уже крѣпчаетъ не первые сутки.

— Сказывалъ, вѣдь, я, сказывалъ ей-Богу, сказывалъ, тебѣ, что наши бури круты живутъ. Эго заматель, пурга, а то хивусѣ, тѣ еще озорнѣе живутъ, ей-Богу, озорнѣе живутъ, тѣ подолагу.... тѣ не скоро укладываются; а это ничего: эта заматель пошалить вотъ ночь одну, да и отстанеть, ей-Богу отстанеть. Потому она въ одну ночь отстанеть, что много силы въ началѣ кладеть. А кладеть она, не жалветъ свою силу — ее и не

хватаетъ. Ладно ли тутъ тебѣ, подѣ болокомъ-то (подѣ кибиткой)?

— Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ, ладно, хорошо.

— Ну, слава Богу! и мнѣ ладно, привышны. У насъ нѣтъ вѣдь той недѣли, чтобы не эдакъ-то, ей-Богу, нѣту. А мнѣ ничего, я и уши подвязывать на стану.

— Не надудо бы, а то стрѣлять начнетъ—въ недѣлю не уймешь.

— Ничего, намъ это привышно, ей-Богу привышно. А я ушей завязывать не стану, ей-Богу не стану!

Однако, какъ ни божился, какъ ни увѣрялъ меня ямщикъ, по торопливости рѣчи его, по рукамъ, которыя ни минуты не оставались покойными и подергивали возжами, видно было, что онъ и погодой тяготился, и забнуть начиналъ. Последнее провѣрялось простымъ наблюденіемъ надъ его плечами, которыми время-отъ времени онъ передергивалъ. Видимо, онъ хотѣлъ казаться терпѣливымъ и привычнымъ. Вѣтеръ, дѣйствительно, сдавалъ вѣрными холодомъ. Онъ распорядился, повидимому, готовымъ матеріаломъ, не нуждаясь въ новомъ, свѣжемъ.

— Вѣтеръ-отъ снизу мететь?

— Снизу, проклятой, снизу!

— Я люблю въ эдакую погоду ѣздить: мнѣ это потѣха.

— Чтò хорошаго-то, чтò?

— Много хорошаго въ голову лѣзетъ; все такое отрадное припоминается; легко и сладко думается.

— Нечего думать, ничего не думается; ей-Богу ничего не думается. Очи слѣпить.

— Памятью много видишь.

— И память знобить, ей-Богу знобить, всего тебя знобить.

— Да, вѣдь, это на козлахъ только у тебя....

— Все едино. Богъ всѣмъ равенъ, и силу такую даетъ ровную. Ты меня этимъ не обманывай!

— Садись сюда ко мнѣ, здѣсь теплѣе будетъ.

— А ты-то куда же?

— А я на козлы сяду.

— Ну, врешь, ей Богу врешь, не сядешь. Потому твое дѣло боярское, гдѣ тебѣ—не усидишь. А нѣтъ, вотъ лучше—знаешь ли что?

— Въ первую деревушку къ знакомому тебѣ человѣку за-
ѣхать.

— Вотъ изъ твоихъ бы усть да Богу въ уши: отгадай.

— И заѣдемъ, зачѣмъ стоитъ дѣло?

— И ей-Богу заѣдемъ, къ тѣтушкѣ Маремьянѣ заѣдемъ; она
баба ладная: у ней и яйца есть, и говядиной тебѣ ублаготво-
рить.

— Такъ съ тѣмъ и ладно: сворачивай!

— А вотъ постой: деревушка-то изная помеледится.

Скоро помеледилась и деревушка своими огнями, словно ис-
корками, ближе, ближе, ближе. . . . Лошади гнѣвно тянулись
впередъ, но, приближаясь къ деревнѣ и взобравшись на гору,
инстинктивно почувявъ ночлегъ, ускорили бѣгъ, поматывая гри-
вами, густо запушонными снѣгомъ.

— Тпру!

И изба тѣтушки Маремьяны черпѣла передъ нами, бросая
красный, яркій свѣтъ изъ окна, рисуя его четырехугольнымъ
пятномъ на снѣгу подлѣ нашей вибитки. Ямщикъ пошолъ сту-
чаться. Слышу голоса, цѣлый разговоръ между ямщикомъ и
бабой. До меня долетаютъ только немногія слова:

— Чегò нельзя? говорилъ мой ямщикъ.

— Приступило: мутить! слышался голосъ старухи.

— Али опять съ ней...

— Нанесло, родименькой мой, къ непогодѣ, знать, нанес-
ло-то...

— А ты бы ее къ отцу-то Андрею: отчитываетъ...

— Возила... не помогъ....

— Ну, прости! ладно, коли нельзя.

— Не взыщи, родименькой, прости!... Постучись къ Матвѣю-
то—пустить!...

— Къ Матвѣю и поѣдемъ!

Между-тѣмъ, изъ избы вырывались время-отъ-времени какіе-
то дикіе крики, подхватываемые вѣтромъ, и потому отрывоч-
ные. Въ нихъ слышались то лай собаки, то плачь груднаго ре-
бенка, то густой, хриплый басъ, то глубокіе—глубокіе вздохи,
сопровождаемые судорожной, сильной икотой. Непріятное поло-
женіе слушающаго усиливала еще болѣе и сдержанная тишина
кругомъ, и темнота ночи, и нечаянность этого явленія. Рисо-
вались невѣдомыя и невидимыя страданія и многое изъ того,

что такъ тяжело и безысходно ложится на душу и тяготить наболѣвшее сердце.

Ямщикъ повернулъ лошадей, сѣлъ на козлы, оттуда снова послышался его голосъ, довольно покойный уже и сдержанный:

— Дѣвка у ней въ избѣ-то, дѣвка-икотница.

— Отчего же?

— А сто бѣсовъ у ней животы гложуть, оттого-сказываютъ-и выкрикиваетъ.

— Да не отъ другаго ли отчего?

— А и не меня спроси—тоже скажутъ. Весь народъ на томъ рѣшилъ... и батюшко утверждаетъ: такъ это, «такъ это и по писанью слышь».

Но вотъ и изба дяди Матвѣя; суетится онъ прибрать съ полу сѣти, радостно, весело приговариваетъ: «милости просимъ, милости просимъ»; зажигаетъ сальную свѣчку и ставитъ на столъ, передвигаетъ столъ этотъ съ одного мѣста на другое; цыкаетъ на крикливыхъ ребятишекъ; одного, самаго маленькаго, ползавшаго по полу медвѣдкой, посадилъ на полати и пригрозилъ ему пальцомъ. Бабу услалъ за водой и наладилъ самоваръ; застучалъ чашками, вытирая ихъ рукавомъ своей рубахи. Вошелъ въ избу и ямщикъ мой на ту пору, помолился Богу, разболочся и сѣлъ въ задній уголъ, почосывая затылокъ, плечи и спину и позывывая съ выкрикомъ и краткой молитвой.

Но вотъ уже самоваръ шипитъ на столъ, чай готовъ; хозяйка усѣлась въ сторонѣ въ сосредоточномъ молчаніи; ребятишки съ полатей внимательно слѣдятъ за движеніями на столѣ и подлѣ. Воспоминанія объ икотницѣ выплываютъ снова всецѣло и возбуждаютъ во мнѣ самый живой, безотлагательный интересъ. Я хотѣлъ уже завести объ ней разговоръ, но ямщикъ предупредилъ меня:

— А что, дядя Матвѣй, Анютка-то Маремьянина опять вопить?

— Вопить, слышь, отвѣчалъ дядя Матвѣй.

— А что, какъ у нихъ дѣло-то?

— Да ничего...

— Чего она-то?

— Видѣлъ: все по старому, все по стародавнему, вопить.

— А онъ-то?

— Да ни чуть ни чѣмъ ничего.

— Въ солдаты, слышь, отдавать хотѣли.

— Не чуть ничего. Увезли, слышь, на городъ, а что стало? не довѣдомо.

— Становаго, сказываютъ, мирить просили. Чего становой-отъ?

— Просить-то просили, да ничего и онъ не сдѣлалъ. Призывалъ слышь, уговаривалъ, батюшку-попа вывозили и тотъ пыталъ—ничѣмъ ничего не вышло. При нихъ, слышь, въ комнату-то завопила, ругательски ругалась. Только тѣ и было!

— Ну, а Борька-то?

— А Борька-то, что собака, все при ней, что варъ присталъ—не отстаетъ.

— Безъ него-то почитай, сказываютъ, ей хуже бы было.

— Дурню бы безпремѣнно какую ни на есть сдѣлала надъ собой, вступилась хозяйка. Ужъ ножа бы не минуло дѣло.

Ну, ножа-не ножа, тетушка: взяла-то ужъ ты больно вруто. До ножа-то, толкують, не доходило же николи.

— Доходило, родимой, доходило, и не еднова.

— Да отчего же это у ней, хозяйева, что причиной-то послужило?

— Да порчена, почтенный; порчена.

— Давно ли?

— Съ годъ ужъ, ваше благородье, будетъ.

— Кѣмъ же?

— А Христось вѣдаетъ: надо-быть, какой такой злой человекъ портилъ.

— Когда же она больше выкрикаетъ?

— Да вотъ, когда въ церквѣ со святыми дарами выходятъ—тогда кричить, шибко тогда кричить, и хоть не видитъ она этого, не слышитъ, а ужъ взвопитъ, начнетъ ее ломать да мутить. Молитву-то, слышь, когда читаютъ надъ ней—она, слышь, и не ругается, не коритъ никого. А безъ того ину-пору такъ расходится, что изъ избы вонъ бѣги; прибираетъ такія слова, что и въ кабакахъ не услышишь и другой хмѣльной да блажной человекъ съ одури-то съ пьяной своей не вывалитъ. На ту пору ломаетъ ее и коробитъ—трѣмъ мужикамъ удержать въ пору.

— А часто ли случается съ ней этакъ-то?

— Да вотъ по воскресеньямъ за обѣдней на-всегда; опять

же и въ будни, когда завопить, такъ и знай: гдѣ-нибудь въ селахъ по сосѣдству обѣдни поютъ, али бо какую потребу правятъ. Духу она табашнаго не любитъ опять. Ходятъ вонь наши ребята на городъ (въ Архангельскъ), берутъ эту проклятую повадку въ трубки-то курить. Дымятъ тоже окаянныя, что трубы наши непрочищенныя. Реветь она тутъ шибко, да недолго....

— А еще когда?

— Да вотъ не сказывай при ней горя-то — тогда по цѣлымъ суткамъ реветъ безъ уйму.

— Какого же горя?

— А вонь спрашивай объ этомъ большака самого, Матвѣя-то: онъ у насъ лютой на разговоръ-отъ. Молчаливъ—дова, а распояшется—наслушаешься....

Дядя Матвѣй, при послѣднихъ словахъ, самодовольно разсмѣялся—ясный признакъ, что онъ въ духѣ и рассказать не прочь. Вотъ что онъ мнѣ повѣдалъ:

— Въ нашихъ мѣстахъ икота эта не въ диво: у насъ, почитай, чуть ли не каждая баба икотница; такъ ужъ это извѣковъ. Анюткино дѣло особю; это дѣло не спуста. Тутъ я, какъ своимъ разумомъ ни раскладывалъ, ничего не вышло, ничѣмъ ничего не придумалъ....

— Надо тебѣ рассказывать напередъ вотъ что: какъ въ нашемъ крестьянствѣ нѣтъ этого, чтобы женихи невѣсть выкрадывали, а сходятся и живутъ по родительскому указанію, то ты и не волень братъ того, чего тебѣ братъ не указано и нельзя. Такъ и сказываютъ всѣ до одинаго на всякъ часъ и время...

— Да ты что-то не то началъ, не такъ сказываешь, перебилъ я его. Не служилъ ли ты въ выборныхъ?

— Было это дѣло, было: шесть лѣтъ головой сидѣлъ, а сказываю я тебѣ все это къ тому, что и Петрушка, и Анютка, и Борька—враги себѣ были и супостаты, а міра не слушались. Стариковымъ указамъ тоже не повиновались, а сказывали наказъ свой — вотъ это отчего. А дѣло шло вотъ какъ: Петрушка съ Анной-то сошлись, приглянулись другъ дружкѣ на святкахъ тамъ что-ли, слюбились. Петрушка ей гостинцы сталъ носить; она безъ него и въ хороводъ не выступаетъ. Такъ у нихъ шло все хорошохонокъ, и не одинъ день, не недѣлю. На

бѣду-было тутъ Борька въ ихнее дѣло ввязался: къ Анюшкѣ же любовь свою возымѣлъ. И это опять-таки ничего: дѣвкѣ же лучше, коли два парня любятъ; одинъ другому не мѣшаютъ: и, говорить, беру свое, ты—твое, и коли-де не въ прибыли, такъ и не въ убыли. Идетъ у нихъ дѣло такъ миромъ: не бьются, дракъ большихъ не бываетъ, другъ на друга съ жалобой не ходятъ, хотъ и крѣпко поругаются когда промежъ себя. Да ужъ знать это дѣло такое: коли два одну тягу тинуть—безъ ссоры, безъ брани нельзя тутъ. Это ужъ такъ извѣковъ! Дѣвка клонитъ къ одному, клонитъ и къ другому—какъ и быть надо по бабьему. Известно, въ бабьемъ дѣлѣ первое—слабость, и опять-таки мнѣніе такое, что вы-де тамъ какъ хотите, такъ промежъ себя и вѣдайтесь, а мое-де дѣло дѣвье, за кѣмъ-нибудь за однимъ замужемъ быть, на двухъ-де мужьяхъ и попѣбатько не повѣнчаешь. А коли-де замужемъ не быть мнѣ, такъ и на свѣтъ, молъ, Божій незачѣмъ было народяться. Такъ это! Береть Анютка подарокъ отъ одного, да и отъ другаго рыла не воротитъ. Милъ-де милъ и ты, моя пташечка, пригожъ-де, молъ и ты, моя душечка. Вотъ-де одному мой подалуй, а вотъ-де и другому. Плутъ же была дѣвка — что говорить! Любились они такъ-то долго, любились да и спохватились, что-де на народъ идетъ все дѣло это: не больно же красиво выходитъ. Послушать толковъ сосѣдскихъ—хорошаго мало сказываютъ; въ лица посмотреть — смѣются всѣ. Стало все это имъ въ примѣту, стали они и объ вѣнцахъ задумываться.

— Родители, извѣстно, на все на это дѣло сквозь ладонь смотрѣли, стало ничего не видали, потому какъ нынче не тѣмъ ужъ свѣтъ живетъ. Въ старину, слышь, бери ты ту дѣвку, которую родитель уважаетъ, самъ выбирать и думать не смѣй. Родители на тотъ случай и обычай такой имѣли, что коли много дѣтей, такъ по мѣрѣ силы-возможности съ каждымъ во всей своей деревнѣ породниться. Оттого-то вотъ у насъ вездѣ поди плохой тотъ сосѣдъ, коли своякомъ, либо сватомъ не доводится. Такъ въ старину. А нонѣ: бери ты ту дѣвку, которая тебѣ по вкусу придетъ, полкуются; была бы только работная да здоровая. А которая наша оржануха неработная, которая нездоровая, когда въ волѣ родительской вырастаютъ всѣ. Потому-то вотъ у насъ теперъ и свадьбы глаже и дѣла всѣ эти идутъ инако: поженятся — меньше печалуются, меньше промежъ себя

досады держать. Право такъ! Слушай же теперь, какое у нихъ дѣло потомъ вышло, самое такое нехорошее дѣло вышло, что и сказать не можно. Слушай же все про нашу про икотницу. Съ начала начну!

— Перво-на-перво пришло къ Анюткѣ Петруха и сказываетъ:

— Я, говорить: — не какой злой человекъ; честь твою и свою и Бога знаю — пойдемъ подъ родительское благословеніе.

— Ладно, сказываетъ она ему. Ты мнѣ не противенъ, а люблю-де я тебя, какъ подобаешь невѣстѣ.

Съ тѣмъ и разошлись. Про все про это провѣдалъ Борька, тоже къ Анюткѣ пришло и тоже ей сказывать сталъ. Анютка и ему сказъ такой же сдѣлала, что и Петрухѣ:

— Проси-де и ты благословенія родительскаго.

Борька скажи объ этомъ ребятамъ, скажи и супротивнику своему. Полаялись они, посчитались на ту пору крупно, однако до драки не дошло дѣло.

Петрунька опять къ Анюткѣ:

— Ты, говорить, что это такое надумала, неладная такая, неумытая!

— А ничего, говорить прорва-дѣвка:—я такого худаго не надумывала. Что-де ты на меня накинудся-то, изъ какихъ корыстей?

— Да не я ли, говорить Петруха-то, первый твоего согласья просилъ; не я ли-де первый за твое дѣвичество заступиться хотѣлъ?

— Ты, говорить Анютка-то:—ты, противу этого и слова сказать не смѣю.

— А не я любить тебя сталъ прежде всѣхъ? Борька-то на тебя еще и не взглядывалъ. На то время, что ты ему, что попова пѣгая кобыла—все было едино.

— И противу этого (сказываетъ Анютка) ничего супротивнаго такого молвить не смѣю.

— Да съ чего же, говорить, ты взбеленилась, что обнимъ намъ одно сказывала, а?

И присталъ: къ одному слову десятокъ привязывалъ, воспылалъ духомъ, потому обиженъ былъ.

Анютка собралась съ силой, оправилась да и отвѣтствуетъ:

— Мнѣ-де, Петръ Ивановичъ, что ваша любовь, что Борькина все въ одинъ скусъ, потому какъ мы—дѣвушка и намъ не замужемъ жить не приводится.

— Да вѣдь обоихъ-то и попъ не повѣнчаетъ, да и мы не сживемъ: безъ кроваваго пролитія тутъ дѣлу не быть — сама разсуди!

— Разсудить, говоритъ она:—я этого не могу, потому какъ невѣста должна больше плакать и потомъ мужа слушаться и быть ему вѣрной до гробовой до доски. А вы, говоритъ, если желаете меня получить оба, такъ и разсудите своимъ совѣтомъ.

— Да дура! говоритъ, не опять же ругаться!

— Отчего-де и не поругаться, коли у васъ, сказываютъ, ужъ было дѣло такое.

— Не драться же на смѣхъ вѣмъ, на свое горе.

— А ужъ это какъ, говоритъ, вы сами разсудите. Я опять-таки одно говорить навсегда должна, что какъ люблю тебя, такъ и Борьку въ одну силу.

— Да чортъ! говоритъ:—нельзя вѣдь этакъ-то. Не бываетъ ни съ кѣмъ!

— Это, говоритъ ему Анютка:—я разсуждать не могу, потому какъ сердцемъ своимъ чувствую.

— Да дьяволъ, говоритъ:—въ сердцѣ-то у тебя жорновъ скипѣлся, квашня вскисла, гѣшая! ладно-де нишни ужю!

Пригрозилъ ей, значить, да съ тѣмъ и ушолъ, и Борька пришолъ.

— Помири ты насъ, сказываетъ.

— Да мнѣ, говоритъ Борька-то, съ Петрухой и встрѣтятся опасно, потому когда онъ объ этомъ дѣлѣ заговорить, не сумѣю. Онъ рѣчь, противу него нѣту у насъ такого ни единого.

— А чортъ, говоритъ она-то: — ведѣлъ вамъ раньше то промежъ себя не столковаться; а то на-ко къ какому концу привели.

— А я, говоритъ Борька:—говорить не больно лють—сама знаешь; прибрать эдакое, подходящее не могу, сейчасъ къ сердцу кровь подольетъ. И не то-де мнѣ на ту пору на Петруху сердце рвется, не то-де по тебѣ обливается. И сердить-то я не ту пору на Петруху, крѣпко сердить, хуже онъ мнѣ врага лю-

таго, и къ тебѣ-то бы поластился, и нѣтъ мнѣ радости пуще тебя. Ты такъ вся въ очію и гѣзешь, словно ластисься.

Топнула, слышь, на него, дѣвка-то на парня-то, топнула потому, какъ онъ очень смиренной былъ—и...

— Вѣдайтесь вы, слышь, сами про себя. А я-де обиды такой долго выносить не стану. За третьяго-де пойду, и за самага-де за уродливаго.

И тянется у нихъ опять дѣло это долго, и стали ходить по деревнѣ нехорошіе слухи. Петруха-то, слышь въ колдуну ходилъ, а Борьку-де отъ Анютки водой не отольешь, все у ней сидитъ, либо за ней, что тѣнь мотается. И гармонію для ея прохлажденія на Слободѣ купилъ.

Стали наши земляки призадумываться да на свое мерекать; и надумывались на то, что дѣло крѣпко на худое пошло; міру это дѣло самое судить надо. И сговорились, какъ бы эдакъ у кабака хоть бы сказки рассказывать; старшину и писаря на ту сходку залучили. Ребятъ не было: позвали. Пришли.

— Такъ-могъ и такъ, братцы!

— Знаемъ-де.

— Дѣвки наши въ сумлѣніе приходятъ, стыдятся.

— И это-де знаемъ.

— Мѣтнули бы вы жеребѣй что-ли: кому вынется-тотъ оженился.

Петруха таково на насъ косо поглядѣлъ и таково-то усмѣхнулся криво, что обидно намъ всѣмъ стало: такъ вотъ всѣ мы и переглянулись. А Борька—ничего.

— Ладно, говоритъ:—давай, Петруха, мѣтнемъ жеребей?

— А ты, говоритъ ему Петруха: — въ городъ-отъ ѣздилъ, другой головы не купилъ про запасъ.

— Нѣту, сказываетъ Борька-то.

И смѣшно намъ всѣмъ на слова эти стало.

— Такъ купи, говоритъ:—купи.

Смолчалъ Борька. И мы молчимъ: что дальше будетъ; а дѣло могъ хорошее, надо быть будетъ. Такъ всѣ и молчимъ, да ладно; въ пору писарь догадался, омовилъ:

— А что-де ты, Петруха скажешь, когда мы-де тебя засудимъ?

— А засуди, говоритъ:—ты вѣдь-чу! затѣмъ и приставленъ. Да зубастъ же и писарь отъ:

— Я, говорить:—могу сдѣлать такое, что тебя на *кобыль* поженять.

— И это, слышь, ты можешь, потому ты такой ужъ у насъ.

— Такъ помни-де, слышь!

— И безиремѣнно попомню, когда-де на кобылѣ-то этой и помирать стану, попомню. Благодарю, слышь, покорно на ласковомъ на твоёмъ словѣ.

И поклонился, низко поклонился, ей-Богу! въ поясъ писарю-то Петруха поклонился. Молчимъ мы всѣ, потому какъ ужъ всѣмъ очень-жутко стало: и Петруху-то какъ ровно бы жаль. А Борька, что малый ребенокъ, стоитъ да ухмыляется. И чту писарь ни слово, то его и начнетъ подергивать, словно онъ готовать хочетъ.

Ладно ну: толковали долго они промежъ себя, и мы думали долго—что гуся на Кѳлгуевѣ!—куда-де вѣтеръ потянетъ, туда и мы пойдемъ. Не сдавался же Петруха, какъ его не страшаль писарь и все-то закономъ своимъ. Да тутъ у насъ старичокъ былъ, ветхой такой (на прошлой недѣлѣ померъ): кому какой совѣтъ надо — всѣ къ нему; у всѣхъ, стало-быть, на почотѣ. Онъ вступился.

— Полно, говорить; — вамъ бѣду по пальцамъ мотать, говорили бы дѣло, коли около него охаживаете. Вотъ что, братцы!

— Чего, молъ, дѣдушка Калистратъ! (міромъ-то ему всѣ такъ разомъ) сказывай-ка—молъ, сказывай! Человѣкъ-отъ молъ, ты божій, роженной ужъ такой—послушаемъ: эдакъ кажись лучше будетъ!

И сталъ говорить:

— Дѣвку постегать надо, покрѣпче....

Да Петруха перебилъ:

— А кто, говорить:—первой кинется, я-де его ножомъ, и кто-де совѣтъ-отъ такой подасть, я и его....

Смолчалъ дѣдушка, слова не вымолвилъ, только закашлялся. Долго ждали, а онъ и опять началъ:

— Вся бѣда отъ дѣвки идетъ, вся бѣда отъ нея. Сама дѣвка злу корень. Въ ней либо бѣсъ засѣлъ, либо такъ дурить. Вотъ ты коли оленя въ поле выпустишь, да дашь ему тамъ

подольше пожить—онъ одичаетъ, въ руки не дается, и ты его не поймашь. Не поймашь его потому, что онъ отъ твоей руки отсталъ, духъ-отъ твой позабылъ и есть ему на дикомъ оленѣ поблажка. Дикой олень затѣмъ, вишь, и дикой, что одинъ онъ тамъ въ тундрѣ-то, никто его не поучить. А хоть бы и дѣвку взялъ: дѣвка что? Въ дѣвкѣ ужъ баба отъ рожденья отъ ея сидитъ; норовъ-отъ тотъ, что ни на кривой оглоблѣ, ни на свиньѣ не объѣдешь, сидитъ ужъ въ дѣвкѣ...

Мы было посмѣяться, да нѣтъ, глядимъ, словно бы и ладно. А Борька захохоталъ: Борькѣ это спуста показалось. Петруха, стоять не шелохнется, глаза въ землю, что былъ, и уши, словно бы отъ стариковыхъ-то словъ, придать начали: очень, стало-быть, слушаетъ.

А Калистратъ свое:

— У дѣвки только одно разное съ бабой: ей бы только почоту и пуще почоту отъ всякаго, хоть самъ чортъ тутъ будь, ей все равно: онѣ вонъ и до хороводовъ люты, и на посѣдкахъ онѣ развеселыя такія, а все отъ того, что и тутъ, и тамъ подарковъ ждуть: орѣховъ да пряниковъ. А на ихъ пустоту это и ладно, имъ тутъ и душевное ликованье. А, гляди, пройдутъ веселья: онѣ словно въ воду опущены, и хвостъ поджали. Вотъ и любятъ онѣ всѣ заурядъ, потому это для малыхъ ребятъ занятно, мурашки по сердцу сыплютъ. А привяжется супротивникъ—еще того пуще, еще любѣй. Вонъ хоть-бы Петрухино дѣло....

— Да вѣдь она мнѣ, дѣдушко Калистратъ, пуще всѣхъ (Петруха-то!). Я, вѣдь, ужъ ее давно знаю, прежде всѣхъ.

— У меня (дѣдушко-то ему), у меня, слышь, жеребеночекъ былъ: самъ выпайвалъ, самъ выхаживалъ да выглаживалъ, разъ по десятку на день ходилъ къ нему. Сталъ онъ и жеребцомъ, сълъ я на него: объѣду, думаю. Сшибъ, вѣдь, окоянной, сбрыкнулъ меня.

Борька на слова на эти расхохотался вслухъ, чуть намъ и А всѣмъ отъ того не весело стало; хоть и не пора бы, не время. Петруха стоитъ, упершись, словно его въ землю вкопалъ кто.

А старикъ подводилъ все, подводилъ и подвелъ къ тому, что какъ ни какъ, а Анятку постегать надо было, такъ ужъ вышло.

Какъ услышалъ слова-то эти Петруха, такъ зарыдалъ даже,

заревѣлъ быкомъ, да и со сходки опрометью: думали, за ножомъ побѣжалъ. Такъ

— Нѣтъ, слышь (старикъ-отъ) душу свою заложу, а онъ такого дѣла не сдѣлаетъ.

Да и сказа-тъ-то онъ такъ, словно самъ Петруха это самое вымолвилъ.

Дѣвчу-то мы постегали. Я ужъ про это и сказывать не стану, не хорошо....

— Больно дѣвчу-то постегали, больно же они ее постегали, вступилась въ это время хозяйка, до той поры молчавшая.

— А ты бы не разговаривала, потому какъ мы это отъ тебя слыхивали не одинъ разъ. Намъ рѣчи твои не на нѣвяхъ.

— Да не смолчишь, вѣдь, воля твоя! не смолчишь. На-тъ-то что выдумали, не надо бы такъ-то....

— А ты вотъ ужо молчи: палатской управляющій наѣхать къ намъ хочеть, я тебя въ губернаторы къ нему попрошу. Ладно-ли такъ-то?

Хозяйка замолчала.

Мужъ продолжалъ:

— Ты, ваше благородіе, нашихъ бабъ объ этомъ дѣлѣ не спрашивай. У нихъ вѣдь свое. Пошто, слышь, на ихной судъ дѣла этого не клали. Пытали же онѣ судачить. А все, опять-таки, отъ самой отъ дѣвки. Первое вопила она крѣпко въ правленіи; а жалобъ изъ ея словъ никакихъ на ту пору признать нельзя было: словно она одеревенѣла. Собрались къ ней опосля того наши бабы въ избу (какъ, вѣдь, имъ сорокамъ-щебетухамъ не собраться!); кои утешать стали, кои взвыли, (потому женская слеза море, а потомъ баба и разобрать вѣдь не можетъ, которая бѣда своя у ней, которая чужая). Распустили наши бабы нюни свои, а того не знаютъ, что Анютѣ-то все это и крѣпко на руку. Пришла, слышь, въ избу: молчить; трепаная такая, волосевъ не прибираетъ и сидитъ подъ образами, и въ большомъ, выходитъ, мѣстѣ. Бабы ей свое ведутъ:

— Что-де, моля, родненькая наша больно?

Молчить.

— Которые, моля, стегали-то?

Молчить.

— Ну да, слышь, ладно; пушай-бы де ужъ за-мѣсто тебя Петруху-то, али-бъ-де Борьку положили.

— Такъ она, родной нашъ, головонькой на эти слова по-крутила, а молвить чего — не молвила! опять вступилась хозяйка. Лукерья (баба у насъ такая есть) на эти на слова такое здумала, что молъ, писаря-бы... Такъ ухмыльнулась и веселѣе словно-бы стала.

— А вонъ говорить: — ребятамъ отъ этого не легче будетъ; обоимъ имъ это самое въ обиду. Потому ты, молъ, Аннушка, за нихъ вѣдь, за обоихъ. А ихъ дѣло мужское — надрываньямъ-то твоимъ они не дадутъ вѣры, не дадутъ, молъ, надрываньямъ-то твоимъ они вѣры...

Такъ, вѣдь, и на это на все никакого сказау не дѣлала.

— Христосъ, молъ, надъ тобой, а ты, молъ, ратуй, ратуй во имя Господне. Кто вѣдь, молъ, правѣе, надъ тѣмъ эдакое чаще бываетъ.

Такъ на слова на эти въ горлышкѣ у ней у сердобольной ино врякнуло, что и грудь ходуномъ почала ходить; а сама молчить.

— Извѣстно ужъ, молъ, обидно все это (мы-то). Обидно это самое потому, какъ на стеганую дѣвку худая слава ложится, всякой попрекнуть ее потомъ можетъ, а ребята озорные. Да и опять же наши мужики одумаются опосля — сами жалѣть стануть тебя. Помяни ты наше слово!

Опять она головушкой помотала и такъ-то круто и долго. А все неладная эдакая, молчить, все молчить, будто слушаетъ Мы опять:

— Больно, молъ, это нехорошо. Неладно въ деревнѣ жить послѣ сѣчева, послѣ этого распроклятаго. На самихъ-бы, молъ, на большакахъ стряслось все это.

Она опять ухмыльнулась.

— Ты, молъ, Аннушка, наплюй, коли сможешь. На-во-молъ, мѣсто какое дѣвку сѣчь задумали! Это, молъ, и бабъ-то такъ нейдетъ, какъ-то, да и не бываетъ. Дѣвонька-то у насъ разумная была; сама-бы могла разсудить, которое такъ, которое нѣту; свой бы судъ себѣ смогла дать. Вѣрно это слово?

Такъ насилу-то на эти на слова она заревѣла (ну, молъ, слава Богу!). Заревѣла она, что дождемъ прыснуло, долго ре-вѣла (мы ужъ и не подговаривали ничего). Головонькой-то своей безчастной то въ уголъ ударить, то ее на столъ-отъ положить, а на насъ не глядить; руки свои ломать почала, а словъ ника-

кихъ не даетъ (зло-нали насъ всѣхъ взяло: чего, молъ, она рѣчамъ-то нашимъ вѣры не даетъ, чтобъ ей пусто было! Насъ вѣдь, молъ, не старшинакъ ней по дослалъ, али-бо не волостной писарь; мы, молъ, отъ своего, вѣдь, сердободья все это, по своей охотѣ). Поревѣла это она, поревѣла — да и молвила:

— Ладно, молъ, ладно!

— Да ладно и есть! — вступился хозяинъ. Молчи же теперь, слѣзай съ колокольни. Я самъ сказывать буду.

— Вотъ очень-хорошо. Къ ночи-то приходилъ къ ней, слышь, Петруха, а затѣмъ и пропалъ, ушелъ отъ насъ, а далеко-ли — невѣдомо. Да я твоему благородью лучше покороче сказывать стану. Петруха вернулся, а пришелъ начпортъ выправить: въ Питеръ наладился, на лѣсные дворы, и съ Борькой, одначе, не простился. И вотъ съ той ли (не упомяну) поры, какъ Петруха-то простился съ ней, али съ свѣча-то съ нашего...

— Да на первую ноченьку, вѣдь, она взвыла-то послѣ свѣча, что это ты, словно забылъ? Петруха-то къ ней съ порчей-то и приходилъ, затѣмъ и приходилъ — это ужъ свято.

— Вотъ съ тое съ самое поры, продолжалъ хозяинъ, не обращая вниманія на замѣчаніе бабы: — Анютка выкриквать стала, и выкрикаетъ она, сказываютъ бабы, и на мѣръ, и на писаря, а больше все, слышь, на свою дѣвью красоту, да на Петруху. Борька у ней такъ живмя и живетъ, очень его выкрики-то ее занимаютъ. Помянетъ, слышь, когда икотой его-то имя, хохочетъ: любо. Не знаемъ, что будетъ. А посватается Борька, да коли Петруха письмо отпишетъ: быть дѣлу, быть свадьбѣ и намъ пировать придется. Вѣдь Борька-то мнѣ роднымъ приходится: племянникъ внучатный не родной по теткѣ по своей.

— А икоты этой, ваше благородіе, въ нашихъ мѣстахъ довольно! заключилъ свою рѣчь мой хозяинъ.

Дѣйствительно, болѣзнь эта, мѣстно-называемая икотой, частая и повсемѣстная во всемъ томъ краю. Икотой страдаетъ вѣрная четверть всего женскаго населенія по правую сторону отъ рѣки Сѣверной Двины. Дальше къ западу отъ Двины болѣзнь эта пропадаетъ и въ Кемскомъ поморьѣ является подъ новою формою (нѣсколько слабѣе) и подъ новымъ названіемъ (*стрѣлье, щипота*). Икота обыкновенно начинается подъ тѣмъ же видомъ, подъ каковымъ является и простое спазматическое

сокращеніе грудобрюшной преграды (диафрагмы) начинаются громкіе крики, затѣмъ истерическій плачь или смѣхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее параличное состояніе и обморокъ, сопровождаемый всеобщемою слабостью, острою болью въ груди и головѣ. У нѣкоторыхъ припадки эти продолжаются часа полтора — два; у другихъ, преимущественно у старухъ, часто по нѣскольку часовъ (5, 6 и 7). Икота иногда (и даже въ нерѣдкихъ случаяхъ) переходитъ и на мужчинъ, и тогда тому человѣку усваивается имя *міряка*. Туземный людъ приписываетъ причину этой болѣзни, естественно, злему духу, и нѣкоторые порчѣ лихаго человѣка.

— Въ нашихъ мѣстахъ есть такіе злые люди и знающіе, что могутъ нагонять на тебя, по злости, всякую скорбь, и начнешь ты: охъ да ой-ой, а тамъ все больше да пуше и подгадывается тебѣ эта скорбь подъ сердечушко и начнетъ тебя мучить нечистой. Отъ него, вѣдь это. А за душу-то тебя не трогаетъ, не смѣетъ, только сердечушко-то надрываетъ. И у меня это есть, и у старшаго сына: и мужчинъ сонущаетъ нечистой экой скорбью.

Такъ рассказывали мнѣ сами страдающія, которыя особенно часты по Пинежскому уѣзду, по преимуществу около города Пинеги. И недаромъ туземный народъ, между другими остроумными прозвищами и остротами надъ сосѣдями, далъ пинежанамъ прозваніе икотниковъ. Между-тѣмъ, во всякомъ случаѣ причина болѣзни этой требуетъ строгаго научнаго обследованія, требуетъ очистки медицинской критики отъ всей той массы народныхъ суевѣрій, наплывшихъ на болѣзнь втеченіе долгихъ вѣковъ. Извѣстно, что оба уѣзда (Мезенскій и Пинежскій) наполнены гнилыми болотами. Пишущему эти строки довелось на рѣкѣ Кулоѣ, верстахъ въ 20-ти отъ города Пинеги, на разстояніи четырехъ верстъ, слышать и едва выносить крѣпкій сѣроводородный газъ при 20 градусахъ мороза въ воздухѣ, и видѣть нѣкоторыя мѣста болота непромерзшими и отдававшими свѣжимъ бѣлесоватымъ паромъ. Между-тѣмъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ икота повсемѣтна, носитъ хроническую форму, въ другихъ, и часто ближайшихъ, она пропадаетъ вовсе; по преимуществу болѣзнь эта присуща женскому полу. Въ пинежскомъ уѣздномъ судѣ сохранился судебный актъ, содержаніемъ котораго епѣшу подѣлиться съ читателями.

Крестьянинъ пильгорской волости, Михайло Петровъ Чухаревъ (19 лѣтъ отъ роду) портилъ нѣкою свою двоюродную сестру Офимью Александрову Лобанову. И ту сестру, сказано въ прошеніи, теперь злой духъ мучить. Чухаревъ на допросѣ показавъ, что «училъ его тому той же волости крестьянинъ Ѳедоръ Григорьевъ Крапивинъ, который — сказано въ показаніи Чухарева — въ пьяномъ видѣ вызвалъ меня изъ того питейнаго дому на улицу, совѣтовалъ: «не хочетъ ли научиться на народъ пускать боли, подъ названіемъ икота?» — Я, по молодости своихъ лѣтъ и глупости, изъявилъ согласіе. Послѣ чего училъ меня значущимся въ особомъ листѣ обстоятельствамъ такое зло производить и впоследствии времени до нынѣшняго, хотя совѣсть меня мучила и самъ терзался, но сдѣлать такого вреднаго для народу случая боялся». И вотъ какъ училъ колдовству Михайла Чухарева Ѳедоръ Крапивинъ: «При самомъ началѣ дѣйствія, снять съ шеи крестъ, положить въ сапоги подъ пятку, поддержать полсутки, говорить слова: «отрекаюсь Бога и животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ». Шептать въ соль, упоминая имя человѣка, коему зло намѣренъ сдѣлать, не иначе, во первыхъ, какъ родственницы; упоминать слова: «пристаньте сему человѣку скорби подъ названіемъ икоты, трясите и мучьте (назвать имя человѣка) до скончанія жизни. Послѣ, вынувши изъ сапога крестъ, повѣсить на стѣну. Въ то время будутъ дьяволи у тебя. — Помѣшкавъ сутки, переѣхать по обыкновенному напередъ (т.-е. надѣть крестъ), тогда дьяволи отъ тебя отойдутъ, а будутъ мучить того, на кого сіе учинишь. Соль же столовую бросить на дорогу, или въ другое мѣсто, коимъ тотъ человѣкъ ходитъ. Съ даннымъ мнѣ отъ Крапивина неизвѣстнымъ кусочкомъ, менѣ горошины, похожимъ на липучую черную сѣру, съ приговоромъ: «какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ человѣкъ, кому такое зло учинишь; отступите отъ меня, дьяволи, а приступите къ нему». И недолгѣ сходить, ту соль разрыть и сказать: «поди дьявольщина отъ меня прочь!» И такимъ образомъ наканунѣ прошедшаго Богоявленія Господня двоюродной сестрѣ своей крестьянской жонкѣ Офимь Александровой Лобановой такое зло учинилъ, которую злой духъ мучить. Послѣ же сего дѣйствія, черезъ одинъ день, при началѣ сну, пришли ко мнѣ въ огненномъ платьѣ три нечистые духа, изъ коихъ одинъ сказалъ: «Я пойду, куда ты послалъ». А двое

требовали тоже должностей. Чего испугавшись, призывая имя Божіе, и онымъ отогналъ отъ себя и болѣе не видалъ. И послѣ оныхъ, когда будучи въ глубокомъ снѣ, видалъ прихожаго неизвѣстнаго мнѣ старика въ черномъ платьѣ, съдая борода, отговаривалъ меня отъ такого зла уклониться, обратясь къ Богу, просить прощенія: отчего пробудясь, призывалъ Бога къ избавленію отъ враговъ и теперь отъ Его милосердія не отрекаюсь.»

На допросахъ Крапивинъ показалъ, что у исповѣди былъ въ прошломъ году, а у причастія когда былъ—не упомянулъ (обыкновеніе, нерѣдкое между мезенцами, вообще склонными расколу). Сотской Кузьма Любимовъ показалъ, что Крапивинъ «человѣкъ сумнительной». Староста отъ женщинъ слышалъ, что Крапивинъ накладываетъ болѣзнь подъ именемъ икоты; какой-то Иванъ Поповъ, что болѣзнь, на женскій полъ напускаетъ; Семень Макаровъ слышался отъ многихъ людей, «между разговорами, что онъ на женскій полъ налагаетъ, подъ названіемъ икоты, болѣзни, каковою болѣзнію и жена моя страждетъ». Сама Лобанова показываетъ, что «болѣзнь икота у ней сначала въ горлѣ стояла, а потомъ опустилась пониже, открылось кричаніе и иканіе, и жатые у сердца, а въ разсужденіи оную получила дѣйствительно отъ брата двоюроднаго Чухарева», и за-то будто-бы, что она не дала ему поносить для праздника кушака *каламинковаго*. Другія бабы (всего 16, всѣ икотницы) сознаются въ томъ, что у причастія не бывають оттого, что болѣзнь не терпитъ; одна показываетъ, что получила двѣ болѣзни и одна особенно мучить и «при всемъ мученіи употребляетъ при болѣзни сей скверноматерныя слова». Но кто напустилъ болѣзнь — объ эти бабы не знаютъ. Чухаревъ въ кабацѣ говорилъ сидѣльцу слѣдующее: «дядюшка! сегодняшняго числа Иванова Попова дочь Анна бранить, будто я напускаю икоты на людей, и похвалялась, что и сама меня попомнить».

Далѣе слѣдуетъ рѣшеніе суда: «Чухарева наказать кнутомъ, давъ, по крѣпкому въ корпусѣ сложенію, тридцать пять ударовъ, и по наказаніи отдать церковному публичному покаянію, что и предоставить духовному начальству. Касательно до Крапивина, то какъ Чухаревъ уличить его не могъ ничѣмъ, а вѣрить ему, Чухареву, одному не можно, и за справедливое признать нельзя, и упоминаемый Крапивинъ, ни съ допросовъ, ему учиненныхъ, ниже на очной ставкѣ, данной ему съ Чухаревымъ

при священническомъ увѣщаніи, признанія не учинилъ, то въ разсужденіи сего, яко невиннаго, учинить отъ суда свободнымъ и по настоящему теперь нужному для посѣву хлѣба времени и домашнихъ крестьянскихъ работъ, препроводить его въ свое селеніе, а Чухарева содержать подъ карауломъ». Дѣло рѣшено мая 17-го 1815 года.

Считаю излишнимъ присоединять что-либо къ этому, много говорящему за себя, факту.

Начиналось утро самой ранней порой своей, когда я оставилъ новыхъ пріятелей своихъ и интересную кликушу. Въ воздухѣ разлита была та теплынь, которая неизбѣжно слѣдуетъ за всякой крутой вьюгой. Здѣсь на Мезени-рѣкѣ въ теплотѣ этой чуялись еще въ-добавокъ та живительная свѣжесть и легкость, которыя послѣдуютъ въ благодатное лѣто послѣ благодатнаго дождичка въ благодатныхъ странахъ дальнаго Приволжья. И что за прелесть, что за картинность прибрежныхъ видовъ, разбросанныхъ щедрою рукою по крутымъ берегамъ Мезени! Широкою бѣлою поляною отдѣляетъ рѣка цѣпь однихъ видовъ отъ другихъ, имъ противоположныхъ. И что за разнообразіе въ мельчайшихъ подробностяхъ картинъ этихъ! Не утомляетъ глазъ и не пестритъ на этотъ разъ ни неизбѣжное однообразіе лѣсовъ, ни вѣчно-юныя пихты, а какъ хороша должна быть эта масса лиственницъ безконечно и неисчислимо засыпавшихъ берегъ, когда онѣ всей громадой своей свѣжо и весело зазеленѣютъ весной, когда и мезенецъ не посмѣетъ попірять своими безобразными, валкими саними родной широкой и богатой рѣки своей. Глядишь по сторонамъ — и не наглядисься: и на сердцѣ весело, и находишь отраду и зимой, и въ глухомъ, дальномъ краю архангельскомъ.

- А что, ямщикъ, весело ѣхать-то, хорошо!...
- Не больно же....
- Да полно, такъ ли?
- Дорогу-то ужъ очень перемело, лошадямъ тягостно.
- Такъ, чудакъ, не-уже-ли морозъ-отъ лучше?
- Бесотмѣнно лучше, подобрало бы, выгладило бы; а то, гляди, какая пушнина лежитъ, что пухъ; хуже песку.
- Да за-то тихо....

— Тихо — не лихо, да ѣзда лиха — сказываетъ пословица, такъ-то....

— Веселѣй сидится, веселѣй думается....

— Весело сидѣть на всякомъ мѣстѣ, которое не жметъ да не колетъ.

— Ну, а думается?

— А думается, потому и думается, каково на сердцѣ. Ладно тамъ, не скребетъ — и хорошо, а не....

— Ну, будетъ; дальше не надо....

И этотъ ящикъ оказался резонеромъ, какъ и всѣ прежніе, недавніе; видно, всѣ ужъ они таковы. Отступился. А вотъ, къ-счастью, и смѣна, новый ящикъ, новое мѣсто: людная деревня, разсыпавшаяся по крутому и высокому берегу; изъ-за домовъ видится деревянная церковь. Стало-быть, село.

— Какъ зовется?

— Юрома.

Поднимаемся на крутую гору съ великимъ трудомъ, чуть не скатываясь внизъ и навзничь. Передъ нами, на самомъ юру, чистенькій, чуть ли не новенькій домикъ священника. Но вотъ онъ и самъ передъ нами съ гостепріимнымъ привѣтомъ и ласковымъ, отогрѣвающимъ словомъ и дѣломъ.

— Вамъ надо посмотрѣть нашу диговину — говоритъ мнѣ отецъ Михаилъ и ведетъ въ церковь.

Церковь старинной постройки (по церковному памятнику 1867 года) довольно большая, изъ поразительно-толстыхъ бревенъ и оригинальной архитектуры.

— По народному преданію (разсказываетъ отецъ Михаилъ), церковь строилъ богатырь (по здѣшному батырь), именемъ Пашкѣ. Будто-бы своими руками, на собственныхъ плечахъ, валилъ онъ эти громады одна на другую, одинъ, безъ посторонней помощи. Силы онъ былъ необъятной, а чтобы судить объ ней наглядно — онъ оставилъ народу на память деревянную модель руки своей.

— Вотъ она! говорилъ онъ мнѣ въ церковномъ притворѣ.

Громадный кусокъ дерева, длиною въ высокой ростъ чело-вѣка, обточонный съ одной стороны въ подобіе руки чело-вѣческой; рука сжата въ кулакъ и кулакъ этотъ шириной своею равняется четыремъ, если не пяти головамъ взрослому чело-вѣка. По запястьямъ и вдоль всего локтя и сгиба нарѣзаны орнаменты

на манеръ баласинъ и, вѣроятно, рука эта предназначалась для колоннъ, подпирающихъ потолокъ. Вѣроятно поскучалъ изобрѣтательный, хитрый на выдумки, строитель надѣлать такихъ рукъ до десятка и замѣнилъ ихъ простыми, едва отесанными, но за-то болѣе благонадежными столбами, которыми подпирается потолокъ въ настоящее время. А рука такъ и осталась безъ употребленія въ углу церковномъ и благодарная память народа къ строителю не позволила загнить рукъ этой внѣ церкви. Богатырь ли это былъ, или скромный и несильный мужичокъ-строитель, можетъ-быть, съ Пинеги (ломпоженская церковь, въ 3 верстахъ отъ города, во всемъ подобна юромской) — рѣшить невозможно. А, между-тѣмъ, преданіе о богатырѣ Пашкѣ все-таки живетъ въ народѣ и вотъ что объ немъ рассказываютъ:

Пашкѣ, уроженецъ сосѣдней съ юромской деревни (до-сихъ-поръ называющейся именемъ богатыря — Пашкиной) разъ пахалъ землю на берегу рѣки, въ то время, когда по рѣкѣ плыли сверху семь человекъ разбойниковъ. У разбойниковъ было крѣпкое, темное слово. Сказывали они это слово на вѣтеръ, несъ это темное слово вѣтеръ на заказанное мѣсто и стала у богатыря лошадь, какъ вкопанная, и не шла по полосѣ дальше впередъ. Не стерпѣвъ силачъ Пашкѣ обиды такой, а замѣа отъ заговору — темный человекъ — не знаетъ. Надо донять злыхъ людей хитростью и мощью своей. Посылаетъ онъ своего работника по берегу наслѣдить за разбойниками, куда они придуть, гдѣ останутся, и только бы на одно мѣсто сѣли: на водѣ они сильны, не одолишь. Разбойники свернули въ рѣку Пѣзу — такъ работникъ и сказываетъ. Рассказываютъ также и другое, что Пашкѣ не сробѣлъ, когда встала его лошадь, онъ послалъ и свое запретное слово, и лодка разбойничья стала и съ мѣста не тронулась. Да атаманъ былъ толковъ, зналъ замокъ и сказывалъ: «братцы! есть кто-то сильнѣе меня, побѣжимъ!» И побѣжали. Зашолъ Пашкѣ по пути за товарищемъ Тропдю, такимъ же, какъ и онъ, силачомъ, и отъ его деревни *), и съ

---

*) До сихъ поръ существуетъ, при проходѣ на пезской волокъ деревни Тропины. Этому Тропѣ также, въ свою очередь, народнымъ преданіемъ приписывается построеніе церкви въ селѣ Койнось (въ 1657 году по церковному памятнику). Койнось — на р. Мезени въ 140 вер. отъ Юрома и около 250 верстъ отъ Мезени.

нимъ вмѣстѣ, повернулъ на дѣсь. Нагналъ Пашко разбойниковъ на рѣкѣ Пѣзѣ (притокъ Печоры). Разбойники наладились кашу варить, да видятъ атаманъ кровь въ кашѣ, пугается крѣпко и товаришамъ сказываетъ: «бѣда-де на вороту, скоро тотъ, кто сильнѣе насъ, сюда будетъ!» И не успѣлъ словъ этихъ всѣхъ вымолвить, явился и самъ Пашко: одного разбойника убилъ, и другого, и всѣхъ до седьмого. Остался одинъ атаманъ: бѣгаетъ онъ кругомъ дерева и истрѣливаетъ. Пашко все дерево въ щепы, и не можетъ попасть въ атамана. Накладываетъ на лугъ послѣднюю стрѣлу и креститъ ее крестомъ святымъ. Валится отъ этой честной стрѣлы врагъ его и супостатъ на вѣки—вѣчные.

И до сихъ еще поръ старожилы показываютъ на пѣскомъ волоку (предполагаемомъ соединеніи рѣки Мезени съ Печерою) то дерево, которое изщепалъ своими стрѣлами богатырь Пашко, и до сихъ еще поръ всякій провѣзшій человекъ считаетъ неизмѣннымъ и безотлагательнымъ долгомъ бросить охапку хворосту на промятое, океанное мѣсто могилы убитаго атамана. Тамъ уже образовался огромный курганъ. А за Пашко осталось на вѣка—вѣчные отъ этого дѣла прованье *Туолукаю* *).

Преданьемъ о разбойникахъ, и при томъ неслишкомъ дальнимъ по времени, встрѣчаетъ и слѣдующая деревушка-станція. Разбойники тѣхъ мѣстъ напали на богача и, вынуждая у него денегъ, его самого палили снизу на каленой заслонкѣ и обсыпали сверху горящими листьями вѣшниковъ. Не добившись толку, они плотно заперли, заколотили и зажгли домъ богача, полагая ему смерть отъ задушенія. На счастье, мимо бѣжала старуха. Она слышала крики, сама, въ свою очередь, перепугавшись, закричала, и такимъ образомъ собрала сосѣдей, которые и успѣли переховить изверговъ. Всѣ они противъ села Юрозы, на другомъ берегу рѣки Мезени, въ деревушкѣ, были биты кнутомъ, прочимъ въ страхъ и поученіе.

И опять-таки то же преданіе о разбойникахъ слышится и въ повѣсти о житіи Іова Праведнаго, мощи котораго подъ спудомъ хранятся въ селѣ Ущельѣ (въ 3 вер. отъ деревни Березника).

---

*) Полагаютъ, что имя *Пашко* происходитъ отъ уменьшительнаго имени *Павель*, а *Тропа* — отъ Евтропій.

Здѣсь на крутомъ, картинномъ мысу, или щель *) , Іовъ основалъ въ 1614 году, по грамотѣ новгородскаго митрополита Исидора отъ 1609 года, монастырь (потомъ пустыня, и съ 1838 г. приходъ). Въ 1628 г., когда вся братія была на сѣвокосѣ, въ монастырѣ оставался одинъ Іовъ. Разбойники требовали у него денегъ и, получивши отказъ, «огнемъ жгоша его и въ неистовомъ изступленіи своемъ вервиею влачаху его по земли, яко иссохшему отъ поста тѣлу его, всему изъязвлену быти и членамъ тѣлеси его оторгатися отъ таковаго лютаго мученія. Послѣди же разбойницы немилосердно отсѣвши честную его главу, отидоша» — сказано въ рукописномъ житіи праведнаго. Въ ущельской церкви сохранилась кокора, на которой онъ былъ убитъ и которая облита была кровью (кочора эта теперь вся обгрызана, потому что щепы отъ нея, по народной вѣрѣ — вьзятыя въ ротъ, успокоиваютъ зубную боль). Указываютъ также и мѣсто убіенія Іова за селомъ, подъ горой, на мосту, котораго теперь уже нѣтъ, потому что ручей, отдѣлявшій церковь отъ села, уже пересохъ. Оврагъ, ведущій изъ селенія на отдѣльную, высокую и крутую церковную (нѣкогда монастырскую) гору, глубиною въ 12 сажень. Гора обросла густымъ листовичнымъ лѣсомъ, изъ-за котораго въ просѣкахъ открываются рѣдкіе по красотѣ своей виды на дальній берегъ съ людною деревнею Березникомъ и опять-таки съ густыми листовичными рощами.

Съ селеніемъ Кюйносомъ пропадаютъ уже преданія о разбойникахъ, которые, по всему вѣроятію, были бѣглые литовскіе люди и русскіе измѣнники, пользовавшіеся смутнымъ временемъ и разсыпавшіеся мелкими шайками по всему лицу русской земли. Позднѣйшія же преданія о разбойникахъ должно приписать отрядамъ изъ шайки Стеньки Разина, пробиравшейся къ богатымъ Соловкамъ и торговому Архангельску.

Взаимнъ преданій о разбойникахъ выступаютъ впередъ болѣе древнѣйшія преданія о Чуди — аборигенахъ всего сѣвернаго края Россіи, о той *чуди бѣлоглазой*, имя которой слышится и по рѣкѣ Онегъ, и по рѣкѣ Пинегъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пугаютъ словомъ «чудь» напризныхъ и плакси-

---

*) Щелье — мысъ рѣчной, съ оврагомъ и крутизнами. Особенно богата ныи рѣка Мезень и оттого на ней деревни и села: Долгощелье, Влощелье, Конещелье, Защелье, Палощелье, Устьщелье, и проч.

выхъ ребятишекъ. По рѣкѣ Мезени показываютъ во множествѣ вещи, съ общимъ названіемъ чудскихъ: кольца, выкопанныя изъ земли монеты. Я видѣлъ въ деревнѣ Березникѣ серебряныя серьги, затѣливой, хотя и аляповатой работы, носившія тоже названіе чудскихъ. Можетъ быть (я по большому вѣроятію), онѣ несравненно позднѣйшей работы и идутъ по наслѣдству изъ рода въ родъ *), можетъ быть, онѣ просто-на-просто новгородскаго дѣла и, можетъ даже быть, временъ самыхъ первыхъ заселеній мезенскаго и вообще всего двинскаго края — все-же таки преданія о Чуди здѣсь еще живы и повсемѣстны. Богѣе типическое преданіе удалось мнѣ встрѣтить въ деревнѣ Чучепалѣ, самое имя которой, по этому преданію, происходитъ отъ чуди. И вотъ по какому поводу.

Повыше деревни (хотя и самая деревня стоитъ на довольно-возвышенномъ мѣстѣ), по берегу рѣки Мезени, на высокой горѣ въ лиственничныхъ рощахъ, стоялъ нѣкогда городъ, населенный чудью. Новгородцы, расселяясь по рѣкѣ, выбрали и сосѣдье предгорье, какъ мѣсто удобное и картинное. Первые годы сосѣди жили въ миру, да строптива была чудь и не угадала *новгородской чести*, не подладилась подъ *новгородскую душу*. Задумали люди свободные, люди торговые и корыстные избыть лихихъ бѣлоглазыхъ сосѣдей и для этого дождались зимы морозной и крѣпкой. Прямо противъ городка Чудскаго, на рѣкѣ Мезени прорубили они ледъ поперекъ всей рѣки и сдѣлали такимъ путемъ широкую полынья. И погнали они чудь изъ города въ ту сторону, гдѣ лежала эта полынья; провалилась вся чуть отъ мала до велика, потонула. Стало то мѣсто рѣки называться *кровянымъ плесомъ* (называется оно этимъ именемъ и до этого дня) и прослыла деревушка новгородская Чудьпалой за тѣмъ, что тутъ послѣдняя *чудь пала* **).

На высокой горѣ, гдѣ предполагался Чудской городъ, называютъ на высокой курганъ, какъ на послѣдній остатокъ,

---

*) Баба, приносившая щѣ, не хотѣла уступить мнѣ ни за какія деньги.

***) По иному преданію, распространенному въ другихъ мѣстахъ Архангельской и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерніяхъ, чудь въ землю ушла, подъ землей пропала, живьемъ закопалась. Сдѣлала она это: по однимъ оттого, что испугалась Ермака, по другимъ оттого, что увидала бѣлую березу, внезапно появившуюся и означавшую владчество Бѣлаго царя.

на послѣднюю памятку о погибшемъ народѣ, коренное имя котораго стерлось теперь съ лица земли, оставшись только въ отроствахъ: корелахъ, лопаряхъ, зырянахъ, вотягахъ, чухонцахъ, въ мордвѣ и проч. Досужіе люди раскапывали въ томъ мѣстѣ курганъ, но ничего, однако, не нашли тамъ. Деревня Чучепала лежитъ отъ села Койноса въ 14 верстахъ.

А вотъ и Койнось—людное село, но бѣдная церковь, деревянная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заплатачная, но холодная и въ службахъ по зимамъ едва выносимая. Бѣдны всѣ примезенскія церкви, но бѣднѣ койновской нѣтъ другой. Священническія ризы — тлѣны, иконы съ почернѣлыми, едва примѣтными лицами; все глядитъ поразительною ветхостью и скорымъ, неизбежнымъ разрушеніемъ.

— Отчего же это, отецъ Евграфъ? спрашивалъ я у священника.

— По всей Мезени народъ склоненъ къ расколу и еле держится, и только около коренныхъ обрядовъ. Въ церковь почти совсѣмъ не ходитъ и если является, то только, ради угожденія палатскому начальству, разъ въ году на исповѣдь. У причастія никто не бываетъ. Ждутъ только рѣшительнаго человѣка чтобы впасть въ неизлечимый и неисправимый расколъ, какъ усть-цылемы на Печорѣ, кемляне и сумляне въ Поморьѣ.

— Кто же ими руководить?

— Есть у нихъ толковники, начитанные и зубастые, въ спорахъ неуступчивые. Въ тундрѣ скиты настроены, гдѣ цѣлыми артелями блюдутъ о древлецерковномъ благочестіи, по ихъ словамъ, но въ самомъ дѣлѣ купаются въ прелюбодѣянніи и угожденіяхъ плотской и мірской жизни.

— А ваши-то прихожане нравственны?

— На посѣдкахъ по зимамъ, не боясь ни чьего глазу, мужики обнимаютъ бабъ и огни гасятъ.... На масляницѣ, когда съ горъ катаются, дѣвки среди бѣла-дня сажаютъ къ себѣ ребятъ на колѣна и катаютъ ихъ внизъ на салазкахъ.... Въ хоровахъ дѣвки всегда крѣпко нарумянены; да и вообще этотъ обычай румяниться и бѣлиться повсемѣстенъ, особенно съ Азополя.... Попъ къ нимъ со своей нуждой не ходи: либо ничего не дадутъ, либо сдерутъ такую цѣну, что послѣ въ два мѣсяца не сберешься духомъ: разбойники!...

— А любятъ они старинку, держатся ли ея?

— Да въ этомъ одномъ все и спасенье-то свое видить. Хуже свадебъ ихъ я ничего не видывалъ. Передъ обрядомъ свадебнымъ ведется обычай кормить молодую горячими, масляными блинами. Блинами этими она одѣляетъ подругъ, бросая въ нихъ какъ ни-попало и не обращая вниманія на то: начнаетъ ли она ихъ новыя, нарядныя платья, или нѣтъ. Для нихъ это все равно: было бы только приложено усердіе да соблюденъ обычай. Послѣ самаго обряда бракосочетанія, женихъ держитъ свою голову высоко и вообще гордо за тѣмъ, чтобы не первымъ поцаловать молодую. Та кое-какъ, съ великимъ трудомъ и то на цыпочкахъ, достаетъ мужнино лицо и чмокаетъ, но тотчасъ же и начнетъ голосить, притворствуя: «насрамилъ ты меня, набезчестилъ-погубилъ ты мою дѣвью красоту!» На паперти *крутятъ ей повойникъ*: она при этомъ обрядѣ упирается, лягается, кричить, не дается, но обычай и сила берутъ свое, настоящее. Въ сани мужнины она въ повойникъ садится уже охотно и радостно.

— Когда приведутъ молодую отъ вѣнца къ мужу въ избу— она закрыта. Отецъ молодого поднимаетъ платокъ — молодая не дается. Ее хлопаютъ затѣмъ ковригой хлѣба по лбу и сулять денегъ, жита, нарядовъ. Она ни на что не соглашается. «Ну вотъ же» говоритъ отецъ «даю тебѣ сына своего». Тогда она и фату открываетъ. До-сихъ еще времени существуетъ обычай красть невѣсть безъ вѣдома родителей, по любви. И бываетъ тутъ иногда не просто, не по одному виду, а хуже: одному жениху отморозили руки, заставивъ его простоять битыхъ семь часовъ на тридцати-градусномъ морозѣ у дверей его богосуженой, но не суеной. Только это несчастіе и случай и умилостивили отца и мать невѣсты; а парню-то она *поротно*— *юразно* полюбилась.

— А чѣмъ же живетъ народъ по-преимуществу?

— Деревянную посуду приготовляетъ: чаши, ковши, прялки, ложки, блюдечки, и очень-красиво, и очень-много, такъ много, что вывозятъ даже на Пинегу. Нѣкоторая часть изъ народа уходитъ на морскіе промыслы и большая половина занята ловлею глѣснаго звѣря и птицы. Для птицы они прокладываютъ тропы и зовутъ эти тропы—путиками, и идутъ эти путики одного хозяина вдоль нашей безграничной тайболы на великіе десятки верстъ.

— Простоты въ нихъ, доброты предполагать надо много: живутъ въ старинѣ, любятъ домъ и семью — тамъ всегда хорошо. Столицы, фабрики и людные города уничтожаютъ добродушіе народа, портятъ ихъ нравственно.

— Въ нашемъ народѣ и доброта, и простота — все это есть; но портитъ ихъ расколъ и старыя заповѣди. А есть и между ними уроды.

— Какого же рода?

— А вотъ вы поѣдете на Печору, встрѣтите отца Николая. Его объ этомъ спросите!...

— Я вамъ непространно повѣствовать буду, говорилъ мнѣ отецъ Николай: — кратко изложу вамъ предметъ предлагаемой вами бесѣды. Ъхалъ я къ приходу лѣтнимъ путемъ, по рѣкамъ — въ лодкѣ, по переволокамъ — образомъ апостольскаго хожденія: въ сторонѣ доводилось неоднократно и ревъ лѣсныхъ обитателей изъ звѣринаго рода слышать на страхъ, и пѣніе пернатыхъ на услажденіе.... Да, нѣтъ-таки, я вамъ лучше коротенько. Похваляю вамъ обычай оставлять для путешествующихъ, но заблудшихъ странниковъ брашно (хлѣбъ, соль и рыбу), которое обрѣтали мы въ каждой лѣсной избѣ, и зачастую въ избыткѣ. Но заблудились, потребили все запасное свое и начали уже изнывать тяжкимъ голодомъ. На видимое счастье наше, напали на охотника съ рѣки Мезени, избыточествовавшаго запасомъ своимъ. Просили подѣлиться, отказалъ, для себя — сказывалъ — припасалъ, а на странниковъ натнуться не полагалъ-дескать никакія надежды. И самъ ѣлъ при насъ. Думалъ я, раскольникъ то былъ, а сталъ молиться — истинный крестъ Христовъ на перстахъ своихъ изобразилъ. Сказалъ же намъ, однако, что по близости старообрядскій скитъ есть. Содрогнулась въ немъ душа, повидимому, и временно отсталъ отъ него духъ тьмы. Пришли къ скитникамъ; скитники жили въ достаткѣ и моимъ нарядомъ не побрезговали: приняли, насытили и молитвословія не воспретили. Отдохнулъ я съ семьєю, сномъ подкрѣпился. Приступили съ прошеніемъ ко мнѣ: «прочитай намъ, батюко, правило! мы помолимся!» Да вѣдь я по своему требнику стану: по вашему дерзать не могу! отвѣтствовалъ. «Намъ, говорятъ, все равно, была бы молитва твоя угодна и не съ сердца срывалась». И молитвословія я своимъ грѣховнымъ моленіемъ и возносилъ умиленные мольбы ко Все-

вышнему, да приобщить сих заблудших овецъ къ стаду Христову избранныхъ и отъ вѣковъ возлюбленныхъ.

— И не столь они злы, какъ говорятъ, и не обрядами они тяготятся и по немъ раздѣленіе свое отъ насъ чинять — прибавилъ потомъ отецъ Николай. Тутъ полагаю причину богѣ важную и богѣ знаменательную....

— Да, вѣдь, это, батюшко, давно уже извѣстно. Мы объ этомъ потолкуемъ съ вами когда-нибудь послѣ, на досугѣ.

III.

ПОЪЗДНА ПО РЪКЪ ПИНЕГЪ.

Городъ Пинега. — Красногорскій монастырь. — Преданіе о князѣ В. В. Голицынѣ. — Веркольскій монастырь. — Путники для лѣсной птицы.

Почтовой колокольчикъ отболталъ свои послѣднія трели; казенная кибитка обхлопала послѣдніе ухабы и выбоины—передъ нами рядъ домовъ съ городской обстановкой и принадлежностями, передъ нами весь на лицо маленькій уѣздный городокъ—Волокъ по народному прозванію, Пинега — по казенному. На этотъ разъ въ немъ ярмарка, называемая и въ официальныхъ бумагахъ, и на простомъ ходячемъ языкѣ никольскою. Это было 6 декабря.

Пинежская ярмарка, какъ и всѣ собственно-народныя ярмарки (называйте ее даже базаромъ), ни въ чомъ не разнится, ни въ чомъ не отстываетъ отъ множества подобныхъ народныхъ сходокъ, разбросанныхъ десятками тысячъ по всему лицу русскаго царства. Не имѣя официального характера, необставленная казаками и жандармами, она носитъ на себѣ всѣ признаки старинныхъ русскихъ мірскихъ сходокъ. Въ ней все непринужденно и искренно, все живетъ на распашку, безъ дальнаго спроса о томъ, такъ ли это надо, или иначе. Затронутая самымъ живымъ интересомъ — интересомъ барыша (хотя бы въ некоторыхъ случаяхъ и копѣчнаго), она шумитъ, какъ вообще шумитъ русскій человекъ, когда онъ очутится на полномъ просторѣ, на широкой, собственной, нестѣсненной волѣ; она кричитъ потому, что кричитъ пѣтухомъ и всякая барышная копыйка, по смыслу народнаго присловья. Далеко разносится ярмарочный гулъ затѣмъ, что гулу этому есть гдѣ разгуляться

по широкимъ тундрянымъ полянамъ, обступившимъ городъ. Прислушаешься къ гулу и Богъ-вѣсть что почувдится въ этомъ гулѣ: и звонъ золотыхъ въ засаленныхъ, но крѣпкошитыхъ кошняхъ ижемскихъ зырянъ, счастливо сбывшихъ свои мѣха и пушину въ надежныя и искусныя руки галицкихъ купцовъ, и звонъ серебряныхъ денегъ въ рукахъ архангельскихъ и вологодскихъ краснорядцевъ, продавшихъ линючіе и залежавшіеся московскіе ситцы въ руки холмогоровъ и печорскихъ зырянъ (гуртомъ), и на надежныя, но неопытныя руки сосѣднихъ бабъ и дѣвокъ. Слышится въ народномъ ярмарочномъ пинежскомъ гулѣ и глухое побрякиванье мѣдюковъ — тяжелыхъ денегъ, доставшихся оборышомъ, незавиднымъ излишкомъ на горькую долю самоѣдовъ, явившихся сюда изъ-за тысячи верстъ, изъ дальнихъ тундръ своихъ, цѣлыми аргишами — вереницами оленьихъ санокъ, нагруженныхъ мерзлой и соленой рыбой-чирами, пелядами и семгой. Чуется въ пинежскомъ ярмарочномъ гулѣ и безнадежный визгъ послѣдней копѣйки, поставленной ребромъ мужичкомъ съ той-же Пинеги, или съ ближней Двины изъ-подъ Холмогоръ, продавшихъ какой-нибудь десятокъ паръ рябчиковъ или чухарей (глухарей).

Во всемъ остальномъ пинежская ярмарка опять таки, какъ капля воды на другую, похожа на всѣ ярмарки и базары. Тѣ же питейные дома, соблазнительно застроившіе всѣ входы и выходы города, тѣ же питейныя выставки подъ полотнянымъ колоколомъ на бойкихъ мѣстахъ, по случаю такого горячаго и суетливаго времени (только три или четыре дни дышетъ своимъ разгаромъ ярмарка въ Пинегѣ). И на ней услышишь въ народномъ гулѣ печальный крикъ мужичка, который воспользовался люднымъ сборомъ и, повѣсивъ свою лохматую шапку на длинную палку, просить сказать православныхъ: не выдали ли кто выграденной лошади съ такой-то примѣтой, или такой-то сбывавшей коровы. И здѣсь легко выслушать, изъ общей свалки криковъ и возгласовъ, рѣдкій плачевный звонъ вновь вылитаго колокола, собирающаго подаваніе на подъемъ и благополучный подъѣздъ на колокольню. И здѣсь повелительныя предостереженія вѣдущихъ: «поберегись», и здѣсь между сѣрыми народомъ неизбежно толкаются попъ съ попадей, приторговывающіеся къ кобылкѣ и ситцамъ. Породистыя дѣвки, всѣ въ красномъ, стоятъ, скрестивъ на плотныхъ и высокихъ грудяхъ

руки, тупо поглядывая на проходящихъ. И здѣсь опять-таки наслѣдишь и мелкіе обманы торгаша, крупныя обманы крупнаго торговца. Не увидишь только ярмарочныхъ представленій въ видѣ райковъ, балагановъ съ Петрушками и «шире-бери», потому-что здѣсь къ этому непривычны. И все-таки заметишь сосредоточенную на мѣстныхъ пунктахъ хлопотливость, охаживаніе и облаживаніе извѣстныхъ цѣлей въ крупномъ, гуртовомъ, широкомъ размѣрѣ. Это—оптовая покупка мѣховъ и дичи. Мѣха пойдутъ на Москву; дичь, въ видѣ куропатокъ и рябчиковъ, уйдетъ въ Петербургъ, и только мезалая и соленая рыба по ближнему сосѣдству. Незначительное (по сравненію съ прочими оборотами ярмарки) число костей и роговъ моржовыхъ и мамонтовыхъ, добытыхъ на Новой-Землѣ и на Печорѣ, перейдетъ въ руки архангельскихъ и холмогорскихъ костяниковъ.

Ярмарка, вымирающая ночью до одинаго воза и человѣка, уже съ 6 декабря, положеннаго законнымъ началомъ для нея, начинаетъ терять все болѣе и болѣе свой характеристическій видъ. Завтра опять найдутъ съ раннихъ утреннихъ потемокъ возы изъ ближнихъ деревень, но уже гораздо меньше и собственно ярмарка, по общимъ слухамъ, кончилась еще наканунѣ, въ сочельникъ. Перекупаютъ и скупаютъ все привезенное еще до разсвѣта и по дворамъ. Рыночной продажи и по мелочамъ положительно нѣтъ: пару рябчиковъ, рыбу достать весьма трудно и почти невозможно: все закуплено оптомъ и передано извозчикамъ. Съ меня просили 50 коп. сер. за пару рябчиковъ, тѣхъ самыхъ рябчиковъ, которые, провезенные въ Петербургъ, на Сѣнной площади будутъ стоить 25, 30 и 40 копѣекъ. Стало-быть, ярмарки, въ ея общепринятомъ значеніи, въ Пинегѣ нѣтъ: это просто-на-просто обусловленный обычаемъ срокъ для съѣзда продавцовъ къ своимъ доверителямъ. Такъ идутъ кожи, дичь, рыба печорская, мясо, звѣриныя шкуры и по разницѣ остаются гнилые лоскутья, выдаваемые за ситцы, да пыжиковыя надѣлія (шапки и рукавицы), да крестьянскія лошади, да мелкій хламъ деревянный и желѣзный. На тотъ годъ (1856) все стояло дорого и значительно выше противъ прошлагодняго; на дѣснаго звѣря, говорятъ, ловъ былъ плохъ, рыба также ловилась незначительно, а недавняя война вліяла на возвышеніе цѣнъ и на мясо, и на пищу, и на другіе крестьянскіе продукты и надѣлія. Народъ пьетъ горькую, но некрѣпкую водку и оретъ

въ вечеру пѣсни; расчотливые оптовые продавцы, ижемскіе зыряне, начинаютъ въ теплыхъ квартирахъ галицкихъ купцовъ свои торговые разговоры съ чаю, до котораго страшные охотники, и оканчиваютъ сдѣлки бутылками хорошаго хересу, привезеннаго архангельскими кунцами прямо съ биржи и нефабрикованнаго. Ничѣмъ особеннымъ не сказанъ первый день ярмарки; въ единственной городской церкви, каменномъ соборѣ, освещали воду, звонили въ колокола, — да и только! Да... народу пьянаго было очень-много.

7 числа меньше воевъ; расплата оптовыхъ торговцовъ по домамъ; нрѣдка опоздалые, задержанные пургой воевы, плетущіеся на оленяхъ по улицамъ. Гуще набито народу около продавцовъ красныхъ товаровъ. Въ толпахъ этихъ пестрятъ олени совини и малицы мезенцовъ и рѣже овчянные тулупы и голушубки верховиковъ (съ Ств. Двины, изъ Шенкурска).

8 числа ярмарки почти уже нѣтъ; многія квартиры опустѣли и весь городъ, значительно обезлюдѣвшій, готовъ погрузиться въ долгую спячку до 25 марта, когда начнется снова базарный крикъ, но уже значительно не въ той мѣрѣ и силѣ. Этотъ крикъ послѣдній въ году; эта ярмарка, называемая Благовѣщенскою, послѣдняя для Пинеги.

9 числа я покинулъ этотъ городъ для Печоры и снова еще разъ встрѣтился съ нимъ на обратномъ пути оттуда черезъ полтора мѣсяца. Но встрѣча эта была не радостна и не могла уже задержать меня надолго въ городѣ, который глядѣлъ уже на тотъ разъ тоскливо, безлюдно, какъ глядитъ и всякой другой архангельской городокъ, бѣдный средствами, бѣдный исторіей. Такова же точно исторія и города Пинеги. До 1780 г. онъ былъ деревнею *Волокомъ* и *Большимъ Погостомъ* (волокомъ называлась она за тѣмъ, что стоитъ на четырехъ-верстномъ пространствѣ, отдѣляющемъ рѣку Пинегу отъ Куоя, черезъ которое перевозакивали нѣкогда на себѣ суда изъ одной рѣки въ другую). Указомъ отъ 20 августа 1780 года, волость названа городомъ Пинегомъ по рѣкѣ, протекающей подлѣ. Въ него переведено было и воеводское правленіе, перевѣхалъ и самъ воевода изъ города Кевроля (за 130 верстъ на рѣкѣ же Пинегѣ). И Кевроль сталъ, въ свою очередь, бѣднымъ селомъ, подъ именемъ Воскресенскаго погоста, замѣнивъ прежнее значеніе Пинеги, и не выигралъ многимъ и старый Большой По-

гость съ новымъ названіемъ Пинегою, хотя уже здѣсь и давно существовалъ широкій и бойкій торгъ, одинъ разъ въ годъ на Николу. Въ 1781 году императрица Екатерина II приказала отпустить изъ казны 8 тысячъ рублей на построение въ новомъ городѣ каменной соборной церкви. Въ мой проѣздъ соборъ этотъ, перестроенный вновь, священъ былъ архангельскимъ и холмогорскимъ архіереемъ.

И вотъ все, что можно сказать о Пинегѣ, не забывая того, что вблизи этого города находится мѣсто болѣе замѣчательное и интересное по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. Это— Красногорскій монастырь.

Монастырь этотъ лежитъ въ 10 верстахъ отъ города на высокой горѣ, носившей нѣкогда названіе Черной. Путь къ монастырю лежитъ мимо множества маленькихъ деревушекъ, разсыпавшихся по р. Пинегѣ, неширокой, но картинно-обставленной крутыми горами и засыпанной высокими лѣсами и рощами. Крутая, съ трудомъ одолимая гора ведетъ въ монастырь; на самой возвышенной точкѣ ея расположены каменные строенія этой небольшой и бѣдной обители, обнесеныя деревянною стѣною. Видъ съ колокольни поразителенъ, восхитителенъ; лучше его не найти во всей Архангельской губерніи. Провожавшій меня монахъ, сказывавшій, что отсюда видно верстъ за пятьдесятъ, прибавилъ: «самъ владыко залюбовался!...» *)

---

*) Вотъ краткая исторія монастыря Красногорскаго, какъ разсказала ее авторъ описанія Архангельской губерніи, священникъ Козьма Молчановъ (Спб. 1813 года) «Въ лѣто 7111 (1603), въ царство Бориса Феодоровича Годунова, нѣкто Воскресенскія кеврольскія церкви игуменъ Варлаамъ, по нѣкоторому явленію, ему бывшему, возымѣлъ обѣщаніе находившейся у него образа Пресв. Богородицы Владимірскія изъ Кевроля перенести на эту Черную гору и поставить на оной; въ исполненію котораго предпріятія шлоу чилъ и случай удобный, а именно, бывшаго на ту пору въ Кевролѣ за своими дѣлами юрельскаго священника Мирона; почему оную икону для отнесенія на ту Черную гору и поручилъ помянутому священнику. Ибо Юрельская волость, гдѣ священникъ сей жительствовагъ, лежитъ близъ той Черной горы за одною рѣкою. Священникъ Миронъ оную икону принесъ и поставилъ на Черной горѣ, даль приказано было отъ игумена Варлаама, а потомъ близъ той иконы водружилъ крестъ и около оного креста огородилъ досками; а потомъ и тамъ, по совѣту нѣкаго монаха Іоны, близъ оныхъ мѣстъ, во время Гришки Самозванца, отъ гоненій польскихъ и литовскихъ странствовавшаго, и по увѣщанію прежде упомянутаго игумена Варлаама,

Недаромъ же полюбился Красногорскій монастырь и сосланному въ Пинегу князю Василю Васильевичу Голицыну — лю-

принялъ монашество, а нареченъ будучи Макариемъ, началъ жительствова-
ть на этой горѣ. Напоследокъ самъ отлучился въ Москву бити челомъ царю
и великому князю Василю Иоанновичу всея Россіи о дачѣ на той Черной
горѣ подѣ монастырь мѣста; а Иона, тамъ оставшійся, началъ рубить лѣсъ,
и готовить на церковное строеніе, и поставилъ себѣ келью на упокоеніе
близъ показаннаго креста. Спустя нѣсколько времени послѣ того, возвра-
тился изъ Москвы Макарій и привезъ отъ царя и великаго князя Василя
Иоанновича всея Россіи данную 7114 (1606) августа въ 28 день грамоту, ко-
торою повелѣно Черную гору написать за нимъ чернымъ попомъ Макари-
емъ. По поводу чего въ слѣдующую зиму отправился оный Макарій въ
Новгородъ къ преосвященному Исидору, митрополиту новгородскому и ве-
лико-лучскому, церковныхъ ради потребъ и антипинса на освященіе церкви.
Преосвященный Исидоръ слышавъ, что не было на Пинегѣ въ близости
никаго монастыря, поставилъ его игуменомъ и далъ ему посохъ и настольную
грамоту, дабы на Черной горѣ устроить общее о Христѣ братство. Такимъ
образомъ игуменъ Макарій изъ Великоновгорода возвратился въ осеннее
время; а монахъ Иона съ прочими трудниками, между-тѣмъ, сооронили цер-
ковь, которую всѣ съ окрестными священниками и освятили соборнѣ во
имя Похвалы Пресвятой Богородицы. Въ сей монастырѣ имѣется и дру-
гаи чудотворная же икона, называемая *Грузинскою*, послѣ плѣненія Грузинъ
въ 7130 (1621) году персидскимъ Аббасъ-Шахомъ, купленная у персіанъ
бывшимъ для торгу въ Персіи ярославскаго купца Григорія Лыткина при-
ставникомъ Стефаномъ, сыномъ Лазаревымъ, и потомъ имъ Лыткинымъ
лѣта 7188 (1629) августа въ 22 день при благоверномъ государѣ царѣ и
великомъ князѣ Михайлѣ Федоровичѣ и по благоволенію святѣйшаго пат-
ріарха Филарета Никитича московскаго, при Кирианѣ, митрополитѣ нов-
городскомъ, и при игуменѣ Черногорскаго монастыря Макаріи, въ оный
Черногорскій монастырь принесенная, въ честь которой послѣ того оный
Лыткинъ и церковь прекрасную воздвигнулъ; сверхъ того обѣ чудотворныя
иконы жемчужомъ и дорогими каменьями украсилъ, далъ въ сей монастырь
много церковныхъ утварей и поучительныхъ 147 книгъ, съ котораго вре-
мени и монастырь уже сталъ именоваться Красногорскимъ. Вышеупомяну-
тая церковь въ Красногорскомъ монастырѣ 7119 (1611) года сгорѣла, по
сгорѣвшіи которой за скудостію сперва пристроенъ былъ для священнослу-
женія алтарь къ кельи, потомъ при державѣ блаженнаго памяти императора
Петра I, по грамотѣ Варнавы, архіепископа холмогорскаго, 1722 года іюля
въ 3 день данной, заложена новая каменная церковь съ теплою трапезою; а
въ оной престолъ Пресв. Богородицы Владимирскія, который и освященъ,
по грамотѣ архіепископа Варнавы, 1726 года февраля въ 28 день данной;
а въ большой холодной во имя Пресв. Богородицы Грузинскія престолъ
освященъ въ 1735 году, марта въ 22 день при державѣ блаженнаго памяти
императрицы Анны Иоанновны Германомъ архіепископомъ. Тогда же мо-

бимду царевны Софїи Алексѣевны, нѣкогда сильному своимъ политическимъ вліяніемъ, и нѣкогда славному на всю Русь своими несмѣтными богатствами. Удаленный отъ дѣлъ сентября 9 въ 1689 году, онъ сперва сосланъ былъ съ женою и дѣтьми въ Каргополь, потомъ 5 марта 1691 года переведенъ на вѣчное житіе въ Пустозерской острогъ. Двадцать лѣтъ томился онъ въ этой ссылкѣ, получая 13 алтынъ и 2 деньги (40 копѣекъ) на содержаніе въ день съ семействомъ своимъ. Имѣлъ несчастіе потерять здѣсь старшаго сына, который помышлялся отъ тоски. Осчастливленный нѣкоторыми льготами, онъ переведенъ въ 1711 году въ Пинегу, гдѣ, по народному преданію, получилъ изъ Москвы свой конскій заводъ; бесплатно выдавалъ крестьянамъ на Мезени Пинегу кровныхъ кобылъ для улучшенія породы туземныхъ лошадей. Говорятъ, что это обстоятельство было главною причиною тому, что мезенки сдѣлались извѣстной породой; говорятъ, что у двухъ-трехъ богачей по Мезени до-сихъ еще поръ сохраняются образцы чистой, непримѣтной породы лошадей княжескаго завода. Говорятъ также, что князь Голицынъ любилъ ходить изъ Пинеги въ Красногорскій монастырь, подолгу сидѣлъ въ деревняхъ, смотрѣлъ на хороходы и училъ крестьянскихъ дѣвушекъ пѣть московскія пѣсни (которыя, дѣйствительно, выдаются изъ ряду туземныхъ и слышатся только пока въ однихъ этихъ восьми деревняхъ, отдѣляющихъ городъ отъ монастыря). Указываютъ на рошу, расположенную подъ монастырскою горою, въ которой, по народному преданію, особенно любилъ гулять и любовался князь Голицынъ и на красивый монастырь, и на живую ленту рѣки Пинеги, бѣгущей въ прихотливыхъ, свѣтлыхъ колѣнахъ, змѣйкой, далеко въ безпредѣльность, туда, гдѣ, за вологодскими лѣсами, лежитъ каменная Москва, дворцы царей, терема кремлевскіе, монастыри Новодѣвичій.... Роша эта, расположенная на длинномъ мыску (наволокъ), образованномъ изгибомъ рѣки Пинеги, теперь сдѣлалась такъ рѣдка, что служитъ только од-

---

настырь получалъ на достройку церкви жалованья 1000 рублей. «Иному ежегодно привозятъ изъ монастыря въ Архангельскъ. Празднованіе ей установлено 22 августа. Въ алтарѣ Богоматери та створчатая деревянная кіота, въ которой будто бы принесенъ былъ на Красную гору образъ Владимірскія Богоматери изъ Кевроля.

нимъ едва примѣтнымъ признакомъ нѣкогда густой и, можетъ-быть, разчищенной рощи. Тутъ, по монастырскимъ книгамъ, по близости стояли встарину монастырскія строенія, положенныя по уставу внѣ монастыря. Въ 1713 году В. В. Голицынъ скончался въ Великоопиогѣ. Тѣло его было перевезено и погребено въ монастырѣ Красногорскомъ, по духовному завѣщанію князя. Дѣти его возвратились въ Москву. Могила князя, накрытую простымъ дикимъ камнемъ, показываютъ аршинахъ въ двухъ отъ церкви противъ алтаря. На мой проѣздъ камень этотъ высоко засыпанъ былъ сѣвжными сугробомъ, тѣ же сугробы окружали всю церковь; никто не прочистилъ ни тропинки, никто не обмелъ самой гробницы. Монахи говорятъ, что надпись на камнѣ нельзя разобрать: дѣтъ уже 10 ее смыли дожди и сѣвга. И вся память объ нѣкогда знаменитомъ князѣ осталась въ нѣкоторыхъ вещахъ, завѣщанныхъ имъ, а можетъ-быть, и подаренныхъ его дѣтьми монастырю. Прологъ, прописанный по листамъ рукою самаго князя, на доскѣ имѣетъ надпись: «Сію книгу положилъ въ домъ Пресвятой Богородицы на Красную гору князь Василій Васильевичъ Голицынъ». Другія руки свидѣтельствуютъ, что «сія книга его милости и свѣтлости.» Тутъ же видны слѣды дѣтскихъ рукъ, пробовавшихъ почеркъ. Книга пожалована въ 1714 году. Въ келіи у настоятеля хранится шитый шелками образъ Богоматери съ тропаремъ кругомъ. Точно такой же шитый (изящно) шелками образъ Распятія, по вѣнцамъ пронизанный жемчугомъ; такая же плащаница, съ изображеніемъ снятія со креста, и воздухи хранятся въ соборномъ алтарѣ на стѣнѣ. Всѣ они, говорятъ, шиты руками Софьи Алексѣевны. Въ алтарѣ же на стѣнѣ виситъ старинное зеркало, довольно большое, створчатое, украшенное по рамкамъ фольгою и позолочеными орлами, чистой и изящной (по времени) отдѣлки. Зеркало это, по всему вѣроятію, принадлежало князю и подарено ему, можетъ-быть, также царевною. Въ настоятельскихъ кельяхъ и притомъ въ страшномъ небреженіи, безъ рамки, въ углу, сохранился почернѣлый отъ времени портретъ царя Алексѣя Михайловича, писанный масляными красками, хорошей работы, по всему вѣроятію, также собственностью князя В. В. Голицына и, очень можетъ-быть, подаренный ему самимъ царемъ. Въ монастырскомъ синодальнѣ на вѣчное поминованіе князей Голицыныхъ записаны 20 именъ,

внизу которыхъ рукою самаго князя вписано его имя (род. 1643 г.), имя Евдокин (жены или дочери?), князей Михаила (младшаго сына), и Алексѣя (старшаго сына, помѣшавшагося отъ тоски).

И вотъ все свѣденія, которыя удалось мнѣ собрать объ знаменитомъ ссыльномъ въ самомъ монастырѣ Красногорскомъ и его окрестностяхъ. Нѣкоторые изъ простолюдыя прибавляли, что-де князь крѣпко держался старшини и былъ распольнитъ....

Между-тѣмъ наступалъ послѣдній мѣсяцъ года, назначеннаго мнѣ срокомъ отъ морскаго министерства для обслѣдованія и изученія побережьевъ Бѣлаго моря. Вдали предстояло еще много дѣла: часть Двины отъ города Холмогоръ до монастыря Сійскаго, съ котораго дорога поворачиваетъ на петербургскій трактъ. Вся южная часть уѣзда Пинежскаго должна была употребить отъ моего вниманія и изученія—часть, которая представляла, повидимому и по общимъ слухамъ и увѣреніямъ, такъ много интереснаго. Такъ и село Кевроль, или иначе Воскресенскій погостъ, бывшій воеводскій городъ и село Чакола-древняя, самыя первыя новгородскія заселенія въ томъ краю, тамъ множество преданій о Чуди въ большемъ числѣ и интересѣ, чѣмъ пойманныя мною на рѣкѣ Мезени, какъ увѣрили; тамъ, по увѣренію Молчанова (автора описанія Архангельской губерніи), «крестьяне понятливы, нѣсколько корыстолюбивы, грубы и необходимы», тамъ, наконецъ, монастырь Веркольскій съ своей старинной и богатствами старинной письменности *). Возвраща-

---

*) «Сей монастырь—говоритъ священникъ К. Молчановъ въ своемъ описаніи—состоитъ на своемъ содержаніи на Пинегѣ рѣкѣ, вверхъ по той рѣкѣ, отъ Пинеги города въ 151 верстѣ, въ волости Веркольской. Начало свое восприялъ со времени явленія мощей и нынѣ въ ономъ монастырѣ опочивающаго святаго и праведнаго *Артемія веркольскаго* чудотворца, который родился въ лѣто 7040 (1532), скончался 7052 (1544) года іюля въ 23 день, на двадцатомъ году отъ рожденія своего; обрѣтенныя его мощи 7085 (1577) года, въ 33 годъ послѣ преставленія его, положены были сперва въ паперти у приходской веркольской церкви святаго Николая чудотворца; изъ паперти въ предѣлъ перенесены 7091 (1583) года; потомъ, по свидѣтельствваніи, по указу Макарія, митрополита новгородскаго, и обрѣтеніи оныхъ подлинно нетлѣнными, также по сочиненіи ему житія и службы, изъ пре-

щаться назадъ уже было поздно и нѣегда, и я съ стѣсненнымъ

дѣла поставлены внутри той же церкви, 7118 (1609) году декабря въ 6 день; послѣ чего мезенскій и кеврольскій воевода Аванасій Пашковъ, получивъ скорое отъ Бога, при помощи праведнаго Артемія, сыну своему въ учинившейся тяжелой болѣзни облегченіе, въ знакъ своего за то благодаренія, близъ той Никольской церкви въ 7152 (1446) году построилъ своимъ издвигеніемъ прекрасный, во имя великомученика Артемія храмъ, и окрестъ онаго ограду, и кельи для жительства монашествующихъ. Первый строитель въ новопостроенный монастырь опредѣленъ Раазанитъ, а въ бѣльцахъ Родіонъ Макарьинъ, при немъ черныи священникъ Іона, которые такимъ образомъ не успѣли лишь составить въ ономъ монастырѣ общежительства, какъ въ лѣто 7147 (1639) іюня въ 24 день оныя храмы сгорѣли; почему они надъ мощами св. и прав. Артемія сотворили часовню. Наконецъ вскорѣ послѣ того, отъ царя Алексѣя Михайловича, по челобитью кеврольскаго земскаго старосты Филиппа Козьмина Драчева съ мирскими людьми, прислана въ Кевроль къ воеводѣ грамота о построеніи новой церкви гдѣ обрѣтены мощи чудотворца Артемія, что они и исполнили. Лѣто 7157 (1648) ноября въ 14 день, воевода Григорій Анничковъ и кеврольской десятины заказчикъ священникъ Іоакимъ Васильевичъ, діаконъ Дометіанъ и прочіе духовнаго и мірскаго чина люди, пріѣхавъ въ веркольскую волость и пришедъ въ монастырь пѣли молебень, воду освятили и потомъ честныя мощи того святаго, положи въ новую раку, перенесли изъ часовни въ новопостроенную церковь св. великомученика Артемія, и поставили честно на южной сторонѣ.

«Государскаго жалованья въ сей монастырь было:

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи въ Кеврольской уездъ, въ монастырь св. Артемія, веркольскаго чудотворца, строителю Родіону Макарьину, да черному попу Іонѣ съ братіею, по нашему указу и по обѣщанію сестры нашей благовѣрныя царевны и великія княжны Ирини Михайловны, послано къ вамъ въ монастырь чудотворца Артемія веркольскаго церковнаго строенія: Евангеліе напрестольное, крестъ благословящій, ризы и стихари, и иное церковное строеніе съ крестовымъ нашимъ дьякомъ Игнатіемъ Яковлевымъ; что церковнаго строенія прислано, и тому послана къ вамъ роспись подъ сею нашею грамотою за дьячьею приписью, и какъ сія ваша грамота придетъ, а крестовый нашъ дьякъ Игнатій Яковлевъ къ вамъ пріѣдетъ въ монастырь, и вы бѣ у него церковное строеніе, по росписи, каково подъ сею нашею грамотою, приняли все на лицо, и велѣтъ записать въ книгѣ именно, чтобъ то наше церковное строеніе во вѣки были неподвижно: а какъ то церковное строеніе у крестоваго нашего дьяка Игнатія Яковлева примите, и вы бѣ о томъ къ намъ отписали; съ нимъ же Игнатіемъ и его отпустили, а на Москвѣ отписку подать, и ему Игнатію велѣли явиться и въ приказъ большаго дворца боярину и дворецкому князю Алексѣю Михайловичу Львову, Дьякамъ нашимъ Ивану Федорову, да давиду Дерягину, да Смирнову Богдану. Писалъ на Москвѣ 7158 (1650) года генваря въ 26 день».

По счастью, монастырь этотъ (единственный во всей Архангельской гу-

сердцемъ долженъ былъ съѣсть въ Пинегѣ для того, чтобы ѣхать на Двину, въ давно знакомые уже мнѣ Холмогоры.

Глухой, дѣвственный лѣсъ сибирскихъ деревушкой, деревушка прорвалась лѣсъ и облагалась полянами; стояла зимняя пора: стало-быть, все это надобдало своимъ однообразіемъ, наводило тоску. Къ тому же возять какъ-то вяло; на многихъ станціяхъ приходится сидѣть по долгу и насживать опять-таки тоску и скуку. Самыя деревушки гладятъ какии-то бездолежь и сиротливымъ видомъ, хотя широкая рѣка и не пропадаетъ у насъ изъ виду, преслѣдуетъ насъ своими изгибами на всемъ долгомъ пути нашемъ, хотя въ то же время и близимся мы къ богатому, сильно богатому подвинскому краю.

— Чѣмъ вы промышляете? спрашиваетъ въ каждомъ селеніи и въ каждомъ селеніи получаешь одинъ отвѣтъ:

— Да путики кладемъ, птицу ловимъ, звѣря бьемъ по этимъ путикамъ.

Путики — это лѣсные тропы, которыми испрофизаны всѣ тайболы, и верхняя и нижняя, всѣ лѣса, которыми заросла правая (отъ рѣки Сѣверной Двины) и огромная половина огромной Архангельской губерніи.

Путикъ прокладываетъ себѣ всякой мужикъ, которому припадетъ только охота къ лѣсному промыслу; не въ большомъ количествѣ прокладываютъ ихъ мезенцы, а особенно пинезане. У старательнаго и домовитаго промышленника такихъ путиковъ проложено до десятка и рѣдкій изъ нихъ не тянется на 40, на 50 верстъ; нѣкоторые заводятъ свои тропы и гораздо на большее пространство. Путикъ этотъ прокладывается просто: идетъ мужичокъ съ топоромъ, обрубаютъ болѣе бойкія и частыя вѣтви, чтобы не мѣшали онѣ свободному проходу; въ намѣченныхъ (по примѣтамъ и исконному правду) мѣстахъ вѣшаетъ онъ по вѣтвямъ силки для птицъ, прилаживаетъ у корней въ западни для звѣря. И такъ наметался, и такъ приобыкъ въ долгомъ

берни) случайно обошелся безъ ссыльныхъ и не видалъ мученій жертвъ своихъ. Даже и въ то время, когда сильно разгорался и судимъ былъ повсемѣстный сильный расколъ, здѣсь не было ни одного страдальца которыми наполнены были всѣ русскіе монастыри, а по преимуществу архангельскіе. Фактъ замѣчательный!

опытѣ и приглядѣ къ дѣлу каждый изъ охотниковъ, что уже твердо помнить и подробно знаетъ свою тропу и ни за что не перемѣшаетъ свои путики съ чужими. Вѣрный исконному обычаю и прирожденному чувству пониманія чести и уваженія къ чужой собственности, онъ и подумать не смѣетъ осматривать, а тѣмъ паче обирать чужіе путики, хотя бы они тысячу разъ пересѣкли его путикъ. Въ мѣстахъ близкихъ къ селенію каждому, естественно, мало заботы о томъ, гдѣ бы отдохнуть и приклонить свою голову. У русскаго человѣка кумовства его до Москвы не перевѣшаешь. Въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ селеній, охотники часто по общему сговору ладятъ промысловую избу (кушню), а то обходятся и съ простымъ шалашомъ, особенно въ раннее осеннее время; охотникъ уже не думаетъ объ комфортѣ, мысль о которомъ архангельскому промышленнику навѣрное никогда не придетъ и въ голову.

Въ одной изъ деревень (кажется Кузомени), по пути отъ Пинеги къ Холмогорамъ, я попалъ на охотника, съдиной заупившагося на исконномъ лѣсномъ промыслѣ. Не пошелъ онъ на ту зиму за тѣмъ, что крѣпко ужъ болѣзнь его стала ломать, силу отняла. Разговорились мы съ нимъ, и не стороной, а прямо-таки подошли съ нимъ къ дѣлу.

— Кто же повадливѣе, кто легче идетъ на добычу: звѣрь или птица? спрашивалъ я его.

— Да прямо сказать хитро, а, пожалуй, и не сможешь вдругъ, отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Ну, а какъ же, однако? подумай-ко, пожалуйста!

— Извѣстно ужъ одно: всякому своя жизнь дорога, всякій ея блюдетъ и хоронитъ отъ недобраго конца: человѣкъ ли то, али птица. Однако, птица меньше объ этомъ смѣкаетъ: птица только легче, скорѣй на утекъ, а то птица проще, глупѣе (надо бы твоей милости такъ сказывать). Звѣрь, тотъ хитрѣй, у того обыку пуще, тотъ завсегда умнѣе птицы.

— Отчего же это, какъ ты полагаешь?

— Да ужъ это Богу вѣсть, какъ полагать-то...

— Однако, какъ ты самъ-то думаешь объ этомъ?

— Такъ, стало-быть, самъ Господь ихъ сотворилъ. Его святая воля на то, надо-быть, была. Можегъ, оттого птица глупѣе, что перьями да пухомъ обросла, а звѣрь шерстью. Можегъ оттого, что у звѣря четыре ноги, а у этихъ двѣ только.

Я ужъ не знаю, отчего это—не думывалъ. Примѣчать то раньше не догадался, а охотникъ бы я и до этого. Да теперь ужъ старъ сталъ, не смогу, и память-то хлябать почала. А вотъ, постой-ко! Я лучше тебѣ особнякомъ объ нихъ, по порядку. Можешь, и самъ смекнешь, али что надумашь — тогда легче.

— Сдѣлай же милость!

— Вотъ возьмемъ на первую пору хотя бы бѣлку (я вѣдь съ ружьемъ люблю; силки-то и ставилъ когда, такъ отъ нужды отъ великія — ей-богу!). Бѣлка еловой лѣсъ любить, а пуще лиственницу. Мало тамъ станеть пищи: она за нуждой своей за великой и въ соснаги потянется — дѣлать-то нечего! Это бываетъ послѣ осенней Казанской, тогда на бѣлку и охота, потому она на ту пору выпѣла, пушистѣй стала, сѣрой стала. Тогда она отмѣнно хороша, на зиму теплой шубой запаслась: охотнику въ лѣсъ надо. А для этого собака да лыжи пригодны; безъ лыжъ по нашимъ по лѣсамъ, гдѣ наворочено-тѣ свѣгу, что пушнина, нельзя; безъ лыжъ ты дальше дому своего не уйдешь. А собака въ этомъ дѣлѣ, что жена хорошая. И собака та хороша на бѣлку, которая не выпуститъ звѣря съ глазъ со своихъ: дня бѣлка не боится, а, гляди, еще и не любить ли его...

— Какъ-такъ?

— Да замѣчалъ я вотъ что: собака лаетъ — бѣлка играть начинаеть; собака пуще—звѣрь еще пуще рѣзвится, съ вѣтки на вѣтку прыгаетъ, а держится все на одномъ деревѣ. Другіе дураки-охотники себя оказываютъ. Этого бѣлка не любитъ, она сейчасъ на утекъ и съ глазъ твоихъ сгинеть. Особенно не любить она человѣка, когда по ели идетъ...

— Это что же такое?

— А когда, значить, она изъ лиственныхъ лѣсовъ въ еловые перейдетъ и въ нихъ ходитъ. А это бываетъ въ Кузминки (въ началѣ ноября). — Тогда больше и охоту мы начинаемъ, сказывалъ вѣдь я. У насъ, вѣдь, на все — надо тебѣ молвить — на все своя примѣта есть, безъ того плохой ты охотникъ. Сказывать ли тебѣ про примѣты-то наши?

— Да хоть самъ-то я и не охотникъ, а по мнѣ это-то и есть самое интересное, объ этомъ-то мнѣ и хотѣлось бы отъ тебя слышать...

— Ну, такъ и слушай! Есть бѣлка разная: есть бѣлка *зодокъ*, есть *сидячая*. Одна не любить шататься, другую ничѣмъ

не удержишь: она раньше других и леса мѣняетъ. И всякая погода на нее свою силу имѣетъ: холода стоять — она такая рѣзвая и бойкая, что и хорошая собака ее не доймае глазомъ, не наслѣдитъ. Дожди ей пуще неволи; въ дождь бѣла, что курица, мокнетъ. Тогда она покой любитъ, спитъ больше. Когда шибко вѣтрено—бѣла съ дерева сходитъ, по землѣ прыгаетъ; почуетъ собачій лай—прислушивается; а отъ прыжковъ отъ ея смѣху не оберешься: очень забавно! А тутъ-то охотнику и хитрость нужна.

— Чѣмъ же бьете вы ихъ?

— Да пулей, изъ винтовокъ четверти въ три, либо въ четыре длиной *).

— Ну, а про рябчиковъ-то?

— Да ладно! У птицы нѣтъ завѣтнаго мѣста, не какъ у звѣря. Затѣмъ ей, надо думать, Господь Богъ и крылья далъ, и перомъ одѣвалъ. Съ Евдокей къ Благовѣщенью рябы эти къ намъ прилетаютъ и выбираютъ такое мѣсто въ лѣсу, чтобы полянка, али лужокъ были близко.

— Всегда ужъ такъ?

— Нѣту: самки яйца владутъ; такъ уходятъ въ чащи по этой по самой причинѣ.

— Что же ты про нихъ знаешь?

— Выведутъ самки дѣтенышей — сейчасъ летятъ на листовицу къ рѣкамъ, потому въ лѣсахъ и мѣстахъ такихъ берега есть, кустарники. Кислица есть, трава есть такая въ три листика, горькая (вѣроятво, трезоль). Это онѣ ѣдятъ. Въ глухое лѣто самки самцовъ покидаютъ: не надо, стало; а вотъ поспѣетъ брусника, такъ онѣ опять вкушъ, токовать начинаютъ, на свистокъ **) прислушавы, любятъ. Ребина обсыпаться начнетъ — рябовъ не удержишь, не сидится имъ, перелетаютъ съ

---

*) Стволъ винтовки до 3¼ линий длинн; кремневые замки обрѣзномъ взводѣ съ боевой пружиной открытой наружу. Спускъ курка укрѣпляется на шпилькѣ палочкой. На палочкѣ этой (изъ дерева или изъ оленьяго рога) сдѣлана зарубка. Отскочить зарубка — немедленный выстрѣлъ. Винтовки такого устройства покупаются охотниками на пинжскихъ армаркахъ руб. лей за 6, за 8 серебромъ.

**) Свистки эти дѣлаются изъ гусиного пера, валятаго водой. Орудіе это употребляется промышленниками только въ мартѣ.

мѣста на мѣсто. Въ этихъ самыхъ въ дѣсахъ рябиновыхъ (а то и въ березникахъ и въ ольховникахъ), али-бо близъ воды какой (у ключей, у рѣкъ) они цѣлыми артелями остаются на зиму: въ снѣгъ зарываются. Тамъ имъ тепло! Да не будетъ ли рассказывать?

— А про охоту-то?

— Охоту съ Успеньева дня начинаемъ, чтобы угодить къ Никольской (ярмаркѣ) побольше, себя на барышъ. Тогда, я сказывалъ, рябы вучатся, голоса подаютъ. Сила ихъ иногда несомнѣваемая: плодовиты шибко. Стрѣляемъ мы ихъ до Евдокей, потому на Благовѣщенску (ярмарку) поспѣвать надо. Стрѣляемъ по утру рано и передъ солнечнымъ закатомъ: тогда лучше. И такую примѣту имѣемъ, что подымется стадо, прошумитъ таково сильно, далеко не отлетаютъ: тутъ же садутъ по близости. Это ужъ обычай у нихъ такой — вѣрно слово! Выстрѣлами мѣтимъ въ крайнихъ: въ середину стада попадешь — разлетятся и нивѣсть куда, и тогда ужъ на дерево не садятся, а въ траву, на землю. Здѣсь сто глазъ и на затылкѣ имѣй — не сыщешь. Въ одиночку стрѣлять не охота, набалованы, да и никакъ ты сѣренькую шкурку отъ земли не распознаешь. Опять же изъ винтовки ты не убьешь ни ту птицу, что летаетъ, ни ту что бѣгаетъ. Винтовка любитъ сидячую птицу. Да вотъ, къ примѣру, поднялось ихъ надъ твоей надъ головой паръ пять, либо шесть, а убьешь одного ряба — благодари Бога, это милость! Онъ тебѣ послалъ! Охотнику съ рябами трудно, это и не я скажу тебѣ.

— Отчего же, когда они стадами летаютъ. Вѣдь, это, что за воробьями...

— А ты не серди меня: слушай, да потому и сказывай! съ перваго Спаса они по землѣ ходятъ, пищей запасаются....

— Такъ что же изъ этого?

— А то и изъ этого, что на дерево рябовъ посадить — штука распрехитрая. Тутъ ты подкрадись такъ, что перво-на-перво съумѣй, чтобы онъ не слышалъ тебя на хворостѣ, а второе умѣй сдѣлать такъ, что у тебя на рукахъ на твоихъ шумъ вышелъ, подобіе, какъ они сами шумятъ крыльями. Да я тебѣ еще штуку подведу, запросъ задамъ.

— Сдѣлай милость!

— Ты имѣя ряба зимой застрѣли. Застрѣлишь-ли?

— Я не охотникъ, Стрѣлять не умѣю, да и боюсь.

— Ну, такъ и Христось надъ тобой! Стало-быть, слушай послѣднїи мой, да и не мѣшай ужъ мнѣ! По зимамъ-то, вѣдь, вьюги, живутъ. Ты вотъ на Печору-то ѣздилъ, знаешь, что это за пакость такая! Ты мнѣ летъ отъ нихъ услышь-ка на ту пору — такъ, стало-быть, и не задорься, не ходи! За-то благодать намъ на этихъ рябовъ, когда небушко пасмурно, да дождемъ сдаетъ, а по лѣтамъ, когда ягодъ много. Вотъ когда занятно! А и опять же, коли весна стояла холодная, да подогнало дождливое лѣто — рябовъ ни будетъ....

— Отчего же?

— Селѣтки всѣ повымерли.

— Это что же такое?

— А молоденькіе, выводки. Тѣ, вѣдь, гдѣ ихъ насидятъ, тамъ на все лѣто и остаются, развѣ къ рѣкѣ ближшой подвигнутся. А тутъ тебѣ и все: больше и не спрашивай, да и сказывать нечего... Прощай. Въ Усть-Пинегѣ вспомнишь про меня, мнѣ неенета, а я тебя и помяну молитвой своей Прощай же!

А вотъ и Усть-Пинеге, большая деревня, счастливая своимъ мѣстоположеніемъ на устьѣ двухъ большихъ рѣкъ, Пинеге и сѣверной Двины, а потому и богатая, хорошо обстроенная. Остается одна станція до Холмогоръ.

— А водятся ли у васъ икотницы?

— Не чуть. Подъ Волокомъ (Пинегой) такъ, слышь, ихъ много живетъ. А заводился у насъ мїрякъ...

— Такъ что же?

— Пересталъ.

— Отчего же пересталъ?

— А исправникъ съ окружными сговорились да и отстегали.

— За что же?

— Стало, такъ надо было начальству...

— Отчего же онъ выкрикать-то сталъ, мїрякомъ-то сдѣлался?

— А некрутчины, сказываютъ, перепужался, надуть захотѣлъ.

— Да вѣдь есть съ чего и перепугаться?

— Извѣстно есть съ чего. Страшно. У насъ; слышь, пѣсня про это сложена. Такъ безъ слезъ не единый человекъ не сможетъ.

— Спой-ка, ради Христа!

— Да такъ, снуста-то нельзя; на голосъ не поднимешь!

Надо было прибѣгнуть къ хитрости. Самъ я заплѣлъ свою пѣню. Ямщикъ ее, молча, выслушалъ; на второй подтянулъ, къ третьей присталъ и въ концѣ ея уже заливался смѣло и весело.

— Распѣлись мы съ тобой... на добро ли только? Не перестать ли лучше? Вотъ и Холмогоры!...

IV.

ПОЪЗДНА ПО РЪКЪ ДВИНЪ.

1. ДВИНСКІЯ УСТЬЯ И ОКРЕСТНЫЯ СЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СЕЛЕНІЯ.

Никольской Корельской монастырь. — Новодвинская крѣпость. — Соломбала.

Рѣка Сѣверная Двина, при простомъ (даже поверхностномъ) взглядѣ на карту Европейской Россіи, принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ рѣкъ и должна по всему занимать лучшее, важное мѣсто между всѣми другими рѣками. Такъ говоритъ географическое положеніе ея, такъ говорятъ факты, къ тому же приводятъ и историческія данныя. Иначе и быть не могло: Двина должна быть главною между всѣми рѣками сѣвера Европейской Россіи. Соперницы ея въ нравственномъ значеніи для края, какъ, наприимѣръ, Печора, слишкомъ удалена отъ всевозможныхъ пунктовъ дѣятельности и, проходя малонаселенными, скудно-одаренными природою мѣстами, еще ждетъ своего будущаго, можетъ-быть, и блистательнаго; рѣка Мезень, обставленная тѣми же неблагоприятными, какъ и Печора, условіями, идетъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ какъ будто бы вымираетъ въ огромныхъ вологодскихъ гѣсахъ и зыбучихъ болотахъ всякая торговля и промышленная дѣятельность; Онега, поставленная, сравнительно, въ лучшее положеніе, засыпана множествомъ пороговъ, по мѣстамъ неодолимымъ, въ большей части случаевъ враждебнымъ для всяческихъ сношеній. Правда, что нѣкоторымъ числомъ пороговъ (въ меньшей мѣрѣ и въ слабѣйшемъ качествѣ) снабжена и Двина, но за то за ней уже вѣковыя права на то, чтобы быть пока единственнымъ и главнымъ подспорьемъ для всей бѣломорской торговли.

Образуясь (близъ самаго города Устюга) изъ двухъ значи-

тельныхъ, по величинѣ, рѣкъ: Сухоны и Юга, Двина уже въ самомъ началѣ теченія своего является со всеми задатками на право быть судоходною. Пробираясь лѣсами и болотными низменностями вначалѣ, Двина беретъ изъ нихъ весь водяной запасъ изъ ключей, маленькихъ речонокъ, озеръ и рѣчекъ, такъ что уже у Красноборска она является рѣкою значительной ширины и глубины. Далѣе на пути своемъ по покатосямъ къ сѣверу, забираясь водною массою изъ значительныхъ притоковъ своихъ, таковы: Вага, Емца, Сія, Пинега и другія, Двина поразительно ширится, размывая рыхлые, тундристые берега свои. Но, въ то же время, встрѣчая на пути своемъ плотные глинистые хрящи, рѣка часто разбивается на множество рукавовъ, на *виски*, оставляя всегда одинъ изъ нихъ широкимъ, глубокимъ, главнымъ. Особенно чаще начинаютъ завязываться рукава эти по соединеніи Двины съ Пинегою, когда Двина, подъ городомъ Холмогорами, имѣетъ уже до восьми рукавовъ. Далѣе, за Архангельскомъ, она уже разбивается на новые рукава и четыремя (не считая побочныхъ) главными устьями вливается въ заливъ Бѣлаго моря, названный ея именемъ.

Триста верстъ кротко, тихо, величаво течотъ Сѣверная Двина по Архангельской губерніи. Обставленная съ самаго начала своего высокими и крутыми, глинистаго свойства берегами, которые подчасъ засыпаны вѣковымъ краснымъ лѣсомъ, она за рѣкою Сією (верстахъ въ 150 отъ устья) ведетъ съ собою уже, по обыкновенію всѣхъ русскихъ рѣкъ, два различныхъ берега: лѣвый луговой и потому низменный, правый продолжаетъ быть гористымъ во все время до послѣдняго конца теченія рѣки. Скупая на картинные виды вначалѣ, она окончательно тяготитъ однообразіемъ своихъ береговъ на полевникъ протяженія своего къ сѣверу. Глинистые берега ея прорѣзаны оврагами и щельями, которые страшны своею мрачною безцѣльностью и неизвѣстностью; рыбить въ глазахъ однообразіе цвѣтовъ и томить безлюдье береговыхъ окраинъ. Чаще попадаются селенія въ верховьяхъ и постепенно начинаютъ пропадать они по мѣрѣ того, какъ рѣка близится къ устью. Здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, какъ будто судорожно спѣшить сосредоточиться вся жизнь и все живое, чтобы потомъ набросить на всю окрестность мракъ и тяжесть безлюдья. И это мѣсто — Архангельскъ.

До Архангельска съ Двиною еще можно отчасти примирить-

ся, зная, что участь безлюдья — участь общая всему сѣверному краю; но за то трудно приладиться и предугадать всѣ капризы, всѣ нечаянности, какими богаты въ весеннюю пору берега двинскіе. Отъ нихъ подѣ часъ (и нерѣдко), безъ всякаго предупреждающаго шума, отрывается огромная земляная глыба, подмытая водою, просочившеюся изъ окрестныхъ болотъ. Съ шумомъ и брызгами валится она въ воду, засоряя прибрежья, обездоливая стрежъ рѣчной, и долго потомъ ходитъ на томъ мѣстѣ вода въ вруги, отшибая длинными и крутыми волнами, и неизбежно гибнетъ въ этомъ водоворотѣ неосторожный и недогадливыи карбасъ. И вотъ отчего Двина неосмыслилась ни въ одной изъ народныхъ пѣсенъ, не получила ни какого ласкательнаго, хвалебнаго эпитета, какіе любилъ придавать русскій народъ своимъ любимымъ рѣкамъ, каковы: Дунай, Донъ, Днѣпръ, Бугъ и Волга. Между тѣмъ Двина принадлежала почтенная и завидная роль въ исторіи нашего сѣвера.

Обращаюсь прямо къ устьямъ рѣки, предоставляя себѣ право слѣдить за нравственнымъ значеніемъ Сѣверной Двины и историческими судьбами ея въ своихъ, должныхъ мѣстахъ, ниже.

Самое сѣверное устье Двины — *Березовскій* рукавъ — *Березовское* — шире другихъ, глубже и потому возможенъ для плаванія большихъ кораблей. Онъ имѣетъ между сплутными островами (свыше десяти) ширину отъ 3 версты до 250 сажень и два жолоба, или стрежа, которые ведутъ къ двумъ мелководнымъ градамъ. Грады эти на туземномъ языкѣ называются *барами*, хотя бы песчаныя изъ нихъ и можно было бы назвать *заструями*, прииѣняясь къ туземному говору, а каменные изъ нихъ — *переборами*. *Старый баръ* (100 — 400 сажень шириною) съ 1776 года служить корабельнымъ фарватеромъ и на $\frac{1}{4}$ сута мельче *Нового*, собственно *Березовскаго* бара, или проще — *Длин.* Отъ березовскаго устья идетъ къ сѣверу широкій, мелководный плѣсъ — Сухое море, образованное наносными песками рѣкъ Ката и Мудьюги и впадающее въ море узкимъ проливомъ, подѣ именовъ *Жельмякъ воротъ*. Съ сѣверной стороны ихъ лежитъ узкая песчаная коса Никольская; на ней башня; а на острову Мудьюгскомъ одиноко стоитъ съ 1842 года маякъ, при которомъ живутъ сторожевые лодчана; на берегу его створныя мачты показываютъ направленіе фарватера; въ водѣ плаваютъ бакены для означенія предѣловъ его черезъ мелководье и вколо-

чены шести съ голиками, на разстояніи меньше версты, на крайне-опасныхъ меляхъ.

Въво отъ Березовскаго (подъ городомъ Архангельскомъ) отдѣляется Мурманскій рукавъ Двины (отъ 170 — 500 сажень шириною), пропускающій только мелкія суда и промысловыя лодки за крайнимъ своимъ мелководьемъ (отъ 6 до 40 футь). Сопровождаемый множествомъ отмелей, Мурманскій рукавъ выпускаетъ изъ себя, въ свою очередь, обширный мелководный плесъ, метко прозванный *Поганымъ устьемъ*, глубина котораго доходить по мѣстамъ только до 5 футь.

Третій рукавъ, или устье Двины — *Пудожемскій* — идетъ отъ города на протяженіи 45 верстѣ, въ ширинѣ отъ 300 до 600 сажень, а на самомъ сѣверномъ концѣ разливается до 4½ верстѣ. Рукавъ этотъ пригоденъ только для самыхъ мелкихъ судовъ (глубина 17 футь) и опасенъ ложнымъ фарватеромъ — *заманихой* *) — и дальнимъ мелководіемъ, доходящимъ только до 2 футь.

Послѣднее, четвертое, самое южное устье — *Никольское* — отдѣляется отъ Пудожемскаго рукава и идетъ на западъ между шестью островами, и течетъ *висками* (мелкими рукавами), которыя соединяютъ его и рѣку Малонурью съ устьемъ Пудожемскимъ. Никольскимъ устьемъ проходятъ крупныя морскія суда (глубина Никольскаго рукава доходитъ до 30 футь, и на барѣ, у острова Ягры, до 8 футь въ малую воду).

Вотъ весь географическій видъ устьевъ Сѣверной Двины. Предоставляя дальнѣйшія скудныя подробности ихъ описанія специалистамъ, спѣшу обратиться къ берегамъ этихъ устьевъ и поискать на нихъ жизни, которою вообще не похвалится ни одно изъ устій большихъ русскихъ рѣкъ, всегда засыпанныхъ песками, обездоленныхъ растительностью и всѣми признаками и задатками для живой, сосредоточенной и упорной дѣятельности. Не похвалится и двинскія устья жизненною дѣятельностью прибрежнаго человѣка и многочисленнымъ заселеніемъ, и едва ли не

---

*) Въ двинскія устья опасны, сверхъ всего, правильными приливами во время разлива рѣки, называемаго *манихой*. Маниха случается за 3¼ часа до полной воды и продолжается не долѣе ¼ часа. При отливѣ она неприятна; періодъ возвышенія воды продолжается нѣсколькими минутами долѣе, чѣмъ пониженіе. У Соломбальскаго адмиралтейства возвышеніе прилива до 2½ фута, безъ пособія вѣтра.

меньше всёхъ они имѣють на то право. Песчаными отмелями, косами, какъ-бы временно выплывшими изъ моря, чтобы вскорѣ затопиться снова водой, глядятъ всё острова двинскихъ устьевъ, въ частяхъ ихъ, ближнихъ къ морю. На нѣкоторыхъ нѣтъ вовсе никакой растительности, на иныхъ она вся выяснилась бѣдно и тускло въ тщедушномъ ивнйѣ и какъ-бы за тѣмъ, чтобы далѣе вовсе перейти въ мертвенную бесплодность неогляднаго моря, Бѣлаго моря. На сколько развита здѣсь населенность — для этого обращаюсь къ послѣднему изъ устьевъ, къ Никольскому.

Въ 4 $\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Никольскаго бара и въ 34 верстахъ отъ Архангельска, у Никольскаго устья рѣки Двины одиноко бѣлѣются стѣны бѣднаго, полупустыльнаго третьекласснаго монастыря Никольско-Корельскаго, достопамятнаго тѣмъ, что сюда въ 1553 году присталъ англичанинъ Ченслеръ, отыскивавшій путь въ Индію и нашедшій у царя Ивана-Грознаго гостеприимство и ласки и получившій потомъ право на торговлю съ Россіею. Это былъ первый шагъ къ основанію заграничной торговли Россіи морскимъ путемъ, чрезъ Бѣлое море; и здѣсь же подлѣ монастырскихъ стѣнъ существовала корабельная пристань иностранныхъ судовъ. И вотъ почему англичане долгое время и новый портъ свой, городъ Архангельскъ, называли *портомъ* св. Николая. Съ 1584 года обезлюдѣло мѣсто подлѣ монастыремъ, со времени заведенія новаго, хотя и дальнаго порта; безлюдьемъ глядитъ оно и теперь и тоскливо смотрится на дальное, безпредѣльное море, на пустынный берегъ монастырской и на туманность противоположнаго, и, наконецъ, на бревенчатая, старыя стѣны монастыря Никольскаго. Въетъ отъ нихъ дальною древностью *) и носятъ въ воспоминаніяхъ грустныя картины при одномъ представленіи о причинахъ основанія стѣнъ этихъ и самаго монастыря.

Возстаетъ изъ дальныхъ вѣковъ увлекательный, но еще неразгаданный образъ Мары Борецкой, посадницы Великаго-Новгорода, которой повиновалась строптивая республика, которой побаивался необязливый царь московскій Иванъ-Третій.

---

*) Каменное строеніе монастырскихъ церквей относится ко временамъ царя Алексѣя Михайловича (между 1664 — 1673 г.).

Сильная нравственнымъ значеніемъ своимъ среди свободнаго народа, богатая дарами природы и деньгами, владѣтельница многихъ вотчинъ, за смертію мужа, независимо отъ сыновей, счастливая, наконецъ, семейною любовью и сыновьями, Марѳа — какъ говорить народное преданіе — отравила двухъ изъ нихъ. Антона и Феликса, осмотрѣть свои поморскія вотчины. Вотчины эти, разсыпанныя по всему западному берегу моря, не были еще на тотъ разъ подарены игумену Зоозимъ — основателю Соловецкой обители. Благополучно осмотрѣли сыновья Марѳы всѣ дальнія отъ Двины вотчины, осматривали уже ближнія къ Двинѣ на Лѣтнемъ берегу моря и, счастливые окончаніемъ порученія, плыли уже на Холмогоры къ Никольскому устью. Случалась ли крѣпкая буря, везъ ли ихъ несвѣдущій кормщикъ, обманулъ ли плователей фальшивый приливъ мантиха — преданіе молчитъ, но утверждаетъ, что сыновья Марѳы потонули и потомъ уже на двѣнадцатые сутки выброшены были морскими волнами на берегъ. На томъ именно мѣстѣ и погребены были тѣла ихъ и тутъ же вскорѣ Марѳа поручила построить монастырь съ церковью во имя святителя Николая, подлѣ которыхъ и находятся (на сѣверной сторонѣ) гробницы потонувшихъ. Марѳа, тоскуя о сыновьяхъ, награждала, между тѣмъ, монастырь вотчинами, подарила сѣнокосные луга, тони и селоварницы и прислала отъ себя на то грамоту такого содержанія: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ раба Божія Марѳа списа сіе рукописаніе при своемъ животѣ, поставила есми церковь храмъ святаго Николы, въ Корельскомъ, на гробѣхъ дѣтей своихъ Антона да Феликса, а дала есми въ домъ святаго Николы куплю мужа своего Филиппа на Лавлѣ островѣ село, да въ конечныхъ два села, по Малонурѣ пожни и рыбныя ловища, и по церковной сторонѣ и до Кудмы, и вверхъ по Кудму и до овера, а въ Нѣноксы вмѣсто засѣки и полянка, приназываю домъ святаго Николы господину своему дѣверу Федору Григорьевичу и его дѣтямъ и Леонтью Аввакумовичу и зятю своему Аеромѣю Васильевичу, а на то Богъ послухъ и отецъ мой духовной игуменъ Василей святаго Спаса; а кто се рукописаніе приступитъ или нарушитъ, а наши памяти залягутъ, сужуся съ нимъ передъ Богомъ въ день страшнаго суда....»

И вотъ, переходя отъ воспоминаній о судьбѣ несчастныхъ сыновей Марѳы, получаемъ, при видѣ церкви Успенія, новыя

твѣрдыя впечатлѣнія. Здѣсь подъ храмомъ долгое время существовала тюрьма и въ ней заключались государственные преступники. Здѣсь страдалъ, лишенный сана, новгородскій архіепископъ Θεодосій, при Екатеринѣ I-й.

На соборной колокольнѣ (каменной, съ часами) виситъ колоколъ съ двумя надписями, изъ которыхъ первая гласитъ, что «лѣта 7182 (1674), іюля въ 25-й день, вылитъ сей набатный колоколъ въ Кремль городъ у Спасскихъ воротъ, вѣсу 150 пудовъ. Во второй подписи видно, что «7189 (1681) года, марта въ первый день, по имянному великаго государя царя и великаго князя Θεодора Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, указу, данъ сей колоколъ къ морю въ Николаевскій-Корельскій монастырь за государское многолѣтнее здравіе и по его государскимъ родителямъ въ вѣчное поминовеніе неотъемлемо при игуменѣ Арсеніи». Основываясь на первой подписи (невырѣзной) народное преданіе говоритъ, что этотъ колоколъ—знаменитый *вѣчевой новгородскій*, который былъ привезенъ Іоанномъ вмѣстѣ съ Мареею и другими знатными новгородцами въ Москву. Марееа была посажена въ тюрьму, а вѣчевой колоколъ, который она умѣла своевременно употреблять въ дѣло и не употребляла его предательски, былъ повѣшенъ у Спасскихъ воротъ и назывался уже *набатнымъ*. Вскорѣ будто-бы колоколъ разбился, или былъ разбитъ нарочно, а въ 1674 году перелитъ въ новой, со второю, приведенною выше надписью (вырѣзною). Преданіе это можетъ подлежать еще нѣкоторому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что новгородская лѣтопись не упомянула (а можетъ-быть, и забыла упомянуть) о томъ, что вѣчевой колоколъ перевезенъ былъ въ Москву. Народъ же архангельскій, получившій бытіе и жившій новгородскимъ именемъ, подъ новгородскимъ вліяніемъ и съ новгородскимъ духомъ, могъ приписать никольскому колоколу это преданіе. Тѣмъ болѣе можно это предположить, что и преданіе объ основаніи монастыря тѣсно связано съ именемъ Марееы. Нѣкоторые скептики отвергаютъ даже подлинность грамоты Марееы, выданной монастырю, и почитаютъ ее подложною, но невольною поддѣлкою корыстолюбивыхъ монаховъ. А, между тѣмъ, въ монастырѣ хранится до сихъ поръ портретъ Марееы Посадницы, работы того времени, грубой, но имѣющей нѣкоторое вѣроятіе сходства.

Въ двинскомъ лѣтописцѣ подъ 6927 (1419) годомъ упоминается, что этотъ монастырь «мурмане (норвежцы и датчане) пожгли и чернцовъ посѣкли». Церковь Срътенія съ придѣломъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ, построенная въ 1719 году на гробахъ усопшихъ дѣтей Марѳы, сгорѣла и вновь отстроена въ 1735 году.

И вотъ всѣ историческія данныя о монастырѣ Никольскомъ-Борельскомъ, скудномъ въ настоящее время числомъ своей братіи и постепенно приходящемъ въ упадокъ. Бѣдно глядитъ и сосѣдняя съ монастыремъ (къ юго-востоку) небольшая деревушка.

Не меньшимъ безлюдьемъ встрѣчаетъ всякаго и другое селеніе двинскихъ устій, расположенное близъ истока Березовскаго устья въ 27-ми верстахъ отъ Архангельска—Лапоминка. Ни за то селеніе это выстроилось при гавани, которая считается лучшимъ и даже единственнымъ мѣстомъ для зимовки большихъ военныхъ судовъ. По этой причинѣ здѣсь построены въ 1821 году новый домъ и казармы для караульнаго офицера и матросовъ, назначаемыхъ къ зимующимъ военнымъ судамъ. Гавань эта устроена въ 1734 году. «Въ 1805 года—какъ говорить г. Рейнеке въ своемъ гидрографическомъ описаніи Бѣлаго моря—въ остереженіе отъ желтой горячки, свирѣпствовавшей въ Испаніи, устроенъ на островѣ Чижовѣ карантинъ для приходящихъ судовъ. Въ 1812 году дѣйствіе карантина прекращено. Въ 1815 строеніе это перенесено съ болотистаго острова Чижова на материкъ къ устью рѣки Лапы». «Въ свободное отъ службы время—говоритъ онъ ниже—смотритель и нижніе чины занимаются охотою въ лѣсахъ и рыболовною ловлею». По берегу гавани расположены строенія, а у сѣвернаго конца его устроены деревянные пристани.

По пути отъ Лапоминской гавани къ Архангельску, на песчаныхъ скудно покрытыхъ чахлыми кустарниками прибрежьяхъ Березовскаго устья Двины, находится, въ 20 верстахъ отъ города, Новодвинская крѣпость, основанная Петромъ Великимъ въ 1701 году. Самъ государь присутствовалъ при заложении этой крѣпости на Линскомъ острову и жилъ въ домикѣ, выстроенномъ на островѣ Марковѣ *). Крѣпость имѣетъ видъ

---

*) Островъ Марковъ лежитъ въ нѣсколькихъ саженихъ отъ крѣпостнаго берега. Проходъ между нимъ и крѣпостью вначалѣ прошлаго столѣтія

квадрата, съ четырьмя бастіонами и однимъ рavelиномъ. Вокругъ вала ессесбрея окружена водянымъ ровомъ, а наружная сторона главнаго бруствера, также эскарпъ и контръ-эскарпъ одѣты тесанымъ плитнымъ бѣлымъ камнемъ. Внутри крѣпости находятся нѣсколько казармъ для гарнизона, домъ для коменданта и церковь во имя апостоловъ Петра и Павла. Строенія — все деревянныя. Къ югу, на пушечной выстрѣль, построено нѣсколько домиковъ для отставныхъ женатыхъ солдатъ и для офицеровъ. Въ крѣпости, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея, подъ деревяннымъ навѣсомъ хранится какъ святыня, тотъ домикъ, въ которомъ жилъ великій преобразователь Россіи на островѣ Марковѣ. Оттуда перенесенъ былъ домикъ этотъ съ той горы, когда ледъ двинскій начало спирать на мелководномъ проходѣ и островъ Марковъ сильно заливать водой. Дворецъ началъ уже загнивать, но былъ при перенесеніи поправленъ, нѣсколько подновленъ и въ настоящее время представляетъ уже нѣкоторый видъ замѣтнаго разрушенія. Вскорѣ по строеніи, Новодвинская крѣпость выдержала испытаніе отъ набѣга на двинское Березовское устье шведовъ. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ событіи современникъ его, архіепископъ Аеанасій, въ своихъ запискахъ:

1701 года, 24-го іюня, на двинское Березовское устье пришли швейскіе ратные люди на четырехъ военныхъ корабляхъ, на двухъ фрегатахъ и одной яхтѣ подъ англійскимъ и голландскимъ флагами, и стали въ вечеру близъ острова Мудьюгскаго на якоряхъ. По утру на другой день капитанъ мудьюгской заставы, полагая, что суда эти торговыя, пріѣхалъ ихъ осматривать съ однимъ прапорщикомъ, писаремъ, съ 16-ю рядовыми, барабанщикомъ и двумя толмачами изъ архангельскихъ горожанъ. Солдаты были спрятаны. Но когда вошли досмотрщики на суда, то принуждены были сдаться военноплѣнными. Непріатели до-

---

заграждался цѣпью, и въ письменныхъ видахъ, выдаваемыхъ на пропускъ кораблей, писали коменданту, что дозволяется пропустить судно *по за Маркову острову*. Впослѣдствіи проходъ этотъ обмелѣлъ, особенно съ 1747 года, и съ того времени отмѣнено было это препятствіе и замедленіе судамъ, и значеніе Новодвинской крѣпости, какъ мѣста охраны, ослабло. Правда, однакожъ, что она въ прошлую войну вооружалась нѣкоторымъ числомъ батарей.

просили ихъ о состояніи крѣпости, о проходѣ по Двинѣ до города и разсадили ихъ всѣхъ порознь. Потомъ, за четыре часа до ночи, непріатели отрядили фрегаты и яхту подъ тѣми же флагами въ Двину съ провожатыми: монастырской службою Иваномъ Рябовымъ, взятымъ у Основца, и переводчикомъ Дмитриемъ Борисовымъ, захваченнымъ въ Мудьюгѣ. Не доходя крѣпости, они были встрѣчены другимъ осмотромъ, явившимся изъ крѣпости въ числѣ 35 человекъ. Этихъ встрѣтили они тоже ласково и дружелюбно приняли ихъ къ фрегату, и съ ними послѣдовало бы тоже самое, что и съ прежними, если бы одинъ изъ стрѣльцовъ не далъ знать своему головѣ объ опасности, замѣтивъ въ пушечное окно вооруженныхъ людей. Отпихнувшись отъ фрегата, новодвинскіе стрѣльцы поплыли обратно, направивъ судно такъ, чтобы поднявшимся бортомъ защищаться отъ выстрѣловъ. Однако, пятеро изъ нихъ были убиты, шесть человекъ ранены. Прочіе, доплывъ на суднѣ къ мели, вышли на берегъ и гѣсомъ пробрались въ крѣпость. На непріательскомъ суднѣ въ свою очередь убитъ былъ командиръ. Тамъ плѣнные сговорились между собою такъ чтобы завести непріателей въ прилукъ крѣпости на мель, что и исполнили, хотя и несовсѣмъ удачно. Фрегатъ и яхта съли на мель, другой фрегатъ, шедшій свади, остался на вольной водѣ. Виновики непріательскаго злоключенія были умерщвлены; спасся одинъ Рябовъ, притворившійся мертвымъ за трупомъ своего товарища Борисова. Съ крѣпости, между тѣмъ, началась пушечная стрѣльба; убито было нѣсколько непріательскихъ и одинъ стрѣлецъ изъ нашихъ. У фрегата, стоявшаго на вольной водѣ, отбить былъ руль, люди съ обмелѣвшихъ судовъ бросились туда на мелкихъ лодкахъ. Изъ крѣпости посланы были стрѣльцы, которые и взшли на разбитой фрегатъ и яхту, а другіе добрались до нихъ въ бродѣ. Здѣсь нашли они бочку патроновъ и, заряжая ружья, много пороху въ торопяхъ рассыпали по палубѣ. Фрегатъ пустился въ бѣгство, но одинъ пушкарь успѣлъ направить на убѣгающій фрегатъ пушку, которая была прежде заряжена непріателями, и зарядилъ ее чиненымъ ядромъ. Отъ этого двойнаго заряда и отъ начиненнаго ядра по выстрѣлѣ много посыпалось искръ, отъ которыхъ взорвало порохъ, оторвало корму у фрегата, семь человекъ убило до смерти и десятерыхъ ранило. Непріатели на остальномъ фрегатѣ старались поспѣшно удалиться.

Придѣлавъ къ нему руль отъ сплутнаго затопленнаго и заброшеннаго промысловаго судна, они вскорѣ достигли своей цѣли и, такимъ образомъ, вышли на взморье къ прочимъ своимъ кораблямъ. «Симъ кончилось неудачное ихъ на городъ покушеніе; однако, великое они послѣ въ Поморьѣ сдѣлали разореніе....»

Въ 1702 году, 29-го іюня, въ день тезоименитства своего, Петра I присутствовалъ уже при освященіи крѣпостной церкви. Освященіе совершалъ архіепископъ Афанасій. Храмъ былъ украшенъ большими и маленькими знаменами. Изъ оконъ и кровли были свѣшены разныя знамена и флаги. По окончаніи обряда и по выходѣ царя изъ церкви, войска выпалили изъ ружей. Тогда загрохотали и крѣпостныя пушки. «Стоящій на церковномъ крыльцѣ государь слушалъ съ несказанною радостью—говорить лѣтописецъ, и потомъ прибавляетъ: «По семъ великій государь отправился на другую сторону черезъ Двину въ шляпкахъ во свой дворецъ. Въ сей день, еще два дня торжественные за собою ведущій, былъ столъ у его величества всѣмъ знатымъ чиновникамъ и стрѣльба продолжалась до самаго вечера. Сего стола великолѣпіе довольно показываютъ сороковыя бочки, пополамъ распиленные и наливаемые ренскимъ виномъ и простымъ, и пиво каждому открытое».

На дальнѣйшемъ пути къ Архангельску, по скучной пустынной и однообразной дорогѣ, находится при двинскомъ рукавѣ Маймакѣ (въ 7 верстахъ отъ города) верфь, заведенная сначала архангельскимъ купцомъ Прокофьемъ Пругавинымъ (въ 1766 г.) и прибрѣтенная потомъ Брантомъ *). Тутъ же, по близости, паровой лѣсопильной заводъ того же Бранта, заведенный имъ вмѣстѣ съ Классеномъ въ 1822 году. Тутъ же на правомъ берегу Маймаксы, былъ прядильной заводъ купца Митрополова и складочные сараи для хлѣба. Все это, съ 1822 года, запустѣло (**).

---

*) Изъ другихъ корабельныхъ верфей (теперь упраздненныхъ) находились въ сосѣдствѣ съ Архангельскомъ еще двѣ: 1-я, Гомовская или Фразерская въ 8 верстахъ отъ города, и 2-я, верфь Быковская (въ 5 верстахъ) принадлежавшая первому ея заводчику, архангельскому купцу Никитѣ Брылову, и учрежденная въ 1733 году.

**) Другой лѣсопильной заводъ существуетъ въ настоящее время на лѣвомъ берегу Двины, при рѣчкѣ Мечкѣ, въ 25 верстахъ отъ Архангельска.

Довольно-густымъ березникомъ идетъ дорога на дальнѣйшемъ протяженіи своемъ отъ Новодвинской крѣпости и отъ рѣчки Маймаксы по тому острову, который носитъ общее названіе Соломбальскаго. На то время, когда я совершалъ эту поѣздку, стоялъ сентябрь мѣсяць; листъ на деревьяхъ началъ уже желтѣть отъ крѣпкихъ утренниковъ, посреди дня и къ вечеру надолго устаивалась еще жара — лѣтняя жара. Мириады комаровъ, преслѣдовавшіа насъ на всемъ прежнемъ пути, не отставали и едва ли не увеличились въ своемъ докучливомъ, невыносимомъ числѣ, когда мы проѣхали березникъ и обнаружили первые домики, какъ-бы предмѣстье слѣдующаго за тѣмъ адмиралтейскаго казеннаго селенія Соломбалы. Глубокіе пески, тянувшіеся всю дорогу отъ крѣпости, на этотъ разъ были съ трудомъ одолѣваемы парю измученныхъ зноемъ лошадей. Песками этими засыпаемы были и всѣ улицы селенія, расположенныя въ симметрическомъ порядкѣ и въ замѣчательной прямизнѣ. Въ такой же точно прямизнѣ и въ такихъ же порядкахъ тянутся эти улицы и за предмѣстьемъ селенія, такъ-называемымъ Березникомъ. Рядъ двухъ-этажныхъ домовъ, крытыхъ и обшитыхъ тесомъ, идетъ по обѣимъ сторонамъ; дома кажутся на видъ, пожалуй и приглядными, если только можетъ это дѣлать крайняя бѣдность и если только можетъ это позволять скромный достатокъ, пріѣхавшійся тутъ. Дома эти принадлежатъ тѣмъ матросикамъ, которые обязаны работами въ адмиралтействѣ и успѣли завестись хозяйствомъ или вслѣдствіе умѣнья зашибать и беречь копѣйку, или вслѣдствіе брака и по наслѣдству. Присутствіе хозяевъ не трудно наслѣдить тотчасъ же, обративъ лишь вниманіе на нижній этажъ дома, заставленный

Вблизи его при рѣкѣ Ширшѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ ея впаденія въ Двину находится Ширшенскій, казенный заводъ, нѣкогда якорный, теперь приготовляющій только желѣзныя книсы и другія громоздкія вещи. Заводъ дѣйствуетъ водою. Онъ устроенъ въ 1734 году изъ мукомольной мельницы, принадлежавшей Сійскому монастырю. Вторая плотина завода пускаетъ воду на механизмъ лѣсопилы и токарни, улучшонные значительно съ 1829 года. Близъ нихъ, въ особомъ зданіи, литейная для мѣдныхъ и чугуныхъ принадлежностей къ военнымъ судамъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ якорный заводъ, устроены каменные зданія для молотобойны и литейной. Селеніе Ширшинское, или Ширшеминское, имѣетъ не болѣе 500 человекъ жителей.

горшвами герани, изъ-за которой выглядѣтъ и запачканное личико ребенка, и доснищающееся отъ безмятежной жизни и красное отъ избной духоты лицо или хозяйки дома, или ея дочери-не-вѣсты. Нерѣдко пробѣжить туда и отецъ или мужъ, въ парусинной курткѣ и матросскихъ чикчирахъ, съ казенныхъ работъ въ адмиралтействѣ на новые труды домашніе для поддержанія семейства. И вотъ почему большая часть домовъ, или даже едва-ли не всѣ, обвѣшаны вывѣсками, которыя гласятъ, что въ нижномъ этажѣ дома живетъ сапожникъ, башмачникъ, портной, столяръ, слесарь, литографъ, рѣзчикъ печатей и костяныхъ бездѣлокъ, и проч. И вотъ почему Сбломбалу справедливо и безошибочно можно назвать мастерскою Архангельска, который находить здѣсь всевозможные роды ремеслъ, хотя представители ихъ и не изъ лучшихъ мастеровъ, хотя работа ихъ всегда грубовата и не удовлетворитъ даже и неслишкомъ взыскательному вкусу, и все это, конечно, по той простой причинѣ, что соломбальскіе мастера, какъ и всѣ казенные по всему лицу русскаго царства, берутся за дѣло не по призванію, а по волѣ начальства. Нѣкоторою сносною отчетливостію отдѣлки отличаются только тѣ предметы ремеслъ, которые часты и обыденны въ домашнемъ и общественномъ быту, которые потребовали, стало-быть, навыку и частыхъ занятій, какъ, напримѣръ, сапожное, столярное, башмачное и проч. Есть, пожалуй, и брилліантщики, и часовые мастера, и мастера золотыхъ и серебряныхъ издѣлій; но эти мастера — *мастера-горе*, по словамъ народнаго прісло-вья. Но—продолжаемъ наглазныи обзоръ селенія.

Вторыя жилья, или этажи, соломбальскихъ домовъ глядѣтъ значительно наряднѣе и какъ бы говорятъ сами за себя, что тамъ поселился народъ далеко не тѣхъ убѣжденій и не того сорта, какъ тѣ, которые заселили нижніе этажи домовъ этихъ. Изъ верхнихъ этажей услышишь и унылыя, словно надорван-ные звуки разбитыхъ, дешовенькихъ клавикордъ; подчасъ вырвется оттуда и дребезжанье гитары, и визгъ скрипки, которыми разбиваютъ свою тоску и скуку или жены офицеровъ, усѣвшихъ на долгой службѣ обзавестись и большой семьей, и маленькимъ хозяйствомъ, или флотскіе, штурманскіе офицеры, за-гнанные обязательствами службы на дальній Соломбальскій островъ къ бѣломорскому флоту.

И вотъ почему Сбломбала носитьъ всѣ признаки военнаго го-

родка. Гдѣ ни ступишь, куда ни пойдешь — непременно встрѣтишь или морскаго офицера, или матросика рабочаго экипажа. Выйдешь на рынокъ обставленный на-скоро сколоченными лавочками, ларями и столиками, и тутъ Соломбала не утрачиваетъ своего характера. Тотъ же отставной небритый матросикъ, та же бойкая щебетунья, матросская жонка — торговка; тотъ же холостой матросикъ, или рабочій съ иностраннаго судна, весь въ синемъ, съ перепачканнымъ и Богъ-вѣсть сколько времени невымытымъ лицомъ, рабочій съ иностраннаго купеческаго судна — покупатель. Разные предметы носильнаго платья и прочія «необходимыя прихоти» (табакъ, мыло, черствый пирогъ съ палтусиной, окаменѣлые прилики и баранки) — предметы продажи и купли, грошовый оборотъ торговли и копѣчный процентъ прибыли въ награду за дневное страданіе на жаръ и пыли, посреди безтолковаго, безхарактернаго базарнаго говора. Видишь подошвы, подгорѣлый «товаръ» на голенища — предметъ предпочтительнаго интереса и заботы матросиковъ; видишь готовые полотняныя рубахи и прочія принадлежности несложнаго гардероба — вещи, до которыхъ такъ падки заѣзжіе корабельщики....

Но... опять-таки Соломбала не теряетъ своего военнаго характера на дальнѣйшемъ протяженіи своемъ и за рѣчку Соломбалкою, разсѣкающею селеніе на двѣ половины. Черезъ рѣчку перекинута нѣсколько мостовъ и для пѣшеходовъ, и для конной ѣзды; тянется восторонѣ бѣдный, какъ-будто выщипанный садикъ, видится большая каменная церковь. Но церковь носить названіе морскаго Преображенскаго собора; противъ него тянутся двѣ огромныхъ казармы для нижнихъ чиновъ рабочаго экипажа, идутъ строенія адмиралтейства и выставляетъ свою мачту домъ главнаго командира порта — домъ, выстроенный по вѣсьмъ прихотямъ современнаго вкуса, изящно, удобно и помѣстительно.

Соломбальское адмиралтейство отдѣляется отъ селенія деревяннымъ заборомъ, и также, какъ и селеніе, разрѣзано на двѣ части рѣчками Соломбалкою и Курьюю: малое или лѣсное, адмиралтейство по берегу Двины укрѣплено сваями, но сваи эти почти уже сгнили и представляютъ видъ нѣкотораго разрушенія. Большое, или старое, адмиралтейство имѣетъ берега поднятыми деревянною набережною. Оно вмѣщаетъ пять эллинговъ,

на которыхъ до 1807 года строились военные корабли и фрегаты. (Теперь здѣсь только магазины съ кораблестроительными, артиллерійскими и комисаріатскими припасами). Стѣверное или новое адмиралтейство съ 4-мя элингами, на которыхъ, до сихъ поръ, производится строеніе военныхъ кораблей и фрегатовъ.

Какъ почва земли внутри адмиралтейства, такъ и внутри всего Соломбальскаго селенія образована изъ того балласта, которымъ грузятся иностранные корабли, въ ббльшей части случаевъ приходящіе сюда за товарами, но не съ товарами. Насыпь эта успѣла уже заполнить многія низменности, овраги и болотистыя мѣста въ селеніи; она же значительно подняла и двинскіе берега. Вотъ почему весьма важно то обстоятельство, что почва Сбломбалы образована изъ разнообразнѣйшихъ пластовъ береговъ Нѣмецкаго моря. Обстоятельство это получаетъ еще ббльшую важность по той причинѣ, что Сбломбала подвергается ежегодно, во время весенняго разлива водъ, значительной опасности. При вскрытіи рѣки, ледъ обыкновенно спирается на мелководьяхъ двинскихъ устьевъ и тамъ стоитъ долгое время. Вода на ту пору выступаетъ изъ береговъ и затопляетъ все Соломбальское селеніе (понимаетъ водополюемъ— по мѣстному выговору). На мой прїездъ ледъ вынесло скоро въ море и вода въ Сбломбалѣ стояла не высоко: Но вотъ что рассказываютъ объ этомъ явленіи тѣ, которымъ ежегодно приводится испытывать разливы весеннихъ водъ. Взморье все уже потонуло въ водѣ, рѣка вздулась и хлынула изъ береговъ съ ужаснымъ ревомъ въ началѣ и съ сосредоточеннымъ молчаніемъ расплывается по улицамъ, постепенно топить все и, размывши мостки, несетъ ихъ по улицамъ, которыя на этотъ разъ имѣютъ видъ ваналовъ. Меньше, чѣмъ въ три-четыре часа, вода, скопляясь, понимаетъ собою нижнія жилія соломбальскихъ домовъ, доходитъ до верхнихъ. Хватаетъ все забытое, все попавшееся ей на пути: кадку, зыбку ребенка, стулъ, столъ, все это несетъ, бьетъ въ щелу о спопутные углы. Все населеніе выбирается на верхніе этажи, на крыши, или размѣщается на карбасахъ и лодкахъ, и съ веселыми пѣснями, съ громкимъ смѣхомъ ѣздитъ изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Ѣдетъ въ тѣхъ карбасахъ и чиновникъ, и офицеръ на службу, Ѣдетъ и праздная молодѣжь отъ крайнаго бездѣлья на пущее свое веселье и удовольствіе. Всѣмъ весело, всѣмъ отрадно; не весело,

можетъ быть, тѣмъ только, у кого большая заблудившаяся льдина выломала крышу, снесла углую хату, разбила уголь, стекла, вышибла двери и проч., и проч. Говорятъ, что картина соломбальскаго потолка полна интереса, забавныхъ эпизодовъ, двусмысленныхъ остротъ и каламбуровъ; говорятъ, что на этотъ разъ въ Соломбалѣ происходитъ родъ разгульнаго, карнавальнаго веселья на манеръ Венеціи, Парижа, Рима. И вотъ почему каждый соломбальскій домъ обязанъ имѣть наготовѣ лодку. Говорятъ, что, на случай подобныхъ нечаянностей, строились и дома съ особенной архитектурой: узкіе съ фасада на улицу, длинные во дворъ, они тѣсно пристраивались одинъ къ другому и имѣли крытые дворы, такъ что, съ птичьяго полета, крыши селеній представляли сплошную массу, неправильную, но оригинальную. На этихъ крышахъ укрывали скотъ и другія принадлежности хозяйства — обыкновеніе, теперь оставленное по той простой причинѣ, что такой сплошной рядъ крышъ усугублялъ свирѣдость пожаровъ, по счастью, однако, рѣдкихъ въ Соломбалѣ. Теперь рѣдко увидишь сплошныя крыши и часто-составленные дома. Соломбала имѣетъ уже поразительное сходство со всеми пригородами большихъ городовъ, хотя взять петербургскіе Пески, Выборгскую Сторону, московскіе Бутырки и проч.

Скучное и однообразное зимою, Соломбальское селеніе сильно оживляется лѣтомъ со времени открытія навигаціи. Архангельскъ какъ-будто вымираетъ на все это время, уступая все свое Соломбалѣ. Шумная дѣятельность здѣсь сосредоточивается, помимо рынка и рыночной площади, естественно, въ *завани*, которая тянется за адмиралтействомъ и морскими казармами по направленію къ Маймаксѣ. Двина тутъ такъ глубока, что позволяетъ иностраннымъ купеческимъ кораблямъ становиться о-берегъ, крутой и значительно-приглубой. По берегу Двины тянется рядъ домовъ пригляднаго вида. Это или купеческія конторы съ надписями «office», или пакгаузы, или гостиницы, съ названіемъ *taverne* и съ прибавленіемъ въ большей части случаевъ имени города, откуда являются въ Соломбальскую гавань пришельцы: London, Madride, Brüssel, Paris и проч. Здѣсь въ любую пору лѣтнаго дня, если только не побоятся мириадъ комаровъ и песчаной пыли, встрѣтишь новыя, своеобразныя картины, хотя въ бѣльшихъ случаяхъ одно и то же: важныхъ

каптеновъ съ жонами, или разгуливающихъ подъ ручку по палубѣ, или по берегу, или шкиперовъ, задранныхъ ноги на крыльяхъ городской пролетки. Увидишь страшныхъ бульдоговъ, привязанныхъ на кораблѣ, юнговъ-мальчишекъ съ котлами и чашками у нарочно-устроенныхъ на берегу закопченныхъ кухонъ, асеевъ *)—рабочихъ матросовъ болтающихся по палубѣ; услышишь отвашливанья и монотонную пѣсню-припѣвокъ, которую припѣваютъ для подспорья работѣ дрягилей шкивидоры русскіе и которой не мѣсто въ печати. Здѣсь, въ этой же гавани, полной на ту пору и своеобразной жизни, однообразной только въ цѣломъ, съ трудомъ уловимой въ подробностяхъ, увидишь подчасъ и кровопролитныя сцены, безъ которыхъ почему-то рѣдко обходится столкновение русской національности съ другими, чужеземными. На моихъ глазахъ одного извозчика травилъ бульдогомъ, другаго матросика избилъ до полусмерти за какую-то рѣзкую, вѣрнѣе насмѣшку надъ однимъ изъ вспыльчивыхъ и гордыхъ асеевъ. Можно, пожалуй, замѣтить и другое, что способно отвратить и глаза, и напугать воображеніе при самомъ терпѣливомъ вниманіи. И все-таки не удивишься довольно шумной и разумно-сосредоточенной дѣятельности въ гавани. И невольно возстаетъ образъ Петра, опять таки перваго основателя заграничной торговли въ такомъ обширномъ и шумномъ размѣрѣ, и снова останавливаешься на воспоминаніяхъ объ немъ.

Разъ—говорить преданіе—онъ гулялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь селеніе, и увидѣлъ крестьянъ и крестьянокъ окрестныхъ деревень, жавшихъ рожь въ окрестныхъ поляхъ. Долго смотрѣлъ государь на работы и на разноцвѣтныя, разнообразныя группы жнецовъ и надумалъ дать имъ пиръ тотчасъ и тутъ, на открытомъ воздухѣ. Тогда же онъ отдалъ приказаніе объ

---

*) Слово *асей*, какъ извѣстно, происходитъ отъ англійскаго «I see»—«послушай» слова, часто попадающагося въ разговорѣ иностранцевъ, которые, въ свою очередь, русскихъ, имѣющихъ съ ними сношенія, прозвали словомъ *слишты*, отъ «слышь-ты», также нерѣдкаго въ языкѣ нашихъ православныхъ. Этимъ именемъ *слишты* обзываютъ они всѣхъ работниковъ русскихъ при нагрузкѣ судовъ и другаго названія не знаютъ. Говорятъ: «найми мнѣ два слишты (т.-е. двухъ работниковъ)»; «приведи десять слишты», и проч.

этомъ Меншикову, но этотъ отказался немнѣишемъ столовъ и скамѣекъ. Петръ приказалъ снести съ поля снопы. Изъ высокихъ ветлѣгъ сдѣлать столы и накрыть ихъ скатертью, коротенькіе и маленькіе снопы употребить вмѣсто стульевъ. Импровизированный балъ состоялся; было шумно и весело. Государь былъ доволенъ своей выдумкой и пиромъ и въ заключеніе пиршества сказалъ, обратившись къ приближеннымъ:

— Вотъ настоящій соломенный балъ!

Съ этихъ словъ государя будто бы и начинавшемуся впоследствии строиться на томъ мѣстѣ селенію дано было имя, наминавшее слова Петра—имя *Соломбалы*.

Исторически достовѣрно то, что начало заселенія Соломбалы современно началу архангелогородской казенной верей, около 1700 года. На островахъ этихъ, близъ верей, отводились мѣста чиновникамъ и рабочимъ людямъ, и такимъ образомъ, годъ отъ году, селеніе распространялось, какъ свидѣтельствуетъ о томъ г. Литке. Но также исторически достовѣрно и то, что имя Соломбалы упоминается двинскимъ лѣтописцемъ еще въ XVI вѣкѣ, а имя рѣки и, стало-быть, самаго селенія, по корнесловію—чуждое. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ право сомнѣваться въ справедливости вышеприведеннаго народнаго преданія. Но... обращаясь снова къ селенію.

Соломбалское селеніе, примывая съ одной стороны къ Двинѣ, съ другой къ Маймаксѣ, съ двухъ остальныхъ сторонъ омывается рѣкою Бузнечихою—рукавомъ той же Двины. Прямо противъ адмиралтейства за рѣкою Двиною и за устьемъ Кузнечихи всплываетъ островъ Моисеевъ. На немъ разведенъ садъ, носящій характеръ нѣкоторой дикости, построена бесѣдка; но гулянья тамъ не состоялись за домовитостью ли архангельскихъ жителей, или по другой какой-либо причинѣ—неизвѣстно.

Отъ Моисеева острова, противъ самаго адмиралтейства, растянулась параллельно мель, оставившая глубокой, быстрый, но тѣсный протокъ. Мель эта часто мѣшаетъ благопріятному спуску новаго корабля изъ адмиралтейства.

Смотря изъ адмиралтейства, невольно увлечошься живописными разнообразными видами, которые располагаются по ту сторону рѣки Двины. Вотъ, вырываясь изъ тѣнины Моисеева острова, Двина ширится на трехверстномъ пространствѣ

и чуть виднѣются селенія *) противоположнаго берега. Вотъ, вдали, тѣснитъ ширину рѣки новый островъ, длинный и песчаный, изъ-за скудной, обманчивой зелени его выясняется и серебрится надъ нею крестъ Кегъ-островской церкви. Вотъ налѣво потянулись зданія длиннаго города Архангельска, который въ цѣломъ не лишонъ картинныхъ, увлекательныхъ подробностей: вонъ развалины нѣмецкаго гостинаго двора, огромный заводъ Бранта, прихотливые дома архангельскихъ негоціантовъ. Ближе къ нимъ бѣлѣтся каменное зданіе полубатальйона военныхъ кантонистовъ, съ которыми соединяются теперь для меня и пріятныя, и грустныя воспоминанія о томъ добромъ и честномъ человѣкѣ, которые такъ рѣдки на землѣ и съ трудомъ достаются на долю странниковъ, заброшенныхъ на чужбину. И шлешь ему благодарный привѣтъ, и несешь горячую и искреннюю слезу на его раннюю, скорбную могилу, и желаешь ему вѣчной памяти, заслужонной имъ честною жизнію и незлобными сердечными отношеніями къ людямъ и ко всему въ жизни...

И вотъ влѣвъ кузнецовская церковь и дальше въ сторонѣ отъ нея желтѣютъ зданія военно-сухопутнаго госпиталя... И

---

*) Жители пригородныхъ селеній занимаются по большей части работами на судахъ, или по найму въ конторахъ архангельскихъ негоціантовъ. Нѣкоторые строятъ суда и занимаются всякою другою плотничьею работою. Не малая часть уходитъ въ Петербургъ на лѣсные дворы; остающіяся дома ловить рыбу по преимуществу семгу въ Двинѣ, зѣвря и бѣлугу въ двинскихъ устьяхъ, на отмельхъ мѣстахъ. Женское населеніе пригородныхъ селеній почти исключительно занято тканьемъ полотентъ, получившихъ нѣкоторую извѣстность и справедливую оцѣнку даже по дальнимъ мѣстамъ Россіи. Женщины эти толпами ходятъ по Архангельску и по гавани съ кусками своей *клетчины*. Ленъ для этихъ полотентъ они покупаютъ (въ Архангельскѣ, какъ извѣстно, ленъ не родится), очищаютъ сами, вычесывая начисто надъ водою до-тѣхъ-поръ, пока ни съ одной мочки не падаетъ въ воду ни кострики, ни пыли. Полотна эти, тонкостью, близкою и шириною, не уступаютъ привознымъ и не имѣютъ, однако, ни той плотности, ни той, крѣпости. Здѣсь велишимъ считаю упомянуть о той страсти къ коммерческимъ предпріятіямъ, которая такъ сильно развита во всемъ архангельскомъ женскомъ населеніи. Доказательство тому подгородныя ткачихи, солоубальскія матроски и кузнецовскія солдатки. Рыба треска, самодѣльные компасы, бураки, ковши, старое трѣпье, поношенная рухлядь— все идетъ въ оборотъ и ничто долго не залеживается дома.

опять чернѣетъ масса водъ въ широкомъ рукавѣ Двины—рѣкѣ Кузнечихѣ. Почти прямо передъ ногами виднѣется мостъ, перекинутый изъ Соломбалы на противоположной берегъ и сооружаемой ежегодно на сваяхъ при громкой и завѣтной, обшей всей Россіи, пѣснѣ:

Чтой-то свая наша встала?
Закопорщика не стало.
Ой, ребята, собирайся:
За веревочку хватайся!
Ой, дубинушка, ухнемъ!
Ой, зеленая, сама пойдеть—
Ухнемъ!

Перейдемъ по этому кузнечовскому мосту въ Архангельскъ.

2. АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Его исторія и настоящій характеръ города, по личнымъ наблюденіямъ.

Позднимъ зимнимъ вечеромъ подъѣзжалъ я въ первый разъ въ Архангельску. Непріятности дальнаго, слишкомъ-тысячеверстнаго пути возъмѣли всю свою силу: чувствовалась физическая истома, нравственная пустота, болѣлъ весь составъ тѣла, ныль, кажется, каждый мускулъ; воображеніе наполняли какіе-то мрачныя, невеселые образы. Тягостныя впечатлѣнія принесли за собою прошлые сутки, ничего хорошаго не сулили будущіе. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, казалось на то время, когда привелось осиливать послѣднія версты. Какъ будто вдвое-втрое лѣнныя плелись почтовые лошади, какъ-будто сильнѣе и чаще обстукивала послѣдніе ухаба и выбоины неладно-кроеная, но крѣпко-шитая почтовая кибитка. Какъ-будто на зло, въ этотъ разъ, и самое небо глядѣло сумрачнѣе, затянутое сплошною грядою облаковъ: ни звѣздочки на немъ, ни искорки. Сверкнетъ своими невеселыми огнями сполутная деревушка, обдастъ она тепломъ своимъ и опять непроглядная лѣсная чаща впереди и по бокамъ, и опять поле ровное, отдающее своимъ матовымъ, мертвенно-синимъ свѣжнымъ свѣтомъ. Волкъ бы взвылъ, собака бы взлаяла, хоть-бы сторожъ, наконецъ, гдѣ-нибудь

стукнулъ въ доску съ просоньевъ—повеселилъ-бы изнывшую отъ сосредоточенной тоски душу, испугалъ-бы истомленное до крайныхъ предѣловъ воображеніе. Почти пластомъ, почти бездыханнымъ трупомъ лежишь-себѣ въ кибиткѣ и думаешь думу: отсовѣтую я другу и недругу однимъ разомъ, безъ ночовокъ, одолѣвать въ дорогѣ большія пространства; северно: аппетиту лишаешься, сонъ не беретъ. Скажу я имъ: «хорошо ѣздить на петербургскихъ тройкахъ верстъ за 30, пожалуй, и за сорокъ; не дурно проѣхать и сто верстъ; но версты за сто уже утомляютъ; еще и еще дальше едва-выносимы, а за пятьсотъ уже каждая верста себя сказываетъ, каждая верста ложится на плечи тяжелымъ гнетомъ, давить сердце, тяготить душу, мертвить тѣло. Да и зачѣмъ такой рискъ, зачѣмъ такое самопроизвольное мученичество? Неужели только за тѣмъ, чтобы разомъ бросить себя въ дальней омутъ и умѣть потомъ выбираться оттуда? Неужели за тѣмъ, чтобы разомъ испытать горькую чашу, а не пить ее по каплямъ? Неужели и опять-таки за тѣмъ, чтобы слышать, какъ ямщикъ слѣзетъ въ послѣдній разъ съ козелъ и подвываетъ въ первой разъ на всемъ пути отъ Петербурга колокольчикъ?»

Колокольчикъ подвязывается за тѣмъ, что начинается губернской городъ (уѣздные города, какъ извѣстно, не удостоены этой чести), а въ немъ конецъ странствіямъ и мученіямъ: въ губернскомъ городѣ есть гостиница съ теплымъ чаемъ, съ кушаньями, есть и другія благодати....

— Куда тебя везтъ? спрашиваетъ, между тѣмъ, ямщикъ мой подъ Архангельскомъ.

— Въ гостиницу.

— А здѣсь нѣту гостиницы, нѣту ни единой.

— Вези на почтовую станцію.

— Да тамъ не становятся: комнать нѣту.

— Что же мнѣ дѣлать?

— А вотъ тольнемся въ трактиръ: можетъ, пустятъ.

— Сдѣлай милость!

Тольнулись въ трактиръ: пустили. Отгородили въ бильярдной одинъ уголъ ширмами—сталась комната: и то слава Богу. А, между тѣмъ, я въ новомъ городѣ, на новомъ мѣстѣ о-бокъ съ новыми впечатлѣніями.

Начну дѣло съ аза, по обычаю всѣхъ туристовъ, по обык-

новениямъ всѣхъ проѣзжихъ; начну съ вопросовъ у трактирщика: вотъ онъ и самъ передо мною: толстый такой, мрачный съ виду и какъ-будто готовъ править свою должность, отвѣчать на вопросы. Похваляю я ему родной городъ—онъ еще пуще разговорится.

— Хорошенькій вашъ городъ, большой такой.

— А вотъ завтра посмотрите; а я вамъ его не похваляю.

«Прикидывается, думаю; подзадорю его инымъ путемъ».

— Городу вашему нельзя быть некрасивымъ, нельзя быть небогатымъ: стоитъ близко моря, большую торговлю ведетъ, и торговлю заморскую, стало-быть, и народъ—умный, оборотливый, смышленный....

— Гордый! добавляетъ хозяинъ и затѣмъ молчитъ. Думаю: «не разговорчивъ»—и опять начинаю:

— Такихъ городовъ у насъ не много: Одесса, Астрахань, Рига, Ревель....

— Петербургъ, добавляетъ хозяинъ и опять молчитъ. Думаю: «надоѣло ему со всякимъ проѣзжающимъ толковать одно и то же»—и говорю:

— Ложились-бы вы, хозяинъ, спать: пора ужъ, что беспокоитесь?

— Намъ это въ привычку; а мы заѣзжому человѣку рады. Съ новымъ человѣкомъ какъ-то и говорить пріятно.

«Льстить, думаю, какъ и всякій, кому до кого какая нужда належить». Я попросилъ съѣсть—съѣлъ: поподчивалъ чаемъ—не отказался! И уставивши блюдечко на ручныхъ рогулькахъ, смотритъ мнѣ въ глаза и какъ-будто говоритъ своими: «спрашивай, спрашивай, не бойсь: теперь отвѣчать тебѣ стану съ большой охотой».

— Вы здѣшній?

— Родителями произведенъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, хозяйство отъ нихъ получилъ и самъ тридцатый годъ оное въ производствѣ произвожу, вотъ уже тридцатый годъ....

— Стало-быть, всѣхъ знаете?

— Последняго ребенка у самой задней соломбальской жонки знаю, а въ городъ-то такъ и....

Хозяину поперхнулось чаемъ: онъ закашлялся.

— Весело живутъ здѣсь?

— Не могутъ. Больше у насъ нѣмецъ преизбыточествуетъ....

— А, вѣдь, нѣмцы повеселиться любятъ, этимъ ихъ прекратить нельзя.

— Наши нѣмцы особенные.

— Чѣмъ-же хозяинушко?

— Да, во первыхъ, народъ все коммерческой; а во вторыхъ, нѣмецъ.... надо-быть такъ говорить....

Хозяинъ опять замаялся.

— Нашъ нѣмецъ, теперь это-бы къ примѣру самое взять—особенной.

— Все-таки я, хозяинъ, васъ понять не могу.

— Нѣмецъ такъ ужъ Господомъ Богомъ создается, чтобы ему нѣмцомъ быть и никакимъ другимъ человѣкомъ.

— Да, вѣдь, это и русскіе такъ, и французы, и всѣ... Аккуратны они, что-ли?

— Насчотъ окурату они первые—это точно. Русскаго они духу не любятъ—это второе.

— «Ну, слава Богу! (думалось мнѣ) разразился: кажется, сказалъ, наконецъ, что хотѣлъ».

— Какъ-же это они русскаго духу не любятъ?

— А первое: всю коммерцію отбили. Встарину нашихъ ко-раблей отъ русскихъ шло много за-границу, а теперь ни одного, все отъ нѣмецкихъ конторъ. Второе: за русскаго они свою дочь не отдадутъ ни за что: образъ сыму въ поручительство. Третье: у нихъ клубъ свой, нашимъ дворянскимъ брезгають, а и бывають тамъ такъ только изъ приличія — это третье. А зачѣмъ они—опять-таки скажу вамъ—русскаго духу не любятъ: изъ благодарности къ тому, что мы имъ и мѣсто отвели и все сдѣлали.

— Да вы, хозяинъ, патриотъ большой.

— То-ись какъ?

— Родину свою очень любите.

— Не скажу этого, и хвастаться не стану тѣмъ, а что нѣмцовъ не люблю и вѣры въ ихъ хитрость не имѣю, такъ это скажу и вамъ и флотскому офицеру вчерашнему сказывалъ, и приказнымъ нашимъ сколько годовъ то же говорю. А вы меня извините! Нѣмецъ нашъ—народъ хитрякъ. Вотъ по гильдіи положено столько товаровъ за-границу пущать, свыше нельзя, опять нѣмцу нельзя товаръ на мѣстахъ по городамъ скупать. Не положено, что тутъ дѣлать? Нѣмецъ тутъ и придумалъ шту-

ку свою, особенную, нѣмецкую штуку придумалъ. Онъ набралъ изъ нашихъ русскихъ, тутошныхъ, ближнихъ столько, сколько ему надо, записалъ ихъ въ гильдію и ступай торговать, товары скупать на его нѣмецко имя, а самому русскому прибыли, окромя того, что купецъ-де сталъ, брюхо отращивать всякое право имѣть — другой вальготы нѣтъ; загребай чужой жаръ своими руками...

— Да правда-ли это, хозяинъ?

— Вотъ поспрошайте — то-ли увидите. Увидите здѣсь-то, къ примѣру, что всѣ здѣсь нѣмцы, что одинъ человѣкъ: и говорить они умѣютъ по нашему бойко, и къ нашимъ, которые капиталомъ посильнѣе, или которые на полномъ отъ всякаго почотѣ, они ласки свои приладятъ и въ маклеры его, на безотвѣтное, глупое мѣсто, посадятъ, какъ пить дадутъ. А то въ браковщики, въ старосты, въ другую какую должность выберутъ: ты-де только своей-то торговли не заводи, а мы-де тебя своими крохами не обидимъ, съ голоду не уморимъ.

— Вы, хозяинъ, просто сердиты на нѣмцовъ, они не такіе!

— Еще хуже, сказать не во гнѣвъ вашей милости это. Народъ на лесть, на хитрость такой ловкій, что хоть рукавицы на руки-то надѣвай — не ухватишь. Опять же гордости въ нихъ — велия сила. Компанію только межъ себя и водятъ и всегда впереди нашего города идутъ. Русскій, я вамъ говорю, человѣкъ, что самоѣдъ, силы никакой не имѣтъ,

— Да отчего же? я все-таки понять не могу.

— А вотъ посмотрите, какъ они это ведутъ. А, по моему понятію, надо быть такъ, что нѣмецъ-народъ одинъ духъ въ каждомъ человѣкѣ держать можетъ, а по моему артели ихъ плотнѣе, благонадежнѣе бываютъ нашихъ. Они это безотмѣнно лучше нашихъ дѣлаютъ. Ты къ нѣмцу хоть сто русскихъ поставь: онъ все нѣмецъ будетъ.

— Вотъ это, хозяинъ, вѣрно. Теперь я нѣсколько понимаю и даю себѣ слово повѣрить ваши слова своими наблюденіями на дѣлѣ. А теперь еще одинъ вопросъ: кто составляетъ вторую половину жителей?

— Половина эта самая малая, половина эта — не половина. А это чиновники, народъ заѣзжій, все больше изъ Петербурга; долго жить здѣсь не думаетъ — на многое и вниманія своего обращать не хочетъ: «мнѣ — говорить — что? вы хоть всѣ пе-

регрызитесь, а меня не трогайте, потому-что уже маленько и въ престарѣлыхъ лѣтахъ; да, признаться, служить у васъ и не думаю долго. А меня-де лучше оставьте въ покоѣ, сдѣлайте милость....»

— Да, вѣдь, есть же, я думаю, и свои, здѣшніе чиновники, которые здѣсь родились, здѣсь и служатъ.

— Какъ же! прибѣгали тоже приказные сказывать, хвастаются, что свою-де родословную, слышь, книгу завели и двоихъ-де ужъ записали. Теперь, молъ, въ чужихъ губерніяхъ нуждаться не станемъ. Да, вѣдь, эти, которые здѣсь родятся, больше мелкота-народъ. Въ нихъ, вѣдь, силы никакой, какъ и въ пузырь мыльномъ. Опять же они *эдакъ* любятъ...

Хозяинъ, при этихъ словахъ, сжалъ кулакъ, давая тѣмъ знать, что они взять взятку любятъ.

— И это ужасно любятъ...

Хозяинъ пощолкалъ себя по шеѣ: «пьютъ-де».

— Да, вѣдь, и ссыльные чиновники не всѣ уѣзжаютъ; другіе, чай, остаются здѣсь на вѣчное житье.

— Бываетъ, да рѣдко. Ну, а тѣ, извѣстно, волей-неволей въ нѣмецкую же шайку поступить должны; потому имъ и теченіе-то такое, что прямо въ омутъ, а тамъ стоитъ мельница ладная такая, что другую сотню лѣтъ стоитъ — молотъ умѣетъ первѣйшимъ сортомъ — русской-отъ духъ однимъ соромъ закидаетъ и не принохаешься. Да что вамъ говорить много: городъ нашъ на нѣмцахъ стоитъ, нѣмцами руководствуется. Не знаю вотъ только, на нѣмцахъ ли ему помирать-то придется... А не желаете-ли вы поѣсть чего?

Круто оборванная рѣчь хозяина пришлась встати. Я согласился. Но что ѣсть.

— У насъ одна только рыба. Мяснаго потребляемъ мало, да и теперь же постъ великій. Вотъ треска!

Попробовалъ—и не могъ ѣсть, какъ ни былъ голоденъ.

— Палтаса, стало, и не подавать! рѣшилъ хозяинъ. Палтасъ еще хуже. А вотъ селянка изъ свѣжей рыбы двинской.

Селянка оказалась сноснѣе; но пріятнѣе и отраднѣе всего показался слѣдующій за тѣмъ сонъ, вѣрнѣй, живительный, какимъ только и умѣютъ пользоваться дорожные и вѣрно-истомленные трудной, ломовой работой люди.

На другой день солнце освѣтило передо мною сначала огром-

ную торговую площадь съ рыбными рядами, съ довольно-большой толпой мужиковъ съ возами дровъ, которые потянулись подъ-гору въ широкой Двинѣ, засыпанной на ту пору снѣгами и обставленной по мѣстамъ дорогъ вѣшками; а потомъ освѣтило солнце и самый городъ, по которому я вѣхалъ съ одного конца на другой.

Видѣлъ я одну безконечно-длинную улицу съ каменными и деревянными домами въ началѣ; по нѣкоторымъ казеннымъ надписи, по другимъ частнымъ, гласящія, что тутъ магазинъ, тутъ лавка съ тѣмъ-то и тѣмъ-то, и что принадлежитъ она купцу, носящему въ большей части случаевъ нѣмецкую фамилію. Видѣлъ и безконечно-длинную улицу, почти единственную улицу города, тянувшуюся версты четыре, а, можетъ-быть, и пять верстъ, вблизи отъ набережной, отъ берега Сѣверной Двины по направлению къ Кузнечихъ и Соломбальскому портовому селенію. Видѣлъ я надѣво, за каменной оградой и рядомъ деревьевъ (на то время оголенныхъ и обсыпанныхъ инеемъ), Троицкій кафедральный соборъ, основанный 11-го октября 1709 года и оконченный въ 1765 году, двухъ-этажный, высокій, величественный *). Видѣлъ я за соборомъ городскую площадь, окружающую

---

*) Соборная церковь прежде была деревянная, основанная въ 1584 году, съ пристройкой, сдѣланной въ 1664 году. Церковь два раза сгорѣла. Петръ Великій назначилъ для собора новое вышнее мѣсто, а соборъ до сихъ поръ хранить объ немъ память, драгоценную по многимъ отношеніямъ. На правой соборной стѣнѣ, подъ великолѣпнымъ полукруглымъ балдахномъ, опирающимся на двѣ колонны, хранится деревянный крестъ, сдѣланный руками Петра на память спасенія въ Унскихъ Рогахъ. Этотъ крестъ соснов. ѣй, имѣетъ 5 аршинъ въ вышину и 3 арш. въ ширину; концы его сдѣланы въ видѣ полукружій съ шариками на оконечностяхъ. Крестъ, отъ времени и долгого пребыванія на открытомъ воздухѣ, потрескался и покрылся сизымъ цвѣтомъ, но еще можно видѣть рѣзную надпись, сдѣланную руками самого Петра:

Dat
Kruys ma
ken kap
tein Piter
van a ch.
S. t.
1691.

Императоръ Александръ I-й повелѣлъ перенести этотъ крестъ въ Ар-

соборами, церковью Архангела Михаила, построенную въ 1769 году, на мѣстѣ бывшаго Архангельскаго монастыря, и церковью Воскресенскою, столько же древнею, какъ старѣе самое заселеніе города. На площади, около которой нѣкогда сосредоточивались и первоначальное заселеніе города и первыя торговыя операціи его, стоитъ памятникъ, не нужно было говорить — кому, но я все-таки спросилъ извозчика:

— Кому этотъ памятникъ?

— Тучи у Господа Бога отводилъ на небесахъ.

— А кто онъ таковъ былъ, гдѣ родился?

— Не знаю; колдунъ, надо-быть, какой.

И вотъ новый урокъ соорудителямъ, съумѣвшимъ въ лицѣ Ломоносова изобразить римскаго гражданина въ тогѣ, съ гениемъ у ногъ, а не простаго мужика, съ приличными, болѣе-понятными и ясными атрибутами, или что-нибудь въ родѣ этого. Къ тому же памятникъ малъ, пропадаетъ въ массѣ зданій и не пользуется ни хорошимъ видомъ, ни хорошимъ мѣстомъ.

Но вотъ, опять-таки налѣво, полуразрушонное каменное зданіе, которое извозчикъ называетъ монетнымъ дворомъ (на самомъ дѣлѣ это развалины *нѣмецкаго* гостинаго двора) и говорить:

— Пытали ломать и подрядчикъ на кирпичи нашолся; не осилили и подрядчикъ отказался. Известка такъ спеклась, что камни и лому не давались. Да и кирпичи тяжелина такая, что нонѣ такихъ и не дѣлаютъ. Пытали каменщики печи изъ нихъ складывать, такъ тоже, слышь, отказались: всѣ плечи-де обломали, одной рукой не удержишь и не перевернешь какъ-бы надо, по ихному....

Нѣкогда на этомъ зданіи было шесть башенъ (теперь уцѣлѣло только двѣ). Говорятъ, что подробности плана этого гостинаго двора, назначеннаго для складки товаровъ, составлены были рукою самого царя Алексѣя Михайловича и приведены въ исполненіе нарочно-присланными сюда изъ Москвы иноземными

хангельскъ изъ Пертоминскаго монастыря въ 1805 году, какъ гласитъ надпись на доскѣ, поддерживаемой ангеломъ. Другая доска (также поддерживаемая ангеломъ) повѣствуетъ о причинѣ, побудившей Петра Великаго соорудить этотъ крестъ, перенести его потомъ на собственныхъ плечахъ до того мѣста, на которое вступилъ онъ послѣ бури.

инженерами Петромъ Марилисомъ и Вилимомъ Шарфомъ. Рядомъ съ этимъ зданіемъ по набережной Двины тянутся иныя развалины, которыя собственно и были монетнымъ дворомъ, составлявшимъ часть таможеннаго замка. Кирпичи для обоихъ работаны были въ Голландіи и привезены сюда на корабляхъ. Грудами лежатъ они теперь подлѣ неприбранными, но общность развалинъ, въ средѣ другихъ и съ Двины, представляетъ увлекательный видъ. Вблизи онѣ вѣютъ стародавностью: сѣдое время буквально изгрызло окна, крышу, четверо воротъ: кое-гдѣ завязались уже по стѣнамъ, на крышахъ башенъ и въ окнахъ растенія.

Но вотъ площадь заключается гауптвахтой со стороны проспекта и стариннымъ зданіемъ думы къ сторонѣ Двины: отъ гауптвахты пошла опять улица со сплошнымъ рядомъ домовъ по большей части деревянныхъ, чистенькихъ, опрятныхъ, въ большей части случаевъ обшитыхъ тесомъ и окрашенныхъ невозможныхъ цвѣтовъ красками. Это — нѣмецкая слобода, гдѣ ютятся все коммерческое населеніе города. Влѣво, къ Двинѣ, красуется большая лютеранская церковь св. Екатерины, построенная въ 1768 году; далѣе, реформатская, выстроенная въ 1803 году. Направо и налѣво начинаютъ свертывать съ главной улицы переулки, но тѣ и другіе идутъ не далеко; съ одной стороны обрываетъ ихъ Двина, съ другой пересекаетъ второй (но и послѣдній) городской проспектъ, идущій параллельно съ первымъ. За этимъ вторымъ проспектомъ пойдетъ уже вязкое, тундряное болото, которому и конца нѣтъ на дальней Корели. Но возвращаюсь къ Нѣмецкой слободѣ.

Обрамленная съ двухъ сторонъ мостками, она на одномъ мѣстѣ пересекается городскимъ садомъ, небольшимъ, чахламъ, рѣдко-посѣщаемымъ; со многихъ другихъ сторонъ тянутся значительной величины пустыри за длинными, безобразными заборами и безъ этихъ заборовъ. Пустыри эти—давнiе слѣды давняго пожара, испещрившаго большую половину Архангельска. Одинъ пустырь, какъ говорятъ, залегъ на мѣстѣ театра. У каменнаго зданія полубатальйона военныхъ кантонистовъ оживляется Нѣмецкая слобода, за тѣмъ, что слѣва уже тянется рѣка Кузнечиха, а по берегу ея и вглубь подгорнаго болота—бѣдная слободка того же имени, населенная потомками двухъ, нѣкогда бывшихъ здѣсь, гайдуцкихъ полковъ, переформирован-

ныхъ потомъ въ два гарнизонныхъ батальюна. Утлые домишки, утлые мостки, узенькія, запущенныя улицы; пустынные огороды кругомъ — вотъ главные и единственные характеристическіе признаки этой бѣдной подгородной слободки.

Тю же бѣдностью глядитъ и другая подгородная слобода, на совершенно-противоположномъ краю длиннаго и скучнаго Архангельска, при въѣздѣ изъ Холмогоръ. Слобода эта носитъ названіе Архіерейской, затѣмъ, что тутъ существуетъ архіерейскій домъ со времени перенесенія епископіи изъ Холмогоръ, подлѣ Архангельскаго монастыря.

Архангельскимъ монастыремъ, собственно, и начинается городъ Архангельскъ, получившій отъ монастыря и свое имя въ народныхъ устахъ, хотя правительство и назвало его вначалѣ (въ 1584 г.) *Новыми-Холмогорами*.

Городъ этотъ начинался собственно на срединѣ настоящаго Архангельска, тамъ, гдѣ лежитъ теперь городская площадь, на мѣстѣ называемомъ *Буръ-Наволокъ*. Здѣсь построена была деревянная крѣпость — острогъ, въ видѣ продолговатаго четырехугольника, о двухъ этажахъ, съ шестью башнями и старинными бойницами, или амбразурами. Съ рѣчной стороны онъ окруженъ былъ землянымъ валомъ и палисадомъ; внутри раздѣленъ былъ стѣнами на три части: верхняя называлась русскимъ гостинымъ дворомъ, въ верхнихъ палатахъ котораго хранилось казенное вино; нижняя часть острога, по Двинѣ, носила имя нѣмецкаго гостинаго двора съ портовой таможей. Средняя часть, собственно крѣпость съ бойницею и башнями, занимаемая была монастыремъ, который впоследствии переведенъ былъ, послѣ пожара въ 1637 году, на нынѣшнее свое мѣсто за городомъ, по указу царя Михаила Феодоровича. Мѣсто это носило названіе урочища *Нячеры*.

Первыми обитателями Новыхъ-Холмогоръ были ратные люди — стрѣльцы; черезъ три года, въ 1587 г., учрежденъ былъ здѣсь посадъ. Въ немъ жили деревенскіе пахатные люди и небольшое число посадскихъ, переведенныхъ сюда изъ разныхъ двинскихъ деревень и посадовъ. Имъ дарована была льгота на пять лѣтъ освобожденіемъ отъ платежа всѣхъ государственныхъ податей, а послѣ истеченія срока всякія раскладки позволено было дѣлать имъ самимъ. Тогда же много семей оставили Ста-

рые-Холмогоры и поселились въ Новыхъ. Въ 1702 году сюда переведено было воеводское правленіе.

Монастырь Архангельскій—одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, судя по сохранившейся грамотѣ *), выданной отъ одного изъ новгородскихъ архіепископовъ Іоанна (тамъ было три — два въ XII-мъ вѣкѣ и одинъ въ XIV).

Въ Крестовой церкви нынѣшняго архіерейскаго дома хранятся драгоценности, напоминающія собою снова Петра Великаго. Это — карета, подаренная имъ архіепископу Аеанасію, два флага, которые поднимались на яхтѣ царя во время поѣздки его въ 1693 году къ Поною и Тремъ островамъ, и небольшія пушки, взятая со шведскихъ кораблей въ 1701 году, во время нападенія ихъ на Новодвинскую крѣпость.

Тутъ же—неподалеку отъ монастыря—новыя воспоминанія о Петрѣ. На мѣстѣ называемомъ *Быкъ*, онъ велѣлъ построить хлѣбные магазины, въ 1700 году, и сюда же вскорѣ приказалъ перевести изъ Соломбальскаго адмиралтейства, выстроенную одновременно корабельную верфь. Вскорѣ здѣсь заложены были два 54-хъ пушечные корабли. Встрѣтились новыя неудобства: быковская верфь оставлена и переведена на старое мѣсто; но на

---

*) Въ грамотѣ года не означено. Вотъ ея содержаніе: «Благослови архіепископъ новгородскій Іоаннъ владыку у св. Михаила вседневную службу и благослови игуменомъ Луку къ св. Михаилу, и буди милость Божія и святыи Соѳіи и св. Михаила на посадникахъ двинскихъ и на двинскихъ боярахъ, и на боярахъ новгородскихъ, на владычнѣ намѣстникѣ, на купецкомъ старостѣ и на всѣхъ купцахъ новгородскихъ и заволоцкихъ, и на игуменахъ и на попѣхъ и на всемъ причтѣ церковномъ, и на соцкомъ, и на всѣхъ крестьянахъ, отъ Емцы и до моря, что есть потребовали милости Божіей св. Михаилу вседневную службу и вы, дѣти мои, потщитесь о милостынѣ къ св. Михаилу и къ игумену, и ко всему стаду. А ты игумень, съ соборомъ и со стадомъ св. Михаила, Бога моли за всѣхъ крестьянъ, и буди милость Божія, св. Соѳіи и св. Михаила на всѣхъ крестьянахъ и владычне благословеніе Іоанново». Мѣсто первоначальнаго Архангельскаго монастыря, картинное и удобное для стоянки торговыхъ кораблей, укрѣплялось въ началѣ на сваяхъ и стойкахъ, по причинѣ топкости тундристыхъ мѣстъ. Тогда же проводились и каналы для спуска воды. Въ монастырѣ церковь каменная, выстроенная въ 1683 году. Въ немъ же семинарія, имѣвшая въ началѣ содержаніе отъ монастырей и церковей отсыпнымъ хлѣбомъ, а съ 1784 года получившая штаты.

Быкъ стали строить потомъ купческія суда и опять-таки не долго: дови и элинги сгнили теперь, не оставивъ слѣда.

А, между тѣмъ, заботы Петра объ усиленіи заграничной торговли способствовали въ то же время къ разрастанію и усиленію города. Архангельскъ становился люднымъ и сильнымъ по мѣрѣ того, какъ далеко еще было заселеніе Петербурга. И ходять еще до сихъ поръ народныя преданія о великомъ строителѣ русскаго государства, свидѣтельствующія о крайней его заботливости и вниманіи. Обо многихъ изъ нихъ я имѣлъ случай говорить прежде. Приведу теперь остальное.

Разсказываютъ, что государь цѣлые дни проводилъ на городской биржѣ, ходилъ по городу въ платьѣ голландскаго корабельщика, часто гулялъ по рѣкѣ Двинѣ, входилъ во всѣ подробности жизни приходившихъ къ городу торговцовъ, спрашивалъ ихъ о будущихъ видахъ, о планахъ, все замѣчалъ и на все обращалъ вниманіе даже въ малѣйшихъ подробностяхъ. Разъ, говоритъ преданіе, онъ осматривалъ всѣ русскія купческія суда; по лодкамъ и баркамъ взойшолъ на холмогорскій карбасъ, на которомъ тамошній крестьянинъ привезъ для продажи горшки. Долго осматривалъ царь товаръ и толковалъ съ крестьяниномъ; нечаянно подломилась доска: Петръ упалъ съ кладки и разбилъ много горшковъ. Хозяинъ ихъ всплеснулъ руками, почесался и вымолвилъ:

— Вотъ-те и выручка!

Царь усмѣхнулся.

— А много-ли было выручки?

— Да теперь немного, а было-бы алтынъ на сорокъ.

Царь пожаловалъ ему червонецъ, примолвилъ:

— Торгуй и разживайся, а меня лихомъ не поминай!

Какъ велика была забота Петра объ архангельскихъ торгахъ, видно изъ того, что онъ завелъ, по указаніямъ Ивана Феркелена, свои собственные, такъ-называемые царскіе торги. Начались они съ того, что Петръ поручилъ иностраннымъ купцамъ купить въ Голландіи на его счетъ торговый корабль и привезти къ будущему году сукно для войска. Сукно это въ слѣдующемъ году было привезено и, подъ присмотромъ присяжнаго проводника, отправлено въ Москву. Въ 1695 году государь писалъ къ воеводѣ Апраксину: «О кораблѣ будетъ писать Францъ Тиммерманъ. Я ему прикажу по прежнему для кораблей

вывести». Вывезены были мелкія ружья. Въ 1696 году было у Архангельска 20 иностранныхъ кораблей, а въ слѣдующемъ году привезены были поташъ, смольчуга и табакъ для войска; Въ 1700 году число иностранныхъ кораблей возрасло до 64, въ 1702 до 149. Въ слѣдующемъ году, на счетъ государя, привезены были: сѣра горючая, свинець, сукно, которые тогда же, подъ присмотромъ цѣловальниковъ, и отвезены были въ Москву. въ 1705 привезены для конницы сѣдла и совершена огромная закупка хлѣба, назначеннаго въ Швецію, но приостановленная по случаю военныхъ дѣйствій. Въ 1707 году привезено было опять сукно, а въ слѣдующемъ отправлены поташъ и смольчуга для продажи. Въ 1709 году привезена на государевъ счетъ, мѣдь, а въ 1714 — снова сукно. Но въ этомъ же году государь усмотрѣлъ злоупотребленія по казенной торговлѣ хлѣбомъ. Виновными оказались и сами купцы русскіе и иностранные, и архангельскій губернаторъ Курбатовъ съ комиссіонеромъ царскимъ Соловьевымъ. Главнымъ предводителемъ запрещенной торговли хлѣбомъ оказался иноземець Шмидтъ. Государь простилъ виновныхъ, но отозвалъ Соловьева изъ Голландіи, а дѣла свои поручилъ иноземцу Любсу. Волковскій, слѣдователь нечистаго дѣла, не ѣхалъ по требованію царя въ Москву, продолжая кончать слѣдствіе, и за то подвергнутъ былъ царскому гнѣву и казни: онъ былъ осужденъ и разстрѣлянъ по указу государя. Любсъ впоследствии оказался также невѣрнымъ интересамъ Петра: онъ прибавлялъ расходы, убавлялъ приходы. Объ этомъ узналъ царь въ Голландіи; узналъ о гнѣвѣ царя и виновный, поспѣшившій тотчасъ же оставить Россію. Къ тому же приготовилась и жена, но Петръ приказалъ задержать ее въ Архангельскѣ и въ 1720 году приказалъ привести ее въ Москву. У Любса оставалась единственная дочь: во имя ея Любсъ поспѣшилъ просить государя о прощеніи вины своей. Государь великодушно простилъ, но съ условіемъ, чтобы онъ выдалъ дочь въ замужество за сына придворнаго врача, Гоши, родомъ тоже голландца. Любсъ согласился и вина ему была окончательно прощена и забыта.

Между тѣмъ, число приходившихъ кораблей то уменьшалось въ числѣ своемъ, то увеличивалось: въ 1717 году было ихъ 146, въ 1718—116. Отпускъ смольчуги и поташа былъ прекращенъ отъ казны и сдѣланъ свободнымъ для всего купече-

ства русскихъ городовъ. Значительному ослабленію привоза и отпуска способствовала, естественно возраставшая торговля Петербурга.

О прежнихъ до-петровскихъ торгахъ бѣломорскихъ осталось мало преданій; но въ рукахъ нашихъ сохранилась грамота, достаточно свидѣтельствующая о состояніи торговли въ то время. Нелишняя она и въ настоящее время по своему характеру, близкому къ современному положенію. Смыслъ ея можетъ наглядно указать и на то, по сколько торговля бѣломорская находится въ рукахъ русскихъ и по сколько въ рукахъ нѣмцовъ теперь, когда со времени этой бумаги проходитъ уже вторая сотня лѣтъ. Уважая въ грамотѣ этой ея историческую важность и примѣнимость ея къ современности, мы приводимъ ее цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась. Вотъ эта челобитная царю государю и великому князю *Алексию Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу отъ союзнаго Прокофья Онеимова Городчикова и всѣхъ посадскихъ людей Архангельскаго города*: «Жалоба, государь, намъ на торговыхъ иноземцевъ голанскіе и амбурскіе и бременскіе земель: живутъ они иноземцы у Архангельскаго города съ нами, сироты твоими посадскими людишками, въ рядъ, и поставились они иноземцы своими выставочными дворами на наши на тяглыя мѣста, а на твой великаго государя гостинные торговые дворы, которые у Архангельскаго города они иноземцы дворами своими не ставились и тѣмъ своими выставочными дворами они иноземцы тѣхъ земель нашу искони вѣчную мірскую дорогу заперли, и скотишку нашему на мірскую искони вѣчную дорогу отъ ихъ дворовъ учинился запоръ, и проходу скотишку нашему нѣтъ, и намъ сиротамъ твоимъ для дороги проходу нѣтъ, и прохожей мостъ они разломали и разбросали, а числомъ у нихъ иноземцовъ выставочныхъ дворовъ на нашихъ тяглыхъ мѣстахъ у Архангельскаго города восемнадцать. А дворы, государь, они иноземцы поставили съ амбарами и съ погребями и съ выносными поварнями, мѣрою подъ дворомъ по сороку сажень и больше. Да съ нами жъ, государь, сироты твоими поставились въ рядъ иноземецъ Яковъ Романовъ Снипъ, возлѣ наши мясныя лавки двумя амбарами, да иноземецъ Вохрамей Ивановъ поставилъ за мясными нашими лавками поварню въ рѣчную сторону для ради топленья говяжьего сала и кожного су-

шеня, и тѣмъ они иноземцы Яковъ да Вохрамей наши мясныя лавки заперли, а отъ Вохромеевы поварни намъ, сиротамъ, со свотишкомъ къ мяснымъ лавкамъ проѣзду и проходу не стало, и тѣмъ заперъ учинили. И тѣхъ, государь, земель иноземцы выставочные свои дворы и анбары и погребы и поварни отдаютъ въ коротомъ своей брати торговымъ иноземцамъ и тѣмъ они иноземцы корыстуютца. А мы, государь, сироты твои бѣдные людишки отъ тѣхъ выставочныхъ дворовъ и анбаровъ и погребовъ и поваренъ въ конецъ погибли, обнищали и одолжали великими долги, что они иноземцы завладѣли нашими тяглыми мѣсты. А твоихъ, великаго государя, податей съ нами сироты твоими съ тѣхъ нашихъ тяглыхъ мѣсть врядъ не платятъ, да они же иноземцы разгъзжаютъ по волостямъ и покупаютъ у волостныхъ крестьянъ скотъ и рыбу и всякой харчъ, и тѣмъ они иноземцы покупкою своею насъ, сиротъ твоихъ, изюнкуютъ, а твою, великаго государя, тѣми отгъзжими торги съ волостными крестьяны они иноземцы пошлину обводятъ и пошлины не платятъ, а у насъ, сиротъ твоихъ, не покупаютъ. А у насъ, государь, сиротъ твоихъ, никакихъ большихъ торговъ нѣтъ, oprичъ мяса и рыбы и всякаго харчу, и отъ того мы, сироты твои, отъ нихъ иноземцовъ въ конецъ погуби» и проч.

А, между тѣмъ, шли для меня дни за днями; дни накопились въ недѣли; мелькнуло этихъ недѣль шесть—прошолъ постъ. Наступила Пасха; замелькалъ мимо моихъ оконъ архангельскій людъ съ праздничными визитами; звонили цѣлую недѣлю колокола двѣнадцати архангельскихъ церквей; проснулось городское общество послѣ долгаго великопостнаго застоя и задало себѣ два бала въ обихъ клубахъ: благородномъ и нѣмецкомъ. Балы эти, изъ которыхъ одинъ почему-то назывался семейнымъ вечеромъ, не имѣли ничего типическаго, кромѣ этой вѣчной и безхарактерной толкотни подъ звуки довольно-сноснаго оркестра. Я все еще продолжалъ возиться со своими книгами, съ губернскими вѣдомостями, все еще продолжалъ приготовить книжное знакомство съ губерніей, путешествіе по которой ограничено было годичнымъ срокомъ. Но вотъ мало-помалу, хотя и медленно, изподтишка начало подбираться и весеннее время, подмывая огромные сугробы снѣга, закидавшаго

улицы на значительную высоту. Въ городѣ ждали актеровъ, ждали севастопольцовъ, которые должны были явиться предъ возвѣстниками весны, и здѣсь столько же живительной, какъ и повсюду на всемъ земномъ шарѣ. Я успѣлъ уже свыкнуться съ треской, привыкъ къ пирогамъ съ палтусиной, попробовалъ шанежекъ *). Со многими изъ туземцовъ познакомился, многихъ успѣлъ полюбить и искренно, и сильно. Цѣлые вечера рѣшались въ живыхъ, пріятельскихъ бесѣдахъ. Было весело подчасъ, но не покойно отъ той тяготы, которую налагала неизбежная и неотразимая обязанность дальнаго странствія по побережьямъ Бѣлаго моря.

Но вотъ пришла и весна—мать красна; унесла Двина свой ледъ въ море, очистились улицы и отъ воды вначалѣ, и отъ грязи потомъ; быстро зеленѣла трава; въ сутки съ небольшимъ раскинулась она веселымъ зеленымъ ковромъ; скоро завязались и лопнули на деревьяхъ почки. Пріѣхали на судахъ севастопольцы. Я былъ увлеченъ въ общественную жизнь, (которая забила сильнымъ веселымъ ключомъ,) и на время схваченъ былъ ею водоворотомъ. Тянулись праздники за праздниками. Севастопольцамъ всѣ были рады..

Но вотъ, наконецъ, и это все миновало, и жизнь общественная опять заключилась въ свою обычную среду, потянулась своей обыденной колеей. Многіе изъ достаточныхъ жите-

---

*) *Шанежка*—архангельское лакомство, родъ булки, съ рыхлой внутренностью, съ исподкой, поджареной на маслѣ и облитая сверху сметаной. Вкусная шанежка составляетъ исключительную привилегію архангельскихъ жителей, получившихъ за то отъ всѣхъ сосѣдей прозваніе *шанежниковъ*. Рассказывается, по-поводу шанежекъ, историческій анекдотъ о Петрѣ. Въ то время, когда уже основанъ былъ Петербургъ и къ тамошнему порту начали ходить иностранные корабли, великій государь, встрѣтивъ разъ одного голландскаго матроса, спросилъ его:

- Не правда-ли: сюда лучше приходитъ вамъ, чѣмъ въ Архангельскъ?
- Нѣтъ, ваше величество! отвѣчалъ матросъ.
- Какъ-такъ?
- Да въ Архангельскѣ про насъ всегда были готовы олады.
- Если такъ, отвѣчалъ Петръ:—приходите завтра во дворецъ: потчую!

И онъ исполнилъ слово, угостивши и одаривши голландскихъ матросовъ.

лей выбрались на дачи за городъ въ сосѣднія деревни: на Кегъ-Островъ, въ Красное-Село, въ Сюзъму. Севастопольцы принялись за работы въ портѣ. Становилось душно. Закипѣла дѣятельность коммерческая въ соломбальской гавани. Архангельскъ, какъ-бы сосредоточившись весь тамъ, начиналъ стихать и смолкнуть совсѣмъ, когда я отправился въ дальний путь по бѣломорскимъ побережьямъ. Многое я имѣлъ случай видѣть тамъ, слышать тамъ. Обо всемъ этомъ я постепенно говорилъ прежде въ надлежащихъ мѣстахъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я вернулся обратно въ Архангельскъ и не узналъ его. По городу рѣже развѣзжали каптаны, значительно опустѣла гавань и какъ будто въ замѣну ей начиналась не менѣ шумная дѣятельность въ самомъ городѣ, для котораго наступило время Воздвиженской ярмарки. Вся она сосредоточилась около городской пристани, которой, между городскими рядами, предшествуетъ довольно большая площадь. Площадь эта на то время служила рынкомъ. Вся Двина предъ нею вплотную почти установлена была бѣломорскими судами разныхъ величинъ и наименованій: видѣлись огромныя и безобразныя лоды, неменѣ безобразныя, хотя и меньшаго калибра, раньшины; толпились каюки, барки, полубарки, шняки, паузки, шитики; видѣлись плоты разныхъ видовъ и наименованій; шныряли между ними легкіе карбаса и мелкія лодки. Шумъ и дѣятельность имѣли характеръ огромнаго, люднаго базара. Всѣ эти суда привезли поморскую рыбу съ дальнихъ бѣломорскихъ береговъ и Мурманскаго берега океана: треску, палтасину, семгу, сига, и другую. Всѣ они нагружены потомъ хлѣбомъ, солью, лѣсомъ. Архангельскій людъ, на половину своего количества, нашолъ здѣсь себѣ работу; даже бабы—по здѣшнему жонки—заняты выгодной поденной работой. Часть ихъ занялась промывкою на плотяхъ крѣпко-просоленной трески; часть разсѣлась у наскоро-сплоченныхъ столиковъ и прилавковъ съ подходящимъ и идущимъ товаромъ: шерстяными чулками, перчатками, съ сапогами, ситцемъ, носильнымъ платьемъ въ видѣ готовыхъ красныхъ рубахъ, овчинныхъ полушубковъ. Между товарами этими рѣже другихъ бросается въ глаза значительное количество самодѣльныхъ, грубой работы компасовъ, имѣющихъ на языгѣ поморовъ названіе матокъ. Попадаютъ книги, картины московскаго издѣлія героическаго и

юмористического смысла; но бьетъ въ глаза пропасть деревянной посуды.

Народности спутались, разшумѣлись, занятія сосредоточено на собственныхъ интересахъ; но нѣсколько-привычному взгляду можно отличить тутъ и рослаго богатыря помора-кемлянина, сумлянина, раздобрѣвшаго на мурманской трескѣ и чистой, неистомляющей работѣ, и робкаго съ виду, менѣе разбитнаго и говорливаго жителя Терскаго берега. Подчасъ толкается тутъ, на рынкѣ, и узкоглазый, коротенькій, коренастый лопарь, и бойкій, юркій матросикъ, и острякъ гарнизонный солдатикъ, и идетъ съ развальцомъ шенкурскій мужичокъ *)—*ваганъ кособрюхой, водохлебъ*, съ кривой подпояской, съ огромной ковригой хлѣба за спиной и за однимъ плечомъ, съ вязкою луку за другимъ, съ деревянной ложкой на манеръ кокарды за ленточкой поярковой шляпы грешневикомъ. Между другими поморами можно отличить и мезенцовъ, прозванныхъ *сажондами* и *чернотропами* (за то, что у нихъ и избы обвѣсились, какъ бахрамою, сажей, и дороги и тропинки ихъ отъ этой сажы черныя, черна и обувь ихъ, всегда замаранная)—и собственно поморовъ изъ-подъ Кеми и Сумы, прозванныхъ, въ свою очередь, *красными голенищами* за ту обувь, бахилы, которую они имѣютъ обыкновеніе шить изъ невыдѣланной тюленьей кожи. Прислушавшись къ говору, трудно отличить поселенцовъ одной мѣстности отъ другой, тѣмъ-болѣе, что говоръ имѣетъ по всему сѣверному краю поразительное сродство и сходство, какъ коренной, непримѣнной новгородской говоръ.

Веденская ярмарка пустила по городу тотъ неприятный, одуряющій запахъ, который отдаетъ треска, но у бѣднаго обитателя Кузнецовской и Архіерейской слободокъ за обѣдомъ—любимое, вкусное и лакомое блюдо. Блюдо это, при иной об-

---

*) Жители Шенкурскаго уѣзда, называемые ваганами по рѣкѣ Вагъ, протекающей по уѣзду, и верховникамъ, исключительно занимаются, какъ извѣстно, полевыми работами (хлѣбъ у нихъ родится хорошо) и работами лѣсными: сколачиваніемъ плотовъ, сидкою дегтя и пр. Промыслы ихъ не входила въ программу моихъ занятій и потому я тамъ быть не успѣлъ и по сроку, назначенному для путешествія. Въ Архангельскѣ являются шенкурцы на судахъ, въ качествѣ рабочихъ и лоцмановъ, провожающихъ къ порту вятскій хлѣбъ и другіе товары.

становкѣ, приправляемое цѣльнымъ, нефабрикованнымъ виномъ (которое, по словамъ знатоковъ, въ рѣдкость и для Петербурга) — блюдо тресковое не пропадаетъ и на столѣ богачей архангельскихъ.

И снова обращаешься, по поводу ярмарки, къ распросамъ у старожиловъ и слышишь отъ нихъ, что:

— Веденская ярмарка—кроха и большая, а соломбальская гавань, противъ ея, каравай большой. Беретъ тутъ деньгу богатой поморъ; кроха малая перепадетъ и на долю его работника. Вся сила въ большомъ капиталѣ: къ нему скоро приростаётъ другой; а малый капиталъ такъ весь и разсыпается въ брызгахъ. Помору-работнику надо подарокъ женѣ, ребятамъ купить, да и себя не обидѣть. А богачу покупать нечего: у него и такъ всего вдоволь; а чаю, сахару и посуды онъ и въ Норвегъ купить, да и цѣной подешевле горазно.

— Приносить ли пользу Веденская ярмарка городскимъ торговцамъ? спрашиваю я.

— Да развѣ это торговля? отвѣчаютъ мнѣ. Торговля эта съ крохи на кроху мелкотой пробирается: бабѣ отъ продажи на дырявое платьишко хватаетъ, да и съ голоду не мрутъ. А и дѣтямъ, особенно дѣвкамъ, много не надо—тѣмъ и корабельщики надаютъ. Объ этихъ родители не кладутъ своей заботы.

— За чѣмъ-же онѣ трудятся, зачѣмъ торгуютъ, когда нѣтъ въ томъ прибыли? спрашиваю я.

— А ужъ это стихъ такой въ городскихъ нашихъ, струя такая ходитъ, ровно-бы болѣзнь падучая. Какъ усидишь дома, какъ не разложишь лавочки, когда и сосѣдъ то же дѣлаетъ, и безъ гроша не гуляетъ, а и кофей пьетъ, и треску ѣстъ со сметаной и картофелемъ. У насъ въ городѣ-то все торговцы и нѣтъ того человѣка, у котораго бы поднялась противъ этого дѣла совѣсть. Торговлей не брезгаютъ. Опять-же на рынокъ разговоръ всякой идетъ, драки бываютъ, а это то, на дырявой бабій языкъ и ладно!

— А каковъ мужской полъ изъ простаго люда? спрашиваю я.

— Да мѣщане все хорошия работники и все при дѣлѣ. Цянствомъ и другимъ безчинствомъ попрекнуть нельзя. Да и здѣшняго горожанина рѣдко увидишь на улицѣ...

— На улицѣ все я вижу военный народъ: солдатъ и матросовъ...

— Вотъ этихъ похвалить хорошимъ нельзя. Да вотъ лучше расскажу я вамъ недавній и смѣшной случай. Пошла одна жонка въ торговую баню помыться; принесла съ собой и ребенка, да забыла мыла; ребенка положила въ корзинку съ бѣльемъ и пошла въ ближнюю лавочку за мыломъ. Купила мыла, вернулась назадъ. Хватъ корзинки: нѣтъ корзинки. Вломила руки свои бѣдная, взвыла недаровымъ матомъ, а бѣдѣ пособить надо. Не спитъ цѣлую ночь, думаетъ въ полицію подать объявленіе. Въ тотъ же вечеръ въ соломбальскихъ казармахъ переключка была. Вызываютъ солдатъ по именамъ. Въ казармѣ тихо: только и слышно, съ разныхъ сторонъ; «я да «я»; да вдругъ и раздался сторонній голосъ: закричалъ подъ одной койкой ребенокъ, и вора выдала рѣчь, и сталась баба съ ребенкомъ, матросъ съ леньками. Ребенокъ-отъ, стало-быть, спалъ крѣпко во всю дорогу, а ночь была темная на ту пору, осенняя.

— Ну, да ужъ этого объяснять не надо: и безъ того понятно.

— Когда же къ намъ, на Мезень? А отъ насъ и на Печору пробраться вамъ будетъ любопытно! говорили мнѣ тамошныя поморы.

— А вотъ поправлюсь отъ дороги, да путь встанетъ, замёрзнутъ тайболы! отвѣчалъ я и, наконецъ, дождался-таки своего времени.

Грустно бываетъ разставаться съ насиженнымъ мѣстомъ, тяжело покидать многихъ людей, съ которыми успѣлъ и сойтись, и смолвиться! Предчувствуя тяжести дальнаго пути, не охотно садишься въ кибитку, съ трудомъ борешься съ наплывомъ грустныхъ впечатлѣній и волей-неволей подчиняешься неизбѣжному закону обстоятельствъ и гнету житейскихъ случайностей.

То же сталося и со мной въ концѣ октября 1856 года, когда я оставлялъ Архангельскъ во второй разъ. Въ февралѣ слѣдующаго года я былъ не подалеку отъ него, въ Холмогорахъ, въ какихъ нибудь семидесяти верстахъ, въ девяти-часовомъ перегонѣ.

— Съѣздите въ Городъ? спрашивали меня тамъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ я вначалѣ.

— А не мѣшало-бы съѣздить! напоминали мнѣ потомъ.

— Едва ли поѣду! отвѣчалъ я на это потому, по долгомъ размышленіи. Не доставало для меня на тотъ разъ того дорогаго человѣка, котораго рано похитила могила, и боялся уже я Архангельска, и говорилъ уже, наконецъ, всѣмъ одно:

— Нѣтъ, не поѣду, ни за что не поѣду...

Въ концѣ февраля я уже оставлялъ Архангельской край для Петербурга и, признаюсь, не жалѣлъ объ немъ.

3. ХОЛМОГОРЫ СЪ ОКРЕСТНОСТЯМИ.

Исторія города.—Посвященіе Петромъ Великимъ.—Исторія заточенія брауншвейгскаго семейства.—Преданія о Ломоносовѣ и мѣсто его родины.—Село Вавгуча.—Баженинъ и преданія о Петрѣ I.—Путь на Холмогоры.—Развалины крѣпости Орлеца.—Упраздненные монастыри.

Три раза приводилось мнѣ быть въ этомъ городѣ. Безразлично и смутно мелькнулъ онъ въ первой проѣздъ мой, сумерками, изъ Петербурга въ Архангельскъ, когда я былъ истомленъ и слишкомъ тысячеверстнымъ путемъ, и пятидневною сосредоточенною скукой.

Во второй проѣздъ мой, когда уже порядочно примельвались въ глазахъ сотни поморскихъ селеній и три другихъ города, когда привычка успѣла уже заковать воображеніе и всѣ помыслы въ одну тоскливую и безразличную среду, когда уже можно было положительно сказать себѣ, что хуже видѣннаго и до-сихъ-поръ извѣданнаго не будетъ—Холмогоры показались мнѣ и тогда бѣднѣйшимъ изъ самыхъ бѣдныхъ городковъ нашего обширнаго и разнообразнаго русскаго царства.

Обязавши себя пристальнѣе взглядѣться и короче познакомиться съ городомъ, я, и послѣ того, пришолъ къ тому же заключенію, что надъ Холмогорами лежитъ роковая судьба безлюдья и бѣдности. Но, видно такова и его участь, какова участь многихъ другихъ древнихъ городовъ Россіи; видно, и здѣсь придется сказать себѣ: «бѣда тому городку, подлѣ котораго выстроится и расселится богатый и торговый сосѣдъ, со свѣжими силами, новыми взглядами на вещи, съ современнымъ пониманіемъ дѣла. Обезлюдѣетъ и загнѣетъ древній городокъ и останется за

нимъ старая честь, честное, непозоренное, почтенное имя—и только».

Такова точно и судьба Холмогоръ, по отношенію къ нимъ Архангельска!

Считаю первымъ долгомъ припомнить исторію Холмогоръ и выяснить настоящую плачевную судьбу города—судьбу незаслуженную, но неизбѣжную, по смыслу всѣхъ судебъ историческихкихъ.

Строенъ ли онъ аборигенами сѣвернаго края—бѣлоглазую чудью, или торговыми, предприимчивыми новгородцами—за этимъ ходить далеко и безуспѣшно *). Положительно извѣстно то, что мѣста, на которыхъ разбросался городъ, издавна служили мѣстомъ торжищъ, сходокъ, базаровъ для двинскихъ купцовъ. Три деревни: Курцево, Качковка и Падрокурья (именами этими называются и теперь части города Холмогоръ) служили именно этими мѣстами для торжищъ и не имѣли правительственнаго значенія: воеводы жили на Матигорахъ и Ухт-островѣ. Имени Холмогоръ еще не встрѣчается и, вѣроятно, его не было, по-крайней-мѣрѣ, въ XI вѣкѣ. Въ этомъ вѣкѣ поселились въ трехъ деревняхъ заволоцкіе купцы, прибывшіе сюда изъ великаго и торговаго Новгорода. Удобство мѣста при широкой и глубокой рѣкѣ, прошедшей здѣсь многими рукавами, могло соблазнить купцовъ съ перваго взгляда и незачѣмъ было, повидимому, искать изъ за хорошаго лучшаго. И тутъ же такъ близка была рѣка Пинега со своимъ устьемъ—Пинега, прошедшая черезъ мѣста, богатая лѣсною птицею и пушнымъ звѣремъ. Мезень посылала сюда свое сало, добытое изъ морскаго звѣря; Печора мѣха и кость. На все это заявлялъ сильное требованіе Новгородъ, все это шло изъ Новгорода въ руки Ганзы, въ заморскія страны. Шла туда же унская и нѣнокская морская соль, скупаемая на Двинѣ вологжанами и устюжанами **).

---

*) По свидѣтельству Крестинина—автора «Начертанія исторіи города Холмогоръ» (Спб. 1790 г.), изд. Озерецковскаго—«въ 1738 г. ноября 26, въ большомъ архангелогородскомъ пожарѣ городская ратуша сгорѣла съ письменными древнихъ лѣтъ холмогорскими дѣлами».

**) По грамотѣ 1550 года, одни холмогорцы имѣли право скупать соль на мѣстѣ.

Росла двинская торговля (преимущественно солью *) , раз-
 рослись вмѣстѣ съ нею и торговыя деревни. Къ нимъ при-
 строились даже три новыхъ селенія: слобода Глинки и приходы
 Никольскій и Ивановскій. Ширясь строенія, всѣ шесть слободъ
 пришли, наконецъ, въ ближайшее сосѣдство, удержали до нѣ-
 котораго времени самостоятельность съ именами посадовъ, но
 потомъ получили одно имя *Холмогоръ*. Къ этому имени присо-
 единилось названіе города, и лѣтописи начали уже чаще вспо-
 минать объ новомъ городѣ и приводить въ сказаніяхъ его на-
 стоящее имя **). Въ первый разъ новгородская первая лѣ-
 топись упомянула объ немъ подъ 6909 (1401) годомъ въ слѣ-
 дующихъ словахъ: «Того же лѣта, на міру, на крестномъ цѣло-
 ваніи, князя великаго Василія повелѣніемъ, Анфалъ Микитинъ
 да Герасимъ Рострига съ князя великаго ратию наѣхавъ войною
 за Волокъ и взялъ всю двинскую землю на щитъ, безъ вѣсти,
 въ самый петровъ день, христіанъ посылки и повѣшали, а жи-
 воты ихъ и товаръ поималъ; а Ондreja Ивановича и посадни-
 ковъ двинскихъ Есипа Филиповича и Наума Ивановича изы-
 маша. И Степанъ Ивановичъ, братъ его Михайло и Микита
 Головня, скопивъ около себѣ Важанъ и сугнавъ Анфала и Гера-
 сима, и бишася съ ними на *Колмогорахъ*, и отъяша у нихъ
 бояръ новгородскихъ Андрея, Есипа, Наума.»

---

*) Крестининъ говоритъ: «Не только холмогорцы, но и всѣ заволоцкіе
 монастыри солянымъ торгомъ обогащались и для того на Холмогорахъ со-
 держали монастырскіе дома, кладовыя, амбары и прикащиковъ-монаховъ».
 Вольная соляная торговля продолжалась до начала XVIII вѣка.

**) Много было толковъ о происхожденіи этого названія. Производили
 его отъ финскаго слова kolm—три (деревни), но Крестининъ понималъ это
 проще. Онъ говоритъ: «Городъ лежитъ на острову. Къ западу отъ р. Оногры,
 въ разстояніи около двухъ верстъ, находится высокая гора и на ней ста-
 ринная и главная деревня Матигоры. Къ югу за Курполокою, въ разсто-
 яніи около пяти верстъ, по западному рукаву Двины, стоитъ на высокой
 горѣ деревня Быстрокурья, противъ луговаго Паль-острова; высокая Ров-
 дина (Родионова) гора и того же имени деревня, обтекаемая восточнымъ
 рукавомъ Двины, составляетъ также сосѣдственное мѣсто къ Холмогорамъ.
 Самый восточный берегъ Двины, гдѣ противъ Ровдиной горы находится
 вятная деревня Вавчуга, представляетъ не низкую гору. Толь прекрасные
 виды естества, безъ сумнѣнія, подали причину назвать описуемое здѣсь
 селеніе *Холмогорами*, реченіемъ, сложнымъ изъ *юръ* и *холмозъ*.»

А, между-тѣмъ, городъ, усиливаясь многолюдствомъ, обстраивался домами и церквами, но не богатѣлъ, не богатѣлъ капиталами даже и въ то время, когда поморы начали свозить сюда морскіе промыслы, состоящіе въ рыбахъ, трескѣ и палтасинѣ, и въ кожахъ морскаго звѣря. Поморы вымѣнивали это на хлѣбъ, привозимый изъ плодородныхъ странъ, съ рѣки Ваги и изъ дальней Вятки. Но Холмогоры не богатѣли. «Сіе происходило—справедливо думаетъ Крестининъ—отъ того, что главные капиталы торгующихъ купцовъ изъ Новгорода происходили и туда же возвращались; частію же потому, что монахи большими соляными торгами монастырямъ знатную прибыль отъ сего товара раздѣляли неосчитуемымъ образомъ съ холмогорскими купцами и своимъ перевѣсомъ приводили ихъ въ ослабленіе нечувствительно. Монахи отъ избытковъ мірскаго богатства украшали свои монастыри каменными зданіями и великолѣпіемъ, а холмогорцы не могли воздвигнуть ни единыя каменные церкви прежде 18 вѣка».

Къ тому же, вскорѣ быстро и сильно развилась торговля при портѣ святаго Николая, гдѣ образовался у монастыря Архангельскаго цѣлый городъ, открытый въ 1585 г. воеводами Нащокинѣмъ и Волоховѣмъ. Стали туда приходить иностранные корабли. Холмогоры потеряли съ той поры всю свою матеріальную силу и нравственное значеніе и вели свою исторію въ бѣдныхъ, незначительныхъ и скудныхъ чертахъ. Вотъ всѣ историческія преданія Холмогоръ въ хронологическомъ порядкѣ и повременной постепенности.

Въ 1587 году прибылъ сюда первый двинскій воевода, князь В. А. Звенигородскій. Имъ расчислены и вновь положены *сохи*, съ которыхъ казна должна была собирать свои доходы. До того времени правили Двинскою землею намѣстники и тиуны, но какъ тѣ, такъ и другіе вели долгую систему несправедливостей, обидъ и притѣсненій всякаго рода, такъ-что при управленіи послѣдняго изъ намѣстниковъ, Семена Микулинскаго-Апулкова, обнаружилось, по свидѣтельству двинскаго лѣтописца, «что намѣстникъ *оброкъ* собиралъ на себя, а дань государю. *Оброкъ* этотъ (та же взятка) превосходилъ государственную подать; по писцовой книгѣ 1623 года видно, что всего денежнаго сбора было «тридцать девять рублевъ, двадцать пять

алтынъ, полторы деньги *). Намѣстниковъ, въ порядкѣ вѣдѣній, замѣняли земскіе головы и двинскіе судьи, товарищи земскихъ головъ, избираемые изъ двинянъ голосами народа». Они—говорить двинскій лѣтописецъ—судили на Холмогорахъ въ верхней и въ нижней половинѣ до воеводскаго прѣзвду. При немъ начали на Холмогорахъ селиться англичане, строить собственные дома, какихъ не видывалъ городъ; строили амбары и учредили свою торговую контору. Тогда же и Холмогоры изъ посада переименованы были въ городъ, имѣвшій уже три (деревянныхъ) церкви: Спасо-Преображенскую, Крестовоздвиженскую и святаго апостола Іакова—брата Господня.

При воеводахъ историческія событія записаны двинскимъ лѣтописцемъ въ такомъ порядкѣ:

Въ 7116 (1608) году, при воеводѣ И. В. Милюковѣ Гусѣ, двинскій народъ судилъ и осудилъ на смертную казнь, какъ врага отечества, дьява Илью Иванова сына Елчанина. Дьякъ этотъ, при участіи самаго воеводы, былъ неумолимымъ и крайне неумѣреннымъ въ своемъ лихоимствѣ. Особенно обнаружилось это лихоимство въ то время, когда онъ рѣшился всѣми мѣрами препятствовать двинянамъ отправлять на морскую службу *даточныхъ* (вольнонаемныхъ ратниковъ), которые должны были противостоять полякамъ и русскимъ измѣнникамъ. Воевода, во время народнаго суда, лишонъ былъ на три дни власти и содержался подъ крѣпкою стражею. Дьякъ же лихоимецъ, 10-го генваря, послѣ трехдневнаго заключенія въ тюрьму, былъ осужденъ и опущенъ, съ камнемъ на шеѣ, въ рѣку Двину.

Въ 7121 (1613) построенъ былъ деревянный острогъ за Глинками, въ нижней половинѣ, на самомъ берегу Двины. Острогъ тогда же населенъ былъ стрѣльцами и въ концѣ года имѣлъ уже случай счастливо противостоять нападенію поляковъ и рус-

---

*) На Рождество Христово волостные старосты съ предпоздннаго числа сохъ приносили намѣстнику полоть мяса, десять хлѣбовъ, коробью овса, возъ сѣна. На Велики-день (Св. Пасхи)—полоть мяса, десять хлѣбовъ. На петровъ день—одного барана и десять хлѣбовъ. Тиунъ получалъ противъ намѣстника половиною меньше. Но какъ тѣ, такъ и другіе имѣли право брать вмѣсто припасовъ и деньги.

свихъ измѣнниковъ, пришедшихъ сюда съ Ваги (см. ниже «Сійскій монастырь»). Въ 1621 году острогъ этотъ, во время весенняго ледохода, сломало и потому вмѣсто него выстроено былъ, между Курцевскимъ и Глинскимъ посадами, новый острогъ. Оба посада эти въ 1636 году потерпѣли опустошеніе отъ большаго пожара, при чомъ сгорѣла Владимірская церковь...

Въ 7163 (1655) переведены изъ города двинскіе стрѣльцы, раздѣленные на два приказа, въ Москву, а на мѣста ихъ присланы смоленскіе и дубровскіе гайдуки (460 человекъ). Въ слѣдующемъ году, на иждивеніе и трудами двинскихъ жителей, выстроено былъ на острожномъ мѣстѣ деревянный городъ вмѣсто палисадника съ двойною рубленою стѣною, пустота въ которой заполнена была землею. Въ 1674 году въ этомъ замкѣ построена была *первая* каменная палата для воеводскаго засѣданія съ дьякомъ во время суда и расправы.

Въ лѣто 7187 (1678), по указу государя царя Θεодора Алексѣевича и по благословенію верховныхъ пастырей, на Холмогорахъ, декабря 11-го дня былъ постъ всенародный отъ утра даже до вечера, соединенный съ церковною молитвою по великопостному уставу; тотъ же постъ былъ и на другой день, но только отъ утра до отпуска литургии. А постились всѣ люди, не исключая младенцевъ «за озлобленіе и скорбь отъ нашествія турецкаго султана». Въ маѣ слѣдующаго года привезены были сюда и виновники двухдневнаго поста плѣнные татары и турки въ количествѣ 240 человекъ. Черезъ два года они были увезены обратно, кромѣ тѣхъ, которые успѣли уже въ эти два года окреститься.

«Въ лѣто 7191 (1682), октября въ 18 день, прибылъ на Холмогоры и принять съ великою честью отъ всего народа первый архіерей новоучрежденныя епархіи холмогорскія и важескія, архіепископъ Аѳанасій. Онъ расположилъ епископію свою на городищѣ, которое отъ сего времени городкомъ прозвано». Аѳанасій началъ свое правленіе тѣмъ, что выстроилъ каменные и новыя деревянныя, церкви, и въ томъ числѣ застроилъ соборную, каедральную во имя Спаса-Преображенья; огромностью и великолѣпиемъ—первая церковь по всей Двинѣ. Она была оиончена въ 6 лѣтъ слишкомъ и освящена уже въ 1691 году. Въ 1688 г. августа 14 дни, архіерей освятить Успенскую церковь новаго женскаго монастыря, въ которомъ

первою игуменей поставлена мать Аеанасія «благословеніемъ своего сына» — добавляетъ лѣтописецъ.

Въ 7197 (1688) произведенъ въ мірской избѣ уравниль- ный окладъ для платежа казенной подати съ тяглыхъ домовъ девятью присяжными. Обложены были нѣкоторые въ 2 алты- нахъ, и затѣмъ отъ 6½ до 3 денегъ съ *пироюмъ*; сверхъ-того, нашлось 922 человекъ бездворниковъ.

«Въ лѣто 7201 (1693), іюля въ 28 день, около полудня великій государь Петръ Алексѣевичъ прибылъ къ Холмогорамъ по ровдогорскому протоку на судахъ, вышелъ на берегъ изъ дощаника передъ стѣнами деревяннаго города, шествовалъ черезъ сію крѣпость къ соборной церкви въ каретѣ; передъ цер- ковию встрѣтилъ его величество холмогорскій архіерей съ ду, ховенствомъ. Государь, по совершеніи въ церкви краткія мо- литвы, изволилъ обѣдать съ боярами, по прошенію архіерея въ домъ его епископскомъ. Царь обнощевалъ на судахъ, а на другой день, послѣ обѣда у воеводы, шествовалъ по Двинѣ къ городу Архангельскому. Какъ прибытіе, такъ и отбытіе его величества препровождаемо было на Холмогорахъ колокольнымъ звономъ и стрѣльбою изъ 13 городовыхъ пушекъ (привезен- ныхъ сюда еще въ 1613 году изъ города Архангельскаго).

7 «Холмогорское гражданство въ почестъ царю государю, сверхъ хлѣба и соли, подвело двухъ великорослыхъ быковъ. Почестъ сія принята милостиво и быки отправлены въ Москву по царскому повелѣнію».

«Въ лѣто 7202 (1694), въ 17 день іюля, великій государь царь Петръ Алексѣевичъ миновалъ Холмогоры, шествуя къ го- роду Архангельскому на судахъ по восточному рукаву Двины рѣки (изъ села Вавчуги отъ Бажениныхъ). Въ 1702 году Петръ Великій черезъ Холмогоры съ сыномъ своимъ, великимъ кня- земъ Алексѣемъ Петровичемъ, плылъ на мелкихъ судахъ».

Вотъ всѣ извѣстія о пребываніи Петра Великаго въ городѣ Холмогорахъ. Народное преданіе сохранило еще прозваніе *заугольниковъ*, которое будто-бы далъ великій государь холмогор- цамъ, видя, что они, на первый пріѣздъ его, прятались по до- мамъ, а потомъ, постепенно привыкая къ царскимъ очамъ, на- чали выходить, но при приближеніи царя снова прятались за углы, въ калитки и оттуда уже глядѣли на Петра.

— Боялись они того, чтобы царь не взыскалъ съ нихъ, не

потребовалъ къ отвѣту, потому-что всё вѣдь наши предки были бѣглецы новгородцы!—такъ мнѣ объясняли это событіе старикъ-холмогорецъ, подтвердившій это преданіе, но крѣпко обидѣвшійся, однако, когда я его въ шутку назвалъ заугольникомъ. Но продолжаю до конца дальнѣйшую исторію города.

Въ 1698 году, на 10-е число октября, весь Глинскій посадь города Холмогоръ опустошился большимъ пожаромъ начавшимся отъ двора Соловецкаго монастыря. «Сей пожаръ (привлекаетъ Крестининъ въ своемъ «Начертаніи» исторіи города) достойнъ памяти не столько по великой гибели имѣнія жителей Глинскаго посада, сколько по тому, что сіе несчастное приключеніе было поводомъ къ уменьшенію гражданъ и къ упадку всего Холмогорскаго посада. До сего времени холмогорскіе купцы и ремесленники, во время ярмарки, проживали въ соседственномъ городѣ Архангельскомъ лѣтнее время, а осенью возвращались въ дома съ желаемыми прибытками отъ торговли; но послѣ сего пожара многіе изъ холмогорскихъ гражданъ не захотѣли на мѣстѣ погорѣлыхъ своихъ домовъ строить новые дома, и начали поселяться въ городѣ Архангельскомъ»...

Промежутковъ времени между началомъ и половиною прошлаго XVIII столѣтія для Холмогоръ не замѣчательнъ ни однимъ изъ особенно важныхъ событій. Но въ 1744 году случилось событіе загадочное для туземцовъ, печальное по своимъ послѣдствіямъ и въ самой сущности.

Вотъ что рассказываютъ объ немъ:

Въ 1744 году, 26-го октября вечеромъ, когда архіерей Варсонофій въ своей крестовой церкви служилъ вечерню, является въ алтарѣ дворцовый офицеръ съ приказаніемъ, чтобы епископъ немедленно очистилъ свой домъ и выѣхалъ бы въ другой. Варсонофій противился, указывалъ на краткость срока, на невозможность найти удобное помѣщеніе въ бѣдномъ городѣ; но приставъ, именемъ царскимъ приказалъ архіерею молчать и немедленно же приступить къ исполненію его требованія. Варсонофій перешелъ жить въ деревянный домъ за озеромъ, построенный имъ для лѣта. Старый, огромный домъ архіерейскій строенъ былъ архіепископомъ Аванасіемъ (на 6,500 рублей, шесть лѣтъ); служилъ съ 1691 года, втеченіе всѣхъ пятидесяти лѣтъ, жилищемъ холмогорскихъ архіереевъ. Въ 1744 году взятъ онъ былъ въ казенное вѣдомство. Его огоро-

дили со всѣхъ сторонъ длиннымъ и высокимъ тыномъ съ заостренными наверху бревнами и плотно скрѣпленными между собою. Внутри обширнаго двора построена была вскорѣ казарма, подлѣ воротъ тогда же поставлена другая казарма. Тайственность приготовленій и построекъ, совершенныхъ въ изумительно короткій срокъ, наводила ужасъ на всѣхъ холмогорцевъ; но ничего нельзя было узнать, ничего вывѣдать. На распросы у приставниковъ получались грубые совѣты молчать, впредь не спрашивать; часто сильныя угрозы и въ рѣдкихъ случаяхъ—одно гробовое, упорное молчаніе. День и ночь кругомъ зачурованнаго острова ходила стража, не подпускавшая къ мрачному зданію, на ружейной выстрѣлъ, ни одного человѣка. Никогда не отпирались ворота, ведущія изъ острога къ сторонѣ Преображенскаго собора; по временамъ только скрипѣли они, когда пріѣзжалъ въ Холмогоры архангельскій намѣстникъ, и опять замыкались эти ворота на неизвѣстный срокъ и время, когда черезъ полсутки уѣзжалъ намѣстникъ назадъ. Строго запрещено было холмогорцамъ толковать между собою объ этомъ зданіи на домахъ; зорко слѣдила стража за всякимъ. Только украдкой успѣвали передавать другъ-другу холмогорцы, что за высокимъ тыномъ заключонъ какой-то *секретный арестантъ*. Но и это слово брошено было на общее любопытство какъ-то случайно, какимъ-то солдатомъ и то подъ пьяную руку, въ крайнюю минуту сердечной откровенности.

Усилившаяся въ городѣ дороговизна на свѣтныя припасы возбудила общее недовольство, которое сдерживалось всѣми про себя. Не сдержалъ это одинъ только холмогорецъ, который развѣршился высказаться главному приставу, генералу.

Генералъ велѣлъ смѣльчаку замолчать и пригрозилъ даже тѣмъ, «что можетъ-де быть и хуже и онъ можетъ сдѣлать такъ, что завтра же ему совсѣмъ не дадутъ ѣсть»...

Холмогорцы продолжали оставаться въ невѣдѣніи; но только безнаказанно могли видѣть одно, что у старшаго генерала, и у всѣхъ его помощниковъ, у всѣхъ офицеровъ мундиръ былъ съ однимъ эполетомъ. Разъ какому-то счастливцу удалось обмануть бдительность сторожей и сквозъ щель въ частоколѣ острога увидѣть высокаго, худощаваго старика, съ сѣдыми волосами, въ бархатномъ кафтанѣ съ свѣтлыми пуговицами, подлѣ него женщину, всю въ черномъ, и чегырехъ малютокъ. Стар-

шіе гуляли по рошѣ, примыкавшей къ дому, младшіе катались въ шлюпки по пруду, которымъ заканчивалось огороженное тыномъ мѣсто. Между тѣмъ могъ онъ различать двухъ мальчиковъ-маленькихъ и двухъ дѣвочекъ-подростковъ. Гораздо позднѣе какой-то солдатъ, и тоже подъ пьяную руку, проболтался, что маленькихъ не учатъ грамотѣ и никакому руководствѣ, и что-де это такъ и велѣно. Разъ, и тоже случайно, узнали холмогорцы, что двухъ барышенъ привозили въ ~~Матигоры~~ на святкахъ, на крестьянскія посидѣлки. Одни полагали причиною такой льготы большой подкупъ, другіе положительно не вѣрили, и всѣ до единого, втеченіе дѣлныхъ *тридцати-семи лѣтъ*, не знали, кто были заключенные, за что они привезены сюда и подвергнуты такому строгому аресту?

Въ 1781 году вдругъ неожиданно отворены были ворота, сломанъ острогъ, уже замѣтно одряхлѣвшій отъ времени, и въ старомъ, опустѣломъ архіерейскомъ домѣ велѣно было помѣстить вновь учрежденную мореходную школу.

Тогда только холмогорцы узнали, что здѣсь была заключена бывшая правительница государства, принцесса Анна Леопольдовна, съ супругомъ своимъ принцомъ Антономъ-Ульрихомъ и дѣтьми; но всетаки боялись еще рассказывать и толковать между собою вслухъ.

Несчастные плѣнники привезены были сюда, какъ извѣстно, изъ Раненбурга. вмѣстѣ съ Анною Леопольдовною, кромѣ мужа, привезены были двѣ малолѣтнихъ дочери, принцессы. Здѣсь у заключенныхъ родились еще двое: въ 1745 году принцъ Петръ и въ 1746 принцъ Алексѣй. Здѣсь же въ 1746 году, отъ родовъ и тоски, умерла принцесса Анна и здѣсь же, наконецъ, скончался въ 1776 году и принцъ Антонъ-Ульрихъ.

Рассказываютъ, что, когда мореходная школа передана была въ Архангельскъ и мѣсто это назначено было въ 1798 году для Успенскаго женскаго монастыря, находившагося до того времени въ трехъ верстахъ отъ города, и когда рыли фундаментъ для соборнаго храма, землекопы нашли гробъ, въ которомъ лежали чьи-то кости, заключенныя въ бархатный кафтанъ. Нѣкоторые приняли это за кости Антона-Ульриха, другіе предполагали въ нихъ кости его камердинера, или кого-либо изъ ближнихъ приставниковъ, потому-что и эти не выпускались за

стѣны таинственнаго зданія и, вѣроятно, погребались также внутри ихъ.

Въ 1781 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, брауншвейгское семейство — сироты Анны Леопольдовны были освобождены. Тайно, ночью, ихъ перевезли на приготовленную на Двинѣ яхту. Яхта привезла ихъ къ Новодвинской крѣпости (по другимъ, къ Архангельску, въ домъ Крылова — единственный существовавшій тогда каменный домъ). Въ новомъ мѣстѣ заточенія принцессы содержались также подъ строгимъ секретомъ и крѣпкимъ карауломъ, пока готовился фрегатъ «Полярная Звѣзда». На этотъ фрегатъ ихъ и посадили, также ночью, 30 іюня 1781 года, и свидѣтели этого событія рассказывали, что одна изъ принцессъ, словно помѣшанная, дико блуждала кругомъ глазами, а другая вырвалась изъ рукъ, билась грудью о землю и не хотѣла идти на фрегатъ. Но когда всѣ усилія ея оказались тщетными, она схватила въ руки горсть земли и, горько и безутѣшно рыдая, безропотно уже подчинилась судьбѣ. Фрегатъ «Полярная Звѣзда» отвезъ принцессъ въ Данію, въ Бергенъ, гдѣ, какъ говорятъ, старшая умерла отъ тоски; другая, младшая, пережила всѣхъ своихъ родныхъ и умерла отъ глубокой старости въ концѣ сороковыхъ годовъ.

— За что же вы думаете сосланы они были сюда? спрашивалъ я рассказывавшаго мнѣ объ этомъ событіи холмогорца.

— А они противъ царицы Анны Ивановны пошли. Разъ государыня-то пригласила его, Антона, войска осматривать. Антонъ и задумалъ умертвить государыню и для этого приготовилъ убійцъ, разставилъ ихъ подлѣ моста, черезъ который имъ надо было проѣзжать къ войскамъ? Мостъ былъ на тотъ случай надломленъ. Одинъ изъ заговорщиковъ извѣстилъ обо всемъ этомъ государыню. Та повелѣла разставить стражу по лѣсу, саженьяхъ въ пятидесяти отъ моста, и «какъ-де бѣдымъ махну, тогда вы и хватайте заговорщиковъ». Такъ и сдѣлано. Заговорщики всѣ переиманы; они же тутъ и на предводителя своего указали. Когда ихъ прислали къ намъ на Холмогоры — жили они у насъ бѣдно; всѣ свои дорогія вещи, всѣ свои брилліанты на свои нужды продали), Антонъ послалъ два письма въ Питеръ. Одно-де, слышь, не дошло, а въ другомъ онъ писалъ такое, что пушай-де я за свои грѣхи мучаюсь, по дѣламъ; за что дѣти-то, моля, мои, неповинные младенцы, Богу негрѣшныя,

страдають? повели ихъ помиловать. Царица Елизавета взяла старшаго сына (Юанна Антоновича!?) и указала ему быть при дворѣ и жить во дворцѣ, какъ словно бы царевичу. Онъ и жилъ, да разъ зашалилъ что-то, ему Разумовскій князь и пригрозилъ пальцомъ. Вспыхнулъ. Сталъ сердиться, да и вымолвилъ, что я-де царемъ буду, а ты-де мнѣ грозить не смѣешь. Тотъ молвилъ государынѣ, что вотъ-де змѣю подлѣ себя отогрѣваете. Его и сослали въ Шлюшинъ городъ, а тамъ и убили ...

— У насъ тутъ (говорили мнѣ другіе) старушка жила, Анна Ивановна (умерла въ прошломъ 1855 году); она была жена одного изъ приставниковъ. У ней было много вещей этихъ принцовъ (послѣ смерти за безцѣнокъ распродала ея наслѣдники). Скатерти были, салфетки, ножи, вилки, ложки съ вензелями, булава была съ орлами (въ соборъ завѣщала на образъ), оловянные тарелки были съ орлами же по краямъ.

— А вотъ тебѣ на память двѣ пуговицы, съ его, слышь, кастаны спороты! говорилъ мнѣ въ заключеніе мой рассказчикъ-старикъ.

Пуговицы эти, сохранившіяся въ моихъ рукахъ, не представляютъ ничего особеннаго: онѣ мѣдныя, съ чеканенными рѣзными кружечками; на нѣкоторыхъ изъ этихъ фигуръ сохранились какъ-будто краски зеленая и синяя. Чекань очень красивъ и фигуры затѣйливы....

Но оканчиваю исторію заключенія брауншвейгскаго семейства.

Фрегатъ «Полярная Звѣзда», отвозившій холмогорскихъ плѣнниковъ, возвратился въ Архангельскъ. Всѣ участники въ этой экспедиціи, раздѣлявшіе плѣнъ брауншвейгскаго семейства, были щедро награждены царскими милостями. Матросы получили за городомъ земли для обработки подъ хлѣбъ, были освобождены отъ податей и составили, такимъ образомъ, небольшое, но особое сословіе *вольныхъ мореходцевъ*. Потомки ихъ въ небольшомъ уже числѣ населяютъ и теперь такъ-называемую *Секретную* (а иногда и *Морскую*) слободку, расположенную въ полуверстѣ за городомъ и въ верстѣ отъ Дѣвичьяго монастыря. Но слобода эта приходитъ годъ отъ году въ запустѣніе и разрушеніе; а Дѣвичій монастырь, стоящій на мѣстѣ заточенія, усиливается числомъ инокинь и средствами къ дальнѣйшему, безбѣдному существованію. Въ немъ каменная церковь во имя Успенія, каменные кельи для игуменьи и монахинь; ограда вокругъ мона-

стыря тоже каменная. Церкви Зачатія св. Анны, вошедшей въ ограду, удалившую отъ свѣта семейство Анны Леопольдовны, теперь уже не существуетъ.

Бантышъ-Каменскій, во II томѣ своего «Словаря достопамятныхъ людей русской земли», въ біографіи Іосифа Ильицкаго, архимандрита полтавскаго монастыря, сообщаетъ слѣдующее: «онъ отправленъ былъ императрицею Екатериною II, въ 1794 году, въ Ютландію къ содержащимся въ городѣ Горсензѣ, подъ датскимъ присмотромъ, несчастнымъ дѣтямъ правительницы Анны и Антона Ульриха, герцога брауншвейгъ-люнебургскаго. Онъ засталъ въ живыхъ только принца Петра и принцессу Екатерину, родившуюся 15 іюля 1741 года (принцъ Іоаннъ и принцесса Елизавета, умная, переписывавшаяся неоднократно съ императрицею, скончалась въ Горсензѣ до прибытія Іосифа (1765 и 1782 годахъ). «Принцъ Петръ, по словамъ архимандрита Іосифа, былъ крѣпкаго и здороваго сложенія, небольшого роста, имѣлъ важный видъ, который соединялъ, однакожъ, съ чрезвычайною робостію и до такой степени простиралъ оную, что прятался каждый разъ, когда узнавалъ о пріѣздѣ къ нимъ датскаго наслѣднаго принца; великаго труда стоило уговаривать его явиться къ Фридриху *); принцесса Екатерина лишилась слуха въ тотъ самый день, какъ братъ ея Іоаннъ лишился престола; ее тогда уронили. Главное, единственное увеселеніе ихъ состояло въ картахъ, и Іосифъ принужденъ былъ принимать участіе въ его невинной забавѣ. Серебряный рубль, съ изображеніемъ младенца-императора — рубль, которымъ чрезвычайно дорожила принцесса Екатерина, напоминалъ имъ о прошедшемъ величій. Они говорили только по-русски, почему не могли сами объясняться съ принцемъ. Смотри на нихъ, Фридрихъ и супруга его изъясняли сожалѣніе; датскій придворный штатъ находился въ Горсензѣ безотлучно. Принцъ Петръ скончался на рукахъ Іосифа (1798 г.), какъ истинный христіанинъ, съ твердымъ упованіемъ на Всемогущаго, на 52 году отъ рожденія; принцесса Екатерина переселилась въ вѣчность въ 1807 году, по отъѣздѣ въ Россію архимандрита Іосифа. Че-

---

*) Датская королева, какъ извѣстно, была ихъ родственница, и по ея-то ходатайству Екатерина II освободила ихъ изъ Холмогоръ.

тыре гробницы отраслей Иоанна, заключающіе брѣнные останки ихъ, стоятъ на виду въ горенской лютеранской церкви». Свѣдѣнія сіи, сообщенныя мнѣ Іосифомъ, чрезвычайно любопытны для отечественной исторіи. Тайна прошедшихъ лѣтъ не можетъ быть тайною въ наше время. Потерявъ всю свою важность, сливается она съ обыкновенными событіями и составляетъ, такъ сказать звено оныхъ. Архимандритъ Іосифъ *) подарилъ мнѣ рисунокъ, изображающій первоначальное мѣсто заключенія дѣтей правительницы Анны, въ Холмогорахъ — подарокъ драгоценный, какъ произведеніе руки принцессы Екатерины, неучившейся рисовать, но за всѣмъ тѣмъ искусно представившей свое уединенное убѣжище. Домъ, занимаемый ими, былъ довольно обширенъ, о двухъ этажахъ; кромѣ высокой ограды, церкви, пруда и нѣсколькихъ разсаженныхъ въ разныхъ мѣстахъ, деревьевъ, ни что не увеселяло взора ихъ!»

Подлѣ самаго монастыря, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ него, стоитъ съ отдѣльною церковью 12-ти апостоловъ старинное и величавое своею древностію, напоминающее архитектуру московскаго Успенскаго собора, зданіе (холоднаго) Преображенскаго собора, въ настоящее время лишонное уже своей каеедры, которая перенесена въ 1762 году въ Архангельскъ. Храмъ этотъ нѣкогда почитался лучшимъ во всей губерніи; но теперь онъ уже измѣнился во всей внутренности къ худшему: позолота мѣстами сошла, мѣстами почернѣла; живопись значительно ступевалась. Соборъ обдаетъ и поражаетъ съ перваго взгляда особенною мрачностію, въ смѣси съ величіемъ; особенно если сосредоточить свой взглядъ на стѣнахъ южной и сѣверной стороны. Вдоль этихъ стѣнъ стоятъ гробницы, накрытыя черными бархатными пеленами, подъ которыми погребены въ слепахъ тѣла бывшихъ важескихъ и холмогорскихъ владыкъ. Тутъ, надъ каждой гробницей, висѣли портреты усопшихъ съ ихъ біографіями (за сыростію портреты эти сняты). Тутъ можно было видѣть и умный ликъ перваго архіепископа Афанасія — любимца Петра, ревностнаго противника раскола при самомъ

---

*) Умеръ 20 сентября 1824 г. Онъ, по словамъ того же Бавтышъ-Камскаго, свободно объяснялся на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

его началъ. Аванасій былъ безъ бороды, которую онъ имѣлъ право, по преданію, брить послѣ того случая, когда на московскомъ соборѣ наскочилъ на него Никита Пустосвятъ и въ ярости вырвалъ ему одну половину бороды такъ, что послѣдняя уже не могла расти на прежнемъ мѣстѣ, образовавши шрамъ. Тутъ же рядомъ съ Аванасіемъ погребенъ и преемникъ его каеодры — Рафанлъ, затѣмъ Варнава и Германъ, Ааронъ, строгій по дѣламъ управления, взыскательный Варсоноій, тотъ Варсоноій, который велѣлъ одному священнику, взявшему съ раскольника взятку пудъ трески, обрить пол-головы и пол-бороды и привести его на мѣсто вѣчнаго заключенія въ архангельскій монастырь, и съ тѣмъ, однакожь, чтобы здѣсь обрить ему, въ свою очередь, остальные пол-головы и пол-бороды. Затѣмъ, здѣсь же, въ Преображенскомъ соборѣ, похоронены Іоасафъ, который первымъ изъ архіереевъ перѣхалъ жить въ Архангельскъ, и Аполлосъ.

Изъ другихъ церквей холмогорскихъ нѣтъ ни одной замѣчательной древностію: теплая соборная во имя святыхъ двенадцати апостоловъ построена въ 1761 году; тогда же выстроена и каменная глинская церковь о двухъ апартаментахъ. Другія церкви: Введенія во храмъ, нижнепосадская Рождества Христова и кладбищенская западнокурская во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

Изъ другихъ остатковъ древности памятны были жителямъ остатки крѣпостнаго вала со впадинами (вѣроятно амбразурами); но теперь ихъ замыли дожди и весенніе разливы Курополки. Нѣкогда валъ этотъ одѣтъ былъ деревяннымъ срубомъ, который послѣ сгорѣлъ, говорятъ, отъ молніи. Съ трудомъ, но еще можно (по лѣтамъ) наслѣдить остатки рва, окружавшаго крѣпость... И только!...

Г. Верещагинъ, авторъ «Очерковъ Архангельской губерніи», находитъ, что дома Курцова и Глинокъ самые старинные, потому что въ одинъ этажъ. Но это слабое доказательство, и тѣмъ болѣе, что подъ домами у нихъ кладовыя. Онъ же самъ ниже удивляется огромному количеству чулановъ, анбаровъ, кладовыхъ, говоря: «комнатъ всего двѣ, много—три; остальное пространство огромнаго дома занято пустыми чуланами», *пустыми* оттого — прибавляю я отъ себя — что торговля Холмогоръ пала, а множество чулановъ и кладовыхъ надобилось тог-

да, когда процвѣтали въ томъ краю заволоцкіе торги. Правда, что до сихъ еще поръ дома, по старому завѣту и обычаю, строятся странно и неудобно: «крылецъ нѣтъ и надобно много умѣнья, чтобы изъ входа, сдѣланнаго прямо въ стѣнѣ, добраться до лѣстницы и не попасть либо въ чуланъ, либо въ хлѣвъ *»). Хлѣвовъ и скотныхъ дворовъ въ Холмогорахъ оттого много что, какъ извѣстно, главнымъ промысломъ здѣшнихъ жителей служить скотоводство и именно разведеніе коровъ голландской породы.

Эта голландская порода рогатаго скота прислана была сюда еще Петромъ Первымъ, который въ слѣдующемъ же по присылкѣ году (1693) получилъ въ подарокъ отъ города двухъ великорослыхъ быковъ. Въ 1819 году доставлено было сюда, по высочайшему повелѣнію, изъ Англіи, еще 16 коровъ и 6 быковъ; но они не привились къ туземнымъ породамъ: скотъ этотъ вскорѣ же исчезъ, какъ бы не выдержавши соперничества съ голландскимъ скотомъ, успѣвшимъ акклиматизироваться въ особую породу, извѣстную подъ общимъ именемъ *холмогорской*. Порода эта отличается крупнымъ ростомъ и особенно славится своею молочностью; нѣкоторыя коровы даютъ отъ 2 до 3 ведеръ въ сутки. Холмогорскій скотъ обыкновенно отправляется въ продажу (въ Петербургъ до 500 головъ) живымъ; много мяса отправляется въ Англію; бѣльшая часть съѣдается корабельщиками въ архангельскомъ портѣ, такъ что въ самыхъ Холмогорахъ мясо и дорого сравнительно, и иногда его труднѣе достать, чѣмъ, напримѣръ, дичи или рыбы. Разведенію скота въ Холмогорахъ много способствуютъ сочные луга, окаймляющіе Холмогоры и сосѣднія деревни. Особенно скотъ рѣзко ме-

---

*) Въ другомъ мѣстѣ г. Верещагинъ чрезвычайно справедливо замѣчаетъ, «что холмогорцы сушіе недюды», и потомъ прибавляетъ: «Всякій домъ всегда запертъ и надобно долю стучать большимъ желѣзнымъ кольцомъ, предъаннымъ къ воротамъ, чтобъ войти въ него. Незнакомаго не тотчасъ впускаютъ: сперва разспросить его чрезъ маленькое окно кто онъ, откуда и зачѣмъ, и потомъ уже, если нужно, отворять ему дверь». Показаніе это бросается наблюдателю съ перваго взгляда и справедливость его продолжаетъ преслѣдовать во все время пребыванія въ этомъ городѣ. Холмогорцы, въ этомъ отношеніи, истые *заюльники* — скажу я словами Петра Великаго.

чется въ глаза, сопоставленный съ другими поморскими породами; приземистый, дряблый скотъ странъ поморскихъ, воспитанный на приморской травѣ и соломѣ, подчасъ облитой особымъ пойломъ изъ сельдяныхъ головокъ, въ сравненіи съ массивнымъ холмогорскимъ, не больше, какъ телята. Говорятъ, однако, что остальной поморскій скотъ выгоднѣй и благодарнѣй холмогорскаго (особенно скотъ мезенской) для откармливанья. Говорятъ также, что порода холмогорскаго скота съ десятилетиями замѣтно измельчала, но что, наконецъ, и въ настоящее время отхаживаются въ иной годъ такіа крупныя животныя, которыя дивятъ даже привычныхъ знатоковъ.

Вторая причина извѣстности во всей Россіи, доставшейся на долю Холмогоръ, имѣетъ своимъ основаніемъ промыселъ костяными подѣлками, которыя вытачиваются по всѣмъ сосѣднимъ съ городомъ селамъ и деревнямъ. Преимущественно же развитъ этотъ промыселъ на Матигорахъ (по всей волости), въ Ухтѣ-островской волости, но въ самыхъ Холмогорахъ онъ уже оставленъ, да и держался, какъ говорятъ, недолго. Основателемъ этого промысла, по преданію, почитается зять Ломоносова Головинъ, научившійся этому мастерству въ Петербургѣ. Вернувшись на родину, онъ завѣщалъ это мастерство своимъ землякамъ, изъ которыхъ Лопатинъ остался въ преданіи, какъ лучший знатокъ своего дѣла. Онъ имѣлъ случай поднести свои издѣлія въ 1818 г. императору Александру I. Въ настоящее время промыселъ костяными издѣліями значительно распространился. Нѣкоторые костяники переселились даже въ Архангельскъ. Требования на костяныя подѣлки идутъ часто съ заграничныхъ кораблей, куда приготавливаются по бѣльшей части изъ говяжьихъ костей шкатулки съ арабесками на крышкѣ, и по стѣнкамъ, подобранными разноцвѣтной фольгой. Много подѣлокъ изъ тѣхъ же костей въ видѣ ножей, чайныхъ ложекъ, вилокъ идутъ по крайне-дешовымъ цѣнамъ во внутрь Россіи. Предметы настольной, кабинетной роскоши: ножи для разрѣзанья печатныхъ листовъ, шахматы, фермуары, иконы, вырѣзаемые по кievскимъ и московскимъ святцамъ, дѣлаются большею частію по заказамъ и по значительно дорогой цѣнѣ. Цѣна эта замѣтно спадаетъ на предметы уже готовые (по бѣльшей части наперстки, игольники, игрушки, изображающія всегда одну и ту же пару оленей, запряженныхъ въ самоѣдскія санки). Всѣ эти вещи

(большія доходятъ до 25 руб. сер.) на заказъ стоятъ въ высокой цѣнѣ; но принесенныя на домъ, особенно передъ большими праздниками и передъ ярмарками (когда костяникамъ преимущественно надобятся деньги), отдаются ими почти за безцѣнокъ. Причиною того надо полагать во первыхъ и трудность сбыта въ коммерческія руки, и отчасти топорную аляповатость самой работы. Некому доставить костяникамъ хорошіе, правильно начерченные рисунки (работаютъ они большею частію на память, на махъ, или по рисункамъ, ими же безобразно начерченнымъ); некому показать костяныя бездѣлки поразительно изящной заграничной нюрнбергской работы, въ сравненіе съ которыми наши холмогорскія не выдерживаютъ никакой критики. А между тѣмъ нѣкоторые мастера, по лучшимъ заграничнымъ рисункамъ, умѣютъ дѣлать безукоризненныя вещи (какъ, напримѣръ, Бобрецовъ на Матигорахъ), и, между тѣмъ, ни одинъ изъ нихъ неграмотный, не умѣющій рисовать, и всё до единого прибѣгаютъ еще къ секретамъ (по одному, напримѣръ, готовятъ цѣпочки изъ безконечно-мелкихъ колечекъ, продѣтыхъ одно въ другое). Кость въ сыромъ, невыдѣланномъ видѣ холмогорскіе костяники покупаютъ обыкновенно на двухъ пинежскихъ ярмаркахъ (Никольской и Благовѣщенской), куда эти моржевые клыки и мамонтовые рога привозятъ съ дальней Почоры ижемскіе зыряне и самоѣды Большеземельской и Канинской тундръ.

Три раза въ годъ отправляются большіе гурты рогатаго скота въ Петербургъ; костяная работа занимаетъ не одну сотню рукъ; въ городѣ есть два кожевенныхъ завода; на улицахъ то и дѣло слышишь звонъ почтоваго колокольчика; мимо Холмогоръ прошли два большихъ главныхъ русскихъ тракта, а между-тѣмъ, городъ такъ бѣденъ: дома распались и погнили, узкія и кривыя улицы, вытянутыя каковыми-то углами на пространствѣ двухъ-трехъ верстъ, глядятъ печально и непривѣтливо; внутренность церквей потускнѣла отъ запустѣнія, какъ будто и отъ крайней скудости; мосты во многихъ мѣстахъ рухнули; съ нѣкоторыхъ домовъ сорвало крыши, сорвало, наконецъ, и стропильный остовъ. А между-тѣмъ окрестныя деревни обстроены втрое лучше; сосѣднія сельскія церкви не только не уступаютъ, но даже въ нерѣдкихъ случаяхъ и превосходятъ убранство городскихъ церквей.

— Отчего это? спрашивалъ я у холмогорцовъ.

— Оттого, отвѣчали мнѣ:—что наши купцы всё въ Архангельскѣ выѣхали и сколько ихъ нѣтъ тамъ изъ русскихъ богатыхъ—всѣ были наши холмогоры. Двое изъ здѣшнихъ гадятъ и въ будущемъ году отписаться туда же. Лови ихъ! А въ деревняхъ сосѣднихъ богачи попадаютъ отъ того, что либо дочка нашего богатѣля туда отцовскія деньги увела, либо холмогоръ нашъ богатой съ хорошей женой своей пріютился. Бываетъ и эдакъ! Жить-то, вѣдь, по здѣшнему понятію, все едино въ деревнѣ ли, въ городѣ...

— А отчего у васъ такъ много кабаковъ? Такого поразительно-большаго количества я не встрѣчалъ нигдѣ, не только въ вашей губерніи, но даже и въ очень-многихъ другихъ. Кабаки эти чуть ли не на каждомъ перекресткѣ.

— Думаешь пьемъ много?

— Непремѣнно.

— Нѣту, ей-богу, нѣту! Намъ пить не на што. А кабаковъ этихъ много отъ того, что у насъ каждую недѣлю торги живутъ: вся окольность съѣзжается.

Базаръ этотъ я видѣлъ. Онъ такой же людной, такой же шумливый и разнообразный, какъ и вездѣ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ живетъ промысловый и толковый народъ. Холмогорскіе торговцы, подперши шестомъ крышки своихъ лавокъ, разложили красные товары: всякую мелочь въ родѣ платковъ, тесемокъ и лентъ; въ нихъ сильно нуждаются сосѣднія дѣвки и бабы. Сюда же навезено было много желѣза изъ матигорскихъ деревень, которыя всё почти и по преимуществу заняты кузнечнымъ мастерствомъ. Охотно разбиралась деревенскими и поморская рыба; между сортами ея особенно рѣзко давала знать о себѣ любимая треска, отшибающая, по обыкновенію, крѣпкимъ амміакальнымъ своимъ запахомъ. Много видно было посуды деревянной и желѣзной, много веревочной и кожаной сбруи и очень-много сортовъ кожи всякаго рода, которая преимущественно разбирается по мелочамъ въ родѣ подошвъ, голенищъ, кнутовъ и проч.

Костяники въ этотъ день ходили по домамъ въ числѣ четырехъ—пяти человекъ. Между издѣліями ихъ попадались по большей части распятія и равнаго вида образа, выточенные изъ моржовой кости, менѣе бѣлой и плотной, и изъ мамонто-

вой, отличающейся отъ всѣхъ прочихъ поразительною близкою и млечною цвѣта.

Въ поддень этого дня (четверга) по домамъ слышались многіе и долгіе разговоры о сосѣднихъ новостяхъ. Деревенскіе родные навѣстили холмогорскихъ хозяевъ и угощаются съобными тетёрками на хорошемъ маслѣ, булками, какъ архангельскіе шанежки (родъ оладей), какъ приволжскіе жаворонки, составляющими здѣсь мѣстную характеристическую особенность. Къ вечеру на улицѣ раздавались долгиа и громкія пѣсни, слышался гульливый крикъ и шумъ, неизбѣжный во всякой народной сходкѣ. Ночью, по временамъ, раздавались усиленные крики, затѣвалась какъ-будто драка, можетъ-быть, съ пролитіемъ крови, съ синяками по лицу и подъ мынитками... Все, однимъ словомъ, и здѣсь тоже самое, какъ и вездѣ. Холмогорскій базаръ разнообразили только пестрыя самоѣдки съ саночками, гдѣ въ мѣховыхъ трипицахъ завернуты были ихъ безобразные ребятишки. Кучи другихъ ребятъ въ рваныхъ малицахъ сопровождали матерей, вышедшихъ сюда на ѣдому, т.-е. за сборомъ христовой милостыни и добродотнаго подаянія.

— Весело же вы завершили вчерашній базаръ! замѣтилъ я своему хозяину.

— А чѣмъ, батюшка, весело?

— Да у кабаковъ и шуму много было, и безъ дракъ не обошлось дѣло. Это хоть бы и въ Рыбинскѣ...

— Вѣдь, это не наши, ей-Богу, не наши: это, вѣдь, чай самоѣды, а то, можетъ, и кузнецы съ Матигоръ. Тѣ, вѣдь, у насъ люты на выпивку-то, злы...

— Видѣлъ, что и вы по домамъ угощались сытно, много и весело.

— А не будь гостю запасливъ, будь ему радъ—по пословицѣ. Чайкомъ мы вечеръ побаловались, а вина мало же пили...

— Съѣтнаго, харчей много было наставлено.

— Да, вѣдь, у насъ родится хлѣбъ-отъ, и хорошо родится, лучше архангельскаго. Мимо насъ и пшено не обходитъ: и имъ запасаемся. Намъ, вѣдь, этотъ базарный четвергъ, что праздничный день, что воскресенье. А, вѣдь, по нашей по холмогорской пословицѣ: «деревенская родня, что зубная болѣсть», ее унять надо, уважить ее надо. У архангельскихъ вонъ и

рубль плачетъ, а у насъ и копейка скачетъ, съ того самаго времени, какъ и городъ-отъ нашъ задвѣнной сталъ здѣсь...

— А скучно у васъ, тоскливо, бѣденъ вашъ городъ!

— У насъ и на это пословица слажена: «прожили вѣкъ за холщовой мѣхъ». Что станешь дѣлать? Коли не милъ тѣломъ— не приробишься дѣломъ...

— А хорошо вы вчера торговали?

— Да, вѣдь, у насъ, какъ у всѣхъ: запросишь по московски, такъ съ большимъ барышомъ будешь; потому наши деревенскіе въ ситцахъ толку не знаютъ. На чаѣ такъ вонъ ты ихъ не надуешь. Спитаго-то да высушеного не подложишь имъ, сейчасъ вызнаютъ: «вонъ-де твой-отъ чай плесень подернула— такова не надо, а давай-де настоящего московскаго».

— Стало-быть, вы нечестно торговлю ведете, оттого и не богатѣете.

— Да, вѣдь, намъ съ тобой свѣта Божьяго не перестроить. Очень-трудно! А лучше такъ: чьей рѣчкой плыть—той и славой слыть... Какъ коровушка не дуйся—не быть бычкомъ.

— Повдучо я отъ васъ на Вавчугу. Тамъ, сказываютъ, лучше торговое-то дѣло стоитъ, честнѣе ведется.

— Повзжай съ Богомъ: посмотри! Старикъ тамъ больно добрый живетъ—угостить.

Мимо оконъ нашей избы пронесли сани съ двумя молодцами, перевязанными черезъ плечо полотенцами; на росписной дугѣ три колокольчика; на молодцахъ новыя, синія суконныя сибирки.

— Свадьба! замѣтилъ мой хозяинъ.

— А часто онѣ у васъ налаживаются?

— Да дома больше народъ живетъ, на сторону мало ходитъ: часто свадьбы бываютъ.

— Какъ же у васъ этотъ обычай ведется?

— А опять-таки по пословицѣ: «выбирай корову по рогамъ—дѣвку по родамъ». Берутъ больше ровню, потому всякій знаетъ, что наказаннымъ умомъ да приданнымъ животомъ немного наживешь. А женятся: богатому какъ хочется, а бѣдному какъ можется. Чай, вѣдь такъ и вездѣ. А деньги да живость — такъ и баба живетъ. Затѣмъ живутъ какъ смогутъ, потому опять, что всякъ, вѣдь, домъ потолкомъ крытъ...

— Нѣтъ ли у васъ при этомъ какихъ обыновеній?

— А объ этомъ надо тебѣ у бабъ спрашивать. Это ужъ ихное дѣло.

Но бабы не сообщаютъ ничего особеннаго противъ того, какъ ведется свадебное дѣло и въ Поморьѣ, и на Мезени, и на дальней Печорѣ, по старому, исконному, новгородскому обычаю.

— Нѣтъ ли другихъ какихъ-либо обыновеній, примѣтъ? спрашивалъ и у женщинъ.

— Да на счетъ коровушекъ...

— Сказывайте, сдѣлайте милость!

— А вотъ, если поднимется ледъ на рѣкѣ въ скоромной день—коровы въ этотъ годъ много молока давать стануть; скроется рѣка въ постной день—много будетъ рыбы, а молока мало. Такъ это навсегда! Когда новую коровушку купимъ да въ хлѣвъ приведемъ, завсегда приговоръ такой держимъ: «хозяинушко! вотъ тебѣ скотинка—люби ее да жалуй, пой-горни, рукавичкой гладь, на меня не надѣйся!» *). Вотъ давъ про свадьбы-то спрашивалъ—слушай: коли попадетъ на ветрѣчу поѣзду возъ съ дровами—молодымъ счастья не будетъ. У кого въ церквѣ сгоритъ больше свѣчи, тотъ и помретъ скорѣе; опять же кто всей ногой на коврикъ встанетъ—одолатъ чирьи. Останутся послѣ вѣнца молодые вдвоемъ: и кто первый говоритъ

---

*) Мнѣ разъ привелось слышать разговоръ двухъ хозяекъ. Вотъ онъ почти слово въ слово:

— У моей-то коровушки *межеумолокъ*. *Запускъ*-отъ я ей дѣлала двѣ недѣли назадъ; стало *новотель*-то погодить надо: пушай *молочничекъ*-то пососеть подольше. У ней небольшой *межеумолокъ*—хорошая коровушка. *Запускъ*-отъ всего двѣ недѣли бываетъ до *тѣлева*. Придетъ *новотель*: кашки сварю, сѣнца ей на блюдо положу, овсеца дамъ, хлѣбца: стану *молить* коровушку.

О смыслѣ словъ этихъ, подумавши, догадаться не трудно.

Въ другой разъ, проходя по задворью и видя доившую бабу и ея соѣдку, пришедшую къ ней покормить, я слышалъ привѣтъ послѣдней:

— Море тебѣ подъ буремушку!

Вотъ, кстати, нѣсколько словъ изъ словаря холмогорскихъ коровницъ: *недойка*—молодая телка, вступающая къ права и значеніе коровы; *одрань*—старая, изнуренная, негодная скотина; *нѣтель*—ялова; *черпъ*—скотская чума; *переходница*—та телва, которая четыре года не телкалась; *отъемышь*—отнятый отъ матки теленокъ; его пускаютъ на отпой и впоследствии замѣчаютъ, что мясо яловой коровы лучше, чѣмъ коровы стельной, и проч. и проч.

начнетъ, тотъ и на всю жизнь большакомъ останется. Беременная баба не ругайся: дитя будетъ и злое и совѣтъ нехорошее. Если хочешь, чтобы дѣти велись, не умирали, въ кумовья зови первого встрѣчнаго... Ну, а дальше-то, тамъ, чай, какъ и вездѣ...

— А что, напиримѣръ?

— На мизинцѣ пятнышко бѣленькое завелось—счастіе, на среднемъ—радость, на безымянномъ—несчастіе, на указательномъ—печаль, на большомъ—обновка.

— Ну, а дальше?

— Иголкой и булавкой, или острымъ чѣмъ не дарись: поссорись. Ножъ купи хоть за копѣйку. Въ серединѣ носъ чешется — о покойникѣ слышать, кончикъ чешется — водку пить.

— А развѣ вы пьете?

— Бываетъ, добавилъ за разговоромъ хозяинъ: — бываетъ да только не при людяхъ, а въ уголку гдѣ. Таковъ ужъ обычай. А вотъ тебѣ и моя примѣта: чешется лобъ у меня—съ кѣмъ-нибудь поздороваюсь; затылокъ зачесется, такъ либо прибьютъ, либо облаютъ крѣико. Это вѣрно! А вотъ тебѣ и еще случай со мной: слушай-ко! Потерялъ я лошадь, искалъ всюду—не нашолъ. Да сдумалъ, продамъ-ко я ее въ шутку—найдется. Бывало, слыхивалъ, эдакъ-то съ другими не одинъ разъ, а десятокъ. И молвилъ сыну: «купи, молъ, Климо, сѣрка!»—А что, слышь, возьмешь?—«Да съ тебя, молъ, не дорого: всего пятакъ». И деньги ему велѣлъ найти и взялъ ихъ. На утро слышу, говорятъ сосѣди: «конь-де твой, Селионтичъ, ходитъ за оленникомъ въ Оногрѣ» (мѣсто у насъ есть такое). Такъ вотъ ты объ этомъ объ дѣлѣ какъ тутъ хопъ, такъ и думай!

— А вотъ я хочу, хозяинъ, на родину Ломоносова проѣхать. Слышалъ ли ты про него?

— Какъ не слышать, знаемъ. Да вѣдь давно ужъ это, очень давно было. Не памятно! Ты вотъ на Вавчугу-то поѣдешь—мимо будетъ, остановись—спровѣдай!

Последнія слова эти, неимѣющія смысла, пришли мнѣ на память и не выходили изъ головы во все время, пока мы осиливали переѣздомъ узкую, вытянутую въ цѣлую версту и кривую улицу города Холмогоръ. Звучали они, какъ бы сейчасъ вымолвленные, и тогда, какъ мы спустились съ крутого берега

въ ухабы рукава Двины—рѣки Курополки, и раскинулись оп-
зади насъ въ картинномъ безпорядкѣ по врытымъ горамъ и по
предгорьямъ старинныя Холмогоры. Перѣхали мы и Курополку
и втянулись въ ивнякъ противоположнаго городу отлогаго бе-
рега рѣки этой. Сердце сильнѣе начало биться; вдругъ отче-
го-то стало какъ-то неловко и неспокойно, бедна новыхъ
чувствъ разомъ заявили себя, наполнивши воображеніе карти-
нами неясными, смутно-понимаемыми, едва уловимыми. Трудно
было дать себѣ отчетъ въ цѣльности и оконченности представ-
леній и помысловъ. Отрадно было на сердцѣ, весело и пріятно
на душѣ.

— Вотъ и Куръ-островъ! слышалось, между-тѣмъ, замѣчаніе
ямщика.

Замѣчаніе было излишне: я и безъ него уже давно зналъ,
что это Куръ-островъ, что на острову, образованномъ тремя
рукавами Двины (Курополкой, Ровдогоркой и Ухтъ-островкой)
лежатъ двѣ казенныя волости: Куръ-островская и Ровдо-
горская.

— Вотъ и Куръ-островская волость, смотри!

Вижу впереди множество деревушекъ, разсыпанныхъ въ
безпорядкѣ и не въ дальномъ разстояніи одна отъ другой;
вижу между ними церкви; но это уже другое село—Ровдогоры.
Слышу снова запросъ ямщика:

— Въ которую же тебя деревушку везть велишь?

— Да въ Денисовку, въ Денисовку, и ни въ какую
другую...

— Не знаю такой, да и нѣту такой—вѣдь и давѣ такъ
докладывалъ.

— Да быть, братецъ ты мой, этого не можетъ.

— А оттого и можетъ, что мы здѣсь родились и не токми
тебѣ деревни эти, и хозяевъ-то почитай въ кажиной набѣ
знаемъ въ лицо и по имени. А деревни, какую сказываешь,
не слыжали...

— Можетъ быть, иначе зовется...

— Поспрошаемъ; можетъ и правда твоя. Эй!.. ты!.. свя-
той человекъ! какая-такая есть у васъ тутъ деревня Де-
нисовка?

— А, можетъ, Болото: вонъ оно! слышится отвѣтъ отъ про-
хожаго и снова разговоры моего ямщика:

— Болото, таъ Болото: въ Болото мы тебя и повеземъ, таъ бы ты и самъ связывалъ. А то тутъ гдѣ ихъ разберешь? Вонъ, гляди, три двора, а либо и два только: гляди и деревни это, и деревни этой свое званіе. А сколько этихъ деревень-то тутъ насыпано? Несовѣтима сила! всѣхъ не вызнаешь...

Но вотъ и Болото—деревушка въ пять дворовъ.

— Да это ли, старичокъ, Д-нисовка-то?

— А была допрежь, была Денисовка, звали таъ-то, звали; нонѣ вишь, Болото стало.

— А въ которой избѣ, на которомъ мѣстѣ Ломоносовъ родился?

— Не знаю, родименькой, и не спрашивай: не знаю, про какого ты про такого Ломоносова спрашиваешь. Не чуть у насъ эвкихъ, не чуть. Можетъ, тебѣ костяника надо, таъ вонъ на Матигорахъ Бобрецовъ живетъ, Калашниковъ..

— Нѣтъ, этотъ учоный былъ, и давно умеръ, въ Питерѣ жилъ...

— Не слыхалъ. Убей ты меня—не слыхалъ!

— Звѣзды онъ все, дѣдушко, считалъ; на небѣ, какъ по книгѣ читалъ, все разумѣлъ, самый умный былъ человекъ, самый учоный; здѣсь родился, отсюда въ Москву ушолъ...

— А ты спроси-ко на селѣ у дьячка: тотъ что-то, паря, связывалъ кое-то. Вотъ я теперя припомнилъ, связывалъ онъ что-то да я не помню въ плотную-то. И у насъ ты тутъ въ деревни ни у кого не знаешь. И разговоръ такого не было. Повѣжайте-тко! Вонъ село-то!

Повѣхали, прѣхали и—слава Богу!—добились кое-какого толку. Домъ, въ которомъ родился геній математики, давно, давно рухнулъ и снесенъ; на его мѣстѣ выстроены былъ другой, но и тотъ также рухнулъ и также, въ свою очередь, былъ снесенъ. Теперя, можетъ быть, и стоитъ какой-нибудь домъ, а можетъ быть, залегъ какой-нибудь пустырекъ, безъ слѣда, безъ памяти, и никому до этого нѣтъ дѣла. Нѣтъ, можетъ быть, дѣла оттого, что далеко вздить сюда тѣмъ, для которыхъ дорога и перо, которымъ писалъ Ньютонъ, и чернилица, изъ которой бралъ чернила Лейбницъ, и пологъ кровати, за которымъ спалъ Волтеръ, и проч., и проч.—И одинъ только дьячокъ, да какой-то досужій сельскій старичокъ помнили объ Ломоносовѣ, интересовались его именемъ и дѣлами. Вотъ, что могли сооб-

идти они и въ оба, общими силами, и вотъ, что можно было слышать объ нашѣмъ гениальномъ учонѣмъ, въ 1856 году, неподалеку отъ его родины, въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ родился Василью Доросееву его гениальный сынъ Михайло.

Василій Доросеевъ былъ раскольникъ и, можетъ быть, по обычаю своихъ единовѣрцовъ, считающихъ первую обязанностью имѣть сына, разумющаго церковную печать, отдалъ Михайла въ науку. Училъ его дьячокъ, жившій на селѣ, въ 2½ верстахъ отъ деревни *). Василій Доросеевъ былъ мужикъ зажиточный, и въ то время, когда еще велся обычай въ Курь-островской волости обрывать дальные покруты за треской и морскимъ звѣремъ на Мурманской берегъ океана, онъ былъ однимъ изъ трехъ хозяевъ, рисквавшихъ этимъ дѣломъ. Теперь промыселъ этотъ оставленъ всѣми подвинскими жителями, и оставленъ давно во имя новаго дѣла—хлѣбопашества, которыми занимаются и жители Курь-острова. Нестарый годами, крѣпкій силами и духомъ, Василій Доросеевъ вывѣзжалъ и самъ туда ежегодно, бралъ съ собою и старшаго, единственнаго сына, обязывая его приучаться къ дѣлу съ азбуки промысла, съ трудной и безотрадной должности зуйка. Зукъ артельный (обыкновенно мальчикъ-подростокъ) обязанъ оставаться на берегу: чистить посуду, носить воду, готовить кушанье, обивать свѣти, обирать рыбу и чистить ее: обязанъ, однимъ словомъ, почти цѣлые сутки быть на ногахъ. Нерѣдко случается тамъ, что посланный за чѣмъ-нибудь зуекъ долго не возвращается; его ищутъ и находятъ гдѣ-нибудь на половинѣ пути растянувшимся по землѣ: онъ крѣпко спитъ, сонъ схватилъ его вдругъ,

---

*) По свидѣтельству Степана Кочнева, доставившаго академику Озерцовскому краткую записку (9 июля 1788 г.) о жизни Ломоносова, учителемъ грамоты былъ той же волости крестьянинъ Иванъ Шубной (отецъ Федота Ивановича Шубина, известнаго впоследствии академика). «И обучился—говорить далѣе Кочневъ—въ короткое время совершенно, охочъ былъ читать въ церкви псалмы и каноны и по здѣшному обычаю житія святыхъ, напечатаннымъ въ прологахъ, и въ томъ былъ проворенъ, а притомъ имѣлъ у себя природную глубокую память. Когда какое житіе или слово прочтается, послѣ пѣнія рассказывалъ сидящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеннѣе, на словахъ обстоятельно».

подкосилъ ноги и положилъ плашня на землю на томъ мѣстѣ, гдѣ что называется, часть приспѣлъ, и гдѣ уже нѣтъ никакой возможности разбудить его, до той поры, пока онъ не проснется самъ-по-себѣ и не придетъ въ себя и въ новыя силы, истощенныя нерѣдко двухъ и трехсуточнымъ бодрствованьемъ.

— Михайло Васильевичъ Дорофеевъ (разсказывали мнѣ) — на Мурманѣ собиралъ изъ мальчишекъ артели и ходилъ вмѣстѣ съ ними за морошкой: нагребетъ онъ этихъ ягодъ въ обѣ руки, да и опроситъ ребятшекъ: «сколько-де ягодъ въ каждой горсти?» И никто ему отвѣта не сможетъ, а онъ дастъ и изъ ягодки въ ягоду, вѣрнымъ счетомъ. Всѣ дивились тому и другъ-другиѣ разсказывали: а онъ въ этомъ и хитрости для себя никакой не полагалъ, да еще и на другихъ на ребятъ сердился, что-де они такъ не могутъ. Сталъ онъ проситься у отца въ Москву въ науку: знать, Мурманъ-отъ ему поперекъ стоялъ въ горлѣ. Не пустили. Онъ и сбѣжалъ, одинъ сбѣжалъ, такъ и въ рѣваскихъ сказкахъ показанъ *). На дорогѣ онъ и фамилию себѣ новую придумалъ, наввался Ломоносовымъ. Родныхъ онъ своихъ не зналъ и не вспоминалъ объ нихъ; а когда отецъ его утонулъ на рыбныхъ промыслахъ въ устьяхъ Двины и самъ онъ былъ уже въ Питерѣ въ большой чести и славѣ, выписалъ къ себѣ сестру съ мужемъ. Сестра отдана была на Матигоры за крестьянина. Сестру онъ свою въ Питерѣ сажалъ съ собой рядомъ, куда ни поѣдетъ; въ санихъ ли, въ коляскѣ ли, а зятя становилъ на запятки. Сестра его втишь посмучала, да разъ и выговорила: «не прилика-де мнѣ съ тобой рядомъ сидѣть, когда мужъ мой на запяткахъ стоитъ». Послушался;

---

*) Далѣе Кочневъ продолжаетъ: «Какъ мать его умерла, то отецъ его женился на другой женѣ, которая была, можетъ-быть, причиною побудившею оставить отца своего и искать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ. Взялъ себѣ онъ паспортъ не явнымъ образомъ посредствомъ управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскія дѣла Ивана Васильевича Миллюкова, съ которымъ, выпросивъ у сосѣда своего Фомы Шубнаго китайское полукастанье и заимообразно три рубля денегъ, не сказавъ своимъ домашнимъ, ушелъ въ путь и дошелъ до Антоніевасійскаго монастыря, былъ въ ономъ нѣкоторое время, отправлялъ псаломническую должность, заложилъ тутъ взятое у Фомы Шубнаго полукастанье мужику емчанину, котораго послѣ выкупить не удалось, ушелъ потомъ въ Москву...»

сталъ и зятя сажать съ собой рядошъ... Вотъ и все, что знаемъ.

— И только?

— Да зашибалъ, слышь крѣпко: тѣмъ-де и померъ. Чай, самъ знаешь; самъ слышалъ. Ну, да опять же до января дослужился, январомъ былъ...

— Да, вѣдь, онъ не такимъ генераломъ былъ, какъ вы думаете. Онъ, вѣдь, звѣзды-то на груди не носилъ. Былъ онъ генералъ, да только съ другой стороны, и звѣзду носилъ, да не такую какъ тамъ, гдѣ обыкновенные, простые генералы носятъ...

— Ну, да твоей милости это лучше знать. А мы что знали, то тебѣ и сказывали. Не погнѣвайся!

Академикъ Озерецковскій, совершавшій путешествіе въ сѣверныя страны съ Лепехинымъ, товарищемъ по службѣ и занятіямъ съ М. В. Ломоносовымъ, въ то время, когда еще живъ былъ послѣдній, успѣлъ, кромѣ краткой записки о жизни учонаго сотоварища, составленной Кочневымъ, найти первые стихи Ломоносова и указъ императора Павла. По извѣстію, сообщенному Озерецковскому старикомъ Гурьевымъ, земскимъ Куростровской волости, видно, что «за просрочку данного ему, Михаилу Васильеву, 1730 года паспорта и неявившагося на срокъ, приказомъ тогдашняго ревизора Лермонтова показанъ онъ въ бѣгахъ, того ради изъ подушнаго оклада и выключенъ. А платежъ подушныхъ денегъ за душу Михаила Ломоносова производилъ по смерти отца его со второй 741, до второй же 747 года половины изъ мірской общей той Куро-островской волости отъ крестьянъ суммы».

Далѣе въ описаніи путешествія Лепехина слѣдуютъ стихи Ломоносова въ московской академіи за учиненный имъ школьный проступокъ. *Calculus dictus.*

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши съли,
Въ радости запыли.
Когда стали ясти,
Попали въ напасти:
Увязали бо ноги.
Ахъ! — плачуть убоги —
Меду полизали,
А сами пропали

Надпись учителя: Pulchre. «Стихи на туясокъ».

Въ заключеніе своихъ свѣденій о родѣ Ломоносова, Озерецковскій приводитъ копию съ указа императора Павла I. Вотъ она:
«Указъ нашему сенату».

Въ уваженіе памяти и полезныхъ знаній знаменитаго Санкт-петербургской академіи и учъ профессора, статскаго совѣтника Ломоносова, всемилостивѣйше повелѣваемъ рожденнаго отъ сестры его *Головиной* сына, Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости, крестьянина Петра, съ дѣтьми Васильемъ, Иваномъ и съ потомствомъ ихъ, исключая изъ подушнаго оклада, освободить отъ рекрутскаго набора. Августа 22, 1798. Въ Гатчинѣ».

Земской Гурьевъ, въ своемъ извѣстіи, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Побѣгъ Ломоносова означенъ въ ревизіонной сказкѣ по прошествіи срока, даннаго ему въ 1730 году паспорта. А перепиской писца Аеанася Файвозина 1686 года книги нашей Куростровской волости по тогдашнему Ломоносовомъ родѣ никакого знанія отыскать не могутъ»

Не могъ отыскать «никакого знанія» о Ломоносовѣ въ деревнѣ Болотъ и позднѣйшій (1847 года) посѣтитель мѣста его родины, г. Верещагинъ, авторъ «Очерковъ Архангельской губерніи». Онъ говоритъ, что еще недавно существовалъ родной домъ Ломоносова; но давно въ немъ никто не жилъ: время разрушило этотъ домъ и какой-то землякъ Ломоносова намѣревался выстроить себѣ на этомъ мѣстѣ домъ. Г. Верещагинъ прибавляетъ далѣе: «Родъ Ломоносова давно уже здѣсь прекратился, и никто изъ здѣшнихъ жителей не носитъ этой фамиліи, какъ потомокъ знаменитаго предка. Есть, правда, въ этой же деревнѣ крестьянинъ Лопатинъ *), считающій себя въ родствѣ съ фамиліею Ломоносова, но сосѣди Лопатина, Богъ-знаетъ почему, лукаво посмѣиваются, когда заговоришь съ ними о степени этого родства. «Вишь, прибавляютъ они, Лопатинъ продалъ какія-то бумаги ломоносовскимъ одному чиновнику (П. П. Свиныну), такъ, можетъ, потому и родня».

---

*) Лопатинъ этотъ извѣстенъ былъ, какъ лучший изъ туземныхъ костяниковъ, основатель этого рода промысла въ томъ краю. Онъ имѣлъ случай поднести свои издѣлія императору Александру I, посѣтившему Холмогоры въ 1819 году.

Скуденъ видъ окрестностей деревни Денисовки: низменный островъ, едва не понимаемый въ полную воду разливомъ Двины; низенькія болотистыя кочки, разсыпанныя между деревнями, которыхъ такъ много на Куръ-островъ; свѣрныя бревенчатыя избы деревень этихъ; кое-гдѣ незначительной высоты холмы, затянутые мохомъ; болотины между этими холмами съ просочившейся грязной водой; побережья, со всѣхъ сторонъ затянутыя чахламъ ивнякомъ, изъ-за котораго въ одну сторону видны Холмогоры со своими старинными церквами, давными преданіями; повсюду жизнь, закованная въ разнѣренную, однообразную среду, въ одни помыслы о тяжелой трудовой жизни на промыслахъ; и нѣтъ ничего въ этой жизни рѣзко-поэтическаго, нѣтъ ничего, могущаго питать душу и сердце. И вотъ изъ за того же ивняка, съ противоположной стороны, на горѣ отерывается новый видъ: видъ села Вавчуги. Тамъ еще живутъ свѣжими преданіями о Петрѣ Великомъ, тамъ еще недавно былъ онъ, гостилъ не одни сутки у богатаго, умнаго владѣльца Вавчуги Баженина, котораго любилъ ласкать и жаловать великій императоръ. Вотъ все, что было передъ глазами Ломоносова во время его безотраднaго, бѣднаго впечатлѣніями и воспитаніемъ дѣтства! Вотъ чѣмъ питался онъ въ самую свѣжую, въ самую впечатлительную пору своей честной жизни!...

Но вотъ и сама Вавчуга на крутой горѣ, по тремъ уступамъ, или террасамъ которой Баженинъ выстроилъ свои владѣнія. На нижней террасѣ, ближней къ рѣкѣ, существовали его корабельные доки, теперь лесопильный заводъ. Далѣе, на средней террасѣ выстроенъ его двухъ-этажный домъ, шитый тесомъ, большой и по образцу всѣхъ архангельскихъ избъ, но только замѣтно въ большихъ размѣрахъ и большей чистотѣ. На самой верхней террасѣ, на вершинѣ Вавчужской горы, красуется сельская церковь старинной постройки, съ колокольни которой открываются чудные и разнообразныя виды, какъ говорятъ, больше, чѣмъ на семьдесятъ верстѣ. На эту колокольню входилъ съ Баженинымъ Петръ Великій, три раза навѣщавшій Вавчугу. На этой колокольнѣ, по народному преданію, великій монархъ звонилъ въ колокола, тѣшилъ свою государеву милость. И съ этой-то колокольни разъ, указывая Баженину на дальныя виды, на все огромное пространство, растилающееся

по сосѣдству и теряющееся въ безконечной дали, Великій Петръ говорилъ:

— Вотъ все, что, Осипъ Баженинъ, видишь ты (а глазъ досягалъ чуть не до самаго Архангельска) здѣсь: всё эти деревни, всё эти села, всё земли и воды — все это твое; все это я жалую тебѣ моею царскою милостью!

— Много мнѣ этого, отвѣчалъ старикъ Баженинъ. Много мнѣ твоего, государь, подарку. Я этого не стою. Я ужъ и тѣмъ всёмъ, что ты жаловалъ мнѣ — много доволенъ.

И поклонился царю въ ноги.

— Не много, отвѣчалъ ему Петръ: — не много за твою вѣрную службу, за великой твой умъ, за твою честную душу.

Но опять поклонился Баженинъ царю въ ноги и опять благодарилъ его за милость, примолвилъ:

— Подаришь мнѣ все это — всёхъ сосѣднихъ мужичковъ обидишь. Я самъ мужикъ и не слѣдъ мнѣ быть господиномъ себѣ подобныхъ, такихъ же, какъ и я, мужичковъ. А я твоими щедрыми милостями, великій государь, и такъ до скончанія вѣка много взысканъ и доволенъ.

Милости государя состояли въ томъ, что Баженинъ получилъ сначала званіе корабельнаго мастера, а потомъ вмѣстѣ съ братомъ (Федоромъ) названъ именитымъ человѣкомъ гостинной сотни, могъ отправлять свои корабли за море съ разными товарами, имѣлъ право держать пушки и порохъ, могъ, безъ всякой пошлины, вывозить изъ-за моря всё матеріалы, нужные для кораблестроенія, нанимать шкиперовъ и рабочихъ всякаго званія, не спрашивая согласія мѣстныхъ властей. Все это Баженинъ получилъ за то, что былъ однимъ изъ первыхъ и лучшихъ цѣнителей начинаній Петра и былъ первымъ основателемъ и строителемъ *перваго* русскаго коммерческаго флота. Все это совершилось такимъ образомъ. Давно когда-то, еще въ XVI-столѣтіи, въ селеніи Вавчугѣ построена была дѣсопильная мельница, принадлежавшая нѣкому Ивану Попову. Одинъ изъ наслѣдниковъ этого Попова, въ 1671 г., передалъ мельницу и всю землю подлѣ (занимавшую пространство въ 5 сохъ) холмогорскому посадскому человѣку Баженину. Баженинъ заводъ перестроилъ «безъ заморскихъ мастеровъ по нѣмецкому образцу», успѣлъ выиграть дѣло, заведенное съ нимъ какимъ-то иноземцомъ Андреемъ Крафтомъ. Грамотою царей Іоанна и

Петра Алексѣвичей Вавчуга *) передана братьямъ Баженинымъ въ ихъ полное и потомственное владѣніе. Въ первое посѣщеніе свое Архангельска (1693 г.), 21 сентября, Петръ I съ Холмогоръ изволилъ, по словамъ продолжателя двинскаго лѣтописца (Іова, холмогорскаго протопопа) съ немногими шестовать въ маломъ кораблѣ въ Вавчугу для осмотра пильныхъ мельницы, и оттуда выѣхать на Крылово, а оттодѣ шестовать сухимъ путемъ. Мѣсто Вавчуги полюбилося царю и онъ внушилъ Баженинымъ мысль основать здѣсь корабельную верфь. Въ томъ же году Баженинъ началъ строить корабль за изготовленіемъ котораго со средоточеннымъ вниманіемъ слѣдилъ Петръ все время, пока жилъ въ Москвѣ. Весною слѣдующаго года (1694) готовъ былъ и спущенъ въ вавчужской верфи *русскій первый корабль* съ первымъ русскимъ коммерческимъ флагомъ—«Св. Петръ», отправленный въ Голландію съ грузомъ русскаго желѣза. Баженинъ, между тѣмъ, дѣятельно продолжалъ постройку военныхъ и коммерческихъ кораблей, гуковъ и гальтовъ, такъ что въ 1702 году Петръ, въ третій и послѣдній разъ посѣтившій Двину, самъ спустилъ въ Вавчугѣ два новыхъ фрегата. Народное преданіе рассказываетъ при этомъ слѣдующее: Баженинъ ждалъ царя съ великимъ нетерпѣніемъ, которое въ конецъ возрасло до такой степени, что старикъ пересталъ ждать въ Вавчугѣ,—выѣхалъ къ царю на встрѣчу. Ъхалъ скоро; на сколько сильно было въ немъ желаніе поскорѣе лицезрѣть Петра и на сколько быстро могли везти ящики, хорошо знавшіе, что Баженинъ—другъ царя.

На одной изъ станцій—именно въ Ваймугѣ—Баженину показалось, что ящики не скоро впрѣгаетъ лошадей и такимъ образомъ какъ бы намѣренно задерживаетъ моментъ свиданія

---

*) Въ двухъ верстахъ отъ Вавчуги лежитъ село *Чухчема*, никольская церковь котораго была нѣкогда монастыремъ. Монастырь этотъ приписанъ былъ къ Троицко-Сергіевской лаврѣ (какъ видно изъ грамоты Іоны митрополита сарскаго и подонскаго, 1619 г.). Тоже должно сказать о Бривецкомъ погостѣ (на лѣвомъ берегу р. Двины, при впаденіи рѣки Обокиши) и о Моржегорскомъ селѣ стоящемъ при впаденіи въ Двину рѣки Моршовки. Въ послѣднемъ изъ нихъ находилась пустынь Николая Великорѣцкаго, основанная царемъ Федоромъ Алексѣвичемъ; а въ Бривецкомъ погостѣ существовалъ при Михаилѣ Феодоровичѣ около 1619 г., монастырь Успенскій.

его съ Петромъ. Баженинъ вспылилъ и ударилъ ямщика въ ухо, но такъ не ловко, что попалъ въ високъ, и такъ сильно, что ямщикъ тутъ же на мѣстѣ упалъ и умеръ.

Между тѣмъ прїѣхалъ Петръ, съ Баженинымъ отправился онъ въ Холмогоры и въ Вавчугу. Въ Вавчугѣ пировалъ; съѣздилъ въ Архангельскъ; поѣхалъ назадъ въ Петербургъ; Баженинъ его провожаетъ. Въ той же Ваймугѣ, гдѣ Баженинъ убилъ ямщика, собрались мужики царю пожаловаться, что зазвался-де Осипъ Баженинъ и ни какого суда на него не найдешь. Прямо сказать мужички не смѣли, а придумали сдѣлать это дѣло такъ, что когда вышелъ царь изъ избы къ повозкѣ: мужики стали перешептываться промежъ себя, потомъ громче и громче переговариваться:

— Баженинъ мужика убилъ. Мужика убилъ Баженинъ!

Услыхалъ Петръ—улыбнулся. Остановился на одномъ мѣстѣ, да и опросилъ весь народъ громкимъ голосомъ:

— Ну такъ чтожъ изъ того, что Баженинъ мужика убилъ?

У мужиковъ и ноги къ землѣ и языкъ къ гортани прилипли, стоятъ и слушаютъ:

— Это ничего, что Баженинъ мужика убилъ. Больно бы худо было, кабы мужикъ убилъ Баженина.

У мужиковъ и уши на макушкѣ. Царь продолжалъ:

— Васъ, мужиковъ, у меня много. Вотъ тамъ подъ Москвой; за Москвой еще больше; да на Казань народъ потянулся, къ Петербургу подошелъ; много у меня мужиковъ. Вотъ васъ однихъ сколько собралось изъ одной деревни. Много у меня васъ, мужиковъ, а Баженинъ—одинъ. Такъ вы и знайте.

Съ тѣмъ царь и уѣхалъ.

Въ это же посѣщеніе Вавчуги, какъ говорятъ, царь подарилъ Баженину медальонъ изъ кизила съ своимъ портретомъ, вырѣзаннымъ собственными руками. Медальонъ этотъ съ двумя царскими грамотами хранится, до-сихъ-поръ, у нынѣшняго владѣтеля Вавчуги, гостепрїимство и любезность котораго дѣлаетъ ихъ доступными вниманію всякаго прѣзжаго. По третьей грамотѣ Петра Алексѣевича разрѣшалось Баженинымъ строеніе кораблей и безпошлинная вырубка 4,000 деревьевъ (2,000 въ Архангельскѣ и 2,000 въ Каргополѣ).

Впоследствии, когда бѣломорская торговля упала, когда уничтожены были всѣ привилегіи, кажими пользовался Баженинъ,

дѣла ихъ пришла нѣ упадокъ. Преданіе указываетъ на какого-то Кочева, бывшаго у Бажениныхъ ирикащикомъ; этотъ Кочевъ будто-бы злонамеренно велъ дѣла своихъ довѣрителей, обворовывалъ ихъ и впоследствии самъ строилъ корабли и крупныя суда на собственные, на ворованныя деньги. Вавчужская верфь потеряла свою нравственную силу и значеніе (теперь осталась одна только лѣсопилная мельница). Но старшій Баженинъ до конца своей жизни не переставалъ пользоваться въ окольности всеобщимъ почтомъ и уваженіемъ. И до-сихъ еще поръ живетъ въ Холмогорахъ присловье: «словно у тебя Баженинъ въ гостяхъ!»—когда замѣчено будетъ, что въ комнатѣ собралось много свѣчей, хотя бы то произошло и случайно.

Еще одни сутки видѣлись мнѣ Холмогоры, во всемъ своемъ безотрадномъ разрушеніи и ветхости; и видѣлись уже въ послѣдній разъ. Я поѣхалъ въ обратной путь на петербургскій трактъ. Дорога шла берегомъ Двины; попадались людныя и относительно-богатыя селенія; мелькали одна за другою почтовые станціи, и онѣ даже начинали напоминать о лучшихъ мѣстахъ, чѣмъ тѣ, которыя доставались на мою долю втеченіе цѣлаго года. И отъ нихъ какъ-то отвыкъ глазъ и забылась ихъ всегда однообразная, казенная обстановка со смотрителемъ въ почтальйонскомъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, съ неизбѣжнымъ записываньемъ подорожной въ толстую книгу, съ неизбѣжной жалобной книгой, припечатанной на снуркѣ огромной печатью къ столу. Пошли по обыкновенію, мелькать по сторонамъ березки и на каждой верстѣ пестрые казенные столбы съ цифрой направо, съ цифрой налѣво. И опять неизбѣжный станціонный домъ съ печатными приказами въ черныхъ рамкахъ за стекломъ. Одинъ приказъ не велитъ брать лишнее число лошадей противъ того числа, какое прописано въ подорожной; изъ другаго видно, что на такой-то верстѣ мостъ, на такой-то сухія ямы и овраги, на такой-то гать, которая въ ненастное осеннее и весеннее время неудобна для проѣзду. Все, однимъ словомъ, такъ же, какъ и по всей длинѣ почтовыхъ дорогъ, искрестившихъ матушку-Россію вдоль и поперекъ на безконечныя верстовыя цифры. Разница та, что дорога идетъ вдоль Двины; но рѣка эта засыпана снѣгомъ; здѣсь идутъ два тракта, и петербургскій и московскій вмѣстѣ, до

Сійскаго монастыря, гдѣ они раздѣляются: московскій идетъ на село Емецкое, петербургскій на монастырь и слѣдующую за нимъ станцію Сійскую.

Не добѣжая до монастыря 60 съ небольшимъ верстъ и въ 30 верстахъ отъ Холмогоръ (между станціями Ракуюю и Копачевскою), на самомъ берегу рѣки Двины, въ двухъ верстахъ отъ деревни Паниловской, видны до-сихъ-поръ развалины Орлецкой крѣпости, какъ говорятъ (на мой проѣздъ онѣ были засыпаны глубокимъ снѣгомъ). Видны будто-бы остатки каменной стѣны и вала, подлѣ котораго тянется глубокой оврагъ, служившій нѣкогда ровомъ.

Крѣпость эта имѣетъ свою исторію. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ новгородскій (первый) лѣтописецъ подъ 1342 годомъ:

«Того же лѣта Лука Вареломеевъ (сынъ новгородскаго посадника) не послушавъ Новагорода и митрополича благословенія и владычня скопивъ съ собою холоповъ сбоевъ (удальцовъ бездомовныхъ, большею частію боярскихъ слугъ) и поиде за Волокъ на Двину, и постави городокъ Орлецъ и скопивъ емчанъ (прибрежныхъ жителей рѣки Емцы—притока Двины), и всю землю Заводотскую по Двинѣ вси погости на щить. Въ то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу (дальній притокъ Сѣверной Двины); Лука же дву сту (слишкомъ съ 200 удалцовъ) выѣха воевать и убиша его заволочане и прииде вѣсть въ Новъ-городъ: Лука убиенъ бысть. И возсташа черныи люди на Ондрюшка, на Ѳедора, на посадника на Данилова, а тако рюши: яко тѣ заслаша на Луку убити—и пограбиша ихъ дома и села, а Ѳеодоръ и Ондрюшка побѣгоша къ Копорью городокъ, и тамо сидѣша зиму всю и до великаго говѣнія. И въ то время прииде Онцифоръ и би челомъ Новугороду на Ѳедора и на Ондрюшка: тѣ заслаша моего отца убити. И владыка и Новгородъ послаша архимандрита Есица, съ бояры, въ Копорью, по Ѳедора и по Ондрюшка. И они пріѣхаша и рюша: не думали есмы на брата своего на Луку, что его убити, ни за ѣдали на него—и Онцифоръ съ Матееемъ звони вѣче у святѣй Софїи, а Ѳеодоръ и Ондрюшко другое съзвониша вѣче на Ярославль дворъ. И посла Онцифоръ съ Матееемъ владыку на вѣче, и не дождавши владыки съ того вѣча и удариша на Ярославль дворъ. И яша ту Матееа Коску и сына его

Игната всадиша къ церковь, и Ояцифоръ убѣже съ своими пособницы; то же бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь градъ, ся сторона себѣ, и она себѣ. И владыка Василій съ намѣстникомъ Борисомъ докончаша миръ межи ими. И возвеличенъ бысть крестъ, а дьяволъ посрамленъ бысть.»

Во второй и послѣдній разъ мелькаетъ въ исторіи имя крѣпости Орлеца въ 1398 году, когда Двинская земля покорилась царю московскому Василю III Дмитріевичу. И вотъ какими подробностями обставяетъ это событіе новгородскій лѣтописецъ:

Послѣ Пасхи на веснѣ новгородцы говорили своему владыкѣ Иоанну:

— Не можемъ, господине отче, сего насилія терпѣти отъ своего князя великаго Василя Дмитріевича, что у насъ отнялъ у святѣй Софіи и у великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчизну и дѣдину; но хотимъ поискати святѣй Софіи пригородовъ и волостей своей отчины и дѣдины.

И цаловали на томъ крестъ святой дѣйствовать заедно, какъ братья.

Били челомъ владыкѣ о томъ же посадники: Тимофей Юрьевичъ, Юрій Дмитріевичъ и Василій Борисовичъ съ боярами, дѣтми боярскими, жилыми людьми, дѣтми купеческими и со всемъ войскомъ:

— Благослови, господине отче, владыко! Или паки изнайдемъ свою отчину, паки ли свои головы положимъ за святую Софію и за своего господина за великій Новгородъ.

Владыка благословилъ воеводъ и войско; новгородцы простились съ ними. На пути ихъ за Волокъ на Двину къ крѣпости Орлецу встрѣтили ихъ недобрыя вѣсти, принесенныя правителемъ архіерейскихъ волостей Исаією, который говорилъ, что московскій бояринъ Андрей съ Иваномъ Нивитинымъ и двинянами покорили Вель, на самую св. Пасху, и взяли съ каждаго человѣка окупъ; что на Двину пріѣхалъ уже отъ великаго князя въ засаду князь Ѳеодоръ Ростовской; что велѣно ему городокъ блюсти, судить и брать пошлины со всехъ волостей новгородскихъ, и что двинскіе воеводы Иванъ и Кононъ, съ друзьями своими, раздѣлили уже новгородскія волости и имѣнія бояръ на части.

— Братіе! говорили воеводы:—аще тако судумалъ господинъ

нашъ князь великій съ крестопреступники съ двинскими воеводами, лучши есть намъ умрети за святую Соцію, нежели въ обидѣ быти отъ великаго князя.

И затѣмъ отправили отряды на Бѣлоозеро и покорили всѣ бѣлозерскія волости и пожгли ихъ; сожгли старой городокъ бѣлозерской и не сожгли всего затѣмъ только, что взяли «60 рублевъ окупа, много полона и животныхъ». Потомъ покорили волости кубенскія, городъ Вологду, сожгли городъ Устюгъ и только одни сутги не дошли до костромскаго Галича. Добычи много взяли съ собою, много побросали на мѣстѣ, затѣмъ, что множества ея не могли помѣстить на судахъ.

Изъ подъ Устюга (черезъ 4 недѣли) шли они по Двинѣ къ городку Орлецу, гдѣ на то время заперся съ своимъ войскомъ намѣстникъ московскій, князь Ростовской. Четыре недѣли стояли новгородцы (въ числѣ трехъ-тысячъ) подъ городкомъ этимъ, сдѣлали засады, стрѣляли изъ нихъ и, наконецъ, заставили осажденныхъ выдти изъ городка и съ плачемъ бить челомъ о помилованіи.

«И воеводы новгородскіе и всѣ вои, по словамъ лѣтописца, по своего господина *по новгородскому слову* челобитье пріяша двинянтъ, а нелюбья имъ отдаша». Воеводъ Ивана и Конона съ друзьями ихъ взяли въ плѣнъ; однихъ казнили, а главныхъ виновниковъ (4 человекъ) заковали въ цѣпи. Съ князя Ѳедора Ростовскаго взяли *присудъ* и пошлины, которыя успѣлъ онъ собрать, но самого простили. Съ московскихъ купцовъ взяли 300 рублей; 2,000 рублей и 3,000 лошадей съ самихъ двинянтъ «за ихъ преступленіе и за ихъ вину».

«Сице бысть Божіе милосердіе—заканчиваетъ свое сказаніе лѣтописецъ—столько прошедъ русской земли и у столь твердаго городка не бысть пакости въ людяхъ, токмо у городка единого человекъ убиша дѣтскаго Левушку Ѳедорова посадника, а городъ *разребоша*.»

Тою же древностью преданій встрѣчаетъ и село Емецкое, богатое и въ настоящее время, и имѣвшее нѣкогда большее историческое значеніе, имѣвшее нѣкогда два монастыря: Ивановскій (женскій) и Покровскій (мужской).

Въ 1603 году, во время набѣговъ на двинскія страны литовскихъ людей, холмогорскіе воеводы разломали церкви и кельи женскаго Иванова монастыря (старіицъ перевели въ

шужской Покровскій, оттуда въ свою очередь, вывели старповъ въ монастырь Спасской). Въмѣсто монастыря выстроены были острогъ, выкопанъ ровъ, поставленъ частоколъ (въ 1760 году, когда выгорѣло все село Емецкое, сгорѣлъ и острогъ, такъ-что теперь нѣтъ и слѣда его). Вотъ что повѣствуется объ этомъ событіи въ памятникѣ монастыря Сійскаго. «Въ Важской уѣздѣ набѣжали многіе воры польскіе и литовскіе люди, русскіе пѣвѣнники изъ-подъ Москвы и изъ иныхъ многихъ русскихъ городовъ и на Вагъ и въ Важскомъ уѣздѣ многихъ людей мучили и побивали, животы ихъ грабили и никому проходу и проѣзду изъ города въ городъ не давали, и въ Двинской уѣздѣ, въ Емецкой станѣ, выѣзжали и многихъ крестьянъ побивали и грабили, и хотѣли идти къ Холмогорамъ безвѣстно и двининъ побити. Воеводы, стольникъ князь Петръ Ивановичъ Пронской и Моисей Ѳеодоровичъ Глѣбовъ, послали на Емецкое, «ради осаднаго времени», сотника стрѣлцаго Смирнаго Чертовскаго да съ нимъ Архангельскаго города стрѣльцовъ сто человекъ. Они же, отправившись, на Емецкомъ воровъ много побили изъ осады изъ дворовъ и три знамени у нихъ отбили, и два человека языковъ поймали и на Холмогоры привезли, и на распросѣ языки воеводѣ сказали, что на Вагъ воровъ тысячъ до семи, и приходу ихъ чають на Холмогоры вскорѣ, потому-что они не чають на Холмогорахъ острогу. И того-жъ года, декабря къ 8 числу, въ вечеру, воры подъ острогъ пришли. И изъ острога воевода и дѣякъ выслали высылку: сотника стрѣлцаго Смирнова же Чертовскаго и съ нимъ холмогорскихъ стрѣльцовъ и холмогорскихъ охотниковъ, и воровъ встрѣтили въ Ързовѣ; и воры хотѣли ихъ отъ острогу отлучить, начали на лошадяхъ объѣзжать, и сотникъ видя то, съ ратными людьми назадъ возвратился и въ острогъ пришли здраво. И идучи въ острогъ, посадъ за перелогомъ противъ острогу сожгли и церковь Зосимы и Савватія зажгли для того, чтобы ворами близъ острогу не засѣсть и воры, стоявъ подъ острогомъ три дня, побѣжали назадъ на Вагу, а иніи въ низовскія волости и въ Поморье, множество русскихъ людей тамъ жгли и мучили, грабили и побивали; у Архангельскаго же города не были, а пробѣжали мимо».

Емци (названные такъ по рѣкѣ Емцѣ, впадающей въ Двину по близости) были однимъ изъ первыхъ новгородскихъ заселе-

ній въ этомъ краю, и теперь оно красуется хорошей каменной церковью съ поразительно-высокой колокольной въ четыре яруса, и рядомъ красивыхъ домовъ свонхъ: общимъ видомъ село неизмѣримо лучше города Холмогоръ.

15 верстъ считаютъ пряникомъ на перерѣзъ разстоянія, лежащаго между двумя недавно раздѣлившимися дорогами (московскою и петербургскою) отъ села Емецкаго до монастыря Сійскаго. Пряникомъ этимъ, для сокращенія пути и времени, привелось ѣхать и мнѣ. Черезъ полтора часа времени, по выѣздѣ изъ села, передо мною бѣглись уже каменные стѣны и церкви и весь былъ на виду.

4. СІЙСКОЙ МОНАСТЫРЬ.

Исторія основанія. — Преподобный Антоній. — Преданія и исторія заключенія Филарета Никитича. — Обратный путь изъ Архангельской губерніи въ С.-Петербургъ.

Вотъ краткая исторія этого монастыря.

У крестьянина деревни Кіехты (въ предѣлахъ двинскихъ и близъ Студенаго моря-океана) именемъ Никифора, родился сынъ Андрей. Родились у него и другія дѣти, но благообразіе и даровитѣ Андрея не было, и потому онъ, по словамъ пролога, «по времени вданъ бываетъ въ наученіе книгамъ, яко же обычай иматъ дѣтемъ.... Потомъ же наученъ бысть иконному художеству: и тако пребывая, повинуюся во всемъ родителямъ своимъ; земледѣльству же не внимаше, но паче прилежаше рукодѣлію». 25-ти лѣтъ остался онъ послѣ родителей сиротою, ушолъ въ Новгородъ и тамъ пять лѣтъ работалъ на одного боярина. Здѣсь онъ женился; но черезъ годъ жена его умерла и вслѣдъ за нею умеръ и господинъ, которому служилъ Андрей.

Съ этого времени Андрей ищетъ уединенія и идетъ въ самыя дальнія и пустынные мѣста на рѣку Кену, впадающую въ Онегу. Здѣсь въ пустынь Пахоміевой, онъ находитъ временное успокоеніе. Напрасно предвѣряетъ его Пахомій объ многотрудности поприща, имъ избираемаго. «Скорбно мѣсто сіе» говорилъ онъ ему: «братія здѣсь непрестанно труждается: одинъ

копають землю, другіе сѣкутъ лѣсъ, иные воздѣлываютъ нивы, никто не остается праздымъ». Андрей остается въ монастырѣ, получаетъ имя Антонія, вскорѣ санъ священника, но вскорѣ же оставляетъ и этотъ монастырь, ища большаго безмолвія и уединенія. Беретъ онъ съ собою двухъ иноковъ, Александра и Іоакима, и съ ними приходитъ непроходимыми дотогдѣ дебрями и лѣсами до темнаго потока рѣки Емцы. Здѣсь строятъ они церковь во имя святаго Николая и кельи вокругъ; къ нимъ присоединяются еще чегыре инока. Семь лѣтъ подвизаются они въ этомъ уединеніи; но мѣстные жители, опасаясь, чтобы пустынники не отняли у нихъ земли, заявляютъ свое недовольство и преподобный Антоній принужденъ искать новое мѣсто для пустынножительства. На пути онъ встрѣчаетъ жителя Яминскаго стана, именемъ Самуила, вышедшаго на промыселъ на Лъшья озера. Антоній спрашиваетъ его: «не знаетъ ли какого-либо мѣста, удобнаго для поселенія иноковъ?» Самуилъ привелъ его на дальное озеро, называемое Михайлово, въ которое впадала рѣка Сія. Рѣка эта, проходитъ черезъ многія озера, открывала живописные виды во всей ихъ первозданной, нетронутой дикости. Тутъ Антоній водрузилъ крестъ, поставилъ потомъ часовню и хижину для себя и братіи. Дикіе звѣри обитали въ соседней тундрѣ и лѣсахъ, и никогда, отъ начала міра, не обиталъ тутъ человекъ. Изрѣдка приходили сюда окрестные жители для ловитвы, и потому преподобному привелось переносить скорби отъ чрезмѣрной скудости: часто не было откуда взять хлѣба; братія не ослабѣвала, своими руками очищая лѣсъ, копая землю и сооружая обитель. Объ этомъ свѣдалъ нѣкто Василій Бебрь, сборщикъ пошлинъ архіепископскихъ Великаго-Новгорода, послалъ на монастырь разбойниковъ; но злое дѣло кончилось тѣмъ, что самъ же Василій пришлоу просить прощенія у святаго.

Между тѣмъ, разнеслась молва объ Антоніѣ по окрестнымъ предѣламъ; многіе стали приходять къ нему съ пищею, деньгами и обѣтомъ монашескимъ. Видя умноженіе братій, Антоній послалъ къ князю Василью Іоанновичу двухъ иноковъ, Александра и Исаію, просить великаго князя повелѣть имъ строить новое свое богомолье на пустомъ мѣстѣ въ дикомъ лѣсу, собирать братію и кругомъ пахать пашни. Съ разрѣшенія Василія

Иоанновича, св. Антоній началъ строить обширную деревянную церковь во имя св. Троицы; самъ написалъ для нея образъ.

Однажды, послѣ утренняго пѣнія, когда уже всѣ вышли изъ церкви, загорѣлась она отъ свѣчи, забытой пономаремъ передъ иконою. Въ монастырѣ тогда никого не было: всѣ разошлись по работамъ, оставались только немощные и больные, да служители, работавшіе въ поварнѣ. Уже пламя высоко пылало въ церкви, когда послали извѣстить о томъ преподобнаго. Старець былъ далеко и когда возвратился съ братією, вся церковь была уже объята пламенемъ: ничего нельзя было вынести и спасти. Церковь сгорѣла, остались кельи, но братія, видя новую неудачу на новомъ мѣстѣ, хотѣла разойтись. Большаго труда стоило преподобному остановить ихъ; затѣмъ Антоній началъ строить болѣе просторный храмъ во имя св. Троицы. Св. Антоній скорѣе принялъ санъ игуменскій и все-таки, будучи такъ крѣпокъ и здоровъ тѣломъ, что могъ трудиться за двухъ и за трехъ, не переставалъ работать на ряду съ братією. Незнавшій преподобнаго и видя его распахивающимъ пашню, или очищающимъ лѣсъ въ убогой власницѣ, не могъ бы признать въ немъ игумена.

И опять-таки, избѣгая молвы и почестей и ища большаго уединенія, блаженный Антоній выбралъ на свое мѣсто инока Феогноста, а самъ, тайно отъ всѣхъ, пошелъ вверхъ по красивой рѣкѣ Сіѣ до озера Дудницы. Здѣсь былъ прекрасный островъ, въ трехъ верстахъ отъ обители. Кругомъ было множество озеръ, чрезъ которыя протекала рѣка, идущая въ Двину. Здѣсь построилъ онъ хижину и часовню съ образомъ Николы. Но и этою пустынею не удовлетворился св. Антоній: онъ избралъ новую, за пять верстъ отъ первой, на озерѣ Паду. Здѣсь, въ мѣстѣ, огражденномъ горами, покрытыми темнымъ, непроходимъ лѣсомъ, онъ поставилъ себѣ уединенную хижину, около которой бѣгали двѣнадцать березъ; устроилъ себѣ небольшой плотъ, съ котораго удилъ рыбу, и при этомъ обнажалъ себѣ голову и плечи, отдавая ихъ на съѣденіе насѣкомымъ.

Два года провелъ въ этихъ пустыняхъ Антоній, и когда Феогностъ оставилъ игуменство, преподобный вернулся снова въ обитель; когда онъ достигъ глубокой старости, когда стали его удручать многія болѣзни, частію отъ преклонныхъ лѣтъ, частію отъ напряженныхъ подвиговъ, братія приступила къ

нему, прося дать настоятеля. Антоній назначилъ имъ строителемъ инока Кирилла, а на свое игуменское мѣсто Геласія, бывшаго на то время, ради потребъ монастырскихъ, у моря, на рѣкѣ Золотицѣ, и, по случаю бурныхъ зимнихъ непогодъ, немощаго возвратиться къ преставленію святаго старца. Старецъ написалъ завѣщаніе, но уже близокъ былъ къ кончинѣ. Отъ долгаго поста плоть его прилипла къ костямъ, такъ что почти не было видно на немъ тѣла и онъ живо казался мертвецомъ; отъ многихъ колѣбнопреклоненій ноги его оцѣпѣли, такъ что самъ онъ не могъ уже ходить и его подъ-руки водили въ церковь; скорбился онъ отъ глубокой старости и, наконецъ, приблизился къ концу своего житія. Со слезами приступила къ нему братія, требуя поученія. Старецъ говорилъ имъ много, общалъ имъ, что если будутъ имѣть любовь другъ къ другу, не оскудѣетъ обитель и самъ онъ будетъ духомъ всегда съ ними.

— Гдѣ погребети тебя! спрашивала его братія.

— Свяжите мнѣ ноги, влеките въ дебрь и тамъ затопчите въ болотѣ мое грѣшное тѣло на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, или бросьте въ озеро.

Въ день воскресной, наканунѣ своего исхода, пріобщился старецъ еще однажды божественныхъ таинъ и, когда ударили къ утреннему пѣнію на понедѣльникъ, велѣлъ обступившей его братіи идти на славословіе къ утрени; двухъ только учениковъ (Андроника и Пахомія) оставилъ при себѣ и велѣлъ воскурить еиміамъ. Но когда наступили послѣднія минуты, онъ и имъ велѣлъ удалиться, а самъ, сотворя исходную молитву, сложилъ крестообразно руки и отошелъ. Братія, возвратясь изъ церкви, нашли его уже мертвымъ и съ плачемъ припали къ тѣлу его. Это было 7 декабря 1557 года. Преподобный Антоній пришолъ на Сію сорока-двухъ лѣтъ, а тридцать-семь провелъ здѣсь въ подвижническомъ житіи и пощеніяхъ.

Житіе этого святаго сочинено постриженникомъ обители, инокомъ Іоною, а хранящееся въ монастырѣ переписано собственною рукою царевича и великаго князя Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго. Тамъ же хранится до сихъ поръ евангеліе, писанное рукою самого Антонія, съ мѣдными украшеніями по угламъ и срединѣ, грубой самодѣльной работы, и тутъ же такъ называемое евангеліе *априкосъ*. Евангеліе это, писанное четкимъ красивымъ полууставомъ, съ рисунками на

каждой страницѣ, изображающими то, о чомъ на той страницѣ повѣствуется: притчи, событія изъ жизни Христа и проч., изумляетъ многотрудностью и чистотою работы. Если писалъ априкосъ одинъ человекъ, то это дѣло должно было занять цѣлую, долгую его жизнь. Въ алтарѣ соборнаго храма хранится власная риза преподобнаго.

Но вотъ продолженіе исторіи бѣдной Сійской обители:

Въ 1601 году привезенъ былъ сюда, по приказанію царя и великаго князя московскаго Бориса Феодоровича Годунова, ближайшій родственникъ недавно умершаго царя Феодора Иоанновича, бояринъ Феодоръ Никитичъ Романовъ. Привезенъ былъ бояринъ, по народному преданію, вечеромъ; благовѣстия къ вечернѣ. Кибитка остановилась у соборнаго храма; приставъ боярина, Романъ Дуровъ, пришолъ въ алтарь, оставивъ боярина Феодора у дверей. Кончилась вечерня. Игуменъ Іона со всеми соборными старцами вышелъ изъ алтаря и началъ обрядъ постриженія.

Бояринъ уведенъ былъ на паперть. Тамъ сняли съ него обычныя одежды, оставивъ въ одной сорочкѣ. Затѣмъ привели его снова въ церковь, безъ пояса, босаго, съ непокрытой головой. Пѣлись антифоны, по окончаніи которыхъ боярина поставили передъ святыми дверями, велѣли ему творить три «метанія» Спасову образу и затѣмъ игумену. Іона спрашивалъ по уставу:

— Что приде, брате, припадая ко святому жертвеннику и ко святой дружинѣ сей?

Бояринъ безмолвствовалъ. За него отвѣчалъ приставъ Романъ Дуровъ:

— Желаю житія постническаго, святыи отче!

— Воистину добро дѣло и блаженно избра, но аще совершиши е; добрая убо дѣла трудомъ снискаются и болѣзнію исправляются. Волею ли своего разума приходиши Господеви?

Бояринъ продолжалъ молчать.

— Ей, честный отче! отвѣчалъ за него приставъ.

— Еда отъ нѣдѣи бѣды или нужды?

— Ни, честный отче! отвѣчалъ приставъ.

— Отрицаеши ли міра, и яже въ мірѣ, по заповѣди Господни? Имаши ли пребывать въ монастырь и пощеніи даже до послѣдняго своего издыханія?

Бояринъ горько зарыдалъ на вопросы эти. Отвѣты, при руководствѣ игумена, досказывалъ за постригаемаго тотъ же приставъ Романъ Дуровъ:

— Ей Богу поспѣшествующу, честный отче!

— Имаши ли хранитися въ дѣвствѣ и цѣломудріи, и благоговѣніи? Сохраниши ли послушаніе ко игумену и ко всей, яже о Христвѣ братіи? Имаши ли терпѣти всяку скорбь и тѣсноту иноческаго житія царства ради небеснаго?

— Ей Богу поспѣшествующу, честный отче! завершилъ отвѣтами за боярина приставъ его Романъ Дуровъ.

Затѣмъ слѣдовало оглашеніе малаго образа (мантіи), говорилось краткое поученіе, читались двѣ молитвы; новопостригаемый бояринъ продолжалъ рыдать неутѣшно. Но когда игумень, по уставу, сказалъ ему: «прими ножницы и даждь ми я», бояринъ не повиновался. Многого труда стоило его потомъ успокоить. На него, послѣ крестообразнаго постриженія, надѣли нижнюю одежду, положили парамандъ, надѣли поясъ. Затѣмъ обули въ сандалии и, наконецъ, облекли въ волосяную мантію, со словами:

— Братъ нашъ, *Филаретъ*, приемлетъ мантію, обрученіе великаго ангельскаго образа, одежду нетлѣнія и чистоты, во имя Отца и Сына и святаго Духа.

— Аминь! отвѣчалъ за Филарета приставъ.

Съ именемъ Филарета, новопоставленный старецъ отведенъ былъ въ трапезу, не получалъ пищи во весь тотъ день и, послѣ многихъ молитвъ, за литургією слѣдующаго дня приобщенъ былъ святыхъ таинъ, какъ новый членъ Сійской обители.

О дальнѣйшемъ пребываніи въ монастырѣ и о строгости заключенія можно судить потому, что царь остался не доволенъ первымъ приставомъ, Романомъ Дуровымъ, и прислалъ на мѣсто его другаго пристава, Богдана Воейкова. Этотъ обязанъ былъ доносить обо всемъ, что говоритъ вновь-постриженный бояринъ, не позволялъ никому глядѣть на оглашеннаго *измѣнника*, ни ходить близъ того мѣста, гдѣ онъ былъ заключенъ. Въ Сійскомъ монастырѣ до сихъ еще поръ указываютъ на келью подъ соборнымъ храмомъ съ однимъ окномъ въ стѣнѣ и оконцомъ надъ дверями-келью (въ 6 сажень длины, въ 3 ширины и въ 1 сажень высоты), въ которой содержался Филаретъ на первыхъ порахъ заточенія. И вотъ что доносилъ объ

намъ черезъ годъ (отъ 25 ноября 1602) приставъ Богданъ Воейковъ царю московскому: «Твой государевъ измѣнникъ, старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, въ разговорѣ говорилъ: «бояре-де мнѣ великіе недруги, искали-де головъ нашихъ, а иные-де научали на насъ говорить людей нашихъ; а я-де самъ видалъ то не единожды. Да онъ же про твоихъ бояръ про всѣхъ говорилъ: не станеть-де ихъ съ дѣло ни съ которое; нѣтъ-де у нихъ разумново; одинъ-де у нихъ разумень Богданъ Бѣльской; къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добръ досуужъ... Коли жену споманеть и дѣти, и онъ говоритъ: «милые мои дѣтки-маленьки бѣдныя остались: кому ихъ кормить и поить? А жена моя бѣдная на удачу уже жива-ли? Чаю, она гдѣ близко таково же замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже што надобно? Лихо на меня жена да дѣти; какъ ихъ вспоминаешь, илю што рогатиной въ сердце толкнеть. Много они мнѣ иѣшаютъ: дай Господи то слышать, штобы ихъ ранѣ Богъ прибралъ; и азъ бы тому обрадовался: а чаю, и жена моя сама рада, штобы имъ Богъ далъ смерть; а мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять одною своею душою».

Монастырь былъ строго запертъ отъ всѣхъ богомольцовъ и никто не могъ принести Филарету вѣсти объ его родныхъ, хотя вѣсти эти, въ то время, и могли быть не радостны. Жену его Ксесію Ивановну, также постриженную (съ именемъ Мары) сослали въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ; мать ея, тещу Филарета, Шатову, въ Чебоксарскій (Никольскій) дѣвичій монастырь; братьевъ: Александра—въ Усолъе-Луду къ Бѣлому морю, Михаила—въ Ныробскую волость, въ Великую Пермь, Ивана,—въ Пелымъ, Василья—въ Яренскъ, зятя его князя Черкаскаго Бориса съ шестилѣтнимъ сыномъ Филарета, Михайломъ (будущимъ царемъ)—на Бѣлоозеро, и проч. и проч. Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; дома и недвижимое имѣніе отобрали въ казну. Одинъ изъ братьевъ Филарета, Василій (сосланный въ Яренскъ), послѣ многихъ мученій отъ пристава Некрасова, и соединенный въ Пелымъ съ братомъ Иваномъ, скончался отъ долговременной болѣзни (15 февраля 1602). Михаила Никитича, отличавшагося дородствомъ, ростомъ и необыкновенною силою, сторожа, по преданію, умерили голодомъ. Александръ Никитичъ умеръ отъ горести и отъ скудости содержанія. Иванъ, лишившійся владѣнія рукою и

едва передвигавшій отъ недуговъ ноги, первый получилъ смягченіе приговора: ему царь, 1602 г., милостиво указалъ ѣхать въ Уѣу на службу, оттуда въ Нижній-Новгородъ и, наконецъ, въ Москву. За нимъ оставленъ былъ надзоръ, но уже безъ имени злодѣя. Смягченъ былъ приговоръ и надъ Филаретомъ.

Вотъ какая грамота прислана была въ монастырь изъ Москвы отъ 22 марта 7113 (1605) года: «Отъ царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича, всея Россіи въ Сійской монастырь игумену Іонѣ. Въ нынѣшномъ 7113 году марта въ 16 день присалъ къ намъ Богданъ Воейковъ, что февраля-де въ 7 день сказывалъ ему, старецъ Илинархъ, да старецъ Леванидъ, февраля-де въ 3 день въ ночи старецъ Филаретъ его старца Илинарха лаялъ и съ посохомъ къ нему прискакивалъ и изъ кельи его выслалъ вонъ и въ келью ему старцу Илинарху къ себѣ и за собою ходити никуда не велѣлъ. А живеть-де старецъ Филаретъ безчинствомъ не по монашескому чину: всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житѣ, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, а къ старцамъ жестокъ, и старцы приходятъ къ нему, Богдану, на того старца Филарета всегда съ жалобою, что лаеетъ ихъ и бить хочетъ. А говоритъ-де старцамъ Филаретъ старецъ: увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ. А нынѣ-де и въ великой постъ у отца духовнаго тотъ старецъ Филаретъ не былъ и къ церкви и къ тебѣ на прощенье не приходитъ и на влросѣ не стоитъ. А около-де монастыря ограды у васъ нѣтъ, а межъ келій-де отъ всякой кельи изъ монастыря къ озеру изъ дровениковъ двери и крѣпости-де ни которыя около монастыря нѣтъ, а ограду-де монастырскую велѣли вы свезть на гумно и онъ-де Богданъ тебѣ и келарю говорилъ, чтобы вы около монастыря ограду велѣли поставить и межъ келій отъ дровениковъ двери задѣлать и вы-де около монастыря ограды поставити и дверей задѣлати не велите, и сторожу-де ты, который стоитъ у воротъ, ходити къ нему и про прохожихъ про всякихъ людей сказывати ему и дѣтемъ боярскимъ не велишь. А прежде-де сего старецъ, приходя къ нему, про всякихъ прохожихъ людей сказывалъ, кто какой человекъ и откуда пришло и онъ потому къ старцу Филарету и береженье держалъ. И о которыхъ-де онъ о нашихъ дѣлѣхъ тебѣ и келарю говорилъ и вы-де нашего наказу не слушаете и ставите ни во что, а сказываешь-де у

себя наказъ свой и въ монастырь пріимаете всякихъ прохожихъ людей иныхъ городовъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бѣ старцу Филарету велѣлъ жити съ собою въ кельѣ, да у него велѣлъ жити старцу Леваниду и къ церквѣ старцу Филарету велѣлъ ходити виѣстѣ съ собою да за нимъ старцу, и береженье къ нему держалъ во всемъ, чтобы онъ былъ у тебя въ послушаньѣ и жилъ бы по монастырскому чину и не безчинствовалъ и о томъ бы еси ему говорилъ. Только буде онъ не причащался святыни: въ нынѣшней постѣ и то дѣло чуже крестьянства и во всемъ бы ему разсматривалъ, чтобы онъ жилъ во всемъ по иноческому общанію, а отъ дурни его унималъ и разговаривалъ, а безчестья бы ему ни котораго не дѣлалъ. А на котораго старца бьетъ челомъ и ты бѣ тому старцу жити у него не велѣлъ. Съ которыхъ нашихъ дѣлъхъ учнетъ тебѣ Богданъ говорить по нашему наказу и ты бы и келарь о нашихъ дѣлахъ съ нимъ совѣтовали и розни бѣ у васъ безлепачныя ни въ чемъ не было и въ оплошку бы нашего дѣла не ставили. А буде ограда около монастыря худа и ты бы ограду велѣлъ подѣлати: безъ ограды монастырю быти непригоже, и межъ келій двери задѣлати. А которые люди учнутъ къ тебѣ приходити, и ты бы имъ велѣлъ приходити въ переднюю келью, а старецъ бы въ ту пору былъ въ комнатѣ или въ чуланѣ. А незнаемыхъ бы еси людей къ себѣ не пущалъ, и ни гдѣ бы старецъ Филаретъ съ прихожими людьми ни съ кѣмъ не сходился, а о всемъ бы еси береженье старца Филарета разсматривая его совѣтовалъ съ Богданомъ Воейковымъ, чтобы старецъ Филаретъ въ смуту не пришолъ и изъ монастыря бы не убѣжалъ, и жилъ бы во всемъ смирно по монастырскому чину, а Богдану бы еси Воейкову велѣлъ очистити келью подлѣ себя, а отъ насъ о томъ Богдану писано-жь. Велѣно ему о всемъ говорити и совѣтовати съ тобою, а однолично бѣ у васъ во всемъ было бережно. А о чемъ къ тебѣ въ сей нашей грамотѣ писано, и то бѣ у тебе было тайно. И учинится какая смута въ старцѣ и не учнетъ жити по монастырскому чину, или изъ монастыря уйдетъ, или какое лихо надѣ собою учинитъ, и то сдѣлается твоимъ небреженіемъ и оплошкою. Да что старецъ Филаретъ будучи у тебя, учнетъ о чемъ разговаривати, какіе прилучные разговоры—и ты бѣ о томъ

отписывалъ къ намъ, а отписки велѣлъ отдавать въ посольскомъ приказѣ діаку нашему Аванасью Власьеву».

По ходатайству ли зятя Романовыхъ, Ивана Ивановича Годунова, или движимый общаю любовью и сочувствіемъ народа къ опальнымъ, Борисъ началъ снимать съ Романовыхъ опалу. Княгиня Червасской Марѣв Никитишнѣ съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича велѣлъ жить въ отчинѣ Романовыхъ, въ селѣ Клинѣ (Юрьевского уѣзда). Здѣсь, лишонный отца и матери, выросалъ и будущій царь Россіи Михаилъ Ѳедоровичъ. Въ 1605 г. Борисъ велѣлъ, наконецъ, посвятить Филарета въ іеромонахи и сдѣлать архимандритомъ. Въ томъ же году, но уже новый царь, Лжедмитрій, вызвалъ Филарета (послѣ шестилѣтняго заточенія) и далъ ему санъ митрополита Ростовскаго, «его же тогда едва священнымъ соборомъ умолиша», прибавляють хронографы.

Филаретъ соединился съ женою и сыномъ: они поселились въ епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Ипатьевскомъ. Сдѣлавшись впоследствии патріархомъ всероссійскимъ, Филаретъ Никитичъ не забылъ бѣдной Сійской обители. Онъ прислалъ сюда слѣдующіе подарки: 1) паникадило большое о 24 рамахъ, 2) ницо строфоамидово въ 104 руб. 60-коп. (подъ паникадило), 3) ризу атласу золотого по червчатой землѣ, 4) потиръ серебряной, 5) дискось, 6) три блюда чеканныхъ, 7) звѣзду рѣзную и копье, 8) складни на двухъ доскахъ съ окладомъ серебрянымъ, 9) кисть для паникадила разныхъ шелковъ съ золотомъ, и 10) сто рублией деньгами. Къ монастырю, по его же ходатайству, въ разное время приписано царемъ 3,333 души крестьянъ *).

И вотъ слѣдующія событія въ исторіи Сійскаго монастыря въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они означены въ монастырской книгѣ «Памятникъ».

7160
1652 г., мая 2-го, митрополитъ Никонъ, проѣзжая въ Соловки за мощами св. Филиппа, служилъ литургію.

*) Между многими приношеніями, въ монастырѣ находится евангеліе, присланное въ даръ великимъ княземъ Константиномъ Николовичемъ, на память посвященія монастыря въ іюнь 1844 г. Евангеліе это въ серебряной оправѣ съ эмальными образами, украшенными стразами.

1658 г. монастырь сгорѣлъ и братія едва не разбрелась по другимъ монастырямъ.

1692 г. патріаршій казначей, старецъ Памсіій, завѣщалъ монастырю крестъ Господень, въ коемъ кровь и власы и риза Христова, честное и святое древо и много мощей, и четыре сундука, которые вскрылъ въ 1696 году архіепископъ Аѳанасій и нашолъ въ нихъ: евангеліе априкосъ (см. выше) и десять рукописныхъ хронографовъ.

Далѣ въ «Памятникъ» слѣдуетъ рядъ грамотъ. По одной (отъ Владислава Жигимонтовича) дарована льгота не платить пошрины съ дощаниковъ, которые ходятъ съ Холмогоръ съ солью къ Вологдѣ для монастырскія хлѣбныя нужды. Ту же льготу повторилъ въ 1613 году и царь Михаилъ Феодоровичъ. По грамотѣ 1621 г. «монастырскихъ прежнихъ грамотъ важескимъ головамъ рудить» не велѣно. Въ 1644 г. прислана грамота о невзиманіи пошлинъ съ продаваемой въ Москвѣ монастырской рыбы. Въ 1646 году Алексѣй Михайловичъ дозволилъ беспошлинно продавать монастырское сало и рыбу и на тѣ деньги покупать хлѣбные и другіе запасы. Въ 1657 г. со старцовъ не велѣно брать провѣжихъ пошлинъ. Въ 1660 г. прислана въ монастырь послушная о дозволеніи написать въ монастырѣ св. иконы иконописцу Феодору Усолцу. Въ 1662 году дозволено монастырю купить въ Ненокѣхъ соляную варницу. Въ 1672 году патріархъ Іосифъ указалъ игумену Феодосію избрать попа и дьячка съ Двины и послать ихъ на Новую-Землю для богослуженія.

---

27 января 1857 года я оставилъ монастырь Сіѣской. 28-го числа мельнула мимо и осталась назади граница Архангельской губерніи, которую привелось извѣздить вдоль и поперекъ и истратить на все это долгое время цѣлаго года. Разстался

я теперь съ недавнею знакомою, разстался, можетъ быть, навсегда, и грустно бы, тосковать..., но на душѣ такъ весело, на сердцѣ такъ легко и пріятно.

Разболтался я съ ямщикомъ съ послѣдней архангельской (Дениславской) станціи и повѣдалъ ему тутъ же о своей радости, безъ обиняковъ, прямо и откровенно...

— Вотъ — слава Богу! — изъ Архангельской губерніи выбрался; цѣлый годъ она меня мучила, цѣлый годъ ни днемъ, ни ночью не давала покою.

— А зачѣмъ твоя милость туда ѣздилъ?

Я рассказалъ ему во всей подробности.

— Ну, стоило же, пара, для эаго дѣла свои кости ломать! Нечего же, гляжу, вамъ тамъ въ Питерѣ-то, дѣлать. На-ко мѣсто какое обвалялъ! Добро бы ужъ снаряды, лодки и суда ты тамъ смотрѣлъ — это стало, можетъ, такъ надо. Ну, а пѣсни-то тебѣ на кой чортъ?

— Да мнѣ, братъ, инанъ пѣсна пуще всякихъ судовъ, пуще всѣхъ рыболовныхъ снарядовъ.

— Ну, это ты врешь — смѣешься!

— Ей-Богу!

— Да чего тебѣ въ пѣснѣ? Пѣсню, извѣстно, дѣвка поетъ, потому ей пѣть надо — работа спорится. Опять же нашъ братъ ямщикъ пѣсню поетъ оттого, что пять-шесть на голосъ подниметъ да вытянетъ — гляди, въ мысляхъ-то его перегонъ на станціи и порѣшился. Тпру пріѣхали значить. Въ кабакахъ пѣсню поютъ потому, что тамъ вино, а въ немъ духъ, сила... Опять же пѣсню эту убогій человѣкъ, калыка-перехожая поетъ, такъ тотъ на пѣсни на эти деньги собираетъ. Ему это и надо, а тебѣ-то пошто?

— Мнѣ вотъ эти стариковскія-то пѣсни и краше всѣхъ, любопытнѣе.

— Ну, да это пуцай такія поются, что все-либо про духовное, либо про старину. Въ этой и сказку услышишь и про-стоишь тутъ долго — это занятно. Ну, а пошто ихъ пѣсать-то, пошто? Это мнѣ невдомекъ. Ну, да ладно, знать, ты господинъ, такъ у тебя и толкъ отъ господской, особенной. А что радостно тебѣ теперь назадъ ворочаться такъ это опять же ужъ у всѣхъ одно. И я вонъ уже назадъ поѣду — въ кабакъ безотмѣнно заверну, коли твоя милость побольше на водочку пожалуетъ.

Просить на водочку и этотъ ящикъ, и всѣ другіе. Суетливо, скоро и ловко впрягаютъ они лошадей, и видно поразвернулатки ихъ большая почтовая дорога съ чистой работой, и не слежались ихъ кости, и горошкомъ вскакиваютъ они на свое дѣло. Они и смотрятъ какъ-то весело, и въ рѣчахъ бойчѣе, и на отвѣты находчивѣе и на жизнь, судя по словамъ ихъ, смотрятъ какъ-то равнодушнѣе и простосердечнѣе, чѣмъ всѣ тѣ, съ которыми привелось мнѣ водиться во весь прошлый годъ.

Съ Дениславской станціи началъ народъ покрѣпче прищипывать и меньше бросаетъ въ разговоръ словъ непонятныхъ и новыхъ. Подъ Каргополомъ тотъ же ящикъ, восстающій на возлахъ, та же баба, раздувающая угли въ самоваръ на станціи, нѣтъ нѣтъ, да и придезнуть по новгородски, по волховски.

Въ послѣдній разъ и какъ бы послѣднимъ привѣтомъ и напоминаньемъ сверкнула вдалекѣ справа своимъ порожистымъ колѣномъ давно знакомая Онега, незамерзающая въ этихъ мѣстахъ во всю зиму. Но тутъ уже не далеко озеро Лаче, изъ котораго она беретъ свое начало, и далеко ея устье со скучнымъ городкомъ Онегою, съ пустыннымъ и гранитнымъ Кій-островомъ и съ выгорѣвшимъ Крестнымъ монастыремъ на немъ...

Выясняются новые виды, новыя мѣста; погуще и подлиннѣе тянутся при дорогѣ лѣсные перевалони; меньше попадаетея рѣкъ, хотя больше озеръ; чаще и обширнѣе деревушки. Какъ-будто самый воздухъ не такъ уже тяжелъ для дыханія и холодъ словно умѣряетъ свою ярость и силу; меньше снѣгу, меньше пустырей; рѣже кресты на перекресткахъ; но больше раскольниковъ и много новаго, много своего, олоонецкаго, и какъ будто, на первый взглядъ, лучшаго; можетъ быть, оттого и лучшаго, что все это ново, невиданное и неслыханное.

Лучше самаго губернскаго города архангельскаго края глядитъ первый по пути олонецкій городъ Каргополь. Обстроился онъ множествомъ большихъ, красивыхъ и богатыхъ церквей, какъ бы Галичъ, какъ бы Ростовъ или Угличъ (17 церквей, 2 монастыря). и ведетъ сильную и бойкую торговлю мѣхами (преимущественно бѣлою) я рыжиками. Но и здѣсь, въ этомъ городѣ, воспоминанія о политическихъ ссыльныхъ продолжаютъ преслѣдовать: воспоминается А. И. Шуйскій, котораго сослать.

сюда Годуновъ и велѣлъ удавить, Болотниковъ, атаманъ Федоръ Нагиба и другіе мятежники время междуцарствія, которыхъ здѣсь вѣдно было тайно утопить.

Идешь изъ Каргополя и въ летучихъ наскоро-сложонныхъ бесѣдахъ слышишь про многое интересное впереди. Одни совѣтуютъ посѣтить водопадъ Кивачъ, воспѣтый Державинимъ, именно теперь въ зимнее время, когда онъ особенно картинно-страшенъ и живописенъ. Другіе говорятъ про Чортовъ Носъ на озерѣ Онегѣ, гдѣ будто бы по прибрежному граниту вырѣзаны изображенія чертей когда-то, въ вѣка незапамятные. Третьи общають множество преданій о Петрѣ, построившемъ въ здѣшномъ краю заводъ, названный его именемъ и возведенный потомъ на степень и значеніе губернскаго города. По деревнямъ начинаешь уже слышать преданія о дѣсовикахъ, домовыхъ и водяныхъ, обусловленныхъ общимъ и меткимъ прозваніемъ *нѣжить*. Многое новое, и интересное новое, манило впереди: манила Корела, пугающая самую дальнюю Русь своими колдовствами и крѣпкими чарами, которыми занимаются они съ незапамятныхъ временъ; манила дальная рѣка Выгъ, корень раскола, сильный и толковый корень, пустившій надежные и крѣпкіе отпрыски по дальнымъ и безконечно-многимъ мѣстамъ нашего огромнаго отечества; соблазнила собою и скорая (въ мартѣ) шунгская ярмарка, гдѣ бы еще разъ привелось встрѣтиться съ поморами, мерзлую рыбу и огромными артелями слѣпыхъ старцовъ, по цѣлымъ недѣлямъ распѣвающихъ свои старины, свои досельныя историческія преданія о князьяхъ новгородскихъ, богатыряхъ кіевскихъ, грозномъ царѣ московскомъ и о Петрѣ Великомъ....

Но опять-таки истекаль казенный годъ, назначенный для путешествія; Петербургъ волей неволей требоваль въ свою суетливую, многотрудную жизнь, требоваль на отвѣтъ и отчетъ...

И вотъ мелькаетъ мимо богатая и красивая Вытегра со шлюзами и каналомъ, съ памятникомъ Петру Великому на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обдумываль планъ Маринской системы каналовъ; мелькаетъ бѣдное, но людное Поле-Лодейное—*Лодейное* за тѣмъ, что здѣсь была когда-то знаменитая во времена Петра Великаго олонецкая верфь *лодейная* и корабельная, верфь, изъ которой вышли первые русскіе корабли подъ импе-

раторскимъ флагомъ. И здѣсь опять памятникъ Петру Великому, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ его.

И опять-таки *мелькаетъ* большая и приглядная Новая-Ладога со шлюзами же, съ каналами, маленькій Шлиссельбургъ съ такими же шлюзами... И вотъ за Шлиссельбургомъ длинная цѣпь дачъ, заводовъ, фабрикъ, вотъ петербургская Нева, Невскій монастырь, Невскій проспектъ и — вождѣнный

КОНЕЦЪ ПУТЕШЕСТВІЮ.